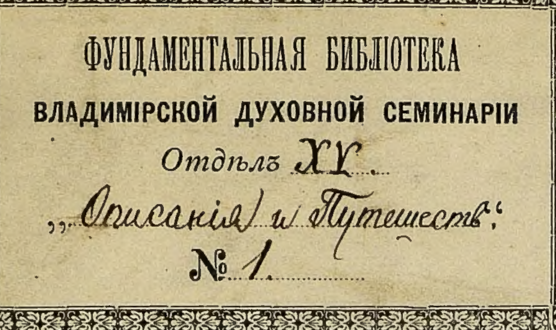
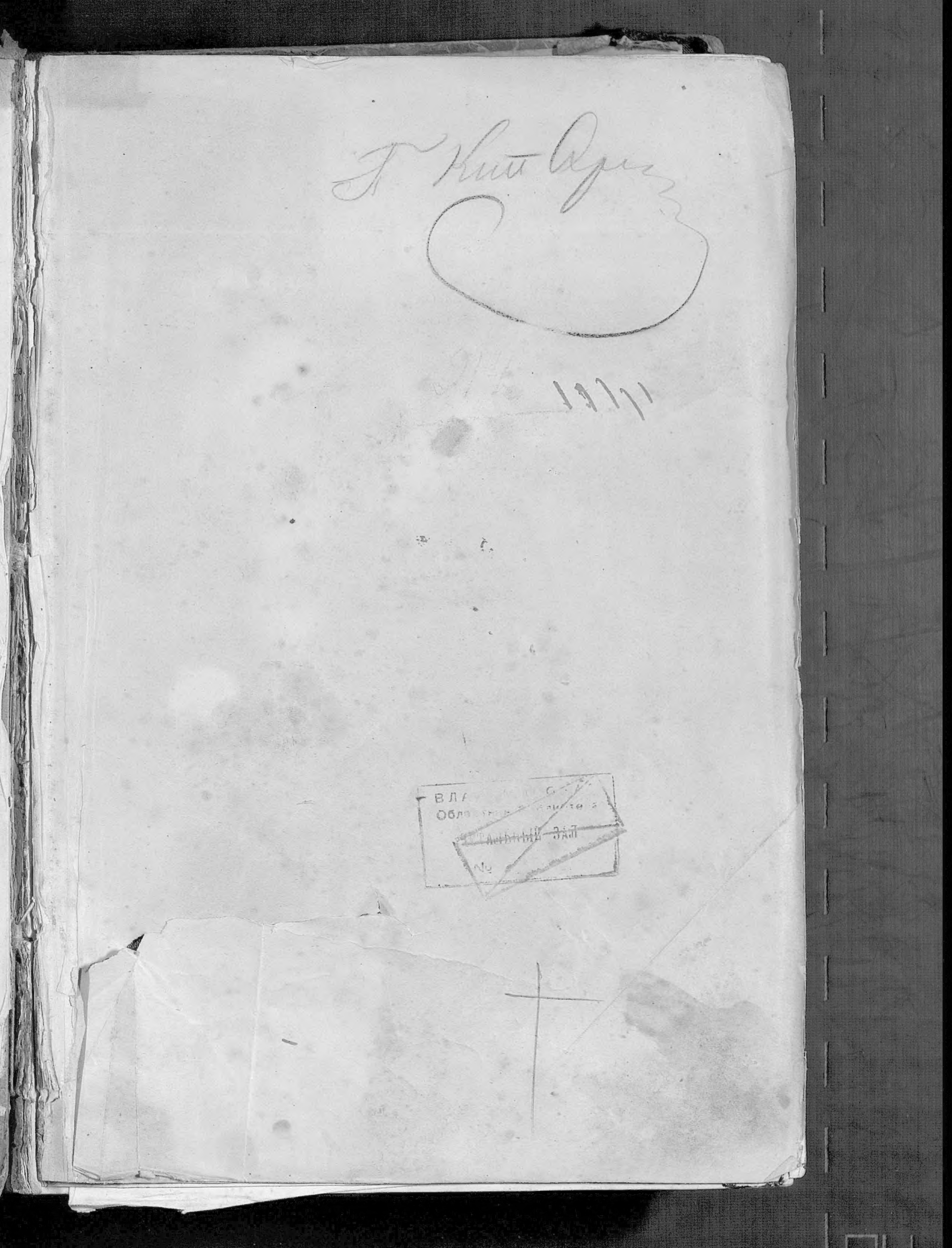
Б 2455
Б 2455



Берегите книгу

Не перегибайте книгу
во время чтения
Не загибайте углов
Не делайте надписей на книге
Не смачивайте пальцев слюною
перелистывая книгу
Завертывайте книгу в бумагу.



ИСПАНІЯ ФРАНЦІЯ ИТАЛІЯ

ГРЕЦІЯ СЕРБІЯ

ЖИЗНЬ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ

ТОМЪ I-й
ЖИТЕЛИ ЮГА

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ

съ 26 рисун. В. М. Васнецова.

РУМЫНІЯ ТУРЦІЯ

ЖИЗНЬ

ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ.

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ.

ТОМЪ I.

ЖИТЕЛИ ЮГА

съ 26 рисунками худ. Васнецова и Голембіовскаго.

3-е изданіе, вновь передѣланное и дополненное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1881.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Апрѣля 1881 г.

Текстъ печатанъ въ типографіи Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, № 39, а рисунки и обертка въ типографіи II Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго труда познакомить читающую публику съ жизнію европейскихъ народовъ. Совершенный недостатокъ такого рода книгъ чувствителенъ не только у насъ, но и въ западной литературѣ. Между тѣмъ какъ безпрестанно появляется множество ученыхъ и популярныхъ сочиненій, рисующихъ намъ до малѣйшихъ подробностей жизнь американскихъ и африканскихъ дикарей: ихъ вѣрованія, обычаи, степень образованія, ихъ общественныя понятія, встрѣчаемъ даже прекрасные ученые труды, знакомящіе насъ съ бытомъ всѣхъ первобытныхъ племенъ, — нѣтъ ни одного сочиненія, заключающаго въ себѣ описаніе жизни всѣхъ европейскихъ народовъ. Правда въ иностранной литературѣ можно найти много сочиненій объ отдѣльныхъ европейскихъ государствахъ, но даже и тутъ вы не встрѣтите полнаго изображенія жизни того или другаго народа, а обыкновенно описываютъ одинъ классъ общества или еще чаще разъясняютъ одну сторону въ положеніи этого класса. Такъ, напр., относительно нѣкоторыхъ странъ подробно говорятъ о фабричныхъ рабочихъ и совершенно умалчиваютъ о земледѣльцахъ; при описаніи другихъ—рисуютъ политическія партіи, государственные перевороты, броженіе умовъ и совершенно упускаютъ изъ виду болѣе глубокія причины этихъ явленій, коренящіяся въ народной жизни. Переводятъ у насъ подобныя сочиненія еще болѣе случайно: иногда выходитъ нѣсколько книгъ по одной и той же странѣ, тогда какъ по другимъ странамъ нѣтъ рѣшительно ни одного описанія. Между тѣмъ у науки не должно быть своихъ любимцевъ: для нея одинаково интересны и храбрый, воинственный черногорецъ, и дикій, необузданный, во многихъ уголкахъ еще совсѣмъ нетронутый образованіемъ албанецъ, и изысканный, переживающій такъ сказать, ультрацивилизацію парижанинъ.

При огромномъ представлявшемся намъ матеріалѣ, мы начертили себѣ планъ, котораго и старались строго придерживаться при описаніи каждаго государства. Задавшись цѣлью изобразить дѣйствительную жизнь каждаго изъ европейскихъ народовъ, мы давали и внѣшнее описаніе главнѣйшихъ городовъ, и вообще такъ-называемыхъ достопримѣчательностей, но настолько, насколько онѣ выражаютъ степень развитія и характеръ народа. Мы обращали также вниманіе и на природу каждой страны, но лишь для того, чтобы указывать ея вліяніе на жизнь человѣка. Тамъ, гдѣ это вліяніе сильнѣе, и описаніе ея у насъ заняло болѣе мѣста; такъ напр. въ очеркахъ о Швейцаріи мы обстоятельно описали Альпы, дали характеристику флоры и фауны, ледниковъ, лавинъ, обваловъ и т. п.

Современная жизнь народа, его понятія, вѣрованія, его семейный и общественный бытъ совершенно непонятны, если мы не знакомы съ прошлою жизнію народа. Поэтому другимъ необходимымъ элементомъ нашей книги мы считали свѣдѣнія историческія. Въ этомъ отношеніи еще легче было увлечься и выйти изъ границъ. Но мы рѣшили касаться исторіи лишь тѣхъ народовъ, прошлое которыхъ менѣе извѣстно, напр. народовъ славянскихъ. Разсказывать въ общихъ чертахъ исторію, напримѣръ, Франціи было бы излишне,—она и безъ того достаточно извѣстна; входить же въ подробности намъ не позволилъ планъ нашей книги. При этомъ мы брали изъ исторіи факты исключительно народной жизни, которые имѣютъ тѣсную связь съ современнымъ положеніемъ народа.

Главная задача нашего труда—дать по возможности полную и всестороннюю картину жизни европейскихъ народовъ, а не однихъ только привилегированныхъ сословій, или образованныхъ классовъ, т. е. познакомить съ понятіями народа, выражающимися въ наиболѣе распространенныхъ его обычаяхъ, въ самомъ складѣ его общественной и семейной жизни, со степенью развитія въ массахъ и съ ихъ экономическимъ положеніемъ. Для этого мы болѣе всего останавливались на различныхъ обрядахъ и обычаяхъ народа, на описаніи одежды, пищи, на народныхъ увеселеніяхъ и суевѣріяхъ, пѣсняхъ, жилищахъ, на домашней обстановкѣ, на положеніи женщины, на отношеніи между собою различныхъ членовъ семьи, на положеніи земледѣльческаго и фабричнаго сословія, на занятіяхъ народа и на главнѣйшихъ предметахъ его промышленнаго производства, наконецъ на характерѣ его политической жизни.

Относительно картинокъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, мы должны сказать, что, при ихъ композиціи гг. Васнецовымъ и Голембіовскимъ, матеріаломъ служили большею частію собранныя нами фотографическія карточки, изображающія дѣйствительныхъ лицъ изъ народа, снятыхъ, какъ образцы типовъ, на мѣстѣ ихъ жительства.

Послѣ предисловія мы прилагаемъ списокъ книгъ и статей, которыми мы пользовались. Мы дѣлаемъ это прежде всего для того, чтобы дать возможность насъ провѣрить, а также и для того, чтобы изба-

вить отъ библіографическихъ затрудненій тѣхъ, которые пожелаютъ подробнѣе ознакомиться съ изложенными у насъ фактами.

Настоящій томъ представляетъ законченное цѣлое—даетъ картину жизни европейскаго юга. Тутъ нашли мѣсто всѣ романскія племена, часть славянскихъ, турки, греки и албанцы. Швейцарія не совсѣмъ подходитъ подъ опредѣленіе страны южной, но за то она по своему смѣшанному населенію представляетъ удобный переходъ отъ народовъ романскихъ къ германской расѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ юга къ сѣверу Европы. Во второмъ томѣ, нынѣ вышедшемъ уже вторымъ изданіемъ. читатели найдутъ описаніе жизни народовъ сѣверо-западной Европы.

Мы отводимъ въ нашемъ трудѣ значительное мѣсто народамъ славянскимъ, за что, конечно, читатель на насъ не посѣтуетъ, такъ какъ этотъ предметъ, въ высшей степени для насъ интересный, еще не былъ у насъ представленъ въ сколько-нибудь цѣльномъ и популярномъ изложеніи.

Множество новыхъ сочиненій, появленіе которыхъ было вызвано интересомъ, возбужденнымъ послѣднею русско-турецкою войною къ народамъ Балканскаго полуострова, дало намъ возможность въ настоящемъ третьемъ изданіи нашей книги почти заново переработать очерки о Турціи, Болгаріи, Черногоріи, Сербіи и Албаніи. Большой передѣлкѣ подверглись также очерки объ Италіи, Португаліи и Франціи, при чемъ на основаніи новѣйшихъ сочиненій преимущественно дополнены свѣдѣнія о нравахъ и положеніи народа.

Елиз. Водовозова.

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

Народы Турціи. Двадцать лѣтъ пребыванія среди Болгаръ, Грековъ, Албанцевъ и Армянъ. Дочери и жены консула. Спб. 1879.

Flandin. L'Orient. Bosphor, Stamboul, Smyrne. in f°. (съ великолѣпными рисунками).

Османъ-бей. Турки и ихъ женщины; султанъ и его гаремъ. Спб. 1874.

Милюковъ. Афины и Константинополь. Спб. 1859.

Тридцать лѣтъ въ гаремѣ. Автобіографія Мелекъ-Ганумъ, жены Кибризли Мегеметъ Паши. Спб. 1874.

Ubicini. Lettres sur la Turquie. 1 part: les Ottomans, 2 part: les Raias. P. 1853—54.

Розенъ. Исторія Турціи, отъ реформы въ 1826 г. до Парижскаго трактата въ 1856, въ 2 ч. Спб. 1872.

Aya Sofia. Constantinople as recently restored by order of the sultan Abdul Medjid from the original drawings by chevalier **Caspard Fossati** in f°. (Текста нѣтъ; одни рисунки, великолѣпно раскрашенные).

Коранъ Магомета, съ примѣчаніями и жизнеописаніемъ Магомета.

Лежанъ. Этнографія Европейской Турціи. Спб. 1868.

Barth. Reise durch das innere der Europäischen Türkei. Berlin. 1864.

Мосоловъ. Отрывки изъ путешествій по восточнымъ областямъ европейской Турціи. Спб. 1868.

Heuschling. L'Empire de Turquie. Brux. et Leipz. 1860.

Galibert. L. et **Pellé.** Constantinople ancienne et moderne. 3 vol., съ рисунками.

Dethier. Der Bosphor und Constantinopel. Deutshe Original. Ausg. Wien 1873.

Rasch. G. Die Türken in Europa. 2 Bd. Prag. 1873.

Kapper. Christen und Türken. Eine Skizzenb. v. d. Save bis eizern. Thor. 2 Th. 1873.

Farley. Modern Turkey. 1872.

White. Ch. Häusliches Leben und Sitten der Türken. Nach. d. Engl. von Reumont. 2 Bde. Berl.

Убичини и Декуртейль. Современное состояніе Оттоманской имперін. 1877.

Карасевичъ. Мусульманское право. 1877.

Dumont. Le Balkan et l'Adriatique. Les Bulgares et les Albanais. L'administration et les campagnes en Turquie. 1873.

Toozer. Researches in the highlands of Turkey. 2 vols. Lond. 1869, съ рисунками

Hahn. Albanesische Studien. Jena. 1854.

Hecquard. La Haute Albanie.

С. Н. Константинопольскія письма. Рус. Вѣст. 1867, № 5.

Карлова. Турецкая провинція и ея сельская и городская жизнь. Вѣст. Евр. 1870 г. №№ 6 и 7.

Березинъ, И. Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. Отеч. Зап. 1855 г. т. 98.

Березинъ, И. Рамазанъ въ Стамбулѣ. Рус. Вѣстн. 1856 г. № 1.

Березинъ, И. Рамазанъ въ султанскомъ дворцѣ и бейрамъ. Рус. Вѣст. 1856 г. № 2.

Лебедевъ. Турція. Отеч. Зап. 1876, № 11.

Остроумовъ. Мухамеданскій постъ Рамазанъ. Прав. Собесѣд. 1875, № 7.

Татары и Черкесы въ Турціи. Слав. Сборн. т. II.

В. Смирновъ. Турки и турецкая цивилизація. Вѣст. Евр. 1876 г. №№ 8 и 9.

Современная Турція въ военномъ, административномъ и политическомъ отношеніяхъ. Воен. Сбор. 1869 г., №№ 7—12.

Мэкензи и Эрби. Путешествіе по славянскимъ областямъ европейской Турціи. Спб. 1878 г. 2 т.

Пыпинъ. Исторія славянскихъ литературъ. изд. 2. Спб. 1879—80.

Каравеловъ. Страницы изъ книги страданій болгарскаго племени. Повѣсти и разсказы. М. 1868.

Kanitz. Donau-Bulgarien und der Balkan. 2-te neu bearbeitete Auflage. 3 Bde 1879—1880 (есть русскій переводъ перваго изд. перваго тома).

Южаковъ. Мѣсяцъ въ Болгаріи. Совр. 1860 г. т. 84.

Даскаловъ. Возрожденіе Болгаръ или реакція въ Европейской Турціи. Руск. Бесѣда 1858 г. т. II, годъ III, кн. 10.

Юридическій бытъ Болгаръ (по **Богишичу**). Записки Рус. Геогр. Общ. по отд. Этногр. т. IV. Спб. 1871.

Гильфердингъ. Боснія, Герцоговина и Старая Сербія. (3-й т. Собранія Сочиненій). Спб. 1873.

Демеличъ. Обычное право южныхъ славянъ по изслѣдованіямъ доктора Богишича. Перев. съ франц. Юридическій Вѣстн. 1876—1877.

Тепловъ. В. Матеріалы для статистики Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи. 1877.

Жинзифовъ. О сѣдѣнкахъ, тлъкѣ, вечеринкахъ, помилькѣ, гадежѣ, сговорѣ и свадебныхъ обрядахъ болгаръ. Извѣст. Общ. Любит. Естествозн. 1874 г. т. 13, ч. I.

Иречекъ. Исторія болгаръ.

Балканскіе Гайдуки. Славянскій Сборн. т. II.

Помаки. Русская Мысль. 1880 г. № 3.

Бобчевъ. Очерки изъ быта болгаръ. Русск. Вѣстн, 1879 г. № 7.

Мошнинъ. Придунайская Болгарія. Славян. Сборн. т. II.

Дриновъ. Болгарія наканунѣ ея погрома. Славян. Сборн. т. II.

Kanitz. Serbien. Historisch-ethnographische Reisestudien aus den Iahren 1859—1868. Mit 40 Illustrationen in Texte, 20 Tafeln und einer Karte. Leipz. 1868.

Ранке. Исторія Сербіи. М. 1857.

Поповъ. Сербія и Россія. Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 г. ч. I и II-я, М. 1869.

Семейная община южныхъ Славянъ. Статья, составленная по книгѣ Утѣшеновича. (Die Hauskommunionen der Südslaven. Wien. 1859). Рус. Бесѣда, 1859 г., книга 16-я.

Милнчевичъ. Семейная община по селамъ сербскимъ. Рус. Бесѣда 1858 г., книга 11-я.

Миличевичъ. Сербская община. Рус. Бесѣда 1859 г., книга 18-я.

Цертелевъ. Кн. Бадній день и божичъ въ Сербіи. Рус. Вѣстн. 1875 г. № 8.

Ровинскій. Два мѣсяца въ Сербіи. Вѣст. Евр. 1868 г. № 11.

Ровинскій. Бѣлградъ, его устройство и общественная жизнь. Вѣстн. Евр. 1870 г. №№ 4 и 5.

Ровинскій. Путешествіе по Сербіи. Вѣст. Евр. 1875 г. № 12.

Общественный и домашній бытъ Сербовъ. Жур. Мин. Нар. Просв. 1856 г. т. 90.

Ламанскій, В. Сербія и южнославянскія провинціи Австріи. Спб. 1864.

Сербское село. Современ. 1865 г. № 5.

Якшичъ. В. О племенномъ составѣ населенія въ княжествѣ Сербскомъ. Записки Русск. Геогр. Общ. по отд. Этногр. Т. III. Спб. 1873.

Розенъ-Чудновскій. Историческій очеркъ элементарныхъ училищъ въ Сербіи. Ж. Мин. Нар. Просв. 1870 г. № 8 и 10.

Состояніе народнаго образованія въ Сербіи.—Юрьевъ день у Сербовъ.—Свадьба у Сербовъ.—Знаніе 1876 г. № 8.

Эпосъ сербскій и болгарскій во взаимномъ отношеніи историческомъ и топографическомъ. Временникъ Имп. Общ. Ист. и Древн. кн. 21-я. М. 1855.

Гербель, Н. Поэзія Славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Славянскихъ народовъ. Спб.

Ковалевскій. Черногорія и Славянскія земли. Спб. 1872.

Поповъ, А. Путешествіе въ Черногорію. 1847.

Медаковичъ. Живот и обичаи Црногораца. Нов. Садъ. 1860.

Rasch. Vom Schwarzem Berge. 1875. (есть и русскій переводъ).

Lenormant. Turcs et Montenegrins. Paris. 1866.

Фриллей и **Влахитн.** Современная Черногорія. Спб. 1876.

Макушевъ. Задунайскіе и Адріатическіе Славяне. Спб. 1867.

Троянскій. Замѣтки изъ путешествія по Далмаціи и Черногоріи. Рус. Вѣст. 1863 г. №№ 11 и 12.

Мармье. Изъ Парижа въ Черногорію. Библ. для Чтен. 1854 г. №№ 4 и 5.

Костичъ. О школахъ въ Черногоріи. Жур. Мин. Нар. Просв. 1873 г. № 9.

Костичъ. Школа и жизнь въ Черногоріи. Славянскій Ежегодникъ. 1877 г., II т.

Задирацкій. Черногорія. Славян. Ежегодн. 1878 г.. III т.

Поповичъ-Липовацъ. Черногорскія женщины. Вѣстн. Европ. 1879 г. № 9 и 10.

Ровинскій. Черты изъ боевой жизни Черногоріи. Русск. Мысль. 1880 г. № 1, 5 и 6.

Rasch. Die Völker der unteren Donau und die orientalische Frage. Breslau. 1867.

Румынія. Разсказы о Бессарабіи, Буковинѣ, Молдавіи и Валахіи. Изд. иллюст. Одесса. 1868.

Le Cler. La Moldo-Valachie. Itineraire, impressions de voyage, moeurs, coutumes, croquis sur nature, recits, aperçu historique. Paris. 1866.

Neigebauer. Die Donau-Fürstenthümer. Gesammelte Skizzen geschichtlich-statistisch-politischen Inhalts. 3 Hefte. Breslau. 1854—55.

Демидовъ. А. Путешествіе въ южн. Россію и Крымъ чрезъ Венгрію, Валахію и Молдавію. Съ рисунками. М. 1848.

Schott. Walachische Märchen. 1845.

Жадовскій. Молдавія и Валахія въ современности. Спб. 1856.

Ozanne. Three years in Roumania. Leipz. 1878.

Schmidt. Das Iahr und seine Tage in Meinung und Brauch der Romänen Siebenbürgens. 1866.

Крестовскій, Вс. Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи. 1879 г. т. I (Описаніе ярмарки въ Бухарестѣ).

Палаузовъ. С. Н. Румынскія господарства Валахія и Молдавія въ историко-полит. отношеніи. Спб. 1859.

Derblich. Land und Leute der Moldau und Walachei. Prag. 1859.

Braun-Wiesbaden. Eine türkische Reise. I. B. Die Donau, Serbien, Rumänien. 1876.

Французъ. Путевые очерки полу-Европы. Собесѣдн. 1877 г. №№ 18, 19, 21—25.

К—севичъ, И. Придунайскія княжества. Бнб. для Чтен. 1860 г. №№ 11 и 12, т. 162.

Thurn. Bilder aus Rumänien. Ausland 1876 №№ 23—24.

Крестьянскій вопросъ въ Молдавіи. Русск. Вѣстн. 1859 г. Октябрь кн. 2-я.

О положеніи крестьянскаго сословія въ Молдавіи. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1858 г. XXIX.

Дунайскія Княжества Молдавія и Валахія. Современ. 1858 г. №№ 4 и 8.

Іонинъ, А. С. О. Куцо-Влахахъ Эпира, Фессаліи и Македоніи. Записки Геогр. Общ. отдѣл. Этногр. Спб. 1873 г. т. III.

Tuckermann. The Greeks of to-day. Lond. 1873.

About. Edm. La Grèce contemporaine. 6-me edit. Paris 1872.

Estournelles de Constant. La vie de province en Grèce. Paris. 1878.

Bybilakis. Neugriechisches Leben, verglichen mit dem Altgriechischen zur Erläuterung beider. Berlin 1840.

Hettner. Herm. Griechische Reizeskizzen. Braunschw. 1853.

Fauriel. C. Chants populaires de la Gréce moderne, recuellis et publiés, avec une traduction française, des eclaircissements et des notes. 2 vols. Paris. 1824 et 1825.

Firmenich Richartz. Neugriechische Volksgesänge. Original und Uebersetzung. 1 Th. 1840, 2 Th. 1867. Berl.

Friederichs. C. Kunst u. Leben. Reisebriefe aus Griechenland, dem Orient und Italien. Düsseld. 1872.

Страшкевичъ. Афины въ отношеніи мѣстности и важнѣйшихъ памятниковъ искуства. Кіев. Унив. Извѣстія.

Гервинусъ. Исторія XIX в. т. V и VI. (Исторія греческаго возстанія).

Н. Письма о Греціи. 1869.

Lenormant. La Gréce et les iles Ioniennes. Paris. 1865.

Тэнъ. Искуство въ Греціи. Перев. Чудинова. Воронежъ. 1874.

Busch. Bilder aus Griechenland, gezechn. Löffler. Triest. 1869.

Legrand. Em. Recueil des chansons populaires grecques. 1 vol. 1874.

Деступисъ, Г. Очерки возрождающейся Греціи. Библ. для чт. 1858. № 5.

Орбинскій, Р. О народности нынѣшнихъ обитателей Греціи. Русск. Слово. 1860 г. № 3.

Сочиненія **Гнѣдича**. Изд. 1854. (Тутъ есть переводы новогреческихъ пѣсенъ).

Майковъ. А. Мотивы изъ народной поэзіи нынѣшнихъ грековъ. Русск. Вѣстн. 1861 г. №. 1.

Burnouf, E. Le brigandage en Grèce. Rev. des deux mondes, 1870 г., 15 Iuin.

Пирей и Афины въ 1863. Кронштадт. Вѣстн. 1867 №№ 11, 16, 19, 25—26, 37—38.

Пирей и его обыватели. Кронштадт. Вѣстн. 1869, № 79.

Gregorovius, Ferd. Wanderjahre in Italien. Leipz. 1864. Bd. I Figuren. Geschichte, Leben und Scenerie aus Italien. Bd. II. Lateinische Sommer. Bd. III. Siciliana. Wanderungen in Neapel und Sicilien. Bd. IV. Von Ravenna bis Mentana.

Löher Franz. Sicilien und Neapel. Münch. 1864. 1 Th. Sicilien. II Th. Neapel.

Francheti. Condizioni economichi delle provinzie Neapolitane.

Kaden. Wandertage in Italien. 1874.

I. v. **Düringsfeld** u. O. Fr. v. **Reinsberg-Düringsfeld**. Ethnographische Curiositäten. Leipz. 1879.

Laveleye. Lettres d'Italie. P. 1880.

Taine. Voyage en Italie. T. I. Naples et Rome. T. II. Florence et Venise. 1866 и 1872. Paris.

Яковлевъ. Италія. Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя. Спб. 1855.

Гепъ. Италія. Взгляды и бѣглые замѣтки. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1872.

Ковалевскій. Картины Италіи.

Hartung. Aus Sicilien. Cultur u. Geschichtsbilder. 1873.

Schneider. Italien in geographischen Lebensbildern. Aus. d. Munde der Reisenden gesammelt. Mit. 14 Illustr. 1863.

Allmers. Römische Schlendertage. Oldenb. 1873

Wey. Fr. Rome. Description et souvenirs. Ouvrage, contenant 352 gravures sur bois. 1873.

Hoffmann. Bilder römischen Lebens. Münster. 1871.

Stahr. Herbstmonate in Oberitalien 2. Verm. Aufl. 1871.

Stahr u. Fanny **Lewald**. Winter in Rom. 2 verm. Aufl. Berl. 1871.

Rasch. Die neue Italien. Berl. 1866.

Italia. Herausgegeben von **K. Hillbrand**. Bd. I, 1874 (статья: **Sonnino**—Das Meiersystem in Toskana). Bd. II, 1875 (статья **Pareto**—Die römische Campagna и ст. **Zumbini**—Die Sila in Calabrien).

Hippeau. L'instruction publique en Italie. P. 1875.

Бранди. Письма о Тосканской мареммѣ. Соврем. 1863 г. т. 97, 1864 г. № 7.

Бранди. Этрурія. Совр. 1862 г. т. 93.

Д-въ. Карнавалъ въ Генуѣ и Миланѣ. Рус. Вѣстн. 1860 г. т. 26.

Іюньскіе праздники въ Римѣ. Рус. Вѣстн. 1867 г. №№ 9, 11 и 12.

Изъ Рима въ Неаполь. Рус. Вѣстн. 1869 г. № 12.

Разбойничество въ Италіи. Время, 1862 г. № 8.

Губернатисъ. Эскизы итальянскаго общества. Вѣстн. Евр. 1873 г., № 1 и 8, 1874 г. № 7.

Андре Лео. Положеніе женщины въ Италіи. Слово, 1879 г. № 11.

Андре Лео. Государственное устройство Италіи. Слово, 1880 г. № 1.

Карѣевъ. Современное состояніе итальянскихъ крестьянъ. Критическое Обозрѣніе, 1877 г.

Leroy-Beaulieu. La population agricole de la Toscane. Rev. des deux mondes, 1870. 15 Janv.

Вулканы Италіи. Сборникъ Природа, 1873 г. т. I.

Современное состояніе школы въ Италіи. Вѣстн. Евр. 1870 г. № 6.

Davilliers. L'Espagne illustrée par **Gustave Doré**. Magnifique vol. in 4°, contenant 309 gravures. Paris. 1874.

Имберъ. Испанія, ея роскошь и нищета. Спб. 1876 г.

Garrido. L'Espagne contemporaine, ses progrés moraux et materiels au XIX siécle. Brux. et Leipz. 1862.

Боткинъ В. Письма объ Испаніи. Спб. 1857 г.

Poitou E. L'Espagne et son peuple. 1873.

Geppert. Reiseneindrücke aus Spanien im Winter 1871—72. Berl. 1872.

Wolzogen. Reize nach Spanien. Lpz.

Gautier Théophile. Voyage en Espagne. Tras los montes. Nouv. edit. 1 magn. vol. in 8° orné de gravures sur acier et de planches de costumes coloriés.

Baumstark. Mein Ausflug nach Spanien im Frühjahr 1867. 2 verb. Aufl. 1869. Regensb.

Rasch. Das heutige Spanien. 2 Ausg. Stuttg.

Teste L. L'Espagne contemporaine. Journal. d'un voyageur. 1872.

Cherbulier. L'Espagne politique. 1868—1873.

Willkomm. Zwei Jahre in Spanien und Portugal. 3 Bd. Dresd. u Leipz. 1847. 2-е изд. 1856 г.

Willkomm. Die Halbinsel der Pyrenäen, eine geograph. statistische Monographie. 1855.

Willkomm. Wanderungen durch die nordöstlichen und centralen Provinzen Spaniens. 2 Bd. 1852.

Wattenbach. Eine Ferienreise nach Spanien und Portugal. Berl. 1869.

Latouche. Travels in Portugal. 1878, third edition.

Lady **Jackson**. Fair Lusitania. A portuguese sketch book. 1874.

Gerstäcker. Reisen um die Welt. Bd. I. Leipz. 1871 (статья о Португаліи).

Minutoli. Portugal u. seine Colonie in Jahre 1854. 2 Bd.

Денегри. Э. Поѣздка въ Испанію. Отеч. Зап. 1868 г. №№ 11 и 12, 1869 г. №№ 2—5 и 8.

Саліасъ гр. Путевые очерки по Испаніи. Русск. Вѣстн. 1874 г. №№ 3, 4, 6 и 9

Борро. Путевыя записки англійскаго миссіонера въ Испаніи. Библ. для чт. 1858 г. т. 147, №№ 1 и 2.

Григоровичъ Уголокъ Андалузіи. Время, 1861 г. № 10.

Каченовскій Д. Разсказы объ Испаніи. Рус. Слово, 1863 г. № 1.

Lavergne. La Portugal et son agriculture. Revue des deux mondes. 1869. 1 Août.

Du Camp Max. Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIX siècle. 5 vols. Paris 1869—1873 (по русски есть сокращенный переводъ въ 2-хъ томахъ).

Нордау. Изъ дѣйствительной страны мнлліардовъ. Парижскіе этюды и очерки. 1880 г.

Mazerolle. La misère de Paris. Les mauvais gites. 1875.

Rodenberg. Paris bei Sonnenschein u. Lampenlicht. 1872.

Hillebrand. Frankreich und die Franzosen in den zweiten Hälfte des XIX Jahrhundert. 1873.

Paris nouveau illustré. Ouvrage orné de 165 gravures sur bois. 1873.

Wright. France illustrated, exhibiting its landscape scenery, antiquities, military and ecclesiastical architecture. Drawings by Th. **Allom**. 2 vols. Lond.

La Normandie illustrée: monuments, sites et costumes, dessinés d'aprés nature par **Benoist**, les costumes par **Lalaisse**. Paris. 1854. 2 vols in f°.

Gregorovius. Corsica. 2 Bd. 1854 и нов. изд. 1874 г.

Михайловъ. Пролетаріатъ во Франціи. Спб. 1869.

Симонъ Ж. Работница въ Европѣ. Перев. Коваленко. Спб. 1874.

Михайловъ А. Ассоціаціи. Спб. 1871 г.

Лавлей. Народное образованіе. Народныя школы, ихъ современное положеніе и относящееся къ нимъ законодательство во всѣхъ государствахъ. Спб. 1873.

Simon J. L'Ecole. 4-me edition. Paris. 1865.

Бонмеръ. Письма о крестьянахъ и земледѣліи во Франціи. Русск. Вѣстн. 1859 г. №№ 2, 9, 10, 15, 16, 19, 21 и 24, 1860 г. №№ 9, 12, 16 и 21, 1861 г. №№ 7, 9 и 12. (Эти статьи послужили главнымъ матеріаломъ при описаніи французскихъ провинцій).

Нордау. Путешествіе по французскимъ провинціямъ. Русская Рѣчь, 1880 г. № 8.

Бропевскій. Общинная собственность во Франціи и Германіи. Жур. Мин. Гос. Им. 1863 г. № 5.

Бернье. Общины и общинныя земли во Франціи. Жур. Мин. Гос. Им. 1859 г. № 6.

Louandre Ch. La France du Nord. La Picardie. Revue des deux mondes. 1873, 1-e Juillet—15-me Août.

Lieber. Eug. L'agriculture française après la guerre. Rev. des deux mondes. 1871, 15 Fevrier.

Современное положеніе рабочей силы въ Европѣ и Америкѣ. По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ. Франція. Вѣстн. Евр. 1873 г. № 8.

Народное образованіе во Франціи (до Луи Рэбо). Заграничн. Вѣстн. 1865 г. № 9.

Ренанъ Э. Высшее обученіе во Франціи, его исторія и будущность. Эпоха, 1864 г. № 5.

Зола. Современная французская молодежь. Вѣстн. Евр. 1878 г. № 4.

Зола. Французскія женщины. Вѣстн. Евр. 1878 г. № 11.

Le Fort Leon. De la mortalite des enfants et de l'industrie des nourrices en France. Rev. des deux mondes. 1870, 15 Mars.

Сеаръ. Парижская молодежь. Слово, 1879 г. № 8.

Baudrillart. La famille et la loi de succession en France. Rev. des deux mondes. 1872, 15 Avr.

Кавелинъ. Очеркъ французскаго университета. Журн. Мин. Нар. Просв. 1862 г. №№ 6, 7 и 11.

Памятники Парижа. Русск. Вѣстн. 1871 г. № 5.

Стасовъ. Столицы Европы и ихъ архитектура (Парижъ). Вѣстн. Евр. 1876 г. № 3.

Триго. Салонъ и общество во Франціи. Дѣло, 1875 г. № 7.

Берлепшъ. Швейцарскія Альпы и Альпійская жизнь. Спб. 1872 г.

Чуди. Альпійскій міръ. Съ картою Швейцаріи и рисунками. Спб. 1873 г.

Тиндаль. Альпійскіе ледники. М. 1866.

Диксонъ. Швейцарія и Швейцарцы. Спб. 1872 г.

Zschokke. Die Schweiz in ihren klassischen Stellen u. Hauptorten geschildert. 1870—1871.

Ковалевскій. Этюды путешественника. Италія и Швейцарія. Спб. 1864

Max Wirth. Beschreibung und Statistik der Schweiz. Zürich. 1871—1873.

Osenbrüggen. Die Schweizer. Daheim und in der Fremde. 1874.

Osenbrüggen. Die Urschweiz. Classischer Boden der Tellsage. 60 Stahlst. von. Hubert. Mit hist.-topogr. Text. Basel. 1870.

Laveleye. De la proprieté et de ses formes primitives. Paris. 1874. (есть и русскій переводъ).

Михайловъ А. Основы образованія въ Европѣ и Америкѣ. Спб. 1874.

Grube. Alpenwanderungen, Fährten auf hohe und höchste Alpensitzen. 1873.

Whymper Ed. Escalades dans les Alpes. Ouvrage traduit de l'anglais par Joanne. Illustr. de 75 gravures. 1872.

Rambert. Les Alpes suisses. Basel. 1871. Съ рисунк.

Runge. Die Schweiz in Original-Ansichten ihr interess. Gegenden. Darmst. 1866—1870.

Vouga. La Suisse illustrée. Vues pit. Bas. 1866—1868.

Frey. Das Schweizerland in Bild und Wort. Dargestellt in maler. Original-Ansichten. Mit geschichtlich.-topo-u. orographisch.-physikalisch. u. ethnographisch. Erläuterungen. 1868—1872.

Weilenmann. Aus der Firnenwelt. 2 Bd. 1871—72.

Гельмгольцъ. Популярныя научныя статьи. Вып. 1-й. Спб. 1866 г. (Статья: Ледъ и ледники).

Д. Е. Очерки Швейцарской жизни и нравовъ. Отеч. Зап. 1868 г. №№ 5 и 7.

Н. З. Народная школа въ кантонѣ Бернъ въ гигіеническомъ отношеніи. Отеч. Зап. 1880 г. № 9.

Обычаи Ури. Заграничн. Вѣстн. 1861 г. № 3.

Нефедовъ. Вопросъ о рабочихъ, рѣшенный въ Ури самими рабочими. Библ. для чтен. 1865 г. №№ 7 и 8.

Brezy. Les torrens des Alpes. Rev. des deux mondes. 1 Juin 1872.

Maunier M. Guillaume Tell. La legende et l'histoire. Rev. des deux mondes, 1 Janv. 1870.

Duvergier de Hauranne. La Suisse et la révision de la constitution. Rev. des deux mondes, 15 Avr. 1873.

Ida Düringsfeld u. O. **Reinsberg-Düringsfeld.** Hochzeitsbuch. Brauch und Glaube der Hochzeit bei den christlichen Völkern Europa's. Leipz. 1871.

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТУРЦІЯ.

АЛБАНІЯ.

БОЛГАРІЯ.

СЕРБІЯ.

ЧЕРНОГОРІЯ.

РУМЫНІЯ.

ГРЕЦІЯ.

ШВЕЙЦАРІЯ.

ИТАЛІЯ.

Стр.

ИСПАНІЯ.

ПОРТУГАЛІЯ.

ФРАНЦІЯ.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТУРЦІЯ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Какое впечатлѣніе производитъ этотъ городъ.—Значеніе водъ для Константинополя.—Изнанка турецкой столицы. — Улицы. — Дома. — Собаки. — Нищіе. — Пера и Галата. — Улицы ночью. — Базары. — Безестенъ и базаръ оружій. — Совершенный упадокъ промышленности и торговли. — Молитва магометанъ. — Какое значеніе имѣетъ для турка его кейфъ. — Кіоски. — Турокъ на улицѣ и дома.

Ни одинъ городъ въ мірѣ не представляетъ такихъ крайнихъ противоположностей, какъ Константинополь. По единодушному отзыву всѣхъ путешественниковъ — это городъ, полный замѣчательнаго великолѣпія и блеска и въ тоже время невообразимой грязи и крайней нищеты. На каждомъ шагу вы тамъ встрѣтите то поразительную, своеобразную красоту природы, то сцены, до глубины души возмущающія душу и унижающія всякое человѣческое достоинство. Впрочемъ первое впечатлѣніе обыкновенно бываетъ чрезвычайно пріятное.

Прежде чѣмъ подъѣхать къ Босфору, вы оставляете позади себя Принцевы острова, которые, точно корзины съ роскошною зеленью, плаваютъ въ Мраморномъ морѣ. Но вотъ вы повернули налѣво, на голубую водную площадь Константинопольскаго залива, который называется Золотымъ Рогомъ, и бросили тутъ якорь среди цѣлаго лѣса мачтъ съ разноцвѣтными флагами всѣхъ націй. Не только Венеція съ своими мраморными дворцами среди волнъ, но, по мнѣнію многихъ, даже и Неаполь съ своими волшебными окрестностями и вѣчно дымящимся, грознымъ Везувіемъ, не очаруетъ васъ такъ, какъ Константинополь въ первую минуту!

Этотъ городъ разсыпанъ на возвышенныхъ холмахъ и раздѣленъ Константинопольскимъ проливомъ на двѣ главныя части: на европейскую и азіятскую. Европейскую часть можно назвать всемірнымъ портомъ, такъ какъ тутъ можно видѣть представителей всѣхъ частей свѣта.

Чудныя воды—самое лучшее украшеніе этого города. Голубое море вторгается въ него съ разныхъ сторонъ и тѣмъ придаетъ каждой его части особую, характерную физіономію. То вбѣгаетъ оно въ середину его заливами, то принимаетъ въ себя рѣчки,

которыя тихо катятся по предмѣстьямъ, огибая мысы и островки, застроенные древними зданіями; часто волны смѣло подходятъ къ подножію кіосковъ *) и башенъ, и серебрянныя брызги влетаютъ въ отворенныя окна домовъ.

Что ни шагъ, то новая, невыразимо прекрасная картина! Тутъ множество небольшихъ рѣчекъ и ручейковъ блещутъ и сверкаютъ среди сумрачной зелени; тамъ громадная мечеть таинственно смотрится въ неподвижную воду залива, по которому мелькаютъ быстрые каики (лодки). Но вотъ поверхность сонныхъ водъ вдругъ рябится длинными полосами, вы думаете, что откуда нибудь подулъ вѣтерокъ, но вмѣсто бѣлоголовыхъ валовъ показываются тысячи черныхъ, блестящихъ треугольниковъ, и въ ту же минуту цѣлое стадо дельфиновъ подымаетъ изъ воды свои головы, чтобы подышать воздухомъ. Черезъ мгновеніе они начинаютъ кувыркаться, прыгать и прятаться въ волнахъ, которыя они поднимаютъ, забавляясь и рѣзвясь между собою. Нѣкоторые изъ нихъ вдругъ бросаются за каикомъ и долго, долго его провожаютъ. Также разнообразятъ эту прелестную картину чайки, крикливыя стаи которыхъ покрываютъ море и набережныя. Надъ чудною голубою водяною площадью, замкнутой слѣва сералемъ **), подымается городъ, расположенный амфитеатромъ на семи холмахъ: онъ представляетъ огромную массу строеній, а развалившіяся стѣны опоясываютъ его кругомъ, — и все это утопаетъ въ роскошной зелени. Только тамъ и сямъ живописно возвышаются раззолоченные кіоски да мечети (магометанская церковь), окруженныя тѣнистыми садами, и ярко сверкаютъ на солнцѣ своими золотыми полумѣсяцами. Тонкія иглы минаретовъ ***), представляются взору какими-то исполинскими свѣчами изъ бѣлаго воска и волшебно сверкаютъ въ чудной синевѣ неба.

Позади, на азіятскомъ берегу, тянется другой, слегка выгнутый амфитеатръ строеній, необыкновенно граціозно и фантастично осѣненный и испещренный зеленью. Съ своими чудными водами и необъятными мечетями, съ стройными кипарисами и древними башнями, наконецъ съ своими плѣнительными долинами, по которымъ разгуливаютъ люди чуть ли не всѣхъ націй, Константинополь необыкновенно поражаетъ путешественника и переноситъ его въ какой-то сказочный міръ, ни съ чѣмъ другимъ не имѣющій сходства.

Съ одной стороны Константинопольскій портъ, названный Золотымъ Рогомъ, представляетъ глубокую перспективу многихъ тысячъ домовъ и кораблей, откуда отлично видно предмѣстье Эюбъ, надъ которымъ возвышаются холмы Стамбула и Перы; затѣмъ взоры утопаютъ въ горизонтѣ Мраморнаго моря. Азіятскій берегъ отсюда своеобразно живописенъ: онъ является вамъ безконечною цѣпью цвѣтущихъ холмовъ, предмѣстій, долинъ и садовъ. Взглянете вы послѣ этого на Босфоръ, и васъ приковываетъ къ себѣ его живая, кипучая дѣятельность: легкіе каики (турецкія лодки) легко и ловко скользятъ по гладкой поверхности, съ какою-то нѣгою покачивая гребцовъ въ полосатыхъ рубахахъ и турокъ въ фескахъ ****) или въ бѣлыхъ чалмахъ *****), которые сидятъ на разостланныхъ коврахъ и подушкахъ, поджавъ подъ себя ноги калачикомъ.

Теперь заглянемъ внутрь города, пройдемся по его улицамъ, приглядимся къ его жизни и движенію.

---

*) Кіоскъ — родъ бесѣдки съ выдавшеюся впередъ разукрашенною и раззолоченною крышею. Внутри эти кіоски бываютъ иногда отдѣланы съ необыкновенною роскошью.

**) Дворецъ султана.

***) Съ высоты этихъ минаретовъ магометанамъ пять разъ въ день возвѣщаютъ о началѣ молитвы.

****) Феска—плотно прилегающій въ бритой головѣ колпакъ съ цвѣтною кисточкою.

*****) Чалма—перекрученный платокъ, которымъ нѣсколько разъ обвертываютъ голову.

Чѣмъ сильнѣе былъ вашъ восторгъ при видѣ Константинополя съ моря, тѣмъ сильнѣе будетъ разочарованіе, когда вы его увидите вблизи. О площадяхъ здѣсь нѣтъ и помину. Весь городъ состоитъ изъ тѣсныхъ, кривыхъ закоулковъ, небрежно вымощенныхъ камнемъ, съ грудами мусора, костей, гнилыхъ овощей и другихъ нечистотъ: все это выбрасывается здѣсь безъ всякой церемоніи прямо на улицы, которыя рѣдко метутся, такъ что вся эта дрянь часто здѣсь перегниваетъ. Все это, разумѣется, страшно заражаетъ воздухъ, поддерживаетъ чуму и другія страшныя мѣстныя болѣзни. Нечистота и смрадъ еще болѣе увеличиваются отъ несмѣтнаго числа отвратительныхъ, паршивыхъ собакъ, которыя въ каждомъ закоулкѣ, на каждомъ перекресткѣ цѣлыми десятками грызутся между собой и разрываютъ нечистоты. И тутъ подлѣ нихъ валяются также десятками и такія же грязные, худые, искалѣченные и паршивые, какъ собаки (какъ ни ужасно это слово въ примѣненіи къ человѣку), —нищіе. Собакъ и нищихъ здѣсь отъ того такъ много, что тѣ и другіе пользуются благотворительностію правовѣрныхъ (такъ называютъ себя сами магометане). Ихъ религія, какъ на одну изъ самыхъ главныхъ обязанностей человѣка, указываетъ на милостыню,— вотъ турки и подаютъ милостыню одинаково щедро, какъ собакамъ, такъ и нищимъ. Ясно, что по этому самому число тѣхъ и другихъ неимовѣрно увеличивается съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ милостыня все скуднѣе прокармливаетъ этихъ несчастныхъ существъ и видъ ихъ становится все болѣе ужаснымъ. У кофеенъ, при входахъ въ мечети, на ступеняхъ фонтановъ, бань и кіосковъ, вы всюду встрѣчаете почти голыхъ нищихъ, съ татуированной грудью, съ отвратительными ранами на обнаженномъ тѣлѣ. Чтобы возбудить состраданіе прохожихъ, они протягиваютъ руку за милостынею, выставляя на показъ зіяющія раны и самыя отвратительныя болѣзни. Особенно трудно отбиться отъ нихъ на многолюдныхъ пунктахъ. Они хватаютъ прохожихъ за фалды, за руки, заграждаютъ дорогу и настойчиво требуютъ подаянія. Калѣки во всѣхъ направленіяхъ ползаютъ по улицамъ и обхватываютъ колѣни прохожихъ. Вы добрались до кофейни и думаете, что эта громадная толпа жалкихъ, неотвязчивыхъ существъ оставитъ васъ наконецъ въ покоѣ и садитесь отдохнуть на низенькій соломенный стулъ передъ турецкою кофейнею. Не тутъ-то было: десятки дѣтей-попрошаекъ обоего пола, въ ту же минуту бросаются къ вамъ, цѣлуютъ вамъ плечи, ноги и протягиваютъ руки за милостынею. Если вы бросите горсть піастровъ, тогда уже вамъ рѣшительно никуда нельзя будетъ и пройти—такъ плотно, со всѣхъ сторонъ окружитъ васъ эта назойливая армія нищихъ.

На узкихъ улицахъ Константинополя нищіе, собаки, ослы и гамалыки (носчики кладей, ломовые) — самое характерное явленіе. Собакъ такъ много, что онѣ не обращаютъ уже никакого вниманія на пѣшеходовъ, которые тамъ, гдѣ онѣ преграждаютъ имъ дорогу, совершенно покойно перескакиваютъ черезъ нихъ. Такъ много попадается на улицахъословъ и гамалыковъ, потому что посредствомъ тѣхъ и другихъ переносятъ и перевозятъ здѣсь всевозможныя тяжести. Съ утра до вечера по узкимъ Стамбульскимъ улицамъ тянутся ослы одинъ за другимъ. Но что это? За безконечною вереницей этихъ животныхъ вы вдругъ видите огромныя корзины съ зеленью, плодами и съѣстными припасами, которыя, какъ вамъ кажется, движутся сами собой... Между тѣмъ ихъ тащутъ тѣ же ослы, но они такъ нагружены, что ихъ совсѣмъ не видать подъ корзинами фруктовъ и зелени. Между навьюченными ослами, тамъ и здѣсь, пробираются согнутые въ три погибели гамалыки, которые переносятъ громадные тюки, ящики, длиннѣйшія полосы желѣза, камни, кирпичъ, мебель, доски и т. п. Нерѣдко четверо ломовыхъ несутъ тяжесть, привязавъ ее къ двумъ шестамъ, положеннымъ на ихъ плечи. По всѣмъ улицамъ постоянно раздается ихъ крикъ «берегись», и не вы-

крикивай они этого предостереженія, пѣшеходъ легко могъ бы ушибиться, такъ какъ нельзя сдѣлать и сотни шаговъ, не встрѣтившись съ этими носильщиками.

Чрезвычайно грустное зрѣлище представляютъ дома вблизи. Вдоль улицъ тянутся въ два ряда деревянные домики грязно-краснаго цвѣта, сколоченные изъ дурно обтесанныхъ досокъ, съ зелеными рѣшетками въ окнахъ. Верхніе этажи какъ-то аляповато выступаютъ впередъ; кіоски, такъ восхищающіе издали, оказываются безобразными старыми постройками; зубчатыя стѣнки, такъ мило выглядывавшія на синевѣ моря, теперь оказываются просто развалившимися стѣнами какой-нибудь самой ничтожной постройки. Правда, что и въ самыхъ грязныхъ улицахъ, подлѣ цѣлой кучи нестройныхъ, полуразвалившихся избушекъ, очень часто встрѣтишь мраморные кіоски, великолѣпную мечеть и изящный арабскій фонтанъ, но всякое болѣе или менѣе красивое зданіе обставлено грязными лавченками или грудами обгорѣлыхъ бревенъ отъ пожаровъ, которые при множествѣ деревянныхъ построекъ случаются тутъ почти каждый день. Да наконецъ безъ дворцовъ и фонтановъ Константинополь походилъ бы не на столицу, а на безпорядочныя палатки цыганъ или какихъ-нибудь другихъ кочевниковъ, которые ужъ черезъ-чуръ долго загостились на одномъ мѣстѣ.

Но что же дѣлается на улицахъ? Тамъ и здѣсь разгуливаютъ турчанки съ опущенными покрывалами, въ цвѣтныхъ плащахъ, дервиши въ коническихъ войлочныхъ колпакахъ, нищіе и калѣки, люди различныхъ національностей, но болѣе всего грековъ и армянъ. А вонъ другъ за другомъ цѣлою вереницею тянутся ослы, нагруженные сложенными на спинѣ крестъ на крестъ досками, которыя чуть-чуть не задѣваютъ дома. Всѣхъ этихъ ословъ старается опередить необыкновенно странный экипажъ. На высокихъ, тяжелыхъ колесахъ, безъ рессоръ, поставленъ огромный досчатый ящикъ съ рамами и съ парусинными занавѣсками, разукрашенный позолотой и рѣзьбой и запряженный парою воловъ пепельнаго цвѣта. Волы эти въ свою очередь тоже разукрашены очень оригинально: разными побрякушками, цвѣтными кистями, блёстками изъ фольги и суконными тесемками яркихъ цвѣтовъ; вокругъ шеи ихъ виситъ множество амулетовъ, чтобы предохранить отъ дурнаго глаза. Такой экипажъ называется *арба* и бываетъ обыкновенно биткомъ набитъ дѣтьми и турчанками въ яркихъ одеждахъ. А вонъ катитъ и болѣе изящный турецкій экипажъ — карета, красная снаружи и позолоченная внутри; въ ней сидятъ турчанки болѣе высокаго полета: жены султана (магометане, какъ увидимъ ниже, имѣютъ по нѣскольку женъ) или какого-нибудь другаго сановитаго турецкаго вельможи. Карета запряжена великолѣпными лошадьми, а очень часто и прекрасными волами: рога у нихъ вызолочены, а сами они украшены разноцвѣтною сбруею и небольшими зеркалами на лбу; при всякомъ такомъ экипажѣ непремѣнно находится стражъ, который зорко глядитъ, чтобы къ его каретѣ не подошелъ какой-нибудь мужчина. Да не только подойти, даже посмотрѣть на женщину здѣсь можетъ только ея мужъ, — взглядъ посторонняго мужчины считается преступленіемъ. Вотъ потому-то всѣ женщины покрываютъ здѣсь лицо *яшмакомъ*, т. е. покрываломъ, при которомъ только глаза и ротъ остаются свободными. Между экипажами пробираются всадники съ длинными бородами и въ бѣлыхъ чалмахъ, а другіе въ алыхъ фесахъ съ синими кисточками. Женщины въ свѣтлозеленыхъ, палевыхъ, розовыхъ и голубыхъ *фередже* (плащъ, который сплошь покрываетъ весь женскій костюмъ), изъ подъ котораго выглядываетъ пара цвѣтныхъ туфель. Походите дольше по улицамъ, и вы увидите всю промышленность столицы. На огромномъ дворѣ каменьщики высѣкаютъ памятники изъ бѣлаго мрамора для мусульманскихъ кладбищъ; далѣе оружейные мастера выдѣлываютъ сабли; сзади мѣдники оглушаютъ стукомъ своихъ молотовъ. И весь этотъ шумъ и стукъ рабочихъ, крики купцовъ, заманивающихъ въ свои лавки (мы

говоримъ о купцахъ изъ грековъ или изъ армянъ, — турки же важно сидятъ по лавкамъ), сливается въ оглушительный концертъ, который вполнѣ замѣняетъ собою грохотъ экипажей о каменныя мостовыя въ европейскихъ столицахъ. Впрочемъ тутъ есть и издѣлія, которыя изготовляются безъ всякаго стука; я говорю о выдѣлываніи янтарныхъ мундштуковъ и трубокъ изъ черешневыхъ и жасминныхъ тростей и всѣхъ принадлежностей дымныхъ наслажденій турка, которымъ онъ удѣляетъ большую часть своего времени. Поэтому производство трубокъ и мундштуковъ во всей Турецкой Имперіи пользуется огромною извѣстностью и поощряется всѣми жителями отъ послѣдняго бѣдняка до перваго богача. И дѣйствительно, ни въ одной странѣ въ мірѣ всѣ эти курительныя принадлежности не достигли такого разнообразія формъ, причудливыхъ украшеній, тонкой, изящной отдѣлки, какъ въ Константинополѣ.

Все, что мы говорили до сихъ поръ, дало намъ нѣкоторое понятіе о характерѣ и физіономіи турецкой столицы вообще, теперь скажемъ нѣсколько словъ о Перѣ, которая считается лучшею ея частью. Константинополь, какъ извѣстно, раздѣляется на двѣ половины, представляющія два совершенно различныхъ мірка: на Перу — средоточіе всего пришлаго и той части европейскаго населенія, которое надолго или навсегда поселилось въ Константинополѣ, и на Стамбулъ—гнѣздо чисто турецкаго, или, вѣрнѣе сказать, азіятскаго люда, такъ какъ нѣкоторые его кварталы переполнены армянами и евреями, а другіе исключительно турками. Такъ какъ Перу населяютъ большею частью европейцы, ее называютъ «европейскимъ городомъ». Эта часть столицы отличается необыкновенно смѣшаннымъ населеніемъ. Даже владѣльцы здѣшнихъ ресторановъ, кофеенъ, магазиновъ — всѣ почти иностранцы. Пера также центръ толмачей и чичероне, мѣсто жительство всѣхъ проживающихъ въ Константинополѣ иностранцевъ. Но и эта европейская часть города, какъ и вся столица, носитъ на себѣ азіятскій отпечатокъ. Пожары, этотъ страшный бичъ всѣхъ турецкихъ городовъ, не щадятъ и Перы: они такъ часто повторяются здѣсь, что вы то и дѣло встрѣчаете множество построекъ, полуобгорѣлыхъ а часто и совсѣмъ въ развалинахъ; нерѣдко попадаются вамъ даже большія, совершенно выжженныя пространства. Еще недавно Пера не освѣщалась, и человѣку, желающему по неотложеннымъ дѣламъ пройти даже вечеромъ по этой европейской части города, приходилось брать съ собою фонарь и, такимъ образомъ освѣщая себѣ дорогу, пробираться между провалами и ямами на улицахъ. Съ помощью этихъ фонарей пробираются и теперь еще по улицамъ Стамбула, но теперь Пера освѣщается газомъ.

Въ этой части города можно встрѣтить не мало прекрасныхъ и богатыхъ домовъ европейской архитектуры. Но они какъ-то совсѣмъ теряются въ массѣ деревянныхъ, перекосившихся на бокъ построекъ. Немало попадается въ Перѣ и ресторановъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ большаго сада, какъ это обыкновенно бываетъ въ ресторанахъ большихъ городовъ. Кафе-шантаны, по своей нищенской, неряшливой обстановкѣ, напоминаютъ трактиры низшаго разряда. Въ окнахъ двухъ, трехъ небольшихъ книжныхъ магазиновъ виднѣются только плохіе французскіе романы. Главная улица называется «большая улица Перы», вѣроятно, вслѣдствіе своей длины, такъ какъ она тянется версты на двѣ. Не смотря на это, она представляетъ ничто иное, какъ узкій, длинный, извилистый подъемъ съ Босфора и спускъ къ Золотому Рогу, неряшливо устланный крупнымъ булыжникомъ, съ такими выбоинами, что нужно весьма и весьма изловчиться, чтобы ходить по немъ, не расшибивъ себѣ ногъ до крови. Къ тому же эта «большая улица» такъ узка, что вполнѣ безопасно по ней могутъ разъѣхаться только два экипажа. Хорошо еще, что при этомъ нечего опасаться попасть подъ колеса экипажей; они проѣзжаютъ здѣсь рѣже, чѣмъ въ какой бы то ни было

европейской столицѣ; а наконецъ, если они и показываются, то плетутся такъ медленно, и кучеръ такъ громко кричитъ свое предостереженіе пѣшеходамъ, что всегда успѣешь во время посторониться.

«Богатые, свѣтлые магазины, обставленные по европейски, встрѣчаются нерѣдко, но они часто расположены бокъ-о-бокъ съ маленькими лавчонками фруктовъ, табака и галантерейныхъ товаровъ, которые въ удивительномъ разнообразіи перемѣшиваются съ мастерскими и съѣстными заведеніями, гдѣ въ присутствіи публики изготовляютъ кушанья, между которыми шипящая на вертелѣ баранина чаще всего бросается въ глаза. Съѣстныя заведенія составляютъ здѣсь постоянный источникъ уличной нечистоты, такъ какъ изъ нихъ нерѣдко прямо на улицу выбрасываются помои и объѣдки; въ иныхъ мѣстахъ по стѣнамъ домовъ развѣшаны принадлежности туалета мужскаго и женскаго, которыя въ видѣ парусовъ и флаговъ свободно развѣваются по воздуху.

За тѣмъ большинство остальныхъ улицъ, перекрещивающихъ въ разныхъ направленіяхъ Перу, походятъ скорѣе на темныя горныя ущелья съ крутыми подъемами и спусками. Въ нихъ уже совсѣмъ нѣтъ мѣста экипажамъ, а только верхомъ еще здѣсь можно проѣхать. На этотъ случай въ такихъ мѣстахъ стоятъ осѣдланныя лошади, лошаки и ослы».

Изъ Перы въ Стамбулъ ведутъ черезъ Золотой Рогъ два моста: желѣзный и деревянный. Самое большое оживленіе народа можно видѣть на деревянномъ мосту. Около него безпрестанно пристаютъ пароходы, отправляющіеся во всѣ окрестности столицы, куда на лѣтнее время многіе переселяются изъ города. Самый мостъ и площадка передъ нимъ пестрѣетъ всевозможными, самыми яркими цвѣтами верхнихъ одеждъ турчанокъ, которыя толкутся здѣсь цѣлый день, то садясь на пароходы, то высаживаясь изъ нихъ. Во многихъ мѣстахъ стоятъ кадки съ мороженымъ, и около нихъ полунагіе продавцы приглашаютъ публику обратить вниманіе на ихъ товаръ. Замѣтимъ кстати, что тутъ не рѣдкость встрѣтить человѣка совершенно голаго, даже безъ лохмотьевъ у по яса. Когда вы съ удивленіемъ спрашиваете у турка о причинѣ такого явленія, онъ отвѣчаетъ вамъ, что это «человѣкъ божій, что онъ презираетъ суету мірскую, чтобы имѣть полное право наслаждаться въ раю Магомета». Такому человѣку никто не отказываетъ въ милостынѣ.

Газетчики выкрикиваютъ газеты, которыя имѣются у нихъ *въ этотъ день* въ продажѣ. Мы говоримъ *въ этотъ день*, потому что въ Константинополѣ выходитъ не мало такихъ газетъ, существованіе которыхъ ограничивается лишь нѣсколькими днями. Мальчики предлагаютъ мелочной товаръ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ стойки, на которыхъ разложена мелочь. Иной торговецъ распредѣлитъ свой товаръ: щетки, гребенки, стаканы, подсвѣчники, подносы, мундштуки и т. п. на двѣ группы и кричитъ: «что ни возьмешь на этомъ краю—60 пара *); а на томъ концѣ—одинъ піастръ!» Затѣмъ на протяженіи всего моста стоятъ, сидятъ и даже лежатъ всевозможныхъ родовъ калѣки.

Подходя къ противоположному концу моста, вы дохнете отвратительнѣйшимъ смрадомъ, что происходитъ отъ стоячей воды и нечистотъ, и вступите на Стамбульскую землю. Тутъ стоятъ дилижансы конно-желѣзной дороги, разгороженные на двое—для мужчинъ и для женщинъ. Съ сѣверной стороны Пера примыкаетъ къ низменной части европейскаго города, Галатѣ. Здѣсь биржа, банкирскія конторы, склады товаровъ, разныя агентства; здѣсь проживаютъ судохозяева и останавливаются матросы. Нигдѣ не встрѣтишь такой пестроты костюмовъ, такого разнообразія типовъ, какъ въ этомъ

---

*) Пара — сороковая часть піастра, а піастръ на наши деньги составляетъ около шести копѣекъ.

замкнутомъ мірѣ! Здѣсь царство нищеты! Ночлегъ тутъ можно имѣть совсѣмъ даромъ—на мостовой, безъ всякаго опасенія быть раздавленнымъ лошадьми, которыя здѣсь не появляются; тутъ даже вьючныхъ ословъ и поденьщиковъ съ кладями не видно. Но за то улицы и переулки этой части города запружены оборванцами и подозрительными личностями обоего пола, изъ которыхъ одни снуютъ взадъ и впередъ, другіе-же растянулись на мостовой, гдѣ нибудь въ сторонѣ.

Какъ въ Константинополѣ, такъ и во всѣхъ городахъ турецкой имперіи и днемъ оживленіе на улицахъ далеко не такъ велико, какъ въ другихъ европейскихъ столицахъ, а къ вечеру такъ оно и вовсе стихаетъ. Когда совсѣмъ уже смерклось, на самыхъ людныхъ улицахъ, тамъ и здѣсь, можно встрѣтить лишь запоздавшихъ гдѣ нибудь и возвращающихся домой прохожихъ. Конно-желѣзныя дороги проложены въ Константинополѣ, какъ въ Стамбулѣ, такъ и въ Перѣ, почти вездѣ по окраинамъ, однимъ словомъ тамъ, гдѣ не встрѣчается препятствій отъ крутой мѣстности. Поэтому въ сумерки, когда наступаетъ темень, если и есть кое-какое освѣщеніе въ турецкой столицѣ, то это по окраинамъ; вся же остальная часть Стамбула съ вечера погружается въ полнѣйшій мракъ. Поэтому всякій, кто идетъ по городу вечеромъ или ночью, долженъ имѣть зажженный фонарь, иначе его могутъ арестовать. Кто забылъ запастись фонаремъ, выходя изъ дому, можетъ купить его подлѣ перваго моста и во многихъ другихъ пунктахъ за 3 коп. Даже собаки такъ привыкли къ этимъ блуждающимъ огонькамъ, что съ остервенѣніемъ нападаютъ и лаютъ на каждаго проходящаго безъ фонаря и совершенно оставляютъ въ покоѣ всѣхъ, кто идетъ съ огнемъ. И такъ въ Константинополѣ, вечеромъ, когда стемнѣетъ, въ разныхъ направленіяхъ видишь эти движущіеся огоньки, которые только одни и указываютъ, что здѣсь живетъ народъ, такъ какъ во всемъ остальномъ не замѣчаешь никакихъ признаковъ жизни: магазины, дома, лавки, турецкіе рестораны—все съ сумерками наглухо закрывается.

Но чтобы составить себѣ еще болѣе ясное понятіе о Константинополѣ, необходимо посѣтить здѣшніе базары и рынки. Тутъ тѣже контрасты, какъ и въ другихъ мѣстахъ столицы: пестрота и грязь, необыкновенный смрадъ и въ то же время чудное благовоніе лавокъ, гдѣ продаются разныя душистыя эссенціи и розовыя масла,—проблески восточной роскоши и нищеты. Въ самой толпѣ, которая наполняетъ эти рынки, вы встрѣтите тѣже діаметрально-противоположныя крайности. Посреди грековъ, армянъ, евреевъ, которые бѣгаютъ, суетятся, выкрикиваютъ похвалы своимъ товарамъ, чинно проходятъ настоящіе турки Стамбула, всегда величавые, спокойные, необыкновенно молчаливые. Они никогда не затеряются въ общей массѣ базарнаго населенія, ихъ всегда можно узнать: продаютъ ли они свой товаръ, покупаютъ ли, прогуливаются или отдыхаютъ! Вездѣ, гдѣ есть только возможность присѣсть и закурить трубку,—турокъ сядетъ, задумается и начнетъ пускать дымъ въ проходящихъ. Онъ не разговорится съ прохожимъ, не станетъ сообщать ему политическихъ новостей, не только никогда горячо ни съ кѣмъ не заспоритъ, но часто и на сдѣланный вопросъ не обращаетъ вниманія, а продолжаетъ курить трубку, безразлично уставившись въ пространство. А если онъ и отвѣтитъ, то чрезвычайно кратко, чаще всего только «да» или «нѣтъ», да и проговоритъ-то это, не поворачивая головы, не удостоивши ни единымъ взглядомъ того, кто съ нимъ заговорилъ. Оторвать турка отъ трубки и вывести изъ задумчивости можетъ только пожаръ въ двухъ шагахъ отъ него, да еще развѣ призывъ къ молитвѣ. Какимъ вы видите его здѣсь, такимъ онъ вездѣ. Вонъ подъ широкимъ навѣсомъ платана сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, нѣсколько молодыхъ турокъ. Они ни объ чемъ не спорятъ, не разговариваютъ между собою, а курятъ и дремлютъ, да отъ времени до времени, чтобы совсѣмъ не заснуть, развлекаютъ себя

нѣсколькими глотками крѣпкаго, чернаго кофе: эту дремоту они предпочитаютъ даже сну. Турки — это первый народъ въ мірѣ по умѣнью отдыхать и всецѣло предаваться нѣгѣ, самоуслажденію, т. е. кейфу. Въ эти блаженныя для турка минуты ему не только лѣнь двигаться и говорить, но даже и думать.

Послѣ типичныхъ, оживленныхъ и энергическихъ лицъ испанцевъ, итальянцевъ и вообще всѣхъ южныхъ жителей, европейца необыкновенно поражаютъ турки, особенно если онъ наблюдаетъ ихъ во время продолжительнаго кейфа. Да и какъ не изумиться: сколько бы часовъ сряду ни отдыхалъ турокъ, онъ всегда сидитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и непремѣнно молча куритъ, прихлебывая черную гущу изъ чашки чуть-чуть побольше наперстка или жуетъ разныя сласти. И во все это время лицо его ни разу не отуманится грустью, никогда не блеснутъ глаза радостью, злостью или какою другою страстью. Никогда не прочтете вы въ нихъ никакого признака отчаянія, рѣшимости, какой нибудь мысли.... однимъ словомъ полное отсутствіе какого бы то ни было движенія ума или сердца. Съ жвачкой во рту, съ неопредѣленно-устремленнымъ взоромъ въ одну точку, турокъ въ такія минуты гораздо болѣе походитъ на животное, чѣмъ на человѣка. Однако возвратимся къ базарамъ, о которыхъ мы начали было говорить.

Безестенъ — самый большой изъ всѣхъ базаровъ. Во избѣжаніе пожаровъ здѣсь не только не позволяютъ торговать при огнѣ, но даже и вносить его въ лавки въ какомъ бы то ни было видѣ. За то днемъ Безестенъ всегда кишитъ народомъ.

Безестенъ лежитъ не далеко отъ Галатскаго моста. По извилистой, сплошь застроенной кофейнями улицѣ, приходишь наконецъ къ каменнымъ воротамъ, сведеннымъ аркою. Онѣ ведутъ въ темный корридоръ со сводами. Вдоль и поперегъ извивается множество неправильныхъ, темныхъ переходовъ. Каждый рядъ носитъ особое названіе: шелковый, оружейный, москательный. Тутъ въ каждой лавкѣ купецъ сидитъ на возвышеніи, покрытомъ ковромъ, а товары развѣшаны и разложены у него по стѣнамъ въ живописномъ безпорядкѣ. Персидскія шали, сибирскіе мѣха, китайскій фарфоръ, драгоцѣнные камни Индіи, кораллы Африки, перлы Персидскаго залива, янтарь Пруссіи, дорогое турецкое оружіе, восточныя издѣлія изъ золота и серебра, ковры и ткани Малой Азіи, богатые старинные костюмы, — все это, или перемѣшанное, или расположенное систематически группами, со всѣмъ умѣньемъ купца привлекать ваши взоры, производитъ самый живописный эффектъ. Яркость и блескъ красокъ напоминаютъ Востокъ «Тысячи одной ночи», вызываютъ изъ глубины души всѣ грезы и мечты, которыя рисовала намъ фантазія, разгоряченная чтеніемъ арабскихъ сказокъ.

При входѣ покупателя турокъ преспокойно продолжаетъ сидѣть на коврѣ, и только когда вошедшій попроситъ показать товаръ, лѣниво встаетъ и молча подаетъ ему, что было спрошено. «Какъ дорого!» говоритъ покупатель, желая поторговаться. «Этому нечего удивляться...» покойно и отчетливо промолвитъ турокъ, замолчитъ и тотчасъ устремитъ свои глаза въ одну какую нибудь точку. Разъ назначивъ цѣну, турокъ рѣдко что нибудь уступитъ. «Да дай же мнѣ что нибудь другое, покажи вотъ тотъ кусокъ». Но турокъ, хотя и вскользь посмотрѣлъ на покупателя, но отлично умѣетъ угадать его настроеніе; онъ понимаетъ, что тотъ хочетъ теперь только рыться въ товарѣ. «Нечего еще тебѣ смотрѣть, ничего изъ этого не выйдетъ...» или: «это смотрѣть тебѣ не для чего, — оно для тебя дорого...» отрѣжетъ онъ, тотчасъ отходитъ къ своему тюфяку и поджимаетъ ноги калачикомъ, чтобы по своему обыкновенію усѣсться, какъ должно.

Въ шелковомъ и галантерейномъ ряду больше всего попадаются женщины. Онѣ бродятъ отъ одного магазина къ другому или сидятъ передъ лавками и разсматриваютъ матеріи, опахала изъ павлиныхъ перьевъ, туфли, шитыя золотомъ и серебромъ и т. п.

Но всего привлекательнѣе оружейный базаръ, такъ какъ онъ болѣе другихъ носитъ характеръ чисто восточный. Оружейный базаръ — краса столицы и гордость турка! И если онъ когда и разговариваетъ, то только показывая оружіе. Тутъ только на минуту спадаетъ съ него вѣковѣчная апатія, и онъ начинаетъ пересчитывать всѣ войны, которыя вела Порта, начиная съ пророка. Въ этомъ базарѣ вы найдете саблю Дамаска, клинокъ которой представляетъ рядъ округленныхъ зубцовъ въ видѣ пилы, и ятаганы, которые проколютъ любой панцырь, какъ листъ бумаги; здѣсь висятъ и кинжалы съ рукоятками изъ одной сплошной массы драгоцѣнныхъ камней. Кромѣ украшеній, на многихъ клинкахъ выдѣланы изъ золота разныя надписи: «дарую тебѣ побѣду надъ невѣрнымъ», гласитъ одна изъ нихъ. «На защиту друзей и на гибель враговъ», читаете вы на другой; но чаще всего: «нѣтъ бога, кромѣ бога, и Магометъ его пророкъ».

Невольно залюбуешься красотою и богатствомъ этого оружія: серебро и золото, яшма, кораллы, слоновая кость, изумрудъ, рубины, алмазъ и жемчугъ необыкновенно симметрично расположены на рукояткахъ. Но трудно описать прелесть, блескъ и игру всѣхъ этихъ бриллiантовыхъ и сапфирныхъ звѣздъ, когда лучъ солнца прокрадывается съ высоты свода и освѣщаетъ всѣ эти драгоцѣнности.

Но блескъ, яркіе цвѣта, восточная пестрота не выкупаютъ большихъ недостатковъ, которые бросаются съ перваго взгляда. Кромѣ прекраснаго турецкаго оружія, въ оригинальной оправѣ, остальныя произведенія, къ какой бы отрасли онѣ ни принадлежали, — грубы и отличаются полнымъ безвкусіемъ, первобытностью формы рисунка, непрактичностью и страшною дороговизною. И это понятно: турецкая промышленность и въ настоящее время находится на той-же степени развитія, на какой она была и сто лѣтъ тому назадъ. Паръ до сихъ поръ въ Турціи остается почти безъ всякаго примѣненія, машинъ нѣтъ; европейскія орудія, способы обработки и другія усовершенствованія послѣдняго времени еще и теперь не проникли даже въ столицу Оттоманской Имперіи. Успѣхамъ промышленности мѣшаетъ прежде всего недостатокъ образованія турецкаго народа, а затѣмъ его замѣчательная лѣнь и апатія, которая проявляется рѣшительно во всемъ и вездѣ. Турокъ сидитъ не только во время отдыха, но и во время работы. Это въ высшей степени любопытный фактъ, на который стоитъ обратить вниманіе. Столяру, обручнику, каретнику и т. п. ремесленникамъ въ другихъ странахъ, если что и приходится дѣлать руками, то они большую часть работы обыкновенно исполняютъ стоя; турокъ наоборотъ все дѣлаетъ сидя, даже и въ томъ случаѣ, когда онъ отлично сознаетъ, что отъ этого страдаетъ качество его работы.

Что касается чувства изящнаго и вкуса, то они не могутъ проявиться у турка, который не получаетъ ни малѣйшаго художественнаго развитія: музыка, живопись, ваяніе, различныя искусства совсѣмъ отсутствуютъ при воспитаніи здѣшняго юношества. Лѣнь и апатія турка—слѣдствіе его долгой, безграничной власти надъ христіанскими народами. Изъ-покон-вѣка турки заставляли христіанъ работать вмѣсто себя; мало того, они старались даже пріучить ихъ думать за себя. Такое положеніе дѣлъ въ продолженіи многихъ вѣковъ лишило характеръ народа всякой энергіи и духа предпріимчивости. Апатія, лѣнь мысли, недостатокъ энергіи и предпріимчивости имѣли гибельное вліяніе на всѣ отрасли ихъ промышленной дѣятельности. Къ тому же для торговли у турокъ нѣтъ ни дѣловаго ума, ни практической сметки. Даже богатый человѣкъ изъ нихъ не пускается въ сколько нибудь обширные торговые обороты. Вамъ никогда не приходится услышать здѣсь, чтобы какое нибудь большое банковое предпріятіе въ странѣ было затѣяно или основано турками, чтобы они самостоятельно составили компанію для разработки минеральныхъ богатствъ, для проведенія желѣзной дороги или для какого нибудь другого предпріятія, сопряженнаго съ рискомъ и требующаго для успѣш-

наго веденія ума, знаній, энергіи и практичности. Конечно, этому мѣшаютъ не только національные недостатки народа, но правительство, которое никогда не выказывало желанія помочь или поддержать какую нибудь частную предпріимчивость и всегда старалось держать народъ въ полномъ невѣжествѣ. Вотъ поэтому-то торговые дѣла турокъ все болѣе приходятъ въ упадокъ, число покупателей и заказчиковъ у нихъ все уменьшается, между тѣмъ торговля грековъ и иностранцевъ въ Турціи улучшается на ихъ же глазахъ. Это также происходитъ и потому, что всѣ торговцы не турецкаго происхожденія, согласно съ духомъ времени, торгуютъ новомодными товарами. Турокъ же старается торговать тѣмъ, чѣмъ торговали его предки. Если вы указываете на это турецкому купцу, онъ наивно и покойно отвѣчаетъ: «Да, плохо, плохо идутъ дѣла... Что-же дѣлать! такъ велъ свои дѣла мой отецъ, такъ буду вести ихъ и я».

Чтобы покончить съ описаніемъ Константинополя, прибавимъ еще, что тутъ даже два дня рѣдко бываютъ похожи другъ на друга. То отправляется огромный караванъ въ Мекку, гдѣ находится храмъ Кааба, который считается главнымъ святилищемъ магометанъ, и въ Медину поклониться гробу пророка; то страшный пожаръ съ неимовѣрною силою и быстротою заволакиваетъ небо темными тучами дыма и тогда отовсюду раздаются вопли и стоны несчастныхъ; то показывается блестящій поѣздъ султана. Но чаще всего видишь и слышишь муэззиновъ, т. е. людей, которые призываютъ правовѣрныхъ къ молитвѣ. Для этого они каждый разъ всходятъ на верхнія галлереи минаретовъ, кладутъ большие пальцы за ухо и гнусливымъ, однообразно-протяжнымъ голосомъ кричатъ между ладонями, обращаясь на всѣ четыре страны свѣта: «есть только одинъ Богъ, и Магометъ его пророкъ. Приходите на молитву, приходите на омовеніе». Такіе возгласы повторяются пять разъ въ день, чрезъ одинаковыя промежутки времени и въ одно время со всѣхъ минаретовъ. При этомъ всѣ торопятся умыть лице и руки и затѣмъ идутъ къ мечети, молельни, а то и тутъ же на улицѣ, гдѣ-нибудь у колодца или подъ деревомъ, благоговѣйно преклоняютъ свои колѣна. Въ первую минуту они обыкновенно стоятъ молча, затѣмъ кладутъ большіе пальцы къ ушамъ и произносятъ вступительную молитву. Черезъ минуту они перекладываютъ уже руки на животъ, растопыриваютъ пальцы и, потупивъ взоры въ землю, кладутъ ихъ на колѣна.

Эта религіозная гимнастика магометанъ чрезвычайно разнообразна: то они совсѣмъ выпрямляются, то стоя на колѣняхъ откидываются назадъ, то бросаются на протянутыя руки, иногда приникаютъ къ землѣ такъ, чтобы пальцы рукъ, ногъ, даже лобъ, губы и носъ непремѣнно коснулись земли. Большіе носы при этомъ служатъ немаловажнымъ препятствіемъ выполнить по всей формѣ эти молитвенныя пантомимы, поэтому турки съ предубѣжденіемъ смотрятъ на людей съ большими носами. Всѣ движенія при молитвѣ выдѣлываются необыкновенно важно и медленно, такъ какъ ихъ пророкъ Магометъ строго завѣщалъ своимъ послѣдователямъ «не спѣшить въ молитвѣ, чтобы не походить на пѣтуховъ, клюющихъ ячменныя зерна». Величайшею опасностію считается также зѣвнуть во время молитвы, такъ какъ магометане твердо убѣждены, что злой духъ только и ждетъ той минуты, чтобы прокрасться во внутренность правовѣрнаго.

До сихъ поръ мы видѣли турка только на улицѣ, посмотримъ же на него дома. И въ домахъ своихъ турки предпочитаютъ комфортъ—изяществу и красотѣ убранства. Но наше понятіе объ удобствѣ совсѣмъ не то, что у турка. Тамъ все, что мало-мальски можетъ понѣжить тѣло, дать ему возможность безъ всякой мысли провести нѣсколько минутъ, доведено до высокой степени совершенства. Болѣе или менѣе зажиточный домъ турка обыкновенно раздѣляется на двѣ половины: одна предназначается для мужчинъ—*селямликъ*, въ другой — гаремъ, или женское отдѣленіе, которое въ Турціи представ-

ляетъ совершенно отдѣльную часть дома и соединяется галлереею съ комнатами, въ которыхъ живутъ мужчины. Это одно уже доказываетъ, какъ много у нихъ комнатъ, — имъ иначе и нельзя. У нихъ обыкновенно нѣсколько женъ и при нихъ множество прислужницъ, да и у мужчинъ пропасть прислуги разнаго рода: варильщикъ кофе или *каведжи; чубукчи,* подъ вѣдѣніемъ котораго находятся курительныя принадлежности хозяина; особый *привратникъ*, вся обязанность котораго заключается въ томъ, чтобы отворять двери и т. п.

У знатныхъ турецкихъ вельможъ бываетъ по цѣлой дюжинѣ этихъ *чубучки* и *каведжи* и въ такихъ случаяхъ тутъ есть всегда главный, который распоряжается другими, имѣетъ совершенно особенную комнату и называется *каведжи-баши, чубукчи-баши* и т. п. Кромѣ домовъ, каждый богатый турокъ имѣетъ еще кіоскъ, или лѣтній павильонъ. Форма этихъ кіосковъ бываетъ то квадратная, то круглая; они строятся изъ дерева съ отверстіями для оконъ, закрытыми шторами. Вся меблировка, какъ этихъ кіосковъ, такъ и жилыхъ покоевъ состоитъ изъ ковровъ и дивановъ. Вы здѣсь не найдете ни столовъ, ни стульевъ. Причина отсутствія такой, по мнѣнію европейца, необходимой мебели понятна. Сидя за столомъ на стулѣ, будешь чувствовать жесткость дерева, да и сидѣть приходится болѣе или менѣе прямо. Совсѣмъ иначе располагаются турки на своихъ софахъ (диванахъ), которыя стоятъ обыкновенно у всѣхъ стѣнъ каждой комнаты. Это небольшія возвышенія, съ красными, набитыми овечьей шерстью матрацами сверху, днемъ покрытые матеріей или коврами и обложенные подушками, ночью же онѣ служатъ постелью. Вотъ на этихъ-то софахъ очень удобно располагается турокъ, поджавъ подъ себя ноги, полулежа и облокотившись на мягкія подушки. Такимъ образомъ избѣгаетъ турокъ всякаго безпокойства. По этой же самой причинѣ ни одинъ изъ нихъ никогда бы не вынесъ нашихъ паркетовъ. Полъ у нихъ всегда покрывается цыновкой или мягкимъ ковромъ, чтобы хозяина не тревожилъ шумъ шаговъ, чтобы нога его не утомлялась ощущеніемъ жесткаго дерева. Обутъ онъ всегда въ тонкія, легкія туфли и слѣдовательно не чувствуетъ жесткой кожи сапога. И не только дома у себя онъ наслаждается всѣми этими благами: куда ни пойдетъ, тотъ же комфортъ будетъ его окружать. Катается ли онъ по Босфору, въ каикѣ своемъ онъ тонетъ въ мягкихъ подушкахъ; скачетъ ли онъ верхомъ на жеребцѣ—и тутъ сидитъ на мягкомъ сѣдлѣ, какъ въ креслѣ. А если вздумается ему подышать чистымъ воздухомъ, отдохнуть гдѣ-нибудь подъ тѣнистымъ деревомъ, неподалеку отъ фонтана или среди своихъ роскошныхъ цвѣтниковъ, сколько ковровъ, сколько подушекъ и сафьяинныхъ тюфяковъ должны сперва разостлать ему рабы. Вздумалось ему для того же кейфа ѣхать за 10, за 20 верстъ, и всѣ его чубукчи, каведжи, подушки и ковры тоже ѣдутъ вмѣстѣ съ нимъ.

Тотъ чубукъ, изъ котораго онъ будетъ курить, опрыскиваютъ водою, чтобы дымъ былъ свѣжѣе и прохладнѣе; на прогулку эту трубку понесутъ въ шелковомъ чехлѣ. Да иначе и нельзя, такъ какъ на трубкахъ сосредоточенъ не только весь изящный вкусъ турка, но въ большинствѣ случаевъ и огромная часть его богатства. По мѣрѣ того, какъ падаетъ воинственный духъ турка, на украшеніе чубуковъ все больше употребляютъ золота и камней, которые прежде шли на оружіе. У нѣкоторыхъ, кромѣ янтарныхъ мундштуковъ, убранныхъ эмалью, кораллами и драгоцѣнными камнями, самыя даже трубки покрыты настоящей позолотой и усыпаны алмазами. У самыхъ богатыхъ, вмѣсто простаго чубука, слуга несетъ за ними въ сафьяномъ футлярѣ великолѣпный кальянъ, или трубку, изъ которой курятъ крѣпкій табакъ, пропуская его черезъ воду, налитую въ золоченыя наргилэ (такъ называются вазы, которыя служатъ въ этихъ случаяхъ для кальяна). Но и въ этихъ прихотяхъ, необыкновенно утончен-

ныхъ и изящныхъ, сказывается азіятскій человѣкъ съ самыми дикими привычками. Даже богачъ, которому не нальютъ кофе въ чашку, если она не достаточно окурена ароматическими благовоніями, даже такой изнѣженный человѣкъ обѣдаетъ безъ ножей и вилокъ и, какъ дикарь, собственными руками раздираетъ свою пищу.

Конечно, роскошью, о которой мы только что говорили, огромнымъ количествомъ прислуги, трубками въ драгоцѣнной оправѣ и многими женами, всѣмъ этимъ обладаютъ только самые знатные и богатые турки. Но здѣсь и самымъ бѣднымъ дана возможность, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, пользоваться множествомъ удобствъ и, смотря по средствамъ, болѣе или менѣе часто, предаваться желанному кейфу.

Во всѣхъ окрестностяхъ столицы, вездѣ по берегамъ Босфора, гдѣ только замѣтишь красивое мѣстоположеніе, вездѣ найдешь и тѣнистую аллейку, гдѣ такъ хорошо укрыться во время зноя, и свѣжій ручеекъ, гдѣ можно прохладиться и подъ журчаніе котораго такъ хорошо дремлется турку, и красивая бесѣдка, которой можно располагать по своему усмотрѣнію. Услужливый содержатель кофейни, которыхъ здѣсь такъ много, за самую мелкую монету принесетъ ему коверъ, кофе, трубку — эти главныя принадлежности турецкаго кейфа.

Общественныя удовольствія турокъ.— Бани.— Кофейни.— Теріаки и страшныя послѣдствія потребленія опіума.— Торговля рабами.— Кладбища и оригинальныя надписи на памятникахъ.— Народное гулянье.

Кто бы ни былъ турокъ: богатъ онъ или бѣденъ, приближенный султана или неважный купецъ, юный или старый, каждый изъ нихъ черезвычайно любитъ ходить въ баню. Причина этого, конечно, и въ устройствѣ самыхъ бань, которыя доставляютъ турку множество разнообразныхъ удовольствій, а также и въ томъ, что частымъ посѣщеніемъ ихъ магометанинъ выполняетъ завѣтъ своего пророка, который гораздо больше заботился о чистотѣ тѣлесной, чѣмъ о душевной, и своимъ послѣдователямъ указалъ на омовеніе тѣла, какъ на одну изъ первѣйшихъ обязанностей человѣка.

Если турокъ задумаетъ сдѣлать доброе дѣло, онъ прежде всего выстроитъ баню и запишетъ ее вакуфомъ, т. е. церковнымъ имуществомъ, къ какой нибудь мечети, и назначитъ ей постоянный доходъ, потому что бани въ мусульманскихъ земляхъ почти никогда не бываютъ торговымъ предпріятіемъ; въ нихъ довольствуются весьма умѣреннымъ сборомъ, и содержатели обязаны безплатно впускать бѣдняковъ. Однѣхъ публичныхъ бань въ Константинополѣ считается болѣе двухъ сотъ. Между ними есть великолѣпныя зданія, мощенныя и выложенныя внутри прекраснымъ мраморомъ, просторныя, съ прелестными фонтанами, со стихами изъ Корана на стѣнахъ.

Въ этихъ баняхъ турокъ наслаждается кейфомъ, слушаетъ новости и подъ часъ даже занимается политикой, на сколько можетъ заниматься политикой человѣкъ, совсѣмъ необразованный, кромѣ пошлыхъ легендъ и сказокъ почти ничего не читающій.

Для турчанокъ, которыя ведутъ совершенно затворническую, однообразную жизнь, бани самое лучшее partie de plaisir, и онѣ буквально проводятъ здѣсь цѣлые дни. Онѣ курятъ папиросы, лакомятся фруктами и разными сластями, пьютъ шербетъ, болтаютъ. Баня — самая необходимая часть каждаго турецкаго дома, такъ что ее можно найти даже въ самомъ бѣдномъ жилищѣ. Когда богатый человѣкъ строитъ домъ, онъ

болѣе всего вниманія обращаетъ на баню. Въ домѣ бѣдняка вы также непремѣнно найдете баню, но здѣсь ея устройство уже совсѣмъ не замысловато: это обыкновенно родъ чулана, въ полъ котораго вдѣланъ глубокій чанъ для воды. Частыя посѣщенія бань и безпрестанныя омовенія предохраняютъ турокъ отъ многихъ болѣзней, которыя между ними встрѣчаются рѣже, чѣмъ у другихъ народовъ.

Но войдемъ въ общественную турецкую баню. Когда отдернемъ коверъ, которымъ завѣшана дверь изъ сѣней, взору прежде всего представится высокое, круглое зало, съ бѣлоснѣжнымъ мраморнымъ поломъ, со множествомъ маленькихъ круглыхъ окошекъ на кругломъ сводѣ. Окошечки эти такъ малы и оригинальны, что при солнечномъ освѣщеніи кажется, будто куполъ усѣянъ драгоцѣнными камнями. Вокругъ залы тянется галлерея на деревянныхъ столбахъ и къ ней съ обѣихъ сторонъ подымаются отлогія лѣстницы. Посреди журчитъ мраморный бассейнъ, обставленный горшками или вазами съ цвѣтами; тутъ же въ фантастически-раскрашенныхъ клѣткахъ звонко распѣваютъ разныя птички. Съ одной стороны фонтана—печь, у которой выставлена цѣлая коллекція трубокъ и кофейниковъ, съ другой—дверь въ болѣе теплую баню. Прежде всего всходишь по лѣстницѣ на галлерею, въ родѣ нашего предбанника. Тутъ стоятъ безконечно длинные турецкіе диваны, покрытые холщевыми простынями.

На нихъ въ самыхъ покойныхъ позахъ сидятъ и лежатъ нѣсколько турокъ, которые давно покончили со своимъ мытьемъ, но никакъ не могутъ еще разстаться съ баней. Плотно укутанные въ бѣлое покрывало, изъ котораго виднѣются только ротъ и руки, крѣпко придерживая мундштукъ, они скорѣе походятъ на муміи, чѣмъ на людей. Но вотъ одна изъ мумій нѣсколько пошевелилась, приподнялась, затѣмъ удобно прислонилась къ дивану и, выпуская струйку дыма, что-то медленно заговорила...

Лишь только вы стали раздѣваться, какъ къ вамъ подбѣгаетъ прислужникъ, въ одну минуту стягиваетъ съ васъ одежду, затѣмъ съ ногъ до головы окутываетъ бѣлымъ, тонкимъ покрываломъ, устроиваетъ вамъ на головѣ чалму изъ цѣлой простыни и, схвативъ подъ руки, энергически стаскиваетъ внизъ. На послѣдней ступени васъ пріостанавливаютъ и надѣваютъ деревянные башмаки. Отопленіе тутъ происходитъ подъ поломъ, и мраморныя плиты до того горячи, что по нимъ нельзя ходить иначе, какъ въ деревянныхъ башмакахъ. У двери васъ, какъ какую нибудь упакованную вещь, передаютъ на руки баньщику, у котораго на тѣлѣ одѣты только два кожанные передника. Этотъ послѣдній вводитъ васъ въ теплую баню и бережно кладетъ на какое-то возвышеніе, устланное египетскими рогожками. Прежде чѣмъ начать мыться, вы еще должны отдохнуть тутъ и понѣжиться нѣсколько минутъ. Турокъ не умѣетъ даже и отдыхать безъ предварительнаго отдыха. Лишь только вы успѣли растянуться, какъ теплый воздухъ снизу и нѣжный ароматъ, который носится въ комнатѣ, необыкновенно пріятно пронизываютъ васъ насквозь.

Когда вы чувствуете, что достаточно здѣсь отдохнули и пропитались ароматами, то дѣлаете знакъ баньщику, который тотчасъ подбѣгаетъ къ вамъ, снова надѣваетъ на это время снятые деревянные башмаки и опять подъ руки вводитъ васъ въ другую залу, которая представляетъ собою уже настоящій храмъ восточнаго кейфа. Обыкновенно это огромная, прелестная зала изъ бѣлаго мрамора, съ мраморными колоннами, иногда съ нѣсколькими мавританскими куполами, усѣянными безчисленнымъ множествомъ небольшихъ окошекъ съ малиновыми стеклами. Свѣтъ, проникающій въ залу сверху, черезъ малиновыя стекла, бросаетъ на все необыкновенно прелестный нѣжно-розовый цвѣтъ.

Посреди залы нѣсколько возвышеній, на которыхъ каждый турокъ опять-таки отдыхаетъ часокъ, другой. И только послѣ троекратнаго или четырехкратнаго отдыха,

баньщикъ вводитъ наконецъ въ комнату съ нѣсколькими мраморными бассейнами, надъ которыми торчатъ изъ стѣны мѣдные краны. Тамъ и сямъ въ нишахъ разставлена серебрянная посуда, въ родѣ нашихъ блюдечекъ, исписанная стихами изъ корана. Баньщикъ проворно отворяетъ краны, снимаетъ съ васъ покрывало и кладетъ своего паціента на полъ, на разостланную рогожку. Натянувъ на свои руки рукавицы изъ верблюжьей шерсти, онъ поливаетъ васъ водою изъ серебряннаго блюдечка. Затѣмъ онъ приноситъ мѣдную чашу и кисть изъ бѣлыхъ тонкихъ мочалокъ.

«Съ ловкостью кандитера», говоритъ одинъ путешественникъ, «взбивающаго сабайонъ, напѣнилъ онъ мыльную массу, которая, подымаясь миріадами бисерныхъ сверкающихъ пузырьковъ, превратилась въ ароматную пѣну. Бойко обмакивая кисть, турокъ натеръ меня съ ногъ до головы этимъ горячимъ благоуханнымъ снѣгомъ, потомъ припалъ на меня колѣномъ и, проводя локтями по спинной кости, принялся ломать и вывертывать мнѣ руки и ноги. Сначала я думалъ, что отъ меня останется одинъ торсъ, но черезъ минуту почувствовалъ, какъ все тѣло начинаетъ свѣжеть и укрѣпляться, будто его обвили новыми, желѣзными нервами. Трудно объяснить всю прелесть этой оживляющей пытки, все упоеніе этой восхитительной инквизиціи».

Послѣ этого окутываютъ теплыми полотенцами, выводятъ въ другую комнату, гдѣ опять таки придется гдѣ нибудь прилечь и только тогда уже отправляются на галлерею, гдѣ предстоитъ самый большой отдыхъ. Прежде всего подаютъ лимонадъ, затѣмъ трубки и чашку кофе. Когда вы одѣлись, подносятъ зеркальце — оглядѣться и положить на него бакшишъ (все равно, что у насъ магарычъ, или на водку), за труды баньщику и слугѣ.

Ушелъ турокъ домой, пообѣдалъ, покурилъ, и отправляется въ кофейню дѣлать тоже, т. е. курить свою неизмѣнную трубку, пить кофе и молчать. Если банныя наслажденія и приведутъ его въ такое сверхъестественное настроеніе, что отъ полноты сердца заговорятъ уста и онъ передастъ новость, которую только что слышалъ отъ продавца финиковъ или отъ писца, то въ кофейнѣ онъ уже навѣрно не обмолвится ни однимъ словомъ. Потребность въ обществѣ сказывается и въ туркѣ, вотъ онъ и идетъ въ кофейню. Пусть окружающіе и онъ самъ будутъ нѣмы, какъ рыбы, — ему все равно, только бы сидѣть въ кругу себѣ подобныхъ. Къ тому же здѣсь, не тревожа своего кейфа, чтобы отвѣчать сосѣду, онъ услышитъ и человѣческую рѣчь. Многія здѣшнія кофейни держатъ особыхъ разскащиковъ, которыхъ за ихъ услуги даромъ кормятъ хозяева и даютъ имъ даровую трубку, а деньги, если только Аллахъ не обошелъ талантомъ такого разскащика, онъ всегда можетъ собрать отъ приходящихъ, выпрашивая у нихъ на бакшишъ при всякомъ разсказѣ. Способный изъ нихъ можетъ даже сколотить себѣ капиталецъ. Многіе стамбульскіе разскащики, чтобы возбудить щедрость слушателей, прерываютъ свой разсказъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Они поставили своего героя или героиню въ самое затруднительное положеніе, окружили ихъ страхами, надеждою и въ то же время отчаяніемъ, такъ что многіе слушатели уже на ухо сообщаютъ сосѣду, какой конецъ долженъ быть по ихъ соображенію, какъ вдругъ разскащикъ прерываетъ свой разсказъ, хватаетъ въ руки подносъ и объявляетъ публикѣ, что, если она хочетъ знать, чѣмъ покончила красавица, такъ пусть ободритъ бѣднаго разскащика бакшишемъ. При этомъ, собирая деньги, онъ дѣлаетъ замѣчаніе каждому, кто мало кладетъ, чтобъ онъ не скупился, такъ какъ только въ этомъ случаѣ могутъ разсчитывать, что онъ перескажетъ все безъ утайки и со всѣми подробностями. Если разскащикъ доволенъ сборомъ, онъ обыкновенно живо и занимательно оканчиваетъ начатое; если нѣтъ, то онъ даже въ ту минуту, когда, казалось, слѣдовало бы кончить, вводитъ новыя приключенія и новыхъ лицъ, опять останавли-

М.РАШЕВСКІЙ
В.Васнецовъ

вается и объявляетъ слушателямъ, что сказку эту сегодня невозможно покончить; если же угодно публикѣ, то она можетъ ее дослушать завтра, въ этой же самой кофейнѣ, въ такомъ то часу. Такимъ образомъ разскащикъ соблюдаетъ свои собственные интересы вмѣстѣ съ интересами кофейни.

Когда у старика разскащика пересохнетъ горло или ему надоѣстъ въ десятый разъ въ одинъ и тотъ же день пересказывать о мертвецахъ, вырывающихъ человѣческое сердце, о храбрыхъ витязяхъ, о правдивыхъ калифахъ, и онъ смолкаетъ на минуту, тогда правовѣрные прислушиваются къ журчанію фонтана, который вы непремѣнно найдете въ каждой порядочной турецкой кофейнѣ. Разскащика часто смѣняетъ оркестръ, который впрочемъ напоминаетъ собою скорѣе вой голодныхъ стамбульскихъ собакъ и однообразные призывы муэззиновъ, чѣмъ музыку. Самые лучшіе оркестры здѣшнихъ кофеенъ состоятъ обыкновенно изъ трехъ музыкантовъ, которые одѣты въ рваныя широкія шальвары, оборванныя куртки и желтыя чалмы. Если взрослый турокъ съ удовольствіемъ слушаетъ отвратительную музыку и страшные разсказы, которыми у насъ необразованныя няньки стращаютъ малыхъ ребятъ, то онъ чувствуетъ себя на верху блаженства, когда одинъ изъ музыкантовъ затянетъ пѣсню. Какъ человѣкъ совсѣмъ необразованный, неимѣющій ни малѣйшаго понятія о прошедшемъ и настоящемъ другихъ государствъ, турокъ любитъ болѣе всего выражать свою любовь къ родинѣ тѣмъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ превозноситъ ее, сколько можетъ.

При этомъ, разумѣется, о гяурахъ онъ ничего не хочетъ слышать и съ презрѣніемъ относится ко всему, чтобы вы ему о нихъ не разсказали. «Нѣтъ края на свѣтѣ лучше нашей Турціи», завываетъ пѣвецъ, «нѣтъ народа умнѣе Османлисовъ. Имъ Аллахъ далъ всѣ сокровища мудрости, бросивъ другимъ племенамъ только крупицы разумѣнія, чтобы они не вовсе остались верблюдами и могли служить правовѣрнымъ. Еслибы Черное море наполнилось вмѣсто воды чернилами, то и его не достало бы описать, какъ сильна и богата Турція, сколько въ ней войска и денегъ, какъ всѣ народы завидуютъ ея сокровищамъ, могуществу и славѣ».

Но чаще всего слышится такая пѣсня: «Соловушка, зачѣмъ ты такъ вопишь? Не стони, соловей, не стони, ты терзаешь мою душу. Ахъ, соловушка! голосъ твой достигъ до эмпирея, твоихъ малютокъ похитилъ соколъ. Надрываясь и стоная, ты проносишься надъ нами и твои вздохи раскрываютъ мои старыя и новыя раны... Но у тебя есть крылья и ты далеко можешь улетѣть...»

Въ Константинополѣ есть еще совершенно особыя кофейни, куда исключительно собираются только теріаки, т. е. потребители опіума. Когда головки мака еще несовсѣмъ созрѣли, ихъ надрѣзаютъ и оттуда вытекаетъ молочный сокъ; на воздухѣ сокъ этотъ твердѣетъ и называется опіумомъ. Всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ опіумъ въ медицинѣ. Но въ нѣкоторыхъ странахъ злоупотребляютъ этимъ благодѣтельнымъ средствомъ и поглощаютъ его въ громадныхъ количествахъ, то въ твердомъ состояніи, какъ пилюли, то въ жидкомъ—въ видѣ настоя; или наконецъ его курятъ въ чрезвычайно маленькихъ трубочкахъ.

Въ видѣ пилюль его употребляютъ въ магометанскихъ земляхъ, въ особенности же въ Персіи и въ Турціи. Турецкіе теріаки, или потребители опіума, начинаютъ обыкновенно принимать не болѣе полуграна, постепенно все увеличиваютъ и увеличиваютъ эти пріемы и доходятъ до 120 грановъ, а иногда даже и еще больше. Послѣ пріема опіума черезъ два, три часа, человѣкъ на время становится необыкновенно веселъ, забываетъ все свое горе, всѣ труды и заботы, часто не чувствуетъ страшной болѣзни, которая его передъ тѣмъ мучила. Вначалѣ, со свѣжей головой, онъ чрезвычайно легко все соображаетъ, потомъ засыпаетъ и его прельщаютъ очаровательные сны. А эти-то

сны и дороги стамбульскому теріаку. Онъ во снѣ, какъ на яву, необыкновенно отчетливо видитъ рай, обѣщанный пророкомъ, въ такихъ роскошныхъ, фантастическихъ, заманчивыхъ картинахъ, которыхъ онъ прежде и представить себѣ не могъ. Это восторженное состояніе продолжается часовъ пять, шесть.

Однако за возбужденіемъ слѣдуетъ полное ослабленіе силъ, упадокъ духа и совершенное отупѣніе всѣхъ чувствъ. Между тѣмъ укоренившаяся привычка употреблять опіумъ почти непобѣдима. Мученія, претерпѣваемыя употребляющимъ его человѣкомъ, когда у него недостаетъ этого привычнаго возбужденія, такъ же ужасны, какъ полно счастіе, слѣдующее за пріемомъ. Ночи приносятъ ему всѣ муки ада, дни—всѣ прелести рая; но послѣ долгаго удовлетворенія этой страсти, человѣкъ подвергается нервнымъ припадкамъ, которыхъ не можетъ облегчить и самый опіумъ.

Любовь, дружба, родственная привязанность, ненависть, мщеніе, корыстолюбіе, однимъ словомъ всѣ страсти угасаютъ мало по малу, уступая мѣсто одному всепоглощающему, непобѣдимому влеченію еще и еще проглотить пилюльку и еще въ большемъ количествѣ. Тѣ, которые много лѣтъ принимали опіумъ, возбуждаютъ въ другихъ ужасъ и отвращеніе: ихъ лица искажены постоянными судорогами, судороги сводятъ имъ руки и ноги, глаза ихъ дико бѣгаютъ и сверкаютъ, колѣни трясутся. Потребитель опіума постепенно теряетъ аппетитъ и черезъ годъ—два послѣ того, какъ страсть укоренилась, превращается въ совершенный скелетъ. Но ужаснѣй всего то, что на его до омерзенія изнуренномъ и исхудаломъ лицѣ трясется каждая жилка. Когда, принимая два три года опіумъ, человѣкъ пожелаетъ вдругъ покончить со своею страстью, онъ испытываетъ такія страданія, что въ большинствѣ случаевъ доходитъ до совершеннаго помраченія ума.

Странно наблюдать за стамбульскими теріаками, когда они около третьяго часа—время, исключительно посвященное здѣсь послѣобѣденному отдыху, собираются въ кофейню близъ Солимановой мечети. Сгорбленные въ три погибели, изможденные, худые, какъ скелеты, съ морщинистымъ, желтымъ, какъ лимонъ, лицемъ, съ помутившимися глазами, съ шаткою походкой, съ сильно трясущимися руками и ногами, они долго шлепаютъ по мостовой своими туфлями, дѣлаютъ странные зигзаги, пока наконецъ, скорѣе какимъ то чутьемъ, чѣмъ сознательно, не доберутся до желаннаго мѣста. Тутъ они, ни съ кѣмъ не разговаривая, ничего не заказывая служителямъ, прямо бросаются по диванамъ и тупо, вяло, безсознательно сосредоточиваютъ свой взглядъ на одномъ какомъ нибудь предметѣ. Въ ту же минуту слуга подноситъ имъ на блюдечкѣ магическія пилюли: онъ твердо знаетъ порцію, принимаемую каждымъ изъ нихъ; затѣмъ тотчасъ подаетъ имъ крѣпкій кофе, холодной воды, трубки, и затѣмъ больше не подходитъ къ нимъ, оставляя ихъ въ совершенномъ покоѣ. Обыкновенно физіономіи всѣхъ этихъ посѣтителей такъ тупы и безжизненны, что, глядя на нихъ, трудно опредѣлить, когда началось дѣйствіе опіума. Но вотъ они наконецъ выпустили изо рта трубки и оставили чашки и затѣмъ какъ будто стали замирать. Чрезъ мгновеніе ни одинъ жестъ, ни одно киваніе головою не показываетъ въ нихъ присутствія жизни: глаза ихъ полуоткрыты, вѣки не мигаютъ болѣе... Вы напрасно будете ждать у стамбульскаго теріака блаженной улыбки на губахъ, которую можно видѣть у другихъ потребителей опіума. Они уже до того отупѣли, что едвали могутъ ощущать какое нибудь блаженство или страданіе и вовсе не похожи на живыхъ людей.

Въ Константинополѣ не мало существуетъ кофеенъ, въ которыхъ собираются продавцы и покупатели рабовъ. Чѣмъ богаче турокъ, тѣмъ болѣе у него рабовъ; нужно впрочемъ замѣтить, что въ прежнее время въ Турціи ихъ держали еще болѣе. Паши имѣли много рабовъ, бѣдные чиновники по одному, по два человѣка, каждый сообразно

съ своими средствами. Въ старину здѣсь существовалъ даже обычай, теперь мало по малу выходящій изъ моды, дарить другъ другу рабовъ. Вельможи ежегодно дарили султану невольниковъ обоего пола. Когда какое нибудь лицо вступало на важный постъ, то этикетъ требовалъ, чтобы ему присылали въ подарокъ красивыхъ невольницъ. Такимъ образомъ сановники сразу принимали въ свои дома цѣлыя партіи молодыхъ дѣвушекъ, мальчиковъ, евнуховъ, присланныхъ имъ въ подарокъ отъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Еще лѣтъ сорокъ тому назадъ рабовъ покупали открыто на константинопольскомъ рынкѣ. Купцы, торговавшіе людьми, наживали огромные барыши и не возбуждали ни малѣйшаго презрѣнія. Промышленники этого рода такъ открыто вели свои дѣла, что обязаны были, какъ и торговцы всякимъ другимъ товаромъ, записываться въ гильдію и получали патентъ коммерсантовъ. Многіе изъ нихъ, окруженные толпою невольниковъ и невольницъ разныхъ націй, предпринимали путешествія въ главнѣйшіе города европейской Турціи, гдѣ они являлись къ турецкимъ вельможамъ. Этотъ живой товаръ обоего пола выставляли въ рядъ, вельможи расхаживали, осматривали его и торговались. Барышникъ часто заламывалъ такую цѣну, что турокъ, при всемъ желаніи пріобрѣсти новую невольницу, давалъ только половину требуемой суммы, а въ придачу предлагалъ двухъ, трехъ старыхъ рабовъ. Такимъ образомъ мѣняли и продавали людей, точно дѣло шло о какомъ нибудь животномъ.

Болѣе другихъ странъ поставляли туркамъ невольниковъ Кавказъ и Африка; изъ послѣдней привозили чернокожихъ рабовъ. Кавказскіе горцы долго продавали своихъ необыкновенно красивыхъ соотечественницъ, нерѣдко даже своихъ женъ и дочерей турецкимъ рабопромышленникамъ. Послѣ покоренія Кавказа, въ 1864 году, оборванныя, несчастныя черкешенки, настрадавшіяся отъ голода и нищеты, тысячами бросались въ Турцію, гдѣ ихъ уже поджидали купцы, и цѣлыми кучами отвозили въ Константинополь.

Уменьшеніе числа невольниковъ въ Турціи вслѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ, наконецъ много разъ выраженное желаніе другихъ державъ прекратить торговлю людьми, все это заставило турецкое правительство закрыть константинопольскій рынокъ, на которомъ до того времени такъ безцеремонно торговали людьми. Но эта мѣра только уничтожила *публичный* торгъ людьми, но мало измѣнила сущность дѣла. Изгнанные съ рынка торговцы сначала стали держать товаръ на дому, но когда они почувствовали, что такимъ образомъ они не могутъ вести дѣла въ широкихъ размѣрахъ, открыли множество кофеенъ, куда, подъ предлогомъ выкурить трубку, послушать сказки и музыку, и теперь еще входитъ каждый желающій купить себѣ рабыню. Всѣ знаютъ эти кофейни: нѣкоторыя изъ нихъ расположены противъ мечети Сулейманіе, тогда какъ дома, въ которыхъ содержатся рабы, находятся въ различныхъ кварталахъ столицы. Всѣ дома и кофейни этого рода посѣщаются въ опредѣленное время. Покупатели пьютъ кофе и приглядываются въ это время къ женщинамъ, которыя сидятъ тутъ же, и затѣмъ, покуривая трубку, торгуются съ промышленниками. Но вотъ турокъ сошелся въ цѣнѣ, встаетъ, разсчитывается, дѣлаетъ знакъ купленной женщинѣ, которая и сопровождаетъ его до дому. Такимъ образомъ невольничество въ Турціи теперь преимущественно ограничивается женщинами. Мужчины-невольники, за исключеніемъ евнуховъ, попадаются очень рѣдко. Но женщинъ-невольницъ и въ настоящее время чрезвычайно много. Ихъ не только цѣлыя сотни можно найти въ сералѣ, но и во всѣхъ домахъ зажиточныхъ людей. Турокъ по бѣдности очень часто не можетъ имѣть болѣе одной жены, и потому беретъ къ себѣ въ домъ нѣсколькихъ невольницъ, что для него все-таки дешевле, чѣмъ содержать нѣсколькихъ женъ. Не рѣдко отцы дарятъ невольницъ своимъ сыновьямъ, во избѣжаніе расходовъ, сопряженныхъ съ женитьбою. Дѣ-

вушки, при выходѣ замужъ, тоже получаютъ невольницъ для услуги. Къ тому же невольницъ здѣсь очень цѣнятъ, какъ домашнюю прислугу, такъ какъ онѣ прекрасно выполняютъ свои обязанности. Такой запросъ на невольницъ развилъ особый классъ промышленниковъ: ими торгуютъ въ Турціи не только торговцы-маклаки; большинство женщинъ высшаго круга, нерѣдко жены пашей и министровъ, занимаются торговлею этого рода. Эти дамы покупаютъ по самой низкой цѣнѣ дѣвочекъ-подростковъ и потомъ, когда онѣ придутъ въ возрастъ, перепродаютъ ихъ въ пять разъ дороже того, чѣмъ онѣ ихъ пріобрѣли. Прибыли, доставляемыя этою торговлею—громадны: семи-восьмилѣтняя дѣвочка, стройная и съ красивыми чертами лица, стоитъ не дороже двухъ тысячъ франковъ, а когда она придетъ въ возрастъ, аристократка-спекуляторша продаетъ ее за двадцать и даже за двадцать пять тысячъ франковъ. Между тѣмъ содержаніе дѣвочки въ семьѣ почти ничего не стоитъ. Свой товаръ онѣ сбываютъ легко и скоро: обыкновенно купля и продажа идетъ черезъ особыхъ посредницъ, которыя отыскиваютъ покупщиковъ и расхваливаютъ имъ продаваемыхъ дѣвушекъ.

Однако возвратимся къ общественнымъ удовольствіямъ турокъ. Кромѣ бань и кофеенъ, которымъ они отдаютъ большую часть своего времени, турки также очень любятъ гулять по кладбищамъ, и это понятно. Сами по себѣ турецкія кладбища представляютъ прохладныя, тѣнистыя мѣста для прогулки во время жаровъ, которыя любитъ, разумѣется, каждый житель юга, но для магометанина они имѣютъ еще большее значеніе. Роскошные сады, тѣнистыя рощи—блаженства, обѣщанныя пророкомъ въ будущемъ,—если же ихъ можно предвкусить раньше, въ настоящей жизни, то турокъ цѣнитъ это больше всего на свѣтѣ. Въ любви турка къ кладбищу лежитъ и другая причина: грязная, нечистоплотная столица, въ которой часто нѣсколько улицъ сряду представляютъ одну сплошную зловонную яму, порождаетъ всякія язвы и заразы, наконецъ вѣчные пожары и кровопролитія, все это невольно заставляетъ турка каждую минуту ожидать смерти, спокойно разсуждать о ней и съ любовью чтить память умершихъ.

Самое большое и любимое кладбище турокъ находится на Азіатскомъ берегу—въ Скутари. И потому каждый день подъ вечеръ множество турокъ и турчанокъ отправляются въ каикахъ на Азіатскую сторону.

Довольно опрятная и широкая улица Скутари, подымаясь отъ набережной въ гору, ведетъ къ большому кладбищу, которое прежде всего представляетъ огромный, прекрасный, роскошный лѣсъ изъ платановъ и кипарисовъ. Платанъ и кипарисъ — вотъ два дерева, еще съ древнѣйшихъ временъ служившія южнымъ народамъ для изображенія жизни и смерти. Платанъ садили древніе при рожденіи ребенка, а кипарисъ надъ гробомъ.

Турки переняли этотъ обычай у византійцевъ, украшаютъ свои кладбища кипарисами и съ почтеніемъ смотрятъ на это дерево. Сломать надгробный кипарисъ, даже оторвать отъ него вѣтку считается оскорбленіемъ могильной святыни. При входѣ на кладбище находится фонтанъ, а подлѣ него кофейня. На площадкѣ передъ кладбищемъ навалены груды арбузовъ, расхаживаютъ продавцы фруктовъ и прохладительнаго питья. Тамъ и сямъ въ темномъ лѣсу, сильно напоенномъ запахомъ кипариса, стоятъ тюрбе (могильные склепы) сановитыхъ турецкихъ особъ, мраморные саркофаги (гробницы съ высѣченною звѣздою и полумѣсяцемъ, обнесенныя золотою рѣшеткою), но чаще всего мелькаютъ столбики съ изваянною чалмою, фескою и золотыми надписями. Послѣднее время памятники начали украшать красными, зелеными и синими арабесками и всякаго рода позолотой. Не рѣдко подлѣ чалмы или фески виденъ колпакъ дервиша, напоминающій опрокинутый цвѣточный горшокъ. У многихъ памятниковъ

чалма или феска не въ верху, а съ боку. Это означаетъ, что покойникъ былъ обезглавленъ. При деспотическомъ правленіи это случается весьма не рѣдко, и турки такъ привыкли къ этому, что смотрятъ на казнь, какъ на несчастіе, которое всегда можетъ случиться съ каждымъ «смертнымъ.» Что кому предопредѣлено, говорятъ они, «то того и постигнетъ». Что погребенный былъ обезглавленъ, вы убѣждаетесь, прочитавъ эпитафію въ родѣ слѣдующей: «Здѣсь покоится прахъ Эргаліана Аретина, банкира высокой Порты. Его добродѣтели блестѣли, какъ золото. 7-го Іюля 1775 года онъ простился со своимъ плачущимъ семействомъ, уповая на милость Бога и благословляя руку, которая открыла ему двери рая». Чтобы не было никакого сомнѣнія въ смыслѣ этихъ словъ, къ нимъ прибавлена картина, изображающая человѣка, который держитъ голову подъ мышкой. А вотъ и другая эпитафія въ томъ же родѣ: «Здѣсь почіетъ Эгипъ Агноворіанъ. Дѣти его скорбятъ о потерѣ благодушнаго отца; братья оплакиваютъ брата. Въ 1801 г., 3-го мая ангелы простерли руки, чтобы принять его, такъ какъ высочайшая воля падишаха, повелѣла прекратить его земное существованіе». При этомъ по обыкновенію приложена иллюстрація, представляющая висѣлицу, а на ней повѣшаннаго человѣка.

Чалма или феска украшаетъ могилы мужчинъ, памятники женщинъ оканчиваются раковиной, листомъ или арабеской. Надгробный мраморъ турчанки не рѣдко украшенъ надписью, въ которой прославляются добродѣтели усопшей: «Душа покойницы», читаете вы, «бѣлая голубица, поспѣшно улетѣла изъ этого міра, гнѣзда всѣхъ скорбей, чтобы получить свое мѣсто въ сонмѣ прелестныхъ гурій» *). Или: «На скрижаляхъ судебъ было написано, что Айеше, красивѣйшій изъ цвѣтовъ въ цвѣтникѣ жизни, будетъ сорванъ съ своего стебля на семнадцатой своей веснѣ».

Каждый классъ константинопольскихъ жителей имѣетъ особыя эпитафіи, свойственныя его сану и занятіямъ при жизни. На гробѣ одного адмирала написано: «Покойникъ поставилъ руль на румбъ вѣчности, вѣтръ кончины сломалъ мачту его корабля и погрузилъ его въ море благости Господней». На гробѣ поэта: «Свѣтило сокрылось на землѣ, но будетъ сіять между свѣтилами неба; соловей пролетѣлъ на одно мгновеніе по землѣ и поспѣшилъ въ кусты эдема». Но любопытнѣе всего напыщенныя эпитафіи на гробахъ улемовъ **). Всякій изъ нихъ названъ ученѣйшимъ изъ ученыхъ, мудрѣйшимъ изъ мудрецовъ, славнѣйшимъ изъ законоучителей, убѣжищемъ ума, сокровищницею науки, источникомъ просвѣщенія, полюсомъ всѣхъ познаній.

Нисшіе классы населенія, хотя не имѣютъ надписей, но у нихъ часто бываютъ особыя надгробія, которыя наглядно указываютъ проходящему, чѣмъ занимался покойникъ при жизни. Если усоп... портной, на его памятникѣ высѣчены ножницы; топоръ — если онъ былъ плотникомъ; пара бритвъ — если онъ былъ брадобрѣй, и пара веселъ — если покойникъ всю свою жизнь былъ гребцомъ на Босфорѣ и наконецъ доплылъ до вѣчной пристани.

Нѣкоторыя изъ могилокъ обнесены рѣшеткой, искусно сплетенной изъ блестящей проволоки. Подъ тѣнію деревъ всюду разостланы ковры и на нихъ, группами безмолвно сидятъ женщины въ своихъ бѣлыхъ покрывалахъ. Не только тутъ, но и на другихъ общественныхъ собраніяхъ женщины держатся всегда кучками между собою, отдѣльно

*) *Гуріи*—черноокія дѣвы, которыхъ Магометъ назначаетъ на томъ свѣтѣ въ подруги истиннымъ правовѣрнымъ.

**) *Улемы*, т. е. юристы и богословы. Улемами въ Турціи называютъ, какъ они сами объясняютъ, всѣхъ ученыхъ, служителей Бога и закона. Это довольно обширный классъ, такъ какъ къ нему принадлежатъ: всѣ судьи, дервиши, священнослужители и т. п.

отъ мужчинъ. Мужчины же на кладбищѣ сидятъ въ одиночку. Выбравъ себѣ самое уединенное мѣстечко, турокъ усаживается здѣсь, какъ можно удобнѣе, и вынимаетъ изъ-за пояса складную трубку; когда онъ ее разложитъ во всю величину, чтобы начать курить и тѣмъ удобнѣе предаться уединенному кейфу и мысли о смерти, эта трубка своею огромною величиною прежде всего обращаетъ на себя вниманіе гяура.

Но гораздо болѣе разнообразную, пеструю толпу можно видѣть по пятницамъ и въ другіе праздничные дни, когда посѣщаешь какую-нибудь изъ пятидесяти живописныхъ долинъ Босфора. Въ тѣхъ долинахъ, которыя лежатъ недалеко отъ предмѣстій, гдѣ живутъ иностранцы, прогуливаются семейства европейскихъ туристовъ. Тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ устраивается подвижной таборъ изъ грековъ и армянъ съ ихъ дѣтьми и красавицами дѣвушками. Въ великолѣпной долинѣ Буюкдере съѣзжается весь высшій дипломатическій кругъ, къ которому примѣшивается и турецкая аристократія въ фескахъ и синихъ, расшитыхъ золотомъ, казакинахъ. Но самое любимое народное гулянье — это такъ называемыя Европейскія Сладкія воды и Сладкія воды въ Азіи, которыя находятся весьма близко другъ отъ друга. Мѣстоположеніе этихъ долинъ дѣйствительно прекрасно: всюду мраморные фонтаны, которые тутъ походятъ на волшебные храмы, роскошная зелень, изъ которой такъ фантастично выглядываютъ высокіе минареты, и наконецъ великолѣпные зеленые луга, на которыхъ группами разбросаны платаны. Лишь только день склоняется къ вечеру, какъ тутъ все чаще начинаютъ сновать турецкіе экипажи, набитые гаремными затворницами. Подъ тѣнью деревьевъ разостланы ковры и шелковые тюфяки. На нихъ сидятъ турчанки, облокотясь на атласныя и парчевыя подушки. Еслибъ онѣ не курили своихъ папиросокъ, ихъ можно было бы принять за фарфоровыя куклы. Мужчины, поджавъ ноги, сидятъ на коврѣ тоже группами, но, разумѣется, отдѣльно отъ женщинъ.

До чего лѣнь и апатія свойственна туркамъ, можно видѣть здѣсь на дѣтяхъ. Тутъ такъ много мѣста побѣгать и порѣзвиться, между тѣмъ всѣ дѣти чинно сидятъ подлѣ своихъ матерей. Дѣвочки одѣты въ атласные казакины и шелковые шальвары съ желтыми сапожками, а волосы заплетены во множество мелкихъ косичекъ, перевитыхъ золотымъ или серебрянымъ снуркомъ. Мальчики въ курткахъ, шитыхъ золотомъ, очень часто съ орденами и медалями на шеѣ. Здѣсь каждый, украшенный орденомъ отъ правительства, имѣетъ право повѣсить копію съ него на старшаго сына.

Въ праздничные дни лужокъ бываетъ сплошь покрытъ балаганами, харчевнями и палатками. Множество торговцевъ расхаживаютъ съ лотками и предлагаютъ гуляющимъ лакомства и шербетъ *). У одной палатки толпятся армяне: они пьютъ свое любимое виноградное вино и заѣдаютъ его шашлыкомъ (баранье мясо, изрѣзанное на мелкіе куски и изжаренное на вертелѣ); въ другой, тихо и чинно покуривая трубку, турки пьютъ свое кофе и жуютъ сладкое... Всюду мелькаютъ длинные халаты евреевъ въ черныхъ шапочкахъ, обвязанныхъ сверху еще синимъ платкомъ въ родѣ чалмы; арнауты (албанцы), съ наброшенными на одно плечо шитыми золотомъ куртками; греки — въ богато вышитыхъ курткахъ и въ фустанеллахъ (бѣлыхъ юбкахъ).

Самая большая толпа народа подлѣ балагановъ, которые очень напоминаютъ наши масляничные балаганы. Тѣ же балконы для паяцовъ, та же бесѣдка съ висячими ка-

*) Шербетомъ называется отваръ изъ сушеныхъ плодовъ: персиковъ, изюма, сливъ, грушъ; изъ нихъ приготовляютъ кислосладкое питье со льдомъ. Это самое любимое прохладительное питье, какъ турокъ, такъ и очень многихъ жителей Балканскаго полуострова.

челями, такое же множество палатокъ съ разными лакомствами. Подлѣ балагановъ съ одной стороны площади настроены цѣлые ряды деревянныхъ скамеекъ, на которыхъ сидитъ множество женщинъ: турчанки, армянки и гречанки, даже высшаго полета, всѣ пришли полюбоваться балаганными увеселеніями, которыя ихъ тѣшатъ, какъ дѣтей. Сюда же шагомъ подъѣзжаетъ и необыкновенно блестящая карета, запряженная великолѣпными лошадьми: важно выступая, ихъ ведутъ подъ уздцы люди въ малиновыхъ курткахъ и бѣлыхъ чалмахъ. Сзади карету сопровождаютъ болѣе полудюжины конныхъ всадниковъ, а съ правой стороны, у самыхъ дверецъ, идетъ стражъ гарема, замѣчательно безобразный негръ съ отвислыми губами, въ бѣлой курткѣ и чалмѣ. Такъ катаются обыкновенно дочери султана или его жены.

Паяцами на балаганахъ являются обыкновенно греки и армяне, турокъ же и въ нищетѣ никогда не снизойдетъ до этой унизительной для себя роли. Правда, вы встрѣтите его здѣсь часто съ большимъ ящикомъ, въ которомъ онъ передвигаетъ аляповатыя картинки, но онъ никогда не пойдетъ снискивать себѣ пропитаніе паясничествомъ. Впрочемъ главную роль тутъ играетъ не столько нравственное чувство турка, сколько лѣнь и полнѣйшая неспособность его къ движенію.

Ая-Софія и характеръ турецкихъ мечетей.

Мечеть Ая-Софіи — самое любопытное и роскошное зданіе не только въ Константинополѣ, но и во всей Турецкой Имперіи. Доступъ въ нее чрезвычайно труденъ для христіанина. Только султанскій фирманъ (повелѣніе) открываетъ ему двери, но запастись имъ не легко. Впрочемъ, турки, какъ и всѣ южные жители, смотрятъ на туриста, какъ на дойную корову, и деньги даютъ ему возможность проникать иногда даже въ самыя священныя для магометанина мѣста, конечно кромѣ гарема. Софійская мечеть, прежде православный соборъ древней Византіи, строился впродолженіе 16-ти лѣтъ десятью тысячами рабочихъ подъ управленіемъ Исидора, при греческомъ императорѣ Юстиніанѣ, и обращенъ въ магометанскую мечеть покорителемъ Византіи Магометомъ II. Снаружи зданіе это имѣетъ очень тяжелый видъ: въ хаосѣ куполовъ, полу-куполовъ, грубыхъ минаретовъ и разныхъ пристроекъ, подымается квадратная масса блѣдно-желтаго цвѣта, съ красными поперечными полосками, такъ что напоминаетъ даже отчасти огромную тиковую палатку. «Но въ этой чудовищной грудѣ камней», говоритъ одинъ путешественникъ, «таится прекраснѣйшій храмъ, какъ сталактитовая пещера въ нѣдрахъ какой нибудь безобразной горы».

У входа въ храмъ вась непремѣнно встрѣчаетъ цѣлая толпа имамовъ (духовныя лица, совершающія богослуженіе) съ щетинистыми бородами и вь грязныхъ чалмахъ. Если у васъ нѣтъ фирмана, имамы предлагаютъ осмотрѣть мечеть за деньги и назначаютъ за осмотръ необыкновенно большую цифру. Туристъ проситъ сбавки и они, перекрикивая другъ друга, начинаютъ торговаться не хуже цыганъ и евреевъ. Лишь только вы вступаете на паперть, вы прежде всего встрѣчаете въ разныхъ позахъ сидящихъ и валяющихся нищихъ и калѣкъ. Съ другой стороны обыкновенно навалена огромная груда бабушей или сафьянныхъ туфлей. Дѣло въ томъ, что въ сапогахъ нельзя войти въ магометанскій храмъ, а приходится ихъ снимать у входа и вмѣсто ихъ надѣвать туфли, которыя тутъ лежатъ.

Вышина, громадность объема, простота и богатство, золото и рогожки на бѣломъ мраморномъ полу—все тутъ поражаетъ каждаго своею оригинальностію.

«Весь древній міръ жертвовалъ своими сокровищами для построенія этого собора: драгоцѣнные мраморы, яшмовыя и серпентинныя колонны свезены были изъ Европы и Азіи, изъ Афинъ и Сизика, изъ храма Діаны въ Ефесѣ, изъ храма Солнца въ Геліополѣ. Изъ этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ геній Исидора создалъ чудное зданіе, котораго не могли исказить грабежи, не въ силахъ были затмить всѣ новѣйшіе памятники. Напрасно землетрясенія колебали его стѣны, крестоносцы похищали украшенія, венеціанцы вывозили колонны и двери; турки съ фанатизмомъ отбивали его мраморы и мозаики,—Софійскій Соборъ остался несокрушимымъ и неподражаемымъ памятникомъ человѣческаго искуства».

Тамъ и сямъ со стѣнъ и сводовъ изъ подъ золотыхъ надписей корана, сквозь турецкую закраску и золотые арабески, выглядываютъ остатки греческихъ мозаикъ; видны и серафимы и фигуры святыхъ, но всѣ они старательно прикрыты какимъ нибудь украшеніемъ въ восточномъ вкусѣ.

На мѣстѣ алтаря—теперь камень изъ розоваго мрамора, показывающій направленіе къ Меккѣ; тутъ же и полинялый коверъ, на которомъ молился самъ Магометъ. Подъ куполомъ развѣшаны зеленые щиты, а со сводовъ висятъ на проволокахъ фарфоровыя лампады; очень напоминающія чайныя чашки.

Большинство другихъ мечетей представляетъ обыкновенно одну огромную комнату, почти безъ всякихъ украшеній. Куполъ поддерживается колоннами; свѣтъ проникаетъ черезъ множество оконъ. Съ потолка, на тонкой веревкѣ опускается люстра изъ проволоки, украшенная страусовыми яйцами. На стѣнахъ изреченія изъ Корана, и кромѣ того непремѣнно замѣтите возвышенное мѣсто, на которомъ молится султанъ, такъ какъ онъ хоть разъ въ году, но непремѣнно побываетъ въ каждой значительной мечети города. Полъ въ мечетяхъ обыкновенно покрытъ рогожками. Во время службы каждая мечеть наполнена турками. Горячности во время молитвы вы у нихъ не замѣтите; напротивъ, богослуженіе совершается какъ-то вяло, чинно, точно выполняется заданный урокъ. Они падаютъ ничкомъ, съ дикими завываніями, но это нисколько не подкупитъ васъ и не заставитъ вѣрить въ ихъ теплое религіозное чувство, такъ какъ въ коранѣ до мельчайшей подробности изложены всѣ правила молитвы.

У колоннъ совершенно отдѣльно стоятъ турчанки. Магометъ не считаетъ женщину такимъ же разумнымъ существомъ, какъ мужчину, поэтому она и до сихъ поръ въ Турціи не только не играетъ никакой роли ни въ общественной, ни въ семейной жизни, но даже и въ храмѣ Божіемъ не смѣетъ молиться вмѣстѣ съ мужчиною.

Еще самая характерная и общая черта всѣхъ мечетей—громадная толпа нищихъ. Войдите въ любую мечеть въ какое угодно время и вы убѣдитесь, что они всегда здѣсь валяются, молятся, отдыхаютъ, даже ѣдятъ, а когда правовѣрные соберутся молиться Богу, они выпрашиваютъ у нихъ милостыню. Въ этомъ безцеремонномъ отношеніи къ храму виновата магометанская религія, которая такое важное значеніе придаетъ милостынѣ. Магометанину, при всей его добротѣ къ нищимъ, никогда не придетъ въ голову, какъ бы бѣдняка поставить въ такое положеніе, чтобы тотъ могъ пробиваться не случайнымъ подаяніемъ, а честнымъ посильнымъ трудомъ. Зажиточный турокъ до тонкости вникаетъ, достаточно ли крѣпокъ его кофе, хорошо ли онъ приготовленъ, какимъ образомъ сдѣлать табачный дымъ болѣе пріятнымъ; но ни на что болѣе полезное мысль его никогда не была направлена. Въ средѣ ихъ вы не ищите на столько образованныхъ людей, которыхъ могли бы занимать или тревожить вопросы объ улучшеніи народнаго быта. Да и что за охота турку тревожить свой кейфъ какими бы то ни было

мыслями, когда ему такъ легко успокоить свою совѣсть, подавъ милостыню. Къ тому же она здѣсь вовсе и не обременительна, такъ какъ религія предписываетъ непремѣнно подавать бѣднымъ только въ томъ случаѣ, когда у самого остается избытокъ.

Поэтому для мечети нищіе представляютъ дѣйствительно тяжелое бремя. Довольно сказать, что въ одномъ Константинополѣ до 60-ти тысячъ кормятся ежедневно обѣдами отъ мечетей. Правда, мечети располагаютъ большими средствами, владѣютъ обыкновенно нѣсколькими домами или богатою землею, но не мало и нужно, чтобы прокормить здѣшнихъ нищихъ.

Дервиши.

Любимое народное зрѣлище испанца—бой быковъ, итальянецъ любитъ театръ, но у турка нѣтъ ни театра, ни цирка, и дикіе обряды дервишей служатъ для него самымъ любимымъ развлеченіемъ. Дервишами называются люди, вступившіе на высшую ступень спасенія—въ родѣ нашихъ монаховъ, еще скорѣе юродивыхъ въ прежнее время. Жизнь этихъ избранниковъ Аллаха, глубокое уваженіе, которое питаютъ къ нимъ остальные правовѣрные, ихъ обряды и богослуженіе отлично рисуютъ религіозныя понятія турокъ, ихъ образованіе и развитіе.

И странно: коранъ, который не позволяетъ туркамъ допускать иновѣрцевъ въ свои мечети во время богослуженія, совсѣмъ не стѣсняетъ въ этомъ отношеніи дервишей. Они охотно впускаютъ всѣхъ желающихъ въ свои теккіе (монастыри), и при этомъ не только не затрудняются исполнять всѣ свои обряды до мельчайшихъ подробностей, но большое собраніе зрителей, кажется, еще больше воодушевляетъ ихъ.

Въ одной изъ лучшихъ мѣстностей Перы построенъ монастырь дервишей Мевлеви. Кругомъ монастыря этихъ отшельниковъ расположено кладбище дервишей, гдѣ въ зелени кипарисовъ стоятъ мраморные надгробные столбики. Налѣво тянется низенькое деревянное строеніе, занятое кельями; направо—мечеть, а посреди—прелестный фонтанъ. Огромная толпа народа всѣхъ націй всегда нетерпѣливо ждетъ у рѣшетки начала богослуженія, т.-е. представленія, такъ, кажется, вѣрнѣе будетъ назвать эти пляски и кривлянья, изъ которыхъ и состоитъ ихъ богослуженіе. Турчанки обыкновенно составляютъ большую часть зрителей. И это понятно: при однообразной затворнической жизни, тамошнія женщины никогда не пропускаютъ ни одного зрѣлища и прогулки.

Лишь только откроютъ желѣзныя ворота, вся толпа уже зашевелилась и двинулась впередъ. Взору прежде всего представляется большая зала, съ трехъ сторонъ обведенная двойной галлереей. Въ верхнемъ ярусѣ помѣщается оркестръ, который состоитъ изъ нѣсколькихъ флейтъ и литавръ и изъ небольшаго хора поющихъ дервишей; въ нижнемъ ряду — богомольцы и зрители, а по бокамъ женскія ложи, которыя обведены до того высокой, зеленой рѣшеткой, что сидящихъ въ нихъ почти совсѣмъ не видно. Нѣсколько деревянныхъ колоннъ и рядъ перилъ отдѣляютъ зрителей отъ мѣста, гдѣ совершается обрядъ.

Огромнаго размѣра арабскія надписи изъ Корана украшаютъ стѣну съ восточной стороны. Зеленая подушка для настоятеля ордена и нѣсколько цыновокъ для братьи,—

вотъ и все внутреннее убранство. Полъ залы, гдѣ совершаются обряды, точно для танцевъ, полированъ, какъ стекло.

Настоятель, сухой, какъ скелетъ, старикъ, въ зеленой мантіи и съ зеленымъ тюрбаномъ на огромномъ колпакѣ, неподвижно, какъ истуканъ, сидитъ на подушкѣ. Три старыхъ дервиша стоятъ по сторонамъ, сложивъ руки и потупивъ взоры. Но вотъ наконецъ попарно вошли въ залу и остальные мевлеви. Медленно и едва слышно ступаютъ они своими босыми ногами и идутъ, смиренно опустивъ глаза внизъ и со сложенными на груди руками. Одѣты они въ коричневыхъ рясахъ и войлочныхъ шапкахъ. Необыкновенное смиреніе, которое они представляютъ всей своей фигурой, блѣдность ихъ лицъ, высокіе колпаки, длинныя, сѣдыя бороды и ихъ странная одежда, все это придаетъ имъ какую-то таинственность. Когда всѣ вошли и размѣстились въ одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи, настоятель встаетъ съ своего мѣста и начинаетъ читать молитву. Въ отвѣтъ ему раздается визгливое пѣніе хора. При этомъ дервиши разомъ опускаются на колѣна, вытягиваютъ впередъ руки, падая на нихъ ницъ, дружно издаютъ какой-то стонъ и крикъ. «Это онъ! Это онъ!» Затѣмъ они откидываются назадъ и опять падаютъ на протянутыя руки съ тѣмъ же завываніемъ. Пѣніе смолкло и нѣсколько минутъ царствуетъ глубокая тишина. Послѣ этого дервиши подымаются на ноги: лица ихъ пылаютъ, глаза блещутъ какимъ-то страннымъ огнемъ.

Настоятель торжественно входитъ на разостланный коверъ. Раздаются рѣзкіе звуки флейты и визгливое пѣніе. Въ эту минуту одинъ изъ дервишей медленно подходитъ къ настоятелю, кланяется ему въ поясъ, потомъ отходитъ на средину, складываетъ руки на груди и начинаетъ тихо кружиться на пяткахъ. Затѣмъ выходитъ другой, также кланяется настоятелю и точно также кружится. Тоже поочереди дѣлаетъ каждый, и такъ скоро вся зала наполняется вертящимися фигурами. Музыка постепенно становится громче и скорѣе, хоръ все болѣе дико и рѣзко взвизгиваетъ славословіе Аллаху, дервиши все быстрѣе кружатся. Они вытянули свои руки горизонтально, головы ихъ склонились на бокъ, глаза начали смыкаться, лица озарились восторженной улыбкой, а ихъ одежда поднялась на воздухъ и образовала огромные вертящіеся круги, среди которыхъ блѣдные дервиши кажутся какими-то куклами на пружинахъ. Между тѣмъ настоятель стоитъ неподвижно посреди, набожно опустивъ внизъ глаза.

Музыка, пѣніе и восклицанія хора слились наконецъ въ дикій, оглушительный ревъ; но вотъ дервиши вдругъ содрогнулись и сразу остановились въ тѣхъ же разстояніяхъ одинъ отъ другаго, какъ при началѣ представленія. Черезъ минуту они шатаясь отступили къ баллюстрадѣ и опустились на колѣни. Это былъ молитвенный антрактъ.

Эти дикіе звуки и пляска такъ овладѣли присутствующими, что всѣ они превратились въ зрѣніе и слухъ, вытянули лица и восторженными глазами впились въ дервишей. Послѣ небольшаго отдыха началась опять пляска. Теперь музыка играла еще быстрѣе: флейты, литавры, барабаны готовы были разорваться на части. Дервиши кружились съ непостижимою скоростью; потъ лился съ нихъ градомъ, — однако многіе изнемогали и тутъ же имамы подбѣгали къ нимъ и выводили ихъ изъ теккіе. И немудрено: нужны нечеловѣческія усилія, чтобы принимать участіе въ третьемъ актѣ этой душеспасительной гимнастики.

Когда пляска возобновляется въ третій и послѣдній разъ, на сценѣ остается обыкновенно не болѣе, какъ третья часть дервишей. Тутъ оркестръ доходитъ до такой быстроты, что вы слышите только неистовый ревъ и гулъ. Всѣ три акта этого религіознаго бѣснованія продолжаются около часу съ небольшимъ, и во время этого страннаго балета дервиши въ изступленномъ бѣшенствѣ, точно волчки, то и дѣло, мель-

каютъ передъ глазами настоятеля. У другаго отъ этого давно бы запестрило въ глазахъ и закружилась голова, но онъ до послѣдней минуты бодро и тихо, никого не задѣвая, скользитъ между пляшущими.

Народъ признаетъ дервишей за святыхъ и при всякомъ удобномъ случаѣ старается выказать имъ свое глубочайшее уваженіе. Къ нимъ собираются турки за совѣтомъ въ своихъ болѣзняхъ и вѣрятъ безусловно въ ихъ нашептываніе и пророчество. Какъ бы ни были нелѣпы ихъ медицинскіе совѣты, дервиши не несутъ никакой отвѣтственности, такъ какъ сама религія въ этомъ случаѣ беретъ ихъ подъ свое покровительство. Магометане вѣрятъ въ предопредѣленіе, т. е. они твердо убѣждены въ томъ, что съ человѣкомъ сбудется все, что ему предназначено съ самаго его рожденія. Поэтому, когда паціентъ умираетъ, дервишъ говоритъ его родственникамъ, что, значитъ, такъ было угодно Аллаху, и несчастные даже и въ мысляхъ не обвинятъ лѣкаря, будучи увѣрены въ такомъ предопредѣленіи.

Къ чести дервишей мевлеви должно прибавить, что они ведутъ жизнь гораздо болѣе порядочную, чѣмъ ихъ собратья другихъ орденовъ: они никогда не доходятъ также до бѣшенаго фанатизма, которымъ славятся другіе. Они до неистовства и до полнаго помраченія разсудка пляшутъ во славу Аллаха, но не вырываютъ себѣ всѣхъ зубовъ, какъ это дѣлаютъ другіе дервиши, въ память своего пророка Магомета, не привязываютъ себя за волосы къ стѣнѣ, чтобы не уснуть всю ночь, и не терзаютъ своего тѣла раскаленнымъ желѣзомъ.

Особеннымъ фанатизмомъ отличаются дервиши Руфаи, Шемси и др. По стѣнамъ ихъ молелень развѣшаны разныя орудія пытки, напоминающія инквизицію: желѣзные крючья, тонкіе кинжалы, кривыя, иззубренныя сабли и безчисленное множество подобныхъ инструментовъ. Тутъ при звукахъ дикой и оглушительной музыки дѣлаются всевозможныя безобразія. Одинъ выходитъ на средину, срываетъ съ себя мантію, махаетъ надъ своей головой кинжаломъ въ разныя стороны и затѣмъ ударяетъ имъ себя въ грудь. Другой кидается на остріе кинжала... Нѣкоторые бьютъ себя раскаленнымъ желѣзомъ или держатъ его въ зубахъ, грызутъ его и такъ далѣе, съ тѣми или другими измѣненіями, смотря по ордену братства, къ которому они принадлежатъ. Но какія бы раны ни наносили себѣ эти дервиши, они обыкновенно остаются здравыми и невредимыми. Одни приписываютъ это тому, что эти фанатики знаютъ только имъ извѣстныя средства тотчасъ залѣчивать свои раны; другіе на эти религіозныя самобичеванія смотрятъ какъ на ловкое фокусничество. Вообще объ этихъ самобичевателяхъ въ народѣ ходятъ весьма дурные слухи, какъ о людяхъ безнравственныхъ.

Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ тому же народу приносить каждый разъ въ ихъ молельни десятки больныхъ дѣтей для излѣченія. При этомъ несчастнаго малютку кладутъ на коверъ и одинъ изъ этихъ дервишей ставитъ на грудь ему сперва одну ногу, потомъ другую и затѣмъ выпрямляется. Послѣ этого такимъ же образомъ подносятъ другаго, и такъ всѣхъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, искренніе фанатики, совершенно убѣждены, что наложеніемъ своихъ ногъ на больнаго они исцѣляютъ его.

Рамазанъ.—Какъ постятся мусульмане.—Ночи въ Рамазанъ.—Китайскія тѣни.—Рамазанъ во дворцѣ.—Обрядъ цѣлованія «священной мантіи».—Выѣздъ султана.—Курбанъ-байрамъ.

Мы уже говорили о свѣтскихъ удовольствіяхъ турка, но чтобы дать полное понятіе о его характерѣ, чтобы составить себѣ ясное о немъ представленіе, необходимо разсказать о его отношеніи къ религіи и къ правиламъ, которыя она предписываетъ, а это лучше всего выражается во время Рамазана, мусульманскаго поста.

Съ мыслію о постѣ мы обыкновенно привыкли соединять тѣ или другія лишенія, умерщвленіе плоти и страстей. Но такое понятіе совсѣмъ не вяжется съ мусульманскимъ постомъ.

Мусульманскій постъ не воплощаетъ собой никакого событія (какъ напримѣръ у насъ великій постъ установленъ въ память поста Іисуса Христа и Его страданій); онъ исполняется неизвѣстно зачѣмъ и ни къ чему не ведетъ. Это совершенно пустая форма безъ всякой идеи! Къ тому же мусульманскій пророкъ предписываетъ своимъ послѣдователямъ держаться въ это время совершенно особыхъ правилъ. Мусульманинъ долженъ подвергать себя самому строгому воздержанію отъ пищи и питія во все время Рамазана днемъ, но за то онъ имѣетъ полное право вознаградить себя за это лишеніе ночью: тогда онъ можетъ предаваться всѣмъ своимъ страстямъ, услаждать свой слухъ и зрѣніе чѣмъ ему вздумается, угощать себя любимыми яствами, и на столько, на сколько потребуетъ его желудокъ, отощавшій послѣ дневнаго поста. Относительно питья то же самое. Онъ можетъ пить шербеты и другіе любимые напитки, за исключеніемъ вина, вообще запрещеннаго кораномъ. Да и въ этомъ мусульмане дѣлаютъ себѣ послабленіе: они говорятъ, что коранъ запрещаетъ пить виноградное вино, водка же не изъ винограда—и вслѣдствіе этого водка съ каждымъ годомъ все больше и больше входитъ въ употребленіе.

Мусульмане буквально выполняютъ всѣ предписанія, данныя на время Рамазана. Днемъ они такъ постятся, что стараются даже какъ можно меньше говорить, чтобы рѣже открывать ротъ и такимъ образомъ какъ можно меньше впускать въ себя воздухъ, но за то въ теченіи цѣлой ночи пресыщаются рѣшительно всѣмъ, такъ что Рамазанъ превращается изъ поста въ самый веселый мѣсяцъ въ году.

Рамазанъ непремѣнно долженъ совпадать съ новолуніемъ, но у турокъ не существуетъ никакихъ астрономическихъ вычисленій и все рѣшаютъ особые астрологи.

Когда приближается это время, они отправляются къ Босфору на вершину высокой горы Гиганта. Гора эта служитъ и Босфорскою обсерваторіей, и мѣстомъ поклоненія. Тутъ съ самыхъ древнихъ временъ находится какой-то памятникъ. Византійцы называли его гробомъ великана, а турки, завладѣвши имъ, стали признавать его мусульманскою святынею и приписываютъ ему чудодѣйственную силу. Больные турки и турчанки съ дѣтьми стекаются сюда на поклоненіе и обвѣшиваютъ лоскутьями отъ бѣлья и платья цвѣты и кустарникъ, которыми обсажена гробница. Они твердо вѣрятъ, что вмѣстѣ съ своими лохмотьями передаютъ растеніямъ и свою болѣзнь. Такъ вотъ съ этой-то поэтической вершины, прославленной многими преданіями, и высматриваютъ астрологи появленіе новой луны въ началѣ и концѣ Рамазана. Иногда за облаками и не видать вовсе луны, но имъ надоѣдаетъ долго смотрѣть, и они объявляютъ, что луна появилась и Рамазанъ начался. Тогда нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ даютъ знать всѣмъ о началѣ поста. Тотчасъ минареты унизываютъ плошками, воздухъ оглашается звуками пронзительной военной музыки, ночные сторожа оглушаютъ свои кварталы стуканьемъ по огромному бубну. Но первая ночь проходитъ безъ особеннаго ожи-

вленія, такъ какъ всѣ стараются провести ее въ своихъ гаремахъ и въ кругу своего семейства,—это нѣчто въ родѣ нашего заговѣнья. Впрочемъ, безъ особеннаго шума проходятъ и слѣдующія ночи, до первой Рамазанной пятницы,—мусульманскаго недѣльнаго праздника. За этими днями по ночамъ идетъ разгулъ, что море разливное. Однако разскажемъ по порядку весь день. Утромъ на восходѣ солнца и вечеромъ при его закатѣ Босфорскія и Скутарійскія батареи возвѣщаютъ начало и конецъ поста, а сообразно этому правовѣрные и распредѣляютъ свою жизнь. Поздно встаетъ турокъ, такъ какъ ночь онъ провелъ безъ сна, въ ежеминутномъ пополненіи своего желудка, да наконецъ ему просто бы хотѣлось проспать все время поста, т. е. всѣ дни. По этому во время Рамазана на улицахъ царствуетъ необыкновенная тишина. Изъ домовъ рѣдко кто показывается, и то развѣ за какимъ нибудь важнымъ дѣломъ. Турокъ и безъ того лѣнивъ, а тутъ ужъ совсѣмъ еле двигается. Его всегда вялая, заспанная физіономія теперь безжизненна до идіотизма. Турки побогаче совсѣмъ не выходятъ на улицу, они стараются покончить всѣ свои дѣла до Рамазана, чтобы спать цѣликомъ всѣ дни.

Даже и собаки, которыя на каждомъ шагу попадаются подъ ноги,—теперь спятъ гдѣ-то по закоулкамъ, чтобы бодрствовать ночью вмѣстѣ съ правовѣрными. Присутственныя мѣста и Безестенъ, лучшій стамбульскій базаръ, открыты только часа на два, на три въ день; зайдете днемъ въ кофейню, и не найдете въ ней не только кофе, но даже и трубки.

Солнце близко къ закату, османы стараются поскорѣе кончить свои дѣла, неподвижныя ихъ физіономіи нѣсколько оживляются, и они то и дѣло поглядываютъ на западъ. Но ни одинъ правовѣрный не позволитъ себѣ разговѣться до тѣхъ поръ, пока муэззинъ не провозгласитъ вечерней молитвы. Вотъ загремѣла пушка, со всѣхъ минаретовъ раздалось пѣніе муэззиновъ, и правовѣрные, омывши лице и руки, спѣшатъ въ мечети. Молитва кончена, и все мусульманское населеніе устремляется кто домой, кто въ кофейню на представленіе. На стамбульскихъ улицахъ сразу все ожило и проснулось: собаки и калѣки опять вылѣзли изъ своихъ норъ; всюду множество народа, улицы освѣщены необыкновенно фантастично: всѣ карнизы минаретовъ обставлены зажженными шкаликами, нѣкоторые изъ нихъ даже висятъ на проволокахъ между минаретами и издали кажется, будто горятъ звѣзды въ самомъ небѣ. Тамъ и сямъ изъ этихъ шкаликовъ составлены разныя фигуры, слова и цѣлыя фразы. И дѣйствительно, трудно себѣ представить, какъ заманчиво въ темную ночь разобрать и прочесть на небѣ огненныя слова «Аллахъ» или разсмотрѣть огненный султанскій каикъ и украшенія на мечетяхъ. Нѣкоторыя зданія, и особенно кофейни, украшены гирляндами изъ бумажныхъ цвѣтовъ, и изъ оконъ ихъ раздаются звуки музыки и пѣнія. Большинство правовѣрныхъ, смотря по вкусу, выбираютъ какую нибудь кофейню; нѣкоторые же въ одну ночь перебываютъ въ нѣсколькихъ, тѣмъ болѣе, что каждая изъ нихъ обыкновенно славится какимъ нибудь особымъ искуствомъ. Одна изъ нихъ извѣстна своимъ пѣвцомъ, другая плѣняетъ хорошимъ разскащикомъ, въ третьей даютъ «хязиль»—китайскія тѣни или кукольныя комедіи; въ иной подкутившій турокъ заставитъ и плясать передъ собой. Извѣстно, что правовѣрные сами никогда не пляшутъ и считаютъ танецъ унизительнымъ ремесломъ, но они далеко не прочь посмотрѣть, какъ отплясываетъ молодой, красивый грекъ или армянинъ. Эти пляски (смотрѣть которыя въ рамазанные дни позволяютъ себѣ только кутилы), пѣніе, разсказы, кукольная комедія и всѣ прочія увеселенія рамазанныхъ ночей отличаются далеко не душеспасительнымъ характеромъ. Можно даже смѣло сказать, что большинство этихъ великопостныхъ удовольствій носитъ на себѣ до такой степени грязный, циническій оттѣнокъ, что возбуждаетъ въ европейцѣ лишь одно отвращеніе.

Хязиль необыкновенно любимъ турками и чаще всего дается въ рамазанныя ночи: это единственное драматическое представленіе въ турецкой имперіи, имъ восхищается какъ простой народъ, такъ и высшее сословіе, вотъ поэтому мы и скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Китайскія тѣни обыкновенно занимаютъ уголъ кофейни: здѣсь развѣшивается занавѣсъ, а за нимъ стоитъ яркая лампа, передъ которой двигаются бумажныя куклы въ ¼ арш. величиною. Куклы эти передвигаетъ и говоритъ за нихъ актеръ, сидящій за занавѣсомъ. Онъ изображаетъ иногда не только турокъ, но и другія племена Турецкой имперіи, а очень часто и гяуровъ, поэтому актеръ долженъ хотя не много говорить на разныхъ языкахъ. Интрига комедіи очень не сложна, сцены слѣдуютъ за сценами безъ особенной связи и смысла. Да объ этомъ, разумѣется, никто и не думаетъ. Такая кукольная комедія не можетъ увлечь актера, не можетъ выказать его таланта и сценическихъ дарованій, поэтому и содержаніемъ ея сочинители не особенно озабочены. Въ ней обыкновенно два дѣйствующихъ лица: Карагезъ (что значитъ черноглазый) и Айвасъ.

Первый говоритъ всегда басомъ и выражается простонародно, а второй гнуситъ и щеголяетъ мудреными выраженіями. Завязка комедіи состоитъ въ желаніи обоихъ друзей надуть и одурачить другъ друга, что имъ и удается поочередно. Карагезъ, какъ итальянскій Пульчинелли, осмѣиваетъ все, иногда затрогивая даже политическія событія и пашей, любитъ потѣшиться надъ гяурами, изображая ихъ въ забавномъ видѣ. Нѣкоторые изъ этихъ Карагезовъ дѣйствительно обладаютъ порядочнымъ запасомъ остроумія и каламбуровъ, но при грубыхъ сценическихъ выходкахъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, при бездарности всей пьесы, эти остроты лишь праздно тѣшатъ турокъ. Да и станетъ ли правовѣрный задумываться въ Рамазанныя ночи, когда ему такъ хочется повеселиться!

Наконецъ наступаютъ послѣдніе, самые священные дни Рамазана: по религіозному повѣрію, если усердно помолишься Аллаху въ одну изъ этихъ ночей, то всякое желаніе будетъ исполнено. Такая таинственная, чудесная ночь и выпадаетъ обыкновенно на 27-ое число Рамазана. Турки думаютъ, что молитвы, совершаемыя въ одну эту ночь, равняются самымъ усерднымъ молитвамъ за нѣсколько лѣтъ. Они искренно вѣрятъ, что въ эту ночь творятся милліоны чудесъ и что въ ней есть такая минута, когда исполняется всякое желаніе правовѣрнаго. Эта «ночь судьбы», какъ ее называютъ мусульмане, проходитъ въ Константинополѣ слѣдующимъ образомъ. Въ восемь часовъ вечера пушечные выстрѣлы возвѣщаютъ выѣздъ султана изъ дворца въ мечеть на молитву. Мечети и минареты иллюминованы, улицы биткомъ набиты народомъ, который собрался посмотрѣть и на своего падишаха (султана), и на бенгальскіе огни, зажигаемые въ это время по берегу и на каикахъ, что на Босфорѣ. Помолившись въ мечети около часу, султанъ возвращается къ себѣ во дворецъ, сопровождаемый пушечными выстрѣлами и при свѣтѣ ракетъ; темная ночь, голубыя волны Босфора и Золотаго рога придаютъ этому освѣщенію особенную прелесть. Вслѣдъ за султаномъ расходится и весь народъ. Въ городѣ наступаетъ мертвая тишина. Кофейни пусты, такъ какъ правовѣрные усердно молятся по своимъ домамъ. Нѣкоторые однако не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на пламенныя молитвы собратій и прекрѣпко спятъ въ эту ночь. Это обыкновенно разувѣрившіеся въ чудесной силѣ «ночи судьбы». Они нѣсколько лѣтъ сряду усердно молили Аллаха въ таинственную минуту исполнить то или другое ихъ желаніе, но ни одна просьба ихъ не сбылась. Однако такихъ очень мало. Большинство чрезвычайно хладнокровно относится къ тому, что ихъ просьбы, произносимыя въ священную ночь, остаются безъ послѣдствій. «Видно такъ предопредѣлено со дня

рожденія», говорятъ турки, и не сбывшіяся надежды нисколько не ослабляютъ ихъ религіозныхъ чувствъ.

Посмотримъ, однако, что дѣлается въ дни Рамазана во дворцѣ падишаха. Первое важное и необыкновенно оригинальное торжество совершается въ серединѣ поста: я говорю объ обрядѣ цѣлованія «священной мантіи» мусульманскаго пророка, хранящейся въ старомъ дворцѣ. Эта мантія пользуется глубочайшимъ почтеніемъ мусульманъ и хранится въ особой комнатѣ, которая поэтому и называется «комнатою священной мантіи». Снаружи комната эта завѣшана планами Мекки и Медины; внутри покрыта черною матеріей, по которой вышиты стихи изъ корана. Посреди стоятъ два драгоцѣнныхъ ящика: въ одномъ хранится мантія, а въ другомъ—знамя; тутъ же въ нишѣ стѣны есть и другія вещи, принадлежавшія пророку. Чрезвычайно роскошный, драгоцѣнный сундукъ съ священной мантіей окруженъ наибольшимъ почетомъ. Кругомъ его стоятъ нѣсколько огромныхъ, серебряныхъ шандаловъ, съ потолка къ нему спускаются серебряныя лампы, которыя горятъ по ночамъ. Самая мантія обернута въ сорокъ чахловъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ матерій.

Въ пятнадцатый день Рамазана сюда пріѣзжаетъ султанъ и собираются всѣ сановники имперіи. Съ молитвами и съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ развертываютъ сорокъ покрововъ мантіи, затѣмъ къ ней подходитъ султанъ и прикладывается, а за нимъ одинъ за другимъ идутъ сановники и цѣлуютъ край мантіи. Съ одной стороны мантіи стоитъ при этомъ особый церемоніймейстеръ съ жезломъ въ рукахъ, который наблюдаетъ, чтобы сановники подходили, строго соблюдая различіе своего чина: полковникъ не смѣетъ приложиться раньше генерала и т. д. Съ другой стороны стоитъ придворный, подлѣ котораго на богатой подушкѣ лежитъ цѣлая кипа кисейныхъ платковъ. Ими онъ стираетъ съ мантіи каждый поцѣлуй и затѣмъ подаетъ этотъ платокъ приложившемуся.

Когда всѣ исполнили обрядъ цѣлованія, нѣсколько духовныхъ лицъ осторожно поднимаютъ мантію и при чтеніи молитвъ опускаютъ ее въ серебрянный бассейнъ, наполненный водою; тотъ край, который только что былъ покрытъ поцѣлуями, слегка полощутъ въ водѣ. Затѣмъ опять съ молитвами и съ такимъ же благоговѣніемъ завертываютъ мантію въ сорокъ чахловъ и уже не открываютъ ее до будущаго Рамазана. Султанъ возвращается въ свой дворецъ при громѣ пушекъ, а сановники разъѣзжаются по домамъ.

Воду, въ которой полоскали мантію, съ этой минуты считаютъ уже священной, наливаютъ ее въ множество пузырьковъ, каждый пузырекъ запечатываютъ султанскою печатью и съ придворными служителями разсылаютъ ихъ ко всѣмъ, присутствовавшимъ при обрядѣ цѣлованія. Эту воду во всѣ дни Рамазана вливаютъ каждый разъ по одной, по двѣ капли въ обыкновенную и, прежде чѣмъ принять пищу въ рамазанскую ночь, разговляются этой священной водой.

Въ послѣдніе дни Рамазана гаремныя затворницы больше всего проявляютъ свою дѣятельность: цѣлыми днями онѣ чистятся, моются, отправляются въ Безестенъ накупать себѣ обновокъ и шьютъ ихъ себѣ къ празднику.

Но вотъ наступаетъ и Байрамъ—трехдневный праздникъ разговѣнія послѣ поста Рамазана. Мусульмане омываются, одѣваютъ свое лучшее платье, разговляются передъ байрамнымъ моленьемъ и идутъ въ мечеть. По выходѣ оттуда они непремѣнно въ этотъ день должны раздавать милостыню. «На нѣсколько лѣтъ», говорятъ турки, встрѣчаясь между собою.

Юноши и дѣти при встрѣчѣ со старшими цѣлуютъ у нихъ руки, а подчиненные лобызаютъ у начальниковъ край одежды. Затѣмъ на площадяхъ устраиваютъ для народа качели, тамъ и сямъ показываютъ лубочныя картинки; никакихъ другихъ, бо-

лѣе интересныхъ, зрѣлищъ не бываетъ. Самое главное торжество этого праздника сосредоточивается только во дворцѣ султана.

Еще до солнечнаго восхода собираются туда всѣ сановники имперіи и каждый занимаетъ мѣсто, соотвѣтствующее его званію. Отъ дворца до мечети, въ которую отправится султанъ молиться, по обѣимъ сторонамъ дороги разставляютъ солдатъ въ полной формѣ. Въ семь часовъ начинается шествіе. Впереди негры въ бѣлыхъ чалмахъ ведутъ подъ уздцы восемь султанскихъ лошадей; ихъ головы убраны страусовыми перьями, узды покрыты серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями; на спинахъ шитыя турецкія сѣдла съ длинными чепраками, на которыхъ сдѣланъ султанскій вензель изъ дорогихъ камней. Затѣмъ верхами на статныхъ коняхъ, по два въ рядъ одни за другими, ѣдутъ высшіе сановники, затѣмъ опять ведутъ двухъ султанскихъ лошадей знаменитой кровной породы «Недждъ», прославленной въ арабскихъ пѣсняхъ. Весь уборъ на этихъ лошадяхъ сіяетъ золотомъ и алмазами. Кругомъ ихъ гвардейцы въ турецкихъ темно-зеленыхъ мундирахъ съ киверами на головахъ. Дальше толпа стражи, вооруженной сѣкирами, и среди нихъ верхомъ самъ султанъ. На немъ накинутъ плащъ, пристегнутый брилліантовымъ аграфомъ, а на головѣ фесъ. Поѣздъ замыкаютъ менѣе важные чиновники.

Парадъ этотъ иногда нѣсколько измѣняется: то больше свиты впереди, то сзади,—смотря по предписанію. «Падишахъ аминъ» (да здравствуетъ императоръ!) кричатъ войска, и затѣмъ все тотчасъ смолкаетъ. Мусульманскій этикетъ воспрещаетъ излишній шумъ при султанскомъ шествіи.

По окончаніи молитвы султанъ возвращается тѣмъ же порядкомъ въ свой дворецъ, и тутъ происходитъ парадное поздравленіе съ праздникомъ и лобызаніе султанской одежды. Падишахъ садится на тронъ, а всѣ сановники и духовенство, опять каждый строго соблюдая свой чинъ, подходятъ къ султану цѣловать его ногу или платье. Великій визирь (послѣ султана самое важное лицо въ государствѣ) два раза падаетъ ницъ передъ султаномъ и затѣмъ цѣлуетъ его ногу. Послѣ него всѣ высшіе государственные чины имѣютъ право поклониться уже одинъ разъ и удостоиваются только приложиться къ низу одежды. Низшіе чины цѣлуютъ край султанскаго рукава. Духовенство безъ поклоновъ прямо цѣлуетъ одежду султану на груди, а низшее духовенство—край одежды. Бывали примѣры, что за малѣйшую оплошность въ порядкѣ приближенія къ особѣ государя, которое показывало не совсѣмъ твердое знаніе табели о рангахъ церемоніймейстерами, ихъ наказывали вѣчной ссылкой на какой нибудь изъ отдаленныхъ острововъ.

Вотъ и весь постъ, во время котораго веселятся и наѣдаются болѣе чѣмъ въ обыкновенное время, и праздникъ, который состоитъ въ униженіи слабыхъ и бѣдныхъ передъ сильными и богатыми.

Праздникъ «Курбанъ-байрамъ»— одинъ изъ важнѣйшихъ праздниковъ мусульманъ. Онъ имѣетъ характеръ чисто-религіозный. Курбанъ-байрамъ, т. е. праздникъ жертвоприношенія посвященъ воспоминанію о жертвоприношеніи Авраама. Онъ продолжается четверо сутокъ. Втеченіи всѣхъ четырехъ дней, каждый возгласъ муэззиновъ, возвѣщающихъ правовѣрнымъ время молитвы и омовенія, что, какъ намъ уже извѣстно, происходитъ пять разъ въ день, знаменуется 101 пушечнымъ выстрѣломъ. Такимъ образомъ цѣлый день, съ утра до вечера, непрерывно грохочутъ пушечные выстрѣлы. Вечеромъ всѣ мечети бываютъ такъ старательно иллюминованы, что онѣ кажутся сплошь охваченными пламенемъ. Въ день этого праздника, какъ и во всѣ торжественные дни, султанъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, верхами на арабскихъ лошадяхъ въ богатой сбруѣ, отправляется въ мечеть. При этомъ въ блестящемъ сул-

танскомъ кортежѣ, какъ и всегда, болѣе всего бросается въ глаза главный придворный евнухъ, безобразный негръ, украшенный орденомъ. За группой высокопоставленныхъ лицъ слѣдуютъ камергеры, адъютанты и даже главные придворные повара. Процессія заключается двойнымъ рядомъ пашей, беевъ, эффенди, которые подвигаются съ необыкновеннымъ смиреніемъ, потупивъ глаза и скрестивъ на животѣ руки. Войска встрѣчаютъ поѣздъ криками: «Падишахумъ чокъ яша!» (Долгія лѣта султану!)

Такъ какъ «Курбанъ-байрамъ»—праздникъ жертвоприношенія, то каждый правовѣрный закалываетъ въ этотъ день своими руками барана и одну часть его ѣстъ самъ съ своими друзьями, а другую непремѣнно отдаетъ бѣднымъ.

У турокъ вообще въ обычаѣ производить подобнаго рода закланія отчасти, чтобы расположить въ свою пользу небо, или чтобы возблагодарить его за какое нибудь счастливое событіе. Барановъ закалываютъ и накануне отъѣзда въ далекій путь, и на другой день послѣ возвращенія изъ путешествія, если оно только благополучно совершилось. Если кто нибудь изъ членовъ семейства заболѣетъ, то турки не знаютъ лучшаго средства излѣчить его, какъ зарѣзать барана и устроить при этомъ такъ, чтобы кровь его обагрила порогъ дома. Подобнаго же рода закланія совершаются даже иногда по распоряженію правительства, напр. при открытіи желѣзной дороги или какого нибудь общественнаго заведенія.

Такъ какъ народъ придаетъ такое важное значеніе этому обычаю, то и во дворцѣ дѣлаютъ къ этому празднику множество приготовленій. Въ день Курбанъ-байрама султанъ торжественно входитъ въ одну изъ залъ, приготовленныхъ для церемоніи, и, вооруженый ножемъ, закалываетъ барана съ вызолоченными рогами.

Сущность мусульманской религіи.— Какое она имѣетъ вліяніе на нравственность, образованіе, развитіе и положеніе народа. — Конституція страны.

Прежде чѣмъ говорить о сущности магометанской религіи, мы считаемъ необходимымъ хотя кратко объяснить ея происхожденіе. Мусульманское ученіе, изложенное въ коранѣ (коранъ или алкоранъ значитъ чтеніе, книга), не представляетъ собою ничего новаго, оригинальнаго, а переполненно заимствованіями изъ другихъ религій, которыя господствовали тогда въ Аравіи.

Магометъ внесъ въ проповѣдуемое ученіе множество уставовъ языческой религіи своихъ соотечественниковъ аравитянъ: поклоненіе съ многочисленными обрядами Меккскому храму Каабѣ, многоженство, пятикратную молитву съ колѣнопреклоненіемъ и паденіемъ ницъ. Очень много заимствовалъ онъ и изъ іудейскаго закона: единство Бога, сотвореніе міра въ шесть дней и покой Божества на седьмой, воздаяніе по смерти въ раю и аду, воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ, жертвоприношеніе и многое другое. Все это онъ соединилъ въ одну религію, кое-что сократилъ и прибавилъ, но главное—все, что онъ заимствовалъ, онъ разукрасилъ своей богатой фантазіей.

Магометъ былъ знакомъ также и съ христіанскою религіею, но изъ нея онъ взялъ лишь нѣсколько Евангельскихъ выраженій и ни одного основнаго догмата. Магометъ признаетъ Іисуса Христа только пророкомъ, но отвергаетъ Его божественность. Онъ больше всего разсчитывалъ имѣть послѣдователей между аравитянами и іудеями, поэтому и въ свое ученіе онъ старался внести религіозныя понятія и обряды, уже усвоен-

ные этими народами. Къ тому же и по своимъ природнымъ склонностямъ, и по своимъ политическимъ разсчетамъ Магометъ не могъ особенно сочувствовать всепримиряющей, полной любви, христіанской религіи. Онъ понималъ, что распространять свою религію ему придется не словомъ убѣжденія, а огнемъ и мечемъ, и потому ему гораздо больше пришелся по вкусу суровый Моисеевъ законъ: «око за око, зубъ за зубъ». И Магометъ опредѣляетъ даже степень мщенія: «если вы мстите за обиду», говоритъ онъ, «то мстите наравнѣ съ обидою, которая вамъ нанесена».

Главное ученіе его религіи — ученіе о единствѣ Бога. «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ его пророкъ», вотъ изреченіе корана, которое вы встрѣтите на каждомъ шагу, услышите изъ устъ каждаго его послѣдователя. И Магометъ дѣйствительно всею душею ненавидѣлъ идолопоклонство и всю свою жизнь словомъ и дѣломъ ратовалъ противъ него. Какъ же много руководилъ имъ разсчетъ, сколько въ немъ самомъ вкоренились понятія его соотечественниковъ, если онъ, не смотря на всю антипатію къ религіи идолопоклонниковъ, всетаки многое изъ нея заимствовалъ.

Кромѣ заимствованій изъ разныхъ религій, Магометъ въ свою проповѣдь внесъ многое, сообразуясь съ арабскими нравами. Поэтому, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, онъ и въ своемъ ученіи допустилъ обычай кровавой мести, изстари господствовавшій между бедуинами; усилилъ затворничество женщинъ, которое у аравитянъ-идолоплонниковъ простиралось только на дѣвушекъ. Наконецъ, не смотря на возгласы корана, которыми онъ до того унижаетъ женщинъ, т. е. цѣлую половину рода человѣческаго, что ставитъ ее на ряду съ животными, въ то же время въ уставы священной книги имъ внесено изъ бедуинскаго быта нѣкотораго рода уваженіе къ беззащитности и слабости женщины, развившееся, вѣроятно, отъ столкновенія съ христіанами.

Нужно замѣтить, что изъ каждой религіи Магометъ заимствовалъ только второстепенные догматы, отвергая въ каждомъ изъ этихъ ученій самое главное. У іудеевъ онъ отнялъ надежду на пришествіе Мессіи, у аравитянъ — идолопоклонство, у христіанъ—таинство искупленія, божественность Спасителя и любовь ко всему человѣческому роду.

Вотъ главныя предписанія, составляющія основу магометанской религіи — вѣра въ единаго Бога и въ небесныхъ духовъ, предопредѣленіе, мзда и награда въ будущей жизни; истребленіе всѣхъ немагометанъ огнемъ и мечемъ; частое омовеніе и молитва; милостыня, постъ и путешествіе въ Аравію на поклоненіе храму Каабѣ. Посмотримъ же, какъ выполняются эти догматы и какое значеніе имѣютъ они въ жизни мусульманъ.

По ученію магометанской религіи лишь только умираетъ человѣкъ, какъ уже начинается для него покровительство или гоненіе; духъ смерти *бережно* беретъ душу умершаго мусульманина и безъ всякой осторожности обходится съ немусульманской душой; затѣмъ душу мусульманина, если онъ жилъ сообразно указаніямъ Магомета, услаждаютъ дуновеніемъ райскаго воздуха, немусульманинъ же во всякомъ случаѣ подвергается истязаніямъ. Какъ бы честенъ и хорошъ ни былъ иновѣрецъ, онъ никогда не отдѣлается послѣ своей смерти отъ адскаго мученія, между тѣмъ какъ грѣшнымъ мусульманамъ даже и во время послѣдняго суда предоставляется множество льготъ, при которыхъ имъ довольно легко войти въ рай.

Праведнымъ мусульманамъ Магометъ обѣщаетъ въ будущей жизни: великолѣпныя рощи съ павильонами и фонтанами, роскошныя одежды, утонченныя яства, нѣжнѣйшіе плоды, усладительныя питья, въ томъ числѣ и вино, тамъ уже лишенное всякаго опьяняющаго свойства, верховыхъ разукрашенныхъ животныхъ, юную и красивую

прислугу, прелестныхъ, черноокихъ женщинъ (гурій) и наконецъ вѣчный тридцатилѣтній возрастъ.

Изъ этого описанія рая, уготовленнаго праведнымъ мусульманамъ, мы видимъ грубое представленіе, какое имѣетъ эта религія о счастіи человѣка, — представленіе, лишенное всего духовнаго и высоко-нравственнаго. Она не можетъ иначе представить себѣ блаженства, какъ въ обжорствѣ, въ роскоши одеждъ, всегда въ кругу черноокихъ женщинъ. Обѣщая правовѣрнымъ въ будущей жизни юную, красивую прислугу, Магометъ обѣщаетъ имъ и за гробомъ дѣлить ихъ на баръ и рабовъ. Другаго идеала счастія турокъ не имѣетъ и потому онъ еще и при жизни старается его достигнуть. По цѣлымъ днямъ онъ куритъ трубку, пьетъ кофе, прислушивается къ журчанію фонтановъ, разгуливаетъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ и такимъ образомъ предвкушаетъ будущее блаженство. А чтобы и всю жизнь наслаждаться этимъ безмятежнымъ покоемъ, онъ, сколько хватаетъ силъ, грабитъ подвластныя ему племена.

Въ статьѣ объ «общественныхъ удовольствіяхъ турокъ» мы видѣли, что, хотя публичная купля и продажа рабовъ оффиціально запрещена въ Турціи, тѣмъ не менѣе она и до сихъ поръ производится въ кофейняхъ и частныхъ домахъ. Невольничество освящено, какъ мы сейчасъ увидимъ, самимъ пророкомъ и будетъ существовать въ Турціи такъ же долго, какъ и сама магометанская религія. Гаремная жизнь и невольничество тѣсно связаны между собой и одно безъ другаго совсѣмъ не можетъ существовать. Съ прекращеніемъ невольничества пришлось бы построить жизнь женщинъ на новыхъ началахъ, а слѣдовательно измѣнить нравы, обычаи, привычки, вѣрованія, однимъ словомъ пересоздать всю общественную жизнь турокъ.

Когда Магометъ издалъ свои законы, невольничество было распространено повсемѣстно. Еслибы Магометъ враждебно отнесся къ идеѣ рабства, горячо и открыто сталъ бы на защиту рабовъ противъ угнетенія, униженія и порабощенія ихъ другою половиною рода человѣческаго, — онъ нажилъ бы себѣ, разумѣется, много враговъ. Между тѣмъ Магометъ, какъ человѣкъ въ высшей степени практическій, прежде всего старался о томъ, чтобъ его религія, такъ или иначе, была какъ можно болѣе распространена. Вотъ поэтому онъ не только позволяетъ своимъ послѣдователямъ обзаводиться рабами, но даже опредѣляетъ число палочныхъ ударовъ, которыми правовѣрный мусульманинъ можетъ наказать строптиваго раба, ударяя его по спинѣ или по пяткамъ. Однако, позволяя господамъ въ случаѣ неповиновенія рабовъ прибѣгать даже къ тѣлесному наказанію, онъ въ тоже время ограждаетъ ихъ отъ произвола. Магометъ учитъ своихъ послѣдователей обходиться съ своими рабами милостиво и смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ собственныхъ дѣтей, за которыхъ они будутъ отвѣчать передъ Богомъ. Онъ говоритъ даже, что мусульманинъ, желающій совершить истинно доброе дѣло, долженъ дать свободу рабу, который служилъ ему вѣрою и правдою. Такое наставленіе пророка имѣло огромное значеніе. Каждый рабъ, получая свой отпускной листъ отъ господина, становится такимъ же равноправнымъ гражданиномъ, какъ и турокъ, и можетъ занимать въ государствѣ различныя должности и достигнуть высшихъ почестей. И дѣйствительно, многіе сановники и полководцы Оттоманской имперіи, имена которыхъ сохранились въ исторіи, принадлежали къ сословію освобожденныхъ невольниковъ. Когда невольница получаетъ увольненіе, она уже становится дамою, «ханумъ», и съ этой минуты никто не вправѣ обратить ее въ свою собственность, безъ соблюденія извѣстнаго рода установленныхъ закономъ формальностей.

Красивыхъ невольницъ, какъ прежде, такъ и теперь, тотчасъ помѣщаютъ въ гаремы. Наиболѣе миловидныя изъ нихъ дѣлаются женами турокъ, менѣе красивыя поступаютъ горничными, кухарками и разнаго рода прислужницами при гаремахъ. Прежде,

когда рабы были даже у простаго народа, турки употребляли ихъ для воздѣлыванія своихъ полей. Но какія бы обязанности ни лежали на рабахъ, турки согласно съ требованіями Корана, обходились съ ними во времена рабства гораздо человѣколюбивѣе другихъ народовъ и многіе изъ нихъ дѣйствительно заботились о своихъ рабахъ съ отеческою любовью. Это гуманное обращеніе съ рабами и возможность для нихъ сдѣлаться равноправными гражданами, въ то время, когда другіе относились къ нимъ съ высокомѣріемъ и съ презрѣніемъ, заставила многихъ невольниковъ бросать свою религію и вступать въ ряды мусульманъ.

Коранъ строго предписываетъ соблюдать «Сетръ-Авретъ», т. е. законъ, повелѣвающій женщинѣ скрывать свое лицо. Посмотримъ же, что изъ этого выходитъ на практикѣ. При своихъ гаремахъ турки обязаны держать много прислуги. Если бы въ гаремахъ прислуживали турчанки, то каждый разъ, при появленіи своего господина, онѣ должны были бы бросаться въ разныя стороны, чтобы подальше скрыться отъ взоровъ мужчины, и вмѣсто того, чтобы спокойно продолжать свою работу, только и думать о томъ, какъ бы плотнѣе укутать свое лицо. Да и можетъ ли быть пріятно турку видѣть этихъ движущихся мумій, относительно которыхъ и самъ онъ, по обычаямъ страны, долженъ быть очень остороженъ. Другое дѣло съ невольницами: съ ними ему не надо никакихъ предосторожностей. Онѣ прежде всего составляютъ полнѣйшую собственность хозяина и онъ можетъ видѣть ихъ съ открытыми лицами. Вотъ вслѣдствіе этого для гаремовъ пріобрѣтаютъ женщинъ изъ чужихъ странъ и отказываютъ въ заработкѣ своимъ.

Вѣра мусульманъ въ предопредѣленіе имѣетъ также весьма пагубныя послѣдствія. «Гдѣ бы вы ни были», сказано въ Алкоранѣ, «смерть постигнетъ васъ, хотя бы вы были на высочайшихъ башняхъ. И не ты убиваешь, но Богъ убиваетъ; не ты бросалъ стрѣлу, когда ты бросалъ, но Богъ бросалъ. Бѣдствіе никогда не поразитъ ни землю, ни людей, если то не написано въ книгѣ еще прежде сотворенія. Если будетъ моровая язва въ странѣ, которую вы обитаете, не покидайте этой страны, вѣря, что если кому уже не опредѣлено погибнуть, тотъ не погибнетъ, хотя бы былъ окруженъ всякими язвами и напастями».

Вѣра въ предопредѣленіе необыкновенно гибельна для народнаго здравія въ Турціи—этой жаркой странѣ, среди полудикаго народа, все образованіе котораго ограничивается изученіемъ религіи. Согласно словамъ своего пророка, турки непоколебимо вѣрятъ, что каждый, уже при своемъ рожденіи, получилъ приговоръ: умереть-ли ему отъ чумы, отъ войны, или отъ другой какой напасти, и что всѣ жертвы мороваго повѣтрія предвѣчно записаны въ книгѣ судебъ. «Кысметъ»—судьба—никогда не сходитъ съ языка турка, и онъ не только не принимаетъ никакихъ предосторожностей отъ заразительныхъ болѣзней, но съ остервененіемъ набрасывается на каждаго, въ комъ замѣтитъ малѣйшее желаніе предостеречься. Проносятъ ли турки покойника, умершаго отъ чумы, и лишь только подмѣтятъ они, что кто нибудь осторожно пробирается, чтобы какъ нибудь не задѣть носильщиковъ,—бѣда, они нарочно будутъ стараться какъ нибудь до него дотронуться, а если это не удастся, начнутъ проклинать и обругаютъ его на чемъ свѣтъ, что онъ хочетъ отвратить неотвратимую руку судьбы. Въ Константинополѣ множество лавокъ, въ которыхъ за безцѣнокъ продаются всѣ вещи отъ зачумленныхъ, и турки, безъ всякаго страха покупая эти вещи, еще болѣе распространяютъ чуму и разносятъ ее по всѣмъ концамъ города.

Такое же дурное вліяніе имѣетъ этотъ догматъ и на нравственность. Турокъ сдѣлалъ что нибудь скверное, подумаетъ, скажетъ: «кысметъ» и успокоится, больше у него и нѣтъ угрызеній совѣсти. Точно также и всякое свое бѣдствіе онъ сваливаетъ

не на свое неблагоразуміе, не на свою лѣнь, недостатокъ воли, знанія, а на предопредѣленіе божіе. Такимъ образомъ въ человѣкѣ мало по малу исчезаетъ стремленіе къ самосовершенствованію, образованію, къ изученію ремеслъ, къ пріобрѣтенію того или другаго знанія, чтобы улучшить свое положеніе. «Потому», думаютъ турки, — «ничѣмъ тутъ не поможешь; сказано въ книгѣ судебъ, что будешь валяться съ собаками, — ну и валяйся!.. Смѣетъ ли слабый человѣкъ перемѣнить предопредѣленіе?» Правда, иногда этотъ фатализмъ внушаетъ человѣку отчаянную рѣшимость на геройскіе подвиги, но эти порывы истекаютъ не изъ нравственнаго чувства, а только изъ фанатической вѣры мусульманина, что онъ не умретъ, если это не предопредѣлено свыше.

Что же касается обрядовой стороны мусульманскаго ученія, то она не только не имѣетъ никакого символическаго значенія, но очень часто даже никакого смысла. Лучшимъ примѣромъ этого служитъ весь ихъ постъ Рамазанъ и ихъ праздникъ Курбанъ-байрамъ. Мы уже знаемъ, что въ праздникъ Курбанъ-байрамъ предписано закалывать агнца. Такъ какъ султанъ пользуется не только свѣтскою властію, но имѣетъ и высшую духовную, слѣдовательно представляетъ на землѣ намѣстника пророка, то онъ собственноручно и закалываетъ этого агнца. Спрашивается, что означаетъ этотъ праздникъ? Въ память чего онъ установленъ? Къ чему тутъ рѣжутъ барана? «Такъ повелѣлъ пророкъ Магометъ», скажетъ на эти вопросы турокъ, а если что уже указано въ коранѣ, османлы исполняютъ безъ всякихъ размышленій. Ясно, что этотъ обрядъ заимствованъ у іудеевъ, но тамъ онъ имѣетъ смыслъ, здѣсь же—никакого.

Въ первую минуту, кажется, что обрядъ омовенія долженъ имѣть благодѣтельныя послѣдствія, но нужно помнить, что мусульманская чистоплотность имѣетъ чрезвычайно узкое, ограниченное примѣненіе. Очень часто омывая свое тѣло и еще чаще лице и руки, турокъ совсѣмъ не заботится о чистотѣ бѣлья: свою рубашку онъ перемѣняетъ одинъ, много два раза въ годъ, еще меньше заботится онъ о чистотѣ своихъ великолѣпныхъ, покойныхъ дивановъ и всего своего помѣщенія. Наконецъ эта чистоплотность турка нисколько не связана съ душевною чистотою. Да и что заботиться о душѣ, когда ему стоитъ только пять разъ въ день помолиться, столько же разъ вымыться, соблюдать Рамазанъ, давать лишнія деньги нищимъ — и онъ непремѣнно будетъ въ раю.

Молитвѣ магометанская религія придаетъ особенно важное значеніе. «Кто молится вмѣсто утренняго и вечерняго сна, тотъ внидетъ въ рай». — «Кто скажетъ въ день слово молитвы сто разъ, заслуга того равняется освобожденію десяти невольниковъ; сто добрыхъ дѣлъ ему вписываются и сто дурныхъ вычеркиваются...» При такихъ условіяхъ, разумѣется, каждый магометанинъ долженъ быть въ раю, такъ какъ произнести сто разъ на дню молитву вовсе не трудно и можно пріучиться дѣлать это чисто механически.

Кромѣ религіозныхъ догматовъ и обрядовъ, мы находимъ въ коранѣ правила для нравственнаго руководства человѣка въ отношеніи къ Богу, къ самому себѣ и въ отношеніи къ другимъ людямъ.

Изъ всѣхъ предписаній магометанской религіи болѣе свѣтлымъ взглядомъ отличаются обязанности, которыя она заповѣдуетъ въ отношеніи къ Богу. Согрѣшившій, по постановленіямъ алкорана, долженъ втайнѣ принести Богу покаяніе и въ молитвахъ просить у него прощенія. Онъ долженъ также стараться искупить грѣхи, раздавая милостыню нищимъ и освобождая невольниковъ, — хотя и тутъ, какъ мы уже говорили раньше, милостынѣ придаютъ черезъ-чуръ узкое, одностороннее значеніе.

Главныя обязанности къ самому себѣ слѣдующія: нерасточительность, воздержан-

*

ность въ пищѣ и питьѣ, не желать себѣ смерти, не убивать себя. Эти обязанности такъ немногосложны и нетрудны, что ихъ выполняетъ мало-мальски здравомыслящій человѣкъ. Что же касается до обязанностей по отношенію къ другимъ, — *то тутъ именно и кроется самая пагубная сторона этого ученія.* Магометанская религія не смотритъ, подобно христіанской, на всѣхъ людей, какъ на братьевъ, но дѣлитъ весь родъ человѣческій на двѣ категоріи: на мусульманъ и на немусульманъ. Если и требуется соблюдать нѣкоторыя добродѣтели въ отношеніи ближняго, то тутъ подразумѣваются только мусульмане; къ немусульманамъ же правовѣрные могутъ питать полнѣйшее презрѣніе, стараясь вездѣ, гдѣ возможно, истреблять ихъ огнемъ и мечемъ. «Джихадъ», война за вѣру, считается пророкомъ самымъ высшимъ подвигомъ. Войну противъ невѣрныхъ, по ученію ислама, должно вести всегда, пока на свѣтѣ есть хоть одинъ немусульманинъ. Отъ этой войны можетъ отказываться только хромой и слѣпой. Да и они, если только не совершенно разслаблены болѣзнями, должны ходить вездѣ и проповѣдывать магометанскую вѣру.

Во время войны религія запрещаетъ правовѣрнымъ уродовать плѣнниковъ, но позволяетъ брать ихъ въ рабство, продавать, пользоваться ихъ имуществомъ, однимъ словомъ быть полнымъ господиномъ ихъ жизни и смерти. Воровство въ Турціи чрезвычайно строго наказывается; но воровать и грабить у немусульманина вполнѣ допускается.

Извѣстно всѣмъ, какимъ возмутительнымъ лихоимствомъ и взяточничествомъ отличаются турецкіе чиновники и сборщики податей; по отношенію же къ раямъ *) они безъ церемоніи дерутъ, что называется, съ живаго и съ мертваго. Въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія со стороны этихъ несчастныхъ подданныхъ Турецкой имперіи, чиновники садятъ ихъ на колъ, а иногда съ совершеннымъ хладнокровіемъ дѣлаютъ тоже и съ другими членами ихъ семействъ; затѣмъ складываютъ на возы весь ихъ домашній скарбъ, сгоняютъ стада и все это отправляютъ къ себѣ, какъ свою собственность. Сумма, которую должны были внести несчастные турецкому правительству, выплачивается, а львиная доля остается чиновнику.

Такой грабежъ, разбой и убійство, учиняемый правовѣрнымъ надъ немусульманиномъ, правительство никогда не преслѣдуетъ: чиновнику нужно же собрать дань, а то, что онъ самъ понагрѣлъ себѣ руки и убилъ гяура, — не бѣда, самъ великій пророкъ повелѣлъ истреблять ихъ всѣхъ безъ исключенія.

Кромѣ хищничества и разбоя, которые свободно допускаются религіей по отношенію къ немусульманамъ, пророкъ старается внушить еще совершенное презрѣніе и пренебреженіе къ нимъ. Слѣдуя его ученію, турки гнушаются всякимъ гяуромъ, отвергаютъ все немусульманское, какъ бы оно ни было для нихъ полезно. Судопроизводство Оттоманской имперіи вообще чрезвычайно плохо устроено, но турокъ все таки можетъ найти какую нибудь защиту у закона; самая же законная жалоба немусульманина, особенно жалоба, поданная имъ на турка, большею частью только увеличиваетъ его вину. Турокъ грабитъ христіанина изъ своей райи, и, какъ это обыкновенно бываетъ, не тайно, а при всѣхъ, среди бѣлаго дня. Обиженный отправляется къ кади (къ судьѣ) и подаетъ жалобу на турка.

— «А свидѣтели есть?»

— «Какъ же, вся деревня видѣла». — «Нѣтъ, нѣтъ....», перебиваетъ его кади, а правовѣрнаго имѣешь свидѣтелемъ? Пора же вамъ привыкнуть къ тому, что пятьдесятъ

---

*) Раями называются въ Турціи всѣ подданные въ имперіи немусульманскаго исповѣданія.

христіанъ свидѣтелей безъ турка ничего не значатъ....», скажетъ кади равнодушно, и несчастный уйдетъ ни съ чѣмъ.... Нѣтъ, впрочемъ онъ выходитъ изъ суда съ твердымъ убѣжденіемъ, что въ своемъ обидчикѣ нажилъ себѣ злѣйшаго врага, и что его жалоба ни за что не пройдетъ ему даромъ. Да хоть турокъ и видѣлъ, какъ его собратъ грабилъ христіанина, но развѣ онъ возьмется свидѣтельствовать за гяура, да еще противъ мусульманина? А бываетъ и хуже: ограбившій турокъ самъ идетъ еще раньше жаловаться на того, кого онъ только что ограбилъ. Поводъ найти не трудно: ограбленный райя поколотилъ его и этого совершенно достаточно. Онъ беретъ въ свидѣтели кого нибудь изъ своихъ, и тотъ на судѣ подтверждаетъ, какъ собака-гяуръ билъ товарища. Сколько бы ни оправдывался райя, сколько бы ни представлялъ свидѣтелей изъ своихъ, что онъ нанесъ ударъ турку только тогда, когда тотъ оскорбилъ его дочь, отнялъ у него его имущество, до полусмерти избилъ его старика отца,—ничего не примутъ во вниманіе, а только будутъ повторять: «отвѣчай на вопросъ: билъ ты или нѣтъ османла?» Несчастный не запирается и пускается объяснять причину своего поступка, но его уже не слушаютъ, выводятъ и даютъ 100 или 200 палокъ по пяткамъ. Христіанинъ жалуется, что такой-то турокъ укралъ его лошадей, и въ доказательство того, что онъ говоритъ правду, указываетъ на всю деревню. Но у него требуютъ свидѣтеля непремѣнно изъ турокъ. «Да во всемъ нашемъ селеніи нѣтъ ни одного турка, ни одинъ турокъ не знаетъ моихъ лошадей... Значитъ, для моего показанія мнѣ ужъ просто нужно нанять лжесвидѣтеля изъ турокъ...»—«Много не разговаривай и помни разъ навсегда: нѣтъ турка-свидѣтеля, нѣтъ и лошадей...» Существуетъ законъ, по которому никакой подданный султана не можетъ быть задержанъ безъ суда. Но и этотъ законъ соблюдается въ отношеніи лишь магометанъ; что же касается райевъ, то ихъ хватаютъ и отправляютъ въ тюрьму безъ всякаго суда и даже спроса, просто по прихоти мѣстныхъ властей и оставляютъ въ заключеніи, сколько вздумается. Выпустятъ же его на волю опять-таки не по приговору суда, а потому, что онъ дастъ взятку. Все это происходитъ и въ наши дни, не смотря на то, что въ 1877 г. по рескрипту султана въ Турціи провозглашена конституція, въ которой было торжественно заявлено о томъ, что отнынѣ всѣ подданные султана, какого бы они ни были исповѣданія,—равны передъ закономъ. Но въ Турціи всѣ хорошія реформы и либеральныя предписанія, какъ прежде, такъ и теперь, всегда оставались и остаются только прекрасными фразами.

Чтобы образовать воиновъ, всегда способныхъ во имя вѣры идти съ огнемъ и мечемъ, Магометъ проповѣдывалъ, что и праздное время должно проводить не въ играхъ и забавахъ, а въ воинскихъ упражненіяхъ. Поэтому у турокъ изгнаны всѣ, даже самыя невинныя увеселенія: у нихъ нѣтъ ни народныхъ игръ, ни народныхъ плясокъ. Богатые, когда хотятъ позабавиться, стрѣляютъ изъ лука, остальные смотрятъ на эту забаву и такимъ образомъ еще болѣе разжигаютъ свой воинственный и религіозный фанатизмъ, свои дикія страсти. Мусульманамъ запрещены игры, но такъ какъ каждый человѣкъ чувствуетъ иногда какое-то влеченіе къ забавѣ, то они отъ времени до времени (особенно же, какъ мы это видѣли, во время Рамазана) смотрятъ на самыя постыдныя зрѣлища.

Магометъ такъ ненавидѣлъ идолопоклонниковъ и такъ опасался, чтобы его послѣдователи когда нибудь не сдѣлались ими, что запретилъ живопись и скульптуру. Мусульмане допускаютъ поэтому только изображеніе цвѣтовъ и рѣзьбу, которые получили названіе арабесковъ. Вотъ почему въ исторіи Турціи ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ вы не встрѣтите ни одного имени великаго мастера, и живопись и скульптура въ совершенномъ упадкѣ. Также неодобрительно отнесся Магометъ и къ музыкѣ; поэтому у турокъ не было ни одного великаго музыканта, и вы никогда не услышите

не только хорошей музыки, но даже и пѣсни, которая бы пѣлась общимъ хоромъ рабочихъ. Тутъ до васъ не донесется ни единаго звука ни изъ мастерской, ни съ Босфора, по которому разъѣзжаетъ всегда столько лодочниковъ. Изрѣдка пѣсню вы можете услышать только въ кофейняхъ, но и тутъ поется она не иначе, какъ однимъ и тѣмъ же напѣвомъ, употребляемымъ при мусульманскомъ богослуженіи. Содержаніе пѣсни до крайности бѣдно и однообразно. И это понятно: всѣхъ-то пѣвцовъ здѣсь какой нибудь десятокъ — другой, поютъ все старыя пѣсни, или присочиняютъ къ нимъ нѣсколько словъ, или на тотъ же сюжетъ выдумываютъ новую, братья по ремеслу подхватываютъ ее, и такъ одна и таже пѣсня будетъ ходить по кофейнямъ много десятковъ лѣтъ. Хотя магометанская религія и не одобряетъ музыку, но турки очень любятъ громкіе, раздпрательные звуки и предаются отъ времени до времени этимъ удовольствіямъ. Но не только въ этомъ, но и во многомъ другомъ турки теперь отступаютъ отъ правилъ, предписанныхъ Магометомъ. Иначе и невозможно. Магометъ до мелочей предписываетъ своимъ послѣдователямъ, чѣмъ заниматься, что пить, что ѣсть, какую носить одежду, обувь, не забылъ даже и бороды, которую приказываетъ отпускать, а усы брить. Но частое столкновеніе съ европейцами заставляетъ турокъ мало-по-малу кой-что у нихъ перенимать. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ всѣ эти отступленія и перемѣны ограничиваются лишь пустою внѣшностью. Вмѣсто туфлей, указанныхъ Магометомъ, нѣкоторые одѣваютъ теперь сапоги, вмѣсто чалмы большинство начало носить фесъ, и затѣмъ все больше и больше пристращаются къ шампанскому.

Кромѣ безразсуднаго гоненія на искусство, Магометъ въ своей проповѣди коснулся и нѣкоторыхъ полезныхъ знаній. Такъ напримѣръ, анатомія совершенно исключена изъ списка мусульманскихъ наукъ потому, что умершій, по ихъ мнѣнію, долженъ немедленно представиться ангелу смерти. По ихъ понятіямъ, лучше рѣзать и разсѣкать живыхъ людей, чѣмъ тревожить этими операціями мертвыхъ. Были примѣры, что султаны разсѣкали пажей своихъ, чтобы узнать, кто изъ нихъ съѣлъ апельсинъ или выпилъ шербетъ, —на это нѣтъ закона, но законъ строго запрещаетъ вскрыть человѣческій трупъ. Поэтому медицина въ мусульманскихъ земляхъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Она ограничивается только изученіемъ нѣкоторыхъ лекарствъ, но такъ какъ докторъ не знаетъ устройства и отправленій человѣческаго тѣла, то его лекарства не могутъ быть удачны, а главное—безъ знанія анатоміи невозможно распознать и самыхъ болѣзней.

Пагубное вліяніе мусульманской религіи на образованіе и нравственность и безъ того должно было породить въ туркахъ множество суевѣрій, но кромѣ этого еще сама религія распространяетъ ихъ. По извѣстію мусульманскихъ писателей, Магометъ самъ выдумывалъ разныя заклинанія, и поэтому носить на шеѣ амулетъ, въ которомъ вложена хорошо переписанная та или другая глава корана, считается самою лучшею охраною противъ дурнаго глаза и т. п.

Турки самый невѣжественный, самый суевѣрный народъ. Всѣ они вѣрятъ снамъ, заговариваютъ болѣзни, почти всѣмъ камнямъ приписываютъ какую то таинственную силу. У нихъ даже для талисмановъ существуетъ особая наука.

Религія даетъ туркамъ самое высокое понятіе о себѣ и самое низкое о всякомъ немусульманинѣ. Вслѣдствіе этого они пришли къ заключенію, что должны господствовать, а христіане обязаны имъ служить, быть ихъ вѣчными рабами. Поэтому турокъ уже издавна привыкъ избѣгать всякой трудной и усидчивой работы, и если обстоятельства заставляютъ его пріобрѣтать средства для жизни, онъ всегда ищетъ себѣ такого мѣста и занятія, гдѣ бы онъ могъ надзирать, распоряжаться, продавать, но всѣми силами старается избѣгать всякой работы, которая бы непосредственно могла утомить его

руки, ноги, а тѣмъ болѣе—его мозгъ. Онъ охотно идетъ въ заптіи (жандармы), сторожа, надзиратели, въ крайнемъ случаѣ готовъ даже довольствоваться самою незначительною платою, лишь бы избавиться отъ работы, какъ бы она ни была выгодна.

Такимъ образомъ весь государственный строй турецкой имперіи основанъ на магометанской религіи, совершенно неподвижной и глухой къ современнымъ требованіямъ. Вотъ почему самыя блестящія реформы въ Турціи не имѣютъ никакого практическаго примѣненія! На всякое новое учрежденіе, какъ бы оно ни было хорошо и гуманно, турецкій народъ прежде всего смотритъ съ предубѣжденіемъ, какъ на отступничество отъ корана. Это предубѣжденіе переходитъ мало по малу во всеобщую вражду, такъ что власти невольно глядятъ сквозь пальцы на дурное выполненіе новаго декрета, а чрезъ нѣсколько времени обыкновенно все идетъ по старому, и новой реформы, какъ не бывало. И это понятно: господствующая церковь находится подъ управленіемъ улемовъ, или ученыхъ теологовъ; глава улемовъ называется *муфтій* или *шейхъ-уль-исламъ*, т. е. глава или старѣйшина религіи. Эти улемы пользуются громаднымъ вліяніемъ въ странѣ, между тѣмъ они ничто иное, какъ изувѣры, люди, не получившіе никакого общечеловѣческаго образованія, отличающіеся только тѣмъ, что отлично знаютъ коранъ. Они глухи къ различнымъ нововведеніямъ, которыхъ требуетъ отъ религіи Магомета духъ времени, и называютъ еретикомъ, требуютъ немедленной казни каждаго, кто хотя на іоту уклоняется отъ буквы закона. Между тѣмъ они не только имѣютъ громадное вліяніе на государственную и политическую жизнь, но и на своего падишаха, реформы и предписанія котораго получаютъ только тогда силу и значеніе, когда ихъ одобряютъ улемы. Улемы вмѣшиваются во всѣ дѣла, и такъ какъ они прежде всего сообразуются съ кораномъ, то всякій, менѣе знакомый съ нимъ, сильно нуждается въ нихъ. Султанъ желаетъ ввести реформу въ какую нибудь отрасль государственнаго управленія, муфти говоритъ ему: «Падишахъ, это противно исламу». И этого достаточно, чтобы султанъ оставилъ свое реніе. Вслѣдствіе этихъ причинъ и конституція, провозглашенная въ Турціи въ 1877 году, до сихъ поръ не имѣла никакихъ плодотворныхъ результатовъ.

По тексту этой конституціи въ Турціи введена представительная форма правленія: т. е. деспотическая, неограниченная монархія превратилась въ конституціонную. Эта конституція провозглашаетъ гражданскую и политическую свободу: всѣмъ оттоманамъ, какой бы религіи и на какой бы ступени общественнаго положенія они ни находились, она даетъ одинаковыя съ магометанами права передъ закономъ. На основаніи этого закона въ управленіи государствомъ народъ долженъ принимать живѣйшее участіе. Но эта новая конституціонная форма правленія, какъ мы уже замѣтили выше, не имѣетъ никакого развитія и значенія, такъ какъ она прежде всего противорѣчитъ главнымъ основаніямъ магометанской религіи. На основаніи предписаній корана, форма государства можетъ быть только монархическая. Государь долженъ соединять въ своихъ рукахъ духовную и свѣтскую власть. Власть государя ограничена *только* предписаніями религіи, за исполненіемъ которыхъ должны наблюдать высшія духовныя лица. Государь не можетъ предпринять ничего новаго, противнаго религіи, такъ какъ по словамъ пророка «всякій новый законъ есть нововведеніе, всякое нововведеніе—заблужденіе, а всякое заблужденіе ведетъ въ огонь вѣчный». Всѣ повелѣнія государя, хотя бы онѣ по мнѣнію отдѣльныхъ лицъ и были несправедливы, должны безпрекословно исполняться мусульманами. Если законы и распоряженія государей нарушаютъ духъ религіи, то они считаются преступными, и государь подлежитъ полной мести религіознаго закона.

Въ этихъ правилахъ корана воспитываютъ будущаго падишаха, такъ смотрятъ на него всѣ истинные мосульмане, такъ онъ самъ привыкъ смотрѣть на себя и сообразно

съ этимъ согласовать свои поступки. Вслѣдствіе этого каждый падишахъ, не смотря на конституцію, ставитъ свои желанія и мнѣнія выше мнѣній и желаній, высказываемыхъ представителями народа.

Такъ же мало значенія имѣетъ право дарованное конституціей, по которому всѣ подданные Турціи равны передъ законамъ. Между мусульманскими и не мусульманскими подданными султана всегда существовало полное неравенство. Такое неравенство, какъ мы уже знаемъ, тоже прежде всего поддерживаетъ коранъ.

Дворцы на берегу Босфора.—Ихъ роскошь и убранство.—Жизнь въ углѣ.—Времяпрепровожденіе султана и расходы на его обстановку.—Гаремъ во дворцѣ и происхожденіе его обитательницъ.—Воспитаніе принцевъ и принцессъ.—Отношеніе султана къ подданнымъ.—Администрація.—Взяточничество.—Современное положеніе финансовъ и земледѣлія.

Въ окрестностяхъ Константинополя разбросано множество дворцовъ; ихъ называютъ различно: *серали*, *кіоски*, *яли*. Нѣкоторые изъ этихъ дворцовъ выстроены на берегу Босфора, но, гдѣ бы они ни находились, они возбуждаютъ удивленіе своею роскошью и чисто восточнымъ великолѣпіемъ. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ считаются Долма-Бахче и Беглеръ-Бей. Мебель въ турецкихъ дворцахъ и кіоскахъ заказываютъ теперь въ Европѣ; ея цѣнность нерѣдко превосходитъ стоимость самыхъ зданій. При входѣ въ большинство сералей васъ ослѣпляетъ обиліе золотыхъ украшеній, золотой и серебряной парчи, великолѣпныхъ канделябръ и люстръ, цѣльныхъ громадныхъ зеркалъ въ богатой оправѣ, рѣзьбы и инкрустацій на мебели. Но еще болѣе они отличаются своими роскошными садами. Дивная природа вокругъ довершаетъ волшебство. Горы, долины и ущелья, окружающія дворцы, покрыты лѣсомъ; мѣстами фруктовые сады и виноградники разнообразятъ пейзажъ. Въ другихъ мѣстахъ склоны холмовъ обвиты фантастическими узорами вьющагося плюща, перемѣжающагося съ болѣе яркою листвою другихъ вьющихся растеній. Не даромъ же эти серали, кіоски, яли или загородные дома, не уступающіе въ изяществѣ дворцамъ большихъ размѣровъ, стоили неимовѣрныхъ суммъ и вмѣстѣ съ расходами на содержаніе султанскаго двора и на удовлетвореніе безумныхъ прихотей своихъ властителей разорили казну и обременили ее неоплатными долгами. Для примѣра возьмемъ расходы на содержаніе двора при султанѣ Абдулъ-Азисѣ (умер. въ 1876 году).

При его дворѣ содержалось 5500 служителей обоего пола; изъ нихъ 400 человѣкъ было однихъ только лодочниковъ, 400 музыкантовъ. Кромѣ того въ его гаремѣ находилось 1200 невольницъ; при его особѣ состояло: 25 адъютантовъ, 7 камергеровъ, 7 секретарей, 150 различныхъ чиновниковъ, 50 врачей. При его гаремѣ 150 евнуховъ и кромѣ того еще около 100 слугъ, обязанныхъ исполнять коммиссіи серальскихъ дамъ въ магазинахъ Стамбула и Перы. Прибавимъ, что большая часть придворныхъ служителей люди семейные, и что семейства ихъ кормятся крохами отъ султанскаго двора. Словомъ, каждый султанскій дворъ кормилъ болѣе 7000 ртовъ каждый день и расходовалъ только на одно содержаніе придворнаго персонала въ годъ около 4½ милл. рублэй на наши деньги. Жалованье придворнымъ слугамъ составляло 1 м. 800 тыс. рублей въ годъ. Въ султанскихъ конюшняхъ стоитъ 600 лошадей, содержаніе которыхъ обходилось въ 360,000 руб. въ годъ. Ежегодный расходъ на покупку картинъ, фарфора и т. п. никогда не падалъ ниже 1.260,000 руб. въ годъ; что касается

драгоцѣнныхъ каменьевъ, то эта статья расхода достигала 900,000 руб. въ годъ, а покупка подарковъ и нарядовъ для гарема поглащала не менѣе 1.440,000 руб. Къ этому слѣдуетъ прибавить пенсіи различнымъ родственницамъ султана. При Абдулъ-Азисѣ на одну эту статью шло болѣе 16 милл. руб. въ годъ; содержаніе султанскихъ дворцовъ обходилось приблизительно въ 720 тысячъ руб. въ годъ, не считая издержекъ на новые дворцы. Нынѣшній султанъ, говорятъ, старается не дѣлать безумныхъ тратъ, но расходы прежнихъ властителей уже легли тяжелымъ бременемъ на казну.

Сераль, какъ и другія жилища зажиточныхъ турокъ, дѣлится на *гаремликъ*, или гаремъ, и *селямликъ*; въ гаремѣ живутъ жены султана и невольницы, въ селямликѣ султанъ принимаетъ должностныхъ лицъ и имѣетъ кабинеты для своихъ занятій. *Мабейномъ* называютъ рядъ комнатъ между двумя названными половинами. Сюда султанъ приходитъ въ своемъ утреннемъ костюмѣ: въ бѣлой ермолкѣ, въ халатѣ яркаго цвѣта, въ шальварахъ и туфляхъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями. Посидѣвъ здѣсь съ полъ часа и принявъ рапорты отъ служащихъ, онъ отправляется въ свой кабинетъ заниматься дѣлами.

Въ гаремѣ каждаго султана обыкновенно живетъ отъ 1000 до 1500 женщинъ; нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ семейству самого султана, другія состоятъ при его матери—султаншѣ Валиде, третьи наконецъ при принцахъ крови. Эта толпа женщинъ всѣхъ званій и возрастовъ состоитъ изъ невольницъ, которыхъ привозятъ въ Турцію съ Кавказа, Грузіи, Абиссиніи и Аравіи. Эти женщины были проданы на своей родинѣ въ неволю своими безсердечными родственниками, нѣкоторыя изъ нихъ были похищены враждебными племенами и затѣмъ точно также проданы торговцамъ невольниками. Слѣдовательно всѣ эти гаремныя затворницы сералей родились въ какихъ нибудь убогихъ шалашахъ свирѣпыхъ предводителей полудикихъ племенъ и потому всѣ онѣ совершенно невѣжественны и отличаются самыми грубыми суевѣріями. Попавъ въ молодости въ сераль, онѣ получаютъ воспитаніе, смотря по тому, къ чему предназначаютъ ихъ начальницы, спеціально для этой цѣли живущія въ сераляхъ. Особенно выдающихся своею красотою дѣвушекъ онѣ знакомятъ съ правилами турецкаго этикета, учатъ пѣть и играть на какомъ нибудь инструментѣ и нѣсколько читать и писать на турецкомъ языкѣ. Когда султанша Валиде находитъ черезъ годъ или два, что та или другая особа достаточно успѣла въ изяществѣ маперъ, въ искуствѣ украшать свою особу и нѣсколько понимаетъ турецкій языкъ, она даритъ ее султану или какому нибудь другому вельможѣ. Женщины менѣе красивыя предназначаются для услуги, и ихъ тоже въ продолженіи нѣкотораго времени пріучаютъ къ нѣкоторымъ работамъ. Самое любопытное то, что турецкіе султаны, за двумя только исключеніями, никогда не вступали въ бракъ. Обыкновенно невольница, которую приближаетъ къ себѣ султанъ, тогда начинаетъ считаться его женою, когда у нея является на свѣтъ ребенокъ. Первая жена султана называется Башъ-Кадынъ-Эффенди, и такъ каждая, по порядку численъ до седьмой жены, имѣетъ свое названіе. Невольницы, которыя, при наличности 7-ми женъ, имѣютъ дѣтей отъ султана, носятъ титулъ «ханумъ», и дѣти ихъ точно также считаются законными и занимаютъ одинаковое положеніе съ остальными принцами и принцессами крови. Не рѣдко, конечно, невольница, предназначенная для черныхъ работъ, обращаетъ на себя вниманіе повелителя; тогда онъ призываетъ къ себѣ надзирательницу гарема и извѣщаетъ ее объ этомъ. Та немедленно одѣваетъ избранную, какъ можно изящнѣе, и отводитъ ее къ султану, и жалкая судомойка сегодня, завтра можетъ пользоваться могуществомъ и вліяніемъ. Точно также быстро можетъ упасть любимая жена султана, которая только что достигла верха могущества. Невольница, сдѣлавшись беременной, получаетъ особое помѣщеніе, толпу невольницъ для при-

слуги, своихъ евнуховъ, докторовъ, экипажи и каики. Ей тотчасъ приносятъ множество нарядовъ, драгоцѣнные камни и заново убираютъ ея апартаменты. Ея подруги уже не смѣютъ обращаться съ ней, какъ съ равной: онѣ стоятъ передъ ней со сложенными на груди руками, цѣлуютъ подолъ ея платья и рабски исполняютъ малѣйшія ея приказанія. Единственняя цѣль жизни турчанки, достигшей могущества, сохранить свою красоту, которой она обязана своимъ возвышеніемъ.

Но какимъ бы почетомъ, значеніемъ и вліяніемъ ни пользовались любимыя жены, первое мѣсто между ними всегда занимаетъ мать султана—Валиде. Она пользуется помѣщеніемъ, самымъ близкимъ къ комнатамъ, занимаемымъ ея могущественнымъ сыномъ; при ней безчисленный штатъ невольницъ, ей оказываютъ глубочайшее вниманіе султанъ и всѣ высшія должностныя лица въ государствѣ. Мать султана обыкновенно вмѣшивается во всѣ государственныя дѣла и ея гнѣвъ даже для самыхъ высокопоставленныхъ лицъ не менѣе опасенъ, чѣмъ немилость султана.

Развлеченія гаремныхъ затворницъ въ сералѣ зависятъ отъ характера царствующаго султана. Бывали времена, когда для нихъ выписывали актеровъ и разъигрывали пьесы, на которыя имъ дозволялось смотрѣть изъ за рѣшетокъ. Отъ времени до времени развлекаются онѣ фокусниками и маріонетками—кукольными представленіями. Когда получаютъ разрѣшеніе отъ своего повелителя, отправляются на кладбища, въ магазины, въ бани, на гулянья.

Воспитаніе принцессъ и принцевъ крови мало чѣмъ отличается отъ воспитанія невольницъ. Принцессъ учатъ рукодѣліямъ и турецкому языку. Когда имъ исполнится 15, 16 лѣтъ, имъ отводятъ особый дворецъ и выдаютъ замужъ за какого нибудь придворнаго любимца. Рожденныя отъ необразованныхъ, полудикихъ матерей, не получивъ никакого образованія, узнавъ съ пеленокъ всѣ гнуснѣйшія тайны и интриги гарема, и при этомъ пользуясь всегда большимъ почетомъ, эти принцессы отличаются обыкновенно своимъ властолюбіемъ и сумасбродствомъ. Не смотря на то, что мужа каждой принцессы ожидаетъ въ будущемъ почетъ, повышенія по службѣ и богатство, не каждая изъ нихъ выходитъ за мужъ,—такою дурною репутаціею пользуются онѣ въ высшемъ обществѣ столицы.

Образованіе принцевъ крови, а слѣдовательно и будущаго подишаха, мало чѣмъ отличается отъ образованія ихъ сестеръ.

Все отличіе состоитъ въ томъ, что прежде принцевъ учили персидскому, турецкому и арабскому языкамъ, а теперь вводятъ и новѣйшіе языки. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно могутъ теперь объясняться на двухъ языкахъ, но образованія по прежнему они не получаютъ никакого. Воспитать будущаго падиша въ безусловномъ невѣжествѣ всегда было высшей государственной задачей турецкой правительственной системы. При этомъ всегда старались строго слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не могъ благотворно вліять на него. Вслѣдствіе этого имъ рѣшительно никуда не позволяютъ выходить изъ своихъ комнатъ. За ихъ малѣйшими движеніями бдительно глядятъ соглядатаи, сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ имъ невозможно, потому что никто не смѣетъ приблизиться къ нимъ. Они окружены только толпою рабовъ, которые предупреждаютъ всѣ ихъ прихоти, стараются добиться ихъ любви грубою лестью или потаканіемъ дурнымъ наклонностямъ. Наиболѣе честолюбивые изъ безнравственныхъ рабовъ стараются добиться особаго довѣрія того или другаго принца: интригами и доносами они разжигаютъ въ юномъ сердцѣ вражду къ другимъ. Такимъ образомъ лучшіе годы жизни какъ будущаго падишаха, такъ и всѣхъ остальныхъ принцевъ протекаютъ въ затхлой атмосферѣ гарема, среди евнуховъ, невѣжественныхъ слугъ, гнусныхъ интригъ, подъ

вліяніемъ неразвитой матери, которая старается возбудить въ душѣ ребенка только ненависть къ своимъ соперницамъ.

Суевѣріе, крайнее невѣжество турокъ и самого султана заставляютъ обыкновенно послѣдняго высокомѣрно относиться къ своимъ подданнымъ, или, точнѣе сказать, онъ совсѣмъ недоступенъ для нихъ. Наружные знаки, посредствомъ которыхъ всѣ остальные люди, къ какому бы званію и положенію они ни принадлежали, выражаютъ свое крайнее уничиженіе и всесовершеннѣйшее благоговѣніе передъ своимъ падишахомъ, свидѣтельствуютъ о необъятномъ всемогуществѣ его власти. Для народа султанъ недоступенъ. Онъ принимаетъ у себя лишь однихъ членовъ царственной династіи, случайно заѣзжающихъ въ Константинополь, посланниковъ, *великаго визиря*, который по свѣтскимъ дѣламъ послѣ султана — первое лицо въ государствѣ, *шейхъ-уль-ислама*, главу духовенства, и больше никого. Не только для всѣхъ остальныхъ смертныхъ, но даже для всѣхъ высшихъ чиновниковъ, кромѣ названныхъ, лицезрѣть падишаха—честь немыслимая. Лица, удостоивающіяся аудіенціи у султана, подходятъ къ нему не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ, и нерѣдко по нѣскольку часовъ въ передней выжидаютъ пріема. Уморительно смотрѣть на турокъ, когда они входятъ въ ту комнату, гдѣ ихъ ожидаетъ султанъ. Какое бы высокое положеніе они ни занимали, вся фигура ихъ внезапно мѣняется. Какъ перепуганные школьники, они жмутся у стѣны залы и, въ полунаклоненномъ положеніи, съ скрещенными на животѣ руками, совершенно уставившись въ полъ, терпѣливо ждутъ они безъ конца, пока повелитель раскроетъ свои уста, чтобы изрѣчь имъ свою всесильную волю. Никто не осмѣлится прямо посмотрѣть ему въ лицо, и развѣ только въ тѣ минуты, когда онъ обращается къ кому нибудь съ вопросомъ, послѣдній дерзаетъ робко приподнять глаза, выражая взглядомъ своимъ благоговѣйное умиленіе передъ его властью. При каждомъ его словѣ ему отвѣшиваютъ поклонъ: опускаютъ руку до полу и затѣмъ медленно поднимаютъ ее, прикладывая къ губамъ, къ сердцу и ко лбу. Чѣмъ ниже опускается рука, тѣмъ поклонъ считается почтительнѣе. Въ присутствіи султана никто никогда не садится; исключеніе допускается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда падишахъ приглашаетъ какого либо заѣзжаго принца къ обѣденному столу; тогда онъ въ тоже время удостоиваетъ иногда нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ чести сидѣть съ нимъ за однимъ столомъ. Трудно себѣ представить, какой комическій видъ имѣютъ тогда эти представители государственной власти. Ни одинъ изъ нихъ не сядетъ просто на стулъ, ни за что не займетъ всего сидѣнья, а умѣстится только на кончикѣ, и во время всего обѣда до смерти боится, чтобы не упасть или не сдѣлать какой нибудь другой неловкости. Еще болѣе можетъ выказать турокъ знаніе этикета, если ему придется, что уже бываетъ совсѣмъ рѣдко, сидѣть съ султаномъ en face. Онъ долженъ тогда совсѣмъ скрючить ноги и руки, закатить глаза, покрутить головой, искривить ротъ — и все это въ доказательство своего ничтожества передъ столь высокою особою. Горе тому, кто пренебрежетъ всѣми этими ужимками,—съ нимъ не только весьма круто поступитъ султанъ, но и всѣ его приближенные на вѣки прокричатъ о немъ, какъ о человѣкѣ опасномъ. Нынѣшній султанъ Абдулъ Гамидъ II-й отмѣнилъ многія изъ этихъ церемоній и обращается гораздо проще съ своими приближенными. Но даже эти скромныя дворцовыя реформы едва-ли прочно укоренятся; покойный султанъ Абдулъ-Азисъ, послѣ своего вступленія на престолъ, также пытался ввести нѣкоторыя нововведенія, но у него не хватило ума и энергіи для борьбы съиздавна укоренившимися порядками.

Когда султанъ выходитъ или выѣзжаетъ изъ дворца, онъ не кланяется народу, и народъ не смѣетъ приблизиться къ нему; напротивъ, каждый прохожій отходитъ въ

сторону и, скрестивъ руки, преклоняется всѣмъ станомъ и не смѣетъ разогнуть спины и приподнять головы, пока не проѣдетъ повелитель.

Какъ же султанъ при своемъ невѣжествѣ и неразвитости управляетъ дѣлами государства?

Султанская система правленія состоитъ въ томъ, чтобы заставлять другаго править вмѣсто себя. Вмѣсто султана все дѣлаетъ его уполномоченный, даже пишетъ письма къ себѣ отъ имени своего повелителя и подаетъ ему для подписи, что тотъ и дѣлаетъ, не читая. Первое достоинство великаго визиря состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно меньше говорить съ султаномъ о дѣлахъ, и для всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ единственное средство сохранить свой постъ—никогда не дѣлать султану никакихъ замѣчаній. Каждый визирь старается употребить всѣ средства, чтобы вселить къ себѣ довѣріе и такимъ образомъ вертѣть государствомъ по своему усмотрѣнію. Видя со стороны визиря полнѣйшее вниманіе къ своимъ прихотямъ и слабостямъ, султанъ окончательно перестаетъ думать о своихъ обязанностяхъ и взваливаетъ бремя правленія на того, кто лучше умѣлъ угодить.

Свое время султанъ проводитъ среди гарема и удовольствій, къ которымъ онъ получилъ вкусъ еще въ ранней юности. Для его забавы при дворѣ устраиваются бои атлетовъ, барановъ и пѣтуховъ. Султанъ Абдулъ-Азисъ предавался этимъ развлеченіямъ даже и въ то время, когда его странѣ грозили тяжелыя испытанія и противъ него возстали его подданные — герцеговинцы и босняки. Этотъ султанъ любилъ бороться съ своими приближенными, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа. Кто во время такой борьбы умѣлъ съ улыбкой принимать отъ него тычки и быть всегда имъ побѣжденнымъ, получалъ въ награду первѣйшія должности въ государствѣ.

Теперь посмотримъ на общее управленіе страною. Прежде всего замѣтимъ, что въ каждой отрасли администраціи служащихъ въ четверо больше, чѣмъ это нужно. Къ тому же всѣ турецкіе администраторы, какое бы большое жалованье они ни получали, никогда не удовлетворяются имъ, такъ какъ привыкли жить чрезвычайно широко, содержать огромный гаремъ и цѣлую армію служителей и служительницъ; все это требуетъ громадныхъ расходовъ и потому они прибѣгаютъ къ непомѣрному, самому возмутительному взяточничеству. Особенно плохо устроено управленіе по областямъ. Паша, т. е. губернаторъ въ области, то же самое, что султанъ въ Константинополѣ, полновластный властелинъ надъ жизнію и имуществомъ ввѣренныхъ ему согражданъ.

Дворянства въ Турціи не существуетъ, и всѣ почетныя мѣста пріобрѣтаются не знатностію происхожденія, не достоинствами и заслугами отечеству, а просто за деньги, или личнымъ благоволеніемъ султана, великаго визиря, Валиде-Султанши, многочисленныхъ женъ султана или благосклонностію другихъ пашей.

Вотъ какъ въ большинствѣ случаевъ возводятъ въ Турціи молодыхъ людей въ высшія государственныя должности. Понравится высокопоставленному лицу или даже самому султану мальчикъ красивой наружности, его и берутъ въ услуженіе. Это счастіе болѣе всего выпадаетъ на долю армянъ, которые, кстати сказать, дошли теперь до крайняго отупѣнія, и константинопольскихъ грековъ, самыхъ безнравственныхъ, какъ мы увидимъ ниже, изъ всѣхъ подданныхъ турецкаго падишаха. Больше всего падаетъ такой выборъ на грековъ и армянъ, такъ какъ тѣхъ и другихъ природа одарила стройнымъ станомъ и красивыми, типичными чертами лица. Этихъ юношей обращаютъ въ магометанство, и знатные люди держатъ ихъ при себѣ для мелкихъ услугъ. Красивые мальчуганы подаютъ своимъ патронамъ трубку, кисетъ съ табакомъ, подстилаютъ коврики подъ ноги, поддерживаютъ подъ руки, когда патронъ влѣзаетъ на сѣдло, вообще исполняютъ службу, которую у насъ во время помѣщичьяго быта несли на себѣ

казачки, съ тою только разницею, что наши казачки вѣкъ свой такъ и оставались казачками или дѣлались со временемъ лакеями, буфетчиками и никогда не выше. Въ Турціи же эти красивые мальчики, заслуживъ благосклонность патрона, дѣлаются губернаторами (пашами), получаютъ и другія высшія должности. Понятно, какъ можетъ управлять цѣлой областью человѣкъ, не получившій никакого образованія, который всю молодость провелъ въ праздной и пустой жизни у богатаго турецкаго вельможи, въ лакейскихъ занятіяхъ,—человѣкъ, который былъ всегда на готовѣ получить затрещину за плохо набитую трубку и съ раннихъ лѣтъ ожидалъ за свои услуги хорошаго мѣста. Разумѣется, сдѣлавшись пашею, такой человѣкъ не только не заботится о благосостояніи ввѣреннаго ему края, но не имѣетъ о своихъ обязанностяхъ ни малѣйшаго понятія. Его первая забота устроить огромный гаремъ, имѣть массу прислуги, держать около себя, какъ и его патронъ, толпу красивыхъ мальчиковъ, евнуховъ, множество лошадей и т. п. Чтобы поддерживать такой штатъ и удовлетворять своимъ прихотямъ, приходится, что называется, драть съ живаго и съ мертваго.

И такъ въ Турціи отъ писца до губернатора всѣ живутъ доходами отъ занимаемыхъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что жалованье нѣкоторые чиновники получаютъ самое ничтожное. Получивъ мѣсто, каждый чиновникъ торопится выручить ту сумму, которую онъ затратилъ для его пріобрѣтенія. Такимъ образомъ все управленіе есть ни что иное, какъ грабежъ, возведенный въ систему,—грабежъ поселянъ, грабежъ купцовъ и банкировъ; у послѣднихъ знатные часто берутъ взаймы безъ отдачи. Не смотря на то, что паши смѣняются почти ежегодно, — новый паша дѣйствуетъ обыкновенно такъ же, какъ и всѣ его предшественники. Важнѣйшія должности во ввѣренной ему области, для которыхъ требуются люди съ наибольшимъ знаніемъ, опытностью и талантомъ, паша самовластно раздаетъ любимцамъ изъ своего многочисленнаго штата прислуги. Видя этихъ домашнихъ прислужниковъ, раболѣпныхъ на словахъ, услужливыхъ и заискивающихъ по манерамъ, никому и въ голову не придетъ, что они не только управляютъ сердцемъ, умомъ и даже кошелькомъ высокопоставленнаго эффенди. Вліяніе слугъ не только ограничивается домашнимъ хозяйствомъ ихъ господина, но отражается даже и на дѣлахъ Порты, при назначеніи или отрѣшеніи того или другаго чиновника, при рѣшеніи большихъ процессовъ и даже при обсужденіи многихъ важныхъ государственныхъ вопросовъ. Постоянныя дрязги и перебранки внутри гарема, никогда не прекращающіяся женскія интриги, нерѣдко дѣлаютъ семейный очагъ ненавистнымъ для хозяина. Чтобы избавиться хотя на время отъ этихъ вѣчныхъ передрягъ, онъ спасается въ другую часть дома — въ *селямликъ* (мужское отдѣленіе). Скука и одиночество, непривычка заняться серьезнымъ чтеніемъ или какой нибудь полезной работой заставляютъ его сближаться со слугами, тѣмъ болѣе, что на востокѣ съ ними обходились всегда болѣе интимно, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Ловкій и вкрадчивый слуга умѣетъ въ очень короткое время, завладѣть довѣріемъ своего господина. Изъ слугъ особенно вкрадываются въ довѣріе *чибукчи*, т. е. слуги, завѣдывающіе всѣми курительными принадлежностями. При турецкомъ пристрастіи къ куренію и покою, они, какъ тѣнь, слѣдуютъ за каждымъ туркомъ, имѣющимъ какія либо притязанія на знатность, богатство и почетъ. «Съ ранняго утра и до поздняго вечера чибукчи не отходитъ ни на шагъ отъ своего господина. Все равно, работаетъ ли послѣдній дома, принимаетъ ли гостей, занимается ли общественными или оффиціальными дѣлами, отправляется ли на базаръ, на прогулку или въ баню, сидитъ ли онъ за грудою накопившихся оффиціальныхъ депешъ — всюду слѣдуетъ за нимъ его чибукчи. Съ длиннымъ чубукомъ въ одной и съ жестянымъ блюдцемъ, служащимъ подставкою, въ другой рукѣ, проходитъ онъ черезъ залу совѣта, и, въ то время, какъ присѣвъ на корточки,

подаетъ своему господину трубку, огонь и чашу, до ушей его долетаетъ не одна государственная тайна. Нерѣдко случается ему также, умѣстившись у самой занавѣски двери, пробраться и въ запрещенныя мѣстечки, чтобы лучше подслушать все, что происходитъ въ совѣтѣ. Онъ знаетъ ранѣе всѣхъ, кто назначенъ губернаторомъ провинціи или посланникомъ, кто выбранъ для того или другаго порученія и т. д., и лишь немногіе изъ ихъ числа достаточно простодушны, чтобы не понять какую прибыль можно извлечь изъ своихъ свѣдѣній. Чибукчи Высокой Порты служатъ бродячими газетами, и лучшими покупателями ихъ новостей являются драгоманы (толмачи при посольствахъ). Эти чибукчи бываютъ нерѣдко чрезвычайно богаты и не потому только, что продаютъ свои новости, а также и потому, что опредѣляютъ разныхъ чиновниковъ на мѣста, за что получаютъ отъ нихъ немалые дары».

Понятно, какъ должна быть деморализована турецкая администрація при такомъ положеніи дѣлъ, и дѣйствительно всѣ турецкіе чиновники, начиная съ высокопоставленныхъ чиновъ имперіи и кончая послѣднимъ жандармомъ, деморализована до мозга костей. Всѣ они исключительно живутъ взятками, которыя обыкновенно называются здѣсь подарками. *Подарки* эти въ такомъ ходу, что берущему ихъ и въ голову не придетъ скрываться, такъ какъ онъ знаетъ, что они нисколько не унизятъ его въ общественномъ мнѣніи, нисколько не повредятъ его служебной репутаціи. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ этихъ поборовъ, укажемъ на факты. Таможенные чиновники получаютъ жалованье незначительное, напр. оцѣнщикъ — піастровъ 200 въ мѣсяцъ, бухгалтеръ—350, контролеръ—500; но, судя по обстановкѣ ихъ жизни съ гаремомъ въ нѣсколько женъ, ничего не дѣлающихъ, окруженныхъ множествомъ невольницъ, выѣзжающихъ въ роскошныхъ экипажахъ,—надо думать, что расходы во много разъ превышаютъ ихъ жалованье. На улицѣ встрѣчаются модные экипажи; позади скачетъ евнухъ, на козлахъ, кромѣ кучера, сидитъ лакей, а въ каретѣ нѣсколько разодѣтыхъ женщинъ. Иностранецъ, пожалуй, подумаетъ, что это жены какого нибудь министра, между тѣмъ оказывается, что это изъ гарема какого нибудь самого ничтожнаго чиновника, получающаго 1000 піастровъ жалованья въ мѣсяцъ, чего едва ли хватитъ на содержаніе его слугъ и евнуховъ.

Тѣмъ не менѣе въ Константинополѣ существуетъ хоть какой нибудь контроль, слѣдовательно нѣтъ такого полнаго раздолья для поборовъ, за то провинція въ этомъ отношеніи представляетъ для турецкихъ чиновниковъ обѣтованный рай. Тамъ не только обираютъ народъ и пускаютъ его по міру, но вторгаются даже въ государственную казну. Само правительство три года тому назадъ заявило въ печати, что злоупотребленія ея чиновниковъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ доходили до крайнихъ размѣровъ и были одною изъ причинъ, вызвавшихъ возстаніе въ Герцеговинѣ.

Все управленіе турецкихъ властей, что можно было видѣть изъ вышеприведенныхъ фактовъ, сводится къ одному: нажиться какъ можно скорѣе. Турецкіе чиновники безсовѣстно грабятъ и обираютъ всѣхъ подданныхъ султана безъ различія вѣроисповѣданій, но наибольшему насилію подвергаются, все таки, христіане. Ограбленіе христіанъ представляется въ глазахъ турокъ не только заслугой, но даже религіознымъ подвигомъ. Кто ихъ больше всего надуваетъ и грабитъ, тотъ вѣрнѣе достигаетъ почестей на этомъ свѣтѣ и благодати въ раю. Налоги и различные поборы до того обременяютъ народъ, что онъ, для уплаты податей, давно уже распродалъ свой домашній скарбъ и сдѣлался нищимъ навсегда.

Вслѣдствіе такого правленія страной и финансы въ самомъ плачевномъ состояніи. Не смотря на то, что сборы за послѣдніе годы дѣлаются все обременительнѣе для народонаселенія, въ особенности для земледѣльцевъ, не смотря на то, что эти сборы взы-

скиваются съ большою жестокостію, доходы государства все уменьшаются и уменьшаются, и Турція прибѣгаетъ къ ежегоднымъ громаднымъ займамъ. Такъ какъ страна эта не пользуется большимъ довѣріемъ, то, дѣлая заемъ, ей всегда приходится давать огромные проценты, такъ что уже одна уплата по этимъ процентамъ заставляетъ прибѣгать все къ новымъ займамъ. Расходъ въ государствѣ теперь превышаетъ болѣе чѣмъ на половину самый приходъ. Притакомъ безотрадномъ положеніи дѣлъ Турція не сегодня завтра должна ждать, что она лишится всякаго кредита. Чтобы поправить свои денежныя дѣла, Турціи необходимо или поднять свои доходы, или уменьшить расходы. Большую часть государственныхъ расходовъ составляетъ, какъ мы уже говорили, уплата процентовъ по займамъ, но проценты эти, съ каждымъ годомъ выростаютъ въ огромную сумму, а не уменшаются. Слѣдовательно, нельзя разсчитывать на уменьшеніе государственныхъ расходовъ. Но можетъ быть можно увеличить доходъ страны? Для разрѣшенія этого вопроса прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на состояніе промышленности въ государствѣ и на его производительныя силы. Но и въ этомъ отношеніи Турція представляетъ самое плачевное зрѣлище. Ея торговые обороты за послѣдніе десять лѣтъ дѣлаются все менѣе значительными, вывозъ уменьшается, земледѣліе находится въ совершенномъ упадкѣ. Причина такого упадка промышленности заключается въ крайне плохомъ управленіи страною и въ отсутствіи безопасности и обезпеченія. Вся тягость государственныхъ налоговъ лежитъ на земледѣльцѣ, а незаконный способъ собиранія этихъ налоговъ еще болѣе увеличиваетъ его нищету. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторыя части Турціи испытывали жестокій неурожай, а холера и лихорадки косили людей, земледѣльцы, имѣвшіе полное право разсчитывать на помощь правительственныхъ властей, не видѣли отъ нихъ ничего, кромѣ самыхъ жестокихъ притѣсненій. У народа, совершенно разореннаго эпидеміями и неурожаемъ, безъ жалости захватывали скотъ, орудія и домашнюю утварь, и продавали все это для пополненія недоимокъ. Налоги же такъ велики, что составляютъ болѣе чѣмъ половину дохода земледѣльца, такъ что изъ той части, которая ему остается отъ уплаты податей, онъ и въ самый урожайный годъ едва можетъ кормиться въ проголодь. Отдавая государству болѣе половины своего дохода, земледѣлецъ въ замѣнъ этого не имѣетъ ни хорошихъ дорогъ, ни справедливаго суда. При этомъ неудивительно, что сельскіе жители часто бываютъ вынуждены въ бѣгствѣ искать спасенія отъ сборщика податей, или, бросая совсѣмъ свою землю, переселяются въ городъ для какого нибудь промысла или для нищенства. Вотъ почему нынче обезлюдѣли многія земледѣльческія провинціи, множество плодороднѣйшихъ и обработанныхъ прежде полей теперь остаются въ запустѣніи, тогда какъ города переполняются здоровыми, крѣпкими, способными къ труду и ничего не дѣлающими людьми.

Изъ всего сказаннаго нами ясно видно, въ какомъ критическомъ положеніи находится Турція: промышленность, сельское хозяйство и всѣ источники госадарственнаго дохода въ совершеннѣйшемъ упадкѣ; все разлагается. Въ торговлѣ и въ промышленныхъ предпріятіяхъ—надувательство и плутовство; въ политикѣ—интрига и тупоуміе. Земли невоздѣланы, лѣса опустошены, рудники нетронуты. Въ администраціи, куда ни взглянете,—продажность и развратъ; въ общественной жизни — невѣжество и ханжество; въ частной жизни—барство, тунеядство, лѣнь, самодурство, самыя гнусныя интриги и доносы другъ на друга; отношенія къ высшимъ—совершенно рабскія; вся забота о низшихъ, всѣ сношенія съ ними оканчиваются всесовершеннѣйшимъ разграбленіемъ и разореніемъ послѣднихъ. Тутъ ужъ гніетъ не одинъ членъ, а все тѣло; разлагается не часть турецкой имперіи, а вся она. Изъ этого далеко не блестящаго положенія *блистательная Порта* можетъ выйти только тогда, когда въ ней совершится переворотъ, который построитъ общество на совершенно новыхъ началахъ.

Затворничество женщинъ.—Нарядъ турчанки и ея физіономія.—Турецкая свадьба.—Житье-бытье гаремныхъ затворницъ.—Пагубное вліяніе такого затворничества на общество.—Почему магометанская религія не имѣла такого вреднаго вліянія на образованныхъ арабовъ.

Самый вредный изъ всѣхъ гражданскихъ законовъ корана — это многоженство, унизительное положеніе женщины и ея затворническая, гаремная жизнь. Мусульманскій законъ дозволяетъ мужчинѣ жениться на одной, двухъ, трехъ и даже четырехъ женахъ и держать столько невольницъ, сколько каждый можетъ ихъ купить и кормить. При этомъ законъ ставитъ мусульманину только одно условіе, чтобы онъ обезпечилъ приданымъ каждую жену, съ которою вступилъ въ бракъ; но обезпеченіе это самое пустое и скорѣе дается по обычаю, чѣмъ для того, чтобы дѣйствительно обезпечить женщину. Вступить же въ бракъ необходимо каждому мусульманину, такъ какъ холостому совсѣмъ не дадутъ ходу. Холостой не можетъ пользоваться всѣми гражданскими правами и всѣ презираютъ его. И бѣдняки стараются поскорѣе жениться, но имѣютъ только по одной женѣ; однако лишь только у турка завелись деньги, у него является такое же желаніе обзавестись новой женой, какъ у венеціанца — купить красивую гондолу, какъ у англичанина—пріобрѣсть статнаго скакуна. Правда, бываютъ примѣры, что турокъ такъ хорошо живетъ съ одной женой, что и при деньгахъ не женится на другой, но въ большинствѣ случаевъ это происходитъ отъ лѣниваго характера турка, который боится ввести въ свой домъ новую женщину, чтобы не нарушить мира и тишины въ своемъ семействѣ, такъ какъ нѣсколько женъ всегда живутъ между собою не въ ладахъ, заводятъ ссоры, дрязги, интриги. Если мужчинѣ предосудительно быть холостымъ, то совершенное презрѣніе къ незамужней женщинѣ освящено даже закономъ. Мусульманское ученіе вообще презрительно относится къ женщинѣ; оно беззастѣнчиво называетъ ее *нечистою,* говоритъ, что она не болѣе, какъ поле, т. е. недвижимое имущество, бездушная вещь, проповѣдуетъ, что жена можетъ удостоиться рая только по милости своего мужа. «Рай женщины—подъ пятами ея мужа», говоритъ коранъ. Вотъ почему турки и считаютъ совершенно погибшею для будущей жизни ту женщину, которая не преклоняется раболѣпно предъ каждымъ словомъ своего супруга, не потакаетъ безпрекословно всѣмъ его пошлымъ прихотямъ. Объ участи, ожидающей на томъ свѣтѣ вдовъ, дѣвицъ и старыхъ дѣвъ, коранъ совершенно умалчиваетъ. Поэтому замужество для турецкой женщины все: безъ этого ни ея набожность, ни ея добродѣтели, ни высшіе подвиги благочестія, ни что не заслужитъ ей вѣчной жизни. На этомъ основаніи турки смотрятъ на незамужнюю женщину, какъ на совершенно презрѣнное существо, даже молитвы котораго не угодны Богу. Такой взглядъ на женщину заставляетъ ее, во что бы то ни стало, искать себѣ мужа и съ величайшею радостію выходить за перваго, кто попроситъ ея руки. Особенно комична бываетъ эта погоня женщинъ за мужьями, когда приходитъ время отправиться въ Мекку. Мы уже говорили, что каждый мусульманинъ обязанъ хоть разъ въ своей жизни пропутешествовать въ Мекку для поклоненія гробу Магомета. Понятно, что это обязательно и для женщинъ, но незамужняя женщина никакъ не можетъ надѣяться, что странствованіе ея въ священный городъ можетъ быть пріятно Аллаху. Поэтому всякій разъ, какъ караванъ пилигримовъ отправляется къ святымъ мѣстамъ, незамужнія женщины, вдовицы или дѣвушки начинаютъ отыскивать мужчинъ, которые согласились бы принять на себя роль ихъ мужей на время путешествія каравана въ Мекку.

«Магометъ-Ага», говоритъ въ такихъ случаяхъ вдова или престарѣлая дѣвушка, «хочешь быть моимъ мужемъ на время богомолья?»—«Пожалуй», отвѣчаетъ Ага, не

придавая никакого значенія этому браку, и затѣмъ тотчасъ являются свидѣтели, удостовѣряющіе, что между такими-то лицами заключенъ законный, краткосрочный бракъ. Съ этой минуты новобрачные идутъ уже рядомъ посреди каравана, и вчера всѣми презираемая дѣвушка поднялась сегодня на полвершка въ общественномъ мнѣніи. Правда, ради этого повышенія ей пришлось надуть Аллаха, но мусульмане совсѣмъ иначе смотрятъ на это и считаютъ такіе браки богоугодными дѣлами.

Когда караванъ возвращается изъ Мекки, новобрачные прощаются и расходятся на всегда. Такіе браки, разумѣется, даютъ поводъ ко множеству злоупотребленій. Часто временный мужъ, узнавъ о томъ, что его жена богата, не даетъ ей развода, прежде чѣмъ получитъ отъ нея хорошее вознагражденіе, и несчастной ничего не остается дѣлать, какъ выполнить всѣ его требованія.

Впрочемъ въ Турціи разводъ и послѣ настоящаго брака совершается очень легко и безъ всякихъ глубокихъ размышленій. Оно и понятно, у насъ мужчина не можетъ жениться второй разъ при живой женѣ; такъ какъ женщина, которую онъ выбираетъ, будетъ ему подругою до гробовой доски, то онъ размышляетъ долго и серьезно, какъ бы ему жениться на такой, которая бы сошлась съ нимъ характеромъ, имѣла бы одинаковыя возрѣнія на нравственность и обязанности человѣка. Никакихъ такихъ взглядовъ нѣтъ въ Турціи, а по отношенію къ женщинѣ они и совсѣмъ не могутъ существовать. Полюбилась жена, турокъ живетъ съ ней 5, 6 мѣсяцевъ, наскучила, онъ женится во второй, въ третій, въ четвертый разъ. Ту, къ которой онъ сохранилъ какую нибудь привязанность, онъ оставляетъ жить въ своемъ гаремѣ; той же, которую онъ совсѣмъ разлюбитъ, онъ только скажетъ: «жена, уйди отъ меня!» и этими словами онъ ей даетъ разводъ, который такимъ образомъ безъ всякихъ свидѣтелей и суда имѣетъ полную законную силу. Женщина при этихъ роковыхъ словахъ окутываетъ свое лице покрываломъ, собираетъ свои пожитки и по первому слову на вѣки удаляется изъ подъ супружескаго крова. Жены же въ свою очередь не имѣютъ никакого права сказать своему супругу: «уйди отъ меня» и должны безропотно переносить иногда безчеловѣчное обращеніе своихъ мужей. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ турокъ только добросовѣстный исполнитель предписаній Магомета, который говоритъ: «если жены ваши не повинуются вамъ—бейте ихъ».

Какъ бы часто мужъ ни разводился съ своими женами, какъ бы часто онъ ни пріобрѣталъ себѣ новыхъ подругъ, онъ нисколько не роняетъ себя въ глазахъ общества. Часто турокъ женится исключительно изъ за-богатства невѣсты, обираетъ ее до ниточки, тотчасъ даетъ ей разводъ, снова женится и снова разводится и такимъ образомъ можетъ онъ даже все свое время исключительно проводить въ брачныхъ пиршествахъ, съ однимъ только условіемъ, чтобы сразу онъ не имѣлъ болѣе четырехъ законныхъ женъ.

Одною изъ главныхъ причинъ развода служитъ также и то, что мужчина выбираетъ себѣ жену, не только ни разу не поговоривши съ ней, но и ни разу не видавъ ее до брака.

Вотъ какъ въ Турціи совершаются браки.

Задумалъ молодой турокъ жениться и объявляетъ о своемъ намѣреніи матери, а если ея нѣтъ, то свахѣ. Та и другая въ этомъ случаѣ играютъ совершенно одинаковую роль. Мать, разузнавъ отъ знакомыхъ ей женщинъ о дѣвицахъ, которыя, какъ ей кажется, по своему положенію должны подходить къ ея сыну, отправляется стучать въ эти дома, хотя бы до этого она ни разу въ нихъ не входила. Въ ту минуту, когда служанка подходитъ къ ней, она только произноситъ слово: «гіурруджи», т. е. смотрѣть невѣсту, и та съ полнымъ радушіемъ бросается снимать съ нея головное покры-

вало и фередже. Хозяйка дома, извѣщенная о намѣреніи посѣтительницы, хотя лично съ ней не знакома и ничего о ней не слыхала, тотчасъ приказываетъ дочери явиться въ лучшихъ своихъ нарядахъ и во всемъ блескѣ своей красоты, сама же торопится къ гостьѣ, чтобы принять ее со всевозможнымъ почетомъ и предупредительностью. Обѣ матери, сидя рядомъ на диванѣ, ведутъ между собою какой нибудь пустую болтовню говорятъ другъ другу принятые при этомъ комплименты, пока не войдетъ дѣвушка. Тогда разговоръ прекращается, и мать жениха устремляетъ на невѣсту пытливый взоръ. «Масхаллахъ! Масхаллахъ!» (чудо Божіе) вскрикиваетъ гостья, будто пораженная красотою дѣвушки. «Ахъ, сударыня! ваша дочка, какъ луна прекрасна! глаза! волосы! о масхаллахъ! черны, какъ смоль! Если бы она была невольница, вѣрьте, сударыня, она стоила бы по меньшей мѣрѣ тысячу кошельковъ (около 40 тыс. рублей)»—и подобные комплименты сыплются, какъ горохъ, изъ устъ гостьи, даже и тогда, когда она вовсе не намѣрена отрекомендовать ее своему сыну.

Между тѣмъ дѣвушка, лишь только она вошла въ комнату, старается какъ можно граціознѣе поклониться гостьѣ, затѣмъ подходитъ къ ней ближе и хватаетъ край ея платья, чтобы его поцѣловать, потомъ отходитъ на нѣсколько шаговъ, чтобы дать возможность вполнѣ себя осмотрѣть.

Такимъ образомъ объѣзжаетъ мать или сваха каждый домъ, вездѣ обѣщая непремѣнно вернуться завтра съ утвердительнымъ отвѣтомъ. Вотъ молодой человѣкъ и выбираетъ себѣ въ жены ту женщину, которая понравилась его матери или свахѣ, такъкакъ по турецкимъ обычаямъ онъ совсѣмъ не можетъ видѣть своей жены до брака.

Когда уже сдѣлано предложеніе и получено согласіе, семейство жениха шлетъ въ подарокъ невѣстѣ серебряный ящикъ, зеркало и другія туалетныя принадлежности. Невѣста отдаривается табакеркой, подтяжками и т. п. Нѣсколько дней спустя послѣ помолвки, женихъ шлетъ отцу своей невѣсты извѣстную сумму, какъ бы выкупъ за нее. Прежде суммы эти были довольно значительны и могли хотя нѣсколько обезпечить женщину на тотъ случай, когда ее бросалъ мужъ; теперь же женихи самыхъ знатныхъ фамилій посылаютъ за своихъ невѣстъ не болѣе тысячи рублей. Да и эти деньги нынче никогда не остаются невѣстѣ; онѣ всѣ до копѣйки съ большою прибавкою отцовскихъ денегъ будутъ израсходованы на свадебныя пиршества. Турки считаютъ свадьбу самымъ торжественнымъ, самымъ веселымъ, самымъ счастливымъ днемъ своей жизни, и потому каждый отецъ старается отпраздновать свадьбу своей дочери съ возможно большимъ шумомъ, блескомъ и на свадебный пиръ ставитъ ребромъ послѣднюю копѣйку. А какъ бьется сердце невѣсты, что наконецъ то насталъ ея праздникъ! Да это и понятно: турецкую дѣвушку не учили ничему путному и серьезному, держали ее въ гаремѣ, все равно, что птичку въ тѣсной клѣткѣ, разжигая при этомъ ея воображеніе только сказками о нарядахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, которыми разукрасятъ ее въ день свадьбы. Вотъ она и ждетъ не дождется только этого дня, а о тѣхъ обязанностяхъ, которыя за нимъ послѣдуютъ, она и не думаетъ.

Черезъ восемь дней послѣ помолвки совершается брачный контрактъ. Эта церемонія не имѣютъ никакого религіознаго характера, такъ какъ бракъ по мусульманскому закону не считается религіознымъ обрядомъ, а только гражданскимъ договоромъ. Весь этотъ обрядъ ограничивается тѣмъ, что женихъ шлетъ въ домъ своей невѣсты своего повѣреннаго въ сопровожденіи двухъ свидѣтелей. Невѣста съ своей стороны тоже пригласила свидѣтелей и имама. Когда всѣ соберутся въ комнатѣ, всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ и одинъ изъ свидѣтелей жениха вслухъ и съ торжественною медленностью произноситъ, что Гасанъ-Ага или Магометъ-Али желаетъ взять себѣ въ жены Фатьму, дочь Гаджи-Улемъ-Эффенди. Это заявленіе повторяется три раза. Послѣ него имамъ подхо-

дитъ къ полуоткрытой двери гарема и спрашиваетъ названную дѣвушку о согласіи на бракъ. Та черезъ щель двери нѣсколько разъ отзѣчаетъ «да». Вотъ и вся церемонія. Брачный контрактъ вписывается въ книгу и скрѣпляется подписью имама и свидѣтелей, и всѣ расходятся по домамъ.

Затѣмъ наступаетъ свадебный пиръ. Послѣ полудня женихъ подъѣзжаетъ къ невѣстиному дому, въ которомъ всѣ двери открыты настежъ для всѣхъ, желающихъ видѣть свадьбу. Онъ поднимается по лѣстницѣ къ гарему и на минуту останавливается на площадкѣ. Тутъ передъ нимъ, какъ призракъ, выступаетъ человѣческая фигура, окутанная въ шитую золотомъ ткань, съ лицомъ, покрытымъ густою, розовою вуалью. Этотъ призракъ—невѣста, которую женихъ беретъ за руку и вводитъ въ комнату, посреди которой устроенъ красивый тронъ. Надъ трономъ сдѣланъ прелестный балдахинъ изъ розоваго тюля, шелку или бархата. Женихъ подводитъ невѣсту къ этому трону и усаживаетъ ее на немъ: затѣмъ отвѣшиваетъ ей низкій поклонъ и отправляется въ особые покои пировать съ товарищами. Какъ бы женихъ ни сгоралъ нетерпѣніемъ поскорѣе увидѣть свою невѣсту, онъ, въ продолженіи этой нобольшой церемоніи, всетаки не посмѣетъ открыть ея вуаль.

Лишь только женихъ вышелъ изъ комнаты, какъ въ нее врывается цѣлая толпа, по большей части вовсе незнакомыхъ, женщинъ, чтобы поглазѣть на невѣсту и ея приданое. И такіе смотрины въ день свадьбы,—самая святая обязанность для всякой семьи, въ которой играютъ свадьбу. Первая встрѣчная на улицѣ женщина, безъ всякой церемоніи, входитъ въ домъ невѣсты, останавливается предъ трономъ и какъ статую, осматриваетъ дѣвушку съ ногъ до головы, дѣлаетъ вслухъ свои замѣчанія о ея физіономіи, о туалетѣ и т. п. Послѣ этого собравшійся людъ оглядываетъ каждый фестонъ балдахина и наконецъ отправляется смотрѣть приданое, которое выставлено нарочно для зрителей на особыхъ столахъ, обнесенныхъ рѣшеткою, чтобы зрительницы ничего не трогали руками.

Когда толпа разойдется, невѣста сходитъ съ своего трона, на которомъ она неподвижно просидѣла около двухъ, трехъ часовъ. Затѣмъ она отправляется къ гостямъ, которыхъ то и дѣло угощаютъ сластями, тогда какъ музыканты и танцовщицы лѣзутъ изъ кожи, чтобъ ихъ развеселить.

На мужской половинѣ идетъ такой же пиръ, только съ болѣе буйнымъ оттѣнкомъ, такъ какъ всѣ до единаго обыкновенно перепьются до безчувственнаго состоянія. Наконецъ въ 8 часовъ имамъ произноситъ молитву, послѣ которой новобрачный отправляется къ своей женѣ. Въ эту минуту къ нему съ разныхъ сторонъ бросаются его товарищи и бьютъ его кулаками и старой подошвой: это дѣлается, чтобы предохранить отъ дурнаго глаза и изгнать на вѣки скуку изъ сердца новобрачнаго. Новобрачный увертывается отъ пріятелей и вбѣгаетъ въ гаремъ, въ дверяхъ котораго встрѣчаетъ его евнухъ съ факеломъ въ рукѣ. Посреди комнаты стоитъ его жена, еще окутанная непроницаемой вуалью, — онъ подбѣгаетъ къ ней и разрываетъ вуаль. Въ ту же минуту изъ двери выходитъ старушка и повелительнымъ жестомъ указываетъ новобрачному на коверъ. Этотъ жестъ означаетъ, что новобрачный долженъ прежде всего возблагодарить Аллаха за ниспосланное ему счастіе. «Есть за что благодарить», приходится сказать иногда турку злобно, и онъ, если не понравилась ему жена, прогоняетъ старуху и начинаетъ несчастную женщину бранить на чемъ свѣтъ за то, что та имѣла несчастіе ему не понравиться, проклинаетъ и сваху. И такъ иногда турокъ съ первой минуты начинаетъ думать, какъ бы ему отдѣлаться отъ своей жены. Потерпитъ ее два, три мѣсяца, а тамъ и разводъ. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда турчанка красива и нравится мужу въ первую минуту, это еще не обѣщаетъ ей счастья въ бу-

душемъ. Не зная характера и привычекъ другъ друга, новобрачные скоро начинаютъ ссоры, во время которыхъ мужъ вразумляетъ жену звонкими затрещинами. Однако разъ поправившаяся женщина еще можетъ надѣяться, что ея мужъ не такъ скоро дастъ ей разводъ, и хотя возьметъ другую, третью, а потомъ и четвертую жену, все-таки пожалѣетъ бросить ее на произволъ судьбы, а оставитъ при себѣ въ гаремѣ.

Когда турокъ обзавелся нѣсколькими женами, онъ помѣщаетъ ихъ въ гаремѣ, что означаетъ запрещенное мѣсто. Такъ называются эти помѣщенія потому, что туда проникать могутъ только женщины, а изъ мужчинъ одинъ мужъ и самые близкіе родственники. Впрочемъ и мужъ не всегда можетъ войти въ это священное для турка мѣсто. Видя туфли у порога двери жены, онъ не осмѣлится къ ней войти и возвращается къ себѣ. Турокъ только собственныхъ женъ можетъ видѣть безъ покрывала; между тѣмъ, когда женщины пріѣзжаютъ другъ къ другу въ гости, онѣ бесѣдуютъ между собой съ непокрытыми лицами. Вотъ жена посредствомъ туфлей и предупреждаетъ мужа, чтобы онъ не вошелъ къ ней въ данную минуту, потому что онъ можетъ встрѣтить у нея постороннюю женщину безъ покрывала.

Когда турокъ желаетъ избѣжать непріятнаго посѣщенія, встрѣчи, избавиться отъ какого нибудь требованія, скрыться отъ своего кредитора, онъ уходитъ въ свой гаремъ. Посѣтитель, которому объявляютъ, что хозяинъ въ гаремѣ, уже, разумѣется, не послѣдуетъ туда за нимъ. Вызвать турка изъ гарема можно только по дѣлу, не терпящему ни минуты отлагательства и крайне необходимому, иначе это считается не только неделикатностью, но величайшею дерзостью и нахальствомъ.

Чтобы не возбуждать зависти между женами, ихъ размѣщаютъ въ отдѣльныхъ, совершенно одинаково меблированныхъ комнатахъ, даютъ имъ одинаковые экипажи, одинаковое количество прислуги и т. д. Но это нисколько не уменьшаетъ гаремныхъ интригъ, и много женщинъ умираетъ въ чахоткѣ отъ слишкомъ бурной жизни среди своихъ гаремныхъ подругъ, которыя смотрятъ другъ на друга, какъ на смертельныхъ враговъ. Чтобы вполнѣ уяснить себѣ это, нужно имѣть хоть нѣкоторое понятіе о томъ, какъ живетъ турчанка въ своихъ гаремахъ. Какъ нѣсколько столѣтій тому назадъ, такъ и теперь вы встрѣтите турчанку только на улицѣ, или на гуляньѣ, всегда въ своемъ широкомъ *фередже* (нѣчто въ родѣ плаща) нѣжно-розоваго, голубаго или лиловаго цвѣта, въ цвѣтныхъ туфляхъ, которые теперь все болѣе замѣняются ботинками, всегда подъ покрываломъ передъ всемъ свѣтомъ, кромѣ своего мужа. Безъ яшмака (покрывало) и фередже ни одна женщина не смѣетъ появиться на улицѣ, иначе она подвергаетъ себя сотнѣ разныхъ оскорбленій. Правда, турчанки ловко приноравливаются носить свою одежду такъ, чтобы и себя показать, и другихъ посмотрѣть: молоденькія дѣлаютъ свое покрывало изъ весьма прозрачной матеріи и такъ ловко набрасываютъ его на лице, что и соблюдаютъ законъ пророка, и отлично выставляютъ свои черные, блестящіе глаза съ насурмленными рѣсницами и подкрашенными бровями. Та же исторія и съ фередже: несмотря на неуклюжесть его, женщины умѣютъ расположить его такъ, что онъ не только не скрываетъ, но лучше чѣмъ во всякой другой одеждѣ обрисовываетъ ихъ станъ.

Возвратившись домой, женщины снимаютъ свои покрывала и остаются въ домашнемъ нарядѣ. Нарядъ этотъ состоитъ изъ широкихъ шальваръ, сшитыхъ изъ шелковой или какой нибудь другой легкой матеріи; сверхъ нихъ одѣто длинное со шлейфомъ платье, съ прорѣзами на бокахъ и открытое спереди. Изъ подъ вырѣзаннаго лифа видна спереди газовая рубашка. Широкіе, висячіе рукава платья украшены ленточками, пуговками, вышивками. Талья турчанки никогда не бываетъ затянута въ корсетъ, она только перехвачена широкимъ кашемировымъ поясомъ.

На черные волосы, заплетенные въ мелкія косички и падающія на затылокъ и плечи, турчанки одѣваютъ атласную шапочку, красную или голубую, иногда же всю сплошь изъ жемчужныхъ нитокъ. Свой головной нарядъ каждая старается какъ можно болѣе украсить драгоцѣнными камнями. Браслеты, ожерелья, тяжелыя серьги составляютъ любимую принадлежность туалета не только турчанокъ, но всѣхъ восточныхъ женщинъ. Уже многія турчанки высшаго полета начинаютъ носить платья парижскаго покроя. Правда, и такія модницы, выходя изъ дому, все-таки накидываютъ яшмакъ и надѣваютъ фередже, но изъ подъ него у многихъ теперь уже выглядываетъ европейское платье. Однако трудно себѣ представить, какъ неумѣло и подъ часъ даже комично подражаютъ онѣ парижскимъ модамъ! Ни законы симметріи, ни сочетаніе цвѣтовъ имъ вовсе незнакомы. Богатая турчанка, на шеѣ которой иногда одно ожерелье стоитъ 10, 15 тысячь руб., разряженная въ дорогое, модное, парижское платье, выѣзжая съ визитомъ, вдругъ накидываетъ на плечи какую нибудь накидку, или нѣчто въ родѣ ночной кофточки изъ ситца, съ красными разводами, какую теперь у насъ одѣнетъ далеко не каждая деревенская женщина. Хотя туфли теперь все болѣе замѣняютъ ботинками, но и ихъ здѣсь украшаютъ шитьемъ и драгоцѣнными каменьями. Однако и у турчанки въ самомъ роскошномъ, современномъ костюмѣ, вы въ большинствѣ случаевъ замѣчаете не только полное неумѣнье одѣться, но даже и ужасное неряшество, совершенно немыслимое въ другихъ странахъ; на дорогомъ платьѣ болтаются тесемки, которыми завязаны разныя принадлежности туалета, чулки, грязные и обтрепанные, спускаются на башмаки украшенные драгоцѣнными камнями и затрудняютъ походку.

Мы уже знаемъ, что жительницы гаремовъ принадлежатъ къ самымъ разнороднымъ племенамъ, тѣмъ не менѣе преобладающій типъ турчанки таковъ. Черты лица правильны и рѣзки; глаза черные, большіе, скулы выдаются, носъ орлиный, ротъ правильный, губы розовыя. Турчанки бываютъ дѣйствительно хороши, но только въ самой ранней молодости; богатыя женщины живутъ въ довольствѣ и потому съ лѣтами толстѣютъ такъ, что достигаютъ невѣроятныхъ размѣровъ.

Вся жизнь турчанки протекаетъ въ крѣпко на крѣпко запертыхъ гаремахъ, среди другихъ такихъ же, какъ она затворницъ. Все воспитаніе турецкихъ женщинъ направлено къ тому, чтобы каждая изъ нихъ была весела, умѣла живо болтать всякій вздоръ, была граціозна, могла хорошо танцовать, (замѣтьте, что та же религія, которая мужчинамъ не разрѣшаетъ пляски и считаетъ ее для нихъ предосудительною, дозволяетъ ее женщинѣ, такъ какъ самъ Магометъ часто развлекался пляскою своихъ женъ), однимъ словомъ, чтобы только нравиться мужьямъ. Понятно, что у женщинъ, воспитанныхъ такимъ образомъ, не можетъ быть никакого стремленія къ какому нибудь полезному занятію, ни даже къ чтенію. Работы имъ тоже никакой не полагается: тотъ турокъ, который не можетъ окружить жену прислужницами и всѣмъ необходимымъ, и не беретъ себѣ нѣсколькихъ женъ. Слѣдовательно, гаремныя затворницы всегда обезпечены на столько, чтобы самимъ не работать. Но что же онѣ дѣлаютъ цѣлый день? Бездѣльничаютъ, сплетничаютъ, бранятся, возводятъ другъ на друга и бывалыя, и небывалыя преступленія.

Когда женщины проснутся, служанки цѣлой вереницей входятъ въ ихъ спальни и цѣлое утро помогаютъ имъ въ ихъ умовеніяхъ, притираніяхъ, расчесываніяхъ волосъ. *Наряжаться* и *притираться* — главная цѣль жизни турчанки, такъ какъ ея первѣйшею обязанностью по корану—прельщать и развлекать своего мужа.

Лишь только окончили онѣ свой туалетъ, какъ къ нимъ входятъ служанки и вносятъ варенья и кофе; затѣмъ каждой изъ нихъ подаютъ папироски, и такъ въ пустѣйшей болтовнѣ и сплетняхъ онѣ проводятъ съ часъ времени, послѣ чего имъ предлага-

ютъ фрукты, шербетъ. Немного погодя обѣдъ, а послѣ имъ запрягаютъ экипажи, или пѣшкомъ съ подругами онѣ отправляются въ магазины покупать обновки. Но онѣ никуда не смѣютъ ходить въ одиночку: должны быть всегда или съ служанкой, или съ одной изъ женъ своего мужа, не смотря на то, что ни одна изъ нихъ не можетъ безъ отвращенья смотрѣть на другую. Хотя и въ обществѣ ненавистныхъ подругъ, но ни одна изъ нихъ не пропуститъ гулянья: такъ велико желаніе этихъ несчастныхъ хоть изъ-за вуали посмотрѣть на свѣтъ Божій. Если сегодня жены ѣздили въ магазины, завтра онѣ уже не смѣютъ выпроситься у мужа за тѣмъ же самымъ и потому всей гурьбой отправляются въ бани. Бани самое любимое развлеченіе женщинъ, и онѣ посѣщаютъ ихъ безпрестанно. Тамъ турчанки остаются по цѣлымъ днямъ, тамъ онѣ ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ, поютъ, хохочутъ до слезъ, не зная чему, ссорятся не на жизнь, а на смерть. А то отправляются въ садъ, который по большей части бываетъ при богатыхъ гаремахъ. Тамъ, подъ тѣнистыми деревьями евнухъ разстилаетъ чудные ковры и перины, кладетъ подушки, и женщины, лѣниво развалившись, жуютъ тутъ же снимаемыя для нихъ: персики, абрикосы, дули, винныя ягоды. Надоѣло слушать журчаніе фонтана и жевать плоды, онѣ, какъ дѣти, начинаютъ бѣгать, ловить другъ друга, пляшутъ подъ бубенъ, играютъ въ шашки, иногда даже, по примѣру своихъ мужей, курятъ кальянъ. А вонъ одна изъ женъ мрачно стоитъ въ сторонѣ и разговариваетъ со старой прислужницею; она уговаривается съ ней пойти завтра на прогулку и зайти вмѣстѣ къ колдуну, чтобы упросить его какими нибудь чарами снова приколдовать къ себѣ сердце своего мужа и удалить отъ него ненавистную подругу, которая заняла ея мѣсто.

Очень часто, еще больше возбужденная такимъ разговоромъ, она бѣжитъ къ подругамъ и то одной, то другой наговариваетъ на ту, которую она собирается на другой день угощать снадобьями, что получитъ отъ коллуна. Въ ней тотчасъ принимаютъ участіе — и вотъ поднимается ругань, крики, слезы, дрязги. Тутъ каждая желаетъ только одного, чтобы мужъ любилъ ее болѣе другихъ женъ и далъ ей возможность командовать надъ остальными. Поэтому ласками и услужливостью каждая больше всего добивается войдти въ большее довѣріе къ мужу. При этомъ онѣ, какъ женщины, не имѣющія никакихъ нравственныхъ понятій, не стѣсняются никакими средствами, и каждая изъ нихъ старается оклеветать, очернить свою подругу. Завтра на высотѣ своего могущества, она будетъ сама окружена толпою возненавидѣвшихъ ее затворницъ, которыя будутъ ловить всякое ея слово, всякій жестъ, чтобы оклеветать ее въ свою очередь и лишить преимуществъ, которыхъ она достигла. Но это ничего. «Хоть одинъ день, да мой», вѣроятно, думаетъ каждая изъ нихъ и поступаетъ по слѣдамъ предшественницы. Вслѣдствіе этихъ интригъ, говорятъ, происходятъ ужасныя вещи въ гаремахъ. Провинившуюся, а то и вслѣдствіе клеветы вызвавшую гнѣвъ своего супруга— зашиваютъ въ мѣшокъ и бросаютъ въ море, безъ всякаго суда и расправы, такъ какъ всякій мужъ въ полномъ смыслѣ самовластный властелинъ своего гаремнаго царства. И вотъ иногда ночью по Босфору быстро скользитъ каикъ съ двумя гребцами: онъ на минуту остановился, гребцы дружно подняли мѣшокъ... раздался страшный, пронзительный крикъ, плеснула вода и все смолкло... Среди этихъ-то интригъ, пошлыхъ и мелочныхъ дрязгъ, ростутъ и воспитываются дѣти гаремныхъ затворницъ. Какой примѣръ можетъ видѣть здѣсь ребенокъ? Онъ рано начинаетъ понимать, что всѣ эти женщины, какъ хищные звѣри, каждую минуту готовы растерзать другъ друга, и ребенокъ своимъ тонкимъ дѣтскимъ чутьемъ начинаетъ сознавать, что жизнь его матери виситъ на волоскѣ, что онъ каждый день можетъ быть оторванъ отъ родной груди... Но вѣчныя дрязги очень скоро и въ ребенкѣ развиваютъ интересъ къ нимъ, и

изъ центральной Азіи и не подвергшаяся тѣмъ образовательнымъ вліяніямъ, которымъ онъ мало по малу самъ начинаетъ отъ одной къ другой переносить сплетни. Къ тому же матери-затворницы такъ поглощены этими интригами, что мало занимаются своими дѣтьми. Да какое же воспитаніе, какое образованіе можетъ дать своему ребенку мать, сама не получившая никакого развитія, мать, которая не имѣетъ житейскаго опыта и никогда не знала трудовой жизни? Можетъ ли наконецъ женщина, которая не играетъ никакой роли въ обществѣ, а живетъ какъ птица въ клѣткѣ, воспитать въ своемъ сынѣ любовь къ родинѣ, сдѣлать его гражданиномъ? Она, конечно, не можетъ понимать такихъ стремленій, ея сынъ будетъ, какъ и отецъ, только мечтать, какъ бы съ большимъ комфортомъ усѣсться покурить трубку, попить кофе и, когда выростетъ, обзавестись, какъ и всякій правовѣрный, нѣсколькими женами, а тамъ хоть трава ни расти!

Такъ вотъ въ какомъ положеніи очутилась турчанка вслѣдствіе предписаній корана. Раздѣленіе половъ было главною причиною замкнутости, при которой каждый только и думаетъ, какъ бы получше устроить свой домашній мірокъ, а отсюда полнѣйшее равнодушіе къ общественнымъ интересамъ.

Итакъ результатъ униженія турецкой женщины — совершенный упадокъ нравственности, апатія, господство мелкихъ стремленій и интригъ, которые ставятъ Турецкую Имперію на ряду съ самыми неразвитыми, дикими, азіатскими народами.

Однако многіе могутъ задать вопросъ, почему же арабы, которые тоже исповѣдывали магометанскую религію, были въ высшей степени образованнымъ народомъ? Ихъ калифы (государи) покровительствовали писателямъ и ученымъ, огромное значеніе придавали естествознанію, математикѣ, обращали серьезное вниманіе на изученіе медицины, которая у турокъ въ такомъ небреженіи? Какъ объяснить себѣ такое явленіе? А дѣло вотъ въ чемъ: религія дѣйствительно имѣетъ огромное вліяніе на складъ народной жизни, но не одна она вырабатываетъ народный характеръ. Тутъ природа, климатъ, географическое положеніе страны и историческія условія, — все имѣетъ огромное значеніе. Вотъ различіемъ-то историческихъ условій въ особенности и объясняется то, что при одной и той же религіи турки и арабы достигли совершенно различныхъ степеней цивилизаціи. Дѣло въ томъ, что когда арабы въ VII вѣкѣ покорили западную Азію и Африку, то они нашли въ этихъ странахъ весьма распространенную греческую образованность и подпали ея вліянію. Но не одно это развивало и просвѣщало ихъ. Въ это время тутъ между прочимъ жили евреи и послѣдователи одной христіанской секты—несторіане, и тѣ и другіе тогда съ большимъ успѣхомъ занимались медициной. А несторіане перевели даже многія сочиненія греческихъ философовъ на персидскій языкъ. Несторіане и евреи много терпѣли преслѣдованій въ Византійской имперіи за то, что они не исповѣдывали господствующей христіанской религіи; поэтому и тѣ и другіе сблизились съ ея врагами—арабами и распространяли между ними свои знанія. При этомъ естественно, чѣмъ болѣе становились арабы людьми образованными, тѣмъ они съ большимъ сомнѣніемъ относились ко множеству предразсудковъ, предписываемыхъ исламомъ. «Зачѣмъ это», стали они поговаривать между прочимъ, «намъ не позволяютъ ѣсть свиное мясо?» (мусульманская религія запрещаетъ употребленіе свинины). «Такое постановленіе можетъ быть полезно свиньямъ, но не людямъ...» Наконецъ быстрому распространенію образованія въ государствахъ, основанныхъ арабами, содѣйствовало еще и то, что въ нихъ не было религіозной вражды между различными народностями, ихъ населявшими. Незадолго передъ этимъ христіанскую церковь волновали разнообразныя секты, между которыми шла самая ожесточенная борьба. Вотъ эти-то раздоры и помогли мусульманамъ всюду водворить свою религію.

Въ совершенно иномъ положеніи были турки. Это была дикая орда, вышедшая

подпали арабы въ Азіи и Египтѣ. Византійская имперія въ это время уже совершенно одряхлѣла и клонилась къ упадку. Правда, она еще хранила остатки греческой образованности, но эта образованность была достояніемъ весьма немногихъ кабинетныхъ тружениковъ, которые кропотливо собирали и хранили плоды греческой мудрости, но ни чуть не двигали науку впередъ и не имѣли никакого вліянія въ обществѣ, занятомъ въ то время совсѣмъ другими интересами. При такомъ положеніи населеніе Балканскаго полуострова не только не видѣло большой бѣды въ томъ, что турки, прочно утвердившіеся въ Малой Азіи, покорятъ дряхлую Византію, но многіе даже положительно желали этого и входили съ ними въ сношеніе. Простой народъ уже потому могъ желать имъ успѣха, что подати, налагаемыя въ то время турками, были значительно легче налоговъ, собираемыхъ Византійскими императорами. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, Византійская имперія рухнула подъ напоромъ турецкаго нашествія. Повидимому теперь съ турками могло бы случиться тоже, что съ арабами, т. е. они могли бы также цивилизоваться. Но это только повидимому. Прежде всего турки, какъ мы уже упомянули, были народомъ гораздо болѣе грубымъ и менѣе способнымъ къ развитію, чѣмъ арабы. Къ тому же греческая образованность въ это время въ значительной степени потеряла свою жизненность и силу. Ко всему этому присоединилось и еще одно весьма важное обстоятельство, мѣшавшее ихъ развитію. Арабы весьма быстро и успѣшно обращали въ магометанство покоренные ими народы. Туркамъ же это почти совершенно не удалось. Причиною этому было то, что со времени турецкаго нашествія, христіанство уже справилось почти со всѣми сектами, раздиравшими его прежде, окончательно окрѣпло и пустило глубокіе корни въ народонаселеніи Балканскаго полуострова. Кромѣ того, это народонаселеніе было еще недавно свидѣтелемъ Крестовыхъ походовъ, направленныхъ противъ турокъ, овладѣвшихъ гробомъ Господнимъ; поэтому, если христіане по своимъ политическимъ и экономическимъ соображеніямъ и могли иногда желать замѣнить власть византійскаго императора властію турецкаго падишаха, то все-таки на турокъ они не могли смотрѣть иначе, какъ на враговъ христіанской вѣры, слѣдовательно и не могли принять ихъ религіи. Религіозная вражда между христіанами и магометанами еще болѣе окрѣпла, когда турки измѣнили своей прежней благоразумной политикѣ и стали обирать и грабить покоренные ими народы. Мы уже говорили, что быстрому распространенію образованія между арабами весьма помогло то обстоятельство, что они представляли единый народъ, исповѣдующій одну религію. Между тѣмъ въ турецкой имперіи мы видимъ постоянную вражду между побѣдителями и побѣжденными. Правда, воинственный жаръ турокъ со временемъ охладѣлъ, но ихъ барское положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, въ средѣ разныхъ славянскихъ племенъ, болѣе или менѣе имъ подвластныхъ, все способствовало къ тому, что къ нимъ совсѣмъ не привилась привычка къ труду, что представляетъ первѣйшій и самый существенный двигатель прогресса.

Слѣдовательно, арабы, не смотря на свою магометанскую религію, дѣлали успѣхи въ наукахъ и улучшали свою матеріальную жизнь, потому что они сталкивались съ образованными народами и заимствовали отъ нихъ разныя знанія. Турки же не подпадали образовательнымъ вліяніямъ и у нихъ все образованіе даже и теперь ограничивается изученіемъ религіи, которая сама по себѣ весьма не гуманна и мало просвѣтительна; безъ плодотворнаго же вліянія науки она окончательно сдѣлалась источникомъ всевозможныхъ суевѣрій. Вотъ потому турки и теперь еще грубый праздный народъ, эксплуатирующій подвластныя племена,—народъ, которому чужды идеи и стремленія другихъ европейскихъ государствъ; вотъ потому то всѣ реформы Турціи нисколько не прививаются къ жизни, а остаются фразами одного какого нибудь администратора, совершенно случайно пріобрѣвшаго современные взгляды.

Время препровожденіе турокъ и ихъ занятія. — Турецкіе дома и ихъ убранство.—Гаремликъ и Селямликъ.—Что турки ѣдятъ и пьютъ.—Обѣдъ.—Вечерній отдыхъ и пріемъ гостей.—Рожденіе ребенка.—Смерть и погребеніе.

Какъ только утромъ встаетъ турокъ, онъ прежде всего дѣлаетъ омовеніе и уже къ 8-ми часамъ, по нашему времени, садится за завтракъ, состоящій изъ двухъ или трехъ блюдъ. Послѣ этого каждый отправляется къ своимъ занятіямъ.

Почти каждый мало-мальски состоятельный человѣкъ занимается какою нибудь мелкою торговлею,—что составляетъ чуть ли не единственный промыселъ турка. Его пристрастіе къ торговлѣ такъ сильно, что нерѣдко, не имѣя возможности запастись товаромъ, онъ сидитъ почти въ пустой лавкѣ. При его монотонной жизни, лавка представляетъ ему большое развлеченіе и нисколько не противорѣчитъ его понятіямъ и привычкамъ: глядя на оживленную толпу, онъ нѣсколько развлекается, и въ то же время это не мѣшаетъ ему предаваться созерцанію, пить кофе, не выпускать изо рта трубки.

Мало-мальски зажиточные люди, какъ мы это уже упоминали много разъ выше, держатъ обыкновенно при своихъ домахъ цѣлую армію прислужниковъ разнаго рода. Вслѣдствіе этого можно смѣло сказать, что Турція раздѣляется на многочисленный классъ чиновниковъ и на еще болѣе многочисленный классъ рабовъ. Послѣдніе составляютъ громадную цифру населенія. Земледѣліемъ и промыслами преимущественно занимаются подвластные падишаху славяне,—турки же чрезвычайно рѣдко.

Почти въ каждомъ большомъ городѣ существуетъ каменный рынокъ, раздѣленный внутри на множество совершенно одинаковыхъ помѣщеній, на подобіе келій. Въ задней части такой кельи—складъ товаровъ; въ передней—купецъ, разложивъ товары, садится на возвышеніе, поджавъ подъ себя ноги.

Въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ центра города, а также и въ маленькихъ мѣстечкахъ, мы часто находимъ дома, въ которыхъ въ нижнемъ этажѣ—лавка, а въ верхнемъ—квартира купца. На стѣнахъ лавки придѣланы открытые ящики, въ которыхъ лежатъ товары въ живописномъ безпорядкѣ.

Турокъ весь день проводитъ въ своей лавкѣ. Какъ бы много публики ни проходило мимо него, вы не замѣтите на его лицѣ никакого движенія; онъ не побѣжитъ за проходящимъ, не станетъ ему выкрикивать въ уши товаръ, а продолжаетъ курить свою трубку, перебирая пальцами четки. Если его лавку обходятъ покупатели, онъ говоритъ: «судьба» и не ударитъ палецъ о палецъ, чтобы привлечь къ себѣ публику.

Купецъ принимаетъ въ лавкѣ своихъ друзей и, не стѣсняясь, даже и въ то время, когда къ нему входитъ покупатель, онъ продолжаетъ ихъ угощать кофеемъ, трубкой и наргиле. Такъ сидятъ пріятели иногда два, три часа, не проронивъ ни слова, и затѣмъ отправляются въ другую лавку, къ другимъ знакомымъ проводить свое время точно также.

Для обѣденной молитвы турокъ, совершивъ омовеніе, отправляется въ мечеть; черезъ часъ онъ снова возвращается въ лавку, которая въ это время была закрыта. Этотъ образъ жизни не измѣняется и зимой, только лѣтнее платье замѣняется шубой и въ особыхъ мѣстахъ устроиваются жаровни, чтобы согрѣвать руки и ноги купца, который торгуетъ подъ открытымъ небомъ. Съ призывомъ къ вечерней молитвѣ подвалы закрываются, занятія оканчиваются, и каждый торопится домой, гдѣ его ожидаетъ обѣдъ.

Конакъ или домъ зажиточнаго турка—обыкновенно зданіе неправильной формы, совершенно лишенное европейскаго комфорта. Онъ состоитъ изъ двухъ этажей, и жилыя комнаты, какъ въ гаремѣ, такъ и въ селямликѣ убраны диванами, которые тянутся по

стѣнамъ. Турки не употребляютъ кроватей. Матрацы на ночь стелятъ прямо на полу, а на день убираютъ въ большіе шкафы, устроенные въ стѣнахъ комнаты. Сами по себѣ стѣны совсѣмъ голыя, ничѣмъ не украшены, только выбѣлены известкой. Въ наиболѣе богатыхъ жилищахъ, въ одной изъ лучшихъ комнатъ, кромѣ турецкихъ дивановъ, вы найдете и небольшой диванчикъ европейскаго фасона, нѣсколько креселъ, столикъ со стѣннымъ зеркаломъ, украшенный парою лампъ. Но вообще обстановка даже самыхъ богатыхъ турецкихъ жилищъ, съ точки зрѣнія европейца, очень не уютная, непригляднaя и не комфортабельная. Вы не найдете въ нихъ даже той восточной роскоши, о которой вообще ходятъ преувеличенныя розсказни. Хотя въ нѣкоторыхъ домахъ можно видѣть прекрасный фарфоръ, дорогое старинное оружіе и цѣнныя вещи, которыми можно было бы украсить комнаты, но у турокъ все это уложено въ сундукахъ. Особенно некрасиво и неудобно расположены окна въ турецкихъ жилищахъ: они пробиты въ стѣнахъ со всѣхъ сторонъ, и на такомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что промежутокъ между ними составляетъ не болѣе одного фута. Трудно исчислить всѣ неудобства отъ такого множество оконъ и отъ страннаго ихъ расположенія: лѣтомъ яркіе лучи солнца проникаютъ въ комнату со всѣхъ сторонъ, а зимою отовсюду васъ пронизываетъ сквозной вѣтеръ. На окнахъ, вмѣсто занавѣсокъ, какія-то неподрубленныя ситцевыя тряпки, которыя при сквозномъ вѣтрѣ болтаются изъ стороны въ сторону.

Турокъ обѣдаетъ или съ своей женой, или отдѣльно на своей половинѣ, въ селямликѣ. Когда у кого нибудь изъ супруговъ есть гости, каждый обѣдаетъ на своей половинѣ. Послѣдуемъ за хозяиномъ въ селямликъ.

Посреди комнаты стоитъ скамья, на которую ставятъ кушанья. Слуга входитъ въ комнату, смежную съ кухнею и предназначенную для пріема кушаній отъ повара. Онъ ставитъ на мѣдный или деревянный подносъ сразу всѣ четыре, шесть, а иногда и восемь блюдъ въ мѣдныхъ вылуженныхъ плоскихъ сосудахъ въ видѣ чашъ, кладетъ нѣсколько деревянныхъ ложекъ по числу обѣдающихъ и хлѣбъ, испеченный безъ дрожжей, и все это ставитъ на скамейку, или точнѣе сказать на треножникъ, который и вноситъ въ комнату своего господина. Хозяинъ вмѣстѣ съ гостями размѣщаются вокругъ скамейки съ подносомъ и садятся на полъ, покрытый ковромъ, поджавъ подъ себя ноги. Одинъ изъ слугъ кладетъ на колѣни сидящихъ длинное полотенце, нерѣдко богато затканное серебряными нитями; при этомъ каждый беретъ ложку и кусокъ хлѣба, и принимаются за супъ. За обѣдомъ не существуетъ ни ножей, ни вилокъ: хлѣбъ ломаютъ, мясо раздираютъ и ѣдятъ руками.

Впрочемъ, прежде чѣмъ приняться за супъ, хозяинъ произноситъ обычное «прошу», и тогда всѣ начинаютъ ѣсть изъ одной и той же чаши. Только тогда, когда всѣ положатъ ложки на подносъ, въ знакъ того, что не хотятъ болѣе того же кушанья, чашку съ супомъ снимаютъ и принимаются за другое. Такимъ образомъ, почти безъ всякихъ разговоровъ, уничтожается кушанье за кушаньемъ. Порядокъ блюдъ обыкновенно такой: сначала супъ, затѣмъ овощи, потомъ мясныя кушанья; послѣ этого «питта», мучное кушанье, приготовленное въ видѣ лепешки, и наконецъ *пилавъ* — кушанье изъ риса. Творогъ служитъ ежедневною пищею. Пьютъ фруктовый квасъ въ большихъ красивыхъ чашахъ. Послѣ обѣда подаютъ галву — любимое угощеніе мусульманина. Одинъ или двое босоногихъ слугъ, въ почтительныхъ позахъ, стоятъ въ комнатѣ, гдѣ обѣдаютъ, для исполненія приказаній господина. Когда обѣдъ оконченъ, подносъ уносятъ, и черезъ нѣсколько минутъ слуга является снова и несетъ мѣдную чашу съ кружкой, наполненную водой. Сначала онъ подаетъ мыться гостямъ, а потомъ хозяину. Всѣ моютъ руки, смачиваютъ уши, а иногда и глаза, вытираются поданнымъ полотенцемъ, и хозяинъ дома приглашаетъ гостей сѣсть на диваны. Когда всѣ размѣстились, снова

являются двое слугъ, изъ которыхъ одинъ несетъ чашу, гдѣ находится необходимое число блюдечекъ съ маленькими чашками, напоминающими наши рюмки для яицъ и съ кофейникомъ. Другой слуга снимаетъ полотенце, которымъ покрыты чашки, наливаетъ въ нихъ кофе безъ сахара и подаетъ ихъ присутствующимъ, прижимая при этомъ каждый разъ лѣвую руку къ сердцу въ знакъ того, что онъ, по порученію своего господина, предлагаетъ угощеніе отъ всего сердца. Послѣ кофе подаютъ нерѣдко—рагатъ-лу-кумъ и вареные въ сахарѣ фрукты. Во время дессерта, а иногда и послѣ него, приносятъ трубки, чубуки которыхъ у многихъ перехвачены брилліантовыми кольцами. Впрочемъ теперь у турокъ сильно входятъ въ моду и сигаретки.

Въ прекрасные лѣтніе вечерніе дни турокъ отправляется за городъ, на гулянье. Тамъ онъ выбираетъ всегда тѣнистую аллею, въ которой онъ можетъ просидѣть нѣсколько часовъ къ ряду съ трубкой въ зубахъ, или на берегѣ ручья, и остается тамъ, погруженный въ созерцаніе до тѣхъ поръ, пока не раздастся съ высоты минаретовъ призывъ муэззиновъ къ вечерней молитвѣ. Богатые турки, которые считаютъ величайшимъ трудомъ не только дойти до гулянья внѣ города, но и пріѣхать туда, предаются вечернему кейфу въ своихъ кіоскахъ.

Въ высшей степени оригинально принимаютъ турки своихъ гостей. Когда мусульманинъ приходитъ къ равному себѣ по положенію, объ немъ тотчасъ докладываетъ слуга, находящійся въ передней. Когда посѣтитель сниметъ туфли или калоши, его вводятъ въ пріемную, гдѣ находится хозяинъ. Вошедшій прикладываетъ правую руку къ сердцу, ко рту и ко лбу (это означаетъ, что онъ того, кому кланяется, носитъ въ сердцѣ и въ умѣ и всюду будетъ говорить ему похвалу); затѣмъ, не говоря ни слова, опускается на диванъ или на подушку, лежащую на полу. Чѣмъ знатнѣе лицо, къ которому вошелъ гость, тѣмъ глубже будетъ поклонъ; бѣднякъ или проситель опускаетъ сначала руку до земли, а потомъ крѣпко прижимаетъ ее къ сердцу, желая этимъ выразить, что онъ хотѣлъ бы также прижать къ своему сердцу того, кому кланяется. Когда гость и хозяинъ усѣлись, опять нужно въ точности исполнить извѣстный этикетъ: если оба лица, сидящіе теперь другъ передъ другомъ, одинаковаго положенія, хозяинъ первый начинаетъ разговоръ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда ихъ положеніе не равное, начинаетъ разговоръ болѣе знатный.

Люди, болѣе или менѣе зажиточные, или высшіе чиновники, дѣлаютъ свои визиты на лошадяхъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ; между ними вы непремѣнно замѣтите чибукчи, который несетъ одну или нѣсколько трубокъ въ суконномъ футлярѣ.

Когда ребенокъ является на свѣтъ божій, его одѣваютъ въ тонкую рубашку и разцвѣтную стеганную куртку и стягиваютъ свивальникомъ, на сколько возможно; на голову ему натягиваютъ красную, шелковую шапочку съ бисерною кистью, на шею вѣшаютъ амулетъ, въ которомъ зашитъ чеснокъ и стихи изъ корана,—послѣднее, чтобы предохранить отъ дурнаго глаза.

Но главная забота предъ появленіемъ ребенка на свѣтъ — приготовить парадную постель для него и особенно для матери. Все, что есть цѣннаго въ домѣ идетъ на украшеніе постели родильницы: газъ, шелкъ, золототыя вышивки, тончайшая восточная кисея,—все идетъ въ дѣло. Подушки сдѣланы изъ шелковой матеріи и покрыты газомъ съ тончайшими золотыми вышивками. Нѣсколько одѣялъ, которыми покрываютъ въ это время мать—одно богаче другою; ими драпируютъ больную такъ, что посѣтители могутъ видѣть каждое изъ нихъ. Многія турчанки въ это время покрываются стеганными одѣялами, богато украшенными жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Не смотря однако на такія нарядныя покрывала, голова матери безобразно обвязана краснымъ шарфомъ съ кистью на верху, а въ углу комнаты торчитъ палка, на верхушкѣ

которой прикрѣплена луковица—отъ дурнаго глаза. Когда одѣнутъ мать и ребенка, зовутъ имама, который даетъ новорожденному имя, избранное родителями, и шепчетъ ему то на одно, то на другое ухо молитвы.

Вѣроятно не каждое дитя записывается въ книги мечети, такъ какъ до сихъ поръ невозможно точно опредѣлить число народонаселенія турецкой имперіи. Еще и въ настоящее время турецкія власти считаютъ своихъ жителей только по семействамъ, да и тутъ не могутъ дать вѣрной цифры. Мальчикъ только тогда получаетъ значеніе, когда онъ настолько выросъ, что можетъ платить подати, нести воинскую повинность или устроить собственный очагъ. О числѣ женскаго населенія окончательно никто не заботится.

Турки не имѣютъ фамилій, что же касается до именъ, то у нихъ ихъ также немного, такъ какъ число ихъ святыхъ мучениковъ, павшихъ за вѣру,—очень не велико. Поэтому каждый новорожденный получаетъ вмѣсто имени или какое нибудь благочестивое прозвище, какъ это дѣлалось въ прошломъ столѣтіи и въ средніе вѣка у католиковъ, когда давали имена въ родѣ «живи честно» или надѣйся «на Бога», или наконецъ какое нибудь другое названіе. Такъ какъ въ каждой мѣстности очень много людей съ одинаковыми именами, то, чтобы обозначить ту или другую личность, къ его имени прибавляютъ титулъ, его прозвище, а если того недостаточно, то и мѣсто рожденія и даже имя отца, если только послѣдній пользовался какою нибудь извѣстностью. Напр. Ибрагимъ изъ Визоки, или Арсланъ*) — ага-мостарскій **) — сынъ Али-паши. Не имѣя фамиліи, мусульмане лишены, такъ сказать, и фамильной славы; только въ такихъ случаяхъ, когда человѣкъ низкаго происхожденія достигаетъ высокаго сана и значенія, его имя продолжаетъ жить въ памяти семьи и на родинѣ.

Магометанскія женщины точно также получаютъ разныя прозвища, напр. «услужливая», «прекрасная», «благородная». Нѣсколько именъ взято изъ христіанскаго міра—Марія у турокъ Маріемъ.

Появленіе на свѣтъ Божій новаго человѣка сопряжено въ Турціи съ громадными издержками и хлопотами. Только что разнесется объ этомъ вѣсть, какъ множество посѣтительницъ въ первый же день спѣшатъ поздравить счастливую мать. Онѣ снимаютъ свои яшмаки и фереджіе въ передней и входятъ въ комнату больной: «да будетъ дитя многолѣтне и счастливо», привѣтствуютъ онѣ хозяйку и здороваются съ ней. Затѣмъ оглянувшись въ сторону ребенка, плюютъ на полъ и чуть-чуть наклоняясь къ малюткѣ, произносятъ привѣтствія въ родѣ слѣдующихъ: «Фу, безобразный, упрямый, дрянной», и т. п. Такими любезностями осыпаютъ малютку, чтобы не навлечь подозрѣнія въ дурномъ глазѣ и въ порчѣ. Какъ только посѣтительницы усядутся, ихъ тотчасъ угощаютъ шербетомъ, конфектами, кофе и папиросами.

На другой день приготовляютъ огромное количество шербета и бутылки его разсылаютъ друзьямъ и знакомымъ черезъ старуху, которая спеціально занимается разносомъ приглашеній на разныя церемоніи. Тотъ, кто получаетъ такую бутылку, долженъ явиться на *джеметъ*—празднество на третій день. На джеметъ собирается множество не только званыхъ гостей, но и незваныхъ — всѣмъ открываютъ двери въ этотъ день, съ тою разницею только, что первыхъ угощаютъ обѣдомъ, а вторыхъ однимъ шербетомъ. Съ особеннымъ торжествомъ встрѣчаютъ хозяева знатныхъ посѣтителей, которые пріѣзжаютъ въ этотъ день толпами, окруженные цѣлою арміею слугъ. Позади мно-

*) Арсланъ т. е. левъ.

**) Мостарскій—изъ Мостара.

гихъ посѣтительницъ, особенно если онѣ родственницы, или въ близкихъ отношеніяхъ къ хозяйкѣ, прислуга торжественно несетъ корзины съ лакомствами, пестро украшенныя цвѣтами, золотой бумагой и лентами.

По предписаніямъ корана, дѣтей нужно кормить грудью два года. Весь этотъ длинный періодъ турецкія женщины кормятъ сами своихъ дѣтей. Въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ нанимаютъ кормилицъ и то въ очень зажиточныхъ семействахъ.

Когда больной скончался, близкіе родственники закрываютъ ему глаза и кладутъ тѣло такъ, чтобы правая сторона была обращена къ Меккѣ. По приходѣ имама тѣло моютъ теплой водой. Руки, колѣни, ноги, т. е. тѣ части тѣла, которыя въ молитвѣ принимаютъ наибольшее участіе, натираютъ камфорой; тѣло обливаютъ душистыми благовоніями, въ носъ и въ уши вкладываютъ вату, вѣроятно для того, чтобы предохранить покойника отъ слишкомъ скораго разложенія. Затѣмъ имамъ начинаетъ читать молитвы, а родственники завертываютъ обнаженный трупъ въ полотняныя ткани и поспѣшно вносятъ гробъ и носилки, сдѣланные изъ самаго простаго дерева и совершенно грубой работы. Прежде чѣмъ положить тѣло въ гробъ, приносятъ огромный кусокъ коленкора, отрываютъ отъ него три полосы и кладутъ ихъ на три длинные шарфа, протянутые поперегъ гроба. Когда тѣло опустятъ въ него, то одна изъ этихъ полосъ обвязывается вокругъ головы, другая—у пояса, третья—у ногъ; послѣ этого гробъ закрываютъ. «Скажите, собравшіеся», спрашиваетъ тогда имамъ присутствующихъ, «какова была жизнь этого человѣка»?—«Она была добродѣтельна», всегда говорятъ ему въ отвѣтъ. «Тогда помолимся за него». Послѣ этого гробъ покрываютъ шалями, ставятъ на носилки, которыя кладутъ на плечи носильщикамъ.

Погребеніе въ Турціи происходитъ въ первыя сутки, рѣдко позже. Того, кто умираетъ послѣ захожденія солнца, хоронятъ на другой день, а на ночь покойника уносятъ въ мечеть. Поспѣшность, съ которой здѣсь совершается обрядъ погребенія, основана на законѣ корана, который говоритъ: «если усопшій принадлежитъ къ избраннымъ,—его слѣдуетъ какъ можно скорѣй доставить по назначенію, если же къ отверженнымъ—торопитесь отъ него освободиться». Это приказаніе тѣмъ легче исполнить въ Турціи, что покойникъ никогда не подвергается ни судебному, ни медицинскому осмотру, и потому не бываетъ никакихъ проволочекъ, мѣшающихъ скорому погребенію. Но эта поспѣшность и запрещеніе корана вскрывать тѣло для разслѣдованія приводятъ нерѣдко къ самымъ печальнымъ результатамъ: хоронятъ мнимо-умершихъ, отравленныхъ и т. п.

Убѣжденіе, что покойникъ принадлежитъ къ избраннымъ и что его ждетъ лучшая судьба, запрещаетъ выражать печаль, и, опасаясь слезъ и жалобъ со стороны женщинъ, имъ не позволяютъ присоединяться къ погребальной процессіи. Передъ гробомъ покойника несутъ чалму, у женщинъ—покрывало, которымъ она закутываетъ свое лицо, у дѣвушекъ—цвѣтокъ. Тѣло выносятъ молча, безъ музыки, и каждый проходящій выказываетъ ему свое почтеніе тѣмъ, что ставитъ носилки на свое плечо, хотя на нѣсколько минутъ. Такимъ образомъ носилки переходятъ изъ рукъ въ руки. Если наплывъ народа очень великъ, то прохожіе только подставляютъ свое плечо подъ носилки и въ ту же минуту уступаютъ свое мѣсто другому. Вслѣдствіе этого похоронное шествіе по оживленнымъ улицамъ подвигается очень медленно. Когда тѣло опустятъ въ землю, его покрываютъ нѣсколькими досками, прислоненными наискось къ одной изъ стѣнъ могилы,—это дѣлаютъ для того, чтобы земля не касалась усопшаго и не давила его. Послѣ этого могилу засыпаютъ, родственники и друзья возвращаются домой. Между тѣмъ имамъ остается у могилы, отходитъ отъ нея на извѣстное число шаговъ и громко

и явственно три раза называетъ покойнаго по имени и напоминаетъ ему, что онъ долженъ будетъ отвѣчать въ день страшнаго суда.

По понятіямъ турокъ никто не долженъ становиться на могильный холмъ, такъ какъ онъ при этомъ попираетъ ногами можетъ быть избраннаго. Родственники не носятъ траура, но обыкновенно впродолженіе одного или двухъ дней въ домѣ умершаго и въ мечети читаютъ молитвы и изреченія изъ Корана. Если умершій человѣкъ со средствами, то, по желанію родственниковъ, за извѣстную плату каждую полночь муэззины съ вершины минаретовъ поютъ раздирающую уши пѣсню по покойникѣ.

Турецкіе крестьяне и ихъ образъ жизни.

Мы говорили выше, что каждый турокъ стремится прежде всего сдѣлаться чиновникомъ, но если это ему не удается, а въ карманѣ завелось два три десятка рублей, онъ непремѣнно дѣлается купцомъ. Къ земледѣлію же и промысламъ у него совсѣмъ не лежитъ душа, и ими въ Турціи занимаются преимущественно подвластные султану народы. Та незначительная часть турецкихъ крестьянъ, которая живетъ въ сельскихъ округахъ Турціи и вынуждена прокармливать себя и свои семьи земледѣліемъ и ремеслами, живетъ въ страшной бѣдности. Это прежде всего видно по убогимъ, совсѣмъ разваливающимся хижинамъ, по нищенской одеждѣ обитателей и обитательницъ этихъ жилищъ. Ужасная нищета турецкихъ крестьянъ прежде всего происходитъ отъ все болѣе усиливающихся рекрутскихъ наборовъ, отъ большихъ налоговъ и податей и отъ возмутительно-неправильнаго и недобросовѣстнаго ихъ взиманія. Богатые турки и жители городовъ легко обходятъ рекрутскую повинность и потому вся ея тяжесть падаетъ на эту наиболѣе покорную, бѣдную и беззащитную часть населенія. Старикъ-хозяинъ, понадѣявшись на трехъ-четырехъ сыновей, обработываетъ и засѣваетъ довольно большой участокъ земли. Приходитъ время снимать жатву, и вдругъ у него берутъ въ солдаты всѣхъ его сыновей. Такіе примѣры здѣсь не рѣдкость. Хозяинъ съ женой, съ нѣсколькими дочерьми и двумя-тремя подростками не могутъ справиться и съ половиною хозяйства. Мало по малу они бросаютъ одинъ клочекъ земли за другимъ, поля глохнутъ, все разрушается. Еще болѣе тяжелымъ бременемъ на турецкихъ крестьянъ ложатся подати и налоги. Неправильный и несправедливый способъ взиманія податей и налоговъ въ конецъ раззоряетъ сельскій людъ. Для примѣра возьмемъ самый извѣстный изъ всѣхъ поборовъ, «десятинный», названный такъ потому, крестьяне должны отдавать десятую часть всѣхъ произведеній своей земли. Этотъ десятинный сборъ правительство отдаетъ въ аренду тому, кто ему болѣе заплатитъ за это право. Слѣдовательно, арендаторъ долженъ взять съ крестьянъ не только десятую часть произведеній, но и ту сумму, которую онъ уплатилъ правительству за право аренды, а при этомъ онъ и самъ не захочетъ остаться съ пустыми руками. Но этого еще мало. Правительство каждый годъ медлитъ назначеніемъ арендаторовъ, постоянно выжидая, кто изъ нихъ больше дастъ за свое право. Между тѣмъ крестьянинъ не имѣетъ права свезти свое вымолоченное зерно въ амбаръ до тѣхъ поръ, пока съ него не будетъ взята десятина. Поэтому сжатый хлѣбъ остается на поляхъ неубраннымъ и, чтобы его не растаскали, ссыпается въ конусообразныя груды. Вслѣдствіе этого часто случается, что въ той или въ другой провинціи весь урожай пропадаетъ отъ дождя, и на такое вопіющее зло крестьянинъ не можетъ даже пожало-

ваться. Но вотъ, наконецъ, пріѣзжаетъ арендаторъ собирать десятину со множествомъ писарей, служителей, полицейскихъ. Правительство правда строго запрещаетъ арендаторамъ брать что либо для себя и для своихъ служащихъ безплатно у крестьянъ, однако не было еще примѣра, чтобы это повелѣніе исполнялось. Арендаторъ, испоконъ вѣка, поселяется въ такихъ случаяхъ въ деревнѣ, и крестьяне безплатно должны продовольствовать его и его свиту. Безконечное горе и полное раззореніе ждутъ тѣхъ крестьянъ, которые потребуютъ отъ арендатора платы за продовольствіе: онъ всегда найдетъ случай имъ отомстить за это. Отъ арендатора вполнѣ зависитъ брать десятинную подать натурою или деньгами и въ этомъ онъ руководствуется исключительно своими личными интересами. Если онъ, вмѣсто зерна, требуетъ деньги, то самъ произвольно назначаетъ цѣны на хлѣбъ. Однимъ словомъ, арендаторъ десятиннаго сбора—бичь хлѣбопашца и этотъ сборъ одинъ изъ самыхъ важныхъ причинъ запустѣнія деревень. Это сознаетъ и само правительство; но съ одной стороны не можетъ уничтожить его вслѣдствіи дурнаго состоянія финансовъ, съ другой—десятинный сборъ предписывается самымъ пророкомъ: уничтожая его, пришлось-бы поколебать вѣру въ божественную силу корана.

При всѣхъ своихъ безконечныхъ несчастіяхъ и лишеніяхъ, турецкій крестьянинъ-человѣкъ въ высшей степени добродушный, замѣчательно покойный, безконечно терпѣливый и вполнѣ покорный. Теряя всѣхъ своихъ сыновей во время рекрутскаго набора, онъ горько жалуется на свою несчастнюу долю, но покорно подчиняется предписанію даже и въ то время, когда его сосѣдъ, болѣе зажиточный чѣмъ онъ, менѣе его страдаетъ отъ этой рекрутской повинности. Онъ горько жалуется на разорительныя подати, на беззастѣнчивыя взятки, но продаетъ весь свой хламъ до послѣдней нитки, чтобы уплатить все, что съ него требуется, а если еще и это не удовлетворяетъ чиновниковъ и сборщиковъ податей, онъ безропотно отсиживаетъ свой срокъ въ тюрьмѣ. Заговорите съ нимъ о чиновникахъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло, и онъ послѣдовательно начинаетъ разсказывать вамъ о ихъ возмутительномъ взяточничествѣ и недобросовѣстности. Не смотря на это ему, и въ голову никогда не придетъ оказать имъ открытое неповиновеніе, подбить другихъ, такихъ же несчастныхъ и ограбленныхъ, какъ онъ самъ, на сопротивленіе, или хотя попытаться оказать малѣйшее неповиновеніе закону.

Турецкій крестьянинъ—человѣкъ худощавый, но довольно красивый, хорошо сложенъ и отличается большою умѣренностью въ пищѣ и выносливостью. У него не существуетъ, какъ у христіанскихъ его сосѣдей, ни сельскихъ праздниковъ, ни плясокъ. Единственный музыкальный инструментъ, которымъ онъ развлекаетъ свое жалкое однообразное существованіе,—родъ барабана или бубенъ. Такую грустную, монотонную жизнь не ведетъ ни одинъ народъ въ Европѣ. Его радости и удовольствія, развлеченія и наслажденія въ жизни ограничиваеся трубкою и чашкою кофе. Онъ выпьетъ чашку кофе прежде чѣмъ идти на работу, вечеркомъ, а если тоже самое ему удастся сдѣлать и среди дня, то онъ уже вполнѣ счастливъ. Работать нѣсколько часовъ сряду ни разу не затянувшись изъ своего длиннаго чубука, онъ рѣшительно не въ силахъ и чувствуетъ себя на верху блаженства, когда ему удается это не только урывками, между работой, но когда онъ можетъ растянуться подъ развѣсистымъ деревомъ и наслаждаться этимъ удовольствіемъ часъ-другой, покойно и медленно пуская облака дыма.

Жилище турецкаго крестьянина такъ же жалко внутри, какъ и снаружи: зимою въ немъ всегда очень холодно, а лѣтомъ слишкомъ жарко. Но, не смотря на это, вы съ удовольствіемъ проведете въ немъ нѣсколько часовъ: полъ всегда подметенъ, посуда вымыта, все чисто и убрано. Отпечатокъ нищеты, конечно, лежитъ на всемъ;

кромѣ жалкихъ постельныхъ принадлежностей, вы найдете еще нѣсколько рогожекъ и плошекъ,—болѣе этого здѣсь нѣтъ ничего.

Между женщинами очень часто попадаются красивыя, выразительныя лица, но по своему характеру онѣ ничѣмъ не отличаются отъ своихъ мужей и братьевъ: та же покорность судьбѣ, апатія и совершенное отсутствіе какой бы то ни было предпріимчивости. Не смотря на постоянныя лишенія, даже тѣ турчанки, которыя живутъ близь городовъ, почти никогда не пытаются улучшить свое положеніе поденной работой или какимъ нибудь личнымъ заработкомъ. Ихъ жизнь такъ же убійственно однообразна, какъ жизнь мужчинъ; онѣ вѣчно сидятъ дома, у нихъ не существуетъ ни посидѣлокъ, ни оживленныхъ собраній. Даже очень молодыя дѣвушки чрезвычайно рѣдко собираются для игръ и увеселеній. Только свадебные праздники немного нарушаютъ однообразіе ихъ жизни. Тутъ молоденькія дѣвушки поютъ пѣсни и забавляются разными играми; замужнія смотрятъ на нихъ и болтаютъ между собой. Дѣвушки выходятъ замужъ очень рано за крестьянъ своей или близь лежащей деревни. Многоженство чрезвычайно рѣдко встрѣчается у турецкихъ крестьянъ. Большинство изъ нихъ говоритъ обыкновенно, что они слишкомъ бѣдны, чтобы имѣть нѣсколько женъ и слишкомъ заняты, чтобы разбирать дрязги, всегда возникающія тамъ, гдѣ въ одномъ домѣ живетъ нѣсколько женщинъ.

ОБРАЗОВАНІЕ.

Домашнее воспитаніе.— Школы. — Ученіе. — Наказанія учениковъ.— Медресэ.— Доктора и ихъ положеніе въ обществѣ.— Турецкій университетъ, студенты и профессора. — Библіотеки. — Книжное дѣло и журналистика.

Когда дѣти подростутъ, богатые люди отдаютъ ихъ подъ надзоръ хаджи или воспитателя, который учитъ ихъ читать, заставляетъ затверживать наизусть коранъ и молитвы на арабскомъ языкѣ и обучаетъ ихъ всѣмъ религіознымъ обрядамъ и общественнымъ обычаямъ и церемоніямъ: колѣнопреклоненіямъ, цѣлованію руки, умѣнью кланяться высшимъ и низшимъ и множеству другихъ правилъ этикета, безъ которыхъ нельзя считаться истинно благовоспитаннымъ и добропорядочнымъ туркомъ.

На умственное развитіе дѣвочекъ не обращаютъ никакого вниманія. Онѣ растутъ въ полнѣйшемъ невѣжествѣ и очень рѣдко умѣютъ читать; ихъ обучаютъ только главнымъ догматамъ корана, шитью и вышиванью.

Люди низшихъ классовъ, а теперь даже очень часто знатные и богатые, стараются отдавать своихъ дѣтей въ школы. Окончивъ въ нихъ образованіе, турецкій юноша, правда, знаетъ наизусть много мѣстъ изъ корана, читаетъ болѣе бѣгло и пишетъ, но точно такъ же, какъ и при домашнемъ воспитаніи, не становится ни болѣе образованнымъ, ни болѣе развитымъ. Общество сверстниковъ, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ школахъ, нисколько не развиваетъ въ юношѣ ни любви къ чтенію, ни любознательности. Турецкіе софты — студенты, о которыхъ въ началѣ турецкихъ замѣшательствъ многіе думали, что они преобразуютъ Турцію на новыхъ началахъ, произведутъ чуть-ли не государственный переворотъ,—истинные сыны своей родины. Какъ и вся турецкая молодежь, они не обнаруживаютъ ни страсти къ наукѣ, ни любви къ

серьезному чтенію, ни благородныхъ и горячихъ порывовъ: они далеки отъ мечты приносить въ будущемъ пользу обществу, къ чему стремится лучшая часть молодежи всѣхъ европейскихъ университетовъ. Тупо, вяло, безжизненно, безъ идеаловъ въ будущемъ, безъ искры Божіей въ настоящемъ, проводятъ они свою студенческую жизнь, зубря коранъ и при этомъ для ритма и такта похаживая ровнымъ шагомъ и переваливаясь съ одной ноги на другую, а еще чаще, сидятъ въ углу и, держа книгу на колѣняхъ, уставятся въ какую нибудь одну точку, заткнутъ уши и зубрятъ, зубрятъ безъ конца. Они никогда не собираются вмѣстѣ, чтобы прочесть сообща какое нибудь мало-мальски научное или серьезное сочиненіе. Никогда не поднимаютъ между собой горячихъ споровъ, не ставятъ другъ другу никакихъ научныхъ вопросовъ. Ихъ отрицаніе и сомнѣніе касается лишь одного предмета; имѣлъ ли основаніе Магометъ запретить употребленіе вина. О причинахъ, побудившихъ пророка это сдѣлать, они высказываются въ томъ смыслѣ, что это было необходимо только въ то время, когда жилъ пророкъ, но что теперь въ этомъ нѣтъ нужды. Свое отрицаніе они вносятъ къ практическую жизнь и изрядно потягиваютъ вино.

Въ Турціи существуютъ трехъ родовъ общественныя мусульманскія школы: 1) *первоначальныя окружныя школы,* 2) *рушдійе* — школы высшаго разряда и 3) *медресэ* — школы при мечетяхъ. Каждый округъ имѣетъ небольшую элементарную школу, обыкновенно основанную на деньги, оставленныя по завѣщанію частнымъ лицомъ. Въ эти первоначальныя школы поступаютъ очень маленькія дѣти — лѣтъ 6, 7 и не старше 8-ми. Если родители уже рѣшили помѣстить своего ребенка въ первоначальную школу, они дѣлаютъ это спустя нѣкоторое время послѣ обряда «бритья головы».

Въ первоначальныхъ окружныхъ школахъ дѣти начинаютъ учиться азбукѣ по турецки и по арабски, и когда они умѣютъ разобрать нѣсколько словъ, ихъ заставляютъ уже зазубривать коранъ. Эти школы даютъ своимъ воспитанникамъ право, по окончаніи въ нихъ курса, на занятіе мелкихъ канцелярскихъ должностей.

Всѣ турецкія школы представляютъ болѣе или менѣе одинъ и тотъ же видъ. Это прежде всего большая и свѣтлая комната, въ которой бросается въ глаза высокое сидѣнье для учителя. По стѣнамъ, а иногда и въ серединѣ комнаты, стоятъ скамейки съ наклонными столами. Хотя въ большей части турецкихъ школъ скамьи устроены теперь по европейски, но ученики не могутъ привыкнуть сидѣть на нихъ, а все садятся на полъ, покрытый цыновкой или овечьей шкурой, и, какъ ихъ отцы, пишутъ, кладя бумагу на колѣни.

Въ первоначальныхъ школахъ дѣти остаются отъ 5-ти до 6-ти лѣтъ. Если родители думаютъ, что ихъ дѣти способны къ «ученой мудрости», то по окончаніи курса ихъ отдаютъ въ *рушдійе*, куда принимаютъ 12—13-ти-лѣтнихъ мальчугановъ.

Въ *рушдійе* программа обученія нѣсколько расширена: дѣти учатся здѣсь читать и писать по турецки, первымъ правиламъ ариѳметики и географіи. Но что же дѣлали дѣти въ продолженіе 5-ти, 6-ти лѣтъ въ первоначальной школѣ? Они выучились тамъ нѣсколько разбирать турецкую и арабскую грамату и затѣмъ все время убили на зубреніе корана. Они поступили въ *рушдійе* совсѣмъ не умѣя писать, не имѣя ни малѣйшаго понятія о числѣ, не зная объяснить ни одного, самаго обычнаго явленія природы.

Въ *рушдійе* мальчики остаются отъ 4 до 5-ти лѣтъ и во все это время, научившись нѣсколько писать и рѣшать самыя несложныя ариѳметическія задачи, совершенствуются въ коранѣ. Окончивъ курсъ въ этомъ заведеніи въ 16—17-ти лѣтъ, юноша не только долженъ знать наизустъ коранъ, но безъ запинки отвѣчать на вопросы въ

родѣ слѣдующихъ: на какой строчкѣ и на какой страницѣ написанъ тотъ или другой стихъ въ коранѣ. Произойти такую мудрость весьма не легко, такъ какъ коранъ состоитъ изъ главъ и стиховъ, собранныхъ безъ всякаго логическаго порядка. Если ученикъ выдерживаетъ такой экзаменъ, то, даже и не продолжая далѣе своихъ занятій, онъ пользуется большимъ уваженіемъ, всѣ считаютъ его ученымъ, родители и родственники дѣлаютъ ему богатые подарки. Не смотря на то, что молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ *рушдійè*, пользуется такимъ почетомъ въ обществѣ, въ этихъ школахъ, какъ и во всѣхъ первоначальныхъ, учениковъ за лѣнь и невниманіе наказываютъ палками. Но такъ какъ учитель, какъ истый турокъ, лѣнивъ, то для наказанія учениковъ существуютъ чрезвычайно длинныя палки, которыми учителя и бьютъ провинившихся, не трогаясь съ мѣста.

Если молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ *рушдійе*, хочетъ посвятить себя духовному званію, или сдѣлаться судьей, онъ начинаетъ подготовляться къ тому и другому званію очень усидчиво, просиживая иногда цѣлые дни. Однако подготовка эта исключительно состоитъ въ переписываніи корана. Когда онъ напрактикуется въ этомъ такъ, что почеркъ его становится четокъ и красивъ, тогда всѣ окружающіе мало по малу начинаютъ называть его *эффенди* (господинъ, ученый). Впрочемъ этимъ титуломъ называютъ всѣхъ, кто имѣетъ болѣе или менѣе приличный видъ.

Выше чѣмъ *рушдійе* стоятъ *медресэ*, или школы при мечетяхъ, гдѣ обучаютъ турецкому, арабскому и персидскому языкамъ, а также философіи, богословію и исторіи. «Константинопольскіе *медресэ* при мечетяхъ», говоритъ одинъ русскій путешественникъ, посѣтившій ихъ въ 1875 году, «можно сопоставить съ нашими семинаріями прежнихъ временъ: та же традиціонная закоснѣлость и та же безтолковая, многолѣтняя зубрежка учебниковъ; та же бурсацкая неуклюжесть и та же своеобразная типичность и оригинальность. Порядокъ ученія, впрочемъ, еще безобразнѣе: софта поочередно штудируетъ по одному предмету и не покидаетъ учебника до тѣхъ поръ, пока не выучитъ его отъ крышки до крышки, и тогда уже принимается за другой». Софты, окончивъ ученіе въ *медресэ*, могутъ, безо всякихъ предварительныхъ приготовленій, занимать должности имамовъ, школьныхъ учителей и др.

Кромѣ этихъ общественныхъ школъ, доступныхъ безразлично для всѣхъ мусульманъ, есть еще спеціальныя школы. Шесть главныхъ учрежденій подобнаго рода суть: военная, морская, артиллерійская и медицинская школы и школы военныхъ и горныхъ инженеровъ. Говорить объ каждомъ изъ этихъ заведеній особо намъ не позволяютъ размѣры нашей статьи, и потому мы скажемъ нѣсколько словъ о школѣ для докторовъ.

Медицинская школа была основана при султанѣ Махмудѣ II, вступившемъ на престолъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вначалѣ она достигала своей цѣли, такъ какъ была подъ руководствомъ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Бернгарда и десяти вѣнскихъ профессоровъ. Но при покойномъ Абдулъ-Азисѣ эта школа пришла въ совершеннѣйшій упадокъ: нѣмецкіе ученые были замѣнены невѣжественными туземными учителями, которые никогда не учились никакимъ медицинскимъ наукамъ. Поэтому турецкіе доктора выходятъ не только не имѣющими никакихъ медицинскихъ знаній, но круглыми невѣждами, которые лечатъ народъ нашептываніемъ, заговорами, талисманами и т. п. Понятіе о медицинскихъ наукахъ, даже въ самыхъ образованныхъ классахъ Турціи, не идетъ далѣе того паши, который, захворавъ, пригласилъ пятерыхъ докторовъ и принялъ заразъ всѣ пять прописанныхъ ими лекарствъ. Одинъ англійскій докторъ по разнымъ обстоятельствамъ пріѣхалъ въ Константинополь и долженъ былъ тамъ остаться на нѣкоторое время. Не смотря на свою извѣстность на родинѣ и на совершенный недостатокъ хорошихъ докторовъ въ Константинополѣ, онъ не могъ получить здѣсь никакой прак-

тики. Тогда онъ рѣшился сыграть такую комедію. Однажды онъ важно вошелъ въ кофейню, наполненную народомъ, въ сопровожденіи своего пріятеля, хорошо говорившаго по турецки. Онъ съ ученымъ видомъ важно усѣлся на скамьѣ, а его пріятель, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, принявъ торжественную позу и съ классическимъ жестомъ указывая на него сидящимъ въ кофейнѣ, сталъ исчислять его заслуги: «на дняхъ», заговорилъ онъ, «этотъ достопочтенный *хекимъ* (мудрецъ), цвѣтъ мудрецовъ всѣхъ гяуровъ, вылечилъ въ присутствіи тысячи свидѣтелей почти умирающаго эффендія: онъ извлекъ изъ груди больнаго легкое, очистилъ его отъ всѣхъ поврежденій, положилъ назадъ, и на другой день эффенди былъ въ вожделенномъ здравіи, за что тотъ и наградилъ его пятью мѣшками золота». Одинъ изъ слушателей тотчасъ всталъ и сказалъ: гяуръ, иди за мной». Такимъ образомъ англійскій врачъ скоро получилъ большую практику.

Всѣ доктора, которымъ приходилось практиковать въ Турціи, утверждаютъ, что для того, чтобы возбудить довѣріе больнаго турка, необходимо передъ нимъ что нибудь пошептать или сдѣлать нѣсколько кабалистическихъ знаковъ, иначе онъ никогда неповѣритъ ни вашимъ знаніямъ, ни вашей медицинской опытности.

Теперь многіе софты, кончившіе курсъ въ *медресэ*, вступаютъ еще въ турецкій университетъ, на которомъ красуется надпись: «Дару-ль-фуну'нъ», т. е. «домъ наукъ». Вотъ какъ описываютъ лекціи въ этомъ университетѣ: «Осмотрѣвшись кругомъ, я увидѣлъ въ одну растворенную дверь столы и скамейки на подобіе тѣхъ, какіе бываютъ въ нашихъ университетскихъ аудиторіяхъ. Я подошелъ ближе и, видя, что мнѣ никто не препятствуетъ, вошелъ въ одну аудиторію, гдѣ читалась лекція персидскаго языка. Одинъ профессоръ сидѣлъ на кафедрѣ и читалъ по книгѣ.... Внизу я также нашелъ двѣ аудиторіи для студентовъ низшихъ курсовъ. Тутъ уже не было ни столовъ, ни скамеекъ. Студенты сидѣли просто поджавши ноги на полу, покрытомъ соломенными цыновками. Я какъ разъ подоспѣлъ къ началу лекціи. Я спросилъ одного, что теперь будетъ, онъ отвѣчалъ *кюрэ*. Я посмотрѣлъ на росписаніе: тамъ значилось «джаграфія». *Кюрэ* собственно значитъ шаръ, глобусъ, а затѣмъ это слово употребляется турками и въ значеніи науки географіи. Въ чемъ же состояло университетское преподаваніе географіи? На стулѣ за столомъ сидѣлъ профессоръ въ военномъ мундирѣ. Онъ вызывалъ къ доскѣ студентовъ и заставлялъ ихъ чертить земную орбиту и опредѣлять положеніе земли по отношенію къ солнцу въ четыре разныхъ времени года».

Нужно помнить, что эти знанія преподаются въ университетѣ, людямъ, кончившимъ курсъ въ медресахъ—высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Турціи, гдѣ, какъ у насъ юноши называются уже студентами. Къ тому же эти студенты, прежде чѣмъ вступить въ университетъ, уже учились въ разныхъ школахъ среднимъ числомъ лѣтъ 15, и въ «домѣ науки» сидятъ нерѣдко люди 30-ти и болѣе лѣтъ. Лекціи по языку читаются также элементарно, какъ у насъ въ 1-мъ или во 2-мъ классѣ гимназіи. «Вся лекціи по языку состояла въ томъ, что профессоръ вызывалъ студента къ доскѣ, которая помѣщалась на самой кафедрѣ у стѣны, заставлялъ его писать подъ диктовку и дѣлать разборъ словъ и предложеній. Одному онъ продиктовалъ такую фразу: «чтеніе и письмо служатъ къ образованію ума и чистотѣ сердца». Другой студентъ написалъ подъ диктовку цѣлую тираду слѣдующаго содержанія: «Наука и знаніе суть товарищи на пути истины и правоты. Что касается этой истины и правоты, то она въ обоихъ мірахъ есть причина спасенія и благополучія, высокой почетности и блаженства. Доказано примѣрами, что тѣ, которые украшаютъ свою личность и свою душу лучами познаній, достигаютъ самыхъ крайнихъ предѣловъ своихъ ожиданій.» Господа студенты, оказалось, писали чрезвычайно неправильно; плохо знали турецкую грамматику. Но и профессоръ,

преисполненный необыкновенной важности, не церемонился съ своими слушателями: онъ осыпалъ ихъ чувствительными упреками за незнаніе, приказывалъ записывать то, что диктовалъ, и когда одинъ вздумалъ было почему-то выйти изъ аудиторіи, то профессоръ остановилъ его, спросилъ, куда и зачѣмъ тотъ идетъ, и велѣлъ возвратиться на свое мѣсто, чему тотъ безпрекословно повиновался».

Тутъ существуетъ и много другихъ наукъ, которыя испоконъ вѣка составляютъ курсъ высшихъ мусульманскихъ школъ, каковы: коранъ и его толкованіе, преданія съ толкованіями, арабская грамматика, логика и мн. др. Всѣ учебники по этимъ предметамъ написаны въ пышныхъ риторическихъ, высокопарныхъ, безсмысленныхъ фразахъ и разумѣется нисколько не расширяютъ кругозоръ турецкаго юношества.

Библіотеки въ Турціи обязаны своимъ учрежденіемъ не правительству, а составляютъ особый видъ богоугодной благотворительности частныхъ лицъ на пользу общую, ради спасенія своей души. Оттого и на самыхъ книгахъ обыкновенно надписано, что это приношеніе такого-то. И библіотеки называются: Рагыбъ-паши, Ибрагимъ-паши, Атыфа-эффенди, Ашира-эффенди и др. Всѣ книги въ библіотекахъ рукописныя, и развѣ изрѣдка попадется двѣ, три печатныхъ. Даже кабинеты для чтенія, которыхъ очень много въ Стамбулѣ, и тѣ, за исключеніемъ газетъ, имѣютъ рукописныя сочиненія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ уже давно существуютъ въ печати. Печатная книга въ глазахъ турка не имѣетъ такого значенія, какъ рукопись.

Книги въ библіотекахъ не ставятъ, какъ у насъ, на полкахъ, а кладутъ одну на другую, такъ что, когда нужна книга, которая лежитъ внизу, то приходится приводить въ безпорядокъ и всѣ верхнія.

«Библіотеки посѣщаются болѣе всего студентами. Одни изъ нихъ занимаются здѣсь штудированіемъ задаваемыхъ имъ уроковъ, которые состоятъ въ изученіи манускриптовъ и задалбливаніи различныхъ толкованій на тексты корана и на «хадисы», преданія; другіе приходятъ за какими нибудь справками для своихъ ученыхъ работъ, состоящихъ обыкновенно въ компилированіи и перецѣживаніи прежнихъ многословныхъ разглагольствованій и толкованій касательно теологическихъ предметовъ.

Весьма забавна картина читающей публики, если посмотрѣть со стороны: одинъ сидитъ, другой лежитъ на спинѣ, третій навзничъ, уткнувшись носомъ въ книгу. Иной, должно быть увлекшись интереснымъ чтеніемъ, заснулъ сладчайшимъ сномъ, наконецъ, каждый изъ посѣтителей непремѣнно хоть разъ продѣлаетъ обрядъ омовенія и совершитъ намазъ. Для этой цѣли у одной стѣны на веревочкѣ виситъ полотенце и правовѣрные, утершись имъ, передъ нимъ же творятъ и молитвенные поклоны. Нѣкоторые исполняютъ обрядъ этотъ совершенно механически, потому что зачастую, шепча про себя молитву, въ то же время глазѣютъ по сторонамъ и даже пересмѣиваются съ сосѣдями».

Въ Константинополѣ не только нѣтъ большихъ книжныхъ магазиновъ, но даже очень мало маленькихъ книжныхъ лавокъ, которыя бы исключительно были заняты книгами. Обыкновенно продажа книгъ соединяется съ продажею табаку. На первомъ планѣ въ такой лавкѣ стоятъ мѣшки съ табакомъ, а гдѣ нибудь въ уголку или на верхнихъ полкахъ лежатъ кучками книги.

У турокъ не издается журналовъ, а всѣ сочиненія выходятъ отдѣльными книгами; всѣ повѣсти, сатирическіе стихи и другія произведенія носятъ отпечатокъ самой дѣтской мысли и самаго узкаго кругозора, хотя нѣкоторыя изъ нихъ написаны чрезвычайно легко. Научныхъ, оригинальныхъ сочиненій у турокъ вовсе нѣтъ.

Если у турокъ не издается журналовъ, за то много газетъ, и въ особенности сатирическихъ листковъ. Впрочемъ послѣдніе, какъ внезапно появляются, такъ быстро и

исчезаютъ,—многіе изъ нихъ существуютъ только нѣсколько дней. Изъ крупныхъ газетъ можно указать на «Джердéю-Хаводисъ» (Череда Событій), «Вакытъ» (Время), «Баспрéтъ» (Наблюденіе), «Шаркъ» (востокъ) и др. «Баспрéтъ» пользуется особенною любовью стамбульскаго грамотнаго люда: въ кофейняхъ, въ кабинетахъ для чтенія, на пароходахъ,—всюду видишь листы этого турецкаго Таймса. Составъ этой газеты, какъ и прочихъ, ничѣмъ не разнится отъ состава европейскихъ газетъ. Эта газета преслѣдуетъ главнымъ образомъ распространеніе среди турокъ цивилизаціи и современныхъ взглядовъ на жизнь, разумѣется, сообразно съ тѣмъ, какъ понимаютъ цивилизацію и прогрессъ сами передовые османскіе публицисты. Въ этихъ видахъ въ каждомъ почти нумерѣ, на мѣстѣ нашихъ передовыхъ статей, вы непремѣнно находите статью въ такомъ родѣ: «Благородство нравовъ», «Оттоманское единство» и т. п. Предметомъ насмѣшекъ сатирическихъ листковъ главнымъ образомъ служатъ дамскія моды, такъ какъ многія турчанки начали наряжаться теперь въ парижскія туалеты.

———

АЛБАНІЯ.

Характеръ страны и народа.—Разбойничество.—Произведенія природы.—Религія.—Духовенство.—Нравы албанцевъ, ихъ языкъ и одежда.—Свирѣный обычай кровомщенія.—Албанскія постройки.—Положеніе женщины.—Обрученіе.—Свадьба и ея обряды.—Покойникъ.—Семья и ея значеніе для албанца.—Воспитаніе дѣтей. — Общественное устройство. — Какое значеніе придаютъ албанцы своей землѣ.

Албанія строго отдѣлена отъ сосѣднихъ странъ рѣзкими, естественными границами. Она представляетъ узкую, береговую полосу, которая въ длину тянется на сто часовъ ѣзды, а въ ширину на тридцать.

Страна эта, занимающая мѣсто древней Иллиріи и Эпира, на туземномъ языкѣ носитъ названіе Скипери, что означаетъ страна скалъ. И она вполнѣ заслуживаетъ это названіе. Громадныя горы, перерѣзанныя глубокими, отвѣсными ущельями, съ грохочущими потоками, скалы, дикія лѣсныя мѣстности, ужасныя дороги, устроенныя по непроходимымъ дебрямъ и каменистымъ утесамъ, которыя безпрестанно дѣлаются чрезвычайно узкими и скользкими, а не рѣдко и висятъ даже надъ бездонными пропастями и горными потоками, вотъ характерныя черты природы Албаніи. Такимъ образомъ уже природа страны повсюду ставитъ препятствія путешественникамъ, и только самые смѣлые и опытные изъ нихъ рѣшались проникнуть въ Албанію. Дикій, буйный, воинственный нравъ обитателей, дѣлаетъ большинство дорогъ этой страны въ высшей степени опасными. Здѣсь часто даже по большому тракту совсѣмъ не видно частныхъ жилищъ, а попадаются только ханы, т. е. постоялые дома. Не говоря уже о томъ, что въ ханахъ этихъ европейскій путешественникъ страдаетъ отъ недостатка самаго элементарнаго комфорта, но, имѣя при себѣ деньги и багажъ, въ нихъ опасно даже ночевать. Большинство албанскихъ хановъ давно были и теперь остались пріютами разнаго рода воровъ и мошенниковъ, атаманы которыхъ очень часто являются ихъ хозяевами-содержателями.

Турція уже съ незапамятныхъ временъ служитъ театромъ грабежа и самаго

отчаяннаго разбоя. Еще недавно безчисленныя разбойничьи шайки наводили ужасъ на всю страну, грабили и опустошали цѣлыя провинціи, осаждали даже города. Въ настоящую минуту шайки эти не такъ многочислены, но онѣ существуютъ и до сихъ поръ, и предводителями ихъ обыкновенно бываютъ албанцы. Дикому, воинственному албанцу-магометанину уже по складу характера и, какъ мы увидимъ ниже, по условіямъ его воспитанія, разбой нравится самъ по себѣ и онъ охотно дѣлаетъ изъ него профессію. Весною, лишь только пробуждается природа, шайки эти смѣло выходятъ на дорогу, скрываясь отъ времени до времени въ ущельяхъ, непроходимыхъ дебряхъ и въ ханахъ, которые охотно даютъ имъ пріютъ и предоставляютъ жертвъ. Пробираясь по той или другой дорогѣ, путешественникъ не рѣдко встрѣчаетъ людей, поверженныхъ на землю, зарѣзанныхъ и ограбленыхъ разбойниками.

У самыхъ отчаянныхъ здѣшнихъ разбойниковъ бываютъ нерѣдко въ городѣ вліятельные пріятели, пользующіеся общимъ уваженіемъ, которые извѣщаютъ ихъ объ угрожащей имъ опасности или любезно предупреждаютъ ихъ, когда и гдѣ проѣдетъ человѣкъ съ казенными деньгами, богатый путешественникъ или купецъ съ товаромъ. Земледѣльцы, пастухи и мирные жители не смѣютъ извѣстить властей о присутствіи разбойниковъ,—за такіе попытки они всегда поплатятся жизнію. Только женщина, къ какой бы національности она ни принадлежала, можетъ совершенно безопасно путешествовать въ этой странѣ. Албанецъ никогда не прицѣлится въ женщину изъ своего длиннаго ружья, никогда не занесетъ ятагана надъ ея головой и, если по дорогамъ Албаніи вы натолкнетесь на зарѣзанныхъ и ограбленныхъ женщинъ, можете быть увѣрены, что не албанская шайка производила здѣсь свою кровавую расправу.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ многіе части Албаніи остаются еще до сихъ поръ совсѣмъ не изслѣдованными, другія вовсе не обработаны; все это увеличиваетъ дикую прелесть пейзажа, но не способствуетъ къ улучшенію матеріальнаго быта народа. Не смотря на богатство природы и ея плодородіе, земледѣліе, которое во всей Турціи находится въ самомъ первобытномъ видѣ, въ Албаніи въ болѣе жалкомъ состояніи, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Между тѣмъ въ странѣ этой водятся прекрасные лошади, бараны, быки, легко произростаетъ кукуруза и всевозможныя породы хлѣба; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не мало ростетъ тутовыхъ деревьевъ, такъ что жители разводятъ шелковичныхъ червей и выдѣлываютъ шелковую матерію, хотя, конечно, грубаго качества. Мѣстный шелкъ употребляютъ также для вышивокъ, богато украшающихъ живописный, національный албанскій костюмъ. Южная Албанія пользуется болѣе благопріятнымъ климатомъ и потому еще болѣе богата произведеніями природы. Кромѣ названныхъ продуктовъ тутъ произростаютъ: хлопчатникъ, рисъ, оливковыя деревья, табакъ, апельсины, лимоны, виноградъ, разводятъ также и кошениль. Также богата Албанія минералами, но ея громадныя цѣпи горъ до сихъ поръ полны неразработанными сокровищами, а множествомъ ея цѣлебныхъ источниковъ жители, разумѣется, совсѣмъ не умѣютъ пользоваться.

Если Константинополь кишитъ людьми всевозможныхъ національностей, то Албанія въ этомъ отношеніи представляетъ тоже не менѣе пеструю картину. Тутъ вы встрѣтите цыганъ, румынъ, сербовъ, черногорцевъ и наконецъ албанцевъ, которые слывутъ подъ названіемъ арнаутовъ, а сами себя они называютъ скипитарами. На Балканскомъ полуостровѣ албанцевъ считаютъ болѣе 2-хъ милліоновъ: ихъ особенно много въ Босніи и въ западной части Сербіи; ихъ колоніи существуютъ и въ Болгаріи. Но албанцы живутъ не только на Балканскомъ полуостровѣ: ихъ очень много въ Малой Азіи, въ Сициліи, въ Неаполѣ. Но больше всего ихъ въ Греческомъ королевствѣ. Многія мѣстности, какъ напр. Беотія, Аттика, Арголида, Мегара, острова Гидра, Спеція, Паросъ и Са-

ламинъ, исключительно населены албанцами, такъ что греки приняли даже ихъ одежду. Число албанцевъ въ Греціи доходятъ до 200,000, такъ что они составляютъ пятую часть населенія Греческаго королевства.

Турецкіе албанцы дѣлятся на множество племенъ, но главныя изъ нихъ: *геги*—жители сѣверной Албаніи и *тоски*—южной части. Они отличаются другъ отъ друга характеромъ, образомъ жизни, одеждою, даже языкомъ. Различіе въ языкѣ геговъ и тосковъ такъ велико, что они только съ большимъ трудомъ понимаютъ другъ друга. Вообще языкъ албанцевъ совершенно особый, не похожій ни на одинъ изъ европейскихъ. Однако ученые думаютъ, что это одинъ изъ индо-европейскихъ языковъ. Почти всѣ албанцы свободно говорятъ по гречески, гораздо лучше даже, чѣмъ на турецкомъ языкѣ, который въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вовсе неизвѣстенъ.

Большая часть *геговъ*—римскіе католики, хотя не мало и магометанъ. Между тѣмъ *тоски* православнаго исповѣданія. Однако нужно замѣтить, что высшіе классы албанцевъ обыкновенно принадлежатъ къ магометанской религіи. Впрочемъ, католикъ, православный или магометанинъ, албанецъ вообще не выказываетъ нетерпимости къ людямъ противуположныхъ религіозныхъ убѣжденій. Тотъ изъ нихъ, кто слѣдуетъ католическому исповѣданію совершенно искренно говоритъ: «богъ Магомета также великъ!» Точно также и албанцы-мусульмане идутъ въ Рождество въ христіанскую церковь и ставятъ свѣчку передъ образомъ Св. Николая. Вѣроятно, вслѣдствіе такого взгляда на религію, въ Албаніи чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, переходятъ изъ одной религіи въ другую. Еще въ XVI столѣтіи половина скутарійскаго пашалыка обратилась въ исламъ. Деревня около Скутари, главнаго города Албаніи, отказалась отъ католицизма по слѣдующей причинѣ: между священникомъ и жителями, утромъ въ Пасху, началась ссора изъ-за того, въ какомъ часу начать богослуженіе. Священникъ не хотѣлъ уступить своимъ прихожанамъ; тогда ихъ старѣйшины отправились къ пашѣ, и всѣ жители этой деревни перешли въ мусульманство. Католическое духовенство въ Албаніи въ самомъ жалкомъ состояніи: ихъ священники крайне невѣжественны. Мѣстнаго священника трудно отличить отъ крестьянина: тотъ и другой одинаково необразованны, одинаково одѣты; какъ тотъ, такъ и другой носятъ оружіе. Все различіе состоитъ въ томъ, что священникъ задолбилъ мессу и можетъ ее прочесть, а крестьянинъ не знаетъ и этого.

Албанскій народъ до-того невѣжественъ, что у него до сихъ поръ не было своего алфавита. Въ началѣ 1872 г. коммисія, собранная пашею, установила алфавитъ, употребленіе котораго должно было сдѣлаться обязательнымъ. До этого, если албанцы и писали на своемъ языкѣ, то употребляли, смотря по тому, къ какой провинціи принадлежали, турецкія, греческія, латинскія или славянскія буквы.

Всѣ албанскія племена постоянно враждуютъ между собою, и эта-то вражда мѣшаетъ такому воинственному, смѣлому народу, какъ албанцы, сдѣлаться совершенно независимымъ отъ Порты, по примѣру своихъ соплеменниковъ мирдитовъ (одно изъ племенъ геговъ). Лишь только между ними возникаетъ ссора, турки пользуются благопріятнымъ случаемъ и посылаютъ ихъ усмирять другъ друга, а это еще больше, разумѣется, разжигаетъ между ними ненависть. Однако между всѣми этими различными племенами много общаго. Всѣ албанцы чрезвычайно невѣжественны и суевѣрны, дики, воинственны и храбры. Тому, кто не имѣетъ рекомендательнаго письма или близкаго знакомства съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, лучше и не показываться въ ихъ страну,—такъ они грубы и суровы въ обращеніи со всякимъ человѣкомъ не своего племени и другой религіи.

Албанцы прекраснаго сложенія: это народъ необыкновенно рослый. Самая харак-

В Васнецовъ

терная ихъ особенность—длинная шея, длинныя узкія лица съ рѣзкими чертами и необыкновенно суровымъ выраженіемъ, дышащимъ силой, самоувѣренностью и отвагой. Волосы на головѣ они сбриваютъ, за исключеніемъ чуба на маковкѣ. Одежда ихъ чрезвычайно живописна: бѣлая фустанелла (короткая юбка) поверхъ рубашки у таліи затянута широкимъ поясомъ, за которымъ каждый изъ нихъ носитъ пистолетъ, ятаганъ, или кинжалъ, большею частью въ ножнахъ со множествомъ серебряныхъ украшеній. Изъ подъ фустанеллы видны широкія, бѣлыя шаровары; полусапоги съ ремнями, обвитыми около ногъ до колѣнъ и удерживающими бляху, которою прикрыты икры. Сверху бѣлой рубахи одѣваютъ короткую куртку съ висячими рукавами и богато вышитую золотомъ. Нѣкоторые замѣняютъ фустанеллу очень широкими шароварами, доходящими до колѣнъ. Ихъ начальники одѣваются въ богатыя, вышитыя золотомъ, бархатныя платья и носятъ на себѣ кирасу или нагрудникъ. На головѣ феска, украшенная длинною кистью.

Своими разбоями, вспыльчивымъ и воинственнымъ характеромъ народъ этотъ наводитъ ужасъ и страхъ на чужестранца, но стоитъ только пріобрѣсти довѣріе хотя самаго отчаяннаго разбойника и вы можете вполнѣ положиться на него. Албанецъ никогда не измѣнитъ своему честному слову, ни за какія блага въ мірѣ не предастъ васъ, если вы довѣрились ему, положились на него въ критическую для себя минуту, не ограбитъ васъ и въ томъ случаѣ, если вы когда нибудь оказали ему хотя маленькую услугу или дѣлили съ нимъ свою хлѣбъ-соль. Эти черты характера такъ общи албанцамъ, что европейцы, живущіе въ Турціи, всегда стараются нанять прислугу изъ албанцевъ. Нерѣдко люди, которыхъ обстоятельства заставляютъ пуститься въ опасное путешествіе по странѣ, разыскиваютъ какого-нибудь свирѣпаго атамана шайки, наводящаго ужасъ въ окрестности, и упрашиваютъ его быть провожатымъ по опаснымъ и незнакомымъ мѣстностямъ. Если самый свирѣпый албанецъ согласится на такое предложеніе, путешественникъ можетъ быть вполнѣ увѣренъ въ своей полной безопасности. Конечно, онъ не согласится на это даромъ, но лучше заплатить большую сумму, чѣмъ быть ограбленнымъ и даже убитымъ. Никогда не согласится албанецъ ограбить человѣка, у котораго онъ служитъ, развѣ уже напередъ предупредитъ его, что впредь онъ разрываетъ съ нимъ всякія отношенія. Одинъ богатый человѣкъ имѣлъ слугою албанца, который прежде былъ разбойникомъ. Но господинъ этотъ совершенно довѣрялъ ему и нѣсколько лѣтъ сряду предпринималъ съ своимъ слугою путешествія по самымъ глухимъ мѣстностямъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось имѣть при себѣ большія деньги. Но вотъ однажды, когда они заѣхали въ какую-то глушь, слуга является къ своему господину и говоритъ: «Я ухожу отъ васъ и потому пришелъ сказать вамъ прощайте.»—«Что же я буду дѣлать безъ тебя въ этой глухой мѣстности?» въ ужасѣ возразилъ его господинъ.—«Я ухожу потому, что я согласился напасть на васъ и ограбить, а пока я ѣмъ вашу хлѣбъ-соль, это было бы низкой измѣной съ моей стороны. Поэтому-то я и предупреждаю васъ о томъ, что я намѣренъ напасть на васъ на большой дорогѣ, когда вы будете возвращаться къ себѣ домой. Примите свои мѣры предосторожности, какія знаете; я хочу, чтобы между нами дѣло велось начистоту.»

Перѣдко тотъ или другой господинъ, оказавшій услугу албанцу, получаетъ письмо, въ которомъ его извѣщаютъ, что на него готовится нападеніе разбойничьей шайки тогда-то и тамъ-то. Въ концѣ письма нерѣдко слѣдуетъ подпись въ этомъ родѣ: «Почтительно цѣлую вашу руку и остаюсь однимъ изъ членовъ этой шайки». Примѣры эти не единичные.

Албанцы охотно сражаются за турокъ, какъ и за всякую другую націю, которая заплатитъ имъ за это. Свой насущный хлѣбъ албанецъ болѣе всего любитъ добывать

грабежомъ или войной и охотно записывается въ ряды наемныхъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ ихъ собственныхъ предводителей, которымъ албанцы оказываютъ безусловное повиновеніе. Албанскими солдатами дорожатъ всѣ, кому приходилось имѣть съ ними дѣло, уже потому, что они отличаются необыкновенною стойкостью, совершеннымъ презрѣніемъ къ опасностямъ и способностью выносить всевозможныя лишенія.

Албанцы не терпятъ въ своей странѣ никакихъ перемѣнъ: всякое малѣйшее нововведеніе со стороны Порты они встрѣчаютъ какъ кровную обиду и стараются тотчасъ отомстить туркамъ. Вообще албанцы, не смотря на свою зависимость отъ турокъ, никогда такъ не боялись турецкихъ властей и не унижались передъ ними, какъ болгары и др. прежде подвластные имъ народы. Пригрозите албанцу какимъ нибудь вліятельнымъ турецкимъ служебнымъ лицомъ и онъ, хватая ружье, съ презрѣніемъ говоритъ: «вотъ мое единственное начальство и никому другому я не подчиняюсь».

Вендетта, т. е. кровавая месть за малѣйшее оскорбленіе, до сихъ поръ существуетъ въ этой странѣ. Самыя ничтожныя ссоры въ большинствѣ случаевъ оканчиваются здѣсь вендеттой. Два охотника заявляютъ свои права на одного и того же застрѣленнаго зайца. Поднимается споръ. Одинъ изъ спорящихъ выхватываетъ пару пистолетовъ и предлагаетъ противнику выбрать любой изъ нихъ. Затѣмъ оба противника сцѣпляются мизинцами лѣвой руки и стрѣляютъ въ одно и тоже время. Въ такихъ поединкахъ одинъ изъ двухъ всегда падаетъ мертвымъ. Нерѣдко въ ссорѣ двухъ противниковъ принимаетъ участіе цѣлая деревня; спорящіе дѣлятся на двѣ партіи и женщины сражаются рядомъ съ своими братьями и мужьями.

Иногда падаетъ сразу пятнадцать и болѣе человѣкъ. Мало того: эта вражда передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ два албанца поссорились и подрались такъ сильно, что оба замертво пали на землю. Одинъ изъ нихъ собрался однакожъ съ послѣдними силами, подползъ къ другому и такъ хватилъ его кулакомъ по головѣ, что тотъ тотчасъ умеръ. За нимъ чрезъ нѣсколько часовъ скончался и ударившій его, потому что оба они были покрыты смертельными ранами, слѣдовательно если ударъ въ голову и ускорилъ смерть, то развѣ на нѣсколько часовъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и, казалось, случай этотъ былъ совершенно забытъ, такъ какъ дѣти подравшихся никогда и не вспоминали между собою этого событія. Но вдругъ, черезъ 50 лѣтъ, потомокъ того, который умеръ первый, приходитъ къ потомку того, который на смертномъ одрѣ ударилъ его прадѣда кулакомъ, и требуетъ вознаградить его за эту обиду сотнею козловъ, угрожая въ противномъ случаѣ не оставить камня на камнѣ и сжечь всю деревню и его самого. Бѣднягѣ, конечно, ничего не остается дѣлать, какъ отдать безпрекословно все, что у него требуютъ, иначе къ этому его принудятъ силою остальные, и тогда уже у него буквально не останется ни кола, ни двора.

Турецкое правительство всячески старалось ограничить обычай кровомщенія, который губитъ множество людей. Мустафа-паша, бывшій губернаторомъ въ 1857 г., издалъ законъ, по которому наказываются ссылкою всѣ, дающіе у себя убѣжище убійцамъ. По этому закону также всѣ начальники горныхъ албанцевъ, какъ только произошло убійство, должны тотчасъ арестовать всѣхъ близкихъ родственниковъ убійцы и держать ихъ въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока виновникъ самъ не предастъ себя въ руки властей. Этотъ законъ ослабилъ нѣсколько обычай кровомщенія. Совершеннаго же его уничтоженія нельзя ждать скоро: турецкое правительство не имѣетъ достаточно власти и силы, чтобы осуществлять реформы, близко касающіяся внутренней жизни албанцевъ; къ тому же для этого прежде всего необходимо образованіе, которое въ Албаніи въ самомъ плачевномъ состояніи.

Вотъ какъ описываетъ одинъ извѣстный поэтъ этотъ народъ:

«Свирѣпъ и дикъ албанецъ съ виду;
Но вы, Албаніи сыны,
Врагамъ дадитесь ли въ обиду?
Они несутъ труды войны,
Они стремительны и скоры,
Суровымъ мужествомъ горды;
Они, какъ скалы ихъ и горы,
Непоборимы и тверды....»

Всѣ албанцы превосходные стрѣлки и самый дикій и воинственный народъ. Величайшіе храбрецы въ странѣ, отличившіеся на полѣ битвы, называются *паликарами*. Еще болѣе поддерживается между ними это воинственное настроеніе ихъ пѣснями, полными отваги, ихъ дикою страстною пляскою. Въ праздничный день собираются они на лужку; музыкантъ съ инструментомъ въ рукахъ, который напоминаетъ собою тамбуринъ, съ 4-мя или 6-ю струнами, ударяетъ по немъ стволомъ гусинаго пера. Многіе употребляютъ также флейту и сербскія гусли. Танцы албанцевъ-христіанъ состоятъ обыкновенно изъ скачковъ и граціозныхъ движеній, и во многихъ изъ нихъ воспроизводятъ сцены изъ семейной жизни. Женщины танцуютъ только между собой, попарно, уперши одну руку въ бокъ, а другою помахивая платкомъ надъ головой.

Вы всегда между всѣми отличите албанскаго юношу. Онъ всюду такъ и бросается въ глаза: и въ пляскѣ, когда онъ такъ молодцовато кружится и прыгаетъ, а его фустанелла такъ и развѣвается, и на базарѣ, и на праздникахъ, когда онъ съ товарищами начнетъ играть въ войну, и, раздѣлившись на двѣ партіи, станутъ они бросать камнями. И какой бы бѣдный ни былъ албанецъ, онъ всегда одѣтъ необыкновенно аккуратно и даже съ какимъ-то изяществомъ.

Чѣмъ болѣе албанецъ наживаетъ денегъ, тѣмъ богаче онъ носитъ одежду. Большинство богатыхъ людей носитъ на себѣ все свое достояніе въ видѣ роскошно расшитой одежды и дорогаго оружія. Если албанцу и удается какъ нибудь зашить въ свой поясъ небольшую сумму денегъ про черный день, то при его веселомъ, безпечномъ характерѣ, она недолго у него пролежитъ, и онъ, легкомысленно истративъ все до полушки, сначала спускаетъ свое роскошное платье, а потомъ продаетъ и оружіе, которымъ такъ тщеславится. Какъ бы онъ ни страдалъ въ душѣ, что лишился платья и любимаго оружія, онъ никогда не падаетъ духомъ и всегда сохраняетъ свою гордую, самодовольную осанку. Когда ему долго не удается обновить свой костюмъ, онъ вскидываетъ свое ружье на плечо и выходитъ на большую дорогу.

Жилища албанцевъ поражаютъ своимъ жалкимъ, грязноватымъ видомъ, большая часть которыхъ носитъ на себѣ печать разрушенія. Не у всѣхъ даже есть въ домѣ потолокъ. Въ окнахъ очень часто нѣтъ никакихъ стеколъ, а только висятъ ставни. Зимой, какъ поднимется вѣтеръ и вьюга, снѣгомъ занесетъ всѣхъ, кто сидитъ въ избѣ. Тутъ уже одно спасеніе: закроютъ ставни, а сами усядутся вокругъ очага, трясутся да согрѣваютъ у огня свои окоченѣвшіе члены. Албанцы такъ мало обращаютъ вниманія на свое жилище потому, что они отдыхаютъ и веселятся внѣ дома, гдѣ нибудь на возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго открывается живописный видъ. Въ горныхъ мѣстностяхъ Албаніи жилища находятся на далекомъ разстояніи другъ отъ друга и какъ птичьи гнѣзда ютятся на вершинахъ.

Если албанецъ на столько богатъ, что его хижина выстроена съ потолкомъ, то она непремѣнно напоминаетъ жилище грековъ: тотъ же очагъ изъ камней и изъ глины посреди комнаты, прислоненный къ одной изъ стѣнъ. Надъ очагомъ въ потолкѣ

дырка, или нѣчто въ родѣ дымовой трубы. Въ домахъ болѣе зажиточнаго класса—башни, которыя составляютъ часть дома или совершенно особыя зданія. Особо стоящія башни имѣютъ четырехъ-угольную форму, въ три, а иногда даже и въ четыре этажа. Сообщеніе между этажами происходитъ посредствомъ витой лѣстницы; нижніе этажи освѣщаются лишь бойницами и только верхніе маленькими окошками. Дверь въ башню сдѣлана во второмъ этажѣ; къ ней ведетъ обыкновенно каменная лѣстница, отстоящая отъ башни на пять, на шесть футовъ и соединяющаяся съ дверью башни посредствомъ подъемнаго моста. Эти зданія стоятъ обыкновенно на возвышенныхъ мѣстахъ, такъ что ихъ видно еще далеко издали. Чаще всего однако жилища одноэтажныя, въ высшей степени жалкія и безъ всякихъ башенъ. Внутреннее убранство просто и первобытно, какъ и вся жизнь албанца. Скамейка, деревянное кресло съ рѣзной спинкой, цыновка на полу и чрезвычайно низенькій, круглый столъ, вокругъ котораго, сидя на полу, обѣдаетъ вся семья,—вотъ и все убранство комнаты. Кухонной посудой они тоже не богаты: глиняное, или деревянное блюдо, съ котораго каждый все беретъ руками, и два, три горшка—вотъ и все.

Но болѣе всего поражаетъ здѣсь путешественника то, что въ этихъ жалкихъ албанскихъ жилищахъ онъ нерѣдко встрѣчаетъ драгоцѣнныя вещи: дорогое оружіе, чеканные кувшины, богатыя ожерелья; когда и какъ попали сюда эти драгоцѣнности—въ точности неизвѣстно.

Самые знатные албанцы, какъ и незнатные, исполняютъ работы наравнѣ со всѣми. Албанцы чрезвычайно мало занимаются земледѣліемъ и презираютъ тяжелый трудъ. Бо́льшую часть своей земли они обратили въ пастбища и гоняютъ на нихъ свои стада. Въ то время, когда сынъ, какъ Менелай, гонитъ быковъ на лугъ, его отецъ самъ сторожитъ свой домъ, какъ Улиссъ. Если придетъ гость, хозяинъ самъ закалываетъ барана, какъ это дѣлалъ Ахиллесъ. Барана, теленка, а иногда, даже и быка зажариваютъ цѣликомъ и начиняютъ рисомъ. Это самое роскошное и любимое блюдо. Въ будніе же дни ихъ ежедневную пищу составляетъ: маисовый хлѣбъ, спеченный на угольяхъ, кое-какая растительная пища, молоко и больше ничего. Пьютъ обыкновенно воду, но въ праздникъ и для гостя подаютъ вино и ракію (водку). За обѣдомъ прислуживаютъ женщины. Послѣ обѣда хозяинъ беретъ гусли и играетъ на нихъ, между тѣмъ какъ молодые состязаются въ бѣгѣ или въ играхъ, въ которыхъ такъ хорошо можно выказать свою ловкость, или начинаютъ «коло»—старый танецъ, гдѣ мужчины держатъ другъ друга за руки, прыгаютъ и выдѣлываютъ разныя па.

Положеніе женщины въ Албаніи—самое унизительное. Лишь только дѣвушка на столько подросла, что она можетъ выйти замужъ, ее крѣпко на крѣпко запираютъ въ домѣ, и съ тѣхъ поръ она не смѣетъ уже болѣе никуда показываться. Она никогда уже не ходитъ на свадьбу къ своимъ подругамъ, не смѣетъ и танцовать при постороннихъ, только развѣ дома, въ обществѣ двухъ, трехъ, такихъ же, какъ и она сама, несчастныхъ пріятельницъ-невѣстъ. Этого мало: она не смѣетъ даже бывать въ церкви. И посѣщеніе храма Божьяго, точно также, какъ пляска и другія увеселенія передъ посторонними, считается здѣсь для взрослой дѣвушки великимъ срамомъ. Одинъ разъ въ годъ всѣ дѣвушки извѣстной мѣстности собираются въ одну церковь причащаться, и въ это время, кромѣ попа и пѣвчихъ, ни одинъ мужчина не смѣетъ войти туда. Чѣмъ богаче домъ, тѣмъ строже держатъ дѣвушку, и это понятно, такъ какъ богатымъ людямъ есть гдѣ и спрятать, есть кому и надзоръ за ней строгій поручить. Богатому есть время думать о каждой мелочи, потому онъ болѣе чѣмъ бѣдный придаетъ значеніе всякому пустяку. Однако пока дѣвушка еще не считается взрослой, ее могутъ видѣть въ домѣ и посторонніе: она обыкновенно подаетъ гостямъ варенье и кофе, сама

ходитъ въ гости; если есть школа въ мѣстности, то аккуратно посѣщаетъ и ее; родители берутъ ее даже смотрѣть танцы,—но все это, пока еще ей нѣтъ 14 лѣтъ.

По выходѣ замужъ строгость затворничества еще усиливается, и къ тому же она должна теперь спать и видѣть во снѣ, чтобы какъ нибудь не прогнѣвить своего мужа, какъ бы не забыть при первомъ удобномъ случаѣ выказать ему свое рабское смиреніе и глубочайшее почтеніе. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ одинъ албанецъ: «Всѣ мы женъ нашихъ въ строгости большой держимъ; онѣ съ нами и за столъ не смѣютъ сѣсть, а стоя служатъ намъ и ѣдятъ послѣ. Я и самъ разъ хотѣлъ было застрѣлить жену свою и вотъ за что. Шелъ я по улицѣ, а она у сосѣднихъ воротъ стоитъ съ сосѣдкой и смѣется, спиной къ улицѣ; я иду; она видитъ, и должна была повернуться ко мнѣ лицомъ. Да забыла, бѣдняга, видно. Я дома и показалъ ей, что значитъ мужъ. Оно, конечно, я ужъ не деревенскій человѣкъ, европейское обращеніе съ госпожами видѣлъ и даже чрезъ мѣру знакомъ со всѣмъ этимъ, ибо много консульшъ всякихъ державъ и другихъ знаменитыхъ и офиціальныхъ дамъ знавалъ близко. Поэтому я на жену и не разсердился взаправду, а только видъ ей страшный показалъ, чтобы древній обычай чтила».

Молодой человѣкъ изъ очень хорошаго и богатаго албанскаго дома женился однажды на дѣвушкѣ тоже изъ весьма уважаемаго семейства. Албанецъ отправился съ своею молодою женою къ отцу, но по дорогѣ молоденькая женщина устала, и такъ какъ съ ними была только одна лошадь, то мужъ и посадилъ ее на эту лошадь, а самъ пошелъ около нея пѣшкомъ. Увидѣлъ старикъ отецъ новобрачныхъ и, вмѣсто привѣтствія, гнѣвно отозвалъ сына въ сторону и, указывая ему на свое ружье, сказалъ: «Видишь это ружье, негодяй! другой разъ увижу, на мѣстѣ убью. Развѣ прилично паликару садить на лошадь жену, а самому идти подлѣ нея? Ты долженъ сидѣть на лошади, а жена должна идти около и ружье твое на плечѣ нести. Если тебѣ жалко стало ее, по дорогѣ везъ бы ее на лошади, а въ деревню не въѣзжалъ бы срамить меня».

Въ большинствѣ случаевъ отецъ женитъ сына, совсѣмъ не спрашивая его согласія, и дѣвушекъ выдаютъ замужъ, не справляясь о ихъ желаніи. Впрочемъ это происходитъ отчасти потому, что женятъ здѣсь въ такую раннюю пору, когда молодые люди не имѣютъ еще установившихся взглядовъ на вещи. Обыкновенно уже десяти-лѣтній мальчикъ обрученъ, въ 15 лѣтъ онъ непремѣнно мужъ, а въ большинствѣ случаевъ и раньше этого. Дѣвушекъ выдаютъ замужъ нерѣдко и двѣнадцати лѣтъ. Почти вездѣ въ Албаніи существуетъ обычай обручать дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ. Здѣсь нерѣдко 3-лѣтній мальчикъ имѣетъ уже невѣсту. Албанцы глубоко убѣждены, что провидѣніе особенно благосклонно относится къ обрученнымъ и неутомимо заботится о здоровьи и жизни обрученныхъ дѣтей. Предложеніе всегда дѣлаютъ родители мальчика, и если оно принято родственниками дѣвочки, то взаимно обмѣниваются монетами. Это обыкновенно старая золотая или серебряная монета, уже вышедшая изъ употребленія, нерѣдко древне-греческая, римская или византійская; встрѣчаются также древне-италіянскія и другія средне-вѣковыя монеты. Всѣ онѣ продыравлены, такъ какъ женщины носятъ ихъ въ волосахъ, а дѣтямъ пришиваютъ ихъ иногда къ шапкамъ. Монеты, которыми обмѣниваются при обрученіи, должны быть различныя. Разрывъ обрученія и возвращеніе этихъ монетъ случается очень рѣдко. Послѣ обрученія, какъ женихъ, такъ и вся его родня, не только по обычаю не должны разговаривать съ невѣстою, но не смѣютъ и видѣть ея. Передъ бракомъ происходитъ другое, формальное обрученіе, и тутъ уже вмѣсто монетъ обмѣниваютъ золотыя или серебряныя кольца, но обыкновенно второе обрученіе совершается между тѣми же са-

мыми людьми, которые обручились еще въ раннемъ дѣтствѣ. Второе обрученіе совершается такимъ образомъ: нѣсколько мужчинъ и женщинъ изъ родныхъ жениха отправляются въ домъ невѣсты и выполняютъ тамъ нѣкоторыя формальности: оба кольца кладутъ на кучу пшеничной муки съ словами: «ѣшьте сладкій хлѣбъ и будьте нераздѣльны». Поздравивши хозяевъ, гости отправляются съ пѣснями въ домъ жениха.

Въ Албаніи невѣста не только не приноситъ никакого приданаго, но даже и своихъ платьевъ: женихъ покупаетъ ее. Наканунѣ свадьбы онъ посылаетъ ей полное убранство: и подвѣнечное платье, и фесъ, выложенный золотыми монетами, и опредѣленную мѣстнымъ обычаемъ сумму денегъ, около 10-ти рублей на наши деньги.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сватовство доведено до необыкновенной простоты: родителямъ жениха нравится та или другая семья, гдѣ есть дѣвушка. Женихъ пріѣзжаетъ со своимъ отцомъ и нѣсколькими родственниками къ дому невѣсты, но не входитъ къ ней, а вмѣсто него идутъ родители. Дѣвушка въ первый разъ видитъ жениха на дворѣ изъ щели своей избы. Но ей некогда смотрѣть: отецъ зоветъ ее въ хату, гдѣ сидятъ гости и, указывая на столъ, на которомъ разложены монеты, говоритъ: «бери деньги». Если женихъ не понравился, дѣвушка начинаетъ плакать и отворачивается, тогда отецъ ей говоритъ: «иди вонъ». Черезъ нѣсколько минутъ отецъ опять зоветъ ее, и опять то же приказаніе. Тутъ уже, глядя на золотыя монеты, глаза у дѣвушки разгораются, и она обыкновенно, собирая ихъ со стола, уходитъ невѣстою. Да отцу рѣдко приходится повторять приказаніе: дѣвушка обыкновенно рада-радехонька скорѣе получить желанныя монеты.

Свадебные обряды занимаютъ болѣе недѣли. Понедѣльникъ за недѣлю до свадьбы считается началомъ празднествъ и называется медовымъ днемъ: съ пѣснями и стрѣльбою отправляютъ на мельницу пшеницу для свадебнаго хлѣба. Затѣмъ на третій день приглашенныя женщины съ пѣснями идутъ въ лѣсъ, откуда онѣ возвращаются въ домъ жениха—одна съ вязкою дровъ, другая съ шестомъ въ рукѣ, къ которому привязанъ красный платокъ. Шестъ ставятъ въ уголъ, дровами затапливаютъ печь и съ пѣснями подходятъ къ столу, на которомъ положено тѣсто. Та, которая первая приложитъ руки къ тѣсту, должна быть дѣвушкою, имѣть много братьевъ, такъ какъ такая считается счастливою. Помѣсивши тѣсто, дѣвушка кладетъ его въ чашку и вмѣстѣ съ ней обходитъ всѣхъ присутствующихъ, которые должны бросать ей деньги; когда она подходитъ къ жениху, то старается какъ можно больше вымазать его тѣстомъ; тотъ сначала сопротивляется, но ей все-таки удается его выпачкать, и онъ бросаетъ ей деньги. Другая дѣвушка надѣваетъ праздничное платье и оружіе жениха, и въ этомъ нарядѣ сидитъ во время всего этого обряда, который оканчивается танцами. Наканунѣ свадьбы съ утра къ жениху опять приходятъ всѣ приглашенные родственники и друзья, и каждый непремѣнно приноситъ что-нибудь въ подарокъ: ягненка, барана, хлѣбъ, фляжку вина. Каждаго вновь приходящаго встрѣчаютъ пѣснями и благодарятъ за подарокъ. Затѣмъ танцуютъ цѣлый день и почти цѣлую ночь, такъ что во время свадьбы гости имѣютъ необыкновенно утомленный видъ.

Въ то время, какъ въ домѣ жениха идутъ такія шумныя приготовленія, танцы и пирушки, въ домѣ невѣсты—все совершенно спокойно. Въ воскресенье опять къ жениху собирается множество гостей: если деревня большая, то не менѣе ста человѣкъ. Въ назначенный часъ поѣздъ отправляется изъ дома жениха за невѣстою. Во главѣ поѣзда—священникъ, посреди мужчинъ—женихъ, непремѣнно на лошади, какъ бы ни было мало разстояніе. Поѣздъ заключаютъ женщины, которыя ведутъ убранную лошадь или мула для невѣсты. Поѣздъ двигается съ пѣснями, въ которыхъ увѣщеваютъ невѣсту приготовиться къ выходу изъ родительскаго дома и не плакать. У дверей невѣстинаго

дома жениха встрѣчаетъ будущая теща: она держитъ сосудъ съ водою и, обмакнувъ въ него пучекъ цвѣтовъ, кропитъ имъ жениха. Онъ бросаетъ въ воду монету, а теща даритъ ему платокъ, который и кладетъ ему на правое плечо. Всѣ входятъ въ хату, гдѣ на полу разостланъ длиннѣйшій кусокъ полотна, на которомъ разставлено кушанье, и все общество располагается вокругъ него, поджавъ подъ себя ноги. Во время ѣды часто пьютъ за здоровье молодыхъ. Тостъ состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: «пусть они живутъ и будутъ счастливы», или «сладкаго хлѣба и нераздѣльнаго житья». Такъ какъ по албанскому обычаю не только невѣста, но даже и женихъ, должны представлять въ день свадьбы образецъ скромности и боязливости, то во время всѣхъ этихъ тостовъ за нихъ благодаритъ дружка, или, какъ тамъ его называютъ, *влямъ*. Затѣмъ женщины идутъ въ комнату невѣсты, и каждой вошедшей она должна поцѣловать руку. Когда собрались всѣ женщины, къ ней входитъ влямъ, который долженъ опоясать ее и обуть. Онъ цѣлуетъ ее въ губы, а она ему руку, затѣмъ одѣваетъ ей поясъ и башмаки, куда онъ предварительно насыпаетъ рису и денегъ въ знакъ благополучія и богатства. Послѣ этого влямъ возвращается къ мужчинамъ и расхваливаетъ невѣсту. Начинаютъ все приготовлять къ отъѣзду: при этомъ у албанцевъ существуетъ обычай, чтобы влямъ и нѣкоторые родственники жениха что нибудь украли въ домѣ невѣсты: это, вѣроятно, укоренилось вслѣдствіе обычая многихъ албанскихъ племенъ, который сохранился еще и теперь у нѣкоторыхъ изъ нихъ, красть себѣ невѣстъ. Невѣста цѣлуетъ руки у родителей и родственниковъ и идетъ къ выходу, но останавливается и хочетъ идти назадъ, тогда ее берутъ за руки, она опять нѣсколько сопротивляется и наконецъ выходитъ. Этотъ обычай невѣсты сопротивляться при выходѣ изъ родительскаго дома существуетъ не только у албанцевъ, но и во многихъ мѣстностяхъ Греціи и Румыніи.

Невѣста садится на лошадь и слѣдуетъ за поѣздомъ жениха. Тамъ, гдѣ невѣста идетъ пѣшкомъ, ее ведутъ за руки. Во время этого переѣзда невѣста подъ покрываломъ и безпрестанно кланяется въ разныя стороны. Ея родственники сопровождаютъ ее только половину дороги до дома жениха, затѣмъ они возвращаются домой; ни одинъ изъ нихъ не смѣетъ идти далѣе. Теперь о невѣстѣ уже заботится влямъ и поддерживаетъ ее, чтобъ она не упала съ лошади. Всѣ хозяева домовъ, мимо которыхъ проходитъ поѣздъ, должны выносить вино и желать счастья молодымъ. Не поднести вина — значитъ выразить непріязнь и вражду жениху. Когда поѣздъ приближается къ дому жениха, его мать встрѣчаетъ молодыхъ и осыпаетъ ихъ рисомъ. Тутъ происходитъ вѣнчаніе. По окончаніи обряда гости садятся за столъ, а невѣста съ скрещенными на груди руками и опущенною головой становится въ уголъ комнаты и такимъ образомъ стоитъ она во время всего пиршества, какъ мумія, не смѣя поднять глазъ или произнести хотя одинъ звукъ. Женихъ тоже не смѣетъ много разговаривать и долженъ больше держать глаза внизъ, но все-таки сидитъ вмѣстѣ съ гостями. Какъ и въ домѣ невѣсты, при тостахъ онъ и тутъ только чуть-чуть наклоняетъ голову, а главнымъ образомъ благодаритъ за него и раскланивается его влямъ. Послѣ обѣда начинаютъ пѣть и танцовать, и танцы открываетъ женихъ, во главѣ мужчинъ, которые, взявшись за руки, двигаются кругомъ. Затѣмъ женихъ внезапно бросается на невѣсту, танцующую среди женщинъ, хватаетъ ее за руку и выдѣлываетъ съ нею нѣсколько па. При этомъ гости поютъ: «Воронъ похитилъ куропатку. На что ему эта куропатка? Чтобы съ нею играть и шутить, чтобы съ нею всю жизнь проводить...»

Молодая женщина въ теченіи перваго года носитъ фесъ съ золотыми монетами, подаренными ей гостями на свадьбѣ и присланными женихомъ; затѣмъ она перемѣняетъ его на простой головной платокъ. Мы уже говорили, какое смиреніе, доведенное до рабскаго униженія, должна оказывать женщина по отношенію къ своему мужу. Она въ точ-

ности должна только и думать о томъ, какъ бы выполнить всѣ капризы мужа, такъ какъ иначе онъ не только можетъ побить ее, но и совсѣмъ прогнать и отослать назадъ къ родителямъ. При этомъ вся обязанность мужа заключается въ томъ, что онъ долженъ дать выгнанной имъ женѣ небольшую сумму, которая обезпечиваетъ ее развѣ на нѣсколько дней. Выгонитъ такимъ образомъ мужъ жену, и оба они, если на то у нихъ есть охота, скоро могутъ вступить опять во второй бракъ. Однако по обычаямъ албанцевъ мужъ хотя и можетъ бить жену, но не до крови, такъ какъ при малѣйшей царапинѣ она жалуется своимъ роднымъ, а тѣ деревенскимъ старшинамъ, и мужа присуждаютъ къ уплатѣ довольно тяжелой пени.

Въ первые годы замужества для молодой женщины считается крайне неприличнымъ разговаривать съ мужемъ при постороннихъ. Она никогда не называетъ его по имени, часто даже стыдится называть по имени тѣхъ, кого зовутъ такъ же, какъ и ея мужа. Что касается мужчины, то онъ не только не разговариваетъ съ женой при постороннихъ, но иначе не относится къ ней, какъ повелительно, какъ къ существу совершенно подвластному. Впрочемъ албанскія женщины такъ привыкли къ этому, что всякое другое обращеніе съ ними сами нашли-бы неприличнымъ. Жена не только раба своего мужа, но и служанка его родителей. Она должна оказывать величайшее почтеніе тещѣ и тестю: должна знать всѣ ихъ привычки, угадывать всѣ ихъ желанія, а главное, какъ можно чаще выказывать глубочайшее почтеніе. Она соскакиваетъ съ своего мѣста и отворяетъ дверь, когда видитъ, что они идутъ въ избу, хватаетъ всякую тяжесть, которую они собираются поднять, проводитъ ихъ до кровати, когда идутъ спать, и стоитъ возлѣ, пока ей не скажутъ, чтобы она шла и ложилась. Родители мужа имѣютъ огромную власть надъ молодой женщиной: они безъ согласія сына могутъ отослать ее къ ея родителямъ и такимъ образомъ развести молодыхъ людей. Вотъ потому-то молодая такъ и старается угодить имъ. Впрочемъ, кому не старается угодить, передъ кѣмъ не унижается албанская женщина? Старому, малому и молодому, каждому встрѣчному, знакомому и незнакомому, она должна цѣловать руку, всѣхъ женщинъ старше ея она должна называть—госпожами, даже маленькихъ мальчиковъ—господами, а подругъ своихъ и молодыхъ дѣвушекъ—сестрами.

Когда умретъ мужъ, его родные братья могутъ жениться на его вдовѣ, какъ безъ ея собственнаго согласія, такъ и безъ согласія ея родителей. Въ день вступленія во 2-й бракъ, жена получаетъ въ подарокъ отъ будущаго мужа быка или четыре козы. Если никто изъ братьевъ не пожелаетъ жениться на своей невѣсткѣ, тогда она возвращается къ своимъ родителямъ. Въ томъ случаѣ, когда вдова не вышла замужъ за одного изъ братьевъ своего покойнаго мужа, она не имѣетъ права вступить во второй бракъ за человѣка изъ той же деревни безъ согласія семейства перваго супруга. Въ племени *пулатти* вовсе запрещено въ такихъ случаяхъ выходить замужъ за человѣка изъ той же деревни. Если это запрещеніе нарушено, результатомъ будетъ кровомщеніе.

Когда вдова выходитъ во 2-ой разъ замужъ не за брата 1-го мужа, то она должна отослать семьѣ, гдѣ была замужемъ, половину того, что получитъ отъ новаго супруга, и вполнѣ удерживаетъ его дары только въ такомъ случаѣ, если у нея остались дѣти отъ 1-го брака.

Если кто нибудь умретъ, не успѣвши жениться на своей невѣстѣ, то его родной братъ, точно также какъ и въ первомъ случаѣ, имѣетъ право самъ жениться на ней, и ни она сама, ни ея родители и родственники не могутъ этому воспрепятствовать. При этомъ новый женихъ долженъ прибавить 150 піастровъ къ прежде условленному взносу. Большая часть *геговъ* никогда не женятся на женщинахъ одного съ ними племени. Если албанская дѣвушка и бываетъ хороша собой въ молодости, то красота ея быстро исче-

застъ, когда она выходитъ замужъ. Бѣлокурые свои волосы послѣ замужества она начинаетъ красить въ черный цвѣтъ, лицо мажетъ бѣлилами, зубы чернитъ, а руки краситъ красною краскою. Спросите у нея, зачѣмъ она это дѣлаетъ, и она обыкновенно отвѣчаетъ, что только когтямъ у собаки пристало быть бѣлыми. Всѣ эти притиранія и краски вредно дѣйствуютъ на кожу и зубы, и потому уже къ тридцати годамъ албанки выглядятъ безобразными старухами.

Хотя ни одинъ албанецъ, къ какой бы свирѣпой разбойничьей шайкѣ онъ ни принадлежалъ, не рѣшится напасть на женщину или оскорбить ее, но албанки обыкновенно ходятъ вооруженными. Дѣлаютъ это онѣ для того, чтобы всегда имѣть возможность принимать участіе въ схваткахъ и кровопролитныхъ поединкахъ своихъ мужей и сражаться рядомъ съ ними. Всѣ албанскія женщины отличаются крайнимъ невѣжествомъ: только очень немногія изъ нихъ умѣютъ читать и писать.

Оригинально встрѣчаютъ албанцы смерть своихъ близкихъ. Когда въ домѣ покойникъ, къ нему приходятъ и его окружаютъ всѣ родственники. Женщины начинаютъ плакать и причитать, и черезъ минуту все сливается въ общій хоръ: рыданія, дикіе крики, отрывочныя фразы, въ которыхъ высказываются похвалы умершему и пересчитываются его добродѣтели. Многія женщины разрываютъ на себѣ одежду, рвутъ волосы, до крови царапаютъ лице, то подымаютъ съ отчаяніемъ руки, то ломаютъ ихъ такъ, что хрустятъ всѣ суставы. Это выраженіе отчаянія и крики въ домѣ, гдѣ есть покойникъ, начинаются съ зарею и кончаются поздно вечеромъ. Впродолженіе дня ихъ прерываютъ только разъ, много два раза въ сутки, чтобы подкрѣпить себя пищею. Этотъ плачъ продолжается первые три дня. Затѣмъ, когда покойникъ уже похороненъ, его родственницы цѣлый годъ, по два, по три раза въ недѣлю, собираются въ его избу плакать и причитать.

Почти всѣ суевѣрія албанцевъ и ихъ отношенія къ усопшимъ имѣютъ чрезвычайно много общаго съ обычаями и повѣрьями другихъ обитателей Балканскаго полуострова: особенно черногорцевъ и сербовъ.

Жизнь албанскаго народа не замысловата. Отецъ и сыновья не имѣютъ отдѣльной собственности: всѣ члены семьи работаютъ для дома, хотя бы были въ различныхъ мѣстностяхъ, занимались различными ремеслами. Одинъ мало заработалъ, другой много, все равно, все это идетъ въ общее хозяйство. Братья часто живутъ вмѣстѣ и по смерти своихъ родителей, и только двоюродные братья дѣлятся. Этому совмѣстному сожительству много содѣйствуетъ то обстоятельство, что многіе мужчины уходятъ на заработки въ чужія страны и только по очереди возвращаются домой. Женщины заботятся о домѣ, обработываютъ поля и виноградники. Отношеніе между зятемъ и невѣстками весьма дружественное и теплое. Возвратившійся членъ семьи оказываетъ женѣ своего брата болѣе ласки и уваженія, чѣмъ собственной женѣ. Унизительное положеніе албанской женщины имѣетъ чрезвычайно много общаго съ положеніемъ женщины въ Черногоріи. Какъ тамъ при общемъ грубомъ и повелительномъ отношеніи мужчины къ женщинѣ бросаются въ глаза хорошія, сердечныя отношенія брата къ сестрѣ, такъ и въ Албаніи, просидѣвъ съ полчаса среди семьи, вы сейчасъ отличите среди другихъ женщинъ невѣстку: братья ея мужа гораздо мягче и ласковѣе къ ней, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ своимъ родственницамъ.

Воспитаніе дѣтей носитъ спартанскій характеръ. Съ первыхъ дней появленія на свѣтъ божій ребенка мать даетъ ему вина, чтобы онъ былъ крѣпче. До семи лѣтъ дѣтей держатъ чрезвычайно сурово: они всюду должны ходить, бѣгать, лазить по горамъ и пасти скотъ съ непокрытой головой, безъ штановъ и босикомъ. Только въ самое суровое время года, поверхъ единственной рубашки, имъ позволяютъ что нибудь

накинуть. Албанцы народъ дѣйствительно чрезвычайно бѣдный, но дѣтей ведутъ такимъ образомъ вовсе не изъ бѣдности, а изъ желанія закалить ихъ. «Хилыхъ намъ совсѣмъ не надо», говоритъ албанецъ и не бережетъ слабаго ребенка. Когда мальчику исполнится 8, 9 лѣтъ, отецъ его отправляется на чужбину для заработка и беретъ съ собою сына, гдѣ онъ остается не менѣе 3-хъ, 4-хъ лѣтъ. Чтобы мальчикъ не женился на чужой сторонѣ, прежде чѣмъ онъ оставитъ родину, его обручаютъ.

Почтеніе сыновей къ родителямъ такъ велико, что сынъ въ присутствіи чужихъ не смѣетъ ѣсть вмѣстѣ съ отцемъ и говоритъ только тогда, когда его спросятъ. Непокорнаго сына отецъ можетъ прогнать и лишить наслѣдства. Сколько бы лѣтъ ни провелъ албанскій юноша на чужбинѣ, это только усиливаетъ его любовь къ родинѣ. Тутъ никто не помнитъ случая, чтобы кто нибудь женился на чужой сторонѣ или перевезъ туда свою семью: такого бы всякій сталъ презирать.

Родовой союзъ въ Албаніи гораздо тѣснѣе, чѣмъ на западѣ. Къ одному роду принадлежатъ всѣ происшедшіе по мужскому колѣну отъ общаго предка. Женщина, вышедшая замужъ, переходитъ уже въ родъ мужа и родство по женской линіи здѣсь не имѣетъ значенія. Всѣ албанцы, какъ и древніе греки, носятъ крестныя имена, потомъ прибавляютъ еще имя отца или дѣда, а иногда и обоихъ въ родительномъ падежѣ, напр. Апостолисъ Ге-Панагіотидесъ, т. е. Апостолисъ сынъ Георга сына Панагіоти. Кромѣ того прибавляютъ еще родовое прозвище, напр. Додадъ, т. е. потомокъ Дода.

Любимымъ развлеченіемъ здѣшней молодежи, кромѣ пѣнія и танцевъ, которымъ албанцы страстно отдаются не только въ праздничные дни, но и въ послѣобѣденное время, всегда, когда у нихъ только есть свободная минута, — это бои пѣтуховъ. Бои эти, столь любимые въ древней Греціи, особенно въ Афинахъ, весьма развиты и теперь еще въ средней Албаніи, особенно въ Елбассанѣ. Тамъ любители разводятъ особенны родъ пѣтуховъ съ длинными ногами и называютъ ихъ греческими.

Каждое племя албанцевъ полунезависимо на основаніи привилегій, частью дарованныхъ въ разное время султаномъ, частью присвоенныхъ ими самими при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и отнять теперь назадъ эти привилегіи можно было-бы только цѣною кровопролитной войны.

Албанія — единственная мѣстность въ Турецкой имперіи, гдѣ господствуетъ католическая религія. Приверженцы католической религіи составляютъ половину всего населенія, а другая половина состоитъ изъ православныхъ и мусульманъ.

Албанцы, живущіе въ Горной, или Сѣверной Албаніи, — геги, по большей части католики, не признаютъ никакой другой турецкой власти, кромѣ турецкаго паши, который въ сношеніяхъ съ ними долженъ руководствоваться мѣстными обычаями того племени, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло. Албанія дѣлится на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего *булукъ-баши*, который обязанъ защищать передъ пашею интересы жителей своей мѣстности. Въ должность свою булукъ-баши выбираются пашею, но ихъ выборъ долженъ быть одобренъ старшинами племени и начальниками деревень; они не вмѣшиваются въ мѣстныя дѣла своихъ племенъ и могутъ являться къ нимъ только съ позволенія мѣстныхъ начальниковъ. Булукъ-баши племени *готти* (одного изъ албанскихъ племенъ, пользующагося привилегіею выходить первымъ на войну), — выше другихъ и послѣ паши считается вторымъ лицомъ въ Албаніи; онъ пользуется, передъ всѣми своими собратьями, наибольшимъ вліяніемъ у паши.

На обязанности каждаго булукъ-баши лежитъ передача приказаній губернатора (т. е. паши), командованіе своимъ племенемъ во время войны и раздача съѣстныхъ припасовъ.

Но истинные начальники горныхъ албанскихъ племенъ—*воеводы* и *байрактары* (знаменосцы), называемые такъ потому, что они носятъ на войну знамя своего племени. Кромѣ нихъ еще существуетъ *совѣтъ старшинъ*, въ которомъ каждый родъ имѣетъ своего представителя. Воеводы и байрактары обязаны примѣнять законы, защищать интересы своей мѣстности, но не имѣютъ никакого права дѣлать нововведенія, такъ какъ законодательная власть принадлежитъ всему народному собранію. Ни одинъ законъ не можетъ быть принятъ, если на собраніи не будетъ по крайней мѣрѣ по одному человѣку отъ каждаго дома. Собранія бываютъ въ опредѣленное время, и начальники объявляютъ объ нихъ въ каждой деревнѣ черезъ одного изъ своихъ слугъ. Одно собраніе обыкновенно бываетъ весной, а другое осенью: на нихъ опредѣляютъ мѣста для пастбищъ и время, въ которое каждый можетъ послать туда свой скотъ и когда онъ долженъ его оттуда угнать, и занимаются другими дѣлами въ этомъ родѣ. Нарушителей законовъ, или рѣшеній, постановленныхъ въ этихъ собраніяхъ, наказываютъ пенею, которую опредѣляютъ старшины; она и состоитъ обыкновенно въ извѣстной суммѣ денегъ, барановъ, козъ, быковъ и соразмѣряется съ важностью преступленія. Кромѣ этихъ общихъ, есть еще отдѣльныя собранія, касающіяся интересовъ одной какой нибудь мѣстности. Наконецъ случается, что жители всей Албаніи соединяются въ одно собраніе, чтобы обсудить свои общіе интересы или чтобы условиться, какимъ образомъ сообща выказать сопротивленіе приказаніямъ, полученнымъ отъ турецкихъ властей, которыя они считаютъ несправедливыми или черезъ чуръ требовательными. Въ этихъ собраніяхъ племя готти занимаетъ почетное мѣсто.

Тотъ, кто долженъ присутствовать на тѣхъ или другихъ собраніяхъ и не явится въ надлежащее время, платитъ штрафъ. Въ собраніяхъ начальники и старшины собираются въ кругъ; около нихъ толпится народъ. Когда всѣ сошлись, и если это собраніе всѣхъ племенъ, начинаетъ говорить байрактаръ племени готти: онъ объясняетъ собравшимся причины, по которымъ въ данную минуту созвано собраніе. Послѣ преній, въ которыхъ всѣ присутствующіе могутъ принимать участіе, отходитъ въ сторону нѣсколько лицъ, особо для этого назначенныхъ, совѣщаются между собой и со старшинами, затѣмъ выходятъ передъ собравшимся народомъ и предлагаютъ ему постановить рѣшеніе, которое имъ кажется наиболѣе подходящимъ къ данному случаю; народъ обыкновенно соглашается на ихъ предложеніе.

На этихъ же собраніяхъ судятъ за преступленія, совершенныя противъ общины, взимаютъ за это штрафъ животными, и собранный такимъ образомъ скотъ съѣдаютъ на пиру, въ заранѣе назначенномъ домѣ. На этомъ пиру должны принимать участіе по одному человѣку изъ каждаго дома.

Хотя горный албанецъ и не занимается земледѣліемъ, но онъ дорого цѣнитъ свою землю, которая служитъ ему пастбищемъ для скота, и не только не желаетъ видѣть ее въ рукахъ чужестранца, но даже и человѣка чужаго племени. Чтобъ земля не перешла въ чужія руки, продажа ея сопряжена съ большими хлопотами и обставлена большими ограниченіями. Тотъ, кто вздумаетъ продать свой участокъ, долженъ сначала объявить объ этомъ своимъ самымъ близкимъ родственникамъ, которые, преимущественно передъ всѣми, имѣютъ право купить землю. Если близкіе родственники не имѣютъ средствъ, или не хотятъ купить его землю, то ее предлагаютъ болѣе дальнымъ родственникамъ, и только въ случаѣ отказа ихъ всѣхъ земля можетъ перейти въ руки чуждому роду. Когда родственники задумаютъ пріобрѣсти землю черезъ чуръ дешево, а продавецъ не согласенъ на это, то въ этихъ случаяхъ выбираютъ особыхъ посредниковъ, рѣшенію которыхъ и должны будутъ подчиниться родственники; иначе продавецъ можетъ предложить свою землю менѣе близкимъ родственникамъ, а если и съ ними дѣло не

сладится, — чужимъ. Тѣмъ не менѣе безъ согласія старшинъ и всего народа того или другаго племени не дозволяется продать чужестранцу самаго маленькаго клочка земли.

Наслѣдство переходитъ только по мужской линіи, женщины не имѣютъ на него никакого права. Но если послѣ смерти родителей остается только одна дочь, то подъ условіемъ безбрачія она можетъ пользоваться ихъ имуществомъ, хотя право собственности переходитъ къ болѣе дальнимъ родственникамъ по мужской линіи. Когда албанецъ умираетъ бездѣтнымъ, но оставляетъ послѣ себя вдову, его родственники дѣлятъ между собой его имущество, но съ обязательствомъ давать содержаніе его вдовѣ въ размѣрѣ, опредѣленномъ мѣстными старшинами, и затѣмъ она можетъ поселиться, гдѣ пожелаетъ.

МИРДИТЫ.

Природа страны.—Одежда жителей, ихъ характеръ, нравы и обычаи.—Похищеніе женщинъ.—Побратимство.—Князь и его отношеніе къ подданнымъ.—Орошскій дворецъ.—Какъ управляется страна.—Правосудіе.

Когда оставляешь Скутари (или Скодру) и отправляешься нѣсколько южнѣе въ Орошъ, главный городъ мирдитовъ и резиденцію ихъ князя (мирдиты одно изъ албанскихъ племенъ, независимыхъ отъ Порты), природа страны замѣтно мѣняется. Поля этой разнообразной, волнистой мѣстности отлично обработаны, часто попадаются богатые виноградники и шелковичныя деревья, но еще чаще богатые дубовые лѣса. Мѣстами однако встрѣтишь и совершенныя пустыри, такъ что въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ ѣзды не увидишь иногда ни клочка поля: только горы, скалы да камни, и кой-гдѣ небольшія лужайки. Пастбища мирдитовъ довольно значительны, такъ что они не имѣютъ нужды посылать свои стада въ равнины, что сильно содѣйствовало сохраненію ихъ независимости. Мирдиты, попадающіеся по дорогѣ, одѣты гораздо проще, чѣмъ другіе албанцы. Длинная, бѣлая, шерстяная куртка, замѣняющая имъ въ то же время и рубашку, опоясана широкимъ краснымъ поясомъ. Длинныя широкія шаровары повязаны почти у самой ступни; ноги въ кожанныхъ башмакахъ; на головѣ—бѣлая, войлочная шапка. Одежда женщинъ нѣсколько живописнѣе. Кромѣ куртки такой же, какъ у мужчинъ, онѣ носятъ красныя шаровары, вышитый передникъ съ бахромою и голубой платокъ на головѣ; сверху иногда накинутъ малиновый плащъ.

Мирдиты самые свирѣпые и воинственные изъ албанцевъ. Они никогда не были покорены турками и совершенно независимо отъ нихъ управляются своимъ собственнымъ княземъ. Всѣ мирдиты (а ихъ болѣе 140,000) христіанской вѣры, римско-католическаго исповѣданія, но въ своемъ богослуженіи они удержали многіе греческіе обряды; самое замѣчательное изъ нихъ причащеніе подъ обоими видами; а настоящіе католики причащаются только оплатками, т. е. отъ плоти І. Х. Въ нѣкоторыхъ ихъ церквахъ можно найти православные кресты и остатки византійской живописи. Мирдиты

чрезвычайно смѣлый и необыкновенно фанатичный народъ; они ни за что не позволятъ магометанину поселиться между ними и ни одно оскорбленіе ихъ религіи не пройдетъ у нихъ не отмщеннымъ. Однажды Скодрскій паша (губернаторъ) сталъ противиться построенію въ этомъ городѣ римско-католической семинаріи для ихъ священниковъ и приказалъ срыть стѣны, которыя уже отчасти были построены. Хотя это намѣреніе и не было приведено въ исполненіе и семинарія была построена, но лишь только мирдиты прослышали о желаніи паши, они тотчасъ всѣ собрались, чтобы спуститься въ равнину и, разрушивъ магометанскую мечеть, отомстить за оскорбленіе своей религіи. Князь и священники едва могли отговорить ихъ отъ этого предпріятія, такъ какъ оно могло повредить и другимъ христіанамъ, которыхъ магометане въ свою очередь навѣрно стали бы за это преслѣдовать.

Самая характерная черта въ бытѣ этого народа — обычай жениться на женщинѣ другой религіи и не иначе, какъ непремѣнно похитивъ ее.

Женятся они на дѣвушкахъ другаго племени потому, что бракъ между членами своего племени считается у нихъ кровосмѣшеніемъ. Такъ женятся мирдиты высшаго и низшаго сословія. Такъ точно женился и ихъ недавно умершій князь Бибъ-Дода—предшественникъ нынѣшняго. Кто собирается жениться, похищаетъ магометанку какого нибудь сосѣдняго племени, затѣмъ креститъ ее по правиламъ своей религіи и тогда уже вступаетъ съ нею въ бракъ. Родители дѣвушки обыкновенно не особенно претендуютъ на это, такъ какъ женихъ тотчасъ посылаетъ имъ за дочь хорошее вознагражденіе. Своихъ же дѣвушекъ мирдиты выдаютъ въ замужество въ сосѣднія христіанскія племена. Что касается положенія женщины въ Мирдитѣ, то она тутъ не играетъ никакой роли и живетъ въ большомъ уединеніи. Для молодой дѣвушки считается позоромъ говорить съ молодымъ человѣкомъ: когда ихъ застанутъ вдвоемъ, репутація молодой дѣвушки на вѣки потеряна и послѣ этого она никогда уже не найдетъ себѣ жениха. Но все-таки у мирдитовъ женщина въ бо̀льшемъ уваженіи, чѣмъ у турокъ. Тутъ по всей вѣроятности играетъ роль религія; мирдиты—христіане, а христіанская религія относится къ женщинѣ съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ магометанская. Наконецъ, главное отличіе здѣшней женщины отъ турецкихъ гаремныхъ затворницъ въ томъ, что она не сидитъ по цѣлымъ днямъ, сложа руки, а много работаетъ, выполняетъ даже нѣкоторыя тяжелыя мужскія работы.

Жизнь и нравы высшаго сословія мирдитовъ столько же напоминаютъ отдаленныя, грубыя времена среднихъ вѣковъ, сколько и жизнь низшихъ слоевъ общества, которую мы только что описали.

Дворецъ князя въ Орошѣ нисколько, разумѣется, не соотвѣтствуетъ понятію европейцевъ о дворцахъ, не смотря на то, что это все-таки самая лучшая постройка не только въ этомъ городѣ, но и во всей странѣ мирдитовъ. Стѣны орошскаго дворца грубо выложены изъ камня, съ бойницами для защиты, которыя представляютъ ничто иное, какъ узкіе окошки безъ стекла, такъ что изъ нихъ можно стрѣлять на случай непріятельскаго нашествія. Каменная лѣстница ведетъ въ обширную залу дворца, всю обвѣшанную длинными ружьями, богато украшенными серебромъ. За залою идетъ плохо, меблированная комната для княжеской стражи, которая бросается въ глаза своими длинными локонами, ниспадающими съ затылка, и необыкновенно свирѣпымъ видомъ. По бокамъ двѣ красиво и оригинально убранныя комнаты, изъ которыхъ одна столовая, а другая служитъ спальнею для княжескихъ гостей. Обѣ комнаты вмѣсто обой выложены душистою горною елью и красивою рѣзьбою. Въ столовой — массивный буфетъ. Однимъ словомъ, этотъ дворецъ считался бы у насъ порядочною квартирою человѣка

средней руки, если бы его не портили маленькія окна съ желѣзными рѣшетками и до того плохо устроенныя печки, что отъ нихъ даже дымитъ. Этимъ уже орошскій дворецъ напоминаетъ наши курныя избы, въ которыхъ, точно также какъ и здѣсь, потолокъ всегда закопченъ дымомъ.

Если вы спросите у мирдита, какъ богатъ ихъ князь, онъ не скажетъ вамъ, что онъ имѣетъ столько-то тысячъ рублей или такія-то помѣстья, а совершенно точно опредѣлитъ его имущество, сказавши: 800 быковъ и коровъ, 1,300 барановъ, столько-то лошадей и проч. Каждый подданный князя можетъ совершенно свободно войти къ нему во дворецъ и просить его совѣта въ томъ или другомъ дѣлѣ.

Всѣ усилія турокъ подчинить себѣ мирдитовъ не привели ни къ чему: они могли проникнуть въ ихъ горы только черезъ ущелья, защищаемыя людьми, рѣшившимися лучше умереть, чѣмъ сдаться. Наконецъ, отчаявшись въ возможности подчинить себѣ мирдитовъ силою, турки предложили имъ капитуляцію, которая и была принята. По этой капитуляціи турки признали за мирдитами право имѣть своего особаго начальника, отказались отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ внутреннее управленіе, предоставили имъ полную свободу вѣроисповѣданія и освободили отъ всѣхъ налоговъ; но съ условіемъ поставлять туркамъ во время войны, для военнаго контингента, по человѣку съ каждой семьи, которые на войнѣ составляютъ отдѣльный отрядъ подъ начальствомъ своего начальника. Всѣ другіе горные албанцы служатъ въ турецкихъ войскахъ даромъ, получая только хлѣбъ и сыръ во время кампаніи; одни только мирдиты получаютъ солдатскій паекъ и жалованье.

Въ политическомъ отношеніи страна мирдитовъ—родъ аристократической республики: князь не можетъ принять никакого рѣшенія безъ согласія собранія старшинъ и байрактаровъ, званіе которыхъ наслѣдственно, какъ и званіе князя, или, точнѣе сказать, начальника племени.

Такимъ образомъ, хотя въ странѣ мирдитовъ и есть наслѣдственный глава (т. е. князь) и собраніе, въ которое являются представители всего народа, но на дѣлѣ все управленіе страною находится въ рукахъ знатнѣйшихъ фамилій.

Каждый округъ имѣетъ своего *байрактара*, или знаменоносца, и *сенаторовъ*, которыми бываютъ главы родовъ. Званіе это наслѣдственно, такъ что и ребенокъ можетъ быть сенаторомъ, только въ этомъ случаѣ всѣ обязанности до его совершеннолѣтія исполняетъ его опекунъ. Князь не можетъ принять никакихъ мѣръ безъ согласія сената, который состоитъ изъ всѣхъ *байрактаровъ* и *сенаторовъ*, а когда нужно обсудить предметы самой большой важности, то сзываютъ на совѣтъ и весь народъ; на это народное собраніе являются представители отъ каждаго семейства. Однако на дѣлѣ народное собраніе не имѣетъ никакого вліянія и сзывается только для того, чтобы придать большій вѣсъ и значеніе рѣшенію, постановленному сенаторами, которые тоже непремѣнно должны присутствовать на этихъ собраніяхъ.

Когда сенатъ собирается по требованію князя, тогда засѣданія его бываютъ во дворцѣ или около дворца, но онъ можетъ собраться и самъ совершенно самостоятельно. Когда князь пригласилъ сенатъ собраться у него, тогда въ его дворцѣ идутъ большія приготовленія: убиваютъ трехъ, четырехъ быковъ, нѣсколькихъ барановъ и козловъ, и князь дѣлаетъ угощеніе сенаторамъ на свой счетъ.

За небольшіе проступки князь приказываетъ дать до сотни ударовъ по пяткамъ, но важныя тяжбы разбираютъ и судятъ сенаторы каждаго округа. Законы, по которымъ судятъ преступниковъ, самые варварскіе и допотопные. Еще до сихъ поръ за тяжкія преступленія преступниковъ иногда сожигаютъ живыми. Еще недавно уничтоженъ дикій обычай солить и сохранять головы убитыхъ въ сраженіи враговъ.

Нечего и говорить о томъ, что здѣсь не существуетъ никакого образованія: во всей странѣ вовсе нѣтъ школъ. Въ 1866 г. едва 50 человѣкъ христіанъ—мирдитовъ, хотя и съ нѣкоторыми затрудненіями, но все-таки умѣли читать и только половина изъ нихъ могла подписать свое имя. Все остальное народонаселеніе представляло сплошную безграмотную массу.

БОЛГАРІЯ.

Прошлая судьба болгаръ. — Турецкое иго. — Фанаріоты и ихъ вліяніе. — Положеніе народа и его отношеніе къ туркамъ и грекамъ. — Гайдуки и ихъ значеніе для порабощеннаго народа. — Жизнь болгаръ въ 19-томъ стол. — Звѣрство турокъ въ 1876 г. — Война въ 1877 г. — Страданія народа во время этой войны.— Значеніе для страны С. Стефанскаго договора и Берлинскаго трактата.— Современное положеніе Македоніи, Восточной Румеліи и новаго Болгарскаго княжества. — Конституція страны.— Обязательное и безплатное обученіе.— Свобода печати.

Болгары самый многочисленный народъ изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ европейскую Турцію. Они живутъ въ собственной Болгаріи между Дунаемъ и Балканами, кромѣ того во Фракіи, Македоніи, Фессаліи, до самаго прибрежья Средиземнаго моря. Они встрѣчаются также въ Эпирѣ, въ Малой Азіи, въ Придунайскихъ Княжествахъ и въ Новороссійскомъ краѣ.

Это славянское племя чрезвычайно смѣшано съ разными окружающими его сосѣдями. На югѣ болгары живутъ рядомъ съ греками, а также и съ влахами (они называются еще куцовлахами; влахи считаются ближайшими соплеменниками румынъ, но отличаются отъ нихъ своимъ нарѣчіемъ). На юго-западѣ болгары смѣшаны съ албанцами; на западѣ — съ сербами; на сѣверо-востокѣ — съ татарами и съ русскими раскольниками—некрасовцами. Въ большихъ городахъ Болгаріи живетъ, наконецъ, еще до сихъ поръ не мало турокъ. Большинство болгаръ—православные, но есть и католики (павликіане) и магометане (помаки).

Такое смѣшеніе съ разными народами сильно отразилось и на бытѣ болгаръ. У нихъ въ языкѣ, понятіяхъ, одеждѣ, обычаяхъ—много общаго со смертельными врагами болгаръ, турками и греками. Не смотря на это, они все-таки удержали много самыхъ древнихъ славянскихъ вѣрованій и обычаевъ. По причинѣ этого смѣшенія нравовъ, обычаевъ и языка, болгаръ совсѣмъ почти не знали до послѣдняго времени. Многіе путешественники, странствовавшіе по Балканскому полуострову не болѣе, какъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, встѣчая болгаръ, считали ихъ за татарское племя, неизвѣстно почему говорящее какимъ-то испорченнымъ славянскимъ нарѣчіемъ. Даже и ихъ соплe-

менники—русскіе не имѣли о нихъ около этого времени никакого понятія, и въ своихъ путевыхъ воспоминаніяхъ съ удивленіемъ говорили о томъ, что въ европейской Турціи весьма во многихъ мѣстахъ встрѣчаются православные люди, говорящіе языкомъ весьма близкимъ къ церковно-славянскому. Однимъ словомъ болгары долго были забыты всѣмъ міромъ. Всѣ славянскіе народы такъ или иначе заявляли въ послѣднее столѣтіе о своемъ существованіи: либо своими политическими движеніями, литературою, своимъ оригинальнымъ внутреннимъ управленіемъ,—объ однихъ болгарахъ ничего не было слышно; ими интересовались менѣе, чѣмъ какимъ нибудь дикимъ австралійскимъ племенемъ.

Между тѣмъ по новѣйшимъ извѣстіямъ число болгаръ простирается до 7 мил. Почему болгары такъ долго не были извѣстны? Какимъ образомъ они могли утратить свой первобытный характеръ? Неужели безъ сопротивленія и кровавыхъ жертвъ потеряли они свою національную независимость? Разумѣется нѣтъ, и прошлая судьба болгаръ оставила глубокій, неизгладимый слѣдъ въ характерѣ и правахъ народа. Смертельная ненависть къ поработителямъ, страстная любовь къ родинѣ, патріархальность нравовъ, вотъ основныя черты характера этого много выстрадавшаго славянскаго племени.

Почему же болгары такъ долго терпѣли угнетенія? Почему они не заявляли раньше и не выказывали болѣе чувствительно для турокъ свою къ нимъ ненависть? Почему уже давно не переполнилась мѣра терпѣнія этого многострадальнаго народа? Мы увидимъ ниже, что гнетъ турецкій, ихъ тяжкіе, безчеловѣчные поборы и притѣсненія, нигдѣ не давали такъ себя чувствовать, какъ въ Болгаріи. Столько же выстрадала эта страна отъ грековъ, и кромѣ того не мало обидъ и угнетеній причинили ей въ послѣднее время черкесы и татары. Этотъ безчеловѣчный гнетъ со всѣхъ сторонъ, эти постоянныя народныя бѣдствія проходятъ по всей исторіи Болгаріи, съ той самой минуты, когда она подпала подъ турецкое иго и до самаго послѣдняго времени. Вѣчныя страданія и гнетъ со всѣхъ сторонъ легли въ основу характера этого несчастнаго народа: онъ сталъ слишкомъ выносливъ, забитъ и труслявъ, чтобы осмѣлиться когда нибудь громко и единодушно выразить свое неудовольствіе. Въ то время, когда черногорецъ при малѣйшемъ оскорбленіи бросается на турка съ оружіемъ, болгаринъ употребляетъ всевозможныя средства, чтобы меньше попадаться на глаза своему врагу. Трудолюбивый и разсчетливый, онъ всю свою жизнь сосредоточиваетъ въ семьѣ и въ пріобрѣтеніи матеріальнаго благосостоянія, и если ужъ возьмется за оружіе, то развѣ лишь тогда, когда онъ разоренъ въ конецъ, когда его жену и дѣтей ожидаетъ въ будущемъ только позоръ. Между тѣмъ возстанія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Болгаріи бывали не рѣдко, и это можно приписать исключительно тому не знающему границъ произволу, съ которымъ турки до сихъ поръ хозяйничали въ этой странѣ. Вся жизнь этого племени, если можно такъ выразиться, одна страница самыхъ ужасныхъ страданій. Конечно, каждый народъ прежде чѣмъ зажить самостоятельною жизнію, перенесъ много бѣдствій на своихъ плечахъ, но вѣрно ни одинъ европейскій народъ не терпѣлъ такъ долго унизительнаго порабощенія, не выносилъ такихъ неслыханныхъ притѣсненій отъ своихъ поработителей, какъ болгары.

Судьба болгаръ уже съ IX вѣка была связана съ Византіею. Отъ нея народъ этотъ принялъ христіанство и оно пустило въ немъ глубокіе корни. Но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать самостоятельно, сообразуясь съ обычаями и правами своей страны, болгары стали перенимать у византійцевъ все безъ разбору, а это не могло не отозваться гибельно на народѣ, который только что начиналъ жить. Съ IX до XI вѣка Болгарія представляетъ довольно сильное государство съ своими собственными царями. Цари эти мало по малу стали вводить при своемъ дворѣ роскошь, блескъ, напыщенность и церемоніи, господствовавшія въ Византіи. Этому рабскому подражанію и мож-

но приписать то, что болгарскій народъ не успѣлъ впослѣдствіи выработать себѣ прочныхъ основъ, которыя бы поддерживали его цѣльное, независимое существованіе. Такъ какъ болгары приняли христіанство отъ Византіи, то византійское духовенство и стало мало по малу вмѣшиваться въ ихъ дѣла; но, поддаваясь иноземному вліянію, болгары въ то же время обнаружили необыкновенно сильное стремленіе къ религіозной свободѣ и къ самобытности своей церкви, которое они всегда проявляли, когда имъ жилось хоть немного получше. Такъ и въ первой половинѣ X-го вѣка у болгаръ былъ собственный патріархъ. Однако въ XI-мъ столѣтіи болгарское царство пало и сдѣлалось одною изъ провинцій византійской имперіи. Началось господство грековъ: они стали уничтожать послѣдніе слѣды самостоятельнаго болгарскаго правленія и подавлять національное развитіе. Впрочемъ, болгары тогда еще не совсѣмъ пали: у нихъ безпрестанно происходили возстанія противъ грековъ, и, наконецъ, чрезъ полтораста лѣтъ рабства, имъ удалось снова возстановить болгарское царство, которое въ XIII-мъ столѣтіи превозвысилось до небывалаго прежде могущества. Болгары стали страшны даже для грековъ. Императоръ Византійскій искалъ помощи у царя болгарскаго и вступилъ съ нимъ въ родственныя связи. Это помогло болгарскому царю основать свое собственное, самостоятельное патріаршество въ новой столицѣ болгарскаго царства, въ Тырновѣ. Но и въ этомъ новомъ царствѣ не было прочныхъ залоговъ національнаго развитія: оно скоро стало ослабѣвать, подпало вліянію сосѣдей, нѣсколько лѣтъ зависѣло даже отъ татаръ, потомъ подчинилось сильнымъ въ то время сербамъ и наконецъ въ 1392 году почти безъ всякаго сопротивленія было покорено турками.

Такимъ образомъ Болгарія потеряла свою политическую независимость, но пока удержала еще духовную въ лицѣ своего тырновскаго патріарха, къ которому народъ прибѣгалъ, какъ въ своему заступнику и утѣшителю въ постигшихъ его несчастіяхъ. И дѣйствительно, почти въ продолженіи столѣтія, пока болгары имѣли свое національное духовенство, они еще не совсѣмъ падали духомъ. Конечно, были этому и другія причины, но во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что болгарское духовенство было очень любимо народомъ и съ своей стороны дѣйствительно поддерживало въ немъ любовь къ своей несчастной родинѣ, стремленіе къ самостоятельности и даже воинственный духъ. Нѣкоторые болгарскіе города еще отъ времени до времени освобождались отъ турокъ, или платили имъ небольшую дань и управлялись своими законами. Кромѣ духовенства этому много способствовали гайдуки, или разбойники, въ которые пошелъ въ это время цвѣтъ болгарскаго юношества. Но объ нихъ мы поговоримъ ниже, а теперь прослѣдимъ судьбу болгарскаго племени.

Завоеванія турокъ въ Европѣ росли постепенно, такъ что въ 1453 году они окончательно покорили Византійскую имперію. Константинополь былъ почти совершенно разоренъ, и побѣжденнымъ грекамъ было отведено въ немъ особое мѣсто, куда прежде сваливали всякіе нечистоты—фанаръ, или фена-едъ (турецкое слово означающее нечистое мѣсто); съ тѣхъ поръ всѣ константинопольскіе греки и называются фанаріотами. Когда такимъ образомъ Константинополь былъ покоренъ турками, подъ властію турецкаго султана очутились три патріарха: греческій, болгарскій и сербскій. Казалось, что при общемъ несчастіи христіанъ прежнее соперничество между греками и болгарами прекратится и они пойдутъ рука объ руку противъ общаго врага. Вышло напротивъ: константинопольскіе патріархи одинъ за другимъ все болѣе стали стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться единою духовною главою всѣхъ побѣжденныхъ турками славянъ. При этомъ ими руководило, разумѣется, не только желаніе первенствовать, но и денежный разсчетъ. Они стали мало по малу подслуживаться султану и за это пріобрѣтали отъ него разныя привилегіи. По примѣру патріарховъ и вся его паства, т. е. всѣ фанаріо-

ты, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, все болѣе становились корыстолюбивыми. Они дружили съ турками и убѣждали ихъ, что они, т. е. константинопольскіе греки, издавна питаютъ ненависть къ безпокойнымъ, покореннымъ славянамъ, что слѣдовательно ихъ надежды и пожеланія относительно этихъ племенъ совпадаютъ со взглядами турокъ. Справедливость своихъ словъ они доказали тѣмъ, что сражались вмѣстѣ съ турками, подавляя возстаніе въ нѣкоторыхъ болгарскихъ городахъ. Заручившись довѣріемъ турокъ, фанаріоты стали внушать имъ мысль объ уничтоженіи самостоятельнаго болгарскаго духовенства. Они представляли это, какъ дѣло необходимое для спокойствія Турціи, указывая на болгарскихъ духовныхъ, какъ на главныхъ зачинщиковъ всѣхъ мятежей. Турки согласились и на это, и тогда во всѣхъ концахъ Болгаріи кровь полилась ручьями. Дѣятельнѣйшими палачами болгаръ стали являться фанаріоты, и такимъ образомъ для этой страны наступило двойное рабство. Трудно сказать, которое изъ нихъ было ужаснѣе для народа—турецкій произволъ, или гнетъ константинопольскихъ фанаріотовъ, которые съумѣли взять въ свои руки болгарскую іерархію и отнимали у народа послѣднее достояніе. Вотъ какъ въ своей любимой пѣснѣ: «Стоенъ и Патрика», повторяемой всюду и въ наши дни, народъ разсказываетъ объ этомъ событіи. «Мать качаетъ своего сына Стоена въ золотой колыбели и, качая, приговариваетъ: спи, мое родное дитя, мой милый Стоенъ, спи и рости скорѣй; когда будешь большой, исторгни собственное царство изъ чуждыхъ поганыхъ рукъ, такъ какъ царство это—твоего отца и твоей матери.—Но гдѣ же у меня, спрашиваетъ сынъ, ружье, острая сабля, пистолеты, старинная, отцовская булава? — Все это есть у тебя, мое родное дитя! Осѣдлай только коня, встань пораньше въ воскресенье, помолись усердно Богу, собери войско и не бойся никого; берегись только грековъ лукавыхъ, лукавыхъ да предателей, предавшихъ твоего отца въ великомъ градѣ Адріанополѣ, вмѣстѣ съ 72,000 воиновъ. Тамъ плѣнили его турки и потурчили его дружину. Поѣхалъ Стоенъ, разставилъ войско по холмамъ и горамъ, захватилъ ущелья, такъ что некуда и птичкѣ пролетѣть. Прослышалъ какъ-то объ этомъ цареградскій патріархъ, пошелъ прямо къ царю и сталъ говорить ему: Великій царь-падишахъ, да долгоденствуетъ твое царство! Слышалъ ли ты, царь, узналъ ли ты о Стоенѣ, младомъ воеводѣ, изъ великаго града Тырнова, который поднялъ мечь, чтобы исторгнуть свое царство, говоря, что это царство его отца, его матери? Если это такъ, отвѣчаетъ султанъ, я пошлю войско противъ Стоена воеводы, 75-ти тысячное войско! — И поднялось войско чуть свѣтъ; его повелъ самъ патріархъ. Чуть завидѣлъ Стоенъ патріарха, грянулъ его голосъ сквозь мѣдный рогъ; онъ собралъ всѣхъ своихъ воеводъ и сталъ говорить имъ: Воеводы, младые богатыри! распустите кровавыя, красныя знамена. Всѣ воеводы заговорили: мы пойдемъ съ радостію колоть турокъ и приведемъ къ тебѣ патріарха живымъ. Всѣхъ турокъ перекололи, но патріархъ оказался хитрѣе насъ (болгаръ): онъ потихоньку улизнулъ отъ войска, возвратился въ Царьградъ и сталъ говорить царю: О, царь, великій падишахъ! развѣ я не говаривалъ тебѣ, чтобы всю ихъ оставшуюся знать обратить въ исламъ, дѣтей ихъ поработить, священниковъ переколоть, архіереевъ перевѣшать, церкви ихъ разрушить; тогда только, царь, будешь ты покоенъ. Я пошлю къ нимъ (болгарамъ) своихъ фанаріотовъ, они будутъ тебѣ вѣрными слугами. Царь послушался патріарха, послалъ переколоть всѣхъ архіереевъ, повѣсить всѣхъ священниковъ, обратить въ исламъ младыхъ юношей, разрушить много церквей, а другія обратить въ мечети».

Около этого времени разбои еще болѣе усилились; множество болгаръ бѣжало въ горы, многіе изъ нихъ пристали къ грекамъ; нѣкоторые потурчились, другіе оволошились; знатныя фамиліи переселились въ Придунайскія княжества, и такъ годъ отъ году стали исчезать настоящіе болгары, да и тѣ, что остались, все болѣе забывали свой

языкъ, все болѣе вносили въ свои нравы обычаи турокъ и грековъ. Ихъ духовные іерархи, которые все еще кое-какъ держались, хотя давно уже не имѣли никакого голоса въ столицѣ, теперь замѣнены были греками, и патріархія въ Тырновѣ переименована въ экзархатъ всей Болгаріи. Теперь въ Болгаріи не существовало высшаго сословія, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго. Чтобы успѣшнѣе грабить несчастныхъ фанаріоты, отъ времени до времени, поддѣлывались къ нимъ, показывали даже видъ, что всякая вражда забыта. Въ ту минуту, когда убитые горемъ болгары начинали имъ вѣрить, они подъ величайшею тайною открывали имъ, что турки собираются ограбить ихъ церковныя сокровища и устраивали дѣло такъ, что болгары, съ искреннею благодарностью, поручали имъ припрятать все, что было подороже. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что, взявъ золотую и серебрянную церковную утварь, будто бы на сохраненіе, фанаріоты старались поскорѣе сбыть банкирамъ и употребляли эти деньги по своему усмотрѣнію. Вмѣсто того, чтобы заступаться и защищать передъ турецкимъ правительствомъ своихъ братьевъ по вѣрѣ, греческіе іерархи зорко слѣдили за каждымъ болгариномъ, не обмолвится ли онъ какимъ нибудь словомъ противъ турокъ, а въ случаѣ если и это не удавалось, просто на-просто клеветали на него, какъ на злоумышленника, и дѣло кончалось тѣмъ, что болгарина сажали на колъ. По настоянію греческаго духовенства славянская обѣдня скоро была замѣнена греческой. Вездѣ стали жестоко преслѣдовать всѣхъ болгаръ, говорящихъ на своемъ родномъ языкѣ. Греческій языкъ стали вводить во всѣхъ болгарскихъ школахъ и училищахъ. Скоро болгары такъ огречились, что уже, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, тотъ, кто не умѣлъ говорить по гречески, считался у нихъ круглымъ невѣждою. Не только дѣловую, но даже и частную корреспонденцію вели на греческомъ языкѣ. Если спрашивали болгарина о его національности, то онъ нерѣдко, даже въ Тырновѣ, выдавалъ себя за грека. Весьма многіе изъ нихъ оскорблялись, когда ихъ называли болгарами. Названіе «болгаринъ» сдѣлалось бранной кличкой. На болгарскомъ языкѣ говорили только дома, такъ какъ женщины рѣдко учились греческому языку. Не смотря однако на то, что болгары огречились, ихъ ненависть къ грекамъ росла все болѣе и болѣе. Ее вызывало не только предательское отношеніе къ нимъ грековъ, но и холопское отношеніе этихъ послѣднихъ къ Портѣ, ихъ корыстолюбіе и жадность, ихъ поборы и взятки, которыя все болѣе и болѣе тяжелымъ бременемъ ложились на плечи болгаръ. Этотъ гнетъ былъ еще чувствительнѣе для болгарскаго духовенства. Подчиненный епископу священникъ нигдѣ не могъ найти защиты противъ его произвола. Греческіе епископы употребляли всѣ усилія, чтобы держать болгарское духовенство въ крайнемъ невѣжествѣ и нищетѣ. За свое посвященіе священникъ долженъ былъ давать греческому духовенству чрезвычайно тяжелую для него взятку, послѣ которой ему уже трудно было поправиться: онъ долженъ былъ весь свой вѣкъ трудиться, какъ простой крестьянинъ, отъ котораго онъ отличался только бородой. Чтобы окончательно унизить въ глазахъ паствы болгарскихъ священниковъ, греческое духовенство обращалось съ ними какъ съ рабами, какъ съ безсловесными животными: иной епископъ заставитъ болгарскаго священника носить себѣ воду, ухаживать за своимъ скотомъ, выполнять самыя тяжелыя работы. Нерѣдко въ присутствіи собравшихся прихожанъ епископъ немилосердно билъ священника и обращался съ нимъ не лучше любаго нашего помѣщика во время крѣпостнаго права.

Однако введеніе греческаго языка въ школы и училища, греческая литургія, однимъ словомъ совершенная гелленизація болгаръ, ихъ совершенное устраненіе отъ высшихъ должностей, все это казалось еще недостаточнымъ для фанаріотовъ. Они воздвигли гоненіе на все болгарское. Болгарскія рукописи, которыя были пощажены даже

въ продолженіе столѣтій войнами, пожарами и сыростью, теперь были повсюду сожжены греками.

Болгары, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, совсѣмъ забыли, что они жили когда-то самостоятельною жизнью. Они не имѣли также ни малѣйшаго понятія какъ о численности своего народа, такъ и о предѣлахъ и пространствѣ своихъ поселеній.

Пробужденіе національнаго сознанія началось съ появленія въ 1762 г. небольшой книги афонскаго монаха Паисія, написанной на болгарскомъ нарѣчіи, и которая называлась «словенско-болгарская исторія болгарскаго народа, царей и святыхъ». Эта книга, не имѣющая особеннаго научнаго значенія, оказала болгарамъ огромную услугу: она напоминала народу время, когда онъ былъ независимъ, горячо порицала греческое духовенство, которое держитъ народъ въ невѣжествѣ и вмѣстѣ съ турками попираетъ всѣ божескія и человѣческія права, съ энтузіазмомъ убѣждала противиться деспотизму и востановить забытый родной языкъ. Эта книга была принята болгарами съ необыкновеннымъ сочувствіемъ, и мало по малу стали являться послѣдователи этого направленія. Наконецъ въ началѣ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія Юрій Венелинъ, своимъ сочиненіемъ «Древніе и нынѣшніе болгары», окончательно воскресилъ умирающую болгарскую народность. Имя этого ученаго никогда не изгладится изъ памяти болгаръ. Съ тѣхъ поръ все больше и больше, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, стали появляться борцы—герои болгарскаго народнаго дѣла: одни изъ нихъ погибали въ бою съ врагами, другіе дѣйствовали словомъ и умирали въ турецкихъ тюрьмахъ, отъ турецкаго яда и ятагана. Эти первые защитники своего угнетеннаго народа пали, но ихъ дѣло не умерло. Съ тѣхъ поръ, болѣе чѣмъ прежде, молодые болгары стали пріѣзжать къ намъ въ Россію для образованія и, возвращаясь на родину, все болѣе возстановляли въ народѣ сознаніе о его прошломъ. Результатомъ этого прежде всего былъ неизбѣжный церковный споръ между греками и болгарами о введеніи славянскаго языка въ богослуженіе. Справедливыя требованія болгаръ вызвали страшную бурю со стороны константинопольской патріархіи. Споры, пререканія и борьба по этому поводу длились въ продолженіи 15-ти лѣтъ. Наконецъ въ 1872 г. болгарамъ удалось получить отъ Порты самостоятельнаго іерарха.

Отношенія болгаръ къ фанаріотамъ измѣнились: болгары какъ мы только что замѣтили, теперь имѣютъ своего духовнаго главу, начали заводить школы, изучать свой языкъ, но ненависть ихъ къ фанаріотамъ нисколько не уменьшилась. Да и вообще большинство славянъ питаетъ къ нимъ невыразимое отвращеніе и всего замѣчательнѣе, то, что даже ихъ соплеменники, греки въ Сиріи и Греческомъ королевствѣ а смотрятъ съ совершеннымъ презрѣніемъ на фанаріота. Причина этому та, что фанаріоты предъ всѣмъ міромъ запятнали себя множествомъ гнусныхъ поступковъ. Что же до болгаръ, то ихъ прежняя ненависть къ грекамъ перешла теперь въ совершенное презрѣніе. «Ты грекъ?» спрашиваетъ обыкновенно болгаринъ своего трехъ, четырехъ лѣтняго сына, когда ему захочется немного его подразнить. «Несъмъ гъркъ», отвѣчаетъ мальчикъ: «съмъ честный болгаринъ, истій славянинъ!» Отецъ настаиваетъ, что мальчикъ грекъ, и тотъ злобно топая ногами кричитъ: «Несъмъ, несъмъ, гъркъ лукавый, съмъ болгаринъ!» «Это гърска работа» (т. е. это похоже на поступокъ грека) говоритъ болгаринъ, покачивая головой, когда сосѣдъ передастъ ему о какомъ нибудь подломъ поступкѣ.

Если отъ фанаріотовъ болгары перестали терпѣть обиды, за то турецкій гнетъ становился все невыносимѣе. Равенство передъ закономъ всѣхъ подданныхъ султана, которое имъ было обѣщано въ 1856 году, осталось только прекрасной фразой, и положеніе болгаръ въ сущности мало измѣнилось. Лучшіе участки болгарской земли принад-

лежали туркамъ, и болгаринъ землепашецъ долженъ былъ снимать ее у нихъ, или, какъ они говорятъ, покупать себѣ землю на годъ, чтобы работать на ней. Турки отдавали въ наймы землю большею частію на годъ, за извѣстную плату, или же чаще за треть убраннаго съ поля хлѣба. Когда случался неурожай или кто нибудь воровски снималъ хлѣбъ съ поля, что тутъ было дѣлать болгарину не имѣющему денегъ? Оставалось одно—отдать турку все, что ему можетъ понравиться. Правда, можно занять денегъ у другаго турка или жида, но первый же заемъ болгарина вѣрная его гибель. Болгаринъ могъ добыть у турка деньги въ займы только за страшные проценты. Черезъ годъ, если онъ не могъ заплатить турку или жиду долга, выросшаго почти вдвое, продавали все его имущество. Оно, разумѣется, никогда не покрывало той суммы, которую онъ долженъ былъ выплатить своему кредитору, но если бы его и хватило, то болгаринъ все-таки не могъ продолжать вести свое маленькое хозяйство безъ домашней утвари и земледѣльческихъ орудій. Какъ ни обдумывалъ онъ свое положеніе, какъ ни силился дольше простоять на своихъ ногахъ, но кончалось обыкновенно тѣмъ, что, проклиная день, въ который родился, еще болѣе кляня врага, онъ шелъ къ нему въ домъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ отслуживать свой долгъ. Служа у турка, онъ все же не избавлялся отъ податей и другихъ повинностей и налоговъ; кромѣ того онъ долженъ былъ самъ одѣвать себя и свое семейство. Такимъ образомъ онъ должалъ турку все болѣе и болѣе и не могъ уже болѣе освободиться отъ него. Оставалось одно средство избавиться отъ долга: отдать турку свою жену, дочь и даже сына мальчика, если онъ былъ хорошъ собой. Болгаринъ не соглашается на это. А долгъ ростетъ все болѣе и болѣе до неоплатной цифры, и самъ онъ дѣлается все хилѣе отъ чрезвычайно трудныхъ работъ. Когда турку понравились дѣти или жена этого несчастнаго работника, онъ показываетъ видъ, что ему надоѣло ждать, когда тотъ отработаетъ свой долгъ; а то просто къ чему нибудь придерется въ работѣ и прогоняетъ его отъ себя, оставляя въ залогъ жену и дѣтей, или только однихъ дѣтей, если жена его не годится для гарема. Выгнанный такимъ образомъ работникъ рѣдко гдѣ послѣ этого находилъ мѣсто; къ тому же горе и позоръ убивали въ немъ послѣднюю энергію къ труду; у него было теперь только одно на умѣ, какъ бы влѣпить пулю въ лобъ проклятому турку. При этомъ чаще всего человѣкъ и рѣшался быть гайдукомъ. Ему оставалось теперь въ жизни одно—месть, и онъ отдавался ей всецѣло.

Немногимъ лучше былъ исходъ и въ урожайный годъ; снявъ хлѣбъ, болгаринъ долженъ былъ продать его столько, чтобъ заплатить долгъ турку и продавалъ его по дешевой цѣнѣ, потому что уплата требовалась послѣ жатвы, а въ это время цѣны стоятъ очень низкія. Такимъ образомъ на уплату долга у него выходила чуть не половина снятаго съ поля хлѣба. Прошла половина зимы—хлѣба у болгарина уже нѣтъ, и онъ вынужденъ занимать, чтобъ прожить какъ нибудь годъ; но у своего брата болгарина трудно позаимствоваться, потому что каждый изъ нихъ долженъ быть на готовѣ защищать себя хотя карманомъ отъ постоянныхъ придирокъ со стороны турокъ и припасать себѣ на черный день. Особенно отягощали болгарскій народъ налоги: садоводство, огородничество, ремесла—однимъ словомъ все обложено было особыми налогами. За каждую лошадь, корову, за каждую голову домашняго скота нужно было платить особую подать.

Ко всѣму этому скоро присоединились и другія, не менѣе ужасныя бѣдствія. Въ шестидесятыхъ годахъ, 12 тысячъ крымскихъ татаръ направились въ Турцію, которая приняла въ нихъ участіе, какъ въ своихъ братьяхъ по вѣрѣ, и назначила переселенцамъ лучшія земли въ Болгаріи. Болгары не только должны были отдавать татарамъ свои лучшія земли, но ихъ принуждали даже строить для нихъ дома и удѣлять имъ

свой скотъ для хозяйственнаго обзаведенія. Болгары не могли вынести этого новаго гнета и должны были искать убѣжища въ другихъ странахъ. Множество болгарскихъ семействъ переселилось въ Сербію, а до 10,000 бросились въ Крымъ, гдѣ они надѣялись занять оставленныя татарами земли. Но въ слѣдующемъ году, разочарованные и окончательно разоренные, они должны были возвратиться назадъ въ свою несчастную родину.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ надъ Болгаріею разразилось новое, страшное несчастье. Въ 1864 г. Россія, послѣ столѣтней войны, покорила Кавказъ. Тѣ изъ горцевъ, которые не хотѣли покориться русскимъ, оставили свои родныя горы и рѣшились переселиться въ Турцію къ своимъ единовѣрцамъ, тѣмъ болѣе, что турецкое правительство изъ разныхъ политическихъ цѣлей, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, тайно подстрекало черкесовъ къ переселеніямъ. До полумилліона этого дикаго, жаждущаго грабежей народа двинулось съ Кавказа, частью въ Малую Азію, частью въ европейскую Турцію. Въ первое время черкесы поплатились страшными бѣдствіями и лишеніями за свое довѣріе. Турецкое правительство не предприняло ни административныхъ, ни санитарныхъ мѣръ при помѣщеніи переселенцевъ въ малоазійскихъ пристаняхъ: для нихъ не было приготовлено ни съѣстныхъ припасовъ, ни помѣщеній. Черкесы въ буквальномъ смыслѣ голодали на турецкихъ судахъ, а высаживаясь на землю, оставались безъ хлѣба, безъ крова, безъ одежды. Когда они пристали къ берегу, положеніе ихъ было не лучше: отъ голода, холода и лишеній распространился тифъ. Больные оставались безъ всякой врачебной помощи и умирали каждый день сотнями. Трупы оставались непогребенными, гнили тамъ, гдѣ лежали, заражая другихъ и распространяя въ воздухѣ страшныя міазмы.

Наконецъ переселенцы были разселены по преимуществу между болгарскимъ населеніемъ. Болгары должны были дать пришельцамъ кровъ въ своихъ бѣдныхъ хижинахъ, вмѣстѣ съ своими семействами, на все время, пока черкесамъ не будетъ устроено жилищъ. Это гостепріимство дорого обошлось бѣдному люду. У болгаръ отрѣзали земли для черкесскихъ колоній, безъ всякаго за нихъ вознагражденія. Какъ и для татаръ, они должны были строить новымъ колонистамъ дома, совсѣмъ забросивъ свои поля и свое хозяйство. Между тѣмъ болгары еще не успѣли оправиться отъ устройства колоній татарамъ. Черкесы, едва осмотрѣлись на новыхъ мѣстахъ, тотчасъ принялись за свое старое ремесло: начали грабить мирныхъ поселянъ, уводить отъ нихъ скотъ, нападать на купеческіе караваны. Своими насиліями и грабежами черкесскія колоніи пріобрѣли громкую извѣстность и называются въ народѣ «проклятыми мѣстами» и «разбойничьими селами». Всѣ въ Турціи, не только христiане, но даже и турецкія власти, откровенно сознаются, что выходцы съ Кавказа—бичъ Божій для населенія. Между тѣмъ эти самыя власти ничего не предпринимали, чтобы ослабить хищническіе набѣги черкесовъ на земли и собственность болгаръ.

Турки достигли желанной цѣли—усилили мусульманское населеніе, которое въ каждомъ гяурѣ видитъ своего врага и на все остальное смотритъ сквозь пальцы. Посредствомъ черкесовъ турецкія власти установили постоянный надзоръ за болгарами и такимъ образомъ ослабили ихъ силу.

Въ то же самое время, когда Болгарія такъ тяжко страдала отъ нашествія дикихъ татарскихъ и черкесскихъ ордъ, надъ ней нависли и грозныя политическія тучи. Въ 1862 г. турки вѣроломно бомбардируютъ Бѣлградъ. Поднимается Герцеговина и Черногорія. Сербія также готовится къ поголовному ополченію. Но бѣдная Болгарія слишкомъ изстрадалась, слишкомъ забита, чтобы возстать. Въ ней образовалось нѣсколько гайдуцкихъ шаекъ, которыя и стали все болѣе и болѣе тревожить турокъ сво-

ими набѣгами, вступали даже съ ними въ открытый бой. Но это народное движеніе принесло несчастной странѣ только новыя бѣдствія. Гайдуцкія шайки были со всѣхъ сторонъ сдавлены турецкими войсками. Сербія заключила въ это время миръ съ Турціею, и у Болгаріи не осталось болѣе союзниковъ; она должна была сама отдаться въ руки своихъ враговъ. И отомстили же имъ за это турки. Цвѣтъ болгарской молодежи былъ брошенъ въ тюрьмы; множество изъ нихъ было сослано въ Малую Азію и другія мѣстности. Болѣе всѣхъ пострадали учителя и священники, какъ представители болгарской интеллигенціи и друзья народа.

Мы уже не разъ упоминали въ этомъ очеркѣ, что во время турецкаго ига только гайдучество являлось единственнымъ протестомъ противъ жестокаго угнетенія и поруганія національности. Поэтому мы считаемъ необходимымъ хотя кратко познакомить читателей съ гайдуками.

Въ гайдуки или разбойники болгарская молодежь начала вступать съ тѣхъ поръ, какъ болгары подпали подъ турецкое иго и когда они не только страдали отъ своихъ поработителей, но и отъ корыстолюбія безнравственныхъ фанаріотовъ. Еще пять, шесть лѣтъ тому назадъ очень много шаекъ этихъ гайдуковъ бродило въ Балканскихъ горахъ: они нападали на караваны турокъ, отправлявшихся въ Мекку, убивали и грабили ихъ имущества. Хотя гайдуки грабили и убивали, но цѣль и характеръ ихъ разбойничества были иные, чѣмъ у обыкновенныхъ разбойниковъ. Въ болгарскомъ гайдукѣ выразился народный идеалъ; къ нему стремился въ тяжелую для родины годину каждый *юнакъ* (болгарскій юноша), въ которомъ еще не совсѣмъ остыла юношеская кровь, который не очерствѣлъ настолько, чтобы во время тяжкихъ народныхъ бѣдствій думать только о своемъ карманѣ. Поступая въ гайдуки, юнакъ бросалъ свою семью, приставалъ къ какой нибудь шайкѣ и вмѣстѣ съ нею велъ самую дикую, первобытную жизнь. Прячась въ ущельяхъ и самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ, безпощадно грабя и убивая турокъ, гайдуки мстили такимъ образомъ, сколько хватало силъ, за угнетеніе своей родины. Къ соотечественникамъ своимъ они питали горячую, братскую привязанность и съ самоотверженіемъ оказывали имъ всякую помощь, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ нужно было защитить отъ турка или отомстить за оскорбленіе, нанесенное болгарской семьѣ. Вотъ почему тамъ, гдѣ больше всего скрывались гайдуки, болгары никогда не были такъ подавлены, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ не было. Въ гайдуки обыкновенно шли тѣ, у которыхъ турки похищали жену, дочь или сына, тѣ, которыхъ тяжко и безъ вины оскорбили или дочиста ограбили турки. Несчастнымъ нечего было уже больше терять: они покончили всѣ счеты съ жизнію и жаждали только одного—отомстить врагу. Но были и такіе, которые бросали теплый родительскій кровъ и дѣлались гайдуками только потому, что съ молокомъ матери всосали ненависть къ притѣснителямъ; это чувство постоянно крѣпло въ молодой груди, поддерживаемое болгарскими пѣснями, дышащими тою же злобою и ненавистью къ врагу и разжигаемое разсказами близкихъ, которые указывали уже ребенку на каждое оскорбленіе. Такъ поступалъ молодой человѣкъ въ шайку гайдуковъ, которою командовалъ атаманъ, единогласно выбираемый своими товарищами за свою храбрость. Когда въ шайку вступалъ новичекъ, атаманъ, въ присутствіи всѣхъ собравшихся гайдуковъ, торжественно прочитывалъ уставъ, который состоялъ обыкновенно въ слѣдующихъ постановленіяхъ: «Если ты убьешь христіанина или ограбишь его, чтобы поживиться его достояніемъ; если обидишь дѣвушку, изъ ненависти убьешь старика, старуху, ребенка; если возмешь у турка деньги, а его за выкупъ или изъ страха и жалости выпустишь изъ рукъ живаго; если убѣжишь изъ шайки во время опаснаго боя,—ты долженъ будешь умереть! Изъ награбленнаго отъ турка имущества ты получишь такую же часть, какъ и всѣ товарищи, но да будешь

проклятъ небомъ, если ты изъ нея не удѣлишь угнетенному собрату, который встрѣтится тебѣ на дорогѣ. Да будешь проклятъ, если не защитишь собрата, не поможешь ему тотчасъ по первой его просьбѣ».

Защищать собратій, жертвуя для этого покоемъ и семейнымъ счастіемъ, конечно, подвигъ достойный всякаго уваженія, но средство, которымъ они достигали этой цѣли, вело ихъ ко множеству безнравственныхъ поступковъ. Скитальческая жизнь, всегда съ оружіемъ въ рукахъ, грабежъ, убійства, хотя и враговъ, разбой, какъ единственный заработокъ,—все это мало по малу заглушало въ юношѣ состраданіе къ ближнему, очерствляло его душу, безвозвратно губило его нравственныя понятія и мало по малу вело къ простому грабительству при дорогахъ— своихъ и чужихъ, кого попало, лишь бы зашибить деньгу и досыта потѣшиться съ товарищами. Но возвратимся къ историческому очерку и посмотримъ, какъ жилось болгарскому народу за послѣдніе 20 лѣтъ нашего столѣтія.

Съ 1864 по 1868 г. Болгаріею управлялъ или, точнѣе будетъ сказать, кроваво расправлялся Митхадъ-паша. Турецкое взяточничество и насиліе надъ жителями достигли во время его управленія своего апогея. Болѣе всего онъ раззорялъ народъ тѣмъ, что задумалъ украшать города: только это одно стоило народу много крови и слезъ. Этотъ человѣкъ былъ гораздо бо́льшимъ деспотомъ, чѣмъ его предшественники, и еще болѣе ихъ заботился о томъ, какъ бы потуже набить свой карманъ. Онъ былъ сильно обрадованъ, когда ему донесли о какомъ-то заговорѣ между болгарами: онъ съ жаромъ ухватился за это и сталъ вѣшать не только взрослыхъ людей, но даже школьниковъ и дѣтей.

Такой порядокъ вещей существовалъ до 1876 г., когда турки стали поголовно совершать надъ болгарами такія неистовства, отъ которыхъ въ человѣческихъ жилахъ стынетъ кровь, примѣра которымъ нѣтъ даже въ среднихъ вѣкахъ. Въ первыхъ числахъ мая 1876 г. въ нѣкоторыхъ деревняхъ Болгаріи вспыхнуло возстаніе, вызванное несправедливымъ управленіемъ турецкаго правительства и жестокостью турокъ. Турецкія власти тотчасъ вооружили мусульманское населеніе городовъ и деревень и вмѣстѣ съ баши-бузуками и солдатами двинули ихъ противъ болгаръ, чтобы подавить возстаніе и обезоружить христіанское населеніе. Возставшія христіанскія деревни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказывали очень мало сопротивленія, а въ другихъ и вовсе не сопротивлялись. Большинство отдавало оружіе по первому требованію. Не смотря на это, множество болгарскихъ селъ было разграблено или сожжено баши-бузуками. Народонаселеніе бо́льшей части возставшихъ деревень было перерѣзано, сдѣлавшись предварительно жертвою насилій, самыхъ жестокихъ и самыхъ гнусныхъ. Эти преступленія были совершаемы турецкими регулярными войсками наравнѣ съ баши-бузуками. Только въ одномъ филиппопольскомъ округѣ было совершенно разрушено 65 деревень, убито 110 тысячъ людей, земля на нѣсколько верстъ въ окружности была покрыта гніющими трупами.

Сербы и черногорцы объявили войну туркамъ. Сельское населеніе болгаръ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, къ которымъ двинулась сербская армія, съ радостью присоединилось къ ней. Однако счастье измѣнило сербамъ. Приставшіе болгары частью опять подчинились туркамъ, частью бѣжали въ Сербію. Башибузуки и черкесы разорили и сожгли ихъ деревни, а тѣхъ, которые во время не успѣли спастись, убили самымъ варварскимъ образомъ. Начались опять звѣрства надъ болгарами. Европа содрогнулась и какъ будто устыдилась своего равнодушія, съ которымъ она до сихъ поръ относилась къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ. Собралась конференція для обсужденія реформъ, которыя слѣдовало ввести въ Болгаріи подъ наблюденіемъ великихъ державъ. Турки, на предложенія конференціи, отвѣтили провозглашеніемъ конституціи и созваніемъ турецкаго парламента. Они надѣялись такимъ образомъ всего яснѣе доказать способность

своего государства къ дальнѣйшему прогрессивному развитію. Но всѣ отлично сознавали, что турецкая конституція не будетъ имѣть никакого значенія для подвластныхъ христіанъ, нисколько не улучшитъ ихъ судьбу, не внесетъ даже никакого обновленія въ жизнь турецкаго общества. Изъ нашей характеристики турецкаго управленія, мы уже знаемъ, что эти опасенія были вполнѣ справедливы. Впрочемъ Порта тотчасъ доказала на дѣлѣ, что на провозглашенную ею конституцію она сама смотритъ, какъ на рекламу для европейскихъ правительствъ, которая должна имъ отвести глаза отъ ужасовъ, совершаемыхъ въ Болгаріи. Она отложила постановленія конференціи, рѣшительно отказалась отъ всякихъ уступокъ въ пользу несчастныхъ славянъ и по прежнему продолжала ихъ истребленіе.

Россія, какъ могущественная славянская держава, не могла дольше оставаться равнодушною при видѣ этихъ звѣрствъ, и въ 1877 году, 12 апрѣля, объявила войну Турціи. Болгары тоже участвовали въ этой войнѣ: изъ нихъ сформировалось нѣсколько дружинъ добровольцевъ.

Трудно описать, сколько новыхъ несчастій тогда испытали болгары. Тутъ уже турки нисколько не стѣснялись грабить и убивать ихъ. Около 15 тысячъ изъ нихъ было отправлено въ Азію; даже цареградскіе болгары, которыхъ турки до тѣхъ поръ совсѣмъ не тревожили, теперь были или заточены по тюрьмамъ, или изгнаны изъ страны. Въ Филиппополѣ, Адріанополѣ и Сливнѣ сотни болгаръ всѣхъ сословій были повѣшены, множество деревень сожжено; лѣса и горы переполнились тысячами людей лишившихся крова и спасавшихся отъ преслѣдованія. Города: Эски-Загра, Калоферъ и Татаръ-Базарджикъ были сожжены до основанія; Софія сгорѣла отчасти, а Систово, Тырново и Филиппополь спаслись только благодаря искуснымъ движеніямъ русскихъ и своевременному ихъ занятію.

Блестящія побѣды русской арміи заставили наконецъ турокъ прекратить войну и заключить 19 февраля 1878 года Санъ-Стефанскій договоръ. Въ силу этого договора должно было возникнуть большое болгарское княжество съ народнымъ правительствомъ. Предѣлы княжества предполагались весьма обширные—отъ береговъ Дуная до Эгейскаго моря, съ пространствомъ въ 3,091 квадратную милю. Европейскія державы признали однако условія С.-Стефанскаго договора несообразными съ политическими видами Европы. 13 іюля 1878 года собрался въ Берлинѣ конгресъ изъ представителей европейскихъ державъ: здѣсь и былъ выработанъ трактатъ, согласно съ которымъ теперь устроены всѣ дѣла на Балканскомъ полуостровѣ.

По берлинскому трактату, новое болгарское княжество, по величинѣ территоріи и по численности населенія, было сильно сокращено противъ того, что предполагалось по С.-Стефанскому договору.

Болгарія должна была теперь образовать изъ себя княжество самоуправляющееся, но подъ главенствомъ султана и платящее ему дань. Болгары свободно избираютъ своего князя, но онъ долженъ быть утвержденъ Портою, съ согласія державъ. До избранія новаго князя, собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созванное въ Тырновѣ, должно выработать органическій уставъ княжества. На югъ отъ Балканъ образуется провинція, подъ названіемъ «Восточной Румеліи», которая остается подъ непосредственною политическою и военною властью турецкаго султана, на условіяхъ административной автономіи. Она должна имѣть генералъ - губернаторомъ — христіанина. Австро-Венгрія занимаетъ провинціи Боснію и Герцеговину и вводитъ тамъ свое управленіе.

С.-Стефанскій миръ заставлялъ трепетать сердца болгарскихъ патріотовъ отъ счастья и надеждъ. И какъ было имъ не радоваться! По этому миру Болгарія становилась единою и нераздѣльною, отъ Дуная до Эгейскаго моря, съ шестимилліоннымъ

населеніемъ, со столицею Филиппополемъ, стоящемъ на стражѣ у самыхъ воротъ Константинополя, уже столько столѣтій пятнавшаго себя кровью ихъ братій! Но послѣ берлинскаго трактата этимъ патріотамъ пришлось горько разочароваться и примириться съ далеко не привлекательною дѣйствительностью. Вмѣсто огромнаго болгарскаго царства оказалось маленькое княжество въ 1,148 квад. миль; вмѣсто населенія въ 6 мил.; въ дѣйствительности 1.860,000, князь изъ нѣмцевъ, вассальныя отношенія къ Портѣ. Мало этого: половина Болгаріи не освобождена. Македонія, колыбель болгарскаго народа, по преимуществу имъ населенная, осталась въ полной власти турокъ, и они вымѣщаютъ на ней всѣ свои неудачи въ послѣднюю войну. Тамъ въ настоящее время совершаются такіе же ужасы и поборы, какіе совершались въ Болгаріи еще такъ недавно.

Христіанское населеніе Македоніи платитъ и въ настоящее время на 300% болѣе государственныхъ податей и сборовъ, чѣмъ магометанское. Въ Македоніи находится теперь 50 тысячъ турецкихъ солдатъ для «охраненія порядка». Жалованья эти солдаты уже давно не получаютъ и берутъ у жителей все, что имъ вздумается, грабя и убивая ихъ за сопротивленіе. Берлинскій трактатъ обязалъ Порту не употреблять для охраненія границъ ни черкесовъ, ни баши-бузуковъ. Порта переименовала ихъ кильдзигарами и гудуками и съ спокойною совѣстью поручила охранять имъ границы. Эти кильдзигары и гудуки такъ же грабятъ и разоряютъ жителей, какъ и тогда, когда они назывались башибузуками и черкесами. Мало того: во время послѣдней войны, спасаясь отъ мести христіанъ, въ Македонію перебѣжало множество магометанъ. Они живутъ теперь въ ней безъ средствъ, на счетъ тѣхъ же христіанскихъ жителей. Туристу совсѣмъ невозможно теперь путешествовать здѣсь безъ конвоя, а конвой или самъ грабитъ путешественника, или разбѣгается при нападеніи разбойниковъ, съ которыми онъ обыкновенно находится въ стачкѣ.

Во многихъ частяхъ Македоніи *беги* (богатые землевладѣльцы магометанскаго исповѣданія) владѣютъ всей землей, между тѣмъ какъ христіане находятся въ полной отъ нихъ зависимости. Такимъ образомъ болгаръ грабятъ и беги, доводя ихъ до совершеннаго обнищанія. Правосудія для македонскихъ христіанъ положительно не существуетъ. Подкупы господствуютъ вездѣ и совершаются самымъ безцеремоннымъ образомъ. Недавно заптій убилъ цѣлую семью невинныхъ христіанъ и былъ посаженъ за это подъ арестъ только на три дня. Суды и администраторы въ постоянной стачкѣ съ самыми наглыми грабителями и разбойниками. Разбойники нападаютъ на богатыхъ людей въ домахъ и по большимъ дорогамъ, арестуютъ ихъ, открыто требуютъ и такъ же открыто и безнаказанно получаютъ за нихъ выкупъ. Извѣстно, что власти обыкновенно пользуются извѣстнымъ процентомъ съ этого выкупа. Но возвратимся къ злополучному трактату, который носитъ въ себѣ зародыши и другихъ опасныхъ усложненій на Балканскомъ полуостровѣ.

Прежде всего, вмѣсто возможно-прочнаго мира, берлинскій трактатъ создалъ только перемиріе. Возстаніе въ южной Болгаріи, нынѣ называемой Восточною Румеліею, то-же едвали на долго отсрочено. Это видно изъ протеста ея жителей противъ берлинскаго трактата, подписаннаго болѣе чѣмъ ста тысячами именитыхъ гражданъ. Вотъ главные пункты ихъ заявленій: «Берлинскій трактатъ дѣлитъ Болгарію на три части, подчиненныя различнымъ режимамъ, что увѣковѣчиваетъ фактъ нашего раздѣла. Соединенные въ теченіи вѣковъ общими страданіями, мы не можемъ быть удовлетворены положеніемъ, надѣляющимъ лишь одну часть націи свободой. Право, уступленное султану, занять турецкими гарнизонами сѣверныя границы Восточной Румеліи, будетъ постояннымъ источникомъ неудовольствій и столкновеній, тѣмъ болѣе, что фанатизмъ турокъ распаленъ въ послѣднее время неудачами. Не будутъ-ли турецкіе гарнизоны—эти стра-

шилища, водворенныя въ самомъ сердцѣ Болгаріи—неизсякаемымъ источникомъ волненій и распрей, переходящихъ въ кровавую борьбу?

«Разъединенные, видя свои историческія, экономическія и даже семейныя узы порванными, ослабленные и обезсиленные внутри, оставленные на произволъ враговъ—извнѣ, подчиненные разнородной власти, болгары, уже не говоря о томъ, что на нихъ будетъ взвалена тяжелая обязанность содержать тройную администрацію, пострадаютъ оттого, что ихъ національное единство будетъ разрушенно различіемъ обычаевъ, нравовъ, традицій и характеровъ.

«Неограниченная власть султана при назначеніи генералъ-губернатора, офицеровъ, администраторовъ и президентовъ апелляціонныхъ судовъ даетъ ему возможность ставить на эти должности людей, взятыхъ внѣ провинціи,—людей, незнакомыхъ ни съ языкомъ, ни съ правами, ни съ потребностями страны, людей, которые, не имѣя съ ней ничего общаго, очень мало будутъ заботиться о ея благѣ. При выборѣ должностныхъ лицъ, будутъ имѣть главное значеніе не ихъ способности, а степень ихъ низкопоклонства, какъ это во всѣ времена бывало въ Турціи».

Много зла, хотя для болгаръ уже косвеннаго, много затрудненій, народныхъ вспышекъ и возстаній между христіанами Балканскаго полуострова породитъ берлинскій трактатъ и оттого, что онъ ввелъ въ Боснію и Герцеговину (населенныя сербами), могущественнаго врага южно-славянской самостоятельности—австрійцевъ.

Не смотря однако на дѣйствительно справедливыя жалобы жителей Восточной Румеліи, ея новое положеніе сравнительно съ прошлымъ значительно улучшилось; въ ней стала сильно развиваться общественная жизнь. Съ необыкновенной быстротой стали образовываться гимнастическія общества, члены которыхъ учатся владѣть оружіемъ; появилось множество клубовъ, которые въ концѣ концовъ будутъ содѣйствовать выработкѣ здравыхъ политическихъ и экономическихъ взглядовъ.

Народное собраніе болгаръ въ 1879 году выработало статутъ новаго княжества болгарскаго. Вотъ его существенные пункты: княжество Болгарія—монархія наслѣдственная и конституціонная, съ народнымъ представительствомъ. Исполнительная власть принадлежитъ князю и отправляется черезъ отвѣтственное министерство; законодательная—князю и народному собранію, которое засѣдаетъ ежегодно, въ теченіи трехъ зимнихъ мѣсяцевъ. Народное собраніе опредѣляетъ сумму на содержаніе князя и его двора. На содержаніе нынѣшняго князя Александра I-го народное собраніе назначило 600,000 франковъ. Эта сумма не можетъ быть ни увеличена безъ согласія народнаго собранія, ни уменьшена безъ соизволенія князя.

Ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ, дополненъ, измѣненъ и отмѣненъ безъ предварительнаго обсужденія и принятія его народнымъ собраніемъ. Законъ, принятый народнымъ собраніемъ, представляется на утвержденіе князя.

Частная переписка и частныя телеграфическія депеши составляютъ тайну и считаются неприкосновенными. Жителямъ предоставляется право собираться между собой для обсужденія всякаго рода вопросовъ безъ предварительнаго на то разрѣшенія. Печать свободна. Никакой цензуры не допускается и никакого залога не требуется отъ авторовъ, издателей и типографщиковъ. Первоначальное обученіе безплатно и обязательно для всѣхъ подданныхъ Болгарскаго княжества.

Вотъ какія либеральныя учрежденія выработаны были представителями народа въ этой еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ совсѣмъ подавленной странѣ.

Теперь въ молодомъ княжествѣ вся администрація состоитъ изъ болгаръ; оно могло уже въ прошломъ году выставить болѣе 70 тысячъ вооруженныхъ и хорошо обученныхъ солдатъ. Число школъ увеличивается съ каждымъ днемъ. При этомъ школьныя зданія боль-

шія, сплошь украшенныя національными знаменами, флагами, вѣнками; это положительно лучшіе дома въ селахъ и городахъ. Часто, совсѣмъ въ захолустьѣ, среди убогихъ хижинъ, передъ вами выростаетъ вдругъ двухэтажное, каменное зданіе школы. На школьныхъ скамейкахъ въ настоящую минуту рядомъ съ дѣтьми вы нерѣдко встрѣтите сѣдыхъ стариковъ. «Мы теперь свободны, а свободный человѣкъ долженъ быть грамотнымъ», кричатъ они, и всѣ кого только еще ноги носятъ, бросились въ школы. Стремленіе учиться замѣчательно: родители продаютъ послѣднее достояніе, лишь бы отправить тѣхъ дѣтей, которые уже грамотны, въ какое нибудь среднеучебное заведеніе. Но, къ сожалѣнію, этихъ среднеучебныхъ заведеній еще очень мало; однако деньги на нихъ уже есть, но чувствуется большой недостатокъ въ учителяхъ. Есть мѣстности въ новомъ княжествѣ, гдѣ самые богатые крестьяне рѣшили въ теченіи 5-ти лѣтъ отдавать пятую часть своихъ доходовъ, чтобъ выстроить въ это время какое нибудь среднеучебное заведеніе и найти учителей. Болгары стали проникать теперь всюду, куда до сихъ поръ имъ были закрыты пути. Гдѣ еще недавно торговали турки, теперь торгуютъ болгары.

Число клубовъ и здѣсь быстро увеличивается: въ нихъ приготовляются къ выборамъ, агитируютъ, читаютъ, произносятъ рѣчи, группируются по партіямъ. Клубы эти имѣютъ въ высшей степени скромныя помѣщенія, такъ какъ вожаки и устроители ихъ боятся, что роскошная обстановка оттолкнетъ бѣдняковъ. Теперь собираются здѣсь всѣ, и богатые, и бѣдные; нерѣдко заѣзжаетъ и хлѣбопашецъ прямо съ своего поля. Здѣсь читаютъ, учатся, спорятъ.

Число періодическихъ изданій въ Болгаріи постоянно увеличивается; но ни одна газета не расходится еще болѣе 2,800 экземпляровъ. «Цѣлокупна (т. е. соединенная или вся) Болгарія» издается Славейковымъ, болгарскимъ поэтомъ и старѣйшимъ журналистомъ; направленія она либеральнаго и служитъ представительницей интересовъ такъ называемой національной партіи. «Болгаринъ»—газета національнаго направленія. Появились газеты и съ спеціальною цѣлью очистить болгарскій языкъ отъ турецкихъ, греческихъ и другихъ иностранныхъ словъ. Однимъ словомъ, въ молодомъ княжествѣ теперь обновленіе и оживленіе во всѣхъ сферахъ жизни. Нужно удивляться, какъ быстро самая несчастная и угнетенная страна проявляетъ свои жизненныя силы при первомъ вѣяніи свободы!...

Жилища болгаръ.—Пища.—Климатъ страны.—Богатства природы.—Шелководство.—Обработка рису и табаку.—Сборъ винограда и розъ—любимое занятіе болгарской молодежи.—Грецкіе орѣхи.—Сливы.—Лѣса.—Минеральные источники.—Желѣзная руда.—Обиліе воды.—Характеръ болгарина и его замѣчательная склонность къ промышленности.—Болгарскіе ковры.—Сукно.—Кожи.—Земледѣліе.—Почему все въ такомъ упадкѣ въ этой благословенной странѣ.

Болгарскія селенія и крестьянскіе дома, съ бѣлыми стѣнами, окруженные зеленью и нерѣдко съ красноватыми черепичными крышами, издали очень привлекательны, но совсѣмъ другое впечатлѣніе производятъ они на путешественника, когда онъ приближается къ нимъ.

Почти 500 лѣтнее иго турокъ привело Болгаръ къ страшной бѣдности, и жалкихъ деревень болѣе чѣмъ зажиточныхъ. Дома состоятъ обыкновенно изъ вбитыхъ въ землю, грубо обтесанныхъ брусьевъ, переплетенныхъ древесными вѣтками. Переплетъ этотъ снаружи и внутри обмазываютъ глиною, смѣшанною съ навозомъ и соломой. Стѣны

бѣлятъ известкой, а крышу покрываютъ черепицею, а иногда соломою. Внутри домъ обыкновенно раздѣленъ на двѣ комнаты, которыя отличаются большой опрятностью. Кромѣ того есть еще кладовая, гдѣ прячутъ съѣстные припасы. Обстановка жилищъ весьма бѣдная. Земляной полъ плотно утоптанъ и покрытъ рогожками и шерстяннымъ коврикомъ домашней работы. Два, три сундука составляютъ обыкновенно всю мебель. Очень часто вся семья спитъ въ повалку, вокругъ очага, который въ холодное время никогда не гасятъ и на которомъ днемъ готовятъ обѣдъ. Русскаго человѣка въ жилищѣ болгарина болѣе всего поражаетъ отсутствіе печей, скамеекъ и столовъ. Обиліе цыновокъ, ковровъ, постелей, подушекъ, одѣялъ, которое находишь даже въ самомъ бѣдномъ жилищѣ, не вознаграждаютъ за необходимость сидѣть на полу, по восточному обычаю, съ поджатыми ногами. Болгары даже и тамъ, гдѣ можно провести ночь съ большимъ комфортомъ, никогда не раздѣваются, ложась спать, и никогда почти не моются, развѣ уже передъ какимъ нибудь большимъ праздникомъ. Постели, свернутыя въ трубку, днемъ убираютъ въ одинъ изъ угловъ комнаты. Въ жилищахъ болѣе зажиточныхъ людей, какъ и у турокъ, вдоль стѣнъ стоятъ диваны. А еще чаще скамейки съ тюфяками, покрытые цвѣтной матеріей. У одной изъ стѣнъ углубленіе, въ которомъ помѣщаютъ грубо намалеванные образа: св. Дмитрія, Кузьмы и Демьяна, Кирилла и Мефодія, Іоанна Крестителя и т. п. Передъ болѣе почитаемыми иконами горитъ лампадка. На полкахъ на первомъ мѣстѣ стоитъ кофейникъ, чашки, глиняная посуда и другіе предметы домашняго обихода. Въ углу непремѣнно стоитъ *мангалъ*—мѣдный или желѣзный тазъ на трехъ ножкахъ, въ которомъ горятъ угли; вокругъ него въ холодные дни собираются болгары и грѣютъ ноги. Чѣмъ богаче болгаринъ, тѣмъ болѣе найдете вы у него мѣдной посуды. Пищу варятъ на очагѣ, надъ которымъ виситъ мѣдный котелъ. Но бѣденъ или богатъ хозяинъ, вездѣ царствуетъ необыкновенная чистота; полъ хотя и земляной, но этого не замѣтишь съ перваго раза,—такъ онъ всегда чисто выметенъ, такъ плотно убита на немъ земля. Вездѣ пыль вытерта, все стоитъ на своемъ мѣстѣ, каждый уголокъ говоритъ о сильной привязанности къ домашнему очагу, о любви къ тихому, семейному счастію и о необыкновенной домовитости и хозяйственности.

При каждомъ домѣ есть огороженный дворъ; волы и буйволы, которыми болгары обработываютъ свои поля, стоятъ въ хлѣвахъ. Главное богатство каждаго болгарина—множество домашней птицы: гусей, утокъ, куръ, индѣекъ. Однако за столомъ болгарина вы чрезвычайно рѣдко найдете птицу; онъ держитъ ее для продажи, хотя она стоитъ здѣсь баснословно дешево. Но болгарина до сихъ поръ душили налогами и податями, и не смотря на то, что птица доставляла ему самый ничтожный доходъ, онъ считалъ для себя роскошью имѣть ее за своимъ столомъ.

Особенною бѣдностью жилища болгаръ поражаютъ на сѣверѣ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они живутъ даже въ подземельяхъ, въ какихъ то ужасныхъ землянкахъ. Чтобы войти въ такое жилищѣ, нужно спуститься на 2, на 3 аршина въ землю, всегда по скользкимъ, а зимою по обледенѣлымъ ступенькамъ. Отворивъ низенькую дверь, сразу очутишься въ какомъ-то темномъ сыромъ пространствѣ, изъ котораго несетъ страшною вонью. Вмѣсто пола—подъ ногами липкая грязь. Когда глазъ привыкнетъ къ темнотѣ, первое, что различишь,—пара воловъ, которые стоятъ въ сторонкѣ, на навозной подстилкѣ. На балкѣ у потолка развѣшаны кочни капусты, чеснокъ, лукъ, кукуруза и наконецъ красный стручковый перецъ — лакомство болгаръ всѣхъ возрастовъ. Здѣсь же висятъ для просушки воловьи шкуры, которыя вмѣстѣ съ живыми экземплярами этихъ животныхъ издаютъ ужасный запахъ. Стѣны осенью покрыты плесенью отъ сырости, а зимою серебристымъ налетомъ изморози. Въ оконцѣ

такой хаты, которое приходится на одномъ уровнѣ съ наружнымъ землянымъ грунтомъ, валитъ снѣгъ, льетъ дождевая вода, бѣжитъ жидкая грязь.

Главная пища болгаръ «чорба», т. е. бобовая похлебка, приправленная перцемъ и уксусомъ. Разъ, а иногда и два раза въ день, хозяйка печетъ кукурузныя лепешки и приготовляетъ ихъ самымъ первобытнымъ способомъ, зарывая тѣсто въ горячую золу. Ѣдятъ также хлѣбъ съ чеснокомъ и лукомъ, разную зелень, овощи. Изъ печеній болѣе всего любятъ пирогъ, который называется «баница» и считается самымъ лакомымъ блюдомъ. Въ большіе праздники, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приготовляютъ пилавъ, т. е. разваренный рисъ, въ которомъ покрошено нѣсколько кусочковъ баранины. Въ этихъ случаяхъ нѣсколько семействъ складывается, чтобы заколоть барана.

Между тѣмъ, что за чудный климатъ въ Болгаріи, что это за благословенная страна! Не смотря на то, что въ странѣ множество высокихъ горъ и что снѣгъ лежитъ всю зиму по скатамъ вершинъ, большая часть Болгаріи еще до сихъ поръ одна изъ плодороднѣйшихъ странъ въ Европѣ. Всѣ продукты умѣреннаго климата произрастаютъ здѣсь въ изобиліи. Черноземъ вездѣ, его можно встрѣтить даже и на самыхъ вершинахъ. Страна эта отличается чрезвычайно мягкимъ климатомъ. Между тѣмъ высокія вершины Балканъ еще въ октябрѣ покрыты снѣгомъ и представляютъ разительный контрастъ съ роскошною растительностью равнинъ и горныхъ долинъ, еще сохраняющихъ въ это время всю свою свѣжесть. Здѣшній климатъ вообще очень здоровъ, и иностранцы скоро привыкаютъ къ нему. Только Дунайская низменность у Виддина и Силистріи и низменность Марицы пользуются дурною славою и служатъ разсадникомъ лихорадокъ въ жаркое время года. Впрочемъ частые случаи ломоты въ костяхъ, чѣмъ такъ страдаютъ здѣшніе жители, не столько происходятъ отъ быстрыхъ перемѣнъ погоды, сколько отъ привычки спать на земляномъ полу.

Мягкій климатъ благопріятствуетъ шелководству. Оно распространено по всей Болгаріи; но болѣе всего въ окрестностяхъ Тырнова и Адріанополя. Итальянскіе торговцы дорого платятъ за яйца болгарскихъ шелковичныхъ червей. Заботливое правительство могло бы сдѣлать выгодную статью дохода изъ болгарскаго шелководства, которымъ славились здѣшнія мѣстности еще во времена Византіи.

Рисъ составляетъ важную статью дохода. Въ одной Болгаріи его добываютъ до полутора милліона окъ (одно око приблизительно около 3-хъ нашихъ фунтовъ). Табакъ выдѣлывается въ огромномъ количествѣ.

Виноградъ здѣсь чрезвычайно хорошъ и родится его очень много: не смотря на то, что вино изъ него выдѣлывается первобытнымъ способомъ, оно отличается, по отзыву всѣхъ знатоковъ, самыми высокими качествами; оно дешевле здѣсь самаго простаго англійскаго пива.

Сборъ винограда осенью—самое любимое занятіе сельскихъ дѣвушекъ. Для этого собираются онѣ со всѣхъ селъ, разряженныя, какъ на самый большой праздникъ: въ бѣлоснѣжныхъ вышитыхъ рубашкахъ, на шеѣ красное коралловое ожерелье или нанизанныя монетки и бусы; головы покрыты бѣлымъ платкомъ или убраны вѣнкомъ изъ виноградныхъ лозъ; иногда длинныя, распущенныя косы сплошь унизаны раковинами, перевиты ленточками, бусами, старинными деньгами и т. п. На рукахъ почти у всѣхъ тяжелые, мѣдные, блестящіе браслеты и огромныя серьги въ ушахъ.

Собирая виноградъ, дѣвушки поютъ разныя пѣсни; сначала поетъ одна деревня, потомъ другая и такимъ образомъ поютъ онѣ до тѣхъ поръ, пока выскажутъ все, что есть въ ихъ жизни веселаго или печальнаго. Взаключеніе онѣ обращаются съ пѣснею къ хозяину виноградника: если онъ холостъ, зачѣмъ онъ не женится; если женатъ и у него дѣти, зачѣмъ ихъ не женитъ. Тутъ же телѣга виноградаря, нагруженная полными

бочками, спускается внизъ къ селу, а дѣти съ раскраснѣвшимися личиками бѣгутъ за нею и весело кричатъ. Тамъ другой перевозчикъ, облокотившись на ярмо вола, готовится послѣдовать за первою телѣгою.

Сборъ грецкихъ орѣховъ составляетъ не менѣе прибыльную статью дохода. Говорятъ, онъ дастъ ежегодно до 3-хъ милліоновъ піастровъ. Орѣшники отличаются такой высотой и такимъ множествомъ густыхъ вѣтвей, что подобные имъ встрѣчаются только развѣ въ Малой Азіи. Французскіе торговцы покупаютъ стволы этого дерева по очень высокой цѣнѣ.

Производство розоваго масла на южномъ склонѣ Балканъ составляетъ очень выгодную статью дохода въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Масло это продается очень дорого и расходится по всей Европѣ въ маленькихъ закупоренныхъ склянкахъ.

Болѣе всего розъ ростетъ въ долинѣ Казанлыка, поэтому ее и называютъ обыкновенно «Долиною Розъ». Долину эту (лежащую при подошвѣ Гемуса) болгары превратили въ прелестную страну, богатѣйшую въ земледѣльческомъ отношеніи. Городъ Казанлыкъ окруженъ великолѣпными орѣховыми деревьями и полями розовыхъ кустовъ, изъ которыхъ и добывается знаменитое «розовое масло», составляющее предметъ значительной торговли на всемъ востокѣ.

Долина Розъ дѣйствительно прекрасна и вполнѣ заслуживаетъ свое поэтическое названіе. Точно кольцомъ оцѣпили ее величавыя Балканы, охраняя такимъ образомъ отъ холодныхъ и рѣзкихъ вѣтровъ. Поэтому климатъ здѣсь чрезвычайно мягкій, снѣгъ выпадаетъ рѣдкую зиму; быстрые и прозрачные ручейки, спадающіе съ горъ, извиваясь въ разныхъ направленіяхъ, умѣряютъ лѣтомъ зной и предохраняютъ почву отъ засухи. Растительность въ этой долинѣ просто изумительна! Могучіе дубы, буки, платаны стоятъ цѣлыми рощами. Орѣховое дерево, яблони, груши, сливы попадаются такъ же часто, какъ у насъ рябина. По сторонамъ дороги тянется непрерывный рядъ тутовыхъ и розовыхъ плантацій; горныя склоны покрыты виноградниками. Плющъ прихотливыми узорами покрываетъ стѣны домовъ и мечетей, заборы и стволы толстыхъ деревьевъ. Но болѣе всего ростетъ здѣсь розъ: ихъ кусты вездѣ тянутся правильными рядами по грядкамъ плантацій. Когда розы начинаютъ цвѣсти, трудно вообразить, какое дивное благоуханіе несется отовсюду на цѣлые десятки верстъ въ окрестности.

Сборъ розъ, любимое занятіе болгарской молодежи и она ждетъ его съ нетерпѣніемъ. Чтобы сохранить силу и свѣжесть аромата этихъ прелестныхъ цвѣтовъ, ихъ собираютъ на разсвѣтѣ, еще до солнечнаго восхода, когда полураскрывшіеся бутоны еще обрызганы росою. Народъ веселою толпою, настроенный по праздничному и разодѣтый въ лучшія платья, отправляется къ этимъ розовымъ плантаціямъ съ корзинами въ рукахъ. Съ веселымъ говоромъ, съ шутками и пѣснями дѣвушки срываютъ бутоны и бросаютъ ихъ въ корзины. Молодые люди неутомимо помогаютъ имъ, ожидая при окончаніи получить въ награду бутонъ, который они тутъ же прикалываютъ къ шляпѣ. Корзины дѣвушекъ уже черезъ нѣсколько минутъ полны до краевъ, но и головы ихъ тоже оказываются сплошь убранными цвѣтами. Дѣти веселой гурьбой шныряютъ взадъ и впередъ, выхватываютъ переполненныя корзины и бѣгутъ высыпать ихъ, передъ пожилыми женщинами, которыя тутъ же, въ сторонѣ, сидя въ тѣни деревьевъ, занимаются сортировкою розъ. Эта прелестная, оригинальная картина принимаетъ еще болѣе поэтическій видъ, когда работа сопровождается пѣніемъ соловьевъ, что случается здѣсь не рѣдко.

Балканскія горы до высочайшихъ вершинъ покрыты буками и дубами и только въ немногихъ мѣстахъ хвойными деревьями. Орѣшникъ, шелковичныя и плодовыя деревья разсѣяны по всей странѣ. Сливъ просто не оберешься: онѣ доставляютъ болгарамъ ихъ

любимый напитокъ «ракію» (водка). Производство ракіи и спирта, на которые употребляютъ и дикіе яблоки, здѣсь въ большомъ ходу. Лѣсовъ много, и въ Македоніи и Ѳракіи производится большой торгъ строевымъ лѣсомъ.

Болгарія очень богата также минеральными источниками. Нерѣдко встрѣчаются ключи въ 47° теплоты по Ц. На границѣ Сербіи при подошвѣ одной горы есть теплый ключъ, изъ котораго вода бьетъ струею, толщиною въ руку; въ 60-ти шагахъ отъ этого мѣста, въ той же долинѣ, бьетъ самый чистый холодный источникъ; оба эти ключа имѣютъ минеральное свойство. Въ землѣ кроется также много минеральныхъ богатствъ. Особенною извѣстностью пользуются залежи желѣза въ Сомаковѣ (верстахъ въ 40 къ югу отъ Софіи), но разрабатываются они самымъ первобытнымъ образомъ, такъ что прибыли отъ этихъ залежей самыя ничтожныя.

Изобиліе воды въ Болгаріи способствуетъ промышленнымъ предпріятіямъ и здѣсь почти повсемѣстно примѣняется ея сила. Нерѣдко довольно большой заводъ управляется пятью, шестью рабочими,—сила воды замѣняетъ все остальное.

Наконецъ въ здѣшнихъ горахъ находятъ даже золотой и серебряный песокъ. Практическіе люди смотрѣть не могутъ равнодушно па эти богатства. «Боже!» восклицаютъ они, «что за благословенная страна! Желѣзная руда въ изобиліи, топлива пропасть, водяная сила къ услугамъ человѣка.... Какъ обогатилась бы страна, какіе баснословные барыши можно было бы получить только отъ примѣненія новыхъ способовъ къ виподѣлію и шелководству!» Между тѣмъ промышленность въ упадкѣ и народъ въ этой богатѣйшей въ мірѣ странѣ далеко не всегда и не вездѣ благоденствуетъ. Но почему же это? Можетъ быть это неразвитое, невѣжественное и суевѣрное болгарское племя ничѣмъ не умѣетъ воспользоваться, ни на что неспособно? Напротивъ, по отзыву всѣхъ извѣстныхъ путешественниковъ, изъ всѣхъ народовъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, болгарское племя самое трудолюбивое, самое смышленое и даже самое артистическое. Нравы болгаръ отличаются необыкновенною, чисто голубиною кротостью. Даже ихъ злѣйшіе враги турки въ своихъ оффиціальныхъ отчетахъ и сношеніяхъ не иначе отзываются о болгарахъ, какъ о людяхъ замѣчательно «кроткаго характера и патріархальныхъ нравовъ». Они одарены врожденнымъ чувствомъ пониманія симметріи и формы, необыкновенною ловкостью и проворствомъ въ рукахъ и главное огромнымъ архитектурнымъ талантомъ, который сказывается въ постройкѣ домовъ, въ гидравлическихъ работахъ, въ сооруженіи мостовъ и церквей. Лучшій изъ болгарскихъ мостовъ Янтрскій у Белы сооруженъ двумя доморощенными болгарскими зодчими. Церкви, синагоги и даже мечети болѣе значительныхъ городовъ съ ихъ смѣлыми минаретами и куполами также воздвигнуты необразованными болгарами, едва владѣющими карандашемъ. Всѣ, посѣщавшіе Болгарію, приходятъ въ неописанное удивленіе отъ безчисленныхъ произведеній болгарской промышленности, доведенной до высшей степени совершенства, какъ напр. *серебряныя* и *желѣзныя издѣлія*, *ковры*, *кисея*, *рѣзьба на деревѣ* и т. п. Особенно ковры по своей прочности, яркости красокъ, по художественности своего узора и по дешевизнѣ могли бы поспорить съ лучшими произведеніями этого рода во всемъ свѣтѣ. Они ткутся на обѣ стороны: одна износилась, на другую переверните, да имъ и износу нѣтъ! Болѣе всего этихъ ковровъ выработывается въ Пиротѣ. Здѣсь въ каждомъ домѣ и старухи, и молодыя дѣвушки сидятъ за станками всевозможныхъ размѣровъ. Въ каждой лавкѣ ковры. Но въ Европѣ ихъ совсѣмъ не знаютъ; мало того, ихъ мало знаютъ даже въ Сербіи; до сихъ поръ только турки наполняли ими свои гаремы и селямлики. Въ небольшомъ городкѣ Сомаковѣ выдѣлывается такое сукно, которое, какъ своими высшими, такъ и низшими сортами, съ успѣхомъ можетъ конкурировать съ англійскими. Одинъ англичанинъ купилъ себѣ Сомаковскаго сукна, уѣхалъ въ Лондонъ и заказалъ тамъ сшить

изъ него платье. Специалисты и знатоки не хотѣли вѣрить, что такое сукно выдѣлывается въ болгаріи. Право непостижимо, какъ могли уцѣлѣть эти способности, этотъ высоко-художественный вкусъ ко всему у этого истерзаннаго, изстрадавшагося племени.

Самая громадная часть кожи, употребляемая на перчатки, идетъ въ Европу изъ Болгаріи. Особенно развита эта промышленность въ Софіи. Куда ни взглянете, даже на самыя мелкія домашнія работы, все заставляетъ васъ глубоко жалѣть, что не дано высшаго развитія несомнѣннымъ художественнымъ способностямъ этого талантливаго южно-славянскаго племени.

Недостатокъ техническихъ школъ и среднеучебныхъ заведеній, отсутствіе правильнаго размежеванія и опредѣленія цѣнности земли, уплата слишкомъ тяжелыхъ податей, раззореніе турками въ 1876 году, отчаянное положеніе во время войны, плохое состояніе путей сообщенія, все это сильно вредитъ земледѣлію. Турецкое правительство не принимало никакихъ мѣръ, а правительство молодаго княжества еще не успѣло предпринять что нибудь существенное, чтобы сдѣлать рѣки судоходными и улучшить гавани. Плаваніе по классической рѣкѣ Гебросъ (Марица), протекающей по богатымъ равнинамъ Адріанополя и Филиппополя, совершается самымъ первобытнымъ образомъ посредствомъ плотовъ. Многія рѣки, служащія единственными путями сообщенія между нѣкоторыми рынками, скоро совсѣмъ будутъ занесены пескомъ. Провозъ по рѣкѣ хлѣба стоитъ страшно дорого. Такимъ образомъ болгары обработываютъ земли столько, сколько это нужно для удовлетворенія ихъ собственныхъ потребностей и для уплаты податей. Если бы провозъ хлѣба не стоилъ такъ дорого и пути сообщенія не были такъ затруднительны, однимъ словомъ, если бы страна покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, земледѣліе немедленно сдѣлало бы большіе успѣхи. Въ настоящее же время большая часть тучной, богатой и производительной черноземной болгарской земли остается совершенно невоздѣланной. Густой кустарникъ покрываетъ огромныя пространства плодороднѣйшей земли, которая могла бы прокормить населеніе втрое больше нынѣшняго.

Земледѣльческія работы производятся самымъ первобытнымъ способомъ. Молотятъ съ помощью быковъ или лошадей, которыхъ кругомъ гоняютъ по снопамъ. Лошади при этомъ тащатъ за собою широкое бревно, на нижней сторонѣ котораго вбиты острые зубцы. Это дѣлается для того, чтобъ одновременно съ молотьбою превратить солому въ рѣзку, которая идетъ здѣсь на кирпичное производство. Нужно замѣтить кстати, что въ Болгаріи встрѣчаются очень большіе кирпичные заводы. При такой молотьбѣ дѣйствительно дѣлается два дѣла: обмолачивается зерно и рѣжется солома, но за то сильно портится зерно. Но всего замѣчательнѣе въ земледѣліи болгаръ то, что они безъ всякихъ спеціальныхъ знаній устроиваютъ дренажныя трубы для отвода воды, искусное устройство которыхъ приводитъ въ изумленіе спеціалистовъ, долго и научно изучавшихъ это дѣло.

Видъ Балканскихъ горъ.—Пастухи.—Суевѣрія народа.—Вліяніе монастырей.—Молитва болгарокъ передъ черепами умершихъ.—Жизнь монаховъ.

Мы уже знаемъ, что природа Балканскихъ горъ необыкновенно способствовала развитію гайдукской жизни болгарской молодежи. И это понятно. Представьте себѣ громадныя, необыкновенно живописныя и вмѣстѣ дикія горы, то нагроможденныя

ВВаснецовъ
М РАШЕВСКИЙ

одна на другую, мрачныя и безплодныя, то одѣтыя роскошной растительностью и блестящія всевозможными цвѣтами. И куда ни обратите вы здѣсь взоры, всюду встрѣтите новую картину. Тамъ и сямъ на тучныхъ пастбищахъ играютъ молодые ягнята; козлята съ необыкновеннымъ проворствомъ лазаютъ по скаламъ, подталкивая другъ друга и бодаясь своими рожками. Здѣсь растилаются огромныя равнины, усѣянныя городами, деревнями, рощами. А что за прелестный видъ у подошвы горы, сплошь унизанной садами розъ! Молодыя дѣвушки, убравъ вѣнками свои головы, безпрестанно откидываютъ назадъ свои косы, которыя вмѣстѣ съ цвѣтами попадаютъ имъ въ руки. Одна изъ нихъ отдѣлилась отъ подругъ, съ заступомъ въ рукѣ идетъ въ виноградникъ перекапывать лозы, напѣвая родную пѣсню; юнакъ запрягъ своихъ сѣрыхъ воловъ и отправляется пахать на ниву... Далѣе тянутся цѣпи горъ съ своими голыми, снѣжными вершинами, которыя теряются въ облакахъ. Ничего живаго тутъ не видно, только сѣрый орелъ высоко поднялся въ воздухѣ. Тутъ всюду обрывы, скалы, быстрые потоки и рѣки съ высокими и разноцвѣтными берегами изъ красной, бѣлой и синей глины. Дальше царство тьмы, высокій черный лѣсъ, съ страшными утесами и пропастями; черезъ лѣсъ идетъ одна какая нибудь узкая дорожка и съ одного ея бока пропасть, а съ другаго высокая скала. Въ этихъ то непроходимыхъ горахъ, среди дикихъ ущелій и бурныхъ потоковъ, и скрывались цѣлыя шайки разбойниковъ; сюда бѣжало все гонимое, все страждущее. Нѣсколько ниже уже замѣтна растительность: сначала идутъ мелкіе кустарники бука, потомъ дубовые лѣса, а тамъ виноградники. Здѣсь и тамъ пасутся стада, побрякивая колокольчиками; на толстой вѣтви виситъ большой котелъ, а подъ нимъ трещитъ огонь, вокругъ котораго сидятъ пастухи.

Любопытно смотрѣть на этихъ пастуховъ, когда они весною съ своими стадами, въ сопровожденіи гигантскихъ собакъ и съ цѣлой массою котловъ и посуды для сыроваренія, отправляются на тучныя пастбища Балканскихъ горъ. Верхушки деревьевъ или крошечные шалаши служатъ имъ убѣжищемъ. Небольшое количество хлѣба, молока, которое они тутъ же получаютъ отъ козъ, сыръ и похлебка, служатъ имъ пищею. Только поздно осенью возвращаются они въ свою родную долину. Если имъ удалось сохранить стадо въ цѣлости, они весело и громко наигрываютъ на свирѣли. Эхо Балканскихъ лѣсовъ далеко разноситъ эти звуки. Одежда этихъ пастуховъ чрезвычайно оригинальна. Они въ узкихъ бѣлыхъ штанахъ, въ кожухѣ, который разукрашенъ разноцвѣтными сафьянными лоскутками; обуты они въ кожанныя лапти и бѣлыя онучки, обвиты черными ремнями вплоть до самыхъ колѣнъ. Каждый опоясанъ краснымъ кушакомъ, у котораго на цѣпочкѣ виситъ ножикъ, кисетъ съ табакомъ и красиво сплетенный футляръ съ ложкою. За поясомъ непремѣнно торчитъ пистолетъ, а на головѣ черная баранья шапка. Пастухи эти сидятъ кругомъ огня и въ ожиданіи, когда сварится ихъ похлебка изъ муки, они разсказываютъ другъ другу про своихъ богатырей и защитниковъ своей родины: про Стояна, Марка Кралевича и Дойчина. Надоѣло болтать, и одинъ изъ нихъ вынимаетъ свою свирѣль и затягиваетъ пѣсню. Но не все пѣть и сказывать о герояхъ. Чудная и дикая природа Балканскихъ горъ не только поддерживаетъ въ нихъ геройскій духъ, но и обыкновенно заставляетъ всѣхъ болгаръ облекать древнія языческія вѣрованія въ еще болѣе фантастическую форму. Не успѣлъ еще кончить пастухъ своей пѣсни, какъ двое его товарищей отошли отъ него и стали другъ другу передавать разныя страсти. Одинъ разсказываетъ, какъ его дядя Петко, пася свои стада въ горахъ, собственными глазами видѣлъ, какъ каждый разъ, Богъ знаетъ откуда, вдругъ являлся цѣлый хороводъ такихъ красавицъ, которыхъ еще отродясь никто не видалъ на бѣломъ свѣтѣ. Онѣ кружились и пѣли, а потомъ вдругъ точно сквозь землю провалились, куда-то исчезли. А то также у фонтана сидѣлъ турокъ, курилъ трубку да

и задремалъ. Что имъ дѣлать, какъ не дремать; если турокъ не ходитъ, такъ онъ, извѣстно, всегда дремлетъ, а то такъ даже и походя дремлетъ. Только онъ это по своему обычаю задремалъ, а *самодивы* тутъ-какъ тутъ: обступили спящаго, стали кругомъ его хороводомъ кружиться, плясать. Потомъ одна наклонилась надъ нимъ и всѣ вдругъ исчезли. Проснулся турокъ, хочетъ подняться, да какъ-бы не такъ — ничего не видитъ,—*самодивы* его ослѣпили.

«Это еще что! возражаетъ другой, самодивы рѣдко дѣлаютъ зло человѣку. А вотъ *юди* (ихъ также называютъ *стіи*;—это въ родѣ нашихъ русалокъ), такъ отъ нихъ и не думай спастись, сейчасъ утащутъ въ воду...» и долго, долго разсказываетъ юнакъ товарищу, какъ эти женщины живутъ въ водѣ, какъ иногда онѣ выходятъ ночью на берегъ, разчесываютъ свои длинныя косы и увлекаютъ проходящихъ въ воду; при этомъ онъ, конечно, прибавляетъ, что больше всего достается отъ нихъ турецкому отродью.

Въ самовилъ и самодивъ—(феи, въ родѣ сербскихъ вилъ и нѣмецкихъ эльфовъ) вѣритъ весь болгарскій народъ. По ихъ понятію эти феи господствуютъ надъ полемъ, лѣсомъ, рощами, ключами и долинами. Въ честь ихъ установлены даже праздники, которые празднуются въ продолженіи 8-ми дней. Во время этихъ праздниковъ, которые во многихъ мѣстностяхъ справляютъ до наступленія лѣтнихъ дождей, приводятъ и приносятъ въ лѣсныя прогалины, гдѣ ростутъ розы (любимая пища самовилъ) множество больныхъ, страждущихъ меланхоліей, умопомѣшательствомъ, падучей и другими неизлечимыми болѣзнями. Этихъ больныхъ такъ и оставляютъ на ночь одшихъ въ лѣсу, въ томъ убѣжденіи, что вилы въ свой праздникъ соберутся сюда и будутъ водить хороводы вокругъ больныхъ и рѣшатъ ихъ судьбу—жить имъ или умереть.

Вѣра въ самовилъ такъ сильна, что болгарскія женщины, не смотря на то, что чрезвычайно любятъ украшать голову цвѣтами, никогда не приколятъ дикихъ розъ къ своимъ волосамъ, опасаясь несчастья въ томъ случаѣ, если вилы прикоснулись къ нимъ.

Образованный врачъ не имѣлъ бы здѣсь никакой практики. Для исцѣленія глазъ народъ ходитъ къ ключамъ, которые слывутъ цѣлебными въ глазной болѣзни и въ другихъ случаяхъ. Большая часть болѣзней лечится заклинаніями, но это далеко не приноситъ такого вреда, какъ лекарки, которыя для излеченія употребляютъ самыя варварскія средства. Въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ больнымъ прикладываютъ къ груди раскаленный металлическій крестъ, въ другихъ—накалываютъ булавками различныя части тѣла. На могилу только-что умершаго человѣка втыкаютъ три веретена въ надеждѣ отогнать отъ него злаго духа. Въ каждой деревнѣ есть «вѣдунья», знающаяся съ домовыми: ее боится не только народъ, но даже мѣстные священники оказываютъ ей вниманіе и уваженіе, и нерѣдко сами прибѣгаютъ къ ней за совѣтами. Здѣшнее духовенство крайне невѣжественно и усвоило себѣ только внѣшнюю форму христіанства, поэтому между болгарами до сихъ поръ сохранилось множество языческихъ и старо-славянскихъ обычаевъ. Между ними первое мѣсто занимаютъ всѣ обычаи по отношенію къ мертвымъ. По понятіямъ народа покойникъ не долженъ ни въ чемъ нуждаться, и живые обязаны какъ можно чаще доказывать ему, что они его помнятъ. Память о покойникѣ и желаніе доставить ему все нужное должно выражаться прежде всего въ томъ, чтобъ какъ можно чаще носить ему на могилу пищу и питье. Вѣра эта такъ глубоко коренится въ болгарахъ, что лишь только какой нибудь женщинѣ приснится ея умершій мужъ или родственникъ, она тотчасъ должна нести ему на могилу ѣду и питье.

Три года спустя послѣ погребенія, кости усопшихъ выкапываютъ изъ земли, перемываютъ, складываютъ въ полотняный мѣшокъ, приносятъ въ церковь и кладутъ пе-

редъ епископскимъ трономъ, который существуетъ здѣсь даже и въ маленькихъ деревенскихъ церквахъ. Священникъ благословляетъ кости и ихъ погребаютъ снова. По совершеніи этого вторичнаго погребенія, ближайшіе родственники ходятъ на могилу покойника въ пятницу вечеромъ и въ субботу утромъ.

Въ Болгаріи, какъ и во всѣхъ южно-славянскихъ земляхъ, распространена вѣра въ вампировъ. Въ Сербіи ихъ называютъ «вукодлаками», въ Болгаріи—«вампирами». Вампирами, по ихъ мнѣнію, скорѣе всего дѣлаются люди, занимающіеся колдовствомъ. Можно, говорятъ они, сдѣлаться вампиромъ совершенно случайно. Всего чаще являются вампиры въ тѣхъ случаяхъ, когда какой нибудь каменьщикъ, при закладкѣ дома, уловитъ мимо проходящую тѣнь и замуруетъ ее въ фундаментѣ.

Объ искорненіи суевѣрій духовенство ни мало не заботится — впрочемъ по своему невѣжеству оно и не можетъ этого сдѣлать. Суевѣрія крѣпко живутъ въ народѣ и вслѣдствіе изобилія невѣжественныхъ монаховъ въ Болгаріи. На склонахъ и въ ущельяхъ Балканъ особенно много сгруппировалось монастырей и тамъ часто, на разстояніи 3—4-хъ часовъ ходьбы, можно встрѣтить 2—3 монастыря.

Самый замѣчательный изъ болгарскихъ монастырей Рыльскій съ 120 монахами. Въ немъ существуетъ, между прочимъ, часовня, гдѣ можно видѣть множество череповъ на алтарѣ. Положить черепъ на алтарь здѣсь значитъ оказать большую почесть усопшему, за что родственники его охотно платятъ. Въ Рыльскомъ монастырѣ, какъ и въ другихъ болгарскихъ монастыряхъ, умершихъ нерѣдко выкапываютъ для того, чтобы судить, по состоянію ихъ тѣлъ, въ раю или въ аду ихъ души.

Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ существуютъ склепы, сплошь уставленные маленькими ящиками, въ которыхъ сохраняютъ черепа умершихъ монаховъ, съ надписью ихъ именъ и съ знаками креста. Въ извѣстные дни сюда собираются болгарки и разыскиваютъ черепа тѣхъ монаховъ, которые имъ приходились родственниками или были имъ близки. Не смотря на то, что женщины эти безграмотны, каждая быстро находитъ черепъ, который ей нуженъ, приклеиваетъ къ нему горящую, восковую свѣчку, отходитъ на нѣсколько шаговъ и начинаетъ молиться о спасеніи души усопшаго. Нерѣдко собирается сразу нѣсколько женщинъ, и когда всѣ онѣ прилѣпятъ горящія свѣчи къ черепамъ и среди гробовой тишины молятся въ этомъ склепѣ, это производитъ оригинальное впечатлѣніе.

Болгарскіе монахи далеко не аскеты: свою келью въ монастырѣ они удобно отдѣлываютъ коврами и подушками для сидѣнья, чрезвычайно любятъ принимать гостей, и потому у каждаго изъ нихъ въ комнатѣ найдется нѣсколько чубуковъ и кое-что изъ посуды. Ихъ подушки для сидѣнья сдѣланы красиво и со вкусомъ, и говорятъ о томъ, что онѣ сработаны женскими руками. На стѣнахъ висятъ иконы святыхъ, фотографіи друзей и родныхъ, литографіи экзарховъ. Книгъ найдете мало, но за-то много оружія. Ружья, кинжалы, пистолеты, сѣдла висятъ не какъ праздное украшеніе, — монахи нуждаются въ нихъ для защиты, когда отправляются путешествовать. Почти всѣ они прекрасные охотники и не только изъ страсти, но и по необходимости. Многія мѣстности Балканъ богаты дичью: козули, олени, лисицы встрѣчаются во множествѣ. Медвѣди, волки, кабаны тоже не рѣдки. Шкуры волковъ найдете почти въ каждой кельѣ. Волки часто дѣлаютъ опустошенія въ монастырскихъ стадахъ и потому монахамъ нерѣдко приходится употреблять въ дѣло свое оружіе.

Монахи усердно занимаются и мирными занятіями въ своихъ кельяхъ: портняжничаютъ, чинятъ сапоги. Всѣ занятія правильно распредѣлены между ними: одни изъ нихъ наблюдаютъ за стадами, другіе за постройками, третьи занимаются ремеслами и т. д.

Обыкновенное блюдо монаховъ — баранина съ овощами и вкусное кушанье изъ сыра, яицъ и разрѣзанныхъ листьевъ капусты; но они не лишаютъ себя и мучныхъ блюдъ. Иногда появляются за обѣдомъ куры, форели, молоко, медъ, который при болгарскихъ угощеніяхъ играетъ главную роль.

Въ храмовые праздники въ монастыри собирается множество народа; къ такимъ днямъ приходится закалывать много скота. Тогда всѣ дворы и мѣста около монастыря превращаются въ огромный лагерь: ночью зажигаютъ огни, а днемъ ярмарка, на которой покупаютъ, но отъ времени до времени танцуютъ; вечеромъ и утромъ желающіе молятся. Такіе праздники наносятъ большой ущербъ монастырямъ, такъ какъ имъ приходится много тратить на угощеніе, за которое посѣтители платятъ только въ такомъ случаѣ, когда они этого сами пожелаютъ; остальные могутъ кормиться даромъ, на счетъ монастыря.

Семейный бытъ болгаръ. — Характеръ, наружность и одежда народа. — Праздники и увеселенія: Рождество и канунъ Новаго Года. — Баба — Марта. — Пеперудо. — Національные танцы. — Самовильскіе праздники.

Большинство болгаръ живетъ нѣсколькими семьями вмѣстѣ. Сыновья, вступая въ бракъ, не оставляютъ дома родителей, также внуки и правнуки, такъ что въ одномъ семействѣ бываетъ иногда до пятидесяти, до шестидесяти человѣкъ. Такимъ образомъ они образуютъ одно хозяйство, одну семейную общину. Когда члены семьи такъ расплодятся, что въ главной избѣ имъ уже не хватаетъ мѣста, то выстраиваютъ особыя жилища во дворѣ. Бываетъ, что и весь дворъ застроятъ, а мѣста все многимъ нѣтъ, тогда вблизи отъ роднаго села основываются выселки, или поселки, жители которыхъ, точно также, какъ и живущіе во дворѣ, состоятъ подъ управленіемъ хозяина (*дядо, домачинъ*) главной избы, съ населеніемъ которой посельчане живутъ въ полномъ ладу и миру. Выселки эти носятъ прозваніе по имени того дяда, въ управленіе котораго они основались; напр. Влайковцы, Ганчевцы, Енковцы. Всѣ они получили свои названія отъ именъ дядовъ: Влайка, Ганчи и Енки.

Всѣ обязаны слушать дядо и свято исполнять его волю. Дядо долженъ смотрѣть за порядкомъ и за спокойствіемъ въ домѣ; онъ долженъ назначать каждому работу, платить подати, распоряжаться кассою и вообще заботиться о нуждахъ всей общины. При совѣщаніяхъ въ важныхъ семейныхъ дѣлахъ, или въ случаѣ ссоръ и несогласій между членами семьи, дядо собираетъ совѣтъ изъ старшихъ членовъ и рѣшаетъ дѣло по большинству голосовъ. Чтобы ни затѣвалъ дядо, онъ непремѣнно скажетъ объ этомъ всей общинѣ, и при этомъ каждый, кромѣ несовершеннолѣтнихъ, выражаетъ свое мнѣніе или неудовольствіе и голосъ каждаго имѣетъ значеніе. Поэтому глава семейства у болгаръ не можетъ дѣйствовать въ ущербъ семейнымъ интересамъ. Вслѣдствіе такихъ отношеній, испоконъ вѣку установившихся въ народѣ болгарскомъ между хозяиномъ и домочадцами, дядо пользуется большимъ почетомъ въ семьѣ. Онъ всюду занимаетъ первое мѣсто. Во время обѣда по правую его руку сидятъ мужчины, по лѣвую женщины, всѣ рядомъ и всегда размѣщаются по возрасту, за этимъ строго слѣдятъ старшіе и самъ дядо. Въ праздничные дни молодежь не можетъ затѣять никакихъ игръ на лугу безъ дозволенія дядо; все дѣлается съ его разрѣшенія.

Всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ распоряжается *баба* (бабушка), у которой нахо-

дятся ключи отъ всего хозяйства. Въ большинствѣ случаевъ *баба*—жена дядо, т. е. хозяина. Когда *дядо* вмѣстѣ съ остальными членами семьи уходитъ изъ дому на нѣсколько мѣсяцевъ на *баштованье* (т. е. на заработки), хозяйка (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее также называютъ домовница) вполнѣ заступаетъ его мѣсто. При покупкѣ и продажѣ, при взятіи чего либо въ долгъ и при отдачѣ взятаго, она заключаетъ условія, и всѣ ея договоры остаются священными для семьи и по возвращеніи хозяина, какъ будто-бы распоряжалась не она, а онъ самъ.

Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, болгарскія женщины не играютъ роли рабынь, какъ въ другихъ мѣстахъ Балканскаго полуострова. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи, напр. въ селахъ близь Тырнова, женщины обыкновенно работаютъ больше мужчинъ и находятся у нихъ въ нѣкоторой зависимости, но большею частью здѣсь полная равноправность. И это естественно: въ болгарскомъ народѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, всѣ необыкновенно дѣятельны и трудолюбивы, и поэтому къ доброй, работящей женѣ не только крѣпко привязанъ ея мужъ, но она въ большомъ почетѣ у всѣхъ членовъ семьи.

Въ Болгаріи огромное вниманіе обращаютъ на возрастъ. По возрасту сидятъ за столомъ, по возрасту въ торжественныхъ случаяхъ подходятъ къ домачину, строго по возрасту назначаются работы, по возрасту даже женятся. Сначала женится обыкновенно старшій братъ, а послѣ него уже слѣдующій за нимъ; если старшій, по какой нибудь причинѣ, совершенно не можетъ вступить въ бракъ, то женится опять таки слѣдующій за нимъ по годамъ. При этомъ вступающій въ бракъ непремѣнно долженъ попросить на это позволенія у своего старшаго брата и безъ его согласія бракъ не можетъ быть совершенъ даже и тогда, когда этого хотятъ родители. Тоже и съ дѣвушками: сначала выходитъ старшая, потомъ младшая.

Вся недвижимость, т. е. земля и дворъ,—собственность всей общины. На нее имѣютъ право и будущіе члены общины; но всякій членъ, кромѣ того, можетъ имѣть и свою отдѣльную собственность. Когда всѣ дѣла улажены, тогда каждый можетъ располагать своимъ временемъ, идти на заработокъ, брать къ себѣ работу и всѣмъ, что онъ при этомъ получитъ, онъ можетъ распоряжаться безъ вѣдома дядо.

Точно также и женщины. Правда, онѣ не ходятъ на заработки, но за то каждая изъ нихъ имѣетъ въ общинѣ свой собственный садъ или огородъ: тутъ она сажаетъ цвѣты, фруктовыя деревья, зелень. Все, что она получаетъ изъ этого сада, она можетъ продавать къ свою пользу, а полученныя деньги прячетъ про черный день или нанизываетъ серебряныя и золотыя монеты на нитку; такимъ образомъ устроиваетъ себѣ ожерелье и очень любитъ носить на шеѣ это украшеніе.

Когда дядо или баба умерли, или такъ устарѣли, что не могутъ уже распоряжаться, тогда члены выбираютъ себѣ домачиномъ самаго способнаго и работящаго изъ его сыновей.

Въ горахъ, разумѣется, уже гораздо меньше патріархальности. Семьи бываютъ не такъ велики, такъ какъ по смерти отца братья обыкновенно выражаютъ желаніе раздѣлиться. Но гдѣ бы то ни было, въ городѣ или въ селѣ, главное богатство болгарскаго простолюдина въ мѣдной посудѣ, и въ богатомъ домѣ вы найдете ея до тридцати пудовъ. Какъ эта посуда, такъ и всѣ пашни, луга и скотъ дѣлятся между братьями. Меньшій изъ нихъ получаетъ обыкновенно домъ и всю посуду и за то обязанъ кормить мать, а незамужнихъ сестеръ выдать замужъ и дать имъ приданое. Такіе раздѣлы происходятъ мирно, спокойно, съ полною довѣренностію другъ къ другу, и судебныя власти почти никогда не вмѣшиваются въ это дѣло.

Относительно характера болгаръ можно сказать, что всѣ они, но въ особенности

жители равнинъ, народъ въ высшей степени мирный и трудолюбивый. Болгары совершенная противоположность воинственнымъ черногорцамъ, —у нихъ совсѣмъ не развито военное тщеславіе. Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ—это самый тихій, осторожный, покладливый, подозрительный, замкнутый въ себѣ и наименѣе воинственный народъ. Однако не всѣ эти черты лежатъ въ его натурѣ, а многое привито ему тяжкой неволей. Болгары не всегда были такими смирными, какъ теперь. Въ IX и X в. они были ужасомъ сосѣдей; передъ ними дрожала Византія. Смѣлымъ и энергичнымъ является болгаринъ и теперь, но только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ могъ укрыться отъ турецкаго гнета. Для примѣра возьмемъ болгарина - горца, въ которомъ вы совсѣмъ уже не замѣтите покладливости жителя долинъ. Не отличаются этимъ и помаки — потурчившіеся болгары, т. е. тѣ изъ нихъ, которые приняли исламъ, чтобы сохранить нѣкоторыя права и привилегіи, или чтобы кораномъ защитить себя отъ невыносимыхъ угнетеній. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ томъ, что необыкновенная приниженность болгарина привита ему турецкимъ гнетомъ, укажемъ на болгарскихъ гайдуковъ, описанныхъ нами въ первомъ очеркѣ этой страны. Впрочемъ болгары и въ настоящее время не отличаются одинаковымъ складомъ характера: видна большая разница между живущими по сю и по ту сторону Балканъ и между горцами, отличающимися совершенно другимъ, несравненно болѣе энергическимъ и подвижнымъ характеромъ. Тѣмъ не менѣе вліяніе разныхъ историческихъ и политическихъ причинъ, сдѣлало преобладающею чертою характера большинства болгаръ сильную склонность' любовь къ тихой и семейной жизни. Для болгарина нѣтъ ничего лучше и дороже на свѣтѣ его семейства. Его жена, поле — вотъ чѣмъ заняты всѣ его помыслы, къ чему стремится его душа. Онъ ищетъ счастья только въ домашней жизни. Вездѣ внѣ дома презираемый и угнетаемый до самаго послѣдняго времени, онъ уже давно привыкъ сосредоточивать все въ семьѣ, только въ ней и среди ея чувствовать себя господиномъ. Вотъ почему родственная любовь между членами семьи здѣсь такъ велика, авторитетъ отца семейства—непоколебимъ. Эта однообразная, сосредоточенная жизнь въ семействѣ выработала покойный характеръ, разсудительность, предупредительную заботливость, бережливость, скромность и простоту; но она же должна была породить и весьма непривлекательныя стороны: бережливость легко переходитъ у нихъ въ чрезмѣрную скупость, даже алчность и въ страстное стремленіе къ наживѣ; излишняя осторожность—въ хитрость, а совершенное отсутствіе общественной жизни не могло, конечно, хорошо вліять на ихъ умственное развитіе.

Болгаринъ прежде всего трудолюбивый работникъ, смышленый семьянинъ, добрый мужъ, заботливый отецъ, человѣкъ обладающій всѣми семейными добродѣтелями. Почти всѣми отправляемыми за границу земледѣльческими продуктами Турція была обязана до сихъ поръ труду болгарскихъ земледѣльцевъ. Болгары, живущіе на сѣверномъ склонѣ Балканъ, отличаются и промышленною дѣятельностью. Тутъ чуть не каждая деревня занимается какою нибудь особенною промышленностью: одна фабрикуетъ ножи, другая—приготовляетъ горшки, ковры, ткани и т. п.

Люди, наиболѣе основательно изучившіе Болгарію и ея народъ, пришли къ такому заключенію: въ мѣстностяхъ, гдѣ менѣе всего жило или никогда не было турокъ, татаръ и черкесовъ, болгары живутъ несравненно богаче, смотрятъ смѣлѣе и развитѣе; тамъ-же, гдѣ хотя $^1/_3$ населенія составляли турки, даже и теперь еще все убито и безжизненно: народъ вялый, со всѣми пороками людей, долго подавляемыхъ тяжелымъ игомъ рабства. Природа въ такихъ мѣстностяхъ тоже жалкая: вмѣсто роскошныхъ полей тянутся необработанные пустыри. Систовскій округъ напр. гораздо хуже обработанъ и жители его несравненно бѣднѣе, чѣмъ въ тырновскомъ округѣ. Это произошло вслѣдствіе періодическихъ разореній дунайскихъ прибрежій турками, войнами и

слабаго населенія этого округа болгарами. Поэтому въ систовскомъ округѣ вы не встрѣтите ни большихъ, красивыхъ болгарскихъ деревень, ни зажиточныхъ поселянъ, ни виноградниковъ. Передъ вашими взорами тамъ разстилаются степныя пространства съ жалкимъ сѣнокосомъ по холмистымъ и волнообразнымъ мѣстностямъ. Но чѣмъ болѣе вы приближаетесь къ Балканамъ и къ тырновскому округу, тѣмъ роскошнѣе становится природа, несравненно зажиточнѣе деревни, встрѣчающіеся по дорогѣ люди съ вида смѣлѣй, энергичнѣе. Вамъ все чаще попадаются виноградники, роскошныя поля, огороды, уютныя огромныя деревни съ тысячью и даже полутора тысячью домовъ. Вокругъ селъ — тутовыя деревья для шелковичныхъ червей. Въ деревняхъ тырновскаго округа, все чаще попадаются церкви и училища. Турецкихъ жилищъ все меньше, въ нѣкоторыхъ деревняхъ турки вовсе неживутъ и никогда не жили.

Мы русскіе до войны 77-го года, не зная болгаръ, идеализировали ихъ гораздо болѣе, чѣмъ они того заслуживали, а когда пришли съ ними въ столкновеніе, стали бранить и унижать ихъ безъ достаточнаго для этого повода. Мы уже не разъ упоминали, что тяжелые налоги, поборы турокъ и ихъ произволъ относительно болгаръ сдѣлали послѣднихъ не только разсчетливыми, но отчасти даже и скаредными. Во время послѣдней войны русскіе болѣе всего сталкивались съ этою чертою въ характерѣ болгаръ. Завидѣли у нихъ хлѣбъ, домашнюю птицу, и заставляютъ подѣлиться. Болгары страдая болѣе чѣмъ когда нибудь отъ разоренія турокъ и отъ войны, не видя ей конца, стараются подальше запрятать свои запасы для прокормленія собственнаго семейства или запрашиваютъ за все неимовѣрныя цѣны.

Болгары болѣе крѣпкаго, мускулистаго сложенія, чѣмъ румыны и греки: они скорѣе худощавы и между ними рѣдко попадаются толстяки и люди жирные. Лицо болгарина имѣетъ обыкновенно прекрасную, овальную форму, лобъ его нѣсколько выдается впередъ, носъ прямой, разрѣзъ глазъ уже, чѣмъ у другихъ южныхъ славянъ, вслѣдствіе чего и самые глаза кажутся у нихъ меньше. Брови очень густыя, волосы на головѣ большею частію свѣтлые. Въ ихъ наружности, благодаря ихъ мирному характеру, выражается гораздо болѣе доброты и кротости, чѣмъ мужества и энергіи. Лица, въ выраженіи которыхъ сказывается недюженный умъ, нерѣдко попадаются между болгарами, но прежде всего въ нихъ поражаетъ необыкновенная серьезность и стойкость.

А что за красавицы болгарки! Черныя густыя брови дугой, смуглое лицо, легкій станъ, живость движенія — обычное у южной женщины, черная или русая головка съ прядями необыкновенно длинныхъ и густыхъ волосъ—вотъ вамъ болгарская дѣвушка. Особенно замѣчательны ихъ длинные волоса, которые у большей части изъ нихъ буквально бываютъ до пятокъ, сплошь покрываютъ имъ спину, иногда даже волочатся по землѣ; волнистыя пряди ихъ, какъ змѣи, извиваются между зеленью и роскошными цвѣтами луговъ въ то время, когда онѣ нагнувшись работаютъ. Особенно одинъ болгарскій городокъ Коприщица славится своими красавицами, такъ что турки зовутъ его *Авратъ-Аллянъ*, т. е. женская красота. Но къ сожалѣнію восточный обычай бѣлиться и румяниться уже очень рано портитъ ихъ свѣжія отъ природы лица. По выходѣ замужъ, часто уже къ 22-мъ годамъ, онѣ совсѣмъ утрачиваютъ свою красоту, которая пропадаетъ прежде всего отъ трудной физической работы, всей тяжестью лежащей на болгаркахъ, какъ на всѣхъ южно-славянскихъ женщинахъ.

Болгарка приготовляетъ всю одежду для своего семейства, заботится о домашнемъ хозяйствѣ, которое она ведетъ чрезвычайно старательно и аккуратно. Плотно утоптанный земляной полъ ея хаты всегда чисто выметенъ, шерстяныя одѣяла и постельныя принадлежности бережно сложены, кухонная посуда чисто вымыта и всегда на своемъ

мѣстѣ. Стряпня болгарки очень простая, но она умѣетъ приготовить вкусно и разнообразить свои незатѣйливыя кушанья до безконечности. Но болѣе всего изумляетъ замужняя женщина количествомъ работы, которую она успѣваетъ исполнить. Она буквально не имѣетъ свободной минуты. Если она не въ полѣ, то занята чѣмъ нибудь по хозяйству. Она то чиститъ у колодца домашнюю утварь, то моетъ бѣлье, то краситъ и бѣлитъ разныя ткани, то приготовляетъ обѣдъ, сидитъ за прялкой, шитьемъ или починкой, то кормитъ ребенка, бѣжитъ заглянуть на пастбище, гдѣ пасется скотъ, доитъ его, когда онъ возвращается, заботится о немъ ночью и рано утромъ. Мало этого, жена помогаетъ мужу даже при постройкѣ дома: замазываніе щелей глиною и бѣленіе жилыхъ домовъ посредствомъ кусковъ овечьей шкуры, вмѣсто нашихъ кистей, составляетъ исключительно ея обязанность. Такъ же заботится болгарка и о домашнемъ садикѣ. Почти каждая семья имѣетъ садикъ при своемъ домѣ и уходъ за нимъ исключительно лежитъ опять таки на женщинѣ. Садомъ болгарка занимается съ особенною любовью: цвѣты—существеннѣйшая часть женскаго наряда, да и молодые люди вкалываютъ ихъ себѣ, куда могутъ, отправляясь въ церковь или поле, на праздникъ или танцы. Поэтому въ каждомъ садикѣ вы непремѣнно увидите розы, гвоздику, фіалки, макъ и др.

Одежда деревенскихъ болгарскихъ женщинъ отличается особеннымъ разнообразіемъ. Почти въ каждомъ округѣ существуютъ свои особыя моды, тѣмъ не менѣе большинство заплетаетъ свои роскошные волосы, часто подкрашенные въ темный цвѣтъ, въ толстыя косы, которыя очень искусно украшаютъ цвѣтами, медалями, лентами. Многія носятъ на головѣ платокъ.

Болѣе всего заботится болгарка о своей рубашкѣ, которую она роскошно вышиваетъ разноцвѣтной шерстью или шелкомъ на груди, плечахъ и по краямъ рукавовъ. Узоры этихъ вышивокъ такъ разнообразны и прелестны, что могли бы служить образцомъ самому искусному изъ европейскихъ рисовальщиковъ. Сверхъ этой изящной рубашки одѣваютъ юбку изъ полосатой шерстяной матеріи домашняго тканья; поверхъ ея повязываютъ обшитый бахромою фартукъ. Его одѣваютъ спереди, иногда сзади, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ носятъ и сразу два фартука: сборчатый сзади, гладкій спереди и оба разныхъ цвѣтовъ. Есть округа, гдѣ фартукъ надѣваютъ прямо на рубашку, безъ юбки. Юбка и фартукъ перехвачены у таліи кушакомъ, украшеннымъ большими металлическими или перламутровыми пряжками. Эти пояса переходятъ по наслѣдству, какъ самыя драгоцѣнныя вещи въ женскомъ туалетѣ, такъ какъ украшенія на нихъ нерѣдко бываютъ изъ литаго серебра, усѣяннаго дорогими камнями. Болгарскія женщины вообще любятъ всевозможныя украшенія, даже и въ томъ случаѣ, если онѣ не особенно цѣнны. Онѣ одѣваютъ серьги, носятъ множество колецъ, браслетъ, цвѣтовъ, ожерелья изъ бусъ, коралловъ, цекиновъ, жемчуга,—однако, нужно отдать имъ справедливость, все это онѣ умѣютъ расположить съ большимъ вкусомъ, что заставляетъ предпологать въ нихъ врожденное чувство изящнаго.

Городскія женщины одѣваются уже съ меньшимъ вкусомъ: это происходитъ главнымъ образомъ потому, что ихъ туалетъ представляетъ смѣсь національной одежды съ турецкою, съ сербскою и съ европейскими модами. Особенно безобразны широкіе шальвары, въ которые, какъ въ мѣшки, вкладываютъ ноги. Это, чисто мусульманское одѣяніе доходитъ до самыхъ щиколотокъ и мѣшаетъ всякому свободному движенію.

Вмѣсто столь еще употребительнаго въ Сербіи феса, мужчины носятъ здѣсь шапку, или лучше сказать колпакъ изъ темной, а иногда и свѣтлой овчины, которую называютъ *чубара*. Изъ подъ этой шапки висятъ длинные волоса, иногда, хотя рѣдко, заплетенные въ косу. Подобно старымъ туркамъ, тѣ болгары, которые постарше, обстригаютъ всю

голову, кромѣ длиннаго пучка волосъ на макушкѣ. Этотъ обычай употребителенъ еще и теперь у албанцевъ, черногорцевъ и старыхъ сербскихъ крестьянъ. Но даже и тѣ изъ нихъ, которые много переняли у турокъ въ своей обстановкѣ и въ своей одеждѣ, рѣзко отличаются отъ нихъ. Болгаринъ-добродушенъ, простъ и на видъ чрезвычайно скроменъ; турокъ—чванный и надменный. Болгары всѣ брѣютъ бороду, оставляя усы, а у турокъ длинная борода. Въ большинствѣ случаевъ однако болгаринъ, особенно теперь, рѣзко отличается отъ турка и по своей одеждѣ. Вмѣсто чалмы и феса онъ носитъ чубару; его рубашка съ широкими рукавами красиво и пестро вышита на груди и плечахъ. Свѣтлые штаны, лѣтомъ изъ полотна, а зимою изъ грубаго сукна, подвязаны ниже колѣнъ тесемками или ремнемъ; поверхъ у таліи эти штаны много разъ обертываются широкимъ кушакомъ или шарфомъ, за которымъ засунутъ ножикъ въ ножнахъ. Въ холодное время люди побогаче носятъ куртку, вышитую чернымъ снуркомъ, а нѣкоторые длинный кафтанъ. Обувью служатъ обыкновенно самодѣльныя опанки или бабуши (турецкія туфли). Впрочемъ мужская одежда, какъ и женская, различна смотря по мѣстности. Костюмъ болгарскаго горожанина низшихъ классовъ отличается отъ описаннаго здѣсь болѣе темнымъ цвѣтомъ сукна и фесомъ, котораго не носятъ въ деревняхъ. Врачи, учителя, однимъ словомъ все, что причисляетъ себя къ интеллигенціи, приняло теперь европейскій костюмъ.

Въ праздничныхъ обрядахъ болгаръ, какъ и у другихъ славянъ, сохранилось много древнихъ, языческихъ обычаевъ. Но народные обычаи въ большихъ городахъ Болгаріи уже давно или исчезли, или искажены; въ полной неприкосновенности они сохранились только въ деревняхъ и селахъ. Вотъ какъ они празднуютъ Рождество. Только что наступитъ 20-е декабря, все поднимается на ноги, почти въ каждомъ домѣ бьютъ свиней (когда бродитъ у двора нѣсколько свиней, то уже по одному этому можно навѣрно сказать, что тутъ живутъ не турки, а болгаре,—магометанскій законъ запрещаетъ ѣсть свинину), дѣлаютъ колбасы; бѣлятъ избы красной и бѣлой глиной, а кто позажиточнѣе, известью; стираютъ, метутъ и проч. Такая работа продолжается до самаго сочельника, день, съ котораго у нихъ и начинаются святки и продолжаются до 8-го Января. Въ продолженіи этихъ четырнадцати дней веселыя пѣсни, хороводы, звуки скрипокъ, волынокъ, свирѣлей несутся отовсюду и не умолкаютъ съ утра до утра. Да и можетъ ли быть иначе? Болгарка, если только она здоровая дѣвушка, даже и въ будни не можетъ жить безъ пѣсенъ и плясокъ, а на то и праздники, чтобы больше веселиться, шумнѣе, рѣзвѣе проводить ихъ, чѣмъ обыденные дни.

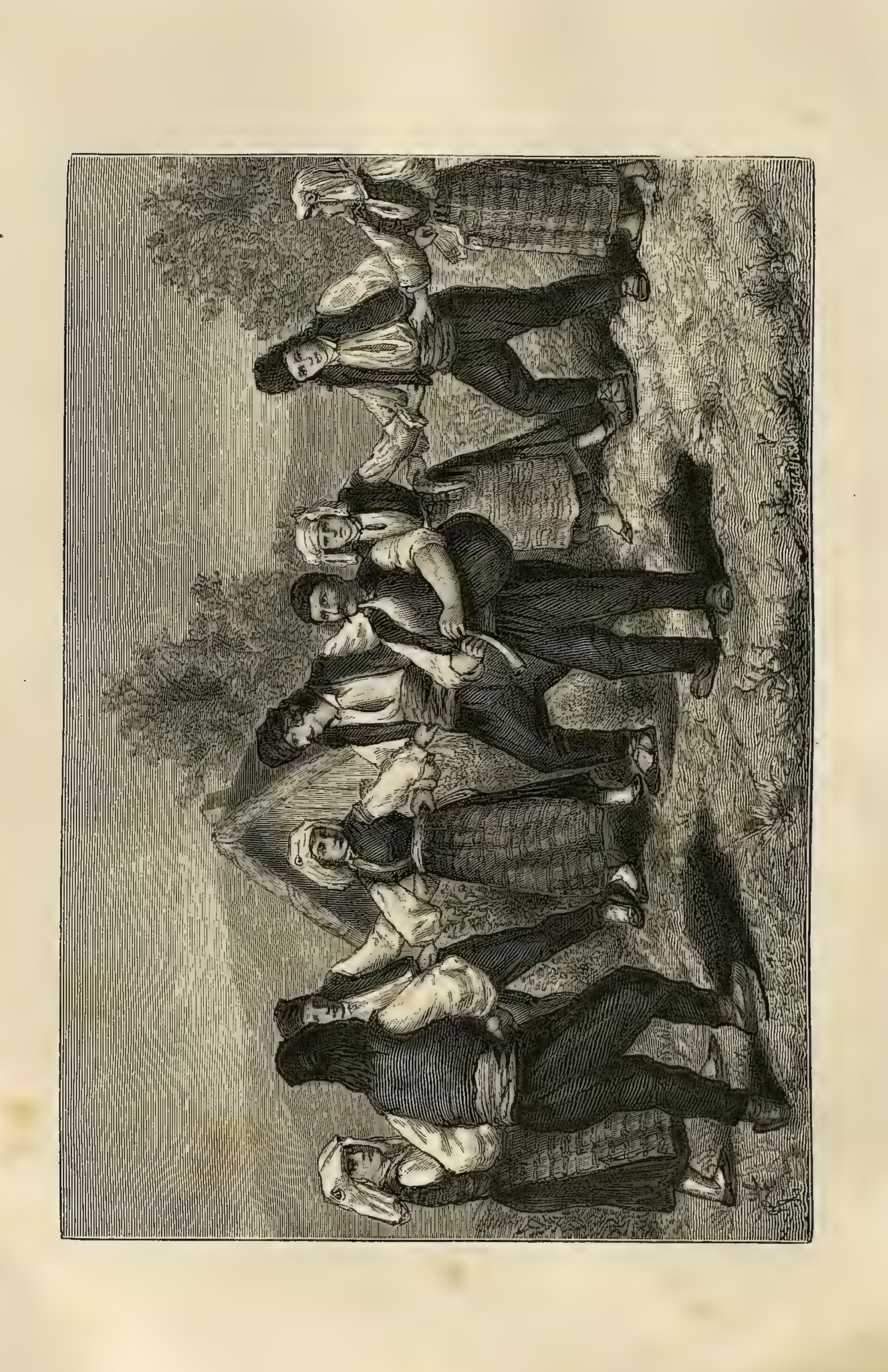
Утромъ наканунѣ Рождества женщины еще до восхода солнца идутъ на рѣку съ пѣснями, останавливаются у воды, пляшутъ и наконецъ наливаютъ воду въ котлы, бросая туда сухіе цвѣты, пшеницу и ячмень. Возвращаются онѣ домой и замѣшиваютъ на этой водѣ хлѣбъ, въ которомъ обыкновенно запекаютъ золотую или серебряную монету. Отъ хлѣба этого вечеромъ каждый отломитъ себѣ кусочекъ, и, кому достанется монета, тотъ будетъ самымъ счастливымъ въ семействѣ.

Когда начинаютъ печь хлѣбъ и гововить кушанье для вечера, старшій въ домѣ выходитъ на дворъ съ зажженною лучиною въ рукахъ; за нимъ идетъ вся семья тоже съ зажженными лучинками. Тутъ они поднимаютъ дубовое полѣно, снимаютъ шапки и читаютъ молитву: «Христосъ рождается, славите». Затѣмъ вносятъ это дерево въ домъ, кладутъ его на огонь и опять читаютъ молитву «Христосъ са роди»; «истинно са роди», отвѣчаютъ, и вся семья цѣлуется другъ съ другомъ. Тутъ же кто нибудь беретъ обгорѣлое полѣно и ударяетъ имъ о печь. Если посыпется послѣ перваго удара много искръ, они принимаютъ это за знакъ того, что этотъ годъ у нихъ родится много лошадей; искры отъ втораго удара—предсказываютъ плодовитость коровъ; третій ударъ

обѣщаетъ много овецъ и т. д. Оставшійся кусокъ отъ дерева зарываютъ въ виноградникъ, чтобъ былъ урожай. Но вотъ и вечеръ: на чисто накрытомъ столѣ ставятъ множество кушаньевъ, посреди стола стоитъ *боговица* (прѣсный хлѣбъ) съ запеченой монетой. Вокругъ должны стоять девять кушаньевъ вареныхъ и множество овощей. И чего, чего тутъ нѣтъ: фасоли, бобы, виноградный медъ, яблоки, сливы, сухіе персики, изюмъ, стручки, виноградъ, орѣхи и непремѣнно графинъ съ виномъ и ракіей. Когда все стоитъ на столѣ, отецъ семейства, а въ его отсутствіи хозяйка, беретъ кадильницу и, читая молитвы, кадитъ вокругъ стола, въ хлѣвѣ, въ сараѣ. Женщины берутъ часть окуренныхъ овощей и ставятъ ихъ передъ образами, чтобы употреблять ихъ какъ лѣкарства въ будущемъ году. Затѣмъ хозяинъ ломаетъ горячую боговицу на куски, которые обмакиваетъ въ медъ и раздаетъ всѣмъ по старшинству. Кому попался кусокъ съ монетою, тотъ будетъ счастливѣе другихъ въ будущемъ году. Оставшимся медомъ мажутъ ворота, конюшни, хлѣва, курятники и т. д. Лишь только отъужинаютъ, какъ въ комнату стучатъ палками и наконецъ входятъ старики и поютъ пѣсню, оканчивающуюся припѣвомъ: «Ой коледо, мой коледо». Стариковъ этихъ угощаютъ закуской и виномъ, а они между тѣмъ зорко посматриваютъ въ разныя стороны, чтобы какъ нибудь украсть одну изъ развѣшанныхъ для сушки колбасъ. Тотъ, кто украдетъ колбасу такъ, что его никто не замѣтитъ, будетъ весь годъ счастливымъ человѣкомъ. Кому удается это воровство, тотъ кричитъ: мяу, мяу и съ хохотомъ бросается вонъ изъ комнаты; на него сыпятся шутки, остроты. Такъ продолжается до самой заутрени.

Въ первый день послѣ обѣдни—праздникъ дѣтей и священниковъ. Они тоже ходятъ, стучатся во всѣ двери, славятъ коледу и поютъ духовныя пѣсни. Въ каждомъ домѣ, гдѣ они пропоютъ, имъ даютъ фрукты и деньги. Отецъ семейства послѣ обѣдни беретъ мѣру пшеницы, ставитъ ее на столъ и втыкаетъ въ пшеницу столько зажженныхъ свѣчей, сколько членовъ въ домѣ; ходитъ съ кадильницею, кадитъ и поетъ молитвы. Первые три дня рождества болгарки ежеминутно выскакиваютъ за дверь, зазываютъ къ себѣ всѣхъ чужестранцевъ и бѣдныхъ и угощаютъ ихъ всѣмъ, что только есть у нихъ самихъ. Каждый вечеръ праздника принадлежитъ молодежи и его то они ждутъ не дождутся. Лишь только отужинаютъ, дѣвушки опрометью бѣгутъ на улицу, на какую нибудь площадку и съ криками созываютъ подругъ пѣть и плясать. Изъ всѣхъ удовольствій болгарка болѣе всего любитъ танцы. Во время ихъ она забываетъ свое горе и вся отдается своему дѣтскому удовольствію. Да и въ любимыхъ танцахъ въ характерѣ болгарки прежде всего выступаетъ наружу не южная страсть испанки, а ея непосредственная дѣтская натура. Болѣе всего болгарки любятъ танцовать на открытомъ воздухѣ «хоро»—національный танецъ болгаръ, который они исполнятъ подъ звуки такъ называемой «гайды» (родъ дудки). Лишь только молодежь заслышитъ звуки этого инструмента, тотчасъ бѣжитъ стать въ кружокъ и, придерживая другъ друга, начинаетъ топать ногами, двигаться то впередъ, то назадъ, все болѣе увлекаясь. Музыка становится живѣе и оба крыла танцующихъ все быстрѣе и быстрѣе приближаются другъ къ другу. Наконецъ они опять замыкаются въ кругъ, расходятся и сходятся. Вся прелесть танца состоитъ въ постоянной смѣнѣ фигуръ и въ точномъ соблюденіи такта. Но еще съ большимъ одушевленіемъ отдаются они потѣшному танцу, который у нихъ называется «медвѣжій танецъ». Молодой парень, одѣтый въ медвѣжью шкуру, подражая реву и движеніямъ медвѣдя, преслѣдуетъ молодыхъ дѣвушекъ при звукахъ музыки и при поддразниваніи и веселыхъ крикахъ, скачущей кругомъ толпы.

Празднованіе кануна новаго года имѣетъ много общаго съ сочельникомъ. Къ ужину приготовляютъ множество кушаньевъ. Тутъ и свиная голова, и колбаса, и жаре-



ный индюкъ, разные фрукты, варенья. Народъ такъ любитъ плотно поѣсть за этимъ ужиномъ, что сложилась даже поговорка: «поѣлъ, какъ на Васильевъ день».

Послѣ обильнаго ужина всѣ дѣвушки и парни, въ праздничныхъ нарядахъ выбѣгаютъ на улицу, на какую нибудь площадку. Сюда онѣ приносятъ котелъ съ водою и съ пѣснями бросаютъ въ него цвѣты и большой сукъ грушеваго дерева. Раздѣлившись на двѣ группы, одна противъ другой, дѣвушки начинаютъ съ пѣснями водить хороводы.

Послѣ этого дѣвушки и парни бросаютъ въ котелъ кто кольцо, кто браслетъ, серьги, крестикъ, красною ниточкою, привязывая къ этимъ вещамъ пучекъ цвѣтовъ. Затѣмъ дѣвушки выбираютъ между собою одну изъ подругъ въ «царицы солнца». Она должна имѣть русые волоса, голубые глаза и быть не старше 16-ти лѣтъ. Эта «царица солнца», или «царь-дѣвица», должна взять котелъ со всѣми брошенными въ него вѣщами къ себѣ и беречь его подъ открытымъ небомъ до слѣдующаго дня. Это очень трудная обязанность, такъ какъ парни сосѣднихъ домовъ впродолженіи цѣлой ночи употребляютъ всевозможныя усилія, чтобъ вытащить изъ котла вещи любимыхъ ими дѣвушекъ и доказать подругамъ «царь-дѣвицы» ея несостоятельность.

Послѣ того, какъ унесутъ котелъ, снова начинаются хороводы, разныя игры, веселыя пѣсни, крики, смѣхъ—словомъ у каждаго раскроется сердце на распашку. Мужчины выходятъ со свирѣлями, скрипками, волынками и играютъ всѣ разомъ. Затѣмъ всей гурьбой отправляются по домамъ, напѣвая пѣсни хозяевамъ; если хозяинъ портной, восхваляютъ его ремесло, если онъ священникъ—его службу и санъ, если хозяинъ холостъ, то его спрашиваютъ, зачѣмъ онъ не женится. Хозяева выходятъ къ молодежи и раздаютъ дѣвушкамъ караваи и фрукты, а парнямъ деньги. Ужъ далеко за полночь разойдутся дѣвушки по домамъ и начинаютъ гадать между собою на всякіе лады. На другой день вечеромъ вносятъ къ веселящимся котелъ, опускаютъ туда отруби, чтобы вода помутилась и нельзя было бы различить вещей. Затѣмъ дѣвицы становятся въ кругъ и начинаютъ водить хороводъ; чья будетъ вещь, поютъ они, тотъ будетъ бояриномъ или та выйдетъ замужъ за боярина. «Царица солнца» вынимаетъ первую попавшуюся подъ руки вещь и вѣшаетъ ее на деревѣ. Такъ поютъ разные куплеты, пока не вынутъ всѣ вещи, слѣдовательно пока не кончатся всѣ гаданія.

Гадать болгарки любятъ такъ же, какъ и наши русскія дѣвушки, и гадаютъ онѣ не только въ святки, но и въ цвѣтную или Лазареву недѣлю, такъ называется у нихъ шестая недѣля великаго поста. Эту недѣлю болгарки также встрѣчаютъ и провожаютъ пѣснями, припѣвками и гаданьями. Всю эту недѣлю днемъ болгарки собираются подъ тѣнью только что распустившагося грецкаго орѣшника или цвѣтущей бѣлыми цвѣтами груши; въ рукахъ у нихъ работа. Въ продолженіе ея всѣ женщины и дѣвушки сообща работаютъ приданое для обрученныхъ невѣстъ своей деревни, поютъ вмѣстѣ Лазаря и даютъ другъ другу клятву на топорѣ, хлѣбѣ, соли и углѣ, что онѣ на будущаго Лазаря соберутся дѣвушками, т. е. не выйдутъ замужъ и такъ же будутъ водить хороводы и пѣть пѣсни. При этомъ онѣ разводятъ огонь, перескакиваютъ черезъ него и произносятъ разныя заклинанія.

Мартъ въ Болгаріи бываетъ пасмурный и измѣнчивый и нерѣдко сопровождается бурями. Онъ называется здѣсь «Баба—Марта», и это единственное женское названіе мѣсяца. Онъ посвященъ слабому полу, который въ праздничные дни этого мѣсяца вполнѣ отдыхаетъ отъ годовыхъ работъ. Если бы онѣ стали въ эти дни прясть, мыть, бѣлить или что нибудь работать, то это навело бы на землю градъ и помѣшало бы дождю. Наконецъ «Баба—Марта» сама отомстила бы за нарушеніе своего праздника, и потому болгарки строго соблюдаютъ дни, которые посвящены ей.

Весною при бездождьи здѣсь совершаются такія же процессіи, какъ и въ Сербіи,

Только называются они въ Болгаріи не «додола», а «пеперудо» (бабочка). Дѣвушки, съ ногъ до головы убранныя густыми зелеными вѣтками, проходятъ мимо каждаго двора съ пѣснями, обращенными къ богинѣ дождя: «О, Пеперудо рудоле», (рудоле-розовая) поютъ онѣ. «Пусть падетъ роса! О рудоле, пусть идетъ дождь, чтобъ пшеница, маисъ и просо хорошо уродились! О рудоле, пусть пчелы размножаются! О рудоле! О рудоле! и т. д.». Хозяева выходятъ изъ домовъ и даютъ дѣвушкамъ подарки, въ другихъ мѣстностяхъ угощенія.

На 8-й день по Вознесеніи, начинаютъ праздновать «самовильскіе праздники», въ честь волшебницъ, обитающихъ на поляхъ, въ лѣсахъ, въ рощахъ, лугахъ и у источниковъ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, выступаютъ наружу языческія преданія. Впродолженіе этихъ «самовильскихъ празднествъ», которыя длятся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до наступленія проливныхъ дождей, выводятъ и выносятъ различныхъ больныхъ — сумашедшихъ, страдающихъ падучею болѣзнію меланхоліею—въ лѣса и на отдаленныя поляны, гдѣ ростутъ розы—любимая пища волшебницъ «самовилъ». Этихъ несчастныхъ, неизлечимыхъ больныхъ, оставляютъ тамъ однихъ на всю ночь, такъ какъ полагаютъ, что волшебницы собираются тамъ и, танцуя вокругъ нихъ «хоро», рѣшаютъ ихъ участь. Поэтому болгарки, не смотря на всю свою любовь къ цвѣтамъ, никогда не трогаютъ розъ, ростущихъ въ глухихъ мѣстностяхъ: онѣ твердо убѣждены, что если «самовилы» коснулись до нихъ ногою, то розы принесутъ имъ опасную болѣзнь.

Сѣдѣнки.—Свадебные обряды и пиршества.—Рожденіе ребенка.

Когда болгары уберутъ хлѣбъ съ полей и окончатъ молотьбу, деревенскія дѣвушки начинаютъ собираться по вечерамъ работать вмѣстѣ, что называется у нихъ «сѣдѣнками» (наши посидѣлки). Осенью, когда еще стоитъ хорошая погода, дѣвушки и молодыя женщины, въ праздничныхъ платьяхъ, разукраси въ голову живыми цвѣтами, отправляются на гумно, или на сельскую площадь. Тутъ онѣ разводятъ огонь, ставятъ вокругъ него деревянныя лавки и начинаютъ всѣ вмѣстѣ работать: прясть ленъ или хлопчатую бумагу. Работаютъ и поютъ безъ конца. Какъ только парни заслышали пѣсни женщинъ, немедленно отправляются къ нимъ. «Добрый вамъ вечеръ, сестрицы», весело, въ одинъ голосъ говорятъ пришедшіе гурьбой парни. «Далъ бы вамъ Богъ добро, хорошо пожаловали», вставая, отвѣчаютъ дѣвушки. При этомъ онѣ стоятъ до тѣхъ поръ, пока всѣ парни не усядутся противъ женщинъ на скамейкахъ. «Садитесь, сестрицы, и попойте намъ». Тогда дѣвушки садятся, начинаютъ прясть въ перегонку и пѣть различныя народныя пѣсни. Послѣ этого парни начинаютъ водить хороводы. Каждый изъ нихъ беретъ за руку ту дѣвушку, которая ему нравится, такъ что хороводы состоятъ изъ дѣвушекъ и парней вмѣстѣ. По окончаніи хоровода, каждая дѣвушка даетъ любимому парню букетъ изъ цвѣтовъ, обвитый красною шелковою ниткой.

Когда зимою начинаются холода, эти собранія женщины устраиваютъ въ домахъ и называютъ ихъ «тлъка» (отъ слова толците). Разница между этими сборищами только та, что на сѣдѣнкахъ дѣвушки приносятъ свою работу и работаютъ для себя; между тѣмъ, какъ тутъ всѣ должны работать въ пользу хозяина, созвавшаго ихъ на тлъку. У болгаръ, съ незапамятныхъ временъ существуетъ обычай созывать знакомыхъ и родныхъ для исполненія какой нибудь работы сообща, требующей много рабочихъ рукъ,

безъ денежнаго вознагражденія трудящимся, только за хорошее угощеніе. Отъ приглашенія на тлъку, т. е. общую работу, никогда не откажется ни одна порядочная дѣвушка. Тутъ идутъ тѣ-же пѣсни, которыя замѣняются отъ времени до времени игрою на свирѣли или на какомъ нибудь другомъ инструментѣ; водятъ хороводы, при этомъ хозяинъ стоитъ посреди и, со свѣчою или лучиною въ рукахъ, освѣщаетъ избу. Любятъ дѣвушки и веселые ужины на тлъкахъ, гдѣ онѣ сидятъ вмѣстѣ съ парнями, угощая другъ друга.

Не даромъ говоритъ болгаринъ: «кой то ся жене за паря, той ся продава», то есть, кто беретъ себѣ жену изъ за денегъ, тотъ себя продаетъ. И дѣйствительно въ брачныхъ дѣлахъ у болгаръ деньги рѣже, чѣмъ у кого-то ни было, входятъ въ разсчетъ. Раньше, чѣмъ дѣвушка вступаетъ въ бракъ, она имѣла много случаевъ познакомиться съ юнакомъ (молодцомъ). Много вмѣстѣ они плясали, играли, видѣлись на посидѣлкахъ. Это прежде всего способствуетъ мирной, тихой, семейной жизни болгаръ.

Въ то время, когда у ихъ сосѣдей сербовъ мужъ относится къ женѣ, какъ строптивый господинъ къ презираемой рабѣ, болгаринъ не начнетъ никакого дѣла, не посовѣтовавшись съ своею женою, и въ большинствѣ случаевъ обходится съ ней, какъ равный съ равнымъ. Если юнаку уже двадцать два года и онъ еще не женатъ, ему просто проходу нѣтъ на селѣ: дѣвушки подсмѣиваются и вслѣдъ ему поютъ пѣсни, какъ плохо добру молодцу безъ подруги жить, а старые подтруниваютъ, что онъ такъ долго не приглянулся красной дѣвицѣ. Женятся очень рано. Нерѣдко невѣста бываетъ даже старше жениха, потому что родители и старые люди разсуждаютъ такъ, что въ молодость свою она должна поработать для дома, въ которомъ родилась и выросла. Поэтому женихъ платитъ обыкновенно за нее родителямъ, чтобы нѣсколько вознаградить ихъ за потерю работницы.

Оффиціальная помолвка или обрученіе обыкновенно происходятъ въ среду или въ четвергъ вечеромъ въ присутствіи свидѣтелей. Когда всѣ приглашенные для этой церемоніи собрались, отецъ жениха подноситъ отцу невѣсты свадебный договоръ и самъ получаетъ отъ него то же самое. Въ этихъ свадебныхъ документахъ съ одной стороны обозначена выговоренная сумма денегъ, а съ другой—приданое невѣсты. За обмѣномъ контрактовъ женихъ и невѣста обмѣниваются кольцами. Обрученіе это совершается священникомъ, который, подавая кольца, спрашиваетъ у обручающихся объ ихъ взаимномъ согласіи. Затѣмъ священникъ читаетъ молитву и обрученіе кончается тѣмъ, что невѣста цѣлуетъ руки у будущаго мужа и у присутствующихъ. Молодые люди свято соблюдаютъ слово, данное другъ другу, но свадьба иногда очень не скоро наступаетъ послѣ обрученія. Это происходитъ потому, что родители невѣсты, не желая разстаться съ дочерью, которая представляетъ весьма цѣнную рабочую силу въ семьѣ, стараются оттянуть свадьбу.

Свадьба у болгаръ сопровождается всевозможными пиршествами: онѣ начинаются за цѣлую недѣлю до брака и продолжаются добрыхъ пять, шесть дней послѣ него. Каждый день свои особыя церемоніи, торжества и обряды, въ каждой мѣстности свой норовъ, свой порядокъ церемоніямъ. Но рѣдкій день обходится безъ музыки, пѣнія и танцевъ, этихъ необходимыхъ принадлежностей жизни болгаръ. Кромѣ того почти вездѣ въ Болгаріи за нѣсколько дней до брака совершается обрядъ, называемый *засѣвкою*. Между всѣми славянами только у однихъ болгаръ существуетъ этотъ обрядъ.

Въ назначенный день собирается множество гостей и родственниковъ въ домѣ жениха. Это бываетъ утромъ. Посреди избы стоятъ три скамьи и на каждой изъ нихъ— по ситу и по корыту. Когда всѣ собрались, начинаютъ пѣть, но какъ то особенно торжественно и протяжно. Вскорѣ изъ толпы выдѣляются три дѣвушки съ мукою, каждая

подходитъ къ одному изъ корытъ и начинаютъ просѣвать муку подъ звуки пѣсни. Къ нимъ подходитъ маленькій мальчикъ, одѣтый по праздничному, бросаетъ соль въ каждую кучу муки и наливаетъ воду. Дѣвушки мѣсятъ тѣсто и дѣлаютъ хлѣбъ и калачъ, сажаютъ въ печку и при этомъ все поютъ и поютъ. Когда хлѣбы готовы, женщины сажаютъ жениха на скамью, развязываютъ ему поясъ, одинъ конецъ набрасываютъ на глаза черезъ голову, младшая сноха разламываетъ надъ его головою *меденикъ* (калачъ обмазанный медомъ) и вымазанными медомъ руками мажетъ его по лицу, приговаривая: «Любите да жалуйте другъ друга, какъ пчела медъ». Затѣмъ она разламываетъ калачъ на мелкіе куски и разноситъ всѣмъ гостямъ, которые тотчасъ запиваютъ его виномъ изъ серебряной чарки. Такія чарки можно найти у каждаго селянина въ Болгаріи; онѣ употребляются только въ торжественныхъ случаяхъ и передаются въ наслѣдство отъ отца дѣтямъ. Вечеромъ того же дня у жениха и невѣсты, у каждаго изъ нихъ порознь, справляется вечеринка, которая, вѣроятно, по этому и называется *раздѣлна вечера*. На этой вечеринкѣ женихъ прощается съ своими друзьями: онъ уже теперь переходитъ въ разрядъ женатыхъ людей. Вечеринки эти особенно любимы молодежью. На нихъ исключительно собираются дѣвушки и юнаки, все народъ неженатый; старики и даже молодыя замужнія женщины сюда не допускаются. Смѣху, веселью да остротамъ конца нѣтъ!

Пиръ этотъ особенно оживляется послѣ ужина. Дѣвушки прямо изъ за стола бросаются прятать ухваты и рожны, чтобы мужчинамъ нечѣмъ было мѣшать уголья; мужчины начинаютъ мѣсить хлѣбы. Но прежде, чѣмъ приняться за дѣло, долго разыскиваютъ кухонные снаряды. Кто ничего не нашелъ, обмазываетъ руки тѣстомъ, разрываетъ жаръ, разбиваетъ уголья какой нибудь палкой и бросаетъ въ печку калачъ. Испеклись калачи, всѣ сразу бросаются ихъ доставать, хватаютъ прямо руками, обжигаются, другъ надъ другомъ острятъ и грозятъ не подѣлиться калачемъ съ тою дѣвушкой, которая лучше всѣхъ припрятала ухваты. Наканунѣ свадьбы у жениха собирается вся родня. При всей честной компаніи выводятъ на улицу быка, голова и рога котораго украшены цвѣтами и вѣнками. Собравшіеся начинаютъ пѣть, а въ это время убиваютъ быка, назначеннаго для свадебнаго пиршества.

Свадьбу справляютъ въ воскресенье. Разряженныя дѣвушки, одежда которыхъ покрыта серебрянными украшеніями, головы убраны цвѣтами, станъ перехваченъ поясомъ изъ цвѣтовъ, показываются уже съ ранняго утра то тамъ, то здѣсь на улицѣ. Молодые люди тоже разукрашены цвѣтами и разодѣты въ лучшіе наряды.

Но войдемъ въ домъ невѣсты. Она ждетъ поѣзжанъ, сидя торжественно въ подвѣнечномъ платьѣ и въ накидкѣ, усѣянной обыкновенно серебряными монетами, въ цвѣтахъ на головѣ, тоже иногда перевитыхъ монетами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на голову невѣста одѣваетъ длинные, золотые, распущенные волосы—изъ золоченныхъ нитокъ.

Поѣзжане приблизились къ дому невѣсты, но его стерегутъ, дверь заперта и изъ ея комнаты раздается пѣсня: «Откупайте сноху, деверья, дорога снохa, цѣнна она». Деверья бросаютъ нѣсколько монетъ привратникамъ и двери отворяются. Затѣмъ отецъ невѣсты ведетъ ее къ воротамъ и садитъ на лошадь, которая для нея уже приготовлена. Остальное общество тоже садится на лошадей и отправляется въ домъ жениха. Впереди всѣхъ скачетъ всадникъ съ знаменемъ, на верху котораго укрѣплено яблоко; нѣкоторые изъ поѣзжанъ держатъ въ рукахъ палки, сплошь украшенныя цвѣтами и плодами; сзади—музыканты. Когда поѣздъ подъѣзжаетъ къ дому жениха, знаменоносецъ входитъ въ ворота и среди двора втыкаетъ знамя въ землю. За нимъ тотчасъ въѣзжаетъ во дворъ невѣста и останавливаетъ свою лошадь передъ знаменемъ. Въ ту-же минуту

поѣзжане затягиваютъ пѣсню, въ которой между прочимъ говорится: «Сойди съ твоего коня, о, невѣста, и вступи въ домъ твоего нарѣченнаго мужа». Невѣста три раза цѣлуетъ на прощаніе свою лошадь, спрыгиваетъ съ нея съ помощью будущаго своего свекра и, взявъ за одинъ конецъ платокъ, который онъ держитъ, идетъ за нимъ въ помѣщеніе, напоминающее погребъ. Посреди этого погреба стоитъ бочепокъ съ виномъ, сверху красуется свадебный пирогъ, а на пирогѣ стаканъ вина. Священники, въ полномъ облаченіи и съ крестами въ рукахъ, стоятъ возлѣ бочки, ожидая появленія жениха и невѣсты. Затѣмъ происходитъ брачный обрядъ.

Обычай совершать брачный обрядъ, вмѣсто церкви, въ самой уединенной части дома—существуетъ далеко не вездѣ въ Болгаріи. Онъ привился въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, вѣроятно, во времена притѣсненій, когда болгары избѣгали всякихъ открытыхъ сборищъ, чтобы не раздражать турокъ.

Болгарка, зная, сколько горя и труда предстоитъ въ жизни ея дѣтямъ, даетъ имъ чисто спартанское воспитаніе, которое закаляетъ здоровыхъ и губитъ слабыхъ. Впрочемъ это дѣлается не столько изъ принципа, сколько потому, что у нея нѣтъ средствъ давать болѣе тщательное воспитаніе. Не мало помогаютъ этому и суевѣрія, которыми, какъ мы уже видѣли, сильно заражены всѣ болгары.

Когда ребенокъ появляется на свѣтъ, его моютъ, затѣмъ щедро посыпаютъ всего солью, завертываютъ въ одежду и кладутъ подлѣ матери. Но этимъ еще не кончаются страданія малютки. Посоливъ ребенка, берутъ кастрюлю, вливаютъ въ нее масло и ставятъ на огонь. Когда масло закипитъ, на немъ дѣлаютъ яичницу изъ трехъ яицъ. Когда она готова, ее опрокидываютъ на тряпку, посыпаютъ перцемъ и кладутъ на голову новорожденнаго, не обращая вниманія на его отчаянные крики. Если спросите у матери, зачѣмъ солятъ и перцуютъ новорожденнаго, она отвѣтитъ вамъ, что если его не посолить, то все его тѣло впослѣдствіи будетъ издавать отвратительный запахъ; яичную же припарку прикладываютъ для укрѣпленія черепа и предохраненія его отъ солнечнаго удара.

Дѣтей здѣсь кормятъ грудью чрезвычайно долго: до 3, 4, а иногда даже и до 5 лѣтъ. Между дѣтьми развита страшная смертность отчасти потому, что они обыкновенно спятъ и сидятъ даже зимою на холодной, промерзлой землѣ, только прикрытой цыновкой. Множество дѣтей гибнетъ также отъ леченія знахарокъ: докторовъ въ здѣшнихъ деревняхъ и городкахъ знаютъ только по слуху, и въ случаѣ болѣзни обращаются за помощью къ знахаркамъ. Тѣ лечатъ нашептываніемъ, даютъ пить травы, которыя, въ большинствѣ случаевъ, сводятъ дѣтей въ преждевременную могилу.

СЕРБІЯ.

Когда и откуда пришли сербы и хорваты въ задунайскія княжества.—Какъ подпали они подъ чужое вліяніе.—Природа и климатъ Сербіи.—Морава и ея значеніе.—Прошлая судьба сербскаго народа.—Его рабство подъ игомъ турокъ.—Освобожденіе сербовъ и права, которыя они пріобрѣли.—Положеніе Сербіи въ настоящее время.—Князь и его значеніе.—Скупщина.—Сенатъ.—Чиновничество.—Образованіе и школы.

Сербы и хорваты въ VII вѣкѣ по Р. Х. пришли съ Карпатскихъ горъ въ задунайскія земли и заняли мѣстности, въ которыхъ они живутъ и до сихъ поръ, а именно: нынѣшнюю Славонію, Кроацію, Далмацію, Герцеговину, Боснію, Старую Сербію и княжество Сербское. Однако оба эти родственныя племени скоро раздѣлились и подпали подъ разныя вліянія: хорваты поселились къ сѣверу и западу, сербы же расположились болѣе на югъ и на востокъ, ближе къ болгарамъ. Слѣдствіемъ этого случайнаго, повидимому незначительнаго, обстоятельства было то, что, принявъ христіанство, сербы (по мѣстоположенію болѣе приближенные къ востоку) подчинились духовной власти Византіи, а хорваты признали главенство римскаго первосвященника: отсюда пошли вѣчные раздоры между этими двумя племенами. Жизнь и государственное устройство обоихъ племенъ тоже сложилось различно: хорваты, благодаря союзу съ могущественными сосѣдями, въ средніе вѣка спаслись отъ турецкаго рабства; сербы напротивъ подпали подъ иго турокъ. Но въ свою очередь, если они лишились свободы, то не утратили своей самобытности. Византійскіе императоры дозволяли имъ самимъ выбирать своихъ начальниковъ, а избавившись отъ своихъ поработителей, сербы окончательно возвратили себѣ вмѣстѣ съ свободою и государственную самостоятельность. Хорваты же испытали участь, которой подвергаются всѣ слабѣйшіе народы, если только они ищутъ защиты и помощи у болѣе сильныхъ сосѣдей, т. е. они совсѣмъ подчинились своей могущественной защитницѣ—Австріи. Правда, иногда безцеремонные поступки Австріи давали понять хорватамъ, что ихъ болѣе порабощаютъ, чѣмъ защищаютъ; это возмущало ихъ и они заявляли о своей самостоятельности. Тогда Австрія задобривала ихъ

разными уступками и обѣщала ввести у нихъ полное самоуправленіе. Но лишь только раздраженіе хорватовъ стихало, австрійское правительство не только не думало выполнять своихъ обѣщаній, но еще больше забирало несчастныхъ въ свои руки и такимъ образомъ они все болѣе утрачивали свою національность. И въ настоящее время различіе между хорватами и сербами громадно. Нужно однако замѣтить, что вообще ни въ одномъ славянскомъ народѣ нѣтъ такихъ племенныхъ особенностей, такого своеобразія въ нравахъ, рѣзко отличающихъ одно племя отъ другаго, какъ у сербовъ и хорватовъ. Этого нельзя приписать исключительно различію вѣры и даже политическихъ учрежденій: географическое положеніе занятыхъ странъ больше всего способствовало развитію особенностей въ этихъ родственныхъ племенахъ. Земли, на которыхъ они поселились, чрезвычайно гористы, а гористое мѣстоположеніе всегда развиваетъ духъ мѣстныхъ особенностей, стремленіе къ мѣстной самостоятельности и отдѣльному политическому существованію. Лучшій примѣръ этого представляютъ черногорцы. Впрочемъ въ сербскомъ народномъ бытѣ мы находимъ чрезвычайное разнообразіе. Въ Черногоріи, Босніи и Герцеговинѣ—сербы находятся еще въ патріархальномъ состояніи, а на островахъ Далмаціи и въ ея приморскихъ городахъ—весьма развиты и образованы. Да и въ занятіяхъ огромная разница. Сербъ Угріи (Венгріи)—земледѣлецъ, такъ какъ онъ живетъ на ровныхъ поляхъ, богатыхъ пшеницею; сербъ Далмаціи—отличный морякъ, такъ что австрійскій флотъ чисто славянскій, почти каждый сербъ въ Черногоріи въ юности пастухъ, а какъ только пришелъ въ возрастъ, непремѣнно воинъ; сербъ княжества—владѣлецъ множества свиней, прекрасныхъ виноградниковъ и сливъ. Какъ у сербовъ, такъ и у хорватовъ въ народномъ бытѣ много древняго, патріархальнаго, но народная старина болѣе всего удержалась у православныхъ сербовъ.

Теперь перейдемъ исключительно къ княжеству Сербскому. Природа этого княжества нисколько не уступаетъ лучшимъ итальянскимъ мѣстностямъ. Растительность по большей части чрезвычайно роскошная, лѣса богатые, плодородная почва, умѣренный климатъ. Правда, лѣтомъ иногда бываютъ довольно сильные жары, но они рѣдко доходятъ до той степени, когда человѣкъ совсѣмъ изнемогаетъ или долженъ дѣлать сверхъестественныя усилія, чтобы работать. Къ тому же здѣшніе жары никогда не бываютъ продолжительны. Горы съ безчисленнымъ множествомъ ущелій и отдѣльныхъ вершинъ загромождаютъ всю страну. По большой части все это длинные хребты или широкія планины (горы, покрытыя лѣсомъ), изрѣзанныя многочисленными ручьями и потоками. Скалистыхъ горъ однако почти нѣтъ: ихъ скаты обыкновенно покрыты чудными виноградниками или высокимъ буковымъ и хвойнымъ лѣсомъ; во многихъ горахъ находятъ богатыя мраморныя ломки, значительное число рудъ и залежи каменнаго угля.

Весна здѣсь бываетъ рано: уже въ началѣ апрѣля все разцвѣтаетъ и покрывается великолѣпною зеленью; свѣжесть лѣсовъ, вѣтры и дожди умѣряютъ жаръ лѣта. Самая большая рѣка Сербіи — Морава. Пробѣгая съ юга на сѣверъ чрезъ большую часть Сербіи, Морава, кажется, должна составлять ея главный водяной путь. Еще въ древности она играла важную роль, что до сихъ поръ видно изъ развалинъ многочисленныхъ римскихъ поселеній по ея берегамъ. Извѣстно, что страна по правому берегу Дуная, которую теперь занимаетъ Сербское княжество, нѣкогда принадлежала римлянамъ. Множество монументовъ, кладбищъ и разныхъ построекъ это ясно доказываютъ. Рядомъ съ этими остатками римскаго величія, по всей Сербіи разбросано множество, какъ разрушенныхъ, такъ отчасти и сохранившихся памятниковъ собственно сербскаго могущества. Однако вернемся къ Моравѣ. Не смотря на свое значеніе въ древности, теперь она совсѣмъ не судоходна. И это легко себѣ объяснить тѣмъ, что въ странѣ долго господствовали турки. Настоящее сербское правительство очень заботится о

томъ, чтобы возвратить Моравѣ ея прежнее значеніе и устроить на ней пароходство, но это не легко. Морава очень сильно разливается, такъ что бываютъ иногда очень большія наводненія, а лѣтомъ во время засухъ на рѣкѣ появляется множество отмелей. Не мало вредятъ судоходству множество мельничныхъ и рыболовныхъ построекъ, которыми сплошь загромождена вся эта рѣка, и наконецъ ея безчисленные изгибы часто требуютъ устройства обводнаго канала. На все это надо много времени и денегъ.

Мы уже упоминали выше, что сербы рано подпали вліянію Византіи. Это однако не мѣшало имъ сохранить свою независимость подъ властію своихъ правителей (жупановъ). До XII столѣтія народъ этотъ ведетъ то междуусобныя войны, то борется съ греками или болгарами. Верховные жупаны или князья часто присоединялись то къ восточной, то къ западной церкви; были войны также за религіозныя убѣжденія или за первенство власти. Одни искали опоры въ Константинополѣ, другіе въ Римѣ; иные принимали посвященіе и отъ папы, и отъ патріарха константинопольскаго. Весь этотъ періодъ жизни сербскаго народа—длинный рядъ вѣроломствъ, измѣнъ, убійствъ; сынъ свергаетъ съ престола отца, отецъ выкалываетъ глаза сыну или заключаетъ его въ монастырь; братъ убиваетъ брата, дядя—племянниковъ. Наконецъ въ XIV вѣкѣ на престолѣ Сербіи является замѣчательный государь—Стефанъ Душанъ, прозванный *сильнымъ*; при немъ Сербія достигла вершины своего могущества. Онъ покорилъ Боснію, Македонію, Албанію. Царь болгарскій и Дубровникъ (Рагуза) находились подъ его вліяніемъ. Наконецъ онъ провозгласилъ себя царемъ. Душанъ замышлялъ завоевать даже Византію, дѣлалъ всѣ усилія, чтобы остановить наплывъ турокъ, которыхъ призывали византійскіе императоры противъ своихъ враговъ, такъ какъ онъ уже тогда понялъ всю опасность отъ ихъ частыхъ переходовъ въ Европу. Но, воспитанный въ Константинополѣ, Душанъ пытался организовать имперію славянскую по образцу византійской, сталъ вводить при дворѣ своемъ строгій этикетъ и роскошь. Тѣмъ не менѣе, проживи онъ долѣе, сербы навѣрно стали бы въ ряду цивилизованныхъ народовъ. Въ сношеніяхъ съ папой Душанъ держался замѣчательной политики: онъ изъявилъ покорность папскому престолу, такъ какъ надѣялся чрезъ это пріобрѣсти много политическихъ выгодъ для своего народа; но покорность папѣ не помѣшала ему быть ревностнымъ православнымъ, строить православныя церкви, помогать своимъ монастырямъ и даже посылать въ рудники тѣхъ, кто склонялся въ «латинскую ересь». Наконецъ Душанъ знаменитъ въ сербской исторіи своимъ законодательствомъ и основаніемъ сербскаго патріаршества, которое ему нужно было для пріобрѣтенія полной самостоятельности. Такимъ образомъ, сербы зажили при немъ самостоятельною государственною и общественною жизнію, пріобрѣли церковную независимость, развили свои внутреннія силы, необыкновенно расширили свои границы. Смерть Душана не только помѣшала осуществленію его будущихъ плановъ, но и разстроила почти все то, что онъ уже сдѣлалъ. При его преемникахъ опять стали происходить раздоры: боярство, униженное и лишенное своего сословнаго значенія при Душанѣ, стало искать при его преемникахъ удовлетворенія своему честолюбію; областные правители стали стремиться къ самостоятельности. Такой порядокъ вещей не могъ спасти сербовъ отъ турокъ; султанъ Мурадъ вторгнулся въ Сербію съ огромными войсками, произошла знаменитая Косовская битва (1389 г.), окончившая независимое существованіе сербовъ. Рабство сербовъ подъ тяжелымъ турецкимъ игомъ продолжалось 400 лѣтъ и ознаменовано казнями, насиліемъ, совершеннымъ разореніемъ жителей и опустошеніемъ края.

Турецкое войско почти ежегодно ходило черезъ Сербію къ венгерскимъ границамъ и въ конецъ обирало и безъ того обѣднѣвшихъ поселянъ. Крестьяне изъ окрестностей Бѣлграда принуждены были отправляться въ Константинополь косить сѣно на султан-

скихъ лугахъ. Понятно, что на одну дорогу отъ Бѣлграда въ Константинополь требовалось много времени, да еще тамъ нужно было долго оставаться работать, и все это происходило въ самую горячую, рабочую пору, поэтому сербу и приходилось вовсе бросать свое собственное хозяйство. Послѣ тяжелаго труда и пути возвращался измученный рабочій совершеннымъ нищимъ въ пустой домъ, къ своему заброшенному хозяйству. Онъ не только не принесъ никакого заработка, но еще продалъ на дорогѣ свое послѣднее платье, такъ какъ ему ни гроша не дали на дорогу. Можно себѣ представить, какой голодъ и нищету должна была испытывать его семья. Вся страна была подѣлена между спахіями (землевладѣльцами-помѣщиками) и жители обязаны были отправлять имъ всякаго рода службу. Каждые пять лѣтъ набирали изъ нихъ множество мальчиковъ—цвѣтъ и надежу народа: ихъ уводили въ Константинополь для службы султану, и изъ нихъ выростали ревностные губители христіанства. Вся страна находилась въ крайне бѣдственномъ положеніи, постоянно была ареной различныхъ войнъ, и сербскія земли переходили изъ рукъ въ руки. Тѣснили даже сербскихъ патріарховъ; тогда одинъ изъ нихъ, Арсеній Черноевичъ, принужденъ былъ покинуть родину и переселиться въ Австрію. Такой поступокъ главы народа не могъ остаться безъ подражанія, и за нимъ выселились 37,000 семействъ. Турки пришли въ ярость отъ такого поступка и, опасаясь, что Арсеній Черноевичъ будетъ и изъ Австріи влiять на свою паству въ Сербіи, строго стали преслѣдовать всякое съ нимъ сношеніе. Вскорѣ послѣ этого они окончательно отняли у сербовъ право выбирать собственнаго патріарха и подчинили ихъ патріаршеству Константинопольскому, въ вѣрности котораго они не сомнѣвались. Для народа это было великимъ несчастьемъ. Онъ лишился независимости своей церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ утратилъ свое послѣднее значеніе въ общественной жизни и послѣднюю возможность образованія. Съ этой поры началась его полная зависимость отъ Константинополя. Тяжесть ига произвела то, что множество народа приняло исламъ. Однако въ это время сербы иногда пытались возвратить свою самостоятельность; но это оканчивалось обыкновенно еще большимъ ихъ угнетеніемъ. Турки приходили усмирять возстаніе, казнили, обирали всѣхъ, кто попадался подъ руку, жгли города, деревни, опустошали поля, уводили съ собой множество плѣнныхъ, которые такимъ образомъ сотнями гибли въ Турціи отъ голода и болѣзней. Многіе сербы бѣжали въ лѣса и становились разбойниками, гайдуками. Какъ и въ Болгаріи, народъ не только не смотрѣлъ на нихъ, какъ на преступниковъ, но скорѣе, какъ на героевъ. И дѣйствительно, ихъ главною цѣлью было враждовать съ невѣрными. Они подстерегали турокъ на дорогѣ, перехватывали денежныя суммы и безпощадно убивали враговъ, когда тѣ имъ сопротивлялись. Гайдучество безъ сомнѣнія производило нѣкоторое движеніе въ народѣ: оно будило воспоминанія объ утраченной свободѣ, поддерживало воинственныя наклонности, но существенной пользы оно не могло принести, такъ какъ съ одной стороны передъ турками это все таки была ничтожная горсть людей, съ другой занятія грабежемъ и разбоемъ не могли развивать въ молодежи нравственныхъ чувствъ.

Какъ въ началѣ рабства, такъ и въ концѣ второй половины XVIII вѣка положеніе сербовъ было одно и то же: это были раіи, т. е. беззащитное стадо, главная обязанность которыхъ—полная покорность и совершенное униженіе передъ своими побѣдителями турками. Побѣжденные сербы должны были носить особое платье, не смѣли строить домовъ своихъ выше мусульманскихъ, не имѣли права ѣздить верхомъ на лошади, а главное ни подъ какимъ видомъ не должны были носить при себѣ оружія. Всѣ турки, знатные и незнатные, считали себя господами раіевъ.

Хозяйственный избытокъ и комфортъ семейной жизни, красивое оружіе, богатыя одежды, большіе дома и проч. составляли исключительное достояніе турокъ. Все богат-

ство сербовъ того времени заключалось въ скотѣ и особенно въ свиньяхъ. Сербу не только было жить тяжело, но даже и встрѣтиться съ туркомъ гдѣ нибудь на дорогѣ было для него величайшимъ оскорбленіемъ. Онъ никогда не смѣлъ попасться на глаза турку иначе какъ пѣшій, при этомъ турокъ могъ подозвать его къ себѣ, послать его, куда ему вздумается, или приказать ему что нибудь сдѣлать себѣ, однимъ словомъ распорядиться съ нимъ, какъ съ своею собственностью, какъ съ своимъ рабомъ. Встрѣчаясь съ туркомъ за городомъ, каждый сербъ долженъ былъ уступить ему дорогу; если съ нимъ было оружіе для защиты отъ разбойниковъ, онъ долженъ былъ незамѣтно его спрятать, иначе турокъ могъ его отнять у него. Не легче было положеніе сербскихъ женщинъ. Каждый турокъ могъ оскорблять ихъ, брать насильно къ себѣ въ жены, въ свои гаремы. Начальникъ области часто наберетъ человѣкъ сто и болѣе охотниковъ до увеселеній и отправляется съ ними странствовать изъ села въ село. Гдѣ ему вздумается, онъ заставитъ явиться всѣхъ сербскихъ женщинъ и дѣвицъ, приказываетъ имъ устроить пляски, хоровыя пѣсни. При этомъ самъ съ пріятелями садится вокругъ, гдѣ происходятъ увеселенія. Послѣ этого онъ заставлялъ женщинъ садиться возлѣ своихъ друзей, а сербамъ прислуживать женщинамъ и себѣ, подавать угощенія. Сносить оскорбленія было для сербовъ обоего пола обязанностью, отвѣчать на нихъ—тяжкимъ преступленіемъ.

Еще въ концѣ прошлаго столѣтія каждому путешественнику по Сербіи прежде всего бросалась въ глаза рѣзкая разница между городами и селами. Въ большихъ и малыхъ городахъ жили турки, сербскій же народъ—въ селахъ, разсыпанныхъ по лѣсамъ и небольшимъ долинамъ. Каждый сербъ старался, какъ можно рѣже бывать въ городахъ, и многіе изъ нихъ доживали до 60 лѣтъ, ни разу не видавъ ни одного города. Церквей у сербовъ почти не было, но за то въ городахъ уцѣлѣло множество монастырей. Многіе приходы, имѣвшіе своихъ священниковъ, не имѣли церквей и были приписаны къ монастырямъ, гдѣ приходскіе священники отправляли службу поочередно. Сербы постоянно совѣтывались съ монахами, которые имѣли на нихъ огромное вліяніе и старались вмѣстѣ съ религіею поддержать въ народѣ уваженіе къ старинѣ. Множество монастырей и жизнь въ уединенныхъ селахъ, гдѣ нибудь въ лѣсной глуши, гораздо болѣе поддерживали старинные дѣдовскіе обычаи и преданія, чѣмъ въ другихъ сербскихъ земляхъ. Этому еще помогало и то, что мѣстное сельское управленіе находилось въ рукахъ людей, избираемыхъ самимъ народомъ. Въ каждой общинѣ былъ *оберкнезъ*, въ каждомъ селеніи нѣсколько кметовъ и сельскій кнезъ; но эти оберкнезы утверждались въ должности султанами. Черезъ оберкнезовъ паша той или другой области передавалъ свои требованія народу, налагалъ подати на цѣлую область. Подати, собранныя съ народа оберкнезами, передавались пашѣ. Кнезы и кметы разбирали всѣ распри между своими сельчанами. Эти народные правители нисколько не отличались своей одеждою отъ другихъ сельчанъ и точно также должны были унижаться передъ турками и выполнять всѣ ихъ унизительныя требованія, предписанныя народу. Къ тому же нужно замѣтить, что, не смотря на право общиннаго самоуправленія, народъ все таки не имѣлъ никакихъ политическихъ правъ, какъ и вся райя въ остальныхъ турецкихъ провинціяхъ. Господствующимъ сословіемъ были только лица, исповѣдывавшія магометанство. Политическими правами пользовались только спахіи (землевладѣльцы-помѣщики), большая часть которыхъ происходила отъ старыхъ сербскихъ фамилій изъ Босніи и Герцоговины, перешедшихъ въ мусульманство ради сохраненія своихъ вотчинныхъ правъ, и только немногіе были чисто османскаго происхожденія.

Такъ жили сербы до 1804 г., когда они всѣ поголовно возстали противъ турокъ. Во главѣ возстанія былъ Карагеоргій—человѣкъ необыкновенно энергичный. Онъ представляетъ собою типъ истаго, умнаго, проницательнаго серба, горячо ненавидящаго своихъ при-

тѣснителей. Когда Карагеоргій провозглашенъ былъ старѣйшиною собравшимися около него гайдуками, духовными лицами и тѣми, кто рѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ начать возстаніе, онъ долго отказывался отъ этой чести, говоря: «Я человѣкъ лютый и злой, и кто меня не послушаетъ, или кто уклонится въ сторону, я убью того, а вамъ то будетъ омерзительно и каждый станетъ осуждать и злобиться, а турки будутъ тому рады, и мы можемъ пропасть». Однако его уломали, онъ сталъ старѣйшиной и началъ нападать на турокъ. Карагеоргій ходилъ съ своей дружиной по селамъ и всюду изгонялъ турецкую стражу; всюду народъ приставалъ къ нему и дружина его все росла, все болѣе значительныя побѣды одерживала надъ турками. Война продолжалась десять лѣтъ, у сербовъ почти не было оружія, они часто стрѣляли изъ деревянныхъ пушекъ, но дрались отчаянно и выгнали турокъ изъ Сербіи. Въ этомъ помогли имъ и русскіе; но въ 1812 году на Россію двинулось войско, какого еще не видала Европа; его велъ Наполеонъ. Россіи приходилось теперь самой выдерживать борьбу не за потерю какихъ нибудь владѣній, но за политическое существованіе, за самую жизнь. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ русскимъ войскамъ пришлось выйти изъ Сербіи, такъ какъ Россія должна была собирать всѣ свои силы для борьбы, которая должна была рѣшить ея собственную судьбу. Теперь туркамъ некого было бояться, тѣмъ болѣе, что десятилѣтняя война внесла много раздора между сербскими вождями и за послѣднее время весьма ослабила ихъ силы; поэтому турецкія войска скоро появились близь границъ Сербіи. Началась война при самыхъ плачевныхъ обстоятельствахъ. Ужасъ и отчаяніе не только овладѣли сербскимъ народомъ, но и лучшими его представителями, въ числѣ которыхъ былъ и Карагеоргій. И онъ въ самую критическую для родины минуту бѣжалъ за Дунай въ Австрію. Выходъ русскихъ войскъ, бѣгство Карагеоргія и смерть одного изъ самыхъ смѣлыхъ сербскихъ гайдуковъ, наводившихъ страхъ на турокъ,—было рѣшительнымъ ударомъ для Сербіи. Турки легко овладѣли Бѣлградомъ, куда въ общій сумятицѣ сербы позабыли послать съѣстныхъ припасовъ. И послѣ этого сопротивленія уже нигдѣ не было. Многіе сербы скрывались въ лѣсахъ, другіе перебѣгали въ Австрію, и Сербія вновь была совершенно опустошена. Удачнѣе Карагеоргія дѣйствовалъ Милошъ Обреновичъ, избранный главою народа. Онъ часто разбивалъ турокъ и всегда умѣлъ пользоваться своею побѣдою. При немъ сербы опять получили отъ турецкаго правительства болѣе самостоятельности, но отъ этого народу было не легче, такъ какъ внутри страны были постоянныя неурядицы, великія смуты и большіе поборы съ народа. Во время одного волненія (въ 1814 г.) турки обезглавили до полутораста человѣкъ, 36 человѣкъ посадили на колъ, и все это были—цвѣтъ сербскаго юношества, храбрые и сильные. Однихъ изъ нихъ казнили, потому что подозрѣвали ихъ зачинщиками возстанія, другихъ потому, что они могли быть опасны послѣ. Чтобы обезопасить себя отъ волненій и въ будущемъ, турки опять стали отбирать послѣднее оружіе у сербовъ, и при этомъ не было конца всякаго рода насиліямъ: отбирали все, что было получше, и въ особенности купленное платье, на томъ основаніи, что по закону, предписанному ими, сербы не должны были носить другой ткани, кромѣ сотканной ихъ женами. Даже жена Милоша Обреновича, который своей умной политикой пріобрѣлъ у турокъ большое значеніе, не смѣла явиться передъ турецкими чиновниками иначе, какъ въ самодѣльномъ платьѣ. При малѣйшемъ сопротивленіи женщинъ во время обысковъ, имъ привязывали къ подбородку мѣшки, изъ которыхъ кормятъ лошадей, клали туда золы и потомъ, поднявши мѣшокъ къ верху, засыпали ею носъ и ротъ. Иныхъ связывали по рукамъ и ногамъ, вѣшали на перекладину и клали на тѣло тяжелые камни; иныхъ засѣкали до смерти, сажали на колъ и даже живыхъ поджаривали. Цыгане изъ магометанъ—и тѣ могли каждаго встрѣчнаго на дорогѣ серба остановить, снять съ него всю одежду до послѣдней рубахи, бросить въ

замѣнъ свои лохмотья, а вмѣсто нихъ одѣться въ хорошую сербскую одежду. Не были пощажены и главные представители сербскаго народа. Въ числѣ казненныхъ передъ бѣлградскими воротами были прежніе сенаторы, старые и знатные воеводы.

Вотъ какіе ужасы происходили на Балканскомъ полуостровѣ еще въ началѣ XIX ст., вотъ какъ долго страдали и сколько натерпѣлись отъ турокъ сербы! Впрочемъ народъ этотъ терпѣлъ не только отъ турокъ, но и отъ своихъ правителей. Милошъ Обреновичъ взялъ у турецкаго правительства на откупъ сборъ государственныхъ налоговъ и при этомъ нажилъ и себѣ огромное состояніе. Тѣмъ не менѣе своимъ умѣньемъ нравиться туркамъ, Милошъ мало по малу получалъ возможность улучшать бытъ своего народа, все болѣе упрочивалъ его самостоятельность, пріобрѣталъ значеніе и вѣсъ. Постепенно, шагъ за шагомъ, входя въ силу, Милошъ съумѣлъ добиться того, что въ 1817 г. сербы признали его своимъ княземъ, а потомъ онъ добился того же и отъ турокъ, и въ 1820 г. получилъ фирманъ султана, утверждавшій его достоинство.

Однако хотя сербы и получали отъ времени до времени нѣкоторыя права отъ турецкаго правительства, но эти права не были ничѣмъ обезпечены и сами турки, давая ихъ, не думали серьезно уважать ихъ. Рѣшительное вліяніе на положеніе Сербіи имѣла русско-турецкая война 1828 и 29 г. Война эта кончилась Адріанопольскимъ миромъ и внушила туркамъ страхъ къ русскому оружію, а потому и заставила иначе отнестись къ сербамъ. На скупщинѣ (т. е. на собраніи народныхъ представителей) въ 1830 г. Милошъ объявилъ для всеобщаго свѣдѣнія всѣ дарованныя сербскому народу права, а именно: свобода богослуженія, право выбирать изъ своей среды начальниковъ, самостоятельное судопроизводство, опредѣленная дань Портѣ, которая уже не могла быть увеличена ни по чьему произволу.

«Теперь», сказалъ Милошъ, «нація и отечество свободны. До сихъ поръ все бремя управленія лежало на мнѣ одномъ. Теперь я отказываюсь добровольно отъ званія, въ которое вы сами меня облекли, разрѣшая націю отъ данной ею мнѣ и неоднократно повторенной присяги въ неизмѣнной вѣрности, слагаю безъ принужденія и по собственной волѣ мою должность. Друзья! выберите отечеству другаго князя, выберите лучшаго и способнѣйшаго изъ всей націи и стройте сами свое правительство; потомъ сообщите о вашемъ рѣшеніи народной депутаціи въ Константинополѣ, чтобы она представила это рѣшеніе на одобреніе и утвержденіе высокой Портѣ. Я съ моей стороны всегда готовъ содѣйствовать вамъ моими совѣтами».

Собраніе прервало послѣднія слова князя единогласнымъ восклицаніемъ. «Отецъ, спаситель отечества! Мы не хотимъ и не знаемъ другаго выбора! Самъ Богъ избралъ тебя! Народъ добровольно присягнулъ тебѣ и твоему потомству въ неизмѣнной вѣрности. Мы возобновляемъ эту присягу отъ нашего имени, отъ имени народа и нашего потомства. Доверши твое дѣло, самъ устрой для насъ правительство, какое найдешь наиболѣе пригоднымъ». Такимъ образомъ установилось въ Сербіи правительство, во главѣ котораго были теперь уже князья.

Сербія сдѣлалась теперь княжествомъ самостоятельнымъ и независимымъ по своему внутреннему управленію. Сербы сами стали выбирать себѣ князя, начали пользоваться самостоятельнымъ законодательствомъ, управленіемъ и судомъ. Они имѣли также право выставлять нѣкоторое оборонительное войско, имѣть свои гарнизоны въ крѣпостяхъ, имѣть свой гербъ вмѣстѣ съ флагомъ. Затѣмъ вслѣдствіе большихъ уступокъ, которыя Порта сдѣлала Сербіи въ 1867 году, страна эта стала почти независимою. Кромѣ дани въ 2.300,000 турецкихъ грошей (нашихъ гривенниковъ), которые Сербія ежегодно выплачивала султану, его сюзеренныя права во всемъ остальномъ ограничивались лишь внѣшностью. Избраннаго народомъ князя — султанъ утверждалъ въ

этомъ достоинствѣ; на крѣпостныхъ стѣнахъ подлѣ сербскаго флага красовался и флагъ турецкій. Кромѣ опредѣленной, ежегодной подати, Турція не имѣла теперь права требовать никакой другой помощи отъ Сербіи: ни деньгами, ни войскомъ. Въ случаѣ войны, турецкія войска не могли проходить черезъ сербскія владѣнія, ни вступать въ нихъ и въ мирное время. Такъ все это было до объявленія Сербіею войны Турціи въ 1876 году. По берлинскому трактату (1878 г.) признана полная независимость сербскаго княжества.

Вслѣдствіе постоянныхъ волненій, порядокъ престолонаслѣдія до 1868 года не былъ установленъ и сербская корона переходила изъ рукъ въ руки потомковъ двухъ фамилій—Карагеоргіевичей и Обреновичей, каждый разъ по свободному выбору скупштины (собраніе народныхъ представителей). Убіеніе въ 1868 году послѣдняго сербскаго князя Михаила III Обреновича, въ которомъ были замѣшаны Карагеоргіевичи, заставило скупштину своимъ приговоромъ на всегда устранить отъ престола Карагеоргіевичей. Утвердится ли этотъ приговоръ на дѣлѣ—неизвѣстно. Теперь на сербскомъ престолѣ князь Миланъ Обреновичъ, который въ 1868 году наслѣдовалъ своему убитому дядѣ Михаилу III. Что касается до выбора князя народомъ, т. е. скупштиною, то это бываетъ только тогда, когда князь умретъ бездѣтнымъ, не назначивъ себѣ преемника. Ясно, что здѣсь власть скупштины, какъ и въ другихъ случаяхъ, скорѣе номинальная, такъ какъ князь рѣдко умираетъ, не оставивъ по себѣ наслѣдника.

Законодательную власть князь раздѣляетъ съ народными представителями, т. е. со скупштиною, но власть исполнительная и назначеніе министровъ исключительно принадлежатъ князю.

Разсмотримъ устройство и права народной скупштины—важнѣйшаго изъ государственныхъ учрежденій Сербіи. Въ прежнее время скупштина имѣла видъ патріархальнаго собранія, куда собирались народные представители. Собранія эти бывали большею частію шумны и безтолковы. Во время войны за освобожденіе, сюда часто являлись вооруженные сербскіе военачальники и страхомъ и угрозами нерѣдко заставляли скупштину принимать то или другое предлагаемое ими постановленіе. Съ тѣхъ поръ, конечно, прошло много времени, и порядокъ болѣе сроднился съ этимъ учрежденіемъ, но долго еще, намъ кажется, его значеніе будетъ болѣе призрачное, чѣмъ дѣйствительное.

Въ княженіе Александра Карагеоргіевича скупштина созывалась очень рѣдко, наконецъ она потребовала, чтобы ее созывали черезъ каждые три года. Князь Александръ обѣщалъ исполнить желаніе народа, но такой законъ долго не появлялся. Извѣстно, что народное собраніе, созванное черезъ 10 лѣтъ послѣ этого, низложило этого князя и призвало назадъ Обреновичей.

Теперь, по закону Михаила III, скупштина собирается каждые три года, а въ нѣкоторыхъ экстренныхъ случаяхъ и ранѣе срока. Каждый платящій подати пользуется избирательнымъ правомъ, т. е. можетъ изъ среды своей выбрать представителя въ члены народной скупштины. Но выбраннымъ можетъ быть только тотъ, кто уже достигъ 30 лѣтъ и находится на хорошемъ счету у поселянъ. На 10,000 человѣкъ полагается одинъ депутатъ. Чиновники и военно-служащіе не пользуются никакими избирательными правами.

Безъ согласія скупштины не могутъ быть измѣнены ни главныя учрежденія страны, ни законы о податяхъ. Нужно однако замѣтить, что съ одной стороны скупштина находится подъ сильнымъ вліяніемъ министерства, которое въ свою очередь въ совершенной зависимости отъ князя, во-вторыхъ—одна треть членовъ скупштины прямо назначается правительствомъ, а президентъ выбирается княземъ изъ шести кандидатовъ, предложенныхъ собраніемъ скупштины. Ясно, что президентъ всегда имѣетъ большое

9

значеніе въ собраніи и можетъ скорѣе дать право голоса тому, кто проводитъ мысли, благопріятныя князю, чѣмъ тому, кто съ нимъ въ оппозиціи. Въ 1864 году министерство даже издало уставъ, по которому скупштина имѣетъ право обсуждать только то, что ей предложатъ министры. Въ этомъ же году было подтверждено правило, по которому скупштинарами (т. е. выбранными въ скупштину) не могутъ быть чиновники.

Мы уже говорили, что Сербія—страна богатая своими естественными произведеніями, но такъ какъ жители не имѣютъ возможности сбывать эти произведенія, не въ состояніи улучшить свое хозяйство и усовершенствовать свою промышленность, то въ странѣ этой чрезвычайно мало богатыхъ людей. Правда, главные богачи и капиталисты Сербіи, имѣютъ большія помѣстья, но не въ Сербіи, а въ Молдавіи. Между тѣмъ съ развитіемъ образованія, люди пріобрѣтаютъ и потребность къ нѣкоторому комфорту, и необходимость въ деньгахъ для удовлетворенія своихъ духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ. Въ Сербіи денегъ нѣтъ; простаго человѣка страна эта удовлетворяетъ своими естественными произведеніями, образованному же сербу хочется имѣть уже кое-что другое, вотъ онъ и дѣлается чиновникомъ, чтобы пріобрѣсть нѣкоторыя средства. Поэтому въ Сербіи всякій мало-мальски образованный человѣкъ непремѣнно чиновникъ. Правительство и старается, чтобы чиновники не были скупштинарами, такъ какъ въ противномъ случаѣ они могли бы въ собраніяхъ скупштины обсуждать дѣйствія правительства, могли бы подъ блестящей формой и пышными фразами, которыми министерство такъ часто сопровождаетъ свои уставы, проникнуть въ сущность дѣла. Теперь же большинство скупштинаровъ, люди вовсе необразованные; не только обыкновенно соглашаются совсѣмъ, что угодно правительству, но сами уничтожаютъ свои права, принимаютъ то, что идетъ имъ прямо во вредъ. Такіе порядки имѣютъ чрезвычайно дурное вліяніе на ходъ всѣхъ дѣлъ въ странѣ и къ тому же отсюда вытекаетъ и другое, не менѣе печальное, явленіе—вражда между классомъ чиновниковъ и народомъ. Непріязнь между двумя классами такъ велика, что между ними лежитъ просто цѣлая пропасть; этому разладу опять-таки помогаетъ правительство: чиновникъ не только не можетъ быть выбранъ членомъ скупштины, но и ни во одно народное собраніе; даже на бесѣду чиновника съ селяниномъ полиція смотритъ подозрительно. Съ другой стороны, какъ бы ни оскорбилъ чиновникъ селянина, тотъ не можетъ на него жаловаться, не испросивъ на то разрѣшенія ближайшаго начальства, а начальство никогда не дозволитъ своего чиновника отдать подъ судъ по частной жалобѣ и даже по жалобѣ цѣлаго общества. Поэтому чиновникъ смотритъ на народъ, какъ на нѣчто ему совершенно чуждое, которому онъ ничѣмъ не обязанъ, съ которымъ онъ не долженъ имѣть ничего общаго; народъ съ своей стороны смотритъ на него еще хуже: онъ видитъ въ немъ своего врага, ненавидитъ его и не допускаетъ въ свое общество.

Всѣ почти сербскія, государственныя учрежденія: законодательныя, судебныя, административныя и полицейскія сложились въ Сербіи не соотвѣтственно народному быту, а скорѣе навязаны ему извнѣ.

Народъ видѣлъ въ Милошѣ своего главнаго освободителя и спасителя и потому единодушно покорился и довѣрился ему. И князь этотъ своимъ замѣчательнымъ умомъ, дѣятельностію, умною политикою и глубокимъ знаніемъ нуждъ и характера своего народа—много сдѣлалъ добра для своей страны, но въ то же время былъ и виновникомъ множества безпорядковъ. Своимъ корыстолюбіемъ Милошъ часто подавалъ поводъ къ заговорамъ противъ себя, къ волненіямъ среди народа и къ постороннему вмѣшательству во внутреннія дѣла Сербіи, а вмѣстѣ съ этимъ вносились въ страну и чужестранныя учрежденія. Къ тому же большая часть государственныхъ людей въ Сербіи—питомцы и почитатели Австріи. И потому не только большая часть австрій-

скихъ учрежденій пересажены цѣликомъ на сербскую почву, но даже политическія симпатіи и антипатіи сербовъ часто заимствованы отъ австрійцевъ.

Что касается грамотности въ Сербіи, то она здѣсь быстро развивается. Въ ней и теперь уже между молодежью рѣдко найдется безграмотный. На 1.631,000 жителей, она имѣетъ до 500 первоначальныхъ школъ для мальчиковъ и 48 такихъ же школъ для дѣвочекъ. 2 полныхъ классическихъ гимназій и 7 прогимназій, военную академію, духовную семинарію, 1 высшую и 8 нисшихъ реальныхъ школъ, учительскій институтъ, высшую женскую школу и наконецъ такъ называемую «высшую школу», которая соотвѣтствуетъ университету. Эта «высшая школа» имѣетъ 3 факультета: юридическій, философскій и техническій. На философскомъ 2 отдѣленія: историко-философское и физико-математическое. На юридическомъ и техническомъ факультетахъ курсъ продолжается 4 года, на философскомъ 3. На *юридическомъ* факультетѣ въ 1874 г. было 114 студентовъ и 7 вольнослушателей, на *философскомъ*—43, на *техническомъ*—37. Лучшіе воспитанники высшей и военной школы для довершенія своего образованія отправляются на нѣсколько лѣтъ, на счетъ правительства, во Францію и Германію. Лучшіе изъ семинаристовъ ѣдутъ въ Россію, обыкновенно въ Кіевъ, въ тамошнюю духовную академію. Впрочемъ многіе изъ сербской молодежи отправляются за-границу для усовершенствованія въ разныхъ знаніяхъ и на свой счетъ, такъ что тутъ не диво встрѣтить въ какой нибудь канцеляріи, на самой нисшей должности, человѣка съ заграничнымъ образованіемъ. Но какъ это ни странно, однако нужно замѣтить, что эта обширная грамотность и распространеніе европейскаго образованія между молодежью не сказываются здѣсь пока ни въ наукѣ, ни въ литературѣ, ни даже въ общественной жизни.

Сербская литература развивается весьма медленно. Здѣсь вовсе даже нѣтъ класса ученаго или литературнаго и книги преимущественно издаются съ педагогическою цѣлью: учебники и книги для первоначальнаго чтенія. Между взрослыми и образованными людьми, любовь въ чтенію развита чрезвычайно слабо. Въ годъ выходитъ отъ 20 до 30 книгъ. Журналъ «Гласникъ» выходитъ въ годъ нѣсколькими книгами, печатается на счетъ правительства и, не смотря на крайне дешевую цѣну, раскупается очень немногими. Въ 1875 г. началъ выходить въ Бѣлградѣ ежемѣсячный беллетристическій журналъ «Отаджбина» (Отечество). Три, четыре газеты (при этомъ большая часть изъ нихъ издаются на счетъ правительства) насчитываютъ по тысячи, много полторы тысячи подписчиковъ. Но что же за причина всему этому? Нужно помнить, что Сербія государство молодое, только начинающее слагаться; учрежденія ея мало примѣнимы къ народному быту и наконецъ не мало тормозитъ дѣло узкая практичность серба. Онъ ходитъ въ школу, изучаетъ какое нибудь знаніе чисто изъ практическихъ видовъ, чтобы получить чиновничье мѣсто и жалованье. Къ чтенію, къ пріобрѣтенію знаній, которыя не могутъ немедленно принести ему матерьяльной выгоды, онъ не чувствуетъ особеннаго стремленія. Кончивъ курсъ въ своей школѣ, т. е. вызубривъ нѣсколько учебниковъ, онъ еще нисколько не развитъ и не подготовленъ къ слушанію лекцій въ европейскихъ университетахъ. Вотъ почему образованіе сербской молодежи и за-границей не приноситъ ей надлежащей пользы.

Какъ живутъ сербскіе поселяне.—Жилище серба.—Его наружный видъ и внутреннее убранство.—Пища.—Задруга: ея характеръ и значеніе.—Женщина и ея положеніе въ семейной общинѣ.—Старѣйшина: его обязанности и отношеніе къ остальнымъ членамъ.—Задругари.—Глубокая привязанность сербскихъ женщинъ къ своимъ братьямъ.—Моба.—Хорошія и дурныя стороны семейно-общинныхъ отношеній.—Раздѣлъ задруги и его послѣдствія.

Сербскіе поселяне въ большинствѣ случаевъ живутъ *задружно*, т. е. нѣсколько родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, дядьевъ и племянниковъ живутъ вмѣстѣ, даже тогда, когда они женаты и имѣютъ своихъ взрослыхъ дѣтей. Всѣ члены такой задруги, или семейной общины, пользуются одинаковыми правами: всѣ сообща работаютъ на однихъ пашняхъ, сѣнокосахъ, въ однихъ виноградникахъ, поровну расходуютъ общій приходъ и притомъ непремѣнно все дѣлаютъ по взаимному соглашенію. Все, что есть въ домѣ задруги,—общее достояніе: земля, пашни, покосы, луга, виноградникъ, садъ, лѣса, огороды, полевыя орудія, стада, хлѣва, конюшни и разныя постройки для жилья и хозяйственныхъ потребностей,—все это принадлежитъ всѣмъ вмѣстѣ и никому въ частности, и въ то же время, каждый членъ имѣетъ во всемъ этомъ свою непремѣнную часть. Задругами живутъ только въ селахъ и отнюдь не въ городахъ. Для сельскаго хозяйства задруга, какъ мы увидимъ ниже, чрезвычайно удобна и представляетъ много выгодъ, и потому въ верхней Герцеговинѣ даже сербо-мусульмане нерѣдко живутъ задругами.

Домъ, въ которомъ члены задруги собираются для совѣщанія и для общихъ дѣлъ, называется *домахина*, *хижа*, а жилища отдѣльныхъ задругарей зовутъ *клѣтью*, *коморой*. Прежде въ Сербіи были большія села, гдѣ всѣ жители были членами одной задруги; теперь такихъ задругъ очень немного. Члены задруги, большею частью, родственники по крови, особенно въ мужской линіи, за исключеніемъ слугъ и очень немногихъ членовъ, которые прежде жили одиноко, внѣ всякой задруги, а потомъ вступили въ бракъ съ женщинами, принадлежащими къ какой-нибудь задругѣ и, женившись, остались въ жениныхъ задругахъ. И такъ членами задруги никогда не бываютъ люди между собой совершенно чужіе. Когда члены задруги начинаютъ сильно ссориться между собой, а это чаще всего бываетъ, когда задруга сильно размножилась и въ ней много женщинъ, тогда происходитъ раздѣлъ. По крайней мѣрѣ сами сербы убѣждены въ томъ, что причиною раздѣла—женщины. Если это и справедливо, тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ обвинять женщину и видѣть въ этомъ ея неуживчивый, вздорный характеръ, нужно имѣть хоть нѣкоторое понятіе о ея положеніи вообще и въ задругѣ въ особенности.

Женщина въ Сербіи полнѣйшая раба своего мужа, а тутъ еще къ стѣсненію отъ мужа прибавляются различныя стѣсненія отъ многочисленныхъ членовъ задруги. Кто своими глазами не видалъ быта сербскихъ поселянъ, тому и представить трудно, какая масса разнообразныхъ, тяжелыхъ обязанностей лежитъ здѣсь на женщинѣ. Она нянчитъ ребятъ, съ ногъ до головы сама одѣваетъ себя, мужа, всѣхъ дѣтей, а часто и другихъ сожителей задруги. Мы говоримъ—она одѣваетъ семью: это не значитъ, что она должна только сшить одежду и каждый разъ ее вымыть. Нѣтъ, все, что одѣто на ней и на ея семьѣ,—все это буквально приготовлено ея руками. Ленъ, изъ котораго она выпряла нитки для холста, она сама сѣяла, трепала, чесала, пряла, ткала, бѣлила. Тоже дѣлала она и съ шерстяною одеждою, только мужчины при этомъ стригутъ съ овецъ волну и раздѣляютъ ее между женщинами, а все остальное дѣлаютъ онѣ сами. Женщины готовятъ кушанья и на своихъ плечахъ каждый разъ разносятъ его работающимъ въ поляхъ, хотя тѣ иногда находятся и на часъ разстоянія отъ дома. При этомъ

идти имъ приходится по горамъ, въ самый жаръ и послѣ тяжелой работы. Затѣмъ онѣ возвращаются домой и начинаютъ таскать воду для той скотины и птицы, которая лѣтомъ пасется у нихъ въ безводныхъ мѣстахъ. Не въ счетъ дѣла и между дѣломъ, онѣ должны приготовлять сыры, доить коровъ, кормить своихъ многочисленныхъ свиней. Кромѣ того женщина обыкновенно служитъ свекру, старшему деверю, ухаживаетъ за ними и помогаетъ имъ почти во всякой полевой работѣ. Мало полевыхъ работъ, въ которыхъ женщины не помогали бы мужчинамъ, между тѣмъ рѣдкій мужчина рѣшится помочь женщинѣ и большую часть ея работъ считаетъ для себя унизительными.

Право, трудно сказать, когда здѣсь женщины спятъ: днемъ онѣ заняты задружными работами, ночью каждая изъ нихъ старается подѣлать что нибудь себѣ. Вотъ онѣ и ссорятся, лишь только одна замѣтитъ, что у другой болѣе времени, чѣмъ у нея, завидуютъ другъ другу и затѣмъ начинаютъ мучить своихъ мужей... Происходитъ раздѣлъ и задруга распадается. Нужно замѣтить, что прежде, даже лѣтъ 40 тому назадъ, задруги были гораздо многочисленнѣе, теперь онѣ обыкновенно состоятъ изъ 14, 15 членовъ; чуть увеличилось ихъ число, и сейчасъ дѣлятся. И это понятно: во время тяжелаго турецкаго гнета сербамъ по необходимости приходилось дружно держаться семейныхъ узъ. Семья, состоящая изъ многихъ членовъ, общими силами могла надежнѣе охранять свое достояніе, чѣмъ небольшая семья, гдѣ защитникомъ иногда является одинъ человѣкъ. Къ тому же доли имущества каждаго отдѣльнаго лица, соединенныя въ одно цѣлое, представляли болѣе силы и гарантіи для бѣдняка въ случаѣ голода и турецкаго грабежа. Самая большая задруга состоитъ изъ 70 душъ, а самая маленькая изъ 10.

Рабство сербовъ укрѣпляло ихъ семейныя узы еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Впродолженіе всѣхъ четырехсотъ лѣтъ турецкаго ига сербы нисколько не развивались умственно и стояли все на той же ступени первобытныхъ, патріархальныхъ отношеній, какъ это было до ихъ порабощенія. Поэтому, почти до нашихъ дней, жило въ народѣ глубочайшее уваженіе къ задругѣ и къ семейнымъ патріархальнымъ отношеніямъ. Теперь же, когда сербъ получилъ возможность жить свободною жизнію, родовыя задружныя узы стали разрываться, раздѣлы происходятъ чаще, задруга дѣлается все малочисленнѣе.

Однако и теперь еще задруга самое характерное явленіе семейной жизни серба. Посмотримъ же поближе, какъ при этомъ живется сербскому народу.

Обыкновенно при небольшомъ фруктовомъ садѣ стоитъ грубо сколоченный домъ, покрытый черепицею. Прежде всего въ этомъ зданіи бросается въ глаза очень крутая и высокая крыша. Крыши сербскихъ домовъ иногда до того высоки, что почти вдвое выше всей избы. Внутри домъ раздѣленъ на двѣ, на три комнаты. Главная дверь ведетъ въ среднюю и самую большую комнату, которая служитъ кухнею. Изъ нея съ двухъ противуположныхъ сторонъ идутъ двери въ остальныя двѣ комнаты. Трубъ въ домахъ не бываетъ и вмѣсто нихъ въ крышѣ продѣлано отверстіе. Во время сырой погоды дымъ сразу не можетъ выйти черезъ это отверстіе и тогда онъ наполняетъ весь домъ; чтобы, не задыхаясь, оставаться въ немъ въ это время, нужно привыкнуть къ этому съ ранняго дѣтства. Комнаты подлѣ кухни въ богатыхъ мѣстностяхъ и въ большой задругѣ очень чисты и уютны. Въ нихъ помѣщаются домохозяинъ съ хозяйкою и сюда же собираются всѣ члены задруги для обѣда, общаго совѣта и дневныхъ занятій. Младшіе члены съ своими семьями имѣютъ свои особыя помѣщенія, большей частью даже въ особыхъ строеніяхъ, которыя группируются вокругъ главнаго дома. Но эти помѣщенія очень малы, обыкновенно съ одною только спальнею, такъ какъ для обѣда и работъ всѣ члены задруги собираются въ домѣ старѣйшины. Дворъ окруженъ частоколомъ и посреди стоитъ нѣсколько деревянныхъ построекъ на невысокихъ столбикахъ.

Это кладовыя, гдѣ хранятся запасы и полевыя орудія; такъ какъ онѣ на подпоркахъ, то домашнія животныя прячутся подъ ними въ дурную погоду. Эти постройки въ свою очередь тоже окружены ивовыми вѣтвями. Нужно замѣтить, что обычай все огораживать необыкновенно распространенъ въ сербскихъ селахъ. Сербы отгораживаютъ поземельную собственность одной общины отъ другой, одного землевладѣльца отъ другаго, даже и отдѣльныя части. Участокъ, на которомъ землевладѣлецъ сѣетъ кукурузу, отдѣленъ отъ того участка, гдѣ онъ сѣетъ пшеницу, рожь и тому подобное. Эти границы часто устроиваютъ даже и въ такомъ случаѣ, если вся земля поселянина не разбросана между участками другихъ собственниковъ. Садъ и домъ со всѣми пристройками тоже по большей части огорожены. Слѣдствіемъ этого средневѣковаго обычая— все огораживать, укрывать отъ чужихъ глазъ—было сильнѣйшее истребленіе лѣсовъ. Лѣтъ 40 тому назадъ это обстоятельство обратило на себя серьезное вниманіе правительства, такъ что теперь одинъ поземельный участокъ отъ другаго стали отгораживать уже рвомъ.

Сербъ всячески старается украсить свой домъ. Земляной полъ онъ устилаетъ цыновками, а богатые самотканными коврами. Эти цыновки съ нѣсколькими подушками служатъ также и для сна. Кровати и шкапы здѣсь большая рѣдкость. Лучшія платья хранятся въ пестро-раскрашенныхъ сундукахъ. Стулья почти неизвѣстны, ихъ замѣняютъ здѣсь скамейки на трехъ ножкахъ.

Чѣмъ богаче сербъ, тѣмъ болѣе въ его домѣ раскрашенныхъ образовъ. Передъ ними виситъ оловянная лампада, а около—*гусли*, музыкальный инструментъ славянъ. Съ другой стороны образовъ виситъ оружіе хозяина. Иногда по стѣнамъ развѣшаны литографіи сербскихъ героевъ и портретъ князя. Въ кухнѣ же вмѣсто картинокъ прибиты къ стѣнамъ полки и на нихъ разставлены оловянныя тарелки, стеклянные сосуды, глиняные подсвѣчники, деревянныя ложки и кружки для воды, точь въ точь такія, какія употребляютъ еще иногда и теперь въ Римѣ. По всей вѣроятности, эта античная форма кружекъ наслѣдована сербами отъ римлянъ. Стеклянной посуды вообще мало, такъ какъ всѣ стеклянныя издѣлія въ Сербіи — привозныя; поэтому въ крестьянскихъ домахъ рѣдко бываютъ даже стекла въ окнахъ. Обыкновенно на деревянныя рамки наклеена толстая бумага, но и эти рамки навѣшиваютъ только зимою и на ночь, а въ остальное время вѣтеръ свободно разгуливаетъ по хатѣ. Лучшимъ украшеніемъ сербскихъ домовъ служатъ садики, которые бываютъ и при жилищѣ весьма небогатаго человѣка. Въ саду много прекрасныхъ яблонь, грушевыхъ и черешневыхъ деревьевъ, но больше всего сливъ. Вотъ почему здѣсь водка, которая исключительно добывается изъ сливъ, такъ дешева. На сливахъ, виноградѣ да на свиньяхъ, прокармливающихся желудями многочисленныхъ дубовыхъ лѣсовъ, главнымъ образомъ и держится все сельское хозяйство. Нужно однако замѣтить, что такихъ округовъ, въ которыхъ бы виноградъ родился въ изобиліи, вообще немного, сливы же напротивъ здѣсь вездѣ родятся.

Пища серба очень проста: рыбный супъ съ кислымъ молокомъ, да кислая капуста съ саломъ — любимыя кушанья народа. Хлѣбъ пекутъ, какъ въ большей части странъ на Балканскомъ полуостровѣ, изъ маисовой муки. Сербы строго держатся постовъ и ѣдятъ въ это время сушеную рыбу, бобы, огурцы, молодой чеснокъ и много другихъ овощей. При этомъ нужно замѣтить, что чуть не во всѣ кушанья они кладутъ мѣстный перецъ—*паприка*. Зелени и овощей въ Сербіи очень много, на бѣлградскій рынокъ привозятъ ихъ цѣлыя горы. Картофель однако распространенъ здѣсь очень мало и воздѣлывается почти исключительно болгарами, поселенными близь Бѣлграда.

Главное лицо задруги—*старѣйшина*, его также называютъ *домачиномъ*. Ста-

рѣйшиною бываетъ обыкновенно тотъ, кто старше годами; но часто случается, что онъ самъ уступаетъ это достоинство младшему, если задруга считаетъ его самымъ способнымъ и радивымъ изъ всѣхъ членомъ. Не рѣдко старѣйшиною становится человѣкъ по жребію. Тогда это происходитъ торжественно, въ праздникъ Рождества. Послѣ обѣда вносятъ хлѣбъ, въ который заранѣе положена монета, зерно гороха или кукурузы. Въ этотъ хлѣбъ втыкаютъ зажженную свѣчу. Всѣ встаютъ, крестятся, читаютъ особую для этого случая молитву. Затѣмъ самый старшій ломаетъ хлѣбъ на столько кусковъ сколько присутствующихъ, и тотъ, кому попадетъ кусокъ съ монетой, становится домачиномъ. Однако случается, что старѣйшинство переходитъ не по уговору и общему желанію: иной задругарь самъ присвоиваетъ себѣ эту должность, остальные члены сначала смотрятъ на это съ неудовольствіемъ, а потомъ привыкаютъ и совсѣмъ подчиняются его власти. Однако въ большинствѣ случаевъ, когда старѣйшина совсѣмъ одряхлѣетъ и начинаетъ тяготиться своею обязанностью, онъ передаетъ ее старшему сыну; но если тотъ дурно заявилъ себя, то старѣйшинство переходитъ къ младшему сыну. При избраніи старѣйшины прежде всего имѣютъ въ виду, чтобы онъ былъ человѣкъ твердый и справедливый, умѣлъ приказывать и распоряжаться дѣлами, былъ бережливъ на деньги, умѣлъ защищать своихъ, пользоваться уваженіемъ чужихъ и, наконецъ, отличался бы трезвостью. Большею частью, старѣйшиною бываетъ человѣкъ женатый и уже не молодыхъ лѣтъ.

Старѣйшина управляетъ всѣмъ домомъ и имѣніемъ, но не самовластно, а соображаясь съ обычаемъ, писанымъ закономъ и всегда съ общаго согласія и уговора со всѣми взрослыми членами задруги. Сербскій народъ во всемъ любитъ держать совѣтъ и уговоръ и охотно все исполняетъ, если только ему при этомъ указываютъ разумныя причины. Это до такой степени отличительная черта серба, что даже въ болѣе зажиточныхъ и образованныхъ семействахъ, гдѣ есть слуги, господинъ никогда ничего не предприметъ въ хозяйствѣ, не посовѣтовавшись съ своимъ слугою. Вотъ почему задружное правило—во всѣмъ совѣтоваться и совѣщаться другъ съ другомъ—такъ пришлось по нраву сербскому народу.

Старѣйшинѣ прежде всего принадлежитъ власть распорядительная. Онъ назначаетъ каждому, что и когда дѣлать: одного посылаетъ на одну, другаго на другую работу; при этомъ онъ самъ всегда помогаетъ въ домашней работѣ, если только у него остается время и хватаетъ на это силъ. Онъ долженъ присматривать и распоряжаться задружнымъ имуществомъ: онъ можетъ покупать все, что нужно для хозяйства задруги, но продавать ея имущество самовольно совсѣмъ не можетъ; онъ назначаетъ, кому изъ членовъ задруги идти въ церковь на предстоящее богослуженіе.

Члены задруги питаютъ къ нему глубочайшее уваженіе и выражаютъ его при всякомъ удобномъ случаѣ. Лишь только онъ гдѣ появляется, всѣ встаютъ. Танцы, музыка, игры никогда не начинаются въ его присутствіи, безъ особаго съ его стороны дозволенія. Онъ принимаетъ гостей, при немъ не курятъ. За столомъ ему даютъ почетное мѣсто; подаютъ всегда ему первому и онъ самъ роздаетъ кушанья. У него есть своя ложка для кушанья и стряпухи не должны мѣшать этою ложкою никакого кушанья, такъ какъ, по понятіямъ сербовъ, отъ этого старѣйшина можетъ смѣшаться въ мысляхъ, когда будетъ говорить съ властями о важныхъ дѣлахъ. Однимъ словомъ старѣйшина—представитель и защитникъ своей задруги и всѣхъ ея членовъ. Онъ даетъ совѣты, бранитъ нерадивыхъ, судитъ и миритъ побранившихся. Младшаго онъ нерѣдко и ударитъ, но для взрослыхъ у него только совѣтъ да увѣщаніе, а чтобы слова его лучше подѣйствовали, онъ нерѣдко созываетъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ. Тѣ съ своей стороны стараются

отклонить молодаго человѣка отъ дурнаго поступка, общими силами уговариваютъ его, усовѣщиваютъ.

Старѣйшина держитъ у себя деньги, и остальные члены семейной общины должны ихъ спрашивать у него на свои нужды и затѣмъ давать ему отчетъ, сколько и на что было потрачено.

Онъ же, т. е. старѣйшина, нанимаетъ работниковъ, если не хватаетъ домашнихъ силъ, чтобы справиться съ той или другой работою, продаетъ излишекъ домашнихъ сбереженій и покупаетъ все, что нужно для дома. Въ день, посвященный празднеству *крстно-име* *), старѣйшина носитъ калачъ въ церковь и тамъ преломляетъ его со священникомъ.

Въ *задушницы* (тоже, что у насъ родительская суббота, когда поминаютъ усопшихъ) старѣйшина приноситъ въ церковь за упокой мертвыхъ свѣчи и просвиры. Эти просвиры и свѣчи обыкновенно дѣлаютъ дома сами поселяне. Утромъ въ субботу, наканунѣ заговѣнья передъ масляницей, также на заговѣнье передъ петровками, когда всѣ помолятся Богу, старѣйшина складываетъ каждую просвиру со свѣчей и при этомъ каждый разъ цѣлуетъ то и другое, приговаривая «за упокой души отцу моему», дѣлаетъ тоже самое съ другой «за упокой дяди», и такъ пока не помянетъ всѣхъ своихъ родственниковъ. Затѣмъ все это относятъ въ церковь: свѣчи сожгутъ, а просвиры раздадутъ нищимъ.

Но старѣйшина не только выполняетъ важнѣйшіе обряды своей общины, на немъ лежатъ и болѣе важныя обязанности и тяжелая отвѣтственность. Какъ глава и представитель своего рода, онъ ходитъ на сельскую сходку, принимаетъ здѣсь приказы отъ власти и передаетъ ихъ своимъ домашнимъ. Его зовутъ каждый разъ къ отвѣту, если кто изъ членовъ его общины причинилъ ущербъ чужому имѣнію. Такимъ образомъ онъ не только глава и полный хозяинъ въ задругѣ, но и посредникъ между ею и сельскою властью.

Старѣйшина можетъ быть лишенъ своей власти за крайнюю неспособность и за неисполненіе своихъ обязанностей; но и тогда отрѣшеніе отъ старѣйшинства происходитъ по общему согласію всѣхъ задругарей. Въ нѣкоторыхъ задругахъ, какъ только одного старѣйшину лишили власти, сейчасъ выбираютъ новаго, въ другихъ выбираютъ черезъ сорокъ дней. На это время дѣла задруги ведутся съ общаго совѣта, а иногда выбирается временный старѣйшина, который за это время нерѣдко такъ хорошо выполняетъ всѣ свои обязанности, что окончательно признается старѣйшиною.

Жена старѣйшины большею частью признается *домачицей* или *старѣйшицей*. (Гдѣ существуетъ не только полевое, но и горное хозяйство, тамъ бываютъ двѣ домачицы: жена старѣйшины завѣдуетъ домашними и полевыми работами; другая, называемая *планинкою* (планина—гора), занимается скотоводствомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины имѣютъ право сами выбирать домачицу, только выборъ этотъ долженъ быть объявленъ и подтвержденъ на семейномъ совѣтѣ. Домачица прежде всего стоитъ во главѣ хозяйства. Молочня и курятникъ поручены ея вѣдѣнію. Деньги, вырученныя продажею молока и птицы, отдаются ей, а она передаетъ ихъ старѣйшинѣ. Домачица распоряжается женскими работами, присматриваетъ за женщинами, даетъ имъ наставленія,

---

*) *Крстно-име* (крестное имя) или *слава*; но это однако со всѣмъ не то, что у насъ русскихъ именины. Каждая задруга имѣетъ своего патрона, святаго, напр. Саву, Николу, и одинъ разъ въ году, въ день этихъ святыхъ, она чевствуетъ *Саву-крстно-име*. Ниже намъ придется еще разъ вернуться къ этому празднику, такъ какъ онъ имѣетъ важное значеніе въ сербской жизни.

разбираетъ ихъ ссоры, провожаетъ ихъ въ церковь, пріучаетъ ихъ къ разнымъ работамъ, смотритъ за дѣтьми, стряпаетъ кушанье, надзираетъ за всѣмъ домомъ. За столомъ она занимаетъ мѣсто подлѣ старѣйшины, вмѣстѣ съ нимъ угощаетъ гостей, замѣняетъ его во время его отсутствія. Съ ней совѣтуются на счетъ брака дѣвушекъ, о приданомъ для которыхъ она тоже должна заботиться,—однимъ словомъ она играетъ роль матери, и, если она дѣйствительно свято исполняетъ всѣ обязанности, всѣ любятъ и уважаютъ ее, какъ мать. Во время длинныхъ, зимнихъ вечеровъ, когда огонь трещитъ на очагѣ, домачица собираетъ вокругъ себя молодыхъ дѣвушекъ и разсказываетъ имъ сказки или народныя преданія, которыя потомъ онѣ сами будутъ передавать своимъ дѣтямъ. Сама домачица состоитъ подъ властью старѣйшины, а относительно остальныхъ членовъ задруги мужскаго пола она должна относиться къ нимъ, какъ и всѣ остальныя женщины. Но она не обязана встрѣчать у воротъ дома мужчинъ, возвращающихся съ работъ, или съ какой нибудь поѣздки; не обязана и служить имъ; всѣ эти обязанности лежатъ на младшихъ женщинахъ задруги.

Каждый задругарь имѣетъ свое опредѣленное занятіе: взрослые работаютъ на полѣ, подростки, если не ходятъ въ училище, пасутъ скотъ. Точно также, какъ мы уже знаемъ, распредѣлены задружныя обязанности и между женщинами, иначе задруга распадется, или, какъ говорятъ они, тамъ уже «два дома». Поэтому каждая изъ женщинъ по очереди варитъ сыръ, ходитъ за скотиной, собираетъ масло и сливки, мѣситъ хлѣбъ, варитъ кушанье и т. п. Если задруга велика, то иногда женщинамъ приходится работать черезъ недѣлю, т. е. одну недѣлю она работаетъ исключительно на себя и свою семью, въ другую занята полевыми работами и другими занятіями для общины. Отъ очереди здѣсь освобождается только *молодица*, т. е. женщина, только что успѣвшая вступить въ новую для нея семью, въ новую семейную общину. Этою льготою она пользуется только одинъ годъ. Впрочемъ такъ бываетъ только въ задругахъ, гдѣ между членами живетъ миръ и согласіе. Иначе у молодицы, какъ онѣ сами выражаются, «третій день руки въ тѣсто» (т. е. только что вышла за мужъ, а ступай уже и тѣсто мѣсить, и работать), но на такія задруги указываютъ пальцами, осуждаютъ.

Всякій задругарь, работая во время отдыха остальныхъ членовъ, можетъ добыть себѣ лишнюю *пару* (мелкая монета): починитъ въ гулевой день кому нибудь телѣгу, наобручитъ бочку, и то, что онъ добудетъ за свою работу, уже будетъ его собственностью, въ которой онъ можетъ не отдавать никакого отчета старѣйшинѣ. Когда задругарь отправляется куда нибудь въ кумовья, на «*соборъ церковный*» *), старѣйшина всегда дастъ ему немного деньжонокъ, чтобы онъ на всякомъ праздникѣ могъ вести себя прилично, чтобы онъ передъ другими не ударилъ въ грязь лицомъ. Другіе тамъ будутъ обновы покупать, а онъ на людей только глазами хлопать.... Еще, пожалуй, подумаютъ, что ихъ задруга не въ ладу живетъ, бѣдна.... Вотъ старѣйшина и даетъ на праздникъ каждому хоть нѣсколько мелкихъ монетъ. Но этого все-таки мало, у серба широкая славянская натура. Ужъ если на праздникъ идти, такъ ему нужно и другихъ посмотрѣть, и себя показать; для этого онъ и ляжетъ попозже, и встанетъ пораньше, смотришь къ празднику и припасетъ, и ужъ тутъ-то знай нашихъ, онъ поставитъ ребромъ послѣднюю копѣйку.

Такъ живетъ задруга, рѣдко когда нуждаясь въ чужой помощи. Мужчины сами строятъ себѣ дворы, сколачиваютъ по заведенному изстари образцу плугъ и телѣгу,

*) *Соборъ церковный* — соборъ народа въ храмовой праздникъ, гдѣ нибудь при монастырѣ: въ такіе дни бываетъ иногда ярмарка.

приготовляютъ упряжь для вьючнаго скота, набиваютъ обручи на кадки, шьютъ башмаки изъ сырой кожи. Вся остальная одежда на попеченіи женщинъ. Онѣ прядутъ волну и ленъ, ткутъ сукна и полотна и приготовляютъ крашенину.

Кромѣ того онѣ вяжутъ косынки, шьютъ золотомъ и серебромъ, ткутъ ковры. Какъ бы ни были просты эти произведенія, многія изъ нихъ, но особенно ковры, не рѣдко можно видѣть въ изящныхъ салонахъ Австро-Венгріи. Но прежде всего сербскія женщины приготовляютъ все для хозяйства: мыло, свѣчи, даже снабжаютъ домъ необходимыми лекарствами.

Почва даетъ все нужное для пропитанія, такъ что покупать приходится развѣ только одну соль. Свои незатѣйливыя сельскія орудія, точь въ точь, какія они употребляли и въ старину, они приготовляютъ въ своихъ собственныхъ кузницахъ. Мельницы у нѣсколькихъ задругъ общія и каждая изъ нихъ имѣетъ свой особый день для помола.

Чтобы составить себѣ полную картину патріархальнаго задружнаго житья, войдемъ въ какой нибудь домъ, въ то время, когда всѣ члены задруги въ полномъ сборѣ. Самая удобная для этого минута—время послѣ солнечнаго заката, когда, въ особенности зимой, всѣ родичи сидятъ дома и грѣются у ярко пылающаго очага. По всей комнатѣ идетъ пріятный для серба запахъ кислой капусты съ мясомъ и саломъ, которая тутъ же варится въ горшкахъ.

Въ каждой хатѣ надъ огнемъ виситъ котелъ коровьяго молока, смѣшаннаго съ овечьимъ, а то съ козьимъ. Немного поотогрѣвшись и поболтавъ между собою, вдругъ всѣ смолкаютъ на минуту. Тогда съ своего мѣста встаетъ старѣйшина, и этимъ даетъ знать, что пора молиться Богу. Ему тотчасъ подаютъ кадильницу съ огнемъ, въ которой горитъ ладанъ; старѣйшина окуриваетъ восточный уголъ дома, затѣмъ оборачивается къ задругарямъ и начинаетъ ихъ окуривать. Къ кому въ эту минуту приближается старѣйшина съ кадильницей, тотъ крестится и наклоняетъ голову; когда онъ всѣмъ такъ покадитъ, то опять обращается въ восточный уголъ, опять кадитъ, затѣмъ отдаетъ кадильницу назадъ и, обращаясь въ уголъ, въ которомъ горитъ восковая свѣча, начинаетъ вмѣстѣ съ другими молиться и усердно креститься. «Господи помилуй», раздается въ эту минуту со всѣхъ концовъ.

«Дайте, жено, вечеру!» (т. е. женщины, подайте ужинъ), говоритъ старѣйшина, окончивъ молитву. И молодыя женщины вносятъ два низенькихъ стола: одинъ для взрослыхъ, другой для ребятъ обоего пола. Женщины, что прислуживаютъ, ужинаютъ потомъ. «Обувь снимай», слышится послѣ ужина приказъ мужей женамъ, когда всѣ уже разошлись по своимъ комнатамъ. Также сурово и грубо отдаютъ мужья и другія приказанія своимъ женамъ, а тѣ безропотно, безпрекословно стараются выполнить данное имъ приказаніе.

Мы уже говорили, какъ тяжела жизнь женщины въ задругѣ, какъ завалена она работой съ ранняго утра до поздней ночи, какъ мало знаетъ она отдыхъ, — съ нравственной стороны ея жизнь еще, пожалуй, тяжелѣй. Отъ мужа она никогда не услышитъ ласковаго слова, онъ не называетъ ее даже по имени, а употребляетъ вмѣсто имени «она»; когда сербъ при другихъ произноситъ это слово, каждый знаетъ, что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ свою жену. Впрочемъ говорить другимъ о своей женѣ, даже въ третьемъ лицѣ, сербъ старается какъ можно рѣже, иначе кто нибудь еще заподозритъ его въ нѣжности. А это невыразимый стыдъ для серба! Да не только говорить съ кѣмъ-нибудь о своей женѣ, но съ ней самой разговаривать при комъ-нибудь, поспорить, пошутить, спросить совѣта, затянуть вмѣстѣ пѣсню, однимъ словомъ всякое человѣческое проявленіе чувствъ къ женѣ, — все это считается здѣсь позоромъ.

Можно смѣло сказать, что у сербовъ отношеніе мужа къ женѣ и положеніе женщины вообще — болѣе унизительное, чѣмъ у всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ. Всегда грубо, отрывочно, какъ послѣдней рабѣ отдаетъ сербъ своей женѣ разныя приказанія. По отношенію къ ней у него никогда не бываютъ просьбы, а только приказанія. Но этого мало: мужья безпрестанно бьютъ своихъ женъ. Невкусное кушанье приготовила, неловко горшокъ пододвинула, однимъ словомъ изъ-за всякихъ пустяковъ въ нее летитъ табуретка, обрубокъ,—все что попало подъ руку. Въ лицѣ мужа вы видите обыкновенно свирѣпаго, какъ звѣрь, варвара, въ лицѣ жены—несчастное, подавленное человѣческое существо, безправное, не защищенное ни закономъ, ни обычаемъ, какъ вьючное животное, вѣчно гнущее свою спину надъ тяжелой работой.

Главная причина такого унизительнаго положенія женщины въ сербскихъ селахъ, разумѣется, кроется прежде всего въ невѣжествѣ сербскаго селянина, но много этому также способствуетъ, какъ мы увидимъ ниже, вступленіе въ бракъ между собою лицъ безъ всякой взаимной склонности, даже безъ всякаго предварительнаго знакомства. Поэтому во всемъ сербскомъ племени гораздо болѣе развилось чувство любви и привязанности между братомъ и сестрой, чѣмъ между мужемъ и женой; очень часто даже существуетъ болѣе прочная привязанность сестры къ брату и брата къ сестрѣ, чѣмъ къ родному отцу и къ матери. По крайней мѣрѣ отношенія между братомъ и сестрой всегда бываютъ болѣе искренни и задушевны, чѣмъ отношенія дѣтей къ ихъ родителямъ. Братъ гордится тѣмъ, что у него есть сестра: только для нея у серба горячее слово, ласка, привѣтъ; изъ всѣхъ женщинъ, только ея совѣта онъ иногда послушается, только ей не стыдится иногда говорить о своемъ горѣ, подѣлиться съ ней своимъ счастьемъ. Сестру сербъ защищаетъ съ большимъ жаромъ, отвагой и опасностью для себя; за то и сестра отвѣчаетъ ему еще болѣе глубокою привязанностью и такимъ горячимъ чувствомъ, выше, дороже котораго у нея нѣтъ ничего на свѣтѣ. Такая обоюдная привязанность между братомъ и сестрой здѣсь встрѣчается повсемѣстно, и женщинѣ стоитъ только поклясться именемъ брата, ей всякій повѣритъ, такъ какъ всякій знаетъ, что такая клятва для нея священна.

Мы уже говорили, что въ задругѣ всякая работа дѣлается сообща, такъ что все идетъ скорѣе, а для полевой работы это просто благодать. Если три селянина работаютъ каждый порознь, они сработаютъ навѣрно гораздо меньше не только трехъ работающихъ вмѣстѣ, но даже и двухъ. Несмотря однако на то, что въ задругѣ всѣ работы справляются сообща, община не поспѣваетъ иногда съ полевыми работами. Тогда нѣсколько домовъ условливаются помогать другъ другу. Есть церковные праздники, въ которые запрещается работать на себя или за плату, но дозволяется работать даромъ на другого, «идти къ сосѣду па помочи». Такой способъ уборки хлѣба, называемый «моба», чрезвычайно любимъ поселянами. Моба устроивается такимъ образомъ: какой-нибудь задругарь нѣсколько дней передъ іюньскими, іюльскими и августовскими праздниками, если только они не считаются особенно важными, ходитъ по селамъ и объявляетъ, что въ такой-то праздникъ у него моба и потому онъ усердно проситъ пожаловать всѣхъ, кто не прочь въ этотъ день пожать, добрымъ людямъ помочь и вечеромъ попировать. Отъ этого приглашенія никто не отказывается, и въ назначенный праздникъ всѣ, старые и молодые, наряжаются въ лучшее праздничное платье и съ серпами, зацѣпленными за плечо, отправляются къ назначенному мѣсту. Дома остаются только совсѣмъ дряхлыя старухи, которыя уже едва могутъ ходить. Такимъ образомъ соберется въ полѣ до ста, а иногда и болѣе человѣкъ; и начинается веселая, разудалая работа. Это-то и есть «моба». Вотъ какъ описываютъ работы и веселье этого праздника: «Одни жнутъ и кладутъ пучки позади, другіе подбираютъ эти пучки, третьи вяжутъ снопы,

четвертые наконецъ плетутъ для сноповъ веревки. И всякій тутъ работаетъ, что ему подъ силу. Веревки плетутъ люди пожилые; снопы вяжутъ, у которыхъ мышцы поздоровѣе; подбираютъ пучки ребятишки, а жнетъ народъ сильный: мужчины и женщины. Вотъ гдѣ трудъ облекается въ чудную, поэтическую форму! Позади жнецовъ шагаетъ важнымъ шагомъ всевеселящій свирѣльщикъ съ далеко-слышною національною свирѣлью. Пѣсня слѣдуетъ за пѣсней, восклицанія за восклицаніями, остроты за остротами, пока, наконецъ, всеобщій хохотъ не поглотитъ разомъ и звука пѣсней, и звука свирѣли! Часовъ около двухъ свирѣль замолкаетъ, согнувшійся народъ выпрямляется, пѣсни усиливаются; теперь онѣ слышнѣе и отчетливѣе; весь народъ идетъ по одному направленію, къ одному пункту, къ широкому и къ густому дереву; это значитъ—пора обѣдать. Такіе поздніе обѣды бываютъ въ селахъ сербскихъ только на мобахъ, во всѣхъ же другихъ случаяхъ обѣдъ бываетъ приблизительно около 10 или половины 10-го часа утра. Это потому, что мобная работа начинается никакъ не раньше 10 часовъ утра. Обѣдъ бываетъ весьма сытный и стоитъ часто не дешево. Вѣдь весь этотъ народъ нужно накормить хорошею, свѣжею пищею, въ которой самую главную роль играетъ вареное и выпеченое на рожнѣ мясо. Сыръ сербскій тоже играетъ въ этихъ случаяхъ немаловажную роль. А вино, а водка? Хотя и то, и другое въ Сербіи очень дешево, но все же онѣ чего нибудь да стоятъ. Хорошо еще, что дѣвицамъ и парнямъ обычай не дозволяетъ пить водку, вина же хотя и позволяется пить, но очень немного». Отдохнувъ немного послѣ обѣда, работники встаютъ, и снова начинаются работы, а вмѣстѣ съ ними опять являются остроты и пѣсни и такъ вплоть до ужина, послѣ котораго уже непремѣнно устраиваются танцы.

Такое общинное устройство семейнаго быта существуетъ въ сельскомъ населеніи всѣхъ южныхъ славянъ: въ Кроаціи, Славоніи, въ княжествѣ Сербскомъ, въ Босніи, въ Герцеговинѣ, въ Черногоріи и въ Болгаріи, за исключеніемъ городовъ и узкой береговой полосы Далмаціи. Эти семейныя общины въ одной странѣ бываютъ больше, въ другой меньше, у нѣкоторыхъ славянъ эти семейныя отношенія поддерживаются правительствомъ, въ другихъ мѣстахъ онѣ предоставлены сами себѣ. Въ отношеніяхъ между членами семьи, разумѣется, много мѣстныхъ особенностей, но разница тутъ въ мелочахъ и во внѣшней формѣ, основаніе же вездѣ одно. Это устройство семейно-общиннаго быта—коренное славянское, и существовало у южныхъ славянъ уже изстари, впродолженіе 1000 лѣтъ. Нужно удивляться, какъ вкоренился этотъ обычай въ нравахъ южныхъ славянскихъ племенъ; не смотря на всѣ политическія перемѣны, семейно-общинный бытъ всегда являлся главною основою этой народности.

При этомъ вотъ что замѣчательно у сербовъ: при всемъ преобладаніи чувствъ кровнаго родства, слѣдовательно при патріархальныхъ младенческихъ формахъ общежитія, они не знаютъ кровавой мести, которая обыкновенно существуетъ у народовъ, живущихъ въ подобномъ состояніи и которая еще недавно играла такую важную роль у ихъ соплеменниковъ—черногорцевъ. Турецкое иго, распространившее въ земляхъ, ему подпавшихъ, нищету, невѣжество и притупленіе всѣхъ народныхъ способностей, въ одномъ этомъ отношеніи принесло нѣкоторую пользу сербамъ; конечно, турки содѣйствовали этому, сами того не подозрѣвая и заботясь исключительно о своихъ выгодахъ. Намъ кажется, что сербамъ посчастливилось избѣгнуть обычая кровавой мести, больше всего по слѣдующей причинѣ: турки, считавшіе смертоубійство не столько важнымъ преступленіемъ, сколько убыткомъ для себя, брали съ села, въ которомъ оно совершалось, плату за кровь въ 1000 піастровъ. Когда плата внесена, убійца могъ спокойно возвратиться домой, и семейство какъ убитаго, такъ и убійцы старались какъ можно скорѣе съ нимъ примириться, чтобы изъ за какой-нибудь ссоры вторично не было со-

вершено убійства. Естественно, что при этомъ и у народа сложился такой взглядъ на убійство, что это самое величайшее преступленіе, что человѣкъ не имѣетъ никакого права изъ за личной ссоры отнимать у другаго жизнь и новымъ поборомъ подвергать еще большей нищетѣ и безъ того обѣднѣвшій народъ.

Во время турецкаго ига, задруга, какъ мы видѣли, была единственнымъ спасеніемъ для сербовъ; теперь же, когда имъ живется несравненно лучше, когда стало появляться и нѣкоторое благосостояніе между поселянами, дурныя и хорошія стороны задруги стали гораздо очевиднѣе. Мужчинамъ вообще задруга предоставляетъ болѣе льготъ, такъ какъ они здѣсь скорѣе исполняютъ всякое домашнее дѣло; обязанности же женщинъ въ задругѣ большей частью удвоиваются.

Задружный бытъ имѣетъ много хорошихъ сторонъ: онъ содѣйствуетъ развитію дѣльнаго и работящаго молодаго поколѣнія, такъ какъ дѣти съ первыхъ лѣтъ видятъ, какъ старѣйшина слѣдитъ за радивостью и усидчивостью каждаго, какъ строго взыскиваетъ за лѣнь и неисправность; онъ постоянно окруженъ занятыми людьми, полонъ кипучей дѣятельности, заботится о порядкѣ, о чистотѣ. Между тѣмъ, какъ въ отдѣльныхъ семействахъ у простолюдина не можетъ быть большаго присмотра за дѣтьми, такъ какъ родители цѣлый день на работѣ; въ задругѣ же за дѣтьми всегда присматриваетъ бабка, или нарочно для этого назначаютъ ту или другую немолодую женщину. Но самая важная заслуга задруги въ томъ, что она спасаетъ своихъ членовъ отъ крайней бѣдности. Это ярче всего выступаетъ при раздѣлѣ. Вмѣсто прежнихъ зажиточныхъ семейныхъ общинъ, имѣвшихъ во владѣніи огромный участокъ земли, отъ 7 до 8 штукъ рабочаго скота, столько же коровъ, послѣ раздѣла являются маленькія отдѣльныя семьи, которыя въ слѣдъ за этимъ обыкновенно начинаютъ сильно бѣдствовать на своихъ мелкихъ участкахъ, съ одною лошадью, очень часто безъ упряжи и плуга, часто даже безъ коровы.

Дробленіе семьи ведетъ и къ сокращенію рабочихъ силъ. Тамъ, гдѣ прежде общее управленіе домомъ лежало на одномъ лицѣ, а другіе члены общины работали въ полѣ,— теперь, если община, положимъ, раздѣлилась на три семьи, эта обязанность лежитъ на трехъ домохозяевахъ, и въ случаѣ какого нибудь правительственнаго требованія, уплаты податей, или чего другаго, всѣ трое должны являться въ назначенное мѣсто и такимъ образомъ прогуливать рабочіе дни; три хозяйки должны оставаться, чтобы стряпать для своего семейства, три пастуха пасти скотъ. Между тѣмъ въ задругѣ каждую изъ этихъ обязанностей несъ на себѣ только одинъ человѣкъ, а остальные всѣ работали.

Но если эти семейно-общинныя отношенія приносятъ народу большую выгоду въ матеріальномъ отношеніи, то гораздо больше вреда, чѣмъ пользы, причиняютъ они, по нашему мнѣнію, для его нравственнаго развитія. Безпрекословно подчиняясь старѣйшинѣ, члены семьи привыкаютъ командовать или подчиняться, не разсуждая. Кромѣ того каждымъ членомъ задруги, всѣми его поступками, отъ ранней юности до самой его смерти, всегда руководитъ старѣйшина. Естественно, что человѣкъ, который вѣчно ходитъ на помочахъ, подъ конецъ вовсе утрачиваетъ всякую самостоятельность въ характерѣ, а это служитъ для него впослѣдствіи источникомъ величайшихъ несчастій. Представьте себѣ, что человѣкъ, которымъ вѣчно руководили, который никогда не зналъ, что онъ будетъ дѣлать черезъ два, три часа, такъ какъ старѣйшина могъ послать его то на одну, то на другую работу,—вдругъ сразу дѣлается хозяиномъ и руководителемъ. Такой человѣкъ не умѣетъ ни семью вести, ни рабочее время распредѣлить, нѣтъ у него въ хозяйствѣ никакой предпріимчивости, никакой сноровки, какъ, что, когда и сколько чего заготовить для семьи.

Къ тому же руководящимъ лицомъ въ задругѣ, т. е. старѣйшиною, обыкновенно бываютъ люди весьма пожилые, которые поддерживаютъ старыя традиціи, старые порядки, языческіе обряды, обычаи и суевѣрія, всегда приносящіе болѣе вреда, чѣмъ пользы. Между тѣмъ съ ранняго дѣтства каждый привыкаетъ уважать старѣйшину, а слѣдовательно и усвоиваетъ его взгляды на вещи. Къ тому же ссоры, дрязги и зависть, которыя бываютъ тѣмъ чаще, чѣмъ больше семья, тоже мало могутъ содѣйствовать нравственному развитію народа.

Характеръ, наружность, одежда мужчинъ и женщинъ.—Женскія притиранія и ихъ дурныя послѣдствія.—Религіозность серба.—Церкви и монастыри—мѣста молитвы и народныхъ увеселеній.—Суевѣріе народа и знахарки.—Народныя пѣсни.—Ихъ любимый богатырь Марко - Кралевичъ.—Отношенія другъ къ другу разныхъ сословій.

Сербъ отличается рѣзкими чертами лица, выдающимися скулами; онъ сильнаго сложенія, большаго роста, широкоплечъ. Его обыкновенно бѣлокурые, рѣдко черные волосы коротко обстрижены. Только духовенство носитъ длинные волосы и бороды, остальные стригутъ ихъ немного пониже уха; горожанинъ еще носитъ иногда бакенбарды, но деревенскій житель только усы.

Нарядъ сербскаго крестьянина очень простъ. На головѣ—низкая красная шапочка—фесъ, съ темною, свѣсившеюся кистью, а то такъ и совсѣмъ безъ кисти; панталоны полотняныя, длинныя, широкія, собраны немного пониже колѣнъ, а у большей части спускаются до самаго низу. Поверхъ *гаче*, или сербскихъ панталонъ, надѣта *кошуля*, льняная рубашка, разрѣзанная на груди и подвязанная краснымъ шерстянымъ поясомъ, на которомъ застегнутъ еще другой поясъ—кожанный; въ различныхъ отдѣленіяхъ этого пояса засунуты два пистолета и носовой платокъ, а сзади прикрѣпленъ къ нему вышитый или металлическій патронташъ. На правомъ боку, на шнуркахъ виситъ у этого пояса короткій ножъ въ кожанныхъ ножнахъ, огниво и коробка съ жиромъ для смазки оружія. Если крестьянинъ собирается въ дальній путь, то онъ одѣваетъ еще пестро-вышитый жилетъ, сверху накидываетъ вышитую шнурками *гуню* (нѣчто въ родѣ кафтана) и надѣваетъ черезъ плечо албанское ружье, — это придаетъ ему воинственный видъ. Обувь его пестрые чулки и *опанки*. Въ одеждѣ сербскаго простолюдина много разнообразія. Въ западной Сербіи крестьянинъ обыкновенно носитъ темныя шаровары изъ коричневаго сукна, которыя собраны у колѣна и укрѣплены латунными застежками. На югѣ въ одеждѣ серба уже много албанскаго: бѣлый платокъ обернутъ вокругъ феса, короткая коричневая гуня, съ разрѣзными рукавами, а во время дождя—красный, широкій плащъ. На юго-востокѣ на головѣ носятъ болгарскую мѣховую шапку, а на востокѣ румынскую одежду.

Въ городахъ мужская одежда (если только сербъ не чиновникъ и купецъ, такъ какъ тѣ и другіе стали теперь носить европейское платье)—весьма роскошна и вмѣстѣ съ тѣмъ удобна. Одежда горожанъ большей частью синяго цвѣта. Штаны изъ синяго сукна, кроены по турецки, богато вышиты черными шнурками, а зимою опушены мѣхомъ. Широкій, пестрый поясъ изъ дорогой шелковой матеріи или кашемира въ нѣсколько разъ обхватываетъ талію. Красная, вышитая золотыми шнурками жилетка плотно лежитъ на рубашкѣ, тоже расшитой необыкновенно затѣйливо. За поясомъ засунуты два пистолета, выложенные серебромъ, и богатый патронташъ. На головѣ фесъ съ

длинною синею кистью. Обувь — пестрые или бѣлые чулки и темные кожанные башмаки.

Женщины въ Сербіи красивы, но имъ не достаетъ легкости въ поступи и движенія. Сербскій народъ считаетъ всякую женщину съ черными волосами, бѣлую и румяную—красавицею и потому здѣсь въ большомъ употребленіи крашеніе волосъ, бѣлила и румяна. Что же до женскаго туалета, то онъ здѣсь такъ разнообразенъ, какъ нигдѣ. Что ни округъ, то свой нарядъ. Больше всего разнообразится женскій нарядъ головными украшеніями. Въ Бѣлградѣ дѣвушки носятъ обыкновенно волосы, переплетенные въ косы съ цвѣтами и монетами. При этомъ надо лбомъ волосы подстригаются довольно коротко и ихъ располагаютъ спереди длиннымъ рядомъ маленькихъ завитушекъ. Во многихъ мѣстностяхъ дѣвушки носятъ маленькую, красную шапочку съ темною кистью и кругомъ эту шапочку обвиваютъ своей длинной косой. У кого не хватаетъ своей косы, привязываютъ фальшивую. Спереди въ косу прикалываютъ цвѣтокъ или всю ее сплошь унизываютъ золотыми монетами. Замужнія женщины вмѣсто феса, въ большинствѣ случаевъ, носятъ нѣчто въ родѣ кокошника, который подъ подбородкомъ подвязываютъ лентами, а сверху кокошника, позади, на плечи падаетъ бѣлый платокъ, напоминающій итальянскій уборъ. У богатыхъ завязки у подбородка сплошь унизаны серебряными монетами, такъ что лицо точно въ металлической рамкѣ. На западѣ Сербіи головное украшеніе женщины имѣетъ форму тарелки съ платкомъ, падающимъ назадъ складками. Очень оригиналенъ головной уборъ Крушевацкаго округа: волосы свѣшиваются по обѣимъ сторонамъ лица широкими косами и испещрены огромными монетами, но они висятъ не во всю длину, а загнуты кверху и болтаются въ видѣ какихъ-то безобразныхъ ушей. На головѣ укрѣплена стоячая, украшенная павлиновыми перьями діадема, съ которой ниспадаетъ на спину большой бѣлый платокъ, посреди усаженный монетами.

Костюмъ сербской крестьянки очень простъ: самая важная часть въ немъ—длинная рубашка отъ шеи до пятъ. Эта рубашка вышита разноцвѣтною шерстью на груди, плечахъ и рукахъ. Дома и въ полѣ женщина обыкновенно сидитъ въ этой длинной рубашкѣ, или одѣваетъ еще два вышитыхъ передника; одинъ привязываетъ сзади, а другой спереди; талія стягивается поясомъ и иногда накидывается еще коротенькая курточка, открытая спереди. Верхнее платье, употребляемое почти во всей Сербіи, которое женщины носятъ, когда идутъ со двора,—камзолъ безъ рукавовъ, спереди открытый, пестро-расшитый огромными букетами и полосами съ прорѣзами на бокахъ.

Пестрые чулки и опанки составляютъ обувь, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. На шеѣ тоже носятъ какія нибудь украшенія: богатые ожерелья изъ жемчуга, побѣднѣе—изъ бусъ и монетъ; непремѣнно у каждой браслеты на рукахъ, множество колецъ на пальцахъ, огромныя серьги въ ушахъ. У каждой, разумѣется, эти предметы сдѣланы изъ металла, который ей по состоянію, но всѣ рѣшительно женщины, кремѣ старухъ, страшно любятъ носить эти украшенія, хотя у нѣкоторыхъ онѣ сдѣланы изъ самой дурной мѣди.

Хотя женщины высшаго круга и одѣваются очень богато, но ихъ костюмъ мало измѣняется вслѣдствіе моды. На головѣ—миловидный фесъ, который поддерживается спереди толстой косой, перевитой бархатомъ, и украшенъ распускающимися почками розы, а иногда и бриллiантами. Фесъ сдѣланъ изъ краснаго бархата, вышитъ серебромъ и плотно обложенъ нитками, на которыхъ нанизаны золотые кусочки или жемчугъ.

Какъ головныя украшенія, такъ и одежда у горожанокъ—совершенно восточныя. Бюстъ покрываетъ почти прозрачная рубашка, сверху которой на плечи накинутъ платокъ, и тамъ, гдѣ онъ перекрещивается спереди, на груди у дѣвушекъ приколотъ букетъ, а у женщинъ—золотое украшеніе. На шеѣ сербскія дамы носятъ кораллы, жем-

чугъ, цехины и дукаты. Зимою онѣ одѣваютъ сверху суконное платье, обшитое мѣхомъ, и по краямъ часто вышитое золотыми и серебрянными снурками. Пестрота—отличительная черта ихъ одежды.

Сербскія дамы, разумѣется, гораздо болѣе, чѣмъ крестьянки, употребляютъ румяна, притиранья и всевозможныя краски. Волосы свои онѣ выкрашиваютъ въ темную краску, брови чернятъ и искуственно удлиняютъ, щеки румянятъ, лицо бѣлятъ; даже губы выкрашиваютъ особеннымъ образомъ. Эти искуственныя притиранья ведутъ къ преждевременной порчѣ лица, зубовъ и другимъ болѣзнямъ, такъ какъ эти притиранья очень рѣдко бываютъ чисты, а содержатъ обыкновенно опасные яды и свинцовые препараты. Такъ что сербскія женщины, лишь только у нихъ прошла первая молодость, дѣлаются совершенными старухами, съ обвислой, а иногда и съ потрескавшейся кожей на лицѣ, и при этомъ очень часто, даже и у молодыхъ женщинъ, лица совсѣмъ дряблыя и съ глубокими морщинами.

Въ предыдущей главѣ мы говорили о деспотическомъ отношеніи серба къ его женѣ, но наши читатели составятъ о характерѣ этого народа совершенно ложное представленіе, если будутъ судить его только по его взгляду на женщину и по его отношенію къ ней. Тутъ сербъ представляется намъ дѣйствительно въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ. Нужно однако помнить, что гуманный взглядъ на женщину выработали себѣ только самыя цивилизованныя націи, и то наиболѣе образованные классы общества. Сербы же, вслѣдствіе турецкаго ига, лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ начали свое умственное развитіе и образованіе, поэтому естественно у нихъ во многомъ и теперь еще совершенно первобытныя понятія. Натура серба чисто славянская: онъ добръ до простодушія, впечатлителенъ, наблюдателенъ, уменъ и необыкновенно терпѣливъ. Впрочемъ не только сербамъ, но и всему славянскому племени—не занимать стать терпѣнія. Исторія всѣхъ этихъ племенъ—длинная повѣсть страданій народа, а страданія пріучаютъ къ терпѣнію и отчасти заставляютъ сживаться съ ними. Вотъ почему и теперь сербы такъ вяло и терпѣливо относятся ко многимъ другимъ сторонамъ своего правленія и быта, вотъ почему они такъ упорно держатся своихъ старыхъ нравовъ и обычаевъ, даже и теперь, когда духъ времени и ихъ измѣнившееся положеніе требуетъ уничтоженія многаго, унаслѣдованнаго ими по преданію.

Исторія народа громко говоритъ о его братскомъ чувствѣ, о его любви къ отечеству, о его личномъ мужествѣ, которые одушевляютъ не только простой народъ, но и высшіе классы. Впрочемъ его храбрость и военныя доблести давно извѣстны: онѣ были прославлены еще византійцами. Въ физіономіи серба выражается или полнѣйшее добродушіе и простота, или мужество и чувство собственнаго достоинства. Онъ не только уменъ, но и хитеръ; самъ не обманетъ, и другому трудно его провести. Натура у него широкая: онъ любитъ угостить гостя, товарища, иногда покутить вмѣстѣ съ нимъ; но по природѣ онъ не наклоненъ къ кутежу; разойдется же иногда съ товарищемъ, чтобы себя показать: дескать ѣшь, пей, веселись, ничего не жалѣю. Хотя онъ и любитъ иногда погулять, разщедриться, но въ важныхъ дѣлахъ никогда не уступитъ своей выгоды.

Однако, не смотря на разсчетливость,—милосердіе одна изъ характерныхъ чертъ сербскаго народа. Нищему въ этой странѣ, кто бы онъ ни былъ, никогда не отказываютъ въ милостынѣ. При этомъ сербъ не относится къ нему презрительно. «Нищенскій посохъ и сума», говоритъ пословица, «происходятъ отъ Бога».

Гостепріимство серба не знаетъ границъ: тотъ, кто переступаетъ порогъ его дома, считается подъ покровительствомъ всего семейства, и, кто бы онъ ни былъ, его тотчасъ приглашаютъ принять участіе въ обѣдѣ. Въ Сербіи просто считаютъ за счастье принимать гостей, если ихъ нѣтъ, приглашаютъ перваго встрѣчнаго. Семейство, которому вы-

падаетъ случай часто принимать гостей, считается особенно счастливымъ. «Пусть никто не будетъ твоимъ гостемъ въ этомъ году», говорятъ хозяину, когда ему хотятъ нанести оскорбленіе. «Не порицай этого дома,—онъ всегда полонъ гостями», скажетъ желающій защитить домъ отъ клеветы.

Не менѣе характерная черта серба—уваженіе къ лѣтамъ. «Безъ повиновенія къ старшимъ нѣтъ спасенія»,—вотъ что прежде всего родители считаютъ долгомъ внушить своимъ дѣтямъ. Повиновеніе считается въ высшей степени обязательнымъ, какъ относительно мужчинъ, такъ и относительно женщинъ, преклонныхъ лѣтами. На семейныхъ совѣщаніяхъ старики имѣютъ право голоса передъ всѣми остальными. Когда они входятъ въ домъ, молодые не только встаютъ, но и стоятъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не дозволятъ имъ сѣсть. У знакомаго старика молодой человѣкъ цѣлуетъ руки и никогда не позволитъ себѣ ссориться съ кѣмъ бы то ни было въ его присутствіи. Сидя и болтая съ товарищами, гдѣ нибудь на улицѣ, онъ зорко слѣдитъ, чтобы не остаться сидѣть, когда будетъ проходить какой нибудь старикъ. Не позволитъ себѣ также молодежь начать въ присутствіи пожилыхъ мужчинъ или женщинъ веселыя игры, забавы, шутки.

Въ спорѣ сербъ горячится и ругается на пропалую, но волю рукамъ даетъ только тогда, когда споръ идетъ съ женщиной. Женщина по его понятію отъ природы лишена всякаго пониманія, разсудительности, болѣе низшее существо, чѣмъ онъ, и потому должна быть во всемъ согласна съ нимъ; малѣйшее противорѣчіе съ ея стороны, и сербъ съ ней, какъ мы видѣли выше, уже совсѣмъ не церемонится. Другое дѣло, говоритъ онъ, мужчина: онъ можетъ разсудить, можетъ все понять, такъ почему же имъ другъ съ другомъ и не поспорить.

Сербы народъ глубоко и искренно религіозный. Въ его религіи нѣтъ и тѣни ханжества. Всякое свое дѣло онъ начинаетъ молитвою. Онъ даже считаетъ грѣхомъ что-нибудь пообѣщать, не прибавивъ: «если Богу будетъ угодно». Самый языкъ серба получилъ отъ этого особый оттѣнокъ и рѣчь его изобилуетъ самыми оригинальными сокращеніями. Вмѣсто того, чтобы сказать путешественнику: «Куда ты идешь, если Богу угодно?» онъ говоритъ: «Если Богу угодно», самый же вопросъ опускается.

Сербы молятся не менѣе трехъ разъ: утромъ, передъ ужиномъ и ложась спать. При этомъ они молятся не всегда передъ образами, а тамъ, гдѣ найдется наиболѣе уединенное мѣсто: подъ дубомъ, на дорогѣ, въ избѣ, если только въ ней никого нѣтъ въ ту минуту. Передъ питьемъ вина, садясь за пирушку, онъ непремѣнно скажетъ: «во славу Божію!» Когда онъ идетъ приглашать къ себѣ на праздникъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, свое приглашеніе онъ всегда начинаетъ такъ: «вашъ домъ также божій домъ, просимъ васъ придти на вечеръ, угостимъ, чѣмъ святой послалъ».

Церкви, мощи, кресты и иконы глубоко почитаются въ сербскомъ народѣ. По природѣ необыкновенно разсудительный и умный, сербъ не увлекается внѣшностью, а старается проникнуть въ сущность религіи. Когда забредетъ въ Сербію афонскій монахъ съ мощами и остановится въ какомъ-нибудь домѣ, домашніе немедленно прекращаютъ между собою всякія ссоры, дрязги и брань, которая такъ сильно развита у сербовъ; чистятъ весь домъ и стараются, во все время пребыванія мощей въ домѣ, наблюдать строжайшій порядокъ, миръ и чистоту.

Священниковъ въ Сербіи уважаютъ и совѣтуются съ ними во всѣхъ затруднительныхъ житейскихъ обстоятельствахъ, если только они пріобрѣли уваженіе въ народѣ своею честною жизнію. Къ плохому священнику не пойдутъ за совѣтомъ, но отдаютъ ему всевозможные знаки уваженія, какъ лицу носящему священный санъ. Разъ въ одной маленькой бѣлградской церкви была обѣдня, на которой присутствовалъ сербскій

князь Милошъ. Это было въ 1859 году. Въ концѣ обѣдни священникъ подходитъ къ нему съ частицей просфоры, Милошъ беретъ эту частицу хлѣба и наклоняется къ рукѣ священника, чтобы поцѣловать ее. Священникъ конфузится и беретъ руку къ себѣ; Милошъ снова къ рукѣ, священникъ снова отодвигаетъ ее. Тогда раздосадованный Милошъ грозно произноситъ: «Руку давай сюда! ты думаешь, что я цѣлую твою руку, что ли? Божью руку я хочу поцѣловать, а не твою, понимаешь ли ты это..?» Это вполнѣ характеризуетъ отношенія сербскаго народа къ своимъ священникамъ. Войдя въ домъ неожиданно, вы часто можете застать серба колѣнопреклоненнымъ, съ горячею молитвою на устахъ; въ церкви же напротивъ онъ стоитъ всегда чинно. Часто креститься и кланяться на виду у всѣхъ сербъ считаетъ ханжествомъ и отворачивается отъ такихъ людей. Вотъ почему, не смотря на свою религіозность, онъ очень рѣдко посѣщаетъ церковь и предпочитаетъ молиться наединѣ, у себя дома. Но попѣть, поплясать и повеселиться въ праздничные дни около своихъ монастырей—любимое удовольствіе народа. Сербскій народъ особенно привыкъ собираться у своихъ церквей и монастырей во время своего рабства. Монастыри и церкви были выстроены, да и теперь еще очень многіе стоятъ въ дремучихъ лѣсахъ. Тутъ народъ укрывался отъ своихъ поработителей, сюда стекались сербы за совѣтомъ къ своимъ священникамъ, уговаривались между собою. Стало полегче имъ жить, и эти мѣста сдѣлались мѣстами веселья. У серба необыкновенно веселый характеръ, а потому, гдѣ бы ни случилось народное собраніе, за исключеніемъ собраній по приказанію властей, онъ пользуется ими, чтобы поиграть и повеселиться въ большой компаніи.

Въ праздничный день, если только хорошая погода, народъ цѣлыми толпами направляется къ церквамъ и монастырямъ. Только не большая часть идетъ въ церковь, а остальные прохаживаются и разговариваютъ. Кончилась служба и народъ идетъ подъ деревья обѣдать. Всѣ сидятъ по кучкамъ, въ одной больше народу, въ другой меньше, каждый съ своими родственниками. Но вотъ вдали раздалась свирѣль, молодежь вскакиваетъ и бѣжитъ туда, откуда послышались звуки. Завидѣли свирѣльщика, и всѣ тотчасъ строятся въ большіе и малые круги, хватаются за руки или за пояса и начинаются танцы. Подлѣ пляшущихъ можно видѣть нѣсколько дѣвушекъ или парней, которые обыкновенно стоятъ попарно и поютъ: но всего оригинальнѣе то, что многіе изъ нихъ, раскрывая ротъ, чтобы издавать звуки, въ то же время прикрываютъ его платкомъ для того, чтобы не влетѣла нечистая сила. За то у этихъ пѣвцовъ не только устанетъ горло, но и рука, такъ какъ имъ безпрестанно приходится то закрыть ротъ платкомъ, то отнять его прочь.

Дѣвицы обыкновенно поютъ и танцуютъ съ дѣвицами, а парни съ парнями; если парень поетъ съ дѣвицей, то это означаетъ, что они ближайшіе родственники, обыкновенно братъ и сестра, родные или двоюродные; пѣть или плясать постороннему парню съ дѣвицей считается здѣсь неприличнымъ. На одной площадкѣ пляшутъ, на другой раздаются монотонные звуки гуслей: гусляръ воспѣваетъ подвиги Марко-Кралевича и другихъ богатырей, и пѣвца окружаетъ огромная толпа, которая все ростетъ и ростетъ.

Чтобъ вполнѣ охарактеризовать сербовъ, необходимо поговорить о суевѣріи, сильно распространенномъ между ними. У каждаго серба множество примѣтъ хорошихъ и дурныхъ, множество благопріятныхъ и злыхъ предзнаменованій. Когда кто заболѣетъ, первое, что имъ приходитъ въ голову,—не отъ дурнаго ли глазу это случилось. Въ болѣзняхъ обращаются къ знахаркѣ, а не къ доктору. Впрочемъ вѣра въ знахарокъ — отличительная черта не однихъ сербовъ, а всѣхъ южныхъ славянъ. Славяне въ Далмаціи, гдѣ есть хорошіе доктора изъ итальянскихъ школъ, тоже скорѣе обратятся къ

знахаркѣ, чѣмъ къ доктору. Сербскія знахарки лѣчатъ народъ травами. Пристрастіе народа къ травамъ выражается въ поговоркѣ: «свака болѣсть свое билье има», т. е. всякая болѣзнь имѣетъ свою траву. Но для народа болѣе важную роль играютъ таинственные обряды, которыми знахарки сопровождаютъ свое леченіе. Онѣ шепчутъ таинственныя слова, кладутъ больнаго спиною къ верху и сыплютъ по бокамъ его соль, часто даже, положивъ его на полъ и бормоча заговоры, лекарка проходитъ по немъ и дѣлаетъ при этомъ знаменіе креста на его спинѣ. Тѣмъ не менѣе эти знахарки весьма часто вылѣчиваютъ своихъ больныхъ; тутъ дѣйствуютъ, разумѣется, не ихъ заговоры, а тѣ травы, которыя онѣ даютъ своимъ паціентамъ. Многіе опытные доктора, наблюдавшіе за лѣченіемъ этихъ сербскихъ старухъ, утверждаютъ, что онѣ дѣйствительно хорошо знаютъ дѣйствіе этихъ травъ и умѣютъ во время ихъ употреблять. Если знахарка не помогаетъ больному, его несутъ въ церковь или въ монастырь къ чудотворной иконѣ. Если и послѣ этого нестановится легче, тогда народъ говоритъ, что его *вѣщица* испортила.—Не даромъ, поговариваютъ старые и малые: на прошлой недѣлѣ своякъ видѣлъ, какъ бабочка ночью летала надъ его домомъ. Вошелъ онъ въ домъ, опять вышелъ, и тогда надъ домомъ ужъ не бабочка летала, а звѣздочка; она то мелькнетъ, то совсѣмъ пропадетъ. Такъ мерцала она долго, а какъ пропала и своякъ вошелъ къ себѣ, то увидалъ ту же самую звѣздочку надъ колыбелью своего сына. На другой день малютки не стало. Бабочкою и звѣздочкою была вѣщица. Разъ она уже повадилась въ деревню, погубила ребенка, теперь пришла и за взрослымъ. Ночью, когда всѣ спали, она явилась передъ больнымъ, дотронулась чудеснымъ жезломъ до чернаго пятнышка на его груди и грудь въ ту же минуту раскрылась: она вынула половину его сердца, съѣла его и прикосновеніемъ жезла закрыла отверстіе, не оставивъ никакого слѣда. Люди, до которыхъ дотронулась вѣщица, сказываетъ народъ, непремѣнно умрутъ, но могутъ прожить еще нѣсколько дней, смотря потому много или мало пострадало ихъ сердце отъ колдуньи.

Народъ утверждаетъ, что противъ колдуньи есть еще одно средство—это чеснокъ. Вѣщицы не терпятъ запаху чеснока, и потому всѣ сербы, мужчины и женщины, зашиваютъ его въ тряпочки и носятъ на груди. Когда человѣкъ серьезно занемогъ, сербы думаютъ, что чеснокъ болѣе не дѣйствуетъ, такъ какъ онъ потерялъ свой запахъ и свою силу, и потому натираютъ больному грудь и обкладываютъ его всего чеснокомъ. Какъ бы ни былъ уменъ сербъ, каждый изъ нихъ вѣритъ и слѣдуетъ этому обычаю и чтобы ни говорили ему доктора, онъ ни на іоту не измѣнитъ своего убѣжденія,— такъ упорна въ немъ вѣра въ дѣдовскіе обычаи и преданія.

Сербы вѣрятъ въ *вилъ* (горныя нимфы), прекрасныхъ, живыхъ, воздушныхъ женскихъ существъ, которыя живутъ на высокихъ горахъ и въ каменныхъ пещерахъ у водъ. По понятіямъ нѣкоторыхъ вилы эти очень добрыя существа, по другимъ—злыя; но всѣ одинаково вѣрятъ, что вилы могущественнѣе людей и знаютъ будущее.

Гораздо болѣе глубокія чувства и болѣе богатая фантазія сербскаго народа выражается въ его пѣсняхъ. Никто не съумѣетъ вамъ назвать сочинителя этихъ пѣсней, никто не станетъ приписывать ихъ себѣ; да и кому до того дѣло, кто написалъ пѣсню, пришлась бы она по душѣ сербу и онъ ее всюду будетъ распѣвать, такъ что ее наконецъ переймутъ даже малые ребята. Не даромъ въ каждомъ домѣ висятъ на стѣнѣ гусли, подъ акомпаниментъ которыхъ и поются эти пѣсни. Зимними вечерами, когда семья собирается вокругъ огня, и женщины прядутъ, тотъ, кто лучше поетъ, принимается за гусли. Даже настоятели монастырей не считаютъ для себя неприличнымъ играть на гусляхъ и пѣть. Сербская пѣсня скорѣе сказывается, чѣмъ поется:

это нѣчто въ родѣ нашихъ речитативовъ, только напѣвъ ея очень грустный и монотонный, чему особенно способствуютъ гусли—инструментъ однострунный.

Въ горахъ, гдѣ характеръ природы болѣе величественный и дикій, поются юнацкія пѣсни, которыя воспѣваютъ разбойниковъ—гайдуковъ. Хотя гайдуковъ уже болѣе нѣтъ въ Сербіи, но народъ и до сихъ поръ любитъ вспоминать ихъ въ пѣсняхъ. Въ нихъ живо изображены всѣ опасности, которымъ подвергался гайдукъ, скалы, изъ-за которыхъ онъ сторожилъ турка, пещеры, въ которыя онъ прятался, его быстрое нападеніе на врага. Замѣчательно, что въ этихъ пѣсняхъ мелочи изображены иногда со всевозможными подробностями, необыкновенною отчетливостью и точностью. Въ одной пѣснѣ разсказывается о стрѣльбѣ юнака, при этомъ говорится, какъ онъ беретъ ружье по срединѣ, какъ припадаетъ на правое колѣно, кладетъ ружье на лѣвое, прицѣливается глазомъ. Описаніе ранъ, которыя юнакъ получаетъ въ бою, доведены иногда до анатомическихъ тонкостей. Но прежде всего въ этихъ пѣсняхъ выступаетъ страшная ненависть къ невѣрному; въ нихъ очень часто юнаку приписываютъ и гуманные поступки. Онъ заботится о своемъ плѣнникѣ, выводитъ его грѣться на солнцѣ и т. п. Вѣчная борьба съ турками развила ненависть къ нимъ и воинственный духъ,—вотъ почему сербы и до сихъ поръ еще такъ любятъ юнацкія пѣсни. Впрочемъ они поютъ всякія пѣсни,—это народъ столько же пѣвучій, какъ и итальянцы. Даже и тѣ сербы, которые еще въ ранней юности обратились въ исламъ, не утратили своей любви къ пѣснямъ. По этому признаку вы тотчасъ отличите серба-магометанина отъ турка-магометанина, который всегда молчитъ.

Куда вы ни пойдете, повсюду раздаются пѣсни. Горы, въ которыхъ маленькій пастухъ пасетъ свое стадо, поля, на которыхъ убираютъ хлѣбъ, лѣса—со всѣхъ сторонъ несется пѣсня, неразлучная спутница всѣхъ занятій этого народа. На праздникахъ, когда народъ толпами собирается у монастырей, являются слѣпые, которые поютъ здѣсь съ особеннымъ искуствомъ.

Сербскія пѣсни знакомятъ насъ и съ трудовою жизнію земледѣльца, и съ его семейнымъ бытомъ. Одна пѣсня хвалитъ земледѣльца, у котораго «руки черны, за то хлѣбъ бѣлъ», другая—почтеннаго старца съ длинной бородою, третья—изображаетъ цвѣтущую дѣвушку, когда она повѣряетъ свою тайну цвѣтку. Ихъ пѣсни не скрываютъ и тяжести семейной жизни; въ нихъ часто разсказывается, какъ злы бываютъ мачихи, какъ безпрестанно ссорится между собою невѣстки: ласточка завидуетъ кукушкѣ, такъ какъ она не слышитъ ихъ перебранокъ.

Самыя лучшія пѣсни сербовъ—тѣ, которыя воспѣваютъ разныя историческія событія ихъ прошлой жизни, хотя о многомъ разсказывается не такъ, какъ было на дѣлѣ, многія лица идеализированы.

На первомъ планѣ является Стефанъ Душанъ, этотъ главнѣйшій представитель кратковременнаго могущества и славы Сербіи. Впрочемъ, по большей части, онъ стоитъ въ сторонѣ отъ историческихъ событій, и въ пѣсняхъ больше говорится о его частной жизни. И это естественно: Душану хотѣлось пересоздать Сербію по образцу византійскаго государства, а это было противно природнымъ условіямъ страны и духу народа, и потому народъ отнесся или совсѣмъ безучастно къ событіямъ, совершавшимся при немъ, или не сочувственно. Въ пѣснѣ «*Царь Стефанъ празднуетъ день своего святаго*» разсказывается, какъ, въ началѣ своего пира, царь, по народному, для всѣхъ равно обязательному закону гостепріимства, самъ прислуживаетъ своимъ гостямъ:

«Царь ты нашъ и солнце наше красно,
(Такъ говоритъ собравшееся духовенство)
Намъ глядѣть зазорно и обидно,

Что ты служишь и вино подносишь;
Сядь ты съ нами лучше за трапезу,
А вино пускай слуга подноситъ!»
Царь Стефанъ на рѣчь ихъ соблазнился,
Сѣлъ съ гостями рядомъ за трапезу,
Въ честь святаго не наполнивъ чаши,
И о Богѣ духомъ не смиряся;
Далъ слугамъ, чтобы съ виномъ ходили,
Чествуя угодника святаго,
Самого жъ себя не могъ принудить
Послужить слугою часъ единый.
Какъ стоялъ Стефанъ передъ гостями,
За плечомъ его стоялъ Архангелъ,
Крыльями его пріосѣняя;
А какъ сѣлъ Стефанъ съ гостями рядомъ,
Прогнѣвился на него Архангелъ,
По лицу крыломъ его ударилъ
И съ трапезы царской удалился.

Ясно, что духовенство, которое совѣтуетъ царю пренебречь народнымъ обычаемъ, является представителемъ византійскаго взгляда.

Несчастная Косовская битва такъ поразила воображеніе народа, что о ней разсказывается въ большей части сербскихъ пѣсней. Эти пѣсни проникнуты мужественною грустію и какою-то покорностью неотразимому року. Герои сербскіе при этомъ необыкновенно воинственны, просты и набожны. Война для нихъ выше всего, мужество—первая добродѣтель, но вмѣстѣ съ тѣмъ они любятъ роскошь и блескъ, часто прибѣгаютъ къ насилію, но свято хранятъ клятву и честное слово, щадятъ плѣнныхъ и не ругаются надъ трупами враговъ.

Но больше всего пѣсней сложилось у сербовъ про Марка-Кралевича, сына царя Вукашина. Марко преисполненъ необыкновенной силы и могущества, онъ самый любимый сербскій богатырь. Онъ мало походитъ на другихъ героевъ и по народному преданію въ его судьбѣ что-то сверхъестественное.

Цѣлыхъ 300 лѣтъ прожилъ Марко, совершая свои богатырскіе подвиги. Послѣ такой долгой жизни онъ умеръ отъ руки Божіей, а не отъ оружія вражьяго, потому что ему смерть на бою не была написана. Про его кончину разсказываютъ такъ. Проѣзжая въ горахъ, Марко встрѣтилъ тамъ однажды вилу. Она стояла на вершинѣ горы и оттуда закричала, что настала пора разстаться ему съ конемъ своимъ. Марко не вѣритъ ей; нимфа приказываетъ ему поглядѣть въ рѣку; онъ смотритъ и видитъ въ водѣ всю свою будущность и между прочимъ близкую смерть. Тотчасъ же онъ убиваетъ коня своего, чтобы онъ не достался туркамъ, ломаетъ мечъ на мелкіе куски и пишетъ завѣщаніе. Все его имущество—три кошелька съ золотомъ; изъ нихъ одинъ онъ оставляетъ тому, кто его похоронитъ, другой церкви и духовенству, третій—слѣпымъ пѣвцамъ, которые, обходя деревни, разсказываютъ о великихъ подвигахъ предковъ. Марко завѣщаетъ имъ никогда не забывать его. Затѣмъ онъ удаляется въ пещеру и наконецъ умираетъ. По другимъ преданіямъ Марко опять выйдетъ на свѣтъ Божій и станетъ жить между народомъ.

Всѣ эти сказанія передаются безъ всякой послѣдовательности, въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ каждая представляетъ особое цѣлое. Но во всѣхъ нихъ одинъ смыслъ, одинъ и тотъ же взглядъ на вещи, однѣ и тѣ же чувства. Марко-Кралевичъ, въ большинствѣ пѣсней,—воплощенная исторія сербовъ.

Марко живетъ не разлучно съ своимъ конемъ, котораго онъ поитъ виномъ изъ одной съ собой чаши. Онъ сидитъ на немъ—драконъ на драконѣ. Его не беретъ ни сабля, ни булава. Сидя на конѣ, Марко пускаетъ въ воздухъ множество стрѣлъ, вслѣдъ за вилою, которая поранила до смерти его товарища. Его стрѣла попадаетъ въ нее: тогда вила смирилась передъ нимъ, упросила его быть ей побратимомъ, обѣщалась помогать ему въ нуждѣ и воскресила товарища.

Но что-же дѣлаетъ этотъ богатырь, одаренный такимъ чудеснымъ мужествомъ? Онъ служитъ туркамъ. Сосѣдніе короли приглашаютъ Марко на праздникъ, но въ это же самое время султанъ зоветъ его на войну, и онъ идетъ воевать за турокъ.

Слѣдовательно пѣсни, въ которыхъ Марко-Кралевичъ олицетворяетъ собою народъ, изображаютъ его согласно съ исторіей не врагомъ султана, а вѣрнымъ, хотя и не дающимъ себя въ обиду слугою его. Народъ сербскій, зараженный восточнымъ фатализмомъ, старается объяснить службу своего любимаго богатыря—неотразимымъ предопредѣленіемъ. Въ пѣснѣ: «Судъ Марка Кралевича» Марко не допускаетъ отца своего Вукашина и дядей незаконно завладѣть царствомъ и отдаетъ его законному наслѣднику, Урошу.

«Собралось четыре ратныхъ стана:
Первый станъ былъ Вукашина краля,
А другой—царевича Углѣши,
Третій станъ былъ воеводы Гойки
И четвертый—Уроша младаго.
Изъ за царства ссорятся родные,
Загубить другъ друга умышляютъ,
Извести ножами золотыми:
Не рѣшатъ, кому сидѣть на царствѣ.
«Я наслѣдникъ!» имъ Гойка возражаетъ.
Лишь одинъ царевичъ недоростокъ,
Бѣдный Урошъ слова не промолвитъ:
Онъ троихъ своихъ боится братьевъ....»

За разрѣшеніемъ спора они обращаются къ протопопу, старику Недѣлькѣ. Но тотъ уклоняется дать на это рѣшеніе.

«Призовите Марка на Косово—
Онъ вамъ все по чистой правдѣ скажетъ,
Потому что Марко, кромѣ Бога,
Никого на свѣтѣ не боится.»

Вукашинъ надѣется, что Марко присудитъ ему престолъ, такъ какъ «сынъ отцу наслѣдуетъ на царствѣ». Дяди въ свою очередь надѣются, что имъ достанется царство. Но Марко смѣло присуждаетъ его Урошу. За это Вукашинъ начинаетъ нещадно проклинать сына: «Живи долго, говоритъ онъ, и всю свою жизнь служи султану».

Но если отецъ проклинаетъ Марка, то тутъ же его благословляетъ Урошъ.

«Кумъ мой Марко, Богъ тебѣ на помощь!
Чтобъ лицо твое сіяло въ думѣ,

А копье въ бою не уставало!
Чтобъ сильнѣе не было юнака,
И, пока луна и солнце свѣтятъ,
О тебѣ жива была бы память!»

Какъ проклятіе отца, такъ и благословеніе Уроша сбываются и идутъ рука объ руку въ продолженіи всей жизни Марка-Кралевича. Онъ вѣрно служитъ туркамъ, но держитъ себя совершенно самостоятельно. Визиря, который переломалъ крылья его соколу, онъ убиваетъ вмѣстѣ съ двѣнадцатью его спутниками. Онъ гнѣвный входитъ въ шатеръ султана, и тотъ ласками и подарками старается его умилостивить. Марко очень часто дастъ почувствовать свою силу султану. Сюда относится пѣсня, въ которой онъ узнаетъ саблю своего отца и сноситъ голову турку—его убійцѣ, а также и та, гдѣ онъ пьетъ вино у турокъ въ рамазанъ и такимъ образомъ смѣло показываетъ султану, что турецкій законъ не для него писанъ. Кромѣ того Марко всюду является защитникомъ нищихъ, сирыхъ и убогихъ.

Пѣсни, танцы и хороводъ—самыя любимыя увеселенія сербовъ. Мужчины развлекаютъ также себя бѣгомъ въ запуски, бросаніемъ камней, стрѣльбою въ цѣль, а женщины и дѣвушки посидѣлками. Хотя сербъ по натурѣ и очень дѣятеленъ, но довольствуется малымъ: во время тяжелой работы онъ выпьетъ иногда вина, или ракіи, но всегда чрезвычайно умѣренно, никогда не напиваясь до пьяна.

Личныя отношенія высшихъ классовъ къ низшимъ и бѣдныхъ къ богатымъ совершенно простыя и непринужденныя. Тамъ нѣтъ никакихъ сословныхъ предразсудковъ, основанныхъ на титулѣ или богатствѣ. Во время турецкаго ига, какъ мы уже видѣли, множество унизительныхъ правилъ было предписано одинаково всѣмъ, какъ знатнымъ, такъ и простымъ сербамъ. Такимъ образомъ, унизивъ дворянство до райевъ, турки совершенно уничтожили пропасть, которая вездѣ существуетъ между этими двумя сословіями.

ЗАНЯТІЯ НАРОДА.

Ремесла и презрѣніе къ нимъ серба.—Земледѣліе.—Первобытный способъ обработки земли и плохія орудія.—Посѣвъ и молотьба.—Маисъ и зерновый хлѣбъ.—Фруктовыя деревья.—Винодѣліе.—Уходъ за виноградниками.—Скотоводство.—Свиньи и роль, которую играютъ эти животныя въ сербскомъ хозяйствѣ.—Шелководство.—Пчеловодство.—Лѣсоводство.

Въ нѣкоторыхъ городахъ нижніе этажи домовъ представляютъ комнату со сводомъ, открытую на улицу. Такимъ образомъ путешественникъ легко можетъ видѣть занятія жильцовъ. Всѣ единогласно хвалятъ способности серба. Больше всего удивляетъ проворство, съ которымъ онъ исполняетъ всѣ свои работы. Какъ тонко и даже изящно выдѣлываетъ сербъ свое оружіе и свою простую, незатѣйливую посуду! При этомъ изумительнѣе всего то, что всѣ свои работы сербъ дѣлаетъ самыми первобытными орудіями. Болѣе всего его искусство, таланты и вкусъ видны въ рѣзьбѣ на деревѣ, которою онъ иногда украшаетъ свое жилище. Но изучать ремесла, узнать новые способы,

при которыхъ каждая вещь выходитъ лучше и совершеннѣе,—сербъ не хочетъ, хотя къ этому его и сильно поощряетъ правительство.

Постепенно увеличивающееся вліяніе наукъ и искусствъ на развитіе промышленности не могло коснуться сербовъ, такъ какъ они были подавлены впродолженіе 400 л. Не привыкнувъ къ ремеслу и не получивъ никакого развитія, сербъ и до сихъ поръ смотритъ на это занятіе, какъ на что-то презрѣнное, недостойное мужчины. Теперь большинствомъ ремеслъ въ Сербіи занимаются иностранцы: венгры, нѣмцы и болгары, которые ежегодно уносятъ изъ страны огромныя деньги.

Земледѣліе и скотоводство съ давняго времени составляютъ главное занятіе сербскаго народа. Сама природа страны и роскошныя пастбища какъ нельзя болѣе способствуютъ тому, чтобы вести это дѣло въ совершенствѣ. Въ Сербіи есть множество мѣстностей, гдѣ земля такъ жирна, что можетъ выносить многолѣтнюю и мѣстами непрерывную обработку даже безъ всякаго удобренія, дренажа (осушеніе почвы съ помощію подземныхъ трубъ) и искуственнаго орошенія. Въ большинствѣ случаевъ поле обработываютъ два и три года сряду и потомъ одинъ годъ его оставляютъ подъ паромъ. Не смотря на это, земледѣліе въ Сербіи находится на самой низкой степени развитія. Всѣ старанія правительства пока еще не привели ни къ какимъ результатамъ, и до сихъ поръ въ странѣ обработана только $^1/_8$ часть земли. Проѣзжая по Сербіи, путешественнику невольно представляется, что онъ находится среди новыхъ американскихъ поселеній. Опустошенные лѣса то и дѣло чередуются съ плохо обработанными пашнями. Изъ пшеничныхъ и маисовыхъ полей поднимаются обугленные пни деревьевъ. На пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль очень часто не встрѣтишь ни одного хорошаго поля, а только *новины* (въ первый разъ воздѣланное поле) да пустыри. Одна изъ важныхъ причинъ несовершенства земледѣлія та, что сербскій крестьянинъ употребляетъ самыя первобытныя орудія. Зрѣлище, которое представится посторонному наблюдателю при здѣшней обработкѣ поля, переноситъ его далеко въ первобытныя времена. Четыре, шесть, а иногда даже и восемь животныхъ и три, четыре, а то и болѣе человѣкъ съ большимъ шумомъ сдвигаютъ тяжелый сербскій плугъ. Но когда неуклюжее орудіе сдвинуто, за плугомъ идетъ одинъ крестьянинъ, который и наблюдаетъ за пашней. Сзади пашущаго непремѣнно идетъ его жена или дочь и въ проведенную борозду тотчасъ бросаетъ зерна; позади женщины прыгаетъ иногда полдюжины босыхъ ребятъ. Они сбрасываютъ ногами взрытую плугомъ землю и затаптываютъ зерна, брошенныя въ борозду. Когда земля запахана и засѣяна, плугъ отпрягаютъ и вмѣсто него впрягаютъ борону, наваливаютъ на нее камни и такимъ образомъ возятъ по полю.

Траву косятъ косою, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и серпомъ, но наши грабли имъ еще неизвѣстны; траву и сжатый хлѣбъ сбираютъ вилами: работа идетъ очень медленно и при этомъ теряется очень много хлѣба.

Въ западной Европѣ для молотьбы давно уже употребляютъ машины, а въ Сербіи даже не вездѣ извѣстенъ и молотильный цѣпъ. Хлѣбъ здѣсь молотятъ на плотно утоптанномъ току быками или лошадьми. Это происходитъ такимъ образомъ: по срединѣ тока вбитъ столбъ; къ нему на веревкѣ привязываютъ лошадей и пускаютъ ихъ бѣгать вокругъ. Веревка все болѣе закручивается и лошадь бѣжитъ по спиральной линіи, потомъ ее заставляютъ бѣжать назадъ и продолжаютъ это до тѣхъ поръ, пока хлѣбъ будетъ совершенно вымолоченъ. Амбары у нихъ неизвѣстны, и всѣ свои запасы сербы хранятъ въ кладовыхъ квадратной или круглой формы, изъ ивоваго или тростниковаго плетня; такая кладовая, подобно вигвамамъ индѣйцевъ, покоится на столбахъ.

Впрочемъ это дѣлается по разумной причинѣ,—чтобы сберечь свой запасъ отъ домашнихъ животныхъ.

Часть жатвы отдается въ большой общинный запасной магазинъ, какіе вездѣ устроены на случай голода. Въ Сербіи, какъ и во всей Турціи, больше всего разводятъ маисъ, или кукурузу. Ею заняты половина, а можетъ быть и двѣ трети всей обработанной земли. Хлѣбъ изъ маисовой муки составляетъ главную пищу народа. Маисовыми зернами откармливаютъ также свиней, а стеблями кормятъ зимою и прочій скотъ. Рожь и пшеницу сѣютъ преимущественно въ областяхъ Савы и Дуная; овесъ, ячмень, просо и полбу—почти вездѣ. Изъ стручковыхъ плодовъ разводятъ преимущественно бобы, какъ любимую пищу во время частыхъ сербскихъ постовъ. Дыни, паприку, тыквы, чеснокъ и лукъ разводятъ во всей странѣ. Перецъ или паприку вы найдете непремѣнно у каждаго крестьянина. Много разводятъ вишневыхъ деревьевъ и различныхъ фруктовыхъ: яблоки, груши, абрикосы, но больше всего сливъ. Вблизи Крушевца находятся цѣлые лѣса сливъ. Когда снимаютъ эти плоды, они иногда составляютъ исключительную пищу народа втеченіе многихъ недѣль. Въ послѣдніе годы сербы стали сушить сливы и вывозить ихъ въ громадномъ количествѣ изъ своей страны. Лучшія сливы даетъ Шумадія. Изъ нихъ сербы приготовляютъ свой любимый напитокъ ракію, которая имѣетъ пріятный, ароматическій вкусъ и запахъ горькихъ миндалей. Ракію приготовляютъ въ огромномъ количествѣ, однако, не смотря на сильное потребленіе въ странѣ, ее очень много вывозятъ. Однимъ словомъ сливы имѣютъ для серба такое же важное значеніе, какъ и маисъ. Къ сожалѣнію, въ странѣ въ послѣднее время стали сильно уничтожать птицъ, а это содѣйствовало размноженію насѣкомыхъ, вредныхъ для всякой растительности и особенно для плодовыхъ деревьевъ. Виноградныя лозы разводятся почти исключительно на холмистыхъ терассахъ, спускающихся къ Дунаю. Изъ бѣлыхъ винъ больше всего цѣнится нѣготинское. Его цвѣтъ и нѣжный блескъ напоминаютъ лучшія вина Испаніи. Уходъ за виноградниками поглощаетъ здѣсь не мало времени. Весною короткій стволъ виноградника освобождаютъ изъ земли. Когда лозы подросли, втыкаютъ палки, подвязываютъ на нихъ вѣтви, безпрестанно выпалываютъ сорную траву. Созрѣли грозды, и немедленно переходятъ къ сбору винограда. Виноградъ здѣсь цѣнится выше всего.

Скотоводство въ Сербіи, какъ и земледѣліе, стоитъ на низкой степени. Недостатокъ знанія и неумѣнье примѣнить какія нибудь способы для усовершенствованія своего хозяйства, значительно ухудшили мѣстныя породы рогатаго скота. Скотъ чрезвычайно долго оставляютъ на пастбищѣ; зимою его держатъ вблизи жилья, подъ открытымъ небомъ, или въ совершенно неудобныхъ помѣщеніяхъ и кормятъ только сухими, маисовыми стволами, такъ какъ небольшое количество сѣна, которое заготовляютъ, отдаютъ лошадямъ и овцамъ. Поэтому весною на роскошныхъ лугахъ путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь необыкновенно тощихъ и плохихъ животныхъ.

Производство масла и сыра на европейскій маперъ вовсе неизвѣстно; здѣсь приготовляютъ только кислое молоко и густыя сливки, да кой-гдѣ самые простые сорты сыровъ.

Главный промыселъ въ Сербіи и самый главный предметъ дохода въ сельскомъ хозяйствѣ—свиньи. Сербская свинья играетъ важную роль не только въ здѣшнемъ хозяйствѣ, но и въ пропитаніи почти всей средней Европы. Разведеніе свиней, особенно въ Шумадіи, ведется въ весьма большомъ размѣрѣ. Для этого не нужно особенныхъ капиталовъ, и этому промыслу помогаетъ даже нераціональное сербское хозяйство, оставляющее необработанными большія пространства земли; а маисъ и жолуди съ громадныхъ дубовыхъ лѣсовъ ихъ главная пища. Средоточіе этой промышленности, какъ мы уже упо-

мянули, въ Шумадіи, такъ какъ горы ея покрыты дубовыми лѣсами. Тутъ находится множество загороженныхъ мѣстъ для свиней. Безпрестанно встрѣчаешь покатыя мѣста съ большимъ углубленіемъ внизу, гдѣ въ холодной водѣ и тинѣ барахтаются свиньи. Тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ находится и кладовая, какъ и другія, покоющаяся на столбахъ. Во время дождя и холода свиньи залѣзаютъ подъ самую кладовую. Все пространство около нея вымощено кирпичами, чтобы свиньямъ легче было отыскивать маисовыя шишки, которыя имъ здѣсь бросаютъ.

Весною множество торговцевъ свиньями начинаютъ ходить изъ села въ село и скупаютъ у сельчанъ этихъ животныхъ. Такимъ образомъ собираются огромныя стада, и погонщики, по большей части на лошадяхъ, окружаютъ съ разныхъ сторонъ громадный табунъ свиней и гонятъ его къ гавани на Дунай. Ихъ перевозятъ на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, отправляютъ даже въ Англію, Гамбургъ и Вѣну. Множество объѣденныхъ маисовыхъ шишекъ у ручьевъ показываетъ путь, по которому проходили эти стада. Во многихъ округахъ Сербіи продажа свиней составляетъ единственный доходъ хозяина. Среднимъ числомъ въ годъ вывозятъ заграницу 160,000 свиней, на 28 милліоновъ піастровъ. Одно время, около 1865 года, когда въ Европѣ стали бояться зараженія трихинами, сразу значительно уменьшился вывозъ свиней, и это серьезно угрожало Сербіи бѣдствіями, но, къ ея счастію, паника недолго продолжалась.

Удивительно, какая богатая природа въ этой странѣ, чего только она не родитъ! Шелковица ростетъ тутъ такъ хорошо, что достигаетъ величины липы, такъ что здѣсь легко можно было бы завести прекрасныя шелковыя фабрики. Богатая природа скоро бы возвратила сторицею затраченный капиталъ, а устройство шелковыхъ фабрикъ было бы какъ нельзя болѣе кстати сербскимъ женщинамъ. Онѣ обнаруживаютъ большую способность къ вышиванію шелками и къ тканью матерій. Но въ Сербіи не хватаетъ для этого ни капиталовъ, ни знанія, какъ взяться за дѣло.

Пчелы здѣсь также отлично водятся, и, нужно отдать справедливость сербамъ, они ими занимаются съ большою любовью. Причина этому та, что медъ принадлежитъ къ ихъ любимымъ кушаньямъ, особенно во время постовъ; воскъ вывозятъ въ небольшомъ количествѣ, такъ какъ много его оставляютъ себѣ на свѣчи.

Лѣса Сербіи принадлежатъ къ самымъ богатѣйшимъ въ Европѣ. Еще 100 лѣтъ тому назадъ вся страна представляла огромный, чуть не сплошной лѣсъ. Во время турецкаго ига лѣсъ былъ самымъ главнымъ защитникомъ всѣхъ гонимыхъ и преслѣдуемыхъ. Но, послѣ освобожденія страны, народъ безжалостно напалъ на своего защитника и своего главнаго кормильца (безъ лѣсу сербы не могли бы получать и такого дохода со своихъ свиней). Мы не говоримъ о тѣхъ частяхъ лѣса, которыя были превращены въ пашни: это было необходимо сдѣлать, и такія мѣста ничтожны сравнительно съ другими, гдѣ лѣсъ истребленъ совершенно неразумно. При подобныхъ опустошеніяхъ нечего удивляться, что въ лѣсистой Сербіи теперь уже есть мѣстности, гдѣ скоро окажется недостатокъ въ дровахъ. Опустошеніе лѣсовъ вынудили правительство объявить ихъ государственною собственностію. Это сдѣлано относительно тѣхъ лѣсовъ, на которые общины или частныя лица не могутъ точно доказать своихъ правъ. Впрочемъ общины, лежащія около такихъ государственныхъ лѣсовъ, пользуются правомъ пастбища въ нихъ и могутъ рубить строевой или дровяной лѣсъ за незначительную плату, или за безвозмездное исполненіе тѣхъ работъ, которыя нужны для сохраненія лѣса.

И такъ маисъ, сливы, виноградъ, но больше всего свиньи играютъ самую важную роль въ хозяйствѣ; всякая другая промышленность или вовсе неизвѣстна, или плохо прививается къ этому, еще только начавшему развиваться народу.

Изъ всего сказаннаго видно, что Сербія принадлежитъ къ числу самыхъ бла-

гословенныхъ странъ, такъ какъ ея земли въ изобиліи производятъ всевозможные сорта хлѣба, богатую растительность, самые нѣжные и дорогіе плоды. Тѣмъ не менѣе населена она весьма слабо, и производитъ хлѣба гораздо менѣе, чѣмъ могла бы. Къ тому же граничитъ она съ такими землями, какъ Банатъ, Срѣмъ, Славонія, Боснія и Болгарія, которыя многими изъ тѣхъ же естественныхъ произведеній даже богаче Сербіи, слѣдовательно сбывать въ эти страны свои хозяйственныя сбереженія—невозможно. Но не только въ сосѣднія страны, даже и на свои рынки сельчанамъ трудно отправлять излишекъ отъ своего хозяйства, такъ какъ въ странѣ чрезвычайно плохія пути сообщенія: только въ весьма немногихъ мѣстахъ есть хорошія шоссейныя дороги, но нѣтъ ни мостовъ порядочныхъ, ни каналовъ.

СЕРБСКІЕ ПРАЗДНИКИ.

Свадьба.—Жизнь молодой.—Юрьевъ день.—Слава и здравицы.

Самый веселый и самый важный изъ всѣхъ домашнихъ праздниковъ—свадьба. Впрочемъ это не только большой праздникъ для семьи, но и для всей деревни. Къ свадебнымъ гостямъ всѣ подходятъ и здороваются, называя ихъ «господинъ», между тѣмъ въ другое время сербы никогда не называютъ такъ другъ друга. Передъ брачнымъ кортежемъ открываютъ головы; свадебные гости не снимаютъ своихъ шляпъ даже за столомъ, во время пиршества. Всѣ они имѣютъ палки, украшенныя разноцвѣтными лентами, между тѣмъ въ обычное время только лица высокопоставленныя въ деревнѣ имѣютъ право гулять съ палкою.

Хотя бракъ и устроивается иногда по взаимной склонности, но въ большинствѣ случаевъ задруга заставляетъ и молодыхъ людей смотрѣть на бракъ, какъ на дѣло, не только ихъ личное, но и всей общины. Чаще тутъ все зависитъ не отъ жениха и невѣсты, не отъ ихъ взаимнаго желанія и привязанности, а исключительно отъ старѣйшины задруги и отъ отца жениха. При этомъ тотъ и другой принимаютъ прежде всего во вниманіе состояніе дѣвушки, ея поведеніе, трудолюбіе и репутацію семьи, къ которой принадлежитъ невѣста. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, молодаго человѣка женятъ въ такіе лѣта, когда онъ совсѣмъ не думаетъ о бракѣ.

Законъ дозволяетъ мужчинамъ вступать въ бракъ въ 18, а женщинамъ въ 15 лѣтъ. Случается обыкновенно вотъ какъ. Разговорился старѣйшина съ отцемъ какого-нибудь юноши, и вдругъ кому-нибудь изъ нихъ приходитъ мысль, что пора женить такого-то молодца. «Пора», говоритъ одинъ. «Да, время», отвѣчаетъ ему другой, и оба старца тутъ же рѣшаютъ наводить справки о такой-то и такой-то дѣвушкѣ, такъ какъ съ семьями этихъ невѣстъ ихъ задругѣ не дурно было бы породниться. Когда должныя справки уже наведены, то начинаются переговоры между старѣйшинами и отцами двухъ задругъ или двухъ семействъ. Узнала сторона жениха, что семья невѣсты не прочь породниться съ нею, тогда старѣйшина или отецъ садится на верховую лошадь и отправляется въ домъ невѣсты. Пріѣхавшаго угощаютъ всѣмъ, что есть въ дому, и при этомъ прислуживаетъ непремѣнно дѣвушка, которую пріѣхали сватать. Между тѣмъ старѣйшина все исподоволь осматриваетъ: и хату, и родню дѣвушки, къ которой онъ

забрелъ, можетъ быть, въ первый разъ, и красоту дѣвицы, и обстановку, среди которой она живетъ. Въ первое свое появленіе старѣйшина обыкновенно не говоритъ о цѣли своего посѣщенія, но, конечно, хозяева отлично знаютъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Послѣ этого посѣщенія и родственники невѣсты въ свою очередь начинаютъ наводить справки о женихѣ. Когда по справкамъ можно надѣяться, что дѣло устроится, тогда старѣйшина или отецъ жениха беретъ съ собою двухъ, трехъ наиболѣе уважаемыхъ его родственниковъ, которые захватываютъ съ собою два ружья, или столько же пистолетовъ, садятся на лошадей и отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ въ большинствѣ случаевъ уже все готово къ ихъ пріему. Войдя въ домъ, сваты запираютъ за собою дверь, не оборачиваясь къ ней лицомъ: этотъ обычай, по понятіямъ сербовъ, способствуетъ благополучному исходу сватовства.

Сватовство происходитъ обыкновенно вечеромъ. Сначала все дѣло имѣетъ видъ простаго посѣщенія. Гости разговариваютъ, ѣдятъ и пьютъ все, что имъ подаютъ, но о цѣли посѣщенія не заикаются. Какъ только стемнѣетъ, накрываютъ столъ для ужина, за который въ порядкѣ старшинства садятся всѣ присутствующіе. Уже половина ужина прошла, но о цѣли посѣщенія никто не заикается. Но вдругъ одинъ изъ сватовъ съ слѣдующими словами обращается къ старѣйшинѣ дома, въ которомъ онъ находится въ гостяхъ, или къ отцу семейства: «Домачинъ, братъ, ты не спрашиваешь, а мы тебѣ не говоримъ, зачѣмъ мы пришли. Мы явились къ тебѣ не затѣмъ, чтобы поѣсть и попить, а затѣмъ, чтобы устроить одно дѣло, если это Богу и тебѣ угодно!»—«Братъ, я ничего не знаю и думаю, что вы скажете же наконецъ, зачѣмъ пришли?»—«Хорошо—пусть будетъ такъ. Во имя Бога станемъ между собой друзьями. Если Богу будетъ угодно, и ты не будешь противъ этого, то нашъ братъ (указываетъ на отца жениха и называетъ его имя) предлагаетъ взять твою дочь (ея имя) въ жены для своего сына».

При этихъ словахъ, отецъ жениха вынимаетъ изъ мѣшка хлѣбъ и дѣлаетъ видъ, что хочетъ достать деньги изъ кошелька и положить на хлѣбъ. При этомъ отецъ дѣвушки останавливаетъ его слѣдующей фразой: «Братъ*), подожди нельзя же сейчасъ рѣшить дѣло; молодость—надежда будущаго; а потому слѣдуетъ прежде послушать, что скажутъ на это молодые люди». Послѣ этого онъ выходитъ и посылаетъ къ дочери мать или тетку, которая должна узнать желаніе дѣвушки. Впрочемъ, на ея желаніе и на то, «что скажутъ молодые люди», чрезвычайно рѣдко обращаютъ вниманіе. Вслѣдствіе этого и фраза о томъ, что скажутъ молодые люди, все рѣже говорится въ такихъ случаяхъ. Обыкновенно, когда сваты высказали цѣль своего посѣщенія, начинается торгъ. Хозяинъ требуетъ, чтобы гости внесли за дѣвицу, если они хотятъ ее взять къ себѣ, 20 червонныхъ—гости упрямятся; сначала даютъ 4, потомъ 5 и такъ, торгуясь мало по малу, доходятъ до 10, много до 15 червонцевъ. Когда объ этомъ уговорились, хозяинъ требуетъ еще, чтобы гости купили одному родственнику невѣсты куртку, другому феску, иному сапоги и т. д. Тутъ опять начинается торгъ, но при взаимныхъ уступкахъ и это улаживается. Тогда отецъ жениха вынимаетъ кошелекъ и раскладаетъ передъ хозяиномъ условленные червонцы. «А невѣстѣ на подарокъ?» спрашиваетъ хозяинъ. Старѣйшина вынимаетъ еще нѣсколько червонцевъ. Хозяинъ уложилъ въ свой кошелекъ плату за невѣсту, но червонцы, предназначенные ей самой, онъ не тронулъ и пошелъ объявить ей, чтобы она брала свое «*обилежье*», т. е. чер-

*) Люди болѣе или менѣе одного возраста, даже не знакомые, называютъ другъ друга «братьями».

вонный подарокъ, который посылаетъ ей женихъ. При появленіи отца съ словами «обилежье», дѣвушку окружаютъ всѣ ея родственницы. Она вышла на средину, потупилась, заплакала и показываетъ видъ, что не хочетъ выходить замужъ. Такъ принимаетъ эту вѣсть каждая невѣста, такъ что трудно различить, у кого изъ нихъ отказъ и слезы искренни, а кто изъ нихъ выполняетъ только обычай.

Иногда невѣста говоритъ: «Не хочу, не пойду за него, у него носъ кривой!» — «Неправда», отвѣчаетъ ей на это очень ласково отецъ и при этомъ начинаетъ расписывать красоту жениха. Родственницы съ своей стороны тоже не молчатъ: усовѣщиваютъ, уговариваютъ. Но если дѣвица по прежнему упорно повторяетъ свое, тогда хозяинъ строгимъ и твердымъ голосомъ говоритъ: «Сейчасъ придешь взять свое «обилежье», и уходитъ вонъ. И дѣвица, дѣйствительно, скоро является къ гостямъ. «Бери деньги», говоритъ хозяинъ. Дѣвушка опять начинаетъ мяться, отворачиваться, краснѣть, но наконецъ беретъ-таки блестящіе червонцы. Затѣмъ она цѣлуетъ руку у старѣйшины и у всѣхъ гостей и уходитъ вонъ. Вслѣдъ за этимъ на дворѣ раздаются выстрѣлы изъ пистолета; это означаетъ, что совершилась помолвка. Гости уговариваются, когда невѣсту будутъ перстеновать (обручать) и уѣзжаютъ, выстрѣливъ передъ отъѣздомъ нѣсколько разъ.

Въ день обрученія, отецъ жениха приказываетъ сыну хорошенько принарядиться, обчистить сѣдло, получше перевязать хвостъ лошади, вычистить свои пистолеты, однимъ словомъ со всѣмъ приличіемъ и парадомъ ѣхать смотрѣть свою невѣсту. Всю дорогу жениху то одинъ, то другой даютъ совѣты, какъ ему держать себя въ домѣ невѣсты, какъ показать почтеніе ея матери и старѣйшинѣ, какъ быть съ невѣстой. Но вотъ и пріѣхали.

Если хорошая погода, гостей усаживаютъ въ саду подъ какимъ-нибудь развѣсистымъ деревомъ и начинаютъ угощать. Между тѣмъ, изъ всѣхъ угловъ и скважинъ дома, женщины разсматриваютъ жениха, дѣлаютъ различныя замѣчанія о его физіономіи, хохочутъ, другъ друга толкаютъ, а то и подерутся, если одна, не спросясь у другой, заняла болѣе удобное мѣсто для наблюденія. Когда гостей вдоволь угостили, старѣйшина беретъ *бисаги* (кожанные мѣшки), вынимаетъ оттуда огромный хлѣбъ и кладетъ его на столъ; на хлѣбъ онъ кладетъ вѣнокъ, а посреди перстень. Тогда хозяинъ зоветъ невѣсту съ матерью. Невѣста входитъ, обыкновенно потупивъ взоры, цѣлуетъ руку своего отца, отца жениха, всѣхъ гостей и свою мать, кромѣ жениха, и направляется къ двери; мать беретъ хлѣбъ, цвѣты и перстень и выходитъ за дочерью. При этомъ во многихъ мѣстахъ опять стрѣляютъ изъ пистолета. Гости уговариваются о днѣ свадьбы, пьютъ вино и уѣзжаютъ.

Настаетъ день свадьбы; если семья жениха богата, то къ этому дню они приглашаютъ до 50 сватовъ. Главный между ними—крестный отецъ. Когда пришелъ свадебный день, то изъ сватовъ выбираютъ самаго красиваго и молодцоватаго въ знаменосцы и вручаютъ ему знамя. Затѣмъ всѣ эти 40, 50 человѣкъ сватовъ садятся на лошадей и ѣдутъ къ дому невѣсты; шаферъ, который выбирается женихомъ, ведетъ подъ уздцы лошадь для невѣсты. Эту дорогу сваты совершаютъ самымъ торжественнымъ образомъ: они все время стрѣляютъ и поютъ пѣсни. Множество женщинъ собралось у дома невѣсты, и онѣ также поютъ, танцуютъ, угощаются. Вдругъ раздается выстрѣлъ — это означаетъ, что пріѣхали за невѣстою. Ее усаживаютъ въ большинствѣ случаевъ верхомъ на лошадь, на мужское сѣдло, иногда просто на телѣгу, въ которую впряжены волы. Но если невѣста ѣдетъ верхомъ на лошади, то шаферъ ведетъ эту лошадь подъ уздцы до самой церкви.

При этомъ нельзя умолчать о необыкновенномъ головномъ уборѣ невѣсты.

Копытообразный вѣнецъ изъ папки отвѣсно укрѣпленъ на головѣ и придерживается подвязками на подбородкѣ. Этотъ бумажный вѣнецъ сплошь убранъ искуственными или натуральными цвѣтами, павлиновыми перьями и множествомъ серебряныхъ монетъ. Это украшеніе, которое вѣситъ иногда нѣсколько фунтовъ, невѣста носитъ не только въ первый день своего замужества, но во всѣ праздничные и воскресные дни впродолженіе цѣлаго года. При такомъ уборѣ женщинѣ приходится кланяться очень оригинально: когда она опускаетъ внизъ голову, ей непремѣнно нужно ухватиться рукою за платокъ, ниспадающій на спину съ головнаго убора,—иначе онъ полетитъ съ головы.

Когда кончено вѣнчаніе, изъ церкви выходитъ одинъ изъ сватовъ и чуть не съ самаго порога начинаетъ стрѣлять изъ пистолета. Затѣмъ, всѣ снова садятся на лошадей и ѣдутъ въ прежнемъ порядкѣ къ дому жениха. Тамъ ихъ ждетъ множество свадебныхъ гостей, поющихъ, играющихъ, танцующихъ. Пріѣхавши, сваты слѣзаютъ съ лошадей и отдаютъ ихъ прислужникамъ; только одна невѣста сидитъ еще на конѣ или въ телѣгѣ. Къ ней подносятъ самаго маленькаго ребенка въ семействѣ, она его цѣлуетъ и даритъ плоды или сласти. Затѣмъ ей подаютъ рѣшето съ пшеницею, которую она бросаетъ горстью на крышу дома и наконецъ туда же закидываетъ самое рѣшето.

Посмотримъ, какова жизнь молодой.

Въ первый годъ замужества она можетъ не печь хлѣбы, такъ какъ по молодости ее на время освобождаютъ отъ нѣкоторыхъ работъ. Но уже съ перваго дня вступленія въ домъ своего мужа она должна аккуратно соблюдать всѣ порядки и обычаи, а главное твердо помнить, какое и кому изъ семьи мужа она должна оказывать почтеніе. Ложатся спать свекоръ и братья мужа, и она должна почтительно подойти къ нимъ и снять обувь и почистить эту обувь завтра, прежде чѣмъ они встанутъ. Мало того, она должна даже мыть ноги свекру и свекрови. Каждое утро она должна вставать раньше всѣхъ, приготовить все нужное для умыванья свекрови и свекору, вычистить все, что нужно братьямъ мужа. Войдетъ ли свекръ въ комнату, она обязана тотчасъ встать съ своего мѣста, поцѣловать ему руку, взять все, что онъ держитъ и поставить куда слѣдуетъ. Однимъ словомъ, встрѣчать, провожать, услуживать братьямъ мужа и особенно свекру и свекрови, величать всякаго, какъ это предписано. Такъ своего деверя она называетъ: «братъ», «ага», «господинъ» и т. д. Золовку: «царица», «барышня», «сестра». Своего мужа она никогда не должна звать по имени, а говорить съ нимъ и объ немъ всегда въ третьемъ лицѣ. Она не скажетъ: «это принадлежитъ моему мужу», а всегда: «это принадлежитъ ему».

Вступаютъ въ бракъ по порядку старшинства: если для младшаго сына представится возможность жениться тогда, когда старшій его хотя однимъ только годомъ братъ еще не женатъ, то онъ долженъ просить у него позволенія. Братъ долженъ ждать выхода замужъ своихъ старшихъ сестеръ; сестры должны ждать женитьбы старшихъ братьевъ; такая же очередь соблюдается и между сестрами. Только хроническая болѣзнь, физическое уродство и вступленіе въ монашество старшаго брата даютъ право младшему на бракъ прежде него.

Эти обряды совершаются рѣшительно вездѣ, гдѣ живутъ сербы: въ Сербіи, Черногоріи, въ Босніи и Герцеговинѣ. Разумѣется, есть при этомъ въ мелочахъ нѣкоторыя измѣненія, но они слишкомъ незначительны.

Ни одинъ сербскій праздникъ не сопровождается такимъ множествомъ суевѣрныхъ обычаевъ, какъ Юрьевъ день. Понятно, что всѣ эти обычаи имѣютъ свое начало въ

глубокой древности, напоминаютъ прежнее язычество или первыя времена христіанства и болѣе всего характеризуютъ суевѣрный характеръ народа.

Приготовленія къ Юрьеву дню, который празднуется 23 апрѣля стараго стиля (5-го Мая) и совпадаетъ съ началомъ полевыхъ работъ, начинаются еще наканунѣ. Въ этотъ день, чтобы предостеречь скотъ на цѣлый годъ отъ вѣдьмъ и дикихъ звѣрей, завязываютъ узелъ на цѣпи, которая поддерживаетъ котелъ для воды. Чтобы предотвратить градъ, наканунѣ Юрьева дня кладутъ кресты дома, на поляхъ и въ конюшняхъ.

Молодежь меньше думаетъ о хозяйствѣ, и потому всѣ обычаи, гаданья, и привороты направлены скорѣе на мысли о личномъ счастьи. Каждая дѣвушка наканунѣ Юрьева дня связываетъ нѣсколько букетовъ, даетъ каждому изъ нихъ имя какого-нибудь молодаго деревенскаго парня, и въ полночь кладетъ обыкновенно на крышу или на какое-нибудь другое возвышенное мѣсто. Чуть займется утро, и дѣвушка бѣжитъ взглянуть на букеты, на которомъ изъ нихъ больше росы, узнавая такимъ образомъ мужчину, который будетъ ея суженымъ. Все это дѣвушки дѣлаютъ потихоньку, такъ какъ думаютъ, что гаданье становится недѣйствительнымъ, какъ только о немъ узнаетъ хоть одинъ мужчина.

Но вотъ насталъ Юрьевъ день. Еще только занялась заря, а ужъ вся деревня на ногахъ. Вся молодежь бѣжитъ къ рѣкѣ, чтобы выкупаться до восхода солнца. Это дѣлается для того, чтобы цѣлый годъ быть чистымъ, какъ вода. Пріятно смотрѣть на оживленныя лица молодежи, когда они, обвѣшанные и украшенные ивовыми вѣтками, какъ зеленые, живые кусты, бѣгутъ на купанье. Возвращаются домой тоже съ связанными въ пучки ивовыми вѣтвями, которыя они считаютъ долгомъ принести домой. Но пріобрѣсти чистоту тѣла еще мало: сербская молодежь желаетъ быть красивою, здоровою и цвѣтущею цѣлый годъ. Дѣвушки и дѣти, возвратившись домой послѣ купанья, моютъ лицо и руки водой съ мельничнаго колеса; тѣ, кто не запаслись этимъ раньше, кладутъ въ воду розанъ и моются этою водою.

Для того, чтобы скотъ былъ здоровъ весь слѣдующій годъ, надъ нимъ или надъ мѣстами, гдѣ онъ ночуетъ, передъ солнечнымъ восходомъ производятъ стрѣльбу, думая, что скотъ будетъ такъ силенъ и крѣпокъ, какъ силенъ былъ выстрѣлъ.

Въ Юрьевъ же день, до восхода солнца, многіе стараются пролѣзть подъ кустомъ крыжовника, чтобы предостеречь себя отъ боли въ пояснидѣ.

Въ западныхъ частяхъ Сербіи — ягнята бываютъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ, но до Юрьева дня ни одинъ сербъ ни за что не зарѣжетъ ни одного ягненка и не продастъ его, какъ бы дорого ему за него ни давали и какъ бы при этомъ онъ ни былъ бѣденъ. Утромъ въ Юрьевъ день считаютъ ягнятъ и выбираютъ самаго лучшаго. Шкуру «djurdjewielo» (т. е. ягненка Юрьева дня) продаютъ первому покупателю, какую-бы онъ не далъ цѣну, и вырученныя деньги жертвуютъ на церковь. Мясо раздѣляютъ между всѣми домашними, чтобы каждому непремѣнно достался кусокъ; при этомъ остерегаются повредить кости ягненка, такъ какъ боятся, что вслѣдствіе этого ихъ овцы переломаютъ себѣ ноги въ будущемъ году.

Вообще, въ Юрьевъ день, большую роль играютъ обычаи, имѣющіе отношеніе къ домашнему скоту. Всѣми средствами его стараются защитить отъ дурнаго глаза, недобрыхъ сосѣдей, вѣдьмъ, колдовства, нечистой силы. Вслѣдствіе этого въ Юрьевъ день скотъ выгоняютъ въ поле очень поздно, караулятъ его цѣлый день, наблюдаютъ за каждымъ шагомъ и никому не позволяютъ къ нему приближаться.

Но самый любопытный праздникъ сербовъ, который ихъ отличаетъ отъ другихъ славянъ,—это *крстно-имя* (крестное имя), или слава.

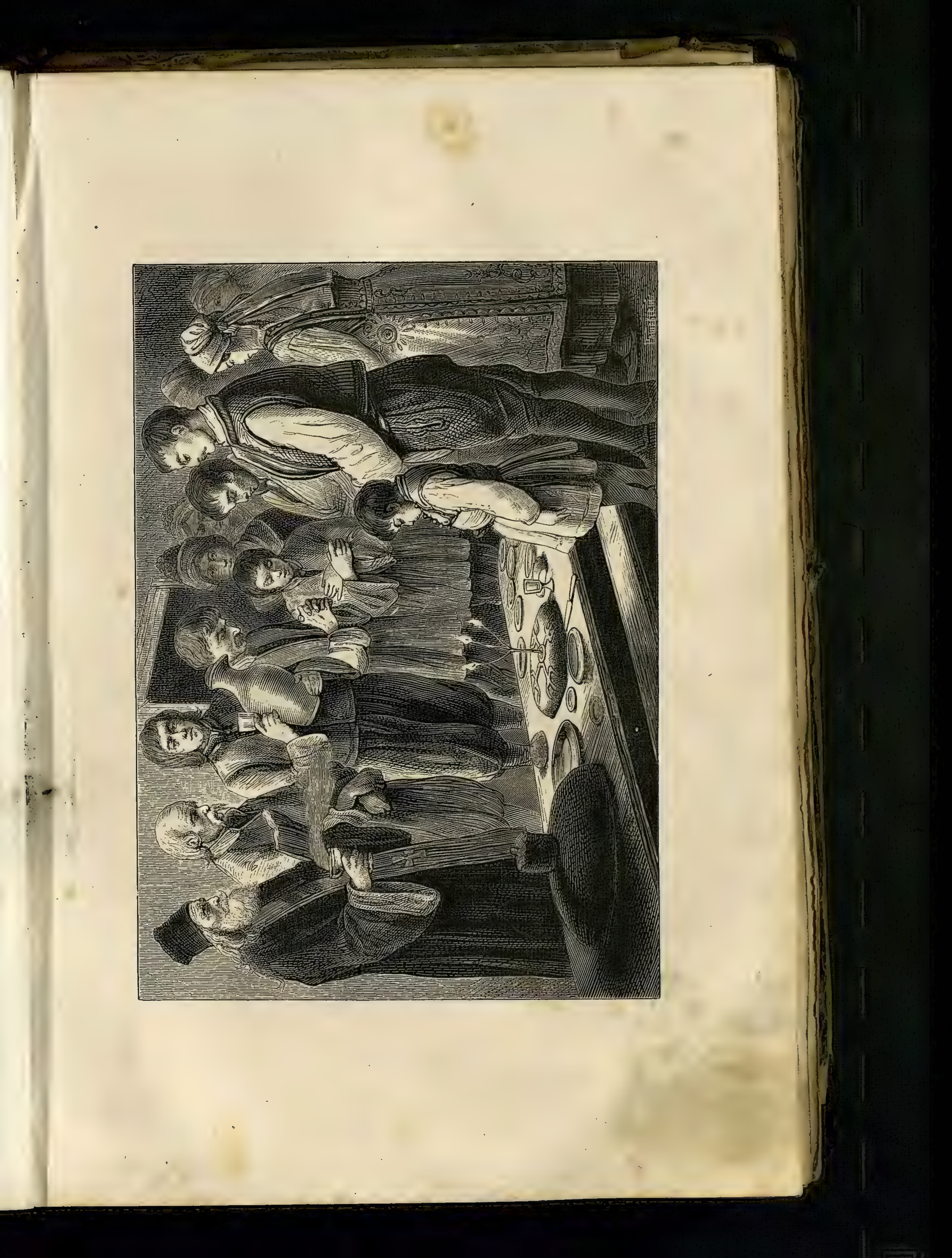
У сербовъ нѣтъ фамильныхъ именъ. Къ имени, данному при крещеніи, Никола, Іованъ, Вукъ, присоединяютъ имя отца, съ окончаніемъ *ичъ*, *овичъ* и *евичъ*: Вукъ Стефановичъ и т. п. Нѣкоторые однако имѣютъ особенныя имена отъ названія мѣстностей, гдѣ родились, напр. Рѣсавацъ отъ рѣчки Рѣсава, другіе получили прозвища отъ какого нибудь событія, въ которомъ они принимали участіе, или отъ занятія, иногда даже отъ тѣлесныхъ свойствъ, напр. Ковачевичъ (кузнецъ), Шлепшевичъ (отъ слова слѣпецъ).

Каждый сербъ состоитъ подъ покровительствомъ особаго патрона своего имени, однако онъ празднуетъ не день своего рожденія, не день своихъ именинъ, а крстноимя патрона своего рода: свой праздникъ тутъ ставится ни во что передъ праздникомъ покровителя семейной общины. Понятно, что такой обычай поддерживаетъ и укрѣпляетъ въ сербахъ ихъ семейныя чувства въ ущербъ чувствамъ индивидуальнымъ, такъ сильно развитымъ у германскихъ и романскихъ народовъ.

Патронъ дома у сербовъ соотвѣтствуетъ римскимъ пенатамъ (домашніе боги римлянъ); какъ тѣ, такъ и патронъ сербовъ имѣетъ свое мѣстопребываніе въ домѣ, и они вѣрятъ, что онъ приноситъ имъ всякое благополучіе. У него просятъ благословенія на всякую работу, на стада и поля. Для серба патронъ — главный защитникъ и послѣ Бога первѣйшій источникъ всѣхъ милостей и домашняго счастія. Никто не сомнѣвается въ его вліяніи у всемогущаго Бога; его посредничество можетъ быть благопріятно для исполненія всевозможныхъ желаній. При всѣхъ случаяхъ жизни, въ радости и горѣ, каждый отдѣльный членъ семьи проситъ у него милости и заступничества передъ Богомъ для себя и для всего семейнаго очага, такъ какъ съ благополучіемъ этого очага тѣсно связано и благополучіе каждаго отдѣльнаго лица. Какъ римляне въ честь своихъ пенатовъ зажигали жертвенный огонь, такъ и сербъ передъ изображеніемъ своего патрона (это обыкновенно ярко раскрашенная русская или вѣнская литографія) зажигаетъ лампадку по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Это дѣлаетъ каждый изъ нихъ, даже самый бѣдный человѣкъ.

Крстно имя называется также славою, потому что вся задруга въ этотъ день чествуетъ, славитъ имя своего патрона.

Къ этому празднику зовутъ всѣмъ свойственниковъ, кумовьевъ, родственниковъ, друзей и пріятелей. Это приглашеніе дѣлается въ такой формѣ: когда сербъ входитъ въ домъ къ людямъ, которыхъ онъ хочетъ пригласить къ себѣ на праздникъ, онъ говоритъ: «И вашъ домъ—домъ господень, мы просимъ васъ завтра осчастливить нашъ домъ своимъ посѣщеніемъ, мы не скроемъ того, чѣмъ надѣлилъ насъ Господь!..» И дѣйствительно, въ день славы подается гостямъ все, что только есть въ домѣ. Мало того, тотъ родъ который будетъ праздновать свою «славу», за долго до этого начинаетъ приберегать и отказывать себѣ во всемъ, что есть у него лучшаго, чѣмъ только можно угостить. Этотъ день чрезвычайно важенъ, какъ для каждаго серба отдѣльно, такъ и для всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Тутъ задруга лучше, чѣмъ когда нибудь, можетъ показать себя передъ другими, какой у ней порядокъ, довольство. И ни одинъ изъ ея членовъ не захочетъ отстать отъ другаго: каждый старается перещеголять другъ друга своею любезностію въ пріемѣ гостей, гостепріимствомъ, радушіемъ. Поэтому еще задолго до праздника семейная община начинаетъ во всемъ сокращать свои расходы. Если у нея остается немного вина, и она видитъ, что, продолжая расходовать такимъ образомъ, его не хватитъ для «славы», всѣ члены общины перестаютъ пить вино. Тоже самое они дѣлаютъ съ кофе, съ сахаромъ, который вообще употребляютъ очень мало, но въ день «славы» всего должно быть въ изобиліи. И это дѣйствительно необходимо, такъ какъ на «славу» можетъ придти всякій, даже безъ приглашенія. Свойственники,



знакомые, пріятели и т. д. часто пріѣзжаютъ къ славящимъ еще наканунѣ. Передъ этимъ праздникомъ домъ вычищается, украшается зеленью и цвѣтами. Но вотъ наступилъ самый день «славы».

Посрединѣ большой комнаты старѣйшины ставятъ большой длинный столъ изъ свѣже-наколотыхъ досокъ на низенькихъ ножкахъ. Приборы на этомъ столѣ состоятъ изъ множества пестро-окрашенныхъ, глиняныхъ и деревянныхъ тарелокъ, деревянныхъ ложекъ, перечницы, солонки и нѣсколькихъ вилокъ. Ножика здѣсь не полагается, такъ какъ каждый сербъ носитъ его при себѣ. Средину стола занимаетъ большой хлѣбъ—*крстни-калач*, который играетъ главную роль въ религіозной части праздника и долженъ быть непремѣнно испеченъ изъ пшеничной муки. На верхней части этого хлѣба особою просфорною печатью оттиснутъ выдающійся крестъ и начальныя буквы словъ: Іисусъ Христосъ Ника, т. е. Іисусъ Христосъ побѣдитель.

Когда въ эту комнату входитъ священникъ, то собраніе бываетъ уже весьма многочисленно: всякаго вошедшаго громко привѣтствуютъ, и онъ по сербскому обычаю со всѣми цѣлуется въ обѣ щеки. Наконецъ всѣ собрались, тогда въ большой хлѣбъ, который лежитъ посреди стола, втыкаютъ тонкую, высокую восковую свѣчку, а къ ней, на половинѣ высоты, приклеиваютъ съ каждой стороны по одной свѣчкѣ поменьше, такъ что, когда эти свѣчи зажгутъ, онѣ представляютъ трикирій — символъ Святой Троицы. Подлѣ хлѣба стоитъ полная чаша съ виномъ, которая, также какъ и хлѣбъ, необходима для религіозной церемоніи. Надѣвъ эпитрахиль, священникъ становится по одну сторону стола, около него слѣва старѣйшина, за нимъ старшій его сынъ и мужскіе члены семьи. Справа отъ попа стоятъ кумовья, близкіе родственники и приглашенные гости. Женщины наполняютъ заднюю часть комнаты. Священникъ монотоннымъ, но торжественнымъ голосомъ, начинаетъ богослуженіе чтеніемъ длинныхъ молитвъ. Потомъ онъ освящаетъ хлѣбъ, продолжая молитвы съ кадильницею въ рукѣ. При этомъ онъ призываетъ благословеніе Бога и домашняго патрона на этотъ домъ. Облака благоухающаго дыма, блескъ горящихъ свѣчей, торжественный голосъ священника, горячія молитвы, которыми оживлены лица этихъ простыхъ людей,—все это настраиваетъ какъ-то торжественно даже посторонняго зрителя.

Наконецъ старѣйшина беретъ освященный хлѣбъ, снимаетъ съ него свѣчи и вмѣстѣ съ попомъ начинаетъ его вертѣть какъ бы около своей оси и, послѣ троекратнаго кругообращенія, онъ съ тѣмъ же священникомъ ломаетъ этотъ хлѣбъ пополамъ. Затѣмъ внутрь этого хлѣба льютъ вино и всѣ члены по старшинству начинаютъ подходить къ нему и высасывать это вино своими губами. Потомъ обѣ половины разламываютъ еще разъ на куски, отдаютъ ихъ главнымъ членамъ семьи, которые въ свою очередь дѣлятъ ихъ между всѣми членами общины.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сербіи въ одну часть хлѣба запекаютъ рыбу; хозяйка дома всячески старается, чтобъ нельзя было угадать снаружи, въ какой части хлѣба находится рыба. Когда попу приходится выбирать изъ четырехъ кусковъ, ему стараются подсунуть тотъ, который съ рыбою,—это вызываетъ всеобщее удовольствіе.

Когда служба окончена, священникъ снимаетъ эпитрахиль и занимаетъ почетное мѣсто за столомъ. Пиръ начинается ѣдою; прежде всего подаютъ теплый, кислый супъ, за нимъ слѣдуетъ рыба, жареный ягненокъ или поросенокъ, бобы, сыръ, плоды и т. д. Пьютъ ракію и вино. Между тѣмъ попъ встаетъ и произноситъ нѣсколько словъ во славу Бога; послѣ этого начинаются тосты—сербскія здравицы. Прежде всего хозяинъ обыкновенно провозглашаетъ тостъ въ честь гостей, которые осчастливили его своимъ посѣщеніемъ въ этотъ торжественный и дорогой для каждаго серба день. Раздаются «многія лѣта», опять тосты, «многія лѣта» и такъ до самаго конца.

Всякій такой тостъ непремѣнно начинается пожеланіемъ: «Дай Богъ, чтобъ у тебя было то-то и то-то...»; очень часто эти пожеланія высказываются въ пышныхъ и длинныхъ рѣчахъ. «Три птички», говоритъ одинъ ораторъ, «перелетаютъ черезъ горы и каждая въ своемъ клювикѣ несетъ какую нибудь благодать: одна несетъ пшеничный колосъ, другая—виноградную лозу, третья—веселость и здоровье. Та, что несетъ полный пшеничный колосъ, опускается на Бачскую равнину, и Бачка приноситъ богатую пшеничную жатву; та, что несетъ тяжелую виноградную лозу, опускается на Фрушка-гору и Фрушка даетъ богатый, виноградный сборъ; пусть та, что несетъ веселость и здоровье, опустится на нашу трапезу, чтобы мы всѣ были веселы и здоровы....»

— «За твое здоровье, братъ-хозяинъ»! говоритъ другой.

— «Съ помощью Божіею и во имя Божье собрались мы къ тебѣ, чтобы увеличить твою славу и уменьшить твое вино. Пусть за это Богъ дастъ тебѣ пшеницу на пшеницу, зерно на зерно... пусть ты мало сѣешь, а много пожинаешь и дай Богъ, чтобъ мы собрались также здѣсь и на будущій годъ отвѣдать плодовъ земныхъ съ твоихъ полей и садовъ.... Пошли тебѣ Богъ, никогда не забывать во славу Божію приглашать твоихъ друзей, чтобы они всегда украшали твой домъ....»—«Да благословитъ Богъ твою землю», говоритъ другой, «и да умножитъ твои стада: пусть они даютъ тебѣ столько сыровъ, сколько мельница намелетъ муки. А ты хвали Бога и всегда угощай своихъ гостей: пусть тебя любятъ твои братья и пусть друзья приходятъ къ тебѣ изо всѣхъ концовъ земли и приносятъ тебѣ любовь, хвалу и жизнь. Да будутъ всегда открыты двери, черезъ которыя приходятъ къ тебѣ друзья, и зарастетъ репейникомъ ходъ для врага. Выходя изъ дому, да возвратишься ты въ него всегда съ честью, со счастьемъ и благополучіемъ.... Пусть Богъ держитъ подальше отъ тебя раскаленную золу, невѣрнаго друга, турецкаго судью и всякое несчастье, а теперь этотъ кубокъ мнѣ, а этотъ тебѣ».

Эти «здравицы» составляютъ главную приправу при застольныхъ разговорахъ во время всѣхъ сербскихъ торжествъ. Во время свадьбы эти тосты произносятся сватами. Сербъ, какъ и всякій славянинъ, во время пира всегда веселъ, добродушенъ и остеръ, поэтому и большая часть его тостовъ отличается необыкновенною игривостью и остроуміемъ. Тосты эти обыкновенно говорятся въ честь хозяина дома, кумовей, сватовъ, друзей, только никогда не произносятся они въ честь женщинъ. Видно женщины здѣсь всегда и во всемъ играютъ весьма незавидную роль.

ЧЕРНОГОРІЯ.

Природа страны.—Недостатокъ проточной воды.

Страна, называемая туземцами Црна-гора, иностранцами—Монтенегро и нами—Черногорія дѣлится на собственную Черногорію и Бердь (Брдъ). Большая часть собственной Черногоріи, а именно девять десятыхъ ея пространства, занимаютъ высокія горы, разбросанныя неправильными глыбами, горы совсѣмъ не производительныя, лишенныя всякой растительности. Особенно Катунская нахія (округъ), занимающая почти половину всей Черногоріи, отличается своими скалами. Въ ней повсюду, вдоль и поперегъ, подымаются голыя горы съ вершинами, упирающимися въ облака. Кромѣ четырехъ небольшихъ равнинъ, во всей Катунской нахіи нѣтъ ни одного ровнаго пространства, которое бы имѣло хотя $^1/_2$ часа въ поперечникѣ. Если на Катунскую нахію посмотрѣть съ возвышеннаго пункта, то, при видѣ этихъ голыхъ, отвѣсныхъ скалъ, ужасъ охватываетъ человѣка и невольно спрашиваешь себя: возможно-ли, чтобъ люди жили среди такихъ голыхъ утесовъ и обрывовъ? При этомъ невольно вспоминается народное черногорское преданіе: «Когда Богъ сѣялъ камни по свѣту, у него прорвался мѣшокъ на мѣстѣ, гдѣ теперь Черная Гора, и тутъ высыпалось всего болѣе сѣменъ; потому-то Черногорія вся изъ камня».

Черногорія въ высшей степени страдаетъ недостаткомъ воды; въ этомъ отношеніи Катунская нахія занимаетъ первое мѣсто такъ какъ она опять совершенно лишена ея. Трудно представить, какимъ страшнымъ бѣдствіямъ была бы подвержена страна отъ этого недостатка, если бы ее нѣсколько не выручали снѣгъ, который всегда бываетъ на нѣкоторыхъ вершинахъ, пади (бездны недосягаемой глубины) и множество пещеръ въ горахъ.

Дождю жители радуются здѣсь, какъ величайшему благодѣянію, и собираютъ дождевыя капли въ цистерны. Бѣда, когда лѣтомъ начинаются жары: жители мечутся изъ стороны въ сторону, не знаютъ, какъ напоить домашній скотъ, который въ это время отъ недостатка питья и отъ зноя обнаруживаетъ страшное безпокойство. Тогда всѣ

бросаются на возвышенныя мѣста, взлѣзают па высокія горы, собирают тамъ снѣгъ въ углубленіяхъ, даютъ ему таять и поятъ стада. Недостатокъ воды—одна изъ главныхъ причинъ раздоровъ между жителями. Черногорцы раздѣляются на нѣсколько племенъ, которыя, какъ мы увидимъ ниже, очень часто враждуютъ между собою. Во время этихъ жаровъ одно племя оспариваетъ обыкновенно у другаго свое право пользоваться тѣмъ или другимъ источникомъ. При этомъ каждое утверждаетъ, что источникъ открытъ впервые членомъ ихъ племени, и потому только ихъ племя можетъ имъ пользоваться: обмѣниваются бранью, остротами, которыя оканчиваются иногда поединками.

Въ эти жары воду также можно добывать изъ подземныхъ рѣкъ, прорѣзывающихъ Черногорію въ различныхъ направленіяхъ. Вообще подземная жизнь обнаруживается здѣсь съ большою силою и играетъ въ странѣ не малую роль. Здѣшнія горы испещрены пещерами и нѣкоторыя изъ нихъ до того обширны, что въ нихъ нерѣдко можно полюбоваться прелестными озерками и водопадами; по другимъ же протекаютъ рѣки, которыя очень часто имѣютъ сообщенія съ горными потоками и даже съ моремъ. Объ этихъ пещерахъ въ народѣ ходитъ много розсказней: одни утверждаютъ, что онѣ населены *вилами* (добрые духи), другіе стоятъ на томъ, что тутъ живетъ нечистая сила—*демоны*. Такое различное представленіе о пещерахъ понятно, такъ какъ онѣ и приносятъ пользу, и пугаютъ воображеніе. Во время войнъ пещеры эти представляютъ туземцамъ вѣрное убѣжище, въ которомъ ихъ ни за что не отыщетъ непріятель; а случается также, что онѣ приводятъ жителей въ трепетъ своимъ подземнымъ гуломъ.

Во время грозы и бури, когда горные потоки водопадами ниспадаютъ въ пещеры и пропасти, когда провалы (поноры), которыхъ тутъ тоже очень много, переполняются водою и вскипаютъ, по всей Черногоріи слышится подземный гулъ, сливающійся съ отдаленнымъ горнымъ эхомъ. Бездны недосягаемой глубины, страшные провалы, громадныя пещеры, высокія голыя скалы, все это разумѣется, мало можетъ способствовать къ обогащенію жителей. Не смотря на это, здѣсь попадаются мѣстности, богато одаренныя природою. Почти вся Церничская нахія отличается плодоносными равнинами и роскошною растительностію. Бердь занимаетъ сѣверную, самую возвышенную, часть Черногоріи; горы Берди идутъ болѣе правильными грядами и въ этой части Черногоріи гораздо болѣе плодородныхъ горныхъ равнинъ.

Каттарскій заливъ.—Скотоводство.—Рыболовство.—Земледѣліе.—Промышленность, торговля и занятія народа.—Черногорка: ея наружность, одежда и положеніе въ семьѣ.—Черногорецъ: его образъ жизни, понятія и отношенія къ женщинѣ.

Нѣсколько выше 42 градусовъ сѣверной широты, въ восточный берегъ Адріатическаго моря врѣзывается заливъ Каттаро, при которомъ находится небольшой городокъ того же имени. Каттарскій заливъ скорѣе походитъ на одинъ изъ фіордовъ Норвегіи, чѣмъ на какую нибудь изъ гаваней южной Европы. Заливъ этотъ можно также назвать каналомъ, такъ какъ онъ нѣсколькими изгибами обходитъ вершины горъ и однимъ изъ своихъ пунктовъ касается небольшаго городка Каттаро, прилѣпленнаго къ голой скалѣ, точно гнѣздышко маленькой птички. Въ этомъ каналѣ насчитываютъ четыре большихъ и девять маленькихъ бухтъ, или, лучше сказать, весь каналъ составляетъ бухту, такъ превосходно укрытую, что морякамъ нечего опасаться здѣсь какого бы то ни было ура-

гана; въ то же время вода здѣсь на столько глубока, что суда могутъ доходить до самаго берега. Видъ съ залива чрезвычайно дикій и живописный! Тутъ, куда вы ни обернетесь, всюду возвышаются высокія сѣроватыя горы, хотя впрочемъ между ними и мало острыхъ пиковъ. Большая часть этихъ горъ необыкновенно мрачны, пустынны, и почти совсѣмъ обнажены, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ на высокихъ вершинахъ, на которыхъ видны полосы темнаго лѣса, кажущагося издали чернымъ, почему страна эта и получила названіе Черногоріи. Хотя вершины почти всегда обнажены, но по бокамъ горъ очень часто видны поля маиса, который здѣсь достигаетъ необыкновенной высоты. Дальше зеленѣютъ лѣса оливковыхъ, фиговыхъ и миндальныхъ деревьевъ; ниже ихъ цвѣтутъ сады и по всей длинѣ канала на двухъ берегахъ его разстилается цѣлый рядъ красивыхъ деревень и веселенькихъ домиковъ. Выше всѣхъ своихъ сосѣдей подпимается Ловчинъ. Эта громадная гряда горъ и скалъ отдѣляетъ Черногорію отъ остальнаго міра. Вверхъ по нимъ идутъ зигзагами уступы, которые и служатъ лѣстницами для подъема въ Черногорію. Достигнувъ подошвы горы, приходится подниматься по этимъ зигзагамъ. Съ какой бы стороны вы ни рѣшились проникнуть въ Черногорію: со стороны Скутарійскаго озера, изъ долины Зеты или съ какого бы то ни было пункта на Адріатическомъ приморьи, всюду васъ встрѣтитъ крутой подъемъ въ 3,000 фут. Эта громада стоитъ передъ вами голой стѣной, и вы поднимаетесь по безчисленнымъ ступенькамъ, совершенно, какъ по лѣстницѣ, точно влѣзаете на какую нибудь гигантскую башню. И такой подъемъ продолжается по крайней мѣрѣ 2 часа; нерѣдко во время этого пути приходится карабкаться между скалъ по природнымъ уступамъ и искуственно сдѣланнымъ засѣчкамъ. Даже самая лучшая часть этой дороги не безопасна въ дождливое время: вздувшіеся горные потоки взбудараживаютъ всю поверхность и на ней появляются множество крутыхъ, острыхъ и скользкихъ камней. Огибать всѣ зигзаги дороги у черногорцевъ не хватаетъ терпѣнія, и они обыкновенно спускаются съ горы прямо, по тропинкамъ. Поднимаясь же на гору, горцы, въ особенности погонщики лошаковъ и рогатаго скота, вынуждены бываютъ уже идти по этой дорогѣ, держась флаговъ, разставленныхъ въ видѣ сигналовъ по краямъ пропастей.

Поднявшись тысячи на полторы футовъ, обернитесь назадъ, и взорамъ вашимъ представится прелестная картина. Вся живописная Каттарская бухта, съ ее берегами и селами, у васъ подъ ногами, а далѣе синева моря, усѣяннаго скалистыми островами, сливается съ лазурью почти всегда безоблачнаго неба. Вы обращаетесь опять къ дорогѣ и передъ вами синѣютъ воды Скутарскаго озера, а за ними торчатъ каменныя громады, вершины которыхъ тамъ и сямъ блестятъ снѣгомъ. Здѣсь кончается австрійская дорога и начинается черногорская. Отсюда вверхъ вьется тропинка, иногда въ видѣ ступеней, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того узкая, что по ней едва можетъ пробраться одна лошадь: нерѣдко по той и другой сторонѣ дороги зіяетъ пропасть, отъ одного вида которой кружится голова. Мѣстами невозможно усидѣть и на привычной здѣшней лошади, и приходится взбираться по выдавшимся каменьямъ, цѣпляясь за колючій кустъ, безпрестано скользя по осыпямъ. Только пробираясь по этимъ дорогамъ да насмотрѣвшись, какъ здѣсь перелѣзаютъ съ одной отвѣсной скалы на другую, можно вполнѣ понять, почему европейскіе путешественники, объѣздившіе весь свѣтъ, отлично изучившіе нравы обитателей какихъ нибудь Сандвичевыхъ острововъ, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о черногорцахъ, рѣдко проникаютъ въ этотъ уголокъ, который находится такъ близко отъ нихъ. Въ настоящее время по Черногоріи, въ разныхъ направленіяхъ, стали проводить дороги, но онѣ еще далеко не окончены. Дорога изъ Каттаро въ Цетинье, которая будетъ готова въ этомъ году, дастъ возможность путешественнику избѣгнуть тяжелаго подъема. Но можно смѣло сказать,

что простой народъ еще очень долго не поѣдетъ по ней: это будетъ и слишкомъ дорого для такого бѣднаго народа, какъ черногорцы, и не только не сократитъ время путешествія, но еще увеличитъ его почти въ двое. По отвѣснымъ почти стѣнамъ невозможно было прокладывать дорогу, а черногорецъ, какъ мы видали, предпринимая путешествіе, перепрыгиваетъ со скалы на скалу.

Стоитъ только пробраться за нависшую надъ Каттаромъ стѣну Ловчина, и вы въ Черногоріи,—въ этой совершенно особой, самостоятельной странѣ, съ своимъ оригинальнымъ образомъ правленія, гдѣ, точно на подборъ, живутъ все богатыри, какіе водились въ Европѣ, развѣ только въ средніе вѣка. Причину этой самобытности нужно искать въ природѣ страны и въ ея положеніи между другими государствами. Высокія черногорскія стѣны загородили жителей отъ турокъ, австрійцевъ, отъ всего, что такъ рано сгубило другихъ славянъ. Эти же самые неприступные стѣны горъ, которые спасли ихъ отъ враговъ, въ то же время отстранили ихъ отъ остальной Европы, отъ ея интересовъ, идей, открытій, и тѣхъ улучшеній, которыя внесли европейцы въ свою жизнь за послѣднее столѣтіе. Послѣдствіемъ такого отчужденія отъ западнаго образованія, искусствъ и реформъ было то, что черногорцы остановились въ своемъ развитіи на той ступени, на которой они были много столѣтій тому назадъ. Но это отчужденіе имѣло и свою хорошую сторону: оно заставило этотъ народъ сосредоточиться въ самомъ себѣ, жить одними интересами и желаніями. Послѣднее, вѣроятно, больше всего содѣйствовало тому, что черногорцы, иногда съ самыми незначительными силами и численностью въ десять разъ меньшею противъ своихъ враговъ, одерживали блистательныя побѣды и всегда дрались геройски, какъ одинъ человѣкъ. Разобщенность съ остальнымъ міромъ больше всего принесла вреда ихъ матеріальному положенію. Имъ приходится существовать почти одними своими средствами, ограниченными произведеніями своей земли и самою незначительною торговлею.

Главнѣйшая отресль промышленности черногорца—скотоводство. Это занятіе совершенно въ нравахъ народа: оно не вызываетъ его ни на какой утомительный черный трудъ, къ которому съ такимъ презрѣніемъ относится черногорецъ, съ другой стороны оно соединено съ большими опасностями, что ему больше всего по душѣ, такъ какъ придаетъ ему еще болѣе беззаботно-геройскій характеръ и презрѣніе къ опасности. Вотъ поэтому заниматься скотоводствомъ, быть пастухомъ—считается здѣсь даже почетнымъ. Какого бы рода и племени ни были черногорцы и черногорки, всѣ они въ извѣстный періодъ своей жизни дѣлаются пастухами. Нынѣшній черногорскій князь Николай тоже былъ пастухомъ въ своемъ дѣтствѣ. Пастушество служитъ здѣть для мальчика военною школою, у дѣвочки оно впервые пробуждаетъ геройскій, воинственный духъ, которымъ такъ проникнуты всѣ здѣшнія женщины.

За недостаткомъ пастбищъ въ своемъ краю, черногорцы уже издавна принуждены были водить свои стада на турецкую территорію и тамъ пасти ихъ силою. Однимъ словомъ черногорцы уже издавна вынуждены были съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать чуть не каждаго барана,—иной баранъ стоилъ головы черногорскаго пастуха или пастушки. Пастушество рано укрѣпляло нервы молодой дѣвушки, рано пробуждало въ молодой душѣ месть къ туркамъ; здѣсь ей уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ приходилось самой участвовать въ кровопролитныхъ схваткахъ. Въ тѣ минуты, когда дѣвочка-пастушка можетъ покойно наблюдать за своимъ стадомъ, она, сидя на выступѣ какой нибудь скалы, среди неприступныхъ романическихъ черногорскихъ горъ, вяжетъ, напѣвая пѣсни, которыя поддерживаютъ ея воинственный духъ: «Рости мой женихъ, пока не выростешь; когда выростешь, проси меня у отца, но принеси мнѣ въ подарокъ яблоко—турецкую голову на остромъ колу».

Своихъ воловъ, коровъ, овецъ, козъ и свиней черногорцы впродолженіе цѣлаго года гоняютъ то въ одинъ, то въ другой изъ прилежащихъ городковъ и продаютъ ихъ тамъ. Они получаютъ отъ своего скота и другую выгоду: продаютъ на рынкахъ сушеное мясо, шерсть, сало, сыръ, масло. Изобиліе гористыхъ луговъ даетъ возможность разводить многочисленныя стада. Ежегодно закалываютъ, солятъ и коптятъ сто тысячъ головъ мелкаго скота, который вывозятъ во всѣ гавани Адріатическаго моря.

Послѣ скотоводства черногорцы болѣе всего промышляютъ разной рыбой, которой иногда налавливаютъ въ одинъ годъ на 20 т. руб. Между рыбами здѣсь больше всего встрѣчается скоранца, немного потолще сардинки, которую вылавливаютъ въ Скутарскомъ озерѣ. Когда наступаютъ холода и приближается зима, рыба эта громадными массами переходитъ въ озеро изъ рѣки, которая въ него впадаетъ. Въ озерѣ есть мѣста, гдѣ изъ земли бьютъ ключи (эти мѣста называются *око*), и вотъ около нихъ то и собирается скоранца, такъ какъ температура ключа во время холодовъ выше температуры остальной воды въ озерѣ. Во время холодовъ этой рыбы набирается здѣсь такое множество, что ее черпаютъ, точно изъ чана, а иногда ея скопляется столько, что весла, воткнутыя въ воду, стоятъ неподвижно. Тогда стоитъ только закинуть сѣть и ее еле вытаскиваютъ, такъ она переполнена рыбою. Эту рыбу сушатъ, солятъ, много оставляютъ для себя, а еще больше отправляютъ въ Далмацію и Италію.

Тотъ, кто бранитъ черногорцевъ и считаетъ ихъ разбойничьимъ народомъ, который питается только грабительствомъ и набѣгами на чужія земли, пусть проѣдетъ по Черницкой нахіи. Обработка почвы достигаетъ здѣсь такого совершенства, которое даже во Франціи обратило бы на себя вниманіе: великолѣпные сады поднимаются террасами по склонамъ горъ, виноградники смѣняются садами масличныхъ деревьевъ, рощами смоковницъ, гранатными, плодовыми, оливковыми и миндальными деревьями; грецкіе орѣшники, кукуруза, дыни и даже лимоны встрѣчаются здѣсь тоже довольно часто. Нельзя не удивляться изобрѣтательности черногорцевъ, съ которою они на маленькихъ площадкахъ, на крутыхъ оврагахъ и часто даже на безплодныхъ скалахъ, устроиваютъ сады, или превращаютъ ихъ въ плодоносныя поля. Чтобы вполнѣ оцѣнить земледѣліе черногорцевъ, нужно помнить, что здѣшнія полевыя работы тяжелѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, такъ какъ эта страна представляетъ сплошную массу горъ и голыхъ скалъ. Плодородная земля, возможная для обработки, — здѣсь большая рѣдкость, но черногорцы дорожатъ каждымъ клочкомъ земли и съ толкомъ умѣютъ имъ пользоваться. Только съ помощью постоянной борьбы съ дикой и непокорной природой имъ удалось извлечь изъ почвы то, что она могла произвести, и тѣмъ самымъ обезпечить себя на будущее время. Они бросали первыя сѣмена въ извилины скалъ, въ глубокія рытвины, гдѣ накоплялся черноземъ, увлеченный съ горъ потоками. Это болѣе всего замѣтно, когда идешь изъ Каттаро въ Цетинью. Лишь только вы переступили черногорскую границу, вамъ безпрестанно попадаются, посреди пустынныхъ горъ, каменистыя углубленія, которыя мѣстами очень хорошо обработаны, такъ что на нихъ отлично ростетъ маисъ, овесъ и ячмень; также много и картофелю, который въ большомъ количествѣ разводится въ Черногоріи и очень мало извѣстенъ въ окружающихъ странахъ. Нерѣдко, какъ это видно въ равнинѣ Цетины, большія пространства, покрытыя во время оттепели камнями и, повидимому, едва способныя производить терновникъ или репейникъ, осенью превращаются въ поля, засѣянныя кукурузой и картофелемъ. Иногда черногорецъ замѣчалъ небольшія рытвины между скалами: онъ тотчасъ переносилъ туда черноземъ и на слѣдующій годъ разводилъ здѣсь овощи и табакъ. Воздѣлывать и убирать такое поле чрезвычайно тяжело, а часто и не безопасно. Камни безпрестанно падаютъ съ нависшихъ горъ и скалъ и часто не только грозятъ убить жницу, но и уничтожить

весь ея посѣвъ. Чтобы предупредить такое несчастіе, мѣстность окружаютъ валомъ. Эти валы удерживаютъ также влагу и капли дождя, которыя иначе непремѣнно должны были бы стекать съ покатыхъ мѣстъ. И такъ мужчины здѣсь занимаются скотоводствомъ и рыболовствомъ. Тяжелыми же полевыми работами преимущественно занимается женщина. Только пахать черногорцы не дозволяютъ своей женщинѣ. Пахота—несчастіе, позоръ для черногорки. Не даромъ, когда хотятъ здѣсь кого проклясть, говорятъ: «дай Богъ, чтобы у васъ пахала женщина». На это существуетъ и поговорка: «и Богъ смѣется, когда женщина пашетъ».

Промышленности въ этой странѣ почти не существуетъ. Портные, сапожники, столяры, слесари и другіе ремесленники—все это по большей части случайно или на время поселившіеся въ странѣ албанскіе или далматинскіе рабочіе, очень часто даже бѣглецы и бродяги. Черногорцы не только не имѣютъ никакой склонности къ ремеслу, но и презираютъ его. Лѣтъ 13-ть тому назадъ, вслѣдствіе предложенія, сдѣланнаго славянскимъ комитетомъ въ Москвѣ, нѣсколько черногорскихъ юношей было послано въ Россію, для опредѣленія ихъ въ ремесленное заведеніе. Окончивъ курсъ, они возвратились въ отечество и начали обучать рисованію и грамотѣ, но какъ только вздумали усадить соотечественниковъ за станокъ, тѣ рѣшительно возстали, такъ что пришлось имъ уступить. Тогда нѣсколько лѣтъ спустя, князь Николай пригласилъ ремесленниковъ изъ Австріи и, думалъ самъ набирать для нихъ учениковъ изъ молодежи. Но кому онъ ни предложитъ, всѣ говорятъ: «господару! наши предки рѣзали турокъ, а не сапоги шили,—мы убѣжимъ въ Турцію, если насъ заставятъ работать». Нечего было дѣлать и князю пришлось отказаться отъ своего плана. Послѣ этого князь какъ-то встрѣтилъ одного хромаго черногорца, который вслѣдствіе этого уже не могъ быть воиномъ. Князь долго его уговаривалъ взяться за какое нибудь ремесло, наконецъ сказалъ: «Ну, Чокета, знай—я тебя повѣшу, если ты не начнешь работать!» «Вѣшай, государь, я предпочитаю смерть этому постыдному ремеслу!» «Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ», отвѣчалъ ему князь, «мы пойдемъ съ тобой къ сапожнику и поработаемъ вмѣстѣ; если черногорцы будутъ надъ тобой смѣяться, ты говори имъ: «я съ господаремъ работалъ». Князь заставилъ работать Чокету и такимъ образомъ въ 1869 году явился первый черногорскій сапожникъ. Но народъ и теперь смотритъ на него съ презрѣніемъ, говоря: «бабьимъ дѣломъ занимаешься,»—а это, разумѣется, не побуждаетъ другихъ браться за ремесло. Между тѣмъ это презрѣніе къ ремеслу, внушенное черногорцу уже въ дѣтствѣ, совершенно исчезаетъ, когда онъ оставляетъ свою родину. Переселенный въ другую страну, онъ становится ремесленникомъ, носильщикомъ, неутомимымъ работникомъ, но, вернувшись въ отечество, какъ и прежде съ презрѣніемъ относится къ ремеслу и ни за что не возьмется за него.

Черногорцы вообще народъ бѣдный, но отъ того-ли, что они горды, или потому, что потребности ихъ очень ограничены, вы никогда не услышите отъ нихъ жалобы на свою бѣдность. Гдѣ бы и когда бы вы ни встрѣтили черногорца, все богатство его всегда при себѣ и на себѣ: въ груди его бьется мужественное сердце героя, на немъ всегда одѣто самое цѣнное имущество—оружіе. Да какъ ему и не носить оружія, когда онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами, когда ему всегда почти приходится съ кѣмъ-нибудь драться, защищать свою семью и самостоятельность своей родины. Черногорцы борятся съ турками безъ устали уже четыре столѣтія, и въ этой постоянной борьбѣ огрубѣлъ ихъ характеръ, закалилась ихъ природа; они стали необыкновенно воинственны, но въ то же время ихъ жизнь и ихъ умственное развитіе остановились неподвижно. Почти всюду въ Европѣ палъ родовой, патріархальный бытъ, про богатырей разсказываютъ только въ сказкахъ. Въ жизнь всѣхъ европейскихъ народовъ внесено множество усовершенствованій: вся Европа перерѣзана желѣзными дорогами, всюду свистятъ пароходы, про-

В. Васнецовъ

ведены телеграфы. Только въ одномъ небольшомъ ея уголкѣ—Черногоріи—все идетъ по прежнему, и она съ ненавистью и презрѣніемъ отталкиваетъ всякое нововведеніе. Черногорецъ не понимаетъ, зачѣмъ ему локомотивы, когда человѣку даны ноги, которыя безъ всякаго труда могутъ подымать его на высочайшія горы, перескакивать пропасти; зачѣмъ телеграфы, когда быстроногія листоноши (листоноши, или книгоноши—это то же, что наши почталіоны) по нѣсколько разъ въ недѣлю доставляютъ письма изъ одного города въ другой. Вслѣдствіе постоянной ходьбы, они привыкаютъ ходить необыкновенно скоро, и могутъ быстро передавать всякія новости. Впрочемъ, съ 1874 г. открыто почтовое телеграфное сношеніе Черногоріи съ Старымъ и Новымъ Свѣтомъ и уже въ 16 мѣстахъ устроены почтамты. Такимъ образомъ теперь существуютъ правильныя почтовыя сношенія съ главными городами и Каттарой.

Чѣмъ тяжелѣе непривычному путешественнику взбираться на страшныя крутизны Ловчина, тѣмъ болѣе поражаютъ его черногорцы и особенно черногорки, которыя тутъ попадаются на каждомъ шагу, такъ какъ онѣ изъ Цетины торопятся на рынокъ въ Каттаро. Черногорцы идутъ не по дорогѣ, а для сокращенія пути, какъ дикія козы перепрыгиваютъ съ одного остраго камня на другой; при этомъ еще каждая женщина навьючена какой-нибудь тяжелою ношею. Согнувшись въ три погибели подъ тяжестью дровъ или сѣна, съ корзинками яицъ и дичи въ рукахъ, онѣ тоже должны перескакивать съ камня на камень. Всѣ эти хозяйственныя сбереженія черногоркѣ удалось сохранить послѣ огромныхъ лишеній, а на базарѣ она получитъ за всѣ свои припасы пятнадцать-двадцать quarantini, около двѣнадцати-четырнадцати копѣекъ; между тѣмъ, чтобы донести эти припасы изъ Цетины въ Каттаро, ей пришлось пройти болѣе восьми часовъ по острымъ камнямъ.

Женщины поражаютъ красивыми чертами лица и блестящими глазами; въ большинствѣ случаевъ онѣ средняго роста, плотнаго сложенія и съ огрубѣлыми отъ загара лицами. Какъ ни тяжелы ихъ ноши, походка ихъ чрезвычайно легка и граціозна; онѣ идутъ, болтая и смѣясь между собою, нѣкоторыя по дорогѣ даже мотаютъ пряжу и вяжутъ кружево. Какъ ни тяжела ежедневная работа черногорокъ, вы не встрѣтите между ними тупаго, идіотскаго, или забитаго выраженія лица. Наружность черногорки вообще очень привлекательна: въ выраженіи умныхъ глазъ много рѣшимости и мужской отваги. Одѣты онѣ большею частью бѣдно, очень часто босыя, а если и есть обувь, то грубые чулки и *опанки* (башмаки изъ бычачьей кожи); за то эта обувь самая удобная для ходьбы по горамъ. Молодыя дѣвушки носятъ на головѣ шапочки, похожія на мужскія; сверху ихъ онѣ пришпиливаютъ бѣлый платокъ съ распущенными концами. У нѣкоторыхъ изъ нихъ волосы заплетены въ двѣ косы, и косы эти висятъ по сторонамъ. Замужнія женщины покрываютъ голову чернымъ платкомъ, ниспадающимъ на плечи. Поверхъ холстинной рубашки, вышитой шелкомъ на манеръ малоросійской, накинуто что-то въ родѣ длинной кофты съ таліей и безъ рукавовъ,—это называется у нихъ *коретъ*. Этотъ коретъ изъ бѣлаго сукна, въ углахъ и по краямъ вышитый золотомъ, стягиваютъ огромнымъ кожаннымъ поясомъ, широкимъ, какъ лошадиный хомутъ, съ массивнымъ мѣднымъ аграфомъ. Этотъ огромный и уже самъ по себѣ тяжелый кушакъ еще тяжелѣе отъ множества камней, которыми онъ выложенъ. Черногорки, какъ и всѣ южныя женщины, носятъ много разныхъ украшеній, но самое любимое изъ нихъ — кушакъ. У тѣхъ, что побогаче, кушаки покрыты серебрянными и вызолоченными бляхами, большая же часть ихъ отдѣланы латунью и украшены сердоликами, халцедонами, ониксами и т. п. За поясомъ у нихъ заткнутъ ножъ, который онѣ нерѣдко употребляютъ въ дѣло.

Женщина является здѣсь главною работницею и кормилицею семьи. Жизнь черно-

горской женщины вполнѣ можно охарактеризовать немногими словами: самая тяжелая работа съ утра до поздней ночи, тяжелая трудовая жизнь въ молодости, такая же старость и при томъ постоянныя лишенія и потери самыхъ близкихъ.

Не радостно встрѣчаютъ женщину при ея появленіи на свѣтъ, и она въ этомъ можетъ прочесть роковой приговоръ всей своей судьбѣ. Рожденіе мальчика, будущаго воина и защитника родины, родители и родственники встрѣчаютъ взрывомъ шумной радости, пальбою и веселымъ пиромъ. Совсѣмъ не то, когда появилась на свѣтъ дѣвочка: всѣ въ домѣ пасмурны, хмуры, отецъ даже какъ-то конфузливо встрѣчаетъ всѣхъ, кто къ нему зайдетъ въ эти дни, точно какой-нибудь позоръ палъ на его голову. Туземецъ при этомъ понимаетъ, что произошло, и ничего не спроситъ у отца. На вопросъ же путешественника: «кто у васъ родился?», онъ отвѣчаетъ: «Извините—это дочь». Тутъ, кромѣ пренебрежительнаго отношенія къ женщинѣ, свойственнаго всѣмъ сербамъ вообще, есть и другая причина. Черногорцу много столѣтій приходилось бороться съ врагомъ своей родины, гораздо сильнѣйшимъ его — турками. Понятно, что онъ, какъ народъ воинственный, всегда желалъ имѣть побольше людей, способныхъ воевать. Къ тому же, только за послѣднее 50-ти лѣтіе прекратились племенныя распри, постоянно происходившія еще такъ недавно изъ за кровной мести. Въ то время надѣяться на побѣду могла только та сторона, въ которой преобладало мужское населеніе. Въ третьихъ, домъ и наконецъ племя, въ которомъ было больше мужчинъ, брало верхъ надъ другими племенами. Наконецъ вся жизнь и воспитаніе черногорцевъ обоего пола направлено къ тому, чтобъ болѣе всего на свѣтѣ любить, уважать и преклоняться передъ геройствомъ и храбростью. Несомнѣнно, что всѣ эти причины вмѣстѣ постоянно возбуждали въ черногорцѣ презрительный взглядъ на женщину, которая, конечно, всегда имѣла несравненно менѣе случаевъ отличиться мужествомъ, проявить храбрость, геройство. Но мы увидимъ ниже, что разъ черногоркѣ удастся это, и ея полъ забытъ и она пользуется еще чуть-ли не большимъ уваженіемъ, чѣмъ мужчина герой. Вотъ, поэтому лишь только родится черногорка, мать убаюкиваетъ ее словами юнацкихъ пѣсенъ, обѣщая въ нихъ ей мужа — не богача, не красавца, но богатыря: «Рости, дочка, пока не выростешь красивою дѣвушкою, тогда я выдамъ тебя замужъ за храбреца.»

Воспитаніе черногорской дѣвочки, какъ и мальчика, чисто спартанское. Мать такъ занята работою и множествомъ самыхъ разнообразныхъ обязанностей, что вся ея забота ограничивается только тѣмъ, чтобъ одѣть и накормить дѣтей, пока они сами не умѣютъ этого дѣлать. Родители вспоминаютъ о дѣвочкѣ только тогда, когда ей исполнилось 7, 8 лѣтъ; тогда на ея еще нѣжныя плечи сразу наваливаютъ много тяжелыхъ домашнихъ работъ. Еще ребенкомъ вы увидите ее, спускающеюся съ горъ съ тяжелой вязанкой дровъ, ею самою нарубленныхъ. Она одна идетъ далеко, какъ серна перепрыгивая съ утеса на утесъ, съ невообразимыми тяжестями, продавать на рынкѣ домашнія сбереженія. Въ 12, 13 лѣтъ она дѣлается пастушкой и тутъ главнымъ образомъ развивается ея геройскій духъ. Многіе путешественники удивляются, какимъ образомъ матери пускаютъ своихъ дочерей такъ далеко однѣхъ, какъ рѣшаются онѣ оставлять ихъ такъ долго въ обществѣ юношей. Но въ Черногоріи женщины безопасны отъ всякаго оскорбленія; юношу, который осмѣлится забыть это, ждетъ ужасная казнь: его тотчасъ убиваютъ братья оскорбленной дѣвушки. Къ тому же молодая дѣвушка сама отлично знаетъ, что своею несдержанностью она можетъ уронить свой домъ, даже цѣлое племя, навлечь на себя позоръ и потому ведетъ себя безукоризненно. Правда, при ея столкновеніяхъ съ турками, тѣ, конечно, совсѣмъ иначе относились къ ней. Но и турецкіе пастухи смертельно боятся подступить къ черногоркѣ, такъ какъ юнаки тотчасъ отмстятъ за нее, въ крайнихъ же случаяхъ черногорка всегда предпочитаетъ смерть без-

честью. Вотъ огромная толпа турецкихъ пастуховъ бросается, чтобы отбить стадо на черногорскихъ пастуховъ и пастушекъ. Много турокъ побили юнаки, но въ концѣ концовъ вражья сила, во много разъ сильнѣйшая, взяла перевѣсъ и всѣ черногорцы захвачены и перевязаны. Тогда предводитель турецкой шайки бросается на молодую, 14-ти лѣтнюю черногорку и начинаетъ ее цѣловать. Дѣвушкѣ ничего не оставалось, какъ употребить хитрость: «делибаша (красавецъ) турокъ,—куда же я теперь отъ тебя убѣгу, я твоя... но только не здѣсь, — здѣсь насъ увидятъ, пойдемъ туда»... Обрадованный турокъ, ничего не соображая, бѣжитъ за дѣвушкой на край отвѣсной скалы. Та въ ту же минуту съ открытыми объятіями бросается къ нему съ словами: «поцѣлуй меня, делибаша»! Обрадованный турокъ падаетъ въ объятія, а дѣвушка, обхвативъ его за шею, бросается вмѣстѣ съ нимъ въ пропасть.

Женщинѣ здѣсь приходится работать болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было: лѣтомъ и весной въ густыхъ лѣсахъ и пастбищахъ, осенью и зимой у домашняго очага. Это происходитъ потому, что мужчина въ этой странѣ мало въ чемъ ей помогаетъ: ему постоянно приходится драться съ врагомъ, во много разъ болѣе сильнымъ. Поэтому женѣ и дочери необходимо заниматься всѣми работами, чтобы какъ нибудь прокормить семейство. Кромѣ домашнихъ и тяжелыхъ полевыхъ работъ, здѣшней женщинѣ постоянно приходится таскать на плечахъ разные полевые продукты, дрова, домашнія сбереженія и другія тяжести. Мущина, даже и въ томъ случаѣ, когда идетъ съ нею рядомъ, никогда не облегчитъ ее, не возьметъ на себя ея тяжести. Боже сохрани взвалить себѣ ношу за плечи, да это такой стыдъ для черногорца, о которомъ онъ даже равнодушно и думать не можетъ. Его дѣло—ружье и онъ не входитъ въ семейныя дѣла: все это должна знать жена, обо всемъ распорядиться, подумать, все приготовить, достать хлѣбъ, когда былъ неурожай, продать избытокъ въ хозяйствѣ,—а онъ, какъ дорогой гость, придетъ въ устроенное хозяйство, къ домашней трапезѣ. Среди молодыхъ дѣвушекъ вы часто встрѣчаете здѣсь замѣчательныхъ красавицъ, но это очень не надолго: изящество формъ, блескъ глазъ, все это исчезаетъ отъ тяжелыхъ домашнихъ работъ.

Отношеніе мужа къ женѣ, по крайней мѣрѣ внѣшнее его проявленіе, въ высшей степени грубо и сурово. Мужъ никогда не называетъ ее по имени, замѣняя его мѣстоименіемъ «ты» или «она». «Слышишь ты?» «Принеси ты!» «Эй, ты, иди сюда! Развѣ не слышишь?» вотъ обычное обращеніе мужа къ женѣ. Чѣмъ болѣе въ хатѣ постороннихъ, тѣмъ грубѣе мужъ относится къ женѣ. Этимъ, ему кажется, онъ поддерживаетъ свое достоинство и не даетъ возможности постороннимъ заподозрить его въ какой нибудь нѣжности къ женѣ. Жена не смѣетъ вмѣшиваться въ дѣла своего мужа, не смѣетъ спросить его, откуда онъ пришелъ и куда идетъ. Если она даже случайно и знаетъ, гдѣ мужъ, и ее объ этомъ спрашиваютъ другіе, она отвѣчаетъ: «не знаю». Жена только отъ постороннихъ узнаетъ иногда, что мужъ ея уѣхалъ въ Константинополь, или еще дальше, но не смѣетъ справляться о немъ, не смѣетъ писать ему, какъ бы долго онъ ни находился въ отлучкѣ. Иногда черногорецъ посылаетъ своей женѣ деньги, но никогда не напишетъ ей ни одного слова. Жена тоже никогда не называетъ по имени своего мужа. Спросите у нея, какъ зовутъ ея мужа; она, смѣясь, отвѣтитъ: «не знаю, чортъ его побери». Когда мужъ поставленъ въ необходимость сказать, что это его жена, онъ съ замѣшательствомъ и скороговоркою произноситъ: «извините, это моя жена»,— точно этимъ признаніемъ нарушается его мужская благопристойность. Черногорка никогда не сопровождаетъ мужа въ его поѣздкахъ въ столицу или въ другія мѣста; когда она въ сопровожденіи друзей случайно встрѣтитъ мужа на дорогѣ, то старается, чтобы избѣжать встрѣчи, повернуть въ другую сторону. Когда встрѣча супруговъ дѣлается неизбѣжной, то мужъ, подъ предлогомъ закурить трубку или завязать подвязку, оста-

навливается и пропускаетъ жену. Онъ никогда не долженъ встрѣчаться лицомъ къ лицу съ женой, никогда не долженъ сопровождать ее, если онъ не хочетъ сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ всей деревни. Боже сохрани, если на базарѣ они столкнутся вмѣстѣ и имъ нѣсколько минутъ придется стоять рядомъ,—онъ непремѣнно отомститъ ей за это самымъ жестокимъ образомъ.

Когда черногорецъ заболѣваетъ, жена его рѣдко ухаживаетъ за нимъ, даже рѣдко видитъ его въ это время. За больнымъ присматриваютъ родственники и друзья, а жена продолжаетъ заниматься своимъ дѣломъ. Она узнаетъ отъ окружающихъ, что мужъ ея очень плохъ, и если она считаетъ себя порядочной женщиной, то должна встрѣтить это извѣстіе совершенно равнодушно и продолжать свое дѣло, не выказывая ни малѣйшаго волненія. И только когда мужъ ея уже умеръ, она вмѣстѣ съ другими можетъ причитать у тѣла покойнаго. Но въ своихъ печальныхъ крикахъ и причитаніяхъ она не будетъ восхвалять мужа, какъ человѣка, нѣтъ, она хвалитъ только его храбрость и разсказываетъ о многочисленныхъ трофеяхъ, принесенныхъ имъ съ поля битвы.

Женщина унижается не только передъ мужемъ и отцомъ, но и передъ всѣми знакомыми. Когда входитъ посторонній, она цѣлуетъ ему руку, плечо или край его одежды, снимаетъ съ него обувь и сушитъ ее, приноситъ теплой или холодной воды и обмываетъ ноги посѣтителю, чего она не дѣлаетъ даже своему мужу. Когда наступаетъ время ужина, она не садится за общій столъ, а прислуживаетъ гостямъ, держитъ въ рукѣ горящую лучину и такимъ образомъ освѣщаетъ всю комнату. Не смотря на эту, если можно такъ выразиться, рабскую обрядность, вамъ не удастся подмѣтить здѣсь въ женщинѣ ни тѣни страха передъ мужемъ; она держится свободно, какъ и всѣ. Мы говоримъ рабская обрядность, потому что черногорская женщина, не смотря на пренебрежительное отношеніе къ ней мужчины, въ дѣйствительности совершенно свободна и ея жизнь въ семьѣ не имѣетъ ничего общаго съ жизнію турецкихъ женщинъ. Мы уже говорили, что мужъ не вмѣшивается въ ея распоряженія по дому; такъ-же свободно она и внѣ его. Она одна идетъ на базары, находящіеся на разстояніи нѣсколькихъ дней ходьбы; можетъ торговать, свободно заключать устные и письменные контракты. Въ церковь она ходитъ вмѣстѣ съ мущинами съ открытымъ лицомъ, на хороводахъ она свободно можетъ танцовать съ мущинами. Внѣ дома всякій мущина, знакомый и незнакомый, будетъ ей рыцарски покровительствовать. Хотя мужъ, при другихъ, относится къ ней пренебрежительно, но съ глазу на глазъ гораздо ласковѣе, спрашиваетъ ея совѣта, каждую минуту готовъ отдать за нее жизнь въ случаѣ малѣйшаго ея оскорбленія. Правда пренебреженіе мущины доходитъ здѣсь не рѣдко до деспотизма и на долю женщины выпадаютъ даже побои отъ мужа, но она имѣетъ право не только жаловаться на него своимъ роднымъ, суду, даже самому князю. Обычное право даетъ ей возможность требовать развода.

Пренебрежительное отношеніе мужа къ женѣ и всѣхъ остальныхъ, замѣняется глубокимъ уваженіемъ, скажу болѣе, поклоненіемъ, разъ у женщины мужъ и сыновья герои или сама она имѣла возможность выказать личную храбрость. Ни одинъ изъ существующихъ народовъ не имѣлъ столько самоотверженныхъ, храбрыхъ героинь, какъ эта маленькая страна, своимъ геройствомъ обратившая на себя вниманіе всей Европы. Замѣчательныя героини-женщины являются въ Черногоріи во всѣ періоды ея исторіи. Черногорскія женщины не разъ заставляли отступающихъ черногорцевъ снова идти въ схватку, не разъ сами, собственнымъ ятаганомъ уничтожали враговъ. Перевязывая раны, женщины поощряютъ юнаковъ къ битвѣ, восхищаются храбрецами, воодушевляютъ сражающихся возгласами: «За честный крестъ, черногорскіе герои!» «За черногорскую свободу!» А чуть они стали колебаться, женщины, которыя обыкновенно съ возвы-

шенныхъ пунктовъ наблюдаютъ за сраженіемъ, начинаютъ неистово кричать: «Срамъ, срамъ! И вы смѣете называть себя мущинами! Берите наши прялки и передники! Подавайте намъ ваши ружья, мы лучше съумѣемъ отстоять золотую свободу, дорогую родину»! Понятно, что послѣ такихъ оскорбительныхъ упрековъ, черногорецъ бросается въ бой, какъ разъяренный левъ, и обращаетъ въ бѣгство въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля. Женщина не можетъ болѣе кровно обидѣть подругу, какъ сказавъ ей: «Дай Богъ, чтобъ всѣ твои умирали въ кровати!» или: «знаю я твоихъ, всѣ они умирали въ кровати!» Мать не плачетъ о потерѣ сына, даже стыдится плакать, если только онъ умеръ геройской смертью во время сраженія и съ презрѣніемъ встрѣтитъ струсившаго въ битвѣ. Объ этомъ говорится и въ пѣсняхъ, съ самыми разнообразными варіяціями: «Пусть ядомъ и проклятіемъ станетъ пища, которою я тебя кормила, и пусть мое молоко выйдетъ черезъ твои раны: потерялъ ты честь юнака».

Черногорецъ прежде всего обязанъ защищать свою жену и ея честь, и въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно не жалѣетъ своей жизни. Ея трудовая жизнь въ семьѣ, ея, по понятію черногорца, слабая, несчастная природа, которая мѣшаетъ ей сдѣлаться богатыремъ, все это даетъ ей особыя права и преимущества. Личность ея неприкосновенна и оскорбленіе женщины считается въ Черногоріи величайшимъ преступленіемъ, за которымъ неминуемо слѣдуетъ страшная месть. Черногорецъ скорѣе проститъ свою обиду, нежели обиду жены или дочери. На каждое дерзкое слово женщинѣ одинъ отвѣтъ: кинжаломъ или пистолетомъ. Чтобы ни сдѣлалъ мужъ, сколько бы онъ ни имѣлъ враговъ, ихъ месть никогда не падетъ на женщину. Во время самыхъ кровопролитныхъ битвъ и поединковъ враждебныхъ племенъ, женщина совершенно безопасно можетъ войти въ семью враждебнаго племени. «Отчего въ Черногоріи», спросилъ одинъ путешественникъ, «нѣтъ никакого постановленія объ оскорбленіи женщинъ?» «Потому», отвѣчали ему, «что это совсѣмъ не нужно». — «Ну, а если бы все-таки кто нибудь оскорбилъ женщину?» «Это такъ же невозможно, какъ вспрыгнуть на луну». И дѣйствительно, эти постановленія уже потому совсѣмъ не нужны, что ни одинъ законъ не можетъ покарать болѣе, чѣмъ мужъ, братъ или отецъ оскорбленной. Ихъ нравы, дикіе для образованнаго человѣка, ихъ обычаи, освященные временемъ и вкоренившіеся съ давнихъ поръ, замѣняютъ имъ законы и сильнѣе для нихъ законовъ письменныхъ.

Вся гордость, всѣ мечты женщины—имѣть какъ можно больше сыновей и вдохнуть въ нихъ непоколебимое мужество; въ такомъ случаѣ ее всѣ будутъ уважать. Мать любитъ сына, и ласкаетъ его болѣе чѣмъ дочь. Когда ей нужно идти зачѣмъ нибудь въ горы, она кладетъ ребенка въ корзину и несетъ его за спиной, держа въ рукахъ какую нибудь тяжесть или исполняя работу въ родѣ плетенія. Во время всего перехода ребенокъ покрытъ толстымъ одѣяломъ, что чрезвычайно мѣшаетъ его дыханію; но такъ какъ мальчики все свое дѣтство проводятъ на чистомъ воздухѣ, безпрестанно взлѣзая на деревья и карабкаясь по скаламъ, то они чрезвычайно рано развиваются физически и дѣлаются мускулистыми и сильными.

Самые счастливые дни для черногорки наступаютъ тогда, когда ея мужъ или сынъ отличился на войнѣ и, прославляемый общимъ голосомъ товарищей, возвращается съ поля битвы... Какъ бьется тогда ея сердце! Какимъ невыразимымъ счастіемъ и гордостью дышатъ тогда всѣ черты ея лица! Сколько ей тогда почета! Въ полѣ или вечеромъ на посидѣлкахъ всѣ женщины смотрятъ на нее съ завистью и по обычаю вездѣ уступаютъ ей первое мѣсто, даже мужчины даютъ ей дорогу, первые кланяются ей съ глубочайшимъ уваженіемъ. Въ этомъ наивномъ выраженіи своего уваженія къ женѣ героя черногорцы инстинктивно признаютъ громадное вліяніе женщины даже и въ дѣлѣ военной доблести.

За то, какъ часто въ этой странѣ женщина дѣлается вдовой! Если вражья пуля пронзитъ сердце ея мужа, а у нея нѣтъ брата, который могъ бы за нее отомстить, дѣти же ея слишкомъ малы, тогда, чему много было примѣровъ, она сама хватаетъ саблю и ружье и бѣжитъ въ первые ряды своихъ. Тутъ она будетъ уже не только одобрять, но и дѣйствовать, и не уйдетъ съ поля сраженія, если не положитъ хоть одного врага.

«О, горе мнѣ Станица*)», вопитъ съ поля битвы добрый молодецъ. «Некому будетъ отомстить за тебя на бѣломъ свѣтѣ», такъ говорится въ одной изъ самыхъ любимыхъ черногорскихъ пѣсенъ. «Далеко по полю пронеслись эти звуки, услышала ихъ Станица и поняла, что умираетъ ея мужъ. Она хватаетъ въ руки ружье и смѣло бѣжитъ къ тропинкѣ, по которой спускались въ это время турки, убійцы ея мужа: ихъ было пятнадцать и вмѣстѣ съ ними ихъ предводитель Ага. Она бросается къ нимъ и первымъ кладетъ наповалъ Агу. Остальные турки, испуганные смѣлостью этой женщины, убѣгаютъ, даютъ ей возможность отрѣзать голову ихъ начальника и она, несетъ ее съ торжествомъ въ свою деревню».

«Христіанка!» пишетъ ей вдова Аги, «убивъ моего Агу, ты лишила меня зрѣнія; если ты настоящая черногорка, приходи завтра одна къ границѣ, я приду тоже одна, мы помѣримся съ тобой силой и увидимъ, кто изъ насъ двухъ болѣе преданъ своему супругу». Черногорка сбрасываетъ свое женское платье и въ костюмѣ убитаго ею Аги и въ его блестящемъ вооруженіи является къ назначенному мѣсту. Тутъ видитъ она вѣроломную турчанку съ сообщникомъ, который въ ту же минуту бросается на нее. Черногорка, не испугалась и ея мѣткая пуля пронзила его сердце. Отрѣзавъ голову врагу, она догоняетъ убѣгавшую турчанку и связанною привозитъ къ себѣ, держитъ ее 15 лѣтъ у себя въ услуженіи, заставляя ее убаюкивать пѣснями своихъ маленькихъ сиротъ».

Послѣ женщины самое священное существо для черногорца путешественникъ, Попроситъ ли онъ пить, проходя мимо какой нибудь хаты, и по первой его просьбѣ со всѣхъ сторонъ высыпаетъ множество народа, стараясь въ точности исполнить все, что онъ пожелаетъ. Хозяинъ выноситъ ему не только воду, но и вино, если только оно у него есть, при этомъ онъ какъ величайшей чести добивается того, чтобы путешественникъвошелъ въ его хату; если тотъ на это соглашается радушію нѣтъ конца и всѣ бросаются по разнымъ угламъ, каждый стараясь чѣмъ нибудь услужить: въ одну минуту нанесутъ цѣлый ворохъ подушекъ и обкладываютъ ими деревянныя скамейки, чтобы путешественнику не было жестко сидѣть: на низенькой скамейкѣ, которая обыкновенно замѣняетъ имъ столъ, появляется буквально все, что есть въ домѣ. Угощать путешественника считается великою честью и хозяинъ дома никому ее не уступитъ. Сидя на камнѣ передъ гостемъ, онъ безпрестанно подноситъ ему то кофе, то яйца, то кубокъ ракіи или *кастрадину* (копченое овечье или козье мясо — самое любимое кушанье черногорцевъ). Но гораздо важнѣе этого гостепріимства то, что каждый путешественникъ можетъ совершенно безопасно разъѣзжать по Черногоріи, входить въ каждую хату, располагаться, какъ у себя дома, ночевать, гдѣ ему угодно. Въ этой странѣ убить или обокрасть чужестранца, который довѣрчиво рѣшился проникнуть въ горы, считается величайшимъ преступленіемъ, страшнымъ клеймомъ и позоромъ, не только для того, кто отважился на такой поступокъ, но и для всѣхъ черногорцевъ. Поэтому,

---

*) Всѣ пѣсни мы сообщаемъ вкратцѣ, стараясь только передать ихъ содержаніе и смыслъ, и то въ самыхъ существенныхъ чертахъ.

лишь только путешественникъ вступаетъ на черногорскую землю, тысячи невидимыхъ глазъ считаютъ своею святѣйшею обязанностью наблюдать, чтобы ему не нанесли ни малѣйшаго вреда и оскорбленія.

Черногорецъ представляетъ совершенную противоположность своей женѣ. Въ то время, когда она по дорогѣ идетъ не иначе, какъ согнувшись въ три погибели подъ какой нибудь тяжестью, черногорецъ всегда на легкѣ: одною рукою онъ придерживаетъ свое ружье, другою свой длинный чубукъ, изъ котораго безпрестанно потягиваетъ съ видимымъ наслажденіемъ. Онъ сразу бросается въ глаза своею молодцоватостью и красивой легкой поступью. Мужественный и большею частью рослый, черногорецъ передъ своею женою кажется великаномъ и богатыремъ. Его смуглое лицо дышетъ отвагой, самонадѣянностью и непобѣдимымъ мужествомъ; его осанка необыкновенно величественна. Формы тѣла развиты до совершенства; самый обыкновенный разговоръ онъ сопровождаетъ выразительными жестами и восклицаніями; все въ немъ дышетъ молодецкою удалью человѣка, закаленнаго въ битвахъ, съ сознаніемъ собственной силы. И дѣйствительно, сила черногорца, скрытая иногда подъ тщедушною наружностью, чрезвычайно велика; это болѣе всего происходитъ отъ упражненія мускуловъ и наконецъ вслѣдствіе наслѣдственности, такъ какъ его отцы и прадѣды всѣ были такіе же храбрецы и герои, какъ и онъ. Быстрота его необыкновенна; ѣдетъ ли онъ верхомъ, или идетъ пѣшкомъ, онъ достигаетъ мѣста почти въ одно и тоже время. При этомъ замѣчательно его легкость: онъ идетъ такъ тихо, такъ легко перепрыгиваетъ со скалы на скалу, что присутствіе его вы замѣчаете только по легкому бряцанію его оружія. Тяжесть этого оружія нисколько не мѣшаетъ равновѣсію и не уменьшаетъ его ловкости. Онъ отличается также необыкновенною умеренностью въ пищѣ; онъ въ состояніи проходить на тощакъ цѣлый день, останавливаясь только у источниковъ, чтобы утолить жажду.

Въ нравственномъ отношеніи черногорецъ отличается веселостью, живостью ума, необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, пылкимъ воображеніемъ, поэтическимъ чувствомъ, тщеславіемъ и вспыльчивостью. Сознаніе собственнаго достоинства, рыцарскія чувства, внушенныя съ колыбели и отвага придаютъ наружности черногорца гордый и презрительный видъ, которому онъ старается не измѣнить даже и въ критическія минуты своей жизни. Гордо подбоченясь, придерживая свой мечъ, онъ самодовольно прогуливается въ часы досуга. Если онъ занимаетъ какую нибудь высшую должность, онъ съ пренебреженіемъ относится къ почету, съ которымъ его всѣ встрѣчаютъ.

Близорукость въ Черногоріи неизвѣстна и черногорецъ отличается необыкновенно острымъ зрѣніемъ. Онъ издали увидитъ врага и съ поразительною точностью попадаетъ въ цѣль. Одаренный необыкновенно тонкимъ слухомъ, онъ на далекихъ разстояніяхъ слышитъ вопросы, дѣлаемые часто на противоположной горѣ. За то его обоняніе совсѣмъ плохо развито: его не поражаютъ самыя отвратительныя испаренія.

Въ мирное время черногорецъ проводитъ день гораздо болѣе праздно, чѣмъ его жена. Поработавъ надъ полемъ или надъ какимъ нибудь другимъ занятіемъ утромъ, онъ остальную половину дня рѣшительно ничего не дѣлаетъ, сидитъ съ трубкою у очага, покуриваетъ, болтаетъ съ пріятелями или поетъ пѣсни. Сколько бы ни было заботъ у жены, облегчить которыя онъ могъ бы въ нѣсколько минутъ, онъ ни за что не сдвинется съ своего мѣста. Дѣло жены кряхтѣть и работать, съ него довольно и того, что онъ сдѣлалъ поутру. Главное его дѣло, которому онъ отдается всѣмъ сердцемъ,—это война. Тогда онъ дѣлается настоящимъ львомъ, не думаетъ ни о красотѣ своихъ движеній, ни о своей величественной осанкѣ, безъ страха и оглядки бросается на встрѣчу вѣрной смерти и падаетъ мертвымъ или поражаетъ врага. Онъ никогда не струситъ, никогда не побѣжитъ назадъ, иначе его бы стали презирать родные и друзья, показывали

бы на него пальцами, какъ на труса, а это для него хуже тысячи смертей. Убить много враговъ, быть героемъ—вотъ мечта, которую онъ лелѣетъ съ ранняго дѣтства.

Къ несчастію черногорецъ гордится не одними воинственными подвигами, — онъ любитъ привлекать вниманіе блескомъ своей одежды, красотой своего оружія и своею величественною осанкою. Правда, черногорецъ не подчиняется измѣнчивости моды: онъ носитъ костюмъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, которые, какъ и онъ, сражались за независимость своей родины. Слѣдуетъ также отдать справедливость и тому, что его одежда весьма приноровлена къ его жизни: его легкая обувь говоритъ о человѣкѣ, привыкшемъ скакать съ утеса на утесъ и безъ устали проходить огромныя пространства; множество оружія въ самомъ наилучшемъ видѣ указываютъ на солдата, который каждую минуту помнитъ о своихъ обязанностяхъ и при первомъ призывѣ готовъ отразить врага. Но ничѣмъ, кромѣ тщеславія, нельзя объяснить роскоши его одежды, которая нерѣдко вводитъ его въ долги и повергаетъ его семью въ страшную нищету: стоимость полнаго черногорскаго костюма съ оружіемъ достигаетъ до 500 р. на наши деньги.

Костюмъ черногорца гораздо болѣе живописенъ, чѣмъ костюмъ его жены. На каждомъ изъ нихъ одѣта на распашку *гуня* или *гунина*: это родъ кафтана по колѣно, съ узкими рукавами и со складками на таліи. Она носится широко-раскрытой, какъ для удобства ходьбы, такъ и для того, чтобы не закрывать шитье джамадана (жилетъ). Платье это дѣлается изъ бѣлаго сукна съ рядомъ пуговицъ, петель, которыя, впрочемъ, ни къ чему не служатъ, и съ золотымъ шитьемъ. Изъ подъ гуни видѣнъ широкій жилетъ, застегивающійся на груди, тоже часто украшенный золотымъ шитьемъ, а также синіе шаровары (гачэ), они доходятъ только до колѣнъ и тамъ удерживаются подвязкою.

Одинъ поясъ обхватываетъ талію поверхъ гунины,—онъ сдѣланъ изъ красной шерсти; другой поясъ называется *коланомъ*—сдѣланъ изъ краснаго сафьяна и состоитъ изъ множества ремешковъ и петелекъ, взаимно другъ друга прикрывающихъ, съ цѣлью защитить отъ дождя пистолеты, которые за нимъ затыкаются. Иногда сверхъ гунины черногорецъ одѣваетъ камзолъ безъ рукавовъ изъ краснаго сукна, украшенный снурками, а то и позументомъ. На головѣ онъ носитъ шапку съ прямыми краями и плоскимъ дномъ. Дѣлается она изъ краснаго сукна, но покрывается по всей своей высотѣ черной шелковой лентой. По красному фону дна вышивается золотой полукругъ, окруженный ореоломъ. Эта національная шапка называется *капа*. *Струка* (родъ пледа)—необходимѣйшая принадлежность одежды черногорцевъ обоего пола. Во время путешествія черногорцы накидываютъ ее на плечи. Струка—очень длинный, съ бахромою внизу сѣрый пледъ, весьма напоминающій шотландскій, защищаетъ черногорца отъ дождя, отъ вѣтра и отъ холода, а также часто замѣняетъ ему матрацъ, одѣяло и подушку. Поэтому сложилась такая пословица: «хорошая ли погода, дурная ли, все равно, бери свою струку: ты ляжешь или на ней, или подъ ней». Сапоги и башмаки замѣнены въ Черногоріи опанками, употребленіе которыхъ сильно распространено на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Кромѣ опанокъ на ногахъ мѣстные чулки, поверхъ которыхъ одѣты штиблеты изъ толстой шерстяной матеріи. *Доколѣница*, такъ называются эти штиблеты, обхватываютъ плотно всю ногу до самой щиколотки и застегиваются съ боку на мѣдныхъ крючкахъ. Люди съ состояніемъ носятъ доколѣницу изъ тонкаго сукна, часто зеленаго цвѣта и украшенную золотыми позументами.

Но самое главное украшеніе черногорца — его оружіе; съ нимъ онъ никогда не разстается и начинаетъ носить его очень рано. Оно состоитъ изъ длиннаго, такъ называемаго, арнаутскаго ружья, почти всегда изукрашеннаго мелкой, искусной

насѣчкой изъ серебра и перламутра, двухъ пистолетовъ, нерѣдко чистаго булата, въ оправѣ цѣльнаго, литаго серебра и, наконецъ, изъ ятагана, который вмѣстѣ съ пистолетами носится за поясомъ. Кромѣ этого оружія, черногорецъ носитъ еще въ своемъ коланѣ маленькую палочку для заряжанія пистолетовъ; она служитъ ему щипцами при закуриваніи его трубки. Сзади, на поясѣ, привѣшены патронницы, которыя состоятъ изъ двухъ ящиковъ, сдѣланныхъ изъ твердой кожи, а иногда изъ массивнаго серебра художественной работы. Тутъ же у пояса виситъ огниво и все необходимое для смазки и чистки оружія. Длинная трубка или чубукъ тоже составляетъ необходимую принадлежность черногорца. Черногорецъ сбриваетъ волоса на головѣ отъ одного уха до другаго, такъ что лобъ и темя всегда остаются обнаженными. Нѣкоторые отращиваютъ бороды, но большинство совсѣмъ безъ бороды. Носить же усы каждый черногорецъ считаетъ своею священною обязанностью. Дотронуться до его усовъ—величайшее для него оскорбленіе, за которое онъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ отомстить.

Не смотря на свое высокомѣріе и гордость, черногорецъ покорно цѣлуетъ руку, одежду и даже ногу своего князя. При всей своей самоувѣренности, черногорецъ не лишенъ хитрости. Онъ никогда не выскажетъ прямо свое мнѣніе о той или другой личности, о томъ, или другомъ фактѣ, не подумавъ напередъ, насколько это можетъ быть выгодно для него.

Врожденное краснорѣчіе черногорца составляетъ удивительную черту его характера. Положительно можно сказать, что онъ такой же искусный ораторъ, какъ и искусный воинъ. Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить его ораторскія способности, нужно послушать его на вечернихъ собраніяхъ, когда онъ начинаетъ разсказывать о подвигахъ своихъ или своихъ товарищей, сопровождая свой разсказъ оживленною мимикою и выразительною интонаціею. Когда онъ долженъ защищать свое личное дѣло, онъ умѣетъ, какъ самый искусный адвокатъ, выбрать чрезвычайно убѣдительные доводы. Онъ говоритъ всегда коротко, ясно и энергично и всегда приводитъ только необходимыя доказательства для рѣшенія дѣла.

Какъ у всѣхъ сербовъ, поэтическое чувство черногорцевъ чрезвычайно развито. Вы не найдете между ними писателей, которыя оставили бы по себѣ многотомныя сочиненія. Черногорская поэзія почти вся состоитъ изъ пѣсней, въ которыхъ воспѣваютъ смѣлость и отвагу ратныхъ борцовъ за свободу родины. Эта поэзія — созданіе всего народа. Этимъ пѣснямъ выучиваются дѣти еще въ раннемъ возрастѣ, и не изъ книгъ, а изъ устъ своихъ вѣчно воюющихъ отцевъ.

Дѣтство черногорца и его посвященіе въ юнаки.

Чтобы вполнѣ понять, какимъ образомъ жизнь создаетъ такихъ богатырей, какъ закаляютъ они себя въ житейскихъ напастяхъ, необходимо узнать, какъ ростетъ и воспитывается черногорецъ.

Отецъ, какъ мы уже говорили, не радуется рожденію дочери, и такое событіе проходитъ въ семьѣ совсѣмъ незамѣченнымъ. Иначе бываетъ, когда на свѣтъ божій является мальчикъ. Рожденіе маленькаго черногорца, этого будущаго защитника родины и вѣры, большой праздникъ не только въ семьѣ, но даже въ цѣломъ племени. Окрестивши новорожденнаго съ необыкновеннымъ торжествомъ, при огромномъ стеченіи на-

рода, отецъ цѣлуется со всѣми гостями и подноситъ имъ своего сына, чтобы они его поцѣловали. Затѣмъ новорожденнаго относятъ въ колыбель и торжественно кладутъ къ нему съ двухъ сторонъ оружіе: ружье и пистолетъ. При этомъ гости шумно и весело пьютъ вино и другъ за другомъ говорятъ разныя *здравицы*: «пусть будущій воинъ поскорѣе обольетъ это оружіе вражьей кровью», произноситъ одинъ. «Пусть онъ остается всегда свободнымъ!» желаетъ другой. «Пусть будетъ непримиримымъ врагомъ турокъ и дерется, какъ отецъ!» «Избави Богъ его и всѣхъ его потомковъ умереть въ своей постелѣ!» и т. п.

Мальчикъ начинаетъ ходить, крѣпнуть, всматривается въ жизнь, и въ его душѣ прежде всего запечатлѣвается горячая любовь къ героямъ страны, жажда военныхъ подвиговъ и славы, ненависть къ врагамъ. Его съ пеленокъ окружаютъ богатыри, они съ такимъ презрѣніемъ говорятъ ему о трусахъ, подзадориваютъ его своимъ блестящимъ оружіемъ, глядя на которое и безъ того у каждаго ребенка разгораются глазки. Первый рѣзкій шумъ, который различитъ ребенокъ, будутъ выстрѣлы, и мать ни за что не упуститъ случая объяснить ему, что бьютъ враговъ. При этомъ она начинаетъ ему разсказывать, какъ онъ выростетъ большой, какъ будетъ онъ много-много убивать непріятелей, съ какимъ почетомъ всѣ тогда его будутъ встрѣчать.

Въ долгіе зимніе вечера, у огня, притаивъ дыханіе, съ трепетнымъ вниманіемъ, слушаетъ онъ разсказы своего отца и старшихъ братьевъ о недавнихъ стычкахъ съ непріятелемъ. Иногда забредетъ гусляръ, и тогда польются пѣсни о славныхъ богатыряхъ добраго, стараго времени. Правда, какъ эти пѣсни, такъ и все его дѣтское воспитаніе мало вліяютъ на умъ, но за то сильно развиваютъ любовь къ родинѣ, ненависть къ врагу, искреннее стремленіе скорѣе сдѣлаться защитникомъ своей страны и самое страстное желаніе быть неустрашимымъ воиномъ-героемъ, которому бы всѣ удивлялись и поклонялись. Эта строго опредѣленная цѣль въ жизни, къ которой стремится всякій черногорецъ уже съ 13-ти, 14 лѣтъ, даетъ рѣзкій, энергичный и интеллигентный характеръ выраженію физіономіи и въ нравственномъ отношеніи ставитъ ихъ выше многихъ цивилизованныхъ націй, большинство которыхъ равнодушно ко всему, кромѣ своего кармана, и всю жизнь живетъ безъ всякаго идеала.

Природа, которой онъ предоставленъ съ первыхъ дней, и игры сильно укрѣпляютъ его. И дѣйствительно всѣ черногорскія игры направлены къ тому, чтобы какъ можно больше развивать мускулы будущаго воина: борьба, бѣгъ просто или съ значительною тяжестью, прыжки на ровномъ мѣстѣ и съ самыми разнообразными препятствіями, умѣнье перепрыгивать черезъ лошадь, все это доведено у каждаго мальчика до полнаго совершенства. Затѣмъ слѣдуетъ игра въ камень и самая разнообразная гимнастика, въ которой главную роль, разумѣется, играетъ лазаніе по деревьямъ и по высочайшимъ горамъ. Часто можно видѣть, какъ маленькіе пастухи, пася своихъ козъ и овецъ, вскарабкиваются на неприступныя скалы надъ зіяющими пропастями.

Здѣшній ребенокъ чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, видитъ кровь убитыхъ, и у него очень рано является убѣжденіе, что порядочный мужчина не имѣетъ права кончить свою жизнь въ постели, а долженъ положить се на полѣ сраженія, защищая свою родину или семью. Для него уже въ ранней юности нѣтъ болѣе кровной обиды, какъ если кто нибудь изъ его сверстниковъ попрекнетъ его дѣдомъ или прадѣдомъ, покончившимъ жизнь на мягкихъ подушкахъ.

Все обученіе черногорца ограничивается тѣмъ, что ему показываютъ правила, какъ стрѣлять въ цѣль, метать камни, чистить оружіе. Къ 14-ти лѣтамъ его образованіе вполнѣ окончено. Онъ пляшетъ необыкновенно легко и граціозно; въ борьбѣ, въ ку-

лачномъ бою, въ метаніи камней — рукою и пращей, въ метаніи диска *) — онъ напоминаетъ древняго грека. Онъ отлично владѣетъ кистенемъ и ятаганомъ и необыкновенно искусный стрѣлокъ. Далеко, далеко, когда человѣкъ намъ кажется еще только точкой, черногорецъ отлично различитъ, что это пастухъ и пастухъ турецкій, и въ ту же минуту раздается выстрѣлъ. Какъ бы ни было это далеко, рука черногорца никогда не промахнется, и онъ съ увѣренностью и съ лихорадочною радостію опытнаго охотника, подстрѣлившаго дичь, бѣжитъ къ роковому мѣсту, обираетъ у него все, что находитъ, нерѣдко отрѣзываетъ носъ и спѣшитъ похвастать своимъ подвигомъ, вслѣдствіе котораго однимъ поганымъ нехристемъ стало меньше на свѣтѣ.

Когда такимъ образомъ четырнадцатилѣтній юноша произошелъ всю эту науку, надъ нимъ совершается обрядъ посвященія въ юнаки **). Обрядъ этотъ совершается чрезвычайно торжественно. Собираются всѣ родственники и друзья дома, и юноша долженъ публично, передъ всѣми собравшимися, показать свое искуство. Это обыкновенно удается каждому и отецъ публично вручаетъ ему оружіе, внушительно произнося: «ты никогда не долженъ разставаться съ этимъ оружіемъ; если когда нибудь его бросишь, не показывайся мнѣ на глаза». И оружіе это считается священнымъ: его нельзя ни продать, какъ бы ни была велика крайность, ни промѣнять на другое, ни тѣмъ болѣе оставить на полѣ сраженія. И дѣйствительно ни одинъ черногорецъ не отдастъ живой своего оружія, никогда съ нимъ не разстается.

Европейцу впервые вступающему въ Черногорію, странно видѣть передъ собою людей, вооруженныхъ съ ногъ до головы даже въ мирное время. Гдѣ-бы ни находился черногорецъ, даже тогда, когда онъ въ столицѣ своей страны — Цетиньѣ, гдѣ уже никакъ нельзя ожидать никакой тревоги, онъ никогда не разстается съ оружіемъ. Отправляется-ли онъ въ лавку, въ канцелярію, въ гости, на пріятельскую бесѣду, револьверъ всегда за поясомъ и рука его вѣчно ощупываетъ, тутъ-ли онъ. Пускаясь въ пляску — онъ скачетъ и въ тоже время дѣлаетъ выстрѣлъ на лету изъ револьвера. Каждый семейный праздникъ, всякое торжество онъ возвѣщаетъ выстрѣлами. Садясь на дорогѣ отдохнуть, онъ безпрестанно прицѣливается чтобы на лету убить птицу, а очень часто и безъ всякой цѣли, по привычкѣ постоянно имѣть дѣло съ оружіемъ.

Своимъ ружьемъ и пистолетомъ онъ не только убиваетъ звѣрей и птицъ, но даже часто и рыбу. Тамъ, гдѣ есть горныя рѣки, самое обычное дѣло пойти стрѣлять форелей, какъ у насъ зайцевъ или утокъ.

Послѣ обряда посвященія на юношу уже смотрятъ, какъ на взрослаго человѣка, какъ на защитника своей родины и чести своего семейства. Съ этой поры для молодаго черногорца начинается точь въ точь такая же дѣятельность и жизнь, какую вели его отцы, дѣды и прадѣды.

Хотя образованному человѣку и кажутся странными нравы и привычки первобытнаго черногорца, но онъ въ то же время внушаетъ глубочайшее уваженіе къ себѣ своею пламенною любовью къ родинѣ. Когда непріятельская армія угрожаетъ опасностію странѣ, тогда всѣ не только воины, но старики, дѣти, женщины, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросаютъ свои жилища на произволъ судьбы и бѣгутъ защищать родную землю. Многія женщины одѣваютъ мужскую одежду и дерутся не хуже мужчинъ; старики и дѣти, которые совсѣмъ не могутъ стать въ ряды, прячутся за холмы, пригорки и кусты и оттуда направляютъ на врага свое оружіе, а то и просто камень.

*) Дискъ — деревянный кругъ, который бросаютъ за тридцать шаговъ, стараясь попасть въ начертанную на землѣ цѣль.

**) Юнакъ—юноша, молодецъ, человѣкъ способный носить оружіе, воинъ.

Какъ живутъ черногорцы.—Ихъ жилища.—Семейная жизнь.—Почтеніе къ старшимъ.—Любовь сестры къ брату.—Пища.—Страсть черногорца къ трубкѣ.—Семейный очагъ.—Пѣсня.—Танцы.—Черты изъ прошлой жизни.—Народныя суевѣрія.

Въ Черногоріи нѣтъ ни городовъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, ни красивыхъ и богатыхъ зданій: черногорцы, какъ и всѣ сербы, живутъ большими семьями въ селахъ, разсѣянныхъ гдѣ попало, и въ весьма бѣдныхъ лачужкахъ, которыя, также какъ и у сербовъ, называются *кучами*.

Черногорскія кучи все каменныя, но камни этихъ жилищъ безъ всякаго цемента, кой-какъ набросаны другъ на друга. Жилища эти нерѣдко о трехъ стѣнахъ, четвертою же своею стороною онѣ прислонены къ какому нибудь утесу. Онѣ очень низки, съ наклонною крышею, покрытою соломою, безъ трубы и безъ печей. Когда въ избѣ что нибудь готовятъ, дымъ наполняетъ всю хату и мало по малу выходитъ изъ растворенной въ это время настежъ двери.

Внутренность жилища вполнѣ гармонируетъ съ его внѣшнимъ видомъ: оно состоитъ изъ одной, много изъ двухъ комнатъ; безъ пола, безъ оконныхъ рамъ, просто съ отверстіями вмѣсто оконъ. Посреди кучи (избы) *огнище* (очагъ), а надъ нимъ висятъ цѣпи съ привѣшеннымъ котломъ. На этомъ очагѣ приготовляютъ кушанье и тутъ же вечеркомъ вокругъ его собирается вся семья погрѣться, послушать разсказы дѣда или пѣсню гусляра. Въ переднемъ углу виситъ образъ, на стѣнахъ развѣшано оружіе. Тамъ и сямъ стоятъ низенькіе столики, на которыхъ обѣдаютъ, и кровати изъ дерева. Вмѣсто матрацевъ на нихъ лежитъ солома, покрытая не одѣяломъ, а струкою, а то и полинялымъ старенькимъ ковромъ. Въ углахъ стоятъ деревянные сундуки, въ которыхъ хранится платье. Все домашнее хозяйство черногорца весьма бѣдно. Въ рѣдкомъ домѣ найдется достаточно посуды даже для домашняго обихода, и женщины безпрестанно занимаютъ ее другъ у друга. Только въ каждой кучѣ непремѣнно есть мѣдный котелъ, въ которомъ варятъ все и который обыкновенно виситъ надъ очагомъ. Все сваренное въ этомъ котлѣ выливаютъ огромными деревянными ложками на большое деревянное блюдо. Это блюдо ставятъ на низенькій столъ, вокругъ котораго садится семья на что попало: на скамейку, на обрубокъ, а то и просто на полъ. Вилокъ, салфетокъ и ножей и въ заводѣ нѣтъ, а если нужно разрѣзать мясо, черногорецъ вынимаетъ ножъ изъ-за пояса и разрѣзаетъ его на куски.

Кромѣ нѣсколькихъ домовъ въ Цетинье, главномъ городѣ страны, не существуетъ печей. На очагѣ готовятъ кушанья, онъ и долженъ согрѣвать жильцовъ. Вслѣдствіе этого огонь въ очагѣ поддерживаютъ весь день, а нерѣдко и всю ночь. Дымъ, не имѣя выхода, наполняетъ комнату, коптитъ платье, стѣны, балки и наконецъ уходитъ въ скважины крыши. Такъ какъ черногорецъ по большей части сидитъ согнувшись около своего очага, то его мало безпокоитъ дымъ, собирающійся въ особенности въ верхнихъ частяхъ комнаты; поэтому онъ, хотя и сохраняетъ остроту своего зрѣнія, но часто подверженъ разнымъ глазнымъ болѣзнямъ.

Взойдите въ черногорскую кучу днемъ въ мирное время и вы застанете въ ней только стариковъ, т. е. хозяина и хозяйку, малыхъ ребятъ, да развѣ такого юнака, которому бабка залѣчиваетъ раны, полученныя имъ въ недавнихъ походахъ. Кстати замѣтимъ, что въ Черногоріи чрезвычайно много цѣлебныхъ травъ, которыми здѣшнія женщины отлично залѣчиваютъ раны своихъ храбрыхъ воиновъ.

И такъ днемъ въ черногорской хатѣ, кромѣ малыхъ и старыхъ, нѣтъ никого: всѣ

остальные члены семьи каждый за своимъ дѣломъ, внѣ дома. Но вотъ солнце, единственные черногорскіе часы, по которымъ они распредѣляютъ свою жизнь, спускается къ горизонту, приближается время обѣда, и вся семья одинъ за другимъ входятъ въ хату. Прежде всего каждый изъ нихъ съ глубочайшимъ уваженіемъ подходитъ къ дѣду и бабкѣ, цѣлуетъ имъ руки и затѣмъ всѣ они раскланиваются между собой.

Нравы здѣсь, даже болѣе патріархальные, чѣмъ въ Сербіи, напоминаютъ времена древнихъ героевъ Греціи. Родственныя, семейныя отношенія имѣютъ здѣсь громадное значеніе. Власть отца и матери здѣсь такъ же велика, какъ и въ древности. Эти родственныя отношенія до того развиты у южныхъ славянъ, что въ ихъ языкѣ существуютъ слова для обозначенія самыхъ тончайшихъ оттѣнковъ самаго отдаленнаго родства. Дѣти одного отца—братья; дѣти двухъ братьевъ—братучеды; дѣти братучедовъ—братаничи; дѣти братаничей—братственницы и т. д. Черногорцы считаютъ родство до седьмаго колѣна, и всѣ эти родственники не могутъ между собою вступать въ бракъ и составляютъ братства; члены одного братства во всемъ за одно: и въ церкви, и въ судѣ, и при всякомъ собраніи и договорѣ. Каждое братство гордится, если въ немъ болѣе мужчинъ, чѣмъ въ другомъ братствѣ. Если вы спросите черногорца, какъ его прозвище, то онъ этого не пойметъ, а если сказать, какого ты братства, то онъ вамъ на это отвѣтитъ. Каждый зовется по отчеству: Вуко Волубовъ, Мрдженъ Савичевъ; женщины—Станица Петрова, Божина Илина и т. д.

Изъ всѣхъ родственниковъ самыми тѣсными узами соединены между собою, какъ и въ Сербіи, братъ и сестра. «Тако ми брате!» клянется женщина и послѣ этого никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что она говоритъ правду.

Однако возвратимся къ семьѣ, только что собравшейся въ хатѣ послѣ работъ.

Обогрѣвшись у очага, всѣ садятся за обѣдъ, который прежде всего состоитъ: изъ маисоваго хлѣба, твердаго и тяжелаго, какъ свинецъ, изъ сыраго лука, кислаго молока, картофеля; изрѣдка подаютъ *кастрадину* и всегда *сочиво*—родъ каши изъ чечевицы. Иногда каша эта бываетъ до того крута, что ее разрѣзываютъ ножемъ и ѣдятъ вмѣсто хлѣба. За столомъ черногорца бываетъ больше всего овощей, и особенно луку, такъ какъ онъ думаетъ вовсе не о томъ, какъ бы хорошо поѣсть, а только чтобы сытымъ быть. Хотя здѣсь много свиней, но черногорецъ рѣдко заколетъ для себя борова, а скорѣе продастъ его и купитъ себѣ хлѣба. У него замѣчательно здоровый желудокъ, который отлично перевариваетъ все; часто можно видѣть, какъ онъ, убивая борова, вынимаетъ сало и поѣдаетъ его тутъ же совершенно сырымъ. Послѣ обѣда всѣ ложатся спать. Съ наступленіемъ сумерекъ встаютъ, и тогда начинаются часы вечернихъ собраній, столь любимыхъ черногорцами.

Едва кончается ужинъ, какъ всѣ садятся къ пылающему очагу; посѣтители съ длинными чубуками въ рукахъ входятъ въ домъ безъ всякихъ приглашеній. Если входитъ старикъ, всѣ встрѣчаютъ его съ необыкновеннымъ почтеніемъ; женщины и дѣти цѣлуютъ ему руки, а юноши въ грудь. Старикъ возлагаетъ на голову каждаго юноши свои руки, а затѣмъ цѣлуетъ его въ лобъ. Послѣ поклоновъ и привѣтствій всѣ усаживаются около очага. Веселое пламя подымается до балокъ крыши и освѣщаетъ блестящее оружіе воиновъ и ихъ мужественныя, красивыя лица. Вотъ тутъ-то и идутъ длинные разсказы о герояхъ добраго стараго времени; поются пѣсни. Чтобы ни говорили черногорцы и сколько бы разъ они ни повторяли одинъ и тотъ же разсказъ, все у нихъ выходитъ очень занимательно и дѣльно: они отъ природы одарены свѣтлымъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ. Отличительная черта всѣхъ ихъ разсказовъ—полное знаніе исторіи своей страны и даже вѣрное пониманіе ея политическаго значенія. Вокругъ собравшихся молча ходятъ женщины, приготовляя кофе, предлагая свѣжей воды и вина,

налитаго въ огромный кубокъ, который обходитъ теперь дружескую компанію. Нужно однако замѣтить, что сильной привязанности къ горячительнымъ напиткамъ нѣтъ у черногорца. Умѣренный во всемъ, онъ пьетъ умѣренно свою ракію и пьетъ не для того, чтобы отуманить свою голову, но чтобы немного подкрѣпить себя послѣ горячей стычки съ недругомъ, послѣ утомительныхъ переходовъ чрезъ свои горы, или наконецъ, чтобы немного поразвлечься въ веселой компаніи. По за то у черногорца другая страсть,— страсть къ табаку. Безъ него онъ не можетъ обойтись и не выпускаетъ изъ рукъ своего чубука. Эта страсть доходитъ до того, что большинство изъ нихъ издерживаютъ на табакъ послѣднюю копѣйку.

Угостившись виномъ, кто нибудь изъ членовъ семьи снимаетъ со стѣны гусли, національный инструментъ славянъ, и затягиваетъ пѣсню подъ акомпаниментъ этого первобытнаго инструмента. По формѣ гусли похожи на продолговатую грушу, разрѣзанную по поламъ, и представляютъ нѣчто среднее между гитарою и скрипкою. И болгары употребляютъ гусли, но у нихъ онѣ поменьше. Хотя на этомъ инструментѣ натянута одна струна, но здѣсь на ней играютъ смычкомъ, а не очиненнымъ перышкомъ, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Пѣсенъ въ Черногоріи много; кромѣ своихъ мѣстныхъ, тамъ ходитъ множество сербскихъ; да это и понятно, такъ какъ черногорцы тѣ же сербы.

Не задолго до вторженія турокъ въ Европу, въ XIV столѣтіи, когда процвѣтало еще обширное сербское царство, Черногорія, подъ именемъ Зеты, составляла не болѣе, какъ часть его. Вскорѣ однако Зета отложилась отъ Сербіи и зажила своею самостоятельною жизнію. Потомъ она присоединилась опять къ Сербіи, но уже не надолго, и то болѣе какъ союзное, самостоятельное государство, чѣмъ какъ подчиненная провинція. Въ 1389 году произошла знаменитая битва при Косовомъ полѣ. Всѣ силы Сербіи были направлены противъ мусульманъ, которые наводнили весь Балканскій полуостровъ и наводили въ это время смертельный ужасъ на всю Европу. Молодое славянское царство было въ это время очень разстроено разными междуусобицами и потому оно не могло устоять передъ воинственными и сильными тогда турками. Битва на Косовомъ полѣ была проиграна; въ ней палъ послѣдній царь Сербіи Лазарь. Всѣ области Сербскаго царства, исключая Зеты, подчинились Турціи. Зета продолжала управляться своими самостоятельными правителями. Во главѣ ея стоялъ въ то время Бальшъ, зять Лазаря; у него былъ сынъ Стефанъ, прозванный Чернымъ, и потому весь родъ его, правившій Зетой въ первую эпоху ея независимой жизни, прозвался Черноевичами.

Положеніе Зеты было чрезвычайно шатко и ненадежно. Она населена была небольшою горстью сербовъ, и на эту горсть готовились нагрянуть несмѣтныя полчища турокъ. Помощи ожидать было не откуда, а самой защищаться было трудно. На глазахъ ея пало Сербское княжество, которое было вдесятеро сильнѣе и больше. Нужно замѣтить, что Зета состояла изъ двухъ частей: долины и горъ. Одинъ изъ ея правителей, Иванъ Черноевичъ, рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ самому крайнему средству: онъ оставилъ долину, сжегъ старинную столицу отцовъ и удалился съ храбрыми зетчанами въ горы. Этотъ поступокъ рѣшилъ навсегда судьбу Черногоріи. Иванъ Черноевичъ понялъ очень хорошо, что въ долинахъ чрезвычайно трудно защищаться молодому народу, который не зналъ еще военнаго искуства, у котораго не сформировалось еще никакого регулярнаго войска. Да не только Черногоріи, но и всѣмъ придунайскимъ славянамъ чрезвычайно трудно было выдерживать битву при тѣхъ стремительныхъ натискахъ, которыми отличались всѣ восточныя орды. Оттого народы, жившіе въ долинахъ, принуждены были скоро сдаться; такъ пали: Сербія, Боснія, Герцеговина; оттого и черногорцы должны были запереться въ горахъ. Здѣсь имъ гораздо легче было за-

щищаться: негдѣ было развернуть туркамъ свои несмѣтныя войска и ринуться съ гикомъ и остервененіемъ, размахивая саблями, на непріятеля. Для защищающихся въ горяхъ каждое ущелье служитъ естественною крѣпостью; тамъ, устроивъ невидимую засаду изъ небольшаго отряда, мѣткими пулями можно истребить по одиночкѣ нѣсколько тысячъ непріятелей, а не то очень удобно опрокинуть въ пропасть турецкій отрядъ. Пули летаютъ со всѣхъ сторонъ, турки валятся тысячами, а черногорцы цѣлы и невредимы, подсмѣиваются изъ-за скалъ надъ ошеломленными врагами.

Заключившись въ горы, Иванъ Черноевичъ оставилъ намѣстникомъ сына своего, а самъ поѣхалъ въ западную Европу искать союзниковъ, но привезъ оттуда одно убѣжденіе, что у Черногоріи нѣтъ союзниковъ, что она сама должна оспаривать независимость своей родины у страшнаго врага, передъ которымъ все трепетало. Однако онъ не смутился, собралъ своихъ храбрыхъ сподвижниковъ и поклялся съ ними вѣчно воевать съ турками. Если какой-нибудь черногорецъ убѣжитъ съ поля битвы, говорили они, то онъ потеряетъ доброе имя, честь и уваженіе. Его одѣнутъ въ женское платье, и женщины прялками будутъ гнать его изъ города въ городъ по всей Черногоріи. Эта клятва сдѣлалась залогомъ всей жизни зетчанъ. До сихъ поръ помнятъ они ее, помнятъ Косову битву и падшую родину. Вся жизнь ихъ, вся исторія, движимая этими воспоминаніями, сдѣлались вѣчнымъ, непримиримымъ, кровавымъ мщеніемъ. Тяжело туркамъ это мщеніе. Много мусульманскихъ войскъ входило въ неприступныя горы Зеты за тѣмъ, чтобы болѣе не возвратиться оттуда. Много пришлось и черногорцамъ испытать послѣ клятвы Ивана Черноевича. Въ XVII столѣтіи они должны были въ продолженіи 80 лѣтъ платить дань туркамъ. Хотя времена эти давно прошли, но и до сихъ поръ ни одинъ черногорецъ не можетъ говорить объ этомъ позорѣ безъ злобы. Какъ всѣ эти, такъ и послѣдующія событія, извѣстны черногорцамъ не только по устнымъ преданіямъ, но также и по пѣснямъ.

Хорошо обрисовывается также въ черногорскихъ пѣсняхъ ихъ семейная жизнь. И въ пѣсняхъ, какъ въ дѣйствительности, выступаетъ эта жизнь, гдѣ все твердитъ о вѣчной разлукѣ съ близкими, объ утратахъ и самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ. Поэтому ихъ семейныя пѣсни проникнуты необыкновенною грустью. Въ одной изъ нихъ говорится о томъ, какъ умираетъ среди поля удалой молодецъ, получившій рану смертельную. Побратимъ замѣчаетъ его и приглашаетъ подъ свой кровъ. «Моя мать», утѣшаетъ онъ его, «залѣчитъ твои раны, моя жена приготовитъ тебѣ постель, моя сестра подастъ тебѣ напиться».—«Нѣтъ», отвѣчаетъ молодецъ: «чужая мать не вылѣчитъ ранъ, чужая жена не постелетъ мягкой постели, чужая сестра дастъ горькаго питья».

«Мать разлучилась съ старшими сыновьями», разсказываетъ другая пѣсня, «съ нею остался одинъ младшій сынъ и она горько тоскуетъ. А сыновья пріѣхали и за младшимъ братомъ и увезли его съ собой. Долго не пускала она ихъ, не могла наглядѣться на нихъ, наконецъ дала каждому по коню да по соколу и пошла провожать ихъ въ темный лѣсъ. Она крѣпко съ ними обнимается, прощается. Уѣхали сыновья, куда надобно, а мать не можетъ сдвинуться съ мѣста, такъ съ тоски и изныла».

«Доля моя горькая, несчастная!» причитаетъ мать, которая много лѣтъ напрасно ждетъ возвращенія своего сына. «Никто теперь не ждетъ меня въ моей хатѣ! никто не выйдетъ мнѣ на встрѣчу».

Въ пѣсняхъ черногорскихъ, какъ и у другихъ народовъ, воспѣваютъ также женщину. Любопытенъ ихъ взглядъ на молодую дѣвушку, главной добродѣтелью которой, по ихъ понятіямъ, должна быть робость, застѣнчивость и скромность.

«Нельзя вдоволь налюбоваться прекрасными глазами Милицы, лицомъ ея бѣлымъ, ея розовыми щечками. Я сталъ съ ней плясать, думалъ разглядѣть глаза ея поближе,

но вдругъ стемнѣло. Облака заволокли небо».—«Милица, милая подружка!» говорятъ ей дѣвушки, «спѣсива ты, или глупа, что не любуешься, какъ мы, молніей, прорѣзывающей облака?»—«Я не глупа и не спѣсива», говоритъ Милица. «Я молодая дѣвушка и потому мои взоры прикованы къ землѣ».

Больше всего однако поется различныхъ сербскихъ пѣсней о Маркѣ Кралевичѣ.

Въ праздничные дни черногорки водятъ хороводы. Для этого всѣ выходятъ на улицу, становятся въ кругъ, а въ середину двѣ пары: мужчина съ мужчиной, а женщина съ женщиной.

Чрезвычайно оригинальны, дики и воинственны ихъ танцы: есть фигуры, которыя исключительно состоятъ въ подпрыгиваніи и въ необыкновенно высокихъ скачкахъ. При этомъ они поднимаютъ руки надъ головою, приходятъ все въ большій азартъ, дико вскрикиваютъ, подскакиваютъ на нѣсколько футовъ отъ земли; въ ту же минуту мужчины вытаскиваютъ пистолетъ изъ-за-пояса и стрѣляютъ.

Въ другой фигурѣ танцующіе вытягиваютъ одну руку впередъ, другую поднимаютъ сзади, сжимаютъ кулаки и наклоняютъ нѣсколько голову. Такъ бѣгутъ они одинъ за однимъ и, кажется, какъ будто угрожаютъ другъ другу. Пріятно смотрѣть на женщинъ, когда онѣ танцуютъ: онѣ отскакиваютъ отъ земли ловко и граціозно, точно мячики, и при этомъ непремѣнно вскрикиваютъ. Когда прекращается танецъ, мужчина цѣлуется съ мужчиной, а женщина съ женщиной. Очень часто однако мужчины танцуютъ и съ женщинами; тогда фигуры и мимика опять нѣсколько измѣняются. Танцоръ то простираетъ надъ танцующей дѣвушкой свои руки, какъ будто беретъ ее подъ свое покровительство, то легко и быстро кружится кругомъ ея, точно хищникъ, который съ высоты облаковъ собирается броситься на беззащитную горлицу и вонзить въ нее свои когти.

Относительно танцевъ въ народѣ существуетъ поэтическое преданіе. Черногорцамъ былъ извѣстенъ албанскій танецъ, они, разумѣется, хорошо также знали «коло»—свой національный сербскій танецъ, но имъ непремѣнно захотѣлось выдумать свой собственный, черногорскій танецъ. «Нѣтъ», сказали они, «не возьмемъ ничего у другихъ; дѣти горъ, живущіе въ сосѣдствѣ съ облаками, мы возьмемъ танецъ орла». И съ этихъ поръ, говоритъ преданіе, черногорцы въ своемъ танцѣ начали подражать движеніямъ царя пернатыхъ, когда онъ нападаетъ на свою жертву.

Звуки инструмента никогда не акомпанируютъ національнаго черногорскаго танца, а грустная, монотонная пѣсня замѣняетъ ему оркестръ.

Трудно себѣ представить, до чего суевѣрны черногорцы. Эти герои, которые такъ смѣло смотрятъ въ глаза самой смерти, которыхъ весь свѣтъ считаетъ такими непобѣдимыми и неустрашимыми, дрожатъ, какъ дѣти, пробираясь ночью черезъ кладбище. Можно смѣло сказать, что нигдѣ между европейскими народами не сильна такъ вѣра въ привидѣнія, колдуновъ, колдуній и злыхъ духовъ, какъ между черногорцами.

Когда во снѣ человѣку становится трудно дышать черногорецъ говоритъ, что его давитъ *мора* (кикимора), а у насъ тоже самое явленіе народъ приписываетъ домовому. Больше всего здѣсь, какъ и въ Сербіи, распространено повѣрье о *вилахъ*, сохранившееся еще отъ временъ языческихъ. Это тѣ же наши русалки, только здѣсь въ странѣ, изборожденной высокими горами, онѣ превратились въ жительницъ горъ. Впрочемъ у нихъ есть и водяныя вилы, которыя живутъ въ озерахъ и рѣкахъ, есть лѣсныя обитающія въ густыхъ рощахъ и др. Эти граціозныя и въ то же время капризныя созданія иногда покровительствуютъ людямъ, спасаютъ воиновъ, даютъ имъ полезные совѣты; иногда же, напротивъ, губятъ ихъ. Народъ представляетъ себѣ вилъ

прелестными красавицами. Поэтому, когда черногорецъ хочетъ похвалить красоту дѣвушки, онъ говоритъ: «Миловидна, что горная вила, а гибка-то, что ель молодая».

Но такъ какъ ихъ суевѣрія тѣ же, что у сербовъ (см. предъидущую статью о Сербіи), то мы и не будемъ здѣсь вторично о нихъ распространяться.

Побратимство. — Поединки и кровомщеніе: строгое преслѣдованіе ихъ въ настоящее время.—Похороны.—Религія, церковь и образованіе.—Замѣчательная честность черногорцевъ.—Воровство и его послѣдствія.—Тюрьма и отношеніе къ ней заключенныхъ.

Кромѣ кровнаго, чрезвычайно многочисленнаго родства, есть въ Черногоріи другое родство, такъ называемое побратимство. Оно состоитъ въ томъ, что двое юнаковъ, которые любятъ другъ друга и дружатъ между собою, совершаютъ обрядъ, послѣ котораго считаютъ себя братьями. Связь эта считается болѣе тѣсною и священной, нежели даже связь по крови. Побратимы не только обязаны всегда и во всемъ помогать другъ другу, но каждый изъ нихъ долженъ быть всегда готовъ положить жизнь за брата. Если въ стычкѣ одинъ изъ нихъ слегка раненъ, другой долженъ унести его съ поля сраженія; если же онъ убитъ на повалъ, или на столько тяжело раненъ, что нѣтъ никакой надежды на его выздоровленіе, то его побратимъ обязанъ собственными руками отрубить ему голову, чтобы она не досталась врагу. Такое побратимство въ Черногоріи бываетъ однако трехъ родовъ; малое побратимство, побратимство неволею и причастное. *Малое* побратимство заключается безъ всякой торжественности: двое юнаковъ, изъявившіе другъ другу желаніе вступить въ такое побратимство, только три раза цѣлуются между собой; затѣмъ тотъ, кто первый предложилъ побратимство, приглашаетъ къ себѣ своего побратима въ домъ, угощаетъ его и даритъ ему что нибудь изъ своихъ вещей. Побратимство *неволею* совершается тогда, когда черногорецъ находится въ какой нибудь нуждѣ, въ опасности, изъ которой не можетъ выпутаться своими собственными силами. Тогда къ первому проходящему или встрѣчному онъ обращается съ такими словами: «Помоги мнѣ ради Бога и святаго Ивана, я передъ Богомъ беру тебя братомъ». При этихъ словахъ каждый непремѣнно останавливается, исполняетъ всякую просьбу, если только она для него по силамъ; затѣмъ они цѣлуются между собою три раза, и вотъ они побратимы. Но самое истинное и самое главное побратимство — *причастное*. Когда черногорецъ находитъ хорошаго человѣка, который ему нравится во всѣхъ отношеніяхъ и съ которымъ онъ дружитъ, онъ рѣшается заключить съ нимъ причастное побратимство. Сговорившись объ этомъ между собой, оба юнака зовутъ попа, чтобы тотъ благословилъ ихъ союзъ и прочелъ имъ молитву. Въ назначенный день и часъ оба отправляются въ церковь и во время молитвы становятся подъ эпитрахиль священника. Затѣмъ священникъ подноситъ имъ чашу съ святыми дарами; они разомъ къ ней приникаютъ и три раза причащаются, вотъ поэтому такое побратимство и называется причастнымъ. Затѣмъ побратимы три раза цѣлуются другъ съ другомъ и уходятъ. Тотъ, который первый позвалъ на побратимство, зоветъ побратима къ себѣ на обѣдъ, гдѣ присутствуютъ всѣ его родственники, и даритъ ему при этомъ рубашку, ружье или ножъ.

Черногорцы вступаютъ иногда въ побратимство и съ турками, но между ними никогда не бываетъ причастнаго побратимства, а только малое или неволею.

Нарушеніе клятвы побратимства, если когда и случается, то только тогда, когда оно заключено между черногорцемъ и туркомъ; между своими же у нихъ почти не бываетъ такихъ примѣровъ. Вотъ какъ однажды турокъ нарушилъ клятву побратимства. Черногорецъ побратался съ туркомъ и затѣмъ вступилъ въ чету, въ которой предводительствовалъ турокъ, его новый побратимъ. (Чета или дружина—собраніе смѣлыхъ юнаковъ, которые въ военное время, отдѣльными партіями отъ 20 до 500 человѣкъ, нападаютъ на непріятеля и отправляются въ турецкія земли грабить турокъ). Они четовали шесть дней, но ничего не добыли. На седьмой день утромъ черногорецъ увидѣлъ, что его побратимъ турокъ гонитъ цѣлое стадо овецъ. Онъ обрадовался и просилъ дать ему одного барана, чтобы накормить себя и дружину. «Побратимъ—дай одного барана». «Кого ты называешь побратимомъ?» спросилъ турокъ. «Можетъ ты съ мертвой головой побратался?»—«Нѣтъ, я побратался съ тобой и тебя, побратимъ, прошу дать мнѣ одного барана, такъ какъ мы уже седьмой день въ этомъ оврагѣ, и въ нашихъ торбахъ нѣтъ ни крошки».—«Нечего я тебѣ не дамъ», отвѣчалъ на это турокъ, «и пока сабля моя при мнѣ, я и думать не хочу о побратимствѣ съ тобой...» Не смотря на эти слова, черногорецъ торжественно повторилъ ту же просьбу и въ третій разъ. Тогда турокъ сталъ въ него прицѣливаться. Замѣтивъ это, черногорецъ окликнулъ своихъ; они тотчасъ бросились на турка, убили его и взяли все его стадо.

Какъ между мужчинами бываетъ побратимство, такъ между женщинами *посестримство*. Обрядъ этотъ совершается, какъ и у мужчинъ. Часто бываетъ посестримство между мужчиною и женщиною, и женщина иногда имѣетъ по нѣскольку побратимовъ. Всѣ они клянутся охранять свою посестриму отъ всякихъ обидъ и мстить за нее, если ей будетъ нанесено какое нибудь оскорбленіе. Ни одинъ юнакъ не можетъ жениться на своей посестримѣ. Того, кто дерзнетъ забыть свою клятву, говорится въ одной народной пѣснѣ, страшно покараетъ само небо. Одна дѣвушка отправилась въ путь съ своимъ побратимомъ, но тотъ на дорогѣ забылъ свою клятву и сталъ говорить ей о любви. Тогда небо, за минуту ясное, покрылось тучами, сверкнула страшная молнія и убила клятвопреступника, который мертвый, какъ снопъ, упалъ къ ногамъ своей посестримы.

Черногорія дѣлится на нѣсколько племенъ. Каждое племя имѣетъ своего предка—*чукунджеда*, который въ старыя времена переселился въ Черную Гору: его потомство такъ съ тѣхъ поръ и прозывается по его имени. Всякое племя имѣетъ свое преданіе о поселеніи и прославляетъ своего чукунджеда, гордится имъ и хвастаетъ имъ другъ передъ другомъ. Племена дѣлятся на братства: въ каждомъ племени бываетъ по пяти, по шести и болѣе братствъ. Всякое племя имѣетъ своего *главаря*. Это дѣленіе на нѣсколько племенъ прежде всего служитъ доказательствомъ, что Черногорія находится въ младенческомъ состояніи. Племена прежде постоянно враждовали между собою, соперничали,—отъ чего происходило много бѣдствій для страны. Соперничество порождало ссоры, а иногда даже кровопролитіе и кровомщеніе. Ссоры между племенами бываютъ и теперь изъ за женщинъ, иногда изъ-за мѣткой, но грубой остроты, на которую такъ способны всѣ славяне, а въ особенности черногорцы. Тутъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, кипятъ страсти и самая ничтожная причина можетъ вывести изъ себя черногорца. И такъ какъ черногорецъ человѣкъ совсѣмъ необразованный и неразвитой, то онъ самымъ первобытнымъ способомъ и успокаиваетъ свои расходившіеся нервы. Иногда совершенно достаточно сказать ему, что всѣ его предки умерли въ постели, и ссора разгорѣлась, а отъ ссоры недалеко и до поединка.

Вотъ какъ описываетъ такой поединокъ одинъ писатель. Поводомъ къ поединку между юнаками Янко и Трипо было оскорбленное самолюбіе. Этотъ поединокъ не могъ

остаться тайною, и толпа, всегда жадная до подобнаго рода зрѣлищъ, собралась близъ мѣста ратованія и притаилась за взгорьемъ. Враги пришли, сошлись, кое о чемъ потолковали, пошутили, выпили ракіи, зарядили свои длинныя ружья и разошлись; ихъ хладнокровіе, слѣдствіе совершеннаго равнодушія къ жизни и смерти, было слишкомъ натурально,—это отличительная черта черногорскихъ поединковъ. Поединщики стали на условленномъ разстояніи; вслѣдъ затѣмъ раздался выстрѣлъ — и только одинъ, ружье Трипо дало осѣчку. Пуля расшибла ему локоть лѣвой руки, поддерживавшій ружье, и засѣла въ лѣвомъ боку: онъ упалъ безъ чувствъ, откинувъ далеко отъ себя ружье, но вскорѣ усиліями товарища былъ возвращенъ на мигъ къ жизни, и этимъ предсмертнымъ мигомъ поспѣшилъ воспользоваться Янко; не смотря на то, что по закону черногорскихъ поединковъ, осѣчка въ такомъ случаѣ почитается правымъ судомъ Божіимъ, онъ велѣлъ Трипу стрѣлять въ себя. «Не могу придвинуть ружья, не могу удержать его», произнесъ тотъ умирающимъ голосомъ. Янко подалъ ему ружье, посадилъ на землю, но руки Трипо склонялись долу, тѣло валилось; Янко приподнялъ его правое колѣно, уперъ на него ружье и, склонивъ его колеблющуюся голову къ прикладу, сказалъ: «я не хочу, чтобъ такой юнакъ отошелъ на тотъ свѣтъ не отомщеннымъ, а кто за тебя здѣсь отомститъ: у тебя ни брата, ни друга, круглый сиротина», и сталъ въ двухъ шагахъ противъ ружейнаго дула. Раздался выстрѣлъ и благородный соперникъ зашатался. Стыдно падать юнаку: крѣпко упершись одною рукою о камень, другою о свое ружье, онъ удержался на ногахъ и въ этомъ положеніи, какъ наиболѣе приличномъ герою, казалось рѣшился ожидать смерти; ни одинъ стонъ, ни одно болѣзненное движеніе не обнаружили его мученія. Пришедшая толпа нашла Трипо уже мертвымъ; Янко былъ безъ чувствъ, но искуство здѣшнихъ доморощенныхъ врачей исцѣлили его рану, не смотря на всю опасность ея; это была двадцать первая.

Кстати я разскажу вамъ здѣсь поединокъ одного племени съ другимъ. Одна женщина, отданная въ замужество въ другое племя, наскучивъ грубымъ обращеніемъ мужа, бросила его и убѣжала къ своимъ братьямъ; она разсказала имъ горькую жизнь свою и объявила, что нехочетъ возвращаться къ мужу, но вмѣстѣ съ тѣмъ заклинала не мстить ему; напрасно,—братья затруднялись только въ томъ, кому изъ нихъ объявить себя мстителемъ сестры: каждый добивался этой чести, и кончили тѣмъ, что отправились всѣ трое; ихъ родственники и друзья не хотѣли ихъ отпустить однихъ, къ нимъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ, и вотъ цѣлое племя поднялось противъ другаго. О мирѣ съ черногорцемъ нечего и говорить, пока у него заряжены оба пистолета и ружье. Раздались выстрѣлы, сначала рѣдко, потомъ чаще, то удаляясь, то приближаясь, смотря по движенію толпы. Крики заглушали выстрѣлы: «Эй! соколы, соколы!— Видо, Петро, юнакъ! направо, налѣво, впередъ!» раздавалось повсюду. Дрались большею частію въ разсыпную, то набѣгая, то убѣгая, заманивая въ средину удальцевъ и отрѣзывая ихъ отъ остальной толпы, то скрываясь за камнями, то показываясь нежданно на вершинѣ, словомъ употребляли всѣ хитрости, пока ожесточеніе не овладѣло ими, тогда они столпились; тутъ некогда уже было думать заряжать ружья или пистолеты,—схватились за ятаганы. Старѣйшины увидѣли, что слишкомъ уже много крови пролито изъ за одной женщины, и съ обѣихъ сторонъ подняли шапки на своихъ длинныхъ ружьяхъ, знаменіе перемирія; буря стихла и враги разошлись на приличное разстояніе.

Но это было только начало. Слѣдовало изложеніе предмета, для котораго собрались спорящія стороны: надобно было рѣшить, кто правъ: мужъ, или жена? и въ первомъ случаѣ принудить мужа взять обратно жену и поступать съ нею, «какъ слѣдуетъ». Начались споры и доказательства, кричали пуще, чѣмъ при дракѣ, молодые

горячились, главари выслушивали терпѣливо сужденіе каждаго, иногда нѣсколькихъ вдругъ, и уже готовы были произнести приговоръ, какъ вдругъ двое повздорили и битва закипѣла сильнѣе прежняго. Наконецъ, главари, улучивъ минуту, крикомъ и выставленными шапками успѣли остановить кровопролитіе. Сосчитали убитыхъ: со стороны супруга было десять, со стороны оскорбленной жены четыре. По черногорски та сторона, въ которой болѣе убитыхъ, считается виновною,—потому и тутъ защитники жены провозгласили побѣду, побѣжденный остался, какъ водится, виноватымъ; уцѣлѣвшій мужъ долженъ былъ взять обратно жену и обязаться клятвою жить съ нею въ мирѣ и согласіи. Враждующія стороны примирились и разошлись.

Убійства какъ на поединкѣ, такъ и въ другомъ мѣстѣ, вызываютъ кровавую месть. Каждый убитый имѣетъ кровныхъ родныхъ, друзей или побратимовъ. Въ такихъ случаяхъ на нихъ возлагается обязанность отомстить за кровь близкаго имъ человѣка и отплатить убійцѣ кровью же. Но при этомъ иногда допускается «крвнина», т. е. плата за кровь. Это происходитъ такимъ образомъ: семейство убійцы проситъ у семейства убитаго перемирія на нѣсколько недѣль. Когда оно получаетъ на это согласіе, то устроиваетъ торжественное посольство. Двѣнадцать самыхъ молодыхъ и красивыхъ женщинъ изъ родственниковъ убійцы берутъ съ собою грудныхъ дѣтей и отправляются въ домъ убитаго. Подойдя къ кучѣ, они кладутъ дѣтей у порога, а сами подымаютъ плачь, раздирательные крики и причитанія, между которыми слышатся просьбы имѣть къ нимъ жалость и состраданіе, и «во имя Іоанна Крестителя, покровительствующаго всѣмъ недавноокрещеннымъ, отказаться отъ мести и сжалиться надъ бѣдными, невинными существами». Родные убитаго остаются сначала совершенно равнодушными къ этимъ мольбамъ, но мало по малу показываютъ, что они тронуты ими, и берутъ на руки дѣтей. Тогда матери даютъ въ видѣ задатка серебряную монету, кусокъ полотна и хлѣбъ. Затѣмъ назначаютъ мѣсто, день и часъ суда, въ которомъ должны участвовать 84 судьи.

На этомъ судѣ прежде всего оскорбленная сторона излагаетъ свою жалобу, указывая на вредъ, причиненный смертью такого-то. Противная сторона начинаетъ оправдываться и извиняться. Но, прежде чѣмъ приговоръ произнесенъ, происходятъ *танцы крови*. Присутствующіе составляютъ кругъ и начинаютъ выдѣлывать медленныя движенія. Вдругъ въ этотъ кругъ на четверенькахъ вползаетъ убійца,—оружіе, причинившее смерть, виситъ у него на привязи и онъ громко произноситъ три раза «простите, ради Бога». Тогда танецъ прекращается, ближайшій родственникъ убитаго поднимаетъ своего врага, цѣлуетъ его и, обращаясь къ собравшимся, говоритъ: «этотъ человѣкъ мнѣ больше не врагъ; теперь онъ будетъ не только моимъ другомъ и братомъ, но и всѣхъ родственниковъ нашего дорогаго убитаго». При этихъ словахъ онъ ломаетъ на двѣ части серебряную монету и одну изъ частей отдаетъ новому другу. Тотъ и другой, въ память примиренія, будутъ бережно хранить эту сломанную монету.

Послѣ этого старѣйшій изъ судей опредѣляетъ сумму, которую виновный долженъ внести семьѣ убитаго; иногда вмѣсто денегъ даютъ быка или нѣсколькихъ козъ. Вся эта церемонія заканчивается веселымъ пиромъ.

Но поединки, кровомщенія все это безпрестанно случалось 30, 40 лѣтъ тому назадъ; теперь они происходятъ весьма рѣдко, такъ какъ нынѣшнее правительство караетъ того, кто убьетъ другаго на поединкѣ такъ же строго, какъ и простаго убійцу: его присуждаютъ обыкновенно къ смертной казни и часто послѣ смерти выставляютъ тѣло казненнаго на нѣсколько дней на томъ мѣстѣ, гдѣ было совершено убійство. Но и это иногда не удерживаетъ расходившіяся страсти черногорца. Во всякомъ случаѣ строгость законовъ имѣла свое дѣйствіе, и поединки, точно также какъ и случаи кро-

вавой мести, бываютъ нынче очень рѣдко, но сочувствіе черногорцевъ къ такого рода обычаямъ еще весьма сильно.

Также оригинальны обычаи черногорцевъ при похоронахъ.

Трудно себѣ представить, какіе страшные крики, вопли и причитанія раздаются въ хатѣ, гдѣ есть покойникъ. Особенно женщины при этомъ приходятъ совсѣмъ въ остервененіе. Онѣ бьютъ себя въ грудь, рвутъ на себѣ одежду, съ пронзительнымъ воплемъ, крикомъ и причитаніями бросаются на полъ, въ изступленіи рвутъ волосы, царапаютъ себѣ лице и грудь такъ, что буквально обливаются кровью. Родственники одинъ за другимъ безпрестанно входятъ въ домъ покойника и при видѣ умершаго отчаянно вскрикиваютъ и рыдаютъ. Какъ однако ни велико горе всѣхъ родственниковъ, всетаки тутъ главную роль играетъ обычай, который предписываетъ близкимъ такія громкія изъявленія своего соболѣзнованія. Когда кто нибудь приближается къ хатѣ покойника, рыданія, вопли и изступленіе еще больше усиливаются. Покойникъ находится въ домѣ только въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ и лежитъ въ это время съ открытымъ лицемъ, весь убранный цвѣтами и листьями.

Когда входитъ священникъ, крики еще болѣе усиливаются. Покойника кладутъ на носилки, а родные и близкіе его каждый подходитъ къ нему и что-то шепчетъ ему на ухо; это даютъ покойнику разныя порученія, которыя просятъ его выполнить на томъ свѣтѣ; одинъ проситъ его поклониться своей покойной женѣ, другой сестрѣ, побратиму и такъ далѣе. Носилки покойнаго, на пути къ могилѣ обыкновенно сопровождаетъ огромный хоръ плакальщицъ: перемѣшивая свои слова рыданіями и жалобными причитаніями, онѣ пересчитываютъ всѣ подвиги покойника. Прежде чѣмъ опустить его въ могилу, самые близкіе родственники привязываютъ къ шеѣ его кусокъ пирога, а въ руки кладутъ, какъ и у древнихъ грековъ, монету. Наконецъ усопшаго опускаютъ въ землю. Послѣ этого среди рыданій и причитаній плакальщицъ, безпрестанно раздаются фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Ахъ, зачѣмъ ты насъ покинулъ! твоя жена такъ хорошо за тобою ухаживала! она такъ хорошо приготовляла тебѣ кушанье! Твои сыновья такъ слушались тебя, такъ были къ тебѣ почтительны! У тебя были такія прекрасныя стада! небо всегда благословляло всѣ твои предпріятія»! Впрочемъ въ этихъ похоронныхъ импровизаціяхъ, мѣстами дѣйствительно поэтическихъ, въ большинствѣ случаѣвъ, восхваляются военные подвиги умершаго и мало говорится о его нравственныхъ качествахъ и семейныхъ добродѣтеляхъ. Послѣ погребенія священникъ и всѣ присутствующіе при этой церемоніи возвращаются въ домъ и садятся за трапезу. При этомъ двѣ женщины встаютъ и, расхаживая по комнатѣ, жалобно причитаютъ. Послѣ трапезы всѣ начинаютъ опять плакать. Близкіе покойнаго, какъ мужчины, такъ и женщины, надѣваютъ трауръ. Впродолженіе мѣсяца, куда бы ни вышли родственницы покойнаго: на колодезь или за дровами, онѣ всюду начинаютъ громко и жалобно причитать и пересчитывать подвиги своего умершаго родственника. Свадьбы и похороны, кромѣ самыхъ ничтожныхъ варіяцій одинаково совершаются у всѣхъ сербовъ Балканскаго полуострова.

Теперь поговоримъ о религіи. Черногорцы—православнаго исповѣданія и совершенно независимы въ духовномъ отношеніи: они не повинуются ни патріарху константинопольскому, ни русскому синоду, даже съ сербскою церковью связаны только чувствами симпатіи. Когда назначается новый епископъ, его посылаютъ для посвященія въ Россію или въ Австрію, гдѣ много православныхъ христіанъ. Черногорцы очень набожны: часто ходятъ въ церковь, старательно наблюдаютъ воскресные дни и посты, но ихъ понятія о религіи крайне неопредѣленны. Очень немногіе изъ нихъ знаютъ на память какую нибудь молитву,—они обыкновенно молятся своими словами, при этомъ они не

кланяются и не становятся на колѣни ни дома, ни въ церкви. Хотя въ Черногоріи живутъ почти исключительно православные, но можно смѣло сказать, что здѣсь господствуетъ полная вѣротерпимость. Нѣсколько магометанъ и католиковъ, которымъ по разнымъ обстоятельствамъ пришлось здѣсь жить, не возбуждаютъ противъ себя никакого гоненія и преслѣдованія за свою религію.

Вѣковая борьба, распри, междоусобицы и наконецъ весьма скудныя матеріальныя средства не давали возможности черногорцамъ думать о своемъ просвѣщеніи, устроивать у себя школы. Народное образованіе можетъ развиваться только въ той странѣ, гдѣ народъ пользуется хотя нѣкоторымъ благосостояніемъ. Наконецъ, для успѣшнаго распространенія образованія, страна непремѣнно должна быть обезпечена отъ непріятельскихъ вторженій. Въ тѣхъ земляхъ, гдѣ народъ вынужденъ не выпускать оружія изъ своихъ рукъ, гдѣ долгое время онъ не былъ огражденъ отъ своихъ враговъ, какъ это мы видѣли въ Черногоріи, тамъ на первомъ планѣ стоятъ интересы военные, а не научные. Да и откуда у черногорцевъ могла бы явиться мысль о просвѣщеніи? Священники ихъ до сихъ поръ очень неразвиты и необразованы. Иностранцу трудно отличить священника отъ простолюдина, такъ какъ онъ мало отличается отъ него даже своимъ внѣшнимъ видомъ; они носятъ обыкновенную одежду, брѣютъ бороду и подбриваютъ голову, стрѣляютъ изъ оружія, съ которымъ не разстаются даже и тогда, когда идутъ служить. Только входя въ храмъ, они снимаютъ его, а, окончивши службу, опять тотчасъ одѣваютъ. Еще недавно священники входили въ алтарь съ оружіемъ, чтобы и тутъ на случай мести они могли бы себя защитить. Такимъ образомъ священника только и можно отличить отъ остальнаго народа тогда, когда онъ служитъ; иначе онъ, какъ и остальные, копаетъ, оретъ, торгуетъ, ходитъ на базаръ, участвуетъ въ бояхъ. Однако черногорцы знаютъ, кто изъ нихъ священникъ, и называютъ его не иначе какъ *попе*. Духовенство въ Черногоріи всегда пользовалось большимъ почетомъ и прежде занимало въ государствѣ всѣ важнѣйшія должности. Даже правителемъ государства въ прежнее время былъ владыка, который соединялъ въ своемъ лицѣ и свѣтскую, и духовную власть. Теперь свѣтская власть совершенно отдѣлена отъ духовной.

Прошла уже цѣлая четверть XIX вѣка, а черногорцы все еще не занимались ничѣмъ другимъ, кромѣ войны. Лучшіе и умнѣйшіе ихъ правители больше всего заботились въ это время о смягченіи суровыхъ нравовъ жителей, объ истребленіи кровавой мести, сильно распространенной между народомъ и возмущавшей миръ и спокойствіе страны. Только въ XIX столѣтіи, во время управленія Черногоріею Петромъ I, былъ изданъ первый писанный законъ, которымъ воспрещались кровопролитныя ссоры и родовая месть; но изданіе законовъ, правила и распоряженія мало помогали, такъ какъ черногорцы были не только совершенно необразованы, но находились въ самомъ младенческомъ состояніи. Поэтому въ 1833 г. была основана первая народная школа въ Цетиньѣ. Въ эту школу собралось до тридцати молодыхъ людей изъ разныхъ черногорскихъ племенъ. Кругъ преподаваемыхъ въ ней наукъ, разумѣется, не былъ обширенъ. Главною ея задачею было подготовить молодежь къ чтенію славяскихъ книгъ и выучить ихъ писать по славянски. Тотъ, кто одолѣвалъ половину служебника, считался совершенно подготовленнымъ даже къ священническому сану; тотъ же, кто не думалъ впослѣдствіи стать священникомъ и всетаки научался читать съ грѣхомъ пополамъ да зналъ немного часословъ, псалтырь и служебникъ, считался вполнѣ ученымъ; этимъ оба навсегда кончали свое образованіе. Но и эта единственная школа во всей Черногоріи черезъ нѣсколько лѣтъ совсѣмъ закрылась, такъ какъ всѣ ученики пошли на войну противъ турокъ.

При Данилѣ, предшественникѣ нынѣшняго князя Николая, снова была открыта

школа, и онъ обратилъ на нее уже болѣе серьезное вниманіе. Такъ какъ небогатымъ людямъ трудно было посылать туда своихъ дѣтей, то онъ устроилъ шестнадцать стипендій, и юноши, которые ихъ получали, имѣли даромъ квартиру въ монастырѣ, столъ и книги. Число всѣхъ дѣтей, обучавшихся въ это время въ Цетинской школѣ, доходило до сорока человѣкъ. Теперь школа уже раздѣлялась на четыре класса и кругъ образованія болѣе расширился; но методъ преподаванія состоялъ исключительно въ томъ, что дѣти зубрили всѣ свои уроки безъ всякихъ объясненій; за неудовлетворительный отвѣтъ ученика ждали розги и побои. Вообще дѣтей колотили безпощадно. Нѣкоторые изъ нихъ отъ побоевъ по ладонямъ не могли по двѣ и по три недѣли взяться за перо.

Такъ шло дѣло до нашего времени и только десять лѣтъ тому назадъ началось настоящее школьное движеніе. Главнымъ толчкомъ къ развитію народнаго просвѣщенія было учрежденіе мужской семинаріи, открытой въ 1869 г. для приготовленія къ учительскому званію. Эта семинарія привлекла множество черногорской молодежи и въ 4 года образовала болѣе 40 хорошихъ учителей. Теперь число народныхъ школъ въ Черногоріи возросло до 70. Во всѣхъ школахъ обученіе безплатное; ученики и ученицы получаютъ все необходимое для ученія. Такъ что въ настоящее время въ Черногоріи нѣтъ уже ни одного значительнаго села, которое бы не имѣло своей школы. Черногорскія дѣти необыкновенно способны, усваиваютъ знанія съ замѣчательною легкостью и въ высшей степени любознательны. Приблизительно около того же времени, когда была устроена первая черногорская семинарія, основанъ и женскій институтъ въ Цетиньѣ. Онъ находился подъ покровительствомъ нашей Государыни и подъ надзоромъ княгини Милены, жены нынѣшняго черногорскаго князя Николая.

Теперь уже недопускается тѣлесное наказаніе въ школахъ, а провинившихся въ большихъ проступкахъ увольняютъ навсегда изъ училища. Но воспитанники, воспитанницы и юноши держатъ себя съ достоинствомъ, свойственнымъ этой гордой націи, и выказываютъ такое изумительное рвеніе къ наукамъ, что ихъ никогда не только не приходится исключать изъ училища, но даже дѣлать имъ какіе бы то ни было упреки.

Если народное образованіе и впередъ пойдетъ такъ успѣшно, какъ оно шло въ послѣднее время, то высчитано, что черезъ 20 лѣтъ въ Черногоріи не будетъ ни одного безграмотнаго. И такъ, эта первобытная страна, съ патріархальными нравами, можетъ съ гордостью смотрѣть на великія европейскія націи, въ которыхъ, не смотря на то, что науки, искуства и литература находятся на высокой степени развитія, треть, а иногда и половина населенія совершенно безграмотна. Такъ же успѣшно разрѣшила эта маленькая страна и соціальный вопросъ. Положеніе народа представляетъ больное мѣсто во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ. Въ то время, какъ въ цивилизованной и могущественной Англіи пролетаріатъ все увеличивается, почти всѣ крестьяне лишены поземельной собственности и обращены въ батраковъ, въ патріархальной, вѣчно борящейся за свое существованіе, Черногоріи совсѣмъ не существуетъ нищенства.

Такъ же удачно устранила Черногорія и другіе общественные недуги, отъ которыхъ такъ страдаютъ другія страны: мы говоримъ о нарушеніи собственности. Въ теченіи 1859 года во всей Черногоріи было совершено не болѣе 15 кражъ, а въ 1861 года случилось всего 2 воровства, изъ которыхъ одно на сумму, равняющуюся нѣсколькимъ копѣйкамъ. Нерѣдко впродолженіи цѣлаго года во всей странѣ не происходитъ ни малѣйшаго воровства, даже на нѣсколько копѣекъ. Окна и двери во всѣхъ домахъ открыты цѣлый день, а иногда и ночью. Всѣ единодушно разсказываютъ замѣчательные примѣры честности черногорцевъ. Одинъ путешествен-

никъ думалъ поселиться въ Черногоріи на долгое время и по привычкѣ европейца устроился довольно комфортабельно въ одной изъ кучъ, перестроенныхъ для него черногорцами. Дѣла внезапно заставили его уѣхать въ Австрію. Онъ предполагалъ быть въ отлучкѣ нѣсколько дней и по обычаю черногорцевъ, оставилъ свой домъ не замкнутымъ. Обстоятельства однако сложились такъ, что дозволили путешественнику вернуться въ Черногорію не черезъ нѣсколько дней, какъ онъ предполагалъ, а только черезъ полтора года. Каково же было его изумленіе, когда онъ по возвращеніи нашелъ въ своей хижинѣ все не только въ цѣлости,. а у него оставалось не мало драгоцѣнныхъ вещей, но и въ томъ порядкѣ, какъ онъ оставилъ.

Вслѣдствіе этой честности народа, вы не встрѣтите даже въ Цетиньѣ, столицѣ страны, дома, который бы запирался на тяжелые запоры, какъ это дѣлается у насъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ даже тюрьма въ Цетиньѣ представляла простой домъ безъ запора и замковъ. Мало того, не было даже сторожей, которые присматривали бы за заключенными; тѣмъ не менѣе эта оригинальная тюрьма удерживала заключенныхъ въ ней лучше всякой другой.

Воровство считается въ Черногоріи самымъ позорнымъ преступленіемъ, и въ уголовныхъ законахъ, обнародованныхъ въ 1855 г. при князѣ Данилѣ, мы находимъ относительно него такія постановленія:

Вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, наказываютъ ударами палокъ. Похитившій оружіе получаетъ 100 палокъ; конокрадъ—50 палокъ, такое же число ударовъ похитившій жеребенка, теленка или быка; за самую незначительную кражу въ домѣ воръ получаетъ 20 ударовъ. Если черногорецъ убьетъ вора на мѣстѣ преступленія, то получитъ вознагражденіе; но всякій долженъ опасаться убить невиннаго, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ будетъ отвѣчать передъ судомъ, какъ настоящій убійца.

За кражу государственнаго провіанта и государственной казны полагается смертная казнь.

Жена, обкрадывающая своего мужа въ первый разъ, наказывается тюремнымъ заключеніемъ, а во второй разъ подвергается тѣлесному наказанію. Кромѣ того за кражу мужъ можетъ развестись съ женою, если онъ того пожелаетъ; женщина, разведенная съ мужемъ за воровство, не имѣетъ права выйти замужъ во второй разъ.

Этотъ драконовъ законъ совершенно избавилъ страну отъ воровъ. Теперешній князь Николай отмѣнилъ смертную казнь въ Черногоріи, и она присуждается только въ одномъ случаѣ: за убійство, совершенное преднамѣренно. Но во время правленія нынѣшняго князя неизвѣстно ни одного случая, гдѣ бы смертная казнь была примѣнена на дѣлѣ. Хотя такимъ образомъ за воровство въ настоящее время не подвергаютъ смертной казни, тѣмъ не менѣе это преступленіе совершенно исчезло.

Въ исправительной тюрьмѣ въ Цетиньѣ относятся къ заключеннымъ гораздо мягче, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ: днемъ ихъ заставляютъ исполнять какую-нибудь работу, къ которой они привыкли, а вечеромъ ихъ ожидаетъ такая же пища и постель, какую они имѣютъ дома. Хотя теперь при тюрьмѣ и существуетъ сторожъ, но онъ присматриваетъ за порядкомъ, а вовсе не за заключенными: онъ отлично знаетъ, что куда бы они ни вышли, они ни за что не убѣгутъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь у заключеннаго въ тюрьму отбираютъ оружіе, а черногорецъ ни за что нигдѣ не покажется безъ своего пистолета и ятагана, такъ какъ по мѣстнымъ понятіямъ это значило-бы обезчестить себя. Если заключенный убѣжитъ въ горы, его тотчасъ узнаютъ и каждый будетъ считать своею обязанностью отправить его назадъ; если же ему удастся бѣжать за границу, то его никто не преслѣдуетъ, такъ какъ онъ такимъ образомъ избавляетъ страну отъ своей личности.

Цетинье.—Внѣшній видъ города.—Княжескій дворецъ.—Нынѣшній черногорскій князь Николай.—Образъ правленія.—Сенатъ.—Тяжбы.—Жизнь цетинскихъ граждань.—Реформы послѣдняго времени.

Столица Черногоріи, Цетинье, расположена въ Цетинской долинѣ *), окруженной со всѣхъ сторонъ утесами. Цетинье не только не напоминаетъ ни одну въ мірѣ столицу, но мало походитъ даже и на городъ. Это скорѣе довольно большое село въ 60—70 домовъ, построенныхъ впрочемъ по европейски. Жителей въ столицѣ считаютъ около 800 человѣкъ. Мѣстоположеніе Цетинья въ углу долины очень невыгодно, такъ какъ оно мѣшаетъ стоку воды, которой много набирается во время таянія снѣга, лежащаго здѣсь впродолженіи трехъ зимнихъ мѣсяцевъ. Тогда жильцамъ нижнихъ этажей приходится очень плохо. Впрочемъ и въ зимнее время здѣшнимъ жителямъ бываетъ не лучше: жилища сплошь заваливаетъ снѣгомъ, а по дорогѣ всюду такіе сугробы, что къ сосѣду пробраться трудно, добывать же свѣжіе припасы въ Каттаро даже не совсѣмъ безопасно. Крыши домовъ проваливаются отъ снѣга, а то ихъ срываетъ буря, которая внезапно подымается въ это время.

Въ Цетинье 7, 8 улицъ и та изъ нихъ, что пошире, ведетъ ко дворцу князя Николая, нынѣшняго черногорскаго правителя. Княжескій дворецъ расположенъ недалеко отъ монастыря, на совершенно ровномъ мѣстѣ. Это чрезвычайно большое зданіе очень просто снаружи. Но внутри дворецъ отдѣланъ не только хорошо, но даже съ европейскою роскошью; нѣкоторыя залы украшены картинами и меблированы съ большимъ вкусомъ. Прежде черногорскіе правители жили въ монастырѣ, теперь совсѣмъ не то; нынѣшній правитель не только живетъ въ прекрасно устроенномъ дворцѣ, но и сталъ мало по малу вводить европейскую роскошь. Прежніе правители не только довольствовались скромнымъ помѣщеніемъ въ монастырѣ, но жили съ своимъ народомъ совершенно одними и тѣми же интересами, радостями и горемъ. Когда враги посягали на свободу страны, тогда народъ бросалъ свои жилища, а вмѣстѣ съ ними бросалъ свою резиденцію и ихъ правитель, который тотчасъ удалялся съ своимъ народомъ въ горы, стараясь прежде всего поддержать его собственнымъ примѣромъ. И такъ прежніе черногорскіе правители во всѣ тяжелыя минуты были всегда съ народомъ и во главѣ его боролись съ врагомъ до послѣдней крайности.

Нынѣшній князь Николай—природный черногорецъ. Въ дѣтствѣ онъ велъ жизнь, какъ всѣ черногорскіе дѣти: босой и въ одной рубахѣ онъ лазялъ по скаламъ и пасъ козъ, но когда онъ сталъ юношею, его жизнь совершенно измѣнилась. Его дядя, Данила, вступивъ въ управленіе Черногоріей, назначилъ брата своего Мирка Петровича великимъ воеводою, а его сына Николая, своего племянника, отослалъ воспитываться въ Парижъ. Тамъ князь Николай изучилъ отлично французскій языкъ, который теперь часто слышится въ комнатахъ его дворца, познакомился съ европейскою образованностію вообще, но особенно съ парижскою жизнію, привыкъ къ этой жизни, и, сдѣлавшись послѣ дяди своего черногорскимъ правителемъ, продолжаетъ, на сколько возможно, жить также и на своей родинѣ. Особенно вначалѣ это было удобно для князя Николая, такъ какъ страною онъ управлялъ больше номинально, въ дѣйствительности же всѣмъ правилъ отецъ князя, Мирко Петровичъ, недавно умершій, и большая часть дѣлъ рѣшалась подъ вліяніемъ тетки князя, вдовствующей княгини Даринки.

*) Цетинская долина имѣетъ около 13 верстъ длины и около 6—7 ширины.

Но, если вслѣдствіе своего воспитанія князь Николай и придалъ внѣшній лоскъ своему двору и сначала по молодости мало занимался дѣлами, за то теперь, особенно со смертію своего отца, онъ гораздо серьезнѣе сталъ относиться къ своимъ обязанностямъ. Къ тому же его пониманіе европейскаго образованія принесло и много пользы его странѣ. Онъ, какъ мы уже видѣли, сталъ энергично распространять образованіе между своимъ народомъ и жестоко преслѣдовалъ стародавніе обычаи, приносившіе страшный вредъ: мы говоримъ о поединкахъ и кровомщеніи, которые при немъ быстро стали исчезать.

Черногорская конституція есть родъ ограниченной монархіи, но на дѣлѣ она еще до 1879 г. весьма приближалась къ патріархальному строю. До означеннаго времени у черногорцевъ былъ сенатъ, который являлся прежде всего учрежденіемъ судебнымъ. Сенаторы назначались самимъ княземъ, при этомъ онъ болѣе всего обращалъ вниманіе на ихъ военныя заслуги. Что же касается политическихъ вопросовъ, то сенату объявлялось только рѣшеніе ихъ. На основаніи конституціи 1868 г., князь не обязанъ давать отчета въ дѣлахъ внѣшней политики. Но князь обыкновенно совѣтовался съ сенаторами о всѣхъ государственныхъ дѣлахъ.

Жалованье сенаторы получали самое ничтожное: президентъ получалъ въ годъ около 800 р. на наши деньги, вице-президентъ до 750 р., каждый изъ сенаторовъ по 375 р. Большинство этихъ сенаторовъ и ихъ семейства жили съ первобытной простотой. Президентъ жилъ въ домѣ о трехъ окнахъ, прямо противъ дворца князя; меблировка дома у него была болѣе чѣмъ скромная; жены и дочери работали на кухнѣ.

Когда случалось какое нибудь дѣло, князь тотчасъ звалъ своихъ сенаторовъ, они немедленно собирались и, если погода стояла хорошая, то, поджавъ ноги по турецки, садились на травѣ подъ старою липою; если же погода этого не позволяла, то собирались въ княжескомъ дворцѣ. Сидя такимъ образомъ подъ деревомъ, сенаторы слушали дѣла; они давали свои голоса, не выпуская изо рта своей трубки. Когда присутствовалъ самъ князь, онъ садился выше всѣхъ, подъ самой липой и одѣтъ былъ въ этихъ случаяхъ въ національномъ костюмѣ.

Судебныя дѣла велись устно и рѣшались тутъ же на мѣстѣ: рѣдко какое нибудь дѣло откладывалось до слѣдующаго собранія. Тяжущіеся или просящіе были на лицо. Они подходили къ сенаторамъ и излагали свою просьбу или жалобу. Послѣ этого князь спрашивалъ мнѣніе сенаторовъ и согласно съ этимъ постановлялъ свое рѣшеніе; затѣмъ предоставлялъ его на утвержденіе собранія. Сенаторы отлично знали взгляды князя на всѣ вопросы, подымаемые въ собраніи сената,—понятно, что они никогда не подавали мнѣнія, которое могло бы быть хоть сколько нибудь непріятно князю. За это они могли подвергнуть себя опалѣ и лишиться своего мѣста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своего маленькаго жалованья. Но, конечно, большинство дѣлъ нисколько не затрогивало интересовъ и убѣжденій князя и тогда онѣ рѣшались вполнѣ безпристрастно.

Послѣ войны 1877 года Черногорія усердно принялась за внутреннія реформы. Какъ видно изъ черногорской газеты. «Гласъ Црнгорца» реформы, главнымъ образомъ распространяются какъ на всю административную систему, такъ и на судебное вѣдомство. Мы только что говорили о томъ, что до сихъ поръ сенатъ въ Черногоріи былъ всѣмъ: и княжескимъ совѣтомъ, и высшею административною властью, и въ то же время судомъ. Теперь судебное вѣдомство предполагаютъ совсѣмъ отдѣлить отъ администраціи. Сенатъ будетъ упраздненъ, а вмѣсто него учредятъ: 1) Государственный Совѣтъ, 2) Министерство, 3) Великій Судъ. Въ Государственный Совѣтъ войдутъ министры и другія лица, по назначенію князя: онъ будетъ выработывать основные законы страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный Совѣтъ будетъ принимать просьбы и жалобы отъ народа, отъ отдѣльныхъ лицъ и общинъ и уже съ своимъ рѣшеніемъ будетъ подносить всякую такую

просьбу или жалобу князю. Министерство не будетъ составлять самостоятельнаго учрежденія, такъ какъ министры суть члены государственнаго совѣта. Великій Судъ будетъ судить преступленія, изъятыя изъ вѣденія окружныхъ судовъ, и вмѣстѣ будетъ представлять собою аппеляціонную судебную инстанцію для жалобъ на окружные суды.

Кромѣ этихъ реформъ предполагается ввести обязательное и безвозмездное первоначальное обученіе. Всѣ дѣти отъ 8-ми до 14-ти лѣтняго возраста обязаны будутъ посѣщать школы. Но всѣ эти и другія реформы будутъ стоить странѣ очень дорого, поэтому теперь князь съ своими приближенными и думаютъ: какимъ образомъ увеличить источники доходовъ княжества?

Что будетъ, когда введутъ эти реформы еще неизвѣстно, но до сихъ поръ въ отношеніяхъ между народомъ и правителемъ сохранилась таже непосредственная простота, какая была прежде. Князь, или, какъ его также называютъ, господарь Николай лично принимаетъ жалобы и просьбы всѣхъ своихъ подданныхъ. Каждый изъ нихъ можетъ придти къ нему, поговорить съ нимъ о своемъ дѣлѣ, просить его совѣта. И, нужно отдать ему справедливость, онъ чрезвычайно терпѣливо выслушиваетъ каждаго и даетъ совѣты. Послѣ обѣда и отдыха, князь одинъ, или въ обществѣ высокопоставленныхъ лицъ, верхомъ совершаетъ прогулку по Цетинской равнинѣ. Здѣсь онъ съ окружающими его лицами развлекается играми, столь любимыми всѣми черногорцами: скачками съ препятствіями и другими гимнастическими упражненіями.

Вечеромъ онъ, какъ и всѣ черногорцы, съ своими воинами и близкими сидитъ у очага, гдѣ огонь весело трещитъ, и ведетъ съ ними бесѣду запросто, по душѣ: съ одними толкуетъ о городскихъ новостяхъ, другихъ спрашиваетъ о томъ, что дѣлается въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Изъ этихъ разговоровъ онъ узнаетъ все, что касается интересовъ страны: о неурожаяхъ въ той или другой мѣстности, о доходахъ и даже о дѣлахъ, касающихся частныхъ лицъ. Самъ князь сообщаетъ окружающимъ главныя событія европейской политики, стараясь при этомъ объяснять своимъ слушателямъ, большею частью лишеннымъ научнаго образованія, ихъ значеніе и смыслъ. Если въ собраніи случится старый воинъ, онъ разсказываетъ, по просьбѣ князя, про какую-нибудь битву, въ которой принималъ участіе. Эта вечерняя бесѣда во дворцѣ князя, какъ и въ кучѣ простаго черногорца, не обходится безъ пѣвца, который подъ звуки гуслей воспѣваетъ народныхъ героевъ, погибшихъ за царя Лазаря на Косовомъ полѣ, и проклинаетъ измѣнника Бранковича.

Но какъ же живется въ Цетиньѣ? Днемъ всѣ заняты работой: кто сидитъ за прялкой или за шитьемъ, кто приготовляетъ обѣдъ, другой чиститъ ружье, собираетъ ягоды, травы. По вечерамъ, если погода хороша, всѣ выходятъ на улицу, и столица замѣтно оживляется. Кто постарше, идетъ въ корчму выпить ракіи, вина, кофе, но больше всего—чтобы потолковать. Кто помоложе, за городъ—хороводы водить.

На одной площадкѣ пляшутъ, поютъ, а на другой мужчины бѣгаютъ въ перегонки, бросаютъ большіе камни, ѣздятъ верхомъ. Иногда при этомъ бываетъ и князь. Мимо веселящихся прошелъ юноша съ книгою подъ мышкой и звучнымъ голосомъ затянулъ.

«Crná goro blagó tebi,
Kod takovih tvojih lava...
Ti si njima sladka majka,
Oni tebi čeda prava:
Ti ćeš svagda kod njih biti
Crna svojim zlotvorima,

Ali svietla kao sunce
Svim u nakrst Slavjanima!» *)

Т. е. «Счастлива ты, Черногорія, что имѣешъ такихъ львовъ! Ты для нихъ родная мать, для тебя они вѣрные сыны; съ ними ты всегда будешь черною горой для твоихъ враговъ, но свѣтлою, какъ солнце, для всѣхъ славянъ»!

---

*) Приведенное нами стихотвореніе написано латинскимъ алфавитомъ, но обыкновенно черногорцы пишутъ кириллицею (т. е. такимъ алфавитомъ, какимъ печатаются наши книги). — Авторъ этого стихотворенія Иванъ Сундечичъ извѣстный сербскій поэтъ. Онъ былъ профессоромъ въ православной семинаріи въ г. Зарѣ, редакторомъ двухъ журналовъ, и издалъ собраніе своихъ стихотвореній. Въ 1864 г. онъ переселился въ Черногорію, гдѣ встрѣтилъ самый радушный пріемъ со стороны кн. Николая, предложившаго ему мѣсто своего секретаря. Сверхъ секретарскихъ обязанностей, Сундечичу было поручено завѣдываніе мѣстной типографіей и изданіе календаря и учебниковъ для черногорскихъ школъ.

РУМЫНІЯ.

Прошлая судьба народа.—Значеніе боярства.—Покровительство Порты.—Грабежи пашей.—Назначеніе Портою господарей изъ туземныхъ бояръ.—Замѣна ихъ фанаріотами.—Послѣдствія ихъ господства въ странѣ.—Освобожденіе.—Полная свобода печати.

На пространствѣ между теченіемъ Тиссы и Днѣстра, до Карпатскихъ горъ на сѣверѣ и Дуная на югѣ, живетъ совершенно особый народъ, который называютъ румынами,—но собственно Цара-Румынеска, т. е. землею румыновъ, можно считать только соединенныя княжества Молдавіи и Валахіи. Все пространство земли отъ Тиссы до Днѣстра, въ давно прошедшія времена, носило названіе Дакіи. Въ завоевательный римскій періодъ эта Дакія была одной изъ провинцій римской имперіи.

Впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ римская Дакія не знала покоя и постоянно подвергалась наплыву то азіатскихъ полчищъ, то различныхъ славянскихъ племенъ. Эти народы попеременно изгоняли другъ друга, господствовали въ странѣ, страшно опустошали ее и послѣ себя оставляли слѣды не только въ языкѣ, но въ нравахъ, обычаяхъ, даже въ самомъ типѣ лица этого романизированнаго дакскаго населенія. Отъ постоянныхъ набѣговъ и жестокихъ преслѣдованій румыны бѣжали въ горы и оттуда сами въ свою очередь дѣлали набѣги на варваровъ. Все населеніе не могло однако удалиться въ горы и оставшіеся были покорены сначала готами, потомъ гуннами, затѣмъ славянами. Много нападали на страну также и венгры. Наконецъ въ XIII вѣкѣ румыны, отчасти перемѣшанные со славянами, своими братьями по религіи, бросили колоніи, основанныя ими въ горахъ, и подъ предводительствомъ двухъ своихъ военачальниковъ возвратились въ страну. Одинъ изъ нихъ занялъ Валахію, другой — Молдавію. Съ этихъ поръ и начинается исторія этихъ княжествъ, родныхъ по языку, богослуженію и учрежденіямъ, и весьма сходныхъ между собою своею исторической судьбою.

Обѣ страны, вслѣдствіе постоянныхъ опустошеній, представляли громадныя пустыри и безплодныя равнины. Жители вели первобытную жизнь. При первой вѣсти о

появленіи непріятеля, весь народъ стекался со всѣхъ сторонъ; посовѣтовавшись между собой, они выбирали изъ своей среды самаго храбраго и шли грудью отстаивать свою независимость. Всѣ были равны между собою; высшихъ начальниковъ надъ страною выбирали безразлично изъ людей всѣхъ классовъ: изъ бояръ, духовенства и крестьянъ.

Бояриномъ назывался у нихъ тогда каждый ведущій войну, военный; позже титулъ этотъ означалъ чинъ, пріобрѣтенный на службѣ, и исключительно принадлежалъ военному, удостоившемуся повышенія; сынъ же боярина, не выслужившій награды на войнѣ, не былъ бояриномъ. Отличіе было доступно всѣмъ, и каждый могъ до него дослужиться. Мужикъ доходилъ иногда до высшихъ степеней, а сыновья знаменитыхъ бояръ становились въ ряды простыхъ воиновъ — земледѣльцевъ. Вся занятая земля, общая всѣмъ, раздѣлена была между селеніями и каждый деревенскій житель получалъ свою часть общинной земли. Владѣніе сообща землею, равенство всѣхъ безъ исключенія членовъ общины, братскій раздѣлъ полей по числу работниковъ—вотъ какое было положеніе только-что начавшей жить Румыніи.

Только уже позже стали раздавать нѣкоторымъ лицамъ, въ видѣ награды за услуги, оказанныя отечеству, небольшія участки земли въ частную, неотъемлемую собственность.

Съ XIV века начинается вторженіе турокъ; румыны не выдержали напора сильнаго врага и сначала Валахія въ 1392 году признала ихъ покровительство, а затѣмъ, нѣсколько позже, за нею послѣдовала и Молдавія. Но эти княжества, можетъ быть вслѣдствіе того, что онѣ сами признали покровительство турокъ, сохраняли въ началѣ многія льготы. Султанъ обязался, за себя и за своихъ преемниковъ, защищать ихъ противъ враговъ, но за то удерживалъ за собою верховное право надъ страною, воеводы которой обязались платить Портѣ ежегодную подать. Турки обѣщали не вмѣшиваться во внутреннее управленіе княжествъ, и ни одинъ турокъ не долженъ былъ безъ важныхъ причинъ проживать въ странѣ. Но это сносное положеніе и мирное отношеніе къ Турціи длились не долго. Постоянныя войны сосѣдей нарушали спокойствіе румынъ, и непріятельскія войска, передвигаясь чрезъ обширныя равнины ихъ страны, жестоко ее грабили. Турція, получая аккуратно дань изъ княжествъ, совсѣмъ забыла о нихъ. Турецкіе паши, увѣренные въ безнаказанности, нападали на села, уводили скотъ и жителей и обращали ихъ въ рабство. Тяжкая жизнь настала для бѣдныхъ жителей Молдавіи и Валахіи: большая часть населенія была разорена и дошла до нищеты. Наконецъ сама Порта открыто нарушила свои условія. Вопреки статьѣ, запрещающей магометанину постоянное пребываніе въ княжествахъ, въ нихъ стали возводить турецкія крѣпости, что сильно облегчило войскамъ султана возможность постоянно нападать на народъ и еще болѣе разорять страну. Къ довершенію этихъ несчастій въ ней разгорается и раздоръ религіозный: князья и бояре подвергаются вліянію іезуитовъ, народъ отстаиваетъ свое первоначальное богослуженіе и не хочетъ признать надъ греческою церковью власть папскую.

Сверхъ того Молдавія и Валахія становятся врагами между собою и обезсиливаютъ другъ друга въ междоусобной войнѣ. Порта пользуется этой неурядицей, увеличиваетъ платимую ей княжествами дань и по своему распоряжается ихъ судьбою. Ея самоуправство доходитъ до того, что она открыто уничтожаетъ право народа, обезпеченное договорами, на самостоятельное избраніе господарей, и назначаетъ ихъ сама, по своему произволу. Тогда въ странѣ появляется масса честолюбцевъ, которые, не разбирая средствъ, другъ передъ другомъ стараются сдѣлаться господарями. Самыми безчестными средствами они наживаютъ капиталъ, безпрестанно отсылаютъ цѣнные дары въ Константинополь, другъ передъ другомъ задариваютъ султанскихъ чиновниковъ и

всѣхъ, кто можетъ имѣть вліяніе на выборъ господаря. Ясно, что, достигнувъ желаемаго, такой господарь старался не только вернуть все, что онъ истратилъ на подарки, но обогатиться какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что тысячу глазъ уже смотрятъ на него съ завистью, мѣтятъ на его мѣсто, и въ свою очередь подарками, прислуживаньемъ и лестью могли не сегодня завтра смѣнить его. Бѣдность народа въ это время возросла до ужасающихъ размѣровъ: крестьяне превратились въ совершенныхъ нищихъ; земли были окончательно разграблены и истощены. Между боярами является страшная деморализація, и въ народѣ уныніе скоро смѣняются полнѣйшимъ равнодушіемъ къ своей несчастной судьбѣ. Въ 1594 году былъ обнародованъ законъ, который закрѣпощалъ за боярами всѣхъ земледѣльцевъ, находящихся на ихъ земляхъ, и съ этихъ поръ имъ запрещено было переходить съ одной земли на другую. По этому закону укрѣплены были за боярами и тѣ земледѣльцы, которыя въ тяжкую годину испытаній жили для своей безопасности на земляхъ, прилегающихъ къ владѣніямъ сильныхъ бояръ и отъ времени до времени прибѣгали къ ихъ покровительству, но отнюдь никогда не отдавали себя въ полную ихъ зависимость. За боярами закрѣпощены были и тѣ несчастные, которые ничего не могли добыть со своихъ опустошенныхъ полей, между тѣмъ должны были прокармливать свои семьи и уплачивать громадныя налоги; поэтому они обработывали по найму земли бояръ, но все надѣялись когда-нибудь возвратиться и къ своему заброшенному полю. Теперь и они были прикрѣплены къ тѣмъ землямъ, гдѣ застало ихъ законоположеніе. Такимъ образомъ у румынъ создается крѣпостное право. Возстанія, смуты, междоусобная война со всѣми ея ужасами наполняютъ XVII столѣтіе, а Порта все болѣе пользуется внутренними раздорами, все болѣе увеличиваетъ свои притязанія.

Господари, недовольные непрочностью своего положенія, такъ сказать шаткостію своего величія, покупаемаго низкопоклонствомъ и дорогою цѣною въ Константинополѣ, рѣшились искать защиты у русскаго царя Петра Великаго, обѣщавшаго имъ признать незасимость княжествъ, если они помогутъ ему въ войнѣ съ Турціею. Хотя Порта до сихъ поръ постоянно нарушала свои договоры съ княжествами и уничтожила право избранія народомъ своихъ господарей, но, назначая господарей изъ туземныхъ бояръ, она все же хотя нѣсколько уважала древніе обычаи страны. Измѣна же послѣднихъ господарей и сношенія ихъ съ русскимъ царемъ возбудили въ Портѣ страшное негодованіе противъ княжествъ и въ отмщеніе за это она поразила несчастную, совсѣмъ истерзанную страну еще новымъ бѣдствіемъ: она стала назначать въ княжество господарей уже не изъ туземныхъ бояръ, а изъ грековъ-фанаріотовъ.

О фанаріотахъ, ихъ характерѣ, объ ихъ значеніи въ различныхъ земляхъ Балканскаго полуострова, объ ихъ хитрости и корыстолюбіи мы достаточно сообщили нашимъ читателямъ. Какъ въ Болгаріи, Босніи, Сербіи, такъ и здѣсь фанаріоты грабили послѣднее достояніе народа и развращали его. Въ княжествахъ имъ особенно легко было безчинствовать и дозволять себѣ всякое самоуправство, такъ какъ они стояли во главѣ правленія. Лишь только дѣлались они господарями, какъ тотчасъ окружали себя свитою изъ всякаго сброда, раздавали ей высшія придворныя мѣста и правительственныя должности и начинали жестоко преслѣдовать туземныхъ бояръ, обирать народъ. Тогда въ княжествахъ начинаютъ рѣдѣть ряды древнихъ потомственныхъ родовъ: одни бѣгутъ отъ угнетенія за границу, другіе уѣзжаютъ въ отдаленныя свои помѣстья; остаются только тѣ, которые легко могутъ превратиться въ льстецовъ новыхъ временщиковъ. Наступило время повсемѣстныхъ страшныхъ гоненій: съ цѣлью уничтожить всякіе проблески народной самобытности и развитія, при которомъ еще возможны возмущенія народа противъ своихъ притѣснителей, всюду закрываютъ школы, распускаютъ

народныя ополченія и замѣняютъ ихъ наемниками изъ албанцевъ и турокъ. Румынскій языкъ выводятъ насильно изъ употребленія и скоро даже названіе румына становится презрительнымъ словомъ.

Отъ времени до времени, когда фанаріоты сами чувствуютъ, что ихъ беззаконія выходятъ изъ предѣловъ и могутъ угрожать имъ внезапнымъ взрывомъ народной мести, они принимаютъ на себя личину преобразователей и защитниковъ народныхъ правъ. Такъ одинъ изъ господарей-фанаріотовъ, Константинъ Маврокордато, (въ XVIII стол.) вдругъ объявляетъ крестьянамъ, что онъ освобождаетъ ихъ изъ подъ власти бояръ. Такое вниманіе заставило народъ нѣсколько примириться съ своимъ властителемъ, но это освобожденіе было чисто внѣшнее. За небольшой безплодный участокъ земли, который имъ оставляло теперь правительство, крестьяне должны были работать на помѣщичьемъ участкѣ нѣсколько дней въ году, отдавать помѣщику десятую часть посѣва, сѣна, плодовъ и меда, собираемыхъ на своихъ участкахъ. Къ тому же, какъ ни была безплодна земля, крестьяне не смѣли покинуть ее безъ разрѣшенія правительства. Слѣдовательно, при изданіи этого новаго закона фанаріоты немного думали о крестьянинѣ, но за то они пріобрѣли право вмѣшиваться въ дѣла между помѣщиками и крестьянами, и такимъ образомъ создали для себя новый источникъ дохода. Чиновники-фанаріоты сдѣлались судьями въ спорахъ, возникавшихъ теперь между земледѣльцами и землевладѣльцами, и одинаково усердно обирали тѣхъ и другихъ. Новыхъ мнимо - освобожденныхъ крестьянъ дѣлали также крестьянами государственными и называли ихъ *скутельниками*; земли же ихъ обращали въ государственное имущество, иначе сказать въ собственность господаря; потомъ начали раздавать этихъ свободныхъ крестьянъ новосозданнымъ фанаріотами боярамъ; каждый изъ нихъ получалъ извѣстное количество душъ, обязанныхъ служить ему и состоять при немъ въ видѣ лакеевъ, или вмѣсто этого платить оброкъ.

Каждый бояринъ, смотря по классу и чину, сверхъ жалованья получалъ въ свое полное владѣніе извѣстное число душъ крестьянъ: простой бояринъ получалъ ихъ до 10 человѣкъ, а знатный множество. Всякая общественная должность давала право на полученіе скутельниковъ: при умноженіи приверженцевъ фанаріотовъ, возросло и число должностей, соразмѣрно съ этимъ должно было увеличиваться и число раздаваемыхъ такимъ образомъ крестьянъ. Всѣхъ должностей въ одной Валахіи было насчитано до 1,160. Полагая круглымъ числомъ по 50 скутельниковъ на должность, — это составитъ 58 тысячъ.

Такъ какъ трудъ скутельниковъ всецѣло принадлежалъ чиновникамъ, владѣвшимъ ими, то они и были изъяты отъ государственныхъ податей и налоговъ. Всѣ повинности обрушились на немногихъ уцѣлѣвшихъ мелкихъ собственниковъ, на жителей городовъ и крестьянъ—фермеровъ. Налоги же до того были увеличены, что большая часть жителей, не будучи въ состояніи ихъ уплачивать, бѣжала или предавалась разбою. Довольно сказать, что число людей, способныхъ къ платежу податей, за нѣсколько лѣтъ уменьшилось болѣе чѣмъ на половину. Вотъ какая свобода была дарована народу фанаріотами. Не одни господари съ приверженцами своими грабили несчастныя княжества. Порта помогала имъ и наносила странѣ ударъ за ударомъ. Она заставила жителей продавать всѣ свои сельскія произведенія назначенному отъ турецкаго правительства обществу греческихъ купцовъ. Эти купцы скупали у жителей и у владѣльцевъ сельскія произведенія по таксѣ, присылаемой изъ Константинополя, и эти же самыя произведенія продавали румынамъ въ городахъ въ три дорога; словомъ вездѣ царствовало самоуправство и полный произволъ.

Скоро однако нѣсколько улучшилась судьба несчастныхъ княжествъ. Императрица Екатерина объявляетъ войну Турціи. Румыны возстаютъ и ниспровергаютъ ненавистное

иго фанаріотовъ, и наконецъ трактатомъ въ Кайнарджи въ 1774 году возстановлены были нѣкоторыя, давно забытыя права несчастныхъ княжествъ. Однако порядокъ въ странѣ не могъ быть возстановленъ почти вплоть до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда Молдавія и Валахія окончательно соединились въ одно государство подъ властью одного князя и стали называться Молдовлахіей, или Румыніей.

До этого же времени княжества то оживали, то опять подпадали подъ иго турокъ и фанаріотовъ, то были раздираемы внутренними раздорами и неурядицами. Даже послѣ 61-года, т. е. послѣ соединенія Молдовлахіи подъ управленіемъ князя Кузы, и послѣ 66-го года, т. е. послѣ избранія нынѣшняго князя Карла I-го (изъ дома Гогенцоллернъ, изъ Пруссіи) открыто въ странѣ во всѣхъ отрасляхъ правленія множество злоупотребленій.

Судьи рѣшали процессы въ пользу того, отъ кого получали взятки, начальникъ полиціи продавалъ безопасность жителей разбойникамъ и мошенникамъ, начальникъ арміи и военный министръ пріобрѣли славу громадными кражами государственной казны; деньги, ввѣренныя разнымъ чиновникамъ и назначенныя для нуждъ населенія, были растрачены на ихъ личныя прихоти. Когда послѣ отреченія князя Кузы открыли Бухарестскую тюрьму, тамъ нашли болѣе сотни лицъ, которыхъ никто никогда не судилъ, которыя произвольно были заключены властями и томились годы безъ всякой вины, часто по одному подозрѣнію, еще чаще потому, что они не нравились властямъ; между тѣмъ какъ въ той же самой тюрьмѣ не было на лицо злѣйшихъ мошенниковъ и разбойниковъ, которые въ ней числились. Начальникъ полиціи часто выпускалъ изъ тюрьмы и самыхъ тяжкихъ преступниковъ, если получалъ за это хорошій выкупъ.

Въ 1866 году была введена конституція и главное управленіе страною сосредоточено въ рукахъ сената и палаты депутатовъ. Члены въ палату депутатовъ съ этихъ поръ выбираются всѣмъ народомъ или, лучше сказать, всѣми грамотными изъ среды его. Послѣ этого въ странѣ стала быстро развиваться общественная жизнь. Въ самый короткій промежутокъ времени народнымъ собраніемъ сдѣлано много важныхъ перемѣнъ; напомнимъ хотя наиболѣе важныя изъ нихъ: освободили крѣпостныхъ цыганъ, (законъ о надѣленіи крестьянъ землею прошелъ уже нѣсколько ранѣе, а именно въ 1864 году), уничтожили смертную казнь, отобрали земли у монастырей, начали устраивать народныя школы, дозволили частнымъ лицамъ безпрепятственно распространять просвѣщеніе, дали нѣкоторыя облегченія печати.

Но все-таки Румынія платила Турціи дань и была вассальнымъ турецкимъ княжествомъ. Но по берлинскому трактату въ 1878 году она сдѣлалась княжествомъ вполнѣ независимымъ отъ Турціи. Свобода печати въ Румыніи въ настоящее время самая образцовая и сдѣлалась въ этой странѣ такою необходимостью, что малѣйшее ея ограниченіе возбудило бы въ румынахъ взрывъ негодованія. Поэтому скажемъ нѣсколько словъ о румынской журналистикѣ.

Въ Румыніи каждый имѣетъ право издавать, что вздумается, на какомъ угодно языкѣ, съ какой угодно программой; будь авторъ иностранецъ или румынъ—никто его не тронетъ, и онъ можетъ писать въ своей газетѣ или книгѣ все, что ему вздумается. Штрафовъ и предостереженій никакихъ не существуетъ. Въ подтвержденіе этого укажемъ на фактъ, случившійся здѣсь очень недавно. Дамэ, издатель газеты «l'Orient», человѣкъ даровитый и написавшій нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ драмъ на румынскомъ языкѣ, напечаталъ статью, въ которой онъ сильно оскорбилъ членовъ правительства и самого князя Карла. Послѣдствіемъ этой статьи было то, что г-ну Дамэ предложили оставить столицу. (Впрочемъ это случилось еще до вступленія либераловъ въ управленіе дѣлами страны). Но Дамэ не нашелъ нужнымъ тотчасъ послѣдовать этому

предложенію, и если уѣхалъ изъ Бухареста на 2, 3 недѣли, то тѣмъ не менѣе совершенно смѣло послѣ этого возвратился въ столицу и сталъ въ ней жить по прежнему. Никто его не трогалъ, никто не настаивалъ на его удаленіи. Но предложеніе, сдѣланное Дамэ объ его удаленіи, возмутило всю печать; въ одной изъ газетъ появилась статья, въ которой между прочимъ было сказано слѣдующее: «если наше правительство считаетъ себя въ правѣ изгнать изъ страны человѣка, сдѣлавшаго и дѣлающаго такъ много для нашей бѣдной литературы, за то только, что онъ воспользовался свободой печати, чтобъ откровенно высказать свою мысль; если правительство мотивируетъ это изгнаніе тѣмъ, что г-нъ Дамэ иностранецъ, то мы, съ своей стороны, считаемъ себя въ правѣ указать правительству и народу на иностранца, котораго они могутъ пригласить оставить нашу страну, и который гораздо дороже обходится ей, чѣмъ г-нъ Дамэ. Иностранецъ, на котораго мы указываемъ правительству и народу,—Карлъ Гогенцоллернъ, князь Румыніи».

Изъ всѣхъ здѣшнихъ газетъ на первомъ мѣстѣ стоитъ «Румунулъ». Онъ выходитъ ежедневно, однимъ вечернимъ и однимъ утреннимъ изданіемъ, и номеръ стоитъ 20 сантимовъ (отъ 6 до 7 коп.).

Послѣ «Румунула» идетъ «Pressa» — 10 сантимовъ. За тѣмъ — «Тимпулъ» (Время)—представитель консервативной партіи, т. е. по преимуществу партіи старыхъ бояръ. Эта газета стала издаваться съ тѣхъ поръ, какъ либералы вступили въ управленіе страной; тогда консерваторы нашли нужнымъ имѣть свой органъ.

Журналистика румынская можно сказать только начинаетъ свою жизнь и потому очень понятно, что для иностранцевъ, съ давно сложившейся цивилизаціей, румынскія газеты не могутъ казаться интересными, такъ какъ по большей части содержаніе румынскихъ газетъ заимствовано изъ иностранной печати. Однако можно смѣло надѣяться, что при той свободѣ печати, которая существуетъ теперь въ Румыніи, журналистика въ скоромъ времени сдѣлаетъ большіе успѣхи.

Богатая природа страны: животныя и растенія.—Тарантулъ и саранча.—Золото.—Каменная соль.—Лѣса.—Дома.—Бѣдность домашней обстановки простолюдина.—Его пища и одежда.—Черты лица румынъ.—Языкъ.—Пѣсни.—Евреи и цыгане.—Занятія другихъ поселенцевъ.—Религія румынъ и ихъ духовенство.—Монастыри.

Когда вступаешь въ Валахію, прежде всего, что поражаетъ путешественника—громоздкіе возы, на которыхъ навалены виноградъ и громадныя бочки съ виномъ. Двѣнадцать и болѣе лошадей попарно впряжены въ узкую, длинную телѣжку съ колесами почти въ $2\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ. Самое оригинальное въ этомъ экипажѣ то, что въ немъ нѣтъ ни куска желѣза, ни одного гвоздя. Его никогда не смазываютъ дегтемъ, и можете себѣ представить скрипучую музыку, которая раздается еще издали, когда онъ несется во весь опоръ.

Грунтъ земли здѣсь состоитъ изъ морскаго ила и глины и потому дороги очень пыльны, въ сырую же погоду онѣ до того вязки, что очень часто, безъ помощи доброй дюжины лошадей, вы окончательно можете завязнуть. Сухая пыль, которая буквально захватываетъ вамъ дыханіе, а въ низкихъ мѣстахъ липкая грязь, обрызгивающая васъ съ ногъ до головы и залѣпляющая вамъ глаза, однообразный и въ то же время ужасный визгъ экипажа— все это страшно раздражаетъ нервы. Но стоитъ только осмотрѣться

кругомъ, и чудная роскошная природа вмигъ разгонитъ непріятное впечатлѣніе. По дорогѣ вы безпрестанно встрѣчаете крестьянъ въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ, которые ведутъ громадныхъ воловъ; тамъ и сямъ буйволы лежатъ въ водѣ; овцы — не меньше нашихъ телятъ; огромныя черныя собаки всюду стерегутъ тучныя стада. Особенно часто и много вамъ попадется здѣсь собакъ, и это понятно: встрѣтить волка или медвѣдя здѣсь вовсе не диво, и зимою эти животныя доходятъ до самыхъ жилищъ. Поэтому нѣсколько сильныхъ румынскихъ собакъ обыкновенно караулятъ стадо: гдѣ ихъ много, тамъ маленькій пастухъ прилежно что нибудь работаетъ, или съ прутикомъ въ рукѣ, наклонившись надъ землею, внимательно всматривается въ маленькую дырочку: онъ караулитъ тарантула (изъ породы пауковъ) и едва тотъ покажется изъ норки, какъ погибаетъ подъ ударомъ ребенка. Такое преслѣдованіе здѣсь не жестокость, такъ какъ укушеніе этого огромнаго паука иногда бываетъ смертельно. Въ южной Молдавіи и домашній паукъ довольно ядовитъ и укушеніе его производитъ значительную опухоль. Попадаются и скорпіоны, но они не имѣютъ здѣсь тропическаго характера. Въ густой травѣ, въ тростникахъ и низменныхъ мѣстахъ—пропасть всякаго рода дичи: особенно много бекасовъ, которые здѣсь очень велики, а въ южной Молдавіи на озерахъ стадами расхаживаютъ цапли и пеликаны и онѣ такъ непугливы, что, увидя проѣзжаго, только съ любопытствомъ вытягиваютъ свои шеи. О зайцахъ, кабанахъ, даже о куропаткахъ, сернахъ и говорить нечего, —все это здѣсь плодится и множится въ несмѣтномъ количествѣ.

Конечно, и здѣсь попадаются мѣстности безлѣсныя, степныя и потому весьма печальныя. Особенно въ жаркое лѣто, когда ручейки быстро высыхаютъ отъ безлѣсья, въ поляхъ вмѣсто нихъ остаются небольшія лужицы. Кругомъ тишь и гладь, на сколько можетъ видѣть глазъ, ни одного дерева на горизонтѣ, ни одного живаго существа... Однако Румынія относительно плодородія и производительности земли одна изъ богатѣйшихъ странъ въ Европѣ. И дѣйствительно, плодородіе здѣсь удивительное: здѣшняя земля не нуждается вовсе въ удобреніи, ни въ искуственномъ орошеніи, ни даже въ отдыхѣ. Одной борозды плуга достаточно для того, чтобы посѣянныя сѣмяна произвели стебли болѣе сажени вышиною. Румынія по плодородію почвы превосходитъ прекрасныя равнины Бельгіи, Пьемонта и Ломбардіи. Даже многія плодоноснѣйшія полосы Алжиріи не выдерживаютъ сравненія съ полями Дунайскихъ Княжествъ. Можно смѣло сказать, что эти поля могутъ по плодородію поспорить съ Нильской дельтой. Такое изумительное плодородіе въ пространныхъ долинахъ Румыніи объясняютъ тѣмъ, что отъ разливовъ Дуная вѣками здѣсь скоплялся илъ, отъ разложенія котораго образовался богатый черноземъ. Когда распахиваютъ эту почву въ первый разъ, ее по крайней мѣрѣ нужно три года сряду засѣвать маисомъ, чтобы этимъ хотя нѣсколько умѣрить ея производительную силу. Если же тотчасъ засѣять зерновымъ хлѣбомъ, то солома дѣлается такой рослой и тяжелой, что падаетъ на землю отъ собственной тяжести и гніетъ. Пшеница даетъ на одну мѣру болѣе 70-ти, что рѣдко даже и въ Америкѣ.

Только саранча часто губитъ здѣшнія поля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно видѣть, какъ множество людей, оцѣпивъ огромное пространство, сметаютъ саранчу въ середину, постепенно уменьшая кругъ. А въ самомъ центрѣ нѣсколько людей бичами заставляютъ лошадей скакать, топтать и мѣшать сметенныя кучи насѣкомыхъ.

А что за изумительная здѣсь растительность! Махровый макъ очень часто растетъ кустами по окраинамъ дороги; повилика обвиваетъ камыши и украшаетъ каждый сгнивающій пень; луга застланы ползучими и цвѣтущими растеніями. Только здѣшняя сочная трава и можетъ кормить этихъ громадныхъ буйволовъ и тонкорунныхъ овецъ; ихъ ростъ

и сила по всей вѣроятности находятся въ прямой зависимости отъ силы и роста растительнаго царства. Если румынская грязь липка и глубока, а пыль легка и мелка, что причиняетъ много неудобствъ, за то этотъ грунтъ даетъ безъ большаго труда всякіе плоды. Спаржа, цвѣтная капуста, горохъ, салатъ самыхъ разнообразныхъ сортовъ растутъ сами собою; дыни, арбузы, разъ они засѣяны, созрѣваютъ безъ всякаго ухода. Еловые и сосновые лѣса густо покрываютъ скалы и горныя верхушки фантастической формы; въ лѣсахъ множество грибовъ, трюфели, разныя ягоды, каштаны, яблоки, черешни, груши, грецкіе орѣхи. Въ весьма многихъ мѣстностяхъ отлично созрѣваетъ виноградъ. При домѣ даже самого несчастнаго простолюдина вы найдете прекрасный садикъ, въ которомъ множество персиковъ, абрикосовъ, фиговыхъ деревьевъ, сливы всѣхъ сортовъ, вишни, яблоки.

Многія рѣки содержатъ золотоносный песокъ, но болѣе всего этотъ металлъ находится въ пескахъ рѣки Ольтецы, на протяженіи 5-ти миль. На этомъ пространствѣ находятся богатѣйшіе золотоносные пески Валахіи: они имѣютъ черновато-красный цвѣтъ и перемѣшаны съ глиною и кварцемъ. Послѣ убыли воды, среди самаго русла рѣки, нерѣдко находятъ довольно большіе самородки золота. Есть тутъ также и мѣдь; во многихъ мѣстахъ находятъ слои каменнаго угля; часто встрѣчается ртуть, нефть, самородная сѣра, янтарь, гранаты и кромѣ всего этого много минеральныхъ водъ. Но главное ископаемое богатство Румыніи—*каменная соль*. Изъ этихъ копей ежегодно добываютъ 38 милл. киллограмовъ соли (киллограмъ равняется почти $2\frac{1}{2}$ русскимъ фунтамъ). Но разработка этихъ богатствъ до послѣдняго времени была самая ничтожная. Въ высокихъ горахъ изрѣдка встрѣчаются дѣвственныя лѣса, но въ большинствѣ случаевъ они вырублены на высотахъ, земля смыта дождями и теперь виднѣются только голыя скалы и камни. Вслѣдствіе этого жители равнинъ отапливаютъ жилища маисовыми шишками, а въ Яссахъ и Бухарестѣ платятъ за дрова чрезвычайно дорого. Едва треть черноземныхъ долинъ воздѣлана, разумныя правила сельскаго хозяйства почти неизвѣстны; еще недавно соль получалась здѣсь изъ Галиціи и Трансильваніи, тогда какъ собственныя богатыя копи были подъ рукою,—да и не могло быть иначе при чужеземномъ игѣ и внутреннихъ раздорахъ. По той же причинѣ въ Румыніи не существуетъ ни улучшенныхъ породъ скота, ни правильнаго огородничества и земледѣлія.

Богатства природы не обогатили простолюдина; послѣ долгихъ грабежей, онъ только теперь встаетъ на ноги; кромѣ того при дурныхъ румынскихъ дорогахъ ему весьма затруднительно сбывать свои селькія сбереженія.

Жилища румынъ низшаго класса еще до сихъ поръ имѣютъ весьма убогій видъ. Это ничто иное, какъ небольшія мазанки изъ ивовыхъ вѣтвей, плотно замазанныхъ въ промежуткахъ глиной, выдающаяся крыша которыхъ покрыта дранками и соломой. Однако всѣ онѣ выбѣлены мѣломъ и среди прекрасныхъ зеленыхъ и цвѣтущихъ луговъ и тучныхъ полей представляютъ прекрасный ландшафтъ, тѣмъ болѣе оживленный, что ихъ обыкновенно окружаютъ хорошенькіе садики. Вся домашняя утварь простолюдина состоитъ изъ пары котловъ, нѣсколькихъ деревянныхъ столовъ и скамеекъ. Кроватъ здѣсь большая рѣдкость: румынъ спитъ на голомъ полу, зимою завернувшись въ свой тулупъ, а въ теплыя ночи—въ верандѣ, которую образуетъ выдающаяся крыша, подпертая неотесанными столбами. Лишь въ очень немногихъ жилищахъ можно встрѣтить такую роскошь, какъ полъ; тѣмъ не менѣе народъ этотъ чрезвычайно опрятенъ, такъ что даже самые бѣдные содержатъ свои лачужки, первобытнымъ образомъ устроенныя изъ плетня и глины, въ необыкновенной чистотѣ, стараясь надушить ее каждый день ароматическими травами.

Одежда румынъ такъ же проста и несложна, какъ ихъ домашняя обстановка: необы-

кновенно огромные сапоги, изъ которыхъ въ каждомъ можно помѣстить покрайней мѣрѣ двѣ ноги, при здѣшней вязкой и топкой почвѣ, составляютъ существенную принадлежность ихъ костюма. Однако множество народа ходитъ босикомъ или носитъ нѣчто въ родѣ сандалій, привязанныхъ ремнями къ ногамъ, которыя кромѣ того еще обвиты грубою, яркихъ цвѣтовъ шерстяною матеріей. Но главная часть туалета во всѣ времена года—длинная бѣлая рубашка, края которой вышиты голубой или красной шерстью. Поверхъ рубахи—широкіе, полотняные шаровары; рубашка выпускается надъ шароварами и опоясывается кожаннымъ поясомъ, которымъ больше всего щеголяютъ здѣшніе молодцы. За поясомъ ножъ, короткая трубка, огниво, табакъ и кожанный кошелекъ.

Шаровары, рубаха, опоясанная поясомъ, да сапоги—вотъ и весь домашній нарядъ румына. Когда онъ собирается въ гости, то набрасываетъ цвѣтной камзолъ, а зимою одѣваетъ еще тулупъ, который во время дождя выворачиваетъ шерстью вверхъ, такъ какъ съ наружной стороны онъ разшитъ цвѣтными шелками. Но когда бы вы ни встрѣтили румына—въ страшный зимній холодъ или во время нестерпимой лѣтней жары, все равно прорѣха его рубахи и воротъ всегда открыты, грудь и шея всегда обнажены.

Борода у румына выбрита, вьющіеся длинныя, черныя кудри въ безпорядкѣ падаютъ по плечамъ, и высокая черная, а иногда и бѣлая конусообразная барашковая шапка довершаетъ его костюмъ. Когда онъ снимаетъ шапку, можно замѣтить, что часть его волосъ на лбу сбрита. Впрочемъ въ Румыніи очень часто можно встрѣтить мущину совсѣмъ безъ шапки.

Женщина у себя дома ходитъ босою и въ одной длинной рубашкѣ. Когда вздумается ей пойти къ сосѣдкѣ или въ поле на работу, она одѣваетъ такіе же огромные сапоги, какъ и мужчина, и свою длинную рубашку, вышитую голубой и красной шерстью или шелкомъ на груди, плечахъ и воротѣ, она подвязываетъ поясомъ, спереди и сзади котораго почти до самыхъ ногъ спускается бахрома. Этотъ оригинальный поясъ съ длинной бахрамой непремѣнно ярко краснаго цвѣта, такъ что представляетъ совершенный контрастъ съ бѣлоснѣжной рубашкой. Впрочемъ иногда вмѣсто этого пояса поверхъ рубашки женщины накладываютъ шерстяной коврикъ, крѣпко обхватывающій талію и бедра, съ красною бахрамой внизу. Этотъ нарядъ замѣняетъ имъ юбку съ тою разницею, что съ одного бока всегда остается широкая прорѣха. Но нерѣдко вмѣсто этого носятъ два передника, одинъ спереди, а другой сзади. Зимою сверху одѣваютъ еще кафтанъ съ рукавами, опушенными мѣхомъ, а то и просто полушубокъ, весьма схожій съ мужскимъ. Голову онѣ украшаютъ цвѣтами, золотыми или серебряными монетами, бусами. Лѣсныя и горныя жительницы часто носятъ бѣлыя вуали изъ полотна или шерстяной матеріи, которыя прикрѣпляютъ сзади чрезвычайно эффектно. Большинство замужнихъ женщинъ повязываетъ голову платками, разшитыми съ необыкновеннымъ искуствомъ; дѣвушки ходятъ съ открытой головой, стараясь какъ можно пестрѣе разукрасить свои волосы. На шеѣ у нихъ непремѣнно бусы или монеты, у богатыхъ жемчугъ. Къ сожалѣнію румынки, не смотря на прекрасный цвѣтъ своего лица,—бѣлятся и румянятся: этотъ обычай они заимствовали отъ славянокъ.

Главную пищу румынъ составляетъ *маисъ* (кукуруза), въ самыхъ различныхъ видахъ, всего чаще однако изъ нея дѣлаютъ густую кашу и тогда она называется *мамалыга.* Эту мамалыгу ѣдятъ съ саломъ или молокомъ, а когда она сварена ужъ черезъ чуръ густо, то ее разрѣзываютъ ножемъ и ломтики посыпаютъ *брынзой,*—сыромъ изъ овечьяго молока. Очень часто они обертываютъ кукурузныя зерна въ капустные или виноградные листья и такимъ образомъ жарятъ ихъ въ салѣ или даже въ пост-

номъ маслѣ. Румыны очень любятъ также дѣлать лепешки изъ маисовой муки, а бѣдняки, въ особенности румынскіе цыгане, недозрѣвшія маисовыя шишки просто жарятъ на угольяхъ и ѣдятъ. Хотя болѣе всего здѣшніе крестьяне употребляютъ растительную пищу, но отъ времени до времени у нихъ появляется и *баранина*: ее ѣдятъ здѣсь и вареную, и жареную, и печеную на вертелѣ и просто на угольяхъ. Въ праздникъ у зажиточнаго крестьянина можно встрѣтить четыре и пять блюдъ, и всѣ изъ баранины: супъ изъ баранины, копченые бараньи языки, рубленая баранина, запеченная въ листахъ и т. д. до безконечности.

Пьютъ также здѣсь, какъ и вездѣ на востокѣ, *шербетъ*. Виноградное вино очень дешево, такъ какъ виноградъ здѣсь растетъ во многихъ мѣстахъ, а яблоки, груши, арбузы, дыни въ изобиліи у каждаго крестьянина.

При высокомъ ростѣ румынъ, короткое платье очень идетъ къ нимъ. Черты лица правильны, нѣсколько крупныя, носъ большой, выраженіе лица задумчивое, доброе умное и открытое.

Румыны совершенно особая народность, съ своимъ особымъ языкомъ, чрезвычайно схожимъ съ латинскимъ. Что касается ихъ происхожденія, то одни утверждаютъ, что они происходятъ отъ даковъ, а другіе—отъ римлянъ. Какъ бы то ни было, но положительно извѣстно, что Дакія была колонизована римлянами, а затѣмъ страну по очереди наводняли готы, гунны, авары, болгары. Войны въ древности были страшно опустошительны, и каждый изъ народовъ, начиная господствовать въ странѣ, истреблялъ своихъ предшественниковъ; но никакое племя, какъ бы кровожадно и многочисленно оно ни было, не могло опустошить край до того, чтобы ни лѣсъ, ни горы, никакія убѣжища не укрыли жителей отъ преслѣдованія. Непремѣнно должны были уцѣлѣть остатки каждаго племени, т. е. даковъ, римлянъ, готовъ, гунновъ и др.; изъ нихъ мало по малу слагалась особая народность, разнохарактерность которой отразилась на народныхъ обычаяхъ, типахъ и языкѣ. Латинскій элементъ болѣе всего замѣтенъ въ языкѣ; впрочемъ и славянское вліяніе было не менѣе сильно, особенно въ началѣ, когда румыны даже писали кириллицею, къ которой они присоединили нѣкоторыя новыя буквы. Только въ самыя позднѣйшія времена румыны сдѣлали попытку ввести латинскую азбуку и теперь пишутъ и печатаютъ латинскими буквами. Теперь румынскій языкъ сталъ развиваться и получилъ способность выражать самыя отвлеченныя идеи; онъ сдѣлался орудіемъ краснорѣчія въ палатахъ, въ церквахъ и въ печати. Но еще 40 лѣтъ тому назадъ средства этого языка были такъ ограничены, что онъ былъ пригоденъ лишь для выраженія обыденныхъ потребностей. И не мудрено: при константинопольскихъ фанаріотахъ, подъ тяжелымъ игомъ которыхъ народъ цѣпенѣлъ 150 лѣтъ, не только изъ румынскихъ школъ, но даже и изъ церквей былъ изгнанъ румынскій языкъ и замѣненъ греческимъ. Подъ конецъ управленія фанаріотовъ народъ дошелъ до того, что не только сталъ забывать свой языкъ, но даже стыдился говорить на немъ. Народъ тогда говорилъ по-гречески, а высшіе слои общества—по французски. Нынѣ отъ послѣдняго простолюдина до перваго боярина—все заговорило на своемъ родномъ языкѣ, всѣ принялись изучать его и обработывать.

Тяжелый гнетъ, испытанный румынами, оставилъ глубокій слѣдъ въ пѣсняхъ этого народа. Народная пѣсня выражаетъ всѣ его мысли и душевныя стремленія. Она переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе прежде всего черезъ женщинъ, которыя прилаживаютъ ее ко всѣмъ обстоятельствамъ своей жизни: нѣтъ такого чувства, положенія, горя, счастья, для которыхъ бы румынка не нашла подходящей пѣсни. А если наконецъ, ея и не нашлось,—это нисколько не затруднитъ румынку! Она немедленно импровизируетъ новую пѣсню, которую часто тотчасъ сама забываетъ, а иногда ее подхваты-

ваютъ другіе, и новая пѣсня, переходя изъ устъ въ уста, дѣлается достояніемъ народа. Такимъ образомъ сборникъ произведеній народной поэзіи румынъ постоянно увеличивается.

Въ Румыніи можно встрѣтить много юношей и еще болѣе дѣвушекъ, которыя въ кругу своихъ знакомыхъ и родныхъ за свой импровизаторскій талантъ пользуются вполнѣ заслуженною славою. Мы увидимъ ниже, какъ во время вечеринокъ молодежь импровизируетъ свои пѣсни. Теперь добавимъ, что ихъ содержаніемъ служатъ не только любовь и личныя чувства, но и борьба съ турками, страданія и казнь народныхъ героевъ, разбойническія подвиги. Въ душѣ румына накопилось много горя и злобы, но, какъ у всякаго долго подавляемаго народа, онѣ перешли въ чувство покорной, тихой грусти. Оттого такъ и поражаютъ каждаго иностранца необыкновенно заунывные звуки ихъ пѣсенъ. Этимъ отчасти можно объяснить и недостатокъ воинственнаго элемента въ ихъ пѣсняхъ. Конечно, у народовъ, которые вполнѣ сложились и получили серьезное развитіе, остываютъ воинственныя стремленія, но румыны еще народъ далеко не образованный, и воинственный элементъ въ пѣсняхъ былъ бы у него только признакомъ энергіи и любви къ родинѣ. Но румынамъ не откуда было заимствовать этого воинственнаго пыла. Хотя они и вели войны, но обыкновенно такія, которыя носили характеръ личной вражды господарей къ господарямъ или къ сосѣднимъ владѣтельнымъ лицамъ. Народъ не былъ заинтересованъ въ этихъ войнахъ и народная фантазія не могла извлечь изъ нихъ ничего возвышеннаго.

Въ Румыніи живутъ самые разнообразные народы: нѣмцы, французы, армяне, венгры, сербы, болгары, греки, итальянцы, турки, но больше всего цыганъ и евреевъ. Всѣхъ жителей въ Румыніи считаютъ 5.376,000.

Евреи, которыхъ въ странѣ болѣе 200,000, занимаются ремеслами и торговлею. Они здѣсь вовсе не отличаются такою грязью и нечистоплотностью, какъ у насъ: стѣны ихъ жилищъ, точно также, какъ и у румынъ, выбѣлены, полы подмыты, посуда въ большой опрятности. Но какъ у насъ, такъ и тамъ характеръ этого народа одинъ и тотъ же: они содержатъ кабаки, даютъ деньги подъ большіе проценты, и при этомъ, каждый изъ нихъ за самое ничтожное вознагражденіе всегда готовъ принять на себя всякую унизительную должность. Когда вы увидите черную шляпу съ полями и длиннополый сюртукъ еврея, вы можете разсчитывать на всякія услуги. За нѣсколько копѣекъ онъ предоставитъ въ ваше пользованіе всѣ свои знанія, умъ, соображеніе, всѣ свои добродѣтели и пороки, свое молчаніе и краснорѣчіе, однимъ словомъ всего себя.

Цыгане въ княжествахъ были обращены въ крѣпостныхъ, но это не подавило ихъ любви къ кочевой жизни. Многіе изъ нихъ приняли наружно христіанскую вѣру, другіе—идолопоклонники, но больше всего между ними совершенно равнодушныхъ къ религіи, т. е. такихъ, которые ни во что не вѣрятъ, ничему не поклоняются. Крестятся они почти всѣ, но таинство крещенія считаютъ средствомъ получить подарокъ и поэтому часто даже крестятся по нѣскольку разъ, всегда выбирая крестныхъ родителей побогаче. Цыганъ въ Румыніи до 300,000 человѣкъ.

До 1837 года здѣшніе цыгане дѣлились на два класса: одни были рабами частныхъ лицъ, другіе—рабами государственными. Большинство государственныхъ рабовъ изъ цыганъ были рудокопами; другіе прогуливались съ ручными медвѣдями по дворамъ и питались подаяніями; нѣкоторые были кузнецами и музыкантами. Всѣ государственные рабы цыгане, чѣмъ бы они ни занимались, были обложены очень тяжелою податью.

По уничтоженіи крѣпостнаго права, крестьяне получили поземельный надѣлъ отъ $2^1/_2$ до 3-хъ десятинъ; цыгане, бывшіе также крѣпостными, были тоже освобождены

отъ крѣпостной зависимости, но они были причислены къ дворовымъ и ремесленнымъ людямъ, и на этомъ основаніи лишены поземельнаго надѣла. Какъ тогда, такъ и теперь, ихъ занятія большею частію остались тѣ же. Они и теперь столярничаютъ, слесарничаютъ, но больше всего занимаются коновальствомъ, служатъ лакеями у бояръ, промышляютъ музыкою, ворожбою и пляскою. Громадное большинство ведетъ жизнь кочевую и бродитъ по полямъ, занимаясь воровствомъ и хищничествомъ. Едва прикрытые, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, подвергаясь холоду и зною, вѣтру и дождю, они живутъ подъ открытымъ небомъ, среди полей и луговъ въ легкихъ палаткахъ. Но какъ бы ни жилъ, чѣмъ бы ни занимался этотъ необыкновенно красивый народъ съ черными, будто пережженными кудрями, съ черными огненными глазами,—въ душѣ онъ всегда поэтъ и артистъ.

Какъ людямъ неразвитымъ, или лучше сказать совсѣмъ первобытнымъ, имъ свойственны и пороки людей первобытныхъ: украсть у своего, т. е. цыгану у цыгана,—преступленіе; украсть не у цыгана—подвигъ. Но незабитые съ дѣтства, какъ евреи, изученіемъ талмуда, вѣчно въ общеніи съ природой, цыгане, если только имъ встрѣтится случай себя образовать, нерѣдко высказываютъ въ своихъ сужденіяхъ свѣтлый взглядъ на вещи. Знатные и богатые румыны не рѣдко женятся на красавицахъ цыганкахъ. Не смотря на свою привычку къ воровству, цыгане, которые нанимаются у бояръ и богатыхъ людей въ лакеи и управители, отличаются на этихъ мѣстахъ необыкновенною честностью и привязанностью къ добрымъ хозяевамъ. Цыганки берутъ мѣста нянекъ и гувернантокъ, и нерѣдко дѣвушка цыганка гораздо болѣе образована и развита, чѣмъ знатная румынка.

Цыгане, какъ мы уже сказали, вообще отличаются необыкновенной музыкальностью, но въ Румыніи, кажется, живутъ самые даровитые изъ нихъ. Музыка вполнѣ отражаетъ ихъ душевное настроеніе: живая, полная чувства, она служитъ отголоскомъ ихъ тяжелой, страннической жизни. Цыгане не знаютъ нотъ, но инстинктивно угадываютъ гармонію. Нигдѣ настоящій артистъ не будетъ такъ оцѣненъ, какъ у здѣшнихъ цыганъ: они считаютъ его за какое-то высшее существо; каждый изъ нихъ будетъ безпрестанно подходить къ нему и, низко кланяясь, цѣловать ему руку. Въ румынскихъ городахъ эти музыканты собираются цѣлыми обществами, играютъ въ публичныхъ садахъ и на балахъ и извѣстны подъ названіемъ *лаутари*. Мы объ нихъ будемъ говорить ниже, при описаніи Бухареста.

Румыны преимущественно занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ. Поселившіеся въ княжествахъ сербы—каменьщики и пастухи; болгары—садовники и колонисты въ болотистыхъ низменностяхъ; армяне занимаются торговлею и болѣе всего торгуютъ табакомъ; арнауты—продавцы льду и воды; они обыкновенно служатъ также кавасами у знатныхъ господъ и носятъ тогда живописный національный костюмъ; мадьяры ищутъ счастья въ большомъ свѣтѣ; чехи исполняютъ должность прислуги; французы занимаются всѣмъ, гдѣ нужно проявить изящество, ловкость и вкусъ; итальянцы—учителя музыки; нѣмцы—доктора, учителя, аптекаря, ремесленники; греки торгуютъ всѣмъ.

Въ Румыніи была всегда полнѣйшая религіозная терпимость, и хотя она признана парламентомъ только въ 1864 г., но въ сущности это было только подтвержденіемъ путемъ закона уже давно вкоренившагося народнаго обычая. Среди молдаванъ живетъ множество сектаторовъ; каждая секта совершенно свободно, по своимъ понятіямъ, исполняетъ свои обряды.

Въ румынскомъ обществѣ давно выработался совершенно либеральный взглядъ на бракъ: разводы между супругами совершаются безпрестанно и безъ всякихъ затрудненій.

Здѣсь совсѣмъ не рѣдкость видѣть въ обществѣ, какъ вошедшая женщина очень дружелюбно направо и налѣво подаетъ руку своимъ бывшимъ мужьямъ. Общество не порицаетъ, не клеймитъ этихъ людей, и даже не ставитъ имъ этого въ вину, а напротивъ по прежнему принимаетъ ихъ въ свою среду. Да и сами разведшіеся супруги обыкновенно расходятся совершенно хладнокровно, безъ всякой ненависти и вражды, часто оставаясь между собою въ дружескихъ отношеніяхъ.

Румыны исповѣдуютъ православную, греко-кафолическую религію. У нихъ есть свой митрополитъ и епископы. Ихъ духовенство носитъ длинные волосы, длинную бороду и длинное черное платье,—однимъ словомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, напоминаетъ наше духовенство. Прежде духовенство зависѣло отъ патріарха константинопольскаго, но правительство Кузы сдѣлало румынскую церковь самостоятельною. Обряды совершаются съ большой торжественностью, заимствованной у грековъ. Румынское духовенство находилось прежде въ большой зависимости: обработывало поля, уплачивало налоги, исполняло барщину за пользованіе землею и потому до сихъ поръ оно осталось совершенно невѣжественнымъ. Все его образованіе заключается въ знаніи грамоты, евангелія и службы.

Черное духовенство было еще менѣе образовано и развито и приносило еще менѣе пользы своему народу, такъ какъ не жило его интересами, не знало страны и только непроизводительно поглощало громадныя богатства, накопившіяся въ монастырскихъ стѣнахъ.

Множество монастырей существовали въ Румыніи еще издавна и принадлежали къ самымъ богатѣйшимъ въ Европѣ. Большинство изъ нихъ устроено было на пожертвованія бояръ, которые, умирая, часто завѣщали свои имущества монастырямъ. Нѣкоторые оговаривали въ своихъ завѣщаніяхъ, чтобы монастыри, на которые они жертвовали, удовлетворивъ мѣстнымъ нуждамъ, ежегодно посылали подарки греческимъ монастырямъ на Афонѣ, въ Александріи, въ Іерусалимѣ и монахамъ константинопольскимъ. Постепенно однако греческіе монахи, вмѣсто того, чтобы согласно завѣщанію получать опредѣленные подарки, овладѣли всѣми доходами этихъ монастырей при помощи фанаріотскихъ господарей. Такимъ образомъ здѣсь еще недавно существовали монастыри двухъ родовъ: 1) такъ называемые *національные*, доходы которыхъ употреблялись внутри страны: на пріемъ странниковъ, иногда и на школы, но, конечно, больше на удовлетвореніе нуждъ монастырскихъ; 2) такъ называемые *посвященные*, доходы которыхъ употреблялись уже исключительно внѣ страны, или шли греческимъ монахамъ разныхъ странъ, которые подъ конецъ даже держали въ нихъ своихъ игуменовъ. Считаютъ, что до 4 милл. руб. ежегодно уходило изъ княжествъ на греческихъ монаховъ и такимъ образомъ ежегодно истощались общественныя богатства.

Общественное мнѣніе громко возставало противъ этихъ растратъ, совершенно противныхъ волѣ завѣщателей, и много разъ пытались ихъ уничтожить; но греческіе монахи ссылались на давность владѣнія и пользовались поддержкою въ Константинополѣ. Наконецъ уже въ 1863 г. законодательное собраніе обратило эти посвященные монастыри въ собственность государства со всѣми ихъ громадными владѣніями и помѣстьями.

Національные монастыри продолжаютъ владѣть своими имуществами и занимаютъ огромное пространство. Монастырскія владѣнія занимали $^3/_5$ части всей территоріи; изъ нихъ $^2/_5$ и теперь принадлежатъ національнымъ монастырямъ, а $^1/_5$ (посвященные монастыри) сдѣлались теперь государственною собственностью.

БУХАРЕСТЪ.

Видъ столицы съ высотъ Котроценскаго монастыря.—Климатъ страны.—Землетрясенія.—Внѣшній видъ улицъ.—Недостатокъ воды.—Что представлялъ этотъ городъ 40 лѣтъ тому назадъ и чѣмъ онъ сталъ теперь.—Подемогошу—главная улица столицы.—Цисмеджу.—Лаутари.

Если посмотрѣть на Бухарестъ издали, съ высотъ Котроценскаго монастыря (лѣтнее мѣстопребываніе румынскаго князя, въ получасовомъ разстояніи отъ Бухареста),—онъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Красные лучи солнца играютъ на металлическихъ куполахъ и крестахъ нѣсколькихъ сотенъ православныхъ церквей и превращаютъ ихъ въ золото и серебро. Подлѣ нихъ возвышаются развалины монастырей самыхъ причудливыхъ формъ. Всюду бѣлые, чистенькіе домики съ плоскими крышами и между ними роскошные дворцы въ чисто-европейскомъ вкусѣ. Всѣ промежутки между блестящими церквами, дворцами, маленькими домиками и развалинами монастырей—покрыты зеленью, и городъ буквально утопаетъ въ садахъ и въ изящныхъ цвѣтникахъ. Дворцы бояръ и большая часть домовъ византійско-турецкой архитектуры.

Однако видъ города съ террасы Котроценскаго монастыря обманчивъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени. Всѣ путешественники, которые посѣщали Бухарестъ, единогласно утверждаютъ, что онъ прежде всего поражаетъ своими контрастами. Великолѣпные дворцы тутъ всюду бокъ о бокъ съ жалкими первобытными плетнями; богатые, по послѣдней парижской модѣ одѣтые франты на каждомъ шагу встрѣчаются вамъ бокъ о бокъ съ людьми, прикрытыми рубищемъ. Противоположности и въ самой температурѣ: тутъ то африканскіе жары, то сибирскіе холода. Холодные, леденящія сѣверо-восточные вѣтры проникаютъ въ страну безъ всякой помѣхи и приносятъ ей страшные холода, морозы и снѣгъ; но такъ какъ Бухарестъ лежитъ подъ тѣми же градусами широты, какъ Кавказъ, Крымъ, Равенна, Болонья, то лѣто здѣсь бываетъ такое же теплое и жаркое, какъ въ Италіи и въ другихъ южныхъ мѣстностяхъ.

Осень и весна такъ коротки, что здѣсь чаще бываетъ два времени года, чѣмъ четыре: слишкомъ жаркое лѣто и слишкомъ холодная зима. Въ Іюлѣ и Августѣ Бухарестъ становится положительно невыносимъ, и всѣ бѣгутъ изъ него при малѣйшей возможности: васъ не освѣжитъ здѣсь прохладный морской вѣтеръ, который умѣряетъ зной въ Константинополѣ, и лѣтомъ господствуетъ почти тропическій жаръ. Жители въ такое время ходятъ совсѣмъ на легкѣ; простой народъ въ одной рубашкѣ, ребята бѣгаютъ почти голыми, а высшіе классы общества носятъ бѣлое платье изъ голландскаго полотна или кисеи. Въ самомъ воздухѣ, не смотря на богатство растительности и роскошь цвѣтовъ, никогда не бываетъ такой ароматической свѣжести, которою мы привыкли наслаждаться почти вездѣ на югѣ, и особенно въ то время, когда трава скошена и сохнетъ на лугу. Это происходитъ оттого, что самыя растенія не издаютъ такого бальзамическаго запаха, какъ у насъ. Тутъ всегда пыль; она носится въ воздухѣ, и ее невольно вдыхаютъ легкія, а посреди дня, когда зной дѣлается уже совсѣмъ невыносимъ, для непривычной груди нечѣмъ дышать. Вредные міазмы, которыми пропитанъ воздухъ, гибельно дѣйствуютъ на организмъ, ослабленный изнуряющей жарой. При этомъ температура подвержена частымъ перемѣнамъ. За минуту небо чудной синевы и чистоты мгновенно покрывается темными облаками, а черезъ минуту мелькаетъ молнія, гремитъ громъ. Эти грозы лѣтомъ бываютъ часто и ихъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ жители, чтобы освѣжиться хотя на минуту. Впрочемъ гроза часто здѣсь

разражается страшной бурей, предвѣстникомъ которой обыкновенно служитъ внезапный порывъ холоднаго вѣтра; затѣмъ подымается пыль мрачными, черными тучами, сверкаетъ молнія, удары грома все учащаются.

Всѣ перемѣны въ атмосферическихъ явленіяхъ происходятъ съ необыкновенной быстротой: весна настаетъ скоро и часто совершенно неожиданно; весенній разливъ иногда сопровождается ужасными наводненіями.

Какъ ни коротка здѣшняя осень, но это самое пріятное время года. Иногда, впрочемъ, она бываетъ болѣе продолжительна, напр. въ 1872 г. съ 1-го Сентября до половины Ноября стояла восхитительная погода, такъ что многія плодовыя деревья опять стали цвѣсти и на нихъ вторично выросли плоды; но это случается здѣсь очень рѣдко.

Настоящая зима наступаетъ во 2-й половинѣ Ноября, когда начинаютъ дуть сѣверо-восточные вѣтры и снѣгъ выпадетъ въ громадномъ количествѣ. Снѣжные бураны не всегда безопасны въ глухихъ мѣстностяхъ: жители невыразимо страдаютъ отъ холодовъ и сугробовъ, которые имъ иногда совсѣмъ не даютъ возможности въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ оставлять свои жилища. Въ 1875 г. множество людей было застигнуто бураномъ на полѣ, и всѣ они буквально замерзли подъ снѣгомъ; кромѣ того иногда въ это время стаи волковъ рыскаютъ по всѣмъ дорогамъ и даже, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, напали на Бухарестъ. Однако снѣгъ держится не долѣе Марта, а затѣмъ онъ начинаетъ медленно таять, потому что морозы еще продолжаются по ночамъ въ теченіе двухъ, трехъ недѣль. Иногда же все происходитъ наоборотъ. Въ погодѣ замѣчается рѣзкій переходъ къ теплу и оттепель продолжается ночью. На улицахъ и дорогахъ тогда разливаются цѣлыя рѣки и, въ такое время, часто нѣтъ никакой возможности выходить пѣшкомъ цѣлыми днями. Но весна, какъ мы уже говорили, очень коротка и быстро наступаютъ жары, такъ что вы не успѣете опомниться, какъ уже зимніе морозы смѣнились лѣтнею пылью, засухой и удушливымъ зноемъ.

Иногда вдругъ, во время совершеннаго покоя и тихаго, прекраснаго лѣтняго дня, раздаются подземные удары, которые становятся все чаще и чаще и начинается землетрясеніе, часто чрезвычайно опустошительное. Еще многіе помнятъ землетрясеніе 1838 г., угрожавшее совершеннымъ разрушеніемъ всему Бухаресту. Оно происходило вечеромъ: весь городъ вдругъ поколебался; самыя прочныя зданія начали качаться изъ стороны въ сторону; многіе дома обрушились и не осталось ни одного неповрежденнаго. При этомъ погибло множество людей.

Теперь ознакомимся съ особенностями здѣшней жизни. Мы встрѣтимъ тѣ же противоположности и въ Котроценскомъ монастырѣ. Между старыми монастырскими зданіями раскинулся большой пустынный дворъ, который никто не потрудился даже уравнять. Посреди двора разложены костры, у которыхъ грѣются жалкія, полунагія существа, едва прикрытыя рубищемъ. Цыганскій таборъ на дворѣ лѣтней резиденціи—какое смѣшеніе крайностей, непонятное для европейца! Тамъ и сямъ нѣсколько некрасивыхъ зданій и старыхъ церквей, въ одномъ углу остроконечная цыганская палатка, въ родѣ арабскихъ, какія бываютъ въ Африкѣ, и громадная, высокая стѣна, окружающая весь дворъ.

За монастыремъ скоро начинается предмѣстье Бухареста, но какое предмѣстье! Ни проходу, ни проѣзду почти нѣтъ: только здѣшніе фіакры могутъ не ломаться по глубокимъ рытвинамъ такой дороги! Улицы расположены безъ всякой симметріи. Лѣтомъ онѣ покрыты облаками раскаленной пыли, зимой представляютъ вязкое болото. Къ счастью тутъ и тамъ по этимъ улицамъ разбросаны большіе камни, и пѣшеходы, какъ хорошіе гимнасты, ловко перепрыгиваютъ съ камня на камень черезъ лужи и глыбы.

*

Вездѣ въ безпорядкѣ разбросаны убогія лачуги, бѣднѣйшія изъ всѣхъ европейскихъ жилищъ; такъ какъ жилища эти необыкновенно малы, то всѣ ихъ обитатели сидятъ каждый за своимъ ремесломъ у растворенной двери избы, и на улицѣ идетъ ужасный шумъ отъ множества кузницъ, слесаренъ и иныхъ мастерскихъ. Нѣсколько шаговъ дальше, и предмѣстье обрывается у великолѣпнаго сада, въ которомъ гуляетъ до такой степени разряженная публика, что туристъ легко могъ бы вообразить себя въ какомъ нибудь модномъ парижскомъ скверѣ, если бы восточныя одежды армянъ и турокъ и оригинальные звуки цыганскаго оркестра, играющаго въ саду, не напоминали ему о востокѣ. Впрочемъ иллюзія совершенно исчезаетъ, когда вы выходите на какую нибудь улицу. На нѣкоторыхъ площадяхъ и улицахъ столицы еще и теперь можно встрѣтить вонючія лужи и кучи грязи. Ихъ очищаютъ лишь отчасти, и трудно себѣ представить, какое множество нечистотъ скопилось здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Румыны обыкновенно хвалятъ нынѣшнее городское управленіе за то, что оно заботится о хорошихъ дорогахъ и улицахъ. Но европейскій путешественникъ всю заботу правительства объ этомъ видитъ только въ томъ, что каждый день несчастные извощики сбрасываютъ на жалкія телѣги жидкую грязь самой крошечной лопаточкой, которою у насъ развѣ играютъ дѣти. Эти бѣдняки добросовѣстно исполняютъ свою работу, но грязь со всѣхъ сторонъ вытекаетъ изъ щелей и дырьевъ коекъ, тутъ же на мѣстѣ или во время пути. Однимъ словомъ здѣсь какъ будто открыли способъ перемѣщать грязь, но отнюдь не вывозить ее. Множество экипажей загромождаютъ обыкновенно всѣ улицы и площади, и каждый выходящій изъ дому тотчасъ бросается къ нимъ. Люди же небогатые, работники, слуги и вообще низшій классъ—принуждены ходить пѣшкомъ, и потому, какъ женщины, такъ и мужчины большею частію ходятъ здѣсь въ огромныхъ высокихъ сапогахъ.

Кромѣ грязи и нечистоты на многихъ улицахъ, другая печальная сторона румынской столицы—недостатокъ хорошей воды. Хотя рѣка Домбровица раздѣляетъ городъ почти на двѣ равныя половины, но трудно найти гдѣ-нибудь воду болѣе дурнаго качества: пить ее рѣшительно невозможно, не очистивъ предварительно, и даже купаются въ ней только тѣ, кто не имѣетъ средствъ заплатить ни за какое другое купанье. Самый ощутительный недостатокъ въ Бухарестѣ—это недостатокъ воды, годной для питья; за нее платятъ здѣсь очень дорого. Маленькій боченокъ очищенной воды стоитъ около 20 к. на наши деньги, а иногда доходитъ и до 35 коп. Дороговизна воды тяжелымъ бременемъ ложится на народъ особенно здѣсь, гдѣ ее нужно болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, такъ какъ лѣтомъ въ Бухарестѣ и его окрестностяхъ царствуетъ страшная жара и невыносимая пыль. Вслѣдствіе недостатка воды на всѣхъ улицахъ раздаются заунывные крики продавцевъ воды.

Теперь главная улица, Подемогошу, вымощена и имѣетъ хотя узкіе, но хорошіе тротуары, но еще лѣтъ 30 тому назадъ на ней стояло только нѣсколько грязныхъ сараевъ и посреди ихъ боярскіе дома, передъ которыми грязь лежала такъ высоко, что, подъѣзжая къ сосѣду, бояринъ приказывалъ своимъ слугамъ выносить себя изъ кареты или подъѣзжалъ верхомъ, а о мостовой тогда здѣсь не могло быть и рѣчи. Для пѣшеходовъ были положены балки и настланы доски; подъ ними собиралась всякая нечистота и гнила палая скотина, такъ что воздухъ былъ постоянно зараженъ міазмами. Бояре не обращали на это вниманія, такъ какъ у нихъ были экипажи и лошади, а въ жаркое время года, когда распространялись заразительныя болѣзни, они переѣзжали въ семействами въ Седмиградію. Нынче улица Подемогошу имѣетъ европейскій характеръ: по сторонамъ ея вы видите многоэтажные дома, въ нижнихъ этажахъ которыхъ часто находятся блестящіе лавки и магазины.

Пространство, занимаемое Бухарестомъ, пожалуй будетъ вдвое болѣе Берлина и въ

чертѣ его могли бы помѣститься болѣе милліона жителей, между тѣмъ ихъ тамъ считаютъ только до 200,000.

Исключая двухъ улицъ, гдѣ дома тѣсно стоятъ одинъ подлѣ другаго, жилища въ Бухарестѣ страшно разбросаны и въ одиночку стоятъ между дворами, сараями и боярскими палатами. Такимъ образомъ пропадаетъ до $^9/_{10}$ пространства, занимаемаго столицею. Здѣсь каждое семейство имѣетъ свой домъ, даже самые бѣдные люди не нанимаютъ квартиръ, а живутъ въ собственномъ домикѣ. Исключить слѣдуетъ только кучу нищихъ и праздныхъ цыганъ, которые тамъ и сямъ пріютились въ оставленныхъ погребахъ, грязныхъ чуланахъ и тому подобныхъ убѣжищахъ, куда проникаетъ только полиція, чтобы отыскивать преступниковъ. Прежде всѣ дома въ Бухарестѣ были одноэтажные; это происходило отъ страха передъ землетрясеніями, довольно частыми въ Придунайскихъ земляхъ. За послѣднее десятилѣтіе эти опасенія уменьшились и теперь въ центрѣ города можно видѣть множество многоэтажныхъ домовъ, съ желѣзными балконами, съ зелеными оконными жалюзи, съ дверями, украшенными позолотой, съ прелестными палисадниками,—однимъ словомъ дома, какихъ много видишь въ Парижѣ и Лондонѣ. Но къ желѣзной прекрасной рѣшоткѣ цвѣтника примыкаетъ обыкновенно пустая площадь съ обломками и мусоромъ,—это остатки разрушенныхъ монастырей. Нужно замѣтить однако, что улицы въ настоящее время, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе модныхъ кварталахъ, прекрасно освѣщены газомъ.

Къ характеристикѣ этого города можно отнести также множество церквей,—ихъ насчитываютъ здѣсь до двухсотъ. При каждой изъ нихъ — кладбище, а дома духовенства расположены за оградой. Они представляютъ собою нѣсколько коттеджей, примыкающихъ другъ къ другу и занятыхъ священниками, ихъ женами и семьями. Нѣкоторыя, наиболѣе старыя, кладбища походятъ на настоящія крѣпости, съ высокими толстѣйшими стѣнами и крѣпкими воротами, съ желѣзными запорами. Въ былыя времена, когда городъ подвергался нападеніямъ непріятеля, жители близьлежащихъ домовъ выселялись сюда при малѣйшей тревогѣ.

Проходя ночью по кладбищу, вы нерѣдко замѣчаете горящія лампады на могилахъ, пироги и разныя кушанья. Лампады ставятъ для защиты отъ злыхъ духовъ, а пищу приносятъ съ цѣлью накормить голодную душу умершаго.

Лѣтомъ Бухарестъ является въ самомъ благопріятномъ видѣ. Множество деревьевъ вдругъ распускаются послѣ долгой спячки и прячутъ подъ зеленою листвою грязь, несчастныя жилища и старые уродливые палисадники. Тогда Бухарестъ дѣйствительно представляется чуднымъ, роскошнымъ оазисомъ среди безконечныхъ пустынь и ровныхъ полей, совсѣмъ выжженныхъ солнцемъ.

Минутами даже, особенно когда вы обращаетесь къ сѣверу, вамъ кажется, что вы видите передъ собою миражъ, но это дѣйствительность—садъ Цисмеджу. На мѣстѣ непроходимаго болота, кучъ мусора и помойныхъ ямъ, которыя были здѣсь прежде, устроенъ прелестный садъ съ самою роскошною растительностью, съ самыми прихотливыми прудами. Болото уступило мѣсто зеленой муравѣ, красивымъ дорожкамъ и аллеямъ, обсаженнымъ рѣдкими деревьями; всюду множество куртинокъ съ роскошными цвѣтами, лабиринтовъ, гдѣ кустарники разсажены такимъ образомъ, что они образуютъ запутанные ходы, фантастическіе гроты изъ раковинъ, скамейки всевозможныхъ формъ, наконецъ кофейни и элегантные павильоны, гдѣ по вечерамъ раздаются звуки оркестра лаутари, — вотъ какова обстановка Цисмеджу. Днемъ собирается сюда многочисленная публика, чтобы укрыться отъ палящихъ солнечныхъ лучей, а вечеромъ чтобы послушать музыку. Всѣ сословныя отличія здѣсь исчезаютъ. Бѣлая фустанелла грека видна наряду съ тяжелымъ шелковымъ платьемъ

богатой еврейки и красивымъ мундиромъ военнаго; черное платье священника—подлѣ пестрой одежды армянина и темнаго платья европейца. По всему саду раздается цыганская музыка лаутари.

Лаутари, имя которыхъ происходитъ отъ «лаута», струннаго инструмента, похожаго на нашу гитару, — истинные представители румынской музыки. Нѣкоторые изъ ихъ напѣвовъ и сочиненій имѣютъ въ высшей степени странное выраженіе и напоминаютъ, быть можетъ, первыя пѣсни, раздававшіяся на берегахъ Ганга, откуда происходятъ цыгане. Лаутари не знаютъ писанныхъ нотъ,—весь ихъ репертуаръ въ памяти. Пѣть и играть они начинаютъ съ самаго ранняго дѣтства. Въ 4 года цыганскій мальчикъ беретъ уже въ руки флейту, потомъ лауту и наконецъ скрипку. Отецъ не смотритъ на страсть сына къ инструменту, какъ на дѣтскую забаву,—напротивъ онъ серьезно руководитъ первыми упражненіями ребенка. Конечно, онъ учитъ по слуху, но съ необыкновеннымъ тактомъ умѣетъ заставить сына вслушаться въ только что сыгранный мотивъ; при природныхъ дарованіяхъ ребенка, это необыкновенно развиваетъ его музыкальную память, способность къ импровизаціи и умѣнье схватывать на лету все слышанное.

Общество иностранныхъ артистовъ, посѣтившее однажды Бухарестъ, пригласило къ себѣ одного лаутари, наиболѣе славившагося своимъ искуствомъ. Все, что при немъ играли на фортепіано, онъ съ совершенною точностію и быстротой тотчасъ повторялъ на своемъ инструментѣ, какъ будто онъ раньше разучивалъ пьесу тоже по нотамъ. Наконецъ артисты просили его аккомпанировать имъ на своемъ инструментѣ неизвѣстную ему увертюру, которую онъ передъ этимъ даже ни разу не прослушалъ. И лаутари такъ ловко аккомпанировалъ, что привелъ всѣхъ въ совершенное изумленіе.

Оркестръ лаутари всегда состоитъ изъ маленькой флейты, двухъ скрипокъ и 4-хъ лаутъ. Во всѣхъ большихъ румынскихъ городахъ находится одно или нѣсколько семействъ лаутари, которыя даютъ концерты въ кофейняхъ и играютъ на балахъ. Больше всего ихъ находится въ Бухарестѣ, гдѣ ихъ насчитываютъ до 500 человѣкъ. Они дѣлаютъ большія путешествія, переходятъ Дунай и Карпаты, но никогда не смѣшиваются ни съ румынами, ни съ какимъ другимъ племенемъ. Они никогда не унижаются такъ, какъ ихъ остальные собратья, развѣ только воздаютъ поклоненіе и особенное уваженіе лучшему артисту изъ своей среды,—передъ всѣми остальными они держатъ себя гордо и независимо. Ихъ прекрасныя и выразительныя лица бываютъ особенно хороши, когда они играютъ и глаза ихъ блестятъ вдохновеніемъ.

Къ характеристикѣ Бухареста необходимо прибавить, что этотъ огромный городъ выстроенъ чрезвычайно безпорядочно: въ немъ нѣтъ иногда даже самыхъ простыхъ удобствъ, какія найдемъ въ небольшихъ европейскихъ городахъ. Но не будешь требовательнымъ, когда вспомнишь, что еще 40 лѣтъ тому назадъ посреди румынской столицы было обширное болото, заросшее густымъ кустарникомъ, въ которомъ по ночамъ сходились стада волковъ. Неподалеку стояла бѣдная, одинокая хижина, хозяинъ которой занимался извозомъ. Въ одну ночь голодные волки напали на хижину и перерѣзали всѣхъ лошадей бѣдняка. Теперь на мѣстѣ болота роскошный садъ, на мѣстѣ же извощичьяго двора изящное зданіе театра, въ которомъ раздаются звуки итальянской музыки. Нужно замѣтить однако, что въ этомъ театрѣ превосходно выполняютъ французскія драмы и водевили, нѣмецкія и итальянскія оперы, а народная и національная драма и музыка совершенно заброшены.

На улицѣ, въ паркѣ, въ театрѣ всюду бросается въ глаза баснословная роскошь туалетовъ: какъ карточная игра у мужчинъ, такъ и любовь къ нарядамъ у женщинъ стали здѣсь неудержимою страстью. Вѣчное стремленіе къ эффекту, къ роскошной ев-

В. Васильевъ

ропейской обстановкѣ замѣтны въ домашней жизни всего зажиточнаго класса бухарестскаго населенія. Всевозможныя затѣи утонченной западной жизни скопированы здѣсь до мельчайшихъ подробностей. Но гдѣ бы вы ни были, куда бы ни шли, грязная обстановка и нищета безпрестанно напоминаютъ вамъ о востокѣ. Вы только что вышли изъ комфортабельнаго, уютнаго дома, какой только найдете у высокопоставленныхъ европейскихъ лицъ; нога ваша, подъ звуки военнаго оркестра, только что скользила по гладкому паркету, какъ вдругъ вы очутились въ узкой, грязной улицѣ, изрѣзанной глубокими колеями. Не успѣли сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ вы натыкаетесь на уголъ обрушившейся и неразобранной стѣны, а тутъ сгнившія и обвалившіяся доски деревянныхъ мостковъ. . . Кругомъ темнота, лишь изрѣдка прерываемая слабымъ мерцаніемъ фонарей. Но вотъ вы завернули за уголъ, и вамъ въ глаза сразу бросился свѣтъ блестящихъ огней. Тутъ же, на сырой землѣ, спятъ какіе-то нищіе, а рядомъ стоитъ великолѣпный палаццо, гдѣ рѣкой льется шампанское, гдѣ общество бѣшено вальсируетъ, шутитъ и смѣется, гдѣ ставятся на карту тысячи дукатовъ. «Я видѣлъ», говоритъ одинъ писатель, «и Лондонъ, и Парижъ, и Неаполь, но нигдѣ не видалъ я такого контраста нищеты съ безумною роскошью, такъ тѣсно одна около другой, какъ въ Бухарестѣ».

Бояре: ихъ дворцы и жизнь.—Среднее сословіе.—Казино и его значеніе.—Мнимая смерть.—Школьное дѣло.—Положеніе румынскаго народа, его жизнь, суевѣрія и занятія.—Румынка.—Ея положеніе въ семьѣ. — Удовольствія молодежи.—Занятія народа: земледѣліе, скотоводство, рыбный промыселъ, добываніе петролеума.

Намъ уже много разъ пришлось упомянуть, что въ Бухарестѣ, посреди убогихъ жилищъ, сплошь и рядомъ стоятъ настоящіе дворцы. И это встрѣчается не только въ Бухарестѣ, но во всѣхъ румынскихъ городахъ. Что же это за дворцы, почему здѣсь ихъ такъ много? что дѣлаютъ ихъ обитатели? какое ихъ общественное значеніе въ прошломъ и въ настоящемъ? Вотъ вопросы, на которые необходимо намъ теперь отвѣтить.

Слово бояринъ означало прежде «человѣкъ войны». Этимъ титуломъ, пріобрѣтаемымъ на полѣ битвы, часто гордился и скромный земледѣлецъ, первый всегда подавая примѣръ къ самоотверженію. Теперь напротивъ бояре не несутъ воинской повинности и, владѣя самыми большими участками земли и всѣми богатствами края, избавлены отъ всѣхъ податей и повинностей. Однако дворянство, или здѣшнее боярство, и теперь не наслѣдственно. Сынъ боярина еще считается бояриномъ, но и онъ обязанъ служить, внукъ же его, если не занимаетъ никакой общественной должности, не несетъ никакой гражданской службы, уже перестаетъ быть бояриномъ. Бояре поэтому изъ силъ выбиваются, чтобы опредѣлить дѣтей на службу, т. е. упрочить за ними боярство. Бояре, начинающіе приходить въ бѣдность, постепенно нисходятъ въ низшіе кружки чиновничества и остаются въ нихъ до тѣхъ поръ, пока хватитъ средствъ остаться на службѣ, т. е. пока не обнищаютъ совершенно; тогда они переходятъ въ классъ мелкихъ собственниковъ. Здѣшніе бояре даже и теперь далеко не всѣ румынскаго происхожденія: множество татарскихъ, венгерскихъ и греческихъ родовъ смѣшалось съ чисто-румынскимъ дворянствомъ. Но болѣе всего между ними грековъ. Вотъ какъ и теперь еще нѣ-

которые изъ нихъ получаютъ свое боярство; бѣдный, оборванный грекъ кое-какъ приплелся въ Румынію; онъ смотритъ на нее, какъ на золотое дно, какъ на мѣсто, гдѣ онъ можетъ пріобрѣсти почести и богатство, о которыхъ онъ не смѣлъ и мечтать на своей родинѣ. Ничего не имѣя въ данную минуту, не зная ни мѣстнаго языка, ни нравовъ и обычаевъ жителей, оборвышъ грекъ обыкновенно отыскиваетъ своихъ земляковъ, и тѣ опредѣляютъ его дворникомъ, лакеемъ или разсыльнымъ къ своему же соотечественнику, боярину. У бояръ всегда цѣлая свора прислуги и бояринъ грекъ всегда отдаетъ предпочтеніе земляку: онъ дѣлаетъ пришельца надсмотрщикомъ надъ остальною прислугою. Грекъ новичекъ старается всѣми силами: работаетъ, доноситъ на прислугу, сдираетъ съ нея взятки, пуще своего глаза бережетъ жалованье, которое получаетъ отъ своего хозяина. Глядишь, въ нѣсколько лѣтъ онъ скопилъ небольшой капиталецъ, отлично познакомился съ жителями, выучился языку и тогда раскланивается съ хозяиномъ и беретъ въ аренду кабакъ. Торговля служитъ основаніемъ его будущаго могущества: къ этому занятію онъ необыкновенно способенъ. Онъ отлично умѣетъ пользоваться всякими обстоятельствами: неразвитостью народа, его простотой и добродушіемъ, и всѣми правдами и неправдами выжимаетъ изъ него сокъ, на сколько хватаетъ силы. Скоро онъ накопитъ столько, что беретъ въ аренду землю той деревни, въ которой онъ продавалъ водку и которую отлично изучилъ. Онъ еще раньше этого устроилъ дѣла такъ, что всѣ крестьяне его должники, и теперь онъ заставляетъ ихъ за кабачные долги обработывать землю. Крестьяне такимъ образомъ барщиной платятъ за эти долги, но грекъ такъ мало цѣнитъ ихъ трудъ, что имъ едва приходится отработать проценты, а долгъ все останется непогашеннымъ, такъ что имъ вѣчно приходится работать только за проценты. Нерѣдко эти долги доходятъ до того, что крестьянинъ наконецъ теряетъ возможность уплатить ихъ работой всей жизни. Между тѣмъ какъ простой народъ погрязаетъ въ долгахъ, имѣніе грека все растетъ и растетъ. Затѣмъ онъ покупаетъ помѣстье, пріобрѣтаетъ должность въ государствѣ и боярствуетъ. Достигнувши боярства, грекъ, разумѣется, преслѣдуетъ тѣ же цѣли, т. е. старается обогатиться во что бы то ни стало и для этого не брезгуетъ никакими средствами. Какъ видите, румынское боярство ни по своему рожденію, ни по своимъ нравственнымъ понятіямъ ничуть не напоминаетъ аристократію другихъ странъ; возьмемъ въ примѣръ хоть англійскихъ лордовъ. Если въ послѣднихъ и найдемъ пороки и недостатки ихъ званія, т. е. кичливость своимъ происхожденіемъ, недоступность, высокомѣріе съ низшими, за то они стараются обыкновенно превзойти другихъ своимъ образованіемъ, оказать родинѣ какую нибудь услугу, облегчить несчастіе своего народа. Нынѣшніе румынскіе бояре не могутъ опереться ни на древность своего рода, ни на отличія и заслуги своихъ предковъ. Потомки древнихъ родовъ румынскихъ одни въ изгнаніи, а нѣкоторые даже обратились въ земледѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе румынскіе бояре живутъ ничуть не хуже разныхъ европейскихъ князьковъ и знатныхъ аристократическихъ родовъ. Ихъ дома тѣ же дворцы съ роскошными садами, украшенные мраморными фонтанами. Громадныя залы этихъ дворцевъ отдѣланы еще съ большею роскошью. Всюду фарфоръ, этажерки съ драгоцѣнными бездѣлушками, груды серебра, золота, очень часто даже оранжереи и зимніе сады.

Жизнь бояръ самая пустая: единственная мечта—блеснуть хорошимъ туалетомъ, каретой, поѣхать покутить въ Парижъ, блеснуть чистѣйшимъ французскимъ акцентомъ. Этому упадку не мало способствуютъ и женщины; до безумія преданныя самымъ пустымъ свѣтскимъ удовольствіямъ, онѣ только разоряютъ своихъ мужей на наряды и на балы и, при своей праздности, то и дѣло разводятся съ однимъ мужемъ и выходятъ замужъ за другаго, за третьяго и т. д. Вслѣдствіе неразвитости женщинъ между ними

вѣчныя интриги и сплетни. Такая обстановка, разумѣется, не можетъ способствовать хорошему воспитанію дѣтей. Дѣти растутъ на рукахъ няньки - француженки или няньки-цыганки, а станутъ юношами — ихъ отправляютъ въ Парижъ. Не получивъ дома никакого развитія, не полюбивъ даже чтенія, они и въ Парижѣ живутъ пошлою уличною жизнью кофеенъ, къ которой получили склонность еще дома. Крѣпостное право отмѣнено въ Румыніи, и крестьянинъ имѣетъ теперь свой собственный кусокъ земли, на которомъ онъ хозяйничаетъ, какъ ему вздумается. Но его участокъ чрезвычайно малъ, къ тому же налоги дошли до такихъ размѣровъ, что всѣ предметы первыхъ жизненныхъ потребностей вздорожали вдвое противъ того, что онѣ стоили 7, 8 лѣтъ тому назадъ. Если бы бояре были болѣе образованы, они раздѣлили бы часть своихъ земель на участки и продавали бы ихъ или отдавали въ аренду крестьянамъ. Но они, чтобы получить сразу болѣе крупную сумму, отдаютъ свои земли въ аренду спекулянтамъ и не имѣютъ никакихъ сношеній съ крестьянами. Хозяйства ихъ совершенно запущены и годъ отъ году приходятъ въ бо́льшій упадокъ; часто, чтобы получить сумму, необходимую для одного парижскаго сезона, они продаютъ за безцѣнокъ даже будущую жатву. О своихъ помѣстьяхъ они не думаютъ и никогда не живутъ въ нихъ: когда прокутятъ все, что имѣютъ, въ игорныхъ домахъ, въ Парижѣ и на водахъ, тогда возвращаются въ Бухарестъ и ищутъ себѣ какой нибудь должности или проживаютъ послѣднія крохи. Чуть такой бояринъ получитъ отъ спекулянта арендную плату за свои помѣстья, хотя и вдвое меньше прежней, но вы уже видите его въ блестящемъ экипажѣ, окруженнаго цѣлою арміею прислуги, между которой прежде всего бросается въ глаза арнаутъ въ національномъ костюмѣ, съ великолѣпными пистолетами, выложенными серебромъ.

Такъ какъ земледѣльцы только въ очень рѣдкихъ случаяхъ являются здѣсь хозяевами, то понятно, что въ странѣ много фермеровъ. Они представляютъ совершенную противуположность англійскимъ фермерамъ, людямъ практичнымъ, серьезно изучившимъ сельское хозяйство. Да румынскіе фермеры и не могутъ особенно интересоваться своимъ дѣломъ, такъ какъ срокъ аренды очень короткій—отъ 3 до 5 лѣтъ, такъ что имъ нѣтъ никакого разсчета предпринимать какія либо существенныя улучшенія. Поэтому они прежде всего заботятся о томъ, какъ бы побольше извлечь выгодъ изъ арендуемой земли, хотя всѣмъ извѣстно, на сколько вредно отзывается на хозяйствѣ такая система. Слѣдовательно тѣ изъ крестьянъ, которые арендуютъ землю, берутъ ее не отъ самого землевладѣльца, а отъ его арендатора, который и за эту сдѣлку желаетъ чѣмъ нибудь себя вознаградить. Крестьяне, по окончаніи жатвы, платятъ арендатору по условію— треть всего сбора, иногда четверть, а въ иныхъ мѣстностяхъ и пятую часть. Однако теперь, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, крестьяне начинаютъ сообща арендовать большія имѣнія; при этомъ каждый изъ нихъ вноситъ свою часть, соразмѣрно количеству обрабатываемой земли и числу скота, которымъ онъ владѣетъ. Такая аренда представляетъ ту выгоду, что крестьяне имѣютъ возможность пріобрѣтать дорогія машины и орудія, при которыхъ хозяйство идетъ болѣе успѣшно, а это недоступно для нихъ при другихъ условіяхъ.

Какъ всякая страна, только что вышедшая изъ варварскаго состоянія, въ которой торговля и промыслы совершенно ничтожны и захвачены иноземцами, румыны, собственно говоря, почти не имѣютъ еще средняго сословія. Въ настоящее время къ среднему сословію здѣсь причисляютъ фермеровъ, мелкихъ землевладѣльцевъ, зажиточныхъ лавочниковъ, ремесленниковъ и мелкихъ чиновниковъ. Все стремленіе этихъ людей и ихъ семействъ, когда они нѣсколько разжились, тянуться за аристократіей, чтобы во всемъ сравняться съ боярами. Къ среднему классу можно было бы отнести интеллигенцію,

но въ Румыніи не сформировался еще классъ ученыхъ, нѣтъ въ ней и людей, получившихъ всесвѣтную извѣстность въ области наукъ, искуствъ и литературы; даже мало такихъ, которые были бы вполнѣ образованными. Только въ самое послѣднее время явился небольшой кружокъ юношей, которые серьезно принялись за свое образованіе. Этому сильно помогло развитіе въ странѣ политической, конституціонной жизни. Нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей ѣдутъ въ германскіе университеты и пріучаются къ серьезному труду. Но это пока еще весьма рѣдкія исключенія, встрѣчаемыя въ интеллигентномъ обществѣ, которое только начинаетъ слагаться здѣсь изъ представителей періодической печати, судебнаго сословія, адвокатуры; но и этимъ людямъ еще не чужды пороки бояръ.

Едва настаетъ день, глава семейства, не сказавъ двухъ словъ съ женою, не взглянувши на дѣтей, отправляется въ казино, т. е. въ отель или гостинницу. Выпивъ чашку чернаго кофе, затянувшись трубкой, румынъ начинаетъ съ сосѣдомъ играть въ бильярдъ, а еще чаще въ «табло». Табло—доска въ родѣ шахматной, только съ большимъ количествомъ клѣтокъ; на ней крутыя, костяныя шашечки съ точками; кости бросаютъ по доскѣ и игра совершенно зависитъ отъ счастія, какъ упадутъ костяные кружечки; у кого будетъ на нихъ большее количество точекъ, — тотъ выигрываетъ. Когда вы ни войдете въ казино, и утромъ, и вечеромъ, всегда пропасть народу всѣхъ сословій, исключая самаго низшаго и бѣднѣйшаго класса. Больше всего здѣсь играютъ въ карты за маленькими столиками, которые стоятъ передъ диванами, вокругъ всѣхъ стѣнъ большой залы; посрединѣ стоитъ билліардный столъ. Тотъ, кто не пришелъ сюда играть въ карты или на билліардѣ, непремѣнно является послушать городскія новости или потолковать о какой нибудь сплетнѣ; тутъ же читаютъ газеты и разныя объявленія, дѣлаемыя городской полиціей или высшимъ начальствомъ. Вся жизнь румынъ сосредоточивается въ этихъ ежедневныхъ занятіяхъ: тутъ торгующій классъ заключаетъ свои контракты, разсуждаетъ о возвышеніи и пониженіи цѣнъ на какіе либо предметы торговли; здѣсь толкуютъ о распоряженіяхъ правительства, о выборахъ; однимъ словомъ казино—средоточіе всей политики, торговли и новостей. Женщины въ свою очередь ведутъ тоже пустую, разнообразно-веселую жизнь. Съ ранняго утра наряжаются, чтобъ ѣхать въ паркъ, оттуда возвращаются домой, чтобъ пообѣдать, переодѣться и отправиться на сандрафію, т. е. на какую нибудь вечеринку или балъ. На каждой сандрафіи непремѣнно музыка и танцы. На всѣхъ этихъ вечеринкахъ даже совершенно посторонній человѣкъ, который появляется въ первый разъ, будетъ чувствовать себя какъ дома,—такъ просто и на распашку идетъ здѣсь веселіе. Дамы всегда сами ищутъ себѣ кавалеровъ на танцы и, нисколько не стѣсняясь, ангажируютъ мужчинъ и составляютъ кадрили. Во всѣхъ классахъ общества жизни семейной не существуетъ; румыны пожалуй и сидятъ дома, но тогда, когда это почему нибудь особенно необходимо. Посидѣть же съ женой, съ дѣтьми, въ тѣсномъ кругу друзей и пріятелей—для нихъ смертельная скука. Каждому мужчинѣ необходимо казино, женщинѣ сандрафія, бѣшеный вальсъ, и для всѣхъ огромное сборище людей, музыка, шумъ, говоръ, пестрота.

Замѣчательно мошенничество, къ которому прибѣгаютъ въ этой странѣ промотавшіеся кутилы или люди, замѣшанные въ какое нибудь грязное дѣло, послѣ котораго имъ уже нельзя показаться ни въ какомъ порядочномъ обществѣ. Такое лицо наводитъ справки о человѣкѣ, который можетъ выдать ему фальшивое свидѣтельство о его смерти, Найти такого человѣка здѣсь очень не трудно: торгъ фальшивыми свидѣтельствами о смерти здѣсь сильно распространенъ, и лица, занимающіяся ими, хорошо извѣстны. «Я хочу умереть въ возможно скоромъ времени», говоритъ такому агенту желающій получить фальшивое свидѣтельство. «Можно,—только такая смерть обходится дорого! Есть ли у васъ надлежащія средства?» За этимъ начинается продолжительный торгъ

о цѣнѣ. Наконецъ сумма опредѣлена и выложена на столъ. Агентъ ѣдетъ къ попу, ксендзу или раввину. «Господинъ такой-то (онъ называетъ имя, фамилію, мѣсто жительства и родъ занятій своего паціента) умеръ и сегодня похороненъ. Потрудитесь выдать на это формальное свидѣтельство». Понятно, что духовное лицо отлично понимаетъ, что оно должно выдать фальшивый документъ, но оно вполнѣ солидарно съ агентомъ, начинаетъ въ свою очередь съ нимъ торговаться и въ концѣ концовъ выдаетъ требуемое. При этомъ приходится нерѣдко подкупить и полицейскихъ властей, но подобный агентъ отлично знаетъ свою спеціальность и съ успѣхомъ выходитъ изъ всѣхъ затрудненій.

Человѣкъ, получившій документъ о мнимой смерти, черезъ другого агента получаетъ фальшивый паспортъ и выѣзжаетъ на время изъ Румыніи. Иногда онъ не находитъ нужнымъ дѣлать и этого и продолжаетъ подъ другимъ именемъ свои темныя дѣлишки.

Гораздо нравственнѣе другихъ классовъ—простой народъ. Но положеніе его, даже и въ настоящее время, весьма плохо. Только замѣчательное плодородіе земли до сихъ поръ спасаетъ румынскаго земледѣльца отъ голодной, медленной смерти. Въ луговой, въ равнинной части страны народонаселеніе изъ году въ годъ замѣтно вырождается. Растительная пища, которую уже въ продолженіи цѣлыхъ поколѣній употребляютъ крестьяне въ придунайскихъ долинахъ, создала своеобразный типъ придунайкаго мужика: худой, слабый, безкровный, онъ чрезвычайно подверженъ заболѣванію лихорадкой, которая безпощадно губитъ населеніе. Да и какъ не быть ему малокровнымъ, не изнуряться лихорадкой, когда онъ почти исключительно питается *мамалыгою*, которая служитъ ему вмѣсто хлѣба, капустою, огурцами. Правда, эта растительная пища изрѣдка разнообразится соленой говядиной и еще чаще соленой рыбой, но та и другая пища не питательна и неудобоварима. При всемъ этомъ румынскій крестьянинъ соблюдаетъ чрезвычайно много постовъ; высчитано, что онъ постится въ годъ 185 дней. Постъ румына чрезвычайно суровый. Въ постные дни онъ не ѣстъ ни мяса, ни молока, ни рыбы; огурцы и мамалыга, мамалыга и огурцы—вотъ все, что онъ употребляетъ въ эти дни. Эти частые и истощающіе посты болѣе всего развиваютъ въ румынскомъ простонародіи страсть къ спиртнымъ напиткамъ: чувствуя послѣ поста страшную слабость, истощеніе силъ, часто не будучи въ состояніи уже съутра приняться за дѣло, онъ долженъ выпить, чтобъ возбудить сколько нибудь дѣятельность организма. Зимняя стужа и морозы тоже не мало содѣйствуютъ развитію пьянства. Въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ лихорадка сотнями губитъ дѣтей, доведенныхъ постною пищею до совершеннаго изнуренія. Къ тому же самый строгій постъ падаетъ на то время, когда климатическія условія страны способствуютъ развитію разныхъ міазмовъ, когда въ туманѣ болотныхъ мѣстъ, на залитыхъ весенними водами поляхъ и лугахъ, нарождается ужасная малярія (злокачественная лихорадка),—этотъ бичъ придунайскихъ княжествъ. А тутъ еще въ великомъ посту выпадаетъ мужику самый тяжелый трудъ—обработка полей. Вотъ почему дѣло не спорится у румынскаго рабочаго и, нанявшись на работу, онъ работаетъ только 3, 4 первые дня въ недѣлю, а затѣмъ все бросаетъ и растягивается подъ деревомъ. Понятно будетъ и безнадежная пѣсня, которая тутъ такъ часто вырывается у него изъ груди.

«Что пользы, что у меня красавица невѣста,
Что у меня рожь хорошо растетъ въ полѣ?
А все-таки у меня ничего не спорится,
Точно все кругомъ заколдовано!

Разразись надо мной гроза Божія,
Унеси, развѣй горе лютое!»

Румынъ одаренъ весьма живымъ умомъ, быстрою сметкою и смѣлымъ воображеніемъ. Онъ владѣетъ способностью красно выражать свои мысли, и въ послѣднее время въ собраніи депутатовъ нерѣдко можно слышать краснорѣчивыя рѣчи представителей изъ крестьянскаго сословія. Всѣ иностранцы единодушно удивляются тому, что съ здѣшнимъ необразованнымъ народомъ по цѣлымъ часамъ можно вести занимательные разговоры. Дѣло въ томъ, что румынскій крестьянинъ, благодаря своимъ народнымъ пѣснямъ и богатымъ устнымъ преданіямъ, обладаетъ самыми разнообразными свѣдѣніями о цвѣтахъ, звѣздахъ, прошлыхъ событіяхъ,—хотя, конечно, ко всему этому примѣшивается много фантазіи, не лишенной впрочемъ наивности. Простой крестьянинъ не рѣдко начинаетъ передавать вамъ исторію, которая ничто иное, какъ преданіе древнихъ объ Апполонѣ, Юпитерѣ, Психеѣ, о похищеніи сабинянокъ, исторію Кастора и Поллукса,—но, конечно, все это вы услышите въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ.

Многіе крестьяне носятъ латинскія имена, такъ напр. Туллэ (Туллій), Корнэ (Корнелій), Альбу, Негру, Титу, Станъ (Констанцъ), Манэ (Манлій или Манилій) и т. д.

Не смотря на то, что въ отчетахъ о румынскихъ школахъ вы найдете, что школьное дѣло здѣсь годъ отъ году преуспѣваетъ и число школъ быстро увеличивается, обученіе въ Румыніи идетъ крайне плохо и успѣхъ школьнаго дѣла скорѣе на бумагѣ. Въ 1871 году изъ 28100 душъ мужскаго пола, вступившихъ въ бракъ, только 6046 человѣкъ могли сами подписать свое имя, а изъ такого же числа женщинъ только 2015 оказались грамотными.

Нужно было бы ждать, что въ странѣ подъ одной широтой съ Равенной и Болоньей должны господствовать сильныя страсти, между тѣмъ это совсѣмъ не такъ, и румынскій народъ отличается необыкновеннымъ добродушіемъ, кротостью и терпѣніемъ. Въ спорѣ съ сосѣдомъ румынъ никогда не выйдетъ изъ себя до того, чтобы забыться, и о ножѣ, который такъ часто въ этихъ случаяхъ сверкаетъ въ рукѣ итальянца, здѣсь не можетъ быть и помину. Эту чрезмѣрную кротость и терпѣніе можно объяснить печальнымъ историческимъ прошлымъ, когда турки совершенно разоряли румынъ, а фанаріоты душили всякій проблескъ мысли. Работаетъ и говоритъ румынъ вяло, медленно, и нѣтъ дѣла, которому онъ отдавался бы съ увлеченіемъ. Случается съ нимъ какое несчастіе: пожаръ или саранча истребила все его поле, онъ не предается отчаянію, а только скажетъ «воля Божія». Отчасти такое равнодушіе къ лишенію и несчастію можно объяснить прекраснымъ обычаемъ въ ихъ странѣ: лишившійся имущества человѣкъ никогда не пойдетъ нищенствовать, его со всей семьей радушно и безплатно принимаютъ въ свою хату его сосѣди и по очереди прокармливаютъ всю зиму, точно также и его скотъ. Этотъ обычай, за рѣдкими исключеніями, существуетъ повсемѣстно.

Въ горной части Румыніи крестьянское населеніе пользуется хорошимъ здоровьемъ, росло и выглядитъ гораздо лучше жителей долинъ: оно несравненно энергичнѣе и способнѣе къ сопротивленію по отношенію ко всѣмъ мѣстнымъ эпидеміямъ. Выраженіе ихъ лицъ бодрѣе, общій видъ горныхъ деревень веселѣе и носитъ на себѣ отпечатокъ матеріальнаго довольства.

Но въ какой бы части страны ни жилъ румынскій парень, его первою мечтою, когда онъ только что подросъ, добыть себѣ широкій кожанный поясъ съ большою мѣдною пряжкою. Это, кажется, единственная сильная страсть юноши, и она нерѣдко доводитъ его до преступленія. На парня, у котораго нѣтъ хорошаго пояса, дѣвушка не обратитъ никакого вниманія: она не пойдетъ съ нимъ плясать, не будетъ много и раз-

говаривать. Чтобы добыть себѣ этотъ поясъ, молодецъ не брезгаетъ никакими средствами. Когда ночью всѣ улягутся въ домѣ спать, онъ тихонько встаетъ, бѣжитъ въ поле и жнетъ хлѣбъ съ какой попало полосы. Много ему хлопотъ прятать этотъ хлѣбъ: то онъ его положитъ въ одну яму и прикроетъ хворостомъ, то въ другую, пока наконецъ не является еврей избавитель, который и покупаетъ этотъ хлѣбъ за совершенный безцѣнокъ. Много, много ночей приходится юношѣ пробираться украдкой, много разъ воровать хлѣбъ съ чужихъ полей и съ полей своего отца, пока наконецъ онъ не накопитъ столько денегъ, что пріобрѣтаетъ себѣ желанный модный поясъ. Это мелкое воровство, скорѣе шалость, какъ на нее смотрятъ ихъ отцы, ведетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ: румынскій народъ не отличается строгою честностью, какую мы находимъ у шведовъ и у другихъ народовъ. Лучшею стороною его характера служитъ радушіе и гостепріимство, и съ бѣднымъ румынъ всегда готовъ подѣлить послѣдній кусокъ хлѣба. Онъ любитъ веселую, открытую жизнь, и двери его дома никогда не заперты. Самая выдающаяся сторона его характера — беззаботность: румыны живутъ только настоящимъ и скучное завтра для нихъ не существуетъ. Всѣ румыны въ высшей степени суевѣрны и невѣжественны; до сихъ поръ еще въ деревняхъ существуетъ множество самыхъ старинныхъ обычаевъ и суевѣрій. На похоронахъ непремѣнно присутствуютъ наемныя плакальщицы, раздирающіе крики и вопли которыхъ раздаются далеко отъ дома, гдѣ лежитъ покойникъ. Въ гробъ рядомъ съ усопшимъ кладутъ палку, съ которою онъ долженъ будетъ переходить Іорданъ, монету—онъ долженъ отдать ее св. Петру, чтобы тотъ отворилъ ему двери рая; не забываютъ также положить ему въ гробъ хлѣба и поставить вина, чтобъ подкрѣпить силы усопшаго по дорогѣ къ раю. Боже сохрани, если у покойнаго были рыжіе волосы! всѣ сосѣди съ безпокойствомъ долго думаютъ объ этомъ, опасаясь, что нѣтъ-нѣтъ покойникъ вбѣжитъ въ хату въ видѣ собаки или вскочитъ лягушкою. Многіе не менѣе боятся и того, что покойникъ съ рыжими волосами обратится въ клопа или блоху и станетъ пить кровь молодыхъ дѣвушекъ. Чтобъ избѣгнуть всѣхъ этихъ несчастій, гробъ стараются заколотить какъ можно крѣпче или протыкаютъ могилу коломъ.

Здѣшнія крестьянки, за рѣдкими исключеніями, необыкновенно хороши собою: ихъ блестящіе черные глаза, волосы, черные какъ вороново крыло, падающіе косами на бѣлоснѣжныя плечи, удивительный профиль, изящныя руки и ноги—могли бы возбудить зависть любой изъ записныхъ красавицъ роскошныхъ европейскихъ салоновъ. Римскій типъ здѣшнихъ женщинъ, хотя уже нѣсколько смѣшавшійся съ славянскимъ посредствомъ браковъ, еще сохранился въ красивой классической формѣ носа, въ тонко и рѣзко очерченныхъ губахъ, въ черныхъ, лоснящихся волосахъ и въ бронзовомъ оттѣнкѣ лица. Смотря на молодую румынку въ ея праздничномъ нарядѣ: на ея длинную расшитую рубашку, на ея плащъ, напоминающій тунику, прислушиваясь къ ея говору, напоминающему языкъ древняго Рима, вы невольно видите передъ собою древнюю римлянку. Стройныя, онѣ не любятъ сгибаться подъ тяжестью ноши, и если нужно, онѣ несутъ ее на головѣ. Тележекъ онѣ также никогда не употребляютъ и всѣ свои овощи доставляютъ на рынокъ въ двухъ корзинахъ, прикрѣпленныхъ къ коромыслу, которое несутъ на плечахъ. Посмотримъ поближе на жизнь румынки съ самаго ея дѣтства.

Рожденная въ бѣдной хижинѣ, дѣвочка растетъ на свободѣ, безъ всякаго присмотра, не пользуясь отъ своихъ родителей ничѣмъ, кромѣ пищи. Она не доставляетъ имъ никихъ заботъ и расходовъ, даже относительно необходимой одежды. Въ румынскихъ деревняхъ 4-хъ, 5-ти лѣтняя дѣвочка носитъ одну и ту-же полотняную рубашку по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, пока та сама собою не свалится съ тѣла, или не наступитъ какой-нибудь большой праздникъ. Съ 8, 9 лѣтъ она начинаетъ уже помогать

матери въ самыхъ трудныхъ хозяйственныхъ работахъ. На тринадцатомъ, четырнадцатомъ и уже самое позднее на пятнадцатомъ году жизни, румынка бываетъ совершенно развита физически, и въ этомъ возрастѣ вы можете встрѣтить здѣсь дѣйствительно прелестныхъ дѣвушекъ.

Молодость ея коротка, удовольствій испытать приходится не много. Въ эти года родители одѣваютъ ее дѣйствительно понаряднѣе; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ она отправляется въ церковь, а послѣ обѣдни, на площади передъ шинкомъ, пляшетъ съ деревенскою молодежью. Оркестръ состоитъ изъ двухъ цыганъ—скрипача и цимбалиста, одѣтыхъ въ какія-то лохмотья. Эти танцы молодежи на площади не прекращаются и зимой во время сильныхъ холодовъ. Странно видѣть молодыхъ дѣвушекъ, пляшущихъ на снѣгу, въ однѣхъ бѣлоснѣжныхъ рубашкахъ. Начиная танцовать, каждая изъ нихъ снимаетъ свою овчинную кофточку, и вновь одѣваетъ ее по окончаніи. Парни тоже снимаютъ съ себя верхнее платье. Танцуетъ ли молодежь свой любимый танецъ «романа», или какой другой, она танцуетъ ее ловко и даже граціозно, но безъ всякаго увлеченія, такъ что и танцы едва-ли согрѣваютъ танцоровъ, одѣтыхъ очень легко для зимнихъ холодовъ.

Молодежь собирается и въ домахъ повеселиться въ праздничное время. При этомъ каждая дѣвушка появляясь на такомъ собраніи, что нибудь приноситъ съ собой для ужина: пирогъ, рыбу, хлѣбъ. Юноши хватаютъ принесенное и весело подымаютъ вверхъ съ возгласомъ: «радуйтесь,—вотъ вамъ еще хлѣбъ!» Какъ на площади, такъ и здѣсь молодежь танцуетъ подъ музыку цыганъ, съ тою разницею, что въ домахъ музыканты во время игры становятся даже на столы, чтобы только менѣе занимать мѣста. Парни разнообразятъ танцы усердною выпивкою, каждый разъ подноси и дѣвушкамъ отвѣдать вино, но тѣ чуть только дотрогиваются до него губами. Позже, черезъ 3, 4 года, когда дѣвушка выйдетъ замужъ и выпьетъ до дна всю чашу горя, обыкновенно выпадающую на долю замужней женщинѣ, она перещеголяетъ въ пьянствѣ и парней, но теперь пока она развлекается еще кой чѣмъ другимъ. Въ промежуткахъ между танцами, она затягиваетъ пѣсню, въ которой выражаетъ чувства, подходящія и къ данному случаю и къ настроенію, а если ни одна изъ нихъ не подходитъ, она импровизируетъ новую. Вотъ какъ одинъ извѣстный путешественникъ, самъ присутствовавшій на домашнихъ собраніяхъ румынской молодежи, описываетъ такія импровизаціи дѣвушекъ. «Одна изъ присутствующихъ выказывала въ этомъ отношеніи особенную находчивость. Ее нельзя было назвать красавицею; но она обращала вниманіе своими сверкающими глазами, полными блеска и живаго ума; во всей ея смѣлой фигурѣ проглядывалъ отпечатокъ умственныхъ способностей и воспріимчивости. Ее нѣсколько разъ просили пѣть, и она импровизировала строфу за строфой, изображая чувства влюбленнаго и дѣлая при этомъ разные намеки на присутствующихъ. Прежде чѣмъ начать пѣть, она выходила на середину избы, задумывалась на нѣсколько минутъ, затѣмъ на ея губахъ появлялась лукавая улыбка, и она, покачиваясь изъ стороны въ сторону, начинала пѣть рѣзкимъ голосомъ, но исполненнымъ дикаго, поэтическаго огня. Особенно одна ея пѣсня развеселила всѣхъ и возбудила громкій хохотъ; она очевидно заключала намекъ на одно должностное лицо, страсть котораго къ одной дѣвушкѣ была извѣстна всей деревнѣ: «мой возлюбленный сидитъ въ канцеляріи; однимъ глазомъ смотритъ онъ на свои бумаги, другимъ подсматриваетъ за мною. Одною рукою пишетъ онъ свои протоколы, другою дѣлаетъ мнѣ знаки; мало выйдетъ пользы изъ того, что онъ пишетъ, потому что всѣ его мысли обращены на меня. Пусть онъ придетъ ко мнѣ и тотчасъ разсѣются всѣ его печальныя мысли». Импровизируютъ обыкновенно рифмованными стихами.

Но дѣвичья жизнь пролетѣла, какъ сонъ; въ 14, 15-ть лѣтъ дѣвушка уже выхо-

дитъ замужъ и должна на вѣки проститься со всѣми радостями. Между тѣмъ румыны обоего пола очень любятъ повеселиться: и женившись мужчина часто заходитъ въ корчму, въ гости, но у женщины совсѣмъ почти не остается на это времени. Работа и забота,— вотъ все, что ее ждетъ теперь. По ея спинѣ съ этихъ поръ не только часто будетъ гулять ременная плетка, но исключительно на нее одну взваливаютъ всѣ домашнія хлопоты. Румынскій крестьянинъ самъ воздѣлываетъ свое поле, но за то всѣ остальныя обязанности по хозяйству лежатъ на женѣ.

Выдающеюся чертою характера замужней женщины прежде всего является необыкновенное трудолюбіе. Посмотрите на группу женщинъ, когда онѣ возвращаются съ какой нибудь тяжелой работы. Вмѣсто того, чтобы отдохнуть хотя въ эту минуту, каждая изъ нихъ что нибудь дѣлаетъ: одна сматываетъ на клубокъ нитки, другая вяжетъ, но большинство прядетъ. У большей части румынокъ, куда нибудь отправляющихся, прялка всегда за поясомъ. Нельзя не удивляться тому, какъ онѣ могутъ прясть во время ходьбы, тѣмъ болѣе, что онѣ обыкновенно ходятъ очень быстро. Такимъ образомъ даже во время ходьбы онѣ не даютъ ни минуты отдыха ни рукамъ своимъ, ни ногамъ, ни даже языку, такъ какъ онѣ въ молодости любятъ много пѣть или весело болтаютъ между собой. Мало того, здѣсь не рѣдкость встрѣтить даже женщину, которая, возвращаясь домой съ ношей топлива за спиной, въ то же время прядетъ шерсть, остриженную ею съ ея маленькаго стада. Зимою румынка сидитъ дома за ткацкимъ станкомъ, и челнокъ быстро бѣгаетъ въ ея проворныхъ рукахъ.

Трудно представить, какую массу работы она успѣваетъ исполнить! Она выткала полотняную рубашку, которую мужъ ея носитъ подъ верхнимъ платьемъ, да и самое это платье приготовлено ею. Мужъ самъ дѣлаетъ свои сандаліи,—это просто кусокъ кожи, въ которую завертываютъ ногу и затѣмъ обвязываютъ ее ремнями; но кусокъ матеріи, въ которую завертываютъ ногу, поверхъ кожи, — домашняго издѣлія, такъ что одежа мужа съ головы до ногъ домашней фабрикаціи. На головѣ у него мѣховая шапка изъ шкуры его же овецъ, но сшита она опять таки его женою. Точно также и для себя она не только выткала всю матерію, которую она носитъ, но все это добыто ею изъ шерсти ея собственныхъ овецъ. Ею приготовлены даже для матеріи краски изъ всевозможныхъ растительныхъ веществъ. Для нѣкоторыхъ красокъ приходится собирать растенія съ очень высокихъ скалъ.

Какъ и большая часть женщинъ на востокѣ, румынки ткутъ великолѣпные ковры, искусно вышиваютъ рубахи и полотенца, которыми румыны любятъ украшать свои жилища; но кромѣ всего этого онѣ еще въ высшей степени искусно плетутъ корзины изъ тростника, которыя употребляютъ во всей странѣ. Особенно изящно выходятъ у нихъ сквозныя корзины съ самыми разнообразными украшеніями и самыхъ фантастическихъ формъ и узоровъ.

Не смотря на изнурительную работу, на грубое обращеніе мужа, на плохое питаніе, общее всѣмъ жителямъ долинъ, румынка не представляетъ собою тупую, ни о чемъ не думающую рабочую машину, у нея на все свое собственное міровоззрѣніе. Она всегда со всѣми привѣтлива, весела, большая охотница пѣть пѣсни. Правда, большинство ея пѣсенъ такъ безнадежно грустны, что забираютъ за сердце даже чужестранца, но она разнообразитъ ихъ веселыми напѣвами національныхъ танцевъ.

Румынка очень набожна, но эта набожность не искренняя потребность сердца, а обязательный обрядъ, суевѣріе, не рѣдко даже идолопоклонство. Въ день памяти святыхъ она ставитъ передъ ихъ образами восковыя свѣчи, но также аккуратно выполняетъ и обряды, которые отгоняютъ злыхъ духовъ. Каждая чудотворная икона, по ея понятіямъ, спеціально славится изцѣленіемъ какой нибудь болѣзни: одна отъ лихорадки,

другая отъ головной боли. Румынка твердо это помнитъ, и какъ бы далеко не находилась икона, врачующая лихорадку, она отправится именно къ ней, если только она страдаетъ этою болѣзнью, а не будетъ молиться въ это время передъ другою иконою.

Дурная сторона характера крестьянки-румынки — ея пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. Конечно, главная причина этого ея изнурительная работа, но мы знаемъ уже, что вообще на востокѣ всѣ женщины работаютъ чрезвычайно много, однако нигдѣ женщина не предается такъ пьянству, какъ здѣсь. Въ этомъ пристрастіи она часто не уступаетъ своему мужу. Здѣсь такъ привыкли къ пьянымъ женщинамъ, что послѣобѣденное похмѣлье по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ принадлежитъ къ числу самыхъ обыденныхъ явленій. Супруги, сидя другъ противъ друга, угощаются до тѣхъ поръ, пока оба не свалятся подъ одинъ столъ.

Румыны не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о правильномъ земледѣліи и хозяйствѣ. Какъ обработывали землю предки за 200 лѣтъ, такъ румыны обработываютъ ее и теперь. Еще и теперь ее прорѣзываетъ тяжелый, неуклюжій, кое-какъ сколоченный плугъ, который тащитъ 8, а иногда 12 воловъ. Несмотря на тяжесть плуга, борозды совсѣмъ не глубоки, да и ихъ-то проводятъ на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ плохо обработанное поле бросаютъ сѣмена, не очистивъ ихъ какъ слѣдуетъ. Борозда съ неразбитою землею только легкимъ слоемъ пыли покрываетъ засѣянное зерно. Малѣйшій вѣтеръ сдуваетъ пыль, обнажаетъ зародышъ, и такимъ образомъ онъ растетъ, не защищенный ни отъ зимняго холода, ни отъ лѣтняго зноя. Вымолачиваніе хлѣба, какъ и во многихъ мѣстахъ Балканскаго полуострова, происходитъ посредствомъ лошадей (смотри статью о Сербіи). Вмѣсто амбаровъ и хорошо устроенныхъ кладовыхъ, запасной хлѣбъ держатъ въ ямахъ. Но земля въ Румыніи такъ плодородна, что, не смотря на дурную обработку, безъ удобренія производитъ огромное количество хлѣбовъ. Страна эта стала теперь одною изъ первыхъ странъ по вывозу хлѣба, и въ урожайные года, когда не пожираетъ полей саранча и рѣзкіе переходы температуры не убиваютъ растительности, она служитъ житницею для западной Европы. Вывозъ хлѣбовъ, ржи, маиса, ячменя положительно удвоился за послѣдніе десять лѣтъ. Къ сожалѣнію крестьянинъ до сихъ поръ чрезвычайно мало употребляетъ въ пищу воздѣлываемый имъ хлѣбъ, оставляя болѣе всего маису для своей мамалыги.

Воздѣлываніе винограда, которымъ еще такъ недавно здѣсь совсѣмъ пренебрегали, точно также увеличивается съ каждымъ годомъ. Но, несмотря на все это, необработанныя земли въ Румыніи занимаютъ еще болѣе четверти всей страны.

Плохо ведутъ румыны также свое скотоводство. Часто можно видѣть тучныя стада рогатаго скота по брюхо въ сочной, высокой травѣ, гдѣ нибудь въ огромной степи. При видѣ чужаго человѣка они поднимаютъ свои головы съ громадными рогами и бросаются въ бѣгство или нападаютъ на пришельца. Коровъ здѣсь мало доятъ, такъ какъ молочное хозяйство не развито, а для своего употребленія нужно не много. Впрочемъ при дурномъ хозяйствѣ румынъ имъ иначе и нельзя поступать. У нихъ не существуетъ даже для скота никакихъ хлѣвовъ, слѣдовательно въ морозные зимніе дни онъ стоитъ подъ открытымъ небомъ; только солому бросаютъ ему въ ноги. Много его падаетъ у нихъ зимой, но при такихъ условіяхъ въ другой странѣ скотъ и совсѣмъ бы не выдержалъ. Здѣшній рогатый скотъ отличается особенной крѣпостью и выносливостью, потому что телятъ не отнимаютъ отъ матери, и они по году и по два питаются ея молокомъ. Эту пищу они разнообразятъ густой, сочной травой, которой всюду вдоволь. Если здѣсь не распространено молочное хозяйство, за то продажа быковъ и вывозъ ихъ изъ княжества очень значительный.

Разведеніе и уходъ за лошадьми, какъ и другія отрасли скотоводства, не пред-

ставляетъ для румына особенныхъ хлопотъ. И лѣтомъ, и зимою лошади гуляютъ здѣсь на свободѣ безъ всякаго присмотра. Даже отъ хищныхъ звѣрей онѣ сами защищаются. Когда къ нимъ приближается волкъ, онѣ тотчасъ становятся всѣ въ кругъ, головами внутрь; всѣ жеребята вбѣгаютъ въ этотъ кругъ и когда волкъ къ нимъ подходитъ, онѣ лягаютъ его задними ногами. Жеребятъ никогда не разлучаютъ съ матерью, такъ что лошадь можно иногда встрѣтить съ двумя, тремя дѣтьми, и всѣ они сосутъ матку, хотя старшій выглядитъ уже молоденькой лошадкой.

Овцеводство больше всего распространено какъ въ Молдавіи, такъ и въ Валахіи. Овцы тоже проводятъ здѣсь зиму и лѣто на открытомъ воздухѣ, но ими все-таки болѣе занимаются, чѣмъ другими животными. Къ концу апрѣля ихъ гонятъ въ горы, а при большой жарѣ съ ними доходятъ до самыхъ высокихъ вершинъ. Изъ овечьяго молока здѣсь приготовляютъ сыръ, но онъ идетъ на домашнее употребленіе; за то шерсть вывозятъ въ большомъ количествѣ за границу.

Только буйволъ требуетъ отъ румына болѣе ухода. Онъ считается здѣсь домашнимъ животнымъ и каждая семья стремится его пріобрѣсти, такъ какъ съ помощью его можно произвести множество работъ. Но съ нимъ нужно обходиться крайне бережно; въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ его приходится купать по крайней мѣрѣ хотя разъ въ день, такъ какъ онъ съ большимъ трудомъ переноситъ жаръ. Но буйволъ болѣе всего водится въ Валахіи, а въ Молдавіи онъ встрѣчается уже гораздо рѣже.

Шелковичный червь также водится въ Румыніи, но его разведеніемъ занимаются женщины только въ часы, свободные отъ работъ. Тутовое дерево попадается по всей странѣ до самыхъ горъ, но шелководствомъ занимаются только въ количествѣ, необходимомъ для потребностей каждой семьи. Этотъ промыселъ легко могъ бы достигнуть здѣсь несравненно болѣе широкаго развитія, что, вѣроятно, и случится въ самомъ непродолжительномъ времени.

Рыболовство составляетъ здѣсь гораздо болѣе важную отрасль промышленности. Извѣстно, что Дунай образуетъ на румынскомъ берегу множество болотныхъ озеръ и вымоинъ, которыя, переплетаясь между собой, представляютъ сѣть водныхъ протоковъ, окружающихъ множество острововъ и полузатопленныхъ отмелей. Вокругъ такихъ мѣстностей разбросано не мало деревень, жители которыхъ занимаются рыболовствомъ. Большую рыбу ловятъ баграми, а мелкую неводомъ. Занятіе это бываетъ иногда очень выгодно, такъ какъ рыба попадается въ огромномъ количествѣ, а икра ея составляетъ важный предметъ торговли. Выпотрошивъ рыбу, ее солятъ, коптятъ, и она продается во многихъ русскихъ городахъ. Да и на родинѣ соленая рыба употребляется въ большомъ количествѣ, такъ какъ соблюдаютъ множество постовъ.

Когда продажа домашнихъ сбереженій не даетъ возможности румыну уплатить подати, онъ нанимается для добыванія петролеума, который встрѣчается здѣсь въ изобиліи. Вотъ какъ его здѣсь добываютъ: рабочіе собираются группами по семи человѣкъ, подъ предводительствомъ выбраннаго ими главы. Прежде всего выкапываютъ родъ колодца, затѣмъ одинъ изъ работниковъ спускается въ него и начинаетъ буравить землю. У входа въ колодезь стоятъ двое его товарищей, которые по данному сигналу должны немедленнаго поднять его изъ колодца посредствомъ ворота. Работа эта въ высшей степени опасна и тяжела, и на значительной глубинѣ рабочій рѣдко можетъ пробыть болѣе четверти часа по причинѣ удушливыхъ газовъ. Выйдя послѣ этого на свѣжій воздухъ, онъ чувствуетъ страшное головокруженіе и шатается, какъ пьяный. Слѣдующіе рабочіе по очереди занимаютъ его мѣсто, пока не окончатъ работу.

Работники одѣты въ длинныя рубашки, а на головѣ у нихъ шляпа изъ жести съ большими полями для защиты отъ петролеума и воды, которые иногда обливаютъ ихъ

съ ногъ до головы. Обыкновенно такой колодезь даетъ петролеума до 360 литровъ (литръ—около $^3/_4$ нашего штофа) въ день; 500 литровъ въ день считается щедрой наградой за трудъ. Иногда во время работы вода прибываетъ въ такомъ количествѣ, что поневолѣ приходится бросить колодезь, и тогда весь трудъ пропадаетъ даромъ. Хорошій колодезь даетъ петроліумъ втеченіе цѣлаго года, но въ послѣдніе мѣсяца его добываютъ все меньше и меньше.

Въ Бухарестѣ, Галлатѣ и Плоештѣ, не говоря уже о другихъ мѣстностяхъ, существуютъ заводы для выдѣлки петролеума. Общепринятый здѣсь способъ обработки, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ считаться особенно удачнымъ.

УВЕСЕЛЕНІЯ РУМЫНЪ.

Ярмарка и ея оживленіе.—Калюзари.—Народные танцы.

Утверждаютъ, что слово Бухарестъ происходитъ отъ *букуръ*, что означаетъ радость, удовольствіе, и если это вѣрно, то это названіе вполнѣ подходящее. Игра въ карты, выѣзды, балы, опера, обѣды, ужины, танцы—вотъ какъ проводятъ и будни, и праздники маломальски состоятельные люди. Простой народъ, разумѣется, не можетъ цѣлые дни предаваться удовольствіямъ, тѣмъ не менѣе и онъ только и думаетъ о томъ, какъ бы поскорѣе сдать работу и отправиться днемъ въ корчму, выпить и поболтать съ товарищами, вечеромъ поплясать съ дѣвушками, а старики—посмотрѣть на пляску, послушать музыку, затянуть пѣсню.

Ярмарка—самое оживленное время для румынъ. Она начинается обыкновенно 9-го мая и продолжается цѣлую недѣлю. На нее съѣзжается изъ окрестностей множество народу. Болѣе всего здѣсь торгуютъ на этой ярмаркѣ горцы изъ Карпатъ: они продаютъ горшки и другую глиняную посуду, корзины, бездѣлушки изъ окрашеннаго стекла и груды браслетъ, каждый дешевле гроша. Между грубыми произведеніями горцевъ-румынъ вы часто встрѣчаете сосуды и вазы, сходные съ этрусскими.

На этой ярмаркѣ жители запасаются необыкновенно дешево всѣмъ необходимымъ для хозяйства, а все остальное скупаютъ мелочные торговцы и потомъ въ продолженіи года продаютъ въ 10 разъ дороже. На ярмарочное движеніе собирается смотрѣть и высшее общество. «Весь Бухарестъ и плебейскій, и фешенебельный, стремится ежедневно на ярмарочную площадь, на гулянье. Вереницы каретъ, колясокъ, ландо и бричекъ тянутся гусемъ между густыми толпами народа. Музыка гремитъ въ десяти, въ двадцати мѣстахъ разомъ и все разное; бухаютъ турецкіе барабаны, звякаютъ металлическія тарелки, визжатъ цыганскія скрипки и дудки, тромбоны рѣжутъ ухо своимъ усерднымъ, но не всегда стройнымъ аккомпаниментомъ,—все это, вмѣстѣ съ шумомъ игрушечныхъ трещетокъ, свистомъ глиняныхъ уточекъ, звономъ бубенчиковъ и колокольчиковъ, пѣснями и возгласами народной массы, представляетъ хаосъ невозможныхъ музыкальныхъ диссонансовъ, но все это дышетъ такимъ весельемъ, такою жаждою жизни, которая сказывается и въ этихъ диссонансахъ, и въ яркой пестротѣ нарядовъ, и въ этомъ неугомонномъ движеніи съ ранняго утра до поздней ночи,

и все это вмѣстѣ съ тѣмъ такъ красиво и оригинально, что невольно подкупаетъ въ свою пользу посторонняго зрителя, заставляя и его немного увлечься такою кипучею жизнію...

«Въ одной кучкѣ мелькаютъ ребятишки въ бѣлыхъ рубахахъ съ голубыми воротниками и обшлагами и въ барашковыхъ шапкахъ, какія носятъ здѣсь милиціонеры-доробанцы. Вообще здѣсь многихъ дѣтей одѣваютъ въ національный костюмъ и преимущественно въ костюмъ доробанцевъ. Тамъ и здѣсь расхаживаютъ женщины въ народныхъ нарядахъ, шеи которыхъ украшены ожерельями изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ; у дѣвушекъ живые цвѣты на головѣ, а у замужнихъ голова покрыта тонкимъ, широко ниспадающимъ вуалемъ; короткія юбки нерѣдко затканы или расшиты серебряными и золотыми узорами; тонкая бѣлая сорочка съ кружевами у многихъ въ этотъ день украшена на восточный ладъ золотыми или серебрянными нитями и позументами. И надъ всею этою вереницею экипажей, всадниковъ и пѣшеходовъ, священническими камилавками греческой формы, надъ всѣмъ этимъ пестрымъ и веселящимся людомъ, летаютъ въ воздухѣ бумажные змѣи, воздушные шары, и вмѣстѣ съ гамомъ голосовъ стоитъ гулъ отъ множества самыхъ разнообразныхъ возгласовъ продавцовъ «дульчатсъ» (сладостей), воды, прохладительныхъ напитковъ, табаку, игрушекъ, и отъ множества не менѣе разнообразныхъ высвистовъ, щелканья, звяканья, трескотни и т. п. Длиннымъ рядомъ вытянулись палатки и балаганы съ товарами, лотереями, народными ресторацiями и разными представленіями заѣзжихъ фокусниковъ, жонглеровъ, буффоновъ, маговъ и чревовѣщателей; карусели кружатся, тамъ и сямъ скрипятъ качели; множество крестьянскихъ возовъ съ сельскими товарами протянулись длинными рядами; множество пестрыхъ флаговъ на высокихъ шестахъ развѣвается въ воздухѣ. Словомъ, все это ярко, шумно, пестро и производитъ веселое, самое пріятное впечатлѣніе».

По обычаю страны князь непремѣнно долженъ самъ открыть ярмарку; если онъ въ отсутствіи, то во что бы то ни стало старается возвратиться къ этому дню, въ противномъ случаѣ ее открываетъ первый сановникъ. Для этого посреди площади раскидываютъ большой красивый шатеръ, который убираютъ цвѣтами, зеленью тропическихъ растеній и національными румынскими флагами. Тутъ вечеромъ сидитъ князь, чиновники и представители всѣхъ классовъ общества. Шампанское льется рѣкой, безпрестанно слышны французскіе утонченные разговоры, разносятъ дорогія угощенія. Въ нѣсколькихъ шагахъ, подъ звуки военнаго оркестра, высшее общество танцуетъ кадрили и польки, но не рѣдко увлекается и народными танцами. Тутъ придворныя дамы и сановницы, подъ звуки оркестра танцуютъ «роману», а тамъ простыя румынки, подъ аккомпаниментъ цыганскихъ скрипокъ отплясываютъ «жокъ».

Но самая громадная, пестрая толпа народа—на другомъ концѣ площади: всѣ съ необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдятъ за пляскою чрезвычайно оригинальныхъ плясуновъ—«калюзари». День 9-го мая, въ который обыкновенно и начинается бухарестская ярмарка, соединяется вмѣстѣ съ однимъ народнымъ празднествомъ, начало котораго теряется еще во мракѣ временъ языческихъ. Румыны сами считаютъ себя и желаютъ, чтобы всѣ на нихъ смотрѣли не иначе, какъ на прямыхъ потомковъ древнихъ римлянъ и увѣряютъ, что это празднество, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить,—народное воспоминаніе въ честь похищенія сабинянокъ. Пляски «калюзари» и напоминаютъ объ этомъ похищеніи, хотя собственно въ нихъ болѣе всего сказывается восточный, дервишскій характеръ. Эти танцоры «калюзари» носятъ въ обыкновенные дни ремни, одѣтые крестъ на крестъ на обоихъ плечахъ, металлическій поясъ, шляпу съ пучкомъ перьевъ, и имѣютъ непремѣнно вожака, который не только, такъ сказать, дирижируетъ танцами, но можетъ исключить изъ кружка калюзари за неповиновеніе или несоблюденіе предписанныхъ обычаевъ.

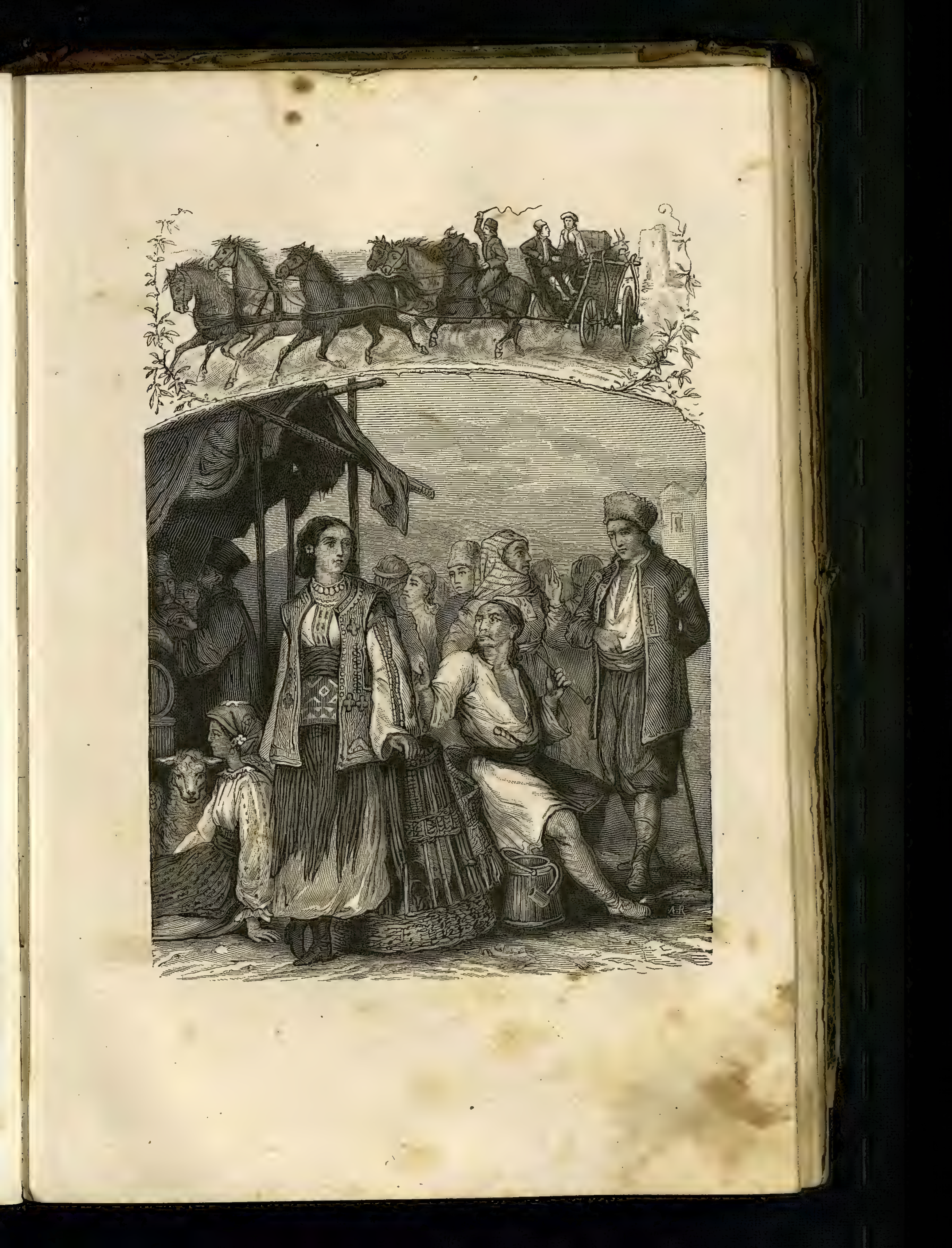
На танцы въ Бухарестъ въ этотъ день является 12 человѣкъ калюзари, вооруженныхъ длинною палкою и деревяннымъ щитомъ; на нихъ нарядныя, бѣлыя рубашки по колѣно, съ пунцовыми шарфами черезъ плечо, а на ногахъ особыя шпоры съ погремушками. «Каждый изъ танцоровъ держалъ обѣими руками надъ головой довольно толстую палку. Тѣлодвиженія танца, производимыя почти на мѣстѣ руками, ногами и всѣмъ корпусомъ, подъ оживленный, быстрый темпъ, сопровождаются при каждомъ тактѣ возгласомъ «гайда», который выкрикиваютъ всѣ танцоры сразу. Двѣ цыганскія скрипки аккомпанировали танцу, но ихъ почти не было слышно за шумомъ этихъ энергическихъ «гайда» и шпоръ-погремушекъ. Потомъ кругъ разомкнулся въ полукружіе и танцоры, полуприсѣвъ на корточки, съ сильно откинутымъ назадъ корпусомъ и опираясь на свои палицы, продолжали на мѣстѣ ногами и тѣломъ тѣ же энергически-быстрыя, порывистыя движенія, а четверо изъ нихъ выступили впередъ, стали по два въ рядъ лицомъ другъ къ другу и положили свои палки на плечи одинъ къ другому, въ видѣ перекладины. На эту перекладину вскочилъ пятый танцоръ и ловко эквилибрировалъ на ней, выплясывая тотъ же танецъ». Въ ту минуту, когда потъ катится съ нихъ градомъ, бѣшенство нѣсколько стихло, и они выстроились въ рядъ; тогда къ нимъ подходитъ человѣкъ въ маскѣ, ихъ предводитель, и дѣлаетъ имъ какой-то знакъ; они, въ ту же минуту, бросаются на молодую дѣвушку, которая, заинтересованная танцами, болѣе всѣхъ выдвинулась изъ толпы. Калюзари ее насильно вводятъ въ кругъ. Эта, какъ бы похищенная дѣвушка, должна съ ними тотчасъ танцовать.

Калюзари со своимъ вождемъ, одѣтымъ въ маску, каждый годъ въ этотъ день спускаются съ Карпатъ и такимъ образомъ пляшутъ и похищаютъ для танца молодую особу.

Не всякій можетъ стать калюзари: эти люди живутъ совершенно замкнутою жизнію, подчиняются извѣстнымъ правиламъ и принимаютъ въ свое общество только того, кто выдержитъ долгое, тяжелое испытаніе. Главнымъ ихъ правиломъ обыкновенно бываетъ обѣтъ сорокадневнаго молчанія и поста. Они искренно убѣждены, что того, кто нарушитъ этотъ священный обѣтъ, фея лѣсовъ накажетъ смертію.

Когда калюзари покончили свои пляски, вся толпа разсыпается на множество группъ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, и каждая, подозвавъ къ себѣ музыку, которая обыкновенно состоитъ изъ волынки и скрипки, начинаетъ разныя пляски. Въ одномъ кружкѣ народъ пляшетъ свой любимый національный танецъ «жокъ». Для этого молодые парни и дѣвушки становятся въ кружокъ, взявши другъ друга за руки. Музыка начинаетъ играть и кружокъ двигается сначала въ одну сторону, потомъ въ другую, на подобіе нашихъ хороводовъ. При этомъ, во время движенія кружка, танцоры выкидываютъ различные па. Потомъ на средину круга выходитъ молодой, ловкій мальчуганъ, пляшетъ и затѣмъ выбираетъ дѣвушку. Тогда кружекъ раздѣляется на пары; въ первой парѣ идетъ бывшій въ срединѣ; пары скачутъ, кружатся, выдѣлываютъ различные па и убѣгаютъ въ разныя стороны. Вообще въ этомъ танцѣ каждый можетъ импровизировать на свой ладъ, исключая нѣкоторыхъ главныхъ правилъ.

Въ другой кучкѣ пляшутъ «буфенакъ», названный по имени одного валахскаго героя, который неудачно сражался за народную свободу. Но шумнѣе всего тамъ, гдѣ пляшутъ «альнаентэ» (по-русски—впередъ). Это до такой степени веселый и шумный танецъ, что при немъ обыкновенно присутствуетъ даже мѣстная стража со своими палками. Начинаютъ съ того, что молодцы спорятъ изъ за чести танцовать первыми. Кто добьется этой чести, тотъ старается заплатить оркестру какъ можно щедрѣе. На юношу, который всѣхъ переспоритъ, пропляшетъ съ дѣвушкой первый, щедро заплатитъ музыкантамъ, всѣ дѣвушки смотрятъ съ необыкновеннымъ восторгомъ и уваженіемъ. Вотъ



почему и юноши такъ добиваются чести проплясать первому. Когда одинъ добился этого преимущества, то каждый танцоръ беретъ по одной дѣвушкѣ съ обѣихъ сторонъ и, уставившись такимъ образомъ, колонной другъ за другомъ, медленно подскакивая и постукивая тяжелыми сапогами, танцоры подвигаются впередъ. Но вотъ музыканты заиграли живѣе, и танецъ дѣлается оживленнѣе; молодецъ подымаетъ руку и заставляетъ дѣвушку подъ нею вертѣться. Когда кончается танецъ, дѣвушки стыдливо стараются скрыться въ толпу, но эта стыдливость одна форма, такъ какъ молоденькія румынки отличаются необыкновенной бойкостью и непринужденностью.

А тамъ, на другомъ концѣ площади, далеко въ сторонѣ отъ пляшущей молодежи, собрался небольшой кружекъ и, подъ аккомпаниментъ флейты, ясно можно различить меланхолическія слова пѣсни: «Моя прекрасная, моя дорогая! Отвори двери, холодный вѣтеръ растравляетъ мои раны; сердце разрывается на части»!

РУМЫНСКАЯ СВАДЬБА.

Простой народъ, не смотря на угнетеніе, которое онъ такъ долго испытывалъ, вполнѣ сохранилъ свою національную гордость и проявляетъ ее при всякомъ удобномъ случаѣ. При сватовствѣ, женихъ прежде всего задаетъ вопросъ: настоящаго ли румынскаго происхожденія его будущая невѣста? Если отвѣтъ утвердительный, онъ посылаетъ своихъ сватовъ къ родителямъ невѣсты, и когда получитъ согласіе, то черезъ нѣсколько дней отправляется къ нимъ самъ съ своими родителями и сватами. При этомъ впереди идетъ музыкантъ съ флейтой и ораторъ, спеціальность котораго, какъ можно краснорѣчивѣе ораторствовать при выполненіи разныхъ свадебныхъ обрядовъ. Когда онъ переступаетъ порогъ дома невѣсты, то начинаетъ рѣчь въ такомъ родѣ: наши дѣды и прадѣды, отправляясь на охоту, открыли однажды нашу прекрасную страну, текущую медомъ и млекомъ. Слѣдуя ихъ примѣру, охотился и нашъ молодецъ (называетъ имя жениха) по полямъ, лѣсамъ и горамъ и встрѣтилъ робкую серну, которая вдругъ испугалась его и спряталась, Мы выслѣдили ее до этого дома,—робкая серна у васъ, въ вашемъ домѣ. Вы должны отдать намъ ее или показать, гдѣ она спряталась.

Родители божатся и клянутся, что въ этотъ домъ не заходила сегодня ни одна серна, но такъ какъ ораторъ настаиваетъ на своемъ, то мать невѣсты выводитъ къ нему сначала бабушку, потомъ какую нибудь другую старуху въ лохмотьяхъ и при этомъ каждый разъ спрашиваетъ: «не эту ли вы отыскиваете»? Но такъ какъ она каждый разъ получаетъ отрицательный отвѣтъ, то проситъ наконецъ описать наружность серны, которую они отыскиваютъ съ такимъ рвеніемъ. Тутъ ораторъ пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчіе.—«Знайте, что это—красавица дѣвица, легкая, прелестная какъ серна!» восклицаетъ онъ. «У нея глаза блестятъ, какъ алмазы, зубы точно жемчугъ, а губы такія же алыя, какъ черешня, ростъ львицы, бѣлая шея какъ у лебедя, пальцы нѣжны, какъ воскъ, отъ лица блескъ идетъ, какъ отъ настоящаго солнца», и чѣмъ дальше, ораторъ все пуще сыплетъ сравненіями и аллегоріями. Наконецъ родители уступаютъ его просьбамъ и выводятъ свою дочь, разодѣтую въ лучшее платье. «Вотъ серна, вотъ она!» раздается единодушный возгласъ. Къ этому времени входитъ и священникъ, который и совершаетъ обрученіе, состоящее въ обмѣнѣ колецъ. Послѣ этого

невѣста уходитъ изъ комнаты, а всѣ остальные садятся и совѣщаются о днѣ свадьбы, которая обыкновенно назначается въ воскресенье.

Въ день, назначенной для брака, рано утромъ, всадники ѣдутъ впереди жениха, чтобы извѣстить родственниковъ невѣсты о его приближеніи. Когда женихъ ѣдетъ черезъ деревню, въ которой живетъ его невѣста, поѣзжане стрѣляютъ изъ ружей. При этомъ всѣ бросаются изъ своихъ домовъ на улицу, тоже стрѣляютъ и выкрикиваютъ разныя привѣтствія.

Женихъ со своей свитой подъѣзжаетъ къ дому невѣсты, но остается во дворѣ, пока сваха не приведетъ къ нему невѣсты подъ покрываломъ. Тогда женихъ и невѣста, въ сопровожденіи огромной свиты, входятъ въ домъ, становятся на колѣни передъ священникомъ и повторяютъ за нимъ свадебныя молитвы. Послѣ этого невѣста, заливаясь слезами, прощается со своими родителями, садится въ повозку, запряженную шестью лошадьми, и ѣдетъ въ церковь по дорогѣ, усыпанной цвѣтами и зелеными вѣтками. Но ея головѣ надѣтъ длинный золотой вуаль, а въ нѣкоторыхъ мѣстностямъ одѣваютъ длинные золотые волосы. Обыкновенно вѣнчанье происходитъ въ церкви, послѣ вечерни.

Въ церкви женихъ и невѣста стоятъ на коврѣ, осыпанномъ монетами, въ знакъ презрѣнія въ деньгамъ и того, что они не считаютъ ихъ основой семейнаго счастія. Деньги эти послѣ бракосочетанія отдаютъ священнику и пѣвчимъ. Въ ту минуту, когда священникъ мѣняетъ вѣнцы, родные жениха и невѣсты бросаютъ въ гостей обсахаренными орѣхами и миндалемъ въ знакъ того, что будущіе супруги отрекаются отъ удовольствій и лакомствъ дѣтскаго возраста. Позади брачной четы обыкновенно стоятъ двое почетныхъ пожилыхъ гостей съ свадебными факелами.

Послѣ вѣнца, когда всѣ приглашенные возвратились домой, молодая становится на порогѣ и опрыскиваетъ розовой водой всѣхъ тѣхъ, которые подходятъ къ ней съ поздравленіями. Затѣмъ она начинаетъ бросать на всѣ четыре стороны соль и пшеничные зерна. Потомъ она сходитъ съ порога, въ знакъ покорности моетъ свекру ноги и садится на возвышенномъ мѣстѣ между своею матерью и свекровью, такъ какъ только съ ними она можетъ говорить во время свадебнаго ужина. Священникъ сидитъ за столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ и долженъ благословлять всѣ кушанья, въ числѣ которыхъ непремѣнно появляется кислый супъ и капуста съ свинымъ саломъ. Около 3-хъ часовъ пополуночи являются стряпухи, которыя готовили этотъ ужинъ, съ пѣтухомъ, зажареннымъ въ перьяхъ. При этомъ одинъ изъ гостей ползетъ подъ столъ и вмѣсто пѣтуха выкрикиваетъ «кукуреку», чтобы напомнить присутствующимъ о наступающемъ утрѣ. Затѣмъ стряпухамъ бросаютъ мелкую монету и ужинъ оканчивается молитвой о новобрачныхъ.

На слѣдующій день послѣ обѣда въ домъ новобрачныхъ привозятъ приданое молодой, которое торжественно передаютъ отцу новобрачнаго. Эта передача приданаго дѣлается съ большимъ торжествомъ даже нерѣдко въ знатныхъ семействахъ. Цѣлая армія слугъ, подъ звуки трубъ и другихъ инструментовъ, вноситъ въ домъ молодыхъ сундуки и кардонки и отецъ молодой все это передаетъ, какъ и въ простыхъ семьяхъ, отцу молодаго. Разумѣется, обычай этотъ все менѣе выполняется въ высшихъ кругахъ, все болѣе подражающихъ блестящему французскому обществу.

Въ Румыніи до сихъ поръ существуетъ нѣсколько уголковъ, гдѣ еще можно видѣть и въ настоящее время «рынокъ невѣстъ». Рынки невѣстъ открываются въ извѣстные дни, обыкновенно на какой-нибудь площадкѣ, не далеко отъ церкви.

Родители, имѣющіе взрослую дочь, одѣваютъ ее въ лучшее, праздничное платье, наваливаютъ въ повозку все ея приданое, которое обыкновенно состоитъ изъ нѣ-

сколькихъ овецъ, свиней, домашней птицы и кое чего изъ ея туалета. Въ этой же повозкѣ садится отецъ или мать вмѣстѣ съ дочерью и такимъ образомъ отправляются на рынокъ невѣстъ. Невѣста остается сидѣть въ телѣжкѣ, а родители расхаживаютъ по площади, разговариваютъ съ знакомыми, если ихъ встрѣтятъ. Парни, имѣющіе намѣреніе жениться, тоже являются сюда въ праздничной одеждѣ, похаживаютъ между телѣжками, заговариваютъ съ сидящими въ нихъ дѣвушками и съ одного взгляда довольно вѣрно опредѣляютъ количество и качество ихъ приданаго. Когда дѣвушка понравилась парню, онъ отыскиваетъ ея родителей и спрашиваетъ ихъ: сколько они хотятъ взять за нее, а также болѣе точно съ своей стороны узнаетъ отъ нихъ, что они даютъ за своей дочерью. Если плата за дѣвушку кажется жениху очень высокою, онъ начинаетъ торговаться съ ними зубъ за зубъ, точно дѣло идетъ о самомъ обыкновенномъ товарѣ. Не рѣдко во время торга, женихъ, указывая на ихъ дочь, начинаетъ издѣваться, что они много запросили и съ бранью и съ насмѣшками отходитъ къ другой, начинаетъ торговать себѣ новую невѣсту. Вслучаѣ же благополучнаго окончанія переговоровъ, женихъ со всей силы ударяетъ по рукѣ отца невѣсты, чтобы всѣ присутствующіе слышали, что дѣвушка обѣщана ему.

Затѣмъ родители и женихъ отправляются вмѣстѣ пить водку и тотчасъ же зовутъ священника, который обвѣнчиваетъ ихъ черезъ какіе-нибудь полтора, два часа. Послѣ вѣнчанья молодая прощается со своими родителями, беретъ свое приданое, садится въ повозку своего мужа, съ которымъ познакомилась только нѣсколько часовъ тому назадъ, и отправляется съ нимъ на новую родину.

ГРЕЦІЯ.

Характеръ страны и первое знакомство съ нею.

Греціею называли эту страну еще римляне, а сами греки называли ее Элладою. Греческое королевство, сдѣлавшееся самостоятельнымъ съ 1832 года, примыкаетъ своею сѣверною границею къ Турціи, а съ прочихъ сторонъ окружено водою. Эта страна очень гориста и наполнена высокими равнинами; сотни большихъ и малыхъ заливовъ и бухтъ врѣзываются въ материкъ, окруженный множествомъ прелестныхъ, плодородныхъ и обитаемыхъ острововъ. Замѣчательно, что эти острова большею частію ничто иное, какъ продолженіе мысовъ близь-лежащаго материка; поэтому многіе изъ нихъ и находятся отъ него на самомъ незначительномъ разстояніи. Нѣкоторые изъ нихъ весьма большіе, таковы: Эвбея, Кандія, Тазосъ, Занте, Кефалонія, Корфу. Другіе, какъ напримѣръ, Цикладскіе, Спорадскіе—меньше. Тѣ и другіе расположены по обѣ стороны полуострова. Греческій полуостровъ особенно отличается развитіемъ своей береговой линіи, длина которой—560 м., между тѣмъ какъ длина береговой линіи сосѣдней Италіи только 350 м. Съ Греціей въ этомъ отношеніи можно сравнить только Великобританію, но она совершенно оторвана отъ материка. И такъ Греція самый расчлененный полуостровъ не только всей Европы, но и всего земнаго шара. Сама природа назначила грекамъ сдѣлаться морской націей, и если ихъ флотъ далеко не имѣетъ еще того значенія и силы, какъ флотъ англійскій, то причина этому—печальное прошлое страны; тѣмъ не менѣе Греція обязана своему флоту освобожденіемъ отъ турецкаго владычества, точно такъ же какъ во времена Фемистокла флотъ избавилъ эту страну отъ владычества персовъ.

Природа Греціи, съ одной стороны, весьма напоминаетъ горную природу Швейцаріи, а съ другой — Скандинавію, изрѣзанную фіордами, съ тою только разницею, что Греція находится подъ яснымъ, южнымъ небомъ.

Развѣтвившіеся горные хребты образовали здѣсь цѣлый рядъ областей, изъ которыхъ каждая можетъ существовать совершенно отдѣльно. Житель равнины при нападеніи сильнаго врага обыкновенно безропотно покоряется свой судьбѣ, такъ какъ у

него нѣтъ никакой защиты. Совсѣмъ не то бываетъ тамъ, гдѣ поля окружены горами съ высокимъ гребнемъ и узкими проходами. Тамъ часто небольшое число жителей можетъ съ успѣхомъ защищаться противъ многочисленнаго и сильнаго непріятеля. Вотъ почему во всѣхъ странахъ, гдѣ сама природа позаботилась такимъ образомъ о защитѣ жителей, у нихъ развивается необыкновенная энергія, мужество, самостоятельность, умѣнье владѣть оружіемъ и, въ случаѣ нужды, во время за него взяться. При вражескомъ нашествіи множество народа всегда можетъ найти себѣ убѣжище на вершинахъ горъ или въ недоступныхъ ущельяхъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Греція, замкнутая и удобная для самозащиты, несравненно болѣе открыта для сношеній, нежели всякая другая страна. Съ трехъ сторонъ во всѣ части ея проникаетъ море; восхищая взоръ, развивая чувство изящнаго и отвагу, оно постоянно возбуждаетъ фантазію. Море, всегда открытое для мореплаванія, прежде всего, разумѣется, даетъ возможность къ развитію торговли, сближаетъ земли и народы, способствуетъ обмѣну мыслей, помогаетъ знакомству съ нравами и обычаями различныхъ народовъ, слѣдовательно даетъ много способовъ къ образованію, развитію и улучшенію матеріальнаго быта. Море, съ трехъ сторонъ окружающее Грецію, хотя и часто волнуется, но очень скоро и утихаетъ,—къ тому же оно не представляетъ большихъ опасностей, такъ какъ здѣсь множество якорныхъ стоянокъ, въ которыхъ мореплаватель легко можетъ укрыться въ случаѣ бури. Въ этомъ ему всегда помогаетъ прозрачность здѣшняго воздуха, при которой днемъ легко распознавать мѣстность, а ночью при безоблачномъ небѣ, при яркомъ блескѣ звѣздъ мореплаватель можетъ спокойно и увѣренно продолжать свой путь. Правда, здѣсь довольно часто бываютъ вѣтры, но они рѣдко переходятъ въ ураганъ, да и время появленія ихъ болѣе или менѣе извѣстно.

Зима, въ продолженіи которой часто измѣняется погода и появляется вѣтеръ, когда его менѣе всего ждали,—очень непродолжительна. Морскія теченія, идущія вдоль береговъ, облегчаютъ плаваніе по заливамъ и зундамъ. Стаи перелетныхъ птицъ, стада тунцовъ, переселяющихся въ опредѣленныя времена года, служатъ для мореплавателя прекрасными примѣтами. Правильность во всей жизни природы, въ движеніяхъ воздуха и воды, кроткій и гостепріимный характеръ Эгейскаго моря, какъ прежде благопріятствовали, такъ и впередъ много будутъ содѣйствовать развитію торговли грековъ и ихъ образованію. Какъ историческія причины, такъ и роскошная, разнообразная природа Греціи, разумѣется, много способствовали физическому и духовному развитію народа, его величію и первенству въ древности, имѣли огромное вліяніе на необыкновенное развитіе пластической способности грековъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на развитіе ихъ вкуса и способности къ архитектурѣ и ваянію.

И дѣйствительно, ни въ одной странѣ въ древности народъ не достигалъ такого успѣха въ наукахъ, искуствахъ и въ развитіи политическихъ формъ. Да и въ настоящее время вполнѣ цивилизованные народы первостепенныхъ европейскихъ государствъ принуждены оглядываться назадъ къ этимъ маленькимъ, греческимъ народамъ, которые всетаки остаются нашими учителями въ наукахъ и искуствахъ.

Такое важное значеніе народовъ Греціи, которымъ они пользовались въ теченіе долгаго періода всемірной исторіи, прежде всего можно объяснить географическимъ положеніемъ страны. Дѣйствительно, племена того же самаго происхожденія, но жившіе не при столь благопріятныхъ условіяхъ, какъ напр. аркадцы, замкнутые въ своихъ горахъ, оставались грубыми и дикими. Если бы Греція, такъ удивительно изрѣзанная моремъ, была бы континентальною равниною, соединенною съ пустынями Африки, она никогда не была бы родиной Фидія, Эсхила, Демосфена!

Греція, открытая къ Эгейскому морю своими заливами и портами и окруженная множествомъ островов, которые были вполнѣ удобны для пристаней и стоянокъ, легко вступала въ сношенія съ болѣе цивилизованными народами, жившими напротивъ, на берегахъ Малой Азіи.

За исключеніемъ Египта, почти ни одна страна на земномъ шарѣ не имѣетъ такого богатства памятниковъ старины, какъ Греція. Много пострадала она отъ опустошеній во время войнъ и отъ безпрестанно повторявшихся грабительствъ. Вся Европа обогатилась ея художественными произведеніями, и безчисленное множество греческихъ городовъ и древнихъ памятниковъ разрушены и разобраны были новѣйшими поколѣніями. Всѣ церкви византійской эпохи построены на развалинахъ языческихъ храмовъ. Константинополь, Антіохія, Венеція, Пиза, Генуя и многіе другіе города украсились произведеніями греческаго зодчества. Въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ развалины многихъ древнихъ городовъ употреблены были новѣйшими жителями для построекъ. Какъ развалины Вавилона служили для постройки Багдада, такъ и камни древней Спарты исчезали по мѣрѣ того, какъ вблизи ея строился новый городъ Мизитра. Вторженіе турокъ закончило это давно начатое разрушеніе. Не смотря на все это, многіе памятники искуства и до сихъ поръ уцѣлѣли и отъ разрушающихъ морскихъ волнъ, и отъ варварскихъ нашествій. Особенно богаты въ этомъ отношеніи Афины, которые своимъ Акрополемъ, Парфенономъ и храмомъ Тезея еще до сихъ поръ привлекаютъ множество путешественниковъ. Удивительно, какимъ образомъ эти памятники съ ихъ надписями прекрасно сохранились въ продолженіе тысячелѣтій! Они теперь живо повѣствуютъ потомству о давно исчезнувшемъ времени; и этимъ они болѣе всего обязаны постоянной погодѣ и прекрасному греческому небу; только въ сѣверной Греціи, тамъ, гдѣ влажная почва и обиліе дождей способствуютъ растительности, кустарники и лѣса разрушили прекрасные храмы и городскія стѣны.

Для общей характеристики этой страны вспомнимъ стихи знаменитаго англійскаго поэта Байрона, который изъѣздилъ Грецію вдоль и поперегъ и даже умеръ въ этой странѣ, въ борьбѣ за ея свободу:

Но все же ты еще прекрасна,
Земля потерянныхъ боговъ,
Ты хороша, хоть и несчастна,
Вездѣ—средь пышныхъ береговъ,
Тамъ, гдѣ бѣгутъ, сверкая, воды,
Гдѣ ароматъ и тишина—
Видна вездѣ любовь природы
Къ тебѣ, печальная страна...
Твои классическія зданья
Среди классической земли
Лежатъ обломками въ пыли...
. . . .
Но это небо также сине,
Утесы дики, зеленъ лѣсъ—
Твои оливы зрѣютъ нынѣ,
Какъ при Минервѣ въ вѣкъ чудесъ,
Какъ прежде, медъ течетъ янтарный,
Трудится рѣзвая пчела,
И, трудъ свершая благодарный,
Какъ прежде, вьется у дупла.
А лѣто длинное Эллады

И рядъ распавшихся колоннъ
Все также грѣетъ Аполлонъ,
Но спятъ разбитыя громад,
И слава спитъ въ оковахъ сна
Природа царствуетъ одна.

АФИНЫ.

Бѣдствія и превратности судьбы этого города.—Храмъ Тезея.—Холмъ Пниксъ.—Ареопагъ.—Акрополь.—Пропилеи.—Пинакотека.—Храмъ безкрылой побѣды.—Парфенонъ.—Видъ этихъ памятниковъ въ настоящее время и ихъ значеніе въ прошломъ.

Между древнѣйшими городами, сохранившимися до настоящаго времени, первое мѣсто принадлежитъ Афинамъ. Афины—отечество искуства и краснорѣчія, пріютъ знаменитѣйшихъ философовъ, ораторовъ, поэтовъ, скульпторовъ, которымъ удивляются и подражаютъ еще и теперь. Изящество и оригинальность здѣшнихъ памятниковъ составляютъ главное ихъ достоинство, и поэтому этотъ городъ, хотя еще въ древности потерялъ свое политическое значеніе, но долго сохранялъ художественное и ученое. Афины и до сихъ поръ обращаютъ на себя вниманіе ученыхъ археологовъ и художниковъ. Планъ Афинъ очень простъ. Двѣ главныя улицы прорѣзываютъ весь городъ вдоль и поперегъ и подъ прямымъ угломъ пересѣкаютъ одна другую по серединѣ; одна изъ нихъ—улица Гермеса, продолженіе дороги ведущей изъ Пирея; она идетъ отъ востока къ западу и теряется въ прекрасныхъ садахъ, окружающихъ королевскую резиденцію. Эта улица была бы совершенно прямая, еслибы на одномъ мѣстѣ маленькая, живописная древняя византійская церковь не выступала впередъ и такимъ образомъ не дѣлала бы легкаго выгиба. Другая улица—Эола идетъ отъ юга къ сѣверу и начинается около Акрополя, у башни Вѣтровъ. Улица Гермеса раздѣляетъ городъ на двѣ половины, можно сказать на двѣ отдѣльныя эпохи. Направо лежитъ старый городъ. Тутъ вы увидите Акрополь и храмъ Тезея, Пниксъ и Ареопагъ, древности и развалины, тѣсныя улицы на обломкахъ старины, гдѣ и самая почва поднялась такъ, что основанія нынѣшнихъ домовъ лежатъ выше кровель старинныхъ построекъ. Налѣво раскидывается новый городъ: тамъ университетъ, новый соборъ, дома французскаго и англійскаго посольствъ, прямыя улицы, европейскія зданія и магазины.

Великіе памятники старины здѣсь привлекаютъ путешественника гораздо болѣе, чѣмъ новый городъ и самая жизнь нынѣшнихъ афинянъ. Это происходитъ можетъ быть потому, что жизнь нынѣшнихъ грековъ мало успѣла развиться; такъ какъ они еще недавно освободились изъ подъ тяжкаго чужеземнаго гнета, и въ 1871 году справляли только первый пятидесятилѣтній юбилей своей независимости. Нынѣшнее поколѣніе грековъ еще ничего не успѣло создать новаго и достойнаго удивленія, чтобы уподобиться своимъ предкамъ, которыхъ славное прошедшее своимъ блескомъ заслоняетъ настоящее. Поэтому и мы, по примѣру другихъ, обратимся сначала къ древностямъ; но, чтобы лучше ихъ себѣ уяснить, вспомнимъ прошлое этого города... не то прошлое временъ Перикла, когда съ такимъ блескомъ процвѣтали греческое образованіе, поэзія, живопись, скульптура, даже не время ихъ упадка. Все это, разумѣется, слишкомъ хорошо из-

вѣстно нашимъ читателямъ и къ тому же мы кое-что припомнимъ изъ этого при обзорѣ памятниковъ. Теперь мы дадимъ бѣглый очеркъ тѣхъ перемѣнъ, которыя претерпѣли Афины въ болѣе близкое и вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе извѣстное намъ время.

Афины въ древнее время не отличались роскошными домами, но на всѣхъ улицахъ и площадахъ стояли большіе храмы, портики, статуи и жертвенники. Вблизи города были тѣнистыя рощи и аллеи, но частныя жилища не славились особеннымъ богатствомъ. Гражданинъ принадлежалъ только государству и его частная жизнь совершенно исчезала въ государственной, поэтому древній обычай не допускалъ блеска и роскоши частныхъ жилищъ. Все великолѣпіе должно было сосредоточиться на общественныхъ зданіяхъ. Вотъ почему дома частныхъ лицъ были очень не велики и строились изъ кирпичей, высушенныхъ на воздухѣ, какъ дома въ Помпеѣ и Геркуланумѣ. Балконы верхняго этажа часто свѣшивались на улицу. Дома Ѳемистокла, Аристида, Мильтіада и др. были не лучше домовъ простыхъ людей; но государственныя постройки были такъ велики въ древней Греціи, что ихъ еще не превзошли въ этой странѣ современныя зданія. Однако во времена Перикла уже начинаютъ строить болѣе роскошные частные дома, и затѣмъ роскошь, комфортъ и блескъ все болѣе входятъ въ частную жизнь. Но, повторяемъ, это было уже въ болѣе поздній періодъ; прежде же улицы были такъ кривы и тѣсны, а дома такъ малы и неудобны, что чужестранецъ, попавшій въ этотъ городъ, могъ справедливо усомниться, это ли знаменитые Афины; но такое сомнѣніе исчезало, когда глазамъ его представлялся Одеонъ — великолѣпный, большой театръ и высоко подымающійся, достойный удивленія Парфенонъ, который приводилъ каждаго зрителя въ неописанный восторгъ.

За 150 лѣтъ до Р. Х. Греція подпала подъ римское владычество, но и послѣ этого она еще долго пользовалась совершеннымъ покоемъ, такъ что еще во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. въ ней процвѣтало искуство. Римскіе императоры относились съ большимъ вниманіемъ къ Афинамъ изъ уваженія къ ихъ великому прошлому. Афины пали, когда варвары, жертвою которыхъ сдѣлалось римское государство, неудержимо стали стремиться въ Грецію. Прежде всего пришли скифы въ половинѣ III-го столѣтія по Р. Х. Хотя они и были отражены, но деревья въ Аттикѣ были сожжены, храмы боговъ разрушены. Въ концѣ IV столѣтія по Р. Х. явился король Готовъ Аларикъ—великій разрушитель греческихъ древностей. Онъ опустошилъ страну до самой южной оконечности Пелопонеса. Однако и послѣ этого, въ V-мъ вѣкѣ, Афины опять поднялись и были еще въ это время центромъ тогдашней науки и образованности. Послѣдній часъ Афинъ пробилъ въ половинѣ VI-го столѣтія, въ царствованіе Юстиніана I-го. Это было время неудержимаго движенія славянскихъ народовъ на Византійскую имперію. Они подходили не только къ Константинополю, но проникали гораздо южнѣе: въ Фессалію, Ливадію и даже въ Пелопонесъ. Тогда ни одинъ клочекъ земли, ни одна гора не остались въ Аттикѣ не опустошенными. Афины были покинуты жителями, и Аттика почти 4 столѣтія затѣмъ оставалась незаселенною пустынею. Афиняне бѣжали, какъ ихъ великіе предки во время персидской войны, на островъ Саламинъ, гдѣ они построили дома и церкви. Лишь немногіе остались въ Акрополѣ и городскихъ башняхъ. Вскорѣ однако на этихъ оставшихся напали разбойники изъ Пелопонеса, расхитили все, что они нашли, и удалились въ горы.

На опустѣвшихъ улицахъ выросли деревья, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и весь знаменитый городъ былъ покрытъ густымъ оливковымъ лѣсомъ. Около 746 г. въ городѣ случился страшный пожаръ: онъ истребилъ деревья, дома и древности. Огонь уничтожилъ виноградники Пирея, обработываемые афинянами изъ Саламина; къ этому бѣдствію присоединилось еще и землетрясеніе, которое помогло уничтожить послѣдніе

остатки. Послѣ этого несчастія Афины представляли совершенно заброшенную пустыню и скоро сдѣлались византійскою Сибирью. Того, кто впадалъ въ немилость при константинопольскомъ дворѣ, отправляли въ изгнаніе на афинскій Акрополь. Только въ началѣ X-го столѣтія встрѣчаются опять извѣстія объ Афинахъ. Въ это время жители всей Аттики собрались сюда, но тѣмъ не менѣе населеніе города было совершенно незначительно. Таково было положеніе Афинъ, когда, при раздробленіи византійскаго государства въ 1204 г., Аттика и Беотія достались барону Бургундскому Отто-фонъ-Ларошу. Два съ половиною столѣтія оставались эти области подъ властію афинскихъ герцоговъ, которые происходили то изъ бургундскаго, то изъ испанскаго, то изъ флорентинскаго рода. При нихъ Афины быстро стали разцвѣтать. Какъ резиденція, они были украшены прекрасными зданіями и населились множествомъ знатныхъ французскихъ фамилій изъ Бургундіи, Шампани и Прованса, испанскими фамиліями изъ Каталоніи и Балеарскихъ острововъ и итальянскими изъ Генуи, Неаполя, Флоренціи и Сициліи. Вездѣ появились рыцарскіе замки, и феодализмъ водворился въ Аттикѣ. Въ 1456 г. Афинами овладѣли турки. Нѣсколько разъ венеціанцы тщетно пытались отнять этотъ городъ у турокъ. Во время одной осады венеціанская бомба разрушила Парфенонъ, и Афины снова были совершенно разорены. Три года они оставались пустыми; жители разсѣялись по Мореѣ и венеціанскимъ островамъ. Однако постепенно въ покинутый городъ стали возвращаться греческія семейства, а вмѣстѣ съ ними множество турокъ. Съ этихъ поръ Афины, какъ и вся Греція, подпали подъ власть турокъ и находились у нихъ въ совершенномъ рабствѣ до 1821 г., когда вспыхнула греческая война за независимость.

Послѣ этого краткаго очерка ужасныхъ перемѣнъ въ судьбѣ Афинъ мы не будемъ болѣе удивляться, что до насъ дошли лишь скудные памятники древняго афинскаго великолѣпія. Напротивъ того, намъ покажется непонятнымъ, что еще такъ много спаслось отъ всеобщей гибели.

На Акрополѣ, по развалинамъ построекъ Перикла, мы, какъ по палимпсесту (древняя востановленная рукопись), можемъ, хотя и съ трудомъ, составить себѣ понятіе о потерянномъ величіи; но за то внизу, въ самомъ городѣ, о постройкахъ и памятникахъ котораго разсказываетъ столько удивительнаго путешественникъ Павзаній (въ половинѣ II-го столѣтія по Р. Х.), почти все древнее великолѣпіе исчезло безъ слѣда. Только прекрасный храмъ Тезея и памятникъ Лизикрата (Лизикратъ былъ предводитель хора: хоры въ древности состязались въ пѣніи и побѣдившій получалъ въ награду треножникъ, который и выставлялся на особой подставкѣ на улицѣ, такъ что была даже особая улица треножниковъ)—вотъ все, что осталось здѣсь отъ древняго времени.

Мы начнемъ осматривать памятники внизу съ храма Тезея, тѣмъ болѣе что ни одинъ изъ древнихъ афинскихъ памятниковъ не уцѣлѣлъ такъ хорошо, какъ этотъ храмъ. Сама судьба берегла этотъ памятникъ. Построенный въ сторонѣ отъ города, куда не долетали венеціанскія бомбы и турецкія ядра, онъ часто служилъ самымъ низкимъ цѣлямъ: былъ пороховымъ магазиномъ, казармой для солдатъ, конюшней для муловъ, но уцѣлѣлъ лучше Парфенона, лучше всѣхъ другихъ остатковъ старины. Твердость постройки спасла его отъ землетрясеній, а простота—отъ собирателей и похитителей древностей. Не имѣя изящныхъ украшеній Парфенона и другихъ памятниковъ, онъ спасся и отъ грабительства извѣстнаго англичанина, лорда Эльгина, который прославился, какъ мы увидимъ ниже, тѣмъ, что вывезъ изъ Афинъ множество великолѣпнѣйшихъ древностей, оборвалъ лучшія украшенія храмовъ и зданій этого города. Храмъ Тезея даетъ полное понятіе о необыкновенномъ искуствѣ древнихъ строителей: весь эффектъ этихъ зданій основанъ на правильномъ, гармоническомъ сочетаніи линій и на пропор-

ціональномъ соотношеніи частей. Все зданіе построено изъ бѣлаго мрамора. Кровля пострадала болѣе другихъ частей; но и теперь еще она можетъ служить единственнымъ образцомъ древняго способа крыть зданія, такъ какъ крыша Парфенона уже давно не существуетъ. Внутренность храма, въ древности раздѣленнаго на отдѣленія, которыя соотвѣтствовали потребностямъ языческаго культа, была превращена впослѣдствіи въ храмъ христіанскій. Теперь здѣсь устроенъ музей, въ которомъ хранятся древнія вещи, особенно произведенія греческаго ваянія, и цѣльныя, и въ обломкахъ.

Храмъ этотъ былъ построенъ въ 465 г. до Р. Х., т. е. за 30 лѣтъ до Парфенона. Первоначальное его назначеніе было служить надгробнымъ памятникомъ герою, въ честь котораго онъ построенъ. Тезей любимѣйшій афинскій герой. Преданіе говоритъ, что многіе греческіе воины видѣли тѣнь Тезея, носившуюся надъ ними въ облакахъ въ день Марафонской битвы. Барельефы, украшавшіе прежде этотъ храмъ, изображали подвиги Тезея и Геркулеса. Всѣ эти барельефы повреждены, но всѣ они—произведенія высокаго искуства.

Тезеевъ храмъ и теперь еще остается однимъ изъ украшеній Афинъ, а площадка передъ нимъ—любимымъ мѣстомъ, куда чаще всего приходятъ нынѣшніе афиняне погулять и повеселиться. Во вторникъ на Святой недѣлѣ тутъ бываетъ народное гулянье, гдѣ молодые греки пляшутъ танецъ, который, по народному преданію, исполнялъ самъ Тезей.

Недалеко отъ храма Тезея находится невысокій каменный холмъ — знаменитый Пниксъ, на которомъ бывали въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ афинскія народныя собранія. Если эти прогулки и осмотръ древностей вы предпринимаете днемъ и лѣтомъ, то всюду на открытомъ мѣстѣ васъ будетъ немилосердно жечь горячее греческое солнце и при этомъ южный вѣтеръ дуетъ вамъ въ лицо, точно изъ раскаленной печи. Но вотъ передъ вами открылась ровная полукруглая площадь, которая, приподнимаясь въ одну сторону, оканчивается вертикальной гранитной скалой съ вырубленной на верху маленькой площадкой, служившей, по всей вѣроятности, трибуной ораторамъ. Отсюда раздавались голоса Эсхина, Демосфена, Перикла; здѣсь обсуждались и рѣшались важнѣйшія государственныя дѣла. И мѣсто для этого, говоритъ одинъ путешественникъ, выбрано необыкновенно удачно. «Съ одной стороны видѣнъ Парфенонъ, съ другой храмъ Тезея, посвященные—одинъ мудрости, другой силѣ, а позади Ареопагъ, какъ идея верховнаго правосудія. Что можно придумать лучше этой обстановки? Непонятно только, какъ афинскіе демагоги собирались подъ открытымъ небомъ, подъ этими палящими лучами солнца! Въ наше время самая любовь къ отечеству любитъ комфортъ...»

Отъ Пникса перейдемъ къ другому холму — Ареопагу. Ареопагъ — это названіе перваго, извѣстнѣйшаго греческаго судилища. Въ скалѣ сѣраго гранита высѣчены грубыя ступени. Когда поднимешься по этой лѣстницѣ, то взойдешь на площадку, вырубленную въ видѣ правильнаго полукружія въ каменномъ утесѣ. Здѣсь, передъ алтаремъ Эвменидъ (богини мщенія, фурій), собирался Ареопагъ въ свои ночныя засѣданія. Сюда-то въ виду Акрополя и Пникса, къ этому страшному суду, приводили обвиняемыхъ и или оправдывали ихъ, или присуждали къ смертной казни.

Перейдемъ къ Акрополю, и теперь еще составляющему славу и гордость Афинъ. Какъ древніе называли Афины Элладою въ Элладѣ, такъ Акрополь — Афины въ Афинахъ. И дѣйствительно, Акрополь—собраніе всего высшаго, что сдѣлалъ человѣческій духъ въ скульптурѣ.

Акрополь — это отвѣсная скала (вышиною около 160 метровъ надъ уровнемъ моря); по крайней мѣрѣ съ своей сѣверной, южной и восточной стороны онъ возвышается почти отвѣсной стѣною и только на западѣ лишенъ этой естественной

защиты. Потому-то западная сторона и служила всегда входомъ въ Акрополь. Географическое положеніе Акрополя много способствовало его историческому значенію въ древности. Высокая, неприступная съ трехъ сторонъ скала, такъ сказать природная твердыня, естественно, сама подала мысль о сооруженіи на ней искуственной крѣпости и о сохраненіи на ней всего, что было дорого и священно для жителей страны. Думаютъ также, что самые жители, прежде чѣмъ разселиться въ долинѣ, поселились сначала на скалѣ.

Каждый, кто взойдетъ въ ограду, образуемую этими стѣнами, непремѣнно въ изумленіи остановится передъ образцовымъ созданіемъ древняго искуства, — передъ Пропилеями, построенными греками временъ Перикла. Постройка этихъ Пропилей стоила 2012 талантовъ, т. е. болѣе 3 милліоновъ рублей на наши деньги. Пропилеи служили торжественными входными воротами въ Акрополь. Они состоятъ изъ главнаго фасада, т. е. стѣны, прорѣзанной пятью аркообразными отверстіями, и изъ двухъ боковыхъ пристроекъ. Какъ главное строеніе, такъ и боковыя украшены великолѣпными мраморными колоннами. Къ лѣвой пристройкѣ прилегаетъ еще зала, извѣстная подъ именемъ Пинакотеки, бывшая въ древности картинною галлереею. Теперь она обращена въ кладовую для храненія различныхъ древностей, но преимущественно для произведеній скульптуры, которыя почти ежедневно отрываютъ въ этихъ мѣстахъ. Вправо отъ Пропилей возвышается маленькій, но весьма изящный храмъ Безкрылой Побѣды. Почему въ этомъ храмѣ афиняне поставили статую Побѣды безъ крылъ, тогда какъ обыкновенно эта богиня изображалась съ крыльями, это объяснятъ вамъ различно; но самымъ основательнымъ кажется то толкованіе, что афиняне за тѣмъ поставили у себя Побѣду безъ крылъ, чтобы она отъ нихъ никуда не улетѣла.

Храмъ Безкрылой Побѣды совершенно былъ разрушенъ при оборонѣ Акрополя турками противъ венеціанъ, и изъ матеріала его даже была сдѣлана батарея. Но въ 1835 году, очищая Пропилеи отъ турецкихъ построекъ, которыми они были загромождены, открыли не только основаніе, но и большую часть этого изящнаго мраморнаго храма и возсоздали его съ удивительнымъ терпѣніемъ и искуствомъ.

Черезъ Пропилеи, по неправильно нагроможденнымъ обломкамъ, подходишь къ Парфенону, прекраснѣйшему и величайшему храму древности. Двѣ пустынныя залы, стоящія на возвышенномъ основаніи и окруженныя перистилемъ дорическаго ордена *) въ 46 колоннъ, безъ крыши, фронтоновъ и статуй, — вотъ все, что остается намъ отъ Парфенона въ настоящемъ. Конечно, эти стройно уходящія въ высь колонны и карнизы крыши и потолка возбуждаютъ удивленіе и восторгъ своей пропорціональностью и дивной красотой, но все-таки, при первомъ взглядѣ, фантазія не можетъ изъ этого ужаснаго разрушенія, въ которомъ лежитъ теперь Парфенонъ, живо возсоздать себѣ цѣлое во всемъ его стройномъ величіи. Колонны, которыя подпирали прежде крышу и теперь лишены ея, жалобно смотрятъ на чудное восточное синее небо, а кругомъ, внутри храма, валяются одинъ на другомъ прекрасные обломки зданія. Парфенонъ считается самымъ совершеннымъ памятникомъ греческаго зодчества. Это памятникъ великихъ дарованій,

*) Эти ордена болѣе всего различаются между собою по колоннамъ. Дорійская колонна довольно массивна, не имѣетъ базиса, или основанія, кверху слегка съуживается и заканчивается самымъ простымъ капителемъ. Іонійская колонна выше и легче дорійской, стоитъ на базисѣ (представляющемъ подобіе обуви) и капитель ея украшена завиткомъ на подобіе женскаго локона; а коринфская колонна еще сложнѣе и капитель ея представляетъ корзину съ цвѣтами и листьями. Греческіе храмы вообще имѣли видъ продолговатыхъ четыреугольниковъ, снаружи украшенныхъ колоннадами.

ума, находчивости и изящнаго вкуса древнихъ грековъ. Вмѣстѣ съ нимъ для каждаго грека связано много дорогихъ воспоминаній. Парфенонъ былъ посвященъ покровительницѣ города Афинѣ-Парфеносъ, что значитъ дѣвственница (по латынѣ Минервѣ). Надъ сооруженіемъ его трудились нѣсколько знаменитѣйшихъ художниковъ подъ главнымъ наблюденіемъ Фидія, который самъ изваялъ главную святыню и лучшее украшеніе храма—статую богини Афины, всю изъ слоновой кости и золота, драгоцѣнную по качеству матеріаловъ и безцѣнную по красотѣ исполненія. Фронтонъ Парфенона былъ украшенъ скульптурными изображеніями; между прочимъ здѣсь представлена была процессія Великихъ Панафиней (афинскій праздникъ). Парфенонъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ Великими Панафинеями, которыя праздновались въ теченіе 6 дней, но только одинъ разъ въ 4 года. Но за то въ эти 6 дней можно было испытать всевозможныя удовольствія. Тутъ зрителямъ наглядно, во всемъ блескѣ, представлялась полная картина жизни афинянъ съ ихъ вѣрованіями, понятіями, со всѣми ихъ талантами къ разнообразнымъ искуствамъ. Праздники эти обыкновенно начинались представленіями въ Одеонѣ (театрѣ), гдѣ слушали пѣніе, чтеніе, игру на кифарѣ и флейтѣ. Затѣмъ слѣдовали гимнастическія игры: тутъ, кромѣ бѣганья, борьбы, былъ *бѣгъ съ факелами* въ безлунную ночь. Недалеко отъ Пирея былъ *гипподромъ* (конское ристалище), гдѣ состязались всадники и колесницы. Передъ гаванью шли другія увеселенія—состязанія *тріэръ*, т. е. весельныхъ судовъ въ три ряда веселъ. Тому, кто побѣдилъ, давали деньги на быковъ для благодарственной жертвы. Въ концѣ праздниковъ предпринималась процессія, собиравшаяся съ восходомъ солнца. При этомъ несли коверъ, на которомъ были вытканы подвиги богини Афины, событія изъ мѣстной исторіи и даже изображенія отличившихся гражданъ. Въ процессіи принимали участіе всѣ побѣдители предшествующихъ дней и Афиняне всѣхъ возрастовъ на колесницахъ, лошадяхъ и пѣшкомъ. Всѣ колоніи должны были къ этимъ праздникамъ прислать посольство и принести въ даръ богинѣ Афинѣ овецъ и быковъ; обыкновенно въ это же время присутствовали послы и другихъ городовъ. Въ преддверіи храма и въ самомъ храмѣ хранились разныя дорогія приношенія. Въ заднемъ отдѣленіи его была казна. Въ Великія Панафинеи на мраморной доскѣ выставлялся отчетъ всѣмъ ея расходамъ. Во время самаго празднества у ногъ статуи садились государственные чиновники и судьи на состязаніяхъ, и они передъ лицемъ богини давали побѣдителямъ вѣнки и трофеи. Публика стояла внизу храма и въ галлереяхъ. По окончаніи празднествъ двери Парфенона запечатывались и храмъ дѣлался казнохранилищемъ. Слѣдовательно Парфенонъ открывался одинъ разъ въ 4 года, въ казну же входили съ другой стороны и открывали только ту часть, гдѣ она хранилась.

Знаменитая статуя богини Афины украшала собою Парфенонъ до VII-го вѣка, когда при Юстиніанѣ она перенесена была вмѣстѣ съ другими афинскими памятниками въ Византію. Готы и другіе народы, грабившіе и разрушавшіе Афины, по какому-то особенному чуду пощадили Парфенонъ. Онъ только потерпѣлъ нѣкоторое измѣненіе при обращеніи его въ храмъ христіанскій, но первое страшное поврежденіе нанесено было этому дивному зданію въ 1687 г. Въ это время турки, осажденные венеціанцами, устроили въ Парфенонѣ пороховой магазинъ. Осаждающіе пустили туда съ высоты Пникса бомбу, которая, упавъ въ самый складъ пороха, произвела страшный взрывъ и такое разрушеніе, что куски мрамора долетали до лагеря осаждающихъ. Турки, оставшіеся хозяевами Акрополя, устроили въ Парфенонѣ мечеть и, какъ на ея постройку, такъ и на постройку своихъ жилищъ, не брали другихъ матеріаловъ, кромѣ тѣхъ великолѣпныхъ мраморовъ, которые находили тутъ же подъ рукой. Однако не они, а цивилизованные европейцы окончательно разорили Парфенонъ. Въ прошломъ столѣтіи фран-

цузскій посолъ при Оттоманской портѣ, графъ Шуазель, увезъ во Францію, съ позволенія турокъ, нѣсколько обломковъ изъ Парфенона. По его примѣру въ 1801 году англійскій посолъ, лордъ Эльгинъ, сдѣлалъ настоящее нашествіе на Парфенонъ. Обломки колоннъ, статуи, фронтоны, карнизы, надписи и множество другихъ орнаментовъ, словомъ все, что можно было увезти, увезено было имъ въ Англію на нѣсколькихъ корабляхъ. Такимъ образомъ лордъ Эльгинъ лишилъ храмъ послѣднихъ остатковъ скульптуры и оставилъ одинъ остовъ великаго зданія. Байронъ нашелъ имя лорда Эльгина вырѣзаннымъ на одной изъ колоннъ Парфенона и справедливо приписалъ подъ нимъ, что его отечественники докончили то, чего не успѣли сдѣлать варвары. Художнику, желающему въ подробности изучить орнаменты этого чуднаго храма, надо теперь ѣхать не въ Афины, а въ Лондонъ, въ британскій музей, купившій греческіе мраморы Парфенона у лорда Эльгина за 20,000 франковъ. Но, не смотря на это, еще и теперь опустошенный, ограбленный и полуразрушенный Парфенонъ прекрасенъ. Вблизи его, точно также какъ и внутри стѣнъ, разбросано и свалено въ груды множество обломковъ статуй и орнаментовъ, составлявшихъ прежде украшеніе этого зданія.

Греки жалуются, что важнѣйшіе остатки ихъ искуства разсѣяны по свѣту вдали отъ ихъ родины. Въ самомъ дѣлѣ греческіе памятники наводнили всѣ европейскіе музеи. «Но можетъ бы, говоритъ одинъ путешественникъ, эта мраморная эмиграція и принесла Греціи свою долю пользы, можетъ бы она не менѣе, чѣмъ храбрость современныхъ грековъ, помогла ихъ освобожденію. Всѣ эти Шуазели, Эльгины и другіе грабители Акрополя, султаны и паши, раздававшіе европейцамъ греческія статуи, не воображали, что посылаютъ въ Европу ходатаевъ за освобожденіе Греціи». Образованнѣйшіе люди Европы, познакомившись съ памятниками старины, съ необыкновеннымъ сочувствіемъ относились къ ней во время ея борьбы за независимость.

Новый городъ.—Неудачный выборъ мѣстности для греческой столицы.—Внѣшній видъ нынѣшнихъ Афинъ.—Рынки.—Садъ королевы Амаліи.—Улицы и постройки.—Внутреннее убранство домовъ.—Уличная жизнь.—Похоронныя процессіи.—Общественная жизнь столицы.—Знать и высшее общество.—Климатъ.—Афины зимою и лѣтомъ.

Довольно бѣглаго обзора нынѣшняго города, чтобы вполнѣ убѣдиться, какъ неудачно выбрано мѣсто для греческой столицы. Съ перваго взгляда понятно, что это памятникъ старины, великій музей античныхъ святынь, а не средоточіе дѣятельности націи, только начинающей пробуждаться. Новыя Афины построены совершенно на фундаментѣ древнихъ. Древнія Афины строились здѣсь потому, что древне-греческіе города, изъ страха нападенія морскихъ разбойниковъ, всегда отдалялись на нѣкоторое пространство отъ берега и уединенно строились на скалистыхъ возвышенностяхъ. Теперь этой причины нѣтъ. Греціи предназначено быть по преимуществу державой морской. Самое выгодное мѣсто для новой столицы Греціи было бы въ Пиреѣ, на которую уже и Фемистоклъ обращалъ вниманіе своихъ согражданъ. Да и вообще вся Аттика, по своему положенію, какъ одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ земли, была неудобна для основанія городовъ, которые должны были служить средоточіемъ и центромъ единаго королевства. Навплія, которая была столицей грековъ лѣтъ 40 тому назадъ, была гораздо пригоднѣе для этой цѣли.

Но, какъ бы то ни было, новыя Афины расцвѣтаютъ быстро. Они имѣютъ до 74 тысячъ жителей и занимаютъ значительное пространство. Бо̀льшая часть домовъ, построенныхъ на двухъ главныхъ улицахъ города—Гермеса и Эола, въ два этажа и иногда очень элегантны. Тутъ много кофеенъ и магазиновъ; на площадяхъ устроены и цирюльни, въ которыя и нынѣшніе греки, какъ и древніе, больше всего любятъ заходить, чтобъ поговорить и узнать о городскихъ новостяхъ. Сквозь открытыя окна и двери видны мастерскія шляпочниковъ, башмачниковъ и портныхъ, которые обыкновенно работаютъ на чистомъ воздухѣ; со всѣхъ сторонъ видна веселая, дѣятельная уличная жизнь. Тѣмъ не менѣе ограниченность потребностей и бѣдность современныхъ грековъ видны на каждомъ шагу. Магазины, кромѣ очень немногихъ, небольщіе и наполнены недорогими вещами; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ впрочемъ не мало золота, бриліантовъ и дорогихъ камней, но большая часть этихъ драгоцѣнностей поддѣльныя, такъ какъ ими любятъ украшать себя женщины средняго круга. Очень часто попадаются мастерскія золотошвеевъ, гдѣ два, три грека, поджавъ ноги, вышиваютъ національная куртки и фески. Однако болѣе всего здѣсь табачныхъ лавокъ, такъ какъ одна треть населенія куритъ сигаретки. Греки обыкновенно говорятъ, что единственная хорошая вещь, которая приходитъ къ нимъ изъ Турціи—это табакъ, и они уничтожаютъ его въ громадномъ количествѣ; но мѣстный табакъ еще болѣе употребляется въ странѣ. На всемъ лежитъ яркій колоритъ востока со всѣми особенностями его быта и понятій. Рынки Афинъ прежде всего обращаютъ на себя въ этомъ отношеніи вниманіе, такъ какъ грязь и вонь даютъ себя чувствовать въ первую же минуту. Разбиты эти рынки безъ всякой симметріи, безъ всякой мысли объ удобствахъ купца и покупателя. Полиція является сюда не для того, чтобы слѣдить за чистотой и порядкомъ, а для того, чтобы брать взятки съ купцовъ, которымъ за это она позволяетъ поступать съ покупателями, какъ это они найдутъ для себя болѣе выгоднымъ. Они широко пользуются этимъ правомъ: обмѣриваютъ, обвѣшиваютъ, продаютъ гнилое, порченое. Лавки не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы привыкли называть лавкою. Это, по нашимъ понятіямъ, скорѣе чуланчики, или клѣтки, напоминающіе то хлѣвъ, то курятникъ, и въ которыхъ шумятъ бараны, телята, утки, куры и прочая живность. Земляной полъ никогда не подметается, и все, что падаетъ, такъ и остается на полу, пока онъ дѣлается до того высокъ, что приходится съ большимъ трудомъ влѣзать въ лавку; тогда соръ вычищаютъ лапатой. По всему рынку бѣгаетъ множество собакъ, нерѣдко съ пойманною крысою, которыхъ здѣсь множество. Брань и крики не умолкаютъ съ утра до ночи. Однако вернемся къ постройкамъ и зданіямъ нынѣшняго города. Нынѣшніе дома построены довольно однообразно и каждый изъ нихъ предназначается обыкновенно для двухъ семействъ. Балконы выступаютъ почти изъ каждаго дома, такъ какъ женщины проводятъ на нихъ лѣтомъ почти всѣ вечера. Каждый такой домикъ имѣетъ обыкновенно два входа: одинъ входъ въ нижній этажъ—черезъ ворота и дворъ, а другой черезъ лѣстницу, которая видна снаружи и ведетъ въ верхнія комнаты.

Внутреннее убранство комнатъ очень просто. Даже въ самыхъ лучшихъ домахъ ковры считаются лишнею роскошью и ихъ очень рѣдко можно видѣть передъ софами. Вся роскошь и богатство сосредоточены здѣсь на потолкѣ. Начиная отъ столовой и кончая спальной, всѣ потолки комнатъ украшены различными рисунками, а въ богатыхъ гостинныхъ потолокъ иногда такъ убранъ арабесками, что кажется, какъ будто коверъ постланъ не на полу, а прибитъ на потолкѣ.

Софа—почетное мѣсто, и на нее приглашаютъ садиться дорогаго гостя. Длинный рядъ креселъ тянется съ той и съ другой стороны софы, такъ что, когда онѣ всѣ заняты, то придаютъ самому дружескому обществу какой то торжественный, оффиціаль-

ный характеръ. Во многихъ греческихъ семействахъ подаютъ сласти или черный кофе— обычай, заимствованный у турокъ. Позади каждаго дома, въ лучшихъ частяхъ города, существуетъ небольшой садикъ, хотя и весьма бѣдный зеленью. Толстая и высокая стѣна закрываетъ его отъ любопытныхъ взглядовъ прохожихъ. Во многихъ садахъ или дворахъ частныхъ жилищъ посѣтитель замѣчаетъ небольшіе обломки древнихъ скульптурныхъ произведеній, прикрѣпленные къ стѣнѣ, или вдѣланные въ нее. Части вазъ, барельефы, голова безъ туловища, или, наоборотъ, надписи,—все это большею частію было открыто во время земляныхъ работъ при постройкѣ этого зданія и все это необыкновенно тщательно и на различныхъ подставкахъ сохраняется теперь владѣльцами. Увозить древности за границу страны теперь строго запрещено закономъ; но нашедшему позволено удерживать ихъ у себя и украшать ими свой домъ. Такъ какъ новый городъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли и древнія Афины, то несомнѣнно, что подъ землею скрывается много археологическихъ остатковъ.

Хотя въ Афинахъ и нѣтъ особенно большихъ домовъ, тѣмъ не менѣе этотъ городъ можетъ похвалиться нѣкоторыми общественными зданіями, не уступающими многимъ постройкамъ въ самыхъ значительныхъ европейскихъ столицахъ. Послѣ дворца здѣсь обращаетъ на себя вниманіе своею величиною митрополичья церковь; ея полосатая окраска въ желтый и красный цвѣтъ придаетъ ей необыкновенно оригинальный и пестрый видъ. Университетъ привлекаетъ вниманіе своимъ строго классическимъ фасадомъ, который нѣсколько напоминаетъ постройки древнихъ. Женскій институтъ—видное зданіе съ мраморнымъ порталомъ, отдѣленное отъ бульвара красивою желѣзною рѣшеткою. Пріютъ для сиротъ, глазная лечебница, политехническая школа, военный госпиталь— довольно значительныя зданія, которыми гордятся нынѣшніе греки и изъ которыхъ очень многія основаны и содержатся на частныя пожертвованія. Улучшеніе Афинъ идетъ чрезвычайно быстро и замѣтно.

Тщеславіе и любовь къ древнимъ предкамъ — въ высшей степени выдающіяся черты характера грековъ — играютъ большую роль въ ихъ жизни: они даютъ своимъ дѣтямъ при ихъ рожденіи классическія имена. Всѣ они Агамемноны, Алкивіады, Периклы и носятъ имена другихъ героевъ древности; точно также и всѣ городскія улицы покрыты безсмертными именами. Мы уже знаемъ, что главныя улицы называются улицами Гермеса и Эола; второстепенныя носятъ названія: Праксителя, Эврипида, Фукидида, Фразибула, Солона и другихъ. Бульваръ Филеллиновъ (иначе сказать греко-филовъ, людей преданныхъ Греціи)—названъ въ честь друзей Греціи, а площади Конституціи и площадь Согласія внезапно переносятъ изъ мифологическаго и древне-историческаго періода къ самымъ новѣйшимъ фактамъ современной жизни. Дома иностранныхъ посольствъ, министерство, банкъ, университетъ—размѣстились вдали отъ центра города, на открытыхъ, большею частію еще не совсѣмъ обстроенныхъ мѣстахъ. Улицы, которыя прилегаютъ къ этой части города, имѣютъ видъ короткихъ, узкихъ и кривыхъ переулковъ, черезъ которые съ трудомъ можно пробраться, такая въ нихъ грязь и плохая мостовая. Тутъ почти вездѣ встрѣчаешь только хижины и сараи, плохо сплоченные изъ четырехъ выбѣленныхъ стѣнъ, кое-какъ прикрытыхъ легонькой черепичной кровлей; нѣсколько дыръ въ нихъ служатъ вмѣсто оконъ и трубъ. Всюду страшная бѣдность и запустѣніе. Въ одномъ только видишь здѣсь избытокъ: въ пыли во время сухаго вѣтра и въ грязи въ дождливую погоду.

Хотя около многихъ домовъ вы встрѣчаете садики, тѣмъ не менѣе недостатокъ зелени весьма чувствителенъ. Во всемъ городѣ только одинъ большой садъ королевы даетъ жителямъ прохладу и свѣжесть. Деревьевъ въ окрестностяхъ тоже очень мало,

такъ какъ крестьяне вырубаютъ всѣ деревья или для своего употребленія, или для продажи на рынкѣ.

Садъ королевы, названный по имени прежней королевы Амаліи, супруги Оттона, богатъ роскошною зеленью, цвѣтами, искуственными водоемами и извилистыми аллеями. Трудно вообразить себѣ что нибудь восхитительнѣе этого сада! Тутъ можно найти не только самыя роскошныя и разнообразныя растенія юга и востока, но и множество деревьевъ, принадлежащихъ къ умѣренной полосѣ Европы. Содержаніе сада чрезвычайно затруднительно въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы и требуетъ самаго искуснаго и постояннаго бдительнаго ухода. Говорятъ, издержки на содержаніе этого сада простираются до 50 тысячъ драхмъ, стало быть поглощаютъ 20-ю долю всей суммы, ассигнуемой на содержаніе двора. Причина такой дороговизны зависитъ прежде всего отъ того, что этотъ садъ занимаетъ огромное пространство въ нѣсколько десятинъ и по сухости климата растенія часто приходится поливать водою, которая лѣтомъ здѣсь стоитъ не дешево. Наконецъ не мало денегъ поглощаетъ наемъ садовниковъ и множества рабочихъ для чистки дорожекъ, павильоновъ и т. п. Впрочемъ ими этотъ садъ не особенно щеголяетъ, но за то въ немъ есть рѣдкости, которыхъ не найдешь въ другомъ мѣстѣ. Изъ нихъ можно указать на римскую виллу, остатки которой отрыли, когда разводили садъ. Она уставлена по бокамъ найденными тутъ же статуями, частію цѣлыми, частію въ обломкахъ. Полъ виллы устланъ мозаикой, крышу ея составляетъ рѣшетка, увитая разными растеніями.

Многія улицы, не смотря на множество французскихъ вывѣсокъ и гуляющихъ, разодтыхъ по парижской модѣ, вполнѣ сохранили свою сомобытную физіономію. Вотъ Афинская улица. По ней двигаются *охимы*—очень напоминающія наши кареты, но кучера на нихъ въ бѣлой фустанеллѣ и аломъ фесѣ. У разряженной по послѣдней парижской картинкѣ дамы въ каретѣ часто видишь красный фесъ съ золотой кистью, который роскошно обвитъ ея чудными черными косами. По улицѣ бредутъ ослы, съ привѣшенными къ бокамъ корзинами зелени или огромными кувшинами съ молокомъ и свѣжей водой, а погонщикъ въ фустанеллѣ или черныхъ коленкоровыхъ шароварахъ бѣжитъ позади, часто погоняя скотину своими четками. На каждомъ шагу можно встрѣтить пастуха въ косматомъ овчинномъ тулупѣ, который гонитъ стадо козъ или индѣекъ. Въ извѣстные часы дня, длинными шеренгами, тянутся дѣти изъ общественныхъ школъ и сиротскихъ пріютовъ: мальчики въ сѣрой или голубой формѣ, а дѣвочки въ простыхъ платьяхъ домашней работы. Тамъ и сямъ подлѣ нихъ пробирается молодой грекъ, атлетическаго роста и стройный, какъ молодая женщина. Его бѣлая фустанелла въ мелкихъ складкахъ, синяя куртка, шитая чернымъ снуркомъ, подъ нею не сходящаяся спереди жилетка, тоже вышитая по краямъ, цвѣтной поясъ, за который заткнуты пара пистолетовъ—все это необыкновенно живописно и оригинально. Афины весьма покойный городъ, за исключеніемъ мѣстъ, близкихъ къ рынку, гдѣ съ утра до поздней ночи идетъ живая дѣятельность и постоянно толпится народъ.

Гуляя по Афинамъ, нерѣдко встрѣтишь погребальную процессію. Еще за долго, чѣмъ вы ее увидите, слышно монотонное пѣніе духовенства, передъ которымъ идутъ мальчики въ бѣлыхъ платьяхъ, несутъ крестъ и другія церковныя принадлежности. Передъ этой процессіей всякій прохожій снимаетъ шляпу, останавливается и набожно крестится. Покойникъ лежитъ въ открытомъ гробу, покрытый бѣлымъ или чернымъ покрываломъ, съ золотыми или серебрянными украшеніями. Крышу гроба несутъ передъ процессіей. Положеніе тѣла покойника такое же, какъ и у насъ; онъ одѣтъ въ обыкновенной одеждѣ, голова приподнята, руки на груди. У женщинъ щеки и губы нарумянены: это придаетъ трупу отвратительный видъ. Даже на человѣка, привычнаго къ

этому обычаю, онъ всегда производитъ тяжелое впечатлѣніе. Дроги рѣдко употребляются, и гробъ обыкновенно несутъ близкіе друзья покойнаго. Когда умираетъ высокопоставленное лицо, тогда гробъ сопровождаетъ епископъ и многочисленное духовенство, со множествомъ свѣчей и военною музыкою. «Однажды я видѣлъ похороны», разсказываетъ одинъ англійскій туристъ, «одного почтеннаго греческаго епископа. Покойникъ былъ посаженъ въ кресло, которое высоко несли надъ головами. Онъ былъ одѣтъ въ полномъ облаченіи, съ митрою на головѣ и съ посохомъ въ рукѣ. Голова его была привязана къ креслу дорогимъ шарфомъ, но она не вполнѣ была притянута къ спинкѣ кресла, такъ что качалась туда и сюда, такимъ образомъ, какъ будто отдавала послѣдній поклонъ народу, среди котораго этотъ почтенный пастырь исполнялъ свои обязанности около 60-ти лѣтъ. Въ этомъ же сидячемъ положеніи онъ былъ поставленъ въ могилу». Эту особенную почесть воздаютъ только духовному сану.

По климатическимъ соображеніямъ покойниковъ здѣсь хоронятъ очень скоро—черезъ 24 часа послѣ смерти. Такимъ образомъ часто случается, что первое извѣстіе о смерти есть въ то же время и приглашеніе на похороны. Выносъ тѣла сопровождается самыми раздирательными сценами. Истерическіе крики и дикіе жесты часто сопровождаютъ движеніе похороннаго кортежа по всѣмъ улицамъ до самой могилы. Согласно обычаю, домъ, изъ котораго вынесли покойника, тотчасъ обиваютъ траурной матеріей. Вся мебель этого дома, начиная отъ фортепьянъ до скамейки подъ ноги, — все непремѣнно въ глубокомъ траурѣ; часто даже у табачнаго ящика можно видѣть кусочекъ крепа. Но возвратимся къ уличной жизни.

Афинскія улицы всего привлекательнѣе послѣ полудня. Тогда онѣ обыкновенно бываютъ наполнены гуляющими и слушающими военный оркестръ. На главныхъ улицахъ много прекрасныхъ экипажей, въ которыхъ видна разряженная публика и между ними нерѣдко увидишь голубой, шитый серебромъ, мундиръ короля. Тутъ же увидите множество наѣздниковъ. Спокойная рысь, которою довольствуются англійскіе всадники, совершенно невыносима для афинскаго офицера, катающагося въ публичномъ мѣстѣ. Онъ безпрестанно вонзаетъ шпоры въ бока своей лошади, безпрестанно подымаетъ ее на дыбы или пускаетъ въ галопъ и летитъ по главнымъ улицамъ съ такою быстротою, что за это удовольствіе онъ навѣрно поплатился бы передъ судомъ въ Англіи.

Общественная жизнь въ Афинахъ очень скучна и однообразна. Только при дворѣ бываютъ балы, а то всюду царствуетъ полнѣйшее затишье. Зимою Афины еще нѣсколько оживляются во время карнавала; тогда улицы наполняются множествомъ масокъ; но такимъ образомъ веселится низшій классъ. Что же касается высшихъ классовъ, то они ограничиваются въ это время визитами къ своимъ друзьямъ въ совершенно закрытыхъ домино и непроницаемыхъ маскахъ, стараясь при этомъ строго сохранять инкогнито. Такимъ образомъ высшій классъ, сановники и государственные люди со своими женами, живутъ тихо, просто, уединенно и напоминаютъ своимъ образомъ жизни скорѣе кружокъ людей ученыхъ, замкнутыхъ въ своемъ кабинетѣ и семьѣ, чѣмъ столичную знать. Это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ недостаточности средствъ. Жалованье министрамъ и другимъ высшимъ сановникамъ и служащимъ лицамъ такъ ничтожно, что прикащикъ въ коммерческомъ домѣ средней руки не принялъ бы его ни въ Америкѣ, ни въ Лондонѣ. Плата греческому министру около 3 тысячъ руб. на наши деньги, а плата члену парламента около 500 руб. за сессію. На такое жалованье семейному человѣку, даже при афинской дешевизнѣ, не приходится особенно роскошничать. Въ то же время это ничтожное жалованье не представляетъ большаго соблазна вступать на службу, и если греки стремятся къ ней, то ясно, что это

не изъ денежнаго разсчета. Служащіе люди оставляютъ здѣсь часто службу бѣднѣе, чѣмъ они были прежде. Бывали случаи, что люди, занимавшіе самые высшіе посты въ государствѣ, оставивъ службу, должны были прибѣгать къ частной благотворительности. Честолюбіе и любовь къ власти — характерные черты грека и онѣ то влекутъ его къ политикѣ, заставляютъ стремиться къ высшимъ должностямъ, не смотря на сознаніе, что власть эта будетъ въ его рукахъ очень недолго и не принесетъ матеріальныхъ выгодъ. По сравненію съ другими государствами, гдѣ европейская знать, кромѣ громаднаго жалованья отъ своихъ должностей, имѣетъ и громадныя помѣстья и многіе другіе источники дохода, читатели могутъ задать вопросъ: неужели греческія сановныя лица живутъ только своимъ жалованьемъ? Мы отвѣтимъ на это утвердительно. Греческая знать—все большею частію люди бѣдные. Кто изъ нихъ имѣетъ поземельную собственность, у того она въ залогѣ и обременена большими долгами.

Зима въ Афинахъ прелестна. Въ теченіи всего зимняго времени афинское небо остается безоблачнымъ и, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, когда бываютъ пронзительные, сѣверные вѣтры, воздухъ здѣсь необыкновенно мягкій. Послѣ осеннихъ дождей солнце согрѣваетъ зимній воздухъ, и ватное пальто и шали одѣваютъ скорѣе изъ предосторожности, чѣмъ изъ необходимости, да и то не болѣе какъ въ продолженіи двухъ, трехъ зимнихъ недѣль. Разумѣется, въ мѣховой одеждѣ тутъ нѣтъ никакой нужды. Морозы въ 15, 20 лѣтъ бываютъ два, три раза, и народъ обыкновенно ночуетъ на улицахъ отъ половины мая до конца сентября. Снѣгъ падаетъ на горы, но рѣдко покрываетъ улицы Афинъ. Блестящіе, снѣжные вѣнцы на вершинахъ Гиметта и Парнаса представляютъ рѣзкій контрастъ съ ихъ вѣчно цвѣтущими склонами. Но такъ бываетъ только въ Афинахъ и въ окрестныхъ, сосѣднихъ мѣстностяхъ; другія же части Греціи не избавлены отъ тѣхъ метеорологическихъ перемѣнъ, которымъ подвержена большая часть Европы. На Іонійскихъ островахъ падаетъ много дождя и зимніе вѣтры въ Корфу необыкновенно суровы. Одна Аттика суха, что отчасти зависитъ отъ ея скудной растительности. Въ отсутствіи атмосферической влаги въ Афинахъ и можно видѣть главную причину того, что памятники древности въ ней такъ долго сохраняются.

Въ извѣстное время года почти во всѣхъ частяхъ Греціи господствуетъ, такъ называемая, греческая лихорадка. Эта болѣзнь, хотя довольно легкая по формѣ и обыкновенно не имѣющая дурнаго исхода, тѣмъ не менѣе чрезвычайно упорна. Ея припадки весьма ослабляютъ организмъ и у разъ заболѣвшаго ею они повторяются потомъ многіе годы. Но народъ въ нынѣшней Греціи, какъ и въ древности, живетъ необыкновенно долго. Нерѣдко можно слышать о людяхъ, достигшихъ 90 лѣтъ и гораздо болѣе.

Какъ Афины прелестны зимою и особенно весною, т. е. въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, такъ они отвратительны лѣтомъ. Тогда солнце Греціи нестерпимо жжетъ глаза, знойные дни и знойныя ночи слѣдуютъ другъ за другомъ, не прерываемые ни дождемъ, ни освѣжительнымъ вѣтеркомъ. Если же и дуетъ вѣтеръ, то это знойный вѣтеръ, обдающій васъ не прохладою, а удушливымъ жаромъ, подымающій невообразимо густую пыль на улицахъ. Она летитъ то темными, то сѣрыми облаками, засыпаетъ несчастнаго прохожаго съ ногъ до головы и, какъ бы онъ ни укрывался, проникаетъ ему въ глаза, уши и ротъ. Тѣ, которые должны проводить лѣто въ Афинахъ, не знаютъ какъ быть въ это время, оставаться ли въ домахъ при закрытыхъ окнахъ и задыхаться отъ томительно-удушливаго жара, или выходить на балконы и дышать всюду проникающей пылью.

Но лѣтомъ въ Афинахъ страдаютъ не только отъ удушливой жары, страшной пыли и духоты, но, кажется, еще болѣе приходится выносить отъ москитовъ и комаровъ.

Отъ москитовъ еще можно предохранить свой домъ рѣшетками на окнахъ и занавѣсями на кроватяхъ, но комары (которые кусаютъ здѣсь гораздо больнѣе и мучительнѣе, чѣмъ у насъ) преодолѣваютъ всѣ ухищренія человѣка. Это маленькое насѣкомое не имѣетъ храбрости, подобно москиту, извѣщать о своемъ появленіи и нападаетъ на всякую обнаженную часть человѣческаго тѣла, особенно на руки, оставляя въ кожѣ раздраженіе на нѣсколько часовъ. Представьте мученія здѣшнихъ рабочихъ, въ особенности каменьщиковъ, которые цѣлыми днями должны оставаться на воздухѣ.

Кто можетъ, бѣжитъ отъ этихъ мученій въ свои деревенскія помѣстья или на острова, а другіе ищутъ облегченія въ морскихъ купаньяхъ. Король съ семействомъ проводитъ лѣтніе мѣсяцы на прекрасномъ островѣ Корфу, гдѣ климатъ хотя и тепелъ, но менѣе сухъ, чѣмъ въ Афинахъ.

ОКРЕСТНОСТИ АФИНЪ.

Колонъ.—Деревенскія жилища.—Народъ: его характеръ и пища.

Къ сѣверу отъ Афинъ, верстахъ въ 5-ти отъ этого города, лежитъ маленькая деревенька Колонъ. Округъ Колона, уже въ древности славившагося своимъ плодородіемъ и роскошною растительностію своихъ оливковыхъ и платановыхъ деревьевъ, и теперь еще составляетъ плодороднѣйшую часть долины Аттики. Его сочная зелень представляетъ пріятный контрастъ, чудный оазисъ среди остальной обнаженной мѣстности.

По всей дорогѣ отъ Афинъ до Колона попадаются постройки и хижины простаго люда. Нѣкоторыя жилища греческихъ простолюдиновъ до сихъ поръ построены самымъ первобытнымъ образомъ: четыре стѣны изъ красныхъ камней, легкая черепичная крыша безъ потолка, совершенное отсутствіе трубъ, дверей и оконъ, вмѣсто которыхъ дыры въ стѣнахъ и потолкахъ, то больше, то меньше, смотря по надобности, запираемыя на ночь досками. Внутренность такихъ жилищъ такъ же печальна, какъ и ихъ наружный видъ. Пола въ хатѣ тоже нѣтъ и вмѣсто него земля только нѣсколько утоптана и уравнена. Посреди, одинъ на другомъ сложено нѣсколько большихъ камней, на которыхъ разводятъ огонь: эта незатѣйливая печка, которую можетъ сложить и разобрать каждый ребенокъ, служитъ имъ очагомъ, на которомъ приготовляютъ кушанье и вокругъ него грѣется семья и въ зимніе дни. На стѣнахъ одна, много двѣ полки, на которыхъ нѣсколько ложекъ, тарелокъ, горшковъ, чашекъ и большой котелъ. Но число подобныхъ жилищъ уменьшается съ каждымъ годомъ, и теперь уже все чаще встрѣчаются лучше построенные дома и въ нихъ все больше обращаютъ вниманіе на удобство; многіе изъ нихъ выведены теперь въ два этажа, снабжены трубами и окнами. Еще недавно въ жилищахъ простаго люда не было ни столовъ, ни постелей; теперь уже въ рѣдкой хатѣ нѣтъ стола во время обѣда, а у многихъ на столѣ найдете даже скатерть, ножи и вилки. Кровать, правда, не такая, какъ мы привыкли встрѣчать въ Европѣ, но простыя доски на срубахъ, съ тугимъ матрасомъ, покрытымъ богато вышитымъ одѣяломъ. По всей избѣ и по стѣнамъ здѣсь обыкновенно развѣшаны ткани, шкуры, пряжа, праздничная одежда, впрочемъ не только праздничная, но и весь ея запасъ вы увидите на стѣнахъ,— здѣсь все на виду. Греческая хижина обыкновенно состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ

одномъ живутъ хозяева, въ другомъ—свалены земледѣльческія орудія, стоятъ бочки и кадки съ запасами провизіи и сюда же на ночь запираютъ домашнюю птицу.

Злая, сильная порода собакъ, какъ и вездѣ на востокѣ, бережетъ хозяйское добро и громко лаетъ на всякаго приближающагося къ дому. Но всего оригинальнѣе то, что по дорогѣ, возлѣ жилищъ, очень часто можно встрѣтить женщину, устроившую себѣ ткацкій станокъ между двумя деревьями: гречанка вся отдалась работѣ, а частыя вѣтви заботливо склоняются надъ нею, и ихъ густая зелень защищаетъ ее отъ палящихъ лучей солнца.

Поговоримъ о жизни народа. Земля—не единственный источникъ существованія грека и онъ далеко не такъ прикованъ къ ней, какъ болгаринъ. По своимъ способностямъ онъ болѣе всего склоненъ къ торговымъ предпріятіямъ и сдѣлкамъ и къ самымъ разнообразнымъ спекуляціямъ. Когда его занятія не требуютъ большой помощи со стороны семейства,—онъ разстается съ дѣтьми, посылая ихъ въ чужой домъ, часто даже совсѣмъ въ другую страну, для заработка. Это дѣлается не только тогда, когда человѣкъ въ крайней нуждѣ. По понятіямъ грека, богатый долженъ все больше и больше пріобрѣтать, и онъ заставляетъ искать внѣ дома прибыльныхъ занятій не только сыновей, но даже и дочь, часто уже съ 13-ти или 14-ти лѣтняго возраста. Поэтому грековъ чрезвычайно много на всемъ Балканскомъ полуостровѣ: они являются докторами, учителями, каменьщиками, музыкантами, разными ремесленниками, но болѣе всего занимаются мелкою торговлею. Благодаря своей энергіи, неутомимому трудолюбію и природной ловкости, чѣмъ бы ни занимался грекъ, онъ въ концѣ концовъ всегда добьется не только скромнаго достатка, но и значительнаго благосостоянія. Не думайте однако, что греки заставляя дѣтей съ ранняго возраста искать счастья на чужой сторонѣ, не любятъ ихъ или что между членами его семейства не существуетъ никакой привязанности. Напротивъ,—разспросите любую гречанку о судьбѣ дѣтей, и она обыкновенно разскажетъ вамъ такую исторію. У нея 8 человѣкъ дѣтей (у гречанокъ всегда ихъ много), между тѣмъ у нихъ небольшой участокъ земли, который ея мужъ легко обрабатываетъ съ помощью старшаго сына и ея самой. Двѣ взрослыхъ дочери въ услуженіи въ городѣ; одинъ мальчикъ поступилъ ученикомъ къ фотографу, другой сдѣлался иконописцемъ. Старшія дочери, которыя находятся въ услуженіи, въ 3 года вдвоемъ скопили на столько солидную сумму, что уже пишутъ брату, который, какъ имъ сказали, имѣетъ серьезное призваніе къ живописи, чтобы онъ бросилъ писать образа и начиналъ серьезно заниматься искуствомъ. Точно также онѣ постоянно присылали деньги на образованіе 3-хъ своихъ маленькихъ сестеръ, которыя еще оставались дома.

Простой греческій людъ въ умственномъ отношеніи болѣе подвиженъ и развитъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Онъ съ большимъ интересомъ слѣдитъ за текущими событіями и за политикой; съ тѣмъ и съ другимъ онъ имѣетъ возможность ознакомиться, благодаря многочисленнымъ греческимъ газетамъ, которыя проникаютъ даже въ самыя отдаленныя уголки страны. Впрочемъ простой народъ читаетъ не только газеты, но и очерки изъ исторіи біографіи своихъ знаменитыхъ предковъ. Разъ завелся хотя одинъ экземпляръ какой-нибудь книги, онъ обойдетъ населеніе нѣсколькихъ деревень. По окончаніи работъ изъ всѣхъ кофеенъ и харчевень раздаются голоса парней, которые горячо спорятъ между собой о политикѣ и о только что прочитанной книгѣ. При этомъ васъ поразитъ не только серьезный предметъ ихъ спора, но и форма выраженія, вполнѣ правильная и не рѣдко литературная, ихъ замѣчательная діалектика и краснорѣчіе.

Патріотизмъ также сильно развитъ между греческими крестьянами; не смотря на ихъ страсть къ наживѣ, каждый изъ нихъ съ большою готовностью жертвуетъ деньги на школы, на національные музеи, больницы. Однако нельзя умолчать и того, что многіе

дѣлаютъ это изъ одного тщеславія, такъ какъ эта черта характера сильно развита въ каждомъ грекѣ. Онъ тщеславится своею ловкостью, злобно издѣваясь надъ мѣшковатостью иностранца; при всякомъ удобномъ случаѣ вспоминаетъ своихъ знаменитыхъ предковъ, тщеславится своей родиной, ставя это маленькое королевство выше первостепенныхъ европейскихъ государствъ. Тщеславіе простолюдина высказывается въ его страсти къ одеждѣ. Онъ часто на послѣднія деньги покупаетъ штиблеты съ кисточками, шитый золотомъ камзолъ и бѣлую фустанеллу. Такъ или иначе эта характерная черта греческаго народа проявляется во всѣхъ классахъ общества. Военный никогда не оставитъ своей шпаги и старается не разставаться съ нею и тамъ, гдѣ бы онъ могъ легко безъ нея обойтись и всюду непремѣнно будетъ ею побрякивать. Кто изъ нихъ имѣетъ крестикъ, а они раздаются въ Греціи весьма щедро, очень гордится имъ и всячески выставляетъ его на показъ. Трудно описать ихъ удивленіе, когда ихъ однажды посѣтилъ одинъ извѣстный американскій генералъ и, не смотря на множество одержанныхъ имъ побѣдъ, явился къ нимъ въ совершенно простомъ мундирѣ и безъ всякихъ орденовъ.

Грекъ отличается также необыкновеннымъ остроуміемъ и, какъ человѣкъ тщеславный, онъ очень гордится своимъ остроуміемъ. Сидя у очага и весело болтая въ тѣсномъ кругу, вы тотчасъ замѣтите, что ничто не ускользнуло отъ наблюдательнаго грека, и мелкіе недостатки и промахи собрата онъ умѣетъ представить пріятелю остроумно и въ каррикатурѣ. Если при этомъ товарищъ подмѣтитъ другія, болѣе тонкія черты и представитъ ихъ болѣе остроумно—глаза всѣхъ присутствующихъ обращаются къ нему съ необыкновеннымъ благоволеніемъ и тотъ, кому острота менѣе удалась, серьезно огорчается и ходитъ, какъ опущенный въ воду.

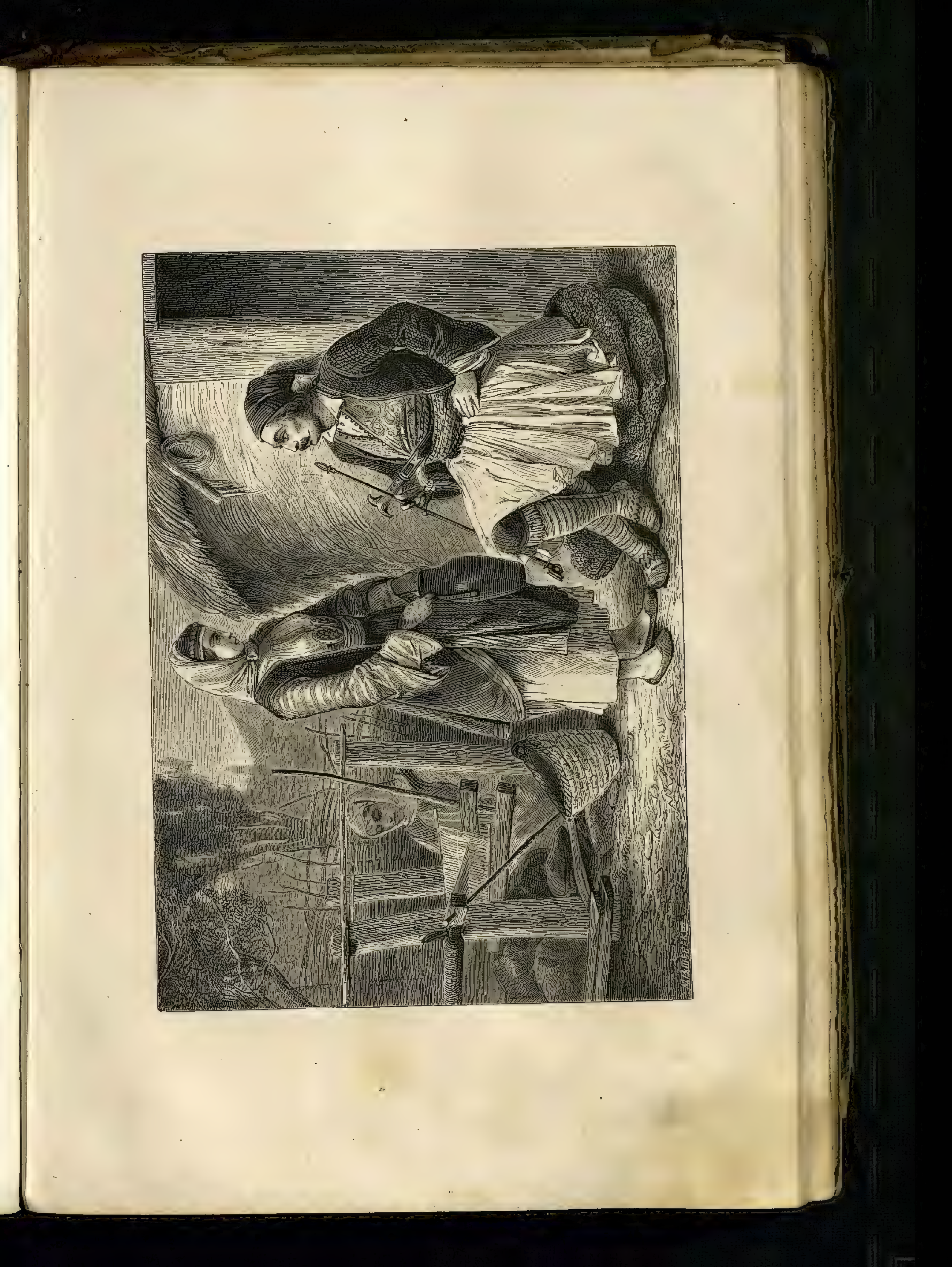
Современный грекъ, какъ и его предки, любитъ перемѣны, жаденъ до новостей и всегда съ большимъ любопытствомъ обо всемъ разспрашиваетъ иностранца. Лишь окажется возможность подольше съ нимъ побесѣдовать, онъ заводитъ безконечные, горячіе споры, но и при этомъ не забываетъ выказать своего краснорѣчія. Греки большіе охотники до споровъ и пререканій, но иностранцы стараются не увлекаться этимъ, такъ какъ находятъ ихъ черезъ чуръ заносчивыми, слѣпо пристрастными къ своей родинѣ и въ высшей степени обидчивыми, если противная сторона не выказываетъ полной готовности соглашаться со всѣмъ, чего имъ хочется.

Греки по природѣ народъ восторженный и тѣ изъ нихъ, которые получили хорошее воспитаніе и образованіе способны на великія дѣла и подвиги великодушія; поставленные же въ обыкновенныя условія, при которыхъ развивается громадное большинство —изъ нихъ прежде всего выходятъ большіе охотники до наживы, а при плохихъ условіяхъ—отпѣтые плуты и первые негодяи въ цѣломъ мірѣ. Въ дерзости, находчивости и ловкости продѣлокъ греческій воръ поспоритъ съ кѣмъ угодно: ни одинъ убійца не вонзитъ свой ножъ съ такимъ хладнокровіемъ, ни одинъ разбойникъ не проявитъ болѣе отчаянной удали, ни одинъ плутъ не съумѣетъ такъ ловко скрыть всѣхъ концовъ. Но какъ бы низко ни упалъ гражданинъ свободной Эллады, вы даже и въ такомъ субъектѣ нерѣдко встрѣчаете качества, которыя рѣдко выдѣляютъ его изъ среды негодяевъ и мошенниковъ другихъ національностей. При описаніи разбойничества, мы увидимъ, что даже самый отъявленный негодяй очень часто способенъ проявить великодушіе, состраданіе и другой благородный поступокъ. Благодарность за оказанную услугу также свойственна грекамъ, какъ и албанцамъ. Съ мошенникомъ, который нѣсколько лѣтъ сряду убивалъ, грабилъ или занимался самымъ низкимъ промысломъ, общество вездѣ въ Европѣ считаетъ всѣ счеты поконченными, между тѣмъ здѣсь сплошь и рядомъ существуютъ примѣры полнаго, настоящаго раскаянія и возвратъ на честный путь.

Не только въ нравственномъ отношеніи, но и въ чертахъ лица и въ тѣлосложеніи современные греки сохраняютъ характеристическія особенности своихъ предковъ. Прекрасные образцы красоты древняго греческаго типа мы видѣли въ скульптурныхъ произведеніяхъ. Научныя изслѣдованія надъ строеніемъ древне-греческихъ череповъ показываютъ, что искуство не могло слишкомъ далеко уклоняться отъ истины. Такіе же безукоризненные типы красоты на каждомъ шагу попадаются и теперь между современными греками: красивый, открытый лобъ, живые, темно-каріе глаза, полные огня и ума, съ длинными рѣсницами и правильнымъ очертаніемъ бровей; прекрасные зубы, тонкій, правильный профиль, легкая, граціозная походка. Ихъ густыя, черныя кудри покрыты фесомъ, иногда съ бриліантовымъ украшеніемъ спереди. Узенькій, бѣлый воротничекъ лежитъ на роскошно вышитомъ камзолѣ съ висячими, разрѣзными рукавами. Изъ подъ наряднаго камзола видна бѣлая рубаха, стянутая у таліи цвѣтнымъ кушакомъ; отъ него до колѣнъ спускается бѣлая, широкая фустанелла (юбка). Но богато расшитый камзолъ не прямо одѣтъ на рубашку, а поверхъ нея есть еще черный, бархатный расшитый разноцвѣтными шелками жилетъ. Ниже колѣнъ ноги затянуты въ узкія камаши (нѣчто въ родѣ штиблетъ), пурпурно-красныя или голубыя, съ синими кистями и шитьемъ, а ноги обуты въ красные башмаки съ узкими концами или въ сандаліи. Плащъ изъ лохматой козлиной кожи съ висячими рукавами, а у богатыхъ голубое пальто съ краснымъ воротникомъ служитъ имъ верхнимъ платьемъ въ суровое время года. Греки держатъ себя съ необыкновеннымъ благородствомъ и развязностью. Врожденное чувство изящнаго замѣчаешь рѣшительно во всемъ—въ манерахъ, въ походкѣ, въ костюмѣ. «Я часто встрѣчалъ на улицѣ», говоритъ одинъ путешественникъ, «одного греческаго атамана и одного богатаго человѣка изъ Спарты; рука объ руку гуляли они взадъ и впередъ по улицѣ, съ такимъ гордымъ сознаніемъ своей красоты, что я никакъ не могъ вдоволь насмотрѣться на нихъ; они напоминали мнѣ исчезнувшихъ потомковъ царскаго рода, которые даже и подъ плащемъ нищаго умѣли сохранять свое древнее достоинство».

Иностранца болѣе всего поражаетъ обычай многихъ грековъ носить въ рукѣ снурокъ съ деревянными или стеклянными четками, которые онъ перебираетъ, ходя по улицамъ, или во время разговора. Этотъ обычай не имѣетъ никакого религіознаго значенія, это просто привычка къ извѣстному движенію, точно также какъ у насъ многія женщины не могутъ не вязать чулка, какъ испанки не могутъ не играть вѣеромъ, многіе мужчины ходить безъ палки. При встрѣчѣ молодые греки, какъ и вездѣ въ Европѣ, приподнимаютъ шляпы, но хорошіе знакомые—обнимаются и цѣлуются. Поцѣлуи замѣняютъ у нихъ поклоны и пожиманія руки. Можно видѣть иногда даже, какъ часовой на гауптвахтѣ цѣлуется съ солдатомъ, который приходитъ къ нему на смѣну.

Женщины и дѣвицы высшаго сословія одѣваются по европейски, только небольшая красная феска, вокругъ которой съ такою роскошью обвиваются толстыя косы, считается здѣсь признакомъ національности, и это головное убранство удержали даже и теперь многія здѣшнія свѣтскія женщины: простой же народъ и бѣдныя гречанки какъ здѣсь, такъ и во всей остальной Греціи, носятъ костюмъ албанскій, лишь съ незначительными измѣненіями. Длинное шерстяное платье свѣшивается отъ шеи до ногъ и стягивается въ таліи краснымъ кушакомъ или поясомъ съ аграфомъ сверхъ рубашки, спереди привязываютъ цвѣтной передникъ и надѣваютъ вышитый камзолъ, имѣющій часто большое сходство съ мужскимъ. Многія носятъ яркаго цвѣта шелковую юбку и суконную кофточку, расшитую золотомъ. Выходя изъ дому, поверхъ накидываютъ еще шубку, отороченную мѣхомъ. Гладко расчесанные волосы гречанки заплетены во множество косъ и на голову она одѣваетъ фесъ, украшенный золотыми и серебрянными мо-



нетами; изъ такихъ же монетъ сдѣлано и ея ожерелье. Многія гречанки прикалываютъ на голову вуаль и умѣютъ имъ драпироваться очень эффектно.

Лица женщинъ весьма смуглы, иногда даже темно-бронзовыя; волосы у всѣхъ черные, роскошные; но собственно красивыхъ гречанокъ очень мало. Всѣ онѣ отцвѣтаютъ чрезвычайно скоро, и это происходитъ вѣроятно отъ того, что онѣ кормятъ дѣтей своихъ грудью до 3-го, а иногда даже и до 4-го года и завалены въ молодости работами. Не мало портитъ также ихъ кожу и измѣняетъ ихъ цвѣтъ лица обильное употребленіе порошка, которымъ онѣ, съ очень раннихъ лѣтъ, пудрятъ себѣ лицо.

Простая гречанка, какъ всѣ женщины Балканскаго полуострова, много работаетъ дома, но менѣе другихъ обременена полевыми работами и поэтому отличается болѣе утонченнымъ вкусомъ, большею заботливостью объ опрятности и изяществѣ своей одежды и жилища.

Въ Греціи считается необходимымъ, чтобы молодая дѣвушка знала множество рукодѣлій и поэтому ее съ раннихъ лѣтъ учатъ вязать всевозможныя вязанья, прясть шелкъ, ленъ, шерсть, бумагу, ткать холстъ и различныя матеріи. Между 10 и 14-ю годами, она, какъ и въ Черногоріи, пасетъ стадо своего семейства, послѣ этого она или поступаетъ въ услуженіе, въ чужой домъ, или остается дома, если мать очень стара и больше некому присмотрѣть за хозяйствомъ. Каждая дѣвушка стремится отправиться за предѣлы своей родной деревушки; тутъ сказывается и желаніе сдѣлаться поскорѣе совершенно самостоятельною, увидѣть свѣтъ и вести болѣе разнообразную жизнь. Въ греческомъ простонародіи существуетъ мнѣніе, что поведеніе молодой дѣвушки тѣмъ лучше, чѣмъ она менѣе выходитъ изъ дома, и поэтому здѣшнія дѣвушки ведутъ очень однообразную, уединенную жизнь. Зато же и ждутъ онѣ съ нетерпѣніемъ праздниковъ, на которыхъ онѣ могутъ всласть натанцоваться и одѣться въ праздничный нарядъ.

Самая выдающаяся черта характера гречанки всѣхъ классовъ общества—страсть къ нарядамъ, желаніе блеснуть ими передъ другими и зависть ко всѣмъ женщинамъ, лучше ея одѣтымъ. Это соревнованіе въ одеждѣ доходитъ до того, что большинство женщинъ готовы выносить лишенія, жить въ проголодь, лишь бы имѣть возможность отъ времени до времени блеснуть своимъ туалетомъ. Сдѣлавшись самостоятельною, каждая дѣвушка непремѣнно копитъ деньги, чтобы на заработокъ купить на платье яркую матерію, а еще чаще золотыя монеты, которыя онѣ носятъ на шеѣ, въ видѣ ожерелья.

Гречанки отличаются чистотою нравовъ, трудолюбіемъ и глубокою преданностью своимъ мужьямъ. Какое бы горе ни случилось съ ея мужемъ, она всюду слѣдуетъ за нимъ, продаетъ для облегченія его судьбы все, что только имѣетъ, даже свое праздничное платье, которымъ она такъ дорожитъ, нерѣдко жертвуетъ даже счастьемъ дѣтей, бросая ихъ на произволъ судьбы, но мужа она не оставитъ до гробовой доски даже и въ томъ случаѣ, если она не по страсти вышла за него замужъ.

Грецію, менѣе чѣмъ какую бы то ни было страну, населяютъ народы другихъ національностей. Турки, прежде столь многочисленные въ нѣкоторыхъ ея частяхъ, должны были бѣжать изъ страны, гдѣ ихъ присутствіе вызывало тяжелыя воспоминанія; свидѣтелями ихъ пребыванія остались теперь только феска, кальянъ и туфли. Евреи. которыхъ такъ много во всѣхъ славянскихъ и мусульманскихъ городахъ, боятся жить между греками, которые представляютъ для нихъ опасныхъ соперниковъ по денежнымъ сдѣлкамъ.

За обѣдомъ простолюдина непремѣнно увидите черныя оливы и яичницу, жаренную въ оливковомъ маслѣ, которую они запиваютъ виномъ, на вкусъ очень горькимъ, отзывающимся смолой и непріятнымъ для непривычнаго человѣка. У болѣе зажиточнаго человѣка найдешь и пилавъ съ бараниной. Но греки вообще замѣчательно умѣрен-

ный народъ: ѣдятъ они очень мало, вино обыкновенно пьютъ за обѣдомъ, но до того не много, что грека никогда не увидишь на улицѣ пьянаго и качающагося изъ стороны въ сторону.

Промыслы и занятія народа.—Мраморныя богатства грековъ.—Земледѣліе; его жалкое состояніе.—Что сдѣлала Греція для улучшенія своего быта за послѣднее 50-ти-лѣтіе.—Торговый и промышленный духъ народа.

На выставкѣ, которая была въ Греціи въ 1871 году, во время 50-ти лѣтняго юбилея годовщины освобожденія этой страны, можно было видѣть множество продуктовъ: мраморъ изъ Пентеликона и Пароса, кожу изъ Эвбеи, медъ изъ Гиметта и Чериго, коринку изъ Пелопоннеса, фиги изъ Сиры, шерсть и бумагу изъ сѣверныхъ провинцій; оливковое масло изъ Корфу и Занте, вина изъ Санторино и другихъ острововъ архипелага, ковры роскошныхъ цвѣтовъ, тонкія кружева, шелковый газъ, множество образцовъ рѣзьбы изъ дерева, богато и искусно шитые золотомъ греческіе костюмы. Особый отдѣлъ былъ посвященъ всевозможнымъ родамъ зерноваго хлѣба; тутъ же была устроена особая пристройка для скота. Были на выставкѣ даже и образцы машинъ: пильная машина, паровозъ и нѣсколько винныхъ и масляныхъ прессовъ. Конечно, на выставкахъ произведенія страны обыкновенно такъ сгруппированы, такъ красиво и симметрично разложены, что могутъ очень часто дать о ней совсѣмъ неправильное понятіе. Разумѣется, ни одна страна не выставитъ того, чего въ ней нѣтъ, но чтобы судить о томъ, какое значеніе имѣютъ эти произведенія, нужно знать ихъ количество и качество, какой видъ имѣютъ они, когда являются въ общемъ употребленіи. Нужно имѣть ясное понятіе о томъ, трудно или легко добывать простолюдину то, чѣмъ наградила его природа, что она скрыла въ нѣдрахъ его земли. Но этого мало: нужно еще знать, на сколько способенъ человѣкъ обрабатывать произведенія, которыя ему представляетъ природа. Мы говоримъ это къ тому, что Греція на своей выставкѣ могла дать нѣсколько преувеличенное понятіе о богатствѣ своей страны. Но все-таки, по произведеніямъ, которыя она выставила, можно было узнать, что она можетъ дать въ близкомъ будущемъ. Въ данное время промышленность Греціи еще далеко не въ блестящемъ состояніи.

Хотя Греція и не бѣдна ископаемыми произведеніями и въ древности имѣла даже золотые и серебряные рудники, однако о правильномъ горномъ промыслѣ пока еще не можетъ быть и рѣчи.

Ея настоящее богатство — въ мраморѣ. Можно смѣло сказать, что ни одна европейская страна не имѣетъ такого мраморнаго богатства, какъ Греція. Одна Лаконія можетъ представить образцы всѣхъ его породъ; кромѣ бѣлаго архитектурнаго мрамора, здѣсь находится въ изобиліи сѣрый, голубой, бѣловатый. Въ другихъ мѣстностяхъ найдемъ черный мраморъ, который находится здѣсь въ большомъ количествѣ и, наконецъ, знаменитый въ древности, зеленый мраморъ. Какой богатый матеріалъ для великолѣпнѣйшихъ дворцовъ! Но къ сожалѣнію въ Греціи слишкомъ мало денегъ, чтобы ихъ созидать, еще слишкомъ мало архитекторовъ, которые могли бы строить зданія съ тѣмъ искуствомъ и изяществомъ, которое имъ завѣщали ихъ предки.

Въ $1\frac{1}{2}$ миляхъ отъ Аѳинъ находится огромная гора, Пентеликонъ, изъ прекраснаго мрамора которой были построены Парѳенонъ, храмъ Олимпійскаго Зевса и другія

безсмертныя, исполинскія зданія города Минервы. Богатыя Пентеликонскія ломки доставляли также драгоцѣнный матеріалъ для статуй Фидія и Праксителя; но мраморъ для статуй болѣе древнихъ выламывался на островѣ Паросѣ. Этотъ мраморъ ослѣпительной бѣлизны; но если произведенія искуства, сдѣланныя изъ него, восхищаютъ зрѣніе, то запахъ, издаваемый имъ при расколкѣ его, производитъ самое непріятное впечатлѣніе на обоняніе.

Уже двѣ тысячи лѣтъ паросскія мраморныя ломки находятся въ совершенномъ бездѣйствіи, вслѣдствіе совершеннаго упадка изящныхъ искуствъ въ Греціи, и только теперь, въ самое послѣднее время, около нихъ снова закипѣла жизнь. Какъ пойдетъ дѣло, еще неизвѣстно; во всякомъ случаѣ оно только началось, такъ какъ только въ 1857 г. здѣсь образовалось общество для добыванія мрамора.

Земледѣліе здѣсь тоже не процвѣтаетъ и способы обработки земли еще самые первобытные: это зависитъ отъ самой почвы и оттого, что греки долго находились подъ турецкимъ игомъ. Греція никогда не была страною земледѣльческою и хлѣбородною. Фессалія и Эпиръ—еще и теперь остаются подъ властію турокъ. Новая Греція состоитъ изъ тѣсной, большею частію каменистой и ужасами многолѣтней войны окончательно обращенной въ пустыню Мореи, небольшаго клочка земли, называвшагося въ древности Элладою, а теперь Румеліею или Ливадіею, и нѣсколькихъ скалистыхъ острововъ Архипелага, по большей части голыхъ и лишенныхъ всякой растительности, да еще нѣсколькихъ Іоническихъ острововъ, земля которыхъ, впрочемъ, нѣсколько плодороднѣе. Каменистая почва греческаго королевства, только изрѣдка прорѣзанная кое-гдѣ полосами земли, годной для произростанія пшеницы и ячменя, производитъ въ изобиліи только *оливу*, *виноградъ* и *коринку*, которая собственно есть тотъ же виноградъ, только съ особенныхъ виноградныхъ лозъ, дающихъ необыкновенно мелкія ягоды. Всѣ три названныя произведенія, а коринка еще болѣе другихъ, по количеству не только внутренняго употребленія, но и заграничнаго сбыта, составляютъ важный источникъ народнаго богатства.

Каменистая почва не можетъ, разумѣется, уже сама по себѣ дать хорошаго урожая, а тутъ присоединилась еще и другая причина упадка земледѣлія въ Греціи,—несчастное положеніе страны подъ властью турокъ, которые поощряли всюду произволъ своихъ чиновниковъ и подавали примѣръ презрѣнія къ мирнымъ, осѣдлымъ занятіямъ и въ особенности къ полевымъ работамъ. Вслѣдствіе плохаго земледѣлія и тяжелыхъ, неправильно распредѣленныхъ налоговъ, греческій народъ очень бѣденъ. Политическую революцію легче произвести, чѣмъ пересоздать жизнь соціальную, т. е. измѣнить положеніе народа. Общими усиліями въ нѣсколько лѣтъ свергли иго турокъ, затѣмъ въ нѣсколько часовъ перемѣнили свое правительство, одно правительственное лицо смѣнили другимъ, но вотъ уже много десятковъ лѣтъ, не смотря на общее усиліе благомыслящихъ людей, не могутъ ввести хорошій плугъ въ сельское хозяйство, не могутъ уничтожить многихъ причинъ народной бѣдности. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы сельское хозяйство Греціи слишкомъ медленно возрастало и улучшалось. Въ этомъ никогда не упрекнешь ее, особенно если познакомишься съ ея положеніемъ 50 лѣтъ тому назадъ.

Послѣ 7-ми лѣтней войны (съ 1821 до 1828) Греція до того была истощена, что народъ ея буквально нищенствовалъ и просилъ по дорогамъ милостыню или добывалъ ее силою, т. е. просто на просто разбойничалъ. Но въ эти 50 лѣтъ самостоятельной жизни народонаселеніе Греціи удвоилось и доходы возрасли въ пять разъ. На пустынныхъ мѣстахъ основано 11 новыхъ городовъ; болѣе 40 городовъ, разрушенныхъ войною, были за это время возстановлены и увеличены. Нѣкоторыя дороги,

по которымъ могли только ходить пѣшеходы или ѣздить всадники—единственные пути сообщенія при турецкомъ господствѣ, замѣнены теперь проѣзжими дорогами и по королевству протянулись телеграфныя линіи. До 10 портовъ вычищены, углублены и открыты для сообщеній. Построены маяки и мосты. Торговый флотъ сильно увеличился и около 100 тысячъ судовъ ежегодно входятъ теперь въ греческіе порты. Производство коринки (мелкій сушеный виноградъ), который составляетъ главный предметъ вывоза, увеличился въ 15 разъ, сравнительно съ тѣмъ, что было до революціи. Количество виноградниковъ отъ 25 тысячъ стрёмъ (мѣра, нѣсколько болѣе одной десятой русской десятины) дошло теперь до 700 тысячъ. Также болѣе чѣмъ втрое увеличилось количество фиговыхъ и оливковыхъ деревьевъ. Устроена школа сельскаго хозяйства, и въ Афинахъ сталъ издаваться сельскій журналъ. Расчищены многіе подземные стоки, предохраняющіе глубокія котловины отъ ежегодныхъ наводненій. Этимъ способомъ уже пріобрѣтено нѣсколько тысячъ десятинъ отличной земли.

Однако, какъ ни трудолюбивъ греческій крестьянинъ, сколько ни сдѣлано для улучшенія земледѣлія, но душа грека болѣе всего лежитъ къ торговлѣ и промышленности. Развитію этихъ склонностей болѣе всего помогаетъ географическое положеніе страны. Ея горные лабиринты и множество бухтъ развили въ обитателяхъ самыя характерныя свойства горнаго и приморскаго народа. При первыхъ признакахъ возрожденія, греки показали такую великую способность къ пароходству и торговлѣ, что наблюдательные англичане, удивляясь ихъ таланту, осмотрительности, опытности, старанію, бережливости, самымъ положительнымъ образомъ предсказывали имъ великіе успѣхи. Образованіе, которое сильно и быстро распространяется между греками, весьма помогаетъ правильному развитію торговли, доказательствомъ чему служитъ постоянное увеличеніе за послѣднее время торговыхъ сношеній грековъ по всему свѣту. Теперь важнѣйшіе представители греческой торговли и по своему образованія, и по своему торговому такту и предпріимчивости—стоятъ наравнѣ съ представителями торговли изъ самыхъ образованныхъ и промышленныхъ европейскихъ націй. Благодаря лѣности и неспособности турокъ, греки уже до начала нынѣшняго вѣка держали, какъ держатъ и теперь, въ своихъ рукахъ торговлю всего востока; но теперь кромѣ того можно найти во всѣхъ первостепенныхъ городахъ не только Стараго, но и Новаго свѣта, богатѣйшія торговыя дома подъ греческими фирмами.

ОБРАЗОВАНІЕ.

Первоначальное образованіе.—Университетъ.—Страсть греческаго народа къ наукѣ.—Лишенія университетской молодежи.—Печать.—Какая карьера предстоитъ въ будущемъ образованному греку.—Женскій институтъ Арсакеонъ.

Ни одинъ торговый, промышленный духъ представляетъ характерную черту этой націи: греки издавна выказали самое горячее стремленіе къ образованію. Не смотря на то, что большая часть образованной Европы смотрѣла еще лѣтъ пятьдесятъ назадъ на женщину, какъ на существо болѣе низкое, чѣмъ мужчина, не смотря на дурной примѣръ турокъ въ этомъ отношеніи, въ семейной жизни грековъ, даже и въ тѣ времена, было гораздо болѣе согласія, искренности и чистоты, чѣмъ у многихъ болѣе образо-

ванныхъ народовъ юга; греки уже и тогда обращались къ женщинѣ съ уваженіемъ и любовью, какъ къ подругѣ и матери ихъ дѣтей. Уже по одному этому они смѣло могутъ надѣяться на высшее нравственное образованіе въ будущемъ.

«О, золотая луна, что свѣтитъ мнѣ на пути къ наукѣ,—самый драгоцѣнный даръ Бога», такой былъ припѣвъ пѣсни, которую распѣвали греческіе мальчики, отправляясь ночью въ школу во время турецкаго господства. Каждый грекъ, какъ тогда, такъ и теперь, съ благоговѣніемъ указывая на луну, повторяетъ дѣтямъ тѣже стихи и разсказываетъ имъ, какъ она помогала ихъ отцамъ и дѣдамъ ходить въ школу въ мрачныя времена оттоманскаго господства. Чтобы избѣгнуть преслѣдованій турокъ, греческіе дѣти и ихъ родители ночью, тайкомъ подкрадывались къ дому учителя и тамъ продолжали, также тайно и тихо, свои занятія. Такимъ образомъ деревенская школа и дома многихъ учителей дѣлались мѣстомъ тайнаго собранія, хотя и не съ цѣлями революціонной пропаганды, а съ цѣлями взаимнаго просвѣщенія. Въ то время греческихъ школъ было очень мало, но едва возможно было открыть школу, не смотря на всю нищету свою, греки тотчасъ собирали деньги. Конечно, обученіе того времени было весьма жалкое, но эти факты все-таки доказываютъ, какъ сильно было всегда въ грекахъ стремленіе къ образованію. Это стремленіе не ослабѣвало и потомъ. Послѣ 1828 года, т. е. тотчасъ послѣ окончанія борьбы за свободу, когда поля Греціи еще дымились кровью, а на мѣстѣ вырубленныхъ оливковыхъ рощъ виднѣлись палатки солдатъ, въ рядахъ грековъ не прекращались еще междоусобія,—греческое правительство издавало уже декреты объ открытіи школъ и народъ повсюду громко требовалъ основанія лицеевъ и академій. Но какъ открыть эти общественныя заведенія, когда государство, истощенное войною, не имѣло никакихъ средствъ и на насущныя потребности? Тогда болѣе зажиточные греки, со всѣхъ концовъ Греціи и со всего свѣта, гдѣ только они жили, присылаютъ громадныя пожертвованія на образованіе. Многіе тутъ выказали истинное самоотверженіе: было много примѣровъ того, что жертвовали всѣмъ состояніемъ; нѣкоторые греческіе богачи давали обѣщаніе не жениться, чтобы по смерти оставить все свое состояніе въ пользу учебныхъ заведеній. Этому помогли и многіе европейскіе мыслители и образованные люди, поклонники древне-греческаго образованія. Увѣренные, что новые греки воскресятъ духъ своихъ предковъ, они тоже жертвовали часто всѣмъ своимъ состояніемъ.

Въ 1830 году, т. е. 2 года спустя, по отчетамъ министерства народнаго просвѣщенія, въ Греціи уже считалось 12 тысячъ учащихся изъ 700 тысячъ народонаселенія. Народъ еще въ то время совсѣмъ не успѣлъ оправиться, но у него гораздо болѣе было заботы объ образованіи, чѣмъ о матеріальномъ улучшеніи своего положенія. Вотъ какъ описываетъ одинъ извѣстный путешественникъ положеніе народа и его стремленіе къ образованію въ это время: «Есть города и деревни, опустошенные войною; среди одичалости и развалинъ безмолствуетъ печальный остатокъ народонаселенія, а на церковномъ подворьѣ мололѣтнія дѣти тѣснятся кругомъ приходскаго священника, который, укрываясь съ ними отъ солнца въ тѣни погорѣлаго зданія, учитъ ихъ по лоскуткамъ книгъ и заставляетъ чертить буквы на пескѣ».

Понятно, что при такой общей, страстной жаждѣ знанія, Греція, за эти 40 лѣтъ, ни въ чемъ не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ образованіи, и особенно въ образованіи народномъ. По оффиціальнымъ отчетамъ, въ общественныхъ и частныхъ заведеніяхъ теперь учатся 82,000 человѣкъ, при народонаселеніи въ 1.700,000 ч., это выходитъ одинъ ученикъ на 20 жителей, между тѣмъ, какъ у насъ еще и теперь одинъ учащійся считается среднимъ числомъ на 77 человѣкъ. Общественныя школы содержатся частью общинами, частью государствомъ. Въ большей части изъ нихъ учатъ

чтенію, письму, ариѳметикѣ, катехизису, первымъ началамъ грамматики, элементарнымъ свѣдѣніямъ изъ исторіи, географіи, естественной исторіи, земледѣлію и рисованію. Семинарія въ Аѳинахъ приготовляетъ народныхъ учителей. Въ гимназіяхъ изучаютъ: древне-греческій языкъ, латинскій и французскій, математику, исторію, географію, логику, анатомію, физику и естественную исторію. Кромѣ народныхъ школъ, гимназій и семинарій для учителей, тутъ есть военная и политехническая школа, высшее нормальное училище, земледѣльческая школа, женскій интитутъ Арсакеонъ, институтъ королевы Амаліи, 7 лицеевъ и наконецъ университетъ.

Аѳинскій университетъ основанъ въ 1835 году и увеличивается съ каждымъ годомъ: теперь онъ уже имѣетъ 50 профессоровъ и болѣе 1,200 студентовъ: между ними чрезвычайно много грековъ изъ турецкихъ провинцій. Зданіе университета одно изъ лучшихъ въ Аѳинахъ. Оно построено изъ ослѣпительно бѣлаго мрамора и въ древнегреческомъ стилѣ. Аѳинскій университетъ открытъ для всѣхъ званій, безъ всякой платы, и любовь къ ученію молодежи; говорятъ, здѣсь замѣчательная. Тутъ, разумѣется, какъ и вездѣ, есть даровитые и бездарные юноши, но всѣ единогласно утверждаютъ, что чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить юношу, ничего не дѣлающаго, не занимающагося серьезно своимъ предметомъ. Результатъ этихъ занятій бываетъ различенъ, но нѣтъ ни одного, который вступилъ бы въ университетъ только для того, чтобъ называться студентомъ. Едва только открылся университетъ, толпы молодежи, со всѣхъ концовъ Греціи, стали въ него стекаться. Множество мальчиковъ приходили издалека въ Аѳины босикомъ, ѣли сухой хлѣбъ, приготовляли другъ друга къ гимназіямъ и къ университету, и такимъ образомъ весьма многіе сдавали вступительные экзамены въ эти заведенія. Тутъ бываютъ часто такіе случаи: приходятъ юноши въ Аѳины съ нѣсколькими драхмами въ карманѣ, опредѣляются слугою къ какому нибудь зажиточному человѣку, или въ какой нибудь магазинъ, выговариваютъ за всѣ свои услуги только пристанище и кусокъ хлѣба вмѣстѣ со слугами и право на 3 часа въ день ходить на лекціи. Ночью такой молодой человѣкъ обыкновенно занимается, а вечеромъ и днемъ набиваетъ трубки, бѣгаетъ по порученіямъ и служитъ. Студентовъ, живущихъ такимъ образомъ, не мало въ аѳинскомъ университетѣ. Одинъ путешественникъ разсказываетъ, какъ одинъ молодой человѣкъ нанялся такимъ образомъ въ кофейню, вставалъ съ зарей, мелъ комнаты, мылъ посуду, приготовлялъ кофе, подавалъ его посѣтителямъ; затѣмъ убѣгалъ на лекціи, вечеромъ выполнялъ тѣ же обязанности, а часть ночи занимался приготовленіемъ лекцій. И вотъ черезъ 3 года, въ одно прекрасное утро, уставляя чашки и вытирая чубуки, онъ обращается къ своему хозяину: «Довольны вы мною, хозяинъ?» — «Доволенъ, Петро». — «Такъ вы дозволите мнѣ служить вамъ и впередъ?» — «Конечно». — «Только ужъ не при кофейнѣ». — А какъ же?» — «Докторомъ, я вчера кончилъ экзаменъ и на дняхъ получу дипломъ».

Если обратить вниманіе на то, что Греція затрачиваетъ на свое общественное образованіе и при этомъ принять въ разсчетъ ея средства вообще, время независимаго существованія и ея населенность, то она стоитъ въ этомъ отношеніи первою въ ряду всѣхъ націй, не исключая и Соединенныхъ Штатовъ. Нужно притомъ помнить, что въ другихъ странахъ, тоже заботящихся о народномъ образованіи, какъ въ Пруссіи, Саксоніи, Швейцаріи и Даніи, — обученіе обязательное; въ Греціи оно совершенно свободно. Какъ самый бѣдный человѣкъ, такъ и самый богатый гордится здѣсь болѣе всего тѣмъ, когда сынъ его образованъ.

Тотъ же быстрый успѣхъ мы видимъ и въ печати, которая въ Греціи пользуется замѣчательной свободой. До 1821 года не было ни одной газеты, теперь ихъ считается

въ королевствѣ 77 (изъ нихъ три издаются греками на французскомъ языкѣ) и 13 журналовъ. Въ Афинахъ 40 типографій и 6 словолитень постоянно заняты.

Молодой человѣкъ, окончившій здѣсь высшее образованіе, находитъ весьма мало путей для примѣненія своихъ знаній. Болѣе способные избираютъ научную карьеру, но этотъ трудъ здѣсь весьма дурно оплачивается; нѣкоторые становятся учителями въ школахъ королевства или греческихъ школахъ Турціи; но эта обязанность требуетъ большаго терпѣнія и полнаго отреченія отъ всякихъ надеждъ на славу и извѣстность, что совсѣмъ не въ характерѣ грека, начинающаго мечтать еще съ пеленокъ о славѣ и общественной дѣятельности. Весьма затруднительно найти мѣсто и такому молодому человѣку, который рѣшается заниматься не умственнымъ трудомъ, а просто хочетъ получить занятія въ конторѣ: при самомъ незначительномъ жалованьи, на эти мѣста всегда сотни претендентовъ. Молодому человѣку, сдѣлавшему цѣлый рядъ неудачныхъ попытокъ, остается только одно: поселившись въ Афинахъ, стать въ ряды поклонниковъ какого-нибудь виднаго государственнаго дѣятеля, пописывать въ газетахъ, разбивать въ пухъ и прахъ одного министра, чтобы выдвинуть другаго, и за это ожидать себѣ какого-нибудь мѣстечка. Затѣмъ вся образованная молодежь только и думаетъ о томъ, чтобы попасть въ депутаты, такъ какъ, не смотря на незначительное содержаніе, это мѣсто даетъ возможность греку мечтать о министерскомъ портфелѣ. Честолюбіе—одна изъ главныхъ чертъ греческаго характера. Понятно, что при такомъ большомъ количествѣ людей, мечтающихъ о званіи министра, парламентъ представляетъ всегда ожесточенную борьбу партій. Очень часто эти партіи не представляютъ существеннаго различія въ мнѣніяхъ по вопросамъ государственнаго управленія, разногласятъ въ мелочахъ и, руководствуясь эгоистическими соображеніями, стараются столкнуть существующее министерство, не всегда потому, чтобы оно было дурно, а чаще для того, чтобы посадить на его мѣсто нужныхъ имъ людей. Крайне непродолжительное существованіе каждаго министерства вредно отзывается на государственномъ управленіи, такъ какъ, за немногіе мѣсяцы своего существованія, министръ не успѣваетъ провести серьезныхъ и полезныхъ мѣръ. Такимъ образомъ, за неимѣніемъ другихъ путей для дѣятельности, множество образованныхъ молодыхъ людей тратятъ свои силы на безплодную политическую борьбу.

Послѣ университета, самое замѣчательное учебное заведеніе въ Афинахъ—женскій институтъ Арсакеонъ, названный такъ по имени одного богатаго грека Арсаки, который пожертвовалъ огромный капиталъ на его открытіе. Арсакеонъ управляется совѣтомъ, который состоитъ изъ профессоровъ университета и почетныхъ городскихъ жителей. Въ институтѣ бываетъ ежегодно до 130 пансіонерокъ и болѣе 300 приходящихъ. Пансіонерки содержатся на постоянные фонды заведенія или на вновь поступающія пожертвованія. Приходящія платятъ за ученіе по 8 драхмъ въ мѣсяцъ (на наши деньги это выходитъ 1 р. 80 к. с.). По окончаніи курса институтки отправляются въ провинціальныя школы учительницами или поступаютъ гувернантками. Заведеніе это пользуется такою извѣстностью, что, задолго до выпуска воспитанницъ, получаются приглашенія, не только отъ грековъ, живущихъ въ греческомъ королевствѣ и на островахъ, но даже отъ грековъ изъ Смирны, Константинополя, часто даже греческія семейства, живущія въ Англіи, предпочитаютъ брать свою соотечественницу изъ Арсакеона, чѣмъ иностранку.

Свободный доступъ въ афинскій институтъ удовлетворяетъ горячему стремленію къ женскому образованію. Большая часть приходящихъ воспитанницъ принадлежитъ къ бѣднѣйшему классу городскихъ жителей. Рыбная торговка, молочница, прачка—не допиваетъ и не доѣдаетъ, откладывая всѣ трудовыя деньги, чтобъ помѣстить дочку въ

институтъ. Конечно, тутъ, кромѣ стремленія къ образованію, высказывается и желаніе сдѣлать для дочери болѣе счастливую карьеру, чѣмъ своя собственная, такъ какъ институтки этого заведенія, говорятъ, никогда не остаются безъ мѣстъ послѣ выпуска.

СУЕВѢРІЯ.

Повѣрья и примѣты простолюдина.—Вриколаки: страхъ и безпокойство, которое причиняетъ грекамъ это повѣрье.—Сходство между суевѣріями древнихъ и новыхъ грековъ.

Греки народъ только начинающій жить и учиться, и потому между ними во всей силѣ господствуютъ суевѣрія, сохраненныя простолюдинами отъ самой глубокой языческой древности. Идетъ ли онъ къ ручью, онъ непремѣнно увидитъ тамъ водянаго духа; ищетъ ли тѣни у дерева — за нимъ наблюдаетъ драконъ. И онъ до такой степени искренно вѣритъ во всѣхъ этихъ духовъ, что, бродя по берегу рѣки, будетъ непремѣнно прислушиваться къ жалобному пѣнію рѣчной нимфы, которая, какъ сказывали ему, изъ дѣвушки превратилась въ птицу. И греки, и гречанки имѣютъ множество дурныхъ и хорошихъ примѣтъ. Если кто случайно остановится и посмотритъ въ лице ребенка, мать считаетъ своей обязаностію ему плюнуть прямо въ лице, въ полной увѣренности, что иначе ребенка ея сглазятъ. По ихъ понятіямъ, можно сглазить лошадь, хлѣбъ, дерево, домашнюю птицу. Мать навѣшиваетъ съ ранняго возраста своему дитяти ладонку съ солью, углемъ и чеснокомъ, приговаривая при этомъ: «чеснокъ и соль—въ глаза врагу». Матери болѣе всего боятся носить дѣтей къ рѣкѣ или ручью, такъ какъ опасаются нерендъ, которыя только и ждутъ, чтобъ унести хорошенькихъ дѣтей въ ручей. Съ ужасомъ закричитъ вся семья на того, кто въ забывчивости вдругъ остановится въ дверяхъ хаты: они вѣрятъ, что отъ этого человѣкъ лишится впослѣдствіи голоса. Когда у нихъ ходитъ оспа, или другая какая нибудь болѣзнь, они утверждаютъ, что эта слѣпая женщина, ощупывая стѣны домовъ, обѣгаетъ такимъ образомъ города и деревни. Вмѣсто того, чтобы принять какія нибудь гигіеническія мѣры противъ повѣтрія или позвать доктора, они стараются заговаривать стѣны или не подходить къ нимъ, а держаться въ серединѣ хаты. Иногда кто нибудь въ ужасѣ вбѣгаетъ ночью въ хату и разсказываетъ, что, проходя мимо кладбища, онъ увидалъ надъ нимъ какіе-то огни, и тогда все населеніе подымается на ноги, бѣгутъ другъ къ другу разсказывать о случившемся и тогда отъ всѣхъ только и слышишь одно слово: «вриколаки». Вриколаки, которыхъ такъ боятся греки,—блуждающіе, нечестивые мертвецы. На Балканскомъ полуостровѣ въ нихъ вѣрятъ почти всѣ народы: и христіанскіе, и магометанскіе; только у разныхъ народовъ они носятъ различныя названія: у албанцевъ—*вурвулаки*, у сербовъ—*вукодлаки* и т. д.

Но больше всего на Балканскомъ полуостровѣ это вѣрованіе распространено между греками. По ихъ мнѣнію, вриколаки бываютъ *менье вредные*, и тогда они только пугаютъ людей, но не дѣлаютъ имъ особеннаго вреда, и вриколаки *особенно вредные*, которыхъ они называютъ также *вампирами*. Вампиры, по ихъ мнѣнію, сосутъ человѣческую кровь и питаются печенью, ихъ-то больше всего и боятся греки. Главными причинами, вслѣдствіе которыхъ люди превращаются въ вампировъ, служатъ отлученіе отъ

церкви, особенно тяжкіе грѣхи, проклятіе родителей и занятіе колдовствомъ. Отлученіе отъ церкви существуетъ здѣсь уже издавна: необразованные и корыстолюбивые греческіе священники часто пользовались этимъ суевѣріемъ, чтобы запугать народъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ народомъ они всегда старались внушить ему необыкновенный страхъ къ отлученію отъ церкви, убѣждая ихъ, что оно имѣетъ громадное вліяніе не только на ихъ загробную жизнь, но и на состояніе ихъ здоровья, такъ что во многихъ мѣстахъ головную боль, лихорадку, ревматизмъ и другія болѣзни приписывали отлученію отъ церкви. Натурально, что народъ отдавалъ свою послѣднюю рубашку духовенству, лишь бы оставаться съ нимъ въ мирѣ и не быть отлученнымъ отъ церкви. Этотъ страхъ, который поселило къ себѣ духовенство, прежде всего вредно отзывался и на нихъ самихъ. Однажды священникъ былъ убитъ въ отмщеніе за смерть одного человѣка, такъ какъ предполагали, что она произошла вслѣдствіе отлученія отъ церкви. Разбойники, которыми, какъ мы увидимъ ниже, всегда была переполнена эта земля, ограбивъ священника, всегда старались его убить, такъ какъ боялись, что онъ потомъ отлучитъ ихъ отъ церкви. Греки вѣрили, что у человѣка, умершаго отлученнымъ отъ церкви, тѣло не разлагается въ могилѣ, и это суевѣріе всегда поддерживали сами священники, такъ какъ они, отлучая отъ церкви, торжественно произносили: «Послѣ смерти пусть твое тѣло не разлагается». Вслѣдствіе этого суевѣрія, во многихъ мѣстахъ, гдѣ оно существуетъ, есть обычай выкапывать тѣло годъ спустя послѣ смерти и угадывать по немъ, на небѣ ли его душа, или въ аду. Такъ какъ духовенство можетъ наказывать этимъ отлученіемъ, то оно же само можетъ и отмѣнить его; священники также выгоняютъ злыхъ духовъ и останавливаютъ порчу людей вриколаками. Народъ острова Крита вѣритъ, что вредъ, который эти ночные странники причиняли прежде, былъ чаще и что теперь несчастныхъ случаевъ меньше вслѣдствіе усердія и искуства духовенства. На островѣ Мителенѣ кости тѣхъ, которые не хотятъ покойно лежать въ могилѣ, переносятъ на другой маленькій островокъ и здѣсь вновь погребаютъ. Народъ вѣритъ, что послѣ этого вампиръ не станетъ уже никому мерещиться, такъ какъ онъ не можетъ переходить черезъ соленую воду. Говорятъ однако, что самое лучшее средство, если не для успокоенія населенія, то для успокоенія духовенства, которое, кромѣ своекорыстныхъ цѣлей, иногда по своему невѣжеству и дѣйствительно искренно вѣритъ во всѣ нелѣпыя суевѣрія, было употреблено фессалійскимъ митрополитомъ. Одинъ священникъ пришелъ совѣтывать ему вырыть два тѣла и бросить въ рѣку, такъ какъ они вриколаки. Онъ разсказывалъ, что изъ ихъ могилъ каждую ночь выходитъ большое животное и при этомъ появляется пламя. Тогда епископъ взялъ со священника 250 піастровъ, которые онъ потомъ раздалъ бѣднымъ и, кромѣ того, обстригъ ему бороду. Затѣмъ епископъ объявилъ по всей епархіи, что за всякое подобное извѣстіе онъ будетъ наказывать штрафомъ и лишать мѣста. Тогда въ этой мѣстности вриколаки перестали появляться. Въ городѣ Прилепѣ есть нѣсколько семействъ, которыхъ считаютъ потомками вриколаковъ и думаютъ, что они въ состояніи успокоивать странствующихъ духовъ, съ которыми они связаны родствомъ. Они держатъ свое искуство въ большомъ секретѣ, тѣмъ не менѣе ихъ слава широко распространилась и за ними всегда посылаютъ изъ разныхъ городовъ и деревень, когда желаютъ отдѣлаться отъ вриколаковъ.

Вотъ какъ выгоняютъ вриколаковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи: священникъ кладетъ на землю рубашку покойника, котораго считали вриколакомъ, и начинаетъ ходить по ней, читая молитвы; при этомъ его поддерживаютъ съ двухъ сторонъ, чтобы вампиръ не схватилъ его самого. Когда священнику удалось въ какомъ нибудь мѣстѣ разорвать ногою рубашку, то злой духъ немедленно выходитъ изъ этой дырки.

У грековъ сохранилось еще много суевѣрныхъ представленій изъ древней греческой мифологіи. Новый грекъ, какъ и древній, олицетворяетъ всѣ обстоятельства своей жизни въ видѣ какихъ нибудь существъ, оживляетъ всю свою природу: такъ нимфы, дріады, ореады, сатиры и т. д. древнихъ грековъ продолжаютъ въ томъ или другомъ видѣ существовать и въ представленіяхъ новаго грека. Олицетвореніе оспы въ видѣ слѣпой женщины, а еще болѣе олицетвореніе чумы—напоминаютъ древнихъ парокъ. Нынѣшніе греки представляютъ чуму въ образѣ трехъ женщинъ, изъ которыхъ одна всюду носитъ въ рукѣ свертокъ бумаги, другая ножницы, а третья метлу. Онѣ всѣ вмѣстѣ ходятъ по домамъ, и первая вноситъ въ свой списокъ имена жертвъ, вторая ранитъ ихъ ножницами, а третья выметаетъ послѣ нихъ всякій слѣдъ.

Греки, обитающіе въ одной части Тайгетскихъ горъ, въ Лаконіи, вѣрятъ, что на одной горѣ постоянно танцуютъ три дѣвушки ослѣпительной красоты, съ козьими ногами. Всякій, приближающійся къ нимъ, непремѣнно будетъ пораженъ ихъ красотой и постарается обнять ихъ; за эту дерзость дѣвушки сталкиваютъ въ пропасть съ высоты горы. Ясно, что это народное вѣрованіе коренится въ древнихъ греческихъ представленіяхъ объ ореадахъ, сиренахъ и сатирахъ.

ГРЕЧЕСКІЕ ОБРЯДЫ.

Знакомство молодежи между собою.—Предложеніе.—Обрученіе.—Обычай молчанія.—Бракъ и церемоніи, какими онъ сопровождается.—Похороны.—Миріологи.—Посты и другіе религіозные обряды.—Пѣсни и ихъ значеніе для грековъ.—Слѣпые пѣвцы.

Грекъ всегда ищетъ себѣ въ жены равную и въ этихъ случаяхъ всего менѣе обращаетъ вниманіе на богатство. Богатые греки не имѣютъ никакихъ предразсудковъ, въ дѣлѣ замужества своихъ дочерей, и очень часто выдаютъ ихъ замужъ за своихъ слугъ, если только они порядочные люди и молодые люди нравятся другъ другу. Молодежь больше всего знакомится между собою во время праздничныхъ забавъ и танцевъ. Когда парню уже на столько понравилась дѣвушка, что онъ задумалъ на ней жениться, тогда онъ старается выбрать такое время, когда она одна. Гречанка тотчасъ пойметъ, что и молодецъ подходитъ къ ней съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ей предложеніе, такъ какъ прежде чѣмъ объ чемъ нибудь заговорить, онъ броситъ въ суженую цвѣтами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто этого онъ подаетъ ей яблоко. Получивъ согласіе дѣвушки, молодецъ долженъ тотчасъ сказать объ этомъ родителямъ. Но, прежде чѣмъ явиться къ нимъ, онъ долго и усердно молится Богу, горячо говоря: «Я посвящу тебѣ, святая Богородица, серебряную лампаду, принесу много ладана, если ты одѣнешь намъ перстни на руки и вѣнцы на головы». Никакой страхъ, никакая опасность не заставятъ юношу перемѣнить намѣреніе, если онъ сдѣлалъ уже дѣвушкѣ предложеніе. «Если бы тысячи мечей и ножей были у меня подъ ногами», распѣваетъ онъ въ это время, «я раздавилъ бы ихъ всѣхъ и пришелъ къ тебѣ». Чтобы доказать своей возлюбленной, что онъ готовъ перенести для нея всякія испытанія, онъ иногда, стоя подъ ея окномъ, вонзаетъ себѣ кинжалъ въ руки и ноги. Но если, не смотря на всю взаимную привязанность молодыхъ людей, родители не соглашаются на ихъ бракъ, что слу-

чается здѣсь, впрочемъ, гораздо рѣже, чѣмъ у другихъ народовъ, тогда молодецъ старается ворваться въ домъ своей возлюбленной, когда тамъ священникъ, беретъ ее за руку и силою выводитъ изъ дому въ сосѣднюю деревню, гдѣ ихъ тотчасъ и вѣнчаютъ. Родителямъ послѣ этого ничего не остается дѣлать, какъ только примириться съ новымъ зятемъ. Когда влюбленный юноша не получаетъ согласія родителей невѣсты, дѣло нерѣдко доходитъ до кровопролитныхъ сценъ, такъ какъ поднимается цѣлая деревня, и онъ съ помощью молодежи, которая всегда на его сторонѣ, увозитъ свою возлюбленную силою. Нерѣдко дѣвушка сама устраиваетъ побѣгъ и вѣнчается съ любимымъ человѣкомъ въ первой церкви.

Когда родители той или другой стороны соглашаются на бракъ своихъ дѣтей, то тотчасъ устраиваютъ обрученіе. Въ назначенный вечеръ, родители собираются вмѣстѣ, или къ отцу жениха, или въ невѣстинъ домъ; туда же входитъ и священникъ. Кладутъ на столъ контрактъ, и двѣ молодыя дѣвушки вводятъ невѣсту, всю окутанную вуалью. Женихъ идетъ къ ней на встрѣчу, беретъ ее за руку, и они подходятъ къ священнику, который ихъ благословляетъ и мѣняетъ ихъ кольца. Затѣмъ женихъ и невѣста выходятъ изъ комнаты, а родители остаются, пьютъ, поздравляютъ другъ друга и назначаютъ день свадьбы. Послѣ обрученія свадьбу иногда назначаютъ очень скоро, иногда же откладываютъ на нѣсколько мѣсяцевъ, или даже на цѣлый годъ. Но насколько бы она ни была отсрочена, женихъ и невѣста отъ самаго дня обрученія до свадьбы не могутъ разговаривать между собой. Здѣсь считается величайшимъ позоромъ, если замѣтятъ, что женихъ подойдетъ къ невѣстѣ, или скажетъ съ ней хотя одно слово.

За 8 дней до свадьбы родители жениха и невѣсты посылаютъ пригласительныя свадебныя письма по всѣмъ своимъ родственникамъ, друзьямъ и знакомымъ. Каждый приглашенный, поблагодаривъ посланнаго, считаетъ долгомъ взвалить ему на плечи ягненка, убраннаго цвѣтами и лентами, или часть коровы, нѣсколько хлѣбовъ: все это для свадебныхъ угощеній, а иногда и на прокормленіе гостей, которые часто за нѣсколько дней до свадьбы начинаютъ уже жить въ домѣ жениха и невѣсты.

Въ Греціи почти въ каждой мѣстности свои особые брачные обряды и порядки. Большею частью невѣста должна идти подъ вѣнецъ шатаясь, какъ несчастная жертва, окруженная многочисленной толпой, съ музыкою и пѣніемъ. Впереди идетъ ребенокъ и держитъ передъ нею зеркало, а на серединѣ дороги ее встрѣчаетъ женихъ съ своими. При этомъ головной уборъ невѣсты очень интересенъ: въ волосахъ у нея золотые нитки, которыхъ иногда такъ много, что какъ будто у дѣвушки золотые волоса, кромѣ того на головѣ огромная пурпурная повязка; сама она тщательно нарумянена, съ подкрашенными бровями и рѣсницами. Послѣ бракосочетанія идутъ въ домъ жениха, и при этомъ изъ всѣхъ домовъ сбѣгается народъ и бросаетъ въ молодыхъ цвѣтами, плодами, виноградомъ. Жители деревни, изъ которой взята молодая, поютъ: «У насъ похитили прекрасную дѣвушку и мы теперь остались точно въ разоренномъ городѣ».

Когда молодая вошла въ комнату, она ступаетъ ногой на сошникъ (желѣзо въ плугѣ). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто этого мужчины вытаскиваютъ изъ-за пояса кинжалы и чертятъ ими кресты и другіе знаки на дверяхъ, чтобы съ новобрачными не случилось ничего дурнаго. Эти знаки стараются сохранить даже и тогда, когда домъ отдѣлываютъ снаружи. Послѣ многихъ другихъ обрядовъ, всѣ садятся за столъ, кромѣ невѣсты, которая стоитъ закрытая вуалью. Посреди пира къ ней подходитъ дружка и открываетъ лице. Нужно замѣтить, что всѣ эти обряды сопровождаются пѣснями, и во время всѣхъ пиршествъ никогда не повторяется одна и та же пѣсня, такъ какъ на всякій срадебный обрядъ, на всякое время этого дня существуетъ и особая пѣсня. Эти свадебныя пѣсни поются по очереди, то мужчинами, то женщинами, и этимъ

напоминаютъ древне-греческія пѣсни Гименею; нѣкоторыя пѣсни поются всѣми вмѣстѣ. Послѣ обѣда начинаются танцы; если молодая не любитъ танцовать, то она можетъ отправиться къ себѣ, но непремѣнно должна начать танецъ.

Теперь перейдемъ къ печальнымъ обрядамъ похоронъ. Лишь только кто нибудь умеръ, всѣ его родственники въ ту же минуту оставляютъ его и переходятъ въ домъ сосѣдки переодѣться въ трауръ, распустить свои волосы, и только въ такомъ видѣ они возвращаются къ покойнику. Между тѣмъ тѣло покойнаго успѣли уже вымыть виномъ, одѣть въ саванъ и положить. При этомъ всѣ двери, гдѣ лежитъ покойникъ, открываютъ, чтобы его друзья, знакомые и незнакомые, всѣ могли придти проститься съ нимъ. Каждаго покойника здѣсь обыкновенно окружаютъ множество плакальщицъ, которыя, въ слезахъ и рыданіяхъ, ломаютъ руки, причитаютъ или, какъ выражаются здѣсь, произносятъ миріологи. Этими плакальщицами бываютъ или родственники усопшаго, или наемныя женщины, если родственницы почему-нибудь отказываются взять на себя эту обязанность.

«Зачѣмъ ты меня покинулъ», причитаютъ плакальщицы. «Вѣдь у тебя есть все: кремень и огниво, много навозу; твоя коса изъ чистаго желѣза съ деревянной ручкой». Или: «Чего же ты идешь искать? Трава поросла по порогамъ твоей хаты; твой дворъ опустѣлъ; твои конюшни остались безъ лошадей... О, приходи и оживи твое жилище». Вотъ еще образчикъ: «Наслаждайся свѣтомъ, ты его видишь послѣдній день, завтра ты будешь лежать въ сырой землѣ! О, мой сынъ! сдѣлайся тучкой, облакомъ или птичкой, чтобъ еще наслаждаться свѣтомъ».

Однажды 25-ти-лѣтняя женщина, потерявъ своего мужа, подвела къ тѣлу покойнаго двухъ своихъ дѣтей и, рыдая и причитая, стала вслухъ говорить: «О, какой я сонъ видѣла сегодня: молодой человѣкъ, высокаго роста, вооруженный съ головы до ногъ, показался на порогѣ твоего дома.—Женщина, спросилъ онъ, твой мужъ дома? Да, отвѣчала я ему,—вонъ онъ чешетъ маленькаго Николая и ласкаетъ его, чтобы не дать ему расплакаться. Не подходи, ужасный человѣкъ, не подходи, упрашивала я его, ты напугаешь мое милое дитя, и я хотѣла его толкнуть... Но онъ ворвался въ домъ, бросился на тебя, ударилъ тебя саблею и хотѣлъ убить Николая»... При этихъ словахъ несчастная женщина бросилась на трупъ мужа и ее на силу могли оттащить. Рыданія душили всѣхъ присутствующихъ.

Вообще миріологи, сказанные кстати и не наемными плакальщицами, а людьми, любившими усопшаго, вызываютъ много горячаго чувства у присутствующихъ. Но тутъ же происходитъ и много страннаго. Иногда во время миріологовъ чихаетъ ребенокъ, тогда сосѣдки бросаются на него и рвутъ на немъ рубашку, полагая, что иначе онъ непремѣнно преждевременно умретъ. Когда опускаютъ покойника въ могилу, родственники рвутъ на себѣ волосы и бросаютъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ,—обычай, который былъ извѣстенъ еще въ древности. Послѣ похоронъ всѣмъ присутствующимъ раздаютъ теплый хлѣбъ, оливы, сыръ и вино, чтобы они помолились за душу умершаго. Затѣмъ всѣ возвращаются, но, прежде чѣмъ вступить въ домъ, гдѣ приготовленъ поминальный обѣдъ, всѣ должны вымыть себѣ руки.

Греки народъ чрезвычайно религіозный и, какъ у людей еще не вполнѣ образованныхъ, обрядъ въ ихъ религіи имѣетъ первостепенное значеніе. У нихъ двѣ трети года занято постами и они строго ихъ выполняютъ. Очень часто они ходятъ на богомолье. Если заболѣетъ ребенокъ, или кто нибудь изъ близкихъ, то въ молитвахъ просятъ у Бога исцѣленія, обѣщая при этомъ той или другой чудотворной иконѣ какое нибудь цѣнное приношеніе. Эти обѣщанія строго выполняются и чудотворныя иконы бываютъ обыкновенно окружены и увѣшаны рядами глазъ, зубовъ, рукъ и другихъ ча-

стей человѣческаго тѣла, сдѣланныхъ изъ какого нибудь металла въ благодарность за исцѣленіе этихъ частей тѣла отъ той или другой болѣзни. Всѣ обряды и праздники только потому и оживляютъ ихъ жизнь, что они сопровождаются чудными, полными глубокаго чувства и поэзіи греческими пѣснями. На всякій праздникъ, на различные случаи изъ жизни, вы всегда найдете особую пѣсню, и даже не одну, а обыкновенно цѣлый рядъ ихъ. Такъ какъ засуха—самое обыкновенное явленіе греческой природы, то мы и разскажемъ, какъ встрѣчаютъ здѣсь это бѣдствіе. Когда бездождье продолжается болѣе 15, 16 дней, тогда дѣти въ деревняхъ и маленькихъ городкахъ собираются вмѣстѣ, выбираютъ изъ среды своей одного ребенка, непремѣнно сироту, такъ какъ думаютъ, что Богъ скорѣе всего услышитъ просьбу несчастнаго. Этого ребенка раздѣваютъ и, буквально съ головы до ногъ, обвиваютъ и украшаютъ полевыми цвѣтами и травами. Съ нимъ дѣти ходятъ огромною толпою по улицамъ, и каждая хозяйка дома считаетъ долгомъ вылить на него сосудъ воды въ той надеждѣ, что и Богъ такимъ образомъ прольетъ дождь на землю. При этомъ непремѣнно даютъ малюткѣ мелкую монету. Между тѣмъ дѣти продолжаютъ пѣть пѣсню за пѣсней, и во всѣхъ ихъ онѣ умоляютъ Бога послать дождь, чтобы поля позеленѣли, чтобы расцвѣли душистыя зеленыя травы, чтобы виноградникъ далъ обильныя грозды.

Всѣ греческія пѣсни сложены и поются горными пастухами, другія—моряками, во время ихъ путешествія, нѣкоторыя клефтами (разбойниками) и, наконецъ, надгробныя причитанія, или миріологи, импровизируютъ женщины на гробѣ любимаго человѣка. Но наибольшее число народныхъ пѣсенъ обязано своимъ происхожденіемъ особому классу людей—слѣпымъ странствующимъ пѣвцамъ.

Гордый грекъ никогда не нищенствуетъ: даже и тогда, когда онъ слѣпъ и не можетъ работать, онъ не рѣшится протянуть руку за милостыней, а добываетъ себѣ пропитаніе, расхаживая изъ деревни въ деревню и распѣвая пѣсни, изъ которыхъ многія сложены имъ самимъ. Чаще всего эти слѣпые пѣвцы появляются во время мѣстныхъ праздниковъ той или другой деревни; тогда всѣ собираются вокругъ нихъ и слушаютъ ихъ, притаивъ дыханіе. Эти пѣвцы—живые сборники пѣсенъ: такое невообразимо громадное количество ихъ знаютъ они на память. При пѣніи они аккомпанируютъ себѣ на инструментѣ, весьма напоминающемъ древнюю лиру. Они ходятъ обыкновенно по одиночкѣ, но во время большихъ празднествъ соединяются иногда большими группами.

Какъ веселятся и проводятъ праздники нынѣшніе греки.—Праздникъ Василія Великаго.—Какъ встрѣчаютъ въ деревняхъ 1-е Марта.—Страстная недѣля.—Первые дни Пасхи.—Праздникъ въ храмѣ Тезея.—Танцы.—Романка—любимый народный танецъ.—Попытка возстановить олимпійскія игры.

У грековъ три главныхъ праздника: св. Василія, 1-е Марта и Пасха.

Греческая церковь чтитъ память Василія Великаго 1-го января. Это день, какъ и во всей остальной Европѣ, визитовъ, поздравленій, подарковъ. Въ этотъ день въ греческихъ деревняхъ собираются вмѣстѣ молодые люди и отправляются поздравлять своихъ знакомыхъ и родныхъ. Входя въ домъ, вся молодежь начинаетъ пѣть, прежде всего въ честь самого Василія Великаго: «Василій Великій идетъ въ бронзовыхъ башмакахъ и желѣзной одеждѣ. Откуда ты, Василій Великій, и куда идешь?—Я изъ школы и иду къ своей матери.—Если ты изъ школы, скажи намъ азбуку. Василій оперся на

палку, чтобы сказать А, В, Г, и вдругъ его палка зазеленѣла и пустила вѣтку съ золотыми листьями, разукрашенными серебромъ». Затѣмъ вторую пѣснь поютъ хозяину: «О, мой хозяинъ! тебя почтилъ не только Богъ и царь, но и весь міръ, и вся храбрая молодежь твоей страны. Хорошенько угости ихъ, добрый хозяинъ. Но мы довольно прославляли хозяина, пожелаемъ ему въ заключеніе еще тысячу разъ встрѣтить Пасху и Крещеніе, и дожить до такой сѣдины, какимъ бываетъ бѣлоснѣжный голубь, или какъ Олимпъ, когда онъ покрытъ снѣгомъ».

Затѣмъ поютъ въ томъ же родѣ хозяйкѣ и всѣмъ членамъ семейства. Все это совершается съ необыкновеннымъ оживленіемъ, и тотъ, въ честь кого начинаютъ пѣть, старается вынести сколько можно больше разныхъ деревенскихъ угощеній, между которыми первое мѣсто занимаютъ хлѣбцы, орѣхи и виноградъ.

1-го января оживляются даже и мирныя Афины. Лишь только смеркнется и зажгутъ газъ, афинскія улицы, въ особенности Эола и Гермесъ, наполняются толпами гуляющихъ: всюду раздаются шумъ, крики, и этотъ гулъ далеко разносится по всей столицѣ. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ гуще толпа, тѣмъ болѣе усиливается шумъ. При этомъ не только дѣти, но даже и взрослые, всѣ вооружены множествомъ трещетокъ, свистковъ, дудокъ, колокольчиками и всѣ пищатъ, свистятъ, звонятъ, гремятъ... Иногда одинъ и тотъ же испускаетъ сразу множество дикихъ звуковъ и потому легко себѣ представить шумъ и гулъ, который идетъ по улицамъ. Не думайте, чтобы такъ забавлялись одни простолюдины: всѣ классы общества принимаютъ участіе въ общемъ весельи. И это понятно: при скучной афинской жизни всѣ до смерти рады, когда чѣмъ нибудь нарушается это однообразіе. Уличные мальчики со смѣхомъ и пронзительнымъ свистомъ и пискомъ подбѣгаютъ къ знатнымъ господамъ, и тѣ отвѣчаютъ имъ тѣмъ же. Однако послѣ 11 часовъ вечера всѣ уже успѣютъ достаточно утомиться и расходятся по домамъ. Празднество это нѣсколько напоминаетъ римскій карнавалъ, только выдумки и народныя забавы здѣсь гораздо однообразнѣе.

1-го марта встрѣчаютъ здѣсь такъ, какъ во многихъ мѣстахъ 1-е мая. Собирается множество дѣтей и молодежи и, подходя то къ одному, то къ другому дому, они поютъ о возвращеніи весны. Самая главная пѣснь, которая при этомъ поется, — «Ласточка». Прежде чѣмъ затянуть эту пѣсню, дѣти вынимаютъ ласточку, сдѣланную изъ дерева и, дергая ее за веревочку, такъ что она при этомъ подымаетъ крылья, поютъ: «Ласточка прилетѣла изъ-за моря и поетъ: Мартъ, мой любимый мѣсяцъ! и ты, скучный февраль, со своими снѣгами и дождями, все таки чувствуешь приближеніе этого добраго мѣсяца». При этомъ изъ каждаго дома выходитъ хозяйка и выноситъ дѣтямъ: хлѣбъ, яйца, сыръ.

Пѣснею начинается и кончается праздникъ; множество пѣсенъ существуетъ у грековъ и по поводу разныхъ семейныхъ обстоятельствъ. Но больше всего ихъ сложено, кажется, на отъѣздъ, т. е. на тѣ случаи, когда кто нибудь покидаетъ родную семью. Страстное стремленіе къ ученію, необходимость отправляться на заработки, все это заставляетъ грека часто уѣзжать изъ деревни, гдѣ онъ родился и провелъ первые годы дѣтства, и отправляться въ Афины, или даже за границу. Особенно тяжело бываетъ ему оставить свою родину, которую онъ любитъ до самоотверженія со всѣмъ пыломъ южной природы, гдѣ, какъ говорятъ ихъ пѣсни, солнце привѣтливѣе всего улыбается землѣ; страну, гдѣ мать, сестра и жена умѣютъ любить такъ горячо; страну прекрасныхъ долинъ и горъ, извѣстныхъ всѣму свѣту своими божествами и поэзіею. Всякаго уѣзжающаго куча знакомыхъ и родственниковъ провожаетъ съ пѣніемъ: поютъ пѣсни во время прощальнаго обѣда, поютъ и въ самую минуту прощанія.

Если греки, какъ мы уже говорили, строго соблюдаютъ посты, за то они возна-

граждаютъ себя при разговѣньяхъ. При этомъ пасхальный агнецъ играетъ самую видную роль. Въ одну страстную недѣлю, говорятъ, въ Афинахъ убиваютъ отъ 11 до 15 тысячъ, а во всей Греціи болѣе 200 тысячъ ягнятъ и овецъ. Въ страстную недѣлю крестьяне изо всѣхъ частей Аттики пригоняютъ свои стада въ Афины, и тогда въ городѣ богини мудрости только и слышно, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, одно овечье блеяніе. Въ эти дни то и дѣло встрѣчаешь грека, который несетъ на спинѣ ягненка. Послѣдніе дни здѣшніе купцы всячески убираютъ свои товары. Стѣны ихъ лавокъ украшены всевозможными картинками, какія только попадутся хозяину подъ руку: тутъ можно найти и изображенія святыхъ, и рисунки сраженія изъ войны за независимость, портретъ Наполеона, Фридриха Великаго... Лучше всѣхъ товаровъ разукрашены восковыя свѣчи; грудами лежатъ онѣ на полкахъ, окрашенныя въ яркія цвѣта, оклеенныя золотыми и серебряными бумажками. На нихъ обращено особенное вниманіе, потому что свѣчи составляютъ въ эти дни одинъ изъ главныхъ предметовъ торговли, такъ какъ каждый грекъ не пойдетъ иначе въ церковь, какъ со свѣчей въ рукѣ.

Воскресеніе Христово греки встрѣчаютъ съ необыкновеннымъ торжествомъ, съ неудержимой веселостью. Въ ту минуту, когда епископъ въ полночный часъ произнесетъ: «Христосъ воскресъ», начинается шумъ и веселіе во всѣхъ домахъ, крики и свистки, пальба и трескъ ракетъ, и пресыщеніе различными яствами и напитками, между которыми главную роль играютъ пасхальный агнецъ и вино. Но за то нужно отдать справедливость греку; онъ только въ дни Пасхи и бываетъ неумѣренъ въ пищѣ.

Третьимъ днемъ Пасхи заключается народное веселье. Въ этотъ день народъ обыкновенно собирается на лугу подлѣ храма Тезея. Тогда сюда сходятся не только жители Афинъ, но и всѣхъ окрестностей. По крайней мѣрѣ 10 тысячъ человѣкъ, какъ волнующееся море, двигаются тогда здѣсь взадъ и впередъ, или располагаются по холму Нимфъ живописными группами,—всѣ въ самыхъ лучшихъ нарядахъ. Какъ все тогда блеститъ и сверкаетъ! Эти красные фесы, съ длинными серебрянными кистями, красные, шитые золотомъ и серебромъ камзолы и штиблеты, великолѣпные шелковые шарфы, ослѣпительно бѣлыя фустанеллы и при этомъ тамъ и сямъ ярко сверкающіе огни, у которыхъ удобно расположились отдѣльныя семейства, чтобы жарить неизбѣжную на всякомъ народномъ праздникѣ баранину. А посреди этой суеты и пестроты спокойно и величественно стоитъ древній храмъ! Бѣдная сѣверная фантазія не можетъ составить себѣ и понятія о подобномъ великолѣпномъ сочетаніи цвѣтовъ и красокъ. Минутами даже вамъ кажется, будто вновь воскресло время минувшаго великолѣпія и радостный праздникъ богамъ торжественно празднуется вокругъ покинутаго храма. И чѣмъ болѣе вы вглядываетесь въ этотъ народъ, который покрываетъ всю эту мѣстность, тѣмъ долѣе продолжается ваша иллюзія. Смѣлыя, рѣзко очерченныя лица, прекрасныя, пластическія фигуры и движенія, торжественная, полная достоинства походка—все напоминаетъ вамъ древнихъ афинянъ. Только когда вы поближе вглядитесь въ собравшихся, вы замѣтите, что тутъ недостаетъ самаго важнаго, чѣмъ такъ оживлялись древніе праздники—искренняго веселья. Тутъ много крика, шума, безцѣльнаго шатанья изъ стороны въ сторону, но нѣтъ центра, вокругъ котораго все бы группировалось, нѣтъ ничего такого, чтобы могло всѣхъ оживлять. Нѣкоторыя группы, гдѣ нибудь усѣвшись, ѣдятъ и пьютъ, другія болтаютъ между собой; вообще, какъ видно, большинство приходитъ сюда, чтобы куда нибудь уйдти отъ томящаго однообразія афинской жизни. Только тамъ и здѣсь отдѣльныя пары танцующихъ оживляетъ это несмѣтное собраніе народа. Греческій танецъ—необыкновенно странный. Танцуетъ обыкновенно каждый полъ отдѣльно. Дѣвушки даже и между собой не танцуютъ въ общественныхъ мѣстахъ. Только по вечерамъ, въ закрытыхъ дворахъ и на маленькихъ собраніяхъ, можно увидѣть танцую-

щихъ гречанокъ. Танцующіе образуютъ обыкновенно кругъ, взявшись за руки, какъ и у насъ въ хороводахъ, только кругъ этотъ не бываетъ замкнутъ, чтобы оставить проходъ для танцора, который тутъ играетъ главную роль. Онъ входитъ въ кругъ и начинаетъ выдѣлывать разные прыжки и скачки, и при этомъ каждому его движенію тотчасъ подражаютъ всѣ танцующіе. Эти скачки и прыжки танцоры выдѣлываютъ подъ тактъ волынки или дудки съ барабаномъ, подъ звуки которыхъ присутствующіе подпѣваютъ плясовыя пѣсни. Постепенно музыка дѣлается оживленнѣе и движенія танцоровъ переходятъ въ смѣлые, искусные и быстрые прыжки. Но ни музыка, ни танцы не доходятъ здѣсь до того увлеченія, какое мы найдемъ въ Испаніи. Онѣ всегда остаются серьезными, однообразными и размѣренными. «Я видѣлъ однажды», говоритъ одинъ путешественникъ, «какъ танцовалъ пьяный грекъ; даже и онъ сохранялъ въ танцѣ всю серьезность и медленную сдержанность нынѣшнихъ афинскихъ танцоровъ». Самый любимый греческій танецъ *Ромаика*. Число танцоровъ бываетъ до 36-ти человѣкъ. Всѣ они берутся за руки и начинаютъ медленно ходить вокругъ музыканта, то наклоняя впередъ голову, то откидывая ее слегка назадъ. Но вотъ выбѣгаетъ одинъ танцоръ прыгаетъ, перевертывается, вскидываетъ руки то вверхъ, то опускаетъ ихъ внизъ, бросаетъ кверху одною рукою свой фесъ, а другою выхватываетъ изъ за пояса свой пистолетъ, стрѣляетъ въ свою шапку, опять ловитъ ее на лету, — и его бѣлая фустанелла взвивается, какъ юбка у нашихъ балетныхъ танцовщицъ; затѣмъ онъ опять выкидываетъ нѣсколько прыжковъ и исчезаетъ въ толпѣ. Хороводъ продолжаетъ двигаться съ тѣмъ же величавымъ спокойствіемъ, какъ и прежде, а на мѣстѣ его появляется другой танцоръ, который, нѣсколько разнообразя движенія перваго, выкидываетъ тѣ же штуки.

Вѣроятно, вслѣдствіе монотонности и однообразія своихъ празднествъ, а также и вслѣдствіе глубокаго уваженія нынѣшнихъ грековъ къ памяти своихъ предковъ, въ 1871 году была сдѣлана попытка возстановить олимпійскія игры. Но нынѣшнія игры происходили не на мѣстѣ древней Олимпіи, а въ Афинахъ на мѣстѣ древняго стадіума—ристалища. Путемъ многихъ раскопокъ, открыли мѣсто, гдѣ былъ въ древности бѣгъ, убрали обломки и по возможности возстановили стадій въ его первоначальномъ видѣ. Въ одномъ концѣ былъ выстроенъ раскрашенный павильонъ съ колоннами, украшенными оливковыми вѣтвями и флагами. Онъ назначался для короля, королевы и членовъ дипломатическаго корпуса. Посреди было мѣсто для бѣга, тутъ же поставили мачты и канаты для лазанія; такимъ образомъ панафинейскій стадій былъ по возможности возстановленъ и только мраморныя сидѣнья были замѣнены деревянными. Вѣроятно большаго сборища не собиралось и на мраморныхъ скамьяхъ древняго стадія. Въ назначенный день тутъ было около 20 тысячъ зрителей. Огромная толпа народа размѣстилась въ величайшемъ порядкѣ по скамьямъ, расположеннымъ амфитеатромъ, а на самомъ ристалищѣ живописно стояли 30 хорошо сложенныхъ атлетовъ, въ одеждѣ тѣлеснаго цвѣта, что представляло довольно близкое подражаніе нагимъ, умащеннымъ тѣламъ ихъ предковъ. Недалеко отъ нихъ размѣстилось съ полдюжины судей въ голубыхъ поясахъ. Бѣгуны, какъ и въ древности, выстроились въ линію, занявъ мѣста по жребію и поклявшись въ вѣрности правиламъ игры. Въ заключеніе каждаго представленія судьи возвѣщали имя побѣдителя, его родителей и мѣсто его рожденія. Послѣ этого онъ всходилъ по лѣстницѣ къ королевскому сѣдалищу и получалъ отъ короля, какъ и на олимпійскихъ играхъ, вѣнокъ изъ дикой оливы. Увѣнчавъ имъ себя, побѣдитель сходилъ на арену посреди оглушительныхъ рукоплесканій. Второй побѣдитель получалъ изъ рукъ королевы оливковую, а третій лавровую вѣтвь. Все это продолжалось три часа; тутъ былъ бѣгъ вокругъ стадія и лазанія по канату и мачтѣ,—послѣд-

няго уже совсѣмъ не было въ древней Греціи и это скорѣе напоминало наши масляничные балаганы. За успѣшное лазаніе по канату и мачтѣ награждали уже болѣе на современный ладъ. Побѣдители получали, кромѣ вѣнка, 100 драхмъ, около 25 р. на наши деньги. Затѣмъ перетягивали другъ друга на канатѣ, прыгали съ шестомъ, бросали дискъ и дротикъ, который часто пронзалъ мишень. Наконецъ, нѣсколькими состязаніями борцевъ, была окончена эта первая, слабая попытка возстановить древне-греческія игры.

РАЗБОЙНИЧЕСТВО.

Причина этого явленія во время господства турокъ.—Клефты.—Арматолы: ихъ положеніе и разрывъ съ турками.—Характеръ и образъ жизни клефтовъ.—Ихъ значеніе въ странѣ,—ихъ пѣсни и борьба за независимость родины.—Нынѣшніе разбойники.—Ихъ отношеніе къ правительству и образъ жизни.—Тщетныя попытки правительства уничтожить разбойниковъ.

Разбойничество, которымъ такъ прославилась Греція, еще до сихъ поръ въ ней не уничтожено, и безъ историческихъ объясненій было бы совершенно не понятно, почему могла пустить такіе глубокіе корни эта страшная язва греческой государственной жизни.

Когда турки, послѣ упорнаго сопротивленія, покорили греческое государство, имъ все-таки не удалось, не смотря ни на какія усилія, подчинить своему игу горныхъ обитателей Олимпа, Пеліона, Пинда и Аграфа. Какъ всѣ горные жители, болѣе смѣлые и независимые, они удалились на недоступные горы и храбро отражали всѣ нападенія турокъ. Скоро однако они перестали довольствоваться обороною и начали большими толпами выходить изъ своихъ дикихъ ущелій, нападали на деревни и города, грабили и убивали турокъ. Число этихъ независимыхъ горцевъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Въ то же время ненависть ихъ къ туркамъ, безпощадность и злоба, съ какой они ихъ преслѣдовали, росла не по днямъ, а по часамъ. Всякій грекъ, который ненавидѣлъ притѣсненія, который живо помнилъ и гордился славою своихъ предковъ и скорбѣлъ объ утраченной свободѣ древней Эллады, каждый, кто былъ разоренъ или оскорбленъ поработителями,—однимъ словомъ весь угнетенный греческій людъ бѣжалъ къ горцамъ, чтобы мстить сообща врагу до послѣдняго вздоха. Разбой скоро сдѣлался единственнымъ протестомъ противъ мусульманскихъ варваровъ. Тогда этихъ смѣлыхъ горцевъ стали называть *клефтами* (клефтъ—греческое слово—воръ, разбойникъ). Не смотря на это прозвище, имя клефта долго было въ Греціи однозначительно съ именемъ горячаго патріота, давало право на уваженіе, становилось почетнымъ титуломъ. Разумѣется, такимъ образомъ относились къ клефтамъ только греки, ненавидѣвшіе турокъ. Но дѣйствительно клефтовъ никакъ нельзя считать простыми разбойниками: они грабили и убивали только турокъ, а своимъ оказывали часто даже серьезную помощь.

Турки въ виду этихъ враговъ не были покойны ни днемъ, ни ночью; они скоро поняли, что имъ никогда не покорить клефтовъ, и потому рѣшились предложить имъ слѣдующее: они позволяли клефтамъ жить совершенно независимо, носить оружіе для своей защиты, съ условіемъ, чтобы они платили Портѣ за эту милость небольшую дань. Многіе клефты рѣшительно отказались отъ мирныхъ предложеній турокъ и продолжали

по прежнему жить въ горахъ, грабить и рѣзать враговъ. Другіе пошли на эти условія и чтобы поддержать права, данныя турками, учредили родъ милиціи. Клефты, которые не приняли предложеній турокъ, стали называться *дикими клефтами*, вторые, принадлежавшіе къ этой милиціи,—*арматолами*; но всѣ клефты, какъ дикіе, такъ и арматолы, носили еще названіе *паликаровъ*, что происходитъ отъ греческаго слова, означающаго—бравый, молодецъ, человѣкъ во цвѣтѣ силъ и лѣтъ.

Благодаря арматоламъ, многія земли Греціи въ это время не были разорены, и жители въ лицѣ ихъ пріобрѣли себѣ надежную защиту отъ турецкаго произвола. Но миръ, заключенный между арматолами и турками продолжался не долго. Насиліе пашей и вмѣшательство въ ихъ законы раздражило арматоловъ до того, что они возобновили открытую вражду съ турками и снова удалились въ горы. Они смѣшались съ клефтами, и скоро названіе арматола совсѣмъ уничтожилось. Теперь всѣ клефты одинаково враждовали съ турками и сохраняли свою независимость до совершеннаго освобожденія Греціи. Клефты раздѣлялись на множество шаекъ и каждая шайка бродила со своимъ капитаномъ въ горахъ, обыкновенно вблизи того округа, который они населяли, когда были арматолами, сдѣлавъ своимъ мѣстопребываніемъ какое нибудь отдѣльное ущелье или недоступный горный хребетъ.

Ихъ образъ жизни представляетъ, разумѣется, много отвратительнаго, такъ какъ они поддерживали свое существованіе разбоемъ и грабежомъ, но было бы несправедливо считать ихъ простыми разбойниками. Нужно помнить, что весьма многіе изъ нихъ грабили и убивали исключительно только для того, чтобы отомстить за разоренную родину и за поруганныя семьи. Не имѣя возможности никогда положить своего оружія, какъ отъявленные враги турокъ, которые тотчасъ могли ихъ захватить, и скитаясь по неплодороднымъ ущельямъ и хребтамъ, они не могли заниматься ни земледѣліемъ, ни скотоводствомъ, и уже поэтому самому имъ приходилось жить на счетъ своихъ враговъ. Мы уже сказали выше, что они всегда щадили своего брата грека; этому правилу они измѣняли только тогда, когда заподазривали его въ измѣнѣ. Поэтому они часто нападали на монаховъ и священниковъ, грабили и убивали ихъ. Однако ненависть къ духовенству нисколько не мѣшала имъ оставаться очень религіозными и благоговѣйно отправлять богослуженіе въ своихъ маленькихъ часовняхъ. Главною своею покровительницею клефты считали Богородицу. Они никогда не грабили церквей и часовень и выгоняли изъ своей среды того, кто когда нибудь посягалъ на церковную святыню. Однажды они выдали Янинскому пашѣ своего капитана, ограбившаго часовню Богородицы, и тотъ немедленно его повѣсилъ. Очень многіе изъ этихъ суровыхъ, закаленныхъ въ бою и въ страшныхъ лишеніяхъ клефтовъ, съ ружьемъ на плечѣ, предпринимали путешествіе въ Іерусалимъ или совершали громадные переходы, чтобы поклониться какой нибудь чтимой святынѣ.

Въ Греціи каждая деревня имѣетъ своего патрона или патронессу и ежегодно празднуетъ его память; такъ и клефты считаютъ своею покровительницею Богородицу и воздаютъ ей глубочайшее почтеніе. Религіозный характеръ клефтовъ отразился въ ихъ пѣсняхъ, изъ которыхъ еще очень многія и теперь считаются любимыми пѣснями народа и всюду распѣваются.

«Садилось солнце и день уходилъ,
А Димъ паликарамъ своимъ говорилъ:
Не можется, дѣти, пора на покой!..
Сходите на ужинъ себѣ за водой,
А ты, мой Лабракисъ, одинъ мнѣ родня,—

Ты будь капитаномъ замѣсто меня;
Покуда-же, дѣти, вы саблей моей
Зеленыхъ въ лѣсу нарубите вѣтвей,
Я лягу на тѣхъ на зеленыхъ вѣтвяхъ
И каяться стану попу во грѣхахъ:
Арматоломъ долго въ горахъ я служилъ,
Албанцевъ и турокъ безъ счету побилъ,
Но видно чередъ наступаетъ и мой...
Вы гробъ сколотите мнѣ, дѣти, большой,
Чтобъ былъ онъ просторенъ, широкъ и высокъ.
Чтобъ саблей въ гробу я размахивать могъ,
Чтобъ могъ и винтовку я тамъ заряжать,
И въ турокъ невѣрныхъ оттуда стрѣлять...»

Трудно описать смѣлость и дерзость клефтовъ. Какъ ни велико было ихъ число, все-таки это была горсть передъ турецкими войсками; тѣмъ не менѣе они часто вступали съ ними въ открытый бой и одерживали блистательныя побѣды, до тла разоряли села, даже цѣлые города. Въ этихъ случаяхъ у нихъ былъ такой обычай: въ село, съ котораго клефты рѣшили сдѣлать поборъ, они посылали письменное заявленіе о томъ, что желаютъ получить такую-то сумму деньгами, то и другое натурой, и все это приказываютъ немедленно доставить въ назначенное мѣсто. Это посланіе обыкновенно кончалось угрозой сжечь все до тла, если требованіе будетъ не исполнено, или если даже будетъ выполнено неаккуратно. Обыкновенно за этими требованіями слѣдовали униженныя просьбы и мольбы жителей, изложенныя тоже на бумагѣ, пощадить ихъ и уменьшить требованія. Иногда клефты на это соглашались, иногда нѣтъ. И тогда для несчастныхъ жителей наступала въ высшей степени критическая минута: они боялись не исполнить требованія клефтовъ, такъ какъ грозное посланіе, написанное на листѣ бумаги, углы которой были сожжены, напоминало имъ каждую минуту, что ихъ ждетъ въ случаѣ отказа. Съ другой стороны и выполнить требованіе клефтовъ было для жителей точно также опасно, такъ какъ они накликали на себя этимъ преслѣдованіе со стороны турокъ, которые въ такихъ случаяхъ не оставляли камня на камнѣ тамъ, гдѣ клефты могли что нибудь получить.

Съ одной стороны это даетъ ясное понятіе о томъ, какъ разоряли въ это время бѣдный народъ, съ другой какъ смѣло и отважно держали себя клефты. Это уже не было внезапное нападеніе ночью, а открытое требованіе, повелительная грамота, какъ отъ людей власть имѣющихъ. Объ ихъ вымогательствѣ обыкновенно напередъ знали всѣ: и жители, и власти, и ни тѣ, ни другіе не могли предотвратить ихъ грабежа, или послѣдствій ихъ угрозы.

Однако суровые клефты во многихъ отношеніяхъ отличались рѣдкими добродѣтелями. Особеннаго вниманія заслуживаетъ ихъ отношеніе къ женщинамъ. Нападая врасплохъ на турокъ, а иногда и на своихъ собратій, имъ часто приходилось брать въ плѣнъ турецкихъ и греческихъ женъ и дочерей и держать ихъ, иногда по недѣлямъ, въ своемъ плѣну, среди непроходимыхъ горъ и дремучихъ лѣсовъ. Они обыкновенно держали женщинъ, пока не получали выкупа. Очень часто имъ попадались дочери и жены бѣдныхъ турокъ, и тогда они пускали ихъ на всѣ четыре стороны. Всѣ женщины, бывшія у нихъ въ плѣну, единогласно свидѣтельствовали, что ни разу ни капитанъ, ни его паликары, не позволяли себѣ нанести имъ ни малѣйшаго оскорбленія. Капитана, который, хотя бы словомъ, оскорбилъ плѣнницу, паликары немедленно оставляли; разсказываютъ, что одинъ изъ нихъ былъ за это даже умерщвленъ, какъ человѣкъ навсегда

себя обезчестившій и недостойный повелѣвать храбрыми. Эта благородная черта характера клефтовъ видна въ пѣснѣ «Скиллодимъ».

«Подъ зелеными елями ужинать сѣлъ Скиллодимъ,
И вино наливать при себѣ посадилъ онъ Ирену.
«Наливай мнѣ, красавица, пить, наливай до утра,
До восхода денницы, какъ ты, полонянка, румяной;
По утру я тебя отпущу съ паликарами въ домъ».
«Не рабыня я, Димъ, чтобъ вино для тебя наливать:
Я невѣстка Проеста, я дочь городскаго архонта!»

Гордость, съ какою въ этой пѣснѣ плѣнница отказываетъ въ легкой услугѣ начальнику дружины, будучи у него въ плѣну, среди лѣса и горъ, говоритъ очень краснорѣчиво, въ какой степени она была увѣрена въ уваженіи къ себѣ этого начальника и его подчиненныхъ.

Кромѣ уваженія къ женщинѣ, клефты считали позорнымъ и недостойнымъ славнаго воина слишкомъ предаваться удовольствію любви, и большинство изъ нихъ оставалось всю жизнь холостыми. Этою чертою своего характера они напоминаютъ нѣсколько нашихъ запорожцевъ, и въ то же время клефты болѣе, чѣмъ всѣ остальные греки напоминали спартанцевъ. Выдающіяся черты ихъ характера были тѣ же, что и у спартанцевъ: грубость, мужество, презрѣніе къ смерти, гордость, любовь къ свободѣ, хитрость, мстительность, нечувствительность къ боли и наконецъ выносливость. Свои свободные часы, клефты, какъ и спартанцы, посвящали различнымъ упражненіямъ, полезнымъ для военнаго человѣка. Самымъ любимымъ ихъ развлеченіемъ была стрѣльба въ цѣль. Имъ нипочемъ было попасть за 200 шаговъ пулею въ маленькое кольцо. Ихъ зрѣніе было такъ же остро, какъ ловки руки, и они могли въ совершенной темнотѣ различить врага и попасть ему въ сердце. Ихъ игры въ дискъ показывали ту же мускульную силу, ту же ловкость, какъ у спартанцевъ. При всемъ этомъ скорость ихъ въ ходьбѣ была замѣчательная. Изъ нихъ называли весьма многихъ, которые въ полномъ своемъ костюмѣ и вооруженіи могли перегнать лошадь, скачущую въ галопъ. Удивительна та стойкость, съ которою они выносили боль и всевозможныя лишенія. Многіе изъ нихъ, взятые въ плѣнъ турками, переносили величайшія жестокости, не проливая ни единой слезы, не издавая ни единаго вздоха. Каждый плѣнный клефтъ скорѣе умиралъ голодною смертію, чѣмъ согласился бы попросить у турка кусокъ хлѣба. Сильно боялись клефты умереть естественною смертію и потому паликаръ обыкновенно привѣтствовалъ товарища словами: «Дай Богъ тебѣ мѣткую пулю въ лобъ». И въ пѣсняхъ ихъ высказывается тоже самое: «О, какъ сладка смерть, приносимая пулею. Смерть въ битвѣ— это жизнь».

Послѣ дневныхъ трудовъ и приключеній любили клефты сѣсть въ кружокъ, возлѣ пылающаго огня, и пѣть, подливая себѣ вино. Одна изъ самыхъ любимыхъ ими пѣсней, и теперь распѣваемая греческимъ народомъ, «Олимпъ и Киссавъ» *).

*) Киссавъ—нынѣшнее названіе горы Пеліона. Олимпъ былъ постояннымъ прибѣжищемъ свободы грековъ; въ его ущельяхъ гнѣздились клефты и вели вѣчную войну съ турками.

«Сталъ Киссавъ съ Олимпомъ спорить.
«Ты угрюмъ стоишь пустынный;
Я жъ, смотри, цвѣтущъ и веселъ!»
Отвѣчалъ многовершинный,
Отвѣчалъ Олимпъ Киссаву:
«Не хвались, Киссавъ надменный,
Я—старикъ Олимпъ, и знаютъ
Старика во всей вселенной!
У меня-ль, подъ синимъ небомъ,
Шестьдесятъ вершинъ сіяютъ,
У меня-ли съ лона шумно
Сто ключей живыхъ сбѣгаютъ.
Надо мной орлы кружатся,
Любитъ клефтъ меня воитель,
И боится храбрый турокъ—
Твой высокій повелитель».

Клефтамъ Греція значительно обязана своею свободою и независимостію. Они оказали туркамъ главное сопротивленіе и нанесли имъ самое кровавое пораженіе. Во время борьбы за независимость клефты составляли главное ядро храбрыхъ греческихъ войскъ, которыхъ геройство привело въ удивленіе всю Европу.

Послѣ освобожденія Греціи характеръ разбойничества совершенно измѣняется: всѣ тѣ разбойники, которые, не смотря на свою преступную жизнь, умѣли однако сохранить много благородства, грабежъ и разбой которыхъ главнымъ образомъ вытекали изъ желанія отомстить врагу за угнетеніе своей несчастной родины, вмѣстѣ съ ея освобожденіемъ обратились къ мирной жизни. Нынѣшніе разбойники тоже называютъ себя клефтами, и съ одушевленіемъ продолжаютъ пѣть ихъ пѣсни, но ихъ главная цѣль—прямой разбой, на который они смотрятъ, какъ на средство пожить безъ труда и въ свое удовольствіе. Клефтовъ и теперь еще много, но уже тѣ, кто теперь присоединяется къ нимъ, бѣгутъ обыкновенно, чтобы спастись отъ суда. Семейная ссора, убійство, драка въ пьяномъ видѣ, бѣгство изъ-подъ ареста за какой нибудь незначительный проступокъ, побѣгъ изъ арміи, искушеніе добыть себѣ маленькое состояніе безъ тяжелаго труда, наконецъ любовь къ приключеніямъ—побуждаютъ многихъ, пользовавшихся хорошей репутаціей въ своей деревнѣ, соединить свою судьбу съ какой нибудь странствующей шайкой разбойниковъ. Нынѣшніе разбойники и теперь бродятъ шайками и безпрестанно появляются то тамъ, то здѣсь: сегодня они на Тайгетѣ, завтра на Парнасѣ; теперь они приводятъ въ ужасъ мирныхъ фермеровъ въ Акарнаніи, потомъ угрожаютъ путешественнику, дѣлающему экскурсію по Аттикѣ. И такъ они двигаются съ мѣста на мѣсто съ необыкновенною скоростью. Всѣ эти разбойники извѣстны правительству, но оно ничего не можетъ съ ними сдѣлать. Они даютъ деньги крестьянамъ, а тѣ въ свою очередь предостерегаютъ ихъ и даже оказываютъ имъ помощь въ случаѣ преслѣдованія. Крестьяне отдаленныхъ деревень или странствующіе валашскіе пастухи, которые пасутъ свои стада въ сѣверной Греціи и подвергаются нападеніямъ разбойниковъ, поневолѣ должны подчиняться ихъ власти. Пусть они донесутъ правительству на разбойниковъ, укажутъ ихъ мѣстопребываніе, и они тотчасъ подвергнутся страшной мести. Поэтому крестьяне обращаются съ разбойниками, какъ съ друзьями, снабжаютъ ихъ пищею и, ради своей собственной безопасности, никогда не выдаютъ ихъ. Сила разбойниковъ такъ велика, что правительство даже не преслѣдуетъ тѣхъ крестьянъ, которые доставляютъ имъ пропитаніе, и подвергаетъ ихъ наказанію только тогда, когда они не даютъ знать объ этомъ властямъ. Самая природа страны и близость турецкой

границы представляютъ большія затрудненія для правительственныхъ войскъ. Очень часто солдаты проходятъ мимо скрытыхъ пещеръ и густыхъ кустарниковъ, покрывающихъ горы, вовсе не подозрѣвая, что здѣсь-то и скрывается шайка. Такимъ образомъ войско можетъ пройти по всему королевству, не поймавъ ни одного разбойника. А если когда солдаты и наткнутся на разбойническую шайку и произойдетъ между ними стычка, то обыкновенно падаетъ мертвыми гораздо больше солдатъ, чѣмъ разбойниковъ. Но такія стычки между войскомъ и разбойниками бываютъ очень рѣдко, такъ какъ пастухи и крестьяне, которые всегда знаютъ, гдѣ въ данную минуту находится шайка, тотчасъ извѣщаютъ ее о приближеніи войска. Для этого они кладутъ, въ заранѣе условленныхъ мѣстахъ, камни съ іероглифическими знаками, или палки съ особенными нарѣзами. Тогда разбойники уже знаютъ, что они въ это время не должны подходить близко къ деревнѣ. Иногда войско долго преслѣдуетъ разбойниковъ, долго имѣетъ ихъ въ виду, какъ вдругъ они, совсѣмъ передъ глазами, совершенно свободно переходятъ турецкую границу и бродятъ тамъ безъ всякаго опасенія. Турція не преслѣдуетъ клефтовъ на своей границѣ: она рада, хоть съ этой стороны, нанести вредъ Греціи, а всякій знаетъ, что разбойничество болѣе всего ее ослабляетъ. Но самыя серьезныя затрудненія для уничтоженія разбойничества представляютъ политическіе дѣятели Греціи. Для своихъ честолюбивыхъ цѣлей они дружатъ съ разбойниками и заискиваютъ ихъ расположенія. Мы уже говорили, что клефты находятся въ близкихъ отношеніяхъ съ крестьянами, а иногда и связаны съ ними родственными узами, и потому всякій политическій дѣятель считаетъ для себя выгоднымъ дружить съ людьми, имѣющими вліяніе на крестьянъ; вотъ почему многіе изъ нихъ не только не выдаютъ ту или другую шайку правительству, но часто даютъ даже разбойникамъ деньги, лишь бы только они поусердствовали за нихъ при выборахъ.

Положеніе народа и государства съ 1832 года до 1862.—Конституція страны.—Выборы.—Тайная подача голосовъ.

Мы уже упоминали о томъ, что нынѣшнее положеніе Греціи далеко не удовлетворяетъ ея горячихъ поклонниковъ, изъ которыхъ многіе для ея независимости жертвовали и своею жизнію, и состояніемъ. Они были убѣждены, что Греціи стоитъ только свергнуть гнетущее ее турецкое иго, и она тотчасъ удивитъ весь свѣтъ своимъ могуществомъ, величіемъ, геніальными твореніями своихъ согражданъ по всѣмъ отраслямъ знанія и искуства и умѣньемъ зажить здоровою политическою жизнью. Если мечты этихъ идеалистовъ не осуществились, они могутъ утѣшиться тѣмъ, что Греція королевство еще очень молодое, что жить оно начало гораздо позже, чѣмъ добилось своей самостоятельности, и слѣдовательно всѣ ихъ надежды могутъ осуществиться еще въ будущемъ.

Въ 1832 году Греція была объявлена независимымъ королевствомъ. Принцъ Фридрихъ-Оттонъ, сынъ баварскаго короля Людвига, былъ избранъ наслѣдственнымъ королемъ. Страна эта въ то время была до такой степени истощена войною, что Россія, Англія и Франція обязались дать ей взаймы 60 милліоновъ франковъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы государственные доходы употреблены были прежде всего на правильную уплату процентовъ и погашеніе этого долга. Граница новаго государства была проведена отъ залива Воло до Арты, т. е. независимая Греція имѣетъ теперь только Морею,

Ливадію, часть Фессаліи, Эвбеи и Цикладовъ, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ лучшихъ ея областей, оставлены были попрежнему подъ турецкимъ владычествомъ. Это обстоятельство еще и теперь дурно отзывается на экономическомъ бытѣ народа.

Положеніе Греціи, когда молодой король впервые вступилъ на ея почву, не представляло ничего отраднаго. Въ рѣчи, которую сказалъ онъ, послѣ своего водворенія, очень хорошо видно тогдашнее положеніе страны. «Эллины!» говорилъ онъ, «вы доказали, что мужествомъ и храбростью не уступаете своимъ предкамъ, но до сихъ поръ вы не были въ состояніи воспользоваться плодами своихъ славныхъ подвиговъ. Поля ваши остаются невоздѣланными, промышленность въ младенческомъ состояніи, торговля прекратилась совершенно. Деспотизмъ уступилъ мѣсто анархіи, которая тяготѣетъ надъ вами страшнымъ игомъ. Все, что пріобрѣтено вами въ порывѣ страстной любви къ отечеству, исторгается теперь изъ вашихъ рукъ раздорами и самымъ постыднымъ эгоизмомъ.» Но это еще не полная характеристика положенія государства того времени. Не говоря уже о печальномъ прошломъ, которое, разумѣется, оставило слѣды и въ настоящемъ, дурное положеніе народа въ данную минуту много зависѣло и отъ того, что въ казну собирали поземельную подать въ размѣрѣ $^1/_{10}$ части со всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Но еще болѣе терзали страну вѣчные грабежи и возстанія народа въ различныхъ частяхъ Греціи, отъ самаго вступленія на престолъ короля Оттона до 1843 года. Разбойники грабили казенные магазины, перехватывали на дорогѣ денежныя суммы, даже и тогда, когда ихъ посылали подъ прикрытіемъ военныхъ отрядовъ, разоряли села и небольшіе города. Вскорѣ разбои приняли такіе размѣры, что сосредоточили исключительно на себѣ вниманіе и заботы правительства: въ 1835 году было даже отправлено противъ нихъ большое войско, съ тѣмъ чтобы возстановить порядокъ въ предѣлахъ Ливадіи. Экспедиція эта продолжалась очень долго — доказательство той силы, какою пользовались разбойники, и если тутъ разбои на время прекратились, то, вслѣдъ за выступленіемъ войска, они тотчасъ вспыхнули въ другомъ мѣстѣ. Разбойники расположились укрѣпленнымъ лагеремъ около самыхъ стѣнъ города Мисолонги, грозили овладѣть имъ и въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль опустошали его и всю окрестную страну. Если такіе ужасы происходили безнаказанно въ сѣверной Греціи, то еще большіе размѣры разбои приняли въ Мореѣ, гдѣ самая мѣстность способствовала разбойничьимъ подвигамъ. Въ это время къ правительству безпрестанно являлись цѣлыя толпы жителей, страшно обезображенныхъ грабителями: у мужчинъ были отрѣзаны носы и уши; женщины носили на себѣ страшные слѣды пытокъ, которымъ подвергали ихъ разбойники, съ цѣлью вынудить отъ нихъ показаніе, гдѣ скрывались ихъ мужья и братья. Неудовольствіе всѣхъ классовъ общества стало высказываться все громче и громче. Земледѣльческій классъ былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ былъ теперь, какъ и во время турецкаго ига, обремененъ тяжкими и несправедливыми налогами, что не были улучшены пути сообщенія; другимъ не нравилось то, что высшія должности занимали баварцы, а не греки. Такъ шли дѣла до 1843 года, когда войска окружили королевскій дворецъ съ криками: «да здравствуетъ конституція». При этомъ толпа поручила сказать королю, что она не сойдетъ съ мѣста, пока правительство не дастъ отвѣта на требованіе націи, и ему ничего не оставалось сдѣлать, какъ уступить всѣмъ требованіямъ. И такъ въ сентябрѣ 1843 г. Греція сдѣлалась конституціоннымъ государствомъ; однако съ этого времени до 1862 года, когда король Оттонъ былъ свергнутъ съ престола, конституція страны не принесла ей особенной пользы. Вся система короля Оттона была направлена къ тому, чтобы породить нравственное растлѣніе въ средѣ его подданыхъ. Ему обязаны греки тѣмъ, что конституція сдѣлалась пустой формой, что права личности и собственности граждань оставались безъ

всякаго обезпеченія, что народное образованіе находилось въ самомъ жалкомъ упадкѣ, что въ странѣ не было почти вовсе дорогъ, что всѣ источники народнаго богатства были расточаемы на удовлетвореніе мелочнаго тщеславія и страсти къ блеску.

Послѣ Оттона на греческій престолъ вступилъ нынѣ царствующій Георгъ I, сынъ короля датскаго и родной братъ русской государыни-наслѣдницы, Маріи Федоровны. Греческій король имѣетъ исполнительную власть; законодательная принадлежитъ національному собранію (буле), состоящему только изъ одной палаты, депутаты которой избираются общими прямыми выборами. Число депутатовъ каждаго округа назначаютъ сообразно съ числомъ его жителей; ихъ выбираетъ весь народъ общею подачею голосовъ. Въ Афинахъ, во время выборовъ, господствуетъ совершенное спокойствіе, но въ нѣкоторыхъ провинціяхъ войскамъ приходится поддерживать порядокъ,—тамъ нерѣдко случаются въ это время драки и даже убійства. Выборы въ депутаты происходятъ посредствомъ тайной подачи голосовъ. Каждый, желающій быть депутатомъ, т. е. каждый кандидатъ имѣетъ особый ящикъ, на которомъ написано его имя. Всѣ эти ящики выставляютъ въ одинъ рядъ въ общинной церкви, гдѣ происходятъ выборы. За каждымъ ящикомъ, на возвышенной скамейкѣ, сидитъ другъ кандидата, чтобъ отвергнуть, въ случаѣ надобности, право подающаго голосъ. Ящикъ для шаровъ четыреугольный, оловянный, съ возвышающейся крышкой и съ длинной трубой. Подающій голосъ, получивъ сначала свинцовый шарикъ, просовываетъ свою руку въ эту трубу. Внутри ящикъ раздѣленъ на двѣ перегородки и выкрашенъ тамъ бѣлою и черною краскою. Бѣлое отдѣленіе—для утвердительныхъ шаровъ, черное—для отрицательныхъ. При этомъ объявляется имя кандидата, написанное на ящикѣ. Подающій голосъ, рука котораго скрыта, простымъ движеніемъ кисти, бросаетъ шарикъ въ черное или бѣлое отдѣленіе. Шарикъ падаетъ безъ шума, голосующій вытягиваетъ свою руку, и никто не знаетъ, какой голосъ онъ подалъ. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока весь народъ округа не подастъ голоса о каждомъ кандидатѣ.

При тайномъ голосованіи невозможно никакое давленіе на избирателей, и они подаютъ голоса по собственному желанію. Но въ Греціи, какъ мы видѣли, на народъ имѣютъ большое вліяніе разбойники, и умѣютъ ихъ уговорить выбрать нерѣдко такого кандидата, съ которымъ они могутъ дружить.

Недавно парламентъ издалъ законъ, который, вѣроятно, улучшитъ въ скоромъ времени нынѣшнее положеніе земледѣлія. Онъ дозволяетъ арендаторамъ государственныхъ земель пріобрѣтать ихъ въ собственность и разсрочиваетъ уплату на 18 лѣтъ. Результатомъ этого будетъ то, что многія незанятыя земли будутъ теперь обработаны и что поземельная собственность распространится между низшимъ классомъ.

Исполнительная власть принадлежитъ совѣту министровъ. Всѣ дѣйствія министровъ обыкновенно строго обсуждаются печатью, которая здѣсь такъ же свободна, какъ и въ Америкѣ. Печать здѣсь нападаетъ не только на министровъ, но иногда даже и на самого короля; его дѣйствія и распоряженія гласно обсуждаются въ печати.

Всѣ греки пользуются одинаковыми правами и обязанностями, всѣ равны передъ закономъ и у нихъ не существуетъ никакихъ дворянскихъ титуловъ. Не малую пользу странѣ оказалъ законъ, по которому только греческіе граждане могутъ занимать государственныя должности.

ШВЕЙЦАРІЯ.

АЛЬПЫ.

Альпійская природа.—Характеристика горной области: жизнь, движеніе и богатство окружающей природы.—Климатъ.—Фёнъ и его вліяніе на природу, людей и животныхъ.—Туманы.—Дикіе, бурные потоки; страшнѣйшій вредъ, приносимый ими жителямъ.—Пещеры.

Ни одна въ мірѣ цѣпь горъ не представляетъ такого разнообразія формъ и оттѣнковъ, такого множества великолѣпныхъ видовъ, такой замѣчательно богатой природы, какъ Альпы. Въ то время, когда въ Альпійскихъ долинахъ во всей красотѣ зеленѣетъ пышная листва толстоствольныхъ, высокихъ каштановъ, когда на лугахъ пестрѣетъ роскошная растительность и жители собираютъ богатую жатву и сочный виноградъ, ихъ близкіе сосѣди половину года терпятъ отъ холода. Тамъ есть и такія мѣста, гдѣ люди десять мѣсяцевъ въ году проводятъ среди мятелей и убійственнаго ненастья.

Невозможно не только опредѣлить, но и вполнѣ изслѣдовать разнообразныя богатства альпійскаго міра. Однако смѣло можно сказать, что Альпы единственная цѣпь горъ въ Европѣ, которая въ такой степени соединяетъ въ себѣ растенія и животныхъ всѣхъ европейскихъ поясовъ. Растенія и животныя крайняго сѣвера и самаго юга Европы собраны здѣсь на небольшомъ пространствѣ.

На разстояніи нѣсколькихъ верстъ можно видѣть животный и растительный міръ цѣлыхъ 30-ти градусовъ широты. Нигдѣ въ остальной Европѣ метеорологическія явленія не имѣютъ той ужасающей силы, не представляютъ такого разнообразія и поразительно грандіознаго величія, какъ въ Альпахъ. Видъ и положеніе той или другой альпійской мѣстности то и дѣло мѣняются. Очень часто деревня, сегодня цвѣтущая, завтра можетъ быть погребена подъ лавиною, или снѣжнымъ обваломъ.

Невозможно въ нѣсколькихъ словахъ описать всю прелесть альпійской природы! Она такъ разнообразна, что съ каждымъ поворотомъ дороги, когда вы наблюдаете ее

съ глетчера (ледника), или изъ долины, съ разной высоты горъ, смотря по времени года и дня, вы видите передъ собою чудную, всегда новую картину, нисколько не похожую ни на одну изъ видѣнныхъ вами прежде.

Но, чтобъ видѣть различныя явленія природы, понять замѣчательное разнообразіе и всю красоту той или другой альпійской области, необходимо самому лазить по горнымъ вершинамъ, взбираться на крутыя скалы, обойти цѣлые лабиринты ледниковъ и снѣговыхъ полей, побродить по берегамъ прозрачныхъ озеръ, по цвѣтущимъ склонамъ, обрамляющимъ шумные водопады, или по мрачнымъ, пустыннымъ лѣсамъ, проникнуть даже въ гроты, изъ которыхъ вырываются горные потоки и ручьи.

Отъ самыхъ высокихъ вершинъ вплоть до населенныхъ долинъ цѣлыми десятками спускаются *ледники*, гигантскія ледяныя массы, похожія на замерзшія рѣки. Подойдите ближе къ подошвѣ такого ледника, и вы увидите передъ собою гротъ, сіяющій фантастическими красками. Гулъ и хрохотъ отъ камней, отъ времени до времени ниспадающихъ на ледники съ нависшихъ надъ ними скалъ, какъ нельзя лучше гармонируетъ съ окружающей обстановкой. Тамъ и сямъ у подошвы ледниковъ дико вырываются мутные источники.

По мѣрѣ того, какъ вы подымаетесь на ту или другую высоту, мѣняются климатъ, виды водныхъ теченій, породы растеній и животныхъ, особеннымъ образомъ осѣдаютъ испаренія, замѣтно различное дѣйствіе вѣтровъ и солнечныхъ лучей; звѣзды, луна и самое небо представляютъ иную ясность, оттѣнки, даже другіе цвѣта. На основаніи всего этого обыкновенно раздѣляютъ всю альпійскую природу на три полосы или области: 1) *на горную область* отъ 2,500 до 4,000 ф. высоты надъ уровнемъ моря; 2) отъ 4,000 ф. до 7,000 ф. высоты—среднюю, собственно *альпійскую область* и 3) *снѣжную область*—отъ 7,000 до 14,000 ф. высоты.

Горная область богата роскошною растительностью и прекрасными лугами; здѣсь центръ жизни и движенія, средоточіе промышленной и общественной дѣятельности. Тутъ по долинамъ и горнымъ склонамъ разсыпаны шалэ, красивые города, мызы, деревни. А вонъ тамъ дальше долина поднимается выше надъ уровнемъ моря. Вмѣстѣ съ нею также возвышаются дома, сады, пашни. Эти идущія вверхъ долины также покрыты богатыми каштановыми деревьями, виноградниками, разукрашены маленькими голубыми озерами и прелестными источниками хрустальной, прозрачной, нѣсколько зеленоватой воды. Лишь въ очень немногихъ мѣстахъ встрѣчаются въ этой области слѣды бѣдности природы. На каждомъ шагу она представляетъ прелестные виды: потоки глетчеровъ, русла множества источниковъ, воды, просачивающіяся изъ скалъ, самые фантастическіе и разнообразной формы водопады.

Горная область въ тоже время область густыхъ, *заповѣдныхъ* лѣсовъ; тутъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, земля доступна обработкѣ, даетъ самую разнообразную зелень, хлѣба, цвѣты, тутъ разстилаются огромные, тучные луга.

Климатъ этой области весьма различенъ. Гдѣ долины открыты для сѣвернаго вѣтра или стѣны горъ оставляютъ лишь узкую, плохо освѣщаемую полосу, тамъ холодъ сильнѣе, чѣмъ въ долинахъ, лежащихъ выше, но защищенныхъ со всѣхъ сторонъ и открытыхъ съ юга. Теплота много зависитъ отъ освѣщенія мѣстности солнцемъ, а еще больше отъ господствующихъ вѣтровъ, изъ которыхъ многіе производятъ иногда опустошительные вихри и песчаные смерчи. Во всей горной области Швейцаріи, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, самый извѣстный и оригинальный вѣтеръ *фёнъ*. Самумъ Сахары, пронесшись черезъ море и отравивъ итальянскій воздухъ подъ именемъ сирокко, врывается сквозь ущелья Альпъ, черезъ Сенъ-Готардъ и долину Рейса,—тутъ его уже зовутъ новымъ именемъ—фёнъ. По мѣстнымъ наблюденіямъ

фёнъ чаще всего является зимою и въ началѣ весны; затѣмъ чаще и сильнѣе ночью, нежели днемъ, — когда вообще въ воздухѣ бываетъ холоднѣе. По нѣкоторымъ явленіямъ угадываютъ приближеніе фёна. Ночь начинается невыносимой духотой, чувствуется какая-то особенная сухость воздуха. Мѣсяцъ окруженъ красноватымъ, мутнымъ кругомъ; звѣзды блестятъ и сверкаютъ ярче обыкновеннаго. Вотъ подулъ откуда-то вѣтерокъ, раздается болѣе оживленный шелестъ листьевъ, шумъ потоковъ. Вдругъ врывается сильный порывъ вѣтра, который обдаетъ своимъ горячимъ дыханіемъ. Эти бѣшеные порывы фёна доходятъ иногда до страшныхъ ураrановъ, продолжаются по два и по три дня, ломаютъ тысячи деревьевъ и сбрасываютъ ихъ съ вершинъ скалъ въ глубину, срываютъ крыши съ домовъ и мельницъ, однимъ словомъ распространяютъ ужасъ по всей мѣстности. Сильнѣе всего свирѣпствуетъ фёнъ въ долинахъ, примыкающихъ къ сѣвернымъ склонамъ. Безпокойство природы смущаетъ и животныхъ. Пугливо сбѣгаются серны на сѣверную сторону горы или въ глубокія котловины скалъ Лошади, коровы, козы съ безпокойствомъ ищутъ свѣжаго воздуха, потому что фёнъ сушитъ имъ горло. Ни одной птицы не замѣтно ни въ лѣсу, ни въ полѣ, и если этотъ вѣтеръ захватитъ кого нибудь изъ нихъ во время ихъ странствій изъ одной страны въ другую, онѣ прячутся въ закрытыя мѣста. Это явленіе имѣетъ страшное вліяніе на человѣка: дыханіе захватываетъ въ груди, становится душно, тяжело, и кровообращеніе дѣлается неправильнымъ. Днемъ все прячется отъ фёна, все бросается въ разныя стороны. Лишь только появляется первое предвѣстіе этого страшнаго врага, какъ всюду начинаютъ захлопывать двери балконовъ и окна. Вихри горячей пыли носятся столбомъ, листья падаютъ, вѣтеръ стонетъ въ ущельяхъ, въ трубахъ домовъ, въ снастяхъ парохода. Когда ждутъ появленія фёна ночью, то начинаютъ тушить костры и огни въ печахъ. Особые надсмотрщики бѣгаютъ изъ дома въ домъ и смотрятъ, все-ли потушено, такъ какъ этотъ вѣтеръ при сухости воздуха и деревянныхъ постройкахъ часто причиняетъ страшные пожары.

Но фёнъ въ то же время и оживляетъ природу. Во всей горной области онъ растопляетъ снѣгъ и часто однимъ взмахомъ измѣняетъ видъ мѣстности. Если бы онъ отъ времени до времени не смѣталъ накопившійся снѣгъ, то въ нѣкоторыхъ верхнихъ долинахъ не было бы ни лѣта, ни жизни, а только лежали бы ледяныя поля. Но за то онъ быстро сушитъ цвѣты, деревья; уничтожаетъ жатву, палитъ землю, сожигаетъ и дѣлаетъ черной даже крапиву, какъ будто по ней прошелъ огонь.

Другое характерное явленіе горной области — туманы. Туманы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой области иногда бываютъ сплошь круглый годъ. Иногда они до того усиливаются, что въ двухъ шагахъ нельзя различить человѣка. Они ложатся полосами и клочками на горы, лѣса и ручьи; густыми клубами катятся они по долинамъ, останавливаясь въ ложбинахъ горъ, или громоздятся другъ на друга высокою стѣною въ нѣсколько тысячъ футовъ. На растительную жизнь туманы дѣйствуютъ не особенно благодѣтельно, такъ какъ они пропитываютъ холодомъ и сыростью воздухъ и землю. Напротивъ во время сухаго и жаркаго лѣта они охраняютъ растительность отъ засухи, принося ей влагу. На болѣе высокихъ горныхъ уступахъ и высочайшихъ вершинахъ туманы клубятся и въ самое ясное лѣтнее время. Иногда они здѣсь бываютъ до того сильны, что въ шалашахъ звонятъ, чтобы дать знать пастухамъ о дорогѣ, иначе даже привычному человѣку очень легко заблудиться.

Зима въ горной области начинается съ конца декабря, но наступаетъ не сразу и не въ одно и то же время во всѣхъ мѣстностяхъ. Уже въ октябрѣ и ноябрѣ появляется кое-гдѣ снѣгъ, морозы, образуется ледъ на ручьяхъ и иней на кустахъ, но взойдетъ горячее солнце и все снова растопитъ. Но когда дни становятся совсѣмъ ко-

роткими, тогда часто въ одну ночь засыпаетъ снѣгомъ цѣлый округъ. Только на южной сторонѣ Альпъ и на теплыхъ скатахъ горъ еще сверкаетъ зелень и свѣжіе цвѣты. Наконецъ снѣгъ проникаетъ и на солнечную сторону и заваливаетъ лѣса, луга и поля. Ручьи леденѣютъ, водопады окаменѣваютъ и представляютъ собою замерзшія колонны изъ ледяныхъ сосулекъ у каменной стѣны. Только мѣстами остается свободнымъ отъ снѣга какое нибудь небольшое пространство, которое подвержено одному изъ сильныхъ вѣтровъ. Тогда жители горныхъ долинъ отправляются въ свои лѣса на саняхъ съ топорами. Во множествѣ горныхъ мѣстностей только зимняя дорога и дѣлаетъ возможнымъ вывозъ дровъ.

Теплые вѣтры извѣщаютъ о веснѣ и помогаютъ солнцу срывать снѣговой покровъ. Какъ и зима, весна не тотчасъ наступаетъ, и часто потекшіе ручьи, запрыгавшіе водопады, засверкавшіе луга снова заносятся мятелью. Но разъ, когда ледъ уже былъ тронутъ, при первыхъ теплыхъ лучахъ солнца онъ быстро начинаетъ таять. Лѣса и кустарники одѣваются въ чудную зеленую одежду, зелень пробивается все больше и больше. Съ каждой террасы бѣгутъ потоки, у каменистыхъ стѣнъ трещатъ ледяные столбы водопада, обливаемые свѣжимъ ливнемъ, и съ страшнымъ трескомъ валятся въ глубоко изрытое ложе. Оттаявшія ледяныя глыбы грохочутъ по скаламъ; къ этому присоединяется глухой громъ катящихся съ вершинъ лавинъ и трещащихъ глетчеровъ, стукъ камней, скопившихся въ щеляхъ скалъ и оттаявшихъ во время оттепелей,—однимъ словомъ весна громко говоритъ о своемъ появленіи и всюду будитъ природу. Такъ же громко привѣтствуетъ весну и весь животный міръ. Весна въ горной области—это самый шумный, самый звучный, тысячеголосный періодъ въ природѣ.

Лѣтомъ и осенью часто являются дикіе, бурные потоки. Они представляютъ самое страшное и опасное явленіе природы въ этой области. Обыкновенно они приносятъ даже болѣе вреда, чѣмъ лавины и бури. Потоки эти нерѣдко превращаются въ нѣсколько часовъ въ огромныя, бурныя рѣки; это чаще всего случается послѣ продолжительныхъ ливней, когда фёнъ растопляетъ массы горнаго снѣга. Тогда воды эти собираются вверху на покатыхъ поляхъ, затѣмъ, падая внизъ съ бѣшеною силою, онѣ прорываютъ себѣ ложе сквозь огромные обломки скалъ, несутъ въ своихъ желтогрязныхъ волнахъ стоячія ели, валуны, песокъ, землю; часто вырвавшись изъ своего русла, вслѣдствіе какого нибудь сильнаго сопротивленія и напора, онѣ разливаются по долинѣ, по обработаннымъ полямъ и лугамъ и такъ свирѣпствуютъ, бѣгутъ и ревутъ, пока наконецъ не низвергаются въ какую нибудь рѣку въ глубинѣ долины. Трескъ, шумъ, громъ отъ этого низверженія, отъ этихъ дико катящихся другъ черезъ друга каменныхъ глыбъ раздаются по горамъ и долинамъ и наводятъ на жителей отчаяніе. Они бѣгутъ съ шестами, баграми, заступами и стараются по возможности воспрепятствовать напору и раздробить его. Крики, вопли сливаются съ шумомъ и трескомъ каменныхъ скалъ, съ рокотомъ разбушевавшагося потока. Эти дикіе потоки иногда въ нѣсколько часовъ превращаютъ богатыя пастбища и пашни въ каменныя груды и песчаныя пустыни. Нерѣдко они сносятъ дома, конюшни, хлѣва и уничтожаютъ цѣлыя долины. Эти наводненія уступаютъ по производимому ими ужасу развѣ только одному явленію альпійской природы—обваламъ, о которыхъ мы поговоримъ ниже въ особой статьѣ.

Не менѣе замѣчательное явленіе представляютъ *пещеры*. Онѣ представляются здѣсь въ самомъ разнообразномъ видѣ: то вы видите передъ собою небольшое углубленіе въ скалѣ съ выдающимся сверху навѣсомъ; то представляются онѣ ущелистыми углубленіями, наконецъ—какъ проломы въ самой горѣ. Внутренность этихъ пещеръ иногда очень обширна, съ узкими ходами, съ ямами, съ подземными бассейнами воды,

съ ручьями и огромными разсѣлинами, уходящими глубоко внутрь горы. Многіе изъ этихъ пещеръ служили убѣжищами для преслѣдуемыхъ и жилищами для разбойниковъ; во многихъ изъ нихъ находятъ окаменѣлыя кости, римскія и древне-нѣмецкія монеты, раковины, округленные валуны серпентина, которыхъ въ горахъ не встрѣчается, или массы горныхъ кристалловъ, остатки хищныхъ животныхъ, которыя исчезли въ странѣ уже сотни лѣтъ тому назадъ, или, наконецъ, никогда не тающія массы снѣга и льда. Кристаллы и известковые натеки самыхъ разнообразныхъ формъ украшаютъ внутренность этихъ оригинальныхъ жилищъ.

Богатство и разнообразіе растительности горной области.—Кукуруза.—Виноградная лоза.—Каштаны.—Ихъ польза и значеніе для мѣстныхъ жителей.—Цвѣты.—Животная жизнь.—Пернатые обитатели.—Дѣвственные альпійскіе лѣса.—Заповѣдные лѣса.—Вліяніе лѣса на климатъ и почву.

Горная область отличается особеннымъ богатствомъ растительности. Невозможно точно обозначить начало и предѣлъ растительности на той или другой высотѣ. Въ мѣстностяхъ, охраненныхъ такъ или иначе отъ суровой погоды, растенія могутъ произрастать и на несвойственной имъ высотѣ. На солнечной сторонѣ каждое растеніе можетъ жить на 400—500 ф. выше своего обычнаго уровня.

Блестящіе длинные листья высокаго *маиса* покрываютъ собою плодородную почву многихъ долинъ. *Табакъ*, *спаржа*, *абрикосы* и *персики* встрѣчаются также въ очень многихъ мѣстахъ, часто даже и на высотѣ 2,500 ф. надъ уровнемъ моря. *Пшеница*, *рожь* и другія хлѣбныя растенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приносятъ богатую жатву и воздѣлываются съ большимъ успѣхомъ, хотя часто ихъ и не хватаетъ для продовольствія мѣстныхъ жителей. Названныя растенія занимаютъ большія пространства земли до 2,700 ф. в., но часто встрѣчаются хлѣбныя поля и на гораздо большей высотѣ. *Виноградныя лозы* не только окаймляютъ дороги, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ необыкновенною граціею обвиваютъ частоколы палисадниковъ, поднимаются выше на балконы втораго и третьяго этажа и свѣшиваютъ на перилы безчисленное количество кистей, усѣянныхъ сочными ягодами. Но еще болѣе прелестный видъ представляетъ виноградъ тогда, когда его лоза обвиваетъ высокій стволъ какого нибудь дерева: она окружаетъ его своими листьями и, поднимаясь между гибкими вѣтвями дерева, распадается на красивыя гирлянды. Далѣе попадается *грецкій орѣхъ*, который достигаетъ въ сѣверныхъ швейцарскихъ Альпахъ приблизительно до 2,500 ф. Часто попадается *шелковица* или *тутовое дерево*, назначенное для разведенія шелковичныхъ червей.

Но лучшимъ украшеніемъ долинъ служатъ *каштановыя деревья* (въ южныхъ мѣстностяхъ онѣ растутъ на высотѣ 3,200 ф., а въ С. Галленѣ рѣдко достигаютъ даже и 2,000 ф.). Каштаны преимущественно покрываютъ долины южныхъ склоновъ Альпъ. Особенно въ мѣстностяхъ, орошаемыхъ множествомъ потоковъ, можно встрѣтить цѣлые луга, осѣненные густою, пышною листвою каштановыхъ деревьевъ. Деревья эти по истинѣ изумительны, какъ по своей величинѣ и красотѣ, такъ и по пользѣ, доставляемой жителямъ. Покрывая своею тѣнью мшистую скалу или хижину, сзади которой шумитъ водопадъ, каштановое дерево погружаетъ въ пѣнистыхъ волнахъ свои гибкія вѣтви, высоко къ небу поднимаетъ свою вершину и скрашиваетъ пейзажъ.

Стволы этихъ деревьевъ пусты внутри, такъ что нѣсколько человѣкъ заразъ могутъ иногда укрыться въ нихъ, какъ въ павильонѣ. Но изумительнѣе всего то, что въ этомъ самомъ дуплѣ можно разводить даже огонь. Не смотря на то, что внутренность такимъ образомъ бываетъ обуглена, дерево это даетъ вкусные плоды. Часто пастухъ, снимая каштаны, жаритъ ихъ въ дуплѣ того же самаго дерева. Трудно перечислить всю пользу, которую доставляютъ каштановыя деревья. Плоды ихъ часто замѣняютъ хлѣбъ бѣдняку, а самое дерево идетъ на лучшія постройки. Кромѣ того каштановые лѣса даютъ ежегодно полтора милліона кубическихъ футовъ дровъ.

Тамъ, гдѣ деревья отступаютъ на задній планъ, песчаные и каменистыя берега ручьевъ и крутые выступы скалъ и овраговъ покрыты вкусными ягодами и различными травами, а на хорошихъ лугахъ и пастбищахъ встрѣчаешь богатую и разнообразную флору.

Животный міръ во всемъ, разумѣется, зависитъ отъ растительнаго: особенно лѣса укрываютъ много животныхъ подъ своими вѣтвями и въ своихъ толстыхъ дуплахъ.

Если не легко точно опредѣлить предѣлъ высоты, до которой можетъ жить растеніе, то это еще труднѣе относительно подвижнаго животнаго міра. Голодъ, преслѣдованіе и состояніе температуры имѣютъ на мѣстопребываніе животнаго большое вліяніе: принуждаютъ его къ странствованіямъ и заставляютъ иногда переходить въ область, совершенно отличную отъ той, въ которой оно провело всю свою жизнь. Особенно зима побуждаетъ ихъ къ большимъ переселеніямъ сверху внизъ. Тамъ, гдѣ человѣкъ начинаетъ селиться, обработываетъ и воздѣлываетъ почву, животныя постепенно начинаютъ исчезать и переселяться въ мѣста, болѣе отдаленныя отъ жилищъ человѣка.

На невысокихъ горахъ, густо покрытыхъ лиственнымъ лѣсомъ, можно встрѣтить большія стада *оленей*. Зимою снѣгъ заставляетъ ихъ спускаться съ горъ въ долины; лѣтомъ они поднимаются на вершины горъ средней величины; впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ замѣтно стараются держаться въ низкомъ кустарникѣ, гдѣ огромные, круглые, вѣтвистые рога не зацѣпятся за вѣтви. Во время бѣга олень замѣчательно легко и ловко перепрыгиваетъ холмы и огромныя рытвины, а въ случаѣ нужды, не задумываясь, переплываетъ большія рѣки.

Въ тѣхъ же самыхъ лѣсахъ можно встрѣтить *косулю*, животное, очень похожее на оленя, но поменьше его и съ едва замѣтнымъ хвостомъ. Мѣстные жители особенно любятъ самокъ косули, такъ какъ, пойманныя съ молоду, онѣ скоро дѣлаются ручными, какъ собаки привязываются къ хозяину и становятся настоящими домашними животными. Густые хвойные лѣса даютъ пріютъ *дикой кошкѣ*. Съ хитростью, свойственною всѣмъ кошкамъ, она подкрадывается къ птицѣ, сидящей въ гнѣздѣ, къ *зайцу*, а иногда къ *бѣлкѣ* и къ *сонѣ*, которыхъ водится здѣсь довольно много. Большимъ звѣрямъ дикая кошка прыгаетъ на шею и перегрызаетъ имъ шейныя артеріи. Вообще это очень опасный и кровожадный хищный звѣрь: онъ умерщвляетъ гораздо больше животныхъ, чѣмъ можетъ ихъ съѣсть; поэтому альпійскіе охотники жестоко его преслѣдуютъ. Но стрѣлокъ долженъ вѣрнѣе цѣлиться: если дикая кошка только подстрѣлена, то она съ яростью и фырканьемъ вскакиваетъ, сильно выгибаетъ спину, поднимаетъ хвостъ и съ шипѣніемъ приближается къ охотнику; тутъ она бѣшено бросается на него, глубоко впускаетъ въ его тѣло свои острые когти, особенно въ грудь, такъ что ее почти невозможно отцѣпить, и нерѣдко оставляетъ глубокія, смертельныя раны. Птицъ въ описываемой области попадается довольно много. Ихъ подвижность, пѣніе или крикъ, ихъ полетъ, разнообразіе красокъ и формъ много оживляетъ мѣстную природу.

Въ самыхъ дикихъ, мало населенныхъ горныхъ долинахъ Граубиндена и Ваатланда и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, куда рѣдко проникаетъ нога человѣче-

ская, еще встрѣчаются *дѣвственные* или *первобытные лѣса.* Дѣвственные лѣса Альпъ имѣютъ хоть и величественный, но однообразный и необыкновенно мрачный видъ: слѣды смерти и разрушенія встрѣчаются тамъ на каждомъ шагу. Превосходныя *ели* и темныя, высокія *лиственницы* безжизненно стоятъ съ обсохшими и опущенными внизъ, поломанными вѣтвями, въ изодранной одеждѣ, истерзанной миріадами насѣкомыхъ, издолбленной дятлами. Но и тутъ не все еще вымерло. На сгнившіе пни вѣтеръ нанесъ песку, земли, разныхъ сѣмечекъ, и вотъ тамъ и сямъ пробивается новая, молодая жизнь, и изъ мертвыхъ уже труповъ, усѣянныхъ безчисленнымъ множествомъ грибовъ, проглядываетъ земляника, шиповникъ, а иногда и молодое деревцо. *Лоза дикаго винограда*, какъ бы прикрывая непривлекательную картину дряхлости и разрушенія, граціозно обвиваетъ стволъ умирающаго великана. *Рысь* и *дикая кошка* подстерегаютъ тутъ свою добычу. Вмѣсто голосистыхъ пѣвцовъ вы услышите здѣсь только стукъ *дятла*, долбящаго кору своимъ заостреннымъ носомъ, да печальные крики орловъ и ястребовъ. Грозный шумъ безпрестанно прерываетъ мертвую тишину дѣвственнаго лѣса. То и дѣло слышатся раскаты грома, журчаніе бѣшеныхъ потоковъ, завываніе и дикій вой бури, грохотъ и трескъ отъ паденія лавинъ и скалъ. Дѣвственные или первобытные лѣса сдѣлались теперь весьма рѣдкими и сохранились еще въ мало населенныхъ горныхъ долинахъ. Ихъ не успѣли еще уничтожить и они называются *заповѣдными* (Bannwald), т. е. въ нихъ запрещено сорвать даже вѣтку. Къ несчастію ихъ очень мало въ Швейцаріи и вообще лѣса немилосердно истребляютъ въ этой странѣ.

Во многихъ мѣстностяхъ Швейцаріи было замѣчено, что, когда окончательно вырубленъ лѣсъ въ какой нибудь горной мѣстности, внизу въ долинахъ усиливались весенніе морозы и холода и губили множество растеній, которыя прежде прекрасно созрѣвали. Вся изрѣзанная громадными горами Швейцарія постоянно страдаетъ отъ губительнаго дѣйствія потоковъ и наводненій, паденія лавинъ, земляныхъ обваловъ, паденія съ высотъ огромныхъ камней и множества другихъ несчастій, которыя трудно даже перечислить. Всѣ эти бѣдствія увеличиваются отъ истребленія лѣсовъ.

Безлѣсная почва мало поглощаетъ влагу; сбѣгающая вода встрѣчаетъ на своемъ пути другіе ручейки и, соединившись съ ними, стремится внизъ уже бурнымъ потокомъ. Такимъ образомъ лѣсная почва устраняетъ внезапное скопленіе воды въ рѣкахъ и мѣшаетъ выступленію рѣкъ изъ береговъ, наводненію, которое губитъ скотъ, поля и жилища. Стволы деревьевъ и вся лѣсная растительность заграждаютъ дорогу водамъ, текущимъ по склонамъ; пни деревьевъ часто раздробляютъ уже образовавшійся потокъ на нѣсколько отдѣльныхъ ручьевъ, разумѣется, уже не имѣющихъ всей его губительной силы. Тутъ главное зло заключается въ томъ, что воды, при быстромъ стокѣ, размываютъ и сносятъ верхніе слои земной поверхности и такимъ образомъ отнимаютъ у земли плодородную почву. Трудно описать, какъ ужасенъ бываетъ видъ швейцарскихъ мѣстностей, постигнутыхъ этими бѣдствіями. Видя каменистую пустыню, лишенную всякой растительности, не вѣрится даже, когда вамъ говорятъ, что еще годъ тому назадъ это была прекрасная мѣстность съ роскошными пастбищами, съ богатыми хлѣбными полями и виноградниками. Между тѣмъ въ Альпахъ съ каждымъ годомъ образуются новые потоки, и многіе извѣстные ученые уже давно пишутъ о томъ, что теперешнее бѣдственное положеніе большей части альпійскихъ долинъ произошло отъ разрушительнаго дѣйствія потоковъ, образовавшихся вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, и что ихъ всесокрушающая сила, при содѣйствіи мороза и зноя. (конечно, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ) въ состояніи стереть съ лица земли даже Монъ - Бланъ и Монъ - Розу. Уменьшается плодородная почва—увеличивается среди народа нищета, голодъ и смертность.

Водопады.

Водопады въ высшей степени характерное явленіе. Послѣ дождей они дюжинами ниспадаютъ со всѣхъ стѣнъ долины; то же бываетъ при сильномъ таяніи снѣга, но въ лѣтнюю жару они большею частію снова исчезаютъ. Но тутъ существуетъ и множество постоянныхъ водопадовъ, которые отличаются другъ отъ друга своимъ особеннымъ шумомъ, освѣщеніемъ, массою воды и самымъ разнообразнымъ паденіемъ. Необыкновенно красивыми они бываютъ вечеромъ, когда ихъ освѣщаетъ солнечный закатъ: водяныя капли тогда кажутся золотымъ пескомъ, въ то же время внизу растилаются волны тумана. Иной водопадъ таится гдѣ-нибудь въ лѣсу; онъ открывается вдругъ: горный ручей быстро катится внизъ и покрываетъ широкую стѣну скалы своею разорвавшеюся на двое или на трое водяною мантіею. Другой водопадъ точно падаетъ изъ воздуха. Выдающаяся впередъ площадка направляетъ свергающіяся внизъ воды далеко отъ стѣнъ скалы. Такой водопадъ не льется потокомъ, а разсыпается мелкою пылью. Такихъ пыльныхъ водопадовъ не только много въ горной, но и въ альпійской областяхъ. Они особенно оригинальны ночью, когда фантастическими тѣнями мечутся изъ стороны въ сторону. Днемъ, отъ преломленія солнечныхъ лучей, они напоминаютъ пальмы, которыя весело шелестятъ своими верхушками у скалистой стѣны, принимая все новые и новые образы. Часто эти водяные потоки бросаются живо съ уступа на уступъ по каменнымъ террасамъ. Иногда они образуютъ такимъ образомъ нѣсколько отдѣльныхъ водопадовъ. Нѣкоторые изъ нихъ открываются передъ глазами во всей своей полнотѣ, другіе на половину скрываются въ лѣсу или прикрываются выдающеюся скалою или кустомъ. Изъ тысячи водопадовъ ни одинъ не похожъ на другой, но каждый изъ нихъ необыкновенно скрашиваетъ горный пейзажъ. Нужно замѣтить, что вода каскада, падая внизъ, выбиваетъ себѣ углубленіе, часто довольно большой величины, и затѣмъ оттуда продолжаетъ свое теченіе. Почва известковыхъ горъ представляетъ самыя крутыя стѣны и террасы, вотъ почему многія изъ долинъ богаты прекрасными водопадами. Большихъ водопадовъ въ Альпійской области очень не много, большинство ихъ вы встрѣтите ниже, до 4 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря.

Одинъ изъ огромныхъ водопадовъ, *Штаубахскій*, находится около Лаутербруннена, въ Бернскомъ Оберландѣ. По отвѣсной стѣнѣ, съ высоты 900 футовъ, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга быстро бѣгутъ два потока, но скоро сливаются вмѣстѣ, въ одинъ движущійся, могучій водяной столбъ. Когда этотъ водяной столбъ доходитъ до остраго выступа на стѣнѣ, онъ какъ будто хочетъ здѣсь остановиться. Но это колебаніе длится только одно мгновеніе, и падающая вода, сверкая тысячами блестящихъ лучей, стремится внизъ по мрачной стѣнѣ, разлетаясь въ воздухѣ миллiардами жемчужинъ и затѣмъ превращаясь въ мелкій и блестящій дождь, который поддерживаетъ въ окрестной мѣстности живительную влагу и съ легкимъ шумомъ падаетъ въ бассейнъ. Бассейнъ этотъ довольно обширенъ, такъ какъ сильная струя, да еще съ такой высоты, разумѣется, и ложе себѣ пробила довольно объемистое. Подойдите ближе къ бассейну, и ваше платье сразу будетъ осыпано множествомъ мелкихъ бриллiантовъ, но въ одно мгновеніе все исчезло,—васъ обдало брызгами мелкихъ капель, которыя такъ ярко горятъ на солнцѣ. Не успѣли вы досыта налюбоваться этимъ явленіемъ, какъ ваше вниманіе привлечено массою бѣлыхъ, пѣнящихся, самой разнообразной формы волнъ. По бокамъ бассейна вы увидите холмики, которые образовались изъ обломковъ скалъ. Изъ подъ нихъ текутъ источники и въ ихъ водѣ замѣтна чудная игра радужныхъ цвѣтовъ,

а если вы спустились къ центру бассейна въ то время, когда его ярко освѣщаетъ солнце, васъ, какъ ореоломъ, осѣнитъ двойною радугой. И, смотря по времени года и дня, этотъ водопадъ представляется вамъ всегда въ новомъ, самомъ разнообразномъ видѣ. Зимою, во время сильныхъ морозовъ, падающія водяныя капли замерзаютъ, а иногда въ минуту все превращается въ крупнѣйшій градъ, который съ грохотомъ падаетъ внизъ. Потомъ, оттуда, гдѣ начинается водопадъ, мало-по-малу образуются двѣ огромныя ледяныя колонны: онѣ нѣсколько отдѣляются отъ стѣны, усѣянной безчисленнымъ множествомъ блестящихъ иглъ, которыя горятъ на солнцѣ тысячами фантастическихъ огней. Но вотъ въ воздухѣ становится теплѣе; ледяныя колонны ни минуты долѣе не въ состояніи вынести своей тяжести и съ такимъ ужаснымъ грохотомъ падаютъ на льдины, скопляющіяся у подножія, что земля въ окрестности содрогается и, какъ во время землетрясенія, колеблется съ минуту. Объемъ источниковъ послѣ этого увеличивается, и они бурно стремятся внизъ со скалы, унося съ собою обломки скалъ иногда вѣсомъ до 2½ пудовъ. Быстрота теченія все увеличивается, обломки дико скачутъ и грохочутъ, пока не достигнутъ громадной груды ихъ, лежащей у подошвы. При этомъ столкновеніи происходитъ такое треніе массъ между собою, что скалы сильно нагрѣваются, и кругомъ слышится сильный запахъ сѣры. Вся природа спѣшитъ помочь этому грозному явленію: тяжелыя, свинцовыя тучи заволакиваютъ все небо, раздаются страшные раскаты грома и сверкающая молнія озаряетъ на минуту голыя, высокія скалы. Все приходитъ въ движеніе, громадныя деревья вырваны съ корнями и съ шумомъ и трескомъ падаютъ въ бездну. Наступаетъ жестокая гроза. Совсѣмъ другое явленіе представляется намъ, когда ураганъ застаетъ водопадъ лѣтомъ: онъ иногда такъ измѣняетъ свое направленіе, что бассейнъ на нѣсколько минутъ становится пустымъ. Тогда множество дѣтей изъ сосѣднихъ деревень бросаются къ водопаду и руками хватаютъ форелей. Но это бываетъ очень не долго и вода снова наполняетъ бассейнъ.

Совсѣмъ инымъ представляется водопадъ, когда вы наблюдаете его въ спокойномъ состояніи, лѣтомъ, ночью, при блѣдномъ свѣтѣ луны. Рядъ горъ, стоящихъ позади, отбрасываетъ отъ себя длинныя тѣни. Теперь, кажется, исчезъ и легкій дневной шумъ отъ паденія водопада и только слышно журчаніе его источника. Когда луна освѣщаетъ пѣнящуюся массу, она принимаетъ чистый, серебристый отливъ. Нѣсколько футовъ повыше бриліантовыя капли образуютъ иногда радугу самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ. Видъ водопадовъ совершенно различенъ: тутъ многое зависитъ отъ высоты паденія, отъ природы, которая ихъ окружаетъ, отъ вида скалъ. Другой, еще болѣе прославленный водопадъ, но гораздо менѣе высокій—это Шафгаузенскій, около Лауфенбурга, въ кантонѣ Ааргау. Въ этомъ мѣстѣ Рейнъ падаетъ съ высоты 80 футовъ съ такою быстротою, что представляетъ силу, равную 130,000 лошадиныхъ силъ. Подъ водопадомъ Рейнъ образуетъ большое вмѣстилище для воды, глубина котораго не можетъ быть измѣрена, потому что сильное движеніе воды дѣлаетъ приближеніе къ этому мѣсту невозможнымъ.

Обвалы.—Разрушеніе Гольдау.—Чудные случаи спасенія.—Обрывы камней.—Причина этихъ несчастій.—Чѣмъ помочь горю.

Однажды, послѣ двухлѣтнихъ проливныхъ дождей, а именно 2-го сентября 1806 г. въ маленькомъ швейцарскомъ городкѣ Гольдау пастухи замѣтили на склонахъ Россберга

вновь образовавшіяся разсѣлины. Въ сосѣднихъ лѣсахъ слышался продолжительный трескъ, какъ будто корни ломались какою-то подземною силою. То тамъ, то здѣсь съ горъ отрывались и падали огромные обломки. Но жители уже привыкли къ этой подвижной природѣ, гдѣ паденіе камней, ревъ и борьба потоковъ, шумъ водопадовъ—явленіе обыкновенное; поэтому они оставались покойными, ни мало не тревожась за свою судьбу. Но вотъ грохотъ отъ падающихъ обломковъ чрезвычайно усилился, и камни стали скатываться по всѣмъ направленіямъ; земля задрожала на громадномъ протяженіи,—вдругъ уже раньше замѣченная трещина на склонѣ раскрылась во всѣ стороны. Высокіе стволы сосенъ и ихъ вѣтви, ударяясь одни о другіе, качались какъ колосья на нивѣ. Птицы огромными стаями взвились высоко въ воздухѣ и, испуская пронзительные крики, спѣшили улетѣть въ болѣе спокойныя мѣстности. Нѣсколько секундъ спустя земля съ вершины горъ начала скользить, сперва медленно, а потомъ все съ болѣе и болѣе возрастающею скоростью и падала въ долины, засыпая пастбища, виноградники, поля, дома съ людьми, въ нихъ живущими. Вопли, рыданія и крики ужаса: «бѣжимъ, бѣжимъ», раздавались со всѣхъ сторонъ и все, что только могло, спасалось, оставляя свои пожитки. Но вдругъ въ эту самую минуту раздался ужасный трескъ, точно вся земля готова была развалиться, и масса камня до трехъ верстъ въ длину и тысячу футовъ въ ширину (толщина же ея среднимъ числомъ простиралась до ста футовъ) упала въ долину, увлекая за собою лѣса по откосамъ горы. Это была страшная минута: камни, земля, трава, деревья и кустарники кружились и прыгали, то останавливаясь на минуту, то еще бѣшенѣе пускаясь опять кружиться и подымая при этомъ тучи пыли. Все рушилось, падало, гремѣло и скатывалось, издавая оглушительный, всепотрясающій визгъ, гулъ, свистъ и ревъ. Казалось насталъ послѣдній день міра. Въ нѣсколько минутъ болѣе ста домовъ и столько же сараевъ, гдѣ былъ скотъ, были уничтожены. Въ то время склонъ Россберга, почти до самой вершины, былъ покрытъ жилищами, а у подошвы богатыя деревни Гольдау, Бюзингенъ и Ловерцъ были населены дѣятельнымъ народомъ. Число жертвъ катастрофы доходило до 147 человѣкъ, погребенныхъ подъ развалинами и умершихъ отъ ранъ. Но среди этихъ отчаянныхъ сценъ разрушенія и смерти были и замѣчательные случаи чудеснаго спасенія.

Лишь только прошла страшная минута разрушенія и кругомъ въ природѣ все мало по малу стало успокоиваться, собрались несчастные жители пострадавшей мѣстности, кто посмотрѣть на обломки своего дома, кто въ надеждѣ отыскать хоть что нибудь изъ своихъ пожитковъ; иной, потерявъ все свое имущество, близкій къ помѣшательству, бродилъ среди развалинъ, отыскивая трупъ жены или дитяти. Такъ Метлеръ, который во время обвала находился съ своимъ стадомъ въ довольно отдаленной отъ катастрофы мѣстности, пришелъ теперь искать трупъ своей жены и двухъ малютокъ, которые погибли подъ обломками его дома. Въ поискахъ ему помогалъ братъ и множество друзей и сосѣдей. Не было ни малѣйшаго слѣда жилища; цѣлое поле развалинъ разстилалось передъ ними. Но вотъ одинъ предметъ вдругъ привлекаетъ ихъ вниманіе,—это завязнувшій въ тинѣ соломенный тюфякъ. Не смотря на опасность пробираться черезъ густой слой тины, смѣшанной съ кремнемъ, подошли однако къ тюфяку—и что же: на немъ лежитъ погруженный въ сладкій сонъ одинъ изъ сыновей несчастнаго Метлера. Ребенка отдали отцу цѣлымъ и невредимымъ, только покрытомъ густымъ слоемъ грязи.

Но самый удивительный случай спасенія въ этотъ несчастный день былъ въ деревнѣ Бюзингенъ, неподалеку отъ озера Ловерцъ. Во время обвала крестьянинъ Вижетъ съ женою и четырьмя дѣтьми подбиралъ въ своемъ саду падавшіе плоды. Лишь только Вижетъ замѣтилъ, что гора колеблется, онъ схватилъ двухъ старшихъ дѣтей за руки и со всѣхъ ногъ побѣжалъ вонъ изъ сада. Но жена не слѣдуетъ за мужемъ,

а, схвативъ двухъ остальныхъ своихъ малютокъ, бросается по направленію къ дому, чтобы вынести оставшуюся тамъ маленькую дочку. На пути ее встрѣчаетъ служанка Франциска, которая спѣшитъ къ ней съ ея маленькой Маріанной на рукахъ. Въ это же мгновеніе сразу наступаетъ совершеннѣйшій мракъ, ихъ домъ разлетается въ дребезги, и несчастныя погибаютъ. Франциска чувствуетъ, что ее перебрасываетъ съ одной стороны па другую и наконецъ она падаетъ въ какую-то глубокую пропасть; тутъ она лишается чувствъ. Когда же она снова пришла въ себя, то не могла пошевелить ни однимъ членомъ, а голова ея какъ будто завязла въ тинѣ; къ счастью, лицо ея было открыто и она могла дышать. Въ ту же минуту она разслышала жалобный крикъ маленькой Маріанны. Но обѣ онѣ точно закованы, — совсѣмъ не могутъ двигаться, къ счастью онѣ могли говорить другъ съ другомъ. Ребенокъ разсказываетъ своей нянѣ, что онъ лежитъ на спинѣ посреди кустарниковъ и бревенъ, но что видитъ свѣтъ чрезъ какое-то узкое отверстіе. Онѣ вмѣстѣ напрягаютъ послѣднія силы, начинаютъ звать на помощь; все напрасно: безмолвіе смерти господствуетъ вездѣ вокругъ. Дитя уже чувствуетъ мученія голода и умоляетъ свою няню облегчить его страданія. Тогда Франциску начинаетъ терзать мысль быть заживо похороненными. Въ то время, какъ она всѣми силами старается разсѣять ребенка, его стоны становятся все слабѣе и невнятнѣе; наконецъ она не слышитъ ни одного звука. Дѣвушка радуется, что страданія малютки наконецъ прекратились и начинаетъ молитвой приготовлять и себя къ смерти. Однако ночью, въ ужасной борьбѣ между жизнію и смертію ей удалось какъ-то высвободить свои ноги, такъ что она уже могла ими двигать и такимъ образомъ способствовать болѣе правильному кровообращенію, но остальная часть ея тѣла все еще была погружена въ тину. Когда утромъ уже предсмертные судороги пробѣгали по всѣмъ ея членамъ, вдругъ раздается на горѣ утренній колоколъ, и она снова слышитъ стонъ дитяти, котораго уже считала на вѣки погибшимъ.

Между тѣмъ ребенокъ, измученный наканунѣ слезами и безполезными усиліями, стараясь высвободиться изъ своего заточенія, крѣпко заснулъ на нѣсколько часовъ, что успокоило его мученіе; но теперь дѣвочка проснулась, и голодъ еще сильнѣе прежняго сталъ ее терзать. Въ это время несчастный отецъ, въ нѣсколько часовъ потерявшій все свое состояніе, жену и дѣтей, съ двумя уцѣлѣвшими сыновьями и нѣсколькими друзьями вездѣ кругомъ раскапывалъ развалины. Вотъ они уже нашли тѣло бѣдной матери; она погибла, прижимая къ своей груди дѣтей, тоже безжизненныхъ. Всѣ три трупа были покрыты ранами, обезображены ушибами. Вижетъ съ воплями падаетъ передъ ними на колѣни. Но этотъ крикъ отчаянія послужилъ спасеніемъ для двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Обѣ онѣ начинаютъ звать на помощь. Ихъ наконецъ услышали и отрыли: Франциску совсѣмъ невредимую, но маленькую Маріанну хотя и вынули тоже живою, но съ раздробленною ногою.

Еще и теперь путешественники толпами стекаются посмотрѣть развалины, которыя покрываютъ Гольдау. Почти въ продолженіе четверти столѣтія вся страна, находящаяся надъ Ловерцемъ, представляла картину разрушенія. Но теперь растительность начинаетъ покрывать ее среди развалинъ. Мохъ уже одѣлъ голыя скалы; разныя ползучія растенія, свѣжіе колокольчики и нѣкоторые другіе невзыскательные цвѣточки украшаютъ землю среди камней; нѣсколько кустовъ и маленькія сосны виднѣются тамъ и здѣсь и, вѣроятно, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ эта мѣстность снова покроется человѣческими жилищами и роскошными полями.

Обвалы земли, которые въ конецъ уничтожаютъ всѣ надежды земледѣльца и сотни семействъ, за нѣсколько часовъ передъ этимъ зажиточныхъ, пускаютъ по міру, — сплошь и рядомъ случаются въ Альпійскихъ мѣстностяхъ. Тутъ бываетъ еще и другое несча-

стіе—обрывы большихъ камней. Очень часто градъ огромныхъ камней, срываясь съ различныхъ высотъ, убиваетъ скотъ, портитъ лѣса, губитъ плодородныя поля. Подобныя несчастія здѣсь такъ часто встрѣчаются, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть обыкновеніе застраховывать свой скотъ отъ этой опасности.

Большинство самыхъ памятныхъ обваловъ произошло скоро послѣ того, какъ былъ вырубленъ лѣсъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ—мы говоримъ про обвалъ въ Гольдау. Верхняя часть горы, обрушившаяся на Гольдау, имѣла весьма крутой склонъ къ селенію. Лѣсъ былъ совсѣмъ вырубленъ, слѣдовательно верхній слой былъ до того оголенъ, что на немъ не только уже не оставалось никакой растительности, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ не было земли,—оставался только камень. Вода могла свободно проникать въ него, а такъ какъ солнце и морозы успѣли образовать въ немъ трещины, то вода проникала и дальше, въ глинистый слой, на которомъ лежали скалы. Какъ только глина превратилась въ липкое тѣсто, камень сталъ соскальзывать съ нея и падалъ въ долины.

Лавины: ихъ страшныя послѣдствія.—Порошистыя лавины.—Какъ деревня Руэрасъ ночью была сдвинута лавиной.—Муки засыпанныхъ снѣгомъ.—Счастливые случаи избавленія.—Когда падаютъ твердыя лавины.—Инстинктъ животныхъ, предугадывающихъ паденіе лавинъ.—Картина обвала.—Лѣса, какъ охрана отъ лавинъ.

Лавины бываютъ двухъ родовъ: *Staub-Lawine*, порошистыя или пыльныя лавины, обвалы которыхъ случаются зимою, и *Rutsch-Lawine*, т. е. соскальзывающія лавины, такъ называемыя твердыя лавины, которыя обрушиваются весною. Лавины происходятъ оттого, что снѣгъ не можетъ таять на высокихъ горныхъ склонахъ, и падаетъ въ долины. Обвалы пыльныхъ лавинъ случаются такъ: буря, бушующая на вершинѣ, поднимаетъ съ земли огромныя массы свѣжаго, тончайшаго снѣга и относитъ его иногда на очень далекое разстояніе. Эта снѣжная, порошистая масса увеличивается съ каждой минутой; она захватываетъ съ собою все, что попадается ей на пути: тяжелые камни, строенія, перебрасываетъ все это съ необыкновенной легкостью и скоростью, иногда черезъ огромныя пространства, и наконецъ этимъ столбомъ всевозможныхъ обломковъ и снѣжной пыли засыпаетъ въ нѣсколько минутъ цѣлыя деревни, людей, огромныя стада животныхъ.

Въ 1749 году вся деревня Руэрасъ въ Граубинденѣ была ночью засыпана подобной лавиной. Такъ какъ всѣ спали, то многіе изъ жителей, дома которыхъ не были разрушены, а только сдвинуты, не замѣтили сначала того ужаснаго положенія, въ которомъ они находились, и только удивлялись, что ночь такъ долго длится, пока наконецъ не убѣдились въ томъ, что ихъ засыпало снѣгомъ. На другой день жители сосѣднихъ деревень увидали несчастіе и бросились откапывать несчастныхъ. Но какъ найти то мѣсто, гдѣ погибающіе борятся со смертію: откапывая одного, такъ легко засыпать другаго. Замѣчательно, что люди, раскапывающіе снѣгъ, никогда не слышатъ ужасныхъ криковъ погибающихъ, напротивъ того, спасенные всегда разсказываютъ, что они слышали все, что говорилось надъ ними и даже явственно могли различать голоса говорившихъ. Каково же мученіе человѣка, погребеннаго подъ снѣгомъ, который слышитъ голоса друзей, истощающихъ всѣ свои силы, чтобы открыть какой нибудь слѣдъ, оставленный имъ, между тѣмъ какъ онъ тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ,

задыхается подъ снѣгомъ, кричитъ, но его не слышатъ и начинаютъ разгребать снѣгъ въ другомъ мѣстѣ. Въ такихъ случаяхъ необыкновенно кстати является инстинктъ животнаго на помощь человѣку. Хорошо выдрессированныя спеціально для этого собаки, часто еще прежде людей, бросаются туда, куда обрушилась лавина, и безошибочно указываютъ мѣста, гдѣ слѣдуетъ искать погибающихъ. Такъ было и при несчастіи въ деревнѣ Руэрасъ. Людямъ и ихъ лучшимъ помощникамъ—собакамъ въ этотъ разъ удалось спасти до 60 человѣкъ, но болѣе 100 человѣкъ все-таки погибло.

Бываютъ впрочемъ и такіе случаи, что людямъ удается какъ-то счастливо отдѣлаться отъ этого несчастія. Однажды четыреста солдатъ, проѣзжавшихъ черезъ Энгадинъ, попали подъ порошистую лавину и были унесены ею въ глубокій ровъ, но вдругъ вся эта снѣжная масса разсыпалась, какъ муравейникъ, и воины, среди взрыва хохота оставшихся на мѣстѣ товарищей, возвратились къ нимъ здравы и невредимы; нѣкоторые изъ нихъ были только слегка контужены.

А вотъ и еще оригинальный случай избавленія: семейство, состоящее изъ мужа, жены и ребенка проживало въ хорошенькой хижинѣ верхняго Валлиса; однажды мужъ ушелъ на охоту, а жена осталась дома, и вотъ что случилось: лавина несется съ горы и растетъ съ каждымъ шагомъ... Раздаются оглушительные раскаты грома, и черезъ нѣсколько минутъ хижина поглощена громадною массою снѣга. Хозяинъ приближается къ своему жилищу, но въ темнотѣ ночи не узнаетъ окрестныхъ мѣстъ. Когда луна появилась на небѣ, онъ узнаетъ ужасную истину, бѣжитъ къ сосѣдямъ и проситъ о помощи. Толпа спѣшитъ за несчастнымъ, бросается на снѣжную массу, разгребаетъ льдины,—но все напрасно. Надъ хижиною образовался огромный ледяной склепъ. Но бѣдный человѣкъ не теряетъ мужества и въ продолженіи десяти дней работаетъ надъ тѣмъ, чтобъ какъ нибудь проломить ледъ и раскопать снѣгъ. Наконецъ онъ замѣчаетъ верхушку дерева, которое росло у его хижины. Это придаетъ ему мужества, и онъ вскорѣ откапываетъ трубу своего очага, прикладываетъ къ ней ухо и слышитъ слабый голосъ. Тогда черезъ трубу онъ влѣзаетъ въ жилище и находитъ свою жену и ребенка совершенно невредимыми. Прочная крыша выдержала напоръ снѣга, а жизнь двухъ существъ поддержала коза, которая вмѣстѣ съ семьею была засыпана во время катастрофы.

Быстрота и сила порошистыхъ лавинъ изумительны. Въ 1854 г. одинъ изъ скатовъ Пицъ-Мурауна обнажился въ нѣсколько минутъ и вся долина Сенъ-Пляспсъ была занесена снѣгомъ. Въ это время большой гранитный бассейнъ былъ отброшенъ на разстояніе четверти лье; снесло куполъ колокольни въ Диссентисѣ, хотя она находилась въ полъ-лье отъ пути, по которому стремилась лавина. Очень часто зимняя лавина пролетаетъ по лѣсу, вырываетъ по нѣскольку тысячъ деревьевъ и отбрасываетъ ихъ далеко въ сторону; иногда же она ломаетъ ихъ въ щепы и разбрасываетъ, куда попало. Обыкновенно случается, что упадетъ одна лавина, а за нею сейчасъ и нѣсколько другихъ. Поэтому часто можно слышать, что обвалъ, случившійся въ той или другой мѣстности, продолжался четыре, пять часовъ, а однажды, въ долинѣ Лаутербрунненъ былъ обвалъ, который длился двадцать четыре часа. Можете себѣ представить, сколько онъ долженъ былъ причинить людямъ горя и несчастій!

Rutsch-Lawine, соскальзывающія лавины, —или еще болѣе подходящее къ нимъ названіе—*твердыя лавины*, случаются тогда, когда природа уже пробуждается отъ своего продолжительнаго сна. Тутъ уже не мелкій и мягкій снѣгъ, а старый и твердый, пролежавшій всю зиму на склонахъ горы и превратившійся въ плотный и твердый ледъ. Вѣтеръ, вздымающій на воздухъ снѣжную пыль, не въ состояніи сдвинуть съ мѣста затвердѣвшія лавины. Это можетъ сдѣлать только весенняя теплота, ко-

торая проникаетъ подъ снѣжный покровъ и уменьшаетъ его связь съ почвою. Вслѣдствіе этого громадная ледяная масса начинаетъ скользить по склону горы съ возрастающею скоростью. Эта лавина, еще съ гораздо большею силою, чѣмъ порошистая, разрушаетъ и сноситъ въ долины все, что попадается ей на пути. Она обыкновенно скатывается въ овраги. Такъ какъ снѣгъ такихъ лавинъ очень твердъ, то онъ очень медленно таетъ въ оврагахъ, часто остается въ нихъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, образуя родъ временнаго ледника. По нѣкоторымъ явленіямъ можно очень часто заранѣе опредѣлить время паденія лавины.

Извѣстное направленіе облаковъ, даже ихъ форма, влажность воздуха, подтаиваніе и опаденіе ледяныхъ гирляндъ, украшающихъ выступы скалъ,—все это для опытнаго глаза значительныя примѣты, чтобы предостеречь путешественника и указать ему тѣ высоты, куда онъ не долженъ взлѣзать въ это время, чтобы не быть задавленнымъ обрушившейся лавиной. Впрочемъ тутъ еще больше услугъ человѣчеству оказываетъ инстинктъ многихъ животныхъ. Галки, за нѣсколько минутъ до обвала, слетаютъ съ утесовъ съ зловѣщимъ крикомъ; собаки съ сильнымъ воемъ и лаемъ, дѣлая какіе-то дикіе прыжки, бѣгутъ на встрѣчу путешественнику и часто не пускаютъ его впередъ. Если вы въ дорогѣ съ лошадью, она начинаетъ неистово ржать, просто выбивается изъ силъ, чтобы поскорѣе достигнуть безопаснаго пристанища. Твердыя лавины часто падаютъ въ самыя населенныя долины, заваливая собою проѣзжія дороги. Вотъ почему главныя альпійскія дороги предохраняются отъ лавинъ особенными галлереями. Такія галлереи устроены во многихъ долинахъ Энгадина, Граубиндена и въ другихъ мѣстахъ. Нерѣдко эти глыбы сносятъ дома со всѣми ихъ жителями: часто даже дома разрушаются однимъ сотрясеніемъ воздуха, рѣки запруживаются и потомъ, прорвавъ снѣжную плотину, затопляютъ поля и такимъ образомъ производятъ страшныя зимнія наводненія. Вотъ какъ одинъ путешественникъ описываетъ паденіе твердыхъ лавинъ.

«Твердая лавина въ весеннее время представляетъ вблизи такое ужасное зрѣлище, о которомъ трудно дать вѣрное понятіе. Какъ описать этотъ хаосъ, это судорожное потрясеніе природы, которое напоминаетъ вамъ и ревъ урагана, и землетрясеніе, и шумъ обваловъ. Хаотическое смѣшеніе снѣга, земли и воздуха, всеобщее разрушеніе, шумъ снѣга, давимаго надвигающимися массами и увлекаемаго ими, трескъ сломанныхъ деревьевъ, гигантскіе прыжки скалъ, со свистомъ разрѣзающихъ воздухъ, чтобы разбиться въ дребезги о бока горы, адскій гулъ, повторяемый эхомъ долинъ,—вотъ какую картину представляетъ паденіе лавины, если смотрѣть на нее вблизи.

«Обыкновенно случается такъ, что наблюдатель слышитъ шумъ гораздо прежде, чѣмъ увидитъ самую лавину. Съ непривычки онъ поднимаетъ глаза вверхъ, отыскивая облако, которое могло бы объяснить такіе могучіе раскаты грома; напрасный трудъ—голубой сводъ неба совершенно чистъ, на немъ не видно ни одного облачка, а между тѣмъ громовые раскаты усиливаются и наконецъ наблюдатель замѣчаетъ какъ будто бѣлый вихрь, несущійся съ горы. Это снѣжная лавина, минуту передъ тѣмъ неподвижная, съ неудержимою силою катится внизъ, подобно вспѣненному морю. Она покрываетъ скалы бѣлою пеленою, разбивается объ утесы въ тысячи снѣжныхъ каскадовъ, разлетается по воздуху легкими хлопьями, останавливается подобно запруженному ручью, исчезаетъ на мгновеніе въ глубокой расщелинѣ, но все время неудержимо стремится внизъ, пока не достигнетъ равнины или не задержится накопленными въ концѣ оврага обломками. Какъ только лавина остановилась,—такъ прекращается и шумъ, ею производимый, и тогда для наблюдателя объясняется причина этого шума: среди ослѣпи-

тельно бѣлаго снѣга онъ замѣчаетъ темную кучу земли и каменьевъ—явное доказательство, что лавина состоитъ не изъ одного только снѣга».

Лучшее предохранительное средство отъ лавинъ опять таки деревья. Деревья заграждаютъ вѣтромъ путь къ сухому снѣгу и такимъ образомъ препятствуютъ образованію, такъ называемыхъ, Staub-Lawine. Они не даютъ также сырому снѣгу скопляться въ большія глыбы и черезъ это препятствуютъ образованію Rutsch-Lawine. Наконецъ корни деревьевъ и другихъ растеній не даютъ лавинамъ такъ легко соскальзывать съ высотъ, какъ это бываетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ никакой растительности. Жители безлѣсныхъ мѣстностей, для охраненія себя отъ лавинъ, вколачиваютъ колья сквозь снѣгъ въ землю и такимъ образомъ нѣсколько закрѣпляютъ его. Къ этому же средству прибѣгаютъ иногда и для охраны самаго лѣса отъ лавинъ, которыя образуются выше его.

Альпійская область отъ 4,000—7,000 ф. надъ уровнемъ моря.—Растительность этой области.—Одинокія ели.—Услуга, которую онѣ оказываютъ людямъ и животнымъ.—Характеръ природы выше 6,000 ф.—Мхи.—Малорослая сосна.—Альпійская роза.—Озера.—Кристаллическія пещеры.—Животныя альпійской области.—Альпійскій охотникъ: его жизнь и трудности, которыя ему приходится одолѣвать.

Альпійская область отъ 4,000 до 7,000 ф. еще доступна для извѣстной культуры. Она представляетъ гораздо болѣе интереса, чѣмъ сосѣдняя высшая область, въ которой постепенно исчезаетъ жизнь и почти одни только камни привлекаютъ вниманіе человѣка. До 5,000 ф., а на южномъ склонѣ и выше, поверхъ деревень и городовъ, еще можно встрѣтить величественные лѣса стройныхъ, крѣпкихъ *сосенъ*, *елей* и *кедровъ*. Лиственный лѣсъ рѣдко встрѣчается на большой высотѣ. Выше означеннаго предѣла вы еще встрѣчаете богатыя, зеленѣющія пастбища съ густою травою, усѣянныя маленькими кустарниками; но большіе лѣса замѣтно исчезаютъ. Впрочемъ одинокія ели и малорослыя сосны часто встрѣчаются сначала большими группами, а потомъ и въ одиночку. Такая ель, однако, приноситъ большую пользу. Она служитъ убѣжищемъ не только путешественникамъ, врасплохъ застигнутымъ въ горахъ бурею, но и для стадъ, которыя въ такую минуту бѣгутъ довѣрчиво подъ ея покровъ.

Выше 6,000 футовъ уже трудно подыматься: нога вязнетъ, вы каждую минуту спотыкаетесь о какой-нибудь корень или гніющій стволъ. Повсюду развалины: поломанныя деревья навалены въ огромныя, безпорядочныя кучи, а между ними тамъ и сямъ торчатъ обломки камней, кремня, земли, вѣтвей. Поломанныя деревья сплошь покрыты различными грибами и лишаями, которые вытягиваютъ изъ нихъ послѣднюю силу. Однимъ словомъ — тутъ повсюду слѣды разрушеній и опустошеній, произведенныхъ обвалами лавинъ. Почью эти органическіе остатки распространяютъ фосфорическій свѣтъ. Но видъ этой мѣстности не производитъ вовсе того подавляющаго впечатлѣнія, какъ снѣжная область. Огромныя пространства земли, гранитныя скалы густо покрыты зеленѣющими мхами. Они все обвиваютъ своею тонкою сѣтью и замѣняютъ въ пустынныхъ, по большей части безплодныхъ, мѣстностяхъ роскошное убранство растительности, скрывая подъ своимъ покровомъ развалины и обломки. Среди мховъ движутся цѣлыя рои насѣкомыхъ: они истачиваютъ старые стволы деревьевъ, чтобы устроить себѣ жилище, свиваютъ гнѣзда между мхами и ли-

шаями, подстерегаютъ добычу или просто прячутся отъ невзгоды. Человѣку однако слѣдуетъ зорко слѣдить за собою, ступая по землѣ, покрытой такими мхами: подъ ними до того тонкая земля, что легко совершенно завязнуть или провалиться. Еще поверхъ мховъ многіе известковые склоны горъ покрыты густыми темными листьями малорослой сосны. Она выростаетъ часто не выше кустарника, а гибкія, длинныя вѣтви, страшно переплетаясь между собою, извиваются на землѣ, какъ ползучія растенія, образуя густую чащу, поверхъ которой можно ходить какъ по ковру. Если обходъ такой чащи требуетъ много времени, то горцы смѣло шагаютъ по ней, но это очень опасно вслѣдствіе необыкновенной эластичности дерева. Любопытнѣе всего наблюдать это дерево, когда его необыкновенныя развѣтвленія, согнутыя въ удивительныя спирали, покрывая выступъ скалы, свѣшиваются и раскачиваются надъ страшными безднами. И часто маленькій пастухъ хватается за эти свѣсившіяся вѣтви, нѣсколько минутъ раскачивается надъ пропастью и потомъ, какъ кошка, карабкается на скалы, чтобы похвастать передъ товарищами своею ловкостью и храбростью, а то и просто, чтобы разогнать скуку своей однообразной, несчастной пастушеской жизни. Малорослыя сосны оказываютъ тоже дѣйствіе, что и лѣса - хранители. Безъ нихъ многія пастбища погибли бы подъ обвалами лавинъ или камней. Чѣмъ выше, однако, тѣмъ больше встрѣчается скалистыхъ стѣнъ, голыхъ утесовъ и безплодныхъ долинъ. Воды низвергаются здѣсь яростными потоками, наполняя шумомъ и движеніемъ горную пустыню. Тамъ и здѣсь нѣкоторые склоны уже покрыты снѣгомъ; но альпійская природа, развертывая грозную, суровую картину тутъ же, бокъ о бокъ съ подобными явленіями, представляетъ и прелестные, граціозные пейзажи. Стада дикихъ сернъ прыгаютъ по кочкамъ; каменный баранъ поражаетъ васъ изумительною смѣлостью, пробираясь почти по отвѣсной скалѣ, а вотъ еще и цѣлый коверъ чудной альпійской флоры, богато залитый яркими цвѣтами, которые придаютъ свѣжей зелени чудную прелесть. Особенность ея состоитъ въ томъ, что здѣсь чрезвычайно мало наркотическихъ и ядовитыхъ растеній. Царицею альпійскихъ растеній, самымъ характернымъ явленіемъ растительности въ этой полосѣ, исключительно ей свойственнымъ, является *альпійская роза*, столь прославленная всѣми поэтами. И дѣйствительно, тутъ, гдѣ отовсюду вѣетъ холодомъ и смертью, гдѣ на каждомъ шагу валяются скалистыя обломки, которые ежеминутно грозятъ скатиться внизъ и погребсти подъ собою сотни жертвъ, альпійская роза напоминаетъ о жизни и счастіи. Ея кустарники одѣваютъ группы скалъ своими темно-зелеными блестящими листочками, изъ которыхъ поднимаются цвѣты то нѣжно-розоваго, то красно-малиноваго цвѣта, а тутъ вблизи бьетъ пѣнящійся водопадъ, быстро текутъ шумящіе потоки, а въ двухъ, трехъ саженяхъ выше разстилаются уже громадныя пространства, покрытыя вѣчнымъ ледянымъ покровомъ,—и очень часто такая картина до мельчайшихъ подробностей отчетливо отражается въ зеркальной поверхности гдѣ-нибудь внизу лежащаго маленькаго озера. Но, давая возможность путешественнику полюбоваться дивной красотой своихъ цвѣтовъ, альпійская роза часто бываетъ и средствомъ къ спасенію. Не одинъ оступившійся туристъ, скатываясь съ высокой скалы, схватывался за ея кустарникъ и такимъ образомъ спасался отъ вѣрной смерти. Самыя роскошныя и лучше всего окрашенныя розы можно найти на горахъ въ Граубинденѣ. Вообще замѣчено, что чѣмъ выше мѣстность, тѣмъ ярче бываютъ цвѣта. Альпійскую розу можно встрѣтить въ мѣстностяхъ довольно низкихъ, иногда даже на высотѣ 2,000 ф., а на Монтъ-Розѣ она величественно красуется и на высотѣ 8,800 ф.

Альпы не только украшены цвѣтами, но между множествомъ травъ онѣ пріютили и много кормовыхъ растеній, которыя рогатому скоту приносятъ гораздо больше пользы,

чѣмъ тѣ, что растутъ въ равнинѣ, такъ какъ онѣ необыкновенно увеличиваютъ у нихъ молоко.

Чтобы дополнить картину альпійскаго ландшафта, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о водахъ. Воды вносятъ въ окружающую природу сотни новыхъ красокъ и цѣлый новый міръ растеній и животныхъ. Безъ нихъ жизнь долины однообразна и непривлекательна. Изъ Альпъ, какъ извѣстно, вытекаютъ самыя большія рѣки; но долины собственно альпійской области слишкомъ коротки, чтобы пріютить ихъ у себя онѣ слишкомъ узки и для большихъ озеръ; за то альпійская область — вмѣстилище большихъ потоковъ, маленькихъ озеръ и огромной массы всевозможныхъ водяныхъ жилъ. Кто посѣтилъ весною Альпы и наблюдалъ, какъ со всѣхъ снѣжныхъ полей, по всѣмъ скаламъ стекало множество малыхъ и большихъ ручьевъ, тотъ только можетъ составить себѣ вѣрное понятіе о безконечной массѣ водъ, которыя изъ альпійской области бѣгутъ въ равнины на помощь плодородію. Но всего больше появляется этихъ ручьевъ и водъ во время жаркихъ вѣтровъ фёна и теплыхъ дождей. Тогда всюду образуются новыя водяныя жилы. Маленькіе, журчащіе ручейки становятся шумящими потоками, стоки глетчеровъ перерѣзываются сотнями пѣнящихся руслъ.

Альпійскій поясъ чрезвычайно богатъ также и другими горными достопримѣчательностями; какъ напр., сталактитовыя пещеры, перемежающіеся ключи, слои раковинъ, мраморные ходы, бѣлыя массы алебастра, удивительное богатство цвѣтовъ въ утесахъ, минеральные источники и проч. Изъ кристаллическихъ пещеръ, въ которыхъ протекаетъ обыкновенно маленькій ручеекъ, выламываютъ дорогіе кристаллы. Изъ многочисленныхъ минеральныхъ водъ альпійскаго пояса, чрезвычайно разнообразно бьющихъ, то среди луговъ, то въ ущельяхъ, въ одномъ нижнемъ Энгадинѣ насчитываютъ болѣе 20-ти минеральныхъ ключей, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ къ самымъ лучшимъ соленымъ, кислымъ и сѣрнымъ источникамъ. Въ безчисленныхъ сталактитовыхъ пещерахъ выступаютъ наружу самыя богатыя минеральныя образованія; въ одной изъ нихъ висятъ съ потолка капли почти чистой горькой соли толщиною въ палецъ, въ другой находятся большія инкрустаціи желѣзнаго купороса.

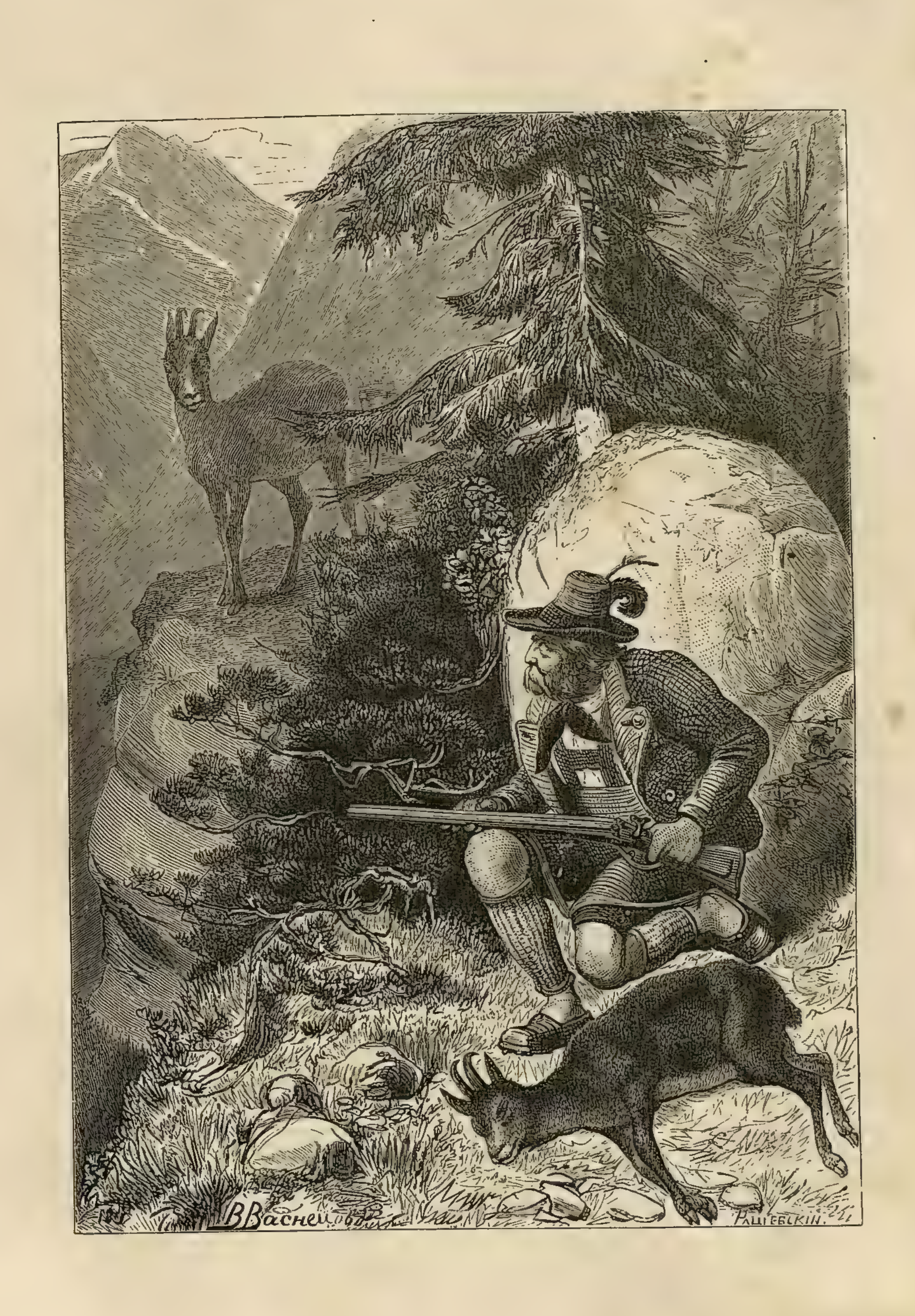
Не мало находятъ также въ горахъ альпійской области купоросу, сѣры, нерѣдко даже гипсъ, мраморъ, порфиръ, серпентинъ. Но еще интереснѣе здѣсь явленіе такъ называемыхъ *рудничныхъ газовъ*. Тамъ и сямъ въ землѣ можно видѣть отверстія, идущія въ глубь между камнями, по косому направленію и имѣющія не болѣе полуфута въ ширину, изъ которыхъ постоянно выходятъ обильныя массы газовъ рудничнаго съ азотомъ и сѣрнисто-водороднаго. Не далеко отъ этихъ газоспускателей обыкновенно валяется множество мертвыхъ насѣкомыхъ, а иногда даже мыши и птицы, убитыя ядовитымъ газомъ. Испаренія эти поднимаются приблизительно на полъ фута отъ земли и, если наклониться къ нимъ, то онѣ своимъ острымъ запахомъ причиняютъ сильный кашель. Кошки и собаки, погруженные въ эту атмосферу, тотчасъ умираютъ въ сильныхъ конвульсіяхъ. Жители увѣряютъ, что если закрыть газоспускательныя отверстія, то поля сдѣлались бы неплодородными на большомъ пространствѣ.

Съ каждымъ шагомъ вверхъ горы становятся бѣднѣе растительнымъ покровомъ, а слѣдовательно и животною жизнію. Съ каждой тысячью футовъ все болѣе ограничивается и возможность существованія; съ каждымъ шагомъ тяжелѣе дѣлается борьба за существованіе. Но предусмотрительная природа все-таки нѣсколько облегчаетъ животнымъ эту борьбу: зимою альпійскія животныя мѣняютъ цвѣтъ своей одежды, становятся до того бѣлыми, что охотникъ или орелъ не можетъ отличить ихъ отъ снѣга. И дѣйствительно, это замѣчательное явленіе. Какъ только появляется весеннее солнце, въ животныхъ здѣсь замѣчается большая перемѣна. Прежде всего становится сѣрой

спина *бѣляка* или альпійскаго зайца; въ апрѣлѣ мѣхъ его еще бываетъ испещренъ крапинками, потомъ становится одноцвѣтнымъ; съ появленіемъ перваго снѣга у альпійскаго зайца является много бѣлыхъ волосъ, а скоро онъ и весь бѣлѣетъ. Тоже самое бываетъ съ *горностаемъ*, *бѣлкой*, *куропаткой* и другими животными. Не смотря на это трудно описать, какъ имъ всѣмъ приходится бѣдствовать зимою на Альпахъ. Если ранній снѣгъ застигнетъ зайца въ то время, когда онъ еще не успѣлъ одѣться въ свой болѣе густой зимній мѣхъ, то онъ иногда по нѣскольку дней не выходитъ изъ подъ своего камня или куста, голодаетъ и мерзнетъ. Нѣкоторыя животныя засыпаютъ на все холодное время глубокимъ сномъ, существуя тогда на счетъ своего жира.

Самое характерное животное альпійской области—*серна*. Лѣтомъ серны живутъ на самыхъ высокихъ Альпахъ, иногда въ довольно близкомъ сосѣдствѣ съ вѣчными снѣгами. Хотя онѣ и неприхотливы на пищу, — довольствуются травою, торчащей изъ подъ снѣга, мхомъ и лишаями, даже долго могутъ выносить голодъ, — но такъ какъ вода для нихъ первая необходимость, то зимою онѣ держатся пониже, въ долинахъ и лѣсахъ. Прежде, когда сернъ не такъ еще преслѣдовали охотники, ихъ было гораздо больше, и онѣ часто спускались въ долины, играли и пили воду въ томъ или другомъ ручьѣ; теперь же онѣ спускаются внизъ только во время суровой зимы и страшныхъ лишеній. На самыхъ высокихъ скалахъ, куда не рѣшается взобраться ни одно животное, серна карабкается необыкновенно легко и граціозно. Когда она идетъ медленно—ея походка кажется неуклюжей, но вотъ она пустилась бѣжать, и тотчасъ же приковываетъ ваше вниманіе красотой своей осанки. Съ быстротою молніи мчится она большими скачками чрезъ крутые утесы; то однимъ прыжкомъ вдругъ вскакиваетъ она на стѣну въ 14 ф. и также легко спрыгиваетъ внизъ. Но больше всего возбуждаетъ она удивленіе, когда, въ нѣсколько скачковъ взлетая на верхъ почти по отвѣсной скалѣ, она вдругъ останавливается на самомъ маленькомъ выступѣ, на которомъ удержится развѣ только птица, и такимъ образомъ стоитъ нѣсколько минутъ, чутко прислушиваясь, нѣтъ-ли гдѣ опасности, зоркимъ глазомъ окидывая окрестную мѣстность. Въ минуту опасности серна никогда не теряется: если она забѣжала на очень высокій отвѣсный утесъ и не видитъ передъ собою никакого выступа, чтобы минутной остановкой хотя нѣсколько уменьшить силу своего паденія,—она все-таки бросается внизъ, пригнувъ голову и шею къ спинѣ, напирая на заднія ноги, которыя, скользя по скалѣ, задерживаютъ нѣсколько быстроту паденія. Забота о самосохраненіи отъ людскаго преслѣдованія не оставляетъ ее даже и во время сна. Когда стадо сернъ отдыхаетъ въ рѣдкомъ кустарникѣ, одна изъ нихъ выполняетъ роль сторожа, отходитъ на нѣкоторое разстояніе, пощипываетъ траву, безпрестанно оглядываясь по сторонамъ, нюхая воздухъ, а то и поднимаясь на заднія ноги. Но вотъ сторожъ замѣтилъ опасность; онъ издаетъ рѣзкій, протяжный звукъ, и все стадо въ одну минуту понеслось быстрымъ галопомъ. Сернѣ отовсюду грозитъ опасность: рысь, волкъ, медвѣдь, коршунъ и другіе животныя не даютъ ей ни минуты покоя. Но этихъ враговъ она еще кое-какъ избѣгаетъ, то съ помощью своихъ легкихъ, крѣпкихъ ногъ, то пуская въ ходъ острые рога. Гораздо труднѣе ей уберечься отъ скатывающихся съ вершины камней и снѣжныхъ лавинъ, которые погребаютъ иногда разомъ цѣлыя стада сернъ. Однако злѣйшимъ врагомъ ея является человѣкъ, пуля котораго очень часто настигаетъ и пронзаетъ ее въ сердце, какъ на самой высокой скалѣ, такъ и въ самой низкой пропасти.

Альпійскими охотниками обыкновенно бываютъ люди недостаточные, которые содержатъ своимъ ремесломъ не только себя, но и свою семью. Однако не всякій, пожелавшій быть горнымъ охотникомъ, можетъ имъ сдѣлаться, когда это ему вздумается. Охота въ горахъ совсѣмъ не то, что въ долинахъ: какъ сама природа горъ, она имѣетъ



характеръ въ высшей степени жестокій, измѣнчивый и суровый, и потому тотъ, кто отважился сдѣлаться горнымъ альпійскимъ охотникомъ, долженъ имѣть крѣпкіе мускулы, твердыя ноги, чтобы какъ и серна, пробираться по узкимъ тропинкамъ на горныхъ и голыхъ скалахъ, гдѣ часто не помогаетъ и его подбитая гвоздями обувь. Чтобы подмѣтить на большомъ разстояніи, часто на огромной высотѣ, чуткую серну, тихо притаившуюся за какимъ-нибудь кустарникомъ, нужно имѣть весьма острое зрѣніе; кромѣ того такой охотникъ долженъ закалить себя, чтобы переносить всякую бурю и непогоду суроваго пояса, имѣть необыкновенно развитые и крѣпкіе члены, такъ какъ ему часто, чтобы удержаться на мѣстѣ или проползти по склону горы небольшое пространство, приходится дѣйствовать локтями, зубами, спиной, словомъ каждой мышцей своего тѣла. А сколькими качествами нужно обладать охотнику! Безпрестанно пробираясь между пропастями, а иногда и вися надъ ними, ухватившись за какое нибудь растеніе, онъ не долженъ знать головокруженія. Прежде чѣмъ взяться за опасное ремесло охотника, онъ долженъ въ совершенствѣ изучить окрестности и особенно тѣ горы, въ которыхъ онъ собирается охотиться. А это на первыхъ порахъ представляетъ болѣе трудностей, чѣмъ можно себѣ вообразить. Для того, чтобы всегда найти дорогу среди лабиринта трещинъ ледниковъ, среди безконечнаго числа тропинокъ выбрать такую, которая не завела бы въ бездну, откуда нѣтъ возврата, необходимо изучить всѣ развѣтвленія горъ, ихъ углы, острыя возвышенія, откосы, наконецъ общее направленіе ущелій и проходовъ.

Да развѣ одно это приходится ему изучить? Онъ долженъ знать характеръ животныхъ, всѣ явленія природы и серьезно вдуматься въ то, какъ дѣйствуютъ такія явленія и на сколько онѣ измѣняютъ въ данную минуту привычки животныхъ, которыхъ онъ собирается преслѣдовать. Охотники должны пріучить себя переносить всякаго рода лишенія въ пищѣ, въ питьѣ, снѣ и всякихъ другихъ потребностяхъ, неудовлетвореніе которыхъ можетъ иногда гибельно отозваться на здоровьѣ. Долго преслѣдуя и высматривая звѣря, онъ часто не можетъ спуститься внизъ, въ свое жилище, и потому долженъ очень разсчетливо тратить небольшой запасъ сыру, сухарей и вина, которые онъ беретъ съ собою. Какъ въ хорошую погоду, такъ и во время бури, сильнаго вѣтра или густаго тумана, охотникъ проводитъ ночи подъ открытымъ небомъ, прикрываясь отъ дождя и непогоды развѣ только козьей шкурой; иногда же ему приходится ночевать и на краю ледника. Однако, человѣкъ и крѣпкаго сложенія, и пріучившій себя твердо выносить всевозможныя лишенія, и знающій прекрасно все, что его ждетъ впереди,— не можетъ еще быть хорошимъ охотникомъ въ швейцарскихъ горахъ; для этого природа должна одарить его еще необыкновеннымъ мужествомъ, живымъ умомъ, проницательностью и сметкою. Охотникъ долженъ быть всегда на сторожѣ, умѣть найтись и въ ту минуту, когда на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ только-что собрался укрыться, вдругъ образовался свирѣпый потокъ, когда его глазамъ вдругъ представляется зіяющая пропасть, когда лавины и обвалы преграждаютъ ему дорогу. Но когда вполнѣ здоровый человѣкъ надѣленъ всѣми этими качествами ума и сердца, онъ можетъ надѣяться на счастье въ охотѣ.

Отправляясь въ путь, охотникъ надѣваетъ теплое, сѣрое платье, беретъ съ собою альпійскую палку съ желѣзнымъ наконечникомъ; у нѣкоторыхъ на верхнемъ концѣ этой палки еще придѣлана кирка: одинъ зубъ ея прямой, другой заостренный. Кромѣ этого онъ долженъ взять сумку съ порохомъ и пулями и весьма незатѣйливую провизію. Но болѣе необходимые предметы для охотника, на которыхъ онъ останавливаетъ самое серьезное вниманіе,—это башмаки и вѣрное ружье. Правда, нѣкоторые изъ нихъ отправляются въ горы босикомъ и отъ времени до времени намазываютъ себѣ ноги

смолою, чтобы крѣпче стоять, но большинство носитъ башмаки, скорѣе похожіе на остроконечныя копыта серны, чѣмъ на тѣ, которые надѣваемъ мы. По краямъ подошвы охотничьяго башмака вбиваютъ гвозди съ острыми концами, а на носкѣ и на пяткѣ укрѣпляютъ по подковѣ. При такой подошвѣ, нога не будетъ скользить даже и тогда, когда придется ступать по голымъ ледянымъ скаламъ. Деньги, полученныя отъ первой удачной охоты, хорошій охотникъ обыкновенно тщательно сберегаетъ, чтобы какъ можно скорѣе пріобрѣсти себѣ хорошую подзорную трубку: съ помощью ея онъ лучше можетъ высмотрѣть дичь и сообразить, какимъ путемъ ему до нея добраться. Охотники встаютъ обыкновенно ночью и стараются придти къ мѣсту, гдѣ водятся серны, гораздо раньше солнечнаго восхода. Тотъ, кто поосторожнѣе, отнесетъ на горы ружье еще заблаговременно; затѣмъ онъ старается идти какъ можно тише, безъ шума опускается на землю, выслушиваетъ, высматриваетъ, наблюдаетъ, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ, опасаясь, чтобы серны не почуяли его приближенія или не услышали шума шаговъ, и наконецъ начинаетъ охоту изъ какой нибудь высокой, пастушьей хижины. При этомъ каждый старается какъ можно ближе подкрасться къ спящимъ сернамъ, постоянно держа палецъ на куркѣ своего ружья. Только онъ замѣтитъ спящее стадо, тотчасъ прячется за кустомъ или камнемъ и ждетъ разсвѣта. Чуть серны пробуждаются, охотникъ уже направляетъ свое ружье въ ту изъ нихъ, которая ему болѣе нравится, и спускаетъ курокъ. Подстрѣленное животное дѣлаетъ одинъ только скачекъ кверху и падаетъ мертвымъ; все стадо оборачиваетъ голову въ ту сторону, гдѣ еще не разсѣялся пороховой дымъ, смотритъ туда въ какомъ-то ужасѣ и оцѣпененіи и потомъ, въ одно мгновеніе, какъ молнія, исчезаетъ въ сосѣднемъ лѣсу. Нерѣдко раненое животное не попадается ему въ руки, а вмѣстѣ съ товарищами укрывается въ лѣсъ. Тогда охотникомъ овладѣваетъ какое-то безуміе и упрямство во что бы то ни стало отыскать свою жертву. Очень часто въ подобную минуту онъ взбирается на такую высоту, на которую еще не дерзала вступить нога человѣческая. Примѣтивъ какое нибудь стадо, охотники идутъ за сернами цѣлыя мили, иногда нѣсколько дней сряду, и такимъ образомъ гонятъ ихъ передъ собою, пока наконецъ не удастся убить хоть одну изъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, загнать въ какой нибудь узкій проходъ между скалъ. Одинъ охотникъ, загнавъ такимъ образомъ серну, выстрѣлилъ въ нее, но сдѣлалъ осѣчку. Однако, видя, что животное не можетъ двинуться ни взадъ, ни впередъ, онъ бросается на него, чтобъ задушить его по крайней мѣрѣ руками. Между ними завязывается страшная борьба: то человѣкъ у края бездны, то звѣрь; сверху съ грохотомъ падаютъ камни, въ горахъ слышатся раскаты грома; вѣтеръ гудитъ и свиститъ совсѣмъ уже вблизи: все предвѣщаетъ бурю. На минуту серна останавливается, изнемогая отъ потери крови и отъ страшныхъ усилій. Охотникъ уже торжествуетъ, но сильный орелъ кружится надъ нимъ въ воздухѣ, собираясь столкнуть его въ пропасть своими могучими крыльями. Высвободивъ одну руку, охотникъ выхватываетъ свой ножъ, и вонзаетъ его въ горло животнаго; потомъ быстро отползаетъ отъ пропасти и, принявъ болѣе удобное положеніе, цѣлится въ орла. Но орелъ скрылся, а охотникъ начинаетъ немедленно потрошить серну, рубитъ ей рога и, связавъ ноги, взваливаетъ добычу себѣ на плечи. Иному приходится тащить на себѣ заразъ нѣсколько сернъ, но, чѣмъ тяжелѣе его ноша, тѣмъ счастливѣе охотникъ; онъ не стыдится своего изорваннаго въ лохмотья платья, не жалѣетъ своего израненнаго и исцарапаннаго лица и рукъ; напротивъ, если у него за плечами тяжелая ноша, — онъ не чувствуетъ подъ собою ногъ. Но богатая добыча всегда дорого стоитъ охотнику. Проводя всю жизнь среди ужасныхъ опасностей и лишеній, охотники чрезвычайно рѣдко умираютъ естественною смертію.

Альпійскія пастбища.—Торжественный выгонъ скота въ первый день весны.—Смышленность альпійскаго рогатаго скота.—Шалэ и ихъ назначеніе.—Жизнь пастуха.—Aelplerkilwi.

Альпійская область изобилуетъ множествомъ зеленыхъ, травянистыхъ пастбищъ, на которыхъ тысячи стадъ находятъ сочную, питательную пищу.

Когда наступаетъ весна, Альпы необыкновенно оживляются: онѣ не только покрываются зеленью и цвѣтами, но и стадами рогатаго скота. Первый день весны вноситъ много оживленья и веселья въ однообразную жизнь горцевъ: они со своими стадами изъ долинъ переходятъ на горы, въ шалэ, чтобы тамъ заниматься лѣтнимъ хозяйствомъ. Да и скоту несравненно полезнѣе быть лѣтомъ въ горахъ: множество альпійскихъ травъ даетъ ему превосходный, ароматическій кормъ; здѣсь солнце не такъ жжетъ, какъ въ долинѣ; слѣпни не тревожатъ, а если животнымъ и приходится терпѣть отъ насѣкомыхъ, то скворцы и другія птички, бѣгающія вокругъ стада, избавляютъ ихъ отъ этихъ враговъ. Такъ какъ воздухъ на горахъ свѣжѣе и здоровѣе, чѣмъ въ долинѣ, то и скотъ кажется бодрѣе, веселѣе и несравненно умнѣе. Вотъ почему первый день весны большой праздникъ не только для пастуховъ, но и для самого скота.

Еще задолго до выгона дѣлается множество приготовленій; всѣ, кому нужно сопровождать стада, разряжены въ самыя лучшія праздничныя платья. Дѣвушки уже съ ранняго утра прикалываютъ букеты живыхъ цвѣтовъ къ своимъ шляпамъ, украшаютъ коровъ лентами, зелеными вѣтками и на ихъ широкіе, кожанные ошейники привѣшиваютъ большіе мѣдные колокола съ разноцвѣтными украшеніями. Потомъ скотъ собираютъ на лугу, устанавливаютъ порядокъ шествія и наконецъ даютъ сигналъ къ отправленію. Во главѣ кортежа, съ трубкою въ зубахъ, идетъ старшій скотникъ. Онъ несетъ на плечѣ чистый, бѣлый подойникъ; одѣтъ въ новый жилетъ ярко-краснаго сукна съ большими металлическими пуговицами, въ маленькой черной скуфейкѣ и въ поярковой шляпѣ. За нимъ идетъ передовая корова: это обыкновенно не только самая красивая, но и самая сильная изъ всѣхъ коровъ и поэтому она пестрѣе другихъ разукрашена и на ней виситъ самый большой звонокъ; за нею слѣдуетъ въ строгомъ порядкѣ нѣсколько лучшихъ головъ въ стадѣ. Посреди ихъ идетъ быкъ, у котораго между рогами привязана особаго рода скамеечка, назначенная для доенія коровъ и украшенная цвѣтами. При этомъ коровами овладѣваетъ необыкновенное честолюбіе: тѣ, которыя идутъ за передовою, такъ завидуютъ ея участи, что безпрестанно стараются стать передъ нею, впереди всѣхъ. Но пастухи, которые нарочно для этой цѣли идутъ по бокамъ, зорко наблюдаютъ, чтобы порядокъ не нарушался и палочными ударами напоминаютъ каждой о ея мѣстѣ. Когда стадо, которое состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ сотенъ коровъ, телятъ, козъ, барановъ и нѣсколькихъ свиней, двинется впередъ, пастухи стараются пѣть, какъ можно громче. Животныя не остаются глухи къ общему торжеству и со всѣхъ сторонъ раздается мычанье, блеянье, хрюканье. Это шествіе заключается обыкновенно нѣсколькими мулами, на которыхъ навьючены снаряды, необходимые для производства сыра и масла, свалена одежда хозяевъ и пастуховъ.

Съ первымъ звономъ колоколовъ, который раздается издалека, все населеніе сбѣгается посмотрѣть на любимое зрѣлище, которое бываетъ только разъ въ году, и въ которомъ, что нужно также помнить, лично заинтересовано большинство жителей. Скотъ для горца считается первымъ богатствомъ, почти единственнымъ источникомъ его существованія и счастія; вотъ почему его первыя заботы и любовь сосредоточиваются на

немъ. Каждый вечеръ горецъ выходитъ изъ своей хижины и, обращаясь лицомъ къ Альпамъ, гдѣ пасутся его стада, произноситъ молитвы, въ которыхъ онъ прежде всего проситъ сохранить свое стадо, и потомъ уже испрашиваетъ милости для своего семейства. Затѣмъ онъ произноситъ заклинаніе, которое, по его понятіямъ, должно оградить его стада отъ всякой напасти. «Св. Петръ», произноситъ онъ,—«прегради путь медвѣдю, сдѣлай безвредными зубы волка, когти рыси, прегради камню его скачекъ». Тотъ, которому принадлежитъ до 25 коровъ, считается уже крупнымъ владѣльцемъ, дѣлаетъ сыръ на продажу и называется *armailli* или *fromager*. Поручивъ свой скотъ пастуху, эти armailli въ день выгона вмѣстѣ со своими стадами и семействами отправляются въ шалэ вести молочное хозяйство.

Столько говорятъ о живописной архитектурѣ шалэ, объ ихъ миловидности, уютности и прелести, что туристы бываютъ необыкновенно поражены, встрѣчая совсѣмъ противоположное. Шалэ—грубыя, небольшія постройки, иногда стоятъ уединенно посреди пастбища, иногда же скучены цѣлыми группами, какъ какое-нибудь селеніе; то напоминаютъ они пещеру съ какой-то пристройкой, такъ какъ они очень часто бываютъ прислонены къ скалѣ. Такъ какъ такой домикъ обыкновенно сплошь обростаетъ зеленью,—кленъ или каштановое дерево свѣшиваютъ на него свои чудныя вѣтви, то издали онъ и представляется дѣйствительно чѣмъ-то въ высшей степени граціознымъ и поэтическимъ. Но стоитъ только подойти ближе, чтобы совсѣмъ разочароваться: грязный входъ въ шалэ ведетъ въ еще болѣе грязную, закоптѣлую комнату безъ трубы, въ которой дымъ выходитъ, какъ и вездѣ въ лачугахъ, черезъ двери и щели стѣнъ и крыши. Очень часто въ одной и той же комнатѣ и спятъ, и ѣдятъ, и дѣлаютъ сыръ. Изъ мебели тутъ вы найдете самой незатѣйливой работы шкафъ, нѣсколько скамеечекъ для доенья и сидѣнья и столъ, придѣланный къ стѣнѣ, на шалнерахъ, для того, чтобы его раскинуть, когда это нужно, и тотчасъ опять привинтить, чтобы въ комнатѣ было больше мѣста. Тутъ же навалены кадки, бочки и виситъ огромный котелъ; въ немъ грѣется молоко, изъ котораго потомъ дѣлаютъ сыръ. У болѣе зажиточнаго хозяина большое шалэ раздѣлено на два отдѣленія, и для скота предназначается самое обширное помѣщеніе, которое, для предохраненія отъ сѣвернаго вѣтра, очень хорошо законопачено. Подъ такой удобный кровъ, скотъ весьма довѣрчиво бѣжитъ во время бури или зноя.

Но если такъ непривлекательна внутренность шалэ и его обстановка, за то васъ поразитъ необыкновенная опрятность во всемъ молочномъ хозяйствѣ и безукоризненная чистота посуды, которая служитъ для этого. Жизнь пастуха хотя и свободная, не тяжелая по работѣ, но подвержена многимъ опасностямъ. На крутыхъ пастбищахъ онъ по цѣлымъ днямъ сидитъ на краю пропасти, отъ времени до времени встряхивая палку, на которой навѣшаны колокольчики, и коровы тотчасъ отходятъ прочь отъ опаснаго мѣста. По этому же звону возвращается заблудившаяся корова въ свое стадо. За то пастуху часто приходится сидѣть подъ открытымъ небомъ и во время проливнаго дождя, мерзнуть въ холодные дни, часто не имѣя даже какой-нибудь несчастной кожи, чтобы прикрыться. Впрочемъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, кромѣ ничтожнаго жалованья отъ своего хозяина, удается кое-что добыть деревянными вещицами, которыя они мастерски умѣютъ вырѣзывать и сбывать туристамъ по довольно высокимъ цѣнамъ. Другимъ развлеченіемъ пастуху служитъ рожокъ или труба, на которыхъ они умѣютъ играть весьма искусно. Пастушеская мелодія надолго запоминается альпійскими коровами: когда начинаютъ ее наигрывать зимою, то она пробуждаетъ въ нихъ воспоминаніе о лучшей, горной жизни, и коровы начинаютъ метаться изъ стороны въ сторону, разбиваютъ свои

В. Васнецовъ

запоры, выбиваются изъ силъ до того, что перестаютъ иногда послѣ этого ѣсть въ продолженіи нѣсколькихъ дней.

Два раза въ день, а именно передъ разсвѣтомъ и въ 3 часа пополудни, пастухъ пригоняетъ свое стадо въ шалэ. Подоивъ коровъ, армальи вмѣстѣ съ пастухомъ садятся за общій столъ и ѣдятъ молоко съ накрошеннымъ черствымъ хлѣбомъ. Когда осенью стада возвращаются въ долину, порядокъ шествія и празднество, все бываетъ то же самое; но животныя и люди имѣютъ до того унылый, грустный видъ, что праздникъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ весеннимъ выгономъ.

Послѣ возвращенія стадъ съ горъ въ долину происходитъ главный праздникъ пастуховъ—*die Aelplerkilwi*. Праздникъ этотъ церковный, но онъ оканчивается различными увеселеніями народа. Въ немъ много древнихъ языческихъ обрядовъ. Утромъ въ праздничный день представители пастуховъ въ праздничномъ платьѣ, украсивъ сюртукъ и шляпу цвѣтами, отправляются въ церковь, гдѣ они занимаютъ, на особыхъ стульяхъ, почетныя мѣста. Изображеніе покровителя альпійцевъ св. Венделина ставятъ на алтарь, и призванный для этого праздника почетный проповѣдникъ совершаетъ богослуженіе и говоритъ проповѣдь. Потомъ представители пастуховъ приступаютъ къ причастію, а за ними уже и другіе. По окончаніи богослуженія передъ церковными дверями раздается сельская музыка, и всѣ присутствующіе торжественно выходятъ изъ храма въ величайшемъ порядкѣ, непремѣнно попарно. Впереди всѣхъ *Wildmannli*. Это въ высшей степени оригинально одѣтая парочка состоитъ изъ мужчины и женщины: *Wildmann* и *Wildweib* (дикій мужчина и дикая женщина). Оба они съ головы до ногъ обвѣшаны еловою корою, между которой тамъ и сямъ торчатъ маленькія вѣточки елокъ. У обоихъ на плечахъ молодыя елки съ корнями и оба одѣты въ маски съ длинными бородами изъ мха. Они хихикаютъ, смѣются, дѣлаютъ дикіе прыжки, отпускаютъ шутки и остроты и въ то же время метутъ улицу. Съ одной стороны сильный парень несетъ знамя пастуховъ съ изображеніемъ патрона, съ другой—музыка; сзади множество народа, всѣ съ знаменами. При этомъ нѣкоторые фантастически одѣты горными духами. Это шествіе съ музыкою отъ времени до времени останавливается, всѣ начинаютъ помахивать знаменами, подходятъ къ жилищу мѣстнаго священника, берутъ его съ собою и затѣмъ уже всѣ двигаются къ гостинницѣ, украшенной цвѣтами, гирляндами и обвѣшанной знаменами. Лишь только усѣлась публика за столъ, какъ начинаются тосты, впрочемъ весьма незамысловатые. «Дай Богъ здоровья пастухамъ, нашимъ женамъ и дочерямъ, духовенству. Пусть тучнѣютъ наши пастбища и процвѣтаетъ свобода. Да здравствуютъ наши союзники и да повергнутся въ прахъ наши враги» и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, послѣ обильнаго возліянія, одинъ изъ распорядителей встаетъ изъ-за стола, беретъ заранѣе приготовленные дары, которые обыкновенно состоятъ изъ нѣсколькихъ хлѣбовъ или блюда жаркого и нѣсколькихъ бутылокъ пива, и подаетъ все это бѣднымъ, которые стоятъ у гостинницы. Слѣдующій день начинается также службою въ церкви, во время которой поминаютъ усопшихъ членовъ братства пастуховъ, умершихъ въ послѣдній годъ. Затѣмъ наиболѣе краснорѣчивый изъ присутствующихъ говоритъ рѣчь, въ которой восхваляетъ труды и заслуги пастуховъ. Послѣ рѣчи входятъ «дикіе люди» и съ трудомъ, точно отъ величайшей тяжести, переваливаясь съ ноги на ногу, несутъ сыръ и подаютъ его въ даръ священнику; тотъ, въ свою очередь, тоже чѣмъ нибудь отдаривается. Поднося сыръ, Wildmannli говорятъ рѣчь, пересыпанную разными шутками, которая вызываетъ апплодисменты и крики одобренія въ толпѣ, но веселость достигаетъ высшаго предѣла, когда эта парочка начинаетъ перебраниваться въ грубыхъ стихахъ. Wildmann жалуется на то, что его жена плохая хозяйка, что она постоянно пересаливаетъ ему кушанье, не умѣетъ ни къ чему принаровиться въ домѣ, перебираетъ

всѣ ея качества и наконецъ называетъ ее простофилей и глупой. Wildweib даетъ ему не менѣе лестныя прозвища: она кричитъ, бранится, грозитъ, называетъ его игрокомъ, пьяницею и лѣнтяемъ. Эти празднества кончаются танцами молодежи и различными играми.

Альпійскіе козопасы.—Ихъ несчастная жизнь и опасности, которымъ они подвергаются.

Выше пастбищъ, гдѣ нѣтъ не только хорошихъ дорогъ, но и тропинокъ, гдѣ трава попадается развѣ маленькими клочками, слѣдовательно, куда не посылаютъ уже пастись рогатый скотъ,—тамъ бродятъ рѣзвыя стада козъ, картинно разсыпавшись по маленькимъ выступамъ и лужайкамъ. Около нихъ обыкновенно сидитъ, весь въ лохмотьяхъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти, 14-ти. Не смотря однако на эти лохмотья, у него свободная поступь и лицо дышетъ отвагою и холоднымъ спокойствіемъ возмужалаго человѣка. Стоитъ только туристу подняться на эту высоту—и козы тотчасъ поднимаютъ на гостя свои маленькія, красивыя мордочки и съ удивленіемъ смотрятъ на него нѣсколько минутъ. Если же онъ броситъ имъ корку хлѣба или щепотку соли, они навѣрно довѣрчиво побѣгутъ къ нему на встрѣчу. Стада козъ пригоняютъ лѣтомъ въ эти дикія, пустынныя мѣста для того, чтобы прокормить ихъ какъ можно дешевле. Ихъ оставляютъ здѣсь на рукахъ мальчика безъ всякаго ухода. Только по временамъ онъ посыпаетъ имъ горсточку соли на одну изъ скалъ и тѣмъ удерживаетъ ихъ тамъ, гдѣ нужно.

Эти козопасы ведутъ самую несчастную жизнь. Они оставляютъ долины весною и приходятъ въ горы совсѣмъ босикомъ, въ жалкихъ лохмотьяхъ и въ шапкѣ, которая плохо защищаетъ, какъ отъ солнечнаго зноя, такъ и отъ дождя. Весь багажъ мальчика состоитъ изъ перекинутой черезъ плечо котомки съ солью, хлѣбомъ и сыромъ. О теплой пищѣ они здѣсь, разумѣется, и подумать не смѣютъ. Въ двѣ недѣли разъ, а то и разъ только въ мѣсяцъ, имъ приносятъ пищу изъ долины. Вотъ ребенку и приходится по цѣлымъ мѣсяцамъ глодать не только совсѣмъ очерствѣвшій, но и заплѣсневѣвшій хлѣбъ и сыръ, превратившійся въ камень. Во время грозы и ливня онъ укрывается подъ выступомъ скалы, а то и просто сидитъ въ какой-нибудь сырой ямѣ, дрожа отъ холода и голода, безъ огня, безъ человѣческаго слова, не зная участія и ласки.

Но кто же рѣшается дозволить своему дитяти влачить такую несчастную жизнь? Когда у мальчика умираютъ родители, община, на рукахъ которой онъ долженъ остаться, чтобы даромъ не кормить его хлѣбомъ, обыкновенно старается пріискать ему какую-нибудь работу и посылаетъ его въ горы. Живя среди дикой природы, на каждомъ шагу лицомъ къ лицу съ страшными опасностями, постоянно бѣгая за козами, эти мальчики необыкновенно развиваютъ всѣ свои мускулы, члены и органы чувствъ. Тамъ, гдѣ по узкому карнизу даже мышь не рѣшится пробѣжать, козопасъ проходитъ самъ и проводитъ свое стадо. Напѣвая и насвистывая, онъ, какъ кошка, то лазаетъ по самымъ крутымъ горамъ, то беззаботно перескакиваетъ съ одного выступа на другой. Его зрѣніе развивается до замѣчательнаго совершенства. Онъ разсмотритъ не только серну на разстояніи полъ-мили, но подмѣтитъ даже каждое ея движеніе. Вотъ почему впослѣдствіи большинство изъ нихъ становится самыми отважными охотниками. И представить

себѣ трудно, до чего доходитъ смѣлость и ловкость козопасовъ. Когда коза сбивается съ дороги, или взбирается на выступъ скалы, козопасъ стремглавъ бѣжитъ ее спасать. Но жалобный крикъ животнаго привлекъ уже хищныхъ птицъ, которыя и парятъ надъ нимъ въ высотѣ. Ребенокъ, не задумываясь, замахивается на нихъ своею желѣзною палкою, бережно сжимаетъ свою козочку и теперь уже онъ скорѣе дозволитъ хищникамъ свалить себя въ пропасть, чѣмъ выпуститъ изъ рукъ свою ношу.

Когда коза падаетъ въ пропасть, козопасы (если только они въ это время бываютъ по близости), съ помощью веревки спускаютъ туда товарища. При этомъ они часто ошибаются въ принятомъ направленіи: тогда несчастный ребенокъ долженъ осторожно двигаться вдоль скалистыхъ стѣнъ, хватаясь за малѣйшія неровности; въ это время онъ обыкновенно ссаживаетъ себѣ кожу на лицѣ и рукахъ, страшно портитъ пальцы ногъ. Случается, что схватившись за одинъ выступъ и не видя передъ собою другаго, за который онъ могъ бы схватиться, онъ виситъ такъ иногда въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ: онъ не теряетъ присутствія духа, зорко ищетъ, за что бы уцѣпиться и такимъ образомъ, наконецъ, приближается къ козѣ. Но самое трудное въ этомъ нечеловѣческомъ предпріятіи—схватить животное съ узкаго выступа, затѣмъ стащить его съ собою, на краю ужасающей пропасти взвалить его себѣ на плечи и потомъ, придерживаясь только одною рукою, которая осталась свободною, притащить и привязать козу къ веревкѣ, которую держатъ вверху товарищи. Затѣмъ поднимаютъ вверхъ сперва животное, а потомъ и мальчика. И такимъ образомъ козопасу случается спуститься иногда нѣсколько разъ сряду. Но онъ не горюетъ: онъ съ ранняго дѣтства привыкъ къ опасностямъ и часто даже забавляется ими. Самое большое удовольствіе въ его дикой жизни, когда нѣсколько другихъ козопасовъ пригоняютъ свои стада пастись по сосѣдству съ нимъ. Мальчики сообща придумываютъ разныя забавы, которыя обыкновенно состоятъ въ томъ, что каждый старается перещеголять товарища, лазая на опаснѣйшія скалы и скатываясь съ отчаянною отвагой съ крутыхъ скалистыхъ хребтовъ. Когда, послѣ этого, они чувствуютъ усталость, то затягиваютъ слѣдующую пѣсню:

«Рано я выучился лазать по ущельямъ, утесамъ и узкимъ, дикимъ полосамъ, куда не могутъ забраться коровы. Навѣрное немного найдется смѣльчаковъ, которые осмѣлятся забраться туда, куда я пробираюсь съ своими козами... Поворачивай, чернявка; впередъ, кудрявая! двигайтесь, двигайтесь всѣ. Поднимайтесь выше, туда, гдѣ скачутъ граціозныя серны!

«Есть много бѣдныхъ людей, которымъ нечѣмъ кормить корову, за то у нихъ есть по крайней мѣрѣ козы. Не буду же пѣнять на судьбу, что я не армальи и не стану стыдиться, когда меня назовутъ козопасомъ.

«Не слишкомъ высоко, сѣрая! Тамъ вверху, въ тѣни, черезъ эту трещину, мы сегодня пройдемъ на Беницегъ. А! а! вотъ мы и на верху! Лавина гремитъ такъ, что наводитъ страхъ. Слышите ли вы, какъ трещитъ ледникъ? Трещи и шуми, сколько угодно, я могу лишь смѣяться надъ тобою... Черная, не такъ низко! не забирайтесь на тѣ полосы, оставайтесь на высотѣ!»

Но какое же вознагражденіе, спроситъ читатель, получаютъ эти дѣти за свое ремесло, сопряженное съ такими опасностями, лишеніями и трудами? Съ козы по франку въ лѣто и — самое большое по полутора, что на наши деньги составитъ копѣекъ 35, плата до того ничтожная, что козопасъ часто едва можетъ справить себѣ теплое платье.

Косцы и дровосѣки.—Опасности, которыми они окружены.

Дикая и неумолимая альпійская природа, со своими гибельными, суровыми явленіями, тяжелѣе всего, разумѣется, отзывается на рабочемъ людѣ, который имѣетъ съ нею постоянное, непосредственное сношеніе. Мы только что видѣли несчастную, исполненную всевозможныхъ опасностей жизнь козопаса; теперь намъ предстоитъ поговорить о занятіи косцовъ и дровосѣковъ и, право, затрудняешься, которому изъ этихъ занятій отдать предпочтеніе по ничтожеству получаемаго заработка, по безотрадному бездолью и тѣмъ смертельнымъ опасностямъ, которыми онѣ окружаютъ рабочаго на каждомъ шагу.

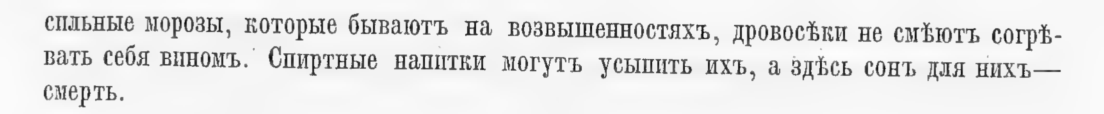
Сѣнокосъ на Альпахъ начинается въ августѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ сентябрѣ. Косецъ отправляется въ путь еще наканунѣ. Какъ передъ вѣчной разлукой, каждый разъ прощается онъ съ женою и дѣтьми. Даже вчужѣ тяжело глядѣть на это расставаніе. Всѣ члены семьи, не исключая и дѣтей, изъ которыхъ старшій очень часто идетъ съ отцомъ на подмогу,—сумрачны и печальны. Вѣдь эту обязанность несутъ на себѣ бѣдняки; какой же ударъ для жены, какая нищета ждетъ семью впереди, если не вернется съ работы отецъ—вся ея надежда и поддержка! Бѣдныя малютки! Община, чтобы избавиться отъ новыхъ нищихъ, навѣрно сдѣлаетъ ихъ козопасами или разошлетъ въ горы—прислуживать по гостинницамъ. Тяжести, которыя имъ по нѣскольку разъ въ день придется таскать изъ долины въ гору, въ три погибели согнутъ ихъ еще неокрѣпшія спины, сдавятъ мозгъ такъ, что потомъ уже трудно будетъ вмѣстить въ него какую бы то ни было науку; вотъ почему такимъ мальчикамъ приходится вѣчно оставаться вьючными животными.

Главныя принадлежности косца, которыя онъ беретъ съ собою,—коса, окованная желѣзомъ, палки, крюки, большая сѣть или большой холщевый платокъ для переноски сѣна и шкура, чтобы прикрыться во время ливня. Онъ надѣваетъ камзолъ съ капюшономъ изъ грубаго полотна, беретъ еще мѣшокъ съ кое-какой провизіей, а иногда и козу, чтобы питаться ея молокомъ. Часто высокія, скалистыя стѣны, которыя возвышаются почти вертикально на нѣсколько сотъ футовъ выше самыхъ высокихъ пастбищъ, бываютъ великолѣпно увѣнчаны чудной, зеленой травой. Вотъ туда-то, куда не рискнетъ взлѣзть мало-мальски обезпеченный человѣкъ, лѣзетъ бѣднякъ со своимъ сыномъ. Отъ непривычной долгой ходьбы раскраснѣвшееся личико малютки то и дѣло покрывается смертельною блѣдностью. Онъ проходитъ по самой узкой тропинкѣ, окруженной страшными рвами. Черезъ минуту картина мѣняется, и онъ идетъ уже бодрѣе, вглядываясь въ бурный потокъ, который реветъ у его ногъ и пѣнится серебристыми клубами, только отъ времени до времени отводя глаза отъ зіяющихъ пропастей. За то, какимъ счастьемъ блестятъ его глазки, когда, добравшись наконецъ до мѣста, куда они шли, онъ стоитъ съ отцомъ надъ тѣми высокими горами, о которыхъ еще вчера думалъ съ такимъ ужасомъ, и гордо посматриваетъ внизъ, на темные лѣса, на крыши шалэ, блестящія при солнечномъ свѣтѣ. Скала, на которую взбирается косецъ, состоитъ по большей части изъ слоевъ шифера, известняка и доломита. Время и вода тамъ и сямъ разъѣли и разрушили нѣкоторые изъ этихъ слоевъ, такъ что они выступаютъ карнизами или образуютъ что-то въ родѣ разныхъ украшеній этому гигантскому фасаду. Карнизы эти толщиною бываютъ иногда только въ нѣсколько дюймовъ, часто покрыты клочками невысокой, нѣжной, душистой зелени съ тонкимъ стеблемъ; вотъ по нимъ-то и пробирается косарь. Онъ постоянно видитъ передъ собою съ одной стороны отвѣсную скалу,

которая возвышается до зубцовъ вершины, съ другой—такой же отвѣсный обрывъ, который теряется въ неизъяснимо-страшной глубинѣ. Отъ бѣганья козъ, что пасутся часто надъ его головою, безпрестанно обрываются камни, которые сразу могутъ положить его на поваль... Рыхлые, узкіе и тонкіе слои карнизовъ, на которыхъ онъ скашиваетъ траву, могутъ оборваться каждую минуту и увлечь съ собою работника въ мрачную бездну. На той высотѣ, гдѣ онъ коситъ, часто даже и среди лѣта, снѣгъ засыпаетъ всѣ проходы, и тогда ему еще труднѣе и опаснѣе пробираться по нимъ. Но онъ хладнокровно смотритъ на всѣ эти опасности и бодръ, когда стоитъ хорошая погода, такъ какъ онъ успѣваетъ тогда много накосить и просушить сѣна. Но случившійся ливень можетъ сразу погноить все сѣно или увлечь его внизъ; сильные вѣтры, которые тутъ продолжаются по нѣскольку дней, могутъ до послѣдняго клочка разметать все сѣно.

Туманы, которые въ горахъ бываютъ часто и продолжаются по цѣлымъ недѣлямъ, представляютъ еще болѣе ужасное бѣдствіе для косца: они иногда совсѣмъ плотно заволакиваютъ собою дороги, скрываютъ самое небо. Въ такихъ случаяхъ въ шалашахъ обыкновенно звонятъ, чтобы человѣку, застигнутому ими врасплохъ, дать возможность попасть въ какое-нибудь человѣческое жилье. Этотъ звонъ необходимъ также для пастуховъ, которые, сбившись въ это время съ дороги, могутъ наткнуться на опасность. Когда наступаютъ такіе туманы, сѣно, разумѣется, сушится очень плохо, а если они продолжительны, то оно окончательно портится. Когда сѣно высушено и если скала, съ которой оно было скошено, не слишкомъ крута и высока, то косецъ связываетъ въ сѣти и холщевые платки и сбрасываетъ на болѣе низкіе уступы. Но если на скатѣ онъ замѣтитъ много кустарниковъ или пней, за которые могутъ зацѣпиться его тюки, онъ поступаетъ иначе. Тюки съ сѣномъ онъ взваливаетъ къ себѣ на плечи, нѣсколько разъ укрѣпляетъ ихъ еще веревками и такимъ образомъ спускается внизъ, часто ступая по такимъ узкимъ карнизамъ, на которыхъ едва помѣщается нога человѣческая. При этомъ косецъ можетъ зацѣпиться за выступъ скалы (это еще легче можетъ случиться, когда сѣно связано въ сѣтки), тогда онъ теряетъ равновѣсіе и падаетъ въ пропасть.—Сухое сѣно складываютъ въ сѣновалы, построенные въ мѣстахъ, гдѣ гора менѣе крута. Тѣ, у которыхъ ихъ нѣтъ, складываютъ его въ стога, огораживая ихъ кольями и накладывая на нихъ сверху тяжелые камни, чтобы защитить ихъ отъ ливня и вѣтра. Часто однако, когда приходятъ за этимъ сѣномъ зимою, часть его бываетъ съѣдена сернами, зайцами и другими проголодавшимися животными. Зимою косецъ приходитъ къ своему сѣновалу съ санками на плечахъ. Онъ сваливаетъ сѣно въ сани, крѣпко привязываетъ его, садится самъ спереди и начинаетъ раскачиваться въ ту и другую сторону (какъ мы это дѣлаемъ, чтобы скатиться съ горы во время масляницы), и черезъ минуту сани уже летятъ съ быстротою молніи. Но опасность и тутъ подстерегаетъ его. Во время сильныхъ морозовъ на высотахъ часто дуетъ теплый вѣтеръ; тогда снѣгъ сваливается съ высотъ и засыпаетъ косца со всѣмъ его сокровищемъ. Если онъ очутится въ долинѣ со своими санками и сѣномъ здравъ и невредимъ, то этому помогло его отличное знакомство со всѣми неровностями мѣстности и замѣчательная вѣрность взгляда, помогающая ему обыкновенно выбирать именно такое направленіе, при которомъ онъ можетъ избѣжать всевозможныхъ опасностей.

Дровосѣковъ ждутъ такія же опасности, такая же суровая жизнь, какъ и косцовъ. Въ башмакахъ, подбитыхъ шипами, они, какъ обезьяны, влѣзаютъ на самыя высокія деревья и обрубаютъ вѣтви со ствола до самой верхушки, свѣсившись надъ пропастью. Когда дерево очищено, его начинаютъ рубить у корня, но если оно такъ толсто, что топоръ его не прохватитъ, то дровосѣки доканчиваютъ его уже пилой.—Не смотря на


сильные морозы, которые бываютъ на возвышенностяхъ, дровосѣки не смѣютъ согрѣвать себя виномъ. Спиртные напитки могутъ усыпить ихъ, а здѣсь сонъ для нихъ—смерть.

Искуственныя дороги и мосты.—Страннопріимные монастыри.

Чтобы сдѣлать страну доступною для торговой и мануфактурной дѣятельности и для сношеній, какъ внутреннихъ такъ и съ иностранными державами,—много пришлось поработать уму человѣческому на неприступныхъ Альпахъ. Теперь только немногія высокія, скалистыя горы, гдѣ нѣтъ никакой жизни, недоступны для изслѣдованія; за исключеніемъ же ихъ, всѣ остальныя изрѣзаны множествомъ дорогъ, которыя идутъ по всевозможнымъ направленіемъ. Трудно пересчитать тысячи искуственныхъ мостовъ, смѣло переброшенныхъ чрезъ мрачныя пропасти, черезъ пѣнящіеся потоки, галлерей, пробитыхъ въ скалахъ, и хорошо защищенныхъ дорогъ, идущихъ нескончаемыми зигзагами и извилинами на самыхъ негостепріимныхъ высотахъ. Повороты такихъ дорогъ по большей части поддерживаются стѣнами и, если будешь смотрѣть на нихъ сверху, то взору представится родъ бастіоновъ, нагроможденныхъ одинъ на другомъ. Галлереи обыкновенно стараются устроить какъ можно прочнѣе, чтобы защищать людей и животныхъ отъ обрыва лавинъ. Падающія лавины скользятъ по крышѣ, но тотъ, кто укрылся въ галлереѣ, только слышитъ страшный шумъ, когда лавина проходитъ надъ его головою. Эти галлереи устраиваютъ также у подошвы ледниковъ. Когда льдины и снѣгъ отрываются съ высотъ и заваливаютъ проходы, то дорожные работники тотчасъ очищаютъ дорогу. Эти горныя дороги постоянно оживлены. Здѣсь ежегодно проходятъ многія тысячи рогатаго скота на итальянскую ярмарку стада овецъ, чтобы провести лѣто на высокихъ Альпахъ. На болѣе опасныхъ проходахъ, иногда миновавъ до 50-ти всевозможныхъ извилинъ, достигаешь страннопріимнаго монастыря.

Чаще всего такіе монастыри находятся выше границы вѣчныхъ снѣговъ, гдѣ, по причинѣ постоянныхъ холодовъ, вьюгъ и мятелей, дороги бываютъ такъ опасны, что каждый годъ поглощаютъ множество жертвъ. То провалится какой-нибудь путешественникъ въ пропасть, то засыпетъ его лавиной, то туманъ заставитъ сбиться съ дороги и онъ гибнетъ отъ голоду и усталости въ этой дикой пустынѣ; то наконецъ застигнетъ путника сонъ, отъ котораго ему не суждено уже проснуться. Вотъ монастыри и основываются на такихъ негостепріимныхъ пунктахъ съ цѣлью дать пріютъ, вырвать изъ рукъ смерти или оказать, по крайней мѣрѣ, хоть какую-нибудь помощь погибающимъ. И помощь эту монастыри оказываютъ каждому нуждающемуся въ ней, безъ различія религіи и общественнаго положенія. Такихъ страннопріимныхъ монастырей на Альпахъ до 15; они вовсе не блестятъ внѣшностью: это весьма простыя, прочныя зданія, построенныя изъ камня, съ толстыми стѣнами. Управители такихъ пріютовъ не только спасаютъ погибающихъ, но, если позволяютъ средства, даютъ даромъ пищу и проходящимъ мимо бѣднякамъ. Когда дурная погода окончательно мѣшаетъ путешественнику продолжать свой путь, то онъ идетъ въ монастырь. Одинъ изъ монаховъ встрѣчаетъ его, отводитъ въ трапезную и тотчасъ предлагаетъ ему супъ, рюмку водки или цѣлый обѣдъ, если это обѣденное время. Если уже поздно, то путешественника отводятъ въ чистую, хорошо вытопленную комнату. Всѣ услуги оказываются съ пол-

нымъ радушіемъ и совершенно безвозмездно, хоть и есть обыкновеніе, чтобы тѣ, кто можетъ, опускали въ церковную кружку то, что стоитъ предложенный имъ обѣдъ.

Собаки оказываютъ при этомъ человѣку необыкновенную услугу: лишь только приближается буря, какъ между ними уже замѣтно безпокойство. Тогда въ монастыряхъ начинаютъ звонить въ колокола, и монахи, въ сопровожденіи собакъ, отправляются на поиски, вооруженные палками, носилками и съѣстными припасами. Когда собаки начинаютъ особенно тщательно обнюхивать какое-нибудь мѣсто, монахи удваиваютъ свое вниманіе и разгребаютъ снѣгъ. Такъ какъ собаки часто сами выбѣгаютъ на поиски, то имъ обыкновенно привязываютъ на шею корзинку съ ѣдой или бутылку вина, иногда же кладутъ на спину и шерстяное одѣяло. Если отрываемые ими люди приходятъ сами въ чувство и могутъ утолить свой голодъ, то собаки приводятъ ихъ въ монастырь; если же онѣ найдутъ окоченѣлаго человѣка, то кратчайшими дорогами бѣгутъ домой, громко лаютъ и ведутъ монаховъ къ несчастному. Одна такая собака, по имени Бари, изъ монастыря св. Бернарда, была необыкновенно дѣятельна въ отыскиваніи погибающихъ. На своемъ вѣку она спасла жизнь болѣе чѣмъ 40 человѣкъ и этимъ прославилась такъ, что была послѣ смерти воспѣта въ стихахъ нѣсколькими поэтами. При жизни же она пользовалась такимъ уваженіемъ посѣтителей, что къ ней приближались не иначе, какъ снимая передъ нею шляпу и подавая ей руку.

Тѣ, которые посвящаютъ себя служенію въ этихъ монастыряхъ, терпятъ страшные лишенія и негзгоды. Въ странноприимномъ монастырѣ Св. Бернарда (на высотѣ 7.368 ф.), на С. Готтардѣ (6.388 ф.) и въ тѣхъ, которые построены такъ же высоко, бываетъ до 8 или 9 зимнихъ мѣсяцевъ. Даже лѣтомъ здѣсь иногда такъ холодно, что вода замерзаетъ. Во весь годъ едва наберется десятокъ ясныхъ дней; безпрестанныя бури, снѣжныя вьюги и туманы дѣлаютъ погоду невыносимой. Часто и въ лѣтніе дни снѣгъ падаетъ здѣсь большими хлопьями, а зимою—мелкими, ледяными кристаллами, которые въ вѣтряную погоду пробиваются чрезъ щели дверей и оконъ. Служащіе въ этихъ монастыряхъ выходятъ на поиски за несчастными во всякое время. Дороги заметены снѣгомъ, а они все таки отправляются, хоть имъ и приходится шагать по сугробамъ, безпрестанно проваливаясь, едва подвигаясь, по поясъ въ снѣгу. Идутъ и тогда, когда лавины падаютъ съ горъ и угрожаютъ безпрестанно засыпать или раздавить ихъ. Монахи поступаютъ сюда на 20-мъ году своей жизни и обязываются прослужить 15 лѣтъ; но большинство изъ нихъ умираетъ гораздо раньше этого срока отъ чрезмѣрной суровости климата или жертвою самоотверженія въ поискахъ за погибающими.

Снѣжная область отъ 7,000 до 14,000 футовъ надъ уровнемъ моря. — Грозныя явленія природы въ этой области.—Красный снѣгъ.

Надъ послѣдними зелеными ступенями горъ, надъ громадными сѣрыми скалами, разстилается безмолвная снѣжная область, рѣзко выдѣляясь изъ ночной темноты, она величественно смотритъ въ долины, фантастически облитая свѣтомъ луны. Когда на небѣ загорается заря, вершины бѣлыхъ зубцовъ сначала кажутся облитыми кровью, а затѣмъ начинаютъ горѣть золотомъ и брилліантами. Снѣжная область представляетъ разорванныя вершины горъ да круто поднимающіеся гребни. О высокихъ равнинахъ

здѣсь нѣтъ и помину, есть только ледяныя котловины, да наклонныя снѣжныя ямы. Безчисленные высокіе пики снѣжной области стоятъ обыкновенно голые и часто совершенно отвѣсно подымаются изъ снѣжной поверхности на 2, а то и на 5 тыс. фут. Сіяющія снѣжныя вершины, пустыня высокія долины, наполненныя обломками и льдомъ, черныя, бурыя, сѣрыя безконечныя стѣны скалъ—вотъ, что вы встрѣтите здѣсь прежде всего. Чаще всего тутъ передъ вами разстилаются громадные ледники, издали впрочемъ представляющіеся бѣлыми, узкими полосами. Кое гдѣ на нихъ видны глубокіе трещины и блестящая игра свѣта на ихъ поверхности. Чѣмъ выше, тѣмъ болѣе отвѣсныхъ пиковъ, мрачныхъ горъ, окутанныхъ непроницаемымъ туманомъ, и наконецъ ледниковъ; все болѣе мрачный, суровый оттѣнокъ принимаетъ все окружающее. На всемъ печать однообразія и безжизненности. Тутъ царство смерти и вѣчной зимы, страна, полная ужаса, съ колоссальными явленіями природы и безконечными лабиринтами; міръ громадныхъ снѣжныхъ полей, покрывающихъ собою высоты, которыхъ еще не касалась нога человѣка. Только самая незначительная часть, самые крошечные уголки этихъ безконечныхъ снѣговъ и ледяныхъ морей были изслѣдованы учеными, которые, рискуя на каждомъ шагу своею жизнію, подымались на эти высоты, чтобы дѣлать различныя наблюденія.

На 6,500 ф. высоты уже прекращаются человѣческія жилища. Впрочемъ на Монтъ-Розѣ есть хижина на 8,000 ф. Но еще выше стоитъ, теперь покинутый, мѣдный заводъ—на высотѣ 10,086 ф.; въ немъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ежегодно работали по 2 мѣсяца въ году. Утреннія и вечернія сумерки здѣсь очень коротки: тамъ или свѣтъ, или совершенная тьма. Мгновенно свѣтаетъ и точно также быстро наступаетъ ночь послѣ заката. На этихъ высотахъ вообще господствуетъ непогода; густые туманы, рѣзкіе вѣтры, ударяя о скалы, издаютъ дикіе, потрясающіе звуки; сильныя бури съ громомъ и трескомъ, яростные потоки съ грознымъ завываніемъ, снѣжныя лавины и безпрестанные обвалы льдинъ,—всѣ эти грозныя явленія держатъ въ постоянномъ страхѣ обитателей внизу лежащихъ долинъ. Но за то это первая школа горца, вырабатывающая въ немъ мужество, отвагу и самое искреннее желаніе помочь другому, такъ какъ онъ знаетъ, что каждую минуту самъ можетъ быть въ страшной опасности.

Снѣгъ горныхъ вершинъ по всему отличается отъ обыкновеннаго: при большемъ холодѣ на высотахъ, при чистотѣ и суровости воздуха,—онъ тамъ легче, суше и падаетъ большею частію въ формѣ ледяныхъ иголокъ или звѣздочекъ, но очень рѣдко хлопьями, какъ это бываетъ въ долинахъ. На 9.000 ф. только изрѣдка идетъ дождь, а на высотѣ 11,000 ф. никогда. Поэтому нужно было бы ожидать, что на высокихъ Альпахъ скопляются и громоздятся снѣжныя груды неизмѣримой высоты. Однако множество причинъ мѣшаетъ этому. Частыя лавины и вѣтры сильно содѣйствуютъ освобожденію высотъ отъ снѣга. Солнечные лучи на высотахъ дѣйствуютъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, и растопляютъ отъ времени до времени твердый ледяной покровъ. На большихъ высотахъ, какъ мы уже сказали, не бываетъ дождя; тоже замѣтили и относительно снѣга. На высотѣ 7 и 8 т. ф. впродолженіи сутокъ онъ падаетъ безпрестанно и выпадаетъ величайшими массами, а выше и ниже количество снѣга значительно уменьшается. Извѣстно, чѣмъ выше мы поднимаемся на горы, тѣмъ становится холоднѣе. И это понятно. Атмосфера на высокихъ горахъ гораздо рѣже, слѣдовательно теплота земли можетъ оттуда гораздо скорѣе проникать въ пространство; поэтому запаса теплоты тамъ меньше и температура несравненно ниже, чѣмъ въ долинахъ. Можно бы было думать, что при такихъ условіяхъ на вершинахъ господствуетъ жестокая зимняя стужа; но множество ученыхъ наблюденій доказали, что въ сѣверной и южной Германіи и въ нѣкото-

рыхъ низменныхъ частяхъ Швейцаріи зима бываетъ иногда гораздо холоднѣе и термометръ опускается гораздо ниже, чѣмъ въ горахъ, лежащихъ выше границы вѣчнаго снѣга. Въ солнечные дни тамъ бываетъ иногда даже очень тепло. Это будетъ понятно, когда мы вспомнимъ, какъ энергично дѣйствуютъ здѣсь лучи солнца, которые еще усиливаются свѣтомъ, отражаемымъ отъ снѣга. Путешественники, которые карабкаются на горы полюбоваться красотами природы, не говоря уже о боли въ глазахъ, противъ которой они должны защищаться синими очками или густыми вуалями, обыкновенно подвергаются тамъ до такой степени сильному зною солнца, что ихъ лицо и руки страшно распухаютъ и сверху покрываются огромными пузырями. Даже на высотѣ 10,000 ф., на хорошо расположенныхъ, освѣщенныхъ солнцемъ скалахъ, теплота доходитъ до 20° и даже до 28° Р. Въ нижнихъ частяхъ этихъ вершинъ есть что-то въ родѣ перемѣнъ года. Зимою выпадаетъ много снѣга; весною, лѣтомъ и осенью идетъ дождь; въ воздухѣ становится довольно тепло, и на оазисахъ, которые тамъ и сямъ встрѣчаются въ этихъ поясахъ, тотчасъ появляется животная и растительная жизнь. Бабочки весело порхаютъ около только-что распустившихся цвѣтовъ; пауки, жуки, черви, наливочныя животныя, а иногда и красивый каменный баранъ и легконогая серна проходятъ по молодой растительности. Но эта жизнь длится очень не долго и теплыхъ часовъ и дней недостаточно, чтобы одолѣть громадныя массы снѣга, выпавшія въ холодное время. Смертельный холодъ мятелей, трескучіе морозы, туманы и градъ смѣло врываются въ только-что пробуждающуюся область.

На этихъ же высотахъ (отъ 7 до 9 т. ф. надъ уровнемъ моря) иногда представляется взору въ высшей степени поразительное явленіе. Поверхность снѣга, и это всегда бываетъ на старомъ снѣгѣ и никогда на только что выпавшемъ, на большихъ пространствахъ, какъ дымкою, покрыта легкимъ налетомъ краснаго цвѣта. Иныя мѣста окрашены живѣе въ ярко-красный цвѣтъ; къ краямъ же красный цвѣтъ блѣднѣетъ и переходитъ въ желтоватый оттѣнокъ; подъ слѣдами ногъ блѣдный цвѣтъ обыкновенно переходитъ въ кроваво-красный. Посредствомъ микроскопа удалось доказать, что этотъ красный снѣгъ ни болѣе ни менѣе, какъ простыя водоросли, слѣдовательно, самыя низшія растенія. Затѣмъ, замѣтили еще, что эта снѣговая водоросль находится всегда въ обществѣ съ микроскопическими инфузоріями.

Ледники.—Какую пользу они приносятъ.—Ручейки и озерки.—Голубые своды надъ потоками.—Цвѣтъ ледника.—Вкусъ его воды.—Отчего происходятъ трещины.

Ледники, иначе называемые *глетчерами*, — гигантскія ледяныя массы. Они имѣютъ видъ громадныхъ замерзшихъ рѣкъ и покрываютъ покатости горъ, а часто и чрезвычайно обширныя между ними углубленія. Для физіономіи снѣговой области глетчеровый міръ имѣетъ величайшую важность, такъ какъ онъ покрываетъ большую часть ея нижней половины. По одному этому можно себѣ представить, сколько должно быть ледниковъ въ Альпахъ: ихъ считаютъ болѣе 600, и въ длину величайшіе изъ нихъ имѣютъ 24 и даже 40 верстъ; въ ширину версты четыре и болѣе. Однимъ словомъ поверхность всѣхъ ледниковъ, взятыхъ вмѣстѣ, такъ велика, что составитъ приблизительно пространство трехъ кантоновъ средней величины. Глетчеры иногда имѣютъ видъ огромныхъ неподвижныхъ морей, но они избѣгаютъ остроконечныхъ конусообразныхъ горъ, а

20

большія ищутъ себѣ мѣста въ горной равнинѣ, гдѣ могутъ накопляться большіе массы снѣга. Внѣшность глетчеровъ очень разнообразна: они тянутся по глубинѣ спускающихся внизъ долинъ, наполняя ихъ льдомъ по всей ширинѣ; при этомъ они слѣдуютъ всѣмъ кривизнамъ, извилинамъ, съуженіямъ и расширеніямъ долинъ. Случается, что два глетчера сталкиваются въ одной и той же долинѣ; оба ледяные потока соединяются въ одинъ общій потокъ и тогда уже глетчеръ представляется огромнымъ ледянымъ моремъ. Отдѣльными своими рукавами онъ далеко спускается въ нижнія долины и фантастически свѣшивается на сочную зелень луговъ. Распространеніе глетчеровъ въ высшей степени измѣняетъ развитіе органической жизни. Глетчеры гораздо болѣе ей враждебны, чѣмъ снѣгъ. Снѣгъ защищаетъ и охраняетъ зерна растеній, глетчеръ же губитъ все. Онъ не согрѣваетъ земли, и все живое (за немногими исключеніями) бѣжитъ отъ него, какъ отъ царства смерти. Серны, каменный баранъ и другія животныя избѣгаютъ ледника, пока желаніе спастись отъ преслѣдованія не загонитъ ихъ туда. Птица не находитъ тамъ никакой добычи, даже насѣкомыя, исключая одной странной глетчеровой блохи, избѣгаютъ ледниковъ, лишенныхъ цвѣтовъ и растительности, и опасаясь холодовъ ледянаго моря. Но на ихъ берегахъ уже являются трава и животныя. Думаютъ даже, что близость глетчеровъ, ихъ влажность и свѣжесть, которую они щедро распространяютъ вокругъ, очень помогаетъ роскошной растительности. И какое величественное зрѣлище представляютъ эти громадныя, оцепенѣлыя ледяныя моря съ пышными травами, буками и соснами по берегамъ!

Глетчеры приносятъ и много пользы. Они питаютъ большія швейцарскія рѣки и снабжаютъ водой равнины. Кромѣ того воды, вытекающія изъ глетчера, содержатъ въ своемъ илѣ много частицъ, полезныхъ для растительнаго міра. Поэтому въ Валлисѣ его часто употребляютъ для удобренія луговъ, виноградниковъ и садовъ. Издали глетчеръ представляетъ плоскую, цѣльную поверхность, и только, когда взойдешь на него, замѣтишь множество трещинъ, и по нимъ, да и по всей его поверхности, струится безчисленное множество большихъ и малыхъ жилъ воды. Эти ручейки происходятъ отъ таянія глетчера; часто они текутъ по три и по четыре вмѣстѣ и тамъ, гдѣ они сливаются, образуютъ небольшое зеленое озерко, изъ котораго въ свою очередь вытекаетъ уже объемистый источникъ. Но у нижняго конца глетчера всѣ эти водяныя жилы соединяются между собой вмѣстѣ въ одинъ большой зеленоватый, а то и совсѣмъ грязный потокъ. Тутъ же у самаго своего конца глетчеръ часто образуетъ сводъ (въ 100 ф. въ вышину и отъ 40 до 80 въ ширину), напоминающій просторные, высокіе ворота прелестнаго голубаго цвѣта, изъ подъ которыхъ и вытекаетъ шумно потокъ, а иногда показывается и въ видѣ каскада съ блестящими ярыми волнами, бурно прыгающими въ разныя стороны. Кромѣ того ледникъ усѣянъ множествомъ отверстій, стѣнки которыхъ чуднаго голубаго цвѣта: онѣ или совершенно пусты, или наполнены синеватой водой. Нѣкоторыя изъ этихъ отверстій или дыръ бываютъ чрезвычайно глубоки. Напримѣръ, на нижнемъ Аарскомъ глетчерѣ глубина такой дыры была въ 780 футовъ. Трудно точно опредѣлить цвѣтъ глетчера. Путешественникъ нерѣдко замѣчаетъ голубоватый паръ, выходящій изъ трещинъ, иногда онъ мѣняется изъ свѣтлоголубаго въ темносиній. Но если вы отобьете кусокъ льда, въ рукахъ онъ будетъ казаться безцвѣтнымъ. Другая особенность глетчернаго льда—его острый, вяжущій вкусъ. Чистая, совершенно свѣжая вода съ глетчера негодна для питья: она безвкусна, увеличиваетъ жажду и производитъ поносъ. Когда пастухамъ далеко идти за водой, они берутъ кусокъ льда съ глетчера, кладутъ гдѣ нибудь на землѣ, на солнышкѣ и, когда онъ растаетъ и вода потечетъ по скалѣ, они бѣгутъ внизъ и пьютъ ее. Какъ непріятна на

вкусъ вода прямо съ глетчера, такъ измѣняется она и дѣлается годною къ употребленію, когда пробѣжитъ по землѣ.

Мы уже говорили, что ледники искрещены трещинами: онѣ происходятъ отъ постояннаго движенія внизъ глетчера и отъ различныхъ его измѣненій. Образованіе трещинъ сопровождается страшнымъ трескомъ, похожимъ на удары, которые бываютъ при землетрясеніи. Вслѣдъ за нимъ появляется на льду трещина, края которой еще нисколько не отодвинуты другъ отъ друга, но ледникъ продолжаетъ свое движеніе впередъ и трещины увеличиваются. Мало по малу онѣ превращаются въ бездны, иногда необозримой глубины, въ нѣсколько сотъ или даже тысячъ футовъ длины, въ 10-ть и иногда доходятъ и до ста футовъ въ ширину. Отвѣсныя, темно-голубыя, влажно блестящія отъ капающей воды стѣны этихъ ущелій, изъ кристально-прозрачнаго льда, представляютъ одно изъ самыхъ великолѣпныхъ явленій природы. При путешествіи по глетчерамъ неизбѣжно встрѣтищь такія трещины. Зимою многія изъ нихъ засыпаетъ снѣгомъ, и это бываетъ причиной множества несчастій. Туристы, прежде чѣмъ ступить на глетчеръ, должны его зондировать (ощупывать палкой). Но даже и такой предосторожности мало. Путешествія по леднику слѣдуетъ предпринимать не иначе, какъ нѣсколькимъ туристамъ заразъ, въ сопровожденіи опытнаго проводника и соединяясь другъ съ другомъ посредствомъ веревки на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Если мгновенно проваливается одинъ изъ нихъ,—это чувствуетъ каждый, тотчасъ отходятъ отъ опаснаго мѣста и общими силами начинаютъ вытягивать товарища. Положеніе провалившихся въ глетчеровыя трещины ужасно: какъ засыпанный въ лавинахъ слышитъ каждое слово ищущихъ его, не имѣя возможности дать о себѣ знать, такъ точно бываетъ и тутъ. Кромѣ того, идя по лабиринту трещины, можно выйти на такой утесъ, который окруженъ со всѣхъ сторонъ пропастью, тогда несчастному остается одно: или рѣшиться соскочить въ пропасть, или опять пуститься по тому же лабиринту. Поверхность ледника не долго сохраняетъ блестящую бѣлизну снѣга, изъ котораго онъ образуется. Ледники окружены горами, которыя терпятъ всевозможныя невзгоды. Морозъ и тепло крошитъ ихъ въ кусочки и обломки; бури и лавины безжалостно потрясаютъ ихъ, отрывая отъ нихъ громадныя глыбы. И все, что упадетъ съ горъ на ледникъ, онъ терпѣливо несетъ на своемъ хребтѣ. Осколки скатываются съ горныхъ склоновъ и падаютъ на ледникъ. Большія глыбы, прежде чѣмъ упасть, прыгаютъ съ уступа на уступъ, при чемъ очень многія не ломаются и въ такомъ видѣ остаются на глетчерѣ; другія же, ударившись о скалы, разрываются какъ бомбы, и осыпаютъ ледъ своими осколками. И такъ количество камня и мусора, падающаго на глетчеръ, зависитъ отъ свойства прилегающихъ къ нему горъ. Тамъ, гдѣ вершины голы и хрупки, можно ожидать частыхъ обваловъ; тамъ, гдѣ онѣ тверды, или защищены покрышкою изъ льда и снѣга, количество обломковъ на ледникѣ гораздо меньше. На нѣкоторыхъ изъ нихъ глыба камня представляетъ иногда колоссальные размѣры и нерѣдко бываетъ величиною въ двухъ-этажный домъ. Если конецъ ледника выдвинется впередъ больше обыкновеннаго, а это бываетъ послѣ снѣжныхъ зимъ и влажныхъ лѣтъ, онъ разрушаетъ валъ, выходитъ въ луга и долины, ломаетъ и опрокидываетъ жилища, какъ ничтожныя соломенки, вывертываетъ съ корнями могучія деревья, уничтожаетъ поля и приноситъ съ собой множество другихъ бѣдствій. Если же глыба не выдвигается, часть ея постепенно одѣвается дерномъ.

Обломки и камни, которые падаютъ на глетчеръ, производятъ различныя фантастическія фигуры: столы, остроконечные столбы, глетчеровыя розы, однимъ словомъ фигуры всевозможныхъ формъ. Откуда же взялись эти фигуры? Ледъ на ледникѣ подвергается солнечнымъ лучамъ и вліянію теплаго воздуха. Онъ поэтому безпрестанно

*

таетъ. Если глыба или камень очень великъ и плотенъ, то солнечные лучи гораздо труднѣе проникаютъ черезъ него на ледъ, подъ нимъ лежащій. Такимъ образомъ мало по малу таетъ все, что вокругъ камня, кромѣ того мѣста, который онъ покрываетъ. Когда ледъ стаиваетъ, эти камни и являются на ледникахъ гранитными столами на темныхъ ледяныхъ подставкахъ и во всевозможныхъ формахъ.

По своей массѣ *Ледяное море* — самый большой глетчеръ Швейцаріи, хотя по длинѣ его превосходитъ глетчеръ Алечъ. Онъ образуется снѣжными долинами горъ, которыя лежатъ на сѣверѣ отъ Монблана и изъ которыхъ нѣкоторыя вершины только немногимъ ниже этой высочайшей горы. Снѣжныя поля склоновъ этихъ горъ собираются въ три главные ледяные потока, которые, соединяясь вмѣстѣ, и образуютъ Ледяное море, въ ширину имѣющее до 3,000 футовъ. Оно тянется до долины Шамуни, гдѣ изъ нижняго конца его вытекаетъ необыкновенно могучій ручей. Ледникъ этотъ имѣетъ видъ моря, взрытаго бурею и мгновенно остывшаго. Онъ, какъ и другіе, разсѣкается глубокими трещинами и спускается по скату. У нижней части Ледянаго моря ледъ разрывается по всѣмъ направленіямъ на множество отдѣльныхъ глыбъ, которыя отъ таянія принимаютъ тутъ необыкновенно странныя формы острыхъ рифовъ и пирамидъ и отъ времени до времени сваливаются со страшнымъ грохотомъ въ лежащія между ними ущелья. Издали такія мѣста похожи на замерзшіе водопады; быть можетъ, поэтому ихъ и называютъ обыкновенно каскадами. Видъ дикоразорванныхъ ледяныхъ глыбъ, который представляетъ взору каскадъ у подошвы Шамуни, — главный предметъ удивленія туристовъ.

Самое замѣчательное явленіе ледянаго моря — это его садъ, который окруженъ льдомъ и величавымъ поясомъ скалъ; онъ тѣмъ и привлекаетъ вниманіе, что посреди такой мертвой обстановки блещетъ мягкой зеленой травой и испещренъ цвѣтами.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

Дѣленіе Швейцаріи на кантоны.—Ихъ политическое значеніе.—Языкъ народа.— Власть законодательная и исполнительная.—Кантонъ Ури: его нравы, обычаи, преданія и политическое устройство.—Майское собраніе.

Вся Швейцарская республика раздѣляется на 22 совершенно отдѣльныхъ области, называемыхъ *кантонами*. Три изъ этихъ 22-хъ кантоновъ, а именно: Базель, Аппенцель и Унтервальденъ, отчасти вслѣдствіе религіозныхъ распрей, отчасти по причинамъ политическимъ, а то и просто по причинѣ ссоръ ихъ за лѣса и пастбища, раздѣлились каждый на два полукантона. Всѣ эти кантоны очень различны и по величинѣ, и по числу жителей, по ихъ зажиточности, даже по богатству природы и по самой почвѣ. Такъ Бернъ имѣетъ 506,500 жителей, а Ури всего 16 т.; Граубинденъ занимаетъ болѣе 2,700 англійскихъ квадратныхъ миль (англійская миля составляетъ нашихъ полторы версты), а кантонъ Цугъ такихъ миль всего 91. Единства религіи тоже не существуетъ въ Швейцаріи: восточные кантоны — *католическіе*, нѣкоторые западные и внутренніе — *протестантскіе*. Относительно языка тоже различіе. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ говорятъ по нѣмецки, въ другихъ по французски, по итальянски, по романски (романскій языкъ, какъ и итальянскій, произошелъ отъ латинскаго, тѣмъ не менѣе значительно отъ него отличается, на немъ больше всего говорятъ въ Граубинденѣ). По на-

родной переписи 1860 г. изъ 2½ милліоновъ жителей по нѣмецки говорятъ 1.825,000 человѣкъ, по французски 520,000, по итальянски 142,500, по романски 46,000 человѣкъ. Такимъ образомъ изъ 1,000 швейцарцевъ 721 говоритъ по нѣмецки, 205 по французски, 56 по итальянски и 18 по романски. Три языка: нѣмецкій, французскій и итальянскій признаны національными. Депутаты могутъ говорить и на одномъ языкѣ, такъ какъ въ засѣданіяхъ обыкновенно присутствуютъ переводчики. Кромѣ элементарныхъ школъ вездѣ изучаютъ два, а нерѣдко и три языка. Каждый швейцарецъ, лишь только онъ избавился отъ гнетущей нужды, старается выучить своего сына двумъ языкамъ. Въ газетахъ часто попадаются такія объявленія: «Образованное семейство въ кантонѣ Цюрихъ (Ааргау или Сенгаленъ и т. п.) желаетъ отдать мальчика 15-ти лѣтъ во французскую Швейцарію и принять въ обмѣнъ пансіонера или пансіонерку того же возраста».

Не смотря на различіе вѣры и языка, всѣ кантоны и полу-кантоны, чтобы защитить себя отъ вторженія внѣшнихъ враговъ, иногда отъ могущественныхъ сосѣдей, чтобы не дать возможности богатымъ и сильнымъ кантонамъ угнетать и подавлять менѣе сильные, наконецъ, чтобы охранять права и свободу и развивать общее благосостояніе, сплачиваются, соединяются между собой настоящимъ союзомъ и составляютъ вмѣстѣ *швейцарскую конфедерацію (союзъ)*. Слѣдовательно въ дѣлахъ общественныхъ всѣ кантоны вполнѣ подчиняются союзному правительству. Всѣ швейцарцы равны передъ закономъ. Отдѣльному кантону не предоставляется права вступать въ политическій союзъ, или договоръ съ чужестранными государствами; только весь союзъ можетъ объявлять войну и заключать трактаты. Союзъ чеканитъ монету, управляетъ желѣзными дорогами, телеграфами, почтой (почта ни подъ какимъ предлогомъ не имѣетъ права вскрывать писемъ). Союзъ допускаетъ полную свободу вѣроисповѣданія; что касается печати—та же свобода: каждый можетъ писать то, что ему вздумается.

Союзное правительство имѣетъ въ своихъ рукахъ *законодательную* и *исполнительную власть*. Законодательную власть составляютъ двѣ палаты, или, какъ онѣ называются въ Швейцаріи, два совѣта: *національный* и *совѣтъ штатовъ*. *Національный совѣтъ* (палата депутатовъ) состоитъ изъ депутатовъ, выбираемыхъ по одному на 20,000 жителей; кантоны, въ которыхъ менѣе 20,000 ж., все таки пользуются правомъ послать отъ себя одного депутата. Но вѣдь кантоны очень различны по величинѣ: такъ въ Бернскомъ кантонѣ 506,500 жит., а въ Цугѣ 21,000; слѣдовательно Бернъ будетъ имѣть 25 своихъ представителей, т. е. депутатовъ, а кантонъ Цугъ всего одного депутата. Дѣла рѣшаются по большинству голосовъ. Бернскихъ представителей много; на собраніи они, пожалуй, всѣ дѣла и будутъ рѣшать такъ, какъ это болѣе выгодно для ихъ кантона, нисколько не думая о маленькихъ кантонахъ. Чтобы этого не могло случиться, и учрежденъ еще *совѣтъ штатовъ*, который состоитъ изъ сорока четырехъ членовъ: по два депутата съ каждаго кантона. Окончательное рѣшеніе каждаго дѣла должно быть непремѣнно утверждено обоими совѣтами. Поэтому, если Бернскій кантонъ имѣетъ, напримѣръ, въ національномъ совѣтѣ 25 депутатовъ, а Цугскій одного, за то въ *совѣтъ штатовъ* оба кантона и Цугскій, и Бернскій имѣютъ одинаковое число представителей. Слѣдовательно, если *національный совѣтъ* и постановитъ что нибудь обременительное для маленькаго кантона, то это рѣшеніе не можетъ сдѣлаться закономъ, если съ нимъ не согласится также и *совѣтъ штатовъ*, а тамъ уже, разумѣется, не допустятъ ничего вреднаго для маленькихъ кантоновъ, такъ какъ большіе и маленькіе имѣютъ въ немъ одинаковое число голосовъ.

И такъ *федеральное* (*союзное*) *собраніе*, состоящее изъ двухъ совѣтовъ, со-

ставляетъ въ Швейцаріи высшую законодательную власть. Депутаты этихъ совѣтовъ подаютъ голоса совершенно самостоятельно, т. е. они не спрашиваютъ согласія своихъ избирателей. Каждый совѣтъ выбираетъ своего президента и вице-президента, а вмѣстѣ они выбираютъ союзнаго президента, союзный совѣтъ, союзныхъ судей, посланниковъ и союзнаго главнокомандующаго. Депутаты обѣихъ палатъ избираются на три года и получаютъ содержаніе. Каждый швейцарецъ, достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, выбираетъ депутатовъ; право же быть депутатомъ принадлежитъ каждому швейцарцу, все равно пастухъ онъ, или богатый армальи. Только монахъ, пасторъ, кретинъ, калѣка, или бывшій подъ судомъ за какой нибудь важный проступокъ—не могутъ быть избраны депутатами. Совѣты собираются разъ въ годъ, но засѣданія продолжаются цѣлый мѣсяцъ. Чтобы наблюдать за исполненіемъ законовъ, постановленныхъ высшею законодательною властью *федеральнаго собранія*, палата изъ всѣхъ своихъ гражданъ выбираетъ на три года семь человѣкъ: это и есть власть *исполнительная—федеральный совѣтъ.* Власть исполнительная во всемъ подчинена власти законодательной. Однако въ случаѣ надобности федеральный совѣтъ можетъ собрать войско, но не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ и не дольше какъ на три недѣли. Если же необходимость заставляетъ долѣе удержать войско, или увеличить его, исполнительная власть должна созвать собраніе, которое называется тогда чрезвычайнымъ союзнымъ собраніемъ. Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ исполнительная власть должна давать отчетъ союзному собранію (власти законодательной). Каждый кантонъ и полу-кантонъ составляетъ отдѣльную республику и въ собственныхъ дѣлахъ пользуется совершенно самостоятельными правами. Всѣ они безъ исключенія чисто демократическіе, т. е. въ каждомъ кантонѣ высшая законодательная власть принадлежитъ народу. Но хотя во всѣхъ ихъ на первомъ планѣ признается воля народа, однако между ними существуетъ большое различіе: въ однихъ кантонахъ народъ заявляетъ свои желанія посредствомъ избранныхъ имъ депутатовъ, которые, какъ и законодательная власть федеральнаго союза, составляютъ два совѣта; въ другихъ же воля народа заявляетъ себя непосредственно, т. е. весь народъ есть законодатель и верховный правитель. Прежде, еще въ древнемъ мірѣ, сходка всѣхъ гражданъ и была законодательнымъ собраніемъ. Тамъ и понятія не имѣли о томъ, что отъ имени всего народа могутъ дѣйствовать нѣсколько десятковъ или сотенъ депутатовъ. Такъ и у насъ въ древности во всей Россіи, а особенно долго въ Новгородѣ, всѣ дѣла рѣшались на сходкѣ всѣхъ гражданъ, которая называлась *вѣчемъ.* Только въ новомъ мірѣ появились громадныя государства изъ милліоновъ и даже десятковъ милліоновъ людей; поэтому собраніе всего народа на одной площади сдѣлалось физически невозможнымъ. Но что невозможно для большихъ государствъ, то весьма удобопримѣнимо къ такимъ крошечнымъ республикамъ, какъ напр. Ури съ 16 тысячами жителей. Чистая демократія (т. е. гдѣ сходка всѣхъ гражданъ республики есть законодательное собраніе) существуетъ въ кантонахъ: Ури, Гларусъ, обоихъ Унтервальденахъ и обоихъ Аппенцеляхъ; здѣсь повторяемъ, законодалельная власть въ рукахъ самого народа. Ури, оба полукантона Унтервальдена и Иннероденъ (полукантонъ Аппенцеля) населены пастухами-католиками, а Аусерроденъ и Гларусъ имѣютъ преимущественно реформатское населеніе. Въ строго-католическихъ кантонахъ духовенство сильно вліяетъ на народъ, а слѣдовательно и на ихъ управленіе. Въ такихъ кантонахъ духовенство даже на народныхъ собраніяхъ занимаетъ почетное мѣсто. Такъ какъ народное собраніе въ названныхъ кантонахъ имѣетъ одно и тоже значеніе, только съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, то для примѣра возьмемъ хоть кантонъ Ури и посмотримъ, какъ идутъ тамъ дѣла такого рода. Но чтобы вполнѣ понять, какъ могла въ кантонѣ Ури такъ прочно утвердиться эта простая форма правленія, нужно познакомиться съ пра-

вами и обычаями самихъ гражданъ: въ нихъ то и кроется обыкновенно причина, почему такая или другая форма правленія прививается въ странѣ.

Въ кантонѣ Ури со всѣхъ сторонъ виднѣются огромныя горы съ высокими вершинами (напр. С. Готардъ) и узкія долины. Это одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ кантоновъ. Вы видите повсюду жалкія хижины, и все хозяйство весьма многихъ владѣльцевъ этихъ жилищъ состоитъ только изъ нѣсколько козъ. Ихъ обыкновенная пища: лѣтомъ—козье молоко и размазня; зимою — та же размазня, сыворотка и картофель. Нѣкоторые промышляютъ здѣсь стеклянною посудою, очень многіе зарабатываютъ свой хлѣбъ, взбираясь съ туристами на высокія вершины, показывая дикіе, разнообразные ландшафты своего кантона. Но при всемъ этомъ жители кантона Ури смѣлый, мужественный народъ, они гордятся свободными законами своей страны и въ своихъ дѣтяхъ прежде всего развиваютъ страстную любовь къ родинѣ и самое глубокое уваженіе къ преданіямъ своей страны. Ихъ главный, любимый герой, которымъ гордятся всѣ швейцарцы безъ исключенія, но болѣе всего жители старыхъ кантоновъ Ури, Швица и Унтервальдена, въ существованіи котораго не сомнѣваются самые образованные изъ нихъ,—это Вильгельмъ Телль.

Въ существованіи Телля никто не сомнѣвается уже потому, что каждый шагъ въ этихъ лѣсныхъ кантонахъ напоминаетъ о немъ и о событіяхъ, связанныхъ съ нимъ. Фирвальштедтское озеро, долина Грютли, въ которой глубокой ночью собрались пастухи старыхъ кантоновъ и поклялись добыть себѣ свободу,—обо всѣхъ этихъ мѣстностяхъ швейцарцы говорятъ, какъ о колыбели своей свободы и показываютъ ихъ иностранцу съ величайшею гордостью.

Недалеко отъ Грютли, но уже на другомъ берегу и въ другомъ кантонѣ, въ Швицѣ,—площадка Телля. Это мѣсто считается просто святымъ. Сюда, согласно преданію, выскочилъ изъ лодки Вильгельмъ Телль, чтобы выстрѣлить въ злодѣя и угнетателя родины Гесслера. Въ память этого событія здѣсь стоитъ часовня. Съ какимъ благоговѣніемъ снимаютъ передъ ней швейцарцы шапки и преклоняютъ колѣна, какъ горячо здѣсь молятся женщины! Что же до Альтдорфа, то тамъ ступить нельзя, не вспомнивъ Телля. Пивные, гостинницы, лавки,—все это носитъ имя Телля. Вотъ фонтанъ на томъ мѣстѣ, откуда герой стрѣлялъ въ знаменитое яблоко. Здѣсь стоялъ Вальтеръ, сынъ Телля, съ яблокомъ на головѣ, которое отецъ долженъ былъ пронзить своею стрѣлою. Тутъ площадка, гдѣ вязали Телля. На большой улицы стоитъ настоящій памятникъ этому народному герою—громадная статуя съ натянутымъ лукомъ.

Между тѣмъ теперь положительно доказано историками, что Вильгельмъ Телль личность чисто легендарная. Они доказываютъ, что даже самое сказаніе о стрѣльбѣ Телля сложилось не среди швейцарскаго народа, а заимствовано книжниками изъ датскихъ сказаній.—Тѣмъ не менѣе исторически вѣрно, что въ 1291 году эти три кантона заключили между собою договоръ для взаимной защиты, а въ 1315 году, въ геройской битвѣ при Моргартенѣ, окончательно свергли владычество Австріи.

Не смотря на то, что сказаніе о Вильгельмѣ Теллѣ не подтверждается исторіею, оно имѣетъ воспитательное значеніе для швейцарской молодежи, возбуждая въ ней любовь къ родинѣ. Возвратимся однако къ Ури и познакомимся съ характерными постановленіями, которыя содержитъ въ себѣ конституція этого кантона.

«Швейцарскій кантонъ Ури есть державная республика, съ чисто демократическимъ правленіемъ. Власть лежитъ въ народѣ и непосредственно проявляется въ собраніяхъ большинствомъ голосовъ; въ этихъ собраніяхъ народъ самъ непосредственно издаетъ себѣ законы».

«Вѣроисповѣданіе кантона римско-католическое, но также свободно допускается и

богослуженіе всѣхъ другихъ христіанскихъ религій. Всѣ граждане кантона имѣютъ равныя гражданскія права. Не существуетъ никакихъ привилегій, по мѣсту, происхожденію, титуламъ и личностямъ».

«Жители и граждане кантона равны передъ закономъ».

«Личная свобода всѣхъ жителей кантона обезпечена. Никто не можетъ быть арестованъ, или содержаться подъ арестомъ, кромѣ случаевъ, предписанныхъ и опредѣленныхъ закономъ. Высшая законодательная власть принадлежитъ собранію, которое собирается обыкновенно въ первое майское воскресенье».

Но такъ какъ майское собраніе бываетъ только разъ въ году, то на время своего отсутствія оно и передаетъ свою власть *великому совѣту*. Слѣдовательно великій совѣтъ та же законодательная власть, только она во всемъ подчинена майскому собранію. Онъ, т. е. великій совѣтъ, можетъ издавать законы въ такихъ случаяхъ, когда этого никакъ нельзя отложить до майскаго собранія. Но эти законы только тогда получаютъ настоящую силу, когда они утверждены верховною законодательною властью, т. е. майскимъ собраніемъ.

Великій совѣтъ состоитъ изъ 48 депутатовъ (по одному на триста человѣкъ), президента (ландмана) и вице-президента, избираемыхъ всѣмъ народомъ на майскомъ собраніи.

Кромѣ законодательной власти, тамъ есть и власть исполнительная и судебная. Исполнительную власть составляютъ шесть человѣкъ, избираемыхъ майскимъ собраніемъ, а именно: ландманъ (президентъ), вице-ландманъ (вице-президентъ), знаменосецъ, воевода, казначей и директоръ публичныхъ работъ. Они обязаны наблюдать, чтобы всѣ исполняли законы, постановленные на майскомъ собраніи; должны управлять полиціей, администраціей, составлять смѣту всѣхъ приходовъ и расходовъ и представлять ее на утвержденіе великаго совѣта. Судебная власть въ кантонѣ Ури, какъ и во всей Швейцаріи, состоитъ изъ выборныхъ на срокъ судей, такъ что тамъ вовсе нѣтъ судебнаго сословія, которое мы встрѣчаемъ во всѣхъ странахъ, —слѣдовательно каждый можетъ сдѣлаться судьею. Хотя здѣсь не мало чиновниковъ и разныхъ присутственныхъ мѣстъ, но все-таки несравненно меньше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ городахъ. Здѣсь чиновники, какъ бы хорошо они ни исполняли своихъ обязанностей, какъ бы добросовѣстно ни служили, не могутъ долго занимать своихъ мѣстъ. Въ большинствѣ случаевъ, они выбираются на четыре года, другіе же служатъ только два года.

Содержаніе чиновниковъ самое ничтожное; главный изъ нихъ ландманъ (президентъ) получаетъ не болѣе 400 франк. въ годъ. Другіе и совсѣмъ неполучаютъ никакого жалованья, кромѣ ничтожной поденной платы. Поэтому, хотя служба тамъ и считается почестью, но такъ какъ она прибыли даетъ мало, а отнимаетъ у бѣднаго человѣка много времени, то очень многіе были бы весьма не прочь отъ нея отдѣлаться. Но въ Ури чиновникъ выбранъ на свою должность народомъ и онъ не имѣетъ права отъ нея отказываться. Тотъ, кто отказывается отъ должности, нарушаетъ законъ и долженъ или удалиться изъ кантона на то время, впродолженіи котораго онъ обязанъ былъ бы служить, или заплатить сумму отъ 200 до 1.000 франк. Если онъ и отъ этого отказывается, то онъ лишается всѣхъ гражданскихъ правъ. Только 65-ти лѣтній старикъ можетъ быть легко уволенъ отъ всѣхъ должностей. Прежде на майскія собранія всѣ граждане являлись вооруженными; теперь это осталось только въ Аппенцелѣ. Въ этотъ день чиновники являются здѣсь въ черныхъ платьяхъ и съ саблею въ ножнахъ; всѣ остальные также вооружены саблями и пиками, хотя къ пастушеской одеждѣ больше всего шелъ бы мирный посохъ. Въ Гларусѣ около трибуны, на которой произносятъ рѣчи, устраиваютъ особыя мѣста для мальчиковъ, чтобы они уже

съ дѣтства пріучались, какъ вести общественныя дѣла. Вотъ какъ происходятъ эти майскія собранія въ кантонѣ Ури. Въ Бирглене, въ Шехенской долинѣ, гдѣ, по преданію, родился Телль и гдѣ въ память его возвышается часовня, простирается громадный лугъ, который уже издавна служитъ залой законодательнаго собранія гражданъ Ури.

Одинъ разъ въ годъ, въ первое воскресенье въ маѣ мѣсяцѣ, утромъ происходитъ богослуженіе въ Альтдорфѣ (главный городъ кантона Ури). Послѣ богослуженія, чиновники и всѣ остальные граждане кантона собираются передъ ратушею къ праздничному шествію. Каждый житель Ури, достигшій двадцатилѣтняго возраста, кромѣ монаховъ и священниковъ, обязанъ идти на этотъ лугъ.

Высшіе чиновники появляются въ черныхъ платьяхъ. Въ полдень начинается шествіе. Музыка и войско, съ знаменами въ рукахъ, идетъ впереди. За знаменами идутъ два гражданина, въ древне-швейцарскомъ костюмѣ, и несутъ буйволовые рога въ серебрянной оправѣ. За ними идутъ два чиновника и несутъ протоколы собраній, поземельную книгу и двѣ бархатныя сумки, изъ которыхъ одна—черная, другая желтая: въ нихъ находятся печать и ключи архива.

Одинъ изъ чиновниковъ, одѣтый въ мантію стараго покроя, несетъ жезлъ, на верхушкѣ котораго—маленькое яблоко, пронзенное стрѣлой. Это напоминаетъ выстрѣлъ Телля. Другой несетъ судейскій мечъ, украшенный черными и желтыми лентами. За ними идутъ остальные чиновники и нѣсколько скороходовъ, одѣтые въ народные цвѣта; затѣмъ ѣдетъ экипажъ съ высшими чиновниками, сопровождаемый толпою народа.

Шествіе останавливается въ долинѣ; музыканты становятся на холмѣ и начинаютъ играть мелодію изъ «Вильгельма Телля». Посреди зеленаго луга устроена платформа, на которую устанавливаютъ буйволовые рога; зеленую книгу, бархатныя сумки съ печатями и ключами и судейскій мечъ кладутъ на столъ. Раздается звукъ трубы; члены правленія, духовныя лица и вообще всѣ, кто найдетъ себѣ мѣсто, садятся на скамейки деревяннаго амфитеатра. Замолкла труба и раздается голосъ ландмана, который всталъ на высокую скамейку. Народъ кругомъ мгновенно смолкаетъ и обнажаетъ головы. Ландманъ открываетъ собраніе краткой рѣчью, въ которой онъ приглашаетъ присутствующихъ помолиться. Тотчасъ всѣ въ одинъ голосъ произносятъ пять разъ сряду: Отче нашъ и Богородицу. Послѣ этого народъ даетъ клятву, что дружно будетъ стоять за общее дѣло. Затѣмъ ландманъ, или какой нибудь другой представитель власти, читаетъ списокъ вопросовъ, которые должны разсматриваться въ это собраніе. Обыкновенно дѣло идетъ о введеніи новаго налога, о взысканіи съ чиновника, или объ измѣненіи какого нибудь закона. Но главную роль въ этихъ собраніяхъ играютъ выборы ландмановъ и другихъ должностныхъ лицъ. «Кто желаетъ, чтобы предложеніе было принято, тотъ поднимай руку», громогласно взываетъ къ народу глашатай. Или: «кто желаетъ, чтобъ предложеніе было отвергнуто, и все осталось бы по старому, тотъ подними руку». Каждый вопросъ повторяется по два раза и послѣ каждаго изъ нихъ изъ круга выходятъ по два человѣка, берутся за руки и поднимаютъ ихъ, на подобіе арки, чрезъ которую должны другъ за другомъ проходить всѣ члены, участвующіе въ подачѣ голоса; этимъ способомъ можетъ быть точно опредѣлено число голосовъ, вотирующихъ за то или другое мнѣніе. Когда покончено обсужденіе вопросовъ, ландманъ, опершись на судейскій мечъ, отдаетъ отчетъ, затѣмъ онъ кладетъ мечъ на столъ,—слѣдовательно передаетъ свою должность въ руки народа, а самъ садится на скамейку, возлѣ старыхъ ландмановъ. Если онъ служитъ только одинъ годъ, то его обыкновенно выбираютъ и на слѣдующій. Тогда выбранный подходитъ къ столу и произноситъ клятву: «заботиться о благѣ и чести страны, отстранять вредъ, предупреждать безчестіе; судить безпристрастно, какъ бѣднаго, такъ и богатаго, какъ соотечественника, такъ и иностранца,

какъ родственника, такъ и чужаго, при этомъ не брать ни съ кого ни подарка, ни денегъ, но дѣлать все по чести и безъ обмана. Исторія всѣхъ майскихъ собраній показываетъ, что въ нихъ народная воля касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Правда, на нихъ нерѣдко толкуютъ о вещахъ, которыя съ нашей точки зрѣнія могутъ показаться ничтожными, но тамъ онѣ имѣютъ большое значеніе. Такъ напр. нѣсколько лѣтъ сряду подымался вопросъ о правѣ молодежи танцовать въ нѣкоторые дни позже 9-ти часовъ вечера. Мѣстное духовенство долго боролось противъ этого рѣшенія, пока наконецъ въ 1863 г., къ величайшему удовольствію молодежи, вопросъ былъ рѣшенъ, какъ этого имъ давно хотѣлось, и танцы разрѣшены до полуночи. Но въ большинствѣ случаевъ тутъ рѣшаются дѣла, въ пользѣ и въ важности которыхъ для страны никто не можетъ сомнѣваться. Для этого бросимъ взглядъ на меморіалъ (перечень вопросовъ) за 1864 г. въ кантонѣ Гларусѣ. Кстати замѣтимъ, что по этимъ меморіаламъ, приготовляемымъ кантональнымъ совѣтомъ и которые онъ раздаетъ задолго до собранія, граждане могутъ серьезно обдумать и потолковать между собою о всѣхъ вопросахъ, которые будутъ подымать на собраніи. Въ 1864 г. меморіалъ состоялъ изъ 28 пунктовъ, касающихся почти всѣхъ разнообразныхъ предметовъ, которые подлежатъ вѣдѣнію самодержавнаго народа, а именно: приходилось постановлять рѣшенія о поземельной подати, о залогѣ желѣзной дороги кантона, о призрѣніи бѣдныхъ, о продажѣ общинныхъ имуществъ и т. п. Но важнѣе всего былъ вопросъ о сокращеніи рабочихъ часовъ и о просмотрѣ и измѣненіи нынѣшней конституціи. Посмотримъ, какъ отнеслись къ этимъ вопросамъ на майскомъ собраніи граждане Гларуса. «Ландманъ читалъ одинъ за другимъ пунктъ меморіала, прибавляя къ каждому нѣсколько объяснительныхъ словъ, и этимъ открывалъ пренія по отдѣльнымъ вопросамъ. Собраніе оказалось удивительно знакомымъ со всѣми пунктами меморіала. Смотря по важности предмета, пренія были болѣе или менѣе продолжительны. Иныя предложенія были приняты безъ всякаго возраженія. Но, при большинствѣ провозглашаемыхъ ландманомъ пунктовъ, ораторы являлись за или противъ предложенія и, стоя на ораторской трибунѣ, или просто съ своихъ мѣстъ, развивали свои мнѣнія коротко и ясно. Говорили люди высокообразованные, крестьяне, люди, принадлежащіе ко всѣмъ общественнымъ классамъ. Слушатели съ неутомимымъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ словомъ ораторовъ. Отъ времени до времени слышалось: «хорошо сказано!» «онъ правъ!»—«этого мы не хотимъ». Когда же слушатели слишкомъ оживлялись, ландманъ взывалъ къ спокойствію, или ликторъ ходилъ по рядамъ, съ приподнятыми вверхъ руками и приговаривая: «тише, господа земскіе люди, тише, вѣдь ужъ не долго. Ужъ его то вамъ стоитъ слушать, право. Лучше его вамъ никто не скажетъ». Затѣмъ поднялся городской голова Гларуса и сказалъ прекрасную рѣчь, въ которой онъ доказывалъ, что необходимо уменьшить для рабочихъ, какъ для мужчинъ такъ и для женщинъ, число рабочихъ часовъ. Предложеніе было принято съ радостью, но рѣшеніе собранія въ пользу его было ускорено вслѣдствіе сильнаго дождя. Аппенцельцы на своихъ собраніяхъ не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на погоду и, какой бы ни лилъ проливень, они невозмутимо продолжаютъ разсуждать подъ открытымъ небомъ о самыхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Граждане кантона Гларусъ далеко не отличаются въ этомъ отношеніи такою стойкостью. Такъ было и въ этомъ случаѣ: оратору сталъ возражать фабрикантъ, но въ эту самую минуту дождь сильно сталъ накрапывать и пренія были прерваны криками: «вотировать!» Послѣ поспѣшнаго вотированія вопроса большинство голосовъ оказалось за предложеніе городскаго головы.

Нужно однако замѣтить, что эти либеральные законы и конституція страны остаются иногда мертвою буквою передъ какимъ-нибудь средневѣковымъ, отжившимъ

обычаемъ и чаще всего передъ грубымъ, первобытнымъ взглядомъ народа на тотъ или другой предметъ. Населеніе кантоновъ, гдѣ народъ непосредственно выражаетъ свою волю, считаетъ себя свободнѣе другихъ швейцарцевъ, и въ большинствѣ случаевъ это совершенно справедливо. Нерѣдко случается однако, что и эти чистыя демократіи переходятъ въ аристократію. Болѣе зажиточныя семейства обыкновенно въ теченіе долгаго времени занимаютъ высшія должности; отъ нихъ всегда зависитъ множество людей, и слѣдовательно онѣ очень часто имѣютъ огромное вліяніе на рѣшеніе тѣхъ или другихъ вопросовъ. Судопроизводство въ Ури имѣетъ очень много дурныхъ сторонъ. Многіе уголовные законы чрезвычайно кратки и недостаточно опредѣлены, такъ что во многихъ случаяхъ судьѣ предоставляется дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Судьею же тамъ можетъ быть каждый, слѣдовательно и человѣкъ, не получившій никакого юридическаго образованія. Да наконецъ законы дозволяютъ наносить допрашиваемому лицу, въ случаѣ его запирательства, до десяти палочныхъ ударовъ и давать скудную пищу до трехъ разъ въ недѣлю. Если окажется нужнымъ, сказано въ законѣ, можно и увеличить норму наказанія. Но когда можетъ оказаться нужнымъ увеличить наказаніе, до какого предѣла можетъ доходить оно—ничего этого не объяснено въ законахъ, слѣдовательно въ судебной практикѣ допускается полнѣйшій произволъ. (Въ одномъ изъ полукантоновъ Унтервальдена высшій размѣръ тѣлеснаго наказанія 50 ударовъ розгами). Очень часто въ числѣ другихъ карательныхъ мѣръ судьи предписываютъ преступнику стоять у позорнаго столба, быть высѣченнымъ публично розгами.

Нельзя однако упрекать въ этомъ жителей небольшихъ кантоновъ, по преимуществу состоящихъ изъ пастуховъ, особенно въ виду того, что въ Англіи, этой образованной странѣ, еще до сихъ поръ существуютъ тѣлесныя наказанія въ самой грубой формѣ, гдѣ, послѣ 25-ти ударовъ девяти-хвостовыми кошками (плетьми), поднимаютъ здороваго человѣка еле дышащимъ.

Община.—Ея значеніе для гражданъ.—Положеніе бѣдныхъ.—Гейматлозы.—Общинныя власти и ихъ обязанности.—Общинныя земли.

Въ каждомъ кантонѣ есть много общинъ, которыя отличаются одна отъ другой по величинѣ, по богатству и даже по своимъ обычаямъ. Число общинъ въ каждомъ кантонѣ тоже различно. Въ Женевскомъ кантонѣ, напримѣръ, ихъ всего сорокъ четыре, а въ Граубинденѣ—двѣсти пять.

Каждый швейцарецъ непремѣнно долженъ принадлежать къ какой-нибудь общинѣ. Кто не членъ общины, не можетъ быть избирателемъ, т. е. не можетъ выбирать депутатовъ. Слѣдовательно тотъ, кто не принадлежитъ ни къ какой общинѣ, не можетъ пользоваться никакими гражданскими правами. Но онъ не только теряетъ гражданскія права; положеніе такого человѣка, какъ мы увидимъ ниже, самое печальное.—Кто желаетъ быть причисленъ къ какой-нибудь общинѣ и пользоваться всѣми выгодами, которыя она представляетъ, тотъ долженъ единовременно, разъ на всегда внести за себя опредѣленную сумму, но за тѣмъ уже его потомство пользуется всѣми правами. Размѣръ суммы различный. Въ нѣкоторыхъ общинахъ глава семейства вноситъ 500 фр., сынъ 350, дочь 75 фр.; въ другихъ общинахъ эта такса доходитъ до 1000 фр. Но вездѣ мужчина платитъ болѣе, чѣмъ дѣвушка, женатый—болѣе холостаго, чужестра-

нецъ болѣе соотечественника. Но не однѣ деньги нужны для поступленія въ общину. Община, прежде чѣмъ принять въ свою среду новаго члена, требуетъ, чтобы онъ доставилъ ей свѣдѣнія о своей національности, о поведеніи; проситель долженъ также представить доказательства, что онъ въ состояніи содержать себя и семейство, а также, что онъ не потерялъ своихъ гражданскихъ правъ по приговору суда. Но даже и тогда, когда все требуемое отъ вновь поступающаго представлено имъ общинѣ, она можетъ отказать ему въ просьбѣ: иногда властямъ той общины, куда онъ хочетъ вступить, не нравится его религія, то самъ онъ пришелся имъ не понутру. Разумѣется, онъ можетъ попытать счастье и пріютиться къ другой, менѣе придирчивой общинѣ. Карликъ, кретинъ, калѣка встрѣчаютъ отказъ вездѣ. Во всякомъ случаѣ вступленіе въ общину весьма затруднительно для бѣднаго человѣка. То онъ не можетъ собрать всѣхъ нужныхъ доказательствъ, то денегъ не хватаетъ.

Такое затруднительное вступленіе въ общину порождаетъ *гейматлозовъ*,—людей безъ отечества, которые вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ не значатся членами ни въ одной общинѣ: это самые несчастные люди—нищіе, отверженцы. Швейцарцы не допускаютъ у себя нищихъ, слѣдовательно та община, которая приняла бы гейматлозовъ въ свою среду, должна была бы и содержать ихъ на свой счетъ, вотъ почему ни одна изъ нихъ и не соглашается ихъ пріютить. Поэтому несчастные гейматлозы ведутъ кочевую жизнь. Сплошь и рядомъ бываютъ съ ними случаи такого рода: кочуетъ какое-нибудь семейство изъ одного кантона въ другой, но потомъ вдругъ какія-нибудь обстоятельства довольно надолго приковываютъ его къ одному мѣсту. Та община, которая живетъ на этой землѣ, собираетъ небольшую сумму, поручаетъ кому-нибудь изъ членовъ взять билетъ на проѣздъ въ Парижъ, въ Вѣну или въ Нью-Іоркъ (какъ изберутъ сами несчастные), провожаютъ ихъ до самаго вагона, даютъ имъ сто, полтораста франковъ на дорогу и такимъ образомъ навсегда отдѣлывается отъ того или другаго гейматлоза.

Швейцарія дѣйствительно можетъ похвалиться тѣмъ, что она не имѣетъ пролетаріата, хотя должно сознаться, что этого она достигаетъ цѣною многихъ безчеловѣчныхъ поступковъ со своими гражданами. Впрочемъ нищенство и не исчезаетъ совершенно въ Швейцаріи: оно только принимаетъ здѣсь другую форму. На каждомъ шагу попадаются дѣти и даже взрослые, которые продаютъ разноцвѣтные горные камешки, букеты цвѣтовъ, рѣзныя деревянныя вещицы, показываютъ бѣлыхъ мышей, сурковъ и т. п. Пріюты для бѣдныхъ, хотя они и очень распространены, находятся здѣсь въ весьма жалкомъ состояніи. Бѣдняки, попавшіе сюда, нерѣдко совершаютъ преступленіе, чтобы перейти въ тюрьму и такимъ образомъ улучшить свое положеніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ эти пріюты были описаны въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Современныя Авгіевы конюшни», авторъ которой сообщаетъ возмутительныя подробности о грязи и нечистотѣ, среди которыхъ живутъ, и лишеніяхъ, испытываемыхъ этими несчастными. Гораздо въ лучшемъ состояніи находятся въ городахъ и большихъ деревняхъ пріюты для сиротъ и богадѣльни для престарѣлыхъ гражданъ; такъ напр. въ Цюрихѣ такія учрежденія положительно образцовыя.

Каждая община представляетъ собою маленькую республику съ общественными собраніями, мэромъ, общиннымъ совѣтомъ и избирательными списками. Это общинное собраніе состоитъ обыкновенно изъ всѣхъ членовъ общины. Чтобы потолковать о дѣлахъ, собираются, гдѣ вздумается: на рынкѣ, въ трактирѣ, или на просторномъ лугу и между собой выбираютъ своихъ властей. Власти могутъ быть выбраны изъ всѣхъ гражданъ, которые имѣютъ только право голоса. Такъ какъ женщины не имѣютъ этого права, то онѣ не могутъ быть выбраны ни на какія должности. Безъ согласія мэра и

совѣтниковъ ничего не дѣлается въ общинѣ. Ученикъ, изгнанный изъ школы, можетъ быть снова принятъ, если объ немъ будетъ хлопотать мэръ. Ни одинъ членъ общины не имѣетъ права жениться безъ дозволенія мэра. А этотъ послѣдній всегда старается отклонить отъ женитьбы члена своей общины; когда же это не удается, то очень часто просто на просто запрещаетъ новой четѣ вступать въ бракъ. Такое безцеремонное обращеніе съ судьбою членовъ общины ведетъ ко множеству печальныхъ послѣдствій. Когда это ставятъ на видъ швейцарцамъ, они обыкновенно оправдываются такъ: «у женатаго человѣка могутъ быть дѣти, которыхъ въ случаѣ недостатка родительскаго попеченія придется кормить общинѣ, вотъ почему также женатые вообще неохотно принимаются въ общину». Да и вообще законы о бракѣ тамъ очень тяжелы. Женится иногда членъ какой-нибудь общины на дѣвушкѣ изъ другаго кантона, или даже изъ другой общины, возвращается съ женой и дѣтьми на родину,—его бракъ не признаютъ дѣйствительнымъ. Общинныя власти объявляютъ ему, что онъ съ своей семьей не долженъ разсчитывать на какое бы то ни было участіе къ нимъ общины. Но это еще только начало несчастій. Куда ни выходитъ это несчастное семейство: на улицу, на гулянье—къ нимъ вездѣ придираются; встрѣтивъ отца семейства, изъ за какихъ нибудь пустяковъ завязываютъ съ нимъ драку. Если мелкія придирки недостаточно его огорчаютъ и онъ все еще остается въ общинѣ, тогда огромная толпа врывается къ нему ночью, перебиваетъ посуду, колотитъ дѣтей, а самого его зачастую и калѣчатъ.

Законъ гласитъ о неприкосновенности личности и собственности, но бѣда тому простаку, который безусловно повѣритъ этому. Если въ настоящемъ случаѣ подвергающійся нападкамъ, избитый отецъ подаетъ въ судъ жалобу, дѣло рѣшаютъ обыкновенно тѣмъ, что заставляютъ просителя, для прекращенія впредь скандаловъ и для спокойствія согражданъ, немедленно удалиться изъ общины. И это понятно: если судъ самъ не состоитъ изъ оскорбителей, то во всякомъ случаѣ изъ членовъ общины, а тѣ всѣ какъ одинъ человѣкъ желаютъ избавить свою общину отъ семейнаго члена. Разумѣется въ такихъ дѣлахъ первую роль играетъ собственный интересъ: всѣ страшно боятся даже мысли, что новая семья, которая можетъ быть сама ничего не выработаетъ для себя, останется на ихъ рукахъ. Тогда часть дохода общины пойдетъ на прокормленіе этой семьи, а чрезъ то нѣсколькими копѣйками уменьшится доходъ каждаго члена.

Такое стѣсненіе браковъ и отчужденіе одной общины отъ другой, одного кантона отъ другаго, взаимная вражда, зависть и ненависть другъ къ другу не только вредно вліяютъ на увеличеніе народонаселенія, но и ведутъ ко множеству другихъ печальныхъ послѣдствій. Въ замкнутыя, уединенныя общины, разумѣется, труднѣе проникаетъ образованіе, въ нихъ труднѣе прививаются нововведенія; давно принятыя не только у сосѣдей, но и у соотечественниковъ въ другихъ кантонахъ. Послѣдствіе этого—умственный и физическій упадокъ населенія.

Перейдемъ теперь къ экономической сторонѣ жизни общины—ея общинному землевладѣнію. Общинныя имущества въ Швейцаріи называются *allmenden*; онѣ состоятъ изъ лѣса, пастбища и обработанной земли. Относительно пользованія лѣсомъ и пастбищами въ большинствѣ общинъ существуетъ правило давать пользоваться каждому сообразно его потребностямъ. Кто сколько держитъ скота зимою, тотъ столько можетъ посылать его лѣтомъ на общинныя пастбища; такъ что богачъ можетъ цѣлое лѣто прокармливать свое стадо безплатно на общественный счетъ; между тѣмъ бѣднякъ, имѣющій всего одну козу, считается наравнѣ съ нимъ владѣтелемъ этого угодья. Община смотритъ на собственника, который имѣетъ большое шалэ въ деревнѣ и нерѣдко дру-

гое въ горахъ, обширные сараи и скотный дворъ, какъ на человѣка, который имѣетъ больше потребности въ лѣсѣ и потому даетъ ему шесть большихъ деревьевъ на дрова и столько же на поддержку построекъ, а тотъ, кто не имѣетъ своего дома, получаетъ только два бревна. Чтобы хоть нѣсколько смягчить вопіющую несправедливость относительно пастбищъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣшили, что никто не можетъ посылать на общественные луга болѣе 30 коровъ и столько же мелкаго скота. Людей, имѣющихъ значительное количество скота, гораздо больше, чѣмъ не имѣющихъ, и поэтому нельзя посредствомъ голосованія совершенно уничтожить этотъ несправедливый обычай. Наряду съ этимъ существуетъ и болѣе отрадное явленіе: въ нѣкоторыхъ общинахъ назначенъ денежный сборъ съ каждой головы крупнаго скота, который идетъ въ пользу тѣхъ, которые его не имѣютъ. Что же касается до пользованія пахотною землею, то тутъ вездѣ существуетъ полное равенство. Каждый пользуется своимъ участкомъ въ продолженіи 10, 20, 30 лѣтъ, смотря по желанію общины; по окончаніи этого періода участки вновь перемѣриваются и снова распредѣляются по жребію. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ въ общинномъ владѣніи находятся виноградники, которые въ такихъ случаяхъ и обрабатываются сообща, при чемъ всѣ общинники употребляютъ равное количество труда. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такимъ же образомъ воздѣлываются и хлѣбныя поля. Осенью на общинный счетъ устраивается пиръ, присутствовать на которомъ каждый общинникъ считаетъ своею священнѣйшею обязанностью. Общинное пользованіе такъ вошло въ обычай у швейцарцевъ, что, когда имъ не хватаетъ общинныхъ земель, то двадцать, тридцать человѣкъ складываются, сообща покупаютъ себѣ землю и каждый пользуется ею сообразно внесеннымъ деньгамъ.

Во многихъ мѣстностяхъ общинныя владѣнія не обрабатываются общинниками, а отдаются въ наемъ; полученныя деньги идутъ на покрытіе общинныхъ издержекъ: на жалованье учителю, пастуху, на содержаніе богадѣленъ и на другія потребности, которыя иначе приходилось бы покрывать особыми налогами. Остатокъ отъ общественныхъ суммъ, полученныхъ съ аренды, дѣлится между членами общины.

Для устройства дѣлъ по общинному поземельному владѣнію общинники собираются каждый годъ въ опредѣленное время, выбираютъ нѣсколькихъ лицъ, которые раздѣляютъ на участки лѣсъ, назначенный къ срубкѣ, хлопочутъ отъ имени общины въ судебныхъ мѣстахъ и даже распоряжаются нѣкоторыми работами и предпріятіями въ небольшихъ размѣрахъ; все остальное рѣшается общимъ собраніемъ, которому уполномоченные и отдаютъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Характеръ и физіономія швейцарцевъ.—Ихъ семейная жизнь.—Товарищество однолѣтокъ.—Значеніе женщины.—Воспитаніе дѣтей.—Вечернее время препровожденіе.—Свадьба.—Воскресный день.—Швейцарскія церкви.—Танцы и пристрастіе къ нимъ молодежи.—Метаніе камней.—Похороны.

Какъ это ни странно, но можно фактически доказать, что швейцарцы, наиболѣе посѣщаемые самыми просвѣщенными туристами всѣхъ странъ, извѣстны имъ менѣе другихъ народовъ. Величественная и разнообразная природа Швейцаріи привлекаетъ множество ученыхъ, но еще болѣе путешественниковъ. Наплывъ иностранцевъ въ эту страну увеличивается съ каждымъ годомъ. Во время лѣтняго сезона желѣзныя дороги привозятъ сотни тысячъ гостей въ отели и на минеральныя воды. Въ одномъ Интерла-

кенѣ иностранныхъ посѣтителей въ 1869 г. было 175,000. Ученые изслѣдуютъ природу страны, изучаютъ разнообразныя ея явленія, остальныхъ путешественниковъ прельщаютъ чудные, разнообразные виды природы, минеральныя воды, здоровый климатъ, наконецъ свободныя учрежденія.

Природа, такъ сказать, поглощаетъ здѣсь человѣка и на изученіе его у туриста остается очень мало времени, а тѣ образчики человѣческой породы, съ которыми онъ постоянно сталкивается въ своихъ многочисленныхъ экскурсіяхъ, заставляютъ его составить о народѣ самое дурное мнѣніе. И онъ вполнѣ правъ, такъ какъ *эксплуатація иностранцевъ* нигдѣ не доведена до такой виртуозности, какъ въ Швейцаріи. Экскурсіи иностранцевъ и постоянный наплывъ ихъ въ страну гибельно отзываются на характерѣ народа и даже на его промышленности. Въ одномъ Бернскомъ Оберландѣ путешественники ежегодно оставляютъ 30.000,000 франковъ. Вслѣдствіе этого страна эта, щедро надѣленная природными богатствами, не производитъ почти ничего, кромѣ предметовъ роскоши, имѣющихъ сбытъ только между путешественниками. Содержатели гостинницъ, рѣзчики на деревѣ, носильщики, проводники, трубачи, играющіе въ рожокъ, поднимальщики шлагбаумовъ или отворяльщики воротъ, сторожа при водопадахъ, караульные при гротахъ, продавцы раковинъ и камешковъ, однимъ словомъ безчисленное множество паразитовъ самымъ безсовѣстнымъ и разнообразнымъ способомъ эксплуатируютъ иностранца и имъ исключительно существуютъ. Стоитъ сдѣлать самую ничтожную экскурсію въ горы, чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ. По дорогѣ вамъ непремѣнно попадется парень, который, замѣтивъ васъ, тотчасъ начинаетъ играть на альпійскомъ рожкѣ, чтобы обратить ваше вниманіе на раскаты эхо въ горахъ, хотя вы объ этомъ никого не просили, и затѣмъ немедленно протягиваетъ къ вамъ руку, требуя вознагражденія. Въ другомъ мѣстѣ пересѣкаетъ дорогу изгородь, десятки ребятъ бросаются отворить ворота и не отпустятъ васъ, пока вы не вознаградите каждаго изъ нихъ. Однимъ словомъ здѣсь за все берутъ деньги: за стаканъ воды, за знакъ, который сдѣлаютъ рукою, чтобы указать дорогу. Понятно, что весь этотъ сбродъ, промышляющій иностранцами, уже ничѣмъ другимъ и не можетъ заниматься. Легко нажитыя деньги у нихъ легко и уходятъ, и имъ всю жизнь приходится заниматься тѣмъ же ремесломъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что все это возбуждаетъ въ путешественникѣ брезгливое отношеніе къ швейцарцамъ. Не приманиваетъ Швейцарія къ изученію ея народа уже и потому, что она не дала міру большаго числа великихъ мыслителей, знаменитыхъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ. Но кромѣ дѣйствительно большаго класса людей, промышляющихъ иностранцами, здѣсь существуетъ огромный классъ рабочихъ, нравы, обычаи и семейная жизнь которыхъ представляютъ точно также много интереснаго, какъ и у народовъ другихъ странъ.

Не смотря на различіе религій, языка, нравовъ и мѣстнаго самоуправленія разныхъ кантоновъ, швейцарцы имѣютъ много общихъ чертъ, отличающихъ ихъ отъ другихъ народовъ. Они не славятся ни красотою своего лица, ни изяществомъ манеръ, но превосходятъ другихъ силою. Самый обыкновенный типъ швейцарца—это человѣкъ съ грубыми чертами лица, съ неуклюжей походкой, широкоплечій и плотный. На видъ швейцарецъ флегматиченъ и вялъ, но необыкновенно настойчивъ въ преслѣдованіи разъ задуманной цѣли. Онъ и въ молодости не увлекается фантазіями и мечтами, никогда не бросаетъ начатаго практическаго дѣла. Отрицаніе и увлеченіе никогда не обуреваютъ университетскую молодежь, не отличается она и своимъ краснорѣчіемъ; философскіе, отвлеченные вопросы и споры никогда не занимаютъ ея, но за то даже человѣкъ, не получившій университетскаго образованія, простой рабочій, отлично умѣетъ утилизировать чужую хорошую мысль. Во всякомъ дѣлѣ онъ прежде всего имѣетъ въ

виду практическую пользу и одно изъ важнѣйшихъ завоеванныхъ имъ преимуществъ состоитъ въ томъ, что онъ пользуется болѣе широкою свободою, чѣмъ всякій другой европеецъ. Изъ всѣхъ націй швейцарскій народъ, не смотря на всѣ недостатки и несовершенства своего республиканскаго правленія, болѣе другихъ приблизился къ идеалу политическаго устройства, при которомъ общественными дѣлами управляютъ непосредственно сами граждане. Не смотря на значительный классъ излѣнившагося люда, эксплуатирующаго иностранца и уходящаго на заработки въ другія страны, въ Швейцаріи нѣтъ того ужаснаго пролетаріата, какой мы встрѣчаемъ въ Англіи и Италіи. Тутъ несуществуетъ, какъ въ другихъ странахъ, такого неравенства между различными классами населенія, ни въ матеріальномъ, ни въ интеллектуальномъ отношеніи. Здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ нибудь людей, съ колоссальнымъ состояніемъ, съ милліонными доходами, живущихъ съ царскимъ великолѣпіемъ, но также менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было человѣческихъ жилищъ, напоминающихъ свиной хлѣвъ. Швейцарія не производила большаго числа великихъ мыслителей и артистовъ, но за то теперь трудно найти въ ней и безграмотнаго.

Нравы въ швейцарскихъ семействахъ совершенно патріархальные. За обѣдъ садится все семейство со своими рабочими, въ городахъ въ 12 часовъ, въ селахъ въ 11. Одинъ изъ членовъ семьи передъ обѣдомъ непремѣнно читаетъ молитву. Хозяйка и хозяинъ занимаютъ главныя мѣста, и только они могутъ начать разговоръ. Дѣти и слуги, хотя тоже тутъ сидятъ, какъ бы на одинаковыхъ правахъ, тѣмъ не менѣе для нихъ обязательна, особенно здѣсь, совершенная скромность и почтеніе къ старшимъ.

Старый дѣдъ въ семьѣ играетъ большую роль, считается главою дома, и хотя часто вмѣсто его уже ведутъ хозяйство его дѣти, тѣмъ не менѣе они никогда не поступятъ противъ его воли, безъ его совѣта. Иной разъ 90-лѣтній старикъ, а Швейцарія отличается долговѣчностью своего народа, называетъ своего 50-ти, а иногда 60-ти лѣтняго сына Bub-мальчикъ; своего внука, тоже часто не молодаго и занимающаго общественныя и государственныя должности,—*сыномъ мальчика* (Buben-Bub). Въ нѣкоторыхъ здоровыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи встрѣчаешь необыкновенно цвѣтущихъ стариковъ. Во многихъ селахъ живутъ большими семьями, и часто большая часть населенія какой нибудь деревни произошла изъ одного рода и носитъ одну фамилію; такъ напр., въ одной большой деревнѣ съ 2,500 жителями болѣе тысячи человѣкъ носитъ одну фамилію Итенъ, такъ что, говоря о томъ или другомъ его членѣ, фамилія отбрасывается и, называютъ по имени и по прозвищу, которое обыкновенно заимствуютъ отъ мѣста жительства.

Всѣ швейцарцы принадлежатъ непремѣнно къ какому нибудь обществу, мало того, каждый изъ нихъ членъ дюжины обществъ мѣстныхъ и иностранныхъ, свѣтскихъ и религіозныхъ. Прежде всего конечно, онъ членъ своей общины, своего кантона и своего союза; потомъ онъ членъ швейцарскаго альпійскаго клуба, воскреснаго общества, ассоціаціи общественной пользы, братства Pio-Nono, грютлійскаго общества, конгресса мира и свободы, союзнаго общества стрѣлковъ. Онъ можетъ быть членомъ многихъ мѣстныхъ корпорацій, клубовъ: музыкальнаго, пѣвческаго, гимнастическихъ, антиквартныхъ, различныхъ ассоціацій и волонтерныхъ отрядовъ пожарныхъ. Всѣ эти общества идутъ отлично; каждое изъ нихъ справляетъ свою годовщину торжественными процессіями и церемоніями, съ рѣчами и флагами. Это лучше всего доказываетъ, что швейцарецъ уже по натурѣ своей организаторъ. Между этими обществами и товариществами существуетъ оригинальное товарищество однолѣтокъ, которые назначаютъ общія сходки, гулянья, поѣздки. Въ эти товарищества вступаютъ люди самаго различнаго общественнаго положенія. Нерѣдко читаешь въ газетахъ: товарищество однолѣтокъ 20-го года въ такой то

день предпринимаетъ поѣздку туда-то. Въ случаѣ смерти одного изъ товарищей однолѣтокъ, всѣ сверстники сопровождаютъ его въ глубокомъ траурѣ до самой могилы. Если отъ того или другаго товарищества однолѣтокъ остается немного членовъ, они соединяются съ товариществомъ годомъ ихъ моложе или старше. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ 10 или 12 стариковъ старше 80-лѣтняго возраста, изъ Цюриха и его окрестностей, предпринимали поѣздку на Фирвальштедское озеро. Они хотѣли еще разъ посмотрѣть на Грютли и на площадку Телля. При этомъ такіе сверстники, въ дни, назначенные для общаго собранія, нерѣдко являются въ древнихъ швейцарскихъ костюмахъ. Множество такихъ обществъ и стремленіе каждаго швейцарца быть членомъ многихъ изъ нихъ, доказываютъ, несмотря на патріархальныя семейныя отношенія, что они не могутъ вести узкую домашнюю жизнь и много времени отдаютъ обществу.

Несмотря однако на развитіе общественной жизни, несмотря на то, что швейцарецъ признаетъ многія способности женщины, она все-таки здѣсь считается болѣе низкимъ существомъ, чѣмъ мужчина. Въ кантонѣ Шафгаузенъ еще существуетъ такой обычай: когда новорожденное лицо — мальчикъ, то одинъ изъ членовъ семьи, возвѣщающій объ этомъ всѣмъ родственникамъ, несетъ два букета; если же родилась дѣвочка, то — одинъ. Въ кантонѣ Гларусѣ еще до сихъ поръ выдается премія за рожденіе мальчиковъ-близнецовъ по 10-ти франковъ и никакого вниманія не обращаютъ, если близнецы дѣвочки. Въ одной церкви кантона Фрейбурга, при погребеніи мальчика, звонятъ въ средній большой колоколъ, а при погребеніи дѣвочки — въ маленькій.

Женщина во всемъ помогаетъ мужу, часто даже работаетъ больше его, здѣшній же народъ извѣстенъ своимъ трудолюбіемъ, вслѣдствіе этого мать не можетъ смотрѣть за своими дѣтьми и они оставлены на произволъ судьбы, часто растутъ наравнѣ съ домашними животными. Нерѣдко швейцарецъ имѣетъ кой-какія средства и могъ бы нѣсколько болѣе наблюдать за своими дѣтьми, почище ихъ одѣвать, но его одолѣваетъ страсть копить деньгу, увеличивать свое хозяйство. Все это заставляетъ его не обращать ни малѣйшаго вниманія на ребенка до школы и онъ безъ всякаго призора бѣгаетъ около дома, покрытый рубищемъ, или карабкается на горы и скалы. За то эта жизнь и совершенная самостоятельность съ первыхъ лѣтъ необыкновенно закаляетъ этотъ народъ и развиваетъ въ нихъ замѣчательную ловкость и силу.

Прилежно работая цѣлый день, швейцарцы любятъ по вечерамъ проводить время у кого нибудь изъ пріятелей, и почти каждый вечеръ они условливаются, гдѣ собраться на другой день, выбирая при этомъ такого хозяина, у кого домъ попросторнѣе. При свѣтѣ камина или при тускломъ мерцаніи лампы, привѣшенной къ потолку, женщины занимаются шитьемъ и вязаньемъ, при этомъ онѣ ведутъ безконечные разсказы о чудесныхъ происшествіяхъ и о злыхъ духахъ. Но и въ этихъ розсказняхъ, навѣянныхъ суевѣріемъ, здѣсь, чаще чѣмъ гдѣ-бы то ни было, вы услышите разсказъ, правда большею частію чисто легендарный, о герояхъ родины. Замѣчательно, съ какими подробностями онѣ передаютъ всѣ факты ихъ жизни, какіе геройскіе подвиги онѣ имъ обыкновенно приписываютъ. Особеннымъ суевѣріемъ отличаются здѣшніе католики, и нерѣдко во время такой вечеринки своими разсказами женщины до того разстраиваютъ свое воображеніе, что вдругъ начинаютъ вскакивать съ своихъ мѣстъ и вслухъ читать длинныя молитвы, съ цѣлью заклинанія злыхъ духовъ и предохраненія себя отъ навожденія нечистой силы. Часто въ одинъ какой нибудь домъ вечеромъ собираются цѣлой общиной для переборки и плетенія соломы. По большей части на этихъ вечеринкахъ бываютъ и танцы подъ звуки скрипки.

Хотя свадьба во многихъ мѣстностяхъ Швейцаріи совершается безъ всякихъ церемоній и низводится на степень простаго гражданскаго договора, тѣмъ не менѣе моло-

дежь ждетъ съ большимъ нетерпѣніемъ, когда ихъ подруга или товарищъ вступятъ въ бракъ. Во время свадьбы много танцуютъ, а швейцарцы до танцевъ страстные охотники, не мало ихъ тѣшатъ также обряды, которыми въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сопровождаются браки. Невѣсту наканунѣ свадьбы прячутъ отъ жениха, который, въ сопровожденіи своихъ товарищей, долженъ отыскать ее. Впрочемъ на это обыкновенно рѣшается только тотъ изъ нихъ, кто увѣренъ въ успѣхѣ, иначе онъ стыдится насмѣшекъ и шутокъ, которыя долго сыпятся на него въ случаѣ неудачи. Если онъ сразу найдетъ свою невѣсту, это служитъ предзнаменованіемъ, что онъ будетъ главою семейства и что во всѣхъ случаяхъ жизни жена будетъ вполнѣ ему подчинена. При этомъ такая догадливость возвышаетъ его въ глазахъ товарищей. Въ другихъ мѣстностяхъ часто, послѣ долгихъ поисковъ, женихъ находитъ безобразную старуху или большую, нарядно одѣтую куклу, при чемъ всѣ присутствующіе разражаются громкимъ смѣхомъ.

Въ нѣкоторыхъ кантонахъ свадьбу празднуютъ старинными пѣснями и танцами, одна изъ женщинъ беретъ вѣнокъ новобрачной и букетъ супруга, бросаетъ ихъ въ огонь, и, если они сгорятъ ровнымъ пламенемъ, это обѣщаетъ молодымъ супружеское счастье. Кое-гдѣ начинаютъ исчезать старинные обычаи, сопровождающіе свадьбу, и единственнымъ увеселеніемъ служитъ пальба изъ мортиръ или изъ другихъ первобытныхъ, на половину заржавленныхъ огнестрѣльныхъ орудій. Нерѣдко стрѣляютъ просто изъ деревянныхъ обрубковъ, въ которыхъ просверлены отверстія.

Швейцарцы съ необыкновеннымъ уваженіемъ и торжественностью встрѣчаютъ свои воскресные дни. Необыкновенно набожный по природѣ народъ въ эти дни прежде всего отправляется въ церковь. Тогда по всѣмъ тропинкамъ, прорѣзывающимъ зеленѣющіе луга, видны толпы разодѣтаго народа. Одежда женщинъ состоитъ изъ платья яркаго цвѣта, или изъ короткой юбки со множествомъ складокъ, отороченной чернымъ бархатомъ или красною матеріею, и бѣлой рубашки, стянутый корсажемъ, на которомъ висятъ серебрянныя или стальныя цѣпи; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ также бѣлыя передники. Волосы падаютъ длинными косами, перевитыми разноцвѣтными, яркими лентами; у другихъ онѣ приколоты на головѣ серебрянною стрѣлкою. Почти въ каждомъ кантонѣ свой нарядъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторое измѣненіе въ головномъ уборѣ женщинъ; однѣ носятъ шляпы, иногда въ высшей степени оригинальнаго фасона, другія чепчики, съ оттопыривающимися оборками и украшенные кружевами.

Церкви швейцарцевъ особенно оригинальны въ альпійскихъ деревняхъ; большая часть ихъ самой первобытной архитектуры. Внутри храма по стѣнамъ обыкновенно найдете нѣсколько библейскихъ картинъ, или эпизодовъ изъ жизни святаго, покровителя мѣстности; но замѣчательнѣе всего то, что среди этихъ картинъ вы нерѣдко видите разрисованнаго чертика съ рогами и когтями. Не мало церквей богатыхъ и изящныхъ, которыми тщеславится одна община передъ другой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подлѣ церкви находятся небольшія капеллы, гдѣ хранятся кости и въ которыхъ скелеты разложены въ большомъ порядкѣ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохраняются подъ стекломъ черепа людей, признаваемыхъ народомъ за святыхъ.

По окончаніи службы, женщины отправляются на кладбище и украшаютъ могилы родственниковъ живыми цвѣтами или обвѣшиваютъ простой черный крестъ на ней вѣнками иммортелей. Мужчины слушаютъ на площади передъ церковью, или въ какомъ нибудь общественномъ мѣстѣ, чтеніе законовъ и декретовъ и тутъ сообща много толкуютъ объ этомъ. Послѣ обѣда женщины отправляются гулять съ дѣтьми, а мужчины гдѣ нибудь на площадкѣ играютъ въ мячъ, а еще чаще стрѣляютъ въ цѣль.

Но вотъ наступаетъ вечеръ: при первыхъ звукахъ музыки толпа сбѣгается со всѣхъ сторонъ на лугъ и начинаются танцы. Оркестръ обыкновенно состоитъ изъ

двухъ, трехъ скрипокъ и иногда даже гармоники. Музыканты такъ усердствуютъ, выбиваютъ тактъ ногами, припѣваютъ, что потъ обыкновенно катится съ нихъ градомъ. Но это заставляетъ молодежь еще болѣе увлекаться. Испанской граціи тутъ нѣтъ: швейцарка обыкновенно средняго роста, полная и съ тяжелой поступью, тѣмъ не менѣе танцамъ она отдается съ неменьшею страстію. Танцуютъ обыкновенно или вальсъ, или круговую пляску; при этомъ всѣ держатся за руки и вертятся вокругъ съ криками и припѣвами.

На другомъ лужку идетъ «метаніе камней». Парень беретъ обѣими руками камень, держитъ его на одной высотѣ съ плечемъ и затѣмъ, раскачиваясь взадъ и впередъ всѣмъ корпусомъ, вытягиваетъ руку и пускаетъ камень въ цѣль. При этомъ нѣсколько человѣкъ обыкновенно держатъ пари и проигравшіе даютъ ременный вышитый поясъ, полъ-бутылки вина, кошелекъ съ одною серебряною монетою или что нибудь въ этомъ родѣ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ церковь и кладбище находятся недалеко отъ дома, погребеніе совершается, какъ вездѣ. Гробъ обыкновенно несутъ друзья покойнаго; но тамъ, гдѣ церкви отстоятъ далеко отъ жилищъ, гробъ привязываютъ лѣтомъ на маленькую двухколесную телѣжку, запрягаютъ лошадь, мула, быка или корову и въ сопровожденіи одного изъ членовъ семейства отправляютъ на кладбище. Тутъ уже стоятъ друзья и родственники покойнаго и встрѣчаютъ молитвами, которыя они читаютъ вслухъ. Зимою это путешествіе совершается еще проще: гробъ крѣпко привязываютъ къ санямъ веревками, одинъ изъ родственниковъ садится на передокъ и, управляя ногами, спускается съ горы. Въ большинствѣ случаевъ на могилѣ покойнаго говорятъ рѣчь.

Занятія народа дома и на чужбинѣ.—Рабочіе: ихъ характеръ и отношенія къ фабриканту.

Швейцарскій народъ зарабатываетъ свой насущный кусокъ хлѣба разными промыслами. Промыслы эти также разнообразны, какъ сама природа. Въ сѣверныхъ кантонахъ главное занятіе сельскихъ жителей—*земледѣліе*. Хотя огромныя пространства земли покрыты рѣками, озерами и ледниками, здѣсь много засѣваютъ зерноваго хлѣба. Несмотря на это, его недостаетъ для пропитанія населенія, и Швейцарія каждый годъ покупаетъ хлѣба за границею среднимъ числомъ болѣе чѣмъ на 100 милліоновъ франковъ. Большимъ подспорьемъ служатъ *виноградники*, которые здѣсь разводятъ на огромныхъ пространствахъ. За виноградниками ухаживаютъ здѣсь съ большимъ стараніемъ, и косогоры, хорошо освѣщенные солнцемъ, особенно холмы по берегамъ Женевскаго и Невшательскаго озеръ, образуютъ во многихъ округахъ одинъ сплошной виноградникъ. Но винограднаго вина здѣсь такъ много пьютъ и швейцарцы, и иностранцы, что его не хватаетъ для мѣстнаго употребленія и весьма порядочное количество его привозятъ сюда изъ Франціи.

Швейцарія уже по своей природѣ не можетъ соперничать съ другими странами размѣрами своего хлѣбопашества и винодѣлія, но одарена сравнительно съ ними лучшими *лугами* и *пастбищами*. Луга и альпійскія пастбища—главное богатство края. Альпійскіе пастухи давно прославились своимъ искуствомъ въ сыровареніи, и для того, чтобы получить поболѣе сыровъ, они пренебрегаютъ даже производствомъ масла; кромѣ сыра они посылаютъ за границу много сгущеннаго молока. Швейцарскій рогатый скотъ

вообще замѣчателенъ своею крѣпостью и необыкновенною молочностью. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ такъ прославился этимъ качествомъ, что называется даже *породою «изобилія»*. Промышленность составляетъ въ Швейцаріи весьма важный источникъ народнаго богатства. Она даетъ возможность населенію существовать собственными средствами, не смотря на относительно малые размѣры земледѣлія и слабое развитіе горнаго дѣла. Хотя сырой матеріалъ для фабричной и мануфактурной промышленности получается изъ за границы и доставка его обходится очень дорого, эта страна, сравнительно съ своими размѣрами, производитъ очень много и даетъ занятіе почти цѣлой трети своего народонаселенія. Благодаря обширному развитію промышленности, Швейцарія сдѣлалась одною изъ самыхъ торговыхъ странъ Европы. Это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что для торговыхъ сношеній природа представляетъ страшныя препятствія. Въ странѣ высокихъ горъ, бурныхъ потоковъ, снѣжныхъ лавинъ, горныхъ обваловъ прокладывать дороги чрезвычайно трудно и содержаніе ихъ въ порядкѣ обходится очень дорого. Но въ этомъ отношеніи Швейцарія преодолѣла всѣ невзгоды и принадлежитъ къ числу странъ, обладающихъ наибольшимъ количествомъ рельсовыхъ путей, конечно, пропорціально величинѣ своей территоріи. Не мало препятствуетъ развитію торговли положеніе страны: Швецарія не имѣетъ прямаго выхода къ морю и такимъ образомъ зависитъ въ отношеніи провоза ея товаровъ отъ своихъ сосѣдей. И при всѣхъ этихъ серьезныхъ препятствіяхъ ее можно считать одною изъ самыхъ торговыхъ странъ Европы.

Одно изъ важныхъ производствъ страны—*часы*, табакерки съ музыкою и всевозможныя ювелирныя издѣлія. Женевскіе часы по всему свѣту пользуются громкой славой, и производствомъ ихъ занято множество рабочихъ рукъ, а именно до 36 тысячъ человѣкъ.

Видное мѣсто занимаетъ также *хлопчатобумажное* производство. Рабочіе занимаются имъ не только въ городахъ на фабрикахъ, но нерѣдко имѣютъ на дому станки, и ткутъ, не разставаясь съ семьей. Рабочіе очень любятъ такія занятія: они не разлучаютъ ихъ съ семьею, могутъ быть всегда полезны въ домѣ и такимъ образомъ заработокъ гораздо лучше сохраняется. Жизнь въ городѣ обыкновенно обходится такъ дорого, что нерѣдко всѣхъ добытыхъ денегъ едва хватаетъ на прожитье. Работающихъ однако дома на станкахъ, сравнительно съ фабричными рабочими, несравненно меньше.

Ремесла не особенно процвѣтаютъ въ Швейцаріи, кромѣ впрочемъ одного—*рѣзьбы на деревѣ*, которымъ такъ славится эта страна. По отдѣльнымъ вещичкамъ этой рѣзьбы, которыя иностранцы вывозятъ изъ этой страны, нельзя получить ни малѣйшаго понятія объ изумительной тонкости, изяществѣ, которую пріобрѣли швейцарцы въ этомъ дѣлѣ. Во всѣхъ наиболѣе посѣщаемыхъ иностранцами мѣстахъ грудами разложены эти превосходныя рѣзныя вещи, которыя наглядно рисуютъ не только всю швейцарскую природу, но и жизнь ея согражданъ. Тутъ вы видите высочайшія горы и скалы, по которымъ пробираются козы и серны, охотника, подстерегающаго добычу, беззаботнаго козопаса, свѣсившагося со скалы, коровъ съ бубенчиками, шалэ со множествомъ животныхъ, косца, съ громадною ношею сѣна, пробирающагося по страшнымъ скалистымъ выступамъ, танцующую молодежь, пастуховъ съ бумагами въ рукахъ, обсуждающихъ важныя государственныя дѣла.

Множество народа промышляетъ охотою; весьма многіе занимаются сплавомъ лѣса, значительный классъ людей и наконецъ какъ мы уже говорили, живетъ услугами иностранцамъ. Нерѣдко швейцарецъ сколачиваетъ себѣ изрядный капиталъ заработкомъ на чужбинѣ. Правда, при этомъ его сильно гложетъ тоска по родинѣ, но такъ же сильно въ немъ стремленіе испытать счастье на чужбинѣ. Нерѣдко здѣсь приходится

прочесть въ газетахъ, что такой-то швейцарецъ, родомъ изъ Люцерна или другой какой мѣстности, умеръ 25 лѣтъ отъ тоски по родинѣ Тессинцы чаще всего отправляются въ Италію, такъ какъ они сами говорятъ по итальянски: тамъ они дѣлаются каменотесами, стекольщиками, добываютъ гипсъ, жарятъ каштаны. Больше всего, кажется, отправляется искать счастья Граубинденцевъ: снабженные рекомендательными письмами и небольшою суммою денегъ, они, нанявъ вмѣсто себя для исполненія своихъ работъ тирольцевъ, отправляются въ главнѣйшіе города Европы. Тутъ они поступаютъ въ кондитерскія, въ кофейни и въ ликерныя лавки, иногда въ качествѣ опытныхъ рабочихъ, а нерѣдко даже и учениками. На чужбинѣ всѣ они живутъ необыкновенно уединенно, напрягая всѣ мысли и силы, чтобы скопить себѣ денегъ. На свои удовольствія они не только не израсходуютъ ни одной копѣйки изъ жалованья, но даже и изъ денегъ, получаемыхъ на водку. Они мало сходятся съ иностранцами, еще меньше дружатъ съ ними и, лишь только скопятъ капиталъ, непремѣнно возвращаются на родину. Сколько-бы лѣтъ они ни провели за границею, они возвращаются въ родное гнѣздо, къ друзьямъ, съ которыми постоянно переписывались, въ общину, съ которой свято хранили связи. Однако не только указанными нами промыслами занимаются швейцарцы за границей; кругъ дѣятельности ихъ чрезвычайно разнообразенъ. Французская Швейцарія разсылаетъ въ разныя стороны множество слугъ, которыхъ охотно берутъ уже потому, что они хорошо говорятъ по французски. Хозяева различныхъ странъ выписываютъ себѣ не мало опытныхъ швейцарскихъ сыроваровъ; но еще больше Швейцарія отправляетъ въ чужія края нянюшекъ, гувернантокъ, воспитателей и воспитательницъ. Нѣкоторые швейцарцы отправляются даже въ Калифорнію и Австралію искать золото и алмазы. Здѣсь не рѣдки случаи, что бѣдный пастухъ пріѣзжаетъ довольно зажиточнымъ человѣкомъ; но какъ бы онъ ни разбогатѣлъ, онъ никогда не перестанетъ работать.

Положеніе фабричныхъ рабочихъ въ Швейцаріи, въ очень многихъ отрасляхъ промышленности, требуетъ важныхъ улучшеній и перемѣнъ, и объ этомъ слѣдуетъ тѣмъ болѣе подумать, что число рабочихъ въ этой странѣ сильно растетъ. Но какъ бы то ни было, швейцарскіе фабричные рабочіе лучше ѣдятъ и пользуются лучшими помѣщеніями, чѣмъ ихъ собратья въ другихъ странахъ Европы. Правда, рабочій нерѣдко получаетъ здѣсь гораздо меньшій заработокъ, чѣмъ въ Германіи, тѣмъ не менѣе онъ все-таки живетъ лучше его. Это зависитъ отъ очень многихъ причинъ. Какъ бы ни спеціализировался фабричный рабочій въ томъ или другомъ производствѣ, но онъ никогда не доходитъ здѣсь до того, что становится негоднымъ къ сельской жизни. Теряя работу на фабрикѣ или оставляя ее по какой нибудь причинѣ, онъ, не задумываясь, берется за плугъ, лопату или косу. Самая главная причина этого—множество самыхъ разнообразныхъ обществъ (ихъ насчитываютъ до $4^1/_2$ тысячъ), изъ которыхъ каждое имѣетъ цѣлью помощь неимущимъ классамъ и прямо или косвенно помогаетъ рабочимъ. Дѣятельность этихъ обществъ такъ разнообразна, что охватываетъ рѣшительно всѣ стороны жизни рабочаго люда: одно общество заботится о развитіи между рабочими читаленъ и библіотекъ, другое о здоровыхъ и дешевыхъ квартирахъ, о питательной и возможно дешевой пищѣ, о развитіи школъ для дѣтей рабочаго сословія, о большемъ развитіи удовольствій среди рабочаго сословія; существуетъ множество обществъ съ цѣлью исключительно устраивать базары для сбыта произведеній отдѣльныхъ рабочихъ, другіе заняты пріискиваніемъ имъ дѣла, когда закрывается та или другая фабрика. Одни изъ этихъ обществъ устроены капиталистами, другіе съ содѣйствіемъ государства, множество исключительно самими рабочими. Причина ихъ менѣе ужаснаго положенія сравнительно съ другими рабочими Европы заключается также и въ томъ, что, не смотря на всѣ неудовольствія, возникающія здѣсь между рабочими и фабрикантами, въ Швей-

царіи совсѣмъ неизвѣстна та ненависть рабочаго къ фабриканту, которая въ такой сильной степени существуетъ во Франціи. Тамъ, можно сказать, лежитъ настоящая пропасть между фабричнымъ рабочимъ и его хозяиномъ. Въ Швейцаріи въ отношеніяхъ между хозяиномъ и рабочимъ не замѣтно никакой натянутости. Въ большинствѣ случаевъ, какъ бы ни разбогатѣлъ швейцарскій фабрикантъ, онъ не окружаетъ себя роскошью и блескомъ: дочери его, какъ и прежде, продолжаютъ танцовать на лугу съ рабочими; онъ самъ, какъ и его рабочій, членъ однихъ и тѣхъ же обществъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ оправляется въ кафе, въ церковь, разсуждаетъ на площади о дѣлахъ своей общины и своего кантона. Многіе швейцарскіе фабриканты заботятся объ улучшеніи положенія рабочаго. Въ Аппенцелѣ напр., хозяева старались доставлять работу фабричнымъ и ремесленникамъ даже въ то время, когда производство, отъ котораго зависѣла жизнь многихъ семействъ, было убыточно для самихъ капиталистовъ. Они знали, что, когда кризисъ пройдетъ, благодарные рабочіе вознаградятъ своимъ усердіемъ убытки, понесенные хозяевами. Въ Гларусѣ, Аппенцелѣ и другихъ кантонахъ фабриканты дѣлаютъ щедрые взносы и пожертвованія для образованія капиталовъ, при помощи которыхъ рабочимъ и ихъ семействамъ доставляются средства къ образованію, пособія во время болѣзни, удобныя жилища и проч., при чемъ стараются придать всѣмъ этимъ предпріятіямъ не филантропическій, а экономическій характеръ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что положеніе швейцарскаго рабочаго не оставляетъ желать ничего лучшаго; напротивъ, тамъ еще очень многое необходимо измѣнить: работа продолжается только на немногихъ фабрикахъ 11 и еще рѣже 10 часовъ, а то бываетъ 12 и даже 13. Мы хотѣли только сказать, что свободныя учрежденія страны, гдѣ рабочіе совершенно свободно могутъ отстаивать свои интересы,—служатъ залогомъ улучшенія въ будущемъ жизни фабричныхъ рабочихъ и скрашиваютъ много темныхъ сторонъ.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Праздники стрѣлковъ, пѣвцовъ и борцовъ.—Народные представленія на открытомъ воздухѣ.—Мѣстные праздники: виноградарей въ Веве, празднованіе масляницы въ Базелѣ, сожиганіе зимы въ Цюрихѣ.

Кто познакомится со всѣми швейцарскими праздниками въ продолженіи года, подумаетъ, что швейцарцы болѣе предаются наслажденію и развлеченіямъ, чѣмъ труду,—но это совершенно невѣрно: они только слѣдуютъ правилу древняго римскаго поэта соединять полезное съ пріятнымъ. Во всѣхъ своихъ праздникахъ они преслѣдуютъ чисто патріотическія цѣли. Къ числу такихъ праздниковъ принадлежатъ праздники общества стрѣлковъ. Искуство стрѣльбы высоко цѣнится между швейцарцами уже по одному тому, что Телль былъ искуснымъ стрѣлкомъ. Въ іюлѣ 1872 года былъ огромный праздникъ этого общества: нѣсколько тысячъ стрѣлковъ, не только со всѣхъ концовъ Швейцаріи, но даже многіе и изъ другихъ странъ, собрались сюда на это празднество. Наиболѣе искусные стрѣлки получаютъ призы; на этотъ разъ сдѣлано болѣе милліона выстрѣловъ и первый призъ, состоящій изъ серебряннаго сервиза, былъ поднесенъ простому рабочему. Хотя съ этой минуты стрѣлокъ дѣлается *королемъ*, тѣмъ не менѣе къ его домашнему хозяйству эта драгоцѣнная вещь совсѣмъ не подходила и онъ продалъ сервизъ за 4 тысячи

франковъ городскому совѣту. Нѣкоторые изъ стрѣлковъ даже дѣлаютъ изъ своего искуства выгодное ремесло. Такъ недавно въ Базелѣ умеръ король стрѣлковъ, который составилъ себѣ состояніе въ 40 тысячъ франковъ. Обычай давать дорогіе призы составляетъ рѣзкую противоположность древнимъ обычаямъ швейцарцевъ награждать побѣдителей въ стрѣльбѣ парою штановъ. Національный характеръ этого празднества особенно высказывается въ безчисленныхъ рѣчахъ. Когда какое нибудь общество стрѣлковъ изъ другаго кантона, или даже иностранное, торжественно выходитъ съ своимъ знаменемъ, то ораторы одинъ за другимъ держатъ рѣчи, на которыя должны отвѣчать члены комитета, завѣдывающаго праздникомъ, но всего сильнѣе льется краснорѣчіе вечеромъ. Всѣ балконы и наружныя стѣны домовъ съ необыкновеннымъ изяществомъ убраны флагами, цвѣтами и гирляндами. Тамъ, гдѣ должны проходить стрѣлки, устраиваютъ тріумфальныя арки; при этомъ, то тамъ, то здѣсь появляется на крышѣ человѣкъ, который силится заставить себя слушать: «Пронзивъ мѣткою стрѣлою сердце врага и угнетателя родины, Телль хотѣлъ избавить народъ отъ притѣснителей, пламенно желалъ для страны свободы и разумнаго законодательства. То и другое, господа, мы имѣемъ, тѣмъ не менѣе образъ великаго спасителя долженъ быть запечатлѣнъ въ нашихъ сердцахъ. Завоевывать свободу намъ не надо, но мы будемъ поддерживать ее до послѣдней капли крови». Раздаются аплодисменты, крики браво, съ балконовъ бросаютъ въ стрѣлковъ букеты и гирлянды, и они наконецъ вступаютъ на лугъ, гдѣ и стрѣляютъ въ цѣль.

Нѣкоторые швейцарцы полагаютъ, что чѣмъ многочисленнѣе будетъ собраніе стрѣлковъ, тѣмъ болѣе національный характеръ получитъ празднество. Но очень многіе предпочитаютъ собранія стрѣлковъ отдѣльныхъ кантоновъ и даже общинъ и особенно возстаютъ противъ призовъ, которые стали придавать празднествамъ стрѣлковъ какой-то спекулятивный характеръ. Этому содѣйствуетъ также и то, что, при устройствѣ обширнаго собранія, акціонерное общество беретъ обыкновенно на себя всѣ издержки по этому предмету, и потому желающій участвовать въ стрѣльбѣ долженъ внести по крайней мѣрѣ 40 франковъ.

Общества пѣвцовъ состоятъ тоже изъ большаго числа членовъ. Первый союзный праздникъ пѣвцовъ былъ въ 1842 году и съ тѣхъ поръ эти праздники чередовались съ большими стрѣлковыми: одинъ годъ бываетъ праздникъ пѣвцовъ, другой—стрѣлковъ. Любители пѣнія могутъ познакомиться здѣсь, какъ съ народными пѣснями швейцарцевъ, такъ и съ различными романсами на нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и романскомъ языкахъ.

Для праздника *бойцовъ* выбираютъ обыкновенно какой нибудь центральный пунктъ, такъ чтобы бойцы сосѣднихъ долинъ могли также принимать участіе въ бою, потому что всякій интересуется знать, на чьей сторонѣ окажется побѣда.

Когда праздникъ бойцовъ приближается, то желающіе принимать въ немъ участіе заранѣе начинаютъ дѣлать нѣкоторыя приготовленія: они стараются избѣгать всякой утомительной работы, заботятся о своемъ тѣлѣ и употребляютъ въ пищу самыя укрѣпляющія кушанья. Утромъ, въ самый день праздника, конкурренты обѣихъ партій собираются въ трактирѣ, каждый выбираетъ себѣ противника, и всѣ пьютъ и болтаютъ съ неподражаемымъ благодушіемъ. Въ назначенный часъ все собраніе выступаетъ съ музыкою во главѣ, бойцы идутъ попарно, впереди ихъ несутъ призы, и все это движется къ назначенному мѣсту, гдѣ уже ожидаетъ громадная толпа зрителей; по большей части выбирается такая мѣстность, которая имѣла бы видъ амфитеатра и была слегка покрыта мягкою и мелкою травою. Судъ экспертовъ, т. е. людей вполнѣ опытныхъ и въ совершенствѣ знающихъ свое дѣло, уже занялъ свои мѣста, остальная публика размѣстилась громаднымъ кругомъ, въ центрѣ котораго начинаютъ устанавли-

ваться бойцы. Прежде всего они сбрасываютъ съ себя все лишнее изъ одежды и остаются въ одной рубашкѣ, чулкахъ и панталонахъ, сверхъ которыхъ надѣваютъ особенные, нарочно устроенные для драки коротенькіе штаны, доходящіе только до колѣнъ и сшитые изъ очень крѣпкой матеріи. Въ такомъ видѣ бойцы должны сходиться попарно, слѣдуя въ извѣстномъ порядкѣ и придерживаясь того правила, чтобы сначала дрались слабѣйшіе, а потомъ сильнѣйшіе. Прежде чѣмъ вступать въ бой, противники должны подать другъ другу руки, въ знакъ того, что не имѣютъ между собою никакой вражды, и что борьба будетъ вестись самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Грудь и воротъ рубашки должны быть растегнуты и нисколько не стѣснять дыханія, а рукава засучены выше локтя, чтобъ всѣ движенія были какъ можно свободнѣе. Согласно древнему обычаю, костюмы должны быть одинаковые у всѣхъ; главнѣйшимъ образомъ наблюдаютъ, чтобъ не было завязокъ и снурковъ, потому что во время борьбы, въ особенности если она продолжается долго и упорно, малѣйшая неисправность въ одеждѣ можетъ рѣшить побѣду въ ту или другую сторону. Наконецъ бой начинается: на арену выступаетъ первая пара бойцовъ; глаза ихъ горятъ отъ нетерпѣнія и отъ увѣренности въ успѣхѣ. Они спокойно схватываются другъ съ другомъ, грудь съ грудью, правая рука одного крѣпко обхватываетъ поясъ другаго, а лѣвая зацѣпляетъ за нижнюю часть его короткихъ штановъ. Иногда они начинаютъ бой стоя, иногда опускаются на колѣни, смотря потому, какъ имъ кажется удобнѣе.

«Опытные бойцы долго таскаютъ другъ друга по аренѣ, кружатся и толкаютъ одинъ другаго, въ ожиданіи момента, когда можно будетъ нанести рѣшительный ударъ. Въ это время они думаютъ только объ одномъ, — чтобъ крѣпче устоять на ногахъ; руки ихъ лежатъ неподвижно, какъ каменныя, и при концѣ трудно бываетъ отличить, кому изъ двухъ онѣ принадлежатъ; лишь только одинъ какъ нибудь зазѣвается, другой тотчасъ же пользуется его промахомъ. Но иногда случается, что оба они такъ долго не уступаютъ другъ другу, что совершенно изнемогаютъ въ борьбѣ, потъ льетъ съ нихъ градомъ, они едва переводятъ дыханіе и наконецъ оба ложатся на траву. Тутъ имъ подаютъ стаканъ вина, который они выпиваютъ вмѣстѣ, затѣмъ встаютъ, натираютъ руки землей, чтобъ сдѣлать ихъ тверже, и сраженіе возобновляется съ удвоенными силами.

«Пока бойцы только пытаютъ свои силы, въ кругу царствуетъ глубочайшее безмолвіе, но лишь только одинъ изъ нихъ приподнятъ съ земли, лишь только они сцѣпились ногами и отчаянная борьба завязалась, какъ все собраніе оживаетъ, всѣ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ слѣдятъ за малѣйшими подробностями битвы, и партія, державшая пари за котораго нибудь изъ бойцовъ, ободряетъ его громкими криками. Наконецъ, одинъ теряетъ равновѣсіе, противникъ схватываетъ его, приподнимаетъ, сгибаетъ и опрокидываетъ на землю»...

Во время различныхъ празднествъ существуютъ совершенно оригинальныя представленія на открытомъ воздухѣ: драмы и комедіи представляютъ не актеры, а простой народъ. Участвующихъ бываетъ иногда чрезвычайно много, нѣсколько сотъ человѣкъ; при этомъ сюжеты пьесъ очень разнообразны: драматизированныя событія изъ швейцарской жизни, сцены изъ настоящей и прошлой домашней жизни и т. п.

Чаще другихъ на сценѣ фигурируетъ Вильгельмъ Телль, но не забыты и другіе народные герои и замѣчательные факты изъ швейцарской исторіи. Въ 1869 г. на масляницѣ въ Рихтерсвилѣ на берегу Цюрихскаго озера, была дана пьеса, гдѣ была изображена храбрая борьба Нидвальденцевъ (полукантонъ Унтервальдена) противъ французовъ въ 1798 г. Представленіе вышло чрезвычайно величественно. Все населеніе Рихтерсвиля и окрестныхъ мѣстностей собралось смотрѣть пьесу. Участвующихъ въ

представленіи было болѣе 500 человѣкъ. На сценѣ, крышей которой было чудное голубое небо, представлена была древняя башня, далѣе виднѣлась колокольня Станца. Французы съ двумя пушками собрались на берегу озера, и вотъ французскій генералъ, роль котораго игралъ статный пивоваръ, обращаясь къ своимъ войскамъ, начинаетъ подстрекать ихъ къ битвѣ съ пастухами. Затѣмъ французы входятъ на приготовленную флотилію. Нидвальденцы, въ бѣлыхъ пастушескихъ рубашкахъ, съ отрядомъ стрѣлковъ, ожидаютъ на холмѣ непріятеля. Направо отъ башни и въ ней самой стоитъ огромная толпа женщинъ Унтервальдена, пылающихъ воинственнымъ азартомъ. Между врагами начинается перестрѣлка, пока французы не принуждаютъ нидвальденцевъ къ отступленію; но швейцарскія женщины и въ это время продолжаютъ бросать во французовъ каменьями. Однако перевѣсъ непріятелей былъ слишкомъ великъ. У хижинъ Станца загорѣлась послѣдняя борьба, пока не была подожжена деревня и не истраченъ весь порохъ. Послѣ четырехчасовой битвы «французы и нидвальденцы», закопченные дымомъ, но невредимые, всѣ вмѣстѣ возвратились въ мѣстечко, гдѣ распорядители праздника встрѣтили рѣчью воиновъ и воительницъ и распустили ихъ по домамъ съ криками въ честь отечества.

Въ пьесѣ «Крестьянская война въ 1653 г.» принимаетъ участіе около 400 лицъ. Тутъ происходятъ сраженія, правильно исполненныя, съ пѣхотою, кавалеріею и артиллеріею.

Лѣтъ десять тому назадъ много говорили о японскомъ посольствѣ, разъѣзжавшемъ въ Европѣ. Въ Швейцарію оно не пріѣхало, но торговые интересы требовали, чтобы въ Японію было отправлено швейцарское посольство. По этому поводу въ публикѣ много шутили и смѣялись. Жители Швица воспользовались этимъ для большой драмы, которая спустя 3—4 года и была представлена нѣсколько разъ. Заглавіе пьесы довольно оригинально: «Швейцарія въ Японіи,—большой японско-швейцарскій придворный праздникъ въ Іеддо-Швицѣ». Въ шуточномъ тонѣ, но въ тоже время съ тонкою сатирою тутъ касаются современныхъ событій, какъ ближайшихъ, такъ и отдаленныхъ, отечественныхъ и иностранныхъ.

Пьеса «Дома и на чужбинѣ» въ 6 актахъ. Въ ней между прочимъ представлена вербовка швейцарцевъ въ иностранную службу. Тутъ являются французскіе и нѣмецкіе вербовщики, и одинъ передъ другимъ даютъ щедрыя обѣщанія. Наиболѣе любимый шестой актъ—выселеніе. Въ торжественномъ шествіи выступаютъ американскіе краснокожіе, швейцарскій пастухъ и отправляется торговая экспедиція въ Тобольскъ: купецъ, закутанный въ мѣха, сидитъ на санкахъ, запряженныхъ собаками. При этомъ поютъ, произносятъ стихи, въ которыхъ высказываютъ, что, куда бы ни ѣхали швейцарцы, они всегда будутъ вѣрны родинѣ.

Эти швейцарскія народныя представленія продолжаются очень долго, но актеры—мѣстное юношество—неутомимы, а публика весьма терпѣлива. Актеры и актрисы такъ превосходно заучиваютъ свои роли, что не нуждаются въ суфлерѣ.

Изъ мѣстныхъ праздниковъ особенно замѣчателенъ праздникъ виноградарей въ Веве. Его устраиваютъ довольно рѣдко: черезъ 6, 8, а иногда даже и 14 лѣтъ. Вслѣдствіе этого народу на этотъ праздникъ собирается чрезвычайно много: такъ напр., въ 1865 г. было до 11,000 человѣкъ.

Въ самый день праздника, въ 7 часовъ утра, уже всѣ окна и стѣны домовъ убраны плющемъ и цвѣтами, устроено множество тріумфальныхъ арокъ, чрезъ которыя и проходятъ главная дѣйствующія лица этого праздника, числомъ около 1,300 человѣкъ. Прежде всего въ этой группѣ бросается въ глаза Палесъ (богиня пастуховъ), окруженная огромною свитою въ бѣлыхъ и голубыхъ одеждахъ; въ другой группѣ Церера (бо-

гиня плодородія),—ея свита въ бѣлыхъ и красныхъ одеждахъ; въ третьей группѣ Бахусъ (богъ вина)—и окружающіе его убраны виноградными лозами и плющемъ. Бахуса представляетъ ребенокъ 7—8 лѣтъ. Палесъ въ этомъ торжествѣ олицетворяетъ весну, Церера—лѣто, Бахусъ—осень; прежде они изображали три главныхъ занятія швейцарцевъ: скотоводство, земледѣліе и винодѣліе. Это шествіе двигается къ площади. Три пѣвца всходятъ на трибуну и открываютъ праздникъ пѣснею въ честь отечества и прославленіемъ свободы. Затѣмъ поетъ хоръ. Главный актъ этого празднества—раздача призовъ. Послѣ рѣчи президента увѣнчиваютъ двухъ виноградарей, которые наиболѣе отличились за это время въ своемъ дѣлѣ. Другимъ раздаютъ медали, преміи. Въ антрактахъ между рѣчами и раздачею наградъ поютъ пѣсни, между которыми непремѣнно услышишь «ranz des vaches» — пастушеская пѣсня. Затѣмъ въ огромной процессіи обходятъ весь городокъ; тутъ представители различныхъ промысловъ идутъ группами и несутъ соотвѣтствующія орудія и снаряды: такъ напр. виноградари несутъ свой ножъ которымъ они обрѣзываютъ лозы. Въ процессіи ведутъ также коровъ, убранныхъ цвѣтами и большими бубенчиками, овецъ, разукрашенныхъ лентами, и огромнаго барана.

Швейцарцы очень любятъ барабанный бой, такъ что по послѣдней переписи въ одномъ Базелѣ нашли до 2,700 барабановъ, исключительно служащихъ для развлеченія. Но Базель спокойный городъ, и въ немъ нельзя барабанить, когда вздумается. Чтобы доставить народу увеселеніе, позволяютъ барабанить одинъ день на масляницѣ. Задолго передъ этимъ базельское юношество неутомимо готовится къ празднику. Эти репетиціи на барабанахъ исполняются огромными компаніями за городскими воротами, подъ руководствомъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей. Молодежь этимъ однако не удовлетворяется и все свободное время этой недѣли употребляетъ на упражненія. Чтобы пощадить родительскія уши и не пугать малыхъ ребятъ, они отправляются въ погреба и, разгоняя при первыхъ звукахъ крысъ и мышей, упражняются, сколько хватитъ силы. Настаетъ наконецъ разсвѣтъ желаннаго дня. По старому обычаю, зорю бьютъ уже въ 4 часа. Но еще ранѣе улицы и дома ярко освѣщены и на сборныхъ мѣстахъ стоятъ барабанщики и флейтисты. У каждой группы есть огромный прозрачный и разрисованный фонарь съ различными надписями. Тутъ же стоятъ замаскированные, которые подсмѣиваются и мѣтко острятъ. Но вотъ бьетъ 4 часа. Тамбуръ-мажоръ потрясаетъ своимъ жезломъ, раздается старинный швейцарскій маршъ подъ акомпаниментъ флейты, и шествіе двигается по улицамъ города. Весь Базель оглашается страшнымъ шумомъ: отъ него избавлены только тѣ улицы, въ которыхъ есть опасные больные. Объ этомъ дѣлаютъ заранѣе распоряженіе въ газетахъ. Во время шествія тамбуръ-мажоръ возбуждаетъ удивленіе толпы ловкимъ подбрасываніемъ своего жезла. Долго ходятъ такимъ образомъ; только у извѣстныхъ трактировъ останавливаются отъ времени до времени, чтобы подкрѣпить свои силы. Въ этотъ день и кушанья особыя: мучная размазня, пирожки съ начинкой, сильно приправленной лукомъ. Ровно въ 7 часовъ барабанный бой и звуки флейты прекращаются. Нужно замѣтить, что въ этой процессіи участвуетъ и много мальчиковъ 10—11 лѣтъ. Иной изъ нихъ и сильно устанетъ, и раньше другихъ захочетъ ѣсть, но ни за что не выдастъ себя. Когда оканчивается первый актъ торжества, онъ съ необыкновеннымъ мужествомъ подходитъ къ родителямъ, чувствуетъ себя на цѣлую голову выше своего возраста и ни за что въ тотъ день не позволитъ матери поцѣловать себя, такъ какъ считаетъ, что такія нѣжности неприличны для воина.

Послѣ обѣда въ этотъ день и до самой ночи двигаются костюмированныя группы. Когда стемнѣетъ, снова появляются большіе фонари съ надписями и рисунками. Такъ напримѣръ на масляницѣ прошлаго года на одномъ изъ фонарей появилась громадная

прусская каска, которая возбудила общее веселье и заставила краснѣть тѣхъ, которые въ этотъ годъ мечтали объ ней.

Не менѣе любопытенъ праздникъ сожиганія зимы въ Цюрихѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Швейцаріи. Праздникъ этотъ особенно интересуетъ дѣтей.

Когда колоколъ Гросмюнстерской башни ударитъ въ 6 часовъ пополудни, въ знакъ того, что для рабочихъ начинается лѣтнее полугодіе, на различныхъ городскихъ площадяхъ устраиваютъ костры и подлѣ торчитъ укрѣпленная на шестѣ соломенная кукла, по одеждѣ и сѣдой бородѣ которой видно, что она должна представлять зиму. Когда раздается звукъ колокола, то мальчики, которые цѣлый день сносили матеріалы для костровъ, теперь бросаются зажигать ихъ. Раздаются выстрѣлы и звуки барабана. Костры окружаетъ огромная толпа народа всякаго возраста. Когда пламя сдѣлается яркимъ и начнетъ касаться шеста, дѣти въ ту же минуту сбрасываютъ чучело въ огонь.

ОБРАЗОВАНІЕ.

Школьныя зданія.—Положеніе учителя.—Отношеніе народа къ школѣ.—Обученіе.—Кретины и другіе больные.

Школа самое свѣтлое явленіе швейцарской жизни. «Единственные дворцы, которые существуютъ у насъ, посвящены образованію», сказалъ одинъ швейцарецъ, указывая иностранцу на свои школы,—и имѣлъ полное право это сказать. «Красивѣйшее зданіе, которое видитъ швейцарецъ, выходя изъ своего дома, сельская школа или кантональная школа, смотря по тому, гдѣ онъ живетъ, въ деревнѣ или въ городѣ. Тюрьма, рабочій домъ, даже ратуша иногда скрываются отъ глазъ любопытныхъ въ какомъ нибудь уединенномъ уголкѣ. Но школа, академія, университетъ занимаютъ самое видное мѣсто въ селеніи или въ городѣ. Въ Цюрихѣ и Лозаннѣ, главныхъ центрахъ просвѣщенія Швейцаріи, красивѣйшія зданія—общественныя школы. Послѣ союзнаго дома въ Бернѣ политехническій институтъ въ Цюрихѣ есть великолѣпнѣйшее зданіе во всей странѣ, какъ по архитектурной красотѣ и блеску, такъ и по удобству расположенія и живописной обстановкѣ. «Наши дѣти, говорилъ одинъ ученый профессоръ, до того привыкли къ тому, что школа красивѣйшее зданіе въ городѣ, что за границей они впадаютъ въ самыя уморительныя ошибки. Такъ моя десятилѣтняя дочь, увидавъ блестящій фасадъ Версаля, воскликнула, хлопая въ ладоши: «Папа! папа! вотъ и школа, смотри! смотри»!

«Почти тоже самое встрѣчаете вы и въ деревняхъ. Въ какомъ нибудь глубокомъ и мрачномъ ущельѣ съ обнаженными вершинами и клокочащими горными потоками вы видите вокругъ себя рѣдкія сосны и кое-гдѣ на уступахъ разбросанныя хижины; вы не слышите никакихъ человѣческихъ звуковъ, и ничто не нарушаетъ монотоннаго плеска воды и шума листьевъ. «Ну, ужъ здѣсь нѣтъ школы!» восклицаете вы, и черезъ нѣсколько шаговъ передъ вами возвышается четыреугольный бѣлый домикъ. Въ Англіи подобный домикъ былъ бы охотничьимъ пріютомъ, а здѣсь это сельская школа. Въ мѣстахъ, не столь уединенныхъ, эти школы устроены лучше и роскошнѣе. Поѣзжайте въ

Сенъ-Галенъ, и тамъ на главной улицѣ, среди великолѣпнаго парка, вы увидите кантональную школу, которая поразитъ васъ своимъ великолѣпіемъ даже въ этой странѣ красивыхъ и удобныхъ школъ».

Въ настоящее время число учебныхъ заведеній простирается болѣе 7 тысячъ. Самые образованные кантоны: Базель, Цюрихъ и Ваадтъ, гдѣ на 1000 жителей приходится только 4 безграмотныхъ. Въ наименѣе образованныхъ кантонахъ, каковы: Нидвальденъ, Фрейбургъ, Валлисъ, Швицъ, Аппенцель, изъ 1000 жителей насчитываютъ отъ 113 до 315 безграмотныхъ.

Какъ ученики, такъ и народъ относятся къ учителю съ большимъ почтеніемъ. За разрѣшеніемъ вопросовъ, за совѣтами всѣ идутъ къ нему, и учитель во всей Швейцаріи имѣетъ большое вліяніе на населеніе. Трудъ учителей и профессоровъ вознаграждается въ Швейцаріи, въ большинствѣ случаевъ, чрезвычайно хорошо. Такъ напр. учителя начальныхъ школъ въ городѣ Цюрихѣ получаютъ отъ 2300 до 3500 фр. Понятно, что и по выходѣ изъ школы народъ Швейцарскій читаетъ и пишетъ болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, что можно заключить по количеству періодическихъ изданій (въ 1872 г. вышло 412 періодическихъ изданій), библіотекъ (въ 1876 г. было 25 большихъ, публичныхъ библіотекъ и 1629 библіотекъ при учебныхъ заведеніяхъ и народныхъ читаленъ), различныхъ ученыхъ и артистическихъ обществъ (въ 1875 г. было 5,552 такихъ общества).

Образованіе въ Швейцаріи повсюду обязательное, за исключеніемъ двухъ, трехъ маленькихъ кантоновъ, обитаемыхъ пастухами, и кантона Женевы. Родители, которые не посылаютъ своихъ дѣтей въ школы, платятъ штрафъ и подвергаются тюремному заключенію. Но, разумѣется, это бываетъ только въ такомъ случаѣ, когда родители не могутъ доказать, что они даютъ дѣтямъ домашнее образованіе. Дѣти обязаны посѣщать школу отъ 6 до 12-лѣтняго возраста въ кантонѣ Базелѣ и отъ 6 до 15 лѣтъ въ большинствѣ другихъ кантоновъ. Почти всюду не дозволено держать на фабрикахъ дѣтей, которыя не получили первоначальнаго образованія. Обученіе въ школѣ въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно основательное; недостатки его—излишняя узкость и практичность. Религія занимаетъ первое мѣсто въ преподаваніи и ему посвящена большая часть времени. Хорошо выучиваются дѣти арифметикѣ, родному языку; мальчиковъ непремѣнно обучаютъ маршированію и военнымъ пріемамъ, дѣвочекъ учатъ шитью и кройкѣ. Вотъ только въ этомъ послѣднемъ и заключается разница въ обученіи между мальчиками и дѣвочками; что же касается до остальныхъ предметовъ, то ихъ обучаютъ одинаково, какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Въ самомъ легкомъ и популярномъ изложеніи знакомятъ ребенка съ исторіею страны и ея учрежденіями, развиваютъ голосъ и во многихъ мѣстахъ обращаютъ вниманіе на музыкальныя способности, но болѣе всего стараются развить патріотическое чувство. Вѣроятно, вслѣдствіе этого здѣшніе школьники постоянно играютъ въ войны, постоянно бѣгаютъ съ знаменами въ рукахъ, съ криками «да здравствуетъ Швейцарія и всѣ наши союзники».

Школа—первая и главная забота каждой общины. Если въ селеніи найдется хоть 20 дѣтей 6, 7-лѣтняго возраста, мэръ и совѣтъ уже обязаны открыть школу и нанять учителя. Есть также и кантональныя школы, которыя содержитъ кантональное правительство.

Трудно перечесть множество школьныхъ празднествъ, которыя тамъ безпрестанно устраиваются. Вы то и дѣло встрѣчаете на улицахъ торжественную процессію: впереди музыка и флаги, потомъ до тысячи дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, за ними столько же мальчиковъ. Между группою мальчиковъ и дѣвочекъ идутъ: пасторъ, учитель, нѣсколько судей, совѣтниковъ. Шествіе замыкаютъ музыканты, пожарные въ каскахъ, полиція

въ мундирахъ. Воздухъ оглашается пѣніемъ тысячи дѣтскихъ голосковъ, прерываемыхъ звуками трубъ и барабановъ. Спросите, что это за торжество, и вамъ навѣрно отвѣтятъ, что это школьный праздникъ послѣ окончанія полугодоваго курса, или при его началѣ; выходъ изъ школы, вступленіе въ нее—все, каждый шагъ школьной жизни ознаменованъ торжествомъ.

Сельскія школы управляются самими поселянами, и всѣ безъ исключенія члены общины: пастухи-ли они, дровосѣки или совѣтники—должны принимать участіе въ управленіи общинными школами. Они участвуютъ въ выборѣ учителей и директора и могутъ всегда посѣщать классы во время урока. Кромѣ слабоумныхъ, дѣтей съ огромными зобами и калѣкъ, которыхъ не принимаетъ ни одна школа, тутъ всѣ учатся грамотѣ, и на школьной скамьѣ вы встрѣтите дѣтей всѣхъ классовъ общества: сынъ лавочника, пастуха или кабатчика сидитъ подлѣ сына профессора и т. п. Въ школѣ даже самыхъ бѣдныхъ и глухихъ кантоновъ васъ поразитъ необыкновенная чистота и опрятность учащихся. Тотъ же мальчикъ, который, весь растрепаный и испачканый, бѣгалъ по улицѣ, подходя къ школѣ, тщательно причесывается и умывается. Если онъ малъ и слабъ—объ этомъ уже заботятся родители, которые смотрятъ на вступленіе въ школу, какъ другіе на вступленіе въ святое мѣсто, въ божій храмъ. Если мальчикъ вбѣгаетъ въ школу грязнымъ, учитель, прежде чѣмъ начинать свои занятія, моетъ и прибираетъ его. Товарищи при этомъ смѣются и стыдятъ новичка, говоря, что все это они всегда сами дѣлаютъ, и эта мѣра такъ хорошо дѣйствуетъ, что учителю никогда не приходится мыть ребенка больше двухъ, трехъ разъ во всей его школьной жизни.

За лѣность и школьныя провинности не существуетъ тѣлесныхъ наказаній; слѣдовательно у нихъ нѣтъ ни розогъ, ни пощечинъ, ни битья по головѣ. Дѣти такъ любятъ школу, что шалуну обыкновенно достаточно, чтобы опомниться, и одной угрозы, что завтра ему не позволятъ придти въ школу.

За большую же вину исключаютъ изъ школы на недѣлю, на двѣ и наконецъ самымъ тяжелымъ наказаніемъ служитъ окончательное исключеніе. Этого страшно боятся не только сами дѣти, но и родители, потому такіе случаи очень рѣдки. Дѣйствительно, исключеніе изъ школы почти равняется совершенной гибели. Правила о переходѣ изъ одной школы въ другую чрезвычайно строги, и ученика, выключеннаго съ дурнымъ аттестатомъ, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ примутъ въ другой школѣ.

Какъ ни строги правила общины, по которымъ каждый восьми-лѣтній мальчикъ обязанъ ежедневно посѣщать школу, но съ суровой, дикой альпійской природою не въ состояніи бороться никакіе законы. Зимою на высокихъ Альпахъ жилища и дороги сплошь заноситъ снѣгомъ, и бѣдному ребенку приходится дѣлать по три, по четыре версты, пробираясь по сугробамъ въ бурю и непогоду. Тутъ мэры волей неволей смотрятъ сквозь пальцы на то, что дѣти неисправно посѣщаютъ школу.

Въ школѣ, какъ мы уже упомянули, не могутъ учиться калѣки, слабоумные, глухо-нѣмые, зобастые, т. е. съ большими зобами или наростомъ на шеѣ, и наконецъ кретины. А такихъ несчастныхъ много въ глубокихъ Альпійскихъ долинахъ и между сельскимъ населеніемъ внутреннихъ кантоновъ. Чаще же всего они встрѣчаются въ долинѣ Роны. Страшно тяжелое впечатлѣніе производитъ кретинъ: крошечное туловище съ огромнымъ, выпятившимся зобомъ (кретины бываютъ также и безъ зоба), сидитъ на короткихъ, большею частью совсѣмъ кривыхъ ногахъ. Голова маленькая, неуклюже-сдавленная, лице безобразно-идіотское, съ огромными челюстями. Если вы подойдете къ нему, чтобы съ нимъ заговорить, онъ засуетится, безъ всякой надобности начнетъ бросаться изъ стороны въ сторону, поражаетъ васъ какимъ-то дикимъ крив-

ляньемъ, при этомъ безъ смысла смѣется, болтаетъ своими длинными, какъ плети руками, шамкаетъ, мычитъ. Но вотъ онъ вдругъ издаетъ звукъ, похожій скорѣе на ревъ осла, чѣмъ на голосъ человѣка, и вы въ недоумѣніи, кто передъ вами, человѣкъ или животное. Обыкновенно уже въ дѣтствѣ, по устройству организма, можно замѣтить, будетъ ребенокъ кретиномъ или нѣтъ, но кретинизмъ также можетъ развиться и нѣсколько лѣтъ спустя. Много способствуетъ этому злу: малопитательная пища бѣдняковъ, сырая и удушливая атмосфера глубокихъ долинъ, мало освѣщаемыхъ теплыми солнечными лучами, недостатокъ присмотра въ дѣтствѣ, отчужденность отъ людскаго общества и т. п.

Не мало ослабляетъ организмъ кретина вода съ ледниковъ, которую многимъ приходится пить. Но если кому нибудь изъ этихъ несчастныхъ посчастливится въ раннемъ дѣтствѣ попасть къ хорошему, любящему человѣку, который будетъ объ немъ заботиться, хорошо питать его и мало по малу станетъ пріучать его къ работѣ и учить, идіотство кретина проявится въ гораздо меньшей степени. Если не достигали того, чтобы развить у кретина быстрое соображеніе, то все-таки удавалось научить ихъ кой-чему; что же касается полевыхъ и домашнихъ работъ, имъ обыкновенно выучиваются всѣ кретины, если только ихъ учатъ этому съ дѣтства. Особенно много сдѣлалъ для этихъ несчастныхъ одинъ педагогъ Гугенбюль. Онъ устроилъ близъ Интерлакена цѣлое заведеніе для леченія идіотовъ, слабоумныхъ и кретиновъ и доказалъ всему свѣту, что въ каждомъ ребенкѣ можно усовершенствовать его умственную и физическую сторону, если только воспитывать его съ любовью и усердіемъ; это же подтверждается и другими фактами. Когда въ какую нибудь несчастную мѣстность, наиболѣе производящую кретиновъ и полу-кретиновъ, начинали болѣе проникать образованіе, гражданская и религіозная свобода, развивалось хлѣбопашество, число несчастныхъ значительно уменьшалось.

Не смотря однако на суровую природу, которая тормозитъ народное образованіе, и множество кретиновъ и полу-кретиновъ, которыхъ не принимаютъ въ сельскія школы, по среднему уровню образованія, по политическому и экономическому положенію своихъ гражданъ и по тѣмъ широкимъ правамъ свободы и самостоятельности, которыя они себѣ пріобрѣли, швейцарцы могутъ безспорно считаться самою передовою націею въ Европѣ. Пройдя успѣшно въ первоначальной школѣ всѣ шесть классовъ, 13-ти, 14-ти лѣтній мальчикъ можетъ прямо заняться практическою дѣятельностью; при этомъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ онъ рѣдко въ чемъ либо затруднится. Кромѣ того, если онъ еще слишкомъ молодъ, чтобъ идти въ походъ, за то онъ очень хорошо знаетъ все, что долженъ знать солдатъ, и черезъ года три, четыре можетъ хорошо защищать свое отечество. Въ школѣ его научили не только маршировать, военнымъ пріемамъ, употребленію оружія, но также сообщили и нѣкоторыя тактическія свѣдѣнія.

ИТАЛІЯ.

Характеръ итальянскаго побережья: восточный и западный берегъ.—Мареммы.—Несчастное положеніе рабочихъ въ этихъ мѣстностяхъ.—Богатая южно-итальянская растительность и ея значеніе для жителей.

Аппенинскія горы тянутся по всему полуострову и дѣлятъ его на двѣ, совсѣмъ непохожія другъ на друга, части: на *западную* и *восточную*. Западная сторона представляетъ гораздо болѣе роскошную растительность, чудные виды, болѣе обработана; тутъ наконецъ мы встрѣчаемъ самые замѣчательные города. Восточная сторона полуострова менѣе обработана: она испещрена множествомъ болотистыхъ мѣстностей и имѣетъ чрезвычайно узкую прибрежную полосу. Море, особенно на сѣверо-восточномъ берегу, врывается въ эти болотистыя мѣстности, образуя между островами множество заливовъ и каналовъ, называемыхъ лагунами. Всѣ эти лагуны подвержены дѣйствію приливовъ и отливовъ. Во время приливовъ вода быстро наполняетъ ихъ, а при отливѣ она дотого спадаетъ, что ея иногда остается не больше фута и лагуны въ это время распространяютъ страшно вредныя испаренія. Лагуны, отмели, лужи, болота, непроходимыя тростниковыя чащи, запруженные луга, затопленныя поля риса нерѣдко тянутся здѣсь на протяженіи нѣсколькихъ миль. На восточномъ берегу климатъ гораздо суровѣе и здѣсь нѣтъ значительныхъ городовъ. Но съ этою стороною полуострова мы ближе познакомимся при описаніи Венеціи, теперь поговоримъ о западномъ берегѣ.

Когда путешественникъ отправляется на югъ, оставляя позади себя Альпы, онъ встрѣчаетъ совсѣмъ другую растительность, другихъ животныхъ,—однимъ словомъ вся картина природы мѣняется передъ нимъ такъ же быстро, какъ въ панорамѣ. Вмѣсто Альпійской зелени луговъ и лѣсовъ, вмѣсто тополя, вяза и дуба въ долинахъ, на западно-итальянскомъ берегу вы прежде всего встрѣтите лавровыя и кипарисныя рощи, отдѣльно растущія, вѣчно зеленые пробковые дубы и густыя, старинныя рощи оливковыхъ деревьевъ. Группы сосенъ, тихо шелестя листьями, распространяютъ, какъ въ храмѣ, запахъ ладона. Мѣстами встрѣчаются пальмы. Вмѣсто клеверныхъ полей,

идутъ луга, усѣянные гіацинтами, нарциссами и другими душистыми цвѣтами. Гигантскія агавы сплошь и рядомъ украшаютъ бѣлое ослѣпительное шоссе, которое то поднимается вверхъ, то опускается, а тамъ далеко внизу, въ морѣ плаваютъ маленькіе, круглые острова, выдающіеся мысы. Но рѣзче всего бросается въ глаза то, что здѣсь чрезвычайно мало пашень, а роскошныхъ, зеленыхъ луговъ и густыхъ лѣсовъ и еще меньше. Здѣшнее населеніе ведетъ садовническую жизнь, сажаетъ, копаетъ, подрѣзаетъ деревья и строитъ террасы на склонахъ скалъ. Въ открытыхъ настежъ домахъ, на улицахъ, въ садахъ — передъ вами вся жизнь итальянца на распашку. Смуглые мужчины въ живописныхъ плащахъ и въ остроконечной, соломенной шляпѣ; женщины съ черными, выразительными глазами. У многихъ изъ нихъ прикрѣпленъ на головѣ бѣлый платокъ со множествомъ складокъ, а мысикъ, который часто дѣлается изъ этого платка на лбу, придаетъ особенную оригинальность типичному, дышащему такою силою и страстью лицу итальянки. Женщины побогаче, вмѣсто платка, прикрѣпляютъ къ волосамъ вуаль. Въ ушахъ каждой изъ нихъ висятъ длинные серьги. Но пріятнѣе всего поражаютъ васъ здѣсь прелестныя, необыкновенно веселыя, полунагія дѣти, съ смуглымъ, смѣлымъ лицемъ и съ совершенно спутанными волосами.

На морскомъ побережьѣ Тосканы у низовьевъ рѣкъ, и особенно у прибрежья, то и дѣло попадаются огромныя болотистыя мѣстности, которыя называются *мареммами*. Но онѣ нисколько не портятъ хорошаго впечатлѣнія, производимаго здѣшнею природою. Въ сторонѣ отъ дороги эти лужи и болота сверкаютъ серебромъ между темною зеленью и на ихъ свѣтлой поверхности темными силуэтами обрисовываются фантастическіе стволы деревьевъ, необыкновенно граціозно обвитые плющемъ и виноградомъ. Многіе изъ этихъ болотъ покрыты тростникомъ и зеленью, но это топкія, опасныя мѣста. Утромъ и вечеромъ надъ мареммами подымаются вредные туманы. Здѣсь и тамъ вѣчно носятся пары отъ горячихъ сѣрныхъ источниковъ. Тутъ же, возлѣ этихъ болотъ, попадаются мѣстности чрезвычайно плодородныя и съ прекрасными пастбищами; но итальянцы всю страну, которая идетъ вдоль берега Средиземнаго моря отъ Ливорно до римской границы,—называютъ мареммой. Для Тосканы мареммы эти отчасти тоже, что для насъ Сибирь,—непочатая страна, въ высшей степени богатая, которая такъ и манитъ къ себѣ бѣдныхъ поселянъ, представляя имъ возможность скоро разжиться. Только немногія мѣстности могутъ сравниться съ мареммами по богатству металлами и нѣкоторыми минеральными веществами. Желѣзо, свинецъ, ртуть, сѣра, мраморъ находятся тутъ въ большомъ количествѣ и разрабатываются во многихъ мѣстностяхъ. Гораздо менѣе богата эта страна полезными произведеніями растительнаго царства; главная причина этого — вредный воздухъ мареммъ, который не даетъ возможности жителямъ усидчиво обрабатывать плодородныя мѣстности.

Каштановые лѣса здѣсь рѣдки, но вездѣ встрѣтишь отдѣльно стоящія деревья; кромѣ того дубы, мѣняющіе свою листву осенью, кленъ, вязы, лѣса каменныхъ дубовъ, которые придаютъ ландшафту особенно мрачный характеръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ около озеръ растетъ огромный тростникъ, изъ листьевъ котораго жители плетутъ веревки и сѣти, а изъ стволовъ дѣлаютъ щетки и циновки.

Рѣдко встрѣтишь въ мареммахъ поля, засѣянныя хлѣбомъ. Рожь совсѣмъ не обрабатывается здѣсь. Тамъ и здѣсь однако можно видѣть поля маиса и изрѣдка пшеницы, овса и ячменя. На склонахъ холмовъ разведены оливковыя деревья и виноградная лоза, которая такъ граціозно обвиваетъ стволы деревьевъ.

Несмотря на то, что край этотъ представляетъ, какъ мы уже замѣтили, много разживы для бѣднаго люда, здѣсь только иногда встрѣтишь одинокія жилища спекуляторовъ, которые во чтобы то ни стало рѣшились обогатиться, притоны разбойниковъ

и временные, наскоро сколоченные шалаши. Большая часть мареммъ, несмотря на всѣ свои приманки, остается до того незаселенною, что она имѣетъ видъ безлюдныхъ пустынь западной Америки; съ трудомъ вѣришь, что находишься среди населенной и богатой Тосканы. Отъ множества болотъ воздухъ здѣсь чрезвычайно вреденъ для здоровья, и вотъ причина безлюдья этого края. Вѣроятно поэтому мареммы такъ богаты различною дичью. Несмотря на множество охотниковъ, усердно преслѣдующихъ звѣрей и птицъ, ихъ здѣсь все-таки такъ много, что они ежегодно причиняютъ громадные убытки крестьянамъ. Большія стада кабановъ въ одну ночь портятъ огромныя поля. Стаи волковъ, не смотря на бдительность собакъ, нерѣдко врываются въ многочисленныя овечьи стада и доходятъ до самыхъ жилищъ. Лисицы и барсуки гнѣздятся въ норахъ известковыхъ горъ. Много тутъ буйволовъ, которые уже издавна водворились на берегахъ Тирренскаго моря. Немногочисленное населеніе мареммъ поражаетъ своимъ болѣзненнымъ, изнуреннымъ видомъ. Каждый, мало-мальски поправивъ свои дѣла, старается совсѣмъ покинуть эти пагубныя мѣстности, а если этого не позволяютъ обстоятельства, то по крайней мѣрѣ удалиться отсюда на май и іюнь, когда здѣшній воздухъ бываетъ особенно вреденъ. Несмотря на малонаселенность, мѣстности эти бываютъ, кромѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, постоянно оживлены рабочими. Мѣстное населеніе не можетъ своими средствами обрабатывать почву и поэтому горцы толпами спускаются сюда. Не успѣютъ горцы убрать полей, какъ уже съ высотъ Аппенинъ приходятъ пастухи съ огромными стадами и дикими собаками, покормить свой скотъ на наемныхъ пастбищахъ. Затѣмъ идутъ дровосѣки и плотники, занятые рубкою лѣса, наконецъ угольщики и поташники дополняютъ зимнее населеніе и придаютъ мареммамъ дѣятельный и промышленный видъ. Но чуть наступаетъ лѣто, какъ хижины, или лучше сказать шалаши, которые они населяли, остаются пустыми,—всѣ скорѣе стараются разойтись по домамъ: не слышно ни удара топора, ни визга пилы, ни громкихъ, ободряющихъ криковъ работниковъ, ни жалобной свирѣли пастуха. Однако и во время лѣтнихъ жаровъ — въ самое вредное здѣсь время года, мареммы не остаются совершенно пустынными. Двойная плата привлекаетъ сюда для жатвы многихъ бѣдняковъ. Жнецы приходятъ сюда съ своими женами и должны принести съ собой на все время работъ не только припасы для своего продовольствія, но и мѣшокъ съ соломой для отдыха ночью; въ это время года на цѣлыя мили вокругъ тутъ нѣтъ жилища, которое давало бы имъ убѣжище. И не легко же достается рабочимъ эта возвышенная плата. Они спятъ на открытомъ воздухѣ, въ шалашахъ изъ соломы и древесныхъ вѣтвей; другіе вмѣсто шалашей вѣшаютъ свою койку между столбовъ. Такъ какъ здѣсь нельзя достать свѣжей пищи, то они во все время питаются черствымъ хлѣбомъ, взятымъ изъ дому, и овечьимъ сыромъ, приготовляемымъ въ горахъ въ невѣроятномъ количествѣ. Одинъ разъ въ день они варятъ теплую похлебку, которая состоитъ изъ воды, соли, масла, перца и корокъ хлѣба. Жаръ нерѣдко доходитъ до 40° по Реомюру, а ночью падаетъ роса и воздухъ сильно охлаждается. Тяжелая работа во время жаровъ возбуждаетъ страшную жажду, а утолять ее они могутъ только мутной, гнилой болотной водой, по большей части съ растительными и животными веществами. Когда долго стоятъ жары и стоячая вода испаряется подъ жгучими лучами солнца, тогда распространяется въ воздухѣ тотъ тонкій, невидимый, но вездѣ чувствуемый ядъ, который извѣстенъ подъ именемъ маляріи. Малярія впрочемъ господствуетъ не только здѣсь: съ нѣкоторыми перерывами она посѣщаетъ побережья отъ устья Арно до границы Калабріи, но нигдѣ она не бываетъ такъ опасна, какъ въ Тосканскихъ мареммахъ и въ Понтійскихъ болотахъ. Съ ея появленіемъ распространяется множество болѣзней: въ іюнѣ и іюлѣ населеніе страдаетъ обыкновенно перемѣжающимися лихорадками, въ августѣ и сентябрѣ—нервными

болѣзнями, въ октябрѣ желудочными катаррами. Больныхъ обыкновенно бываетъ болѣе половины. Въ концѣ октября, когда начинаются сильные дожди, малярія исчезаетъ и число больныхъ уменьшается.

Несчастные рабочіе еще не кончатъ и половины работъ, какъ уже схватятъ такую жестокую лихорадку, что продолжаютъ жатву и другую работу дрожащими руками. Ко дню св. Лаврентія, т. е. къ 10-му августу, исхудалые, изнуренные, нерѣдко съ развившейся смертельной болѣзнію они возвращаются домой.

По единогласнымъ историческимъ извѣстіямъ, эти пустыни были въ древности мѣстомъ цвѣтущей культуру и дѣятельнаго, многочисленнаго населенія. На это указываютъ также разсѣянныя оливковыя деревья, слѣды прежде разрабатываемыхъ рудниковъ, остатки древнихъ дорогъ, этрусскихъ стѣнъ, башенъ, воротъ, амфитеатровъ и монетъ, сохранившіяся имена нѣкогда большихъ городовъ, вмѣсто которыхъ теперь стоитъ или жалкая деревенька, или ничтожный хуторъ. Но когда послѣ римскаго завоеванія пала этрусская цивилизація, когда междуусобныя войны истощили страну и лишили ее населенія, когда дикія орды варваровъ сожгли ея города, мареммы постепенно стали превращаться въ безлюдную пустыню. Но, какъ видно, тогда еще тлетворное вѣяніе маляріи не было такъ сильно и такъ губительно, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ войска нерѣдко располагались лагеремъ. Опустошительныя болѣзни здѣсь начались собственно съ того времени, когда Арно и всѣ рѣки, которыя берутъ начало на западномъ склонѣ Аппенинъ, стали выходить изъ береговъ и оставлять массу ила. Главная причина маляріи—стоячія воды болотъ, гдѣ гніетъ огромное количество водорослей.

Однако оставимъ мареммы и подвинемся къ югу.. Съ каждымъ шагомъ впередъ путешественникъ оставляетъ позади себя болотистыя мѣстности со всѣми ихъ непривлекательными явленіями и передъ нимъ все роскошнѣе раскидывается вѣчно цвѣтущая итальянская природа. Теперь уже на каждомъ шагу ему попадается пинія (южная сосна), которая своими верхушками, въ видѣ зонтичнаго шатра, виднѣется въ голубомъ небѣ, и стройный, темнозеленый кипарисъ: это два самыя характерныя дерева юга. Далѣе идутъ финиковыя пальмы съ раскидистой верхушкою, зеленыя, мясистыя агавы, группы померанцевъ; тутъ стѣны лавровъ и кусты миртъ, тамъ земляничное дерево съ темною листвою и красными плодами, далѣе прекрасно цвѣтущій олеандръ, апельсинныя и лимонныя деревья. Вся эта зелень зимою бываетъ еще зеленѣе и свѣжѣе, чѣмъ лѣтомъ. Скотъ прокармливается зимою роскошнымъ подножнымъ кормомъ; множество цвѣтовъ и овощей цвѣтутъ и поспѣваютъ круглый годъ. Здѣсь годъ не раздѣляется, какъ у насъ, на оживленное и совершенно мертвое время года, и растительность блекнетъ скорѣе лѣтомъ, чѣмъ зимою. Есть впрочемъ и въ южной Италіи деревья, которыя зимою теряютъ свою листву, но и тогда онѣ никогда не стоятъ обнаженными, какъ у насъ. Темнозеленый плющъ густо обвиваетъ своею зеленью безчисленные стволы ихъ, между которыми бродишь какъ въ залѣ съ зелеными колоннами. Что же до цвѣтовъ, то они здѣсь въ высшей степи роскошны и разнообразны, и даже сухой антикварій (собиратель древностей), который обыкновенно такъ мало обращаетъ вниманія на природу, когда онъ лазаетъ по мѣстамъ древнихъ развалинъ и пробирается чрезъ одиноко стоящія плиты и остатки колоннъ, не можетъ устоять, чтобъ не обратить съ восторгомъ взоръ на выглядывающую всюду между камнями, спутанную чащу цвѣтущихъ кустарниковъ. Особенно весною, послѣ освѣжительнаго дождя, холмы и поля всюду покрываются пестрымъ ковромъ, надъ которымъ носятся, порхая, бабочки, гораздо болѣе блестящія, чѣмъ на сѣверѣ. Точно также и запахъ растеній въ Италіи несравненно сильнѣе, чѣмъ въ средней и сѣверной Европѣ. Есть времена въ году и мѣстности въ Италіи, гдѣ все утопаетъ въ бла-

гоуханіи и каждое дуновеніе днемъ и ночью напоено бальзамическихъ ароматомъ. Почти каждое растеніе, къ которому прикасаешься, почти каждый растираемый листъ оставляетъ въ рукѣ ароматическій, долго сохраняющійся запахъ. Безчисленное множество репейника, масличныя рощи, цвѣты лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, нарцисы, желтофіоль, гвоздика, фіалки, роза, мята, все издаетъ свой особый ароматъ. И куда вы ни пойдете: въ горы или на кладбище, на запустѣлый дворъ или станете бродить между руинъ, васъ всюду окружаетъ это нѣжное благоуханіе. Послѣ этого читателю будетъ понятно, если мы скажемъ, что здѣсь множество растеній, изъ которыхъ приготовляютъ благовонные воды и эфирныя масла. Горящій кусокъ масличной смолы, зажженная мастиковая вѣтка наполняютъ и хижину бѣдняка пріятными ароматами. Тутъ также много лекарственныхъ растеній. Понятно, что при такомъ разнообразіи растительности, кромѣ цѣлебныхъ и ароматныхъ травъ, итальянская почва производитъ также и множество ядовитыхъ растеній; и ихъ ядъ болѣе одуряетъ и болѣе смертеленъ здѣсь, чѣмъ на сѣверѣ. Не даромъ же Италія давала міру еще въ древности искуснѣйшихъ составителей и составительницъ ядовъ.

Множество итальянскихъ растеній содержитъ въ себѣ также красильныя вещества: то въ корняхъ, то въ листьяхъ; ими-то неаполитанскія дѣвушки и женщины умѣютъ красить въ красное, желтое и голубое свои шерстяныя и полотняныя матеріи, коймы, кушаки, платки и передники. Здѣсь народъ необыкновенно любитъ пестрые и яркіе цвѣта въ своей одеждѣ; эту черту народнаго характера можно себѣ объяснить окружающею природою: небо такое ясное, всюду обиліе свѣта и красокъ, растенія такъ разнообразно пестры и ярки и даютъ такъ много красильнаго матеріала, понятно, что народъ, по примѣру природы, одѣвается въ яркіе, пестрые цвѣта.

Кромѣ красильныхъ соковъ, итальянскія растенія содержатъ въ себѣ много и *питательныхъ* веществъ всякаго рода. Здѣсь чрезвычайно много фруктовыхъ деревьевъ, служащихъ большимъ подспорьемъ для народнаго продовольствія. Маслина, напримѣръ, въ южномъ хозяйствѣ играетъ даже бо̀льшую роль, чѣмъ молочное масло въ Голштиніи, потому что растительное масло употребляется и для освѣщенія, и въ видѣ мыла, для мытья, и для приготовленія множества кушаньевъ. Неплодородный на маслины годъ здѣсь большое бѣдствіе. Другое дерево, *смоковница*, имѣетъ также огромное значеніе; плоды его содержатъ сахаръ, ихъ ѣдятъ здѣсь и свѣжими, и сушеными, и такъ какъ они необыкновенно дешевы и здоровы, то бѣдняки прокармливаютъ ими иногда свои семейства. *Каштаны* во многихъ мѣстностяхъ главнѣйшая народная пища въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году.

Итальянскія растенія такъ питательны, что, можно сказать, онѣ то главнымъ образомъ и поддерживаютъ жизнь бѣднаго итальянскаго люда. Ими приправляютъ всѣ супы, соусы; исключительно изъ нихъ приготовляютъ множество блюдъ, ихъ ѣдятъ въ сыромъ видѣ; приправленные же солью, уксусомъ и масломъ эти холодные салаты— любимое кушанье итальянцевъ.

ВЕНЕЦІЯ.

Лагуны и водяныя улицы Венеціи.—Прошедшая и настоящая жизнь этого города.—Піяцца.—Соборъ св. Марка.—Дворецъ дожей.—Венеціанцы: нищіе и гондольеры.—Искуство гондольеровъ; ихъ чудныя пѣсни.—Приливъ и отливъ.—Ночныя серенады.

Пароходъ входитъ въ зеленоватыя воды лагунъ Адріатическаго моря, на которыхъ расположена Венеція, и взору путешественника представляется совершенно особое зрѣлище, никогда имъ не виданное ни въ одномъ европейскомъ городѣ. Такъ далеко, какъ только можно окинуть взоромъ,—все кругомъ его море и песокъ: ни растеній, ни деревьевъ. Боже! какой странный городъ! Дворцы и храмы среди моря! Море волнуется подъ самыми балконами! Вмѣсто блестящихъ экипажей по водянымъ улицамъ скользятъ черныя гондолы (лодки)! Этотъ оригинальный городъ весь построенъ на водѣ! Ни въ центрѣ его, ни подлѣ нѣтъ ни полей, ни луговъ, вода, вездѣ вода!

Сколько-бъ ни читалъ описаній, сколько-бъ ни слышалъ разсказовъ, но каждый, кто первый разъ видитъ этотъ городъ, необыкновенно пораженъ его оригинальностью. Не даромъ великій англійскій поэтъ Байронъ называетъ Венецію *красавицею Адріатики*, а другой извѣстный писатель сравнилъ ее съ *флотомъ мраморныхъ дворцовъ*, ставшихъ на якорѣ посреди моря. Всѣ эти зданія, всплывшія на водѣ, какъ огромныя водяныя растенія, уцѣпились за невидимые, плоскіе, песчаные островки, — вслѣдствіе этого и кажется, что всѣ эти постройки какъ будто вышли прямо изъ моря. Часто около зданія нѣтъ даже самой узкой полосы земли, и венеціанецъ, выходя изъ дому, долженъ прямо сѣсть въ черную гондолу, которыхъ безчисленное множество скользитъ по водянымъ улицамъ города: хотите-ли вы посѣтить знакомыхъ или ѣхать за покупками—гондола къ вашимъ услугамъ и подъѣзжаетъ къ самому вашему крыльцу. Вмѣсто мощенныхъ, каменныхъ мостовыхъ, по которымъ съ такимъ грохотомъ и шумомъ катятъ экипажи, стучатъ колеса и каблуки пѣшеходовъ,—здѣсь тихо, безъ малѣйшаго шороха и шума, переправляются въ баркахъ или гондолахъ. Все здѣсь въ высшей степени оригинально: и фантастическая архитектура зданій, омываемыхъ голубыми волнами, и поэтическое сиреневое венеціанское небо, и наконецъ эта необыкновенная тишина въ такомъ большомъ городѣ!

Чтобы ознакомиться съ общей панорамой города нужно посмотрѣть его à vol-d'oiseau. Для этого лучше всего взобраться на колокольню Св. Марка. Съ ея верхней галлереи вы увидите у своихъ ногъ огромный городъ, точно волшебною силою опущенный среди моря, изрѣзанный сѣтью водяныхъ улицъ и окруженный зеленой поверхностью лагунъ, которая незамѣтно сливается съ голубою далью Адріатики.

Каналы омываютъ основаніе бо́льшей части домовъ Венеціи, или отдалены отъ нихъ переулками до такой степени узкими, что они скорѣе походятъ на корридоры и образуютъ настоящій лабиринтъ, среди котораго иностранецъ съ трудомъ можетъ найти дорогу. Тѣмъ не менѣе прогулки пѣшкомъ представляютъ много интереснаго.

Въ этомъ большомъ городѣ одна только площадь—Святаго Марка, который считается покровителемъ Венеціи. Она представляетъ единственное мѣсто, удобное для гулянья, и поэтому мы прежде всего и познакомимся съ нею. Площадь Св. Марка вымощена мраморными плитами, окружена съ трехъ сторонъ великолѣпными зданіями, образующими какъ бы одинъ громадный мраморный дворецъ, почернѣвшій отъ времени. Эти дивные дворцы были нѣкогда жилищемъ первыхъ сановниковъ республики. Площадь св. Марка

бываетъ оживлена и лѣтомъ, и зимой. По вечерамъ аркады окаймляющихъ ея зданій горятъ сплошнымъ рядомъ газовыхъ рожковъ, а на самой площади стоятъ массивные канделябры со множествомъ матовыхъ фонарей. Движеніе усиливается, когда раздаются звуки военнаго оркестра. Кофейни переполнены народомъ: по всѣмъ направленіямъ двигается масса гуляющихъ, отовсюду раздаются крики разнощиковъ, пѣніе арфистовъ, шарманка и звучный, венеціанскій говоръ. Вдругъ, недалеко, раздались трели соловья, скоро смѣнившіяся клохтаніемъ курицы, блеяніемъ овцы... Это оказывается фокусникъ, который выкрикиваетъ передъ собравшеюся кучкою на всѣ голоса, подражаетъ разнымъ животнымъ и птицамъ. Тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ него, комедіантъ, или, лучше сказать, уличный актеръ. Онъ съ необыкновенною живостью перевертываетъ свое платье на изнанку и придаетъ разныя формы своей шапкѣ. При этомъ, все, что онъ показываетъ, онъ сопровождаетъ оживленной мимикой и безконечной болтовней. «Не угодно-ли, signori, посмотрѣть на Наполеона?» Передъ вами является попеременно то Наполеонъ, то австрійскій солдатъ, а еще чаще іезуитъ. Походка, манеры, взглядъ и даже костюмъ, насколько можно изъ одного платья представить костюмъ самыхъ разнообразныхъ лицъ и національностей,—всему онъ подражаетъ очень искусно. А вотъ и продавецъ конфектъ. На перекинутомъ черезъ плечо ремнѣ виситъ у него походная кондитерская, за стекломъ которой видны разныя конфекты. Онъ тоже умѣетъ привлечь къ себѣ вниманіе. «Покупайте! signori, signorine! Эти конфекты сладки, какъ поцѣлуй прелестной дѣвушки», говоритъ онъ, если проходитъ молодая особа, которая въ благодарность за это тотчасъ и покупаетъ конфекты.

Утромъ площадь св. Марка совсѣмъ почти пуста: венеціанцы встаютъ очень поздно, и если вы кого встрѣтите здѣсь въ это время, то это навѣрно будутъ форестьеры. Но за то не менѣе любопытно прогуляться по площади въ полдень. Цѣлыя тучи голубей слетаются сюда къ 2-мъ часамъ, когда они получаютъ кормъ. Венеціанцы берегутъ и любятъ голубей, съ которыми связаны у нихъ историческія воспоминанія. Преданіе говоритъ, что въ критическія минуты голуби передавали венеціанцамъ важныя депеши, и вотъ потому они и теперь у нихъ въ большомъ почетѣ. Одни изъ нихъ гнѣздятся въ сосѣднихъ съ площадью зданіяхъ, другіе пріютились подъ арками церкви св. Марка. Съ полудня площадь св. Марка все болѣе оживляется. «Передъ соборомъ св. Марка, на трехъ мачтахъ, укрѣпленныхъ на бронзовыхъ пьедесталахъ, висятъ громадные флаги съ изображеніемъ крылатаго льва св. Марка. Вокругъ мраморной часовни сидятъ и лежатъ группами смуглые и курчавые люди въ красныхъ вязаныхъ колпакахъ. Отъ цистернъ дворца идутъ съ мѣдными котлами на коромыслѣ городскія водоносчицы, въ цвѣтныхъ корсажахъ и въ высокихъ поярковыхъ шляпахъ. У кофеенъ, около столиковъ, гдѣ сидятъ дамы, играя своимъ неизбѣжнымъ вѣеромъ, бродятъ продавщицы цвѣтовъ, съ плетеною корзиною на рукѣ и съ улыбкою предлагая миніатюрные букеты изъ фіалокъ и жасминовъ. Изрѣдка мелькаетъ босоногій монахъ съ бритой головою, въ сутанѣ верблюжьяго цвѣта, опоясанный веревкою. Толпа школьниковъ, проходя черезъ площадь, поетъ хоромъ *la bella Venezia*, и разнощикъ свѣжей воды выкрикиваетъ свою *aqua fresca* съ пѣвучей мелодіей итальянскаго напѣва. Все это, при декоративной обстановкѣ, напоминаетъ не то маскарадъ, не то итальянскую оперу». Болѣе всего заслуживаетъ вниманія на этой площади соборъ св. Марка, достойный памятникъ венеціанской исторіи и венеціанскаго искуства. Внѣшность собора производитъ сильное впечатлѣніе не столько своею колоссальностью, сколько красотою, роскошью и разнообразіемъ архитектурныхъ формъ. Нигдѣ не встрѣтишь, какъ здѣсь, такого изобилія позолоты, бронзы и мрамора! «Венеція заимствовала на постройку своему патрону всевозможные стили—греческаго храма, византійской базилики, мавританской мечети, брала

колонны и барельефы съ разныхъ концовъ Европы и Азіи, а геній ея великихъ мастеровъ умѣлъ сложить изъ этого зданіе удивительной стройности и красоты. Всякаго побѣдоносного тріумфатора, дерзкаго пирата и разбогатѣвшаго купца городъ встрѣчалъ вопросомъ: что ты привезъ св. Марку? И въ даръ ему приносились бронзовыя квадриги (колесница запряженная 4-мя лошадьми), мраморныя колонны, драгоцѣнные камни, золотые цекины. Больше всего вкладовъ дала Греція, которую венеціане грабили во время крестовыхъ походовъ. На главномъ фасадѣ, надъ пятью бронзовыми дверьми, поднимаются пять арокъ, раздѣленныхъ снопами порфировыхъ колоннъ, и надъ среднею стоитъ квадрига античныхъ коней, похищенная съ константинопольскаго ипподрома. Дальше идетъ новый рядъ арокъ, изъ которыхъ крайнія покрыты сіяющими на золотѣ мозаиками, а въ средней блеститъ цвѣтными стеклами колоссальная розета, и надъ нею, въ лазурномъ полѣ, крылатый левъ опирается лапой на раскрытое евангеліе. Еще выше поднимаются остроконечныя готическія башенки, прорѣзанныя сквозными окнами, а надъ ними убѣгаютъ въ голубую высь увѣнчанные крестами византійскіе куполы. И весь этотъ прихотливый фасадъ убранъ самыми разнообразными орнаментами: тутъ мозаики, изображающія Вознесеніе Христа и барельефы съ аллегорическими фигурами мудрости и надежды, группа Цереры съ другими богами и статуи мучениковъ и евангелистовъ. Религіозныя сказанія христіанства перемѣшиваются здѣсь языческими мифами и мистическими образами среднихъ вѣковъ».

Соборъ св. Марка посвященъ гораздо болѣе искуству, чѣмъ молитвѣ, и потому скорѣе встрѣтишь здѣсь форестьеровъ, чѣмъ молящихся.

Много сокровищъ, генія, труда, потратила Венеція на сооруженіе собора своему патрону, но едва ли не больше израсходовала она на сооруженіе другаго зданія, которое служило резиденціей ея властителямъ, мѣстомъ засѣданій тайнаго правительства и тюрьмою для жертвъ его мести,—это дворецъ дожей. «Какъ и соборъ св. Марка, дворецъ созидался впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ цѣлымъ рядомъ даровитыхъ художниковъ. И нельзя довольно налюбоваться красотою этого зданія со стороны Славянской набережной. Тутъ рядъ выростающихъ прямо изъ земли бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ поддерживаетъ на своихъ скульптурныхъ капителяхъ стрѣльчатыя арки длинной галлереи; надъ ними новыя колонны изъ розоваго мрамора составляютъ другую галлерею, окаймленную сверху прорѣзными трефами, а затѣмъ поднимается клѣтчатая бѣло-розовая стѣна съ широко-отдѣленными окнами, посреди которыхъ высится балконъ, или лучше сказать ложа, обставленная пилястрами и каріатидами, убранная мраморнымъ кружевомъ и взлетающая своимъ балдахиномъ надъ узорчатою балюстрадою крыши, увѣнчанной по угламъ тонкими, сквозными башенками». Наблюдая дворецъ дожей, болѣе всего удивляешься, какъ могъ архитекторъ утвердить эту страшно тяжелую массу на такихъ легкихъ подпоркахъ, какъ эти колонны.

Два другіе фасада дворца, совсѣмъ въ другомъ вкусѣ, обращены на внутренній дворъ собора св. Марка и къ темницамъ, которыя съ нимъ соединены знаменитымъ *Мостомъ Вздоховъ*, такъ что изъ оконъ многихъ комнатъ видна темница... Какое непріятное сосѣдство! какое мрачное расположеніе духа должны были производить эти тюрьмы на всѣхъ живущихъ въ этихъ палатахъ. Вы вступаете наконецъ на бѣломраморныя сту[illegible] лѣстницы Гигантовъ, которая такъ названа отъ двухъ колоссальныхъ статуй Марса и Нептуна. Эти статуи служили символомъ власти венеціянцевъ на морѣ и сушѣ. Надъ мраморомъ этой лѣстницы трудились первѣйшіе художники, и ея узорчатая отдѣлка дѣйствительно замѣчательно красива. Здѣсь, на этомъ крыльцѣ вѣнчали дожей, и новоизбранный получалъ отъ Сената золотую шапку, унизанную перлами и драгоцѣн-

ными каменьями. А вотъ и знаменитыя дыры въ стѣнѣ... прежде тутъ были вставлены мраморныя пасти львовъ, и всѣ желающіе бросали въ нихъ свои доносы.

Наконецъ, вы въ парадныхъ залахъ стариннаго дворца, въ которыхъ обыкновенно ночью происходили самыя важныя совѣщанія. Теперь въ нихъ ужъ не найдете восточной роскоши: пурпура, золота и драгоцѣнныхъ камней; но за то до сихъ поръ сохранилось множество изящныхъ произведеній венеціанской живописи.

Прежде всего слѣдуетъ осмотрѣть залу Верховнаго Совѣта. Трудно представить себѣ что нибудь величественнѣе по размѣрамъ, роскоши орнаментовъ и богатству художественныхъ сокровищъ. Плафонъ и стѣны совсѣмъ исчезаютъ здѣсь подъ рѣзьбою и живописью. Въ раззолоченныхъ рамахъ колоссальныхъ оваловъ и четыреугольниковъ видны работы Тинторетто и Поля Вероneза, представляющія въ аллегорическихъ сценахъ величіе и торжество Венеціи. Тутъ также выставлены портреты всѣхъ дожей; но на мѣстѣ Марино Фальери находится только рамка, затянутая черной матеріей, и надпись: «здѣсь мѣсто Марино Фальери, обезглавленнаго за преступленіе». Эта надпись бросалась въ глаза всякому дожу, когда онъ со всѣмъ почетомъ, среди другихъ важныхъ сановниковъ, возсѣдалъ въ этихъ залахъ.

Между всѣми залами особенно замѣчательна пріемная зала пословъ, которая до сихъ поръ еще сохранила свое первобытное убранство, вмѣстѣ съ амвономъ и кафедрою дожей. Полъ ея устланъ мозаикою изъ драгоцѣнныхъ мраморовъ; нижняя часть стѣнъ обшита кипарисомъ, похищеннымъ изъ разоренной Византіи; стѣны и потолки расписаны кистью лучшихъ художниковъ. Драгоцѣнныя ткани развѣшаны по стѣнѣ, къ которой прислонены кресла дожа и его ближайшихъ совѣтниковъ. Все въ этой залѣ было разсчитано и устроено такъ, чтобы сразу поразить иноземныхъ пословъ богатствомъ, роскошью и величіемъ.

Теперь всѣ эти залы совершенно пусты и предназначены для общественнаго музея или заняты библіотекою. Войдемъ однако въ залу Совѣту Десяти, гдѣ былъ и инквизиціонный судъ. «Нельзя представить ничего прелестнѣе тѣхъ сценъ и фигуръ, какими покрыты плафонъ и стѣны этой залы, въ которой собиралось самое мрачное и кровавое судилище въ цѣломъ мірѣ. Граціозный сводъ блеститъ весь золотомъ и орнаментами, и на немъ, среди группы мифологическихъ богинь, выдается аллегорическая фигура Венеціи на спинѣ крылатого льва, блистающая красотою формъ и неувядаемой свѣжестью красокъ. И подъ этимъ роскошнымъ плафономъ произносились сотни смертныхъ приговоровъ!»

Подлѣ этой залы есть нѣсколько тѣсныхъ проходовъ и келій, гдѣ хранились архивы и совершались иногда пытки; тутъ же роковая дверь, которая выходитъ на крытую галлерею, висящую высоко надъ водою, называемую Мостомъ Вздоховъ. Инквизиторы изъ своей залы прямо посылали осужденныхъ по этому мосту въ темницы. Изъ той же двери, которая ведетъ на Мостъ Вздоховъ, можно попасть и въ глубокія подземелья дворца или колодцы и въ пломбы, т. е. въ темницы подъ свинцовою крышею, гдѣ узниковъ томили жаромъ. Сидѣть въ пломбахъ въ томительно жаркіе дни, когда металлическая крыша палатъ страшно накалялась, было, конечно, мучительно, но тутъ все еще можно было дышать свѣжимъ воздухомъ. Чтобы вполнѣ понять весь ужасъ венеціанскихъ темницъ, нужно сойти на дно *колодцевъ*, гдѣ въ сырости и въ темнотѣ изнывали сотни жертвъ, навлекшихъ на себя только ничтожное подозрѣніе.

Сдѣлаемъ теперь прогулку по водѣ. Къ каждому зданію можно отправиться на баркѣ или гондолѣ по каналамъ. Гондолы и барки замѣняютъ для венеціанцевъ извощиковъ и омнибусы. Въ легкія гондолы съ маленькими, низкими черными коютами можетъ помѣститься 2, 3 человѣка. Эти гондолы, обложенныя подушками, выкрашены въ черную

краску. Въ баркѣ, болѣе обширной нежели гондола, открытой со всѣхъ сторонъ, окруженной скамейками и обтянутой разноцвѣтною матеріею, могутъ помѣститься человѣкъ 6 и болѣе. При каждой гондолѣ стоитъ гондольеръ въ бѣлой рубахѣ, вложенной въ голубыя штаны; онъ опоясанъ краснымъ кушакомъ: на головѣ шапка съ красной кисточкой; нерѣдко онъ въ курткѣ и въ красномъ колпакѣ и всегда съ оголенными по колѣна ногами.

«Синьоръ! мусьё! эччеленца! вотъ хорошая гондола!»—«Всѣ форестьеры (иностранцы) берутъ мою гондолу!»—«Его гондола течетъ»... и гондольеры другъ передъ другомъ стараются захватить чемоданы и самого форестьера. Тотъ, кому удалось одержать верхъ, будетъ въ мигъ осыпанъ тысячами насмѣшекъ и остротъ отъ своихъ собратій.

Усѣвшись очень удобно въ гондолѣ, а то разлегшись на ея мягкихъ сафьянныхъ подушкахъ, вы ѣдете по зеленоватой водѣ канала. Сначала еще васъ нѣсколько разъ покачнуло, но черезъ мгновеніе гондола уже ровно скользитъ по водѣ. Вы осматриваетесь кругомъ и не можете вдоволь налюбоваться: такъ волшебны эти водяныя улицы, унизанныя мраморными дворцами, такъ простодушно наивны сцены, которыя вы встрѣчаете всюду. На узенькихъ полоскахъ набережной, вдоль воды, вы тотчасъ увидите всю жизнь домиковъ: тутъ рѣшительно все на распашку, все на виду. На припекѣ сидитъ цѣлая группа женщинъ: у нихъ на колѣняхъ ребята и онѣ расчесываютъ другъ другъ волосы, взбитые какъ войлокъ; нѣсколько поодаль старуха въ шлепанцахъ (башмаки безъ задковъ) съ злобнымъ лицомъ бѣжитъ за ребенкомъ и бросаетъ въ него чѣмъ попало; тамъ общипываютъ куръ, потрошатъ гусей и барановъ, отовсюду несутся смертельно-ѣдкія испаренія... Миновали эти сцены, и передъ вами опять цѣлый рядъ дворцевъ. Мрачны, печальны почернѣвшіе ихъ фасады, но въ высшей степени оригинальна архитектура этихъ зданій, выдвинутыхъ изъ воды, съ окнами, украшенными замѣчательно тонкими, искусными мраморными кружевами, съ узорчатыми, часто обвитыми виноградной лозой, балконами, подъ которыми безъ шума плыветъ ваша гондола. Рѣдко однако на этихъ балконахъ появляется какое нибудь человѣческое существо; по большей части окна на глухо заколочены ветхими ставнями, такъ какъ владѣльцы этихъ палаццо давно покоятся въ могильныхъ склепахъ. На полуразвалившемся крыльцѣ ихъ приливъ нанесъ множество раковинъ и пучки разныхъ морскихъ растеній, и въ такомъ видѣ все останется долго, пока новый владѣлецъ, купившій за безцѣнокъ этотъ величественный, но запущенный и заброшенный дворецъ, не возобновитъ его. Со многихъ стѣнъ оборваны даже мраморныя украшенія и только сострадательный плющъ прикрываетъ наготу. «Какая нищета!» подумаетъ всякій путешественникъ. Неужели прежніе властители этого прежде замѣчательно богатаго города для своего великолѣпія и своихъ прихотей такъ долго порабощали мысль и выжимали жизненные соки народа, что подъ конецъ сдѣлали его совсѣмъ негоднымъ для самостоятельнаго труда?

Точно для подтвержденія вашей мысли къ вамъ подъѣзжаетъ оборванная гондола и вслѣдъ за этимъ къ вамъ сразу протягивается цѣлый десятокъ голыхъ дѣтскихъ рукъ. Впрочемъ при нынѣшнемъ правительствѣ нищенство преслѣдуется и нищихъ теперь съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше. Кромѣ страшной бѣдности итальянскаго народа, развращенія его иностранцами, которые такъ часто посѣщаютъ замѣчательные города этой страны, это попрошайничество можно объяснить себѣ также любовью къ золоту. Больной бѣднякъ увѣренъ, что если только мадонна его перекрестка поможетъ ему добыть золотую монету, — онъ непремѣнно оправится. Послѣдняя работница будетъ питаться всю свою жизнь въ проголодь, но непремѣнно откладываетъ въ годъ по нѣскольку байокки, чтобъ только купить себѣ хотя черезъ нѣ-

сколько лѣтъ кусочекъ золотой цѣпочки. На рукѣ стараго оборваннаго нищаго, который вамъ протянулъ ее, чтобъ выпросить ничтожную, мелкую монету, часто блеститъ хотя очень тонкое, но золотое кольцо. Но любовью копить деньгу вовсе не заражены итальянцы: простолюдинъ копитъ деньги, пока не добудетъ себѣ кольца или цѣпочки, впрочемъ и копить-то ему не изъ чего, такъ какъ, чтобы добыть золотую вещичку въ 2, 3 франка, ему приходится урѣзывать изъ самаго необходимаго впродолженіе двухъ, трехъ лѣтъ. На эту золотую вещь, добытую такимъ тяжелымъ трудомъ, онъ скорѣе смотритъ, не какъ на украшеніе, а какъ на святыню, которая избавитъ его отъ многихъ бѣдъ, однимъ словомъ такъ, какъ смотритъ нашъ простолюдинъ на мѣдный крестъ, который онъ носитъ на шеѣ.

Гостиницы Венеціи имѣютъ чрезвычайно величественный видъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это дворцы разныхъ вельможъ, и хотя теперь въ одной залѣ венеціанскаго патриція надѣлано по два этажа комнатъ, путешественникъ все таки удивляется ихъ высотѣ. Очень часто одна часть оконъ выходитъ на каналъ, другая на набережную, на какой-нибудь островокъ и на безпредѣльное царство лагунъ,— такъ что, сидя у себя въ комнатѣ, вы преудобно можете наблюдать жизнь города. Вотъ огромная крытая барка съ чемоданами, сундуками и пассажирами проходитъ мимо, такъ что ея и не слышно,—это венеціанскій омнибусъ. Тишина совершенная, — только отдаленные голоса съ набережной напоминаютъ по временамъ, что и тутъ есть жизнь. Чу! что это за монотонные звуки вдругъ пронеслись у самыхъ вашихъ оконъ? Длинная цѣпь гондолъ плыветъ по каналу, зажженные свѣчи, унылое пѣніе, монахи и черный гробъ посреди барки объясняютъ вамъ тотчасъ эту сцену. Черезъ минуту раздаются совсѣмъ другіе, какіе то рѣзкіе звуки. Это мелкіе торговцы разъѣзжаютъ въ гондолахъ и пронзительно выкрикиваютъ о своемъ картофелѣ, апельсинахъ и т. п. При этихъ звукахъ то тамъ, то здѣсь отворяется въ домѣ окошко, показывается дѣвушка и вступаетъ въ продолжительный торгъ съ продавцомъ. Затѣмъ дѣвушка опускаетъ на веревкахъ корзинку съ деньгами, торговецъ взамѣнъ ихъ наполняетъ ее товаромъ, и ее подымаютъ вверхъ такъ же, какъ опустили.

Опять все стихло. Вотъ съѣхались двѣ гондолы и вамъ кажется, что въ этихъ узкихъ, какъ корридоры, каналахъ имъ ни за что не разъѣхаться. «У-у-у...», кричатъ гондольеры для предупрежденія и въ мигъ осаживаютъ гондолы. Управлять лодкой здѣсь пріучаются съ ранняго дѣтства; богатые иногда по долгу обучаются этому искуству, какъ у насъ наѣздничеству. Подъ веслами какого-нибудь знатнаго венеціанца лихо летитъ великолѣпная гондола изъ чернаго дерева съ зеркальными окнами, съ дорогими коврами. Очень часто весломъ правитъ изнѣженная синьорина. А вонъ у берега толпа четырехъ-пяти-лѣтнихъ ребятъ съ хохотомъ и крикомъ кувыркается и раскачиваетъ барку, но за нихъ никто не боится: развѣ можно утонуть? это все равно, если бъ у насъ стали бояться, что дѣти, играя, провалятся сквозь землю.

Въ большіе праздники гондольеры показываютъ свою ловкость съ особенной торжественностью. «Большой каналъ тогда принаряженъ: изъ оконъ домовъ спущены ковры, красныя и всякія ткани, мѣстами стеганныя одѣяла и даже простыни; изъ палаццо бархатныя, шитыя золотомъ и гербами, покрывала. Поверхность воды усѣяна тысячами гондолъ, которыя группируются около большой барки съ музыкантами, разукрашенной цвѣтами и одѣтой въ розовую матерію съ бѣлыми драпировками. Мало по малу, при общемъ стремленіи пробиться ближе къ музыкѣ, каналъ превращается въ необъятный плотъ сцѣпившихся гондолъ. Подвинуться впередъ или отстать, повидимому, нѣтъ уже никакой возможности: не тутъ-то было! Откуда возьмется бойкая

гондола, которая, какъ змѣя, извиваясь между другими и прорѣзывая себѣ путь блестящимъ гребешкомъ, летитъ еще впередъ!»

Если изъ окна вы услышите крикъ и шумъ, вы можете быть увѣрены, что это ссорятся между собой гондольеры. Они не только бранятся, но и смертельно любятъ поострить другъ надъ другомъ. «Что везете?» насмѣшливо спрашиваетъ гондольеръ проѣзжающую мимо барку.—Вино.—«Такъ дайте отвѣдать!»—«Куда имъ», подхватываютъ тотчасъ другіе, если барка, не обращая вниманія, продолжаетъ свой путь. «Они вина не видывали...» и всѣ звонко хохочутъ. Проплываетъ ли гондола съ пассажиромъ и его вещами, гондольеры осыпаютъ товарища насмѣшками, что онъ везетъ тяжелую поклажу; пустая гондола,—колкія насмѣшки, переходящія въ брань, что онъ безъ пассажира, что его всѣ бракуютъ...

При совершенной тишинѣ въ городѣ ихъ голоса далеко и отчетливо разносятся по водѣ. Разстояніе, на которомъ могутъ переговариваться венеціанцы, особенно поражаетъ путешественника. Уже съ дѣтства они перекликаются и переговариваются съ одного берега канала на другой, и потому голоса ихъ въ высшей степени рѣзки и звучны.

Чу! гдѣ то вдали мальчикъ, вычищая пескомъ стальной гребень гондолы, вдругъ смѣло и звонко затянулъ какую-то пѣсню. Мало по малу гондольеры пристаютъ къ ребенку, сразу смолкаютъ ихъ брань и остроты; вонъ и женщины съ набережной тоже заслышали звуки, подхватываютъ, и черезъ мгновеніе отовсюду понеслась чудная, стройная пѣсня. Но это оживленное движеніе на каналахъ бываетъ только до вечера: къ вечеру же вода стремится къ морю,—начинается отливъ. «Когда вода убываетъ, стѣны домовъ обнажаютъ болѣе и болѣе свои мшистыя, позеленѣлыя, облѣпленныя раковинами основанія; крыльца всплываютъ и на скользкихъ ступеняхъ уже не можетъ держаться нога; сточныя трубы разѣваютъ свои страшныя пасти; безобразные морскіе пауки мечутся по обнаженнымъ откосамъ зданій, убывающая вода, мутная и густая, несетъ скорлупу арбуза, пухъ, листы капусты, обломки, щепки, черепки... плыветъ стоймя разбитый горшокъ, плыветъ старая подошва, дохлая крыса, соръ и жиръ... чего только не плыветъ въ отливъ по большому каналу! а загляните въ маленькіе: на обмелѣвшемъ днѣ липнутъ пустыя барки и гондолы, ребятишки бродятъ въ жидкой грязи, между острыми стеклами и черепками, собирая пауковъ и раковинъ, которыхъ тутъ же пожираютъ живьемъ, разнявши скорлупку ногтемъ или гвоздемъ. Воздухъ дѣлается тяжелымъ и спертымъ, всюду распространяется запахъ гнили... Съ каждой минутой убыль воды смѣняется прибылью нечистотъ со всѣхъ сторонъ, и прекрасная Венеція дѣлается на время огромною помойною ямою. Но вотъ потянуло вѣтромъ съ моря, и голые лагуны начали опять пополняться водой. Дѣти спѣшатъ окончить на нихъ раковый ловъ, и чистая волна все прибываетъ. Черезъ часъ прежняя Венеція уже по колѣна въ водѣ, а черезъ нѣсколько минутъ вы опять можете скользить по ней въ гондолѣ».

Если въ Неаполѣ путешественникъ рвется прежде всего увидѣть Везувій, то здѣсь въ Венеціи ни одинъ не уѣдетъ, не полюбовавшись красотою этого города ночью, не послушавъ ночныхъ венеціанскихъ серенадъ. И дѣйствительно, венеціанская ночь можетъ очаровать хоть кого. Небо серебрится и сверкаетъ, щедро усыпанное яркими звѣздами. Атмосфера здѣсь до того прозрачна, что ясно видишь всѣ предметы даже и на далекомъ разстояніи; ночью же на небѣ гораздо болѣе звѣздъ, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. На пустынной водяной улицѣ темно и тихо. Но вотъ отдѣлилась длинная тѣнь, и красная точка побѣжала поперегъ канала,—это гондола съ фонаремъ...

Лучшія серенады обыкновенно бываютъ еще съ утра заказаны форестьерами. Для

этого приглашаютъ человѣкъ пятнадцать рабочихъ, между которыми маляры считаются самыми лучшими пѣвцами. Какъ только наступаютъ сумерки, они сходятся всѣ вмѣстѣ, спѣваются съ полчаса, садятся въ нѣсколько гондолъ и отправляются къ подъѣзду дома, гдѣ серенада заказана. «Приходи», поютъ пѣвцы, «моя Нинетта, барка готова, приходи! Земля, небо, все ждетъ тебя, моя Нинетта, приходи!» И такъ въ тысячѣ варіантовъ раздаются эти пѣсни и далеко, далеко разносятся чудные мелодическіе звуки итальянскаго голоса.

Въ промышленномъ отношеніи Венеція совсѣмъ пала. Вся промышленность ограничивается здѣсь теперь ничтожнымъ стекляннымъ производствомъ и приготовленіемъ золотыхъ цѣпочекъ, которыя дѣлаютъ руками. Тонкая золотая проволока рѣжется ножницами на коротенькіе кусочки и стальными щипцами загибается въ звенья. Загнутое звено спаивается съ другимъ на огнѣ маленькой лампы, и цѣпь выходитъ проворно изъ рукъ мастероваго.

Но какъ ни упала Венеція по народонаселенію и дѣятельности сравнительно съ тѣмъ, что она была, она обладаетъ все тѣмъ же, за что ее уже издавна такъ любятъ всѣ художники, туристы и поэты,—пріятнымъ климатомъ, прекраснымъ небомъ, своими живописными видами, веселою жизнью, площадью св. Марка, удивительною архитектурою своихъ дворцовъ и удивительными картинами великихъ мастеровъ: Тиціана, Тинторетта, Веронеза и наконецъ своимъ замѣчательнымъ луннымъ свѣтомъ! Взгляните на каналы и дворцы при лунномъ освѣщеніи! Что-то фантастическое, возбуждающее къ мечтамъ производятъ эти дворцы и храмы, эти каналы и скользящія по нимъ гондолы, когда вы видите ихъ ночью облитыхъ серебристымъ свѣтомъ луны! Если правда, что чары луны полны дьявольскаго обольщенія, сказалъ Байронъ, то въ Венеціи ея вліяніе на слабыхъ смертныхъ и на юношескія сердца должно быть сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

РИМЪ.

Первое впечатлѣніе.—Храмъ св. Петра.—Ватиканъ.—Пантеонъ.—Колизей и его прошлое значеніе для Рима.—Капелла мертвыхъ, убранная человѣческими костями.—Катакомбы.—Уличная жизнь.—Балъ натурщицъ.—Климатъ.

Описать Римъ съ его замѣчательными, величественными памятниками, представить причудливую красоту, изобразить въ яркихъ чертахъ его своеобразную жизнь—задача въ высшей степени трудная! Сюда, въ этотъ городъ, со всѣхъ концовъ міра стекаются художники, писатели, пѣвцы, музыканты, мыслители, ботаники, антикваріи, наконецъ даже благочестивые христіане-пилигримы, чтобъ поклониться мѣстамъ, гдѣ впервые пострадали христіане. И всѣ эти пришельцы разныхъ странъ находятъ въ Римѣ и возможность видѣть, что имъ такъ давно хотѣлось узнать, и богатый матеріалъ для своихъ работъ. Но еще важнѣе для путешественника то, что каждый изъ нихъ, на какой бы высокой степени развитія ни стоялъ его талантъ, все-таки найдетъ здѣсь, чему поучиться, чтобы еще болѣе развить свой вкусъ и свои дарованія!

Римъ расположенъ на берегу Тибра и окруженъ красноватыми стѣнами со множествомъ башенъ. Этотъ многохолмный городъ особенно живописенъ, когда его наблю-

даешь съ одной изъ его высотъ, на которыхъ онъ расположенъ *). Передъ зрителями раскидывается чудная панорама. Повсюду разбросаны церкви, громадные дворцы, обелиски, фонтаны, статуи, сады, виноградники и тутъ же совсѣмъ заброшенныя огромныя пространства земли, украшенныя множествомъ фантастическихъ развалинъ отъ древнихъ временъ, повсюду пестрѣютъ тысячи куполовъ, колоколенъ, но между всѣми постройками и деревьями много, много выше всего, точно высокая гора на горизонтѣ, поднимается куполъ величайшей въ мірѣ церкви св. Петра, который видѣнъ не только въ самомъ городѣ, но и тогда, когда находишься отъ него за цѣлые десятки верстъ. Такъ скажемъ же нѣсколько словъ объ этомъ знаменитомъ храмѣ.

Узкая улица ведетъ васъ до самой площади Петра, которая является передъ вами среди окружающей грязи, точно для контраста, во всемъ блескѣ и величіи, оживленная шумомъ двухъ своихъ фонтановъ. Площадь св. Петра представляетъ квадратъ, передъ которымъ тянется овальное пространство, окруженное грандіозными колоннадами; эти колоннады состоятъ изъ четырехъ рядовъ дорическихъ колоннъ. 284 колонны и 88 столбовъ образуютъ три открытыхъ хода, кровли которыхъ украшены 162 статуями святыхъ. Посреди площади стоитъ огромный египетскій обелискъ; вокругъ него начерчена на землѣ роза вѣтровъ, съ обѣихъ сторонъ его возвышаются два красивые фонтана. Яркіе лучи солнца пронизываютъ ихъ воздушный, серебряный дождь, который играетъ и блеститъ миріадами огней на тысячѣ мраморныхъ колоннъ храма и на стройномъ египетскомъ обелискѣ, который на родинѣ самъ былъ нѣкогда символомъ солнечнаго луча.

Какимъ образомъ и изъ какихъ средствъ могла создаться эта громада, превышающая всякія ожиданія, эта роскошь и богатство внутри, превосходящія самую смѣлую фантазію,—вотъ какой вопросъ рождается у каждаго при первомъ взглядѣ на знаменитый храмъ. Болѣе трехъ столѣтій строили его, такъ что геніи разныхъ временъ трудились надъ украшеніями этого храма; не мало и денегъ онъ стоилъ; по приблизительному счету только одно зданіе, безъ внутреннихъ украшеній, стоило болѣе чѣмъ 300 мил. руб. Каменные уступы ведутъ къ притвору, и тутъ только васъ поражаютъ исполинскіе размѣры храма, его разбѣгающаяся колоннада и всѣ его изящныя мраморныя изваянія. Этотъ притворъ такихъ размѣровъ, что многіе путешественники часто ошибаются и принимаютъ его за соборъ.

Когда входишь во внутренность храма, прежде всего бросается въ глаза множество статуй начальниковъ монашескихъ орденовъ, которыми такъ изобилуетъ римская церковь. Въ этомъ храмѣ до 30-ти алтарей, болѣе 80-ти огромныхъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй и до 50-ти надгробныхъ памятниковъ. Чтобы дать хоть нѣкоторое понятіе о роскоши украшеній храма, должно сказать, что только одна кафедра Петра стоила болѣе полумилліона; наконецъ столько же обошлась одна позолота двухъ, трехъ колоннъ и нѣсколькихъ статуй; что же до драгоцѣннаго мрамора, который тамъ встрѣчается повсюду, золота и дорогихъ камней, такъ это и высчитать трудно. Чрезвычайно любопытно взглянуть на самую вершину исполинскаго зданія, которое сооружали цѣлыя поколѣнія людей. Его необъятная крыша населена множествомъ людей, которые стерегутъ

*) Римъ до сихъ поръ продолжаютъ называть «*семихолмнымъ городомъ*», но это названіе совсѣмъ не подходитъ къ нему съ тѣхъ поръ, какъ его обошла стѣна Сервія Туллія. Въ стѣнахъ нынѣшняго Римъ возвышается девять, совершенно отдѣльныхъ холмовъ: *Авентинскій*, куда удалялись плебеи, *Палатинскій*, на которомъ жили цезари, *Капитолійскій*, на которомъ возвышался храмъ Юпитера, *Целійскій* (Монте-Челіо), *Эсквилинскій*, *Виминальскій*, *Квиринальскій*, *Читоріо* и *Монте-Пинчіо*—служащій для прогулокъ.

храмъ; по отлогой террасѣ можно въѣхать на лошакѣ на самую вершину. Отсюда отлично видѣнъ Римъ и его восхитительныя окрестности. Тамъ виднѣется прекрасно выстроенный монастырь съ разбросанными пальмами, померанцовыми деревьями и огромнымъ виноградникомъ; тутъ мутный Тибръ, далѣе Албанскія и Сабинскія горы, точно подернутыя лиловою дымкою, и все это окинуто громаднымъ синимъ куполомъ итальянскаго неба.

Храмъ св. Петра съ одной стороны примыкаетъ къ пышнымъ палатамъ Ватиканскаго дворца, который издали походитъ на цѣлый городъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о величинѣ Ватикана, упомянемъ хоть о томъ, что онъ имѣетъ до 20-ти дворовъ, болѣе 11-ти тысячъ комнатъ; при этомъ еще огромная библіотека, множество галлерей съ знаменитыми картинами и изваяніями языческихъ боговъ и мудрецовъ, царей, героевъ и дикихъ звѣрей... Въ одной изъ залъ показываютъ множество разнаго оружія, которымъ терзали мучениковъ за христіанскую вѣру. Тамъ же хранятся многіе старинные, весьма драгоцѣнные церковные сосуды, старинныя иконы, папирусы, монеты, остатки древней живописи... Однимъ словомъ невозможно перечесть всѣхъ сокровищъ Ватикана.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о древностяхъ Рима, о тѣхъ колоссальныхъ языческихъ памятникахъ, по которымъ такъ наглядно читаешь прошедшую исторію римлянъ. Памятниковъ этихъ здѣсь чрезвычайно много, но мы назовемъ только самые важные изъ нихъ.

Въ серединѣ новаго Рима стоитъ храмъ Пантеонъ. Онъ былъ построенъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и посвященъ всѣмъ богамъ языческаго міра. Разъяренный Тибръ много разъ нагонялъ на его твердыя стѣны свои разрушительныя волны; много разъ набѣгали на Римъ варвары, жгли и громили Пантеонъ; изъ него брали матеріалъ и для постройки христіанскихъ церквей: оборвали его лучшія украшенія, ограбили его до чиста, но и до сихъ поръ, хотя и въ нищенскомъ рубищѣ, стоитъ онъ твердо и вполнѣ сохранилъ свою величавую осанку. «Его стѣны, снаружи выложенныя кирпичемъ, были прежде покрыты мраморомъ и штукатуркою. Земля поднялась до такой степени, что храмъ, въ который нужно было прежде подниматься на пять ступенекъ, теперь расположенъ ниже уровня площади. Портикъ поддерживается 16 коринфскими колоннами изъ гранита. Восемь колоннъ спереди; остальныя образуютъ три срединныхъ пространства, сначала сводчатыхъ, а потомъ оканчивающихся по обѣимъ сторонамъ нишами, гдѣ прежде помѣщались колоссальныя статуи Августа и Агриппы. Посреди находится входъ, въ настоящее время запертый античными дверями, украшенными бронзою. Внутренняя часть освѣщается только черезъ отверстіе въ центрѣ купола; это производитъ необыкновенный эффектъ, такъ какъ отъ этого куполъ имѣетъ сходство съ небеснымъ сводомъ». Уже въ началѣ VII-го стол. Пантеонъ былъ сдѣланъ христіанскимъ храмомъ. Въ Пантеонѣ были похоронены и до сихъ поръ находятся останки нѣкоторыхъ знаменитыхъ людей, между прочимъ и Рафаэля.

Колизей —обширнѣйшій изъ театровъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій въ цѣломъ мірѣ. Въ этомъ театрѣ давали разныя зрѣлища: звѣриныя травли, морскія сраженія, кулачные и гладіаторскіе бои. Однако гладіаторскіе бои были отмѣнены въ 405 г., какъ несовмѣстные съ духомъ христіанства, но зрѣлища боя быковъ давались здѣсь еще въ 1332 г. На его скамьяхъ могло помѣститься 87,000 зрителей. Съ XIV вѣка начинается разграбленіе Колизея, на него съ этихъ поръ начинаютъ смотрѣть, какъ на богатую каменоломню. Одни берутъ изъ него матеріалъ для постройки дворца въ Венеціи, другіе—для постройки нѣсколькихъ огромныхъ палаццо въ Римѣ; хотѣли и весь его разобрать, да такую массу не скоро растащишь. Думали даже было сдѣлать изъ

него суконную фабрику, да денегъ не хватило на ея устройство. Но въ послѣднее время Колизей начали поддерживать, такъ какъ убѣдились, что Римъ своими развалинами и древними памятниками привлекаетъ въ страну много иностраннаго золота.

Снаружи сохранившаяся отъ Колизея часть (на сѣверо-востокѣ) состоитъ изъ 4 этажей; три нижнихъ образованы арками, столбы которыхъ украшены полуколоннами; четвертый этажъ состоитъ изъ стѣнъ съ окнами, раздѣленными пилястрами коринфскаго стиля. Двухъ третей этой гигантской постройки не существуетъ болѣе; но все сохранившееся имѣетъ и теперь величественный видъ. Къ сожалѣнію, размѣры нашей книги не позволяютъ намъ описывать другіе памятники Рима, которыхъ здѣсь безчисленное множество, ни даже остановиться долѣе на описаніи названныхъ, и потому перейдемъ къ другимъ достопримѣчательностямъ «вѣчнаго города».

Въ высшей степени любопытно посмотрѣть капеллу мертвыхъ у моста Систо. Войдемъ въ нижнюю часть этой капеллы: стѣны и потолокъ ея сплошь покрыты фантастическими арабесками. Въ одномъ мѣстѣ вы замѣчаете тщательно и изящно сдѣланные цвѣты, въ другомъ розетки, въ третьемъ звѣзды, квадраты, кресты и самыя разнообразныя украшенія, какія можетъ только изобрѣсти богатая восточная фантазія. И, представьте, все это сдѣлано, все до послѣдней вещи составлено изъ человѣческихъ костей. Въ одномъ мѣстѣ часть стѣны покрыта маленькими дѣтскими черепами; въ другомъ черепами большихъ; тутъ собраны однѣ плечевыя кости, тамъ составлены арабески изъ грудныхъ костей, ключицъ, реберъ, пальцевъ. Все подобрано и размѣщено съ большимъ вкусомъ. Цѣлые скелеты стоятъ и сидятъ въ нишахъ и на выступахъ вдоль стѣнъ; каждый изъ нихъ держитъ въ костяныхъ пальцахъ какую нибудь надпись: изреченіе о суетѣ жизни или просьбу къ живымъ не забывать умершихъ. Такія капеллы, украшенныя костями мертвецовъ и скелетами, существуютъ и въ нѣкоторыхъ другихъ католическихъ странахъ.

Катакомбы не менѣе любопытны. Говорятъ онѣ образовались тогда, когда въ цвѣтущій періодъ этого города созидали громадныя постройки; тогда подъ большею частью Рима и были проведены подкопы. Когда христіанство стало сильно распространяться въ этой столицѣ, а римскіе императоры стали преслѣдовать его, то подкопы эти послужили убѣжищемъ, гдѣ преслѣдуемые собирались и совершали свое богослуженіе. Эти подземелья были надежнымъ убѣжищемъ, потому что многія изъ нихъ представляли лабиринтъ, гдѣ трудно было отыскать людей, въ нихъ скрывавшихся. Христіане и стали правильно устраивать и расширять уже готовыя пещеры, особенно для погребенія своихъ собратій. Эти катакомбы были совершенно забыты въ средніе вѣка, и за это время стали разрушаться и дѣлаться недоступными; только въ XVII ст. часть ихъ снова открыли.

Почти всѣ онѣ расположены чрезвычайно неправильно и состоятъ изъ пересѣкающихся, большею частью узкихъ ходовъ. По обѣимъ сторонамъ этихъ ходовъ находятся гробницы, вырубленныя въ туфѣ и закрытыя мраморными плитами или кирпичемъ. Часто отъ восьми до десяти подобныхъ гробницъ лежатъ одна надъ другой; нерѣдко встрѣчаются красивыя кладбища, въ которыхъ надъ могилою въ туфѣ вырублена ниша. Побродивши по узкимъ корридорамъ, часто входишь въ довольно просторную четырехугольную комнату съ круглымъ потолкомъ, украшенную живописью, и въ которой со многихъ сторонъ расположены подъ арками богатыя мѣста для погребенія. Должно быть, это были или семейные склепы достаточныхъ христіанъ, или могилы мучениковъ; думаютъ, что въ этихъ самыхъ комнатахъ и происходили собранія христіанской общины.

Теперь перейдемъ къ улицамъ съ ихъ необыкновенно пестро оживленной толпой.

В. Васнецовъ
М. РАШЕВСКІЙ

Главная улица—Корсо. Она вся застроена богатыми магазинами, кофейнями, которые занимаютъ нижніе этажи почти всѣхъ зданій. Кромѣ палаццо съ желѣзными рѣшетками, которыя попадаются то тамъ, то здѣсь, вы не найдете на этой улицѣ ничего особенно типичнаго. Блескъ, богатство магазиновъ, эффектъ и изящество, съ которыми расположены въ нихъ товары, тѣже, что и во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Прежде чѣмъ добраться до Корсо, придется пройти много кривыхъ и узкихъ переулковъ, но не оставляйте ихъ безъ вниманія: тутъ сказывается гораздо болѣе оригинальность итальянской столицы. Несмотря на то, что вы идете по какому-нибудь грязному закоулку, на встрѣчу вамъ летятъ брызги фонтана: то онъ падаетъ передъ вами чуднымъ каскадомъ, то бросаетъ свою хрустальную струйку на мшистый, мраморный бассейнъ.

А вотъ и мрачная, совсѣмъ темная улица, но и тутъ звонкій разговоръ сосѣдокъ изъ одного дома въ другой раздается на всю улицу. Старуха со скальдиной въ рукахъ предлагаетъ вамъ обогрѣться за одинъ байокки. Скальдина — это небольшой горшокъ наполненный угольями, съ дугообразной ручкой по срединѣ, на которую кладутъ ноги. Такъ какъ холодные зимніе дни здѣсь бываютъ очень недолго, то и дома здѣшніе совсѣмъ не приспособлены къ холодамъ. Въ болѣе богатыхъ домахъ есть еще кой-какіе камины, всѣ же остальные согрѣваются только жаровнями и скальдинами. Въ холодные дни эти скальдины выносятъ и на улицу, предлагая проходящимъ согрѣться за мелкую монету. Во многихъ мѣстахъ, въ разныхъ позахъ, сидятъ большіе и малые и играютъ въ орелъ и рѣшетку или въ карты.

Итальянецъ необыкновенно вспыльчивъ и, во время игры, онъ вдругъ иногда скоро и часто заговоритъ; при этомъ у него забѣгаютъ и засверкаютъ глаза зловѣщимъ огнемъ и въ то же время заблеститъ нерѣдко ножъ. Таскать за волосы, бить кулакомъ, палкой, кочергой, что такъ часто встрѣчается у насъ, ко всему этому итальянецъ имѣетъ естественное отвращеніе. За то, часто даже во время ничтожной ссоры, онъ старается не прибить, а убить. «Кто это дерется?» спрашиваете вы у прохожаго. «Мужъ съ женой», отвѣчаютъ вамъ совершенно равнодушно... «Но чѣмъ это онъ ее хватилъ?—она упала!»—«Извѣстно чѣмъ, ножемъ...»—«Какъ? ножемъ?»—«Иначе чѣмъ же бить...»

Поселяне представляютъ одно изъ наиболѣе интересныхъ явленій на улицахъ Рима. Ихъ костюмъ сразу бросается въ глаза, въ высшей степени оригиналенъ и какъ нельзя больше приноровленъ къ ихъ жизни. Они пасутъ быковъ, буйволовъ и лошадей. и большую часть своей жизни проводятъ верхомъ; вслѣдствіе этого на ихъ ногахъ вы замѣтите шпоры. Большіе кожанные штиблеты, широкій плащъ сѣраго цвѣта и маленькая войлочная шляпа дополняютъ ихъ костюмъ. При этомъ у нихъ въ рукахъ непремѣнно длинная пика съ желѣзнымъ наконечникомъ, чтобы погонять животныхъ.

А что это за толпа народа, изъ середины которой раздается декламирующій голосъ? На стѣнѣ, подлѣ которой стоитъ эта группа, большими буквами прибито совершенно свѣжее, яркокрасное объявленіе: «Grasso Lucido». Оказывается, что Грассо-Лючидо—ничто иное, какъ блестящая вакса. Тутъ у столика стоитъ ораторъ, окруженный толпою людей, и въ нескончаемыхъ рѣчахъ превозноситъ всѣ достоинства и превосходства этого Грассо-Лючидо. Любопытно послушать, какъ этотъ ораторъ, въ грязномъ сюртукѣ и длинномъ бархатномъ жилетѣ, по нѣскольку часовъ сряду, не останавливаясь, излагаетъ все новыя воззрѣнія на вещество Грассо-Лючидо. Тутъ вы узнаете не только, какое значеніе имѣетъ эта вакса для разныхъ сортовъ кожи, но и какъ она необходима для человѣческаго общества вообще, для его образованія и развитія въ особенности. «Грассо-Лючидо», гремитъ онъ, «настоящая, единственная, лучшая и

извѣстнѣйшая во всей Европѣ вакса, которая обладаетъ дивной силой проникать въ самую жестокую бычачью кожу и дѣлать ее мягкою, какъ бархатъ. Утверждаютъ, что Грассо-Лючидо содержитъ разъѣдающія кислоты и гибельныя вещества... Но я васъ спрашиваю: можетъ ли живой человѣкъ глоталъ купоросъ? думаете ли вы, что есть въ самомъ дѣлѣ желудокъ, способный переварить сѣрную кислоту? смотрите же, я представлю вамъ доказательство: я съѣмъ при васъ этотъ Грассо-Лючидо, и онъ не причинитъ мнѣ ни смерти, ни тошноты, а, напротивъ, оставитъ такое же пріятное впечатлѣніе, какъ прекраснѣйшая полента» (итальянская похлебка изъ маисовой муки). И ораторъ быстро глотаетъ довольно значительное количество ваксы. «Такъ покупайте же!» восклицаетъ онъ, когда послѣ своей длинной рѣчи онъ еще не видитъ особенной готовности запастись этой прославленной драгоцѣнностью. «Пользуйтесь, говорю вамъ, этимъ въ высшей степени экономнымъ, безвреднымъ, невиннымъ и извѣстнымъ всему міру Грассо-Лючидо. Берите же, баночка тринадцать байокки». Но если при этомъ изъ толпы слушателей еще не выступаютъ охотники купить ваксу, ораторъ обводитъ ее взглядомъ презрѣнія и сожалѣнія и безъ всякой паузы продолжаетъ. «Вамъ, можетъ быть, нужно доказать, какой блескъ придаетъ Грассо-Лючидо кожаннымъ вещамъ!» и онъ беретъ клочекъ бумаги, натираетъ его ваксой, потомъ съ остервененіемъ схватываетъ ногу одного изъ ребятъ, которые здѣсь вертятся, и начинаетъ ваксить его обувь, все продолжая на ту же тему свои разглагольствованія. Лице ребенка блеститъ удовольствіемъ: ему никто еще въ жизни не чистилъ сапогъ. «Смотрите», говоритъ ораторъ, «сію минуту этотъ сапогъ былъ похожъ на свиное копыто, а теперь онъ блеститъ, какъ чистѣйшее серебро. Новорожденный ребенокъ могъ бы безъ труда чистить сапоги этой ваксой». Мальчикъ уходитъ въ одномъ вычищенномъ и въ одномъ грязномъ сапогѣ, тѣмъ не менѣе совершенно счастливый и довольный.

Наскучила уличная пестрота, и путешественникъ заходитъ въ первую попавшуюся лавку. Чаще другихъ попадаются лавки пицикаролли — продавцовъ сыра, колбасъ, ветчины и другихъ жирныхъ товаровъ. И тутъ тоже вы не можете отвести глазъ отъ удивленія! Представьте себѣ всѣ жирные товары пицикаролли убраны такъ, что его лавка представляетъ нѣчто въ родѣ колбасной капеллы. Симметрически расположенные сыры составляютъ одну стѣну; другая состоитъ изъ огромныхъ кусковъ жиру, края которыхъ обклеены золотыми полосками бумаги; на потолкѣ висятъ различныя фигуры изъ колбасъ, а нѣкоторыя изъ нихъ оригинально покачиваются посреди цвѣтовъ, лавровыхъ и миртовыхъ вѣтвей. Сегодня колбасная убрана въ честь патрона этой самой колбасной, поэтому въ лавкѣ всюду горятъ лампы и свѣчи, и искусный колбасникъ, сіяя гордостью и жиромъ, стоитъ за своимъ столомъ и съ любезными привѣтствіями встрѣчаетъ своихъ покупателей.

Но вотъ уже поздно, сразу наступили сумерки; только въ одной темной улицѣ, куда вы забрели, вы замѣчаете блестящее освѣщеніе въ окнахъ. По справкамъ, которыя вы наводите, оказывается, что это балъ натурщицъ. Вы хлопочете нѣсколько минутъ, добываете одно изъ своихъ рекомендательныхъ писемъ и отправляетесь на балъ.

Тутъ вы встрѣтите особый классъ людей — натурщиковъ и натурщицъ, которые по нѣскольку часовъ сряду сидятъ, какъ безжизненныя статуи, передъ художниками, чтобы служить имъ моделями. Эти натурщики и натурщицы только и живутъ тѣмъ, что получаютъ отъ художниковъ, но за то они обязаны являться передъ ними въ разныхъ видахъ и въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Сегодня натурщица является голою, завтра — въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, то турчанкой, то гречанкой, то римлянкой. Теперь она кающаяся грѣшница, потомъ будетъ неприступной богиней, невольницей.

Странное зрѣлище представляетъ модельная зала. Въ большой неубранной комна-

тѣ сидитъ на довольно высокомъ пьедесталѣ живая модель, мущина или женщина, неподвижно, какъ статуя. Вокругъ нея амфитеатромъ человѣкъ сто, со всѣхъ концовъ земли. Передъ каждымъ столикъ и маленькая лампа, каждый рисуетъ модель съ своей точки зрѣнія: спереди, съ боку, сзади; одинъ карандашемъ, другой мѣломъ, третій акварелью, одинъ безобразно, другой превосходно. Уже два часа сидитъ жертва въ одномъ положеніи. Лицо покраснѣло отъ напряженія, черты ослабли, глаза мутны и только ихъ миганье показываетъ еще неугасшую жизнь. Въ честь этихъ людей и дается этотъ балъ. Зала убрана съ большимъ вкусомъ, хотя полъ ея и черенъ, какъ земля, и очень неровенъ. Гирлянды цвѣтовъ вьются по стѣнамъ и точно поддерживаютъ люстру; всюду встрѣчаешь чрезвычайно эффектныя украшенія изъ золотой и серебряной бумаги.

Музыканты уже настраиваютъ мандолину и тамбуринъ; вдоль стѣнъ сидятъ натурщики и натурщицы, на этотъ разъ очень веселые и въ національныхъ костюмахъ. Начинаются оживленные и подъ конецъ даже страстные танцы, между которыми первое мѣсто занимаетъ *сальтарелло*, въ которой женщины такъ граціозно двигаютъ плечами.

Какъ разнообразна, пестра, оригинальна римская жизнь, такъ мила и прелестна окружающая природа. Тутъ всегда тепло, и только нѣкоторыя деревья въ зимніе мѣсяцы стоятъ безъ листьевъ, виноградныя лозы тоже до половины февраля лежатъ на землѣ; съ половины же февраля луга и деревья начинаютъ покрываться зеленью и цвѣтами, виноградъ привязываютъ на камышевыя палочки. Деревья, за исключеніемъ кипарисовъ, пихтъ, пиній, почти всѣ фруктовыя: померанцы, лимоны, вишни, миндаль и многія изъ нихъ начинаютъ въ это время цвѣсти. И въ воздухѣ съ каждымъ днемъ все болѣе носится благоуханіе.

Театръ маріонетокъ на Монтанарѣ и театръ Св. Аполлинарія.

Театровъ очень много въ Италіи: въ каждомъ болѣе значительномъ городѣ два, три театра. Входъ въ народные театры чрезвычайно дешевъ, отъ 1-го до 7, 8 байокки, слѣдовательно театры въ Италіи доступны бѣднѣйшимъ классамъ.

Здѣсь, между прочимъ, сильно распространены театры маріонетокъ. Въ Римѣ ихъ два: одинъ на площади Монтанара, другой на площади Св. Аполлинарія. Монтанарскій кукольный театръ предназначается для самыхъ низшихъ слоевъ народонаселенія; во второмъ куклы уже болѣе изящныя, во фракахъ и перчаткахъ, и всѣ представленія заканчиваютъ великолѣпнымъ балетомъ. Куклы на Монтанарѣ, напротивъ, совсѣмъ еще нетронуты образованіемъ, одѣты обыкновенно очень странно, въ средневѣковыхъ костюмахъ и ведутъ себя совсѣмъ дико. Даютъ на этомъ театрѣ обыкновенно старыя рыцарскія трагедіи или совсѣмъ устарѣвшія вещи, которыя наполнены ужасомъ и дракою. Если дается какая-нибудь историческая пьеска, то исторической правды въ ней тоже нечего искать, такъ какъ имена и событія перепутаны. Все-таки этого рода удовольствія приносятъ гораздо большую пользу народу, чѣмъ испанскія травли или посѣщеніе кабака.

На площади Монтанара въ полномъ смыслѣ слова кипитъ римская народная жизнь, но только самыхъ низшихъ, бѣднѣйшихъ слоевъ общества. Все здѣсь имѣетъ бѣдный неопрятный видъ: самые товары прежде всего говорятъ, что здѣсь торгуютъ

только на копѣйки. Больше всего и въ ящикахъ, и въ кучахъ навалены груды окурковъ сигаръ, которые подобраны на улицѣ маленькими мальчиками и теперь ими продаются. Бѣдный людъ и работники изъ Кампаньи скупаютъ ихъ для трубки или для жеванья. На углу улицы сидитъ за своимъ столомъ писецъ съ бумагой, перомъ и огромной чернильницей: онъ за байокки одному пишетъ письмо къ роднымъ, другому просьбу, третьему контрактъ. И такъ, для кукольнаго театра выбрано надлежащее мѣсто: онъ найдетъ свою публику въ мальчикахъ, нищихъ, работникахъ и поденьщикахъ, которые вечеромъ идутъ отдохнуть и развлечь себя зрѣлищемъ.

Передъ лавкой, гдѣ продаются билеты, огромная толпа людей, и раздаются пронзительные голоса. Во время карнавала публика въ Монастырскомъ театрѣ бываетъ особенно многочисленна. Грязный, старый домъ театра стоитъ въ мрачномъ углу и освѣщенъ далеко не блистательно. Въ театрѣ три разряда мѣстъ: въ райкѣ и пальхетонѣ по два байокки, а въ партерѣ по одному байокки. Взявши билетъ, не легко протолкаться въ театръ: узкая лѣстница биткомъ набита народомъ, особенно мальчишками, и со всѣхъ сторонъ раздается оглушительный шумъ. Наконецъ, послѣ громадныхъ усилій, вы вталкиваетесь съ огромною толпой, садитесь въ пальхетонъ, который точь-въ-точь громадный, плохой, узкій деревянный ящикъ съ шатающимися скамейками. Занавѣсъ, который закрываетъ кулисы, аляповато разрисованъ мифологическими фигурами. Подъ пальхетономъ внизу помѣщается партеръ. Трудно себѣ представить, какая грязь и безпорядокъ на полу партера: остатки тыквъ, объѣдки фруктъ и клочки бумаги такъ плотно покрываютъ полъ, что въ первую минуту этотъ мусоръ можно принять за пестрый пушистый коверъ. Если представленіе идетъ во время карнавала, то публика носитъ какой-то театральный характеръ: вотъ входятъ въ партеръ маски съ карнавала: полишинели съ кнутами, съ надутыми пузырями, доктора-чудодѣи съ трубками и всевозможные уроды и чертики. Поднимается общій хохотъ и маски занимаютъ мѣста, поворачиваясь безпрестанно взадъ и впередъ, хихикая, подмигивая.

Задолго еще до начала представленія въ театрѣ отъ духоты уже совсѣмъ нельзя дышать; въ это время разносчики ловко пробираются среди скамеекъ съ замороженной водой, съ пряниками, пирогами и тыквенными зернами въ сахарѣ. Скоро весь театръ начинаетъ грызть зерна и бросать остатки и скорлупу на полъ; а мальчики чтобы продлить наслажденіе, суютъ пироги и гостинцы въ мѣшочкахъ въ трещины пальхетона, и такъ висятъ эти сласти, точно сталактиты въ пещерахъ.

Публика начинаетъ кричать: «Начинайте! Начинайте!» Раздаются со всѣхъ сторонъ крикъ, свистъ и пронзительный шумъ, въ минуту все сливается въ какой-то оглушительный ревъ, который наконецъ покрываетъ музыка. Непривычному слушателю кажется, что потрясающіе звуки оркестра сейчасъ разорвутъ ему барабанную перепонку, но черезъ нѣсколько минутъ, онъ привыкаетъ и къ страшному гулу, и къ мѣднымъ трубамъ музыкантовъ. Поднимается занавѣсъ и являются куклы: росту онѣ не болѣе двухъ футовъ, но члены ихъ очень искусно приложены и дѣлаютъ всевозможныя движенія съ необыкновеннымъ комизмомъ. Стукъ ихъ деревянныхъ ногъ, постоянное припрыгиванье и странные жесты, вмѣстѣ съ декламаціей невидимыхъ голосовъ, которые раздаются сверху, производятъ презабавное дѣйствіе. Если какая-нибудь кукла начинаетъ вдругъ плохо дѣйствовать, тогда сверху къ ней на помощь появляется человѣческая рука, которая кажется громадною рукою великана,—такъ скоро глазъ привыкаетъ къ маленькому размѣру этихъ фигуръ.

Куклы въ напыщенныхъ рѣчахъ вызываютъ другъ друга на бой, проклинаютъ, убиваютъ, измѣняютъ родинѣ и своимъ благодѣтелямъ. Публика такъ одушевляется, такъ сочувствуетъ героямъ, что нѣтъ-нѣтъ да и полетитъ деревяшка въ голову измѣнни-

ка. Величайшій восторгъ возбуждаютъ сцены бѣснованія, сраженій, убійствъ и злодѣйствъ. При представленіи битвъ за сценой постоянно раздаются звуки барабана. Сражающіяся куклы, которыя по большей части изображаютъ рыцарей и мавровъ, иногда рубятся между собою въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ съ невыразимою храбростью. При этомъ куколъ очень ловко приподнимаютъ на воздухъ, наклоняютъ другъ къ другу, а руки ихъ двигаютъ ниточками такъ, что шпаги постоянно производятъ страшный звонъ. Побѣжденная сторона гибнетъ всегда попарно: сначала падаютъ двѣ куклы заразъ, за ними еще двѣ и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока всѣ воины свалятся въ огромную кучу, на которую становится полишинель и сиплымъ голосомъ, обращаясь къ публикѣ, отпускаетъ разныя остроты. Затѣмъ слѣдуетъ антрактъ. Какой тутъ происходитъ шумъ, трудно и вообразить себѣ: публика больше всего напоминаетъ въ эту минуту дикихъ звѣрей, которыхъ стащили со всѣхъ концовъ міра и заперли въ большую желѣзную клѣтку. Изъ партера постоянно переползаютъ мальчишки въ пальхетонъ, чтобъ тайкомъ помѣститься въ болѣе дорогомъ мѣстѣ. Они лазаютъ, какъ кошки, но если замѣтитъ ихъ блюститель порядка, то безцеремонно хватаетъ ихъ за лохмотья одежды, и они, какъ снопы, падаютъ внизъ. Отвернулся на минутку стражъ, и мальчики опять лѣзутъ на пальхетонъ, или подползаютъ къ сценѣ, поднимаютъ занавѣсъ и съ любопытствомъ посматриваютъ на приготовленія.

Но мы заглянемъ теперь въ театръ св. Аполлинарія. Куклы здѣсь въ ростъ человѣка и играютъ передъ весьма порядочной публикой, на маленькой, очень изящно убранной сценѣ, съ прекрасно разрисованными кулисами, съ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, усовершенствованной сценической механикой.

Здѣсь за мѣсто въ партерѣ платятъ уже три байокки, а за пальхетонъ пять. Тутъ уже встрѣтишь публику почище, большею частью средній классъ, который, какъ и простой народъ, очень любитъ кукольную комедію. На этомъ театрѣ даютъ тоже рыцарскія драмы, только актеры являются въ изысканныхъ костюмахъ: на рыцаряхъ дорогія брони, а на дамахъ бархатныя платья со шлейфами. Каждая пьеса оканчивается прекраснымъ балетомъ: то куклы носятся какъ бабочки, вертятся на цыпочкахъ, то становятся на колѣни, и по большой части оканчиваютъ эти танцы живописною группой при освѣщеніи бенгальскимъ огнемъ. При этомъ, во время танцевъ, онѣ съ самою непринужденною граціею протягиваютъ другъ другу руки, кланяются.... Публика въ восторгѣ имъ апплодируетъ; онѣ легко подбѣгаютъ къ краю сцены, дѣлаютъ глубокій и граціозный реверансъ.... аплодисменты усиливаются: онѣ дѣлаютъ еще и еще реверансъ, прижимаютъ даже руку къ сердцу, точь въ точь, какъ прекрасныя балетчицы.

Площадь Навона и ея Dottori promoti.

Въ одной изъ самыхъ населенныхъ частей Рима лежитъ большая площадь Навона. На ней можно видѣть три большихъ фонтана, но они въ Римѣ не рѣдкость, и мы заговорили объ этой площади только потому, что на ней бывали нѣкоторыя оригинальныя народныя празднества.

Уже съ давнихъ поръ на площади Навона—овощный рынокъ; продажа происходитъ по средамъ и субботамъ. Въ эти дни тутъ разставлены всевозможные лари; въ корзинахъ, на столахъ и въ палаткахъ всѣ сокровища римскихъ огородовъ: картофель,

тыква, цвѣтная капуста, артишоки, горохъ и бобы, лукъ и чеснокъ, свекла, морковь и огромное количество грибовъ. Не меньше найдете вы здѣсь и плодовъ: яблоки, груши, сливы всевозможной величины и цвѣта, абрикосы, арбузы, персики, лимоны, апельсины и много чего другаго.

Въ августѣ мѣсяцѣ, въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ, закрываютъ шлюзы большаго канала, по которому стекаетъ вода трехъ фонтановъ. Вслѣдствіе этого бассейны скоро переполняются, черезъ часа два вода покрываетъ всю площадь, нѣсколько вогнутую въ серединѣ, и превращаетъ ее въ озеро, изъ котораго, какъ маленькія скалы, возвышаются три великолѣпные фонтана. Окружающія зданія отражаются какъ въ зеркалѣ на гладкой поверхности воды. Тогда сюда спѣшатъ конюхи, кучера и извощики верхомъ на лошадяхъ, мулахъ и ослахъ. Иногда на одной и той же лошади сидятъ по два и по три человѣка, и всѣ начинаютъ разъѣзжать по водѣ. Ржаніе и крики всадниковъ скоро привлекаютъ огромную толпу народа. Множество мальчиковъ не отстаютъ отъ лошадей и, засучивъ свои штанишки, весело прыгаютъ по водяной площади. Ихъ веселье дѣлается все необузданнѣе. Перемочившись съ головы до ногъ, они начинаютъ обрызгивать всѣхъ, кто стоитъ на узкой полосѣ, еще оставшейся сухою по краямъ площади. При этомъ самое лучшее не обращать на нихъ никакого вниманія; если же кто разсердится, шалуны подымутъ его на смѣхъ и, передразнивая на разные лады, осмѣютъ чрезвычайно колко и остро. Они тѣмъ менѣе стѣсняются, что ихъ не такъ-то легко преслѣдовать. Но вотъ кто-то не выдержалъ и бросился за ними въ воду... Въ ту же минуту онъ былъ осыпанъ апельсинными и арбузными корками и счелъ за лучшее такъ же быстро броситься назадъ.

Впрочемъ все это только вступленіе къ самому празднику, который бываетъ вечеромъ на слѣдующій день. Въ назначенное время вся площадь окружена зрителями. Окна и балконы сосѣднихъ домовъ убраны коврами, переполнены мужчинами и дамами, которые махаютъ платками своимъ друзьямъ и родственникамъ, сидящимъ въ экипажахъ. Тогда не только публика на извощичьихъ лошадяхъ, мулахъ и ослахъ, но и въ элегантныхъ каретахъ, запряженныхъ статными лошадьми, въѣзжаетъ на водяную площадь. Всюду слышится щелканье бичей; вода подъ ногами лошадей и колесами экипажей приходитъ въ такое страшное волненіе, что пѣнится, какъ настоящій водопадъ. Съ заходомъ солнца бѣснованіе не оканчивается. Кругомъ площади и на окнахъ зажигаютъ огни. Являются весьма странно убранные экипажи, гдѣ сидятъ пестрыя группы наядъ, тритоновъ и другихъ водяныхъ существъ, которыя отпускаютъ разныя шутки, какъ на карнавалѣ, и рѣзко свистятъ въ большія раковины.

На одномъ, болѣе возвышенномъ концѣ площади стоятъ подставки, гдѣ среди множества огней навалены груды арбузовъ. Разставленные столы и скамьи уже ждутъ посѣтителей, и торговцы то и дѣло перекрикиваютъ другъ друга; «здѣсь можно поѣсть и попить... Сюда господа, сюда! Прекрасные арбузы! Здѣсь настоящая утѣха!» Чѣмъ ближе къ ночи, тѣмъ иллюминація въ верхнихъ этажахъ дѣлается блистательнѣе и красноватый цвѣтъ горящихъ факеловъ необыкновенно эффектно отражается въ водѣ, которая теперь сдѣлалась спокойною. Торжество оканчивается танцами и пѣснями.

Но еще оригинальнѣе народное торжество, во время котораго торговцы на площади Навона принимаютъ новаго члена въ свою среду и даютъ ему степень доктора.

Навонскіе торговцы отличаются особенною хитростью и изворотливостью. Они составляютъ между собою тѣсно сплоченный кружокъ, и человѣкъ, не вступившій въ него формально, не будетъ имѣть никакого успѣха въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ. Чтобы сдѣлаться достойнымъ членомъ такого кружка, будь то мужчина или женщина, нужно доказать, что онъ умѣетъ ловко обработать и покупателя, и продавца-крестьянина, ко-

торый привозитъ сюда овощи и плоды изъ окрестностей Рима. Кто не успѣетъ достаточно выказать своихъ способностей, тотъ не получитъ права гражданства на площади. Достойному же разрѣшеніе дается съ большою торжественностью и онъ становится при многочисленномъ стеченіи народа полноправнымъ «докторомъ Навонской площади» подъ совершенно другимъ именемъ.

Любовь къ прозвищамъ, нерѣдко съ весьма саркастическимъ оттѣнкомъ,—особенность не только римлянъ, но и вообще всѣхъ итальянцевъ. Она такъ вкоренилась въ Римѣ, что нерѣдко даже близкіе знакомые знаютъ только одно прозвище, и получившій напр. съ юности имя Pipetto, т. е. маленькій курильщикъ, самъ будетъ протестовать, когда его назовутъ настоящимъ именемъ Лоренцо. Чужестранецъ также не избавляется отъ такихъ прозвищъ, особенно если его настоящее имя трудно выговорить или запомнить. Одного называютъ «Il Malinconico» печальный, другаго La Barbarossa—рыжебородый, близорукаго—Quel Cieco, т. е. этотъ слѣпой. Многихъ называютъ также по ихъ жилищамъ: «La signorina bella bionda del Palazzo Galitzin», т. е. прекрасная блондинка изъ дворца Голицына. Не только навонскіе продавцы измѣняютъ свои имена, но и торговки; только перекрещиваніе послѣднихъ не сопровождается публичнымъ торжествомъ, а происходитъ домашнимъ образомъ. Торговка Доротея называется «рыжая» по волосамъ; Юдита—по цвѣту лица «смуглая», другая — «бѣлая», по той же причинѣ; «вишня» по румянымъ щекамъ, «болтливый карманъ» и т. п. Каждая кухарка знаетъ торговку «болтливый карманъ», продающую лимоны, «вишню», торгующую бобами, горохомъ и артишоками, «тутовую ягоду», которая продаетъ каштаны. Тотъ, кто придетъ на эту площадь, чтобы переговорить съ Доротеею или Лоренцомъ и станетъ отыскивать ихъ подъ настоящими именами, не добьется здѣсь никакого толку. Мужчинамъ здѣсь также даютъ прозвища по ихъ духовнымъ или физическимъ особенностямъ. Сухопараго, неповоротливаго парня называютъ «трескою», другаго — «медвѣдемъ», круглоголоваго — «арбузъ», съ выдающимися зубами—«кабанъ».

Возведеніе въ званіе «доктора Навонской площади» совершается въ праздничный день съ различными церемоніями и формальностями. Объ этомъ торговцы заранѣе оповѣщаютъ своихъ знакомыхъ и покупателей, и въ назначенное время народъ толпами стремится на площадь. Всѣ стоятъ группами, болтая и смѣясь, всего же болѣе тѣснятся на срединѣ площади около лѣстницы Санъ-Джіакомо. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ начала церемоніи. Вдругъ неожиданно надъ головами зрителей появляется тощій человѣкъ, съ морщинистымъ лицемъ и головой, сильно напоминающей тыкву. Онъ одѣтъ въ черную плисовую куртку и полосатые штаны, — это и есть докторантъ. Два высокорослыхъ и сильныхъ носильщика подымаютъ его на стулѣ и такимъ образомъ стараются поддерживать его какъ можно выше надъ головами зрителей. Народъ, завидя докторанта, начинаетъ громко апплодировать и кричать «да здравствуетъ новый докторъ!». Публика высыпаетъ на балконы, открываютъ окна въ окрестныхъ домахъ и оттуда тоже слышатся одобренія и махаютъ платками. Между тѣмъ носильщики торжественно обходятъ съ будущимъ докторомъ кругомъ площади и опускаютъ свою ношу у бассейна. При этомъ одинъ изъ нихъ хватаетъ его за плечи, другой за ноги и въ горизонтальномъ положеніи, точно корзину съ овощами, окунаютъ его въ бассейнъ. Это первая ступень къ званію доктора. При этомъ подымается страшный шумъ: одинъ бьетъ въ чашки вѣсовъ, другой въ желѣзную сковороду, третій стучитъ ножемъ по какой нибудь металлической пластинкѣ,—каждый изъ торговцевъ старается нашумѣть какъ можно больше. Вслѣдъ затѣмъ носильщики подбрасываютъ въ верхъ новаго доктора и одинъ изъ нихъ садитъ его къ себѣ верхомъ на шею. Прежде чѣмъ въ этомъ положеніи начать съ нимъ торжественный обходъ, другой носильщикъ даетъ ему пару под-

шленниковъ. При страшномъ крикѣ, шумѣ и аплодисментахъ его несутъ къ лѣстницѣ Санъ-Джіакомо и опять ссаживаютъ. Здѣсь на террасѣ лѣстницы его ожидаютъ «сенаторы Навонской площади» и привѣтствуютъ слѣдующею рѣчью: «Высокое, благородное сословіе маклеровъ, скупщиковъ, овощныхъ и мучныхъ торговцевъ, горшечниковъ и ветошниковъ, со свойственнымъ великодушіемъ и милостью постановило принять тебя сегодня въ свою среду. Мы надѣемся, что ты оправдаешь сдѣланную тебѣ честь, и потому объявляю тебя отъ своего имени и по порученію другихъ докторомъ Навонской площади и даю тебѣ благородное имя «тыквы». Всѣ вы, собравшіеся здѣсь, товарищи и подруги, будете называть означеннаго Бартоломея Галло не иначе, какъ «тыква». «Да здравствуетъ тыква», кричитъ толпа изъ всѣхъ силъ. Ораторъ, снова обращается къ «тыквѣ:» «Если ты отнынѣ будешь заключать какую нибудь сдѣлку, устно или письменно, то ты заключишь ее какъ «тыква», а не какъ Бартоломей Галло; Продавая, ты будешь «тыква», занимая деньги «тыквой», однимъ словомъ ты будешь «тыквой» во всѣхъ своихъ операціяхъ».—«Да здравствуетъ «тыква!» снова кричитъ толпа и неистово повторяетъ тоже самое много разъ.

Затѣмъ слѣдуетъ формальное признаніе его полноправнымъ докторомъ. Представители торговцевъ одинъ за другимъ подносятъ ему различные дары: одинъ пучекъ свеклы или кочанъ цвѣтной капусты, другой — корзину цикоріи, третій — мѣру орѣховъ или каштановъ, четвертый—груши, яблоки и апельсины, пятый—чечевицу, горохъ и бобы, и такъ каждый то, что онъ продаетъ на рынкѣ. Даже продающіе муку, просо и песокъ буквально осыпаютъ его своими дарами, которые липнутъ къ его мокрому платью, засыпаются за рубашку на грудь и въ оттопырившіеся карманы его сюртука.

Когда все это окончилось, двое распорядителей громко кричатъ: «прочь съ дороги! Тыква вступаетъ во владѣніе Навонской площадью». Затѣмъ они хватаютъ «тыкву», садятъ его на верхнюю ступеньку лѣстницы, хватаютъ за ноги и въ мгновеніе ока стаскиваютъ его до послѣдней ступеньки, такъ что онъ хлопаетъ по всѣмъ ступенямъ своими сѣдалищными мускулами. При видѣ этого вся площадь разражается такимъ гомерическимъ смѣхомъ, что онъ могъ бы заглушить даже громъ. «Тыква» встаетъ и, почесывая одною рукою пострадавшія части тѣла, протягиваетъ другую сановникамъ площади, благодаря ихъ за милость и снисхожденіе и приглашая ихъ вечеркомъ на пирушку.

Такова была жизнь на площади Навона до 1869 года. По просьбѣ живущей вокругъ знати рынокъ въ этомъ году былъ перенесенъ на лежащую нѣсколько южнѣе Campo di fiori; къ сожалѣнію она менѣе половины Навонской площади и не представляетъ такого простора для праздничнаго церемоніала.

Проповѣдь дѣтей.—Мадонна въ церкви Св. Августина.—Бамбино.

Въ высшей степени любопытно во время праздниковъ Рождества зайти въ красивую и древнюю церковь Ара-Чели на Капитоліи. Тамъ маленькіе мальчики и дѣвочки, утромъ и вечеромъ, впродолженіи цѣлой недѣли говорятъ проповѣди передъ огромною толпою. Въ этой церкви устроена кафедра, на которую одинъ за другимъ входятъ дѣти отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ. Вотъ взошелъ на кафедру маленькій, хорошенькій мальчикъ и громко, ясно, сильно жестикулируя руками, началъ говорить

проповѣдь о пришедшемъ въ міръ Спасителѣ. Слѣдующій за нимъ мальчикъ говорилъ еще искуснѣе. Когда ему приходилось сказать: голова, онъ выразительно указывалъ на свою голову; когда упоминалъ о глазѣ, — на глазъ, объ ухѣ, — на ухо. Говоря объ игрѣ на арфѣ, онъ началъ дѣлать такія движенія руками, какъ будто играетъ на этомъ инструментѣ. Послѣ мальчиковъ выступили дѣвочки, маленькія и хорошенькія, въ шляпкахъ съ перьями и въ атласныхъ платьицахъ. Дѣвочекъ - проповѣдницъ больше, чѣмъ маленькихъ проповѣдниковъ. Прежде чѣмъ начать свою проповѣдь, онѣ крестятся и потомъ уже начинаютъ говорить. Точно также, какъ и мальчики, онѣ говорятъ о грѣхѣ Адамовомъ, о Іисусѣ, о Его крестной смерти, исцѣлившей человѣчество. Читатели, вѣроятно, представляютъ себѣ, что эти маленькіе проповѣдники и проповѣдницы напоминаютъ на кафедрѣ маленькихъ школьниковъ на экзаменѣ. Говорилъ, говорилъ ребенокъ, вдругъ замолчалъ, сконфузился, переминается съ ноги на ногу, но вотъ припомнилъ слово и понесся, точно съ горы. Но тутъ со всѣмъ не то: дѣти говорятъ свои проповѣди совершенно развязно, безъ всякаго смущенія; многія, кажется, гордятся тѣмъ, что проповѣдуютъ передъ такой многочисленной публикой, и голосъ ихъ съ каждой фразой все усиливается, жесты становятся все увѣреннѣе и театральнѣе. Проповѣди большинства дѣтей чрезвычайно высокопарны, со множествомъ ученыхъ цитатъ; въ подтвержденіе нѣкоторыхъ догматовъ они безпрестанно ссылаются на отцевъ церкви: «такъ говоритъ Св. Павелъ», «а вотъ что по этому поводу сказалъ св. Тертуліанъ». Когда Римъ находился подъ властію папы, то въ уста дѣтей нерѣдко влагали политическія тенденціи. Проповѣдница то говорила «о грѣховности міра, въ которомъ поднимаютъ оружіе даже противъ троновъ», то заявляла, что тотъ, кто сочувствуетъ піемонтцамъ не можетъ уже считаться католикомъ. Бываютъ однако случаи, что въ ту самую минуту, когда нужно входить на кафедру, маленькая проповѣдница вдругъ объявляетъ родителямъ, среди которыхъ она стоитъ въ церкви, что она не хочетъ сегодня проповѣдывать. Ее начинаютъ уговаривать, даже угрожаютъ, но иногда ничто не помогаетъ и ее приходится увезти домой. Родители дѣтей, которымъ предстоитъ сказать проповѣдь, много заботятся о томъ, чтобы она была отлично выучена и непремѣнно приглашаютъ къ себѣ священника предварительно выслушать заученную рѣчь ребенка. При концѣ проповѣди каждый ораторъ соскакиваетъ съ кафедры со словами: «придите всѣ поклониться Sacro Bambino» и, при громкихъ аплодисментахъ публики, становится на колѣни передъ яслями, въ которыхъ лежитъ Бамбино, изображающій младенца Іисуса. Одна дѣвочка, послѣ своей проповѣди, упавъ передъ нимъ на колѣна, молилась такъ: «миленькій Bambinello, открой свои хорошенькіе глазки, брось взглядъ на насъ грѣшныхъ и пошли намъ свое милосердіе». Какъ видите, даже и проповѣдь итальянецъ умѣлъ обставить такъ, что она удовлетворяетъ его страсти къ зрѣлищамъ и къ театральнымъ представленіямъ. Но что же это за Бамбино, или, какъ его также называютъ, Бамбинелло, къ которому съ такою любовью обращаются маленькіе дѣти?

У итальянцевъ много святыхъ, патроновъ и патронессъ: каждый отстаиваетъ своего святаго и искренно вѣритъ, что онъ скорѣе другихъ исполняетъ просьбы и исцѣляетъ болѣзни. Нѣкоторые святые пользуются большею извѣстностью и большимъ почетомъ передъ другими. Наиболѣе любимые народомъ святые въ то же время и наиболѣе богатые, такъ какъ каждый богомолецъ приноситъ имъ въ даръ деньги или дорогія вещи. Мадонна (Богородица) въ церкви святаго Августина обвѣшана брилліантами, жемчугами, драгоцѣнными каменьями; ожерелья опускаются въ двадцать и тридцать рядовъ, браслеты закрываютъ руки; голова исчезаетъ подъ золотыми гребнями и брилліантовыми діадемами. Мадонну св. Августина итальянцы считаютъ заступницею всѣхъ матерей;

поэтому у ней чрезвычайно много поклонницъ, которыя при выздоровленіи ребенка или во время его болѣзни, несутъ послѣднее, умоляя объ исцѣленіи. Вотъ такъ и скопляются у того или другаго святаго громадныя богатства, которыя очень часто, не смотря на всѣ предосторожности, порядкомъ обкрадываютъ мошенники.

Точно такъ и Бамбино пользуется въ Римѣ большою извѣстностью. Онъ вырѣзанъ изъ дерева и представляетъ груднаго младенца; рукъ его не видно, такъ какъ онѣ покрыты пеленками изъ дорогой матеріи; лицо веселое, улыбающееся, румяное, какъ яблочко. Бамбино обвѣшанъ и обставленъ бриліантами и драгоцѣнностями и имѣетъ весьма порядочный годовой доходъ. Прежде впрочемъ, до революціи 1849 года, доходъ этотъ былъ гораздо больше: у него были собственныя конюшни и кареты. Поуменьшился блескъ, окружавшій Бамбино, уменьшилось и число его поклонниковъ. Итальянца надобно ослѣплять внѣшнимъ блескомъ, чтобы заслужить его полное уваженіе. Вотъ почему Бамбино за послѣдніе года потерялъ много своихъ поклонниковъ. Впрочемъ онъ и теперь еще имѣетъ большое значеніе: его возятъ къ больнымъ, къ умирающимъ, и легенда, которая такъ возвысила его передъ другими, до сихъ поръ еще въ ходу. Вотъ она: одна англичанка каждый день посѣщала церковь Ара-Чели и съ каждымъ днемъ все болѣе привязывалась къ хорошенькому Бамбино. Наконецъ она такъ его полюбила, что рѣшилась его похитить. Для этого она заказала себѣ точь въ точь такую же красивую куклу, отнесла ее въ церковь и обмѣнила на настоящаго Бамбино, котораго и унесла съ собой домой. Но въ ту же ночь всѣ колокола въ городѣ начали звонить сами собой. Монахи сбѣжались и нашли у двери похищеннаго младенца, который уже собирался растворить ее своимъ колѣномъ.

И во время римской революціи 1848 г. Бамбино игралъ немаловажную роль. Когда папа бѣжалъ въ Гаету, Гарибальди захватилъ его парадную, позолоченную карету и, изъ уваженія къ народнымъ вѣрованіямъ, подарилъ ее Sacro Bombino для его выѣздовъ къ больнымъ. Когда въ 1850 г. карета была возвращена ея прежнему владѣльцу, Бамбино стали по прежнему вывозить въ большой, закрытой, коричневой каретѣ, которую знаетъ въ Римѣ каждый ребенокъ.

Бамбино открываютъ для публики только одинъ разъ въ году, впродолженіи 14-ти дней отъ Рождества до Богоявленія. Въ этотъ день послѣ вечерни его торжественно закрываютъ и въ другое время его показываютъ только развѣ знатнымъ посѣтителямъ, имѣющимъ вліятельныхъ знакомыхъ и рекомендательныя письма.

РИМСКАЯ КАМПАНЬЯ *).

Римская Кампанья.—Выходъ на жатву.—Сельское хозяйство Кампаньи.—Шествіе Бахуса.—Agro-Romano.—Понтійскія болота.

Большая часть работъ въ Римской Кампаньѣ исполняется горцами. Вся жизнь этихъ людей проходитъ въ странствованіяхъ на работу и въ возвращеніи на родину. Съ приближеніемъ жатвы на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ къ Риму, можно видѣть огром-

*) Римскою Кампаньею называется все побережье отъ Чивитта-Веккіи до Террачины. Боль-

ныя толпы горцевъ, напоминающихъ въ это время пилигримовъ: всѣ они съ мѣшками и узлами, а матери съ плетеными корзинками на головахъ, въ которыхъ спокойно спятъ или играютъ ихъ дѣти. Толпы рабочихъ останавливаются въ Римѣ на площади, которая отъ горцевъ получила свое названіе—Монтанара. Сюда въ извѣстный день пріѣзжаютъ факторы или землевладѣльцы, поземельные участки которыхъ находятся въ Римской Кампаньѣ: здѣсь они заключаютъ условія съ горцами, когда и за какую плату начать работы въ ихъ помѣстьяхъ.

Наканунѣ жатвы, рано утромъ, горцы опять собираются на Монтанарѣ, и отсюда толпами расходятся въ разныя стороны. Всѣ являются сюда веселые и бодрые. Подлѣ каждой группы стоитъ повозка съ жатвенными орудіями и кухонными принадлежностями, въ которой по дорогѣ отдыхаютъ уставшія женщины. Всѣ повозки разукрашены въ это время пестро и эффектно: обвѣшаны цвѣтными платками, убраны цвѣтами, гирляндами, вѣнками и лавровыми вѣтвями. Громадные рога воловъ убраны яркими лентами; ярмо украшено цвѣтами, а на лбу животнаго прикрѣпленъ бантъ. При звукахъ волынки, тамбурина и флейты, съ танцами, пѣніемъ, шутками, остротами и смѣхомъ, идутъ рабочіе по городу къ воротамъ. Тутъ рѣзко бросается въ глаза пестрота и разнообразіе одеждъ; однѣ женщины въ сандаліяхъ, другія босыя, въ бѣлыхъ вуаляхъ, въ платкахъ, въ соломенныхъ шляпахъ съ широкими, ниспадающими лентами.

Дневная работа горцевъ начинается очень рано: въ три часа утра уже всѣ въ полѣ; черезъ часа 4 они завтракаютъ, около 10-ти часовъ—обѣдъ; затѣмъ сіэста—два часа отдыха или сна подъ деревомъ, или въ другомъ тѣнистомъ мѣстѣ. Въ 7 часовъ вечера работы оканчиваются. Не смотря на тяжелый трудъ подъ палящими лучами солнца, народъ любитъ жатву болѣе другой работы. Во время всѣхъ здѣшнихъ работъ горцы получаютъ пищу отъ землевладѣльца или отъ арендатора, который ихъ нанялъ, и тутъ они гораздо лучше ѣдятъ, чѣмъ дома. Обѣдаютъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ и приготовляютъ имъ пищу. Вечеромъ, послѣ окончанія работъ, рабочіе очень оживляются. Въ одной группѣ молодежь танцуетъ подъ звуки музыки тарантелло или салтарелло, въ другой — поютъ пѣсни, а нѣсколько подальше кучка людей внимательно слушаетъ балладу, которую поетъ ей неаполитанецъ подъ аккомпаниментъ гитары. Сзади этихъ живописныхъ группъ, между нагроможденными снопами и сложенными въ кучи жатвенными орудіями, стоятъ пустыя телѣги съ огромными колесами. Сѣро-пепельнаго цвѣта волы лежатъ подлѣ, пережевывая жвачку. Горизонтъ замыкается вдали горами, которыя блестятъ золотыми переливами вечерней зари. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ построены большія житницы, въ которыхъ рабочіе могутъ ночевать; но очень часто ихъ нѣтъ и приходится устраивать соломенные шалаши. Если земля влажна и испаряетъ міазмы, тогда устроиваютъ воздушную постель между столбами. Рабочій, которой не приметъ этой предосторожности и растянется ночью на влажной землѣ, непремѣнно возвратится на родину съ страшною лихорадкою, съ поблекшимъ лицемъ и часто съ вздутымъ, распух-

---

шая часть названной мѣстности, за исключеніемъ окрестностностей города Остіи, представляетъ пе-
чальную и пустынную равнину. Въ началѣ этой статьи, гдѣ мы говоримъ о рабочихъ, о ихъ обы-
чаяхъ и праздникахъ, мы подразумѣваемъ рабочихъ всей Римской Кампаньи вообще отъ Чивитта-
Веккія до Террачины. Есть мѣстности въ Римской Кампаньи, гдѣ положеніе рабочихъ особенно пе-
чально; наибольшею извѣстностью въ этомъ отношеніи пользуются Agro-Romano и Понтійскія бо-
лота. Подъ названіемъ Agro-Romano разумѣютъ собственно округъ города Рима; Понтійскими
болотами называютъ мѣстность отъ Веллетри до Террачины, т. е. южное побережье Римской
Кампаньи.

шимъ тѣломъ и трясущимися колѣнами. Еще хуже рабочимъ въ Argo-Romano и въ Понтійскихъ болотахъ.

Во время жатвы работаютъ въ праздничные и воскресные дни. Поутру совершается богослуженіе на открытомъ воздухѣ. Для этого въ главныхъ мѣстностяхъ Кампаньи сооружаютъ простые алтари, украшенные цвѣтами и зеленью. Здѣсь подъ небеснымъ сводомъ священникъ совершаетъ мессу. Часто такая артель жнецовъ, окончивъ свою работу въ одномъ мѣстѣ, нанимается на другое, лежащее въ противоположной сторонѣ. Въ такихъ случаяхъ она совершаетъ свой переходъ въ городъ непремѣнно ночью и точно также съ нѣкоторою торжественностью. Ворота Рима отворяются для такихъ поѣздовъ во всякое время. Когда рабочіе входятъ въ городъ, тамъ царствуетъ совершенная тишина. Но вотъ начинаютъ открываться окна и показываться бѣлые колпаки, такъ какъ по улицѣ громко раздается стукъ отъ повозокъ, а жнецы, при свѣтѣ нѣсколькихъ факеловъ, потрясаютъ бубнами и во все горло поютъ пѣсни.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Римской Кампаньи существуетъ обычай не очень старательно подбирать колосья, чтобы бѣдняки могли ими воспользоваться послѣ жатвы. Когда жнецы покидаютъ какую-нибудь мѣстность, то арендаторы приходятъ въ близьлежащую деревню и, ударивъ раза два въ барабанъ, извѣщаютъ, что тотъ, кто заплатитъ нѣсколько байокки, можетъ въ такіе-то дни и на такихъ-то поляхъ собирать оставшіеся колосья. Хлѣбъ здѣсь вымолачиваютъ, какъ и въ вѣтхозавѣтныя времена, подъ открытымъ небомъ, на мѣстахъ, нарочно для этого вымощенныхъ. Нѣсколько быковъ или лошадей связываютъ другъ съ другомъ и ихъ гоняютъ кругомъ по снопамъ. Погонщики стоятъ посреди и криками и кнутомъ подгоняютъ животныхъ. Крики этихъ людей, хлопанье бича, мычаніе и ржаніе животныхъ, шорохъ соломы слышатся съ утра до поздняго вечера впродолженіи всего іюля мѣсяца. Далеко за полночь вся мѣстность оглашается громкими пѣснями рабочихъ. Нужно однако замѣтить, что въ настоящее время и здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хлѣбъ вымолачиваютъ цѣпами, кое-гдѣ заводятъ даже и молотильныя машины. Когда работы на току совершенно окончены, устраиваютъ деревенскій балъ, на который сходятся жители всѣхъ окрестныхъ деревень, и музыка, пѣсни и танцы раздаются всю ночь.

Виноградъ собираютъ въ римской области къ концу сентября; когда сборъ его оконченъ, совершается шествіе Бахуса — церемонія, въ которой современные обычаи смѣшиваются съ древне-римскими. Но, чтобы получить настоящее понятіе объ этой процессіи, нужно отправиться въ какой нибудь менѣе извѣстный городокъ. Въ мѣстахъ наиболѣе посѣщаемыхъ иностранцами, за послѣдніе 50 лѣтъ, больше исчезло народныхъ обычаевъ, чѣмъ прежде за нѣсколько столѣтій.

Шествіе открывается его сіятельствомъ господиномъ Бахусомъ. Для этой роли крестьяне выбираютъ изъ своей среды самаго красиваго парня. Его убираютъ, какъ и въ древности, плющемъ и виноградною лозою. Въ рукахъ у него палка, обвитая цвѣтами, съ еловой шишкой наверху, вмѣсто набалдашника. Вмѣсто пантеровой шкуры, которая прежде свѣшивалась съ плечъ бога вина, на нынѣшнемъ Бахусѣ накинута бѣлая овчина: на ней сдѣланы пятна краснымъ виномъ. За Бахусомъ идетъ множество парней и дѣвушекъ въ праздничныхъ нарядахъ. Первые несутъ въ рукахъ пучки виноградныхъ гроздъ, а вторыя—корзинки на головахъ, наполненныя виноградомъ; тутъ же многіе подплясываютъ, потрясаютъ бубнами, бренчатъ на гитарѣ или мандолинѣ, наигрываютъ на гармоникѣ. За огромной толпой народа слѣдуетъ повозка, убранная зеленью, платками, лентами, цвѣтами и запряженная быками, кожа которыхъ въ пятнахъ, сдѣланныхъ виноградымъ сокомъ. Поѣздъ заключается парнемъ, ѣдущимъ на ослѣ. Онъ представляетъ Силена—шута Бахуса. Фигура его необыкновенно смѣшна

и каррикатурна: лицо вымазано винною гущею, у него привязано огромное, толстое брюхо, самъ онъ дѣлаетъ страшныя гримасы и ужимки, поглядываетъ во всѣ стороны и нещадно отпускаетъ надъ всѣми остроты. Съ каждымъ шагомъ его обступаетъ все большая толпа, нисколько не обижаясь его рѣзкими шутками. Напротивъ, при каждомъ его словѣ, раздаются крикъ, смѣхъ, аплодисменты. Эта ликующая толпа обходитъ торжественнымъ маршемъ всю окрестность, безпрестанно потрясая воздухъ криками «Viva Bacco, viva la Vendemia!» (Да здравствуетъ Бахусъ, да здравствуетъ сборъ винограда!).

Римъ лежитъ почти въ центрѣ Agro-Romano,—мѣстность, которая простирается далеко за окраины города. Изъ 211,550 гектаровъ площади Agro-Romano 8,202 гектара, которые непосредственно окружаютъ Римъ, покрыты виноградниками, дачами и садами; вся остальная мѣстность въ высшей степени нездорова, почти совсѣмъ не заселена, состоитъ изъ тощихъ пастбищъ, полей, засѣянныхъ пшеницею, и изъ болотъ. Въ той части Agro-Romano, которая непосредственно окружаетъ Римъ, еще можно найти кое-какія жилища крестьянъ; но и они живутъ въ нихъ только зимою. Съ іюня до октября крестьяне ночуютъ въ городѣ; иначе большая часть ихъ непремѣнно заболѣваетъ горячкою или изнурительною перемѣжающеюся лихорадкою, которая надолго дѣлаетъ ихъ неспособными къ работѣ. На всей остальной части территоріи Agro-Romano совсѣмъ нѣтъ крестьянскихъ домовъ. Ее обрабатываютъ поденьщики, которые приходятъ изъ сосѣднихъ провинцій. Они приходятъ сюда въ серединѣ октября, а на родину возвращаются въ концѣ іюня. Тѣ мѣсяцы, въ которые рабочіе живутъ здѣсь, они устраиваютъ себѣ жилища въ пещерахъ, или наскоро строятъ шалаши и хижины, покрытые соломой, гдѣ ихъ постели устроены одна надъ другой, какъ койки въ каютахъ.

Такимъ образомъ Agro-Romano представляетъ обширную полосу земли, безъ жилищъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ остатковъ домовъ и дворцовъ, въ которыхъ нѣкогда жили ихъ владѣльцы. Трудно представить себѣ, какой печальный видъ имѣетъ Agro-Romano лѣтомъ, въ іюлѣ, августѣ, въ сентябрѣ и даже въ началѣ октября. Уже въ половинѣ іюня все засыхаетъ. Хлѣбъ снятъ и не видно ни одной былинки. Только въ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изъ земли бьютъ ключи, образуются болотистыя мѣстности, покрытыя болотными растеніями. Такихъ болотистыхъ мѣстъ здѣсь очень много. Посредствомъ хорошо проведенныхъ каналовъ и трубъ, ихъ можно было бы совершенно осушить, но арендаторы не видятъ въ этомъ для себя никакой выгоды. На каналы и трубы нужно затрачивать капиталъ, а арендаторы думаютъ только извлекать выгоды и оставляютъ эти болотистыя мѣстности въ томъ видѣ, какъ онѣ ихъ находятъ, тѣмъ болѣе, что лѣтомъ, когда трава въ Agro-Romano вездѣ высыхаетъ, онѣ бываютъ покрыты болотистыми растеніями и такимъ образомъ представляютъ хоть какой-нибудь кормъ скоту. Во все лѣтнее время, т. е. съ іюля до половины октября, тутъ можно встрѣтить развѣ очень немногихъ надзирателей, которые отправили своихъ женъ и дѣтей въ горы провести тамъ необыкновенно вредное время года, изрѣдка погонщиковъ быковъ и въ нѣсколькихъ жалкихъ здѣшнихъ гостиницахъ—ихъ хозяевъ съ прислугою. Даже пастухи овецъ, которые всюду бродятъ съ своими стадами по всей Римской Кампаньѣ, совсѣмъ исчезаютъ въ это время года изъ Agro Romano, такъ какъ они отправляются въ это время съ своими стадами на горныя пастбища въ Аппенинахъ. Во всей огромной мѣстности, называемой Agro-Romano, населеніе лѣтомъ едва достигаетъ 1,800 человѣкъ. Даже священники, которые въ остальное время года служатъ здѣсь подъ открытымъ небомъ, лѣтомъ спасаются отъ маляріи въ Римѣ. Въ Римѣ

лѣтомъ воздухъ тоже не особенно здоровъ, но съ нѣкоторыми предосторожностями въ немъ все еще можно жить, особенно въ сравненіи съ Agro-Romano.

Сельское хозяйство въ Agro-Romano ограничивается овцеводствомъ и посѣвами пшеницы. Большая часть мѣстностей представляетъ тощія пастбища, гдѣ едва прокармливаются овцы и козы. Настоящіе покосные луга встрѣчаются здѣсь очень рѣдко и даже тамъ, гдѣ употребляютъ искуственное орошеніе, это дѣлается для того, чтобы нѣсколько освѣжить пастбище, а вовсе не для того, чтобы получить 2-й и 3-й покосъ. Овцы составляютъ главный предметъ хозяйства; быковъ держатъ только для работъ, а коровъ для размноженія быковъ, и на молоко отъ нихъ, какъ мы увидимъ ниже, здѣсь совсѣмъ нельзя расчитывать. Всѣ эти животныя находятся почти въ дикомъ состояніи, не имѣютъ хлѣвовъ, а остаются подъ открытымъ небомъ. Коровы телятся посреди пастбищъ или въ какомъ-нибудь лѣскѣ, и никто не заботится о нихъ. Онѣ даютъ такъ мало молока, что его едва хватаетъ для ея теленка, и если его назначаютъ для продажи мяснику, то его поятъ отъ двухъ коровъ. Здѣшняя порода рогатаго скота съ необыкновенно длинными рогами—сильна, но даетъ мало молока и не годится для откармливанія на мясо. Много овецъ держатъ ради ихъ шерсти и ради молока, изъ котораго приготовляютъ плохой сыръ, продаваемый бѣдному люду.

Какъ и во всей Кампаньѣ, хозяйство ведется здѣсь самымъ первобытнымъ образомъ; чтобы приготовить почву для посѣва, нужно пропахать поле шесть разъ въ разныхъ направленіяхъ; въ плугъ впрягаютъ четырехъ быковъ. Послѣ этого поле остается подъ паромъ впродолженіи цѣлаго года. Вся земля обрабатывается не мѣстными жителями, а пришлыми поденьщиками; дикіе быки не знаютъ своихъ хозяевъ, и послѣ непродолжительной работы ихъ выпрягаютъ и отправляютъ на пастбище. Лѣтомъ, когда здѣсь вся растительность высыхаетъ, быки получаютъ порцію хлѣба, большую часть которой они разбрасываютъ по землѣ. Коровъ, за неимѣніемъ хлѣвовъ, загоняютъ въ лѣски, въ тѣни которыхъ еще можно найти немного травы, такъ какъ многочисленныя болота, здѣсь находящіяся, позже высыхаютъ и такимъ образомъ представляютъ хотя скудный кормъ. Этотъ обычай, въ концѣ концовъ, обращаетъ лѣса въ кустарники, такъ какъ животныя любятъ молодые побѣги дубовъ и вязовъ и такимъ образомъ уничтожаютъ деревья. Многія мѣстности, покрытыя прежде лѣсами, а теперь кустарниками, можно было бы очистить и обработать для посѣва; но такъ какъ здѣсь это считается очень дорогимъ предпріятіемъ, то объ этомъ рѣдко кто и думаетъ. Объ удобреніи не имѣютъ и понятія и довольствуются тѣмъ, что пасущійся скотъ нѣсколько удобряетъ землю. Только недавно самые заботливые арендаторы стали устраивать загоны для овецъ, безъ которыхъ онѣ сильно гибли. Домашней птицы здѣсь совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ нѣтъ хозяевъ, которые могли бы объ ней заботиться. Гектаръ здѣшней земли отдается въ аренду, приблизительно за 30 фр. въ годъ. Это очень небольшая цѣна для Италіи, гдѣ почти вездѣ платятъ 100 и болѣе франковъ за гектаръ. Въ Италіи есть мѣстности, гдѣ арендная плата превышаетъ даже 300 франковъ за гектаръ.

Рабочихъ обыкновенно нанимаютъ за годъ, и для того даютъ задатокъ вербовщику, который долженъ ихъ найти. Въ продолженіи всего рабочаго времени онъ остается ихъ надсмотрщикомъ и составляетъ изъ нанятыхъ имъ людей два отряда: первый отрядъ изъ самыхъ сильныхъ людей, на долю которыхъ выпадаютъ наиболѣе трудныя работы; второй изъ менѣе сильныхъ людей, женщинъ и дѣтей. Рабочій людъ съ женами и дѣтьми идетъ сюда съ ослами, нагруженными посудою, различными орудіями и всѣмъ, нужнымъ для хозяйства. Арендаторы даютъ имъ пищу, а пещеры или соломенные шалаши, какъ и вездѣ въ Кампаньѣ, служатъ имъ жилищемъ. Они получаютъ поденную плату, которую въ концѣ лѣта они приносятъ домой, если только не

сдѣлаются жертвою горячки. Желѣзныя дороги нѣсколько облегчили ихъ участь, такъ какъ теперь, когда они заболѣваютъ, ихъ тотчасъ отправляютъ на родину, откуда они немедленно должны выслать за себя другаго работника, такъ какъ они подрядились работать весь рабочій сезонъ. Не смотря на то, большая часть ихъ умираетъ въ госпиталяхъ Рима, а еще чаще въ канавахъ и посреди полей. Правда, когда совсѣмъ истощатся силы и когда несчастные испустятъ послѣдній вздохъ, имъ не долго придется лежать подъ открытымъ небомъ: въ Римѣ существуетъ братство, единственная цѣль котораго—подбирать больныхъ и умершихъ въ Кампаньѣ. Въ случаѣ заболѣваній, прежде этимъ несчастнымъ никто не подавалъ никакой медицинской помощи, однако лѣтъ пять тому назадъ, по распоряженію римскаго магистрата, назначено нѣсколько докторовъ, которые обязаны давать помощь заболѣвающимъ рабочимъ въ различныхъ мѣстностяхъ Кампаньи. Но этихъ докторовъ еще слишкомъ недостаточно для больныхъ.

Пустынный и дикій видъ Agro-Romano, съ грандіозными развалинами, горы съ живописными контурами, виднѣющіяся вдали, дикія стада быковъ съ необыкновенно длинными рогами—сильно привлекаютъ художниковъ. Но у всякаго, кто знаетъ, какъ гибнетъ и страдаетъ народъ въ этихъ мѣстностяхъ, сжимается сердце отъ боли при приближеніи къ нимъ.

Главная причина упадка Agro-Romano—малярія, которая дѣлаетъ невозможнымъ осѣдлое поселеніе. Климатъ въ Кампаньѣ никогда не былъ особенно здоровымъ, но прежде онъ все-таки давалъ возможность жить здѣсь земледѣльцамъ, что въ настоящее время уже совершенно невозможно. Замѣчено такимъ образомъ, что климатъ постоянно ухудшался и до сихъ поръ все ухудшается. Малярія, по мнѣнію большинства ученыхъ, происходитъ отъ вредныхъ испареній болотъ, которыхъ здѣсь очень много и которыя имѣютъ чрезвычайно дурное вліяніе на санитарныя условія всей Кампаньи. Густое населеніе и раціональное земледѣліе—единственныя средства для прекращенія маляріи. Но всякая надежда на успѣхъ въ земледѣліи останется неосуществимою до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать нынѣшняя система крупныхъ поземельныхъ владѣній. Нужно раздробить землю между массою землевладѣльцевъ, необходимо, чтобы она обрабатывалась не наемщиками, а хозяевами, которые были бы лично заинтересованы въ успѣхѣ и всецѣло посвящали бы себя земледѣлію.

Кто при имени Понтійскихъ болотъ представляетъ себѣ мѣстность, покрытую отвратительными вонючими топями, тотъ сильно заблуждается; но не менѣе ошибается и тотъ, кто по виду издали считаетъ эту страну земнымъ раемъ. Дѣйствительно, когда смотришь на Понтійскую равнину (она занимаетъ до 30 квадратныхъ миль) съ высотъ Вольскихъ горъ, она кажется богатымъ ковромъ, сотканнымъ изъ нѣжныхъ цвѣтовъ. Море какъ бы составляетъ его серебряную рамку. Правда, тамъ и здѣсь выглядываютъ стоячая вода и лужи, но онѣ вездѣ окружены превосходною растительностью. Однако цвѣтное покрывало, которымъ такъ роскошно убраны Понтійскія болота, не мѣшаетъ лихорадкѣ жестоко свирѣпствовать въ этихъ мѣстностяхъ и сотнями сводить въ могилу пастуховъ и землепашцевъ. Понтійскія болота идутъ собственно отъ Веллетри до Террачины. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ болѣе лѣса. Посреди лѣсовъ или на ихъ опушкахъ можно видѣть отдѣльные хутора. Тамъ, гдѣ лѣсъ прекращается, начинаются безконечные луга. Тамъ и сямъ, между густымъ, высокимъ тростникомъ, проходятъ длинные каналы. Но напрасны были всѣ усилія осушить Понтійскія болота. Отчасти это можно объяснить мѣстными особенностями. Эта мѣстность представляетъ углубленную долину между высокими Вольскими горами и морскими дюнами. Эта долина замѣтно поднимается къ берегу, а у подошвы названныхъ горъ она всего ниже. Поэтому низвергаю-

щіеся здѣсь горные потоки не находятъ для себя достаточно стока и образуютъ болота. Въ этихъ болотахъ тамъ и сямъ торчатъ головы буйволовъ, съ загнутыми назадъ короткими рогами, со слезой на косыхъ, налитыхъ кровью глазахъ. Буйволы во всей Римской Кампаньѣ бродятъ стадами, которыми управляетъ пастухъ съ длинной острой палкой, или по горло лежатъ, въ лѣтнее время, въ прохладной, болотной водѣ, а то медленно тащатъ нагруженную снопами и людьми повозку. Нерѣдко можно видѣть также, какъ пастухъ гонитъ цѣлое стадо буйволовъ вплавь по каналу, слѣдуя за ними въ лодкѣ, напоминающей корыто. Это дѣлается для того, чтобы очистить каналъ отъ травъ и сорныхъ растеній, которыя мѣшаютъ теченію воды. Отъ времени до времени животныхъ выгоняютъ на берегъ, чтобы они могли стряхнуть облѣпившія ихъ растенія.

Изрѣдка здѣсь встрѣчаются сторожки, изъ которыхъ карабинеры совершаютъ свои обходы для уничтоженія разбойниковъ, или жалкія хижины. Люди, которые живутъ въ этихъ хижинахъ безъ трубъ и оконъ, имѣютъ чрезвычайно болѣзненный видъ. Лишь только завидятъ они путешественника, какъ все семейство выбѣгаетъ просить милостыню.

НЕАПОЛЬ

Чудный видъ неаполитанскаго залива.—Уличная жизнь и движеніе.—Удовольствія средняго класса.—Развлеченія народа: чудо кипѣнія крови и фейерверки.—Участіе духовенства въ народныхъ удовольствіяхъ.—Характеръ неаполитанскаго люда.—Неаполитанская дѣвушка, ея жизнь и поэзія.—Моряки.

«Видѣть Неаполь и умереть», говорятъ путешественники, и съ этимъ вполнѣ согласится всякій, кто увидитъ этотъ городъ весною, въ мартѣ, апрѣлѣ или маѣ, когда лимонныя и померанцевыя рощи цвѣтутъ и благоухаютъ, въ то время, когда по всѣмъ заборамъ свѣшиваются гирлянды розъ, жасминовъ и тысяча другихъ душистыхъ, распустившихся цвѣтовъ, а воздухъ еще не томитъ палящимъ жаромъ. Посмотрите на городъ съ одного изъ тысячи здѣшнихъ балконовъ и передъ вами во всемъ величіи предстанетъ первый по красотѣ во всемъ мірѣ Неаполитанскій заливъ. Вѣчно дымящійся Везувій, широкая кайма бѣлыхъ виллъ и селеній у его подошвы, живописные берега Сорренто и Кастелламаре и наконецъ очаровательный скалистый островъ Капри. Еще болѣе чудная картина представляется на разсвѣтѣ, когда сквозь утренній туманъ покажется розовое Тирренское море, съ окраиною голубыхъ горъ, которыя загораются одна за другою, вдоль поморья, при легкомъ сіяніи зари. Мало-по-малу сбѣгаетъ утренній туманъ съ роскошнаго залива и на немъ закипаетъ жизнь. Рѣзвыя лодки рыбаковъ несутся одна за другою въ открытое море искать себѣ дневнаго промысла, и мало по малу разоблачается Везувій. Вотъ спадаетъ легкое покрывало съ двуглавой его верхушки, и онъ поднимается бѣлымъ дымнымъ столбомъ въ ясную лазурь неба. Вотъ и другая полоса горъ, подернутая дымкою тумана, потянулась изъ за мыса до самаго края залива. Но еще болѣе волшебное зрѣлище представляетъ набережная Санта-Лучіа ночью, когда луна стоитъ надъ Везувіемъ и ея магическій свѣтъ изливается на горы, море и весь городъ. Темный лѣсъ мачтъ въ гавани утопаетъ въ серебряныхъ парахъ. Тысячи барокъ скользятъ, какъ черныя тѣни, черезъ освѣщенную полосу, появляются

и исчезаютъ. Изъ мрака ночи на горизонтѣ поднимается двухъярусная скала Капри, чистымъ серебромъ свѣтятся горы Кастелламаре и Сорренто, тихо блеститъ Везувій (Неаполь находится отъ Везувія въ 2-хъ нѣмецкихъ миляхъ разстоянія); но вотъ онъ вдругъ выбросилъ изъ своего жерла огненную звѣзду: она сверкнула на минуту, освѣтила огненнымъ пламенемъ мрачное покрывало исполина и быстро потухла. Здѣсь, куда бы вы ни пошли, Везувій будетъ васъ вездѣ преслѣдовать, хотя онъ и находится въ двухчасовомъ разстояніи отъ города. Многія улицы города замыкаются этимъ вѣчно дымящимся вулканомъ: плывете ли вы въ алой баркѣ по заливу, бродите ли по мертвымъ улицамъ Помпеи, слушаете ли подъ пальмой чудную пѣснь неаполитанскихъ рыбаковъ, передъ вами всегда Везувій. Всюду и между лѣсомъ колоннъ, и въ глубинѣ аллей, обвитыхъ виноградными гирляндами, на голубомъ фонѣ неба, всегда рисуется онъ, съ своимъ дымомъ, какъ духъ тьмы, какъ мрачное видѣніе среди благоухающаго, свѣтлаго, улыбающагося земнаго рая. Вмѣстѣ съ Везувіемъ повсюду васъ здѣсь преслѣдуютъ и чудныя картины природы: куда вы ни обернетесь—благоуханіе померанцевъ, роскошная растительность, вездѣ жизнь бьетъ горячимъ ключемъ.

Вмѣстѣ съ волшебными островами, могучимъ Везувіемъ, чудными картинами природы, Неаполь представляетъ еще одно характерное свойство — замѣчательный городской шумъ. Тутъ даже и ночью слухъ вашъ не отдыхаетъ отъ грохота экипажей, говора и криковъ. Чуть занимается заря, и вы не успѣли еще проснуться, какъ цѣлая ватага ребятъ уже толпится у вашихъ оконъ: на видъ имъ по пяти, шести лѣтъ, одѣты они въ бѣлыя, до нельзя рваныя рубахи, чернаго отъ грязи цвѣта, сами совсѣмъ чумазые, грязные, и на головѣ, вмѣсто шапки, цѣлый войлокъ изъ собственныхъ нечесанныхъ волосъ. Они визжатъ, пищатъ у вашихъ оконъ на разные голоса, что нибудь декламируютъ съ комическими театральными жестами, или, защемивъ пальцами носъ, распѣваютъ новыя аріи, жестоко взвизгивая при каждомъ куплетѣ: «тики такъ... тики такъ... чи... чи... эччеленца дай на макарони! всѣ ѣдятъ макарони!.. Чи... чи... эччеленца» и т. д.

Окрестности Неаполя такъ великолѣпны, что самый городъ не производитъ уже особеннаго впечатлѣнія. Мостовая сдѣлана изъ большихъ плитъ лавы, но улицы, за исключеніемъ одной, двухъ, очень узкія. На нихъ, какъ и въ другихъ городахъ, кофейни, лавки, магазины, а посрединѣ непрерывнымъ рядомъ ѣдутъ экипажи; ремесленники, которые работаютъ подъ открытымъ небомъ, сидя вдоль тротуаровъ, замѣчательная пестрота лицъ, одеждъ и разнообразіе житейскихъ сценъ, представляютъ для европейскаго путешественника совершенно незнакомыя ему явленія. Свои издѣлія ремесленники продаютъ тутъ же въ балаганахъ, которые у нѣкоторыхъ такъ велики, что доходятъ до средины улицы. Въ углахъ болѣе свободныхъ стоятъ продавцы съ устрицами и макаронами, самымъ любимымъ кушаньемъ неаполитанцевъ; тутъ жарятъ и продаютъ каштаны, кукурузныя шишки; въ высокихъ и чистыхъ палаткахъ торгуютъ замороженной водой, арбузами и всѣми южными фруктами; затѣмъ улицу загромождаютъ столики мѣнялъ и писцовъ, передъ которыми стоятъ женщины и диктуютъ письма и просьбы... А вонъ тамъ собралась кучка людей, посреди которыхъ стоитъ мужчина въ изорванной одеждѣ, держитъ передъ собою старую потертую книгу и съ необыкновеннымъ жаромъ, сопровождая декламацію театральными жестами, читаетъ какую-то устарѣвшую пьеску, гдѣ главнымъ героемъ является непремѣнно разбойникъ. Слушатели не только внимательны, но даже увлекаются такъ, что отъ времени до времени дѣлаютъ выразительные жесты. Тамъ и здѣсь валяются ладзарони—эти дѣти Неаполя, которыя спятъ на мостовыхъ и подъ арками сводовъ, пока не найдутъ какого нибудь занятія, что такъ трудно на югѣ Италіи, или пока этихъ несчастныхъ безъ работы, крова и

хлѣба не подберетъ смерть. И кто же какъ не она, эта утѣшительница всѣхъ страждущихъ, приметъ участіе въ ладзарони, который десять мѣсяцевъ въ году спитъ подъ открытымъ небомъ, гдѣ придется, всегда босой, въ какихъ-то рваныхъ лохмотьяхъ, которыя совершенно открываютъ его руки и мохнатую грудь. Чтобы пополнить картину уличной неаполитанской жизни, можно еще прибавить, что на набережной Санта-Лючія бьетъ сѣрный ключъ; женщины съ утра до поздней ночи черпаютъ эту цѣлебную воду и предлагаютъ ее тутъ же сидящимъ дамамъ и мужчинамъ, которые, выпивъ стаканъ такой воды, закусываютъ маленькимъ крепделемъ. Кромѣ пустой житейской болтовни на Санта-Лючіи и питья цѣлебной воды, среднее сословіе развлекается здѣсь еще тѣмъ, что ходитъ смотрѣть на купающихся, которые бросаются передъ всей публикой въ воду. И дѣйствительно, любопытно смотрѣть на ребятишекъ, которые плаваютъ здѣсь, какъ дельфины: при этомъ обыкновенно они прыгаютъ въ воду откуда нибудь съ высокаго мѣста, мастерски ныряютъ и выдѣлываютъ всевозможныя штуки.

Любимымъ развлеченіемъ здѣшняго населенія служатъ праздники Януарія — патрона неаполитанцевъ; праздники этого святаго бываютъ обыкновенно весною и осенью, продолжаются по цѣлой недѣлѣ, во время которой каждый день въ соборномъ храмѣ этого святаго совершается передъ народомъ чудо кипѣнія его запекшейся крови. Въ такіе дни устраиваютъ, разумѣется, всевозможныя процессіи. Главную роль при этомъ играютъ грубыя изваянія святаго Януарія, которыя чрезвычайно напоминаютъ собою древнихъ языческихъ кумировъ. Носильщики ставятъ эти грубыя изваянія на доски, поверхъ головы, какъ у насъ статуетчики, торгующіе въ рынкѣ статуями, и, сопровождаемые духовенствомъ, торжественно носятъ ихъ по улицамъ.

Служба, въ которой совершается чудо кипѣнія запекшейся крови св. Януарія, чрезвычайно странна. При входѣ въ церковь прежде всего бросаются въ глаза десять старыхъ женщинъ, которыя стоятъ у рѣшетки: онѣ носятъ фамилію Януарія, и, какъ избранницы слѣпаго случая, удостоившіяся носить это святое имя, стоятъ впереди всѣхъ. Священники въ парадныхъ облаченіяхъ выносятъ серебряное изваяніе Януарія, ставятъ его на престолъ, и одѣваютъ его въ драгоцѣнныя ризы. Потомъ старшій изъ священниковъ подходитъ къ алтарю съ кристальнымъ сосудомъ въ рукахъ, внутри котораго видна запекшаяся кровь. Священникъ вертитъ въ своихъ рукахъ этотъ сосудъ, какъ бы показывая его народу. Тутъ начинается чтеніе и пѣніе молитвъ, колѣнопреклоненіе, громкія рыданія и вопли. Присутствующіе усердно упрашиваютъ Януарія послать имъ поскорѣе чудо кипѣнія его крови; они такъ страстно, такъ горячо его объ этомъ просятъ, что по всей церкви раздается ихъ шепотъ, а иногда и цѣлыя фразы молитвъ, которыя они тутъ же изобрѣтаютъ, какъ имъ это подсказываетъ ихъ минутное настроеніе. Одни настойчиво требуютъ у Януарія, чтобы онъ скорѣе посылалъ чудо, другіе даже съ гнѣвомъ укоряютъ его, что онъ такъ долго заставляетъ ихъ ждать. Между тѣмъ священнодѣйствующій, держа свѣчку въ одной рукѣ, другою все это время вертитъ святой сосудъ. Иногда чудо очень долго не совершается, выраженія гнѣва слышатся со всѣхъ сторонъ все громче и громче; многіе обращаются назадъ и осматриваютъ другъ друга, нѣтъ ли между ними форестьера. «Видно между нами есть иновѣрецъ, и св. Януарій не хочетъ его удостоить видѣть чудо», — и форестьеръ тогда долженъ поскорѣе отретироваться самъ, пока ему не показали дверь. Послѣ долгихъ молитвъ кровь закипаетъ, и священникъ показываетъ желанное чудо народу, высоко поднимая чашу. Тотчасъ раздаются радостные крики, слова горячей благодарности, и всѣ начинаютъ тѣсниться къ священнику, чтобы поцѣловать сосудъ. Тѣмъ и кончается церемонія.

Какимъ образомъ совершается чудо? Быть можетъ этому помогла близость заж-

женной свѣчи, которую все время держалъ священникъ, а быть можетъ и что нибудь другое—только кровь дѣйствительно закипѣла.

Всѣ итальянцы любятъ шумъ, пестроту, движеніе, и потому фейерверки почти во всѣхъ городахъ Италіи въ большой модѣ; но кажется нигдѣ они не бываютъ такъ часто, какъ въ Неаполѣ и въ близьлежащихъ городахъ. Если вы проводите лѣто въ какомъ нибудь пунктѣ Неаполитанскаго залива, съ котораго видна большая часть его побережья, вы очень часто увидите вечеромъ въ девятомъ часу, какъ почти изо всѣхъ городовъ и селеній, окаймляющихъ берегъ, взвиваются ракеты, взлетаютъ на воздухъ римскія свѣчи, всюду разсыпаясь огненнымъ дождемъ. Эти фейерверки по праздникамъ бываютъ даже въ самыхъ незначительныхъ городахъ. Къ вечеру по улицамъ, окружающимъ церковь, устраиваютъ нерѣдко очень оригинальную иллюминацію: разноцвѣтные фонари и шкалики изображаютъ цвѣты, лики святыхъ, сцены изъ св. Писанія. Иногда улицу украшаютъ высокими колоннами зелени и цвѣтовъ, между которыми мелькаютъ огоньки; церкви въ праздничные дни убраны фигурными люстрами, свѣтовыми гирляндами.

Иллюминаціи и фейерверки—удовольствія народа; ихъ совсѣмъ не посѣщаетъ аристократія. Этою любовью народа къ фейерверкамъ пользуется духовенство, чтобы привлечь толпу въ тотъ или другой храмъ. Въ Сициліи есть обычай въ нѣкоторыхъ церквахъ пускать ракеты и даже маленькіе фейерверки въ опредѣленные дни. Сначала взовьется надъ церковью нѣсколько ракетъ, потомъ начинается звонъ колоколовъ; умолкнутъ колокола,—опять ракеты. И дѣйствительно, тамъ, гдѣ въ праздничные дни церкви сверкаютъ ракетами, издаютъ шумъ, трескъ, тамъ болѣе собирается народа, слѣдовательно духовенство такихъ церквей можетъ болѣе набивать свои карманы.

Неаполитанцы худощавы, отличаются гибкостью членовъ и необыкновенной живостью походки. Эта живость фигуры неаполитанца заставляютъ забывать о его небольшомъ, сравнительно съ сѣверными народами, ростѣ. Теперь уже гораздо менѣе восхищаются прославленною красотою итальянокъ, можетъ быть потому, что туристы видятъ ихъ не только въ мастерскихъ художниковъ, но проникаютъ и въ ихъ бѣдныя, жалкія жилища. Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что лицо неаполитанки, хотя и не всегда красиво и правильно, но какъ и у мужчинъ, отличается большою подвижностью и выразительностью. Фигура ея, даже у той, которая изнурена работой, болѣе изящна, чѣмъ у жительницъ сѣверныхъ странъ. Лица же дѣтей съ большими черными глазами, блестятъ живымъ умомъ и находчивостью;—но отъ тяжести и лишеній нищенской жизни у большинства изъ нихъ рано потухаетъ этотъ чудный взлядъ и лицо принимаетъ какое-то истомленное выраженіе.

Жизнь неаполитанскаго простонародья чрезвычайно напоминаетъ жизнь ихъ предковъ дохристіанскаго періода. И это понятно: ихъ храмы съ мощами святыхъ нерѣдко находятся на мѣстахъ языческихъ храмовъ. Въ языческій періодъ, въ каждомъ домѣ, въ каждой лавкѣ стояло изображеніе языческаго божества, называемаго домашнимъ пенатомъ. Пенаты вынесены теперь изъ домовъ и хранятся въ музеяхъ; но въ каждомъ домѣ, въ каждой лавкѣ стоять и висятъ изображенія христіанскихъ патроновъ сдѣланныя такъ же грубо, какъ и изображеніе пенатовъ, и къ нимъ молящіеся относятся точно такъ же, какъ къ языческимъ богамъ. Народъ падаетъ ницъ передъ статуей св. Януарія, умоляя этого патрона послать скорѣе чудо кипѣнія крови или сохранить городъ отъ изверженія Везувія; но когда онъ не исполняетъ его желанія, народъ въ раздраженіи проклинаетъ его. Еще въ 1858 году калабрійскіе поселяне, раздраженные продолжительною засухою, сажали своихъ любимыхъ патроновъ и святыхъ въ тюрьмы за то, что они не посылали дождя. Какъ прежде неаполитанцы, апулійцы и калабрій-

цы были самымъ миролюбивымъ народомъ, такъ и теперь они отличаются тою же чертою характера: они никогда ничего не завоевывали прежде и теперь ничего не желаютъ завоевать. У нихъ нѣтъ ни воинственныхъ наклонностей французовъ, ни тщеславія, съ какимъ англичане постоянно стремяться увеличивать свои владѣнія и распространить свое вліяніе. Мало того, даже пища и трудъ остаются тѣми же, какими были въ древній періодъ ихъ жизни. Южный итальянецъ ѣстъ теперь, какъ и прежде, рыбъ, раковъ, морскихъ пауковъ и разныхъ слизистыхъ и отвратительныхъ на видъ гадовъ; ѣстъ онъ тѣ же фрукты и овощи, пьетъ то же козье молоко и жиденькое красное вино, которое пили жители городовъ, погребенныхъ изверженіемъ Везувія. Пятнистые угри, столь излюбленные древними гастрономами, и теперь считаются самымъ лакомымъ блюдомъ южныхъ итальянцевъ. Понятно, что пища у нихъ осталась таже, такъ какъ и способы приготовленія ея мало чѣмъ отличаются отъ древняго времени. Въ погребенныхъ Везувіемъ городахъ не найдено настоящихъ печей, кромѣ большой печки въ домѣ хлѣбопека. Древніе итальянцы чаще всего приготовляли себѣ пищу на круглыхъ треножникахъ, наполненныхъ углемъ. Точно такъ же и въ настоящее время, въ какой бы городокъ или селеніе Неаполитанскаго залива вы ни попали, жаровня стоитъ въ дверяхъ не только бѣдняка, но и зажиточнаго человѣка, въ улицахъ и на рынкѣ, и на ней народъ варитъ свою похлебку, приготовляетъ макароны и другія кушанья. Уголья въ этихъ жаровняхъ раздуваютъ обыкновенно тростниковымъ вѣеромъ, и отъ угара, какой онѣ распространяютъ, у сѣвернаго жителя, съ непривычки, всегда болитъ голова. Парикмахеры во многихъ улицахъ накаляютъ на этихъ жаровняхъ свои щипцы и завиваютъ ими волосы франтовъ. Эту же самую жаровню уличныя торговки, сваривъ пищу, ставятъ себѣ подъ платье, чтобы согрѣть свои озябшія ноги. Только въ самое послѣднее время, и то въ домахъ аристократіи и богачей, появились кухни съ плитой, но въ такихъ микроскопическихъ размѣрахъ, что невольно заставляютъ улыбнуться каждаго русскаго путешественника, которому проходилось ихъ видѣть.

Не смотря на то, что итальянцы въ продолжительный періодъ своей жизни такъ мало измѣнились, они дали свѣту много великихъ людей. Ихъ философы, историки, юристы имѣли огромное вліяніе на движеніе человѣческой мысли; особенно велико число первостепенныхъ музыкантовъ и артистовъ по разнымъ отраслямъ искуства.

Ни одинъ народъ въ мірѣ не отличается такимъ громаднымъ музыкальнымъ чутьемъ и способностями, не обладаетъ въ такой степени чувствомъ прекраснаго, какъ итальянцы. Между тѣмъ большинство жителей южной Италіи, даже въ настоящее время, по своему невѣжеству и суевѣрію, занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ между европейцами. Уже съ самаго древняго періода южная Италія подпала подъ власть разныхъ народовъ, и всѣ завоеватели сильно опустошали страну и притѣсняли ея жителей. Управленіе страною, еще 40 л. тому назадъ, было самое деспотическое: мысль и свободное слово были совершенно уничтожены строгою цензурою; не только наука была изгнана изъ страны, но даже человѣкъ грамотный, а въ особенности читающій считался опаснымъ и подвергался преслѣдованію. Народъ не имѣлъ никакихъ правъ, кромѣ права нищенствовать и доносить на собственныхъ братьевъ за всякій проблескъ мысли. За послѣдніе два, три десятилѣтія, когда этотъ гнетъ исчезъ, народъ южной Италіи, хотя и сталъ учиться, но не могъ въ этомъ отношеніи сдѣлать много успѣховъ, такъ какъ въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда нибудь, угнетенъ нищетою.

Поэтому суевѣрія неаполитанцевъ и въ настоящее время существуютъ во всей силѣ. Трудно себѣ представить, какую несчастную жизнь отчужденія и презрѣнія приходится вынести тому человѣку, судьба котораго наградила крючковатымъ носомъ и большими круглыми глазами. Такой человѣкъ уже не можетъ показаться ни въ одинъ

домъ; считаютъ, что онъ разноситъ порчу, и каждый боится подойти къ нему, какъ къ зачумленному. Дѣти подымаютъ страшный крикъ, когда онъ идетъ по улицѣ: въ него летятъ палки, камни. Чтобы избавиться отъ его «глаза», итальянцы носятъ амулеты и коралловые талисманы. Жители Калабріи носятъ подъ рубашкою изображенія святыхъ, какъ щитомъ покрывая ими всю грудь. Чтобъ избавить домашнихъ животныхъ отъ его глаза, у двери дома или на балконѣ ставятъ особое дерево, которое называютъ «дерево отъ дурнаго глаза». Но страшное невѣжество и суевѣріе неаполитанскаго народа не мѣшаетъ ему быть прекрасно одареннымъ отъ природы, живымъ, впечатлительнымъ и въ высшей степени остроумнымъ.

Неаполитанская дѣвушка не имѣетъ ничего общаго съ нѣмкой: она не поливаетъ цвѣтовъ на своемъ окнѣ, не кормитъ канарейки,—все это для нея черезчуръ сантиментально, да къ тому же она слишкомъ бѣдна, чтобы имѣть то или другое. Если средства позволяютъ, она лучше купитъ себѣ пестрое платье, чтобы нарядиться въ воскресенье; тогда она щедро напомадитъ свои волоса, искусно заплететъ ихъ и отправится на набережную. У нея нѣтъ особеннаго желанія нравиться кому нибудь, она прежде всего любитъ нравиться себѣ самой, что вполнѣ согласно съ словами Овидія: «Есть намъ утѣха и въ томъ, чтобъ себѣ самому быть пріятнымъ: дѣвушка входитъ въ восторгъ, видя свою красоту!»

Каждая неаполитанка стремится быть продавщицей въ какомъ нибудь городѣ и, конечно, прежде всего въ Неаполѣ. Еще подросткомъ помогаетъ она матери продавать минеральную воду. Въ прекрасные лѣтніе вечера зажиточные жители Неаполя собираются на Санта-Лючіа пить эту воду съ лимоннымъ сокомъ, разсчитывая на ея цѣлебныя свойства. Торговля идетъ на славу при громкихъ выкрикиваніяхъ матери, между тѣмъ какъ проворная дѣвочка, съ звенящими стаканами, постоянно скользитъ въ пестрой толпѣ больныхъ обоего пола. Улица—школа неаполитанки, и въ другую она не попадаетъ, такъ какъ съ ранняго возраста должна зарабатывать свой хлѣбъ. Тутъ она научается множеству пѣсней, такъ какъ на морскомъ берегу онѣ раздаются съ утра до поздняго вечера. Мать учитъ ее, какъ приманивать публику къ своему товару, какъ стоять въ церкви, въ какое время службы слѣдуетъ болѣе креститься, какъ и когда брать св. воду, чтобы посредствомъ ея достигать своихъ желаній,—вотъ и вся наука, которую она получаетъ въ дѣтствѣ.

Скоро ребенокъ выростаетъ изъ своихъ рубищъ и лохмотьевъ. Теперь, вмѣсто того, чтобъ помогать матери, она самостоятельно торгуетъ различными фруктами и умѣетъ всѣ свои чувства и желанія выражать пѣснями. Она плохо торгуетъ сегодня и, расхаживая по улицамъ съ товаромъ, затягиваетъ пѣсню:

«Скорѣй, скорѣй купите:
Вотъ яблокъ наливной,
Румяный, золотистый,
Вотъ апельсинъ душистый,
Вотъ груши—вкусъ какой!
Сюда, сюда идите,
Скорѣй, скорѣй купите.

* * *

Скорѣй, скорѣй купите,
Вотъ персикъ вамъ, пушкомъ,
Какъ бархатецъ, одѣтый;
Созрѣлъ онъ такъ, согрѣтый

Пылающимъ лучемъ.
Сюда, сюда идите,
Скорѣй, скорѣй купите.

* * *

Скорѣй, скорѣй купите
Вотъ фиги съ миндалемъ.
Товаръ мой дешевенекъ:
Собрать бы только денегъ
Для свадебки съ дружкомъ.
Придите же, купите,
Чтобъ быть мнѣ подъ вѣнцомъ.
Отдамъ за что попало,
Лишь денегъ бы мнѣ стало».

Въ извѣстный періодъ своей жизни, она не всегда любитъ, но всегда желаетъ выйти замужъ. Но какъ бы она ни была молода, она никогда не мечтаетъ о счастьи въ замужествѣ. Она отлично знаетъ, что ее ждутъ еще большія лишенія и трудъ, но, не смотря на это, во чтобы то ни стало стремится выйти замужъ и выйти непремѣнно за моряка, матроса или рыбака, что она и выражаетъ краснорѣчиво въ пѣснѣ:

«О молю, святая Катерина,
Дай ты мнѣ матросика въ мужья;
Какъ придетъ въ субботу мой дѣтина,
Запахъ моря пусть услышу я.

* * *

Въ морѣ много, много сладкой рыбки;
Хоть вода морская солона:
Охъ, какъ горьки листья у оливки,
Такъ люблю я, ревности полна».

Неаполитанской дѣвушкѣ кого, какъ не моряка, вообразить своимъ суженнымъ! Рыбаковъ, моряковъ и матросовъ такъ много въ Неаполитанскихъ провинціяхъ. Моряки Неаполитанскаго залива принадлежатъ къ числу первыхъ на всемъ полуостровѣ, а какъ рыбаки они превосходятъ всѣхъ остальныхъ. Тѣ изъ нихъ, которые занимаются ловлею колалловъ, такъ прекрасно знаютъ топографію скалъ береговъ Сардиніи и Сициліи, что по малѣйшему движенію въ водѣ или воздухѣ они предвидятъ различныя явленія, о которыхъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія посторонній. Ихъ флотилія обыкновенно состоитъ изъ 4-хъ—5-ти-сотъ кораблей, всегда готовыхъ сняться съ якоря, чтобы пуститься въ путь.

Если дѣвушка нравится молодому человѣку, онъ непремѣнно устраиваетъ ей въ полночь, въ одно изъ воскресеній — серенаду. Онъ самъ не можетъ учавствовать въ ней, потому что рѣзкій морской воздухъ, сырость и дождь, которые онъ постоянно испытываетъ при своихъ босыхъ ногахъ, цѣлый день, съ трубкой во рту, совсѣмъ убили его голосъ. Поэтому онъ нанимаетъ нѣсколько гитаръ, мандолинъ, пѣвцовъ, что здѣсь стоитъ очень дешево, а чаще всего устраивается ради товарища даромъ, и съ помощью музыки побѣждаетъ сердце дѣвушки тѣмъ легче и скорѣе, чѣмъ больше гитаръ участвуетъ въ серенадѣ:

«Такъ добра, такъ прекрасна. .
Нѣтъ милѣе тебя!
Я люблю тебя страстно,
Умираю, любя».

Въ періодъ ревности, который тоже всегда наступаетъ во время ухаживанья, ей поютъ:

«Дальше отсюда греби поскорѣе!
Лодка, лети... мнѣ она измѣнила...
Лодка, лети... ужъ не быть ей моею:
Пусть же ослѣпнетъ, что клятву забыла!
А при разлукѣ,
Полная муки,
Все восклицала: мой милый! вернись!

* * *

Я въ часъ урочный не могъ воротиться;
Смертью грозили мнѣ бурныя волны;
Но я не думалъ подъ бурей молиться,
Мыслью о ней лишь, обманщицѣ, полный.
Лучше-бъ тогда я,
Злобы не зная,
Съ любящимъ серцемъ въ пучинѣ погибъ.

* * *

Что же теперь? Чѣмъ размыкать кручину?
Да, я ее ужъ на вѣки теряю;
Взоръ мой послѣдній къ окну ея кину—
Да, ужъ послѣдній... на вѣкъ уѣзжаю.
Лютое море
Залило-бъ горе!
Лодка, лети, гдѣ погибель грозитъ».

Старый монахъ—домашній другъ; съ нимъ совѣтуются во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о бракѣ; онъ хранитъ даже у себя выигрышный билетъ лотереи, который беретъ каждый итальянецъ мужскаго или женскаго пола на свои послѣдніе гроши; понятно, что съ нимъ прежде, чѣмъ съ кѣмъ нибудь, совѣтуется молодая дѣвушка о своемъ бракѣ. Еще до сихъ поръ не мало примѣровъ такого вліянія монаховъ на дѣвушекъ, что они разстраиваютъ ихъ свадьбу, даже съ любимымъ человѣкомъ, если только тотъ имѣлъ несчастіе чѣмъ нибудь прогнѣвить монаха. Послѣ монаха женщину совершенно забираетъ въ руки ея мужъ и она становится вполнѣ подчиненнымъ ему существомъ. Но вотъ женщина стала матерью. И тутъ пѣсня утѣшаетъ ее, успокоиваетъ ея малютку:

«Спи, мой сыночекъ, усни, дорогой!
Малъ ты теперь, послѣ будешь большой.

* * *

Спи, мое сердце, послушайся мать;
Весь ты въ слезахъ и пора тебѣ спать.

* * *

Сонъ! обѣщался вѣдь къ намъ ты придти.
Чтожъ ты, обманщикъ, стоишь на пути?

* * *

О пресвятая Мадонна! мнѣ онъ
Данъ былъ тобой, ниспошли ему сонъ.

* * *

Милое дитятко! ты ангелокъ,
Такъ говоритъ мнѣ твой взоръ, голосокъ

* * *

Добрый мой, доброе только тебѣ;
Пусть ужъ другой изнываетъ въ борьбѣ.

* * *

Спи, мое дитятко, сномъ золотымъ,
Плата тебѣ, а работа другимъ.

* * *

Какъ мой сыночекъ родился на свѣтъ,
Всѣ тутъ святые держали совѣтъ.

* * *

Школу начнетъ мой сынокъ посѣщать,
Будутъ на улицѣ камни кричать.

* * *

А какъ ужъ въ люди-то выйдетъ сынокъ,
Будетъ въ саду что ни листъ, то цвѣтокъ.

* * *

Розъ и фіалокъ въ саду еще нѣтъ,
А ужъ сыночекъ мой ими одѣтъ.

* * *

Розъ и фіалокъ зима не даетъ,
А колыбель его ими цвѣтетъ».

Геркуланумъ.—Помпеи.—Видъ Везувія.—Его прошлыя и нынѣшнія изверженія.—Жители окрестностей Везувія.—Ихъ характеръ, понятія, домашняя обстановка и трудовая жизнь, полная лишеній.—Несчастія въ южной Италіи, производимыя землетрясеніями.

Трудно описать, какою чудною, волшебно-очаровательною дорогою приходится путешественнику ѣхать изъ Неаполя въ небольшой городъ Резину, который построенъ надъ Геркуланумомъ, погребеннымъ, въ 79 году по Р. Х., подъ иломъ и пепломъ Везувія. Кажется болѣе живописныхъ предмѣстій, какъ это, не существуетъ и на свѣтѣ! Тысячами бриліантовъ блеститъ справа Неаполитанскій заливъ, омывая дома Неаполя, расположенные амфитеатромъ; слѣва холмы, покрытые гранатовыми, апельсиновыми и персиковыми деревьями, и виллы, утопающія въ огромномъ морѣ лимонныхъ садовъ и виноградниковъ. Наконецъ, вы вступаете въ Резину, маленькій городъ, все значеніе котораго въ томъ, что подъ нимъ погребенъ извѣстный въ древности Геркуланумъ.

Въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ Резины стоитъ небольшой домикъ, черезъ который и входятъ въ Геркуланумъ, освѣщая свой путь зажженнымъ факеломъ. Нужно замѣтить, что городъ этотъ открытъ не въ развалинахъ, а совершенно въ томъ видѣ, какимъ былъ до послѣдней минуты катастрофы. На стѣнахъ уцѣлѣли яркія краски арабесковъ; сохранились свитки папирусовъ, которые можно было читать, на стѣнахъ висѣли совсѣмъ неиспортившіяся картины, только бронзовыя статуи были покрыты металлическою окисью.

Теперь постоянно дымящійся, Везувій до 63 года по Р. X. не показывалъ ни малѣйшихъ признаковъ вулканической жизни: ни дыма, ни пепла не извергалось изъ его вершины и подземный громъ не сотрясалъ могучей горы. Только естествоиспытатель, сравнивая строеніе этого вулкана съ другими, зналъ, что кратеръ Везувія, хотя и въ давно забытыя всѣми времена, выбрасывалъ потоки лавы, шлаки и пепелъ. Видъ Везувія былъ прежде совсѣмъ другой: онъ не оканчивался двумя вершинами, какъ теперь, а представлялъ правильный конусъ, рѣзко усѣченный въ концѣ. На вершинѣ громоздились суровыя стѣны скалъ, но даже и пустынная поверхность кратера была вся окружена дикимъ виноградомъ. Склоны же этой горы были одѣты роскошными полями, и у подошвы ея, возлѣ великолѣпнаго Неаполитанскаго залива, лежали богатые, цвѣтущіе города Геркуланумъ и Помпеи. Въ 63 году, совершенно неожиданно для жителей, произошло страшное землетрясеніе, которое произвело ужасное опустошеніе. Съ приближеніемъ роковаго 79 года эти землетрясенія становились все чаще. Наконецъ 23 августа, ночью, вдругъ затряслась земля, раздались подъ землею громовые раскаты и страшный гулъ и трескъ. До самаго основанія поколебался могучій Везувій и изъ своего кратера съ ужасною силою и быстротою сталъ выбрасывать камни, золу и выпустилъ густой столбъ водянаго пара. Тутъ загремѣлъ громъ, и въ облакѣ, которое стояло надъ Везувіемъ, безпрестанно сверкала молнія, лился проливной дождь, какъ въ самую сильную грозу. Картина безпрестанно мѣнялась. Раскаленные камни вырывались иногда съ большою силою; надъ горою подымался цѣлый потокъ свѣтящихся тѣлъ, виднѣлись великолѣпнѣйшіе огненные снопы, волшебныя фигуры и цѣлые фонтаны. Скалистые обломки высоко взлетали на воздухъ и падали внизъ въ разныя стороны; между тѣмъ облака пепла и дыма разносились вѣтромъ всюду. Наконецъ громадное облако надъ Везувіемъ приняло чрезвычайно живописную форму гордаго итальянскаго дерева—пиніи. Казалось, оно подымалось въ видѣ очень длиннаго ствола съ нѣсколькими вѣтвями. Затѣмъ стволъ становился все шире и шире, потомъ не стало видно и его вѣтвей и наконецъ все превратилось въ гигантскій столбъ. Въ то же время во многихъ мѣстахъ могучей горы показалось широкое пламя и высокіе огненные столбы, которые въ темнотѣ ночи блестѣли и сіяли тысячью зловѣщихъ огней. Въ другихъ мѣстахъ уже начинался день, но здѣсь была ночь, чернѣе и мрачнѣе всѣхъ ночей въ мірѣ. Впрочемъ всюду свѣтились и мелькали огненныя точки отъ зажженныхъ факеловъ: испуганные жители бросились бѣжать во всѣ стороны, а пепелъ, осыпая ихъ съ ногъ до головы, засорялъ имъ глаза.

Отовсюду неслись отчаянные вопли женщинъ, раздирающій душу плачъ испуганныхъ дѣтей. Всѣ разбрелись въ разныя стороны, потеряли кого-нибудь изъ близкихъ, и, въ давкѣ, суматохѣ и полнѣйшей темнотѣ, никто никого не видѣлъ, никто не могъ найти того, кого ему больше всего было нужно. Одинъ, въ ужасѣ и рыдая, звалъ свое маленькое дитя, старуху-мать, жену, брата. Нѣкоторые молили боговъ поскорѣе покончить съ этимъ мученіемъ и послать имъ смерть, другіе проклинали, повторяя безпрестанно, что боговъ больше нѣтъ и что эта ночь послѣдняя и вѣчная ночь. Многіе бросились къ морю, но имъ угрожала буря и на корабли валился горячій пепелъ, пемза

и черные, выжженные и растрескавшіеся отъ огня камни. Скоро однако и море поставило людямъ преграду. Сначала оно какъ будто стало отступать отъ своихъ береговъ, сильно волнуясь, и вдругъ громадное черное облако, которое насквозь было пронизано цѣлыми миріадами молній, спустилось къ морю и въ одно мгновеніе покрыло его сплошь своимъ мрачнымъ саваномъ. Тогда берегъ вовсе уже скрылся отъ глазъ, точно также, какъ и островъ Капри, который весь былъ затянутъ такимъ же облакомъ. Несчастные, прибѣжавшіе къ морю, съ ужасомъ бросились въ сторону, но ихъ и тамъ скоро стала преслѣдовать, какъ страшный, разъярившійся потокъ, густая темно-огненная туча дыма, которая все гуще разстилалась по землѣ. Наступила еще бо́льшая темнота, гуще и сильнѣе возобновился пепельный дождь. Наконецъ темнота и пепелъ разсѣялись и показалось желтоватое, неблестящее солнце. Природа цѣлыхъ восемь сутокъ не могла совершенно успокоиться. Когда, черезъ нѣсколько дней, успокоилась ярость подземныхъ огненныхъ силъ и пересталъ свирѣпствовать потрясенный до основанія Везувій, то тамъ, гдѣ еще недавно блистала во всемъ великолѣпіи природа съ ея очаровательными ландшафтами и человѣческимъ искуствомъ, солнце, не затмѣваемое болѣе мрачными тучами пепла, освѣтило однѣ развалины и опустошеніе. Самая гора измѣнила свою форму и подымала къ небу новыя вершины; густой слой камней и пыли покрывалъ еще недавно цвѣтущія поля; кругомъ бродили тысячи несчастныхъ, и три города—Стабіи, Геркуланумъ и Помпеи — исчезли, чтобы черезъ многія столѣтія, въ видѣ могилъ прошедшаго, освѣтить передъ нами жизнь людей, давно исчезнувшихъ съ лица земли. Но какъ могли такъ хорошо сохраниться засыпанные города?

Потокъ лавы, безъ сомнѣнія, сжегъ бы все, чего бы онъ ни коснулся, но надъ обреченными на гибель городами излились не потоки жидкихъ каменистыхъ породъ, а волны ила, которыя похоронили ихъ подобно муміямъ, на поученіе и удивленіе нынѣшнему міру.

«Восемь дней и восемь ночей продолжался песчаный и пепельный дождь; къ нему присоединились илистые проливни изъ тучъ, образовавшихся во время изверженія, и вмѣстѣ съ громаднымъ количествомъ пемзоваго туфа низверглись на оба города. Лишь этимъ можно объяснить, какъ могли наполниться самыя внутреннія части зданій и даже погреба, и какъ могли такъ хорошо покрыться всѣ предметы веществомъ, которое теперь оказывается пемзовымъ туфомъ, и на которомъ образовались отпечатки, подобные окаменѣлостямъ первобытнаго міра. Послѣ этого перваго раза надъ Пампеями никогда не изливался потокъ лавы, но иначе было съ развалинами Геркуланума. Хотя масса, наполнившая внутренность домовъ и сводовъ, была и здѣсь, и тамъ въ густомъ, текучемъ состояніи, но Геркуланумъ, лежавшій ближе къ вулкану, постоянно подвергался гораздо большей опасности быть залитымъ потоками ила, шлаковъ, пемзы и лавы. По этой причинѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда солнце освѣщало Геркуланумъ, накоплялись значительныя массы изверженій, которыя теперь покрываютъ его своими перемежающимися слоями на 70, а въ иныхъ мѣстахъ даже на 112 футовъ, между тѣмъ какъ покровъ пепла, подъ которымъ лежатъ Помпеи, лишь въ немногихъ мѣстахъ глубже 12 или 14 футовъ, а верхняя часть амфитеатра даже всегда выдавалась на поверхность».

Разумѣется, теперешній Геркуланумъ совсѣмъ не имѣетъ того вида, который онъ имѣлъ при первыхъ его раскопкахъ: картины, статуи, всевозможныя украшенія,—все это хранится теперь въ томъ или другомъ музеѣ.

На разстояніи двухъ часовъ отъ Геркуланума лежитъ другая жертва Везувія, Помпеи; хотя слой, покрывшій Помпеи, довольно легкій, но этотъ городъ нашли и стали раскапывать только въ половинѣ минувшаго вѣка. Черезъ семнадцать вѣковъ опять явились

на свѣтъ Помпеи, со всею свѣжестью своей стѣнной живописи, съ яркою мозаикою своихъ помостовъ, съ недоконченными колоннами своего форума, такъ, какъ ихъ оставили руки каменьщиковъ. Еще стояли жертвенные треножники, ящики, гдѣ хранилась казна во внутреннихъ покояхъ, скамьи и лампы въ залахъ и бани со всѣми необходимыми сосудами: кое-гдѣ уцѣлѣли даже остатки послѣдняго пиршества, а въ театрахъ—входные билеты, такъ какъ страшное изверженіе началось во время представленія. Въ подземныхъ погребахъ такъ называемаго дома Діомедова нашли 20 скелетовъ: они покрыты были тонкою пылью пепла, который, вѣроятно, проникъ мало по малу сквозь отверстія и наполнилъ все подземелье. Тамъ нашли много разныхъ драгоцѣнностей и денегъ, — все это было снесено сюда, вѣроятно, въ видахъ предосторожности. Въ саду этого дома былъ найденъ и самъ его хозяинъ, съ ключемъ въ окостенѣвшей рукѣ и съ мѣшкомъ серебра; подлѣ него лежали нѣсколько серебряныхъ сосудовъ и остовъ другаго человѣка. Открыты многіе частные дома, названія которыхъ можно было прочесть по надписямъ. Многіе дома и комнаты такъ же велики, какъ и у насъ.

Въ Помпеяхъ были не только улицы, но и площади, не только частные дома, но и множество общественныхъ зданій. Въ небольшой части, теперь открытой, найдено уже три форума: величайшій изъ нихъ—forum civile—великолѣпная продолговатая площадь съ арками, пьедесталами многочисленныхъ и большихъ статуй, фундаментами и остатками колоннъ, курій, судилищъ и храмовъ. Къ этимъ форумамъ примыкаютъ два театра, многія принадлежности которыхъ великолѣпно сохранились до сихъ поръ. По многимъ догадкамъ открыта уже четверть этого города, но въ этихъ зданіяхъ и улицахъ, изъ которыхъ многія великолѣпно сохранились и такъ наглядно говорятъ о прошедшемъ образѣ жизни древнихъ римлянъ, теперь страшная пустота, такъ какъ множество статуй, картинъ и утвари, для лучшаго сохраненія, перевезены въ Неаполь. И такъ Везувій не только многое погубилъ, но и сохранилъ въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ.

Теперь изъ Неаполя до Везувія можно доѣхать по желѣзной дорогѣ, но многіе предпочитаютъ хотя въ одинъ конецъ нанять коня и взять проводника. Сначала приходится ѣхать между виноградниками, которыми покрыта подошва Везувія; но по мѣрѣ того, какъ подымаешься на первыя, отлогія высоты вулкана, виноградники встрѣчаются рѣже и попадаются цѣлыми полосами выгорѣвшія поля, нѣкоторыя изъ нихъ завалены пепломъ. Тамъ и сямъ каменныя волны показываютъ остановившееся теченіе остывшей лавы. Наконецъ разстилается сѣрая, угрюмая пустыня. Все это—море лавы, которое страшно бушевало во время того или другаго изверженія. Черезъ часа полтора уже взбираешься на платформу, которая представляется маленькимъ оазисомъ посреди безмолвной пустыни; нѣсколько деревьевъ ростутъ у домика, который здѣсь стоитъ и куда заходятъ обыкновенно путешественники отдохнуть, выпить стаканъ прекраснаго вина и съ этой высоты полюбоваться чудными окрестностями.

Отправляетесь выше, и дорога скоро становится очень крута, кромѣ того груды треснувшей лавы окончательно не позволяютъ вамъ болѣе продолжать путь на лошади. Тутъ уже путешествіе представляетъ много трудностей: ноги все глубже утопаютъ въ сугробахъ золы, пепла и шлаковъ. Такъ какъ Везувій стараются обыкновенно видѣть ночью, то на описанной нами высотѣ путь безпрестанно освѣщается какимъ-то страннымъ свѣтомъ. Вотъ какъ описываетъ одинъ путешественникъ свои ощущенія и зрѣлище, которое ему представилось съ этой высоты. «Вѣтеръ потушилъ мой факелъ. Я продолжалъ подыматься посреди мрака. Вдругъ путь мой озарился адскимъ блескомъ. Я былъ уже во владѣніяхъ огня: желтые слѣды его прикосновенія замѣтны здѣсь на каждомъ камнѣ, но ни кратера, ни пламени не видно до той минуты, покуда не сту-

пишь на вершину, или точнѣе, на плечо горы: это обширная площадь, изрытая, изборожденная взрывами вулкана. Посреди ея, въ сотнѣ шаговъ отъ меня, поднимается коническій холмъ; это кратеръ, это голова вулкана съ вѣчно открытою чудовищною пастью, изъ которой поднимается черный дымъ. Сильный сѣрный запахъ захватываетъ дыханіе; кругомъ меня опять темно; рѣзкій вѣтеръ, дующій здѣсь непрерывно, убѣдилъ меня, что вершина вулкана—самое прохладное мѣсто въ Неаполѣ. Подъ ногами у меня черная, нерасплавленная, но уже нагрѣтая лава; а тамъ, на ребрахъ конуса, блещутъ два широкіе потока, яркіе, какъ растопленное золото; это раскаленная лава.

«Часть площадки, отдѣлявшей меня отъ кратера, волновалась; толстая кора вулкана лопалась, раздиралась на полосы, на мелкіе куски; широкія трещины сіяли кровавымъ огнемъ, и изъ нихъ съ свистомъ вырывался густой, желтый дымъ, почва раскалялась до-бѣла, и, расплавленная, струями подвигалась къ краю площадки, потомъ медленно лилась внизъ по склону горы, — вотъ лава! Забывъ опасность, я пытался приблизиться къ этимъ адскимъ потокамъ. Сильный вѣтеръ оледенялъ мнѣ затылокъ, между тѣмъ какъ жаръ, пышащій отъ лавы, палилъ мнѣ лицо; подошвы мои обугливались... Я старался вонзить оконечность моего посоха въ это раскаленное вещество, но напрасно: лава вовсе не жидкость; она имѣетъ видъ и плотность раскаленнаго желѣза, хотя течетъ подобно растопленному свинцу. Я еще не могъ отвесть глазъ отъ этого невиданнаго зрѣлища,—вдругъ облако дыма надъ кратеромъ побагровѣло, послышался гулъ подземныхъ громовъ, вся громада Везувія страшно дрогнула, и широкій снопъ ослѣпительнаго огня вырвался изъ жерла.... Багровые шары высоко взлетѣли къ небу, посреди огненнаго дождя пепла: это раскаленные камни, отрываемые силою огня отъ внутреннихъ стѣнъ кратера. Меня уже предупредили, что этихъ каменныхъ ядеръ нечего бояться. Брошенныя вверхъ перпендикулярно, они упадаютъ въ томъ же самомъ направленіи въ жерло или на закраины его. Нѣсколько секундъ вулканъ дрожалъ подъ моими ногами, и снова все погрузилось въ мракъ; но глухое клокотаніе въ жерлѣ не умолкало, и тяжело движущаяся лава разливала кругомъ себя красноватое зарево».

Везувій покоился иногда такъ долго, что успѣвали выростать лѣса, которые доходили до самыхъ краевъ кратера; но съ конца XVII столѣтія изверженія стали повторяться все чаще. Каждое изъ нихъ совсѣмъ мѣняетъ профиль горы.

Кругомъ Везувія, вездѣ въ его окрестностяхъ, на его склонахъ, разсѣяно множество жилищъ простаго люда; даже можно сказать, чѣмъ ближе къ подошвѣ Везувія, тѣмъ гуще населеніе. Дома, съ окружающими ихъ садами, образуютъ здѣсь прекрасные оазисы среди пустынныхъ скалъ. Ни погребенныя подъ ними города, ни вѣчно дымящійся сосѣдъ, который бѣлыми струйками своего дыма всегда долженъ напоминать о несчастіи, угрожающемъ каждому жителю,—ничто не можетъ заставить его бѣжать изъ здѣшнихъ мѣстъ. Если новое изверженіе Везувія разрушитъ его жилища, уничтожитъ его поля и виноградники, онъ при первой возможности опять селится у самаго Везувія, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ лавой, часто даже въ такое время, когда она еще дымится. Она доставляетъ ему матеріалъ для постройки его дома, въ ея наполненныя пепломъ трещины и впадины сажаетъ онъ свой виноградникъ, сѣетъ зерно. Зато тутъ, въ окрестностяхъ Везувія, и живетъ чуть ли не самый бѣдный итальянскій людъ.

Самый скромный и бѣдный работникъ въ Германіи можетъ считаться Лукулломъ въ сравненіи съ здѣшнимъ крестьяниномъ. Еще задолго до восхода солнца отправляется онъ въ поле съ своей женою и дѣтьми. Онъ не взялъ съ собой ни корзины съ ѣдой, ни кружки съ питьемъ, и, не смотря на это, весело поетъ, вонзая въ сухую, зольную землю свой тя-

желый широкій заступъ. Вдыхая въ себя пыль и палящій жаръ южнаго солнца, онъ работаетъ такимъ образомъ до полудня, а затѣмъ отправляется домой обѣдать. На столѣ—черствый, растрескавшійся маисовый хлѣбъ, нѣсколько большихъ луковицъ, салатъ безъ уксуса и масла, бобы, сваренные съ шелухой,—вотъ обыкновенный меню его стола, который мѣняется только въ два-три годовыхъ праздника, когда онъ можетъ дозволить себѣ съѣсть кусокъ говядины. Послѣ обѣда онъ опять отправляется въ поле или садъ и роется тамъ до солнечнаго заката.

Домъ здѣшняго крестьянина представляетъ груду камней и состоитъ обыкновенно изъ одной комнаты, которая служитъ кухней, погребомъ, хлѣвомъ и спальней. Здѣсь съ лѣвой стороны находится большой очагъ, густой дымъ котораго покрываетъ толстымъ слоемъ стѣны и крышу; здѣсь же, смотря по количеству виноградниковъ, стоятъ два, три чана съ виномъ, сплошь обклеенные картинками изъ Св. Писанія, и наконецъ большая, широкая кровать, которая служитъ общею постелью всей семьи. Нужно замѣтить, что всѣ итальянцы смотрятъ на кровать какъ на первое семейное сокровище и стараются украсить ее самой лучшей матеріей. Къ сожалѣнію, далеко не каждому итальянскому рабочему удается имѣть постель. Въ углу, вмѣстѣ съ земледѣльческими орудіями первобытной формы, видно ружье и виситъ убогая праздничная одежда изъ грубаго сукна.

Количество домашнихъ животныхъ очень не велико: прежде всего встрѣчаешь, какъ и вездѣ въ Италіи, осла, который тащитъ на себѣ въ большихъ соломенныхъ корзинахъ, въ городъ или въ ближайшее мѣстечко, полевые продукты или садовыя овощи. Вечеромъ онъ возвращается домой, нагруженный уличнымъ соромъ, которымъ здѣсь тщательно унаваживаютъ землю. Кромѣ осла, здѣшній крестьянинъ держитъ нѣсколькихъ козъ, такъ какъ пища ихъ очень незатѣйлива: онѣ ощипываютъ жалкій кустарникъ, растущій у дороги. Нѣкоторые откармливаютъ на продажу свиней и почти всѣ держатъ нѣсколькихъ куръ, яйца которыхъ идутъ въ продажу. По близости дома непремѣнно можно замѣтить глубокую кроличью нору,—дѣти крестьянина кормятъ кроликовъ падающими садовыми плодами и за продажу ихъ въ городѣ выручаютъ мелкую монету. Въ этомъ заключается все движимое имущество здѣшняго обитателя; землею онъ не владѣетъ, такъ какъ поле и садъ здѣсь, какъ и вообще во всей южной Италіи, составляетъ собственность его строгаго господина, который живетъ сибаритомъ въ Неаполѣ или въ какомъ нибудь другомъ роскошномъ уголкѣ и неумолимо требуетъ высокой арендной платы. Въ случаѣ малѣйшей неаккуратности со стороны крестьянина, его тотчасъ выгоняютъ на улицу съ женой и дѣтьми. Одну половину доходовъ съ земли ему приходится отдавать хозяину, подати у него берутъ немного менѣе этого, а самъ онъ существуетъ съ семьею своими козами, свиньей, которую онъ откармливаетъ, курами и кроликами. Можно себѣ представить, какое это жалкое существованіе. Крестьяне чувствуютъ себя вполнѣ угнетенными, говорятъ, что имъ становится годъ отъ году тяжелѣе и невыносимѣе, но революціонныя идеи никогда не приходятъ имъ въ голову. Они возмутятся и подымутся только въ томъ случаѣ, когда неуважительно будутъ относиться къ ихъ религіи и къ ихъ Мадоннѣ. Ихъ вѣра первобытно - католическая: они весь свѣтъ дѣлятъ на католиковъ и некатоликовъ, считая послѣднихъ несчастными людьми. Тѣмъ не менѣе здѣсь не видно и слѣда нетерпимости,—состраданіе всегда одерживаетъ у нихъ верхъ. Особенно вѣжливо обходятся они съ иностранцами, и всѣхъ, кто говоритъ не на мѣстномъ языкѣ, считаютъ французами; тѣхъ, кто имъ особенно не нравится изъ иностранцевъ, они называютъ швейцарцами, такъ какъ эти сыны республики предлагали услуги тиранніи, чтобъ удержать иго рабства на плечахъ несчастнаго народа. Географическія свѣ-

денія крестьянина перепутаны до невозможности,—онъ совсѣмъ не знаетъ даже собственной страны и только думаетъ о своемъ родномъ гнѣздѣ.

Какою радостью наполняется сердце крестьянина, когда его поля и деревья обѣщаютъ весною хорошій урожай: фиговое дерево покрылось почками, гранатъ украсился свѣжею зеленью, виноградная лоза въ наилучшемъ видѣ. Онъ уже мечтаетъ съ семействомъ заплатить этотъ годъ не только аренду и подати, но и обзавестись обувью. Эти надежды быстро оживляютъ подвижныя физіономіи всѣхъ здѣшнихъ жителей: довольство написано на всѣхъ лицахъ, веселыя пѣсни съ утра до ночи, а вечеромъ послѣ работъ каждый торопится покалякать къ сосѣду и, покуривая изъ тростниковой трубки, толкуетъ у крыльца о будущей богатой осенней жатвѣ. И замѣчательно, въ такую минуту никому изъ нихъ не приходитъ въ голову вспомнить опаснаго сосѣда. Сколько разъ онъ шумѣлъ и грозилъ напрасно, почему же именно теперь быть изверженію.

Тихо, ласково заходитъ солнце, всѣ покойно возвращаются съ работъ и ложатся спать. Но вотъ, послѣ полуночи, съ горы послышался ревъ, который скоро обратился въ раскаты грома. Дрожитъ окно и двери, дрожатъ стѣны хижины, а тутъ еще подымается буря. Хозяинъ бросается къ двери и видитъ: идетъ она—грозная разрушительница городовъ и его полей—ужасная лава. Она подползаетъ къ его убогой хижинѣ не ручейкомъ, а широкой, могучей рѣкой огня, пурпурно-красная, подвигаясь съ шумомъ и грохотомъ все ближе и ближе. Полевыя травы, низкій кустарникъ, жилища, могучія деревья вспыхиваютъ съ страшнымъ трескомъ при ея приближеніи, съ каждою минутою увеличивая собою громадный потокъ огня. Между тѣмъ этотъ страшной потокъ съ невѣроятною быстротою пробирается уже между его виноградниковъ: на одну минуту покачиваютъ они свои черныя вѣтви и затѣмъ падаютъ въ волны всепоглощающаго огненнаго моря.

Чрезвычайно трудно составить себѣ настоящее понятіе о лавѣ. Это—бушующее море съ перекатывающимися глыбами шлаковъ, зубчатыхъ валовъ, комьевъ, подобныхъ глыбамъ льда, и на такомъ пространствѣ, что его нельзя окинуть глазомъ. Но и тутъ вы еще не видите самыхъ разнообразныхъ развалинъ домовъ, виллъ, карнизовъ, колоннъ, стѣнъ, съ обугленными обоями, которые далеко уносятся страшнымъ круговоротомъ; не видите дыма и пара, вырывающихся изъ милліоновъ отверстій; не ощущаете, наконецъ, адскаго запаха сѣры, который все болѣе распространяется въ воздухѣ. Перо безсильно изобразить отдѣльныя картины изверженія: тутъ вы можете наблюдать, какъ лава наполняетъ нижній этажъ дома, какъ верхніе этажи, въ моментъ паденія, висятъ въ воздухѣ нѣсколько секундъ и затѣмъ сразу исчезаютъ въ пучинѣ; тамъ, въ уцѣлѣвшихъ домахъ, къ которымъ она еще не такъ близко подошла, образовались трещины съ верху до низа.

Раздается пронзительный, отчаянный крикъ жителей: женщины, внѣ себя отъ горя, призываютъ святыхъ, дѣти плачутъ и мечутся изъ стороны въ сторону, животныя издаютъ пронзительные звуки. Хозяинъ собираетъ свое маленькое стадо, связываетъ пожитки и нагружаетъ ими осла. Между тѣмъ изъ горы вылетаютъ камни и шлаки... Теперь спасенье только въ бѣгствѣ! Изъ церквей и капеллъ раздается звонъ колоколовъ, но крестьяне не могутъ еще бѣжать: у женщинъ на рукахъ и въ рукахъ дѣти и узлы, мужчины ведутъ нагруженныхъ животныхъ, но у нихъ еще надежда... «св. Януарій поможетъ! Онъ защититъ», и каждый изъ нихъ считаетъ долгомъ, прежде чѣмъ пуститься въ бѣгство, привязать изображеніе этого святаго къ кустарнику или винограднику подлѣ своего жилища. Послѣ этого все семейство отправляется въ путь, всѣ спѣшатъ въ Неаполь. По дорогѣ къ городу со всѣхъ сторонъ прибываютъ все новые караваны, и толпа все растетъ и растетъ. Сосѣди, при встрѣчѣ другъ съ другомъ

начинаютъ рыдать, оглядываются назадъ и, если замѣчаютъ, что въ эту минуту рушится ихъ гнѣздо, бросаются на землю въ отчаяніи.

Огненный потокъ остался позади, но густая пыль окружаетъ толпу и облакомъ носится надъ нею. Наконецъ всѣ чувствуютъ страшную усталость, сразу бросаются на землю, на свои пожитки и многіе тотчасъ засыпаютъ. Между тѣмъ вся ближайшая къ Везувію земля, этотъ роскошный садъ, обратился въ голую пустыню. Все, что пощадила лава, нерѣдко вслѣдъ за тѣмъ уничтожается въ конецъ обильнымъ, на цѣлыя мили падающимъ пепломъ.

Въ Неаполѣ все оживилось: префектъ и генералъ-губернаторъ сдѣлали распоряженіе о посылкѣ въ угрожаемую мѣстность охранной стражи; доктора, экипажи, телѣги, носилки, всадники на лошадяхъ и ослахъ,—все это двинулось на встрѣчу несчастнымъ, но всего этого всегда оказывается слишкомъ недостаточно. Но разъ подошла хотя ничтожная помощь, первый испугъ прошелъ: проходя мимо статуй святыхъ, женщины вытаскиваютъ изъ своихъ узелковъ тоненькія восковыя свѣчи и зажигаютъ ихъ передъ святыми, дѣти бросаютъ передъ ними измятые вѣнки, которые многіе изъ нихъ захватили второпяхъ. Въ Неаполѣ уже составилась процессія. Нѣсколько сотъ женщинъ и дѣвушекъ, съ распущенными волосами, идутъ за чернымъ крестомъ, окруженнымъ духовенствомъ. Процессія направляется къ статуѣ св. Януарія, патрона города, которая стоитъ на мосту Maddalena: своей протянутой рукой онъ заклинаетъ гору, эту прекрасную и опасную сосѣдку, не разрушать города. Трудно представить себѣ, какое потрясающее впечатлѣніе производятъ въ эту минуту печальные звуки похоронныхъ напѣвовъ этихъ женщинъ съ длинными распущенными волосами. Къ вечеру готовятъ праздникъ св. Януарію: его статую украшаютъ красными лентами, вѣнками, цвѣтами, фольгой и множествомъ другихъ пестрыхъ украшеній. Съ этою цѣлью цѣлая толпа мальчиковъ стоитъ на мосту и со всѣхъ ногъ бросается на каждаго прохожаго, чтобы онъ сдѣлалъ какой-нибудь взносъ для предстоящаго умилостивленія св. Януарія.

Между тѣмъ въ Неаполь прибываютъ все новыя толпы бѣгущихъ и все невообразимѣе становится давка. Конные карабинеры сопровождаютъ заключенныхъ и выпущенныхъ теперь изъ тюремъ угрожаемыхъ Везувіемъ городовъ и препровождаютъ ихъ въ Неаполь. Попы, отряды солдатъ, монахи и монахини, пастухи съ многочисленными стадами, телѣги съ военными принадлежностями и наконецъ все новыя и новыя процессіи женщинъ съ черными, длинными, распущенными волосами. Къ этому шуму, говору, заунывному пѣнію несмѣтной толпы прибавьте еще звонъ тысячи колоколовъ и колокольчиковъ,—это звонятъ люди въ черныхъ рясахъ, зная, что слѣдуетъ ковать желѣзо пока горячо. Они созываютъ народъ въ церкви и капеллы и громадныя толпы бросаются въ храмы умолять Мадонну дать имъ пріютъ и спасти дѣтей отъ голодной смерти, не забывая при этомъ бросить послѣдній грошъ монаху, который подаетъ надежду умилостивить Мадонну.

Сцены фанатизма въ такія минуты здѣсь очень обыкновенны. Въ одно изъ послѣднихъ изверженій женщины огромною толпою бросились въ храмъ, къ которому подступала лава, и рѣшились умереть, стоя на колѣнахъ. Онѣ не двигались съ мѣста, хотя огненное море быстро приближалось къ церкви; только солдаты, въ самую послѣднюю минуту, силою выгнали ихъ оттуда.

Во время изверженія, какъ мы только что говорили, устраиваются постоянныя процессіи св. Януарію, умоляя его о спасеніи; успокоилась гора,—его благодарятъ за спасеніе жизни. Тутъ уже собирается такая громадная толпа, что находятъ нужнымъ для поддержанія порядка, чтобы ее провожала стража. При этомъ замѣчательно, что, отправляясь торжественной процессіей къ св. Януарію, то одинъ, то другой изъ пуб-

лики издѣвается надъ статуями другихъ святыхъ, которые прежде пользовались большою популярностью, но въ настоящую минуту забыты и не имѣютъ уже такого значенія.

Въ тотъ день, когда устраивается благодарственная процессія въ честь св. Януарія, всѣ улицы великолѣпно украшены, а къ вечеру иллюминованы фонарями, стеариновыми и восковыми свѣчами; всюду красуются алтари, изображенія святыхъ, транспаранты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изображаютъ пылающій Везувій, а надъ нимъ торжествующаго св. Януарія; надъ многими магазинами огненными буквами сіяютъ длинныя надписи, въ родѣ слѣдующихъ: «Да здравствуетъ нашъ Януарій—славный покровитель города, король обѣихъ Сицилій».

Лава еще не успѣла остыть, какъ крестьянинъ пробиваетъ тропинку къ немногимъ возвышеніямъ на подобіе острововъ, обойденныхъ ею. Хотя на этихъ возвышеніяхъ тоже уничтожена растительность, но почва все же можетъ дать здѣсь хотя небольшой урожай. Но теперь уже не хватаетъ работы для всѣхъ членовъ его многочисленной семьи, и потому большая часть ихъ нанимается, за самую ничтожную плату, въ поденьщики, на отдаленные виноградники. Маленькія дѣти сидятъ теперь у дорогъ, вырѣзываютъ трубочки и цѣлыми толпами бросаются къ туристу выпрашивать милостыню. Проходятъ годы, прежде чѣмъ семья опять соберется у новаго очага, подъ новымъ виноградникомъ; новое жилище опять таки выстроено въ близкомъ сосѣдствѣ съ опаснымъ вулканомъ.

Какъ ни ужасны бѣдствія, причиняемыя въ южной Италіи вулканическими изверженіями лавы и пепла, но онѣ не такъ велики, какъ несчастія, производимыя землетрясеніями. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ тѣсную связь съ вулканами. Это можно видѣть изъ того, что когда Везувій въ дѣйствіи, то городамъ, расположеннымъ близь него, разомъ грозитъ тройная опасность: они могутъ быть стерты съ лица земли изверженіемъ, могутъ быть погребены подъ пепломъ и, наконецъ, страдаютъ отъ землетрясенія, которое обыкновенно бываетъ передъ изверженіемъ! Но кромѣ землетрясеній, которыя бываютъ при изверженіяхъ, на югѣ Италіи очень часты и самостоятельныя землетрясенія. Большая часть этихъ землетрясеній въ южной Италіи приносятъ народу страшныя бѣдствія. Самое ужасное изъ нихъ было въ 1783 году. Первый ударъ продолжался всего 100 секундъ, и въ эти полторы минуты было разрушено въ одной мѣстности въ Калабріи 109 городовъ и селеній и раздавлено развалинами 32,000 человѣкъ. Въ 1857 г. землетрясеніе въ Потенцѣ (въ Базиликатѣ) стоило жизни болѣе чѣмъ 10,000 человѣкамъ.

Обыкновенно послѣ этихъ землетрясеній земля бываетъ искрещена трещинами и многія изъ этихъ трещинъ имѣютъ недосягаемую для глаза глубину. Ручьи низвергаются въ нихъ, и тамъ, и здѣсь нерѣдко вдругъ появляются озера и болота; разжиженная земля бѣжитъ по склонамъ, какъ настоящій потокъ лавы, затопляетъ дома и покрываетъ поля своимъ безплоднымъ слоемъ. Послѣ землетрясеній цѣлыя области такъ мѣняютъ свой видъ, что дѣлаются совсѣмъ неузнаваемыми. Землетрясенія сопровождаются нерѣдко и обвалами земли. Погребая людей подъ развалинами, разрушая громадныя зданія, выворачивая изъ земли самыя крѣпкія деревья, землетрясенія уничтожаютъ также, разумѣется, и жатву селянина и потому приносятъ съ собой множество народныхъ бѣдствій.

КАПРИ.

Природа этого острова.—Виноградари.—Рыбаки.—Дѣти и женщины.—Лазурный гротъ.

Когда плывешь по чудному Тирренскому морю къ Капри, этотъ островъ является въ какомъ-то грозномъ величіи, точно закованный въ свои скалы, которыя встаютъ изъ водъ отвѣсными стѣнами. Окруженный горами и крутыми обрывами известковыхъ стѣнъ краснаго цвѣта, Капри утопаетъ въ роскошной зелени виноградниковъ, гранатовыхъ и померанцевыхъ деревьевъ. На его высотахъ стоятъ коричневые развалившіеся дворцы, а дикій виноградъ и густой зеленый плющъ свѣшиваются фестонами съ этихъ развалинъ. Дикія, пустынныя, зазубренныя скалы мелькаютъ высоко подъ облаками и надъ ними летаютъ соколы. По берегамъ множество темныхъ, глубокихъ пещеръ, а наверху, на горѣ раскинутъ веселый городокъ съ бѣлыми домами, высокими стѣнами и съ церковнымъ куполомъ. Внизу, на бѣломъ песчаномъ прибрежьѣ, гавань рыбаковъ и много барокъ.

Дома здѣсь бѣлые, маленькіе, и каждая плоская крыша такого домика представляетъ террасу, съ куполомъ, посреди обвитымъ виноградной лозой. Террасы эти у нѣкоторыхъ прекрасно разукрашены цвѣтами. Тутъ очень часто подъ вечеръ, при звукахъ тамбурина, пляшутъ молодыя дѣвушки. Вотъ и пожилые люди вышли отдохнуть подъ вечеръ, когда послѣ томительнаго дневнаго жара наступаетъ отрадная прохлада, когда отовсюду несется благоуханіе померанцевыхъ садовъ. А тамъ на одной изъ террасъ одиноко стоитъ колѣнопреклоненная прелестная смуглянка: она перебираетъ четки и съ увлеченіемъ шепчетъ свою вечернюю молитву Ave Maria. Въ большинствѣ случаевъ, домъ еще окруженъ верандою *), которая вся обвита виноградными лозами, прекрасно украшена голубыми гортензіями, пурпурно-красными гвоздиками и розовыми олеандрами.

Каждый житель Капри (ихъ немного болѣе 2,000) имѣетъ непремѣнно какое нибудь опредѣленное занятіе: они или земледѣльцы, виноградари или рыбаки. Не смотря однако на дѣятельность населенія, народъ здѣсь очень бѣденъ, потому что онъ не имѣетъ почти никакой собственности. Большая часть виноградниковъ принадлежитъ крупнымъ собственникамъ въ Неаполѣ, и каприйскіе виноградари арендуютъ у нихъ эти виноградники за очень высокую арендную плату. Виноградарь, продавая ягоды или приготовляя вино, долженъ добыть столько, чтобы прокормить свою семью и уплатить высокую аренду. Великое несчастіе для него, когда случится болѣзнь на виноградъ: въ такой годъ эти люди такъ бѣднѣютъ, что потомъ имъ уже трудно поправиться. Въ эти тяжелые годы ихъ жены и дочери распродаютъ свои украшенія: серьги, кольца, цѣпочки, и это заставляетъ ихъ страдать болѣе, чѣмъ самая нужда. Скотоводство здѣсь тоже незначительно, но дѣятельныя женщины умѣютъ такъ хорошо вести свое молочное хозяйство, что мѣстный сыръ пользуется большою извѣстностью на родинѣ. Осенью и весною островитяне питаются охотою, такъ какъ въ это время прилетаютъ стаи перелетныхъ птицъ.

*) Веранды очень распространены на югѣ. Это ничто иное, какъ галлереи по бокамъ зданія: ихъ устраиваютъ обыкновенно на столбахъ, и всевозможныя вьющіяся растенія сплошь покрываютъ такую галлерею. Веранда представляетъ прохладное мѣсто въ жаркіе лѣтніе дни.

Другой охоты у нихъ нѣтъ, такъ какъ на островѣ совсѣмъ не водятся большія животныя; только кролики выпрыгиваютъ ночью изъ трещинъ скалъ и бѣгутъ полакомиться на поля. Самый главный промыселъ доставляетъ здѣсь море: тутъ и тунцы, и мурена, мясо которой славится необыкновеннымъ вкусомъ и ослѣпительной бѣлизной, чрезвычайно много сардинокъ и безобразныхъ каракатицъ или сепій. Каракатицы—это довольно большое животное (приблизительно $3^3/_4$ арш.) съ большими подвижными глазами, съ десятью ногами на головѣ. На животѣ этого животнаго находится мѣшокъ съ жидкостью, изъ которой и добываютъ коричневую краску сепію. Каракатицъ этихъ рыбаки ловятъ ночью, привлекая ихъ свѣтомъ факела.

Тяжелую жизнь ведутъ эти рыбаки: всю ночь проводятъ они на морѣ и возвращаются съ восходомъ солнца. Пусть они устали и изнемогли до послѣдней степени, они все-таки не могутъ тотчасъ ложиться спать: долго еще возятся они, развѣшивая и починяя сѣти. Заснулъ часъ, два, и опять на ловлю. Но море не всегда вознаграждаетъ дѣятельность и трудовую жизнь рыбаковъ; иногда въ два, три улова кряду они добываютъ рыбы только на нѣсколько мелкихъ монетъ. Очень часто море прибиваетъ къ берегу куски коралла, ихъ вылавливаетъ куча ребятъ, которые при этомъ всегда толпятся, затѣмъ они разбѣгаются по домамъ и премило украшаютъ ими коробочки, которыя они сбываютъ форестьеру.

Дѣвушки съ ранняго утра до поздней ночи прядутъ желтовато-золотистый шелкъ, или сидятъ за ткацкими станками и ткутъ шелковыя ленты. Этотъ шелкъ доставляютъ имъ купцы изъ Неаполя, только они весьма мало платятъ бѣднымъ дѣвушкамъ за ихъ труды. Вообще капрейскія дѣвушки, за недостаткомъ на островѣ вьючныхъ животныхъ, исполняютъ всѣ работы. Вы видите, какъ онѣ всходятъ на гору то съ кружками воды на головѣ, то съ корзинками земли и корней. Приходитъ барка съ туфомъ для поправки какого нибудь стараго зданія, и нѣсколько десятковъ Габріэле, Констанціэле, Кончета, Мари-Антоніа, красотою которыхъ бываютъ необыкновенно поражены всѣ художники, прибѣгаютъ къ берегу, чтобы таскать на себѣ эти камни. Нагруженныя ими, при страшномъ томительномъ жарѣ, онѣ должны разъ шестнадцать взобраться на гору, и за это получаютъ въ день только до двадцати копѣекъ на наши деньги. При разсчетѣ дѣвушки никогда не повѣряютъ своего нанимателя, который вписываетъ въ книгу имя каждой изъ нихъ, когда онѣ приходятъ къ баркѣ за туфомъ. Такъ таскаютъ онѣ эти тяжести цѣлыми днями. Онѣ отдыхаютъ только во время обѣда, за которымъ у нихъ, кромѣ недозрѣлыхъ сливъ и сухаго хлѣба, ничего не увидишь.

Какъ ни любопытны нравы капрейцевъ, какъ ни заманчива природа и дикія, зубчатыя вершины острова, которыя такъ фантастично рисуются на неаполитанскомъ горизонтѣ, но не этимъ приманиваетъ Капри путешественниковъ. Лазурный гротъ (пещера) Капри—вотъ чудо, на которое ѣдетъ подивиться весь міръ. Только своенравное, капризное море не всегда дозволяетъ воспользоваться этимъ удовольствіемъ. Желая предпринять путешествіе къ лазурной пещерѣ, приходится идти къ пристани, къ жилищамъ капрейскихъ моряковъ. Если море волнуется, вы непремѣнно засмотритесь, какъ эти мускулистые, огромнаго роста люди съ темными лицами вытягиваютъ барки, если же оно покойно, то моряки спятъ въ повалку на пескѣ и такъ близко къ морю, что набѣгающія волны безпрестанно окачиваютъ пѣной ихъ бронзовыя ноги. Впрочемъ вамъ не дадутъ долго любоваться этою картиною, такъ какъ цѣлый десятокъ проводниковъ къ лазурному гроту тотчасъ окружаетъ васъ и каждый предлагаетъ свои услуги. Такъ какъ входъ въ пещеру чрезвычайно низокъ, то для этого употребляютъ особыя маленькія лодочки. Чтобъ отправиться въ путь, необходимо выждать совершеннаго безвѣтрія, да и то еще нельзя навѣрное разсчитывать увидѣть лазурное диво. Но

вотъ вы отчалили, лодка начала скользить по водѣ, и вы осматриваетесь кругомъ, волны съ страшною силою ударяются о скалы и безпрестанно мѣняютъ свой цвѣтъ: то заблещутъ зеленью, то лазурью, и тогда песокъ на днѣ кажется голубымъ; то вдругъ солнечные лучи скользнутъ по поверхности водъ и всюду разсыпятся ослѣпительныя, прыгающія искры. Наконецъ, на отвѣсной стѣнѣ утесовъ замѣчаешь черноватую лазейку, полузатопленную моремъ —это входъ въ лазурную пещеру. Входъ этотъ такой маленькій и узкій, что, кажется, черезъ него только и могутъ плавать рыбы. Вы съ удивленіемъ подумываете, какъ-то вамъ удастся проѣхать черезъ такую щель. Очень часто волны съ дикою яростью набѣгаютъ на стѣну и закрываютъ и то маленькое отверстіе, которое вы въ ней замѣтили. Тогда приходится выжидать. Когда же наступаетъ благопріятная минута, путешественникъ ложится на дно лодки, такъ какъ иначе можно сильно расшибиться о стѣны узкаго отверстія,—и вотъ вы въ волшебной пещерѣ. Тутъ взору представляется довольно обширное пространство, гдѣ всюду господствуетъ какой-то неземной, чудно-голубой цвѣтъ. Даже бѣлыя весла гребцовъ, лишь только ихъ погружаютъ здѣсь въ воду, принимаютъ великолѣпный лазоревый цвѣтъ. Опустите въ воду руку, и она въ водѣ кажется прозрачною, ярко-голубаго цвѣта.

Высокія стѣны пещеры завершаются прелестнымъ куполомъ, будто нарочно высѣченнымъ въ скалѣ геніальными мастерами. Не хочется вѣрить, что сама природа такъ симметрично, такъ граціозно-художественно расположила по стѣнамъ и куполу всѣ эти причудливыя арабески сталактитовъ *).

«Скалистыя стѣны», такъ описываетъ одинъ путешественникъ эту пещеру: «прозрачная вода, песокъ на днѣ и сталактиты на сводахъ—все здѣсь небесно-голубаго цвѣта. Эта синева такъ нѣжна, что кажется, какъ будто на все наброшена дымка серебристаго газа. Я молчалъ, какъ околдованный. Гребецъ поднялъ весла, и барка чуть скользила по бирюзовой влагѣ. На водѣ ни малѣйшей зыби, въ воздухѣ ни малѣйшаго дыханія, кругомъ тишина глубокая, торжественная, какъ въ безднахъ неба.

«Вода такъ прозрачна, что видны на блѣдно-золотистомъ днѣ всѣ раковины, всѣ подводныя растенія и кораллы. Я было нагнулся, чтобы выловить одинъ изъ этихъ ковалловъ; но для такой операціи понадобилась рука по крайней мѣрѣ двухсаженная. При каждомъ ударѣ весла, на поверхность воды выбѣгали миріады серебристыхъ пузырьковъ; каждая капля, упадавшая въ глубь, казалась жемчужнымъ зерномъ. Въ этомъ волшебномъ теремѣ ни лодка, ни человѣческія фигуры не отбрасываютъ отъ себя тѣни. Бѣлый дневной лучъ, заглядывающій въ треугольное отверстіе, остается трепетной звѣздой у входа, не вступая въ борьбу съ царствующимъ здѣсь лазурнымъ полусвѣтомъ... Лазурный гротъ не исключительно лазуренъ. Своды являются зеленоватыми, какъ будто на нихъ падаетъ свѣтъ лампы, проникающій сквозь сосудъ съ жидкостью купороса. Если долго и внимательно всматриваться, опрокинутыя пирамиды сталактитовъ кажутся почти красноватыми, а задняя часть грота принимаетъ блѣдный, мутнорозовый оттѣнокъ».

Но откуда же въ пещерѣ этотъ чудный голубой свѣтъ, такое магическое очарованіе? Такъ какъ въ ней небольшое отверстіе, то солнце не можетъ непосредственно освѣщать воду въ пещерѣ,—въ нее и проникаетъ свѣтъ извнѣ, черезъ значительный слой воды, а такъ какъ вода въ глубинѣ имѣетъ синеватый отливъ, то и всѣмъ пред-

*) Вода, насыщенная известью, просачивается черезъ землю въ пещеру, испаряется и оставляетъ на потолкѣ и стѣнахъ осадки въ различныхъ формахъ, иногда чрезвычайно замысловатые, эффектные и симметричные. Они бываютъ то въ видѣ конусовъ, кристалловъ, а то просто разсыпаны самыми разнообразными, волшебными фигурами.

метамъ въ пещерѣ сообщается чудный голубой цвѣтъ. Необыкновенное расположеніе сталактитовъ и оригинальность самой пещеры увеличиваютъ очарованіе и вмѣстѣ съ синевой, которая тутъ царствуетъ, придаютъ гроту какой-то волшебный видъ.

Однако невозможно долго любоваться лазурнымъ чудомъ: очень часто море, за минуту покойное, вдругъ дѣлается необыкновенно бурнымъ, закрываетъ выходъ, такъ что путешественникамъ, пожалуй, придется провести и всю ночь въ гротѣ. Если съ кѣмъ приключится такая непріятность, зажигаютъ факелы и отыскиваютъ скалистый выступъ, который выдается террасой прямо противъ входа и на которомъ могутъ помѣститься нѣсколько человѣкъ. Но оставаться тутъ среди бури, совершенно оторваннымъ отъ всего міра, и выжидать въ неловкомъ, напряженномъ положеніи—чрезвычайно непріятно... Впрочемъ провести всю ночь въ морѣ въ этомъ гротѣ едва ли когда придется, такъ какъ моряки острова Капри слѣдятъ за отправившимися въ гротъ и, лишь только они замѣтятъ ихъ долгое отсутствіе, сейчасъ спѣшатъ къ нимъ на выручку.

СИЦИЛІЯ.

Мессина.—Природа острова по берегамъ и внутри страны. — Сирокко. — Пѣвцы и состязанія поэтовъ.—Жатва.—Ловля тунцовъ.—Джирдженти и сицилійскія сѣрныя копи.—Рабочіе.—Значеніе сѣры въ странѣ и вывозъ ея за границу.

Мессина, одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ Сициліи, раскинутъ на берегу рѣки и весь унизанъ монастырями и зданіями, которыя какъ въ зеркалѣ отражаются въ водѣ. Городъ этотъ имѣетъ самое невыгодное мѣстоположеніе: онъ расположенъ на вулканической почвѣ Сициліи, по сосѣдству съ вулканами южной Италіи, и потому здѣсь очень часто бываютъ землетрясенія. Отъ низменнаго положенія города несчастія жителей еще увеличиваются. Когда, во время землетрясеній, дома падаютъ какъ карточные домики, приливъ съ моря топитъ всѣхъ собравшихся на берегу и затѣмъ волны бросаются на великолѣпные дворцы и зданія, здѣсь построенныя, и разрушаютъ многія изъ нихъ до основанія. Между тѣмъ для всемірной торговли Мессина необыкновенно удобно расположена, но вслѣдствіе этихъ землетрясеній и множество войнъ, которыя ей пришлось вынести,—этотъ городъ не имѣетъ теперь важнаго значенія.

Природа Сициліи по берегамъ и внутри страны совершенно различна. Береговыя мѣстности кишатъ дѣятельною жизнію и блестятъ роскошною растительностію. Золотистые плоды и бѣлые цвѣты огромныхъ апельсинныхъ плантацій далеко распространяютъ благоуханіе. Тамъ, гдѣ полузасохшее ложе горнаго ручья впадаетъ въ долину, розовые цвѣты олеандра и гибкихъ мимозъ граціозно выглядываютъ среди густой зелени. Огромные кактусы, перепутываясь съ агавами, образуютъ высокіе плетни. Кустарники клещевины (изъ которой приготовляютъ касторовое масло), съ прекрасною голубою листвою, покрываютъ склоны многихъ горъ. Тамъ и сямъ выглядываютъ большіе бѣлые цвѣты капорцевъ. Нерѣдко встрѣчаете вы здѣсь и смоковницу. Какъ громадный смарагдъ, блестящій на солнцѣ, безпрестанно пробѣгаетъ ящерица среди цвѣтовъ и зелени.

Чѣмъ дальше внутрь, тѣмъ пустыннѣе становится страна, растительность съ каждымъ шагомъ бѣднѣе и наконецъ вы встрѣчаете огромныя, пустыя, безплодныя про-

странства. Скалистые овраги съ высохшими руслами горныхъ потоковъ, обнаженныя горы желтовато-сѣраго цвѣта и весьма рѣдко жалкая, грязная, полуразвалившаяся деревня,—вотъ все, что попадется вамъ на дорогѣ. Но очень часто на цѣлыя мили нѣтъ ни единой хижины, ни полей, ни изгородей, совсѣмъ исчезаютъ даже деревья и только низкіе кустарники да чертополохъ покрываютъ землю. Но вотъ вы приближаетесь къ восточному побережью и появляются поля, виноградники, кактусовыя изгороди, оливковыя деревья. Нѣкоторая влажность въ воздухѣ говоритъ о близости моря; вдали возвышается Этна, вершина которой на половину покрыта снѣгомъ, на половину, какъ легкою дымкою, подернута сѣроватымъ дымомъ. Земля смѣшана съ пепломъ и лавою и потому тутъ начинается роскошная растительность. Подлѣ раскинутыхъ домиковъ—превосходныя апельсинныя и лимонныя рощи. Въ окрестностяхъ большихъ городовъ уже встрѣчаются дачи. Самое характерное явленіе въ Сициліи—сирокко. Иногда среди прекраснаго дня небо вдругъ дѣлается свинцовымъ, море волнуется, воздухъ становится необыкновенно спертымъ, тяжелымъ и удушливымъ. На человѣка это явленіе имѣетъ подавляющее дѣйствіе: голова тяжелѣетъ и имъ овладѣваетъ мрачное расположеніе духа. Сирокко появляется періодически и продолжается около двухъ, двухъ съ половиною сутокъ, а то и меньше. Африканскій самумъ, перейдя черезъ Средиземное море и нѣсколько ослабивъ свою ядовитую силу, дуетъ въ Сициліи и называется уже здѣсь сирокко. Какъ арабъ въ своей пустынѣ, при приближеніи этого врага, бросается на землю, такъ и сициліанецъ, чувствуя приближеніе сирокко, ложится въ кровать, торопится покончить всѣ свои дѣла; торговля и всякое движеніе на улицѣ мгновенно прекращаются.

Сициліанецъ одаренъ тѣми же качествами ума и сердца, какъ и другіе итальянцы: живостью и подвижностью, способностью быстро схватывать, необыкновенною учтивостью и услужливостью, самымъ хорошимъ и веселымъ расположеніемъ духа. Но подъ африканскимъ климатомъ всѣ страсти итальянца Сициліи сильнѣе. Любовь, ненависть, мстительность, нетерпѣливость,—все это у сициліанца выражается еще съ большею страстью. Сициліанцы неистощимы въ остротахъ и поговоркахъ. Дѣвочка 12-ти, 13-ти лѣтъ выглядитъ здѣсь совершеннолѣтней женщиной, но въ 20 лѣтъ она уже отцвѣтаетъ, и вы всегда дадите ей болѣе чѣмъ вдвое.

Тутъ еще сильнѣе, чѣмъ въ Неаполѣ, любовь къ церемоніямъ, къ народнымъ торжествамъ и праздникамъ; трудъ, какъ и тамъ, облекается въ поэтическую форму. Когда вы ни выйдите ночью на улицу, вы всегда услышите звуки гитары и мужской голосъ, напѣвающій одну изъ народныхъ пѣсенъ. Вы безпрестанно встрѣчаете здѣсь слѣпца, окруженнаго толпою, который поетъ, или рапсода, который разсказываетъ сказки или рыцарскія приключенія. По большей части эти люди слѣпы или горбаты, и, наблюдая ихъ, вы непремѣнно замѣтите, какъ они сильно жестикулируютъ, а дойдетъ разсказъ до какой нибудь схватки—и разсказчикъ, съ непобѣдимою отвагой, какъ передъ врагомъ, потрясаетъ своимъ посохомъ, который онъ всегда держитъ въ рукѣ. Сициліанцы не только любятъ этихъ людей и слушаютъ ихъ съ живымъ вниманіемъ, но и относятся къ нимъ съ глубочайшимъ уваженіемъ. Стихи и пѣсни нерѣдко импровизируются среди рабочихъ въ кузницѣ, въ полѣ, въ виноградникѣ, на городской площади. Когда такой поэтъ остановится, чтобы сказать въ слухъ передъ товарищами свой экспромтъ, онъ всегда найдетъ себѣ соперника. Народъ немедленно окружаетъ состязающихся, поощряетъ и поджигаетъ ихъ похвалами и насмѣшками, всегда умѣя своимъ тонкимъ чутьемъ указать на дурной стихъ, на неловкое выраженіе. И дѣйствительно, замѣчательна та легкость и быстрота, съ какою импровизируются цѣлыя стихотворенія, какъ будто онѣ сказаны не экспромтомъ, а выучены наизусть. Въ Сициліи есть мно-

жество поэтовъ импровизаторовъ, которые только сочиняютъ стихи, но не распѣваютъ ихъ. Страсть къ сочинительству, въ особенности стиховъ, сильно развита въ итальянскомъ народѣ и болѣе всего въ Сициліи. Во всей Сициліи славится камень поэзіи, находящійся въ Минео. Кто хочетъ быть поэтомъ, говоритъ народъ, тотъ долженъ напередъ поцѣловать этотъ камень.

Болѣе всего этихъ разскащиковъ, пѣвцовъ и поэтовъ-импровизаторовъ появляется на праздникахъ, и тутъ они устраиваютъ между собой состязаніе въ присутствіи огромной толпы. Прежде чѣмъ начнется такое состязаніе, распорядитель праздника тщательно осматриваетъ ихъ и отнимаетъ у нихъ оружіе, если только оно у кого нибудь найдется. Проза здѣсь не допускается. Начинается состязаніе обыкновенно тѣмъ, что поэты привѣтствуютъ другъ друга стихами. Потомъ предлагаютъ темы для импровизаціи и черезъ нѣсколько минутъ одинъ за другимъ выходятъ и декламируютъ свои произведенія. На побѣдителя побѣжденный бросается иногда съ такою яростью, что присутствующіе едва успѣваютъ ихъ разнять. Однако Виго (авторъ сочиненія о Сицилійскихъ народныхъ пѣсняхъ), какъ очевидецъ, разсказываетъ о мирной тенцонѣ, т. е. о мирномъ состязаніи. Въ Ивановъ день въ Палермо собралась толпа до 6 тысячь слушателей. Около полудня вынесли изображеніе святаго и поставили его на возвышеніи на площади. Затѣмъ сюда одинъ за другимъ вошли пять поэтовъ: еще совсѣмъ юный сынъ кузнеца, два крестьянина, сапожникъ и еще одинъ ремесленникъ. Одинъ за другимъ воспѣвали они чудеса св. Іоанна и затѣмъ началось состязаніе. Всѣ они были необыкновенно искусны, особенно сынъ кузнеца; по окончаніи они были награждены и увѣнчаны. Никто не знаетъ, когда начались эти тенцоны, извѣстно однако, что онѣ очень древни.

Въ Палермо существуетъ академія слѣпыхъ нищихъ. Во всей Сициліи особенно слѣпцы занимаются музыкой и пѣніемъ. За каждымъ слѣпцомъ идетъ обыкновенно мальчикъ, который служитъ ему провожатымъ. Когда они занимаются въ академіи, дѣти-проводники играютъ между собою въ различныя игры.

Сицилійскій крестьянинъ ѣстъ свой хлѣбъ буквально въ потѣ лица, такъ какъ страна эта имѣетъ африканскій климатъ. Въ іюнѣ, когда происходитъ жатва, солнечный жаръ почти невыносимъ. При этомъ почти нигдѣ нѣтъ тѣни, и только по берегамъ, отъ полудня до вечера, дуетъ иногда прохладный вѣтерокъ. Внутри же страны въ это время часто появляется сирокко, который самыхъ крѣпкихъ и трудолюбивыхъ людей дѣлаетъ неспособными къ работѣ. Такъ какъ поля часто отстоятъ очень далеко отъ жилищъ, то подлѣ жатвы обыкновенно устраиваютъ временный лагерь. Тутъ въ шалашѣ изъ собственныхъ платковъ отдыхаютъ во время сіэсты и ставятъ корзины съ хлѣбомъ, вино и сосуды съ водой изъ пористой глины. Во время жатвы сициліанцы стараются одѣваться какъ можно легче: широкіе бѣлые штаны и такая-же рубаха чаще всего встрѣчаются у рабочихъ. Солнце однако не даетъ возможности носить на головѣ одну шляпу, и поэтому каждый непремѣнно обвязываетъ еще голову какимъ нибудь платкомъ.

Обработка земли здѣсь очень проста и первобытна. Борона еще неизвѣстна; землю пашутъ сохой, которая погружается въ нее только на нѣсколько вершковъ. Затѣмъ бросаютъ туда зерна и заравниваютъ борозды кустарникомъ. Несмотря на это, урожаи здѣсь бываютъ превосходные.

Тонара или ловля тунцовъ въ Сициліи имѣетъ большое значеніе для многихъ береговыхъ мѣстностей этого острова. Тунцы хищная, большая рыба, величиною нерѣдко въ сажень, въ апрѣлѣ странствуетъ въ Средиземномъ морѣ цѣлыми стаями и заходитъ сюда изъ Атлантическаго океана.

Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до ловли, сотни людей заняты приготовленіемъ огромныхъ сѣтей. Отъ марта до іюля по берегамъ Сициліи необыкновенное движеніе. Въ началѣ апрѣля сѣти готовы, и тогда съ одной стороны къ нимъ привязываютъ камни, а съ другой поплавки; затѣмъ ихъ складываютъ въ лодки, сторожа растягиваются на нихъ и, лежа на животѣ, наблюдаютъ движеніе моря и ждутъ, пока оно совершенно успокоится. Тогда подаютъ знакъ, и всѣ лодки на $^1/_4$ мили въ окружности опускаютъ въ воду свои сѣти такимъ образомъ, что онѣ представляютъ съ боковъ стѣны, внизу полъ и множество отдѣленій. Опустили сѣти, и рыбаки, опять лежа въ своихъ лодкахъ, наблюдаютъ за тунцами; имъ иногда приходится ждать нѣсколько дней, пока сѣти наполнятся рыбою. Часто, не дождавшись, чтобъ море успокоилось само-собой, они поливаютъ на поверхность его масло, и тогда въ этомъ мѣстѣ волненіе быстро стихаетъ. Тогда подаютъ сигналъ, и рыбаки съ страшными криками, блестя на солнцѣ гарпунами и пиками, собираются къ тому мѣсту, гдѣ предполагается битва. Эту минуту рыбаки любятъ такъ же, какъ испанцы бой быковъ. Полъ крайняго отдѣленія сѣтей, куда зашла рыба, подымается все выше и выше. Потолка нѣтъ, и рыба могла-бы выпрыгнуть, но рыбаки бросаются на нее со своими гарпунами,—и вскорѣ прозрачное, голубое море превращается въ море крови.

Трудно описать, какой подымается въ это время шумъ, крикъ, гиканье. Тунцы чрезвычайно сильны въ водѣ, и въ предсмертной агоніи они такъ окачиваютъ рыбаковъ съ головы до ногъ своею кровью, что она течетъ у нихъ ручьями съ лица и волосъ. Ловлю тунцовъ производятъ въ весьма многихъ мѣстахъ Сицилійскаго побережья, и это даетъ возможность бѣднякамъ покупать фунтъ этой рыбы, которую они очень любятъ, за двѣ, за три коп.

Если вы изъ Мессины будете пробираться въ Катану (которая лежитъ недалеко отъ Этны), вдоль подошвы береговыхъ горъ, или съ юга Сицилійскаго острова по западному берегу, чаще всего вамъ попадаются мулы, нагруженные красивыми плитами сѣры. По дорогѣ также вездѣ разсыпаны и валяются разные куски сѣры. Всюду множество сѣрныхъ рудниковъ. Съ горъ то и дѣло подымаются густые столбы дыма изъ дымящихся сѣрныхъ минъ. Самый воздухъ пропитанъ запахомъ сѣры и столбами невыразимо удушливой пыли, такъ что путешественнику приходится дышать не иначе, какъ чрезъ носовой платокъ. Сѣра составляетъ здѣсь главный источникъ пропитанія и самый важный предметъ промышленности. Конечно, вулканы дѣйствовали и въ другихъ странахъ и изъ безчисленныхъ своихъ пропастей подымали къ небесамъ сѣрные пары; но нигдѣ они не отложили столько этого вещества, какъ здѣсь, такъ какъ нигдѣ не обнаруживали такой дѣятельности. Многочисленныя сѣрныя сицилійскія копи хорошо разрабатываются вездѣ, гдѣ онѣ лежатъ недалеко отъ моря. Въ центрѣ же острова сѣрныя копи не приносятъ жителямъ большихъ выгодъ, такъ какъ провозъ сѣры по дурнымъ сицилійскимъ дорогамъ иногда обходится очень дорого. Сѣра имѣетъ громадное значеніе: прежде ее употребляли только въ медицинѣ и для приготовленія пороха, но теперь она служитъ и для добыванія сѣрной кислоты, которая употребляется почти на всѣхъ фабрикахъ. Съ помощью сѣрной кислоты добываютъ много другихъ кислотъ, приготовляютъ стеариновыя свѣчи, соду, квасцы, желѣзный и мѣдный купоросъ, мыло, спиртъ, очищаютъ разныя масла, отдѣляютъ золото отъ серебра; крѣпкая сѣрная кислота сильно притягиваетъ водяные пары изъ воздуха и потому ее употребляютъ тамъ, гдѣ нужно осушить воздухъ....

Изо всѣхъ сѣрныхъ минъ на юго-западѣ острова везутъ сѣру къ гавани Джирдженти. Это грязный, плохо обстроенный и вымощенный городъ. Только по одной его улицѣ можно ѣздить въ экипажѣ, остальныя же всѣ для этого очень узки и перерѣзаны

рытвинами. Однимъ словомъ Джирдженти представляетъ совершенную противоположность съ Агригентомъ, который когда-то былъ на его мѣстѣ и славился своею обширною торговлею и блестящей роскошью. Остатки древностей видны еще и теперь, только они внѣ города. Впрочемъ, благодаря торговлѣ сѣрою, нынѣшній городъ Джирдженти тоже начинаетъ нѣсколько подниматься. Ближайшія сѣрныя мины лежатъ недалеко отъ города и находятся въ самомъ первобытномъ состояніи. Тутъ еще до сихъ поръ неизвѣстны орудія и приборы, которые въ горнозаводскомъ дѣлѣ вошли въ общее употребленіе: кирка и лопата—вотъ и всѣ орудія, которыя здѣсь употребляются; работа тоже производится на удачу, безъ всякаго опредѣленнаго плана: истощилась случайно одна жила, по сосѣдству роютъ новыя отверстія и въ произвольномъ направленіи проводятъ въ горѣ новыя штольни и шахты. Ни одна изъ нихъ не выкладывается камнемъ, своды чрезвычайно низки, неровны, и только мѣстами, чтобъ поддерживать потолокъ, ставятъ столбы. Мерцающая лампа только чуть вспыхиваетъ, освѣщая небольшое пространство мрачнаго подземелья, послѣ чего опять наступаетъ совершенный мракъ. Со всѣхъ сторонъ тутъ слышатся странные звуки, стукъ, вздохи, которые происходятъ отъ далекихъ перекатовъ эха. Сырость покрываетъ стѣны, капли, падающія со сводовъ, соединяются въ цѣлые потоки липкой грязи и текутъ по землѣ. Воздухъ здѣсь чрезвычайно удушливый, съ запахомъ сѣрнисто-водороднаго газа. Кромѣ того въ этихъ штольняхъ бываетъ обыкновенно страшнѣйшій жаръ. Очень небольшая часть жителей Джирдженти обрабатываетъ поля и сады, которые лежатъ у подошвы города до самаго моря; большая же часть населенія работаетъ теперь въ сѣрныхъ копяхъ. По причинѣ упомянутой жары въ штольняхъ работники работаютъ здѣсь совершенно безъ всякой одежды и поэтому все ихъ тѣло принимаетъ чрезвычайно странный видъ: кожа дѣлается темнокоричневой и покрыта свѣтло-желтыми крапинками отъ тонкой сѣрной пыли.

Рабочіе очень добрый, простой народъ; они всегда чрезвычайно рады, когда кто-нибудь зайдетъ къ нимъ въ штольню, хоть на пять минутъ разсѣетъ однообразіе ихъ тяжелой жизни.

Прежде въ Италіи сѣры употребляли очень мало и только пять, шесть лѣтъ тому назадъ она вошла въ большое употребленіе, какъ средство противъ болѣзни винограда. Съ тѣхъ поръ цѣны на нее, даже на мѣстѣ производства, поднялись втрое, но это нисколько не обогатило народа. Какъ только возвысились цѣны на сѣру, сейчасъ же съѣхались разные купцы и эксплуататоры, скупили большіе участки земли и въ нѣсколько лѣтъ страшно разбогатѣли. Кромѣ мѣстнаго употребленія, большую часть сѣры вывозятъ заграницу, особенно въ Англію, гдѣ такъ развита фабричная и промышленная жизнь.

ПОЛОЖЕНІЕ ИТАЛЬЯНСКАГО НАРОДА.

Богатство итальянской природы.—Бездолье и нищета народа на сѣверѣ и югѣ.—Земледѣліе.—Крупная поземельная собственность и условія аренды.—Иго землевладѣльцевъ.—Обработка риса.—Кукуруза и ея значеніе для народа.—Шелководство.—Сборъ винограда и оливокъ.—Скотоводство и жизнь пастуховъ.—Рабочіе, снискивающіе пропитаніе моремъ.—Рыбная ловля.—Ловля коралловъ.—Фабричная промышленность.—Положеніе на фабрикахъ взрослыхъ и дѣтей.—Городское населеніе: галантуомо и ладзарони.—Спичечное и соломенное производства.—Эмиграція.—Итальянскій пролетаріатъ несчастнѣе англійскаго.—Филантропія.—Каморра.—Разбойничество и торговля дѣтьми.

Италія по природѣ своей несомнѣнно самая богатая страна въ Европѣ. Эта природа въ высшей степени разнообразна, начиная отъ суроваго альпійскаго климата сѣ-

верной границы до тропическаго Сициліи, отъ равнинъ Ломбардіи до горъ Абруццъ. При этомъ дары ея вездѣ щедры и богаты. Недостатокъ рѣкъ съ лихвой вознаграждается развитой береговой линіей страны, моря которой одинаково обильны и рыбой, и другими произведеніями: кораллами, губками, пѣнкой и т. п. Вездѣ, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ растутъ великолѣпные и самые разнообразные фрукты, и въ числѣ ихъ столь рѣдкіе въ Европѣ, какъ лимоны и апельсины, и при этомъ въ невѣроятномъ изобиліи, такъ что одинъ вывозъ ихъ простирается на сумму до 70 милліоновъ франковъ. Оливковыя деревья даютъ тоже огромный доходъ, растутъ почти безъ всякаго ухода и въ такомъ количествѣ, что образуютъ цѣлые лѣса, покрывающіе квадратныя мили. На сѣверѣ ихъ замѣняютъ тутовыя рощи, дающія возможность вести обширное шелководство. Вся Ломбардія представляетъ, можно сказать, сплошное рисовое поле, и нигдѣ въ Европѣ это драгоцѣнное зерно, составляющее въ Азіи единственную пищу цѣлыхъ сотенъ милліоновъ людей, не родится въ такомъ изобиліи, какъ въ Италіи. Одна Сицилія, по богатству своей природы, можетъ прокормить своимъ хлѣбомъ всю Италію, какъ это и было въ древности. На лугахъ Романіи и Кампаньи пасутся несмѣтныя стада быковъ, лошадей и овецъ; такимъ образомъ и для скотоводства Италія представляетъ такія же удобства, какъ и для земледѣлія, винодѣлія и рыболовства.

И при такихъ то, замѣчательно благопріятныхъ, естественныхъ условіяхъ, Италія во всѣ времена была гнѣздомъ невообразимой нищеты, самаго ужаснаго мученичества трудящагося народа, самаго скуднаго и неблагодарнаго вознагражденія за трудъ. Такъ было не только въ тѣ времена, когда ее попирали и угнетали разные завоеватели, не только во времена варварства, занесеннаго этими завоевателями на мѣсто прежней цивилизаціи, но и въ періоды высшаго процвѣтанія, когда Италія была политическимъ центромъ міра. Скажу болѣе, политическіе успѣхи, объединеніе и достиженіе политическаго могущества, всегда, нынче, какъ и въ древности, отзывалось пагубно на экономическомъ бытѣ страны. Теперь въ Италіи всѣ предметы первой необходимости: хлѣбъ, мясо, вино, стоятъ въ четырнадцать и шестнадцать разъ дороже, чѣмъ стоили лѣтъ 20 тому назадъ, до ея освобожденія отъ чужеземнаго ига и до ея объединенія. Точно также въ древности, когда Римъ, возвысившись въ первый разъ своими завоеваніями, создалъ единую Италію отъ Альпъ до Тарентскаго залива, этотъ политическій успѣхъ выразился тѣмъ, что богатѣйшія страны, славившіяся плодородіемъ, многолюдныя мѣстности, застроенныя городами, какъ Кампанья и Этрурія, превратились въ степи или болота, разносящія болѣзни и злокачественныя лихорадки; мѣстности эти и теперь большею частью остаются въ томъ же положеніи. Уже 200 лѣтъ работаютъ надъ осушеніемъ мареммъ; но болота все-таки занимаютъ большую часть древней Этруріи (Тосканы). Въ Калабріи опять вредныя болота тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ Сибарисъ, выставлявшій 300 тысячъ войска; тоже явленіе встрѣчаемъ мы и въ южной Сициліи, гдѣ было въ древности столько цвѣтущихъ городовъ.

Одна изъ главныхъ причинъ бѣдственнаго положенія народа—крупное землевладѣніе. Значительная часть земли скуплена немногими крупными землевладѣльцами, такъ что поземельная собственность сосредоточена въ ихъ рукахъ. Большая часть здѣшнихъ земель представляетъ обширныя помѣстья, которыя принадлежатъ немногимъ богатымъ, знатнымъ и княжескимъ фамиліямъ. Большинство огромныхъ владѣній раздѣлено на небольшіе участки. Землевладѣльцы раздаютъ эти участки крестьянамъ въ аренду за плату деньгами или продуктами.

Начнемъ съ самыхъ богатыхъ сѣверныхъ провинцій: Ломбардіи, Ломелины, Венеціи. Крестьяне, земледѣльцы этихъ мѣстностей, работая съ утра до ночи—живутъ при самыхъ плачевныхъ условіяхъ. Ихъ жилища.... нѣтъ, ихъ нельзя назвать жилища-

ми: это просто скотскіе загоны; въ нихъ скучено по 20 и 30 человѣкъ — женщины, мужчины, дѣти, всѣ вмѣстѣ. Эти загоны для людей устроены хуже, чѣмъ для скота, такъ какъ они не укрываютъ ихъ даже отъ дождя и непогоды. Люди въ такихъ жилищахъ буквально должны ложиться въ грязь, какъ свиньи; у многихъ нѣтъ даже на ночь подстилки, которая бы ихъ хотя нѣсколько защищала отъ сырости пола. Среди этихъ несчастныхъ не ищите семейныхъ привязанностей, ни любви къ отечеству,—они не могутъ ни о чемъ думать, кромѣ какъ о кускѣ насущнаго хлѣба. Даже самые умѣренныя газеты Ломбардіи въ 1879 году прямо предлагали министерству поставить первою своею задачею: «чтобы земледѣльческіе классы Италіи, послѣ освобожденія отечества, не оказались въ такомъ бѣдственномъ положеніи, которое побуждало бы ихъ *проклинать самую революцію, доставившую имъ свободу и независимость.* Неужели правящіе классы останутся безучастны къ судьбѣ населенія, обреченнаго на упорный трудъ съ утра до ночи, подъ палящимъ зноемъ солнца и подъ ливнями дождя, имѣя въ виду *только не умереть съ голоду?* Вѣдь эта масса, сама того не зная, служитъ почвой, въ которой выростаютъ сѣмена неотвратимой соціальной войны. Крестьяне, отчаявшись добыть изъ почвы Италіи пропитаніе, тысячами покидаютъ родину и отправляются искать лучшей доли въ Америкѣ».

Въ 1872 г., во время наводненій въ долинѣ По, въ нѣкоторыхъ жилищахъ, которымъ грозила опасность быть унесенными теченіемъ, было множество женщинъ, которыя на отрѣзъ отказались покинуть свои дома. «Оставьте насъ», кричали онѣ людямъ, прибѣжавшимъ спасать ихъ: «лучше умереть скорѣе и сразу всѣмъ, чѣмъ такъ, какъ умираемъ мы, по одиночкѣ отъ голода, гнета и безъисходнаго горя». Онѣ отказались отъ всякой помощи и не двигались съ мѣста, рѣшившись умереть безъ всякаго колебанія. Тогда жандармы стали силою вытаскивать изъ домовъ этихъ несчастныхъ, проклинавшихъ ихъ за вынужденное спасеніе.

Между тѣмъ въ Ломелинѣ и Ломбардіи, как въ самыхъ цивилизованныхъ провинціяхъ Италіи, еще лучшія условія аренды. Тутъ въ употребленіи лишь аренда земли за деньги по контракту. Земледѣліе стоитъ на такой высокой степени, какъ ни въ одной изъ остальныхъ провинцій. Но все таки аренда на столько высока для земледѣльца, что онъ живетъ въ проголодь. Помѣщенія народа похожи на скотскіе загоны, потому что онѣ принадлежатъ землевладѣльцамъ. Желающихъ взять землю въ аренду всегда болѣе, чѣмъ это нужно, и потому владѣлецъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что, какія бы хозяйственныя постройки вмѣстѣ съ землею онъ ни предлагалъ нанимателю, — все будетъ занято.

Иногда землевладѣльцы обработываютъ свои земли посредствомъ поденщиковъ, за плату по 1 франку въ день. Положеніе этихъ людей еще хуже, чѣмъ тѣхъ, которые имѣютъ возможность взять землю въ аренду, такъ какъ половину года они обыкновенно остаются безъ работы.

Въ южныхъ провинціяхъ картина еще печальнѣе. Здѣшніе крестьяне находятся въ полной зависимости отъ землевладѣльца. Это рабы въ полномъ смыслѣ слова, съ тою только разницею, что они лишены и тѣхъ выгодъ, какими пользовались рабы въ древности, такъ какъ даже пропитаніе ихъ въ настоящее время совершенно зависитъ отъ случая. Живутъ они какъ звѣри, и если между ними найдется человѣкъ, изъ котораго горе не сдѣлаетъ безсмысленнаго животнаго, онъ въ большинствѣ случаевъ дѣлается разбойникомъ!

Въ южныхъ провинціяхъ всѣ формы землевладѣнія, встрѣчающіяся въ Италіи, существуютъ совмѣстно. Тутъ вы встрѣтите и большія хозяйства, управляемыя самими землевладѣльцами, и фермеровъ, арендующихъ крупные участки, которые они въ свою

очередь раздають крестьянамъ по маленькимъ клочкамъ, и арендаторовъ мелкихъ участковъ, иногда за деньги, иногда за продукты, и наконецъ мелкихъ собственниковъ. Но какія бы ни были условія аренды, какъ бы ни велось здѣсь хозяйство—результатъ для громаднаго большинства крестьянъ одинъ и тотъ же. Законъ, современныя учрежденія—все это мертвая буква болѣе чѣмъ для $^2/_3$ здѣшняго населенія. Крестьяне находятся подъ полнѣйшимъ игомъ своихъ господъ; для нихъ одинъ выборъ—между кабалой и голодной смертью. Вотъ какъ ихъ положеніе изображаетъ одинъ ученый итальянецъ, консерваторъ Вилляри: «Они живутъ на землѣ, обработываемой ими въ пользу владѣльцевъ; при этомъ они разлучены съ своими семьями, такъ какъ бываютъ въ деревнѣ только разъ въ двѣ-три недѣли. Помѣщаются они въ хатахъ, состоящихъ каждая изъ одной комнаты. Вдоль стѣнъ такой хаты устроены рядами нары, устланныя соломой и служащія постелями рабочимъ, которые спятъ, не раздѣваясь. Каждое утро, съ восходомъ солнца, управляющій раздаетъ имъ по черной, плоской лепешкѣ; затѣмъ они отправляются на работу, продолжающуюся до захода солнца; только въ 10 часовъ имъ даютъ получасовой отдыхъ, впродолженіи котораго они ѣдятъ свой хлѣбъ. Вечеромъ, по окончаніи работъ, управляющій разводитъ огонь въ хатѣ, чтобы вскипятить въ горшкѣ воду, въ которую всыпаетъ щепотку соли. Пока вода кипитъ, крестьяне, собранные въ кружокъ, разливаютъ ее въ деревянныя чашки, и эта вода, не рѣдко грязная, въ которую вливаютъ нѣсколько капель прогорклаго масла, играетъ роль супа и составляетъ ежедневную пищу несчастнаго крестьянина». Тотъ же ученый опредѣляетъ среднюю поденную плату, какую можетъ выработать рабочій за трудъ, продолжающійся отъ 12 до 14 часовъ, въ $36^1/_2$ сантимовъ; сверхъ платы имъ даютъ еще 50 литровъ ржи и иногда столько же бобовъ въ годъ. Тотъ же ученый, возмущенный описываемою имъ картиною бѣдственнаго положенія крестьянъ, восклицаетъ: «Тутъ уже само общество вкладываетъ ножъ въ руки убійцы. Если ребенокъ, получающій су въ день за верченіе колеса канатнаго мастера и принужденный спать между крысами, когда нибудь сдѣлается убійцей, не въ правѣ ли будетъ онъ сказать обществу: «Я убилъ потому только, что вы убили во мнѣ совѣсть».

Всѣ контракты и условія между земледѣльцемъ и землевладѣльцемъ клонятся на югѣ лишь къ тому, чтобы поставить крестьянина въ самое зависимое положеніе. Если послѣдній сдѣлаетъ какое нибудь улучшеніе на землѣ землевладѣльца, тотъ по крайней мѣрѣ одну треть его издержекъ вычитаетъ изъ его жалкой получки; въ большинствѣ случаевъ хозяинъ смотритъ на своего арендатора, какъ на крѣпостнаго: часто, когда тотъ еще не управился съ своимъ полемъ на арендуемомъ клочкѣ земли, землевладѣлецъ заставляетъ его таскать въ своемъ домѣ воду и исполнять другія домашнія работы. И земледѣлецъ безпрекословно повинуется, такъ какъ иначе онъ останется безъ всякаго участка. Въ тѣ годы, когда выпадаютъ какія нибудь болѣзни на виноградники, хлѣбъ или плодовыя деревья, владѣлецъ даетъ ему сѣмена для посѣва по 25% въ годъ, затягивая его такимъ образомъ въ неоплатный долгъ.

Новые законы и новыя учрежденія соединеннаго королевства Италіи послужили крестьянину скорѣе во вредъ, чѣмъ въ пользу: заведенные хлѣбные запасные магазины и банки сдѣлались лишь новымъ орудіемъ къ угнетенію. Изъ магазиновъ хлѣбъ, а изъ банковъ деньги забираютъ помѣщики, и то и другое отдаютъ поселянамъ подъ страшный процентъ въ свою же пользу.

Провинціальная и сельская администрація—въ рукахъ владѣльцевъ; отъ нихъ же зависитъ и выборъ депутатовъ. Крестьянинъ рѣдко обратится къ суду, если даже землевладѣлецъ явно обидѣлъ его. Въ такихъ случаяхъ дѣло тянутъ такъ долго, какъ

будто выжидаютъ, чтобы отчаяніе и горе вынудили крестьянина сдѣлаться бандитомъ. Понятно, какую ненависть питаютъ крестьяне къ землевладѣльцамъ. Вотъ почему также они всегда оказываютъ такую поддержку разбойникамъ; мало того, въ глазахъ народа, великодушный къ бѣдняку разбойникъ является въ ореолѣ какого-то геройскаго величія.

Способы хозяйства и аренды въ Сициліи тоже различны, но самый распространенный классъ среди сицилійскаго крестьянства—поденщики. Желающихъ получить поденную работу обыкновенно вдвое болѣе, чѣмъ это требуется. Съ ранняго утра стоятъ они толпами на городскихъ рынкахъ, ожидая нанимателей. Если идетъ дождь, изъ собравшейся толпы едва нанимаютъ осьмую часть, и многимъ изъ нихъ приходится иногда по нѣскольку дней сряду проводить на рынкѣ, ожидая нанимателей. Такъ какъ земледѣльческое населеніе въ Сициліи скучено въ городахъ, то мѣсто работы обыкновенно находится очень далеко отъ рынка, и при мизерномъ заработкѣ имъ еще приходится вставать очень рано, чтобы во время поспѣть на работу. Многихъ однако нанимаютъ и понедѣльно; такіе рабочіе и ночуютъ на мѣстѣ работы, въ большинствѣ случаевъ въ шалашахъ изъ соломы и вѣтвей, а нерѣдко и подъ открытымъ небомъ. Высчитано, что въ среднемъ каждый рабочій остается безъ работы отъ 100 до 120 дней въ году. Въ такіе дни ему приходится занимать у ростовщиковъ, уплачивая имъ отъ 25 до 50 процентовъ, чѣмъ тутъ также пользуются многіе землевладѣльцы.

Стачки здѣсь явленіе очень рѣдкое: слишкомъ много бѣдняковъ, чтобы они могли отказываться отъ работы, когда ее предлагаютъ даже на самыхъ возмутительныхъ условіяхъ. Вмѣсто этого во всей Италіи практикуется другое средство—эмиграція; болѣе всего выселяются въ Египетъ, Тунисъ и Алжиръ. Въ 1870 г. выселилось 110.458 человѣкъ. Съ этихъ поръ цифра эта увеличивается каждый годъ, и черезъ три года, а именно въ 1873 году, число эмигрантовъ превышало уже 151 тысячу. Эмиграція во всей Италіи такъ увеличилась за послѣднее время, что если бы правительство не приняло мѣръ противъ уклоненія молодыхъ людей отъ рекрутской повинности, то нѣкоторыя мѣстности должны были бы совсѣмъ обезлюдѣть и остались бы только самые бѣдные поселяне. Бѣдность на югѣ идетъ рука объ руку съ крайнимъ невѣжествомъ; послѣднимъ особенно отличаются крестьяне въ Сициліи: въ 1871 году на 100 человѣкъ приходилось 87 неграмотныхъ.

Высчитано, что изъ 27 милліоновъ всего населенія Италіи 22 милліона лишены собственности; такимъ образомъ вся Италія принадлежитъ 5 милліонамъ собственниковъ.

Въ болѣе счастливомъ положеніи находятся тѣ крестьяне, которые отдаютъ свой трудъ не исключительно землѣ, а когда они въ тоже время и какіе нибудь мастера: кузнецы, портные, столяры, плотники. Въ тяжелыя годины, когда случится болѣзнь оливокъ или винограда, что здѣсь бываетъ не рѣдко, этихъ людей поддерживаетъ ихъ ремесло. Нѣсколько лучше положеніе народа также тамъ, гдѣ жирныя пастбища даютъ возможность выдѣлывать сыръ и гдѣ для этого соединяется нѣсколько крестьянскихъ семействъ. Иногда выручаетъ шелковое производство, такъ какъ въ этомъ трудѣ могутъ помогать женщины и дѣти.

Не смотря однако на множество неблагопріятныхъ условій, земледѣліе тамъ, гдѣ это позволяютъ обстоятельства, на весьма высокой ступени развитія. Въ долинахъ Ломбардіи разводятъ множество винограда, шелковицы, маиса; тутъ превосходные луга, улучшенные орошеніемъ, удобреніемъ и разумнымъ выборомъ скота. Огородничество въ Тосканѣ и около Лукки и, наконецъ, садоводство около Неаполя — часто доведены до совершенства. Когда подумаешь о тяжести податей, о недостаточномъ школьномъ обра-

зованіи, а нерѣдко и о совершенномъ его отсутствіи, объ истощающей жарѣ, о вліяніи дурнаго воздуха, о множествѣ праздниковъ, о плохихъ путяхъ сообщенія, наконецъ о томъ, что участокъ, который обработываетъ крестьянинъ, большею частію не его собственность,—не мало подивишься прилежанію итальянскаго народа.

Крайне плохое экономическое положеніе народа въ Италіи заключается далеко не въ одномъ крупномъ землевладѣніи. Мы уже знаемъ, сколько бѣдствій причиняютъ ему изверженія и землетрясенія: все, что скопитъ человѣкъ путемъ долгихъ лишеній, его жилище, скотъ, все онъ нерѣдко теряетъ въ одну ночь, даже въ нѣсколько минутъ. Самая земля, на которой произошли эти несчастія, часто дѣлается послѣ этого совсѣмъ негодною къ обработкѣ. Между тѣмъ и безъ того въ этой странѣ множество болотъ и негодныхъ мѣстностей, которыя распространяютъ всевозможныя эпидеміи и не даютъ возможности селиться на ней человѣку. Несчастный, который сегодня потерялъ все свое имущество, у котораго изъ подъ ногъ исчезла даже земля, въ другой странѣ могъ бы найти заработокъ на фабрикѣ, но въ Италіи промышленность развита въ высшей степени слабо и, сравнительно съ ея населеніемъ, даетъ заработокъ небольшому числу рукъ. Невѣжество создало въ Италіи рабство женщины въ буквальномъ смыслѣ этого слова и распространило относительно ея такіе дикіе первобытные предразсудки и понятія, которые не могли выработать изъ нея ни дѣятельной хозяйки, ни настоящей помощницы мужу, ни сообразительнаго существа, какъ французская женщина, которая при всякихъ обстоятельствахъ жизни найдется такъ или иначе весьма существенно пособить семейству. Наконецъ одна изъ главныхъ причинъ бѣдности народа—продолжительное господство въ странѣ духовенства и іезуитовъ, которые думали только о своихъ выгодахъ и совсѣмъ не заботились о благосостояніи народа.

Сѣверная Италія, Пьемонтъ, Ломбардія, Венеціанская область—страны по преимуществу сельско-хозяйственныя: тутъ много сѣютъ пшеницы, разводятъ фруктовыхъ деревьевъ, но болѣе всего *рисовыхъ плантацій*. Работа въ нихъ въ высшей степени тяжелая и нездоровая. Рисъ растетъ только на мокрой почвѣ, такъ что при уборкѣ его рабочимъ приходится стоять по щиколодку въ водѣ, дышать вредными болотистыми испареніями, подъ палящимъ солнечнымъ жаромъ въ 30 и болѣе градусовъ. Ни одинъ рабочій не уходитъ съ этой работы безъ страшной лихорадки, — многіе заболѣваютъ въ первый же день. Можно-бы было ожидать, что при такихъ обстоятельствахъ работа эта хорошо вознаграждается и даетъ возможность хотя порядочно питаться. На дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иначе. Во всей сѣверной Италіи рабочій питается исключительно кукурузой, никогда не употребляя въ пищу той пшеницы и того риса, которые онъ самъ воздѣлываетъ. За то кукуруза требуетъ отъ него мало ухода и даетъ хорошій урожай, но она доставляетъ крайне тяжелую, неудобоваримую, непитательную и часто даже ядовитую пищу. Зерна кукурузы сначала сушатъ, потомъ обращаютъ въ крупную муку, наливаютъ въ нее воды и дѣлаютъ родъ замазки, иногда жиже, иногда гуще,—это и есть знаменитая *полента* итальянца, которая въ большинствѣ случаевъ приготовляется даже безъ соли, такъ какъ она слишкомъ дорога для бѣднаго рабочаго. Понятно, какъ должна быть невкусна эта полента, но она составляетъ завтракъ, обѣдъ и ужинъ всего рабочаго класса сѣверной Италіи. При томъ кукуруза часто подвергается болѣзни, и отъ употребленія ея въ такое время въ народѣ появляется *пелагра*,—одинъ изъ самыхъ ужасныхъ недуговъ, при которомъ нервы доходятъ до такого возбужденія, что человѣкъ, подвергшійся ей, кончаетъ или полнымъ сумашествіемъ, или самоубійствомъ. Въ Ломбардіи болѣзнь эта значительно распространена. Сѣверная Ломбардія и Пьемонтъ производятъ вино въ огромномъ изобиліи, но рабочій не можетъ и думать о немъ, такъ какъ литръ его все же стоитъ не менѣе 40 сантимовъ. Пастбищъ въ Лом-

бардіи мало, поэтому и скота не много; для городовъ его пригоняютъ съ юга, но мясо здѣсь очень дорого; рабочіе, конечно, совсѣмъ не знаютъ его, довольствуясь по праздникамъ свинымъ саломъ, которое составляетъ у нихъ верхъ роскоши; понятно, что разъ мало скота, недостаточно и молока и другихъ его продуктовъ. Сыръ привозятъ изъ тѣхъ провинцій, въ которыхъ его производятъ, но онъ составляетъ здѣсь роскошь. Кромѣ кукурузы народъ ѣстъ еще фрукты, а въ Пьемонтѣ каштаны. Кортофель же и огородныя овощи мало употребляютъ. Не мудрено при этомъ, что эмигрирующіе въ Бразилію на всѣ предостереженія отвѣчаютъ: «хуже не будетъ».

О пищѣ южно-итальянскаго простонародья большинство составило себѣ понятіе, что онъ обыкновенно ѣстъ макароны; но эту роскошь онъ позволяетъ себѣ только по большимъ праздникамъ, точно такъ же, какъ и козлятину; болѣе всего онъ употребляетъ бобы и *pizz*у—лепешку изъ тѣста на оливковомъ маслѣ и съ чеснокомъ. Большинство проглатываетъ нѣсколько сырыхъ морскихъ пауковъ и для разнообразія закусываетъ вареными. Не только вино, но и вода достается здѣсь не безъ труда. Въ мѣстечкѣ Санъ-Бартоломео, главномъ въ цѣломъ округѣ провинціи Беневентской, колодезь принадлежитъ барону, который запираетъ его; вода же выдается изъ общественной цистерны, отворямой лѣтомъ только въ извѣстные часы; въ сухіе годы она изсякаетъ, и тогда приходится ждать милости барона. Когда въ 1870 г. итальянскіе волонтеры были съ Гарибальди во Франціи, они не могли достаточно надивиться богатству французскихъ крестьянъ, которые всѣ, даже бѣднѣйшіе, имѣютъ кровати съ постелями, что для итальянца всегда составляетъ предметъ зависти.

Шелководство существуетъ въ Италіи еще съ среднихъ вѣковъ. Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ нашего столѣтія, съ установленіемъ правильныхъ сношеній съ Японіей, оно получило на нѣкоторое время новое развитіе, послѣ извѣстнаго періода упадка, зависѣвшаго отъ распространившейся на европейскихъ червяхъ болѣзни. Этимъ производствомъ занимаются въ Италіи въ большихъ размѣрахъ капиталисты, но по простотѣ дѣла имъ могутъ заниматься у себя дома и крестьяне. Для этого стоитъ только купить небольшое количество сѣмени, которое продается картонами, т. е. кусками папки, которыя покрыты яичками червя. Такой картонъ, смотря по количеству сѣмени, стоитъ 50 франковъ и дороже, но можно купить полъ, четверть и даже восьмую часть картона, стало быть денежная затрата очень не велика. Затѣмъ необходимо имѣть тутовыя деревья, которыя обыкновенно растутъ у домовъ и по всѣмъ дорогамъ и полямъ. Если своихъ тутовыхъ деревьевъ нѣтъ или не хватаетъ для прокормленія шелковичныхъ червей, то ихъ надо нанимать, что обходится въ 1 франкъ за дерево. Это составляетъ приблизительно такой же расходъ, какъ и на сѣмя. Черви выходятъ въ началѣ апрѣля, когда начинаютъ распускаться листья, и въ первое время, пока они очень малы, они требуютъ мало мѣста и ухода. Но уже съ третьей недѣли, при непомѣрно быстромъ ростѣ ихъ и такомъ же быстромъ увеличеніи аппетита, начинается тяжелый трудъ. Въ послѣднихъ періодахъ своего развитія черви требуютъ для себя много мѣста, такъ что для хорошаго вывода одного только картона червей нужна большая комната. По стѣнамъ ея устраиваютъ плетеныя полки, на которыхъ и помѣщаютъ червей. Съ каждымъ днемъ приходится все чаще кормить червей и при этомъ каждый разъ все больше приносить имъ тутовыхъ листьевъ. Если былъ дождь, ихъ необходимо просушить, и кромѣ того еще каждый изъ нихъ тщательно вытереть, прежде чѣмъ подавать ихъ червямъ. Въ послѣднемъ періодѣ жизни червей ихъ нужно кормить съ 4-хъ часовъ утра до полуночи, каждые два, три часа. При этомъ нужно постоянно поддерживать во всѣхъ отношеніяхъ идеальную чистоту въ помѣщеніи, гдѣ ихъ приходится держать. Нѣсколько разъ въ день нужно чистить ихъ полки самымъ тщательнымъ образомъ, такъ

какъ на нихъ безпрестанно накопляются экскременты червей. Помѣщеніе, гдѣ они развиваются, не только должно быть просторно, но и провѣтриваемо, какъ можно чаще; въ случаѣ холодной погоды, которая въ сѣверной Италіи не рѣдкость даже въ маѣ, въ комнатѣ приходится топить каминъ. Когда, наконецъ, черви начинаютъ дѣлать коконы, надо подкладывать имъ вѣтки и стружки, тщательно наблюдая, чтобы они не перепутывали своихъ нитей. Все это, конечно, такъ и дѣлается у капиталистовъ, занимающихся этимъ производствомъ въ обширныхъ размѣрахъ. Для ухода за червями они нанимаютъ женщинъ и дѣтей: первыя ходятъ за ними, а вторыя собираютъ и приготовляютъ листья. Самая большая плата за это женщинамъ считается по франку въ день, а дѣтямъ по 50 сантимовъ; но этою работою онѣ заняты отъ 4-хъ часовъ утра до полуночи. При надлежащемъ уходѣ за червями производство чрезвычайно выгодно, особенно если есть свои тутовыя рощи и своя шелкопрядильня, такъ что продукты сбываются уже въ видѣ сырца, а не въ видѣ коконовъ. Еще выгоднѣе производить сѣмя, не смотря на большой привозъ его изъ Японіи. Сѣмя, полученное въ Италіи, даетъ червей болѣе выносливыхъ, а коконы изъ него крупнѣе и тяжелѣе (желтые и бѣлые) зеленыхъ японскихъ. Но это работа очень трудная, продолжительная и требующая спеціальныхъ знаній, такъ какъ, чтобы опредѣлить, какого качества сѣмя, его нужно разсматривать въ микроскопъ. Картоны извѣстныхъ добросовѣстныхъ итальянскихъ производителей цѣнятся дороже даже японскихъ.

Крестьяне конечно не могутъ вести дѣло вышеописаннымъ образомъ. Воспитаніемъ червей въ крестьянскихъ семьяхъ преимущественно занимаются женщины. Купивъ небольшую часть картона, смотря по своимъ средствамъ, крестьянка выводитъ и содержитъ червей въ своей собственной постелѣ и въ постеляхъ своихъ домашнихъ, въ тѣснотѣ и духотѣ, при чемъ конечно дѣлаетъ все сама, съ помощью своихъ маленькихъ дѣтей. Если все идетъ благополучно и цѣна на коконы высока, она, при незначительной затратѣ, за двухмѣсячный трудъ получитъ до двухъ сотъ франковъ. Но доходъ этотъ въ высшей степени ненадежный, такъ какъ при духотѣ и нечистотѣ жилища крестьянки, при неудобномъ помѣщеніи червей, они обыкновенно заболѣваютъ и умираютъ, при томъ всегда почти въ концѣ своего развитія, такъ что весь тяжелый, изнурительный трудъ, двухмѣсячное стѣсненіе и лишенія всего семейства, все пропадаетъ даромъ. Обыкновенно даже и на небольшую затрату сѣмени у крестьянъ не хватаетъ денегъ, и они обращаются къ господамъ, которые даютъ имъ извѣстное количество картона. Когда выйдутъ черви, крестьянинъ долженъ покупать у владѣльца тутовые листья для ихъ прокормленія, за условленную въ контрактѣ плату; когда у него будутъ коконы, онъ долженъ будетъ ихъ продать по условленной цѣнѣ владѣльцу. Нужно однако замѣтить, что шелководство въ Италіи въ послѣднее время пришло въ упадокъ отъ пониженія цѣнъ на шелкъ, такъ что многіе производители прекратили его, и нѣкоторые даже повырубили свои тутовыя плантаціи и замѣнили ихъ другими.

Кромѣ шелководства множество итальянцевъ заработываютъ свой насущный хлѣбъ *сборомъ винограда*,—самая легкая сравнительно со всѣми остальными работа и чрезвычайно любимая народомъ. Но къ сожалѣнію этою работою занимаются только нѣсколько дней въ году.

Виноградники въ Италіи, мало походятъ на рейнскіе, мозельскіе и аарскіе. Длинные ряды виноградныхъ лозъ спускаются съ холмовъ въ долину и опираются на тростниковыя подпорки или навѣшаны на палки, положенныя на вѣтви деревьевъ. Между рядами виноградныхъ лозъ сѣютъ пшеницу и маисъ. Тутъ же стройно и граціозно возвышается миндальное дерево, которое начинаетъ цвѣсти самою раннею весною. Не менѣе живописно оливковое дерево, съ своимъ растрескавшимся стволомъ, сѣрою корою

и тонкими листьями, которые, при перемѣнѣ свѣта или при легкомъ дуновеніи вѣтерка, отливаютъ то серебромъ, то темною бронзою. Между рядами виноградныхъ лозъ насажены многія плодовыя деревья. Виноградная лоза въ южной Италіи часто вьется очень высоко на верху по деревьямъ, поэтому при сборѣ гроздъ приходится приносить лѣстницы. Работа эта идетъ живо и весело. Собранныя грозды безъ разбора прямо бросаютъ въ чаны. Затѣмъ одинъ или два крестьянина снимаютъ съ ногъ свою обувь, засучиваютъ штаны до колѣнъ, вскакиваютъ въ чаны и, упирая руки въ боки, начинаютъ топтать виноградъ. Сокъ течетъ ручьями по желобу, сдѣланному въ днѣ чана, и стекаетъ въ большую кадку. Когда одна пара работниковъ устала, ее замѣняетъ другая. Изъ сока, выдавленнаго такимъ образомъ, получается вино перваго сорта; выжимки никогда не выбрасываютъ: на нихъ снова наливаютъ воду и выдавливаютъ ихъ деревяннымъ прессомъ. Вода, перебродившая на виноградныхъ выжимкахъ, называется здѣсь виномъ втораго сорта. Сокъ, выдавленный изъ винограда, бродитъ нѣсколько недѣль въ закрытыхъ чанахъ. Черезъ мѣсяца два его уже можно пить, но это вино еще молодо; только къ новому году оно настолько выбродитъ, что можетъ считаться уже готовымъ.

Въ южной Италіи такой же временный заработокъ составляетъ *сборъ оливокъ, лимоновъ* и *апельсиновъ*. Такъ какъ у тамошнихъ богатыхъ землевладѣльцевъ существуютъ цѣлые лѣса оливокъ, то для время сбора ихъ нанимаютъ сразу жителей нѣсколькихъ деревень. Этотъ сборъ обставленъ со стороны помѣщиковъ очень оригинально и служитъ лучшимъ доказательствомъ съ одной стороны крайней бѣдности народа, съ другой — смѣлости и дерзости разбойниковъ. Сборъ лимоновъ, апельсиновъ и оливокъ происходитъ подъ наблюденіемъ прикащиковъ и подъ охраной нарочно приглашенныхъ для этого карабинеровъ. Во время этой работы разбойники, пользуясь тѣмъ, что всѣ прилежно заняты сборомъ, нападаютъ на кассу, въ которой находится рабочая плата, и поэтому карабинерамъ цѣлымъ отрядомъ приходится ее защищать.

Въ Апуліи и въ Римской Кампаньѣ, гдѣ на огромныхъ незаселенныхъ пространствахъ пасутся стада почти дикихъ быковъ и овецъ, принадлежащихъ богатымъ владѣльцамъ этихъ полей, рабочее населеніе, скученное въ рѣдкихъ мѣстечкахъ, ведетъ, можно сказать, кочевой, пастушескій образъ жизни. Верхомъ, съ длинной пикой въ рукѣ, бродятъ эти пастухи съ своими стадами, ночуя въ шалашахъ изъ хвороста и по цѣлымъ мѣсяцамъ не заглядывая въ отдаленныя мѣстечки, гдѣ живутъ ихъ семьи. Довольно характерно, что въ этихъ странахъ, почти исключительно скотоводческихъ, совершенно неизвѣстно употребленіе въ пищу молока и молочныхъ продуктовъ. Коровы такъ дики, что ихъ нельзя доить, и доходъ съ рогатаго скота получается отъ *продажи стадъ гуртовщикамъ*, которые въ извѣстное время пріѣзжаютъ для этого изъ городовъ и другихъ провинцій.

Значительная часть итальянскаго населенія снискиваетъ себѣ *пропитаніе въ морѣ*, особенно въ южной и восточной части Италіи, на берегахъ Неаполитанскаго и Тарентскаго заливовъ и Адріатическаго моря, богатыхъ рыбой, устрицами и другими съѣдобными моллюсками.

Такъ какъ мы уже раньше говорили о жизни рыбаковъ въ различныхъ мѣстностяхъ, то и не будемъ здѣсь объ этомъ распространяться, скажемъ только, что гдѣ бы ни жилъ этотъ людъ, онъ вездѣ въ Италіи является жалкимъ, оборваннымъ, съ ногами объѣденными морской водой. Отъ времени до времени всѣ рыбаки подвергаются голодовкамъ во время сильныхъ вѣтровъ съ моря, не позволяющихъ имъ заниматься своимъ промысломъ. Заработокъ ихъ чрезвычайно ничтоженъ, съ одной стороны вслѣдствіе дешевизны въ Италіи рыбы и морскихъ фруктовъ, но еще болѣе вслѣдствіе льви-

ной доли, которую взимаютъ съ нихъ торговцы, перепродающіе ихъ добычу публикѣ. Не смотря однако на все это, положеніе людей, промышляющихъ моремъ, неизмѣримо лучше положенія сельскихъ рабочихъ, такъ какъ они имѣютъ болѣе питательную пищу и ведутъ болѣе здоровый образъ жизни. Между морскими промыслами существуютъ такіе, которые даютъ значительный заработокъ, но онп всегда сопряжены съ смертельными опасностями и въ высшей степени губительны для здоровья. Такова напр. *ловля кораллов*ъ.

Ловля кораллов производится главнымъ образомъ въ Мессинскомъ заливѣ и у Африканскаго берега. Въ высшей степени оригинально то, что этого рода промысломъ занимаются здѣсь французскія компаніи, но рабочіе у нихъ непремѣнно итальянцы, потому что во Франціи нельзя найти людей, которые согласились бы за такую ничтожную плату заниматься такимъ тяжелымъ ремесломъ. Кораллы ловятъ машинами, но такъ какъ онѣ ломаютъ и портятъ ихъ, то предпочитаютъ трудъ водолазовъ, ручная работа которыхъ доставляетъ лучшіе и самые крупные куски. Когда большое водное пространство уже пройдено водолазами и все лучшее собрано ими, тогда пускаютъ въ ходъ машину. Но, не говоря уже объ опасности отъ акулъ, особенно многочисленныхъ въ Мессинскомъ проливѣ, ремесло водолаза, вообще въ высшей степени тяжелое, тутъ къ тому же находится еще въ первобытномъ состояніи, слѣдовательно тѣмъ болѣе пагубно отражается на здоровьѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы, почти каждый здѣшній водолазъ заболѣваетъ разстройствомъ легкихъ и кровеносной системы и, почахнувъ нѣкоторое время, умираетъ.

Кораллы даютъ въ Италіи матеріалъ для значительной промышленности: изъ нихъ въ Неаполѣ и вообще на югѣ приготовляютъ издѣлія, точно также, какъ и изъ морской пѣнки и изъ лавы. Эти издѣлія идутъ въ большомъ количествѣ за границу, преимущественно на востокъ, но расходятся во множествѣ и въ самой Италіи. Кораллы, обработанные въ видѣ рога, кольца или руки, съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ и мизинцемъ, носятъ почти всѣ итальянцы отъ дурнаго глаза. Поэтому въ Италіи существуетъ множество такихъ издѣлій изъ коралла, въ высшей степени дешевыхъ. Но вообще итальянская отдѣлка коралловъ далеко не такъ изящна, какъ французская.

Фабричная промышленность Италіи, сравнительно съ промышленностью другихъ странъ Европы, совсѣмъ незначительна. Фабрикъ и заводовъ еще довольно много въ сѣверной Италіи, особенно въ Лигуріи, около Генуи, но на югѣ ихъ совсѣмъ мало. Положеніе фабричныхъ рабочихъ въ Италіи еще болѣе печально, чѣмъ въ остальной Европѣ: плату они получаютъ гораздо болѣе низкую, чѣмъ во Франціи, такъ какъ вообще трудъ цѣнится здѣсь сравнительно еще дешевлѣ. Стоитъ закрыться какой-нибудь маленькой фабрикѣ, чтобы привести въ отчаяніе все населеніе небольшаго мѣстечка, гдѣ она находится. И это понятно, потому что находить постоянную работу въ Италіи для рабочаго человѣка очень трудно, почти невозможно, особенно въ бывшей папской области, гдѣ промышленныхъ заведеній очень мало. Даже въ промышленной Ломбардіи всякое вакантное мѣсто на любой фабрикѣ тотчасъ привлекаетъ десятки рабочихъ, которые умоляютъ, за какую угодно цѣну, принять ихъ на фабрику, лишь бы спасти семейство отъ голодной смерти. Это съ одной стороны служитъ къ уменьшенію заработной платы, съ другой къ увеличенію алчности фабриканта. Многіе изъ нихъ завели обычай штрафовать работниковъ и преимущественно работницъ лишеніемъ работы на извѣстное время.

Положеніе дѣтей на фабрикахъ чрезвычайно плохо. Правительство наконецъ обратило на это свое вниманіе и составило законопроэктъ «о работѣ дѣтей на фабрикахъ и въ рудникахъ»; но этотъ законъ относится лишь къ немногимъ фабрикамъ; прочія же

фабрики и послѣ этой реформы остаются, по отношенію къ дѣтской работѣ въ нихъ, въ прежнемъ положеніи.

По новому закону на указанныхъ фабрикахъ и рудникахъ запрещается работать дѣтямъ, не достигши 15-ти лѣтняго возраста по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и совершенно запрещается работать дѣтямъ моложе 9-ти лѣтъ. Далѣе, работа для дѣтей 9—11 лѣтъ не должна продолжаться болѣе 8-ми часовъ, при часовомъ отдыхѣ, и болѣе 6-ти часовъ безъ отдыха; для 11 — 15 лѣтнихъ дѣтей работа будетъ ограничиваться двѣнадцатью часами, съ 2-хъ часовымъ отдыхомъ, и восемью часами во время ночи. Можно себѣ представить, сколько часовъ въ день работали итальянскіе дѣти, когда только теперь, и то на очень немногихъ фабрикахъ, законъ ограничиваетъ ихъ работу 12-ю часами въ сутки! Но и этотъ законъ не добрымъ словомъ былъ встрѣченъ тѣми семействами дѣтей, которыхъ онъ хотя нѣсколько оградилъ отъ преждевременной смерти. Этому нечего удивляться! При настоящемъ положеніи итальянской промыш ленности, вездѣ, гдѣ только возможно, на фабрикахъ и заводахъ стараются держать дѣтей для работы, и потому множество семействъ въ Италіи до сихъ поръ нерѣдко исключительно существовали заработкомъ своихъ маленькихъ дѣтей, плата которымъ была между 4 и 10 лирами въ мѣсяцъ (отъ 1 до $2^1/_2$ рублей).

Городское населеніе Италіи состоитъ большею частью не изъ рабочихъ ремесленниковъ и фабричныхъ, а изъ людей, промышляющихъ мелочной торговлею и неопредѣленными промыслами. Въ Неаполѣ и въ другихъ городахъ южной Италіи населеніе дѣлится на два рѣзко отличающіеся другъ отъ друга класса: *галантуомо* — порядочные люди и *ладзарони*. При имени ладзарони мы непремѣнно вспоминаемъ какихъ то живописныхъ праздношатающихся, которые валяются на солнцѣ, ѣдятъ макароны и выпрашиваютъ подачку. Ладзарони очень рѣдко ѣдятъ макароны,—на это у нихъ не хватаетъ денегъ, а если они иногда и разживутся нѣсколькими копѣйками, чтобы купить ихъ, то кушанье это до такой степени неприглядно, что на него лучше и не смотрѣть; валяются же они на мостовой обыкновенно потому, что не могутъ найти для себя работы.

Каждый, одѣтый здѣсь въ общеевропейскій костюмъ, въ приличномъ бѣльѣ и галстукѣ, въ сапогахъ и шляпѣ — галантуомо. Предполагается, что такой человѣкъ собственникъ, живетъ своимъ доходомъ или занимается либеральной профессіей: докторъ, адвокатъ, профессоръ или кто-нибудь въ этомъ родѣ. Напротивъ, всякій занимающійся трудомъ физическимъ—ладзарони, и отличается простонароднымъ костюмомъ. Костюмъ этотъ, въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ рубашки, панталонъ и куртки, не одѣтой въ рукава, а накинутой на плечо; но бываютъ и значительныя упрощенія этого костюма. Босыя ноги — явленіе обыкновенное. Куртка часто замѣняется кускомъ парусины, мѣшкомъ, иногда даже овечьей шкурою. Во всемъ этомъ очень мало національнаго и гораздо болѣе общенищенскаго.

Подъ общимъ именемъ ладзарони въ Неаполѣ подразумѣваются факины (носильщики), извощики, рыбаки, продавцы молока, парикмахеры, цирюльники, продавцы воды, каштановъ, фруктовъ, сыра, улитокъ (маруцары), зеленьщики, торговцы простою деревянною обувью, прачки, одним словомъ простой народъ. Галантуомини далеко не балуютъ ладзарони. Недавно во Флоренціи и Неаполѣ извощики обратились къ городскимъ муниципалитетамъ съ странною, по видимому, просьбой—сбавить таксу съ 70 сантимовъ на 50. Причина этого та, что галантуомини, не взирая на таксу, не только никогда не платили болѣе 50 сантимовъ за самый длинный конецъ, а обыкновенно и гораздо менѣе, такъ что извощикамъ было бы выгоднѣе, если бы разъ на всегда имъ полагалось по 50 сантимовъ.

Заработокъ во всѣхъ мелочныхъ ремеслахъ: угольщика, продавца воды, молока

и т. п.—70—75 сантимовъ въ день. Но въ нѣкоторыхъ промыслахъ этотъ заработокъ доходитъ до баснословно малыхъ размѣровъ. Такъ какъ въ Италіи чрезвычайно много курятъ, то очень распространено *спичечное производство*. Въ Туринѣ напр. и двухъ окрестныхъ мѣстечкахъ—три огромныя спичечныя фабрики, и нѣтъ ни одного значительнаго города, гдѣ бы не было своей большой фабрики. Спички превосходнаго качества и въ очень красивыхъ коробочкахъ очень дешево продаются въ лавкахъ; но кромѣ того уличной продажею ихъ живетъ множество бѣдняковъ. На вопросъ о цѣнѣ, эти спичечные торговцы обыкновенно отвѣчаютъ: «что пожалуете». Конечно галантуамини пользуются этимъ и покупаютъ 1,000 восковыхъ спичекъ за 15 сантимовъ. Спрашивается, сколько же можетъ выручить барыша такой торговецъ?

Другой примѣръ: люди, занимающіеся *соломенными работами*, работая въ день 18 часовъ, выручаютъ 60 сантимовъ въ день, но они, кромѣ труда, обязаны еще на эти деньги сами покупать матеріалъ, который обходится въ половину этой цѣны,—такимъ образомъ ихъ заработокъ не превышаетъ 30 сантимовъ въ день.

Сообразно съ своимъ заработкомъ и живутъ всѣ эти бѣдняки. Когда, по присоединеніи Неаполя къ Итальянскому королевству, обратили вниманіе на положеніе низшихъ классовъ, въ немъ оказалось цѣлое населеніе троглодитовъ, т. е. людей, живущихъ въ пещерахъ и подъ землею. Въ этихъ пещерахъ бѣдняки жили съ своими ослами и козами. Было сдѣлано распоряженіе изгнать ихъ оттуда и для помѣщенія отведены были подвалы, за которые они должны были платить очень дорого, сравнительно съ своимъ заработкомъ. И въ подвалахъ теперешнихъ этотъ людъ, занимающійся мелкою промышленностью въ городахъ, живетъ не лучше: въ каждомъ закоулкѣ спитъ столько народа, сколько возможно помѣстить людей одинъ возлѣ другаго; пройти по такой комнатѣ, когда всѣ улеглись спать, невозможно; отхожимъ мѣстомъ нерѣдко служитъ тутъ же гдѣ нибудь въ уголку особая яма.

Пища, какъ мы видѣли, соотвѣтствуетъ помѣщенію. Въ Италіи существуетъ не малое количество профессій, гдѣ возможность ѣсть зависитъ отъ случая. Маруцаръ—улиточникъ собираетъ улитки и уговаривается съ трактирщикомъ, который въ началѣ недѣли беретъ лотерейный билетъ, стоющій нѣсколько копѣекъ. При этомъ они заключаютъ такое условіе, что если въ субботу выиграетъ который нибудь изъ №№ отъ 41 до 90, то маруцаръ получаетъ плату за своихъ улитокъ; если-же выигрываютъ №№ 1—40, то не получаетъ никакой платы; за то въ случаѣ выигрыша билета, онъ получаетъ не только плату за улитокъ, но и извѣстную долю отъ продажи. Вообще лотереи составляютъ одну изъ важныхъ причинъ разоренія итальянскаго рабочаго класса.

Когда г-жа Маріо Вайтъ, а за нею и другіе начали раскрывать ужасное положеніе низшихъ классовъ въ Италіи, въ большей части итальянской печати раздались противъ нея жестокіе упреки. Такъ какъ г-жа Вайтъ не итальянка, а англичанка, вышедшая замужъ за итальянца, то во всѣхъ возраженіяхъ ей указывали на извѣстную всѣмъ нищету англійскихъ, а особенно лондонскихъ пролетаріевъ, намекая, что ей не мѣшало бы заняться положеніемъ не чужихъ, а своихъ собственныхъ бѣдняковъ. Эта полемика побудила извѣстнаго итальянскаго публициста Виллари, основательно изучившаго положеніе бѣдныхъ классовъ Италіи, предпринять путешествіе въ Лондонъ нарочно, чтобы сравнить тамошній пауперизмъ съ отечественнымъ. Результатомъ его долгихъ и тщательныхъ изслѣдованій было убѣжденіе, высказанное имъ въ своей книгѣ, что англійскіе пролетаріи живутъ несравненно лучше, чище, ѣдятъ больше и пользуются гораздо большею независимостью, чѣмъ итальянскіе. Самый несчастный бѣднякъ въ Лондонѣ, говоритъ онъ, не можетъ и представить себѣ ничего подобнаго существованію неаполитанскаго троглодита (жителя пещеръ) или подвальнаго обитателя. Свои слова онъ под-

тверждаетъ много разъ въ послѣднее время провѣренными статистическими данными. Да это и понятно, потому что, по климатическимъ условіямъ, крайній предѣлъ лишеній, которыя можетъ выносить человѣческая природа, не подвергаясь моментальной гибели, въ Италіи и особенно въ южной ея части, разумѣется гораздо ниже, чѣмъ въ Лондонѣ, между тѣмъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, обстоятельства доводятъ населеніе до этого крайняго предѣла. Особенно въ послѣдніе два-три года населеніе дошло до совершеннаго обнищанія. Множество лучшихъ и наиболѣе зажиточныхъ работниковъ не могли уплатить податей, и ихъ, т. е. подати, пришлось собирать не иначе, какъ при помощи карабинеровъ. Доведенные до совершеннаго отчаянія, рабочіе нерѣдко хватали оружіе, чтобъ защитить свою собственность отъ чиновниковъ; дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что съ той и другой стороны пускали въ ходъ штыки и огнестрѣльное оружіе, и несчастный рабочій, потерявъ послѣднее достояніе, раненный карабинерами, еще подвергался суду за возмущеніе противъ власти. Эти факты стали такъ часты въ послѣднее время, что теперь во многія мѣстности приходится отправлять войска при сборѣ податей.

Вслѣдствіе дурнаго состоянія финансовъ, цѣна деньгамъ страшно падаетъ, а слѣдствіемъ этого упадка цѣнности денегъ является постоянно увеличивающаяся дороговизна жизни, которая вмѣстѣ съ тяжестію налоговъ совершенно разоряетъ рабочій классъ. Хотя подробныя статистическія работы, относящіяся къ положенію рабочаго класса въ Италіи, были сдѣланы только къ самое послѣднее время, однако язва пауперизма была всегда чувствительна. Еще въ средніе вѣка и при испанскомъ владычествѣ въ Неаполѣ періодически вспыхивали возстанія голодающихъ ладзарони, вызываемыя налогами; этотъ нищенскій народъ никогда не могъ вынести ни малѣйшаго возвышенія цѣнъ на немногочисленные предметы своего потребленія.

Итальянскія правительства, а главное многочисленное и богатое духовенство всегда стремились филантропическими мѣрами примирить народъ съ собою и съ его жалкимъ положеніемъ. Попытки эти дѣлались не только въ очень широкихъ, но даже можно сказать въ грандіозныхъ размѣрахъ. Въ настоящее время въ Италіи существуетъ болѣе 20,000 благотворительныхъ заведеній, капиталъ которыхъ въ общей сложности простирается до милліарда 120 милліоновъ съ доходомъ въ 85 милліоновъ. Къ сожалѣнію, помощь, оказываемая ими, совершенно ничтожна. Въ Неаполѣ главное изъ этихъ заведеній—*Королевскій Пріютъ* для бѣдныхъ, который располагаетъ бюджетомъ въ полтора милліона фр., содержитъ 2,700 бѣдняковъ въ такихъ ужасныхъ условіяхъ, что народъ смотритъ на жизнь въ немъ, какъ на что-то въ родѣ тюремнаго заключенія, и называетъ пріютъ «звѣринцемъ». Изъ устава пріюта мы узнаемъ, что смотрителямъ предоставлена надъ жильцами такая же безусловная власть, какъ тюремщикамъ надъ арестантами. По одной статьѣ устава «жилецъ, подвергнутый наказанію, которое онъ считаетъ несправедливымъ, не долженъ дѣлать возраженій наказывающему, а можетъ обращаться къ высшей власти по статьѣ 32». А эта 32 статья гласитъ, что можно жаловаться только на несправедливыя наказанія; доказать же несправедливость наказанія нѣтъ никакой возможности. Чтобы понять, куда, въ чью пользу обращаются огромныя суммы доходовъ этихъ заведеній, достаточно указать, что на 2,700 заключенныхъ (другаго имени имъ нельзя дать) при Королевскомъ Пріютѣ находится 708 служащихъ и 33 священника.

Такое жалкое положеніе народа породило въ Италіи множество тайныхъ и явныхъ обществъ бандитовъ и мошенниковъ разнаго рода. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать *каморру*. Это—тайная ассоціація, представляющая собой организованное бандитство. Подъ угрозой смерти каморристы облагаютъ въ свою пользу податями землевладѣльцевъ, капиталистовъ, купцовъ, отъ самыхъ первыхъ богачей и аристо-

кратовъ Неаполитанскаго королевства и Сициліи до послѣдней базарной торговки, требуя извѣстной пошлины со всѣхъ доходовъ, сдѣлокъ, продажъ и проч.

Каморра образовалась еще при испанскомъ владычествѣ. Впослѣдствіи при Бурбонахъ и при Папѣ правительство было исключительно занято борьбой противъ политическихъ и религіозныхъ идей, несогласныхъ съ существующимъ порядкомъ, и каморра была тогда въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Участіе въ ней было такъ выгодно, что она привлекала къ себѣ и галантуомовъ, которые, если не имѣли обезпеченнаго дохода, находили для себя гораздо болѣе выгоднымъ жить въ качествѣ каморристовъ на готовыя средства, чѣмъ зарабатывать ихъ. Съ другой стороны, участіе въ каморрѣ людей высшаго общества, прокутившихся маркизовъ, чиновниковъ, адвокатовъ и даже духовныхъ лицъ, расширяло кругъ ея дѣятельности, доставляло ей полезныхъ агентовъ и увеличивало еще болѣе ея средства. Когда нынѣшнее правительство принялось строго преслѣдовать каморристовъ, то въ Сициліи напримѣръ оказалось, что къ нимъ принадлежатъ вся высшая администрація, полиція и судъ. Хотя эти преслѣдованія дѣйствительно ослабили каморру, но уничтоженной ее далеко нельзя считать и теперь, потому что организація ея слишкомъ сильна и многочисленна; при этомъ люди, даже страдающіе отъ каморристовъ, страшно боятся ихъ и даже въ настоящую минуту не смѣютъ и думать идти жаловаться на нихъ. Дѣятельность каморры очень проста. Человѣкъ иногда обращается къ адвокату, и вдругъ оказывается, что этотъ адвокатъ самъ каморристъ. Когда послѣдній узналъ денежныя дѣла своего кліента, его доходы, обороты, все дѣлается извѣстно каморрѣ, и обратившійся къ адвокату вскорѣ получаетъ приглашеніе внести въ пользу каморры извѣстный процентъ. Нерѣдко торговецъ, успѣвшій продать на 2, на 3 франка своего товара, видитъ подходящаго къ нему весьма прилично одѣтаго галантуомо, который рѣшительно заявляетъ ему желаніе получить извѣстный процентъ. Торговецъ и не подумаетъ сопротивляться, такъ какъ онъ увѣренъ, что въ противномъ случаѣ его завтра же ждетъ смерть или разореніе отъ нападенія тайныхъ бандитовъ.

Каморристы не имѣютъ ничего общаго ни съ какими политическими партіями. При Бурбонахъ, въ революціонныхъ движеніяхъ—каморристы всегда поддерживали королевскую власть, при которой имъ жилось хорошо; они помогали также королю въ ниспроверженіи конституціи 1848 года, и ненавидятъ только нынѣшнее правительство, такъ какъ оно ихъ преслѣдуетъ. Съ другой стороны, прежнее правительство, чтобы скомпрометировать соціалистовъ карбонаровъ и другихъ революціонеровъ, нарочно смѣшивали ихъ съ каморристами. Но послѣдніе сами опровергаютъ это въ своей пѣснѣ: «мы не карбонары и не роялисты, а каморристы; намъ... на тѣхъ и на этихъ...» *).

Кромѣ ассоціацій каммористовъ, которыя, какъ мы видѣли, ничто иное, какъ тайные бандиты, южная Италія наполнена шайками явныхъ бандитовъ. Народъ ненавидитъ каморристовъ и выказываетъ полное сочувствіе явнымъ бандитамъ. И это понятно: въ каморристы идутъ люди разныхъ сословій, обыкновенно изъ лѣни, желая, ничего не дѣлая, хорошо пожить на чужой счетъ; они грабятъ и богатыхъ, и бѣдныхъ, всѣхъ безъ разбору, и сами проматываютъ награбленное. Въ бандиты народъ идетъ тогда, когда онъ совершенно разоренъ землевладѣльцемъ или обнищалъ и запутался въ дѣлахъ, не имѣя возможности долго найти себѣ какую нибудь работу. Доведенный отчаяніемъ до

---

*) Nuje nun simmo cravunari
Nuje nun simmo rialisti,
Ma facimmo i cammurristi,
Iammo n'.... a chille e a chisti.

бандитства, такой человѣкъ никогда не грабитъ простолюдина, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ дѣлится съ нимъ награбленнымъ. Онъ еще болѣе чѣмъ прежде ненавидитъ собственниковъ, поджигаетъ его домъ, крадетъ его скотъ, хватаетъ, если можно, и его самого и выпускаетъ только за большой выкупъ. Большинство ихъ пользуется общимъ сочувствіемъ народа: никто изъ нихъ не донесетъ на бандитовъ, не будетъ свидѣтельствовать противъ нихъ. Жители деревни, по которой они проходятъ, снабжаютъ ихъ провизіей, пастухи приносятъ имъ молоко, предупреждаютъ ихъ объ опасности и обманываютъ преслѣдующихъ ихъ карабинеровъ. Итальянскіе разбойники рѣдко убиваютъ своего плѣнника и дѣлаютъ это лишь въ томъ случаѣ, если они ужъ раньше были имъ оскорблены. Конечно, очень многіе, проблродивъ въ горахъ нѣсколько лѣтъ, дѣлаются настоящими разбойниками, но большинство, если поможетъ случай получить честную работу, опять становятся мирными гражданами. Вступая въ шайку, бандитъ, если только онъ былъ набожнымъ, становится еще религіознѣе. Итальянскіе разбойники чрезвычайно усердно молятся Богу, даютъ обѣты Богородицѣ и своему спеціальному патрону, обѣщаютъ часть добычи, и, въ случаѣ удачи, дѣйствительно набожно ее приносятъ къ алтарю. Всѣ они въ высшей степени суевѣрны, носятъ множество амулетовъ, а нѣкоторые дѣлаютъ даже надрѣзъ на груди и рукахъ и вводятъ туда частицу святыхъ даровъ; они надѣются такимъ образомъ, что пуля ихъ пріобрѣтетъ смертельную силу противъ всякаго врага. Въ шайкѣ разбойниковъ нерѣдко бываютъ и женщины, и онѣ производятъ грабежи не только для наживы, а также изъ мести. Въ 1875 г., итальянскія газеты сообщали, что въ окрестностяхъ Катанцаро (въ Калабріи) бродила шайка разбойниковъ, которою предводительствовала 20-ти лѣтняя женщина, Марія Монико. Всѣ, видѣвшіе ее, разсказывали о ней, какъ о замѣчательной красавицѣ. Она была замужемъ за бандитомъ Пьетро, котораго страстно любила. Пьетро былъ убитъ въ одной стычкѣ съ отрядомъ, высланнымъ противъ его шайки правительствомъ. Тогда его вдова Марія, взявъ принадлежавшій ему карабинъ, поклялась надъ трупомъ мужа отомстить за его смерть. Она сдержала свое слово и сдѣлалась ужасомъ всей провинціи. Подъ ея предводительствомъ банда совершаетъ самыя смѣлыя нападенія: она является всюду, сжигаетъ фермы, угоняетъ скотъ, грабитъ. Если крестьяне той или другой деревни выказываютъ ей малѣйшее неповиновеніе, она немедленно наказываетъ ослушниковъ убійствомъ и поджогами. У нея многочисленная и опытная шайка, и крестьяне такъ боятся ея въ Калабріи, что служатъ ей пособниками и лазутчиками.

Гористая мѣстность, со множествомъ удобныхъ притоновъ, сильно затрудняетъ преслѣдованіе шаекъ войсками. Полиція можетъ захватить разбойниковъ только въ то время, когда они дѣлаютъ набѣги, но это ей чрезвычайно рѣдко удается, такъ какъ крестьяне, опасаясь за свою жизнь, сами, въ большинствѣ случаевъ, предупреждаютъ разбойниковъ, когда полиція собирается сдѣлать на нихъ нападеніе. Еще труднѣе преслѣдовать разбойниковъ, когда они взберутся на первую горную цѣпь. Въ обширныхъ горныхъ лѣсахъ, гдѣ они скитаются, и то тамъ, то здѣсь устраиваютъ себѣ на время убѣжище, они отлично знаютъ каждое мѣстечко, каждый уголокъ. Они скрываются въ глубокихъ пещерахъ и подземныхъ ходахъ, выходы которыхъ закрыты густыми кустарниками. Нерѣдко случалось, что значительный военный отрядъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ тщетно искалъ недалеко скрывавшуюся шайку.

Зная сочувствіе рабочихъ къ разбойникамъ, землевладѣльцы, во время работъ, вынуждены нанимать карабинеровъ, хотя на земляхъ ихъ работаетъ иногда нѣсколько сотъ крестьянъ. Они знаютъ, что послѣдніе не окажутъ бандитамъ никакого сопротивленія. Бандиты, разграбивъ хозяйскую кассу, имѣютъ обыкновеніе отдавать кре-

стьянамъ все, что въ ней заключается, и тѣ обыкновенно бываютъ рады ихъ приходу.

Крайняя нищета поселянъ южной Италіи породила еще болѣе ужасное зло, чѣмъ разбои, а именно—*торговлю дѣтьми*. Здѣсь по деревнямъ расхаживаетъ много иностранныхъ промышленниковъ, которые за нѣсколько лиръ покупаютъ у голодныхъ родителей ихъ дѣтей; чѣмъ дитя красивѣе, тѣмъ за него больше даютъ эти промышленники. Несмотря на недавно изданные строгіе законы, угрожающіе всѣмъ этимъ дѣтопромышленникамъ, они имѣютъ въ странѣ множество тайныхъ сообщниковъ и также, какъ и прежде, продолжаютъ свое гнусное ремесло. Этотъ живой товаръ они перевозятъ во Францію, въ Англію, въ Соединенные Штаты и дѣлаютъ изъ нихъ акробатовъ, шарманщиковъ, уличныхъ пѣвцовъ или просто нищихъ. Эти торговцы, когда задумали обзавестись подобнымъ товаромъ, прежде всего отправляются въ Базиликатъ, такъ какъ жители этой области отличаются особенною способностію къ музыкѣ.

Характеръ народа.—Его хорошія и дурныя стороны.—Любовь къ ночнымъ серенадамъ.—Страсть къ лотереямъ.—О частыхъ случаяхъ татуированія среди простаго люда.—Суевѣрія.—Причитанія при усопшемъ.—Обстановка жилища и домашнія животныя.—Положеніе женщины и ея жизнь во всѣхъ классахъ общества.—Обученіе и школьное дѣло прежде и теперь.

При всѣхъ печальныхъ условіяхъ—чрезвычайномъ невѣжествѣ итальянскаго народа, при его крайней бѣдности и его безчисленныхъ дикихъ суевѣріяхъ, при многихъ варварскихъ чертахъ его характера, какъ напр. привычка къ расправѣ ножомъ и крайнемъ равнодушіи къ убійствамъ, онъ поражаетъ иностранца своею человѣчностью. Своимъ умомъ, находчивостью, живостью, своимъ тонкимъ чувствомъ ко всему прекрасному,—онъ имѣетъ полное право на уваженіе. Не даромъ Италія одна изъ самыхъ древнихъ странъ по цивилизаціи. Этою цивилизаціею проникнута вся натура итальянца, подъ ея вліяніемъ выработался его характеръ. Между французскими городскими рабочими много людей, несравненно болѣе развитыхъ, чѣмъ итальянскіе работники: они читаютъ серьезныя книги, газеты, прекрасно знаютъ исторію своей страны и политику; многіе изъ нихъ даже пишутъ и произносятъ краснорѣчивыя рѣчи въ собраніяхъ. Но зато это только классъ городскихъ рабочихъ, французскіе-же крестьяне во всѣхъ отношеніяхъ грубѣе и менѣе цивилизованы сравнительно съ итальянскими. Итальянецъ изъ самой захолустной деревушки удивитъ васъ своею вѣжливостью, сметливостью, никогда не разинетъ на васъ ротъ, никогда не озадачитъ тупостью, какъ грубый, неловкій французскій крестьянинъ. Онъ вездѣ и всегда способенъ эстетически наслаждаться природой и искуствомъ. Памятники, украшающіе итальянскіе города, существуютъ не для однихъ туристовъ и галантуомовъ, а цѣнятся одинаково всѣми. По воскресеньямъ, когда бываетъ даровой входъ въ музеи, вы встрѣтите въ нихъ больше ладзарони, чѣмъ галантуомовъ. Въ самыхъ подобострастныхъ и унизительныхъ выпрашиваніяхъ у иностранцевъ, сквозь маску униженія, ясно пробивается лукаво шутливый тонъ, что молъ инглезъ это такая птица, передъ которой нельзя унизиться.

Немало отличаетъ итальянца отъ другихъ народовъ его умѣренность. По воскреснымъ днямъ вы не найдете здѣсь пьяныхъ, а если такой и встрѣтится въ остеріи, что бываетъ чрезвычайно рѣдко, то сосѣди съ презрѣніемъ отворачиваются отъ него. Таже умѣренность и въ пищѣ. Если онъ и сразу получитъ деньги за работу, онъ никогда не

предается обжорству, а только на нѣсколько байокки спроситъ себѣ своихъ черныхъ макаронъ. Его удовольствія также скромны. По воскреснымъ днямъ онъ любитъ играть въ мячъ въ тѣнистомъ мѣстѣ или посмотрѣть на играющихъ, одобрить ловкаго въ игрѣ, поострить надъ неумѣлымъ, послѣднее онъ особенно любитъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ недостатка въ юморѣ. Когда не занятъ работой, онъ говоритъ съ чрезвычайно выразительной мимикой, живо, свободно, можетъ выразить всякую мысль. Въ этомъ большую услугу ему оказываетъ его языкъ: онъ такъ легокъ, удобопонятенъ, что уже ребенокъ очень рано вполнѣ овладѣваетъ имъ. Очень любитъ молодой итальянецъ и потанцовать съ молодыми дѣвушками, но еще съ большею любовью отдается игрѣ на какомъ-нибудь инструментѣ. Эта любовь такъ сильна въ итальянскомъ народѣ, что часто, не имѣя подъ руками инструмента, молодой человѣкъ хватаетъ палку и, подражая игрѣ, до того увлекается, что лицо его безпрестанно мѣняется, дѣлается то грустнымъ, то необыкновенно веселымъ.

Страсть и привычка итальянца къ пѣнію представляетъ для путешественника даже большое неудобство. Итальянцы всегда поютъ, за дѣломъ и за бездѣльемъ, но болѣе всего любятъ они пѣть по ночамъ. Чѣмъ ближе къ утренней зарѣ, тѣмъ болѣе они воодушевляются, поютъ все громче и громче. Они обыкновенно расхаживаютъ по ночамъ по улицамъ компаніею въ 20 или 30 человѣкъ и подъ конецъ такъ громко поютъ, что мѣшаютъ спать непривычному иностранцу. Многіе жалуются полиціи на ночныхъ пѣвцовъ, но этотъ обычай такъ глубоко вкоренился въ нравы народа, что его не могутъ искоренить никакими мѣрами. Въ прошедшемъ году префектъ Палермо отдалъ строгій приказъ полиціи принять мѣры противъ этихъ нарушителей общественнаго спокойствія. Послѣ этого карабинеры въ первую же ночь остановили группу пѣвцовъ, но тѣ приняли это за страшное оскорбленіе и нарушеніе свободы и, по итальянскому обычаю, пошли тотчасъ же въ ходъ ножи. Полиція схватилась за револьверы, произошло настоящее сраженіе, и въ обоихъ лагеряхъ были убитые и раненые. Въ Италіи можно легко устроить серенаду за деньги, но уличные пѣвцы, которые расхаживаютъ большими компаніями по улицамъ города, устраиваютъ эти серенады для себя или для любимыхъ дѣвушекъ своихъ товарищей. Очень часто этимъ уличнымъ хорамъ аккомпанируютъ импровизированные оркестры, состоящіе изъ скрипокъ, трубъ, барабана и проч. Даже въ Римѣ, столицѣ Италіи, часто въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца, среди ночной тишины, вдругъ раздается неистовый грохотъ самыхъ разнообразныхъ инструментовъ и въ высшей степени громкое пѣніе большой толпы.

Бѣдность, суевѣріе и невѣжество развило въ итальянскомъ народѣ необыкновенную страсть къ лотереямъ. Тутъ существуетъ огромный классъ людей, который только и промышляетъ устройствомъ лотерей. Что ни недѣля, то новая лотерея. Билеты на нихъ стоятъ по нѣскольку копѣекъ. Но какъ бы дешево они ни стоили, они несомнѣнно увеличиваютъ нищету народа и поддерживаютъ его суевѣріе. Прежде чѣмъ взять билетъ, крестьянинъ долго гадаетъ, брать-ли его, или нѣтъ, выиграетъ онъ или проиграетъ. Все представляетъ ему богатый матеріалъ для гаданья: звѣзды на небѣ, лепестки цвѣтовъ, числа, на которыя падаютъ праздники патроновъ, число морщинъ на лобикѣ новорожденнаго сына, и прежде всего сны. За толкованіемъ послѣднихъ онъ отправляется къ лавочникамъ, которые глубокомысленно даютъ совѣты, объясняютъ примѣты, толкуютъ сны и, конечно, все это дѣлаютъ не безкорыстно. Шарлатаны на площадяхъ продаютъ билетики, изборожденные кабалистическими знаками и разными іероглифами; въ нихъ народъ надѣется найти отвѣтъ на свой вопросъ, выиграетъ онъ или нѣтъ, платитъ шарлатанамъ, платитъ толкователямъ шарлатановъ, а самъ остается

безъ денегъ, голодный, глотая пауковъ и моллюсковъ, чтобы нѣсколько утолить свой голодъ.

Самая непривлекательная сторона итальянца — его страшная неряшливость, первый результатъ давнишней бѣдности. Не говоря уже о его вѣчно засаленной одеждѣ и о томъ, что отъ него издали несетъ лукомъ, его голова, костюмъ и тѣло покрыты миріадами вшей. У растворенной двери жилища вы постоянно видите итальянокъ, ищущихъ другъ у друга насѣкомыхъ. Рабочіе и гондольеры бросаются на песокъ набережной и такъ катаются нѣсколько минутъ, чтобы насѣкомыя изъ грязной рваной рубашки перешли въ песокъ. И не дай Богъ путешественнику, не зная этого обстоятельства и подражая итальянцу, растянуться гдѣ нибудь на пескѣ: множество насѣкомыхъ заберется къ нему и послѣ этого ихъ уже очень трудно будетъ изгнать.

Между итальянскимъ простонародьемъ многіе татуируютъ себя. Извѣстно, что этотъ обычай крайне распространенъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, но онъ, съ распространеніемъ образованія, всюду исчезаетъ. У грековъ и римлянъ даже въ историческія времена этотъ обычай уже не существовалъ. Между тѣмъ нѣкоторые ученые нашли, что татуированіе существуетъ въ Италіи и въ настоящее время. Между взрослыми арестантами въ тюрьмахъ одинъ ученый нашелъ татуированныхъ 8%; между дѣтьми въ исправительныхъ заведеніяхъ, пріютахъ для малолѣтнихъ бродягъ и т. п. до 40%. Извѣстно, что матросы даже образованныхъ странъ, побывавшіе на островахъ Тихаго океана, нерѣдко отъ скуки перенимаютъ отъ дикарей этотъ обычай. Но татуированные итальянцы обыкновенно не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о дикаряхъ. Болѣе другихъ татуируются пьемонтцы и ломбардцы, т. е. жители именно тѣхъ областей, которыя лежатъ вдали отъ моря. Люди, занимающіеся татуированіемъ, живутъ въ мѣстахъ, куда стекается много богомольцевъ на поклоненіе святымъ. За плату отъ 60 до 80 сантимовъ, они иглою выводятъ на кожѣ желающихъ кресты или священные символы. Охотникамъ до татуированія приходится поплатиться за эту операцію иногда продолжительною болѣзнію, рожею и непремѣнно лихорадкою. Но главнымъ разсадникомъ татуировки служатъ тюрьма и каторга. Многіе выходятъ изъ этихъ учрежденій съ высшей степени сложными рисунками на тѣлѣ. Между женщинами этотъ обычай распространенъ гораздо меньше. Только нѣкоторыя крестьянки сѣверной Италіи накалываютъ на рукахъ крестъ или священные символы. Причину этого явленія объясняютъ желаніемъ похвастать нечувствительностію къ физической боли или сохранить воспоминаніе о какомъ нибудь важномъ событіи, но всего болѣе этому содѣйствуетъ скука и бездѣйствіе въ тюрьмахъ.

Висѣлица и мѣсто казни вездѣ въ Италіи играютъ весьма немаловажную роль въ народномъ суевѣріи. Душамъ обезглавленныхъ людей, хотя бы они были казнены за убійства, мошенничества и другія злодѣйства, приписываютъ въ Италіи чудодѣйственную силу. Итальянцы находятъ, что какъ бы ни былъ пороченъ и преступенъ человѣкъ при жизни, его душа непремѣнно будетъ въ раю, такъ какъ онъ все искупилъ своею смертію, хотя бы и насильственною. Но нигдѣ казненнымъ не придаютъ такого значенія, какъ въ Сициліи. Отъ мала до велика всѣ обращаются съ молитвою къ душамъ обезглавленныхъ людей. Простой народъ считаетъ ихъ своими покровителями и вѣритъ, что онѣ появляются на улицахъ, у всѣхъ рѣкъ, на морѣ во время бури, и во время всѣхъ своихъ несчастій обращаются къ нимъ. Палермо—главное средоточіе этого своеобразнаго культа, потому что здѣсь совершена была большая часть казней въ прошломъ столѣтіи. Уже въ XVI столѣтіи тамъ возникло общество, задачею котораго было утѣшать осужденныхъ передъ смертію и молиться за ихъ спасеніе послѣ казни. Въ XVII столѣтіи сооружена была, существующая до сихъ поръ, церковь «осуж-

денныхъ», въ которой молятся за преступниковъ, искупившихъ смертію свое преступленіе. Впослѣдствіи возникла и другая церковь «обезглавленныхъ душъ», особенно чтимая народомъ и въ настоящее время. Точно также и въ другихъ городахъ, гдѣ совершались казни преступниковъ, возникали общества съ тою же самою цѣлію и сооружали церкви. Особеннымъ почитаніемъ пользуется душа Франческо Фрустели, одного крестьянина, который былъ осужденъ за то, что убилъ свою родную мать. У его памятника, на которомъ онъ изображенъ въ тотъ моментъ, когда выходитъ на эшафотъ, виситъ неугасимая лампада, между тѣмъ какъ надпись на одной изъ стѣнъ церкви, находящейся подлѣ, увѣковѣчила день его смерти—5 ноября 1817 года. Въ народѣ разсказываютъ о необыкновенныхъ чудесахъ, совершенныхъ этимъ обезглавленнымъ. Существуетъ даже нѣсколько книгъ и брошюръ въ стихахъ и прозѣ, гдѣ прославляется его покаяніе передъ кончиной и разсказывается множество чудесъ, которыя онъ совершилъ послѣ смерти. На могилы обезглавленныхъ народъ кладетъ четки, молится передъ ними, приникаетъ къ землѣ и ожидаетъ отвѣта отъ душъ. У входа въ церкви, посвященныя ихъ памяти, по обѣимъ сторонамъ висятъ обыкновенно сотни картинъ, исполненныхъ народными художниками, по обѣту и заказу вѣрующихъ. Картины эти изображаютъ чудеса, которыя творятъ души. Стѣны церквей, посвященныхъ ихъ памяти, сплошь увѣшаны этими картинами и, такъ какъ число ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ, то старыя изъ нихъ обыкновенно замѣняютъ новыми. На многихъ изъ тѣхъ, которыя были исполнены въ 1860 г., изображена битва противъ бурбонскихъ войскъ. Такъ какъ національное возстаніе считается у итальянцевъ святымъ дѣломъ, то герои его, по ихъ понятіямъ, прежде всего пользуются покровительствомъ душъ обезглавленныхъ. Защитники свободы изображены въ обыкновенной крестьянской одеждѣ; многіе изъ нихъ уже ранены и окровавлены, но они въ разныхъ геройскихъ позахъ, съ оружіемъ въ рукахъ, непоколебимо стоятъ стѣною противъ непріятельскихъ солдатъ, между тѣмъ какъ въ уголку картины виднѣются обезглавленные скелеты, которые должны поддерживать храбрость героевъ. На другой картинѣ изображена страшная буря на морѣ, а корабли и пароходы, наполненные гарибальдійцами, борятся съ опасностью; вдали «душа обезглавленнаго» въ молящейся позѣ обращается къ Богу, указывая ему на погибающіе корабли.

Души обезглавленныхъ, по понятію итальянца, если къ нимъ обратиться съ просьбою, спасаютъ отъ воровъ и мошенниковъ, а если не могутъ избавить совсѣмъ отъ несчастія, то, по крайней мѣрѣ, ослабляютъ его. Такимъ образомъ, если воры нападутъ ночью на одного изъ почитателей душъ, онѣ тотчасъ являются, дѣлаютъ раны безвредными или искалѣчиваютъ руку преступника. Это народъ объясняетъ тѣмъ, что души людей, которые при жизни не чувствовали никакого состраданія къ своимъ ближнимъ, послѣ искренняго покаянія и насильственной смерти, дѣлаются ненавистниками преступленія и покровителями слабыхъ. Онѣ возвращаютъ здоровье безнадежно-больнымъ, освобождаютъ заключенныхъ, предупреждаютъ опасность, спасаютъ отъ различныхъ поврежденій, и потому число вѣрующихъ въ нихъ настолько велико, что въ одномъ Палермо съ 1858 по 65-й годъ изъ пожертвованныхъ денегъ образовался капиталъ, проценты котораго оплачиваютъ четыре мессы въ день. Во многихъ мѣстностяхъ Италіи священнымъ днемъ обезглавленныхъ душъ считается понедѣльникъ, а въ Палермо имъ посвящено два дня, понедѣльникъ и пятница. Каждый вѣрующій, у кого случится какая либо бѣда, даетъ обѣтъ въ одинъ изъ этихъ дней идти на богомолье босыми ногами въ ту или другую церковь, посвященную памяти обезглавленныхъ душъ. Во все время путешествія богомолецъ читаетъ молитвы и обращенія, перебирая четки. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: «мои обезглавленныя душеньки! васъ девятеро! соберитесь вы всѣ девятеро,

представьте предъ Вѣчнымъ Отцомъ, разскажите Ему мое горе. И просите Его до тѣхъ поръ, пока Онъ явитъ мнѣ свою милость». Или: «душеньки обезглавленныхъ тѣлъ! вы, которыя родились на землѣ, пребываете въ чистилищѣ, ожидаемы въ раю,—просите Вѣчнаго Отца помочь моему горю, просите Господа, чтобы враги мои расположились въ мою пользу». Въ своемъ обращеніи народъ обыкновенно упоминаетъ о девяти душахъ, такъ какъ онъ вѣритъ, что три души висѣльниковъ, три души обезглавленныхъ и три души утопленниковъ соединяются во едино, чтобы помогать людямъ. Достигнувъ церкви обезглавленныхъ душъ, богомолецъ становится на колѣни передъ балюстрадой алтаря, посвященной обезглавленному Іоанну Крестителю, патрону и защитнику обезглавленныхъ, и жертвуетъ свои четки. Затѣмъ онъ идетъ поклониться могилѣ своихъ защитниковъ и вслушивается, какой они отвѣтъ ему дадутъ. Если онъ услышитъ звонъ, то онъ увѣренъ, что милость, о которой онъ просилъ, будетъ ему оказана. Если нѣтъ времени предпринять длинное путешествіе, то почитатель молится дома въ теченіи девяти дней. Каждую ночь онъ зажигаетъ свѣчку передъ изображеніемъ душъ и, пріотворивъ дверь или окно, становится на колѣни, перебирая четки до послѣдняго зерна. Въ своихъ молитвахъ онъ нерѣдко присоединяетъ и угрозу: «раскажите, душеньки, предвѣчному Отцу мои страданія... Но если вы мнѣ не дадите того, чего я у васъ прошу, я не пожертвую вамъ моихъ четокъ»... Если послѣ молитвы прокричитъ пѣтухъ, залаетъ собака, раздадутся звуки гитары, звонъ колокольчика, шумъ проѣхавшаго экипажа,—просьба сбудется. Дурными предзнаменованіями считаютъ: мяуканье кошки, крикъ осла, стонъ, плачъ, голоса спорящихъ и особенно шумъ воды, которую льютъ на дорогу, быть можетъ потому, что это напоминаетъ слезы.

Обряды при усопшемъ—тѣ же суевѣрія. На югѣ особенно распространены причитанія, которыя имѣютъ много общаго съ греческими миріологами. Когда у хозяйки дома кто нибудь скончался изъ членовъ ея семьи, она тотчасъ отправляется къ сосѣдкамъ и говоритъ каждой изъ нихъ: «Кумушки, придите ко мнѣ оплакивать моего мужа, за это я дамъ вамъ бобовъ»... Затѣмъ она возвращается домой, а за ней и ея сосѣдки. Входя въ комнату, онѣ дѣлаютъ видъ, что не видятъ покойника, затѣмъ сразу, какъ будто нечаянно замѣтивъ его, издаютъ пронзительный крикъ; всплеснувъ руками, онѣ сбрасываютъ покрывающіе ихъ плащи, ломаютъ руки, кричатъ, рыдаютъ и нерѣдко даже, какъ и въ Греціи, царапаютъ себѣ лицо, приговаривая отдѣльныя фразы, въ родѣ слѣдующихъ: «зачѣмъ ты насъ покинулъ? На кого бросилъ ты свою семью?» и т. п.

Въ Сициліи домъ покойника часто не можетъ вмѣстить всѣхъ плакальщицъ; тогда на открытомъ воздухѣ, между двухъ стульевъ, укрѣпляютъ доску и кладутъ на нее мертвеца, одѣтаго капуциномъ, со сложенными руками и ногами, перевязанными желтою лентою. Послѣ этого кто-нибудь изъ семьи покойнаго приглашаетъ родственницъ начать пѣніе. Вслѣдъ за этимъ составляется хороводъ, который пляшетъ вокругъ лежащаго на столѣ покойника, на подобіе траурныхъ танцевъ, изображенныхъ на урнахъ этрусковъ. При этомъ одна изъ родственницъ или особенно прославившаяся въ данной мѣстности пѣвица поетъ: «раздвиньте вашъ кругъ попросторнѣе». Этими словами пѣвица выражаетъ мысль, что ей нуженъ просторъ для ея горя. Послѣднія слова подхватываетъ и повторяетъ хоръ. Къ ночи зажигаютъ костры.

Отъ этого печальнаго обряда перейдемъ къ домашней обстановкѣ простолюдина. Свинья и оселъ—любимыя домашнія животныя простолюдина во всей Италіи. Свиней вы встрѣтите въ каждомъ крестьянскомъ домикѣ; въ маленькихъ южныхъ городахъ Италіи они прогуливаются безъ стѣсненія на улицѣ, суютъ свое рыло въ каждую кофейную, попадающуюся имъ по дорогѣ, и, если вздумаютъ, забѣгаютъ даже въ церковь во время службы. Въ нѣкоторыхъ семействахъ Калабріи свиньи дѣлаются до такой сте-

пени ручными, что провожаютъ хозяина въ гости къ сосѣдямъ, въ поле; въ то время когда онъ работаетъ, его боровъ недалеко отъ него, роетъ землю и ищетъ себѣ пищу; возвращаясь хозяинъ не забываетъ пригнать его съ собою.

Въ Италіи у крестьянъ, менѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, собакъ, но почти у каждаго свинья. Итальянскому крестьянину жалко тратиться на прокормленіе собаки, которая можетъ только оберегать его ничтожное имущество. Держать свинью ему ничего не стоитъ: она кормится остатками фруктовъ, которыхъ никто не ѣстъ, между тѣмъ, продавъ ее, онъ можетъ уплатить часть своихъ податей. Оселъ—другое животное, еще болѣе необходимое для итальянца; въ его семействѣ это первый помощникъ и лучшій работникъ. Онъ исполняетъ у него всевозможныя работы, возитъ и носитъ съ утра до ночи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть на этихъ животныхъ хотя бы на улицахъ Неаполя, нагруженныхъ привозимыми и увозимыми тяжестями. Иногда возъ своею величиною почти поглощаетъ осла и впряженное животное кажется не больше собаки, стоящей у стога сѣна.

Лишиться осла—тяжкое горе для итальянца, пущая нищета для всего семейства. Это вполнѣ выражается въ итальянской народной пѣснѣ:

«Горе, горе, что мнѣ дѣлать?
Вотъ мой осликъ не встаетъ.
О, несчастный я, несчастный,
Если только онъ умретъ.
Ай бѣда! ай бѣда!
Кола Скассо безъ осла,
Что тогда?
Помогите! о проклятье!
Умерла моя жена —
Могъ-ли думать, что мнѣ доля
Еще хуже суждена.
Ай, бѣда!
Эй вы! доктора скорѣе!
Пусть ему онъ пуститъ кровь:
Можетъ быть, поможетъ это;
Оживетъ мой осликъ вновь.
Ай, бѣда!
Какъ поднять его, не знаю,
Иль за хвостъ, иль за узду...
Эхъ, я прыгалъ-бы въ восторгѣ,
Отогнать-бы мнѣ бѣду.
Ай, бѣда!
Гналъ его не разъ я въ городъ
Съ благовонною травой,
И съ капустой, и съ плодами
Онъ ходилъ дорогой той.
Ай, бѣда!
Милый осликъ! какъ встрѣчалъ онъ
Нашу свѣтлую весну!
Громко, радостно кричалъ онъ,
Носъ поднявши въ вышину.
Ай, бѣда!
Нѣтъ, и думать невозможно,
Чтобъ его я потерялъ...
Кто-жъ товаръ носить мой будетъ,

Какъ наступитъ карнавалъ.
Ай, бѣда!
Кто идти такъ мѣрно будетъ
Шагъ за шагомъ въ лѣтній зной,
Разнося усердно всюду
Бочки съ сладостной водой.
Ай, бѣда!
Что за чудо, что я вижу?
Головою двинулъ онъ!
Ахъ, съ движеньемъ этимъ снова
Я надеждой окрыленъ.
Ай, бѣда!
Милый! прелесть, какъ лежитъ онъ!
Что? хвостомъ зашевелилъ?
Ахъ, дрожатъ мои колѣни... *)
Счастье! вынести нѣтъ силъ!

Если вы войдете въ жилище крестьянина, то неизбѣжно увидите осла, который жуетъ сѣно; подлѣ—очагъ безъ огня, а въ золѣ лежитъ исхудалая кошка. Прямо противъ входа окошко безъ рамы съ нѣсколькими на немъ кружками; налѣво полусгнившій мѣшокъ, набитый соломой, который называютъ постелью, и тутъ же подъ нимъ стоитъ корыто, изъ котораго ѣстъ свинья. Посреди комнаты бѣгаютъ и кудахтаютъ куры, пищатъ цыплята, прогуливается пѣтухъ, между тѣмъ какъ свинья хрюкаетъ подъ постелью, на которой играетъ маленькій ребенокъ. Въ Италіи только женатые люди спятъ на постели и грудной ребенокъ съ матерью, пока не родится слѣдующее дитя; тогда первенца перемѣщаютъ на сундукъ, а при появленіи третьяго, онъ уже спитъ зимою на соломѣ возлѣ осла, а лѣтомъ подъ открытымъ небомъ.

Италія во всѣ времена прошлой жизни, точно также, какъ и въ настоящее время, не мало насчитываетъ громкихъ женскихъ именъ въ исторіи наукъ, литературы, поэзіи, героинь за честныя идеи. Стоитъ только вспомнить Елену Лукрецію, получившую степень доктора въ Падуанскомъ университетѣ еще въ 1678 году. Столѣтіе спустя мы находимъ Лауру Басси, которую можно считать не только ученѣйшей женщиной въ Италіи, но она блистала своей ученостью между знаменитостями того времени и занимала въ Болонскомъ университетѣ кафедры физико-медицинскихъ предметовъ. Не менѣе прославилась Марія Аморетти, какъ юристка и Луиза Чиччи, какъ поэтъ. Множество итальянскихъ женщинъ имѣли громадное вліяніе на великихъ поэтовъ и художниковъ и оно оставило слѣды въ поэзіи, литературѣ и искуствѣ: на Данта и его дѣятельность имѣла громадное вліяніе Беатриче, на Рафаэля — Форнарина, на Бокаччіо — Марія Неаполитанская, на Тассо—Леонора д'Есте. Въ извѣстные періоды итальянской жизни женщины занимали блестящее положеніе,—имъ удивлялись, подчинялись ихъ вліянію.

Въ послѣднее время борьбы за освобожденіе въ Италіи является цѣлый рядъ героинь, которыя рискуютъ своею жизнью, жертвуютъ своимъ состояніемъ. Онѣ участвуютъ и въ заговорахъ Мадзини, и въ открытой войнѣ. Еще недавно въ Римѣ умерла Эрмилія Фузинато Фуа—поэтесса и замѣчательный педагогъ, которая первая дала толчекъ женскому образованію. Помощницею ея въ этомъ дѣлѣ была въ высшей степени до сихъ

*) Какъ это, такъ и предъидущія стихотворенія, взяты изъ народныхъ итальянскихъ пѣсенъ и впервые переведены для нашего изданія.

поръ популярная въ Италіи женщина-поэтъ-импровизаторъ Джианинна Милли. Это дѣйствительно замѣчательная женщина. Она дочь простаго ремесленника и уже съ 7-ми лѣтъ едва открывала ротъ, какъ гармоническіе стихи слетали съ ея устъ. Это въ полномъ смыслѣ народная поэтесса, которая уже въ 1848 году воспѣла въ своихъ произведеніяхъ всѣ надежды своего народа. Въ то время все было въ волненіи, всѣ были полны надеждъ и энтузіазма, и Милли сдѣлалась «музою итальянскаго возрожденія и могущественнымъ средствомъ для народной пропаганды. Какъ древняя пифія, послѣ вдохновенныхъ импровизацій своихъ, она падала обыкновенно въ изнеможеніи; ея слабое здоровье и порождаемый ею энтузіазмъ, счастливая сдержанность ея выраженій, а быть можетъ и самая прелесть стиховъ спасали ее отъ строгости полиціи, которая тѣмъ не менѣе со вниманіемъ слѣдила за каждымъ ея словомъ». Но Милли отличается не только поэтическимъ талантомъ,—стремленіе всей ея жизни было возвысить итальянскую женщину. Разбогатѣвшая вслѣдствіе успѣха, осыпанная почестями, она всецѣло предалась дѣлу женскаго образованія и основала для женщинъ нѣсколько школъ, изъ которыхъ одною завѣдывала сама.

Но не одна Милли прославилась импровизаціей,—въ нынѣшнемъ столѣтіи также извѣстны имена Бандеттини и Кориллы. Въ настоящее время въ Римѣ пользуется большимъ успѣхомъ, какъ писательница и скульпторъ,—Луиза Саредо. Время отъ времени носятся слухи о той или другой дѣвушкѣ, съ успѣхомъ кончившей курсъ въ Болонскомъ университетѣ, такъ какъ онъ одинъ допускаетъ женщинъ къ слушанію лекцій. Римскій университетъ еще недавно отказалъ имъ принять ихъ въ число студентовъ.

Но всѣ эти блестящіе примѣры и громкія имена только единичные факты, и положеніе женщинъ въ Италіи самое унизительное сравнительно со всѣми другими женщинами христіанской Европы. И на сѣверѣ, и на югѣ Италіи оно почти одинаково, съ тою только разницею, что на сѣверѣ она имѣетъ право нѣсколько болѣе выходить одна на улицу; тѣмъ не менѣе во всей странѣ замѣтно, гдѣ болѣе, гдѣ менѣе, какое-то восточное удаленіе половъ другъ отъ друга: мужчины сами по себѣ, женщины тоже; женщины ходятъ въ гости къ женщинамъ, мужчины къ мужчинамъ. Тутъ не только считается преступленіемъ идти дѣвушкѣ рука объ руку съ мужчиной, но даже мужъ никогда не поведетъ жену подъ руку на прогулку, а всегда болѣе держится мужскаго общества. Между мужчиной и посторонней ему женщиной допускается разговоръ только у открытаго окна или домашней двери. По вечерамъ слышны также подъ окнами жалобные звуки волынки и прелестныя пѣсни, въ которыхъ юноши воспѣваютъ дѣвушекъ, не имѣя возможности запросто побесѣдовать съ ними.

Едва-ли гдѣ нибудь мужчины относятся такъ презрительно къ женщинѣ, какъ въ Италіи. У нихъ существуетъ множество рифмованныхъ и нерифмованныхъ поговорокъ, выражающихъ все ихъ презрѣніе къ нимъ: «жена, что каштанъ, снаружи красивъ, внутри негоденъ»; «гдѣ двѣ женщины и одинъ гусь—тамъ рынокъ»; «у кого жена, у того и нужда»; «три дочери и одна мать—четыре черта па одного отца»; «все отъ Бога, только не женщины»; «на женщинъ, осла и орѣхи—нужны крѣпкія руки»; «какъ при покупкѣ коня, такъ и при женитьбѣ, закрой глаза и положись на небо».

Итальянская женщина не только терпитъ гнетъ и нравственное униженіе, но еще до 1866 года и юридически не пользовалась никакими правами. Итальянскій депутатъ Морелли, извѣстный публицистъ, энтузіастъ и страстный поклонникъ эмансипаціи женщины и ея правъ на равенство съ мужчинами, уже въ продолженіи 25 лѣтъ во всѣхъ своихъ парламентскихъ рѣчахъ говоритъ о необходимости расширенія права женщинъ. Онъ добился того, что имъ въ послѣднее время предоставлено: 1) право руководить элементарными школами; 2) занимать мѣста телеграфистокъ, почтмейстеровъ и нѣ-

которыя другія должности въ этомъ родѣ; 3) предложено предоставить имъ выборныя права; 4) право являться свидѣтельницами и подписывать частные и общественные документы. Но, къ сожалѣнію, нравы не зависятъ отъ постановленій закона и стоятъ ниже его, такъ что всѣ реформы нисколько не затрогиваютъ общественнаго мнѣнія, которое остается при своемъ.

Въ Италіи, во всей силѣ, господствуетъ восточный законъ—полная покорность отцу, мужу, сыну и даже брату. Женщина въ этой странѣ—раба въ самомъ полномъ и глубокомъ смыслѣ этого слова. Мальчикъ, лишь только онъ достигаетъ отроческаго возраста, дѣлается главою семьи, и отъ его власти зависятъ не только его младшія и старшія сестры, но даже мать; ни одна изъ нихъ не имѣетъ права распорядиться ни одной копѣйкою. Такъ живутъ женщины, какъ въ богатыхъ, такъ и въ бѣдныхъ семействахъ; только высшая аристократія составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе и живетъ, какъ и вездѣ въ остальной Европѣ. Одежда матери и сестеръ, ихъ выѣзды, знакомства, бракъ, однимъ словомъ вся судьба ихъ находится въ рукахъ иногда еще очень юнаго человѣка. Въ семействахъ, которыя не могутъ держать много прислуги и у простонародья, женщины прислуживаютъ, какъ господамъ,—отцу, сыну, мужу и брату. Мать и сестра спрашиваютъ у юнаго хозяина позволенія идти въ церковь или на балъ. Онъ, если не расположенъ, говоритъ имъ «нельзя» и не пускается въ дальнѣйшія разсужденія. Да получившія отказъ никогда и не рѣшатся потребовать отъ него объясненія: онѣ должны, обязаны повиноваться каждому слову.

Ни одна женщина, кромѣ уличныхъ торговокъ, не рѣшается выйти на улицу безъ провожатаго; на такую всѣ смотрятъ съ презрѣніемъ и осаждаютъ ее вопросами и соболѣзнованіями. Въ особенности женщины юга живутъ въ полномъ смыслѣ затворническою жизнью. Единственное ихъ развлеченіе—постоять у открытыхъ дверей, у окошка, а главное на балконахъ, которые подвѣшаны на югѣ чуть не къ каждому окошку. Такая суровая, замкнутая, аскетическая жизнь вызываетъ, конечно, множество злоупотребленій. Тутъ женщина болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, любитъ принарядиться, показать себя на балконѣ, принимая всевозможныя позы, чтобы привлечь на себя взгляды.

Мужчина не только заставляетъ женщину вести аскетическую жизнь, но и отстраняетъ ее по возможности даже отъ хозяйства: онъ ходитъ въ рынокъ покупать съѣстное, покупаетъ даже платья и наряды всему семейству. Даже мелкій чиновникъ, лишь только кончится присутствіе, бѣжитъ на рынокъ за покупками. Тутъ онъ столкнется не только съ своимъ братомъ мелкимъ чиновникомъ, но и съ судьею, съ банкиромъ, съ промышленникомъ. Въ Италіи есть мѣстности, гдѣ самая простая судомойка будетъ глубоко обижена, если вы пошлете ее въ лавку. Когда отцы и старшіе сыновья находятся за конторками и въ присутствіи, дѣла съ торговцами поручаютъ вести дѣтямъ — мальчикамъ и дѣвочкамъ; но, разъ дѣвочкѣ минуло 13 лѣтъ, такая обязанность дѣлается для нея позорной.

Что же она дѣлаетъ цѣлый день? Шьетъ, вышиваетъ, сметаетъ пыль съ мебели, выглядываетъ въ окошко и раскрытую дверь, чиститъ платье, перешиваетъ его и, если она дѣвушка, то голова въ продолженіи цѣлаго дня только и занята мечтами о бракѣ. Она знаетъ, что при новой обстановкѣ ее ждетъ таже семейная тиранія, тоже затворничество. Но ея бракъ внесетъ хоть на полгода, хоть на одинъ мѣсяцъ какое нибудь разнообразіе; она будетъ веселиться на свадьбѣ, она будетъ ухаживать за маленькимъ ребенкомъ, она будетъ его любить.

Въ сѣверной Италіи женщинъ еще можно встрѣтить на улицахъ, на гуляньяхъ, но и тамъ она терпитъ отъ семейнаго ига, и тамъ обязана повиноваться малѣйшему желанію мужа, брата и выполнять всѣ ихъ прихоти. Такъ какъ во всей Италіи мужчины

смотрятъ только на внѣшность женщинъ, то онѣ и заботятся только о ней: онѣ усердно притираютъ себѣ лицо и еще болѣе пудрятся. Гораздо рѣже чернятъ онѣ себѣ подъ глазами и румянятся. Болѣе всего онѣ любятъ въ туалетѣ яркія краски и пестроту. Первое стремленіе дѣвушки имѣть массу украшеній. Даже самый бѣдный поденьщикъ не женится никогда, если не можетъ купить эти украшенія, по крайней мѣрѣ коралловое, которое должна имѣть каждая. У самой бѣдной дѣвушки первая страсть—туалетъ, то же самое и въ буржуазіи. Каждая прежде думаетъ о платьѣ и украшеніяхъ и потомъ уже о бѣльѣ.

Образованіе итальянскаго народа до самаго послѣдняго времени было весьма печально: духовенство, которое имѣло огромное вліяніе на управленіе страной, захватило въ свои руки громадныя земли и другіе источники богатства, которые по праву принадлежали народу, и взамѣнъ этого оно бросало ему подачки въ видѣ даровыхъ обѣдовъ при церквахъ и монастыряхъ, а объ образованіи оно боялась даже думать. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ главными распорядителями народнаго обученія и наставниками были почти исключительно духовные сановники, или лица, принадлежавшія къ какой нибудь религіозной конгрегаціи. Университетскій совѣтъ состоялъ изъ монаховъ, и монашескіе ордена доставляли почти всѣхъ учителей въ элементарныя школы. Среднія учебныя заведенія были въ рукахъ іезуитовъ. Въ Пармѣ владѣтельная герцогиня предоставила все начальное обученіе монахамъ, а среднее и высшее—іезуитамъ. Въ Моденѣ всѣмъ народнымъ образованіемъ заправляла одна духовная конгрегація. Такимъ образомъ во всѣхъ итальянскихъ государствахъ, присоединенныхъ къ Пьемонту, правительство страны застало народное образованіе въ полномъ завѣдываніи духовенства. Вмѣсто развитія, католическое духовенство заставляло въ школахъ зубрить одинъ катехизисъ и догматы вѣры, больше всего обращая вниманіе на исполненіе обрядовъ и одной сценической стороны религіи, повсюду распространяя суевѣріе и шпіонство. Замѣчательно, что тѣ школы, которыя дольше другихъ оставались подъ вліяніемъ духовенства, были въ то же время и наиболѣе неразвитыми и невѣжественными.

Теперь, когда духовенство въ странѣ стало терять свое значеніе, и участіе его въ дѣлѣ первоначальнаго обученія постоянно уменьшается, число школъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число грамотныхъ, сильно увеличилось за послѣднія шесть, семь лѣтъ. Однако, по докладу даже за 1873 г., въ Италіи еще находилось 9,000 школъ, содержимыхъ духовенствомъ. Кромѣ этихъ школъ существуетъ множество пансіоновъ для дѣвушекъ, принадлежащихъ духовнымъ конгрегаціямъ. Во всѣхъ этихъ школахъ ученики и ученицы получаютъ образованіе, стоящее далеко ниже того, какое обыкновенно преподается въ свѣтскихъ школахъ. Учителя и наставники этихъ школъ открыто проповѣдуютъ учащимся презрѣніе ко всѣмъ новѣйшимъ политическимъ учрежденіямъ Италіи.

Первоначальное обученіе въ Италіи безплатно и въ то же время обязательно, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Въ 1872 г. всѣхъ первоначальныхъ школъ въ Италіи было 43,380; число посѣщавшихъ ихъ учениковъ и ученицъ доходило до 1.717,351.

Хотя въ настоящее время даже преподаваніе религіи не обязательно въ свѣтскихъ школахъ, но съ одной стороны великая нищета, съ другой духовенство пустило въ странѣ глубокіе корни; вотъ почему школа, не смотря на свое обновленіе, не дала еще осязательныхъ результатовъ.

Страсть итальянца къ церемоніямъ и различнымъ зрѣлищамъ.—Карнавалъ.—Конфектный и цвѣточный ливень.

Если не описать страсть итальянца къ театру, къ различнымъ представленіямъ и процессіямъ, къ церковнымъ церемоніямъ и празднествамъ, однимъ словомъ къ зрѣлищамъ всякаго рода,—нельзя составить себѣ никакого понятія объ этомъ народѣ. Правда, тяжелое положеніе народа въ настоящее время дѣлаетъ его болѣе равнодушнымъ къ празднествамъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ уменьшается, но и до сихъ поръ ихъ существуетъ еще достаточное количество. Итальянецъ не предается кутежамъ на своихъ праздникахъ, ему совсѣмъ не нужно вина: онъ требуетъ пестроты, шума, пѣнія и болѣе всего зрѣлищъ. И это понятно.

Страсть къ зрѣлищамъ въ народѣ была сильно развита еще во времена римскихъ императоровъ; и эту склонность въ немъ постоянно старались поддерживать его правители. Хотя нѣкоторые изъ императоровъ и увлекались сами зрѣлищами, но на первомъ планѣ у каждаго изъ нихъ были своекорыстные цѣли, которыхъ они старались достигнуть, заставляя народъ все болѣе и болѣе привязываться къ представленіямъ. Для этого самыя зрѣлища устраивали такъ, чтобы съ каждымъ часомъ все болѣе приковывать вниманіе народа и разжигать его воображеніе и страсти. Въ описаніяхъ этихъ зрѣлищъ просто не знаешь, чему болѣе удивляться: баснословной ли роскоши, съ которою ихъ устраивали, или грубой испорченности нравовъ, какая тутъ выказывалась на каждомъ шагу.

Зрѣлища обыкновенно начинались съ разсвѣтомъ и оканчивались съ солнечнымъ закатомъ, и такъ народъ съ утра до вечера, цѣлыми днями, былъ занятъ ими. До полудня его обыкновенно занимали ристаніемъ колесницъ, звѣриною охотою; но совсѣмъ другой характеръ принимали удовольствія послѣобѣденныя: по большей части онѣ начинались боемъ звѣрей и съ каждою минутою становились все болѣе кровавыми. Когда зрители уставали смотрѣть на бой звѣрей, начинался бой людей съ кровожадными звѣрями.

«Хлѣба и зрѣлищъ», кричалъ народъ, и имъ бросали, какъ собакамъ, разныя подачки, а для ихъ потѣхи проливали ручьи крови. Того изъ императоровъ, кто усерднѣе старался удовлетворить этой страсти къ зрѣлищамъ и устраивалъ ихъ съ большею щедростью, народъ обожалъ и прощалъ ему весь его деспотизмъ, всѣ пороки и безумія. И не смотря на совершенный упадокъ нравственности въ народѣ, не смотря на то, что такія зрѣлища страшно обременяли государственную казну, которая на нихъ отпускала баснословно громадныя суммы, императоры всѣми средствами поддерживали эту страсть. Они очень хорошо понимали, что только опьяняющія зрѣлища могли отвлечь мысль народа отъ его бѣдственнаго, унизительнаго положенія.

Такъ жила итальянская нація въ первыя столѣтія по Р. Х. и очень многое передала въ наслѣдіе своимъ потомкамъ. Страстью къ процессіямъ и всевозможнымъ зрѣлищамъ, къ азартнымъ играмъ, лотереямъ, всѣмъ этимъ его, по всей вѣроятности, и надѣлили его предки.

Между свѣтскими праздниками самый веселый, самый любимый итальянцами,—карнавалъ или масляница, которая начинается за восемь дней до великаго поста. Еще за мѣсяцъ до карнавала уже дѣлаютъ множество приготовленій къ этому празднику. Одинъ фабрикуетъ себѣ ужасныхъ размѣровъ бороду, другой нашиваетъ разноцвѣтные куски на кафтанъ, тамъ въ сотый разъ перенизываютъ на нитку бубенчики, шьютъ

шутовскіе наряды, колпаки, дѣлаютъ изъ цвѣтной бумаги букеты и цвѣты. По всему этому вы легко угадываете, что тутъ готовится всенародный маскарадъ, въ которомъ каждый явится нѣсколько разъ переряженнымъ. И съ каждымъ днемъ усиливается какая-то лихорадочная дѣятельность, отовсюду только и слышны толки о предстоящемъ празднествѣ. Между тѣмъ и власти не дремлютъ: онѣ торопятся исполнить всѣ приговоры надъ преступниками до карнавала. Это дѣлается потому, что во время праздниковъ будетъ страшная суматоха, которая всегда облегчаетъ промыселъ мошенникамъ. Вотъ имъ и напоминаютъ во время наибольшаго для нихъ соблазна, что ихъ ожидаетъ, если они преступятъ законы. Наконецъ наступаетъ суббота,—день такъ трепетно ожидаемый. Уже съ ранняго утра вы поражены страшною толкотнею на улицахъ. Изъ всѣхъ оконъ выставлены стеклянныя рамы, и теперь изъ нихъ висятъ пестрые и красные ковры. Особенно балконы изящно украшаютъ цвѣтной матеріей и коврами.

Разнообразнѣе и веселѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, справляютъ карнавалъ въ Римѣ. Въ этотъ день уже съ ранняго утра въ каждомъ углу на улицахъ, въ огромныхъ корзинахъ, продаютъ букеты цвѣтовъ, всевозможныя сласти и въ разныхъ свертахъ бѣлую чечевицу въ мукѣ. Разодѣтыя женщины показались у оконъ и балконовъ, которые въ эти дни отдаются форестьерамъ за баснословно дорогую цѣну. Но вотъ ударилъ большой колоколъ Капитолія: это знакъ, что можно начать карнавальныя увеселенія. Въ ту же минуту грянули пушки, заигралъ огромный оркестръ полковой музыки и потянулся по Корсо поѣздъ знатнѣйшихъ лицъ въ каретахъ, сіяющихъ золотомъ. Вслѣдъ за тѣмъ эту улицу покрываетъ такая масса экипажей и такая огромная толпа толкающагося люда, что рѣшительно некуда упасть яблоку. Самое любопытное здѣсь посмотрѣть толпу. Множество мужчинъ одѣты въ маски, тѣ же, что безъ масокъ, такъ переряжены, что ихъ не узнаетъ даже самый близкій пріятель, а этого только и добиваются. Вы увидите здѣсь людей въ костюмахъ всевозможныхъ племенъ и сословій: греки и турки, мавры и персіяне, полишинели обоего пола, красные, рогатые чортики, доктора въ старомодныхъ костюмахъ, выложенныхъ галуномъ, съ напудренной косичкой и огромнымъ кошелькомъ, съ огромной клистирной трубкой въ рукахъ и ключикомъ на часовой цѣпочкѣ, въ футъ длины и толщиною въ дюймъ. А вонъ и родные итальянскіе костюмы: одинъ переряженъ погонщикомъ муловъ изъ горъ, другой пастухомъ изъ Кампаньи. Тамъ и сямъ мелькаютъ бандиты и атаманы разбойничьихъ шаекъ въ ихъ живописномъ костюмѣ. Нѣтъ недостатка ни въ карикатурахъ, ни въ сценахъ! Здѣсь идетъ высокая, сухая фигура въ длинной женской рубашкѣ, съ чепцомъ на головѣ и съ помеломъ въ рукахъ. Тамъ толпа переряженныхъ, въ кафтанахъ и побрякушкахъ, стоя, сидя, громоздясь на кузовы колясокъ, промчится и утонетъ въ общемъ водоворотѣ. Тутъ изъ стороны въ сторону мечется полишинель: онъ ловко наставилъ дудку на сосѣда, свиснулъ ему со всей силы прямо въ ухо, такъ что тотъ отскочилъ!... Огромный мужчина на высокихъ ходуляхъ и въ невообразимо огромномъ парикѣ подымаетъ пузырь съ горохомъ и барабанитъ имъ по головамъ всѣхъ, кто ему попадется подъ руку... А вонъ маленькая дѣвочка сбиваетъ съ ногъ форестьера, хватаетъ выпавшій у него букетъ, забѣгаетъ къ нему съ другой стороны и продаетъ ему снова во второй, а иногда и въ третій разъ. Всюду дребезжаніе телѣгъ, грохотъ лошадей, разукрашенныхъ бубенчиками и разноцвѣтными лентами... На каждомъ шагу встрѣчаешь женщинъ въ сверкающихъ головныхъ уборахъ. И вся эта невообразимо-пестрая, живописная, громадная толпа, бѣгаетъ, хихикаетъ, привязывается другъ къ другу, но ихъ тотчасъ увлекаетъ общій потокъ и каждый изъ нихъ летитъ впередъ, не докончивъ начатой фразы... При этомъ каждый бросаетъ другъ въ друга цвѣты и какой-то свертокъ, который вмигъ разлетается, засыпавъ лицо, глаза и платье тому,

въ кого онъ былъ брошенъ. Этотъ бѣлый порошокъ и есть чечевица въ мукѣ, которую нарочно приготовляютъ для этого случая; но для большей выгоды торговцы очень часто продаютъ въ мукѣ не чечевицу, а известь, хотя это и запрещено, такъ какъ известковая пыль разъѣдаетъ глаза. И вся улица, какъ снѣгомъ, покрывается этимъ порошкомъ. Иногда изъ экипажа привстаетъ юноша, замахивается чуднымъ букетомъ цвѣтовъ, разсчитывая попасть имъ въ женщину, которая показалась въ окно, но въ эту минуту вдругъ летитъ на мостовую... мука покрывается алою кровью, но только на одну секунду... Юноша исчезаетъ, а печальное мѣсто уже засыпано послѣ того сотню разъ разсыпавшейся здѣсь мукою...

Чѣмъ ближе время клонится къ вечеру, тѣмъ скорѣе устаютъ женщины бродить въ толпѣ, тѣмъ плотнѣе пополняются ими балконы. Вотъ тутъ-то начинается настоящій ливень цвѣтовъ и конфектъ. Иногда гордая красавица дѣлаетъ видъ, что она не обращаетъ никакого вниманія на такія пустяки. Тогда ее буквально всю забрасываютъ букетами. Мирты, фіалки, камеліи, маргаритки, анемоны, цвѣтущій лавръ, въ красивыхъ, дорогихъ букетахъ, коробочки съ засахаренными поджаренными миндалемъ, конфекты, листки красивой почтовой бумаги, исписанные стихами,—сыплются на женщинъ градомъ... «Grazia Signor! Mille grazia!» (благодарю, синьоръ, тысячу разъ благодарю), кричатъ римлянки, граціозно наклоняя голову, и сами бросаютъ внизъ искуственные цвѣты своей работы и другія рукодѣлья изъ шелку и атласу.

Въ слѣдующіе дни очень часто бываютъ скачки. За часъ передъ этимъ по данному сигналу всѣ экипажи оставляютъ Корсо. Затѣмъ появляется отрядъ кавалеріи: сдержаннымъ галопомъ онъ проскакалъ по всей улицѣ, чтобы очистить мѣсто для бѣга... Грянули пушки и со всѣхъ сторонъ раздался крикъ: «barberi, barberi!» (barberi — бѣговыя лошади). Въ ту же минуту, точно по мановенію волшебнаго жезла, въ приготовленный кругъ влетаютъ легкія, быстроногія животныя, пестро изукрашенныя блестками и мишурой; по бокамъ ихъ привязываютъ маленькія блестящія крылышки изъ жести. Шумъ этихъ вертящихся крылышекъ подстрекаетъ лошадей, и онѣ, при восторженныхъ крикахъ разступившагося на двѣ стороны народа, несутся, какъ молнія. Топотъ коней по каменной мостовой, хлопанье въ ладоши, крикъ тысячи голосовъ—все это напоминаетъ ристалище древнихъ римлянъ. Опоздавшихъ лошадей встрѣчаютъ насмѣшками, криками и даже ударами... Очень часто собака, которыми особенно богатъ Римъ, вдругъ попадаетъ на мѣсто, предназначенное для боя. Всѣ рады случаю позабавиться, толпа окружаетъ въ плотную бѣдное животное. Помучивши такъ нѣсколько минутъ, ей открываютъ гдѣ нибудь выходъ, и она, какъ угорѣлая, мчится вонъ отъ крика и смѣха, которые посылаютъ ей въ слѣдъ. Тутъ тоже, хоть и не въ такой степени, какъ у испанцевъ, все-таки проглядываетъ дикая южная натура, не вполнѣ еще смягченная образованіемъ. По вечерамъ очень часто площадь Навона служитъ огромной бальной залой; ее ярко освѣщаютъ разноцвѣтными фонарями, и здѣсь весело раздаются звуки музыки... Народъ въ маскахъ веселится въ томъ же родѣ, какъ и днемъ, только теперь къ вечеру всѣ страшно устали, и удовольствія принимаютъ болѣе тихій характеръ. Въ одномъ мѣстѣ кучка молодежи прислушивается къ стихамъ, которые кто-то декламируетъ громко и на распѣвъ. Но вотъ раздались звуки польки и вальса и всѣ пустились въ танцы. Когда танцующими овладѣваетъ одушевленіе, появляются музыканты съ тамбуриномъ и мандалиной и начинаютъ *сальтареллу*.

Прощальный вечеръ, послѣдній передъ постомъ, празднуется совершенно особымъ образомъ. Лишь только начинаетъ темнѣть, вездѣ въ окнахъ, на балконахъ и изъ толпы снующаго по улицамъ народа замелькали огоньки... И огоньки эти каждую минуту умножаются не сотнями, а тысячами. Это праздникъ *моколи*, или свѣчекъ, и въ это

время каждый непремѣнно идетъ съ зажженной тонкой восковой свѣчкой и самымъ фантастическимъ образомъ освѣщаетъ свои экипажи и жилища. Когда совсѣмъ стемнѣло (а на югѣ полная темнота наступаетъ необыкновенно быстро, почти внезапно), тысячи огней засверкали рѣшительно изо всѣхъ оконъ, балконовъ и съ крышъ. Всѣ кареты на Корсо унизаны свѣчками и факелами и каждый сидящій въ нихъ непремѣнно держитъ зажженную восковую свѣчу, которую онъ защищаетъ проволочной сѣткой или бумажнымъ фонарикомъ. Самая главная задача въ этотъ вечеръ потушить у другаго свѣчку. Тотъ и молодецъ, кто, не смотря на то, что свѣчку зорко охраняютъ, хитростью и ловкостью все-таки погаситъ ее; еще больше хвастаетъ потомъ тотъ, у кого долго не потушили огня.

Разнообразныя маски, блестящіе наряды и экипажи, въ которыхъ сидятъ веселыя и разодѣтыя, красивыя римлянки, цѣлое море сверкающихъ огней, смѣхъ, шутки, остроты, маленькія хитрости, чтобы надуть сосѣда и потушить его свѣчку,—все это выходитъ какъ-то еще забавнѣе и даже фантастичнѣе, такъ какъ происходитъ ночью, среди развалинъ и колоннъ, уходящихъ въ небо... Трудно вообразить себѣ что нибудь болѣе эффектное! Въ эту ночь все римское населеніе превращается въ дѣтей! И, дѣйствительно, нельзя не заразиться этой общей, дѣтски-шаловливой веселостью, которая обуяла всѣхъ, и стараго, и малаго! Вы видите, какъ на васъ машутъ носовыми платками и шляпами, чтобы потушить вашъ огонь, и вы невольно защищаете себя... У васъ потушили свѣчку, и кругомъ взрывъ хохота и остротъ. Повсюду слышатся жалобные возгласы: «Ахъ! какой стыдъ, безъ свѣчки!..». Этими словами вамъ точно говорятъ: «бѣдный простачекъ, какъ тебя легко провести!». Васъ подзадорили этимъ, и вы невольно бросаетесь съ жаромъ тушить у сосѣда его свѣчку.—Балконы тоже въ осадномъ положеніи: собравшіяся внизу около нихъ кучки народа вступаютъ съ ними въ борьбу. Они снизу бросаютъ чѣмъ попало или навязываютъ на длинные шесты носовые платки и размахиваютъ ими во всѣ стороны, чтобы потушить свѣчки. Съ балкона ихъ отражаютъ тростями... Но вотъ молодая дѣвушка, увлекшись этимъ занятіемъ, свѣшивается по поясъ черезъ перила и, не смотря на жаръ тысячи огней, которые бросаютъ ей свѣтъ прямо въ глаза, жгутъ ея щеки, не смотря на опасность сжечь свои черныя косы, ловитъ палку, которая столь многимъ уже погасила огни. Нѣсколько минутъ длится борьба, во время которой огонь нѣсколько разъ сильно опалилъ руки дѣвушки, но вдругъ она вырвала палку, сорвала съ нее платокъ и все это бросила внизъ... Кругомъ ея раздается оглушительный взрывъ аплодисментовъ и восторженныхъ похвалъ.

Наконецъ съ безчисленныхъ колоколенъ раздается звонъ Аве-Маріи; въ туже минуту несутъ хоронить веселаго героя карнавала, окруженнаго зажженными факелами; тотчасъ всѣ тушатъ свѣчи и празднество окончено.

Танцующія башни Нолы.—Представленія восковыми фигурами страданій мучениковъ.

26-го Іюня, въ праздникъ св. Паулина, множество народу спѣшитъ въ Нолу, куда изъ Неаполя по желѣзной дорогѣ можно доѣхать съ небольшимъ въ одинъ часъ. Лишь только успѣешь вступить въ шумный городъ, какъ васъ поразитъ въ этотъ день

необыкновенно странное зрѣлище, которое заставитъ думать, что вы пріѣхали въ Индію или въ Японію, но никакъ не въ европейскій городъ.

На встрѣчу вамъ идетъ высокая, выше всѣхъ построекъ въ этомъ городкѣ, башня, наполненная народомъ, украшенная всевозможными изваяніями и фигурами въ странныхъ одеждахъ, блещущая на солнцѣ золотомъ, серебромъ и яркокрасными тканями. Какъ? башня съ людьми такъ таки и идетъ? Да, башня дѣйствительно идетъ, и не только съ людьми, но и съ цѣлымъ оркестромъ музыки.... Дѣло въ томъ, что она построена очень легко, и нѣсколько десятковъ людей несутъ ее на своихъ плечахъ. Вы не успѣли еще опомниться и разглядѣть это чудо, какъ слышите громкую, рѣзкую музыку и оборачиваетесь.... Представьте, сзади васъ идетъ такая же огромная пятиэтажная башня, только нѣсколько иначе разукрашенная. Изъ боковой улицы опять музыка и опять появляется такая же странствующая башня, и такимъ образомъ этихъ башенъ набирается до десятка. Всѣ онѣ построены изъ столбиковъ въ пять этажей, съ нишами, арками и безчисленными фигурами. Столбы обклеены золотой и серебряной бумагой, но такъ искусно, что блестятъ на солнцѣ точно вылитые изъ чистаго серебра и золота. Золотистый куполъ покрываетъ каждую изъ нихъ. Въ нижнемъ этажѣ сидятъ дѣвушки, съ ногъ до головы прелестно украшенныя цвѣтами; сзади въ различныхъ позахъ стоятъ мальчики въ шлемахъ изъ золотой бумаги, въ нишахъ и по бокамъ каждаго этажа ставятъ фигуры съ разными эмблемами; то стоитъ ангелъ съ знаменами или арфою, то прелестный юноша съ рогомъ изобилія, изъ котораго онъ сыплетъ цвѣты. Въ слѣдующемъ этажѣ, между фигурами патроновъ, стоитъ ангелъ и качаетъ кадильницу. Въ среднемъ этажѣ сидитъ оркестръ изъ нѣсколькихъ музыкантовъ, оглушительно играютъ на барабанахъ, литаврахъ, треугольникахъ и рожкахъ. Съ самымъ большимъ искуствомъ обыкновенно украшена передняя сторона башни, задняя же покрыта миртовыми вѣтвями съ воткнутыми подлѣ знаменами. Мастеровые каждаго значительнаго ремесла поставляютъ по такой башнѣ на праздникъ св. Паулина, и вы сейчасъ узнаете, какими ремесленниками сооружена каждая изъ нихъ. Съ башни жнецовъ, или земледѣльцевъ, свѣшивается серпъ, у пекарей—два большіе кренделя, у мясниковъ виситъ кусокъ говядины, у портнаго бѣлая жилетка, у сапожника башмакъ, у пицикароли (торговца жирными товарами)—сыръ, у садовниковъ—тыква, у виноторговцевъ—бутылка; кромѣ того въ каждой башнѣ, въ одномъ изъ верхнихъ ея этажей, стоитъ человѣкъ, который держитъ эмблему того или другаго ремесла: такъ въ башнѣ садовниковъ стоитъ юноша съ рогомъ изобилія, изъ котораго онъ щедро сыплетъ цвѣты; въ башнѣ кабатчиковъ два человѣка держатъ боченокъ. И такъ, всѣ эти башни съ музыкой потянулись къ собору, за ними бѣжитъ громадная, шумная толпа въ пестрыхъ костюмахъ, съ знаменами въ рукахъ изъ золотой и серебряной бумаги. Эта дикая музыка, балконы, ярко разукрашенные цвѣтами, разодѣтыя веселыя дѣвушки, странныя, ярко блестящія башни, палящій жаръ неаполитанскаго неба, дикій шумъ веселой, буйной и ликующей толпы, все это страшно ошеломляетъ свѣжаго человѣка и переноситъ его во времена язычества.

Шествіе открываетъ маленькая башня, въ нижнихъ этажахъ которой сидятъ увѣнчанныя цвѣтами дѣти, за башней несутъ корабль, на которомъ сидитъ мальчикъ, одѣтый туркомъ съ алымъ цвѣткомъ въ рукѣ. За этимъ кораблемъ несутъ другой, совершенно вооруженный военный корабль. Въ этомъ кораблѣ стоитъ молодой человѣкъ въ мавританской одеждѣ и съ наслажденіемъ куритъ сигару, а у руля на колѣняхъ стоитъ фигура самого св. Паулина. Странное зрѣлище представляется путешественнику, когда такая башня достигаетъ собора; она останавливается, и къ ней подходитъ человѣкъ, который начинаетъ бить тактъ палкою; оркестръ играетъ и носильщики начинаютъ

дѣлать танцовальныя движенія. При этомъ башня такъ качается, что, кажется, она готова упасть; фигуры движутся, знамена шумятъ... Потанцовавши такимъ образомъ минутъ пять, башня становится въ сторонѣ, и на ея мѣсто приходитъ другая, которая танцуетъ точно также, а къ первой подходитъ кружокъ юношей и начинаетъ выдѣлывать разные па. Когда перестаетъ танцовать кружокъ этихъ молодыхъ людей, танцуютъ солисты въ серединѣ круга. Иногда во время танцевъ они схватываютъ человѣка, который выдѣлываетъ у нихъ на рукахъ разныя движенія, наконецъ растягивается у нихъ на рукахъ и свѣшиваетъ голову, точно мертвый. Кругомъ его начинается опять живая пляска. Скоро онъ снова поднимается, тряхнулъ кудрями, улыбаясь, щелкнулъ въ кастаньеты и опять пустился въ плясъ. Эти танцы въ кругахъ происходятъ съ разными варіаціями: иногда они напоминаютъ даже нашихъ паяцовъ, дѣлающихъ разныя штуки передъ окнами. Все это проходитъ снаружи передъ соборомъ, въ которомъ идетъ служба, и никто изъ присутствующихъ не объяснитъ вамъ смыслъ и значеніе этихъ танцевъ. Кончились танцы, кончилась и служба, и изъ церкви повалило духовенство въ торжественной церемоніи, сзади ихъ пошли и эти башни, окруженныя большою, шумною, веселою толпою. Началась пальба, и эта длинная процессія прошла по всему городу. Вечеромъ бываетъ бѣгъ лошадей, а ночью праздникъ заканчивается иллюминаціей. Нужно однако замѣтить, что число подобныхъ празднествъ съ каждымъ годомъ все уменьшается въ Италіи.

Между церковными празднествами особенно любопытны празднества страстной недѣли. Въ это время въ часовняхъ и близь кладбищъ даютъ часто представленія изъ жизни и страданій мучениковъ, которыхъ изображаютъ восковыми фигурами. Эти восковыя фигуры сдѣланы съ большимъ искуствомъ, и ихъ живописныя одежды и прекрасное освѣщеніе показываютъ, какъ заботятся о привлекательности этихъ представленій. И дѣйствительно, множество народу толпится у входа, и байокки одинъ за однимъ падаютъ въ мѣдную вазу, которая стоитъ возлѣ привратника. Эти восковыя куклы изображаютъ то мученицу Агнесу, которая въ воздушныхъ одеждахъ спускается съ прозрачныхъ облаковъ, то Моисея въ пустынѣ: при этомъ обыкновенно зрителямъ представляется прекрасный пейзажъ: тамъ и сямъ нависшія скалы и горы, по которымъ легко пробираются овцы; всюду мелькаетъ чудная зелень пальмъ. Но самое любимое представленіе народа — мученичество св. Эразма. Святой лежитъ навзничь на доскѣ; животъ у него разрѣзанъ и двое палачей наматываютъ кишки на дощечку. У умирающаго Эразма уже свѣшивается голова. Возлѣ него стоитъ жрецъ Зевса (языческій священникъ) съ вѣнкомъ на головѣ, въ пышной одеждѣ, и указываетъ Эразму на Зевса, изображеніе котораго стоитъ тутъ же въ углу. Фигура этого жреца скорѣе добродушная, чѣмъ суровая, и онъ ясно говоритъ своимъ кроткимъ лицомъ: «Принеси, другъ мой Эразмъ, поскорѣе жертву Зевсу, и все будетъ забыто». Все это мученіе совершается передъ престоломъ императора Адріана. Онъ глядитъ на пытку совершенно спокойно; возлѣ него два воина съ копьями въ рукахъ. У него черная, какъ смоль борода и на головѣ лавровый вѣнокъ. Въ этихъ представленіяхъ, конечно, нечего искать исторической правды.

ИСПАНІЯ.

Черезъ Баскскія провинціи по старой Кастиліи въ Мадритъ.—Баски и ихъ отношеніе къ Испаніи.—Природа Баскскихъ провинцій.—Баскonка.—Басконецъ.—Ихъ понятія и горячая любовь къ родинѣ.—Старая Кастилія и тяжелое впечатлѣніе, какое она производитъ.

Проѣзжая по баскскимъ провинціямъ, путешественникъ почти вездѣ наслаждается восхитительнымъ пейзажемъ: онъ могъ бы иной разъ подумать, что находится въ Швейцаріи, если бы вмѣсто шалэ ему не попадались маленькіе, низенькіе домики, чисто выбѣленные известкою, съ кровлею изъ красной черепицы.

Видъ горъ чрезвычайно разнообразенъ: одна цѣпь поднимается за другою и самыя отдаленныя теряются вдали, подернутыя туманомъ. За исключеніемъ скалистыхъ мѣстностей, растительность чрезвычайно богатая. Большая часть горъ покрыта густыми лѣсами, между которыми чаще всего встрѣчаются могучіе дубы двухъ видовъ: такъ называемый каменный дубъ и пробковый съ громадными стволами. Въ менѣе возвышенныхъ мѣстахъ склоны горъ покрыты плодовыми деревьями, особенно орѣшникомъ, каштановыми и яблочными деревьями, безпрестанно мелькаютъ альпійскія розы; даже крутые хребты увѣнчаны рощами. Тамъ и здѣсь, совсѣмъ наверху, мелькаютъ хижины пастуховъ и разстилаются плодородные поля маиса. Всюду превосходныя пастбища. Эту богатую растительность еще болѣе оживляютъ огромныя стада барановъ и козъ. Чу! Что это? Какой странный звукъ! не то это плачь дѣтей, не то кошачій концертъ, или рѣзкій скрипъ зубцовъ пилы о твердый камень... Но вотъ показывается самаго первобытнаго вида телѣга, и все тотчасъ объясняется. Она запряжена быками и сплошныя колеса безъ спицъ совсѣмъ не смазаны. Баскскимъ крестьянамъ очень нравится скрипъ ихъ телѣгъ, а въ торжественныхъ случаяхъ онъ считается даже необходимымъ. Любовь жителей къ этой оригинальной музыкѣ такъ сильна, что вы ее часто услышите даже и въ тѣхъ мѣстечкахъ баскскихъ провинцій, гдѣ алькады (мѣстныя власти) грозятъ штрафами любителямъ этихъ дикихъ звуковъ. По дорогѣ безпрестанно встрѣчаешь кого нибудь: то съ горы спускается старуха, нагрузивъ себѣ на плечи огромную связку

дровъ, что не мѣшаетъ ей идти весьма проворно; то молодую дѣвушку съ стройнымъ станомъ и черными глазами. Она несетъ на головѣ сосудъ съ молокомъ, не придерживая его руками. Если она несетъ не молоко, то какую нибудь другую тяжелую ношу, какую у насъ рѣшится тащить развѣ здоровый парень, а она, точно не чувствуя никакой тяжести, бѣжитъ какъ лань по самой крутой тропинкѣ. Если она идетъ потише, то непремѣнно напѣваетъ пѣсенку и въ то же время вяжетъ десятицвѣтной нагрудникъ, которымъ она украситъ грудь мужа или старика отца. Мужчины перевозятъ разные припасы въ двойныхъ корзинахъ, изъ которыхъ одна расположена по одну, другая по другую сторону мула и въ которыхъ, въ случаѣ нужды, могутъ помѣститься два человѣка.

Баски совершенно особое племя, сохранившее свой особый языкъ, который совсѣмъ не похожъ на испанскій и подраздѣлющійся на нѣсколько нарѣчій. Баски сохранили до сихъ поръ свои особые нравы и политическіе обычаи. Хотя типъ баска въ буквальномъ смыслѣ этого слова не существуетъ, такъ какъ между ними вы встрѣтите и бѣлокурыхъ, и черноволосыхъ, малорослыхъ и людей большаго роста, но весь народъ, какъ мужчины, такъ и женщины, отличаются красотою и благородствомъ осанки и замѣчательною подвижностью физіономіи. Каждая новость, волненіе обнаруживается блескомъ глазъ, дрожаніемъ губъ, моментальнымъ оживленіемъ каждой фибры лица. Особенно хороши женщины: ихъ гибкій станъ чрезвычайно граціозенъ; большіе глаза и гордая улыбка на губахъ говорятъ вамъ, что онѣ находчивы и остроумны, но не доступны и совсѣмъ не отличаются наивностью и простодушіемъ другихъ женщинъ простонародья. Безобразная женщина басконка—феноменъ, а есть мѣстности въ странѣ, гдѣ, говорятъ, каждая дѣвушка представляетъ образецъ для художника и скульптора.

Гордая, аристократическая осанка басковъ такъ рѣзко выдѣляетъ ихъ изъ среды другихъ народовъ, что вы невольно ищете въ прошлой судьбѣ народа причины этого явленія. Извѣстно, что предки басковъ отличались необыкновенною любовью къ свободѣ. Во время войны съ римлянами за независимость, они убивали другъ друга, чтобы не отдаться въ плѣнъ; матери умерщвляли своихъ дѣтей, чтобы только избавить ихъ отъ позора рабства; плѣнники, распятые на крестахъ, не переставали пѣть и славословить свободу родины и мужество своихъ согражданъ. Но они не только отличались мужествомъ, но исторія говоритъ и о ихъ превосходствѣ передъ сосѣдями, благодаря своей правдивости, великодушію и уваженію къ свободѣ человѣка. Въ національныхъ собраніяхъ всѣ они имѣли одинаковое право голоса, въ нѣкоторыхъ долинахъ даже женщины пользовались этимъ правомъ. Но даже и тогда женщины не садились рядомъ съ мужчинами: онѣ отдѣльно обѣдали, стоя у очага. Этотъ обычай сохранился и до сихъ поръ. Кромѣ дня свадьбы, женщины никогда не сядутъ за столомъ рядомъ съ мужемъ, держатъ себя въ сторонѣ, даже танцуютъ между собой, тогда какъ мужчины предаются удовольствіямъ особо отъ нихъ. Всѣ игры мужчинъ—ничто иное, какъ упражненіе въ силѣ и ловкости. Самая любимая игра въ мячъ. Любители и спеціалисты этого дѣла состязаются другъ съ другомъ; объ этомъ даютъ знать заблаговременно, такъ какъ на это зрѣлище собираются громадныя толпы народа и смотрятъ на нихъ также, какъ греки на олимпійскія игры. Кромѣ физическихъ упражненій, баски разыгрываютъ подъ открытомъ небомъ различныя мистеріи и пасторали и поэтому у нихъ есть особые актеры и поэты.

Въ баскскихъ провинціяхъ самый здоровый климатъ сравнительно со всѣми другими частями Испаніи. Благодаря вліянію океана страна не страдаетъ отъ лѣтнихъ жаровъ, какъ это мы видимъ на югѣ Испаніи; она не подвержена также и зимнимъ холодамъ, потому что они умѣряются морскимъ вѣтромъ, а Пиринейскія горы защищаютъ

ихъ отъ суровыхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Эти явленія дѣлаютъ страну весьма благопріятною для земледѣлія. Вся страна басковъ обработана прекрасно, съ большимъ трудолюбіемъ. Сѣютъ много ячменя, маиса, овса, всевозможныхъ овощей, пеньки и льну; разводятъ и картофель. Но пшеничный хлѣбъ крестьянинъ ѣстъ только по праздникамъ и воскресеньямъ. Изъ маиса и ячменя, или одного маиса приготовляютъ хлѣбъ. Главную пищу составляютъ: молоко, сыръ, бобы и горохъ. Обычный напитокъ ихъ *сидръ* (приготовляемый изъ яблочнаго сока) и только въ одной изъ трехъ баскскихъ провинцій можно найти довольно пріятное вино.

Женщины, не менѣе мужчинъ сильныя и дѣятельныя, занимаются тѣми же работами. Здѣшняя 14-ти лѣтняя дѣвочка выглядываетъ совершенно взрослой дѣвицей; однако замужъ онѣ выходятъ не раньше какъ въ 20 и 22 года, и между ними рѣдко увидишь болѣзненную и хилую женщину. Обыкновенно крестьянки и служанки ходятъ босикомъ, исключая воскресенья, но мало-мальски зажиточная женщина носитъ башмаки всю недѣлю. Волосы старательно расчесаны, заплетены въ двѣ косы и падаютъ на плечи. Голова обыкновенно повязана бѣлымъ платкомъ, концы котораго падаютъ назадъ. Гибкую, стройную талію дѣвушки ловко обхватываетъ корсажъ (шерстяной или шелковый, смотря по времени года), одѣтый поверхъ широкой, но короткой юбочки. По воскресеньямъ эта юбка, какъ и рубашка, бѣлая, выложенная розовой или голубой тесемкой. Костюмъ мужчинъ также не затѣйливъ: они носятъ плоскія шапки, нагрудникъ алаго или какого-нибудь другого яркаго цвѣта, поверхъ иногда набрасываютъ широкую и короткую накидку, и всегда непремѣнно въ длинныхъ панталонахъ— вотъ и весь костюмъ басконца. Волосы его обрѣзаны довольно коротко, тогда какъ прежде басконцы носили длинные волосы, считая это признакомъ свободнаго человѣка. Басконецъ ведетъ жизнь чрезвычайно дѣятельную; но въ часы отдыха онъ умѣетъ повеселиться, и Кантабрскія горы часто оглашаются звуками его мелодическихъ пѣсенъ, нерѣдко тутъ же имъ импровизированныхъ.

Въ жителяхъ этихъ маленькихъ провинцій много особеннаго. У рѣдкаго домика вы не найдете огромнаго герба при входной двери; они очень тщеславятся своимъ происхожденіемъ и мало кто изъ нихъ не считаетъ себя дворяниномъ самой чистой крови. Теперешніе баски отличаются также храбростью, веселымъ нравомъ и страстною любовью къ родинѣ; родиной же своей они считаютъ не всю Испанію, а только свои провинціи. Хотя баски и подданные испанскаго правительства, но съ давнихъ временъ они привыкли жить совершенно самостоятельно. Когда вся Испанія признавала Карла V своимъ королемъ, они одни только сохранили свою прежнюю независимость. Они сами выбирали изъ своей среды начальниковъ для управленія своими провинціями, назначали налоги, распредѣляли общественные расходы, содержали войска. Испанскій король не вмѣшивался въ ихъ дѣла. Правда, онъ посылалъ туда своихъ губернаторовъ, но вся ихъ обязанность заключалась въ томъ, что они присутствовали на народныхъ собраніяхъ басковъ и наблюдали, чтобы во время ихъ не было сказано или сдѣлано чего-нибудь, несогласнаго съ достоинствомъ испанской королевской власти. Во время войны всѣ баски, способные носить оружіе, вступали въ войска испанскаго короля, но и тутъ изъ нихъ обыкновенно составлялся отдѣльный вспомогательный отрядъ. Однако Испанія нѣсколько разъ дѣлала попытки лишить эти сѣверныя провинціи ихъ самостоятельности и въ началѣ нынѣшняго столѣтія дѣйствительно отняла у нихъ многія права и преимущества (фуэросы, какъ они ихъ называютъ).

Своею горячею любовью къ родинѣ, къ своимъ фуэросамъ и своею первобытною наивностью баски скорѣе напоминаютъ уже вымершія національности, чѣмъ европейцевъ. Они дичатся, когда завидятъ въ своей странѣ иностранца, а если онъ съумѣетъ

заставить ихъ разговориться, что впрочемъ бываетъ очень рѣдко, баски необыкновенно наивно высказываютъ свое удивленіе, что онъ пришелъ къ нимъ, въ ихъ горы, которыя самою природою такъ созданы, что чужіе люди не могутъ проникать къ нимъ. Напомните ему объ испанскомъ правительствѣ, онъ посмотритъ на васъ съ сожалѣніемъ, какъ на человѣка, который не понимаетъ, какъ слѣдуетъ, даже и этого вопроса, столь важнаго, по его мнѣнію, для каждаго смертнаго. «Что же намъ испанскій король? синьоръ—и больше ничего... Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ наша страна», горячится онъ все болѣе и болѣе, «ко всѣмъ королямъ въ мірѣ мы относились какъ равный къ равному, и ни одна страна на землѣ не пользовалась такими фуэросами, какъ наша родина. Мы отъ вѣка никому не давали заложниковъ, не платили даней и податей. Вы люди не свободные, вы не понимаете какая наша страна! Наша страна самая лучшая, самая свободная и мы любимые и старшіе дѣти міра!» Баски, не смотря на свои первобытныя понятія, все-таки помнятъ, что они пользовались прежде большими правами, но они любятъ хвастнуть передъ иностранцемъ, не разумѣя въ своемъ невѣденіи, что каждому образованному человѣку извѣстна и ихъ прошлая исторія, и ихъ теперешнія отношенія къ Испаніи.

Какъ трудно, говоря о баскахъ, не упомянуть о ихъ фуэросахъ, для защиты которыхъ каждый изъ нихъ всегда готовъ на самый опасный подвигъ, такъ невозможно умолчать объ ихъ дубѣ *Герникe*, который обыкновенно называютъ «зеленѣющимъ капитоліемъ басковъ». Въ уединенной долинѣ, близь деревенской церкви, на берегу ручья, бѣгущаго въ Баскскій заливъ, стоитъ старый дубъ *Герникe*, — въ высшей степени древнее дерево. Что бы ни сталъ разсказывать басконецъ своимъ дѣтямъ о подвигахъ предковъ прошедшихъ временахъ, онъ непремѣнно прибавитъ, что все это происходило близъ дуба *Герникe*. Всѣ баски съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ подходятъ къ этому дубу, передаютъ и своимъ дѣтямъ уваженіе къ нему, и вѣтви его украшаютъ лучшій уголъ комнаты многихъ изъ нихъ. Вотъ съ какимъ благоговѣніемъ говорилъ баскъ одному путешественнику о своемъ дубѣ.

«Наши гербы не моложе королевскихъ, но у насъ еще не было гербовъ, а старые люди уже совѣщались подъ дубомъ *Герникe* о народныхъ дѣлахъ. Короли сперва Леонскіе, Аррагонскіе, потомъ короли всей Испаніи, приходили подъ его вѣтви, поднимали къ небу руки и клялись сохранить фуэросы басковъ. Отъ вѣка баски не были въ зависимости и не нуждались въ чужомъ хлѣбѣ, потому что о независимости и о хлѣбѣ молятся подъ дубомъ *Герникe*. Нечистая сила бѣжитъ отъ шума его листьевъ, и *ничего рабскаго* не снится уснувшему подъ нимъ, потому что это дерево нашихъ фуэросовъ, нашей чести и нашей молитвы».

Въ странѣ басковъ вы постоянно слышите страшный шумъ водопадовъ, крики орловъ, а въ горахъ мѣрный стукъ молотовъ, поднимаемыхъ водою и бьющихъ о наковальни. И такъ повсюду. Это показываетъ, что баски отличные кузнецы, въ высшей степени дѣятельный народъ. Ихъ суевѣрія и пылкость тоже будутъ вамъ понятны, когда вы проведете нѣсколько времени въ этой прелестной, но отчасти дикой странѣ. При необыкновенной дѣятельности народа, при достаточно самостоятельномъ правленіи, торговля и промышленность процвѣтаютъ,—почти вся страна превосходно обработана. Хотя провинціи эти плотно населены, но вы очень рѣдко встрѣтите здѣсь нищаго: превосходные желѣзные рудники и множество плавильныхъ заводовъ доставляютъ работу большому числу жителей, а хорошія гавани даютъ возможность дѣятельно вести торговлю.

Картины природы и мѣстные нравы совсѣмъ мѣняются, какъ только вы вступаете въ Старую Кастилію. Трудно себѣ представить мѣстность болѣе унылую! Передъ вашими глазами постоянно разстилается однообразная пустыня, и ни одного дерева по всѣмъ

этимъ бѣднымъ полямъ! Причина такой пустынности и бѣдности—неумѣнье хорошо обработывать землю и масса предразсудковъ. Между прочимъ кастильцы вѣрятъ въ то, что деревья привлекаютъ птицъ, которыя клюютъ рожь, слѣдовательно деревья губятъ поля.

Предразсудки и суевѣрія характерная черта не только кастильцевъ, но и всего испанскаго народа. Бытъ народа, его понятія и вѣрованія всегда находятся въ тѣсной связи какъ съ прошлою его жизнію, такъ и съ окружающей его природой.

Ужасный голодъ, страшныя эпидеміи, которыя такъ часто свирѣпствовали въ Испаніи во время цѣлаго ряда деспотическихъ и дурныхъ правителей, наконецъ, землетрясенія и множество вредныхъ климатическихъ условій,—все это мало по малу развивало ложныя понятія о явленіяхъ природы, наводило безотчетный страхъ на невѣжественнаго испанца, объ образованіи котораго стали заботиться только теперь.

Повсемѣстная жара и засуха, рѣдкіе дожди и при этомъ необыкновенно плохое орошеніе страны мѣшаютъ плодородію. Въ большей части Испаніи дни бываютъ до того томительно жаркіе, что ни одинъ земледѣлецъ не можетъ долго работать и въ продолженіи дня долженъ нѣсколько разъ прерывать свои занятія; а такіе частые перерывы пріучаютъ народъ къ непостоянству въ трудѣ. Испанцы плохіе земледѣльцы также и потому, что въ нихъ съ давно-прошедшаго времени укоренилась страсть къ бродячей жизни пастуха. Еще въ то время, когда испанцы вели ожесточенныя войны съ своими мусульманскими завоевателями, имъ казалось гораздо удобнѣй на случай войны или нежданнаго нападенія враговъ имѣть подвижную собственность, которую бы они могли скрывать, гдѣ случится.

Вотъ почему еще изстари они предпочитали свои стада произведеніямъ земли и дѣлались охотнѣе пастухами, нежели земледѣльцами. Все это, разумѣется, увеличивало опасности жизни, развило суевѣріе и усиливало любовь къ приключеніямъ. Такъ испанецъ и не могъ сдѣлаться хорошимъ земледѣльцемъ.

По Старо-Кастильской дорогѣ и деревни встрѣчаются какъ рѣдкіе оазисы. Вдали по горизонту тянутся скалистыя горы. Среди этой-то унылой природы, обожженой яркими, горячими лучами солнца, и выработался испанскій характеръ, медленный и спокойны по наружности, но въ сущности пылкій, горячій и страстный.

Путешествіе на мулахъ.

Если путешественнику нѣтъ надобности отправиться въ мѣстность, по которой идетъ желѣзная дорога, первое, что васъ поразитъ, въѣзжая въ Испанію,—это добрый десятокъ, а то и цѣлая дюжина красивыхъ, сильныхъ муловъ, которыхъ впрягутъ вамъ въ дилижансъ; большею частію по Испаніи приходится путешествовать на мулахъ или лошадяхъ въ самыхъ разнообразныхъ экипажахъ, такъ какъ желѣзныхъ дорогъ здѣсь еще мало. Муловъ своихъ испанцы холятъ и любятъ отъ всей души. Вся задняя половина животныхъ выбрита, грива въ лентахъ, на головѣ торчитъ большой и высокій букетъ изъ разноцвѣтной шерсти. Испанскій дилижансъ очень оригиналенъ: это что-то въ родѣ тяжелой колымаги; внутри для пассажировъ купе, освѣщенное маленькимъ оконцемъ, которое отъ сильныхъ здѣшнихъ жаровъ завѣшиваютъ шторкой изъ тонкихъ деревянныхъ планочекъ. Муловъ, а иногда и лошадей въ такой дилижансъ впря-

гаютъ попарно, оставляя между парами порядочное разстояніе. Если смотрѣть на такой поѣздъ сверху, особенно, когда онъ огибаетъ гору, кажется, точно извивается огромная змѣя.

И у насъ въ Россіи, зимою, особенно прежде, ѣзжали цугомъ, только съ тою разницею, что впрягали одну лошадь за другой, а не парами, какъ это дѣлается въ Испаніи.

При дилижансѣ четверо служащихъ. Главное лице—*майораль*, тоже что нашъ кондукторъ. Его одежда очень оригинальна: голова повязана цвѣтнымъ фуляровымъ платкомъ, прикрыта сверху андалузскою шляпою съ приподнятыми краями: широкая куртка вся разшита разноцвѣтнымъ снуркомъ; сзади даже вышитъ огромный горшокъ съ цвѣтами, раскидывающими свои вѣтви по всей спинѣ. Панталоны майораля спущены немного ниже колѣнъ и сдѣланы изъ сукна съ бархатными обшивками, а иногда изъ бараньей кожи; обувь неизбѣжно состоитъ изъ бѣлыхъ башмаковъ. Майораль сидитъ на козлахъ, а подлѣ него кучеръ: кромѣ нихъ есть еще паренекъ, который чуть не всю дорогу бѣжитъ то по одну сторону муловъ, то по другую и понукаетъ лошадей. Его называютъ *загаломъ*. И наконецъ четвертый ѣдетъ верхомъ, впереди.

Верхъ дилижанса нагружаютъ багажемъ и нѣсколькими ружьями и тутъ же садятся двое солдатъ, чтобы отстрѣливаться отъ разбойниковъ, которые по большимъ дорогамъ очень часто нападаютъ на проѣзжающихъ. Когда пассажиры усѣлись и все уже готово, чтобы тронуться въ путь, одинъ изъ служащихъ, обыкновенно юноша лѣтъ 17-ти, надѣваетъ свою шапку изъ мерлушки, что придаетъ его загорѣлому отъ солнца лицу видъ самый дикій, и садится верхомъ на одного изъ муловъ, который идетъ впереди всѣхъ, въ первой парѣ. «А вотъ и осужденый на смерть», говорятъ обыкновенно пассажиры, завидѣвши юношу, и дѣйствительно обязанности этихъ верховыхъ необыкновенно тяжелы. Подъ отвѣсными лучами палящаго солнца ему приходится иногда сидѣть такимъ образомъ 30 и болѣе часовъ кряду.

Но вотъ майораль даетъ знакъ тронуться съ мѣста, тогда *загалъ* начинаетъ суетиться около муловъ и осыпаетъ ихъ градомъ ударовъ кнутомъ и палкою. Съ минуту мулы кидаются то вправо, то влѣво, лягаютъ, тяжелый дилижансъ колеблется, но наконецъ тронулся и покатилъ. Мулы развѣ только на крутую гору идутъ шагомъ, а то все больше рысью или вскачь. Но вотъ они пошли нѣсколько медленнѣе, загалъ бросается къ нимъ, погоняетъ ихъ, бранитъ, зоветъ по кличкамъ и каждый мулъ отзывается на свою кличку движеніемъ ушей. Но если и это не дѣйствуетъ, загалъ выходитъ изъ себя и безпощадно надѣляетъ то одного, то другаго палочными ударами; когда и это не придаетъ имъ надолго бодрости, онъ забѣгаетъ впередъ экипажа, набираетъ по дорогѣ камушки и ловко бросаетъ ихъ одинъ за однимъ въ уши лѣнивыхъ животныхъ. Эта мѣра оказывается самою дѣйствительною, такъ какъ мулы начинаютъ тотчасъ бѣжать гораздо живѣе прежняго.

В. Васнецовъ

МАДРИТЪ.

Окрестности испанской столицы.—Ея убійственный климатъ.—Какую важную роль въ жизни испанца играетъ Пуэрта-дель-Соль.—Одежда.—Эскуріалъ.—Прадо.—Мадрильянки.

Подъѣзжать къ Мадриту приходится по пустыннымъ равнинамъ, обожженнымъ солнцемъ. Едва насчитаешь нѣсколько деревьевъ, одиноко стоящихъ среди виноградниковъ и хлѣбныхъ полей. Кругомъ пусто и бѣдно, и только синяя полоса горъ на минуту нѣсколько разгоняетъ тоску, которую наводитъ на васъ эта жалкая однообразная природа. Чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Мадриту, тѣмъ чаще показываются деревушки, раскрашенныя самыми фантастическими цвѣтами: свѣтло-зеленымъ, розовымъ, голубымъ. Дома эти не всегда выстроены изъ брусьевъ, но очень часто и изъ кирпича. Неизбѣжная принадлежность каждаго дома—балконы и всевозможныя украшенія надъ окнами. Когда встрѣчаешь пять-шесть домиковъ кряду, между ними тотчасъ замѣтишь острый шпицъ невысокой четырехъ-угольной колокольни. Лѣтомъ окрестности Мадрита еще печальнѣе: Рѣка Мансанаресъ, которая тутъ протекаетъ, высыхаетъ еще весною, и лѣтомъ отъ нея остается одинъ только ручей; палящее солнце и сухая песчаная почва истребляютъ всякую растительность. Трудно сказать, недостатокъ ли растительности дѣлаетъ климатъ испанской столицы убійственнымъ, или ея возвышенное положеніе (Мадритъ возвышается приблизительно на 600 метровъ *) надъ уровнемъ моря), можетъ быть пронзительные вѣтры Гвадаррамы (горы, отдѣляющія Новую Кастилію отъ Старой) тому причиной,—а еще скорѣе всѣ эти причины вмѣстѣ дѣлаютъ воздухъ Мадрита необыкновенно вреднымъ даже для самаго здороваго человѣка. Отъ ледянаго вѣтра, о которомъ мы только что упомянули, или, какъ его называютъ, *дуновенія* Гвадаррамы, воздухъ во всей Новой Кастиліи до самыхъ Толедскихъ горъ, а мѣстами даже и до Сіерры-Морены, часто становится чрезвычайно рѣзкимъ. Это особенно чувствительно и гибельно, когда въ ясный день васъ печетъ до изнеможенія раскаленное испанское солнце,—тогда эта струя ледянаго воздуха, точно тысячью вонзающихся острыхъ иголокъ, колетъ грудь и пересохшее горло. Чтобы защитить себя отъ этого, жители Мадрита иначе не выходятъ изъ дому, какъ закутавъ свое лицо до самыхъ глазъ какимъ-нибудь широкимъ шарфомъ. Самая убійственная изъ болѣзней, господствующихъ здѣсь эпидемически,—пораженіе легкихъ. Когда кто-нибудь схватываетъ здѣсь эту болѣзнь, она развивается такъ быстро, что иногда часовъ въ шесть, семь губитъ человѣка. Съ наступленіемъ зимы, какъ мѣстные жители, такъ и иностранцы мрутъ здѣсь, какъ мухи. Этому помогаетъ еще сухая атмосфера и бездождіе. Сырость, дождь или выпадающій снѣгъ встрѣчаютъ здѣсь съ необыкновенною радостью,—но къ сожалѣнію такіе дни бываютъ очень рѣдки.

Съ чего начать, описывая Мадритъ, какъ не съ *Пуэрта-дель-Соль*—центра города, этого самаго лучшаго и всѣмъ извѣстнаго мѣста; бѣднякъ испанецъ, если и не видѣлъ его, то ужъ, конечно, отлично знаетъ по слухамъ и всѣмъ сердцемъ стремится побывать тутъ. Пуэрта-дель-Соль не очень большая и не совсѣмъ правильной формы площадь, обстроенная самыми обыкновенными городскими домами. На этой площади сходятся всѣ главныя улицы Мадрита. Тутъ вы увидите лучшіе магазины, цирюльни, луч-

*) Метръ $1^1/_2$ аршина.

шія гостинницы и кофейни. Жаркій, удушливый зной заставляетъ испанца безпрестанно искать на улицѣ или въ кофейнѣ, чѣмъ бы прохладиться. Поэтому кофеень здѣсь множество и онѣ славятся своими замороженными питьями изъ лимона, апельсина, земляники и сладкаго миндаля. Но самое любимое питье испанца это agraz—изъ неспѣлаго винограда. Всѣ эти прохладительные напитки приготовлены чрезвычайно вкусно и удивительно ароматичны. Среди площади, украшенной статуею Венеры, находится просторный бассейнъ: изъ него бьетъ высокая струя воды, а подлѣ стоитъ огромный канделябръ, который вечеромъ многочисленными огнями фантастически освѣщаетъ всю площадь.

Тутъ съ утра до поздняго вечера толпится масса всякаго народа, потому что каждый испанецъ, вышедшій изъ дому погулять, или за какимъ-нибудь дѣломъ, непремѣнно зайдетъ сюда поболтать или послушать споры, толки и новости. Если въ обществѣ подготовляется какое-нибудь волненіе, начинаются раздоры различныхъ партій, столь обыкновенные въ Испаніи, что безъ нихъ совсѣмъ невозможно представить эту страну,—все это начинается съ Пуэрта-дель-Соль, и всѣ послѣднія новости о политическихъ движеніяхъ испанецъ непремѣнно узнаетъ здѣсь, на этой площади.

Политика здѣсь постоянное занятіе: въ обществѣ вѣчная тревога, смуты, раздоры партій, изъ которыхъ однѣ желаютъ учредить республику, другія монархію. И вотъ всѣ эти партіи сходятся сюда, волнуются, ссорятся, враждуютъ между собою не на жизнь, а на смерть. Всѣ они, и знатные, и бѣдняки здѣсь, какъ и вездѣ, стоятъ съ серьезнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, съ необыкновеннымъ изяществомъ въ манерахъ, чѣмъ они прежде всего отличаются отъ всѣхъ остальныхъ народовъ Европы. Если вы встрѣтите испанца на улицѣ, вы непремѣнно увидите его въ плащѣ; широкій плащъ и зиму, и лѣто составляетъ необходимую принадлежность одежды; только самые высшіе сановники и чиновники носятъ европейскій костюмъ. «La capa» (такъ называютъ испанцы свой плащъ), говоритъ испанецъ, «предохраняетъ меня зимою отъ стужи, а лѣтомъ отъ жары и солнца», и вслѣдствіе этого испанецъ никогда съ нимъ не разстается. Безъ плаща испанецъ считаетъ неприличнымъ войти въ какое-нибудь собраніе, идти въ процессіи, присутствовать на свадьбѣ, однимъ словомъ, капа въ полномъ смыслѣ національный мундиръ испанца. Такъ какъ этотъ плащъ закрываетъ всю остальную одежду, то испанецъ и не особенно заботится о томъ, что у него одѣто подъ нимъ.

Испанцы то и дѣло выставляютъ свои руки изъ плаща, вертятъ маленькую папироску и затѣмъ съ утонченною вѣжливостью обращаются обыкновенно къ сосѣду, кто бы онъ ни былъ, просятъ у него огня и закуриваютъ свою папиросу. Эта простота отношеній, скажу больше, тонкое чувство приличія и изящная вѣжливость, чуждая всякой приторности, царствуютъ безъ исключенія между всѣми классами народа. Испанская аристократія не считаетъ для себя унизительнымъ мѣшаться съ толпою. Туриста прежде всего поражаетъ въ нравахъ испанцевъ то, что они на собраніяхъ и на улицѣ, не обращая вниманія на костюмъ и на общественное положеніе своего сосѣда, совершенно свободно разговариваютъ съ нимъ, а иногда и очень горячо спорятъ по поводу того или другого политическаго движенія.

Пуэрта-дель-Соль соединяется съ дворцовою частью города довольно широкою улицею; на ней, противъ зданія итальянской оперы, примыкая къ огромной кирпичной казармѣ, стоитъ невзрачный дворецъ. За нимъ тотчасъ же течетъ Мансанаресъ, который такъ часто имѣетъ видъ самаго ничтожнаго ручейка. Къ нему спускаются прачки со связкою бѣлья на головѣ; онѣ вырываютъ ямы въ песчаномъ руслѣ Мансанареса и тутъ полощутъ свое бѣлье. А дальше небольшое поле, закрытое отъ дворца рядомъ плохо разросшихся тополей, огороженное высокою, примыкающей къ казармѣ стѣною,

которая испещрена пулями: здѣсь послѣ каждаго подавленнаго возстанія разстрѣливали жертвъ. Дальше пустыри Новой Кастиліи, сплошь до Эскуріала, который лежитъ на два часа ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Мадрита. Мѣстность, которую при этомъ приходится проѣзжать, необыкновенно однообразна и пустынна: ни одного дерева, ни одного дома. Одна скала поднимается изъ за другой и между ними перекинуто множество мостиковъ. Здѣсь и тамъ высокія горы, покрытыя снѣгомъ, теряющіяся въ облакахъ, придаютъ странѣ суровый, величественный характеръ. Подъѣзжать къ Эскуріалу нужно через масличную рощу. Въ то время, когда онъ освѣщенъ солнечными лучами, видъ его великолѣпенъ: Эскуріалъ—громадный дворецъ, выложенный кругомъ гранитными плитами. Соборъ, колокольня и четыре угловыхъ башни господствуютъ надъ этимъ громаднымъ гранитнымъ четыреугольникомъ съ массою узкихъ оконъ. Тутъ все напоминаетъ творца Эскуріала, Филиппа II. Но что обозрѣвать это огромное зданіе? оно такъ мрачно и скучно, что вы не встрѣтите въ немъ ни одной живой души. Гробницы королей наведутъ на васъ еще болѣе грустныя мысли; въ вашемъ воспоминаніи промелькнетъ цѣлый рядъ ничтожныхъ испанскихъ правителей или жестокихъ тирановъ, которые столько столѣтій тысячами душили народъ, принимая всякій проблескъ мысли за еретичество, за богохульство, за преступленіе противъ католической вѣры. Нѣтъ, прочь отсюда, въ столицу, и, чтобы разсѣять мрачныя думы, пойдемъ на веселое и оживленное загородное гулянье.

Прадо—широкое шоссе, по обѣимъ сторонамъ котораго идутъ аллеи каштановъ; но деревья такъ бѣдны, что подъ ними невозможно укрыться отъ солнечнаго жара. Прадо—мѣсто свиданія всего лучшаго общества Мадрита. Тутъ прогуливаются, раскланиваются, представляютъ своихъ друзей, говорятъ, курятъ. Кто желаетъ ограничиться ролью зрителя, тотъ садится на одинъ изъ стульевъ, разставленныхъ вдоль деревьевъ. Хотя парижскія моды проникли и къ испанкамъ, но всетаки онѣ до сихъ поръ удержали въ своемъ костюмѣ болѣе національнаго, чѣмъ другія европейскія женщины. Испанки—весьма небольшаго роста, живыя, съ крошечными руками и ногами, съ нѣжными чертами лица, съ густой темно-каштановой косою. Одѣваются онѣ обыкновенно въ черное платье; длинная кружевная мантилья накинута на голову и черезъ нея просвѣчиваютъ живыя цвѣты въ волосахъ, которые онѣ такъ любятъ носить. Покрытыя такимъ образомъ своими воздушными мантильями, испанскія женщины, при свѣтѣ огней, кажутся какими-то фантастическими существами. Какъ у самой бѣдной крестьянки, такъ у дочери и жены гранда, вѣеръ рѣшительно никогда не выходитъ изъ рукъ и искуство владѣть имъ дано только испанкамъ. Богатыя женщины имѣютъ иногда до сотни самыхъ разнообразныхъ вѣеровъ и нѣкоторые изъ нихъ усыпаны даже драгоцѣнными каменьями. На улицѣ, въ театрѣ, въ церкви постоянно слышится шумъ и щелканье отъ складыванія и распусканія вѣеровъ. Ими испанки даже кланяются, посылаютъ другъ другу привѣтствія, дѣлаютъ знаки. Это пристрастіе къ вѣерамъ будетъ понятно, если мы вспомнимъ, что имъ можно освѣжить лицо во время зноя и жара испанскаго лѣта. Прадо представляетъ необыкновенное разнообразіе, повсюду снуетъ множество продавцевъ и продавщицъ, какъ въ самыхъ характерныхъ костюмахъ, свойственныхъ только Испаніи, такъ и въ лохмотьяхъ, которыя встрѣчаются повсюду въ Европѣ. Дѣти и женщины, до хрипоты выкрикивая о каждомъ вышедшемъ нумерѣ, навязчиво суютъ газеты. «Огонь! огонь!» кричатъ продавцы маленькихъ восковыхъ спичекъ, единственныхъ, употребляющихся въ Испаніи. «Редисъ!»—«Орѣхи свѣжіе, какъ молоко!»—«Индѣйка, откормленная самымъ лучшимъ ячменемъ!»—«Чудная, прелестная гвоздика!» Такъ искушаютъ васъ попеременно то букетчица, то продавецъ живности, то зеленьщикъ. «Самые горячіе каштаны!» стараются перекричать своихъ собратій продавщицы кащ-

тановъ. Но разнощики воды, аквадоры, своими пронзительными, ежеминутно повторяющимися возгласами покрываютъ всѣ остальные крики. Аквадоры носятъ воду на спинѣ въ небольшой бочкѣ, украшенной листьями, другіе предпочитаютъ держать ее въ длинныхъ кувшинахъ, и въ такихъ случаяхъ въ другой рукѣ они несутъ низенькій жестяной столикъ, на который ставятъ стаканы для питья. «Вода!» кричатъ они, «свѣжая, какъ снѣгъ, чистая какъ хрусталь, здоровая вода!» — «Моя вода только что изъ фонтана!» перебиваетъ его другой аквадоръ, въ полной увѣренности, что отдадутъ предпочтеніе его свѣжей водѣ. Фонтановъ въ Мадритѣ хотя много, но всѣ они очень бѣдны водою. Множество водоносовъ сидитъ обыкновенно вокругъ этихъ фонтановъ съ своими боченками и жестяными трубами, которыми проводятъ въ нихъ бѣдныя водяныя струи. Хотя всѣ эти мраморные дельфины фонтановъ какъ будто говорятъ, что они выбросятъ воду широкими струями, но вода въ нихъ сочится очень медленно; несмотря на это, очередь между собою аквадоры наблюдаютъ свято и у фонтановъ никогда не бываетъ никакихъ ссоръ. При постоянныхъ девятимѣсячныхъ жарахъ Мадрита, при жгучихъ лучахъ солнца, расходъ на воду долженъ быть огромный; а при недостаткѣ ея—она дорога: небольшой кувшинъ воды стоитъ 10 к. Тутъ же, во время гулянья, вы встрѣтите и продавцевъ веревокъ изъ *бобровника* (водяное растеніе) для увязыванія тяжестей. Здѣсь же на Прадо вамъ безпрестанно предлагаютъ услуги выводчики пятенъ, мѣдники и т. п.

Жизнь въ Мадритѣ начинается только вечеромъ, потому что днемъ, вслѣдствіе жары, всѣ сидятъ дома и только къ вечеру все населеніе высыпаетъ на улицу. Во всемъ остальномъ Мадритъ не имѣетъ ничего характернаго ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ. Это городъ населенія наѣзжаго. Каждая испанская провинція приноситъ сюда свой костюмъ, свой характеръ, свои обычаи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только пройти вечеромъ по тремъ, четыремъ улицамъ, и вы непремѣнно увидите всѣ особенности въ костюмѣ и въ чертахъ лица жителей разныхъ испанскихъ провинцій. Вотъ идетъ валенціянецъ, одѣтый въ голубую бархатную куртку, широкіе, бѣлые до колѣна шаровары; на ногахъ сандаліи, плащемъ ему служитъ кусокъ пестро-полосатой шерстяной ткани. Но валенціянца вы отличите въ толпѣ не только по его одеждѣ, но и его бронзовое лицо и какой-то дикій огонь въ глазахъ непремѣнно поразитъ васъ. Подлѣ него дочка, которая представляетъ собою типъ, общій всѣмъ валенціянкамъ: высокая дѣвушка съ голыми руками и тонкою таліею. Вокругъ ея бѣлоснѣжной шеи въ четыре ряда обвилось ожерелье изъ цвѣтныхъ бусъ; черныя густыя косы заколоты сзади вызолоченною гребенкою. Она одѣта въ коротенькую юбку, голубой шелковый передникъ и бархатный корсажъ; сверху, какъ и у всѣхъ испанокъ, у нея наброшена легкая шаль. А тамъ какъ-то особенно весело и оживленно болтаютъ какихъ-то двое мужчинъ; они необыкновенно щегольски и молодцовато одѣты… О! это навѣрно андалузцы: удальство, щегольство, веселье — главное свойство ихъ натуры. А вонъ, и рыжеватый галиціецъ… Но тутъ такая пестрая, разнообразная толпа, что о всѣхъ и не перескажешь.

Въ улицахъ Мадрита живописнымъ сценамъ нѣтъ конца. Цирюльники у дверей своихъ цирюленъ на открытомъ воздухѣ брѣютъ мужчинъ; кузнецъ, сидя у входа кузницы, напѣваетъ манолу—народную пѣсню, въ которой онъ съ увлеченіемъ прославляетъ ловкость и красоту веселой испанской дѣвушки; толпа полуодѣтыхъ, съ лицомъ бронзоваго цвѣта мальчиковъ играетъ на улицѣ, представляя въ игрѣ бой быковъ; ватага удалыхъ, необыкновенно оживленныхъ и бойкихъ cigarreras (т. е. женщинъ, работающихъ на сигарной фабрикѣ) шумно расходится по домамъ. Толпы народа у входа въ харчевни закусываютъ сардинами и салатомъ. Нищій, распѣвая

подъ акомпаниментъ своей гитары, проситъ милостыню. Въ народныхъ кварталахъ эти уличныя сцены имѣютъ нѣсколько другой характеръ: цирюльникъ брѣетъ на открытомъ воздухѣ; угольщикъ перевѣшиваетъ безмѣномъ, лежащимъ на трехножной подставкѣ, набросанные передъ нимъ огромные мѣшки съ углемъ, и надавливаетъ своимъ тѣломъ на жердь, которая служитъ рычагомъ. Вотъ идетъ небольшой мальчикъ, до того нагрузившійся глиняными кружками, что подъ ними его голова представляется чѣмъ-то въ родѣ громадной кисти, подъ которой не видать ни его лица, ни глазъ. Сюда же перевозщики товаровъ гонятъ передъ собою цѣлую цѣпь муловъ, разукрашенныхъ разноцвѣтными шерстяными цвѣтами. Тутъ цѣлое стадо ословъ чего-то испугалось и понеслось, или закусила удила лошадь, и мчится, опрокидывая все на пути. У грязнаго стараго трактира наливаютъ изъ мѣховъ вино... его покупаютъ плохо одѣтые люди, большею частію ловкіе воры и мошенники. Этого сорта людьми Мадритъ можетъ поспорить развѣ только съ бѣдными кварталами Лондона, гдѣ ловкость мошенниковъ доведена до замѣчательнаго искуства.

По воскресеньямъ же, за королевскимъ дворцомъ, внизу, подъ тѣнью каштановъ, подъ звуки гитаръ и бубенъ, дѣвушки живо пляшутъ *фанданго* или аррагонскую — народные танцы испанцевъ. Но Кастилія изъ всей Испаніи самая непѣвучая и неспособная къ танцамъ провинція, поэтому, кто хочетъ видѣть настоящіе народные танцы испанцевъ, пусть ѣдетъ въ Андалузію и именно въ Севилью.

Путешествіе изъ Мадрита черезъ Кордову въ Севилью.—Аранхуэсъ.—Плодородіе его почвы.—Причина такого богатства.—Провинція Ла-Манчъ.—Ея жители и ихъ дурная слава.—Альмаденъ и его ртутныя копи.—Рабочіе.—Сіерра-Морэна.—Жители и природа этой мѣстности.—Слѣды мавританскаго владычества.—Кордова.—Характеръ построекъ этого города и жизнь въ немъ.

Дорога отъ Мадрита до Кордовы идетъ прежними пустыми полями; по дальнимъ окраинамъ ихъ синѣютъ горы; по полямъ, какъ и прежде, ни одного дерева. Только Аранхуэсъ (лѣтняя королевская резиденція) представляется роскошнѣйшимъ оазисомъ среди безлюдья и унынія. Въ пустынѣ, гдѣ, кромѣ покрытыхъ пылью кустовъ розмарина, не видать никакой зелени, вдругъ встаютъ гигантскіе платаны, тополи, роскошные дубы. При дворцѣ, который здѣсь стоитъ, разбитъ великолѣпнѣйшій паркъ. По немъ протекаетъ рѣка Таго и освѣжаетъ своими благотворными водами эту изсушенную солнцемъ испанскую землю. Земля, за нѣсколько шаговъ совершенно безплодная, отъ живительной влажности рѣки одѣвается чудной, невиданной растительностью. Въ паркѣ находится множество дачъ, гдѣ живутъ придворные. За Аранхуэсомъ тотчасъ же начинается опять прежняя пустыня. Эту унылую мѣстность разнообразятъ только стада быковъ: ихъ готовятъ къ знаменитымъ испанскимъ боямъ. Но когда въѣзжаешь въ провинцію Ла-Манчъ, характеръ природы нѣсколько измѣняется. Земля представляетъ уже сплошь одну равнину, на которой нигдѣ нѣтъ воды, ни одного холма, ни одного дерева. Передъ вами тянутся необозримыя, растрескавшіяся, каменистыя пространства, часто прикрытыя низкими травами. Мѣстами цѣлыя поля сплошь одѣты однимъ репейникомъ. Причудливо выглядятъ при лунномъ свѣтѣ эти высокія, прямыя, колючія растенія. Вы не услышите здѣсь пѣнія птицъ, развѣ орелъ или коршунъ мелькнутъ подъ облаками и на минуту точно замрутъ въ воздухѣ, зорко устремивъ свои взоры на землю. Эту-то томительную тишину и однообразіе только изрѣдка смѣняютъ развалившіяся башни да

бѣдныя деревни съ небольшими рощами оливъ и виноградниками, за которыми опять идутъ пустыни и безплодныя поля. Иногда встрѣтишь пастуха со стадомъ; онъ неподвижно стоитъ, опершись на палку или ружье, лѣниво и равнодушно оглядитъ онъ проѣзжаго и долго останется на томъ же самомъ мѣстѣ все въ прежней позѣ: иногда тянутся мулы, навьюченные товаромъ. Кромѣ этихъ рѣдкихъ встрѣчъ,—яркое, знойное, голубое небо, жалкое поле, пустая дорога. Теперь, при этомъ мертвомъ молчаніи, однообразіи и бѣдности, представьте себѣ ослѣпительную яркость жгучаго солнца, отъ котораго трескается обнаженная земля,—и вы составите себѣ вѣрное и точное представленіе о Ла-Манчѣ. Суровость и бѣдность природы отразилась здѣсь и на людяхъ: жителю Ла-Манча нечего ждать отъ своего труда, и вслѣдствіе этого онъ бѣденъ, грязенъ и большею частью бездомный бродяга. Это происходитъ не отъ лѣности, а потому, что большинство земли здѣсь принадлежитъ крупнымъ собственникамъ; при хорошемъ урожаѣ народъ можетъ найти у нихъ работу, а въ голодные годы онъ принужденъ просить милостыню. Лишь только въѣзжаетъ сюда путешественникъ, какъ его тотчасъ окружаютъ толпы нищихъ, дѣти въ такихъ ужасныхъ лохмотьяхъ, которые едва защищаютъ тѣло. Этою бѣдностью объясняется и то, что жители Ла-Манча имѣютъ самую скверную репутацію: карманные воры въ городахъ и разныя мелкія шайки мошенниковъ, какъ говорятъ, большею частію изъ Ла-Манча.

Чѣмъ болѣе приближаешься къ Сіеррѣ-Морэнѣ, тѣмъ волнистѣе становится ровная почва Ла-Манча. За массою лиловыхъ горъ, которыя показываются то уступами, покрытыми зеленью, то дикими, безжизненными утесами, лежитъ Андалузія — самая любимая испанская мѣстность, дѣйствительно одаренная счастливою, роскошною природою.

Но, прежде чѣмъ говорить объ этой странѣ, прежде чѣмъ описывать природу Сіерры-Морэны, мы скажемъ нѣсколько словъ о небольшомъ городкѣ, который имѣетъ такое огромное значеніе для страны, — объ Альмаденѣ. Этотъ оживленный городокъ лежитъ у сѣверной окраины Сіерры-Морэны, на юго-западномъ концѣ Новой Кастиліи. Послѣ бѣдныхъ строеній Ла-Манча, онъ отличается веселыми, хорошо выстроенными домами. Окрестности Альмадена, какъ всѣхъ вообще рудоносныхъ странъ,—безплодны, но веселы и пріятны, благодаря открывающимся со всѣхъ сторонъ прекраснымъ горнымъ видамъ.

Альмаденскія ртутныя копи извѣстны уже съ самыхъ древнихъ временъ, а въ настоящее время онѣ составляютъ главный источникъ дохода испанскаго правительства. Въ Испаніи до того много всякаго рода рудниковъ, что они могли бы обогатить какую угодно страну, но здѣсь это дѣло идетъ плохо; зависитъ это опять-таки отъ недостатка образованія: нѣтъ хорошихъ техниковъ, да и множество правительственныхъ стѣсненій мѣшаетъ этому дѣлу. Только ртутныя копи въ этомъ отношеніи составляютъ единственное исключеніе. Ихъ шахты — просторны, ступеньки коротки и удобны; штольни на столько высоки, что можно въ нихъ ходить, не сгибаясь.

Только немногія штольни укрѣплены бревнами, большею же частію онѣ выложены камнемъ или просто вырублены въ горѣ. Любопытно видѣть разработку этой колоссальной жилы: рабочіе безпрестанно выбрасываютъ заступами темно-красную киноварь. (Киноварь—красная краска, соединеніе ртути съ сѣрою; чтобы получить ртуть, ее пережигаютъ въ печахъ: сѣра сгораетъ, а ртуть перегоняютъ въ какой-нибудь сосудъ). Иногда киноварь попадается кристаллическими массами, иногда и въ видѣ отдѣльныхъ прекрасныхъ кристалловъ. Очень часто находятъ и красивые кристаллы вывѣтрившагося известковаго шпата и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшія пещеры и трещины, наполненныя самородною ртутью. Часто случается, что, когда рудокопъ отколетъ ломомъ ку-

сокъ руды, изъ трещины выкатывается ртутный шарикъ, и, прыгая по землѣ, разсыпается на тысячу другихъ маленькихъ шариковъ. Остановить его невозможно, да и не нужно, такъ какъ ртуть отъ этого не теряется. Рабочіе обыкновенно тщательно собираютъ не только самую ртуть, но и весь соръ, на которомъ бѣжалъ и прыгалъ шарикъ, дѣлаютъ изъ него куски въ родѣ кирпичей и потомъ подвергаютъ перегонкѣ, какъ и самую руду; даже и этотъ соръ даетъ еще восемь процентовъ ртути. Ртуть необыкновенно полезный металлъ. Онъ употребляется въ барометрахъ и термометрахъ; служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ лекарствъ въ медицинѣ, наконецъ, въ практической жизни онъ имѣетъ большое значеніе: его употребляютъ на зеркала и т. п. Доходъ Испаніи съ этихъ рудниковъ громаденъ: онъ простирается на наши деньги до 8.000,000 руб. сер.

Въ прежнее время на работы въ этихъ копяхъ употребляли преступниковъ, осужденныхъ на тяжкую пожизненную каторгу. Едва начинало свѣтать, каторжниковъ выводили изъ тюремъ подземнымъ ходомъ въ рудникъ. Здѣсь они должны были работать цѣлый день, а съ наступленіемъ ночи опять тѣмъ же подземнымъ ходомъ они возвращались въ свои тюрьмы. И такъ жили эти несчастные, никогда не видя дневнаго свѣта. Это довело ихъ до такого отчаянія, что въ началѣ прошлаго столѣтія они подожгли рудники, которые въ то время укрѣплены были бревнами, такъ что, въ продолженіе многихъ лѣтъ, совсѣмъ нельзя было въ нихъ работать. Послѣ такого урока, теперь обыкновенно употребляютъ вольнонаемныхъ рудокоповъ, которые работаютъ не болѣе 6-ти часовъ въ сутки. Однако, и при такой работѣ, рабочій можетъ выдержать не болѣе 6—7 лѣтъ къ ряду; послѣ этого большинство изъ нихъ умираетъ; тѣ же, кто переживаетъ товарищей на нѣсколько лѣтъ, отъ вдыхаемыхъ ртутныхъ испареній подвержены страшной, мучительной болѣзни: у нихъ до конца жизни постоянно судорожно дрожатъ руки, ноги, лицо искажено ужасными передергиваніями, глаза вѣчно мигаютъ. Но возвратимся къ оставленнымъ нами горамъ.

Сіерра-Морэна, безплодная и обрывистая съ сѣверной своей стороны, къ югу спускается рядами холмовъ, которые тѣмъ прихотливѣе покрываются роскошною растительностью, чѣмъ ближе къ долинѣ Гвадалквивира. Эта нижняя, холмистая полоса—самое блаженное мѣсто во всей Андалузіи. Тутъ земледѣлецъ безъ всякаго почти удобренія, при самомъ легкомъ трудѣ, получаетъ богатую жатву. Климатъ здѣсь умѣренный и необыкновенно здоровый, чему помогаютъ снѣга, никогда не тающіе на главномъ кряжѣ Сіерры-Морэны. Хлѣба, зелень, травы, разнообразные плоды, всевозможные земные продукты тутъ всѣ почти необыкновенно сочны, вкусны, однимъ словомъ превосходнаго качества и крайне разнообразны.

Въ нѣдрахъ земли здѣсь скрывается не меньше богатствъ. Однако, Сіерра-Морэна, съ ея минеральными богатствами, плодородною почвою и даже хорошимъ орошеніемъ, что составляетъ такую рѣдкость въ Испаніи,—до сихъ поръ населена очень мало и для проѣзда не совсѣмъ безопасна: шайки разбойниковъ обыкновенно выбираютъ эту мѣстность своимъ пристанищемъ.

Когда совсѣмъ исчезаютъ изъ глазъ величественные горы Сіерры-Морэны, богатая андалузская природа является во всей своей роскоши: рощи оливъ и виноградники встрѣчаются чаще и чаще, растительность сильнѣе, богаче и разнообразнѣе. Тутъ вы чувствуете, что находитесь точно подъ другимъ небомъ: климатъ, архитектура строеній, одежда, обычаи,—все заставляетъ васъ думать, что вы переселились въ другую страну. Существуетъ преданіе, что когда французскія войска, при Наполеонѣ, вступили въ эту страну и когда съ вершинъ Сіерры-Морэны они увидали Андалузію, то до такой степени были поражены ея красотою, что, какъ по мановенію, отдали ей честь оружіемъ.

По словамъ мавровъ, «равнины Андалузіи богаче цвѣтами и пестрѣе самаго лучшаго ковра, разосланнаго въ любимѣйшей свѣтлицѣ богатѣйшаго изъ ихъ калифовъ (повелителей магометанскихъ); океанъ любитъ ласкаться къ гіацинтамъ и нарцисамъ ея береговъ; пальмы, радуясь теплому солнцу, тѣснятся у ея потоковъ или зеленѣющими башнями возносятся надъ лимонными рощами. Сіерры обдаютъ Андалузію благоухающимъ запахомъ своихъ розъ и миртъ; даже козьи стада, вышедшіе изъ Сіерръ въ долины, долго сохраняютъ этотъ запахъ». Такое богатство природы, разумѣется, кладетъ свою печать на народъ, на его характеръ и обычаи. Послѣ забитаго жителя Ла-Манча, послѣ совсѣмъ почти голыхъ дѣтей, которыхъ вы встрѣчали повсюду, передъ вами являются бойкіе, веселые, разудалые андалузцы, первые между испанцами красавцы и щеголи. Одежда андалузца, даже простолюдина, чрезвычайно живописна и богата. Онъ обыкновенно одѣтъ въ куртку, шитую арабесками, съ шелковымъ цвѣтнымъ платкомъ на шеѣ, концы котораго продѣты въ золотое или серебряное кольцо; шляпа его обыкновенно низенькая, съ загнутыми полями, и надѣта непремѣнно на бекрень, что придаетъ веселому и оживленному лицу андалузца какую-то молодцоватость и удальство. У простолюдина подъ шляпою обыкновенно еще шелковый пестрый платокъ, которымъ онъ обвязываетъ голову. Андалузки славятся своею замѣчательною красотою. Не смотря на это, онѣ не любятъ особенно разнообразить и пестрить своего наряда и предпочитаютъ національный костюмъ парижскимъ модамъ. Черная, кружевная мантилья обыкновенно покрываетъ женщину съ головы до ногъ и черезъ нея просвѣчиваютъ черное платье, чудные черные волосы, черные глаза, гибкій станъ и бѣлыя руки. У испанокъ вообще, но особенно у андалузокъ, румянца на щекахъ вы не встрѣтите: матовая прозрачная блѣдность—вотъ обыкновенный цвѣтъ ихъ лица; у нѣкоторыхъ женщинъ цвѣтъ кожи почти бронзовый. Въ глазахъ андалузки вы не найдете выраженія кротости, какъ въ глазахъ сѣверной женщины: въ нихъ блеститъ смѣлость, мужская отвага, рѣшительность и желѣзная сила характера. Но, по недостатку образованія, андалузки тратятъ на пустяки эти прекрасныя качества.

Чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Кордовѣ, тѣмъ болѣе васъ поражаетъ мавританскій колоритъ, который лежитъ здѣсь на всемъ: характерѣ различныхъ построекъ и въ самыхъ лицахъ. Но не только въ Кордовѣ, во многихъ мѣстахъ Испаніи, особенно въ Андалузіи, видны слѣды прежняго владычества мавровъ: ихъ духъ сроднился здѣсь со всѣмъ, его чувствуешь и въ народныхъ напѣвахъ фанданго, и въ языкѣ, и въ обычаяхъ, и въ привычкахъ; безпрестанно встрѣчаешь ихъ арабскіе профили и широкія одежды,—но больше всего отразилось вліяніе мавровъ въ различныхъ постройкахъ. Вотъ и полумѣсяцы на башняхъ, ихъ колеса для поднятія воды! Вотъ сады ихъ, въ которыхъ гораздо больше цвѣтовъ нежели деревьевъ!

Но больше всего мавританскій характеръ носитъ на себѣ *Кордова;* она стоитъ въ полѣ, окруженная зубчатыми мавританскими стѣнами; далеко извиваясь по полю, течетъ Гвадалквивиръ между густыми кустами олеандровъ. Изъ-за стѣнъ виднѣются высокія пальмы. Съ одной стороны—Сіерра-Морэна; ея отлогіе холмы, покрытые густою зеленью, съ другой—тянутся рощи оливъ и виноградники. Одежда, дома, улицы, носятъ мавританскій характеръ. Невысокіе бѣлые дома безъ балконовъ и оконъ, улицы до того узкія, что три человѣка не вездѣ могутъ пройти въ рядъ, низкія, длинныя стѣны, ярко сверкающія своею известковою бѣлизною, темно-синія облака, въ которыхъ точно тонутъ силуэты какихъ-то совсѣмъ неевропейскихъ башенъ, и вдругъ, среди этой арабской деревни, зданія, очень похожія, на наши присутственныя мѣста въ губернскихъ городахъ средней руки, — вотъ какой видъ имѣетъ теперь Кордова.—Самое блестящее время для Кордовы было—X столѣтіе: тогда считалось здѣсь до одного мил-

ліона жителей, девятьсотъ бань, многое множество дворцовъ и роскошныхъ построекъ, но это было самое счастливое время для Кордовы... Теперь же, вмѣсто мраморныхъ дворцовъ и фонтановъ, вы встрѣтите маленькіе, бѣленькіе домики, часто безъ оконъ и дверей на улицу, съ весьма небольшимъ народонаселеніемъ. Кордова славится своими заводами андалузскихъ лошадей. И дѣйствительно, андалузскіе кони необыкновенно красивы: густая волнистая грива, хвостъ касается земли, галопъ могучъ и порывистъ; только голова (общее свойство лошадей андалузской породы) нѣсколько велика; голову и гриву лошади убираютъ обыкновенно лентами того же цвѣта, какъ и куртка сѣдока.

Изъ достопримѣчательностей Кордовы прежде всего останавливаетъ вниманіе туриста мечеть, построенная маврами. Снаружи мечеть эта не представляетъ ничего особеннаго, такъ какъ мавры въ своихъ постройкахъ пренебрегали внѣшностью и всю роскошь сосредоточивали на внутренности зданія. Въ эту мечеть входятъ черезъ огромный дворъ, окруженный колоннами и занятый померанцовыми деревьями. Какъ бы вы ни были подготовлены всевозможными описаніями увидѣть роскошь и замѣчательное искуство въ постройкѣ, все таки, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вы остолбенѣете отъ удивленія при видѣ этого оригинальнаго великолѣпія. Восемьсотъ шестьдесятъ колоннъ (прежде ихъ было говорятъ 1,200) изъ драгоцѣннаго мрамора, яшмы, порфира съ капителями, соединенныя легкими и граціозными арками, представляются густымъ лѣсомъ, въ которомъ теряется взоръ; рѣдкія, маленькія окна едва пропускаютъ свѣтъ такъ что полумракъ, царствующій здѣсь, еще усиливаетъ впечатлѣніе. При маврахъ днемъ и ночью храмъ этотъ освѣщался нѣсколькими тысячами серебряныхъ лампъ, теперь мечеть эта сильно искажена испанцами. Не говоря уже о мелочахъ (они напр. замазывали надписи изъ Корана, сдѣланныя маврами, передѣлывали полы), главное искаженіе состоитъ въ томъ, что посреди мечети они построили огромный католическій соборъ.

Но мавританскіе памятники архитектуры, бѣдные дома, все это исчезаетъ передъ дивнымъ благоуханіемъ померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ и магнолій. Вездѣ множество цвѣтовъ, садовъ, изгороди которыхъ часто даже изъ цвѣтущихъ кактусовъ и алоэ. Кордова—это громадный букетъ цвѣтовъ, среди котораго брошено нѣсколько тысячъ домовъ, ослѣпляющихъ своею бѣлизною.

СЕВИЛЬЯ.

Севильскіе дома и знаменитые патіо.—Вечеръ.—Ночныя сцены.—Соборъ.—Живопись и скульптурныя произведенія церкви de la Caridad.—Альказаръ.—Севильскіе цирюльники.—Предмѣстье Тріана и его жители.

На всемъ протяженіи между Кордовою и Севильею путешественникъ почти не разстается съ цвѣтущими берегами Гвадалквивира. Мѣстность очень разнообразна и безпрестанно даритъ величественными ландшафтами: то дикая скала съ развалинами арабскаго замка, съ высоты котораго видна вся мѣстность отъ Сіерры-Морэны до Кадикса, то прелестный, миловидный городокъ, утопающій въ садахъ, окруженный виноградниками и апельсинными деревьями, золотистые плоды которыхъ такъ ярко блестятъ на солнцѣ. Севилья, при первомъ знакомствѣ съ нею, производитъ чрезвычайно пріятное

впечатлѣніе, но скорѣе своею миловидностью, чѣмъ роскошью и великолѣпіемъ. Дома здѣсь почти всѣ въ два этажа и каждый изъ нихъ непремѣнно съ нѣсколькими балконами. Въ серединѣ фасада, выбѣленнаго известью, открывается дверь, ведущая въ сѣни, въ глубинѣ которыхъ сквозная желѣзная рѣшетка; черезъ нея то и можно видѣть patio—внутренній дворъ съ чудными фонтанами и цвѣтами. Но слово дворъ такъ странно звучитъ въ примѣненіи къ испанскому patio. Patio—огромная зала, лежащая подъ открытымъ небомъ, въ центрѣ квадратнаго строенія, только потолкомъ и крышею для нея служитъ чудное небо. Этотъ внутренній дворъ или patio вымощенъ плитами, какъ комната, и имѣетъ по всѣмъ четыремъ стѣнамъ колоннаду, достигающую высоты бельэтажа. Этотъ бельэтажъ выступаетъ надъ нижнимъ этажемъ во всю ширину колоннады и весь этотъ выступъ покоится на колоннахъ. Такимъ образомъ вокругъ всего нижняго этажа идетъ крытая галлерея, потолкомъ для которой служитъ полъ слѣдующаго этажа. Такіе дома съ двориками устраивали прежде мавры, и теперь эти *patio* составляютъ щегольство жителей Севильи. Богатые украшаютъ такіе дворики, какъ только возможно; тутъ фонтаны, зеркала, деревья, даже картины, но болѣе всего цвѣтовъ въ изящныхъ горшкахъ. Въ глубинѣ возвышается кипарисъ, вѣтви котораго такъ острижены, что образуютъ бесѣдку. Такъ украшаютъ севильянцы эти дворики, потому что они служатъ имъ и кабинетомъ, и столовой, и гостиной, а иногда даже и спальней. Чтобы защитить себя отъ дневнаго жара, многіе надъ патіо устраиваютъ крышу изъ виноградныхъ лозъ; для этого кладутъ сверху колья, и виноградная лоза граціозно обвиваетъ ихъ сверху; если же нѣтъ виноградной крыши, то дворъ на день задергиваютъ сверху полотномъ.

Улицы Севильи не блистаютъ щеголеватыми магазинами, но многія изъ нихъ широки и чисты; всего пріятнѣе здѣсь то, что самые узкіе и темные закоулки не пропитаны насквозь грязью, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ съ закоулками всѣхъ безъ исключенія южныхъ городовъ. Молодцоватое народонаселеніе оживленно толпится на площадяхъ и улицахъ; мѣстныя красавицы, которыхъ здѣсь такъ много, въ черныхъ мантильяхъ, въ платьяхъ съ открытымъ лифомъ и руками, съ своими вѣчными вѣерами, оживленно выходятъ со дворовъ «брать прохладу»—такъ называютъ здѣсь обычай, возникшій вслѣдствіе необходимости, которую чувствуютъ испанцы, подышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ. Днемъ здѣсь такая жара, что вы рѣдко встрѣтите на улицѣ человѣка: въ домахъ окна и балконы закрыты ставнями. Городъ оживляется только тогда, когда становится темно. Здѣсь не бываетъ нашихъ долгихъ сумерекъ и темнѣетъ тотчасъ послѣ солнечнаго заката. Тогда занавѣси дверей отдергиваются, каждый дворъ освѣщенъ лампами, на любимыхъ мѣстахъ гулянья огромные фонтаны широкимъ, разсыпающимся букетомъ бросаютъ воду и постоянно освѣжаютъ удушливо-теплый воздухъ. На вечернихъ прогулкахъ вы рѣдко услышите: синьоръ или синьора; знакомые называютъ другъ друга по именамъ: донъ-Луи, донна-Долоресъ и т. п. Тотъ, кто устанетъ ходить, отправляется къ себѣ домой, садится на балконъ и такимъ образомъ очень долго разговариваетъ съ своими знакомыми. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе оживлены улицы Севильи, и тогда все, что вы увидите на нихъ, представляется вамъ необыкновенно своеобразнымъ. Тамъ въ переулкѣ, гдѣ черная тѣнь домовъ обрисовывается на синемъ небѣ, вы различите мужскую фигуру, завернутую въ плащъ; его широкая шляпа низко надвинута на глаза, правую ногу онъ упираетъ о камень, пальцами же быстро перебираетъ струны своей гитары. Идите дальше: подъ тѣнью душистыхъ лимонныхъ деревьевъ или акацій, окружающихъ площадь, на мраморной скамейкѣ непремѣнно сидитъ мужчина съ женщиной. Красавица то играетъ вѣеромъ, на которомъ изображенъ бой быковъ, то отмахивается имъ. Но вотъ она залилась звонкимъ, веселымъ смѣхомъ, собесѣдникъ вторитъ ей, остритъ, и всюду этотъ веселый смѣхъ и говоръ гармонично

сливаются съ журчаніемъ фонтана. Иногда въ совсѣмъ темномъ переулкѣ вдругъ выступаетъ *patio*, фантастически освѣщенный бумажными фонарями и алебастровыми лампами. И при этомъ со всѣхъ сторонъ бряцаніе гитаръ, шумъ вѣеровъ и щелканіе кастаньетъ! И такъ до самой зари!..

Изъ замѣчательныхъ построекъ въ Севильѣ можно указать на соборъ, по огромности своей уступающій развѣ только храму св. Петра въ Римѣ. «Соборъ этотъ такъ великъ», замѣтилъ одинъ писатель, «что огромная парижская церковь «Notre Dame» могла бы въ немъ свободно разгуливать, даже не нагибаясь». Внутренность храма еще болѣе поразительна по замѣчательному богатству и изяществу, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ храмѣ. Тутъ множество самыхъ лучшихъ картинъ Мурильо и другихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ. Глаза повсюду ослѣпляются звѣздами изъ драгоцѣнныхъ камней, мерцаніемъ огней отъ сотенъ паникадилъ, блескомъ налоевъ, шитыхъ жемчугомъ и золотомъ, богатствомъ утвари, столько же драгоцѣнной по работѣ, сколько и по матеріалу. Престолъ замыкается иконостасомъ, который въ вышину равняется высотѣ свода. Онъ весь изъ дерева; ряды барельефовъ идутъ одинъ за другимъ и изображаютъ весь ветхій и новый завѣтъ; каждый барельефъ обрамленъ широкою деревянною рѣзною каймою, покрытой херувимами, ангелами, святыми. Выполненіе вездѣ показываетъ сильнаго мастера и талантливаго художника! Не менѣе замѣчателенъ тутъ и хоръ,—мѣсто, гдѣ стоитъ органъ и куда во время службы собирается причетъ для пѣнія псалмовъ и молитвъ. Въ хорѣ участвуетъ болѣе 150 человѣкъ, не считая сотни дѣтей, которыя своими тоненькими голосами подтягиваютъ большимъ и перелистываютъ для нихъ громадныя нотныя книги, лежащія на вертящихся подналояхъ. Тутъ же, подлѣ хора, обращаетъ ваше вниманіе огромный бронзовый подсвѣчникъ: онъ такъ великъ, что его примешь сначала за памятникъ, поставленный надъ могилой. Въ подсвѣчникѣ горитъ восковая свѣча въ двѣ тысячи пятьдесятъ фунтовъ вѣсу.

Нельзя не упомянуть также о церкви *de la Caridad*. Тутъ особенно замѣчательна деревянная статуя Спасителя, изображенная въ ту минуту, какъ Онъ привязанъ къ позорному столбу: въ ней все изображено такъ живо и натурально, что невольно замираетъ сердце. Кожа виситъ клочьями, обнажая мѣстами кости колѣнъ и ребра; кровь льется ручьями по лицу и одеждѣ; стекла рубиноваго цвѣта вставлены тамъ, гдѣ кровь запеклась или остановилась въ видѣ капли; помутившіеся глаза, которымъ художникъ придалъ выраженіе необыкновеннаго страданія, — сдѣланы для большей вѣрности изъ цвѣтной эмали; они смотрятъ изъ подъ глубокихъ темныхъ впадинъ... Изъ подъ настоящаго терноваго вѣнца прядями падаютъ натуральные волосы.

Въ Севильѣ уцѣлѣлъ еще Альказаръ, который игралъ въ исторіи этого города довольно важную роль; онъ былъ то мавританскою цитаделью, то дворцомъ ихъ калифовъ, то дворцомъ испанскихъ королей. Снаружи дворецъ этотъ представляетъ высокую стѣну съ узкими воротами; внутри необыкновенно изящныя залы, но лучше всего въ немъ его сады: тамъ и банановыя деревья, плоды которыхъ прежде могла ѣсть только одна королева; стѣны сада плотно и густо, точно шпалерами, обсажены громадными померанцовыми и гранатовыми деревьями. Тамъ и сямъ раскинуты чудныя лимонныя бесѣдки и между вѣтвями этихъ деревьевъ выглядываетъ множество самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Въ роскошныхъ аллеяхъ садовъ Альказара васъ всюду пріятно поражаетъ обиліе воды. Не говоря уже о безчисленныхъ бассейнахъ и фонтанахъ, тутъ еще устроены для этого другія затѣи. Всѣ дорожки сада выложены разноцвѣтными камешками и кирпичами. Тамъ и сямъ въ этихъ кирпичахъ и камешкахъ сдѣлано множество микроскопическихъ дырочекъ, которыя соединяются съ безчисленнымъ множествомъ

мѣдныхъ трубъ, проводящихъ воду. Стоитъ повернуть кранъ, и эти тысячи микроскопическихъ дырочекъ открываются и тонкими, мелкими брызгами и струйками воды, точно пылью, обдаютъ гуляющихъ. Однако достопримѣчательностей въ Севильѣ не особенно много; мы назвали уже все то, чѣмъ она стяжала себѣ такую громкую славу,— во всѣхъ же остальныхъ постройкахъ нѣтъ ничего характеристичнаго и мы вернемся лучше къ людямъ.

Говоря объ Испаніи и въ особенности о Севильѣ, нельзя не упомянуть объ одномъ классѣ людей необыкновенно живомъ и остроумномъ,—мы говоримъ о цирюльникахъ. Севильскіе цирюльники пріобрѣли себѣ громкую извѣстность и описаны были многими писателями. Цирюльню тотчасъ отличишь отъ всякаго другаго дома: она оригинально выкрашена зеленою или голубою краскою съ желтыми полосами. За окнами цирюльни выставлена голова въ парикѣ, нѣсколько банокъ съ піявками и много инструментовъ для разныхъ операцій. Цирюльникъ не только брѣетъ и обрѣзаетъ волосы, но лѣчитъ простой народъ, дергаетъ зубы, пускаетъ кровь, ставитъ піявки,—однимъ словомъ всѣ его занятія даже трудно пересчитать. Въ домѣ его самая бѣдная обстановка, но онъ не тоскуетъ. У него есть спутница, безъ которой не можетъ жить ни одинъ севильскій цирюльникъ—это его гитара. Если нѣтъ посѣтителей, онъ играетъ на ней и весело напѣваетъ какую-нибудь плясовую; стукнулъ кто въ дверь — онъ быстро вѣситъ гитару на стѣну, хватаетъ стулъ, принадлежности для бритья, между которыми вы непремѣнно найдете большой орѣхъ. Его паціентъ обыкновенно садится на открытомъ воздухѣ, и онъ впихиваетъ ему за щеку орѣхъ и потомъ ловкою рукою намыливаетъ выдавшуюся часть и начинаетъ быстро брить. Во все время этой операціи цирюльникъ не умолкаетъ: онъ съ необыкновеннымъ юморомъ и остротами разсказываетъ о приключеніяхъ дня, о всевозможныхъ сплетняхъ, обо всемъ, что дѣлается въ городѣ и преимущественно на его улицахъ... Вотъ почему цирюльники рѣдко сидятъ безъ посѣтителей. Если не всегда находятся желающіе бриться и стричься, то навѣрно найдутся желающіе съ ними поболтать.

По другую сторону Гвадалквивира лежитъ предмѣстье *Тріана*, въ которомъ живутъ ремесленники и цыгане. Смуглые цыгане, несмотря на свои несовсѣмъ чистыя платья, необыкновенно красивы съ своими рѣзко очерченными, правильными лицами, со сверкающими глазами въ глубокихъ орбитахъ; ихъ черныя, волнистыя, словно пережженныя кудри красиво выбиваются изъ подъ круглыхъ шляпъ. Многіе изъ нихъ вмѣсто шляпы покрываютъ голову, на восточный ладъ, лоскуткомъ грубой ткани. У здѣшнихъ цыганокъ, какъ и у испанокъ, желтый цвѣтъ лица; только цыганки отличаются отъ нихъ курчавыми волосами и своей страстью наряжаться въ яркіе цвѣта.

Темные, узкіе и грязноватые закоулки Тріаны вѣчно кишатъ шумнымъ и дѣятельнымъ народомъ и представляютъ множество живописныхъ сценъ. Вотъ почему каждый путешественникъ, особенно если онъ художникъ, часто приходитъ въ Тріану и наблюдаетъ ея мѣстные нравы. Съ пѣвучими криками снуютъ разнощики среди оживленной, пестрой толпы, раздаются гортанныя восклицанія погонщиковъ, стучатъ молотки въ мастерскихъ, устроенныхъ тутъ же на улицѣ подъ бѣлымъ холщевымъ навѣсомъ; раздаются звуки гитары, и тутъ же гдѣ-нибудь въ сыромъ темномъ уголкѣ журчитъ фонтанъ, вокругъ котораго толпятся женщины съ своими длинными кувшинами. Не успѣешь отвести отъ нихъ глазъ, какъ вдругъ наталкиваешься на ужасное зрѣлище: мимо васъ проносятъ окровавленнаго человѣка: сейчасъ въ пылу ссоры товарищъ хватилъ его ножемъ. Крикъ, шумъ, смятенье мгновенно наполняютъ улицу.

Объ испанской набожности слишкомъ много говорятъ и страшно ее преувеличили,— по крайней мѣрѣ, во время службы церкви совсѣмъ почти пусты. Вотъ до церковныхъ

церемоній такъ испанцы дѣйствительно большіе охотники. Очень часто, когда разгуливаешь по улицамъ, среди мертвой тишины, васъ вдругъ изъ за угла оглушаютъ веселые звуки военной музыки. «Что это такое»? спрашиваете вы.—Церковная процессія! Музыканты идутъ впереди и наигрываютъ что-то въ родѣ веселаго вальса; за ними несутъ балдахинъ изъ фіолетоваго бархата, украшенный кистями, золотымъ шитьемъ и страусовыми перьями; подъ этимъ нараднымъ балдахиномъ, въ полномъ облаченіи выступаетъ духовенство. Вокругъ нихъ идетъ множество мальчиковъ въ бѣлой одеждѣ: они держатъ зажженныя свѣчи и во всѣ стороны размахиваютъ курящимися кадилами. Далѣе ярко пестрѣютъ и сверкаютъ на солнцѣ хоругви, серебряные рѣзные фонари, изображенія церквей и башенъ, а посреди всего этого на богатыхъ носилкахъ—деревянная крашенная мадонна съ вѣнкомъ розъ на головѣ: она одѣта въ пышное бальное платье съ безчисленнымъ множествомъ кружевныхъ волановъ. За хоругвями и мадонной идутъ пѣвчіе, которые поютъ во все горло и чрезвычайно гнусливо, совсѣмъ въ носъ. Замыкаютъ это шествіе опять-таки нескончаемые ряды духовныхъ лицъ въ парадной одеждѣ. По бокамъ и сзади идетъ множество народа. Вотъ эта-то любовь къ процессіямъ и заставляетъ многихъ думать, что испанцы набожны, между тѣмъ какъ это только страсть ко всевозможнымъ зрѣлищамъ.

По оживленному шуму и говору на улицахъ Севильи можно подумать, что жители ея необыкновенно дѣятельный народъ. Въ сущности же это происходитъ отъ ихъ веселаго характера; что же касается до усидчивости въ какомъ-нибудь дѣлѣ, то они этимъ вовсе не отличаются. Изнемогая днемъ отъ томительной жары, лежатъ они въ своихъ патіо (внутреннихъ дворикахъ) въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Лишь только смеркается, каждый, кому только завтра есть чѣмъ перекусить, торопится на улицу поболтать, а главное потанцовать или хоть посмотрѣть на танцы, до которыхъ испанецъ страстный охотникъ.

ЗАНЯТІЯ ЖИТЕЛЕЙ И ИХЪ ПРОМЫСЛЫ.

Земледѣліе.—Плодородіе почвы.—Обработка риса.—Маисъ.—Машина для орошенія полей.—Водяной судъ.—Алоэ.—Его значеніе для мѣстныхъ жителей.—Виноградники Хереса и винодѣліе.—Оливы и оливковое масло.—Апельсинныя рощи.—Фиговыя пальмы.—Овцы: ихъ громадное значеніе для страны.—Жизнь испанскихъ фабричныхъ рабочихъ: ихъ жилища и заработокъ.

Земледѣліе—главное средство пропитанія испанца, хотя тутъ онъ долженъ много бороться съ природою. Громадныя, безплодныя пространства представляютъ такія затрудненія, что, и при большомъ умѣньи и дѣятельности земледѣльца, страна эта, по всей вѣроятности, еще долго не могла бы сдѣлаться такою обработанною, какъ Англія, Германія, Франція и Бельгія. Тѣмъ не менѣе она производитъ не только достаточное количество хлѣба для пропитанія жителей, но и даетъ излишекъ пшеницы, ячменя, маиса и риса; болѣе половины всѣхъ вывозимыхъ изъ Испаніи товаровъ составляютъ продукты земледѣлія. Въ Валенсіи, Каталоніи, Бискаіи, Астуріи и Галиціи землю обрабатываютъ весьма прилежно; въ обширной долинѣ Гвадалквивира много пшеничныхъ полей. Собственно обработанныхъ земель въ Испаніи—третья часть всего ея пространства, и одна часть этой земли орошается естественнымъ образомъ, другая искусственно.

Для искуственнаго орошенія во многихъ мѣстностяхъ Испаніи употребляется машина, называемая *норіею*; она устроена такъ, что изъ очень широкаго и глубокаго колодца поднимаютъ воду для орошенія. Для этого въ колодезь опускается веревка съ бадьями. Большое деревянное колесо, устроенное у колодца, вращается горизонтально на своей оси и сообщаетъ движеніе вертикальному колесу, поддерживающему ведра; онѣ наполняются водою въ колодцѣ и выливаются въ резервуаръ, откуда вода бѣжитъ во множество маленькихъ канавъ, проведенныхъ по полямъ. Весь этотъ механизмъ приводятъ въ движеніе лошадью или муломъ. При этомъ обыкновенно можно видѣть мальчика въ лохмотьяхъ, а по большей части и совершенно голаго, который погоняетъ лошадь. Но въ весьма многихъ мѣстностяхъ и совсѣмъ обходятся безъ человѣка: его тогда замѣняетъ шестъ, такъ ловко и искусно устроенный, что онъ сообщаетъ животному сильный толчекъ всякій разъ, какъ оно начинаетъ останавливаться, и такимъ образомъ заставляетъ его снова двигаться. Говорятъ, что одна такая норія можетъ оросить количество земли, достаточное для прокормленія цѣлаго семейства.

На югѣ искуственное орошеніе, уже съ давнихъ временъ, составляетъ главную причину богатства страны. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ маврамъ; они выполнили самую тяжелую и существенную часть труда: посредствомъ 8-ми главныхъ каналовъ они отвели на поля воду Гвадалквивира, терявшуюся въ морѣ. Эти каналы существуютъ еще и до настоящаго времени; главнѣйшій изъ нихъ Моннадскій представляетъ какъ бы большую артерію, подраздѣляющуюся на безконечное количество болѣе мелкихъ вѣтвей. Благодаря искусному устройству плотинъ, позволяющихъ по произволу поднимать и опускать уровень воды, мавры съумѣли избѣгнуть двухъ противоположныхъ неудобствъ: недостатка воды и чрезмѣрнаго наводненія. Вода орошаетъ все поле, стекая по наклонной плоскости. Земляной валъ, окружающій поле, сдерживаетъ воду, которая стекаетъ на сосѣднее поле, когда первое достаточно орошено. Благодаря искуственному орошенію, плодородіе нѣкоторыхъ мѣстностей въ Испаніи, напр. окрестностей Валенсіи, вошло въ пословицу: земля тамъ никогда не отдыхаетъ и одна жатва смѣняетъ другую. Стебель маиса (кукурузы) достигаетъ $2\frac{1}{2}$ саженей высоты. Тутъ также разводятъ рисъ; но къ сожалѣнію это чрезвычайно вредно для здоровья жителей, такъ какъ подъ рисъ нужна болотистая почва, испаренія которой причиняютъ жесточайшую лихорадку. Не менѣе тяжелы при этомъ и работы: съ утра до вечера видите вы множество рабочихъ на поляхъ, засѣянныхъ рисомъ, ноги ихъ цѣлый день въ водѣ, голову печетъ жгучее испанское солнце и во все это время они вдыхаютъ въ себя вредныя испаренія.

Народъ очень цѣнитъ искуственное орошеніе и вода вездѣ въ Испаніи стоитъ такъ дорого, что тутъ существуетъ даже особый разрядъ людей, которыхъ называютъ *водяными ворами*. Такъ называютъ тѣхъ, кто отводитъ воду на свои поля и удерживаетъ ее долѣе, чѣмъ имѣетъ на это право. Чтобы разбирать спорныя дѣла по орошенію, уже 9 столѣтій существуетъ здѣсь *водяное судилище*. Оно было, говорятъ, учреждено однимъ арабскимъ калифомъ въ 920 году и сохранилось до настоящаго времени въ своемъ первобытномъ видѣ. Это правосудіе самое патріархальное: тутъ нѣтъ ни солдатъ, ни жандармовъ, ни адвокатовъ и прокуроровъ; судьи, или *синдики*,— простые рабочіе, выбранные самими же рабочими.

Каждый четвергъ въ полдень, въ Валенсіи, собирается на открытомъ воздухѣ близь собора *водяной трибуналъ*. Изъ всей мебели на этомъ судилищѣ можно замѣтить одну софу, на которой располагаются судьи. Столъ былъ бы тутъ совершенно безполезенъ, такъ какъ употребленіе перьевъ, бумаги и чернилъ совершенно неизвѣстно этимъ судьямъ. Когда соборные часы ударятъ 12, судъ открываетъ свое засѣданіе. Вы-

ходятъ два сильныхъ крестьянина, одѣтыхъ въ національный костюмъ. Истецъ излагаетъ свою жалобу, сопровождая ее самыми энергическими жестами, отвѣтчикъ возражаетъ съ неменьшею энергіею. Синдикъ выслушиваетъ стороны, спокойно сидя на софѣ; потомъ онъ встаетъ и дѣлаетъ вопросы. Судъ, члены котораго носятъ такую же одежду, какъ и тяжущіеся, совѣщается и немедленно постановляетъ рѣшеніе. Виновнаго приговариваютъ къ денежному штрафу. Вслѣдъ затѣмъ разбираютъ другія дѣла и въ какихъ нибудь часа два все оканчивается. Несмотря на простоту формъ водянаго трибунала, его постановленія имѣютъ такую же силу, какъ и рѣшенія обыкновенныхъ судовъ.

Однако вернемся къ испанской почвѣ и посмотримъ, что даетъ она кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ. Гдѣ бы вы ни путешествовали на югѣ этой страны, вы всюду неизбѣжно встрѣтите *алоэ*, которое достигаетъ здѣсь иногда огромнаго роста. Тамъ и сямъ видны желтые цвѣты этого растенія. Его мясистыя листья вы видите на каждомъ шагу на полянахъ, у небольшаго кустарника и во всѣхъ полевыхъ изгородяхъ. Это растеніе здѣсь также идетъ въ дѣло. Но что бы изъ него ни дѣлали, листья его прежде всего раздавливаютъ камнемъ; потомъ ихъ связываютъ пучками, раскладываютъ на доски и сильно надавливаютъ на нихъ желѣзною полосою. Такимъ образомъ отдѣляютъ волокнистую часть отъ мясистой; затѣмъ растеніе моютъ въ нѣсколькихъ водахъ и сушатъ на солнцѣ. Изъ волоконъ алоэ чаще всего плетутъ веревки для конской упряжи; во многихъ мѣстностяхъ крестьяне приготовляютъ себѣ изъ нихъ обувь. Листья алоэ, разрѣзанные на маленькіе кусочки, служатъ также пищею для быковъ.

На югѣ и юго-востокѣ Испаніи разводятъ *оливковыя* и *шелковичныя деревья*, а также и *виноградники*. Самые лучшіе виноградники близь города Хереса; большая часть ихъ принадлежитъ виннымъ торговцамъ. Около виноградниковъ огромныя зданія, въ которыхъ живутъ иногда до тысячи рабочихъ. Тутъ же стоятъ огромные чаны и обширные погреба для винъ. Когда виноградъ начнетъ созрѣвать, работники раздѣляются на партіи по 12 человѣкъ; каждая такая партія, съ надсмотрщикомъ во главѣ, отправляется въ виноградники и сборъ начинается. Собранныя гроздья раскладываютъ на большихъ тростниковыхъ плетенкахъ и выставляютъ на солнце на нѣсколько дней. Днемъ ихъ много разъ переворачиваютъ, а ночью, чтобы защитить отъ росы, непремѣнно чѣмъ-нибудь покрываютъ. Когда водянистыя части нѣсколько испарились, виноградъ несутъ въ давильные чаны. Сокъ, который при этомъ получается, разливаютъ въ бочки и оставляютъ перебродить на извѣстное время. Это броженіе обыкновенно оканчивается въ январѣ мѣсяцѣ, и тогда этотъ сокъ уже превращается въ настоящее вино. Но въ такомъ видѣ его еще не отправятъ заграницу, — передъ этимъ его очищаютъ посредствомъ яичнаго бѣлка, смѣшаннаго съ мѣломъ. Послѣ этой операціи, въ новое вино прибавляютъ еще немного Vino Madre (вина-матери); такъ называютъ очень старое вино, употребляемое для улучшенія другихъ винъ. Кромѣ того ко всѣмъ винамъ, вывозимымъ изъ Хереса, прибавляютъ водки, чтобы онѣ лучше перенесли путешествіе и были больше по вкусу иностранцамъ. Вина Хереса давно пріобрѣли всесвѣтную извѣстность. Владѣльцы здѣшнихъ виноградниковъ любезно принимаютъ иностранцевъ и охотно показываютъ имъ давильные чаны и огромные погреба, гдѣ они сохраняютъ свои вина. Внѣшній видъ этихъ погребовъ, съ огромными, правильными и симметрическими фасадами безъ оконъ, не представляетъ ничего живописнаго; но за то такъ пріятно обдаетъ васъ благоуханіе, лишь только открываютъ дверь погреба. Внутри вы видите безчисленное количество бочекъ всевозможныхъ размѣровъ, нагроможденныхъ въ большомъ порядкѣ въ пять и шесть рядовъ въ вышину. Прекрасно устроенная вентиляція даетъ возможность поддерживать опредѣленную температуру и уменьшать постоянно накопляющіяся испаренія. Въ этихъ погребахъ обыкновенно находятся вина отъ пяти и шести-лѣтняго

сбора, такъ какъ это вино продается не ранѣе пяти лѣтъ. Другой центръ виннаго производства—Малага.

Около Севильи находятся обширныя зданія, гдѣ приготовляютъ оливковое масло. Оливковое дерево, которое такъ часто попадается въ Испаніи, вовсе не красиво: оно имѣетъ печальный видъ, сѣро и не краситъ пейзажа. Деревья эти кажутся еще монотоннѣе потому, что оливковыя плантаціи расположены совершенно симметрично. Одни деревья даютъ плоды съ голубиное яйцо, другія же породы — не болѣе вишни. Собираютъ оливы осенью; когда онѣ созрѣютъ, крестьяне съ своими семействами приходятъ на плантаціи, бросаютъ плоды въ тростниковыя корзины и нагружаютъ ими сильныхъ андалузскихъословъ, которые легко могутъ переносить большія тяжести. Выжавъ оливы, масло наливаютъ въ продолговатые сосуды. Иностранцы не любятъ оливковаго масла; испанцы, напротивъ, предпочитаютъ его французскому и итальянскому и на немъ поджариваютъ и приготовляютъ всѣ свои кушанья.

Много также въ Испаніи и *апельсинныхъ деревьевъ*; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ можно видѣть даже цѣлыя рощи. Многіе думаютъ, что разведеніе апельсинныхъ деревьевъ въ прекрасномъ климатѣ не требуетъ никакого ухода, но такое мнѣніе совершенно ошибочно. И при отличномъ климатѣ деревья эти растутъ не на всякой землѣ; всего пригоднѣе для нихъ песчаная почва, но и при этомъ онѣ требуютъ самыхъ внимательныхъ заботъ. Ихъ необходимо поливать, нужно удобрять землю не менѣе трехъ разъ въ году, но болѣе всего необходимо оберегать ихъ отъ сильныхъ вѣтровъ. Для этого владѣлецъ апельсинныхъ рощъ густо обсаживаетъ ихъ кипарисами. Чѣмъ больше ухаживаютъ за апельсинными деревьями, тѣмъ больше даютъ онѣ плодовъ. Ихъ здѣсь разводятъ двумя различными способами: посредствомъ сѣянія зернышекъ и прививкою. Послѣднія даютъ болѣе сочные плоды; но эти деревья не живутъ такъ долго, какъ первыя, и бываютъ меньше ростомъ. Тѣ, что выросли изъ сѣмянъ, достигаютъ до 25-ти футовъ вышины и живутъ до ста лѣтъ. Апельсинныя деревья рѣдко даютъ плоды ранѣе пятилѣтняго возраста; но когда они достигли періода полнаго своего развитія, то могутъ давать каждый годъ до 2-хъ тысячъ апельсиновъ, а въ исключительныхъ случаяхъ и до 5-ти тысячъ. Апельсины начинаютъ принимать свой красивый желтый цвѣтъ не ранѣе ноября. Когда ихъ нужно отправлять въ чужіе края, ихъ собираютъ немного недозрѣвшими, чтобы они лучше перенесли перевозку. Кто хочетъ полакомиться дѣйствительно хорошими апельсинами, вполнѣ сочными и созрѣвшими, долженъ снять ихъ прямо съ дерева весною, въ маѣ мѣсяцѣ. Любопытно, что свиньи, если ихъ впустятъ въ апельсинную рощу, не ѣдятъ плодовъ, которыхъ обыкновенно много валяется подъ деревьями, такъ что наша поговорка «понимаетъ толкъ, какъ свинья въ апельсинахъ» оказывается совершенно справедливою. Всего интереснѣе посѣтить апельсинныя рощи въ апрѣлѣ или маѣ. Тогда одни деревья сверху до низу унизаны золотистыми плодами, а другія покрыты чудными цвѣтами. Необыкновенно пріятный, сильный запахъ, распространяемый апельсинными рощами, даетъ себя чувствовать на огромное разстояніе, особенно въ теплые вечера. Цвѣтовъ бываетъ такое изобиліе, что, при небольшомъ вѣтрѣ, они, какъ снѣгъ, покрываютъ землю густымъ, бѣлымъ слоемъ. Но обыкновенно стараются не допустить эти цвѣты упасть на землю, а разстилаютъ подъ деревья полотно, собираютъ ихъ и продаютъ въ аптеки и косметическія лавки для духовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ такъ много (въ двухъ городахъ провинціи Валенсіи апельсинныхъ рощъ насчитываютъ болѣе 600), что вы безпрестанно встрѣчаете здѣсь дѣтей, которыя катаютъ апельсины, играютъ ими и перебрасываются, какъ въ Норманділ дикими яблоками. Когда апельсины собраны, ихъ сортируютъ по величинѣ; для этого

ихъ мѣряютъ кольцами различнаго калибра и затѣмъ раскладываютъ по сортамъ въ продолговатые ящики.

На югѣ Испаніи растетъ *сахарный тростникъ*, который, во время арабовъ, разводился здѣсь въ обширныхъ размѣрахъ, фиговыя, миндальныя, гранатовыя и рожковыя деревья.

Прежде чѣмъ покончить съ испанскою растительностію, мы скажемъ нѣсколько словъ о рощахъ финиковыхъ пальмъ. Прогуливаясь въ нихъ, можно наблюдать пальмы всѣхъ возрастовъ отъ столѣтнихъ до только что посаженныхъ. Есть два рода пальмовыхъ деревьевъ: съ мужскими и женскими цвѣтами. Бѣлые цвѣты перваго рода распускаются въ маѣ мѣсяцѣ и даютъ желтоватую пыль, оплодотворяющую женскіе цвѣты, которые послѣ этого превращаются въ плоды, граціозно свѣшивающіеся кистями съ дерева и принимающіе съ іюня мѣсяца золотисто-желтый цвѣтъ. Каждое такое дерево даетъ плодовъ въ годъ, среднимъ числомъ, на 11 франковъ. Женскія деревья, не дающія плодовъ, тоже идутъ здѣсь въ дѣло: вѣтви ихъ употребляютъ во время различныхъ процессій и ими украшаютъ балконы домовъ. По народному повѣрью, пальмы предохраняютъ отъ молніи, и потому большинство домовъ имѣетъ свою пальму-предохранительницу. Эти вѣтви срѣзаютъ обыкновенно въ опредѣленное время. Любопытно смотрѣть на эту операцію. Крестьяне съ удивительной ловкостью взбираются на дерево и, чтобы не упасть, обвязываютъ веревку вокругъ своего тѣла и дерева; такимъ образомъ веревка эта составляетъ родъ подвижнаго кольца. Затѣмъ они быстро поднимаются, опираясь голыми ногами на неровности ствола и поднимая по мѣрѣ восхожденія кольцо, служащее имъ опорою. Добравшись до вершины, они начинаютъ собирать вѣтви и связывать ихъ вмѣстѣ и при этомъ все болѣе стягиваютъ веревочное кольцо. Страшно смотрѣть на нихъ въ это время, но они держатся съ удивительною ловкостью, не смотря на то, что пальма подъ ними такъ и раскачивается.

Множество пастбищъ въ Испаніи уже издавна сдѣлали пастушескій трудъ главнымъ занятіемъ, особенно среди населенія обѣихъ Кастилій; все больше увеличивали разведеніе овецъ и крупнаго скота, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, увеличивалось пространство пастбищъ въ ущербъ лѣсамъ и обработаннымъ землямъ. Между тѣмъ въ обѣихъ Кастиліяхъ много мѣстъ, удивительно удобныхъ для воздѣлыванія хлѣбныхъ растеній; даже многія безплодныя и каменистыя тамошнія земли, тщательно обработанныя, могли бы производить хорошій виноградъ. Но бѣдность испанскаго народа, его невѣжество, до сихъ поръ множество феодальныхъ, хотя и видоизмѣненныхъ обычаевъ, уныніе народа, производимое частыми и долгими засухами, все это поддерживаетъ старинный обычай, по которому огромныя стада овецъ уже издавна перекочевываютъ изъ одного мѣста въ другое: лѣто они проводятъ въ Кастильскихъ горахъ, а остальное время года въ Эстремадурѣ. Высчитано, что пространство, ежегодно проходимое ими, составляетъ около 1000 верстъ, слѣдовательно все оно предоставляется опустошеніямъ овецъ, и земли, которыя могли бы поддерживать существованіе сотни тысячъ людей, служатъ только пастбищами.

Главную отрасль *скотоводства* составляетъ разведеніе овецъ и, между прочимъ, извѣстной испанской мериносовой породы. Въ Испаніи два сорта овецъ: 1) осѣдлыя, съ обыкновеннымъ руномъ, остающіяся на томъ мѣстѣ, гдѣ они родились, и только на день выгоняемыя на паству, 2) овцы, которымъ приходится кочевать; послѣднихъ называютъ *мериносами*, и ихъ руно гораздо болѣе цѣнится. Лучшія овцы водятся въ одномъ горномъ округѣ Леона. Тамъ находятся прекрасныя пастбища и большая часть жителей — пастухи. Стадами распоряжается *майораль*, который платитъ деньги за наемъ пастбища, жалованье низшимъ пастухамъ и назначаетъ время, когда стадо должно дви-

нуться въ походъ. У майораля есть помощникъ и подъ его начальствомъ всѣ пастухи, которые получаютъ небольшое жалованье, но за то имѣютъ право вести на пастбище нѣсколько своихъ собственныхъ овецъ, ничего не платя за это. Обыкновенно къ концу сентября странствующія стада отправляются въ Эстремадуру. Рѣдко можно видѣть болѣе любопытное зрѣлище. Приближеніе стадъ узнаешь по отдаленному побрякиванью тысячи колокольчиковъ; затѣмъ поднимается громадное облако бѣлой пыли и появляется предводитель одного изъ этихъ стадъ со своими любимыми баранами, вѣрно слѣдующими за нимъ; затѣмъ показывается остальное стадо съ пастухами и собаками. Арріергардъ составляетъ вьючный скотъ. Какъ только придутъ на пастбище, пастухи строятъ хижину на зимнее время; ее устраиваютъ самымъ первобытнымъ образомъ изъ земли и вѣтвей; все убранство состоитъ изъ нѣсколькихъ овчинъ, которыми они укрываются и на которыхъ спятъ ночью. Здѣсь пастухи по цѣлымъ мѣсяцамъ остаются па единѣ со своими стадами. Ихъ сопровождаютъ собаки съ длинною, грубою шерстью, весьма суровыя на видъ. Пастухи одѣты въ кафтаны изъ овчинъ, безъ рукавовъ; войлочная шляпа съ широкими полями, сандаліи и панталоны изъ грубаго сукна,—вотъ и весь ихъ костюмъ.

Испанская промышленность мало развита: она сосредоточивается въ приморскихъ провинціяхъ: Валенсіи, Мурсіи, Галиціи, Астуріи и Баскскихъ провинціяхъ, но всего болѣе въ Каталоніи. До сихъ поръ Испанія въ промышленномъ отношеніи находится въ сильной зависимости отъ Англіи. Торговля и судоходство значительно упали послѣ потери большихъ колоній въ Америкѣ. При маломъ развитіи промышленности весьма небольшая часть народа находитъ себѣ заработокъ на фабрикахъ. Положеніе этихъ фабричныхъ рабочихъ весьма незавидное. Такъ, напримѣръ, средній заработокъ хорошаго рабочаго и его семьи въ Валенсіи не болѣе 215 рублей въ годъ; изъ этихъ денегъ онъ издерживаетъ на квартиру отъ 25 до 30 р. въ годъ, на прокормленіе себя и своей семьи не менѣе 130 р., на платье и обувь около 30 р., на лѣченіе больныхъ членовъ семьи около 3 р. Все это тогда, когда не только хозяинъ, но и его жена и отчасти дѣти могутъ зарабатывать; но даже и тогда, когда все благопріятствуетъ испанскому фабричному рабочему, ему не остается денегъ на подати и на непредвидѣнные расходы, какъ напримѣръ, продолжительная болѣзнь его или кого-нибудь изъ членовъ его семейства. Жилища рабочихъ представляютъ обыкновенно только четыре стѣны безъ оконъ.

О канавахъ и объ осушеніи земель здѣсь не имѣютъ никакого понятія, и потому почти всѣ мѣстности, лежащія около рѣкъ, представляютъ лѣтомъ и осенью убѣжище для всякаго рода лихорадокъ. Въ Валенсіи жилища фабричныхъ рабочихъ нѣсколько лучше. Они живутъ тамъ обыкновенно въ большихъ кирпичныхъ домахъ, построенныхъ, также какъ и во многихъ другихъ частяхъ Испаніи, спекуляторами, отдающими ихъ въ наемъ. Дома эти имѣютъ подвальный этажъ, а надъ нимъ два другихъ. Лѣстница, расположенная въ срединѣ дома, раздѣляетъ каждый этажъ на двѣ квартиры, имѣетъ отдѣльный входъ, сѣни, двѣ спальни и кухню; въ стѣнѣ кухни есть отверстіе, чрезъ которое, при помощи веревки съ привязаннымъ къ ней ведромъ, хозяйка можетъ доставать воду изъ выкопаннаго при домѣ колодца. Воздухъ въ этихъ жилищахъ весьма тяжелый, не смотря на то, что окна и двери ихъ бываютъ открыты почти круглый годъ, такъ какъ дома эти расположены въ очень узкихъ, обстроенныхъ высокими домами улицахъ.

Типы испанскихъ пролетаріевъ.—Нищіе.—Разбойники.—Контрабандисты. — Шарапы. — Бреттеры.—Цыгане.—Ихъ нравы, характеръ и образъ жизни.

При низкой заработной платѣ сельскихъ и фабричныхъ рабочихъ, при развитіи крупной поземельной собственности на югѣ Испаніи, при постоянныхъ политическихъ треволненіяхъ и междуусобныхъ войнахъ, останавливающихъ естественный ходъ земледѣлія и промышленности, въ Испаніи множество нищихъ. Нѣтъ страны, гдѣ нищенство являлось бы съ большею безцеремонностію. Полный достоинства, можно даже сказать гордости, испанскій нищій живописно драпируется въ свои лохмотья; въ рукахъ у него обыкновенно палка, чтобы отгонять собакъ, какъ-то особенно ихъ преслѣдующихъ. Завернувшись въ свое рубище, нищій, какъ философъ, исполняетъ свою профессію, или, если хотите, свое искуство. Во многихъ семействахъ ремесло нищаго переходитъ по наслѣдству: юноши строго соблюдаютъ наставленія людей, искусившихся въ этомъ дѣлѣ, и пользуются ихъ опытомъ. Все ихъ время строго разсчитано и они твердо знаютъ, въ какомъ мѣстѣ имъ выгодно находиться, какой день, какой часъ самый благопріятный, съ какой фразой нужно обратиться къ проходящему, смотря по его состоянію, полу и возрасту. Нищіе очень искусно даютъ тотъ или другой оттѣнокъ своей просьбѣ; иногда они хранятъ краснорѣчивое молчаніе, а чрезъ нѣсколько минутъ кричатъ во все горло, если того требуютъ обстоятельства. Очень многіе изъ нихъ слѣпые: это объясняютъ жгучими лучами испанскаго солнца и мелкою пылью равнинъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ нищіе имѣютъ на своей шапкѣ значекъ, показывающій, что имъ разрѣшено просить милостыню. Они обыкновенно поютъ духовные стихи въ честь святыхъ подъ акомпаниментъ мандолины или гитары, прерывая пѣніе просьбами о милостынѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дилижансъ, останавливающійся для перемѣны лошадей, осаждаютъ цѣлыя толпы нищихъ, иной разъ сразу до 25-ти человѣкъ. Тогда глазамъ туриста представляется картина всевозможныхъ человѣческихъ страданій: тутъ женщина, совершенно истощенная нуждою, кормитъ своею тощею грудью чуть живаго младенца; другія женщины, едва одѣтыя, бѣгутъ босикомъ по острымъ кремнямъ дороги, и тащутъ за собою дѣтей, часто голыхъ, или еле прикрытыхъ лохмотьями, изъ подъ которыхъ видно совсѣмъ бронзовое тѣло несчастныхъ малютокъ; слѣпые идутъ рядомъ съ хромыми, едва ковыляющими на своихъ костыляхъ, а тамъ везутъ маленькаго уродца, покрытаго язвами.

Въ былое время средствомъ пропитанія для народа служило также разбойничество. Каждая дорога находилась во владѣніи извѣстной шайки, которая смотрѣла на нее, какъ на свою собственность. Содержатели дилижансовъ входили въ сношенія съ бандитами, и поэтому они совершенно свободно нападали на проѣзжающихъ. При этомъ служащіе при дилижансѣ очень искусно разыгрывали роль перетрусившихъ, а разбойники совершенно покойно подходили къ экипажу и требовали у сидящихъ денегъ. Когда начальникъ шайки оставлялъ свое ремесло, онъ обыкновенно передавалъ другому предпринимателю свою дорогу и свою шайку. Разбойничество далеко не совсѣмъ исчезло въ Испаніи, но все таки оно теперь значительно уменьшилось, за то другой незаконный промыселъ—контрабанда продолжаетъ существовать въ ней и до настоящаго времени. Ее особенно успѣшно ведутъ жители горъ на югъ отъ Гвадалквивира. По этимъ крутымъ горамъ, изборожденнымъ почти непроходимыми тропинками, пробираются необыкновенно дѣятельные и смѣлые горцы съ товарами, обложенными высокою пошлиною. Евреи въ Гибралтарѣ снабжаютъ контрабандистовъ товарами: муслинами, шелковыми

платками, сигарами, табакомъ и проч. Но какъ пронести эти товары на испанскую почву? Это уже дѣло особаго маклера, которымъ обыкновенно бываетъ человѣкъ, бѣжавшій съ мѣста родины и ловко ускользнувшій изъ рукъ правосудія. Его занятія состоятъ въ томъ, что онъ подкупаетъ таможенныхъ надсмотрщиковъ и тѣ сквозь пальцы смотрятъ на тайный провозъ. Иной разъ эти маклера ведутъ большія дѣла и такимъ образомъ выгружаютъ при посредствѣ контрабандистовъ цѣлые корабли. Контрабандисты обыкновенно путешествуютъ не по одиночкѣ, а по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и при этомъ ночью, останавливаясь въ уединенныхъ фермахъ, или въ тѣхъ городахъ, гдѣ у нихъ много пріятелей. Эти смѣлые люди знаютъ самые трудные и узкіе проходы въ Сіеррѣ и съ необыкновенною ловкостью карабкаются по горамъ съ мѣшкомъ на спинѣ и съ карабиномъ черезъ плечо, хватаясь руками за выступы скалъ. Они часто въ наилучшихъ отношеніяхъ съ властями въ тѣхъ городахъ, по которымъ проходятъ: въ такомъ случаѣ они никогда не забудутъ подарить ящикъ сигаръ алькаду, табаку его секретарю и фуляру на платье женѣ мера—синьорѣ алькадесѣ. Въ большинствѣ случаевъ они безъ всякихъ приключеній приходятъ къ цѣли своего путешествія; но иной разъ наткнутся на карабинеровъ (правительственныя войска) и тогда завязывается сраженіе. Впрочемъ это бываетъ рѣдко, такъ какъ съ таможенною стражею очень легко войти въ соглашеніе и нѣсколько рублей улаживаютъ дѣло къ удовольствію обоихъ лагерей. Прибывъ къ цѣли путешествія, контрабандистъ сдаетъ товары своимъ агентамъ, которые дѣлятъ съ нимъ выгоду. Когда онъ не въ дорогѣ, онъ расточительно тратитъ деньги, пріобрѣтенныя съ опасностью жизни; проводитъ время въ тавернѣ (кабачекъ), играетъ тамъ въ карты, разсказываетъ о своихъ подвигахъ и пьетъ хересъ. Этого рода люди рѣдко пріобрѣтаютъ состояніе и обыкновенно кончаютъ свои подвиги тюрьмою. Говорятъ, что въ случаѣ застоя въ своихъ торговыхъ дѣлахъ, контрабандисты съ величайшею вѣжливостью облегчаютъ кошельки путешественниковъ.

Остановимся еще на двухъ испанскихъ народныхъ типахъ. Скажемъ нѣсколько словъ о *шарранѣ*,—типѣ болѣе всего свойственномъ Малагѣ. Что такое *шарранъ*? Это не парижскій гаменъ и не неаполитанскій ладзарони, и между тѣмъ онъ имѣетъ и съ тѣмъ и съ другимъ много общаго. Прогуливаясь по набережной въ Малагѣ, часто можно видѣть кучку людей, сидящихъ въ тѣни барки, вытащенной на берегъ, и играющихъ въ карты. Это шарраны; они родились въ Малагѣ и умрутъ въ ней, если не окончатъ жизни въ тюрьмѣ. Люди эти имѣютъ повидимому опредѣленное ремесло—продаютъ по улицамъ мѣстныя сардинки или предлагаютъ свои услуги хозяйкамъ отнести покупки въ домъ; но на самомъ дѣлѣ они ничего не дѣлаютъ, какъ у насъ говорится, живутъ *художествомъ* и грѣются на солнцѣ, лежа на берегу. Шарранъ—это юноша отъ 14 до 20 лѣтъ; ему нечего учиться ловкости и находчивости у самыхъ искусныхъ мошенниковъ Лондона. Разскажемъ одинъ изъ тысячи случаевъ, который ихъ обрисуетъ лучше всего. Однажды компанія шарррановъ провѣдала, что у погонщика муловъ, пришедшаго изъ горъ, были кое-какія деньги. Они узнали это слѣдующимъ образомъ: погонщикъ муловъ встрѣтилъ знакомаго крестьянина, который убѣждалъ его пойти съ нимъ въ церковь; недовѣрчивый горецъ отвѣчалъ, что у него есть съ собою золото и что онъ боится мошенниковъ; «такъ положи его въ ротъ и тогда ты будешь совершенно безопасенъ», сказалъ ему пріятель. При этомъ разговорѣ шарраны сидѣли не подалеку и все слышали. Погонщикъ послушался пріятеля и отправился съ нимъ въ церковь. Шарраны, какъ ни въ чемъ не бывало, послѣдовали за ними. Двое изъ нихъ положили въ свои платки по нѣскольку мелкихъ монетъ и стали собирать подаяніе на молебенъ въ честь пресвятой Богородицы. Они подошли и къ погонщику, стали около него на колѣни и забормотали молитвы, не выпуская его изъ виду. По окончаніи обѣдни одинъ изъ нихъ нарочно уронилъ изъ

платка монеты и онѣ покатились по полу.—«Caballeros», закричалъ тогда одинъ изъ нихъ, не трогайтесь съ мѣста, эти деньги принадлежатъ пресвятой Богородицѣ.—«Но гдѣ же золото?» вдругъ, какъ бы въ ужасѣ, вскричалъ одинъ изъ нихъ. Всѣ наклонились его искать. Вдругъ одинъ изъ толпы (это былъ ихъ третій товарищъ) закричалъ, показывая пальцемъ на бѣднаго погонщика: «Смотрите-ка, вотъ этотъ плутъ поднялъ золотую монету и спряталъ ее въ ротъ». Тотъ смущенный вынулъ монету изо рта, а мошенники, съ искусно разыграннымъ негодованіемъ, вырвали ее у него и бросили въ платокъ своего товарища. Раздраженная толпа осыпала бранью мнимаго вора и когда наконецъ несчастный могъ открыть ротъ, чтобы оправдаться, шарраны уже исчезли. Набережная и нѣкоторыя площади въ Малагѣ мѣста ихъ подвиговъ; тамъ они берутъ свою дань со всѣхъ выгружаемыхъ товаровъ; то треска ловко исчезла подъ ихъ рубашкой, то огромная луковица, дыня; они также очень ловко вонзаютъ свою наваху (ножъ) въ тюкъ и незамѣтно умѣютъ подбирать высыпающійся оттуда рисъ. Они очень любятъ играть въ карты, какъ почти всѣ андалузцы низшаго класса; грязный пледъ, сложенный въ четверо и брошенный на землю, служитъ имъ «зеленымъ полемъ»; карты ихъ обыкновенно такъ засалены, что едва можно различать очки; они такъ же страстно предаются азартной игрѣ въ орлянку. Эти игры шаррановъ непремѣнно оканчиваются общей свалкою, въ которой они такъ и подчуютъ другъ друга ударами кулаковъ, палкою, камнями, а нерѣдко и навахою. Шарранъ большой любитель курить и мастеръ собирать окурки, которые онъ тотчасъ превращаетъ въ сигары. Любопытно смотрѣть на шаррана, когда ему удалось добыть сигару. Какъ какой нибудь принцъ крови, онъ важно сидитъ въ кругу своихъ пріятелей: сначала онъ самъ закуриваетъ, затягивается одинъ разъ изо всей силы и передаетъ сосѣду, который повторяетъ тоже самое, и сигара переходитъ изъ рукъ въ руки, пока ее не выкурятъ.

Лѣтомъ шарранъ спитъ на открытомъ воздухѣ, около домовъ, не заботясь о москитахъ, укола которыхъ не боится его бронзовая кожа. Зимою онъ всегда найдетъ какой нибудь портикъ, гдѣ можно преклонить голову и найдти защиту отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Къ политическимъ партіямъ онъ совершенно равнодушенъ и всегда пристанетъ къ той, которая одержала верхъ.

Другой, еще болѣе любопытный типъ, встрѣчающійся во всей Андалузіи,—*баратеро*, или бреттеръ, забіяка. Это человѣкъ изъ самыхъ низшихъ классовъ общества, необыкновенно ловко владѣющій навахою, смѣльчакъ и первѣйшій нахалъ. Мы уже сказали, что андалузцы низшихъ классовъ большіе картежники; въ каждомъ городѣ есть люди, исключительный промыселъ которыхъ состоитъ въ игрѣ; спеціально для этой цѣли тутъ существуетъ и множество кабачковъ, въ которыхъ они собираются играть въ карты. Но испанскіе пролетаріи играютъ не только въ кабачкахъ: на морскомъ берегу, въ тѣни барки, подъ деревьями аллеи, у старой стѣны въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ; однимъ словомъ они собираются всюду, гдѣ только можно усѣсться нѣсколькимъ человѣкамъ. При этомъ во время игры они представляютъ живописную группу: одни изъ нихъ сидятъ, другіе лежатъ на животѣ передъ колодою грязныхъ картъ. Ихъ обыкновенно подвижныя физіономіи теперь оживлены болѣе чѣмъ когда нибудь, такъ какъ ихъ волнуютъ самыя противоположныя чувства. Радость, надежда, отчаяніе, мгновенная вспышка злобы на товарища, наконецъ страхъ передъ алгвазиломъ (полицейскимъ), все это попеременно появляется и исчезаетъ въ выраженіи ихъ лицъ. Вдругъ неизвѣстно откуда выростаетъ передъ ними человѣкъ съ дерзкимъ, вызывающимъ видомъ. Онъ плотно сложенъ, его камзолъ небрежно накинутъ на плечи, а короткія панталоны поддерживаются поясомъ; это—баратеро. Онъ безцеремонно бросаетъ среди играющихъ колоду картъ со словами: «Здѣсь играютъ только моими картами!»

Ясно, что игроки должны ему платить за каждую ставку. Если никто ему не противорѣчитъ и начинаюгъ играть его картами, онъ спокойно садится тутъ же и ждетъ окончанія игры, чтобъ получить назначенную имъ мелкую монету. Но далеко не всегда такъ мирно кончается дѣло. Иногда находится храбрецъ, который смѣло говоритъ ему: «товарищъ, намъ этого не нужно,—видишь, есть своя колода», и спокойно подаетъ назадъ брошенныя карты. Такого смѣльчака баратеро хватаетъ за воротъ и отводитъ въ сторону; оба хватаются за навахи и черезъ мгновеніе вы видите и блескъ сверкающей стали, и блескъ сверкающихъ глазъ... не проходитъ и двухъ минутъ, какъ одинъ изъ нихъ падаетъ окровавленный.

Такіе баратеро встрѣчаются во всѣхъ слояхъ низшаго общества. Баратеро является и на фабрикѣ, и въ войскѣ, и въ тюрьмѣ. Войсковой баратеро—тиранъ своей роты, каждый солдатъ боится его и старается все для него сдѣлать, лишь бы избавиться отъ ссоры, которую онъ заводитъ со всякимъ, кто ему не уступаетъ. Поэтому каждый, хотя и съ проклятіями, отдаетъ баратеро все, на что у того разгораются глаза; всѣ, куда онъ затешется, дѣлаютъ ему всевозможныя уступки. Его часто избавляютъ отъ работъ, дарятъ ему сигареты, деньги. И баратеро вездѣ чувствуетъ себя господиномъ: онъ пьетъ вино, не выпускаетъ изо-рта сигары и все это онъ добываетъ не трудомъ своимъ, а умѣньемъ наводить на другихъ страхъ и своимъ непоколебимымъ нахальствомъ.

Нѣкоторые изъ этихъ баратеро безпрестанно попадаютъ въ тюрьму, и тогда они дѣлаются, въ полномъ смыслѣ, ужасными для окружающихъ. Какъ только вновь осужденный переступаетъ порогъ тюрьмы, баратеро требуетъ съ него вступныхъ денегъ и если тотъ отказывается дать, то немедленно получаетъ отъ баратеро ударъ навахой. Понятно, какъ можетъ кончать жизнь баратеро. Разъ онъ попался въ руки правосудія за какое нибудь убійство, черезъ мѣсяца два послѣ этого по улицамъ слышится звукъ колокольчика, и вы видите человѣка, просящаго на заупокойную обѣдню несчастнаго, котораго будутъ казнить. И дѣйствительно, среди площади воздвигнутъ эшафотъ, гдѣ будутъ казнить преступника удушеніемъ (garrote); палачъ надѣваетъ ему на шею роковой желѣзный ошейникъ и при этомъ, по обыкновенію, спрашиваетъ его: «Прощаешь ли ты меня?»

Цыгане, которыхъ такъ много въ Испаніи, считаются здѣсь народомъ презрѣннымъ и живутъ особнякомъ среди остальнаго населенія. Они составляютъ какъ бы особую касту, вступаютъ въ бракъ только другъ съ другомъ и говорятъ особымъ языкомъ. Они стройны, гибки и нѣкоторые изъ нихъ отличаются замѣчательною красотою: у всѣхъ у нихъ огромные, черные, живые глаза, черные, какъ смоль, волосы и зубы бѣлые, какъ слоновая кость. О религіи цыгане, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, хитаны,—имѣютъ самое смутное понятіе; они на половину язычники. Они вѣрятъ въ добрую и злую силу, имѣютъ множество таинственныхъ обычаевъ и обрядовъ, къ которымъ обращаются въ несчастіи и при всякихъ житейскихъ случайностяхъ. Говорятъ даже, что многіе изъ нихъ вѣрятъ въ переселеніе душъ. Обокрасть христіанина хитанъ считаетъ за величайшую заслугу, воровство у своего брата—преступленіе. Удивительно, какъ цыгане повсюду вѣрны своей природѣ, и какъ могучъ этотъ типъ, если онъ на такихъ противуположныхъ концахъ Европы, какъ Россія и Испанія, сохранилъ свою оригинальность, сходство въ характерѣ, даже одинаковую склонность къ извѣстнаго рода занятіямъ. Хитаны въ Испаніи, какъ и во всемъ мірѣ, барышничаютъ лошадьми, лѣчатъ ихъ, для чего они часто напередъ потихоньку опаиваютъ ихъ, занимаются кузнечнымъ ремесломъ, поютъ, гадаютъ, пляшутъ и стригутъ животныхъ. Каждая лошадь, мулъ, оселъ во всей Испаніи ежегодно стригутся цыганами. Этотъ промыселъ,

кажется, уже издавна составляетъ ихъ исключительную привилегію. Какъ ни отличаются они между испанцами своими особыми нравами и обычаями, тѣмъ не менѣе они многое переняли отъ народа, среди котораго живутъ. Такъ же, какъ и испанцы, они дерутся навахами, а часто и огромными ножницами, которыми стригутъ животныхъ.

Не смотря на дикіе обычаи и горячую южную кровь, хитаны отличаются безупречными нравами и цѣломудріемъ. Они вступаютъ въ бракъ весьма не скоро послѣ обрученія; обыкновенно молодые люди бываютъ женихомъ и невѣстою въ продолженіи двухъ лѣтъ; свадьбу празднуютъ очень шумно и въ продолженіи нѣсколькихъ дней пьютъ, танцуютъ и истрачиваютъ въ это время почти все, что имѣютъ. Когда кто нибудь изъ нихъ умретъ, то тѣло покойника кладутъ на землю на соломенномъ тюфякѣ; при этомъ женщины бросаются ницъ и рвутъ руками свои густые волосы. Мужчины же топятъ печаль въ винѣ и тутъ же выпиваютъ по нѣскольку стакановъ въ память покойника. Мы уже знаемъ, что въ Севильѣ хитаны живутъ въ особомъ предмѣстьѣ Тріана, расположенномъ на правомъ берегу Гвадалквивира и сообщающемся съ городомъ желѣзнымъ мостомъ.

Въ Гранадѣ тоже имъ не дозволяютъ жить въ самомъ городѣ и они занимаютъ особый кварталъ Sacro Monte. Хотя Sacro Monte очень населено, но домовъ тамъ очень мало; за то въ склонахъ холмовъ продѣлано множество норъ и пещеръ, гдѣ живутъ хитаны. Иногда передъ этими логовищами находится маленькій дворикъ, дурно запертый или совсѣмъ незапертый, такъ какъ въ этихъ жалкихъ жилищахъ нечего красть. Внутренность этихъ ямъ ужасна. Цѣлое семейство, человѣкъ въ восемь, а часто и болѣе, живетъ всю жизнь въ темномъ подземельѣ, шириною шаговъ въ десять, вышиной въ сажень; черезъ дыру, сдѣланную въ сводѣ, проходитъ дымъ, когда готовятъ кушанье; одно и тоже отверстіе служитъ и дверью, и окномъ. Какая нибудь скамья въ одномъ углу и простой столъ—вотъ и все убранство жилища; иногда есть нары, но это уже роскошь, такъ какъ по большей части все семейство спитъ въ повалку на всякомъ отрепьѣ и сорѣ, сбираемомъ въ городѣ. Одежды на стѣнахъ обыкновенно не видно никакой, потому что они носятъ одну и ту же одежду, не перемѣняя ее, пока она совсѣмъ не свалится съ плечъ. Дѣти совершенно голыя, черные, какъ африканцы, валяются тамъ и сямъ посреди тощихъ домашнихъ птицъ и самыхъ грязныхъ животныхъ. У дверей этихъ подземныхъ жилищъ вы видите обыкновенно слѣдующія сцены: молодая красавица-цыганка, съ длинными рѣсницами и черными вьющимися волосами, съ тяжелыми серьгами въ ушахъ, стоитъ позади старухи, настоящей колдуньи, и ищетъ у нея въ головѣ животныхъ; на рукахъ у старухи спитъ ребенокъ, а другой, почти голый, валяется около большихъ бубенъ у ногъ своей бабушки и дико озирается, подперши рукою голову. Тутъ же его отецъ, съ суровымъ, бронзовымъ лицемъ, съ платкомъ, повязаннымъ на головѣ и падающимъ на затылокъ, посматриваетъ безучастно на эту привычную для него сцену. У другой такой норы сидитъ молодая цыганка, а ея мать расчесываетъ ей длинные волосы, черные, съ синимъ отливомъ, цвѣта вороньяго крыла; кошка и сорока дружелюбно сидятъ на подоконникѣ, а большая собака, съ поднятыми ушами, посматриваетъ на нихъ.

Въ Гранадѣ съ нѣкотораго времени существуетъ обычай, дающій доходъ хитанамъ. Если иностранецъ пріѣзжаетъ въ гостинницу, его спрашиваютъ, когда ему будетъ угодно посмотрѣть пляску хитанъ. Затѣмъ появляется смуглый малый, котораго почему-то называютъ капитаномъ; онъ предлагаетъ показать пляску и заламываетъ обыкновенно страшную цѣну. Онъ нанимаетъ на вечеръ помѣщеніе и проситъ дозволенія полиціи привести нѣсколькихъ дѣвушекъ въ городъ изъ загородныхъ пещеръ. Вечеромъ проводникъ ведетъ иностранца въ маленькій домикъ въ какомъ нибудь захолустьѣ, и тамъ, въ

небольшой комнаткѣ, онъ находитъ цѣлое общество: пять, шесть молодыхъ цыганокъ отъ 14 до 17 лѣтъ, нѣсколько юношей и самъ капитанъ, распоряжающійся всѣмъ. Дѣвушки поочередно пляшутъ *фандаго*, *малагенью*, т. е. ловко скачутъ и граціозно прыгаютъ, юноши приплясываютъ, ударяя въ бубны, капитанъ, сидя, брянчитъ на гитарѣ. Послѣ танца каждая дѣвушка поочередно подходитъ къ иностранцу, кладетъ правую руку ему на плечо и слегка киваетъ головой. Этимъ жестомъ замѣняется прежній поцѣлуй, дававшійся испанкой послѣ пляски своему кавалеру. Впрочемъ и теперь, если иностранецъ нравится хитанѣ, то она спокойно, просто и ни чуть не стѣсняясь, подойдетъ послѣ пляски и, положивъ руку на его плечо, поцѣлуетъ разъ, два, усмѣхнется и отойдетъ на мѣсто. Разумѣется, на этихъ вечеринкахъ всѣ деньги идутъ въ руки капитана, устроившаго пляску, небольшая часть роднымъ дѣвушки, ей же самой врядъ ли достанется нѣсколько грошей. Но танцы, устраиваемые для иностранцевъ, не вполнѣ отличаются тою оригинальной дикостью, которая характеризуетъ цыганскіе танцы. Поэтому лучше просто идти самому на Сакро-Монте и набрать тамъ танцовщицъ и оркестръ. Музыканты начинаютъ играть и въ то же время растягиваютъ гнусливымъ фальцетомъ самыя странныя мелодіи. Старуха вооружается большими бубнами и онѣ начинаютъ звенѣть подъ ея пальцами. Молодая дѣвушка, прекрасно сложенная, танцуетъ *зоронго* съ прелестною гибкостью и граціею. Ея босыя ноги легко касаются земли, усыпанной кремнями, какъ будто бы она танцовала по ковру. Публика приходитъ въ восторгъ, танцовщица двигается еще быстрѣе, и вотъ ея длинные черные волосы расплетаются и падаютъ на плечи. Молодой хитанъ подбѣгаетъ къ ней, двѣ другія пары дѣлаютъ тоже и начинаютъ танцовать всѣ вмѣстѣ, сходясь и расходясь. Онѣ танцуютъ неутомимо и останавливаются только тогда, когда утомленные музыканты перестаютъ играть и пѣть. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ присутствующіе, цыгане они или испанцы, старые или молодые, однимъ словомъ всѣ, кто только видитъ танцы или даже слышитъ отдаленные звуки музыки,—пускаются въ плясъ. Тутъ можно видѣть преоригинальныя сцены: старуха подметала садъ и съ метлою пускается въ плясъ; дѣти, кто съ чѣмъ попало, какъ и кто чѣмъ игралъ, приподнимая ручонки, поддерживая свои оборванныя юбочки, или граціозно подбоченясь, съ жаромъ отхватываютъ тотъ или другой танецъ.

Времяпрепровожденіе испанца.—Сіэста.—Тертулія.—Бесѣды у балкона въ лунную ночь и пристрастіе къ нимъ молодыхъ людей.—Пища.

Сильная, томительная жара заставляетъ испанца иногда большую часть дня рѣшительно ничего не дѣлать, такъ что въ Испаніи повсемѣстно уже вошло въ обычай отдыхать каждый день съ часу до трехъ. И куда бы вы ни пришли въ это время, вы никого не найдете на дворѣ. Въ городахъ въ это время пустѣютъ всѣ улицы; ремесленники оставляютъ свою работу, купцы закрываютъ лавки и идутъ спать. Если нужда заставитъ кого выйти въ эти часы на улицу, то стараются пробираться вблизи домовъ, по узкой полосѣ тѣни, которую они отбрасываютъ; при томъ каждый, кто выходитъ, покрываетъ лицо газомъ или тюлемъ, чтобы предохранить себя отъ укола москитовъ, которые тогда появляются въ страшномъ количествѣ. Это время называется *сіэста*. Впрочемъ зажиточные испанцы и во все время дня старательно завѣшиваютъ окна и избѣгаютъ солнца. Но когда день склоняется къ вечеру и подуетъ свѣжій вѣ-

терокъ, всѣ дома сразу пустѣютъ и мѣста гуляній переполняются народомъ. Немного прогулявшись, всѣ возвращаются домой и принимаютъ гостей, или сами идутъ въ гости, на *тертулью*, домашнюю вечеринку; на такія вечеринки сходится иногда довольно много народу. Хозяева угощаютъ гостей холоднымъ оршадомъ, мороженымъ. При этомъ всѣ чрезвычайно просто, дружно между собою болтаютъ, а иногда и поютъ. Тѣмъ не менѣе и тутъ высказывается типичный испанскій характеръ, и тутъ существуетъ свой кодексъ приличій. Юноша никогда не начнетъ высказывать свои мечты и предположенія, какъ онъ думаетъ устроиться въ будущемъ, не предпославъ этому фразы: «хотя я и доволенъ настоящимъ». Можетъ быть въ сущности и нѣтъ этого довольства настоящимъ, но такъ уже принято, и всякій порядочный человѣкъ долженъ такъ говорить.

Впрочемъ не одну эту фразу нужно знать испанцу, чтобы считаться учтивымъ и благовоспитаннымъ человѣкомъ. Онъ ничего не долженъ съѣсть, не обратившись къ сосѣду со словами: «usted gusta?», т. е. «Ваша милость желаетъ?». И при этомъ, Боже васъ сохрани пожелать, т. е. попросить задавшаго вамъ этотъ вопросъ подѣлиться. Этого нельзя дѣлать и тогда, когда кусокъ сосѣда вамъ дѣйствительно нравится. На такой вопросъ вы всегда должны отвѣтить: «Gracias? Que apro veche!», что буквально означаетъ: «Спасибо! Пусть пользуется онъ...» т. е. предлагающій. Прощаясь, всегда говорятъ: «Да идетъ ваша милость съ Богомъ». Если же разстаются на долго: «Хорошій путь вашей милости». Если кто, говоря про какую-нибудь вещь, спрашиваетъ: «Это принадлежитъ вашей милости?» то владѣлецъ вещи, если только онъ чуть-чуть порядочный человѣкъ, непремѣнно прибавитъ: «И вашей милости также». Вообще всегда надо предлагать все свое въ распоряженіе другаго: кусокъ, который самъ начинаешь ѣсть, свой экипажъ, домъ, людей. Но если тотъ, кому предлагаютъ, рѣшится чѣмъ-нибудь воспользоваться,—онъ прослыветъ всюду неучемъ и глупцомъ и въ другой разъ, уже разумѣется, ему ничего не предложатъ. Такихъ фразъ, которыя, нужно знать и всегда мило и во время вставить, очень много, и не думайте, что онѣ обязательны только для высшаго общества, напротивъ, онѣ должны быть одинаково хорошо извѣстны, какъ испанскому гранду, такъ и послѣдней торговкѣ каштанами.

Но вотъ кончилась тертулія, всѣ разбрелись по домамъ и скоро все заснуло мертвымъ сномъ; только влюбленные, *новій* и *новія* (какъ ихъ здѣсь называютъ) разговариваютъ у рѣшетки окна, или новій стоитъ подъ балкономъ, гдѣ живетъ его новія. Дѣвушкѣ нравится молодой человѣкъ и она приглашаетъ его ходить разговаривать съ ней къ балкону; затѣмъ она встрѣчаетъ другаго, который еще больше понравился, она лишаетъ перваго права болтать съ ней при свѣтѣ луны и къ ней начинаетъ ходить уже второй. Двухъ новіевъ сразу дѣвушка не должна имѣть и тѣмъ болѣе двое вмѣстѣ уже никогда не явятся къ ея рѣшеткѣ, а если это когда и случится, то кончается очень трагически, обыкновенно дуэлью между новіями. Но что всего любопытнѣе въ этомъ обычаѣ, что новій впродолженіе всего свиданія со своей новіей, не можетъ съ нею иначе разговаривать, какъ поднявши голову вверхъ и откинувши ее на спину, такъ какъ дѣвушка стоитъ на балконѣ, а онъ внизу. Такимъ образомъ въ лунную ночь на всякомъ балконѣ стоитъ дѣвушка и внизу молодой человѣкъ, съ которымъ она болтаетъ по нѣскольку часовъ сряду; тѣмъ не менѣе ни одна изъ нихъ не только не пойдетъ ночью гулять съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ она болтаетъ, но даже и не спустится къ рѣшеткѣ, у которой онъ стоитъ,—это здѣсь строго осуждаютъ. Иногда дѣвушка перемѣняетъ очень много новіевъ, одного за другимъ. Родители, конечно, знаютъ объ этихъ свиданіяхъ своихъ дочерей, но смотрятъ сквозь пальцы: сами онѣ дѣлали тоже, когда были молоды, и обычай этотъ сильно укоренился. Новій обыкновенно знакомится съ семействомъ своей по-

віи, сопровождаетъ ее на гулянье, въ церковь и т. п. Въ большинствѣ случаевъ это кончается свадьбою. Если новій имѣетъ въ числѣ своихъ знакомыхъ музыкантовъ, то онъ даетъ серенаду своей новіи; при этомъ импровизированный оркестръ обыкновенно состоитъ изъ гитары, мандолинъ и флейты.

Въ пищѣ испанецъ очень умѣренъ, что опять-таки объясняется климатическими условіями. Самое любимое національное кушанье *puchero* (или olla padrida), представляющее смѣсь всевозможныхъ припасовъ: тутъ есть баранина, говядина, цыплята, колбаса, свиное сало, свиные ножки, лукъ, чеснокъ и всевозможныя овощи. Гастрономы прибавляютъ сюда шафрану и другихъ пряностей и много кладутъ разныхъ овощей, горохъ, бобы, капусту, pomme d'amour и непремѣнно garbanzos. Это родъ гороха съ очень твердою кожицею. Все это запекается въ печкѣ и служитъ любимѣйшею пищею испанца, къ какому бы слою общества онъ ни принадлежалъ. Свинина играетъ большую роль въ испанской кухнѣ. Народъ очень любитъ также *gaspacho*, супъ изъ чесноку, мелко искрошеннаго луку, пластинокъ огурцовъ, перцу, соли, уксусу, нѣсколько ложекъ масла, хлѣба и воды.

Религіозные праздники и процессіи.—Страстная недѣля.—Пазо и ихъ значеніе во всѣхъ испанскихъ празднествахъ.—Праздникъ Пресвятой Дѣвы Моря въ Альмеріи.—«Танецъ шести» въ Севильскомъ соборѣ.—Костюмъ «шести».—Испанское богомолье.

Церковные праздники и дни различныхъ святыхъ празднуются въ Испаніи съ чрезвычайнымъ торжествомъ, и тутъ всего лучше можно познакомиться съ испанскими религіозными процессіями. Для примѣра мы опишемъ страстную недѣлю въ Севильѣ. Но прежде, чѣмъ описывать здѣшнія церемоніи, необходимо сказать нѣсколько словъ о *пазо* (Pasos), которые всегда играютъ въ нихъ главную роль. «Pasos» собственно значитъ изображеніе страданій Іисуса Христа, но обыкновенно этимъ словомъ обозначаютъ скульптурныя деревянныя изображенія въ натуральную величину, которыя хранятъ въ церквахъ и во время процессій носятъ по улицамъ. Прежде самые знаменитые испанскіе скульпторы дѣлали и разрисовывали эти *пазо*, такъ что еще и до сихъ поръ во многихъ церквахъ сохраняются эти старинныя изображенія. И въ настоящее время дѣлаются эти деревянныя изваянія, и хотя теперь надъ ними уже не трудятся лучшіе скульпторы страны, тѣмъ не менѣе ихъ дѣлаютъ и разрисовываютъ по образцу тѣхъ, какіе были въ средніе вѣка.

Во всѣхъ севильскихъ церквахъ есть свои *пазо*. Одно изъ самыхъ любопытныхъ изваяній извѣстно подъ именемъ «Iesus Nazareno», т. е. Іисусъ Назарянинъ; оно принадлежитъ церкви Санъ-Лоренцо. Это огромное скульптурное изображеніе Христа одѣто въ длинное платье изъ чернаго бархата, шитое золотомъ и серебромъ; Іисусъ представленъ несущимъ крестъ огромныхъ размѣровъ и драгоцѣнной работы съ инкрустаціями изъ слоновой кости, черепаховыхъ пластинокъ и перламутра. Съ каждой стороны Христа стоятъ два ангела съ распущенными крыльями и несутъ въ рукахъ фонари; четыре фонаря побольше помѣщены по угламъ площадки, сдѣланной тоже изъ дерева и на которой стоятъ *pasos* и всѣ эти ангелы. Понятно, что такое изображеніе и очень велико, и очень тяжело, и его обыкновенно носятъ по улицамъ нѣсколько человѣкъ. Но не всякій, кто хочетъ, можетъ взять и понести пазо; это дозволяется только членамъ религіозныхъ братствъ, которыхъ такъ много въ Севильѣ. Носильщики носятъ обыкновен-

но на головахъ такое изображеніе; отъ краевъ его площадки спускается до земли длинная драпировка, совершенно скрывающая людей; такъ что когда во время процессій носятъ пазо, кажется, будто эта тяжелая масса движется сама собою.

Чествованіе Страстной Недѣли начинается съ вербнаго воскресенья. Утромъ подъ величественными сводами севильскаго собора совершается церемонія благословенія пальмъ. Послѣ полудня начинаются процессіи. Впереди многочисленной толпы торжественно двигается *pasos*. При этомъ изображено событіе, подходящее къ этому дню: вербный пазо изображаетъ Христа на крестѣ между двумя разбойниками; тутъ же въ сторонѣ несутъ орудія пытки и наконецъ по угламъ стоятъ большіе фонари, которые фигурируютъ во всѣхъ процессіяхъ. Во главѣ кортежа идетъ нѣсколько солдатъ и кавалерійскій офицеръ въ парадной формѣ со шпагою на голо, сзади несутъ знамя братства, а затѣмъ въ два ряда члены братства, играющіе весьма важную роль въ религіозныхъ процессіяхъ и которыхъ называютъ *назареянами*. Костюмъ назареянъ состоитъ изъ большаго заостреннаго капюшона на головѣ, который не только покрываетъ голову, но все лицо и даже шею, такъ что для глазъ сдѣлано отверстіе; туника, перевязанная у таліи широкимъ поясомъ, падаетъ до ногъ и оканчивается длиннымъ шлейфомъ. Въ соборѣ назареяне отпускаютъ свой шлейфъ и онъ далеко волочится по землѣ, но на улицѣ они придерживаютъ его рукою, стараясь такъ приподнять одежду, что видны бѣлые, прекрасные чулки, старательно натянутые, и ноги, обутыя въ башмачки съ серебряными пряжками. Посреди кортежа нѣсколько человѣкъ несутъ большіе серебряные гербы, украшенные эмблемами братства, другіе держатъ въ рукахъ, какъ древніе герольды, большіе серебряные барабаны, убранные богатою шелковою матеріею, съ роскошнымъ шитьемъ и бахрамою. За ними идутъ попарно нѣсколько человѣкъ и несутъ, повѣсивъ на шею, большія корзины съ восковыми свѣчами (тоже самое бываетъ и въ религіозныхъ процессіяхъ на югѣ Франціи). За ними несутъ и другой *пазо*, и этотъ даже больше перваго. Онъ изображаетъ входъ Іисуса въ Іерусалимъ. Посреди стѣнъ Іерусалимскихъ зубчатыя ворота, въ которыя Христосъ въѣзжаетъ на ослѣ, сопровождаемый апостолами съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. Этотъ пазо весьма искусной работы. Тутъ вы видите очень много фигуръ и всѣ онѣ сдѣланы въ естественную величину, одѣты въ шелковыя, суконныя и бархатныя одежды. Такъ какъ драпировка скрываетъ людей, несущихъ *пазо*, и они оттуда ничего не могутъ видѣть, то одинъ изъ членовъ братства даетъ имъ знакъ особеннымъ стукомъ, когда они должны остановиться. За такою процессіею ходитъ громадная толпа народа, и такимъ образомъ расхаживаютъ они по всѣмъ улицамъ города. Въ страстную среду, въ соборѣ, во время богослуженія, когда произносятся слова *et velum templi scissum est* (и завѣса храма разодралась), слышится шумъ отъ дѣйствительно раздираемой завѣсы; потомъ, тѣми же средствами, какъ на театрахъ, производятъ громъ и молнію, бывшія въ ту минуту, когда Іисусъ Христосъ испускаетъ духъ. Въ этотъ день тоже носятъ по городу pasos. На одномъ изъ нихъ изображена «Молитва въ саду Гефсиманскомъ», на другомъ—толпа евреевъ со всевозможнымъ страннымъ оружіемъ тащитъ Христа, сзади ихъ несутъ въ рукахъ фонари съ зажженными свѣчами. Въ этотъ день носятъ нѣсколько пазо, и точно также всѣ они напоминаютъ событія, подходящія къ этому дню. Одно изъ нихъ изображаетъ бичеваніе, другое вѣнчаніе Іисуса Христа терновымъ вѣнкомъ, наконецъ одно изъ нихъ даже изображаетъ Понтія Пилата, умывающаго руки предъ народомъ и т. п. Вечеромъ въ тотъ же день въ соборѣ совершается вечерня, привлекающая огромную толпу народа, такъ какъ тутъ поютъ превосходные пѣвчіе. Церемоніи въ четвергъ сопровождаются еще большею пышностію, чѣмъ въ предъидущіе дни; утромъ кардиналъ-архіепископъ Севильи освящаетъ миро. При этомъ бросается въ глаза

богатство священныхъ одеждъ весьма многочисленнаго духовенства. Въ процессіи этого дня носятъ знаменитый «*monumento*». Онъ сдѣланъ еще въ XVI столѣтіи и представляетъ родъ храма колоссальныхъ размѣровъ, весь изъ дерева, разбирающійся по кускамъ; говорятъ, что одна эта операція требуетъ много рукъ и до трехъ недѣль времени.

Въ Страстную пятницу *пазо* еще болѣе многочисленны; всего любопытнѣе называющіеся «*Santo Entierro*»: тутъ уже вы видите не деревянныя изображенія, а живыхъ людей. Вотъ личность съ косою въ рукѣ, изображающая смерть; она сидитъ на земномъ шарѣ; потомъ нѣсколько дѣтей, одѣтыхъ ангелами: одинъ изъ нихъ представляетъ архангела Михаила, онъ въ одеждѣ воина, со шпагою въ рукѣ; другой—ангела-хранителя, ведущаго *человѣка* за руку, и *человѣкъ*, котораго ведутъ, тоже ребенокъ трехъ или четырехъ лѣтъ, который посреди этихъ аллегорическихъ личностей дрожитъ отъ смущенія и боязливо поглядываетъ вокругъ. Два другихъ ребенка представляютъ святаго Гавріила, съ лиліею въ рукѣ, и святаго Рафаила, въ костюмѣ странника, съ посохомъ въ одной рукѣ и рыбою въ другой. За Христомъ въ стеклянномъ гробу, окруженномъ солдатами въ римской одеждѣ, слѣдуютъ Богородица, св. Іоаннъ, Іосифъ Аримафейскій, Никодимъ и нѣкоторые другіе. Повторяемъ: все это изображаютъ люди, и такимъ образомъ это напоминаетъ въ одно и то же время и живыя картины, и наивныя средневѣковыя мистеріи. Въ Страстную Субботу вы можете видѣть аллегорическую процессію: на тронѣ, надъ облаками, сидитъ Богъ-Отецъ, съ Богомъ-Сыномъ и Духомъ Святымъ по бокамъ; изъ пяти ранъ Сына течетъ струями кровь, которая падаетъ на церковь и оживляетъ ее; церковь изображаетъ молодая дѣвушка, одѣтая священникомъ, что производитъ особенный эффектъ. Другая молодая дѣвушка, съ завязанными глазами, колѣнопреклоненная у ногъ Бога-Отца изображаетъ Вѣру. Въ Свѣтлое Воскресенье происходятъ всевозможныя увеселенія, въ томъ числѣ, конечно, на первомъ планѣ бои быковъ. Въ этомъ же родѣ празднуются различные церковные праздники и въ другихъ городахъ.

Вотъ какъ описываютъ праздникъ Пресвятой Дѣвы Моря—патронессы (покровительницы) города Альмеріи. «Въ этотъ праздникъ трудно пробираться по улицамъ съ самаго ранняго утра, такъ какъ на него наѣзжаетъ страшно много народа. Не говоря уже о любви испанца къ празднествамъ и къ процессіямъ, толпу народа привлекаютъ сюда и бои быковъ, которыми иногда заканчивается этотъ праздникъ. Послѣ обѣдни изъ всѣхъ четырехъ церквей собора вышло духовенство съ причетниками и съ своими изображеніями, т. е. со статуями изъ воска или изъ дерева. Всѣ собрались около маленькой церкви *Maria del Mar* и отсюда направились по улицамъ на набережную *Malecon*. Во всѣхъ окнахъ и на всѣхъ балконахъ висѣли ковры или бѣлыя простыни, обшитыя красными каймами. Надъ улицами на протянутыхъ веревкахъ развѣвались знамена и флаги всѣхъ консульствъ. На самомъ Малеконѣ самый большой флагъ былъ папскій съ его гербомъ: тіара и два ключа. Процессія была оригинальная и видъ съ Малекона былъ великолѣпный. Съ одной стороны спокойное голубое море и въ заливѣ нѣсколько кораблей, увѣшанныхъ знаменами и флагами; а съ другой тоже знамена и ковры, развѣвающіеся со всѣхъ домиковъ. Окна, балконы полны разряженныхъ красавицъ, плоскія крыши или террасы биткомъ набиты народомъ; внизу, на землѣ, тоже густыя, пестрыя толпы. Изъ крѣпости слышится канонада, а по всему городу трескотня и шипѣнье ракетъ, и неба не видно за маленькими дымками. Вопреки общему обычаю здѣсь бываютъ фейерверки и днемъ. Въ Андалузіи, и особенно въ этой мѣстности, существуетъ обыновенію *обѣщать* патронессѣ Маріи Моря ракеты къ празднику. Какъ русскій народъ ставитъ по обѣщанію свѣчи къ образамъ, такъ андалузцы по обѣ-

щанію заготовляютъ къ празднику ракеты, кто дюжину, кто двѣ, три... И въ праздникъ идетъ страшнѣйшая пальба, потому что каждый дѣлаетъ и пускаетъ свои ракеты самъ, или съ крыши дома, или слѣдуя за процессіей.

«Процессія вышла на Малеконъ изъ главной улицы и повернула вдоль набережной. Впереди шла полковая музыка. Затѣмъ отрядъ верховыхъ жандармовъ или guardia civil (очень уважаемая въ Испаніи). За ними двигалась, попарно, длинная вереница мужчинъ и женщинъ съ огромными свѣчами въ рукахъ. Нѣкоторые, изысканно и франтовски одѣтые, шли босикомъ, и, прибавлю, что между мужчинами я замѣтилъ болѣе босоногихъ, нежели между женщинами. За вереницей этихъ кающихся несли большое изображеніе, въ человѣческій ростъ, святаго Доминга *). Это отдѣленіе процессіи было самое оригинальное. Святой этотъ считается покровителемъ земледѣльцевъ и поэтому всѣ поселяне окрестности несли и окружали его, въ своихъ обыкновенныхъ костюмахъ.

«За поселянами съ св. Домингомъ шли лодочники, барочники, рыболовы и матросы и несли огромную восковую статую святаго Эльма, патрона и покровителя моряковъ и всего морскаго. Святой былъ одѣтъ въ длинную ризу и держалъ въ рукахъ маленькій корабль, которому ужасно позавидовали два мальчика, стоявшіе около меня. Вслѣдъ за морскимъ отдѣленіемъ шло военное отдѣленіе и несло изображеніе Михаила Архангела, тоже въ человѣческій ростъ, въ золотыхъ латахъ и съ пламеннымъ мечомъ въ рукѣ. Онъ патронъ военныхъ, поэтому всѣ, сколько было солдатъ и офицеровъ въ Альмеріи, сгруппировались вокругъ него вмѣстѣ съ комендантомъ. За этимъ пестрымъ отдѣленіемъ разныхъ мундировъ, подвигалось большимъ чернымъ пятномъ среди разряженной толпы отдѣленіе поповъ или патеровъ, въ громадныхъ черныхъ шляпахъ и въ длиннополыхъ черныхъ кафтанахъ. Среди нихъ несли святаго Индалесіо, покровителя и патрона духовенства. Статуя была одѣта такъ же, какъ и живые, окружавшіе ее спутники. За ними и епископомъ появились мѣстныя власти, адъютанты коменданта крѣпости, алькады и члены аристократіи. Наконецъ вслѣдъ за ними самая виновница торжества, Maria santisima del Mar—святая Марія Моря—мѣстная Мадонна. Маленькое изображеніе изъ дерева, лицо совершенно черное и дурно сдѣланное (работа XIV вѣка), на головѣ большая изящная корона изъ листоваго серебра съ алмазами, а на плечахъ длинная риза изъ зеленаго бархата, вышитая золотомъ и драгоцѣнными каменьями. На рукахъ ея куколка младенецъ Іисусъ, тоже старинной и плохой работы, въ серебряномъ же вѣнцѣ и тоже въ маленькой зеленой мантіи. Эту статую не несли на рукахъ, а она стояла на высокомъ катафалкѣ, который катился на колесахъ невидимою силою, т. е. подъ парчей, висящею на катафалкѣ, были укрыты человѣкъ пять, шесть, которые катили предъ собой или надъ собою эту махину. Эта должность особенно почетна, и чтобы быть *катальщикомъ*, надо, говорятъ, дать не малую сумму въ церковь патронессы. Мантія Маріи Моря—приношеніе королевы Изабеллы II и донъ-Франциска де-Асизъ, супруга ея, какъ гласитъ надпись. Впрочемъ нѣтъ ни одной Мадонны во всей Испаніи, у которой бы не было мантіи отъ королевы и отъ Франциска ея супруга. За santa Maria del Mar тѣснилась кучка, пускавшая ракеты, и за ними снова верховой отрядъ гвардіи. Процессія сдѣлала кругъ по Малекону, съ частыми и длинными отдыхами, и чрезъ часъ ворочалась уже назадъ въ церковь при усилившейся пальбѣ пушекъ и ракетъ».

Въ Севильскомъ соборѣ совершаются еще болѣе любопытныя религіозныя церемо-

*) *Доминго* значитъ по испански: воскресенье.

ніи, какъ напр. *танецъ шести*. Въ праздникъ «Тѣла Господня», изъ дѣтей, которыя служатъ въ хорѣ пѣвчихъ въ нѣкоторыхъ кафедральныхъ соборахъ, выбираютъ нѣсколько человѣкъ, чтобы участвовать въ религіозныхъ церемоніяхъ этого дня. Прежде для этого обыкновенно выбирали *шестерыхъ* дѣтей; хотя теперь ихъ больше, но старое названіе сохранилось.

«Танецъ шести» остатокъ старинныхъ представленій и танцевъ, сопровождавшихъ въ средніе вѣка въ главныхъ городахъ Испаніи праздники Тѣла Господня. Булла папы Евгенія IV утвердила «танецъ шести». Архіепископъ Севильскій старался уничтожить его, находя несовмѣстнымъ съ благоговѣніемъ, внушаемымъ христіанину св. причастіемъ. Капитулъ, бывшій другаго мнѣнія, нанялъ корабль, и шесть дѣтей, сопровождаемыхъ маэстромъ капеллы, отправились въ Римъ, чтобы показать святому отцу, что ихъ костюмы и танцы только увеличиваютъ блескъ религіозныхъ торжествъ. Вѣроятно папа убѣдился въ этомъ, такъ какъ эти танцы и пѣніе предъ причастіемъ происходятъ и въ настоящее время. Дѣти, которыя въ нихъ участвуютъ, принадлежатъ обыкновенно къ семействамъ рабочихъ или ремесленниковъ; чтобы быть принятыми, они должны имѣть менѣе десяти лѣтъ и обладать хоть небольшимъ голосомъ. Каноники капитула, выслушавъ пѣніе желающихъ вступить въ это званіе, избираютъ тѣхъ, кто имѣетъ голосъ лучше другихъ. Имъ даютъ тогда обыкновенный костюмъ, очень простой, и другой, болѣе богатый, для праздествъ, въ которыхъ они должны участвовать. На улицахъ Севильи ихъ легко узнать по красной шапкѣ и по плащу того же цвѣта; голубыя брыжжи окружаютъ шею, остальной ихъ костюмъ состоитъ изъ черныхъ чулокъ и башмаковъ съ кисточками, въ то же время украшенныхъ металлическими пуговицами. Ихъ парадный костюмъ напоминаетъ тотъ, который они носили и въ XVI столѣтіи. Шляпа нѣсколько коническая, съ полями, приподнятыми кверху; съ одного края она придерживается бантомъ изъ бѣлаго бархата, къ которому въ то же время прикрѣпленъ пучекъ голубыхъ и бѣлыхъ перьевъ. Шелковый кафтанъ опоясанъ шарфомъ, завязаннымъ съ боку; небольшой плащъ, накинутый на плечи, граціозно падаетъ до колѣнъ. Но особенно характерная часть костюма—накрахмаленныя кружевныя брыжжи, окружающія шею такъ, что нѣсколько напоминаютъ голову Іоанна Крестителя на блюдѣ. Кружевныя манжеты, штаны съ прорѣзами, шелковые голубые чулки и бѣлые башмаки съ кисточками дополняютъ ихъ оригинальный костюмъ.

Танецъ шести привлекаетъ въ Севилью не менѣе любопытныхъ, чѣмъ церемоніи Страстной недѣли, и громадный соборъ не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ видѣть представленіе. Дѣти, которыя будутъ участвовать въ представленіи, стоятъ въ два ряда предъ главнымъ алтаремъ; въ извѣстное время, поклонившись до земли, они начинаютъ медленно танцовать, побрякивая своими кастаньетами изъ слоновой кости; потомъ останавливаются и поютъ въ честь «Богородицы, дѣвы, матери и супруги, болѣе чистой и прекрасной, чѣмъ заря и утренняя звѣзда». При этомъ они повторяютъ послѣ каждаго отдѣленія такой припѣвъ: «Пойте во славу Богоматери, во славу царственной покровительницы Испаніи, зачавшей безъ первороднаго грѣха». Это пѣніе, исполненное прекрасными, чистыми, нѣжными дѣтскими голосами, производитъ глубокое впечатлѣніе. Когда они затянутъ припѣвъ во славу Богородицы, раздаются звуки кастаньетовъ и подъ ихъ акомпаниментъ онѣ начинаютъ свои па. Однако нужно замѣтить, что эти па, которыя онѣ выдѣлываютъ въ храмѣ, вовсе не походятъ на свѣтскіе танцы испанцевъ. Это необыкновенно медленныя, плавныя движенія, имѣющія нѣкоторое сходство съ менуэтомъ. Дѣти исполняютъ свои обязанности лишь въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; когда ихъ голосъ начнетъ терять дѣтскую интонацію, ихъ замѣняютъ болѣе

маленькими дѣтьми; при этомъ они оставляютъ свои блестящіе костюмы въ ризницѣ собора.

Въ нѣкоторые праздничные дни жители Севильи совершаютъ путешествія въ ея окрестности, чтобы поклониться какой нибудь почитаемой иконѣ; но въ этихъ богомольяхъ мало религіознаго. Танцы, вино и всевозможныя удовольствія, которыми развлекаютъ себя въ это время испанцы, вѣроятно, не дозволяютъ имъ много думать о святыхъ. Даже внѣшній видъ этого путешествія скорѣе заставитъ думать посторонняго человѣка, что народъ отправляется на веселый пиръ, а не на богомолье. Нѣсколько мужчинъ, верхами на прекрасныхъ андалузскихъ лошадяхъ, открываютъ шествіе; позади многихъ изъ нихъ на той же лошади сидитъ женщина, обхвативъ своего кавалера рукою. Мужчины одѣты въ андалузскій костюмъ; шляпа съ полями, молодецки надѣтая на бекрень, камзолъ со множествомъ пуговицъ, съ рукавами, обшитыми бархатомъ, и горшкомъ цвѣтовъ, вышитымъ на спинѣ; при этомъ у мужчины еще непремѣнно торчатъ изъ двухъ его кармановъ два вышитыхъ платка. Шелковый поясъ, короткіе панталоны и штиблеты, шитые шелкомъ яркихъ цвѣтовъ, дополняютъ его оригинальный и богатый костюмъ. Что же до туалета сидящихъ возлѣ нихъ подругъ, то красивый и даже изящный въ обыкновенные дни, онъ въ это время просто комиченъ. Вѣдь теперь богомолье, слѣдовательно самый веселый день для испанки, вотъ она и старается нарядиться, какъ можно лучше; поэтому она сбрасываетъ на эти дни свой національный костюмъ и наряжается по парижской модѣ. Это ей очень нравится между прочимъ, уже потому, что она воображаетъ себя важной синьорой. Для этого здѣшнія женщины берутъ на эти дни на прокатъ у севильскихъ ветошниковъ всевозможныя костюмы: шелковыя полинялыя платья, помятыя шляпы всевозможныхъ фасоновъ, все давно вышедшее изъ моды; тѣмъ не менѣе онѣ чрезвычайно гордятся этимъ нарядомъ. Однако вернемся къ толпѣ, которая идетъ на богомолье. За наѣздниками и наѣздницами, подъ которыми горячатся прыткіе кони, тянется длинный рядъ повозокъ, запряженныхъ быками съ огромными рогами, голова которыхъ совершенно исчезаетъ подъ различными украшеніями—кистями и бахрамою. Повозки переполнены молодыми дѣвушками, которыя поютъ національныя пѣсни. Нѣкоторымъ изъ нихъ акомпанируютъ на гитарѣ. Другіе щелкаютъ кастаньетами, потрясаютъ бубнами, украшенными лентами. А тамъ звонкій смѣхъ, шутки, остроты въ публикѣ, которая высыпаетъ со всѣхъ балконовъ посмотрѣть выѣздъ на богомолье. Нѣкоторые мужчины-богомольцы идутъ пѣшкомъ, перебирая струны своей гитары, повѣшенной на шею, и потягивая черное вино изъ большаго кожаннаго мѣха. Однако пьяныхъ совсѣмъ не видно.

Одно изъ такихъ странствованій совершается въ деревню, находящуюся на разстояніи 12-ти лье отъ Севильи, въ праздникъ Мадонны «Росы», патронессы деревни, носящей это названіе. Въ этотъ праздникъ народъ собирается сюда не только изъ столицы Андалузіи, но также изъ Кадикса, Хереса и даже изъ пограничныхъ португальскихъ округовъ. Въ этотъ день окрестности деревни «*Росы*» покрываются толпами богомольцевъ; сюда же являются и продавцы лошадей и скота, надѣясь легче сбыть свой товаръ при такомъ многолюдномъ собраніи. Всѣ расположились на открытомъ воздухѣ; повозки уставлены въ кругъ и составляютъ какъ бы ограду. Въ центрѣ круга устраивается кухня, весьма впрочемъ не сложная, такъ какъ пища варится подъ открытымъ небомъ, въ желѣзныхъ котлахъ, изъ которыхъ поятъ по дорогѣ лошадей и быковъ. На ночь располагаются также безъ особенныхъ хлопотъ; постель носятъ съ собою: каждый завертывается въ плащъ и засыпаетъ: земля служитъ матрасомъ, а локоть изголовьемъ. На другой день утромъ въ процессіи торжественно несутъ изображеніе Дѣвы Росы. Эта старинная, почернѣвшая икона виднѣется въ глубинѣ маленькой

часовни, поставленной на повозку съ огромными колесами; ее влекутъ два быка, рога которыхъ убраны цвѣтными гирляндами и бахрамою. Часовенка украшена занавѣсами изъ бѣлаго муслина и кружевъ, бантиками и букетами цвѣтовъ; шелковыя ленты, идущія отъ угловъ часовенки, привязаны къ головѣ быковъ. За колесницею Мадонны длинный рядъ повозокъ съ молодыми дѣвушками, а за ними всадники со своими разряженными подругами; затѣмъ огромная толпа народа, во главѣ которой гордо выступаетъ андалузецъ въ національномъ костюмѣ; въ правой рукѣ онъ держитъ флейту и играетъ на ней, а лѣвою ударяетъ въ барабанъ, висящій у него на шеѣ. За нимъ идутъ мужчины въ праздничномъ нарядѣ, почти каждый съ длинною палкою въ рукѣ;возлѣ нихъ женщины съ цвѣтами въ волосахъ. Тутъ играютъ на бубнахъ, тамъ бренчатъ кастаньетами; дѣти подпрыгиваютъ и отъ радости хлопаютъ въ ладоши, остальные весело болтаютъ, шутятъ. У торговцеевъ въ этотъ день бойко идетъ продажа: народъ толпится вокругъ цыганъ, жарящихъ лепешки на прогоркломъ оливковомъ маслѣ, или раскупаетъ орѣхи, возвышающіеся горами на столахъ; тутъ же хорошенькія жительницы горъ продаютъ сладкіе пироги съ сахаромъ и различные пряники. Вотъ какъ эта шумная, необыкновенно пестрая толпа, съ пѣснями и музыкою, настроенная па самый веселый ладъ провожаетъ почитаемую ими Мадонну, и испанскій народъ чествуетъ ее въ день, посвященный ея памяти.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Ивановъ день и праздникъ св. Георгія въ Алкоѣ.

Въ предъидущей главѣ мы говорили о религіозныхъ празднествахъ, теперь перейдемъ къ народнымъ, безъ всякой примѣси религіознаго элемента.

Ночь на Ивановъ день празднуется во всей Испаніи, а особенно въ Андалузіи, такъ же какъ и въ Россіи: зажигаютъ костры и народъ веселится около нихъ. Только въ одной Гранадѣ основаніемъ праздника служитъ противоположный элементъ, т. е. вода.

Въ Гранадѣ и ея окрестностяхъ существуетъ такое повѣрье: если кто въ полночь наканунѣ Иванова дня умоется водой фонтана de la Romba, который въ концѣ гулянья, называемаго *Салонъ*, то весь слѣдующій годъ онъ будетъ удивительно бѣлъ и красивъ. Поэтому толпы народа съ восьми часовъ наполняютъ всѣ бульвары и самый *Салонъ*. Всѣ аллеи обвѣшаны сверху до низу разноцвѣтными фонарями, а въ срединѣ подъ сводами, образуемыми густолиственными вѣтвями, висятъ огромныя люстры. Въ разныхъ палаткахъ продаютъ фрукты, пряники, конфекты. Вдругъ все смолкло, всѣ остановились. Съ башни несутся мѣрные удары; бьетъ 12 часовъ. Съ послѣднимъ ударомъ все ожило и повсюду раздался оглушительный крикъ: «двѣнадцать!» Въ туже минуту поднимается страшная суматоха. Всѣ бѣгутъ къ фонтану, съ хохотомъ и криками обливаютъ другъ друга. Тутъ борятся двое парней, здѣсь кричитъ мальчишка, котораго поймали и купаютъ; тамъ какая нибудь красавица догоняетъ двухъ мужчинъ со стаканомъ воды и старается ихъ облить. Такая возня продолжается около часу. Праздникъ кончается иной разъ и драмой; какая нибудь молоденькая дѣвушка обидится, что ее облили черезчуръ сильно, и расплачется; тогда ея новіо съ быстротою молніи нале-

таетъ на виновнаго, и дѣло нерѣдко кончается опасными ранами. Не даромъ говорятъ въ Гранадѣ, что въ Ивановъ день собираются къ фонтану мыть себѣ лицо и угощаться навахами.

Весьма интересенъ также праздникъ св. Георгія въ Алкоѣ (въ провинціи Валенсіи); кромѣ обыкновенныхъ удовольствій—боя быковъ и фейерверковъ, тутъ самымъ оригинальнымъ образомъ даютъ представленіе, изображающее бой между христіанами и маврами. Это представленіе даютъ въ воспоминаніе слѣдующаго событія. Въ 1257 г. на городъ напали невѣрные и онъ былъ бы взятъ, еслибы не чудесное появленіе св. Георгія, говоритъ преданіе, который самъ сражался въ рядахъ христіанъ. Наканунѣ дня, установленнаго въ память этого святаго, всѣ деревни Алкойскаго округа посылаютъ въ городъ депутацію музыкантовъ, которые, собравшись, проходятъ по всѣмъ улицамъ, чтобы объявить о завтрашней церемоніи. Музыканты съ барабанами, гобоями, трубами, мандолинами и гитарами появляются на другой день и за ними ѣдутъ христіане и мавры. Праздникъ начинается шествіемъ духовенства; оно отправляется на большую площадь, гдѣ устроена для нихъ палатка, обтянутая ситцемъ. Духовенство входитъ въ нее и предъ нимъ начинаютъ проходить христіане и мавры: одни пѣшкомъ, а другіе на лошадяхъ, въ полномъ военномъ убранствѣ. Пройдя городъ, оба войска раздѣляются на различныя группы и исполняютъ національные танцы предъ жилищемъ алькада и другихъ почетныхъ лицъ. На третій день праздника происходитъ представленіе боя между христіанами и невѣрными. Съ утра оба войска собираются на большой площади, христіане съ одной стороны, мавры съ другой; послѣдніе скоро удаляются и направляются къ однимъ изъ городскихъ воротъ, которыя они предполагаютъ осаждать: но напередъ они посылаютъ къ начальнику христіанскихъ войскъ парламентера на великолѣпно-убранной лошади, который идетъ къ палаткѣ и, привѣтствуя по восточному непріятельскаго начальника, отдаетъ ему письмо. Тотъ разрываетъ письмо въ куски и объявляетъ, что онъ никогда не согласится сдаться врагамъ христіанъ. Посланный удаляется и извѣщаетъ своихъ объ этомъ отказѣ; за этимъ слѣдуетъ большое, торжественное посольство, въ которомъ принимаютъ участіе тѣ, которые всего богаче наряжены. Одного изъ пословъ вводятъ съ завязанными глазами къ христіанскому предводителю и посланникъ убѣждаетъ его сдаться; но христіанскій начальникъ отказывается съ негодованіемъ и тогда пришедшій удаляется въ сопровожденіи своихъ. Каждая сторона приготовляется къ сраженію. Лишь только мавры выступаютъ, ихъ принимаютъ ружейнымъ залпомъ, несмотря на то, что дѣйствіе происходитъ въ 1257 г., когда еще не было изобрѣтено огнестрѣльнаго оружія. Огонь не пугаетъ невѣрныхъ, и въ началѣ они имѣютъ нѣкоторый успѣхъ. Предводитель христіанъ ободряетъ свои войска словами и жестами и они начинаютъ аттаку съ воинскими криками. Однако невѣрные держатся хорошо; испанскій начальникъ дѣлаетъ новое воззваніе къ своимъ храбрецамъ, которые собираются вокругъ него, гарцуя на своихъ горячихъ коняхъ. Паладины одѣты въ старинный испанскій костюмъ, который заставляетъ, разумѣется, многаго желать относительно археологической точности. Костюмъ мавровъ не болѣе удаченъ: такъ одѣваются во время масляницы, когда хотятъ вырядиться туркомъ, но на самомъ дѣлѣ такой нарядъ скорѣе пародія на турецкій костюмъ: у нихъ громадный тюрбанъ, короткій камзолъ съ выемкой, широкіе шаровары, завязанные на лодыжкѣ. Но я еще болѣе удивлю моихъ читателей, когда скажу, что лошади, на которыхъ сидятъ воины, не натуральныя, а сдѣланы изъ картона, въ родѣ тѣхъ, что мы видимъ въ игрушечныхъ лавкахъ. Какъ же онѣ двигаются и тѣмъ болѣе, какъ же это онѣ горячатся подъ своими сѣдоками, какъ было сказано выше? А вотъ какъ: лошадь устроена такъ, что воины опускаютъ въ нее свои ноги и такимъ образомъ они стоятъ въ лошади по поясъ и двигаютъ ею, какъ угодно.

А чтобы этого не было замѣтно—по бокамъ лошади изъ бумаги сдѣланы человѣческія ноги и ихъ искусно прикрываютъ одеждою сражающихся. Страшная кавалерія наконецъ тронулась и тотчасъ нанесла большой уронъ невѣрнымъ. Въ концѣ концовъ побѣда рѣшительно осталась за испанцами; начались радостныя пѣсни; плѣнники были проведены по городскимъ улицамъ при звукахъ гитары и затѣмъ начались танцы, продолжавшіеся далеко за полночь. Но праздники еще этимъ не кончились: на другой день происходитъ большая процессія, гдѣ умирающіе и раненые просятъ присутствующихъ о вспомоществованіи. Имъ подаютъ, кто сколько можетъ, и деньги эти, говорятъ, идутъ потомъ въ госпитальную кассу.

Страсть испанца къ танцамъ.—Фанданго.—Ола.—Танецъ среди разставленныхъ стакановъ.—Ламповые балы.—Танцы съ кувшинами на головахъ.—Танцы у смертнаго одра покойника.

Танцы играютъ въ жизни испанца огромную роль. Онъ предается имъ чуть не каждый вечеръ, послѣ труда и бездѣлья, въ праздничный и въ будній день; ими кончается и начинается всякое веселіе. Испанецъ весь отдается танцу, увлекается имъ со всѣмъ пыломъ южной страсти. Тутъ выражается вся живость его темперамента, вся страстность его натуры. Не даромъ танцы происходятъ въ соборѣ, во время религіозныхъ обрядовъ; танцуютъ, какъ увидимъ ниже, даже тогда, когда человѣка душитъ тоска и когда отъ горя и отчаянія у него разрывается сердце.

Испанцы сопровождаютъ свои танцы звуками кастаньетъ, которыя сдѣланы изъ слоновой кости или изъ дерева. Не менѣе важную роль тутъ играютъ также бубны; они обыкновенно украшены цвѣтными бантиками и на нихъ нарисована пара, танцующая какой нибудь народный танецъ. Самый извѣстный испанскій танецъ—*фанданго*. Звуки его, какъ электрическая искра, одушевляютъ сердце всякаго испанца: женщины, дѣвушки, молодые люди, старики—всѣ какъ будто оживаютъ, всѣ повторяютъ его напѣвъ, одни побрякиваютъ кастаньетами, другіе щелкаютъ пальцами, подражая ихъ звуку. Женщины отличаются въ танцахъ особенной легкостью и гибкостію движеній. Танцующая пара убѣгаетъ, манитъ, преслѣдуетъ другъ друга; но вдругъ музыка прекращается, и искуство танцора состоитъ въ томъ, чтобы въ то же мгновеніе остаться неподвижнымъ; когда оркестръ вновь начинаетъ, танецъ продолжается. Наконецъ гитары, скрипки, пристукиванія ногами, прищелкиванія кастаньетами и пальцами, гибкія движенія доводятъ и самихъ танцующихъ, и зрителей до высочайшаго восторга. Нѣтъ въ Испаніи провинціи, гдѣ бы не танцовали *фанданго*, но всего больше въ ходу этотъ танецъ въ Ла-Манчѣ и Андалузіи. Не менѣе любимъ андалузцами танецъ *ола*; онъ обыкновенно исполняется одною танцовщицею. Ола требуетъ болѣе, чѣмъ всякій другой танецъ, гибкости тѣла и особенной граціи движеній. Танцовщица склоняется назадъ; ея талія, гибкая какъ тростникъ, сгибается, плечи и руки опускаются въ какомъ-то изнеможеніи, и она остается въ такомъ положеніи нѣсколько мгновеній; потомъ сразу, какъ бы пораженная электрическимъ ударомъ, она гордо выпрямляется, ударяетъ кастаньетами и пускается въ плясъ. Всего болѣе славится искусными танцорками—Севилья. Любопытенъ севильскій танецъ *vito sevillano*; его музыка въ высшей степени увлекательна. Вотъ необыкновенно весело и живо зазвенѣли гитары, кастаньеты и бубны. Посреди стоитъ столъ, на которомъ наставлены стаканы, наполненные виномъ. Танцовщица

В.Васнецовъ

легко и граціозно вскакиваетъ на столъ и выдѣлываетъ па, быстро скользя между стаканами и не только не проливая налитаго въ нихъ вина, но даже и не задѣвая ихъ. Сидящая вокругъ небольшая публика все болѣе приходитъ въ экстазъ и въ тактъ музыки напѣваетъ различные куплеты, чаще всего тотъ, въ которомъ припѣвъ: «молодыя дѣвушки изъ золота, замужнія женщины изъ серебра, а старушки изъ жести». Танцовщица продолжаетъ выдѣлывать па своими маленькими ножками, наконецъ соскакиваетъ со стола и исчезаетъ въ толпѣ.

Всего лучше можно наблюдать народные танцы въ городахъ на югѣ Испаніи, на народныхъ балахъ, называемыхъ въ Севильѣ, *ламповыми балами*, такъ какъ мѣдная или желѣзная лампа съ масломъ при этомъ освѣщаетъ помѣщеніе. Такіе балы происходятъ обыкновенно въ тавернахъ или въ какомъ нибудь скромномъ домикѣ. Пройдя чрезъ залу, гдѣ мирно попиваютъ любители вина, посѣтители проникаютъ въ *patio*, окруженный бѣлыми мраморными колоннами; лимонныя деревья и ползучія растенія обвиваются вокругъ нихъ; по угламъ двора растутъ бананы съ своими разрѣзными листьями. Четыре лампы странно освѣщаютъ эту роскошную растительность; нѣсколько соломенныхъ стульевъ и деревянныхъ скамеекъ ожидаютъ зрителей. Въ урочный часъ дворикъ быстро наполняется посѣтителями. Въ промежуткахъ между танцами публика подкрѣпляетъ свои силы маленькими сардинками съ бѣлымъ хлѣбомъ. Но въ большинствѣ случаевъ танцы устраиваются совершенно экспромтомъ, на улицѣ: соберутся нѣсколько мужчинъ и дѣвушекъ, странствующій гитаристъ замѣняетъ оркестръ, и начинается танецъ при аплодисментахъ всѣхъ присутствующихъ и радостныхъ кувырканіяхъ дѣтей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ танцуютъ иногда очень рано утромъ. Пришли дѣвушки къ фонтану за водой и въ это время къ нимъ подошли вдругъ нѣсколько молодыхъ парней. Дѣвушки, поставивъ кувшины съ водою на головы, подаютъ руку кавалеру и начинаютъ танецъ, не проливая ни одной капли воды. Но кто бы ни устраивалъ эти танцы, гдѣ бы они не происходили, во время ихъ испанцы сильно размахиваютъ руками и всегда танцуютъ со страстью до опьяненія. Когда мужчина хочетъ танцовать съ какою нибудь дѣвушкою, то бросаетъ у ногъ ея свою шляпу; послѣ танца дѣвушка обнимаетъ и цѣлуетъ своего кавалера, музыканта и пѣвца. Всѣ испанскіе танцы непремѣнно сопровождаются пѣніемъ. Пѣвецъ начинаетъ обыкновенно куплетъ своей пѣсни глубокимъ вздохомъ, затѣмъ гитара бренчитъ нѣсколько тихихъ аккордовъ, которые дѣлаются все громче и скорѣе: послѣ этого обыкновенно музыканты начинаютъ пѣть пѣсню, слова которой они большею частію сочиняютъ тутъ же. Куплеты нѣкоторыхъ танцевъ начинаются и кончаются какими-то глубокими вздохами пѣвцовъ, и обыкновенно живой танецъ идетъ часто подъ тоскливую, меланхолическую музыку. Въ куплетахъ этихъ испанцы обыкновенно воспѣваютъ красоту дѣвушки, которая танцуетъ, иногда же въ ироническомъ тонѣ стараются подмѣтить ея недостатки.

«Не важничай, синьора», поютъ они иногда, «что ты высокаго роста: лѣстницы бываютъ и повыше...» Куплеты и пѣсни сочиняютъ однако не только во время танцевъ. Страсть къ сочинительству въ Испаніи до того развита, что въ провинціи Валенсіи и Каталоніи существуетъ даже слѣдующій любопытный обычай: въ маѣ каждаго года происходятъ большія народныя собранія, гдѣ желающіе состязаются въ поэзіи и изъ рукъ «царицы праздника», всякій разъ нарочно для того избираемой, получаютъ различныя награды. Въ теченіи послѣднихъ 15-ти лѣтъ страсть къ этимъ забавамъ, говорятъ, постоянно усиливалась и въ настоящемъ году болѣе 250 сочиненій въ прозѣ и въ стихахъ, на мѣстномъ нарѣчіи, представлены на майское собраніе.

Пѣніе однако не развито въ Испаніи; испанцы совсѣмъ плохіе пѣвцы и вовсе не отличаются голосами. По улицамъ большею частью слышишь только однообразный на-

пѣвъ фанданго, который при дурномъ пѣніи въ носъ, свойственномъ андалузцамъ, не особенно пріятенъ для слуха.

Но возможно ли намъ покончить съ испанскими танцами, не разсказавъ нашимъ читателямъ о томъ, какъ эти танцы устраиваются у смертнаго одра только что умершаго ребенка. Однако они происходятъ только тогда, когда покойнику не болѣе 5-ти лѣтъ. Этотъ обычай укоренился вслѣдствіе такого повѣрья: испанскій народъ твердо вѣритъ, что душа ребенка идетъ прямо въ рай и, превращаясь у престола Всевышняго въ херувима, она уже съ тѣхъ поръ начинаетъ покровительствовать своимъ роднымъ впродолженіи всей ихъ жизни: она постоянно молится за нихъ, охраняетъ ихъ отъ всякой бѣды и несчастія. Поэтому смерть ребенка считается для семьи величайшимъ счастіемъ и ее встрѣчаютъ веселіемъ, музыкою и пляскою.

Вотъ среди комнаты на столѣ лежитъ тѣло дѣвочки лѣтъ 4-хъ, прикрытое ковромъ и одѣтое по праздничному; головка ея въ вѣнкѣ изъ прекрасныхъ цвѣтовъ; съ боку стоитъ чаша со святою водою, а по четыремъ угламъ стола горятъ свѣчи. Въ углу сидитъ женщина, растрепанная, опустивъ голову на руки и закрывъ лицо. Грудь и станъ ея вздрагиваютъ отъ рыданій, которыя она старается подавить всѣми силами. Но это ей не удается, и глухіе, тяжелые стоны и отчаянные вопли безпрестанно вырываются изъ ея груди. Между тѣмъ въ другомъ углу комнаты кучкой сидятъ зрители и музыканты, которые наигрываютъ *хоту*. Подъ звуки музыки, кастаньетъ и хлопанья присутствующихъ въ ладоши молодежь обоего пола выдѣлываетъ па и различныя тѣлодвиженія передъ покойникомъ. Иногда подъ эти звуки напѣваютъ различныя пѣсенки, въ родѣ слѣдующихъ:

«У воротъ рая
Продаютъ башмачки
Для ангельчиковъ,
Что здѣсь были босоноги!»

Лѣтъ 20 тому назадъ такіе похороны отличались еще болѣе дикимъ характеромъ. Въ этотъ день устраивали настоящій пиръ, созывали много гостей, и отецъ, или кто нибудь изъ самыхъ близкихъ родственниковъ, послѣ вина, угощеній и пляски молодежи вокругъ покойника, самъ бралъ его на руки и начиналъ танцовать съ нимъ *качучу* или *малагенью*.

Бычачьи травли.—Страсть испанца къ разнымъ боямъ.—Разница между бычачьими травлями и боемъ.—Какъ ведутъ себя испанцы во время боя.

Ничто не можетъ дать такого полнаго понятія о наслажденіяхъ, страстяхъ, характерѣ и физіономіи испанскаго народа, какъ бои быковъ, самое высшее и любимое изъ всѣхъ удовольствій испанца. Какую бы новую пьесу ни провозгласила заманчиво-составленная афиша, ничто не возбудитъ такого живаго любопытства, какъ объявленіе о бычачьихъ травляхъ. Водоносы, погонщики муловъ, женщины, работающія на фабри-

кахъ, скорѣе откажутся отъ своего обѣда, большею частью состоящаго изъ куска хлѣба съ чеснокомъ, а ужъ ни за что не пропустятъ этого представленія. Столько же любопытства возбуждаютъ эти бои быковъ и въ болѣе богатыхъ классахъ общества. За нѣсколько дней красныя афиши извѣщаютъ о боѣ быковъ, при этомъ подробно объявляютъ, сколько быковъ будутъ по одиночкѣ выпущены въ циркъ, съ какого они пастбища и кому принадлежитъ каждый изъ нихъ; затѣмъ слѣдуютъ имена *пикадоровъ* (всадниковъ вооруженныхъ копьями), *матадоровъ* (убивающихъ быка шпагами) и всѣхъ участвующихъ въ собою.

Бычачьи травли служатъ воскреснымъ развлеченіемъ испанцевъ; *бои же быковъ* составляютъ чрезвычайныя праздниства, можно даже сказать самыя большія въ году. Въ Мадридѣ и Севильѣ въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы, при хорошей погодѣ, бои быковъ бываютъ каждое воскресенье, въ другихъ же городахъ—только разъ въ годъ, но за то обыкновенно цѣлыхъ три дня къ ряду. Разница между бычачьею травлею и боемъ заключается въ томъ, что въ травляхъ можетъ принимать участіе всякій желающій и, разумѣется, такихъ находится несчетное число. Въ бояхъ же наоборотъ сражаются только опытные бойцы, которые носятъ общее названіе *торреросовъ*.

Бычачьи травли происходятъ на рыночныхъ площадяхъ города. Площадь въ такомъ случаѣ загораживается крѣпкими досками; одна изъ досокъ поднимается для пропуска зрителей, обязанныхъ платить за входъ извѣстную сумму. Вся площадь и балконы кишатъ народомъ. Посреди возвышаются подмостки для музыки, которая играетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неистовѣе дѣлается шумъ толпы. Внизу на землѣ, у самыхъ подмостокъ, лежатъ на животахъ множество ребятишекъ. Но вотъ растворяются ворота и быкъ быстро вбѣгаетъ на площадь. Публика привѣтствуетъ вошедшаго любимца продолжительнымъ шумомъ, свистомъ, который въ нѣсколько минутъ превращается въ оглушительный ревъ. Животное не трогается съ мѣста, только роетъ ногами землю, трясетъ головою и дико озирается кругомъ. И это естественно: его ошеломилъ этотъ гамъ и эта пестрая толпа. Испанецъ однако не можетъ выносить, когда животное хотя минуту остается въ покоѣ, и вотъ зрители начинаютъ свистать на тысячу ладовъ, стучать по землѣ палками; дамы машутъ вѣерами, другіе кричатъ на разные голоса, шипятъ, подражая зажженнымъ ракетамъ,—но быкъ еще болѣе удивленъ, и въ первую минуту обыкновенно не трогается съ мѣста. Понятливость быка конечно не велика, но какое бы животное ни очутилось среди этихъ бѣснующихся людей, да если еще оно будетъ сознавать, что невозможно убѣжать отъ нихъ, то навѣрно потеряетъ и послѣдній остатокъ смысла. Когда быкъ все еще не трогается съ мѣста, изъ дверей высовываютъ длинный прутъ, который оканчивается острыми иглами и колятъ имъ животное. Но быка это обыкновенно не особенно раздражаетъ, и онъ по прежнему, не трогаясь съ мѣста, только лягаетъ да отмахивается хвостомъ, точно отъ докучливыхъ мухъ. Тогда публика издаетъ еще болѣе оглушительный ревъ, свистъ; передъ самыми глазами быка машутъ платками и палками. Животное начинаетъ дрожать отъ злости, озирается съ какою-то отчаянною, смертельною рѣшимостью стереть все съ лица земли и наконецъ пускается бѣжать по площади. Смѣльчаки бѣжатъ за нимъ, дразнятъ его на разные лады, свистятъ ему прямо въ уши, колятъ прутомъ, но когда быкъ опускаетъ голову, чтобы поднять на рога болѣе ему ненавистнаго, они умѣютъ ловко увернуться, хотя очень часто при этомъ нѣсколько человѣкъ падаетъ замертво. Когда такимъ образомъ публика вволю натѣшится, впускаютъ собакъ и тогда вмѣстѣ съ ними опять травятъ быка до тѣхъ поръ, пока тотъ совсѣмъ не выбьется изъ силъ.

Еще болѣе кровожадное зрѣлище представляютъ бои быковъ. Они происходятъ въ въ циркѣ, который выстроенъ амфитеатромъ, но безъ крыши; поэтому мѣста въ тѣни

всегда бываютъ гораздо дороже, чѣмъ мѣста на солнцѣ. Для высшаго общества назначена верхняя галлерея—это самыя дорогія мѣста. Тутъ публика ведетъ себя еще безпокойнѣе, чѣмъ на бычачьихъ травляхъ. Мужчины и женщины, богатые и бѣдные, знатные и простые, всѣ разодѣты въ самый лучшій національный костюмъ; дамскіе вѣера сверкаютъ дорогими каменьями, ихъ черныя мантильи какъ-то особенно элегантны. Держитъ же себя эта публика ужь совсѣмъ не чинно: всѣ безъ исключенія кричатъ во все горло, бросаютъ куда ни попало косточки и объѣдки фруктовъ, словомъ стараются изо всѣхъ силъ походить болѣе на животныхъ, чѣмъ на людей. Но вотъ распорядитель празднества подаетъ знакъ изъ своей ложи,—труба заиграла, ворота отворились и выѣхали богато одѣтые бойцы. Ихъ узкое платье все вышито золотомъ и серебромъ, сверху наброшены красные бархатные плащи, тоже увѣшанные золотыми украшеніями; бархатные панталоны съ боковъ вышиты золотою гирляндою, коротенькія курточки увѣшаны бляхами, которыя усыпаны драгоцѣнными камнями. На головахъ черныя шапочки; на ногахъ легкіе башмаки съ серебрянными пряжками. Изъ бойцовъ не всѣ играютъ одинаково важную роль, поэтому и въ одеждѣ ихъ есть нѣкоторое различіе.

Пикадоръ сидитъ на скверной лошади, у которой завязаны глаза. У пикадора только куртка также богато вышита, какъ и у другихъ бойцовъ; панталоны же его сдѣланы изъ толстой кожи и надѣваются на тяжелые желѣзные обручи, которые защищаютъ его ноги отъ ударовъ; отъ этой тяжести пикадоръ совсѣмъ не можетъ передвигать ноги и, когда во время боя его опрокинутъ вмѣстѣ съ его лошадью, онъ не можетъ даже подняться безъ чужой помощи. Пикадоръ непремѣнно вооруженъ копьемъ, остріе котораго, длиною съ булавку, можетъ только уколоть, но не ранить быка. Бойцы въ строгомъ порядкѣ направляются къ мѣсту, гдѣ сидитъ распорядитель, кланяются сначала ему, а потомъ публикѣ. Распорядитель привстаетъ съ своего мѣста и бросаетъ на арену ключъ отъ помѣщенія быковъ. Тогда бойцы снимаютъ свои плащи, между тѣмъ, строго соблюдая порядокъ и послѣдовательность празднества, выносятъ орудія пытки и боя—шесты съ остріями различной формы. Быка, предназначеннаго для боя, за нѣсколько часовъ передъ этимъ ставятъ въ крошечный узкій сарай, гдѣ ему даже трудно повернуться, и все время колятъ его острою палкою, которая впрочемъ устроена такъ, чтобы причинять сильную боль, но не вызывать кровотеченія. Понятно, когда, послѣ такой пытки, несчастному животному открываютъ дверь, онъ съ бѣшеною радостью бросается въ нее, чтобы избавиться отъ своихъ мучителей. Вотъ какъ описываютъ очевидцы самый бой. «Послѣ всѣхъ мученій, которыя быкъ перенесъ въ сараѣ и за минуту передъ тѣмъ, какъ выпустить его на арену, ему воткнули въ кожу розетку на желѣзной иголкѣ съ крючкомъ на концѣ и такимъ образомъ достойно закончили прежнія истязанія. Выбѣжавъ, быкъ остановился только на одно мгновеніе, потомъ сейчасъ же нагнулъ голову къ землѣ и бросился къ одному изъ торреросовъ. Тотъ встрѣтилъ его съ величайшимъ хладнокровіемъ и, держа передъ его глазами пестрый платокъ, ловко увернулся, направляя быка къ одному изъ пикадоровъ. Тѣ сидѣли неподвижно на коняхъ, съ вытянутыми впередъ пиками, или дѣлали лишь пару шаговъ на встрѣчу быку, чтобы вызвать его на бой. Такъ какъ они постоянно давали нападать на себя справа, то закрывали лошадямъ правый глазъ. Задачей ихъ было не давать быку подойти къ лошади; однако бѣдныя, изнеможенныя и приговоренныя къ смерти клячи рѣдко имѣли достаточно силы, чтобы помогать удару пикадора, и потому всегда дѣлались жертвой непріятеля. Быкъ, подбѣжавъ къ всаднику, остановился на нѣсколько секундъ, рылъ землю ногами, отбрасывая песокъ далеко назадъ, билъ хвостомъ по воздуху, дико вертѣлъ глазами, потомъ вдругъ, опустивъ голову, стреми-

тельно бросился на лошадь, но при этомъ наткнулся со всего размаху на пику, направленную пикадоромъ въ его затылокъ. Лошадь съ сѣдокомъ были далеко отброшены этимъ толчкомъ, но остались на этотъ разъ цѣлы и невредимы. Быкъ съ яростнымъ ревомъ отбѣжалъ прочь и затрясъ шеею, окровавленной и разорванной пикою. Потомъ онъ-снова бросился на дразнившихъ его пѣшихъ бойцовъ, плащи которыхъ выводили его изъ себя, и на другаго пикадора. При второмъ нападеніи ему удалось добраться до лошади и онъ въ ту-же минуту воткнулъ ей глубоко въ животъ свои острые рога. Счастье для бѣднаго животнаго, если первый ударъ попадетъ въ грудь и будетъ смертеленъ! Бѣда, если рога только розорвутъ животъ. Если у бѣдной лошади распоротъ животъ и выпавшія кишки волочатся по землѣ, всадникъ и при этомъ заставляетъ ее идти противъ быка. Эта минута—особенное наслажденіе для испанца. Идетъ такая несчастная лошадь на новую муку и сама, собственными копытами, путается въ своихъ внутренностяхъ и топчетъ ихъ. При этомъ пикадоры колятъ еще пиками выпавшія внутренности. Дрожа всѣмъ тѣломъ, судорожно двигая губами, стояли лошади и ждали втораго, третьяго удара разъяреннаго животнаго, пока смерть не приходила наконецъ прекратить ихъ пытку; онѣ падали, буквально замученныя до смерти. Пикадоры отправились за арену и снова являлись на сцену на свѣжей лошади. Если въ павшихъ животныхъ оставалась еще искра жизни, ихъ били и мучили на всевозможные лады, чтобы заставить кое-какъ дотащиться собственными силами до общаго смертнаго одра, предназначеннаго для жертвъ боя; тутъ съ нихъ наскоро срывали сѣдла и, не медля ни минуты, опять бросались въ бой. Только убитую на повалъ и болѣе чѣмъ полумертвую лошадь оставляютъ покойно на мѣстѣ.

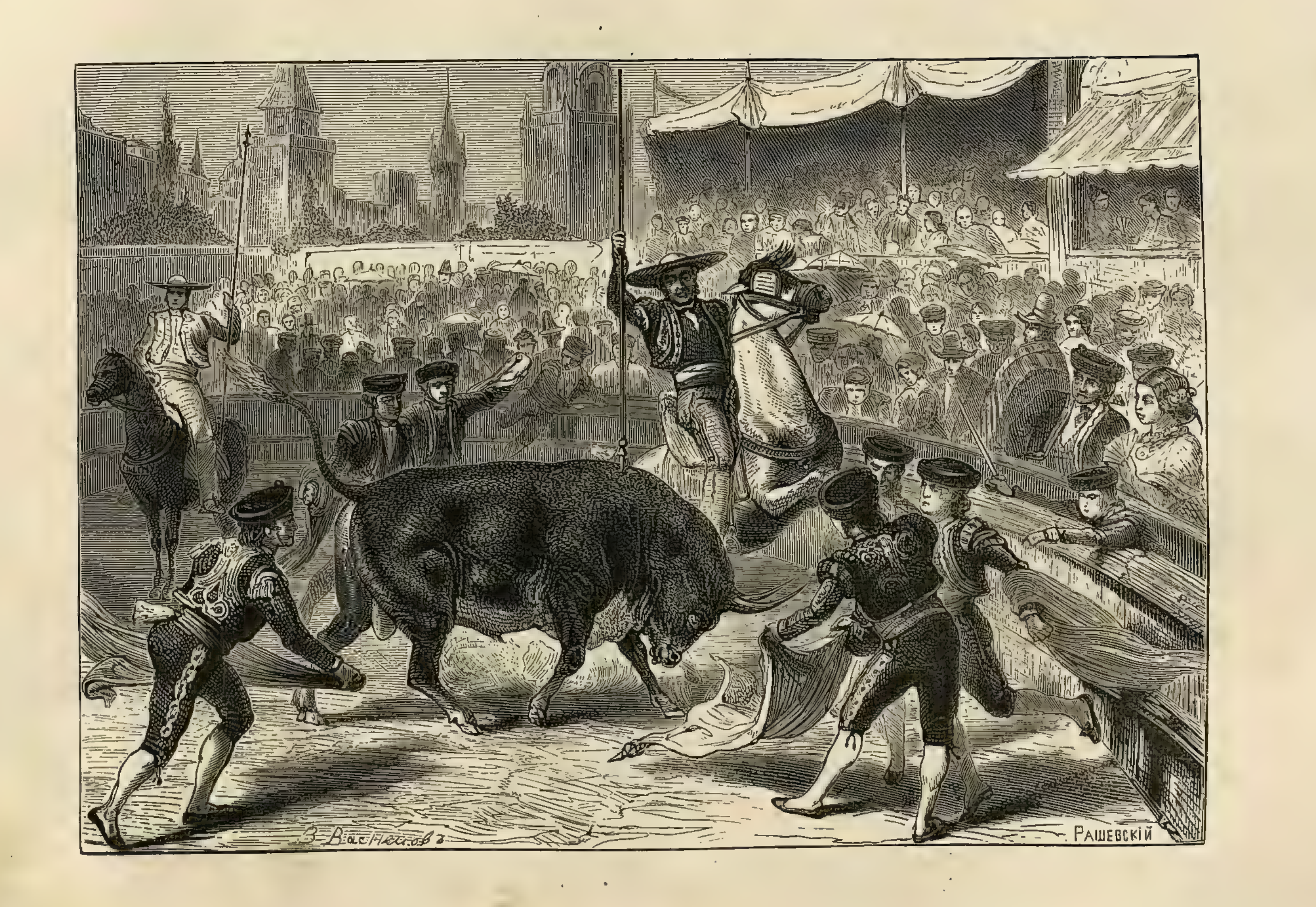
При каждомъ удачномъ отпорѣ нападенію быка зрители апплодировали пикадору, при каждомъ ударѣ, полученномъ лошадью,—быку. Раздавались со всѣхъ сторонъ самыя возмутительныя восклицанія, въ родѣ слѣдующихъ:—«А, попалась лошадка, ступай-ка теперь въ больницу, да полѣчись! видишь, съ какимъ молодцомъ тебѣ пришлось имѣть дѣло!»—и тому подобныя изрѣченія, сопровождавшіяся грубымъ смѣхомъ. Чѣмъ ужаснѣе была изранена лошадь, тѣмъ сильнѣй становился восторгъ зрителей; но если падалъ пикадоръ—одушевленіе не знало уже никакихъ предѣловъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, ударился затылкомъ о деревянный барьеръ, такъ что былъ вынесенъ замертво; къ счастію это оказался только обморокъ, и онъ отдѣлался шрамомъ надъ глазомъ. Другой пикадоръ вывихнулъ себѣ руку и сдѣлался на всю жизнь неспособнымъ къ бою. Перваго быкъ убилъ бы непремѣнно съ лошадью, еслибъ подоспѣвшіе пѣшіе бойцы не отвлекли его вниманія маханіями своихъ платковъ». Но не умеръ-ли пикадоръ? не ушибся-ли, не раненъ-ли онъ? О! объ этомъ никто не безпокоится... Правда, что это не часто случается, да главное въ томъ, что объ этомъ никто и не думаетъ. Опрокинувъ трехъ, четырехъ пикадоровъ, быкъ свирѣпо бѣгаетъ по аренѣ; въ эту минуту его никто не смѣетъ болѣе раздражать, его бѣшеные, налившіеся кровью глаза исполнены дикаго торжества; арена пуста, на ней лежатъ только трупы убитыхъ имъ лошадей; въ ярости быкъ снова поднимаетъ ихъ на окровавленные свои рога, подбрасываетъ ихъ вверхъ, топчетъ, раздираетъ... Вотъ въ этомъ и заключается первое дѣйствіе боя; оно продолжается обыкновенно минутъ около двадцати, а иногда и болѣе, смотря по ярости быка. Чѣмъ больше онъ убиваетъ лошадей, чѣмъ скорѣе увѣчитъ торреросовъ, тѣмъ больше имъ восхищается публика. Но вотъ начинается второе дѣйствіе. Подаютъ знакъ бандерильерамъ... На арену выбѣгаютъ ловкіе, быстрые, увертливые, великолѣпно одѣтые въ шелковые чулки, башмаки и шитую атласную куртку и штаны бандерильеры, которые такъ называются потому, что держатъ въ рукахъ двѣ бандерильи т. е. двѣ коротенькія палочки, обернутыя цвѣтной бумагой и съ крючкомъ на

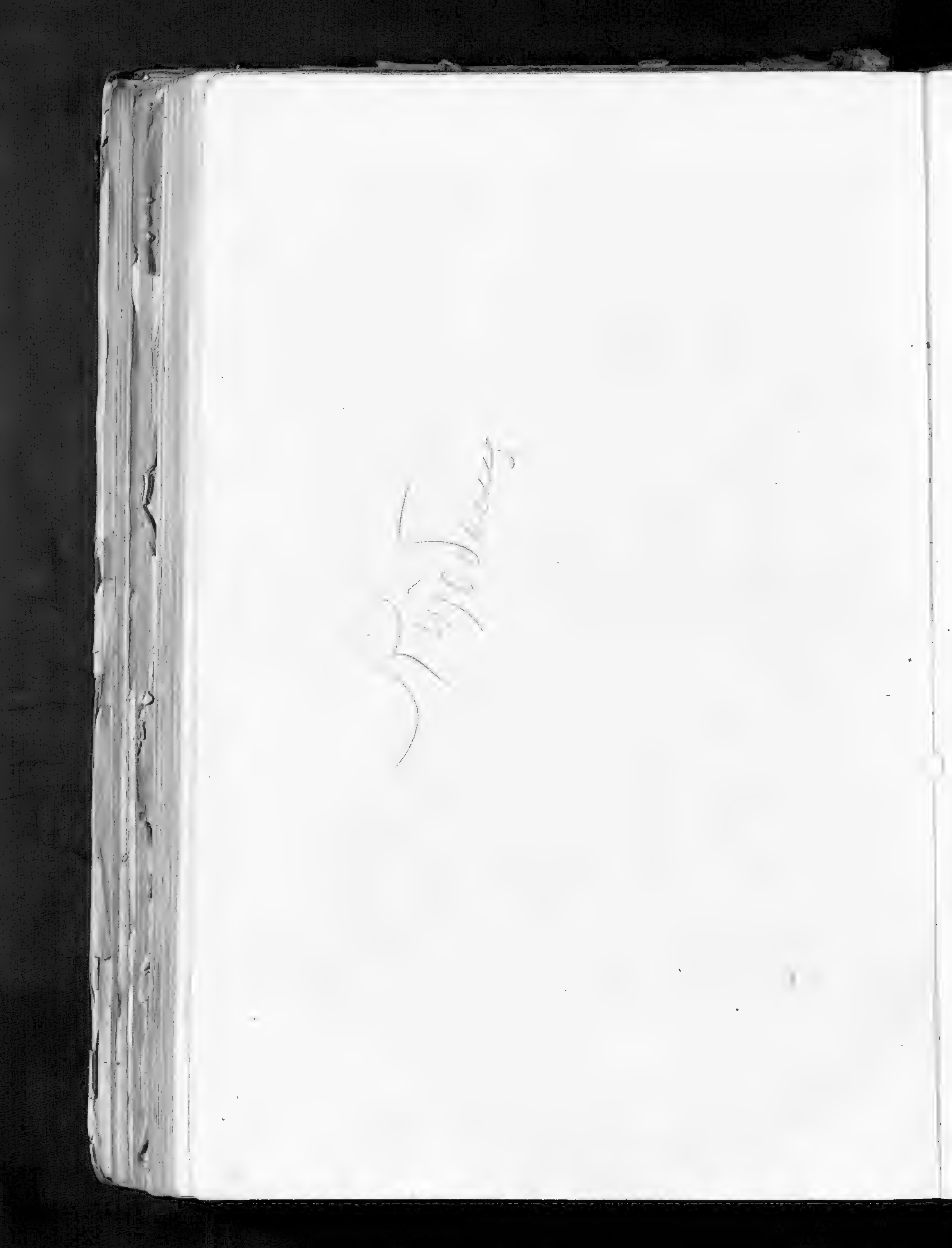
концѣ. Бандерильеръ прямо бѣжитъ къ быку, который, удивленный такой дерзостью, вскачь бросается на него. Уже быкъ держитъ его почти между рогами, но въ ту самую минуту, когда онъ наклоняетъ голову, чтобъ поднять его на рога, бандерильеръ втыкаетъ ему двѣ свои стрѣлки по обѣимъ сторонамъ шеи, необыкновенно ловкимъ движеніемъ уклоняется отъ удара и убѣгаетъ. Замѣтьте, что бандерильеръ не можетъ воткнуть своей стрѣлки иначе, какъ ставши совершенно близко и прямо передъ быкомъ, почти между его рогами. Тутъ малѣйшая нерѣшительность, даже дрожь въ рукахъ могутъ тотчасъ его погубить. Если бандерильеръ, втыкая стрѣлки, по несчастію упалъ, то долженъ лежать безъ движенія. Быкъ рѣдко бьетъ лежачаго, не изъ великодушія, а потому, что, нанося ударъ, онъ большею частію закрываетъ глаза и такимъ образомъ можетъ пройти или перескочить черезъ человѣка, не замѣчая его.

Надобно видѣть быка, который, чувствуя въ шеѣ боль отъ воткнутыхъ крючковъ, носится съ ними по аренѣ, трясетъ ихъ, прыгаетъ, яростно мычитъ; тутъ прибѣгаетъ другой бандерильеръ и втыкаетъ ему двѣ другія бандерильи и потомъ третій, четвертый. Если же быкъ не изъ храбрыхъ, если онъ не тотчасъ нападетъ на своихъ враговъ, въ публикѣ яростно раздается: «fuego, fuego!» (огня, огня!). Это означаетъ, что публика требуетъ раздражать быка огнемъ. Тогда бандерильеры втыкаютъ быку стрѣлки, обвитые фитилемъ изъ тлѣющаго трута съ фейерверкомъ, который загорается, трещитъ, хлопаетъ, жжетъ шею быка,—и что за прыжки, что за удивительные скачки выдѣлываетъ онъ, что за безумный хохотъ овладѣваетъ тогда зрителями!— Иногда при этомъ бандирельеры выполняютъ особенно трудныя штуки, такъ напримѣръ втыкаютъ бандерильи, сидя на стулѣ. Мальчикъ приноситъ соломенный стулъ и ставитъ его посрединѣ арены. Бандерильеръ садится и протягиваетъ руки со стрѣлами! быкъ бросается на него и, когда онъ находится всего въ двухъ шагахъ отъ стула, бандерильеръ встаетъ, въ одно мгновеніе втыкаетъ стрѣлки и ловко увертывается въ сторону; животное, вдвойнѣ разъяренное и уколомъ, и исчезновеніемъ врага, подбрасываетъ стулъ вверхъ. Когда ярость животнаго достигаетъ высшей степени, начинается битва одинъ на одинъ. Звукъ трубы вызываетъ матадора—такъ зовутся тѣ изъ бойцовъ, которые сражаются съ быкомъ одинъ на одинъ; этимъ и начинается третье дѣйствіе.

Арена пуста, только бѣшеный быкъ мечется по ней въ послѣдней степени изступленія. Тогда медленно и важно подходитъ къ нему матадоръ, въ самомъ великолѣпномъ андалузскомъ костюмѣ: красный бархатный плащъ небрежно накинутъ на лѣвомъ плечѣ, въ правой рукѣ онъ держитъ короткую шпагу, въ лѣвой красное покрывало. Онъ прежде всего оборачивается къ распорядителямъ и начальству, потомъ къ публикѣ; затѣмъ обращается къ быку и на минуту пріостанавливается... Это самая торжественная минута и для публики, и для бойца. Быкъ, задыхаясь отъ бѣшенства, завидя матадора, бѣжитъ на него и, словно почуя страшнаго врага, вдругъ останавливается, наблюдаетъ его, разсчитываетъ свой ударъ. Матадоръ обыкновенно молодъ, красивъ, одѣтъ въ атласъ, бархатъ и золото, гибокъ, удивительно сложенъ. Онъ сбрасываетъ съ плеча красный плащъ; каждое движеніе его исполнено рѣшительности и хладнокровія.

Замѣтьте, что въ этихъ бояхъ есть множество своихъ законовъ, и матадоръ не можетъ направить своего удара или зарѣзать быка, какъ это было бы ему удобнѣе. Онъ долженъ направить свой ударъ не иначе, какъ въ то мѣсто, гдѣ оканчивается шея и начинается спинной хребетъ. Ударъ долженъ быть сверху внизъ. Въ тысячу разъ почетнѣе для матадора умереть, нежели нанести ударъ снизу, съ боку или сзади. Подумайте объ игрѣ, которую играетъ этотъ человѣкъ, подумайте, что рѣдкій матадоръ умираетъ въ постели, и вы согласитесь съ тѣмъ, что, если кому здѣсь дается слава, то


З. Васнецовъ
Рашевскiй



дается весьма не легко. У посторонняго зрителя замираетъ духъ, когда онъ смотритъ на арену въ то время, какъ матадоръ и быкъ приближаются другъ къ другу. Каждый наблюдаетъ за своимъ противникомъ. Безпрестанно мѣняютъ они свои маневры, словно отгадывая взаимныя намѣренія. «Почти всегда быкъ останавливается передъ матадоромъ и всматривается въ него; потомъ съ видомъ угрозы трясетъ головою, скребетъ копытомъ землю и не хочетъ двинуться впередъ. Матадоръ взмахиваетъ передъ его глазами краснымъ покрываломъ; это такъ раздражаетъ быка, что онъ бросается на него, но тотъ ловко увернулся отъ удара и снова уже дразнитъ быка своимъ покрываломъ. Быкъ опять дѣлаетъ шагъ впередъ и снова останавливается; они такъ близко другъ къ другу, что матадоръ уже прицѣливается шпагою... еще секунда и быкъ бросается.... но въ то самое мгновеніе, какъ быкъ дѣлаетъ головой размахъ, чтобы поднять матадора на рога, онъ, черезъ его наклоненную голову, вонзаетъ ему всю шпагу. Быкъ вдругъ прерываетъ свой взмахъ, нѣсколько капель крови брызнули ему на шею, ноги его дрожатъ, подгибаются, онъ падаетъ безъ движенія. Надобно видѣть, какой бѣшеный восторгъ овладѣваетъ публикою! словно каждый празднуетъ свое избавленіе отъ смертной опасности! Отовсюду летятъ самыя громкія, неистовыя рукоплесканія, самыя шумныя, восторженныя поздравленія матадору. Навѣрно ни одинъ актеръ въ мірѣ не получалъ такой награды. Онъ торжественно обходитъ циркъ и благодаритъ публику».

Такія публичныя истязанія животныхъ должны, разумѣется, разжигать всевозможныя дурныя страсти въ народѣ. Пока испанцы не станутъ въ уровень съ другими цивилизованными націями Европы, у нихъ не исчезнутъ эти арены отвратительнѣйшаго варварства и самаго безстыднаго посрамленія всякаго человѣческаго достоинства.

Прошлое и настоящее испанца.—Причины бѣдности и упадка страны.—Образованіе народа.—Его характеръ.

Мы уже много разъ упоминали о томъ что въ Испаніи въ архитектурѣ построекъ, въ одеждѣ жителей, въ правахъ, обычаяхъ отчасти даже въ языкѣ, вездѣ сказывается вліяніе мавровъ. Но, не вспомнивъ, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ исторію этого народа, не выяснивъ, хотя нѣсколько, ту роль, которую онъ игралъ въ судьбѣ Испаніи, невозможно понять характера испанцевъ, выяснить себѣ многія явленія изъ современной жизни.

Пиринейскій полуостровъ въ VIII столѣтіи былъ покоренъ замѣчательно воинственнымъ тогда народомъ—маврами. У мавровъ однако мало по малу совсѣмъ остылъ воинственный жаръ и они обратились къ мирнымъ занятіямъ торговлею и промышленностью; не смотря на это, жители полуострова никогда не могли считать ихъ своими братьями: различіе религіи (туземцы уже тогда были христіанами, а мавры исповѣдывали могометанскую религію), понятій, и наконецъ, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, естественная ненависть побѣжденныхъ къ побѣдителямъ,—все это усиливало въ испанцахъ мужество, страстное желаніе избавиться отъ пришельцевъ, горячую любовь къ своей родинѣ и, самое главное, чрезвычайную преданность своей католической религіи. Мавры однако не дремали въ покоренной странѣ и все улучшали свой бытъ и свое образованіе. Черезъ нѣсколько столѣтій мы видимъ уже, что они съ

большимъ знаніемъ дѣла обработываютъ свои земли, занимаются ремеслами, торговлею, строятъ училища, украшаютъ города мечетями, дворцами, садами, башнями, фонтанами, проводятъ дороги, каналы, строятъ мосты. Испанцы мало заботились о томъ, чтобы перенять эти улучшенія у своихъ побѣдителей и примѣнить ихъ къ своему быту; они больше думали о томъ, какъ бы отнять у нихъ захваченныя ими владѣнія. Къ этому, наконецъ, представился случай. У мавровъ пресѣклась одна династія, которая управляла всѣми испанскими владѣніями, и между ними произошли смуты. Христіане воспользовались этимъ и стали одно за другимъ отнимать владѣнія у мавровъ. Наконецъ, въ XIII столѣтіи, всѣ христіанскіе короли Испаніи соединились между собою противъ общáго врага и дали рѣшительную битву, которая нанесла владычеству мусульманъ въ Испаніи сильный ударъ.

Послѣ XV ст. мавры жили въ Испаніи уже какъ побѣжденные. Христіане стали страшно преслѣдовать ихъ и гнать за вѣру, такъ что многіе изъ мавровъ еще тогда пытались бѣжать изъ Испаніи. Но нужно имѣть много средствъ, чтобы съ семействомъ тотчасъ удалиться въ чужую землю; мавры прожили на полуостровѣ уже много столѣтій, хорошо обстроились и обзавелись хозяйствомъ и даже ихъ прапрадѣды привыкли смотрѣть на эту страну, какъ на свою родину; теперь же ихъ гонятъ изъ роднаго гнѣзда, Богъ знаетъ куда, принуждая бросать все, что они нажили тяжелымъ трудомъ. Чтобы остаться на мѣстѣ, съ которымъ у нихъ были связаны всѣ воспоминанія, гдѣ протекла вся ихъ жизнь, мавры принимаютъ христіанство, но продолжаютъ въ тайнѣ исповѣдывать прежнюю религію. Когда узналъ объ этомъ папа, глава католической религіи, то, согласно съ желаніемъ тогдашняго испанскаго короля Фердинанда, учредилъ въ Испаніи инквизицію, или высшее духовное судилище, которое должно было жестоко карать всѣхъ отступниковъ и еретиковъ. Съ этихъ поръ короли испанскіе и духовенство стали пользоваться этимъ судилищемъ и, подъ предлогомъ ереси, очень часто губили всѣхъ тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые имъ не нравились и почему нибудь казались опасными. Суду инквизиціи подвергались столько же мавры, сколько и испанскіе подданные. Инквизиція поступала съ своими жертвами съ неслыханнымъ до тѣхъ поръ варварствомъ, жестоко и безчестно. Каждый членъ этого судилища обязанъ былъ, не смотря на самое близкое родство и подъ опасеніемъ самому быть признаннымъ еретикомъ, доносить на всякаго, кого только онъ подозрѣваетъ въ еретичествѣ. Кромѣ того судилище повсюду имѣло множество шпіоновъ, которые очень часто изъ своихъ личныхъ цѣлей, изъ зависти и изъ разсчета, обвиняли ненавистныхъ имъ людей. Если обвиненный не тотчасъ отвѣчалъ на вопросы или не сознавался во взводимомъ на него преступленіи, его пытали самымъ возмутительнымъ образомъ. Мученія пытокъ, уединеніе отъ всего живаго, страшное отчаяніе обыкновенно заставляли несчастнаго сознаться во всемъ, въ чемъ только его обвиняли; къ тому же онъ видѣлъ, что это сознаніе давало ему возможность поскорѣе покончить съ ненавистною жизнію. И дѣйствительно, какъ только вырывали у него какое бы то нибыло признаніе, его присуждали къ сожженію на кострѣ (что называлось *ауто-да-фе*—дѣло вѣры), а все имущество отбирали въ казну. На осужденнаго одѣвали позорную одежду, на которой яркими цвѣтами были намалеваны адское пламя и черти, на голову—размалеванный бумажный колпакъ, везли на площадь и еще живаго сжигали на кострѣ, очень часто даже медленнымъ огнемъ. Если осужденный умиралъ подъ пытками, все-таки сжигали на кострѣ его смертные останки. Эти *ауто-да-фе* совершались торжественно: король со всею свитою въ праздничныхъ нарядахъ, вельможи и народъ собирались смотрѣть на нихъ, какъ на веселый пиръ. Вѣроятно, вслѣдствіе этой привычки смотрѣть на жестокія пытки, которыми терзали людей, на эти разведенные костры, ежедневно со-

жигавшіе десятки жертвъ, привилась къ испанцамъ любовь къ различнымъ постыднымъ зрѣлищамъ. Недаромъ же они и до сихъ поръ такъ страстно любятъ цирки, гдѣ происходятъ различные бои быковъ, пѣтуховъ, лошадей, во время которыхъ всегда умираетъ много животныхъ, столько калѣчится и умираетъ людей.

Въ XVI столѣтіи былъ изданъ приказъ, которымъ предписывалось маврамъ оставить все, что хоть сколько нибудь могло имъ напоминать прежнюю ихъ религію. Подъ страхомъ строжайшихъ наказаній приказано имъ изучать испанскій языкъ и оставить всѣ свои книги. Имъ запрещалось не только читать и писать на родномъ языкѣ, но даже и говорить на немъ въ собственныхъ домахъ. Ихъ церемоніи и игры были строго запрещены; даже одежду, съ которою они свыклись, они не смѣли болѣе носить.

Верховное судилище карало, мучило и убивало людей за то, что они не вѣрили или плохо исповѣдывали католическую религію; естественно, что духовенство стало пріобрѣтать все большую силу и значеніе. Въ XVII столѣтіи оно до того усилилось, что задумало изгнать мавровъ со всего полуострова. Это изгнаніе было выполнено съ страшнѣйшимъ варварствомъ. Около милліона самаго трудолюбиваго населенія Испаніи погнали, какъ дикихъ звѣрей, изъ за того только, что была заподозрѣна искренность ихъ религіозныхъ вѣрованій. Множество людей было перебито; другіе подверглись истязаніямъ и грабежу, а большинство отправлено въ самомъ невыносимомъ положеніи въ Африку. Во время переѣзда команда, которая ихъ сопровождала, нападала на несчастныхъ, избивала мужчинъ, бросала въ море дѣтей. Теперь впервые отъ Пиринеевъ до Гибралтарскаго пролива не было ни одного еретика. Все было правовѣрно и вѣрно королю: каждый житель громадной страны повиновался церкви и трепеталъ передъ королемъ. Не смотря на это, послѣдствія такого изгнанія для Испаніи были ужасны. Почти изъ каждой мѣстности въ странѣ внезапно были изгнаны массы трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и опытныхъ ремесленниковъ. Мавры приняли лучшія системы обработки земли, какія были только тогда извѣстны. Сухая испанская земля отлично орошалась. Почти одни мавры занимались разведеніемъ риса, хлопка и сахарнаго тростника, также какъ и фабрикаціею шелка и бумаги. Съ изгнаніемъ ихъ все это рушилось и многое рушилось навсегда, потому что испанцы считали въ то время подобныя занятія унизительными. Воевать за короля или вступать въ духовное званіе только и считалось дѣломъ почтеннымъ: все остальное было низко и гнусно. Поэтому, когда мавры были окончательно изгнаны, не оказалось никого, кто могъ бы занять ихъ мѣсто; многія искуства и ремесла навсегда исчезли, огромныя полосы удобной земли оставались необработанными. Нѣкоторые богатѣйшія части Валенсіи и Гранады находились въ такомъ пренебреженіи, что нехватало средствъ для прокормленія даже и того скуднаго населенія, которое тамъ оставалось. Цѣлые округа почти мгновенно пустѣли, покидаемые жителями, и до нашихъ дней никогда снова не заселялись. Эти пустыни стали служить убѣжищемъ воровъ и разбойниковъ, поселившихся на мѣстахъ, занятыхъ прежде трудолюбивыми людьми; извѣстно, что со времени изгнанія мавровъ, появились и тѣ организованныя разбойничьи шайки, которыя сдѣлались впослѣдствіи напастью для Испаніи и которыхъ ни одно изъ испанскихъ правительствъ не въ силахъ совершенно уничтожить. И теперь еще путешественники очень часто описываютъ, какъ въ той или другой мѣстности на нихъ нападаютъ мошенники.

Послѣ изгнанія мавровъ торжество вѣры до того ослѣпило испанцевъ, что они совершенно позабыли мірскія дѣла. Въ это время всѣ другія страны увеличивали запасъ знаній, развивали науки, искуства, только одна Испанія все шла назадъ, все падала ниже и ниже; бѣдствія народныя, нищета и голодъ превзошли всякое вѣроятіе.

Среди этихъ бѣдствій угасалъ духъ и энергія испанской націи. Такъ было до самаго конца XVIII столѣтія и только въ началѣ XIX совершенно исчезли ауто-да-фе.

Прошлая исторія оставила глубочайшій слѣдъ на всемъ складѣ характера народа. Его жалкая жизнь въ прошедшемъ, деспотическій, варварскій гнетъ мысли и вѣчное преслѣдованіе его религіозныхъ убѣжденій,—все это, разумѣется, оставило страшные слѣды и въ настоящемъ. Еще и теперь испанецъ доводитъ свою религію до идолопоклонства. Большинство изъ нихъ свято вѣритъ въ своего патрона на небесахъ, который во всякую минуту можетъ защитить его отъ всякихъ невзгодъ. Каждая деревня, каждый корабль, даже каждая улица въ городѣ имѣютъ своего особаго патрона или патронессу; кромѣ того нація имѣетъ двухъ отдѣльныхъ патроновъ. Семейства, жители одной улицы, ремесленныя общества празднуютъ дни своихъ патроновъ, такъ что на одни празднества у нихъ уходитъ очень много времени.

Испанцы страшно заражены суевѣріемъ: еще и теперь у входовъ въ церкви и монастыри открыто продаютъ чудотворные амулеты, изъ которыхъ одни могутъ истребить заразительныя болѣзни, другіе спасаютъ скотъ отъ той или другой напасти.

Многіе испанцы уже давно чувствовали паденіе своей родины и старались измѣнить порядокъ вещей, или возбуждая народъ къ возстанію противъ того или другаго правительства, или вводя разныя улучшенія, но ничто не помогало, и до сихъ поръ многое хорошее въ Испаніи остается пустымъ звукомъ, многія нововведенія вовсе не приносятъ той пользы, какой можно было бы ожидать. Почему же это? А потому, что ни одно новведеніе, ни одно усовершенствованіе не можетъ дать прочнаго счастія народу, пока нѣтъ въ немъ основательныхъ знаній. Эта истина, приложимая ко всѣмъ народамъ въ мірѣ, особенно подтверждается въ Испаніи. Страна эта владѣетъ громадными богатствами: омываемая Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ, она имѣетъ чрезвычайно выгодное положеніе для торговыхъ сношеній съ Америкой, такъ что сама природа предназначила ее держать въ своихъ рукахъ торговлю обоихъ полушарій. Испанцы, какъ прежде, такъ и теперь, имѣютъ богатые, цвѣтущіе города, большія фабрики, искусныхъ рабочихъ, извѣстныхъ художниковъ: даровитыя произведенія ихъ живописи и величественные храмы справедливо ставятся наряду съ чудеснѣйшими дѣлами рукъ человѣческихъ. Они говорятъ прекраснымъ, звучнымъ и гибкимъ языкомъ, и литература ихъ стоитъ не ниже ихъ языка. Ихъ земля даетъ имъ всевозможныя богатства. Она изобилуетъ виномъ и масломъ и съ тропическою щедростью даритъ самыми чудными плодами. Сладкіе апельсины, лимоны, померанцы, гранаты, оливки, миндаль, фиги, виноградъ,—все это славится въ Европѣ. Въ нѣдрахъ земли находятъ въ такомъ богатствѣ и разнообразіи самые цѣнные минералы, какъ нигдѣ въ остальной Европѣ. Серебряные и ртутные рудники испанскіе хорошо извѣстны всему свѣту. Эта благословенная страна столько же изобилуетъ благородными металлами, сколько и металлами необходимыми для практической жизни: въ ней множество свинца и мѣдныхъ рудъ, которыя еще никогда не были тронуты. Желѣзо лучшихъ сортовъ можно найти почти повсюду въ Испаніи, а астурійскія угольныя копи просто неистощимы. Но всѣ испанскія богатства не обогащаютъ страну; ея промышленность въ самомъ жалкомъ состояніи и небреженіи. Все это происходитъ отъ множества различныхъ причинъ: одна изъ нихъ, какъ мы уже говорили, изгнаніе мавровъ, что до сихъ поръ отзывается гибельно на промышленности. Другая, не менѣе важная причина упадка могущества Испаніи та, что страна эта вела нескончаемыя религіозныя войны; такъ какъ онѣ не прекратились и тогда, когда испанцы сдѣлались католиками, то духовенство стало пріобрѣтать мало по малу огромное значеніе и вліяніе. Всѣ сражавшіеся, начиная отъ короля и кончая послѣднимъ солдатомъ, были скорѣе защитниками вѣры, чѣмъ своей земли, слѣдова-

тельно ихъ первою обязанностію сдѣлалось полное подчиненіе распоряженіямъ духовенства. Отвоеванныя у невѣрныхъ земли стали переходить въ руки духовенства; впрочемъ, оно и на родинѣ пріобрѣтало громадные участки земли, скупало всѣ драгоцѣнности для украшенія церквей и монастырей и наконецъ, благодаря учрежденію инквизиціи, скоро вполнѣ овладѣло управленіемъ и контролемъ надъ всѣми гражданами. Верховный трибуналъ сдѣлался всемогущимъ, такъ что передъ нимъ трепетали сами короли. Продолжительныя религіозныя войны и огромное вліяніе духовенства повели къ умственному и нравственному упадку испанскаго народа.

До 1835 года Испанія была страною монаховъ и монахинь. Еще въ самомъ концѣ прошлаго вѣка духовенства въ королевствѣ было болѣе 250,000 душъ, изъ которыхъ было 71,000 монаховъ и 35,000 монахинь. Съ 1835 года число духовенства стало значительно уменьшатся, монастыри закрывались одинъ за другимъ. Въ 1869 году въ этой странѣ уже не было ни одного монаха; послѣдніе изъ нихъ должны были оставить свою родину, чтобы пріютиться въ Бельгіи.

Хотя монахи и монастыри и исчезли изъ Испаніи, но надзоръ за школами до сихъ поръ принадлежитъ исключительно церкви, и цензура театральныхъ пьесъ производится духовенствомъ. Число священниковъ все еще слишкомъ велико въ странѣ, а именно ихъ 40,000 человѣкъ.

Изъ всѣхъ испанцевъ, въ 1870 году было лишь 26% умѣющихъ читать и писать. Хотя образованіе было даровое, но не было никакого стремленія учиться. Учить женщинъ грамотѣ считалось просто преступленіемъ; еще 20, 30 лѣтъ тому назадъ студенты цѣлыми толпами ходили по городамъ съ гитарами въ рукахъ, выпрашивая милостыню за свои серенады и пѣсни. Недостатокъ образованія и развитія прежде всего выражается въ презрѣніи испанца къ какому-бы то нибыло ремеслу. Имъ еще памятно то время, когда въ ихъ отечествѣ ремесломъ занимались только мавры—люди побѣжденные ими, гораздо ниже ихъ поставленные. Они считали для себя (и до сихъ поръ еще этотъ взглядъ въ большинствѣ случаевъ сохранился), что самое благородное занятіе—война, и самый послѣдній простолюдинъ мечтаетъ, какъ бы ему попасть въ войско и облагородить свое положеніе званіемъ гидальго (благородный). Духъ рыцарства хотя и значительно уже выдохся, но и теперь еще живетъ въ испанскомъ народѣ.

Бѣдность народа и застой въ промышленности въ настоящее время не менѣе поддерживаются постоянною борьбою и раздорами различныхъ политическихъ партій, которыя никогда не переводятся въ Испаніи. Эти партіи всегда враждуютъ между собою, проливаютъ кровь другъ друга, опустошаютъ поля и деревни, по которымъ проходятъ и, такимъ образомъ, не даютъ совсѣмъ поправиться и подняться несчастному, вѣчно разоряемому вслѣдствіе междоусобій селянину. Со времени революціи 1868 года, которая низложила съ престола королеву Изабеллу II, въ Испаніи произошелъ цѣлый рядъ политическихъ переворотовъ: она выдержала диктатуру, потомъ провозглашено было королевство и королемъ избранъ Амедей, сынъ короля итальянскаго. Но Амедей скоро отказался отъ престола, и Испанія сдѣлалась республикою, которая потомъ снова преобразилась въ диктатуру. Однако диктаторъ скоро былъ изгнанъ и престолъ былъ предложенъ Альфонсу XII, сыну изгнанной королевы Изабеллы. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ правительственныхъ переворотовъ, которые безпрерывно слѣдуютъ одинъ за другимъ, казна находится въ состояніи безпрерывнаго банкротства; для уплаты государственнаго долга не достало бы всѣхъ ежегодныхъ доходовъ. Положеніе финансовъ въ данную минуту самое плачевное: военные расходы поглощаютъ весь приходъ; налоги увеличены; рекрутскій наборъ—столь ненавистный испанцамъ, отвлекаетъ отъ производительнаго труда болѣе людей, чѣмъ прежде, число школъ уменьшилось.

Общему упадку страны сильно содѣйствовалъ также захватъ земли крупными собственниками, духовными орденами и приближенными королей. Они настроили въ странѣ множество замковъ, развели безчисленное число парковъ, роскошныхъ садовъ, совсѣмъ запустили поля. Простолюдинъ испанскій, который и раньше никогда не отдавался землѣ съ особеннымъ рвеніемъ, теперь совсѣмъ сталъ покидать ее: поля запустѣли, нищенство стало всеобщимъ, города и деревни обезлюдѣли. Въ Испаніи, еще 35 лѣтъ тому назадъ, во всей странѣ было 273,760 собственниковъ, и только послѣ 1855 года недвижимая собственность значительно раздробилась, но и теперь еще на 15.700,000 жителей 2.592,527 собственниковъ. Такой порядокъ вещей содѣйствовалъ тому, что масса испанцевъ уже издавна отправлялась искать счастія или скорѣе куска насущнаго хлѣба въ Америку, другіе поступали въ войско, третьи старались отыскать заработокъ въ городѣ,—однимъ словомъ каждый всѣми силами избѣгалъ земледѣльческихъ занятій. Вслѣдствіе этого обширныя пространства земли обратились въ пастбища, которыми завладѣли крупные владѣльцы скота.

Понятно, что страна, въ которой еще въ XIX ст. народъ состоялъ изъ монаховъ, пастуховъ и воиновъ, а земледѣлецъ и его трудъ были въ полномъ пренебреженіи, не можетъ процвѣтать и въ настощее время. Кромѣ междоусобицъ и раздора партій, какой-то хаосъ существуетъ и въ умахъ населенія: одна провинція ведетъ борьбу противъ другой и обѣ питаютъ другъ къ другу непримиримую ненависть. Борьба и междоусобная война то затихаетъ, то снова разгорается. Эта непрерывная, междоусобная война приноситъ съ собою еще большее запустѣніе полей; число фабрикъ не увеличивается, а уменьшается, и какъ результатъ всего этого,—страшная бѣдность народа и жалкое положеніе финансовъ сказываются во всѣхъ отрасляхъ жизни, во всѣхъ слояхъ общества: бѣдные чиновники сидятъ безъ жалованья и влачатъ нищенское существованіе, въ высшихъ административныхъ сферахъ слышится постоянный ропотъ на неаккуратно выплачиваемое жалованье, школьные учителя, не получая денегъ ни на содержаніе школы, ни жалованья, закрыли ихъ, и кому изъ нихъ не удалось взяться за соху, тотъ бродитъ по дорогамъ, выпрашивая милостыню.

ПОРТУГАЛІЯ.

Прошлая судьба португальцевъ.—Слѣды вліянія на нихъ римлянъ, грековъ, мавровъ, испанцевъ и евреевъ.—Галлегосы.—Внѣшній видъ и характеръ народа.—Щепетильность и краснорѣчіе португальцевъ.—Ихъ суевѣрія.—Путешествія къ чудотворнымъ иконамъ.—Отвращеніе отъ сельской жизни.—Дома и обстановка.—Общественная жизнь и женщины.—Свадьба.—Языкъ португальцевъ.—Любовь къ процессіямъ.—Образованіе.—Природа страны, ея промышленность и землевладѣніе.

Хотя Португалія въ одинъ историческій періодъ была могущественнѣйшимъ государствомъ, но въ настоящее время она представляетъ одну изъ самыхъ малыхъ европейскихъ державъ; по своему пространству она гораздо меньше многихъ русскихъ губерній.

Взглянувъ на карту Португаліи съ перваго раза, можетъ показаться, что эта страна слишкомъ мала даже для самостоятельнаго существованія. Несмотря на это, Португалія всегда почти существовала независимо отъ Испаніи; причина этого прежде всего лежитъ въ ея природѣ: береговая линія Португаліи, ея климатъ, растительность, направленіе вѣтровъ—одинаковы во всей странѣ, и потому народы, ее населяющіе, уже издавна должны были привыкнуть къ одному образу жизни и сплотиться въ одно политическое цѣлое. Могущественое вліяніе природы сказалось здѣсь тѣмъ очевиднѣе, что въ составъ португальской національности вошли самыя разнородныя племена.

Древніе писатели доказываютъ, что первобытные обитатели Португаліи принадлежали къ кельтской расѣ.

Послѣ этого страна была покорена иберійцами, вѣроятно, пришедшими съ береговъ Роны; изъ этихъ двухъ народностей образовалась особая раса, которая долго боролась противъ римскихъ войскъ. Однако римляне покорили страну и колонизировали ее; они ввели въ покоренную страну свой языкъ, свою администрацію, правительственныя и судебныя учрежденія. Въ то-же время въ Португаліи были колоніи грековъ, финикіянъ и карфагенянъ; но римское вліяніе было наиболѣе сильное и оставило до настоящаго времени гораздо болѣе слѣдовъ сравнительно съ названными народами.

Въ VIII столѣтіи страна была покорена арабскими племенами, которыя, уничтоживъ всѣ прежнія учрежденія, распространили новыя, ввели свои обычаи, законы, цивилизацію и не коснулись одной только религіи. Такимъ образомъ магометане различнаго происхожденія, завладѣвшіе страной, также содѣйствовали значительному измѣненію ея обитателей. Еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Португаліи, тамъ, гдѣ владычество мусульманъ держалось долѣе, населеніе является на половину мавританскимъ.

Могущество мавровъ, какъ въ Испаніи, такъ и Португаліи, стало пугать испанскихъ королей, и они начали вести борьбу съ маврами. Въ этой борьбѣ имъ много разъ помогали французскіе рыцари. Однимъ изъ нихъ въ концѣ XI вѣка былъ Генрихъ, графъ Византійскій, изъ Бургундскаго дома. Онъ сражался за Альфонса VI, короля кастильскаго, въ его борьбѣ съ невѣрными; благодарный король въ 1094 г. выдалъ за него свою дочь и далъ въ приданое за нею страну между Миньо и Дуэро, графство португальское. Одинъ изъ его преемниковъ, Генрихъ «Завоеватель», расширилъ свои владѣнія къ югу и былъ провозглашенъ португальскимъ королемъ; папа призналъ новую корону, а кортесы установили главнѣйшіе учрежденія и законы. Въ половинѣ XIII столѣтія вся нынѣшняя Португалія принадлежала уже преемникамъ Генриха-Завоевателя. При Діонисіи, прозванномъ «отцомъ отечества», страна получила всемірное значеніе; онъ направилъ дѣятельность народа на мореплаваніе и торговлю и заключилъ первый торговый договоръ съ Англіею. Раздѣленіе Пиринейскаго полуострова на два государства было полезно въ томъ отношеніи, что Португалія и Испанія, благодаря своему соперничеству, дѣлали болѣе усилій для достиженія великихъ открытій въ области мореплаванія. Всѣмъ извѣстно значеніе Португаліи при переходѣ средневѣковаго общества въ новую фазу развитія: ея мореплаватели предпринимали далекія путешествія, дѣлали завоеванія и основывали колоніи. Со времени Эммануила Великаго (1495—1521) Португалія была великою державою, и Лиссабонъ сдѣлался богатымъ центромъ всемірной торговли, куда стекались громадныя богатства, гдѣ чеканилась золотая монета. Это время блеска вызвало развитіе литературы, и Камоэнсъ (родился въ 1517 г.), въ своей Лузіадѣ, воспѣлъ путешествіе Васко-де-Гамо въ Индію. Но за этой блестящей внѣшностію скрывалось и много неутѣшительнаго. Вслѣдствіе открытія новыхъ странъ, португальцы одинъ за другимъ стали покидать родину, а съ уменьшеніемъ народонаселенія земледѣліе приходило все въ большій упадокъ. Къ тому же въ эту страну проникли тѣ-же вредныя идеи, что господствовали въ Испаніи: по навѣтамъ инквизиціи, португальскіе короли, какъ и испанскіе, начали изгонять всѣхъ подданныхъ, уличенныхъ или только подозрѣваемыхъ въ томъ, что они не ревностные католики. Тогда произошло изгнаніе мавровъ. Притѣсненіе и изгнаніе этого народа носило на себѣ тотъ же характеръ, какъ и въ Испаніи; поэтому мы и не будемъ вновь говорить здѣсь объ этомъ. Преслѣдовали также и евреевъ, которые имѣли въ странѣ не мало значенія; они были очень многочисленны и пользовались большими привиллегіями. Многіе изъ нихъ славились своею ученостью, образованіемъ, занимались изученіемъ наукъ. Вся литература, торговля, медицина была въ ихъ рукахъ: они основали знаменитую лиссабонскую академію, изъ которой выходили образованнѣйшіе люди въ королевствѣ; первая книга въ Португаліи была напечатана евреями. Но въ 1496 году былъ обнародованъ декретъ, повелѣвавшій всѣмъ евреямъ перейти въ христіанство. Это заставило выселиться изъ страны около восьми сотъ тысячъ самыхъ богатыхъ, промышленныхъ и образованныхъ евреевъ. Но опасеніе, что вслѣдствіе этого декрета евреи будутъ эмигрировать и впредь, и что это можетъ слишкомъ ослабить населеніе маленькаго королевства, заставило правительство издать новое предписаніе, на основаніи котораго задерживали всѣхъ еврейскихъ дѣтей моложе 14-ти лѣт-

няго-возраста и обращали ихъ въ христіанство. Такимъ образомъ въ жилахъ многихъ благородныхъ португальскихъ фамилій течетъ также и израильская кровь.

Въ 1579 г. умеръ португальскій король, не оставивъ наслѣдника; тогда ближайшій родственникъ его, испанскій король Филиппъ II, присоединилъ Португалію къ своимъ владѣніямъ, и еще столь недавно всемірная держава—Португалія, во время испанскаго господства, потеряла всякое значеніе. Однако въ XVII столѣтіи она свергла наконецъ испанское иго. Основателемъ новой династіи, царствующей еще и въ настоящее время, былъ Іоаннъ Браганцскій, владѣвшій громадными поземельными владѣніями въ этой странѣ. Португалія, уже второстепенная держава, съ начала XVIII-го столѣтія вступила въ тѣсный союзъ съ Англіею, которая при этомъ съумѣла доставить такія выгоды своей торговлѣ, что португальскіе виноградники служили только ей одной въ пользу. Въ концѣ XVIII вѣка свѣтлыя идеи того времени коснулись и Португаліи, и министръ Іосифа I-го (1750—1777), знаменитый Помбаль, изгналъ изъ этой страны іезуитовъ. Онъ также упорно боролся противъ эксплуатаціи его родины англичанами. Наконецъ въ 1838 г. Португалія сдѣлалась конституціоннымъ государствомъ.

Въ составъ португальскаго типа входитъ не только римскій, арабскій, еврейскій и испанскій элементы, но въ немъ замѣчается также весьма сильная примѣсь негритянскаго элемента, особенно въ южной части Португаліи и на ея морскомъ берегу. Африканскіе невольники уже издавна продавались въ южныхъ портахъ Португаліи. Въ XVI столѣтіи ихъ ежегодно ввозили только въ одинъ Лиссабонъ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ. Тогда на улицахъ этого города встрѣчалось столько же черныхъ, сколько и бѣлыхъ.

Слѣды римскаго, греческаго, мавританскаго, еврейскаго и негрскаго элементовъ и въ настоящее время лежатъ рѣшительно на всемъ: въ чертахъ лица, въ нравахъ, въ одеждѣ, въ архитектурѣ построекъ (въ этомъ отношеніи здѣсь, какъ и въ Испаніи, имѣли особенное вліяніе мавры), отчасти даже въ языкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Португаліи костюмъ мужчины сильно напоминаетъ греческую фустанеллу. Жители провинціи Миньо придерживаются системы земледѣлія, заимствованной ими у древнихъ римлянъ. Въ народѣ много древнихъ итальянскихъ мифовъ, въ языкѣ немало латинскихъ словъ. Многія пѣсни крестьянъ въ этой мѣстности—древняго происхожденія. Но болѣе всего въ Португаліи замѣтно вліяніе мавровъ. Кромѣ мавританскихъ построекъ, во многихъ мѣстностяхъ страны, какъ мужчины, такъ и женщины носятъ туфли, и снимаютъ ихъ, когда они входятъ въ домъ, какъ это дѣлаютъ мусульмане еще и теперь при входѣ въ мечеть. Ожерелья португальскихъ женщинъ — арабскаго происхожденія. Такъ какъ здѣшнія женщины очень берегутъ эти украшенія, и онѣ обыкновенно переходятъ въ приданое отъ матери къ дочери, то многія изъ нихъ сдѣланы даже, вѣроятно, мусульманскими ювелирами; другія сработаны по ихъ образцу. Здѣшняя двухколесная телѣжка по формѣ чисто-римская, но ярмо-восточное и оно обыкновенно богато и красиво разукрашено мавританскимъ рисункомъ съ насѣчкой. Домашняя глиняная посуда, кухонные горшки и чаны для воды ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которые дѣлаются горшечниками въ Марокко и Алжирѣ; и вообще нужно замѣтить, что здѣсь все крестьянское хозяйство ведется такъ-же просто, какъ и на востокѣ. Господство въ странѣ всѣхъ этихъ народовъ замѣтно и въ типѣ: въ иной мѣстности встрѣчаешь человѣка съ продолговатыми глазами, полными губами и съ оливковымъ оттѣнкомъ кожи африканскаго мавра; въ нѣкоторыхъ португальскихъ городахъ жители бросаются въ глаза рѣзкими типичными еврейскими чертами лица; тутъ васъ поразитъ негритянскій типъ дѣвушки, тамъ въ ней болѣе всего сказывается испанская кровь. Въ настоящее время изъ чужеземцевъ наибольшее вліяніе на португальцевъ оказываютъ

галлегосы (испанцы изъ Галиціи, которая лежитъ на сѣверъ отъ Португаліи); они приходятъ въ большомъ числѣ въ португальскіе города и дѣлаются тамъ носильщиками воды и тяжестей, булочниками, сторожами и служителями. Ихъ въ Португаліи насчитываютъ болѣе 20,000. Нѣсколько человѣкъ галлегосовъ живутъ обыкновенно въ одной хижинѣ, отказывая себѣ во всемъ. Когда кому нибудь изъ нихъ удастся тяжелымъ трудомъ скопить небольшую сумму, они тотчасъ уѣзжаютъ на родину.

Смѣшеніе всѣхъ этихъ разнообразныхъ элементовъ не произвело красиваго народа. Только очень немногіе португальцы могутъ сравняться красотою и благородствомъ осанки съ своими сосѣдями испанцами. Португальцы большею частію маленькаго роста, смуглаго, почти оливко-желтаго цвѣта лица; вздернутый носъ, толстыя губы тоже не придаютъ особенной миловидности. Португальскія женщины не отличаются горделивой простотой испанокъ, только блескъ глазъ, оживленная физіономія и раскошныя волосы говорятъ о ихъ южномъ происхожденіи.

Времена величія португальцевъ показали, что въ характерѣ народа много серьезныхъ задатковъ. Всѣ путешественники единогласно хвалятъ ихъ за честность и добродушіе, вѣрность и благородство, за ихъ горячую любовь къ родинѣ, храбрость, гостепріимство и необыкновенную умѣренность въ пищѣ. Португальскіе крестьяне отличаются замѣчательнымъ умѣньемъ хорошо говорить,—разговоръ обратился у нихъ просто въ особое искуство. Здѣсь можно встрѣтить много рабочихъ, не только не получившихъ никакого образованія, но и совершенно безграмотныхъ, которые поразятъ васъ не только умѣньемъ краснорѣчиво выразить самыя разнообразныя мысли, но и литературною формою выраженія. Люди среднихъ классовъ употребляютъ во зло эту способность: говорятъ очень длинно, утомительно и даже напыщенно.

Рѣзко выдающуюся черту характера португальцевъ составляетъ горячая ненависть къ испанцамъ, за которую тѣ отплачиваютъ имъ тою же монетою. Пѣсни, легенды, поговорки и исторія страны краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о страшной ненависти между этими сосѣдями. Впрочемъ испанцы скорѣе съ презрѣньемъ, чѣмъ съ ненавистью относятся къ португальцамъ: «сумашедшій маленькій народецъ», говоритъ про португальцевъ кастильская поговорка. Вслѣдствіе ненависти этихъ двухъ народовъ, которыхъ судьба заставила жить на одномъ полуостровѣ, нечего и думать о ихъ соединеніи въ одно государство.

Португальцы такъ же, какъ и испанцы, любятъ бой быковъ, но эти зрѣлища они не доводятъ до такой кровожадности: они насаживаютъ пробки на рога быковъ и одинъ и тотъ же быкъ является у нихъ на нѣсколькихъ бояхъ. Португальцы не только хорошо обращаются съ домашними животными, что составляетъ совершенную противоположность испанцамъ, но даже отличаются искуствомъ приручать дикихъ звѣрей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ большею частію португальцы приручаютъ куницу, какъ кошку, такъ что она ловитъ крысъ и змѣй. Въ отношеніи другъ къ другу португальцы необыкновенно предупредительны и вѣжливы и доводятъ то и другое до какой-то торжественной деликатности и церемонности. Эту черту характера вы встрѣчаете здѣсь между всѣми крестьянами, даже между нищими, которые попадаются по дорогамъ. Любопытно наблюдать послѣднихъ, когда они закусываютъ, расположившись подъ вѣтвями какого-нибудь густаго дерева. Вотъ они важно раскладываютъ на землю свой сухой *броа*, *сардинки* и ставятъ глиняную чашечку съ *устрицами*—все это главная пища здѣшнихъ бѣдняковъ. Португальцы отличаются такой утонченной, изысканной вѣжливостью, что даже эти несчастные, оборванные нищіе обращаются другъ съ другомъ, какъ принцы крови. «Синьора донна-Анна, сдѣлайте одолженіе, садитесь на мое мѣсто, — оно будетъ вамъ удобнѣе», говоритъ нищій, пересаживаясь для подслѣповатой желтой ста-

рухи на менѣе удобный клочекъ земли. «Тысячу разъ благодарю за ваше вниманіе, донъ Жеронимо»... отвѣчаютъ ему съ тою же утонченною вѣжливостью. По имени, съ прибавленіемъ синьоръ или синьора, называютъ другъ друга только хорошіе знакомые. Обыкновенно же они зовутъ другъ друга очень сложными именами: по имени жены, по своему собственному и по фамиліи, напримѣръ, Донъ-Жеронимо-Жозе-д'Азвето. Когда между простымъ людомъ выходитъ какая-нибудь ссора, вы узнаете это только по страстному выраженію лица, по нервнымъ, частымъ жестамъ, но никогда не услышите ни одного браннаго слова, никогда не увидите драки. Если ссора окончательно раздражила португальца, онъ съ блестящими огненными глазами вскакиваетъ съ своего мѣста и хватается за ножъ. Хотя въ Португаліи много растетъ винограда и много выдѣлываютъ вина, однако вы никогда не встрѣтите пьяныхъ на улицѣ. Даже нищіе, послѣ закуски, потягиваютъ изъ глиняныхъ кувшиновъ замороженную воду, а не вино.

Португальцы такъ боятся употребить въ своемъ разговорѣ какое нибудь рѣзкое выраженіе, неприличное названіе, что вовсе не рѣшаются произносить многіе слова. Напримѣръ они считаютъ верхомъ неприличія назвать свинью своимъ именемъ; они могутъ только намекнуть на нее, а такъ какъ португальцы очень любятъ свинину и, по необходимости, должны нерѣдко произносить это слово, то выражаются обыкновенно такъ: «съ вашего позволенія—животное, въ которомъ много сала», или употребляютъ, уменьшительное «поросеночекъ». Этотъ обычай не называть свинью своимъ именемъ переходитъ даже и въ научныя сочиненія: «я смѣялся отъ души, говоритъ одинъ извѣстный путешественникъ, «читая португальскій переводъ французскаго ученаго труда объ одной пещерѣ, въ которой были найдены ископаемыя кости, и въ томъ числѣ множество свиныхъ костей. Португальскій переводчикъ ловко избѣгалъ всякаго прямого упоминанія объ этомъ животномъ, а тамъ, гдѣ по самому смыслу ученаго сочиненія необходимо было употребить слово свинья, онъ прибѣгалъ къ какой-нибудь фразѣ, въ родѣ слѣдующей: «домашнее млекопитающее, которое мы до сихъ поръ употребляемъ въ пищу». Деликатность и даже щепетильность манеръ и выраженій португальцевъ заслуживаетъ особеннаго вниманія уже и потому, что они большіе охотники поболтать. Краснорѣчіе—въ крови португальца, и эта маленькая страна дала нѣсколько замѣчательныхъ ораторовъ, а одинъ изъ ея поэтовъ, Камоэнсъ, стоитъ на ряду съ самыми знаменитыми. За то Португалія совсѣмъ не имѣла великихъ артистовъ: изъ ея граждан не было ни одного знаменитаго скульптора, живописца или музыканта. Сказать португальцу, что онъ плохо воспитанъ, значитъ нанести ему величайшее оскорбленіе; и дѣйствительно, въ этомъ нельзя упрекнуть ни высшій, ни низшій классъ, только еще въ среднемъ классѣ попадаются грубые, неотесанные люди.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Португаліи, недалеко отъ дорогъ, встрѣчаются группы крестовъ, расположенныхъ продолговатымъ четырехугольникомъ. Эти кресты указываютъ на какое нибудь чудо, совершенное мѣстнымъ святымъ. Время отъ времени благочестивые люди собираются сюда изъ окрестностей, преклоняютъ колѣна предъ каждымъ крестомъ, произнося извѣстное число разъ молитвы. При этомъ очень часто можно наблюдать оригинальную сцену, какъ тотъ или другой ревностный католикъ, буквально какъ дервишъ, ползаетъ на колѣняхъ вокругъ каждаго креста, но разъ онъ всталъ съ колѣнъ и началъ разговаривать съ товарищемъ, молитвенное настроеніе быстро улетучивается, онъ начинаетъ смѣяться и весело болтать. Но, не смотря на быстрый переходъ изъ молитвеннаго настроенія въ суетный, португальцы народъ весьма религіозный. До сихъ поръ у нихъ существуютъ «ромаріи», т. е. богомолья къ святымъ мѣстамъ. Каждый порядочный человѣкъ считаетъ своимъ долгомъ нѣсколько разъ въ жизни, въ важныхъ житейскихъ обстоятельствахъ, предпринять

путешествіе для поклоненія той или другой чудотворной иконѣ. Такія путешествія въ два конца требуютъ, смотря по силамъ, отъ двухъ до четырехъ дней. Въ день, посвященный памяти той или другой чудотворной иконѣ, можно иногда видѣть толпу богомольцевъ, доходящую иногда до тридцати тысячъ человѣкъ и болѣе. Спятъ, отдыхаютъ и ѣдятъ эти пилигримы, между которыми можно найти людей всѣхъ классовъ, на открытомъ воздухѣ, подложивъ подъ голову свой небольшой страннический багажъ. На скатахъ одинокихъ холмовъ нерѣдко можно видѣть въ этой странѣ двадцать-тридцать печей, расположенныхъ рядомъ. Въ этихъ то печахъ пилигримы и готовятъ во время своего путешествія свой незатѣйливый обѣдъ. Между богомольцами находятся обыкновенно не только люди, которые берутся готовить кушанья для себя и для другихъ странниковъ—своихъ сотоварищей по богомолью, но и проповѣдники. Послѣдніе проповѣдуютъ и совершаютъ разные религіозные обряды среди многочисленной толпы богомольцевъ.

Какъ и всякій необразованный человѣкъ, португалецъ очень суевѣренъ. Прежде всего каждый изъ нихъ вѣритъ въ оборотней и убѣжденъ, что каждый смертный можетъ обратиться въ волка и дѣлается, какъ онъ, въ это время дикимъ и кровожаднымъ. Другое, наиболѣе распространенное, повѣрье заключается въ томъ, что если дитя умретъ до перваго причастія, безъ міропомазанія, то вѣдьмы своими когтями вырываютъ его ночью изъ могилы, уносятъ трупъ въ горы и съѣдаютъ его тамъ. Если по дорогѣ имъ попадется пастухъ, спящій среди своего стада, то вѣдьмы протащатъ за волосы черезъ него мертвое дитя, или черезъ какую нибудь овцу; какъ бы то ни было, но всякое живое существо, съ которымъ это случится, умретъ отъ этого подъ утро.

Трудно представить себѣ, съ какою дѣтскою довѣрчивостью выслушиваетъ этотъ народъ розсказни о скрытыхъ кладахъ. На отыскиваніе этихъ воображаемыхъ кладовъ здѣсь тратятъ очень много времени. Вѣра въ существованіе кладовъ поддерживается отчасти тѣмъ предположеніемъ, что въ прежнія времена, когда жизнь и имущество людей подвергались постоянной опасности, многимъ приходилось зарывать свое имущество въ землю, и тутъ дѣйствительно было нѣсколько случаевъ, когда найдены были большія сокровища. Въ городѣ Опорто образовался даже клубъ съ спеціальною цѣлью отыскать алмазъ баснословной величины, зарытый по какому-то поводу или въ самомъ городѣ, или въ его окрестностяхъ. Нѣтъ нигдѣ и никакихъ серьезныхъ указаній относительно этого алмаза, между тѣмъ по этому поводу существуетъ множество легендъ и даже образовалось общество съ цѣлью отыскать его.

Только люди, трудъ которыхъ тѣсно связанъ съ сельскимъ хозяйствомъ и земледѣліемъ, живутъ въ деревняхъ; среднее и высшее сословіе, всѣ безъ исключенія, стремятся въ городъ. Португалецъ на столько любитъ общество, что онъ не находитъ никакого удовольствія жить безъ него въ сосѣдствѣ съ лѣсами, горами, среди дикой или поэтической природы. Въ этомъ отношеніи—это совершенная противоположность англичанину, который страстно любитъ природу и стремится постоянно жить въ деревнѣ. Португалецъ любитъ верховую ѣзду, рыбную ловлю, охоту,—но неспособенъ наслаждаться долго этимъ и никогда не промѣняетъ всѣхъ деревенскихъ удовольствій на шумную городскую жизнь. У кого существуетъ помѣстье, живутъ въ немъ одинъ-два мѣсяца, и къ концу втораго мѣсяца уже каждый кричитъ, что ему надоѣла деревня, каждый рвется въ городъ. Большая часть португальцевъ, стремящихся въ городъ, можетъ осуществить эту завѣтную мечту, такъ какъ въ португальскихъ городахъ живутъ съ такой простотой, какая немыслима ни гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Португалецъ совсѣмъ не страдаетъ слабостью похвастать своей обстановкой. Войдите въ городской домъ даже человѣка весьма достаточнаго, и васъ поразитъ необыкновенная простота обстановки.

Прежде всего вы видите обыкновенно большой домъ, позади котораго находится клочекъ земли, засаженный капустой. Внутри дома стѣны выбѣлены, но на нихъ нѣтъ ни картинъ, ни зеркалъ; полъ, всегда голый, безъ всякихъ ковровъ. Въ извѣстномъ порядкѣ разставлены деревянные стулья, два—три карточныхъ столика и самый простенькій диванъ. Ни въ гостинной, ни въ спальнѣ нѣтъ ни камина, ни даже простой печки; окна безъ занавѣсокъ, столы безъ скатертей; здѣсь вы не найдете ни стола съ книгами, журналами и альбомами, ни даже дамскаго рабочаго столика; нигдѣ не замѣтите букета съ цвѣтами, бронзы, изящныхъ бездѣлушекъ, въ которыхъ высказывается вкусъ хозяина, и безъ чего немыслимо ни одно англійское или французское семейство самаго скромнаго достатка. Полное отсутствіе украшеній и комфорта—вотъ характерная черта жилища португальскаго средняго класса.

По тому, какъ португалецъ стремится изъ деревни въ городъ, можно объ немъ составить понятіе какъ о человѣкѣ общественномъ, который тихой, уединенной жизни предпочитаетъ бурные споры о политикѣ, или, по крайней мѣрѣ, шумную городскую жизнь съ ея выѣздами, балами и пирами. Но такое представленіе совершенно ошибочно. Португальцы обоего пола, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, ведутъ жизнь въ высшей степени скромную и чисто семейную. Женщины менѣе живы и подвижны и несравненно менѣе испанокъ интересуются общественною жизнью. Онѣ шьютъ, болтаютъ, хозяйничаютъ, но болѣе всего сидятъ въ своей комнатѣ и смотрятъ изъ окошка на улицу. Если лузитанская красавица и выходитъ изъ дому, то обыкновенно для того, чтобы пойти въ церковь. Менѣе испанки страстная и увлекающаяся, она и несравненно болѣе ея сдержанна, менѣе ея любитъ привлекать на себя вниманіе мущинъ. Когда она гуляетъ по улицѣ, то она еле оборачивается и смотритъ по сторонамъ съ выраженіемъ полнаго равнодушія ко всему окружающему. Мужчины болѣе оживлены, но они не ведутъ горячихъ политическихъ споровъ, какъ испанцы, а расхаживаютъ около магазиновъ, курятъ безчисленное множество папиросъ и покойно наслаждаются «siesta» въ жаркую пору дня. Хотя среднее сословіе въ Португаліи особенно многочисленно и живетъ безъ особенной нужды, но оно ведетъ жизнь чрезвычайно однообразную. Въ провинціальныхъ городахъ нѣтъ никакихъ новостей, читаютъ чрезвычайно мало, и если вы увидите двухъ людей, занятыхъ оживленнымъ и, повидимому, серьезнымъ разговоромъ, то навѣрно услышите, какъ одинъ изъ собесѣдниковъ споритъ о томъ, что нужно понизить цѣну на табакъ, а другой опровергаетъ его; очень юные изъ нихъ пересчитываютъ красивыхъ женщинъ, какихъ они встрѣтили въ этотъ день, и говорятъ о любви. Какъ мущины не читаютъ ни книгъ, ни журналовъ, ни газетъ, такъ и женщина средняго сословія не слѣдитъ за колебаніями моды. Даже музыкою онѣ здѣсь занимаются очень рѣдко и всѣ свои радости и печали сосредоточиваютъ въ соборахъ. Мужчины точно также не обращаютъ никакого вниманія на моду, и только самые молодые изъ нихъ питаютъ пристрастіе къ узкимъ сапогамъ; когда они прогуливаются по улицамъ, можно легко замѣтить, какое это имъ доставляетъ мученіе. Впрочемъ для юношей еще есть занятіе, которое каждаго изъ нихъ всецѣло поглощаетъ въ извѣстное время,—это ухаживанье за молодыми дѣвушками; но оно выражается здѣсь въ такой невинной, дѣтской формѣ, что самая чопорная англійская леди ничего бы не могла имѣть противъ этого. Когда молодому человѣку понравилось въ окошкѣ личико дѣвушки, онъ начинаетъ все чаще передъ нимъ останавливаться. Это длится иногда очень долго. Молодая дѣвушка послѣ долгаго и постояннаго ухаживанья, начинаетъ привѣтствовать юношу легкимъ наклоненіемъ головы и только уже послѣ этого улыбкой. Только въ рѣдкихъ случаяхъ и послѣ очень продолжительнаго ухаживанья, юноша осмѣливается прошептать ей нѣсколько комплиментовъ. Послѣ этого онъ узнаетъ, какую церковь она посѣ-

щаетъ, и становится передъ Мадонной рядомъ съ ней на колѣни. Въ португальскихъ повѣстяхъ, романахъ и стихахъ воспѣты эти терпѣливыя ухаживанья молодежи. Въ прежнее время онѣ не останавливались и предъ монастырскими дверями. Вотъ сюжетъ, который чаще другихъ на разные лады варьируется въ устныхъ разсказахъ и въ печати: еще за нѣсколько лѣтъ до уничтоженія монастырей въ Португаліи, одна молодая дѣвушка сдѣлалась невѣстою, но бракъ по какой-то причинѣ разстроился, и дѣвушку помѣстили въ Бенедиктинскій монастырь, въ Опорто. Вскорѣ послѣ этого были уничтожены всѣ монастыри и монахи распущены; только монахинямъ было дозволено доживать въ нихъ свой вѣкъ; благодаря этому въ монастырѣ осталась и молодая дѣвушка. Скоро было замѣчено, что прежній женихъ въ извѣстные часы каждый день сталъ аккуратно являться подъ рѣшетчатымъ окномъ кельи своей возлюбленной. Въ туже минуту къ окну подходила и его невѣста. Это ухаживанье продолжалось 34 года, такъ что наконецъ подъ окномъ кельи стоялъ уже сгорбленный старикъ, но все еще съ восторгомъ смотрѣлъ вверхъ на свою сѣдовласую возлюбленную. Свиданія кончились смертью одного изъ влюбленныхъ.

Эта первобытная жизнь съ ея узкими интересами и однообразной домашней обстановкой встрѣчается только въ городахъ Португаліи,—высшая аристократія въ столицѣ страны, Лиссабонѣ, живетъ иначе, съ такимъ же блескомъ, какъ и вездѣ.

Ухаживаніе въ простомъ народѣ, хотя не связано съ такими препятствіями, какъ въ среднихъ классахъ, но отличается такою-же церемонностью. Такъ напримѣръ, если лузитанскій крестьянинъ встрѣчаетъ дѣвушку, которая ему нравится, онъ почтительно снимаетъ передъ нею шляпу и стоитъ молча, опираясь на свою длинную палку, въ нѣкоторомъ отдаленіи, между тѣмъ какъ дѣвушка, съ своей стороны, тоже останавливается, снимая съ головы корзину и опуская глаза въ землю. Постоятъ такъ молодые люди другъ противъ друга минуту-другую, улыбнутся и, не сказавъ ни одного слова привѣтствія, быстро удаляются въ разныя стороны. Долгое время дѣло ограничивается обмѣномъ подобныхъ любезностей и уже послѣ этого молодой человѣкъ дѣлаетъ предложеніе.

Въ низшихъ классахъ бракъ совершается въ приходскихъ церквахъ, а въ высшихъ—въ домашней капеллѣ. Лишь только кончится вѣнчанье, какъ присутствующіе осыпаютъ новобрачныхъ градомъ конфектъ, при этомъ нѣкоторыя изъ нихъ, къ особенному удовольствію публики, падаютъ на священника. Новобрачные живутъ въ домѣ родителей жениха, пока домъ не перейдетъ въ ихъ собственность, или до тѣхъ поръ, пока дѣти новой четы не принудятъ ихъ переселиться въ другое жилище.

Въ провинціальныхъ городахъ Португаліи вы нерѣдко встрѣчаете, среди европейскихъ экипажей, запряженныхъ маленькими португальскими лошадьми, и мѣстный, очень оригинальный экипажъ. Въ немъ большею частію ѣздятъ женщины: это ничто иное, какъ пестро покрашенныя, съ занавѣсями, носилки, длинныя палки которыхъ кладутъ на плечи двухъ муловъ и привязываютъ ихъ ремнями. Но такой экипажъ очень опасенъ: упадетъ или оступится одно изъ животныхъ и сидящая въ немъ дама должна вылетѣть. По вечерамъ здѣшнія богатыя дамы прогуливаются еще оригинальнѣе. Четыре галлегоса въ богатыхъ ливреяхъ и въ шляпахъ, разукрашенныхъ перьями, несутъ роскошно отдѣланное кресло, въ которомъ сидитъ дама. Впереди идетъ еще слуга и освѣщаетъ дорогу зажженнымъ факеломъ.

Португальцы, какъ и испанцы, страстные охотники до разныхъ процессій. Таково, напримѣръ, шествіе священника къ постели умирающаго. Когда больной ожидаетъ смерти, онъ посылаетъ за священникомъ. Тотъ отправляется къ умирающему съ необыкновенною торжественностью. Четыре человѣка несутъ надъ нимъ балдахинъ, мно-

жество другихъ служителей идутъ по бокамъ съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ; впереди идетъ мальчикъ, который звонитъ въ колокольчикъ, чтобы возвѣстить всѣхъ о приближеніи этой процессіи. Кто проходитъ мимо или даже сидитъ дома, долженъ выказать при этомъ глубочайшее почтеніе: всѣ тотчасъ бросаютъ всякую работу и торопятся выйти, если не совсѣмъ изъ дома, то хоть на балконъ, и преклоняютъ колѣна. Всадники слѣзаютъ съ лошадей и съ обнаженной головой тоже преклоняютъ колѣна, падаютъ ницъ и такъ остаются въ глубокомъ молчаніи, пока слышенъ звонъ колокольчика или видны свѣчи. Передъ домомъ умирающаго шествіе это раздѣляется. Священникъ съ нѣкоторыми служителями, сопровождаемый пѣніемъ, вступаетъ въ домъ, остальные остаются у двери и тоже громко поютъ, пока священникъ, покончивъ свое дѣло, не возвратится къ нимъ и тогда всѣ вмѣстѣ съ такою же торжественностью отправляются въ путь.

Бѣда, если иностранецъ-новичекъ, незнакомый съ португальскими нравами, встрѣтившись съ какою-нибудь процессіею, равнодушно пройдетъ мимо. Португальцы съ сжатыми кулаками бросаются къ нему, срываютъ шапку, одежду, а въ дурную минуту такъ и исколотятъ до полусмерти.

Португальскій языкъ отличается отъ близкаго ему испанскаго (кастильскаго) почти однимъ выговоромъ: вмѣсто свойственныхъ испанскому гортанныхъ звуковъ, онъ имѣетъ шипящіе. Напротивъ того, относительно грамматическаго строя и лексическаго богатства, оба языка весьма сходны. Разговорный португальскій языкъ, какъ и французскій, необыкновенно легокъ и изященъ, что въ то-же время согласно съ общительнымъ характеромъ португальцевъ. Въ португальскомъ языкѣ немало словъ арабскихъ, употребляемыхъ впрочемъ почти исключительно для обозначенія предметовъ, введенныхъ въ странѣ маврами; кромѣ того португальцы, такъ же какъ и испанцы, нерѣдко призываютъ Аллаха: Oxalà «Ojala!»— «да будетъ угодно Аллаху!»

Относительно народнаго образованія, Португалія отстала отъ другихъ странъ вслѣдствіе испанскаго господства и сильнаго вліянія фанатическаго духовенства, но въ послѣднее время она сдѣлала значительные успѣхи въ этомъ отношеніи. При народонаселеніи въ 4.188,400 человѣкъ, въ странѣ этой устроено до 2,770 школъ, гдѣ обучается 76,710 мальчиковъ и 25,546 дѣвочекъ. Однако въ нѣкоторыхъ округахъ дѣвочки почти совершенно не посѣщаютъ школы. Одна школа приходится на 1,511 жителей, 1 ученикъ на 40 жителей. Первоначальное образованіе въ Португаліи безплатно и обязательно, чего мы не находимъ еще во многихъ болѣе образованныхъ странахъ. Родители обязаны посылать въ школу своихъ дѣтей отъ 7 до 15 лѣтъ. Неисполняющіе этой обязанности, получаютъ сначала выговоръ отъ главы общины, и затѣмъ присуждаются къ штрафу отъ 75 коп. до 1 р. 50 к., если не докажутъ, что обучаютъ дѣтей своихъ дома, или что не могутъ посылать ихъ въ школу вслѣдствіе крайней бѣдности. Родители дѣтей, не умѣющихъ по достиженіи 15 лѣтъ ни читать, ни писать, лишаются политическихъ правъ, и такіе безграмотные юноши прежде всѣхъ берутся въ рекруты. На обученіе португальскаго юношества духовенство теперь не имѣетъ никакого вліянія; въ здѣшнихъ школахъ священники даже не учатъ религіи, а обученіе этого предмета лежитъ на обязанности школьныхъ наставниковъ. Наставники начальныхъ школъ получаютъ отъ 90,000 до 150,000 рейсовъ жалованья; незнающему португальской монеты можетъ показаться, что это жалованье должно быть очень велико, но если принять въ соображеніе, что рейсъ только $^3/_{20}$ копѣйки, то выйдетъ, что на наши деньги народный учитель получаетъ отъ 135 до 225 р. въ годъ, т. е. весьма жалкое вознагражденіе.

Природа Португаліи представляетъ сильныя противоположности. То мы находимъ

въ ней долины, удивительно плодородныя, до такой степени прекрасно обработанныя земли, что онѣ напоминаютъ роскошный садъ; то встрѣчаемъ громадныя, безплодныя нагорныя равнины да голыя скалы. Третья часть территоріи совершенно необработана и безплодна. Приморскія области пользуются самымъ счастливымъ климатомъ: близость океана смягчаетъ лѣтній жаръ; но часто и посреди самыхъ благословенныхъ областей находятся болота, вредныя для здоровья. Здѣшнюю зиму можно назвать скорѣе дождливымъ временемъ года, потому что только на самыхъ высокихъ горахъ, именно на Сіеррѣ Эстрельѣ, снѣгъ лежитъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; на равнинахъ же и въ особенности въ южной части королевства снѣгъ составляетъ почти неслыханное явленіе. Потому въ Португаліи въ очень немногихъ домахъ можно найти печь или каминъ. Вообще во всѣ времена года страна эта представляетъ самые рѣзкіе контрасты: тутъ вы всегда можете найти и снѣгъ на вершинахъ Сіерры Эстрельи, и тропическую растительность на южныхъ берегахъ.

Португальское простонародье питается хуже и употребляетъ менѣе питательную пищу сравнительно съ рабочимъ людомъ, другихъ европейскихъ странъ. Пища португальца исключительно растительная, онъ употребляетъ въ четыре раза менѣе говядины и сыра, чѣмъ французъ, и замѣняетъ недостающее количество маисомъ, рожью, овощами и плодами. Въ винѣ нѣтъ недостатка, но молоко очень мало употребляется въ пищу. Важнымъ подспорьемъ въ пищѣ для португальца служитъ рыба. Народонаселеніе возрастаетъ очень медленно. Половина сельскихъ жителей обработываетъ собственную землю, такъ какъ она раздѣлена на очень мелкіе участки, поэтому крестьянъ-землевладѣльцевъ много, особенно въ провинціи Миньо. Однако въ другихъ провинціяхъ, какъ напр. въ большей части Бейры и Алентеіо, земля принадлежитъ крупнымъ землевладѣльцамъ, у которыхъ крестьяне и арендуютъ ее; но аренда здѣсь самая ничтожная. Точно также подати и налоги, которые обязаны выплачивать португальцы,—не велики: на каждаго изъ нихъ приходится среднимъ числомъ 6 р. 50 к. всевозможныхъ налоговъ, тогда какъ французъ платитъ вдвое болѣе. Однако во многихъ мѣстностяхъ страны мы встрѣчаемъ нищихъ; это происходитъ отчасти потому, что почти третья часть территоріи совершенно безплодна, отчасти отъ болѣзней на виноградники, которые составляютъ самое главное богатство страны, вслѣдствіе жалкаго развитія промышленной и фабричной дѣятельности, и наконецъ по причинѣ частыхъ наводненій, которыя губятъ урожаи земледѣльца и дѣлаютъ многія мѣстности нездоровыми для жизни.

Путешествіе по провинціи Миньо.—Природа этой мѣстности.—Гостинницы.—Пища.—Городъ Опорто.—Портвейнъ и разведеніе муловъ.—Увеселенія народа: танцы и пѣніе.—Состязаніе въ поэзіи.—Обиліе плодовъ.

Провинція Миньо считается самою прекрасною мѣстностью во всей Португаліи. Холмистые луга покрыты роскошною зеленью, тамъ и сямъ тянутся богатѣйшія поля риса, маиса, пшеницы, кукурузы, тыквы. Вы видите толстоствольные каштаны, апельсинныя и финиковыя деревья, виноградныя лозы... однимъ словомъ тутъ повсюду встрѣчаешь и чудную растительность Альпъ, и свѣжую зелень самыхъ богатыхъ южныхъ долинъ. Лѣса небольшіе, и потому здѣсь не водится особенно много животныхъ. Чаще другихъ попадаются волки, и по дорогѣ нерѣдко встрѣчаешь ватагу португальцевъ, которые веселою и шумною толпою выходятъ на охоту за этими животными. На охоту

В. Васнецовъ

они вооружаются ружьями и винтовками, и всѣ, кто только можетъ, принимаетъ въ ней самое живое участіе, такъ какъ эти животныя сильно тревожатъ ихъ стада. Къ этому ихъ возбуждаетъ также награда: за шкуру убитаго волка правительство выдаетъ до семи рублей на наши деньги.

Проѣзжая, часто приходится спугнуть дикую козу: вотъ она заслышала шумъ, соскочила съ холмика и въ одну минуту скрылась въ кустарникѣ. Но чаще всего встрѣчаются, какъ здѣсь на сѣверѣ, такъ и почти по всей Португаліи, ящерицы, которыхъ вы найдете и на горахъ, и въ поляхъ, очень часто даже и въ самыхъ домахъ. Португальцы съ безконечнымъ ужасомъ и отвращеніемъ смотрятъ на нихъ, такъ какъ по своему суевѣрію они приписываютъ этимъ пресмыкающимся всевозможныя дурныя свойства: они не могутъ понять и оцѣнить ту пользу, которую приносятъ ящерицы, истребляя во множествѣ вредныхъ насѣкомыхъ.

Веселые домики, что попадаются вамъ на пути, искусно выложены снаружи узорчатыми фаянсовыми пластинками; къ тому же по стѣнамъ очень многихъ изъ нихъ граціозно вьется разная зелень: геліотропъ и множество роскошныхъ розовыхъ цвѣтовъ. Цвѣты свѣшиваются также съ балконовъ, которыхъ впрочемъ въ Португаліи гораздо меньше, чѣмъ въ Испаніи. Путешествовать во многихъ мѣстахъ сѣверной Португаліи не безопасно и еще совсѣмъ недалеко то время, когда тутъ составлялись цѣлыя общества для защиты путешественниковъ. Мало-мальски порядочныя гостинницы путешественникъ найдетъ только въ самыхъ большихъ городахъ; въ большинствѣ же случаевъ ему придется останавливаться и ночевать въ первобытныхъ помѣщеніяхъ, полныхъ неслыханной грязи. Гостинницы эти обыкновенно въ два этажа и нижній изъ нихъ весь занятъ мулами и заваленъ винными бочками. По скверной, узкой и ветхой лѣстницѣ вы подымаетесь въ бель-этажъ, который вовсе не заслуживаетъ этого названія. Весь онъ состоитъ обыкновенно изъ одной большой комнаты, спальни и кухни. Путешественникъ, переступая порогъ этого жилья, тотчасъ производитъ страшный переполохъ въ патріархальномъ португальскомъ хозяйствѣ. Изъ комнаты, которую собираются отвести ему, начинаютъ выгонять ватагу кричащихъ дѣтей, куръ, свиней. Путешественника наконецъ приглашаютъ войти: онъ осматривается—и черезъ огромныя щели пола видитъ мула, а, поднявъ глаза кверху, можетъ, черезъ дыры въ крышѣ, отлично любоваться прекраснымъ голубымъ небомъ. Трудно спать здѣсь тому, кто избалованъ роскошью парижскихъ и лондонскихъ отелей и привыкъ къ чистотѣ, опрятности и уютности швейцарскихъ и нѣмецкихъ гостинницъ. Запахъ мула тотчасъ даетъ себя чувствовать. Изъ дырокъ пола и стѣнъ то и дѣло съ визгомъ и пискомъ выбѣгаютъ мыши и крысы. Вмѣсто изящныхъ обоевъ стѣны испещрены пятнами отъ разныхъ комнатныхъ насѣкомыхъ, которыя цѣлыми полчищами разгуливаютъ взадъ и впередъ. Понятно, что тѣми же миріадами насѣкомыхъ усыпана и кровать. Если же, изнемогая отъ усталости, вы нѣсколько задремлете, васъ непремѣнно тотчасъ разбудитъ звонъ колокольчика. Португальцы не отвязываютъ своимъ муламъ колокольчика даже и на ночь, такъ какъ убѣждены, что ихъ звонъ отгоняетъ отъ дома нечистаго духа.

Путешественнику въ Португаліи приходится не только совсѣмъ забыть о всякомъ комфортѣ, но и имѣть весьма выносливый желудокъ, такъ какъ ему предлагаютъ пищу, непривычную для европейца: жаренные каштаны, кукурузу, маслины, особенно кушанья изъ бобовъ и рису, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ изъ говядины, да и то непремѣнно сильно приправленной чеснокомъ и перцомъ. Кромѣ того, онъ со смертельнымъ отвращеніемъ долженъ ѣсть «броа»—родъ маисоваго хлѣба, который здѣсь вездѣ употребляютъ. За то за скверный обѣдъ и помѣщеніе вы съ избыткомъ можете вознаградить себя необыкновенно вкусными и сочными плодами. Финики, апельсины, фиги,

каштаны, арбузы, дыни и прежде всего виноградъ,—все это вы можете здѣсь получить въ огромномъ количествѣ и за совершенный безцѣнокъ.

Чище, красивѣе и населеннѣе другихъ городовъ въ провинціи Миньо—городъ Порто или Опорто. Мѣстность кругомъ города дикая и гористая, окружена высокими утесами. Городъ лежитъ въ семи верстахъ отъ моря и величественно расположенъ на двухъ холмахъ, спускающихся крутыми скалами къ правому берегу рѣки Дуро; бѣлые, желтые и красные домики живописно расположены посреди деревьевъ; вдоль этой рѣки тянется множество виноградниковъ, изъ винограда которыхъ и приготовляется извѣстнѣйшій во всей Европѣ бѣлый и красный портвейнъ. По рѣкѣ Дуро жители Опорто катаются въ гондолахъ. Это длинныя, зеленыя крутыя лодки съ занавѣсками по бокамъ. Въ нихъ сидятъ обыкновенно около десяти или двѣнадцати человѣкъ.

Первое богатство страны—виноградники. Извѣстное вино—портвейнъ приготовляется изъ винограда, собираемаго на берегахъ рѣки Дуэро. Тутъ виноградники занимаютъ до 30,000 десятинъ; уходъ за ними весьма старательный и требуетъ много рукъ. Виноградъ расположенъ по террасамъ, искуственно построеннымъ. Когда грозды начнутъ вянуть, ихъ собираютъ, бросаютъ въ широкіе, плоскіе чаны и вытаптываютъ сокъ. Когда вино готово, его продаютъ виноторговцамъ города Опорто. Однако нужно замѣтить, что къ винамъ, назначеннымъ для вывоза за границу, обыкновенно прибавляютъ нѣсколько водки, когда они еще находятся въ магазинахъ, и то же самое дѣлаютъ передъ отправленіемъ за границу. Въ провинціи Миньо виноградныя лозы разводятъ обыкновенно такъ, какъ и въ Италіи, т. е. онѣ обвиваются вокругъ большихъ деревьевъ и ниспадаютъ съ нихъ фестонами. Это повсюду весьма украшаетъ пейзажъ.

Разведеніе муловъ также служитъ источникомъ значительныхъ доходовъ для сѣверныхъ провинцій. Португальцы занимаются также откармливаніемъ скота и вывозятъ ихъ въ пограничныя испанскія провинціи для дальнѣйшаго отправленія въ Англію. Многіе занимаются также здѣсь разведеніемъ скороспѣлыхъ плодовъ для продажи ихъ на рынкахъ Лондона и Ріо-Жанейро.

Португальская промышленность пріобрѣла значительное развитіе еще въ средніе вѣка, но затѣмъ она долго была въ совершенномъ упадкѣ; въ настоящее время присутствіе англичанъ опять подвинуло ее впередъ. Въ Опорто есть въ настоящее время много шелковыхъ и ткацкихъ фабрикъ и сахарныхъ заводовъ; ювелиры и перчаточники этого города пользуются нѣкоторою извѣстностію. Тѣмъ не менѣе промышленность страны, ея сельское хозяйство и торговля не могутъ прокормить всего населенія и не мало португальцевъ ежегодно эмигрируетъ въ чужіе края.

Если случится проѣзжать въ праздничный день по какой бы то ни было деревни провинціи Миньо, вы всегда встрѣчаете толпы народа: мущины играютъ въ шары, а юноши и дѣвушки танцуютъ, окруженные зрителями; звуки гитары, сливаясь съ веселыми голосами и смѣхомъ, производятъ пріятное впечатлѣніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ между прочимъ существуетъ крайне своеобразный танецъ. Какъ мужчины, такъ и женщины танцуютъ его въ одиночку, подъ тактъ медленной и монотонной флейты. Любопытно смотрѣть какъ флейтистъ, важно наигрывая на своемъ инструментѣ, въ то же время выдѣлываетъ ногами па, вмѣстѣ съ танцорами. Обыкновенно въ толпѣ зрителей бываетъ одна или двѣ гитары ,которыя аккомпанируютъ флейтѣ и образуютъ родъ оркестра. Этотъ монотонный танецъ продолжается цѣлыми часами.

Зачастую въ праздничные вечера крестьяне собираются слушать импровизированное пѣніе. Одинъ изъ парней вызываетъ на состязаніе съ собой желающаго. Это называется *ao desafio*, т. е. пѣть по вызову. Въ Италіи, какъ мы знаемъ, также существуетъ импровизированное пѣніе; но тамъ если импровизаторъ вдругъ не можетъ приду-

мать стиха, онъ можетъ зачастую вставить готовую рифму изъ запаса заученныхъ имъ пѣсенъ; но въ Португаліи импровизаторъ долженъ подобрать рифму къ стиху своего противника, и потому здѣсь прежде всего требуется живость фантазіи. Обыкновенно импровизаторъ начинаетъ съ того, что старается задѣть въ стихахъ своего противника, тотъ долженъ отвѣтить ему на это подходящей рифмой. Если противникъ долго медлитъ отвѣтомъ, состязаніе считается неудачнымъ и вызываютъ другаго противника. Импровизированные стихи на половину поютъ, на половину говорятъ речитативомъ медленно и протяжно. Такое чередующееся пѣніе съ утра до вечера раздается на поляхъ и склонахъ холмовъ въ провинціи Миньо. Пастухъ, стерегущій свои стада на холмѣ, устраиваетъ серенаду съ своимъ пріятелемъ, который находится на другой сторонѣ долины, иногда на далекомъ отъ него разстояніи. Дѣвушка, скашивая траву, никогда не разговаривая при встрѣчѣ съ своимъ возлюбленнымъ, переговаривается съ нимъ такими рифмованными стихами, хотя ихъ раздѣляетъ иногда цѣлыхъ два поля; такъ они поютъ и переговариваются между собою иногда по нѣскольку дней сряду, пока не выскажутъ всего, чего не могутъ высказать при личномъ свиданіи. Случается, что парень работаетъ одинъ и вблизи нѣтъ никого, кто-бы могъ отвѣтить на его вызовъ; тогда онъ самъ себѣ импровизируетъ отвѣтъ и поетъ его тономъ выше, изображая такимъ образомъ дѣвушку, которая должна была-бы ему отвѣтить на его привѣтъ. Это различіе тона соблюдается даже въ тѣхъ случаяхъ, когда пѣсня поется двумя мужчинами или двумя женщинами. Всего болѣе это чередующееся пѣніе можно слышать во время жатвы или винограднаго сбора. Издали слушать его гораздо пріятнѣе, чѣмъ вблизи, такъ какъ стихи эти поютъ обыкновенно протяжно и въ носъ, что въ близкомъ разстояніи не особенно пріятно для слуха.

Этого рода пѣніе распространено въ провинціи Миньо — самой населенной, плодородной и прекрасной мѣстности во всей странѣ. Въ горномъ округѣ Бейра это пѣніе носитъ уже совсѣмъ другой характеръ, а въ бѣдныхъ южныхъ провинціяхъ только въ исключительныхъ случаяхъ можно услышать эти оригинальныя пѣсни.

Лиссабонъ и его окрестности.—Видъ города и его восхитительное мѣстоположеніе.—Землетрясеніе 1755 года.—Ужасъ, внушенный этою катастрофою всей Европѣ.

Окрестности Лиссабона, какъ и вся страна, холмисты, живописны и необыкновенно привлекательны. Повсюду виднѣются пробковыя рощи, величественные дубы, финиковыя пальмы, каштаны, миндальныя деревья, виноградники. Поля риса чаще всего привлекаютъ взоръ путешественника. И бѣдный, и богатый португалецъ каждый день, чуть не съ каждымъ кушаньемъ, употребляетъ рисъ. Дома, что попадаются по дорогѣ, чрезвычайно живописны, хотя здѣсь, какъ и вездѣ въ Португаліи, нѣтъ андалузскихъ *patio* (внутреннихъ двориковъ), но почти всѣ дома непремѣнно обнесены высокой стѣной, изъ за которой виднѣется жилой домъ, обсаженный апельсинными, масличными деревьями и виноградниками. Тутъ же по близости обыкновенно находится и огородъ, окруженный живою изгородью. Но очень часто тамъ и сямъ встрѣчаются сухія холмистыя пустыни. На нихъ уже нѣтъ жилищъ, но и онѣ не лишены своей оригинальной прелести: почти круглый годъ, исключая двухъ, трехъ мѣсяцевъ, пустыни эти покрыты верескомъ, миртами и множествомъ другихъ цвѣтущихъ растеній и кустарниковъ.

Деревень въ Португаліи совсѣмъ мало и мѣстности, отдаленныя отъ городовъ,

вообще мало населены, такъ какъ португальцы больше любятъ жить въ городахъ. Тамъ и сямъ, на пустынныхъ, дикихъ склонахъ горъ, лежащихъ недалеко отъ Лиссабона, множество покинутыхъ монастырей и остатки мавританскихъ городовъ, иногда очень живописно украшаютъ дикіе утесы. Еще недавно Португалія была покрыта сотнями монастырей, но вотъ уже лѣтъ 40, какъ многіе изъ нихъ уничтожены; новыхъ не строятъ, а старые стоятъ пустыми и разрушаются. При видѣ нѣкоторыхъ келій, вы не можете понять, какъ могли въ нихъ жить люди: это ничто иное какъ ямы, высѣченныя въ скалѣ, стѣны которыхъ, въ защиту отъ страшной сырости, выложены пробкою.

У Сальватерры рѣка Таго начинаетъ расширяться и превращается потомъ въ широкій бассейнъ, похожій на озеро, въ $2^1/_2$ мили длины и до $1^1/_2$ миль ширины, куда уже проникаетъ морская соленая вода. Потомъ рѣка опять съуживается до $^3/_4$ мили ширины. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается широкій бассейнъ, подобно тому, какъ Константинополь лежитъ при Мраморномъ морѣ и Босфорѣ, расположенъ на правомъ берегу рѣки Лиссабонъ. Очень немного городовъ на свѣтѣ имѣютъ такое восхитительное мѣстоположеніе: на берегу величественной рѣки, онъ возвышается амфитеатромъ на нѣсколькихъ холмахъ. За городомъ виднѣются дикія зубчатыя горы Синтра, а напротивъ города красуется лѣвый берегъ Таго, у котораго стоятъ большія суда, а за ними виднѣются дома и сады. Необыкновенно прелестный видъ города больше всего зависитъ отъ холмистой почвы. Португалецъ съ гордостью говоритъ о своей столицѣ: «Кто не видалъ Лиссабона, тотъ не видалъ ничего хорошаго».—Въ восточной сторонѣ города лежитъ старый Лиссабонъ, мало пострадавшій отъ землетрясенія на юго-восточномъ склон Монте-Капелло, самой высокой горы въ городѣ, на которой стоитъ замокъ Кастелло-даль-Мадросъ. Въ этомъ старомъ городѣ улицы неправильны, узки и кривы, дома старомодные, съ готическими украшеніями. Самая лучшая часть города въ 1755 году наиболѣе пострадала отъ землетрясенія: теперь она застроена домами самыми красивыми и совершенно въ европейскомъ вкусѣ. Тутъ же находится и прекрасная площадь, называемая Торговою. Недалеко отъ нея возвышается большой дворецъ бывшей инквизиціи, но не очень давно онъ почти совсѣмъ выгорѣлъ внутри. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда—мѣсто для публичнаго гулянья, обсаженное густыми рядами тѣнистыхъ деревьевъ; тутъ же подлѣ и мѣсто для торговли волами.

Лиссабонскій климатъ превосходенъ, даже въ январѣ очень тепло; только лѣтомъ слишкомъ жарко; жаръ въ 30 градусовъ здѣсь считается очень обыкновеннымъ. Здѣсь очень вкусная вода для питья и ее берутъ изъ замѣчательнаго каменнаго *Алькантарскаго водопровода*. Этотъ водопроводъ имѣетъ четыре мили длины и 30 саженъ высоты. Вода въ немъ собирается изъ нѣсколькихъ источниковъ; нѣкоторые изъ нихъ находятся на разстояніи 4-хъ часовой ѣзды отъ Лиссабона. Надъ водопроводомъ устроено до 127 арокъ изъ тесаннаго мрамора. По своему искусному устройству онъ представляетъ одну изъ достопримѣчательностей не только Лиссабона, но и всей Европы; онъ такъ прочно устроенъ, что выдержалъ даже землетрясеніе 1755 году. Галлегосы собираются сюда съ своими глиняными кувшинами, наполняютъ ихъ водою, и расходятся торговать ею по городу.

Еще 40 лѣтъ тому назадъ Лиссабонъ представлялъ совсѣмъ другое зрѣлище; на улицу выбрасывали и вываливали рѣшительно всякую нечистоту, бросали даже издохшихъ собакъ, кошекъ, мышей; очень часто съ ногъ до головы окачивали всякою нечистотою. Кромѣ того здѣсь безпрестанно бывали грабежи и разбои. Грабежи теперь случаются рѣдко и, за исключеніемъ трехъ, четырехъ дѣйствительно очень грязныхъ улицъ, всѣ остальныя весьма чисты и обстраиваются на европейскій ладъ.

Самая характерная особенность южной Португаліи та, что она подвержена час-

тымъ землетрясеніямъ. Землетрясеніе сопровождается обыкновенно подземнымъ гуломъ, который слышится или передъ самымъ его началомъ, или одновременно съ нимъ, или тотчасъ послѣ него и бываетъ весьма разнообразенъ. Иногда онъ гудитъ, какъ бурный вѣтеръ, иногда походитъ на звукъ брошенныхъ другъ на друга желѣзныхъ цѣпей, или напоминаетъ грохотъ множества тяжело нагруженныхъ экипажей, быстро ѣдущихъ по мостовой, иногда переливается, какъ громъ безчисленныхъ барабановъ, иногда раздается страшный трескъ.

Страшное лиссабонское землетрясеніе 1755 года, которое разрушило весь Лиссабонъ, было въ то же время чувствительно въ Африкѣ, въ Ирландіи и въ Америкѣ. Ужасное впечатлѣніе производитъ это явленіе не только на людей, но и на животныхъ. Крысы, мыши, кроты, змѣи,—однимъ словомъ все, что живетъ и копошится на землѣ и подъ землею, въ ту же минуту выползаетъ изъ своихъ норъ. Лошади трясутся, стада рогатаго скота толпятся въ кучу, птицы мечутся, кричатъ на разные голоса, крутятся въ воздухѣ, падаютъ. Лиссабонское землетрясеніе 1755 года случилось утромъ въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ. Солнце во всемъ блескѣ поднялось на безоблачномъ небѣ и, казалось, обѣщало чудный день. Все народонаселеніе, въ праздничныхъ нарядахъ, спѣшило въ разныя церкви; вдругъ содрогнулась земля и дрожала не болѣе шести, семи минутъ. Затѣмъ все смолкло, но черезъ пять минутъ повторился еще болѣе сильный ударъ, который длился еще меньше. Черезъ четверть часа этотъ огромный городъ лежалъ весь въ развалинахъ. Уже съ первымъ ударомъ народъ въ какомъ-то ужасѣ и отчаяніи пустился бѣжать, но на дорогѣ онъ былъ раздавленъ падающими зданіями или поглощенъ вновь раскрывшимися трещинами и зіяющими пропастями. Оставшіеся въ живыхъ бѣгутъ къ водѣ, надѣясь спастись, переплывъ на другую сторону. Но вотъ рѣка выступаетъ изъ береговъ и поглощаетъ тѣхъ, кто за минуту вступилъ на ея сухой берегъ. Не лучше и тѣмъ, кто бросился въ корабли: ихъ, какъ щепки, разбиваетъ въ дребезги страшная буря, и они въ ту же минуту исчезаютъ въ водоворотѣ.

Къ довершенію этого ужаса, въ то время, когда рушились храмы и дворцы, жилища и фабрики, въ разныхъ мѣстахъ вспыхнулъ пожаръ, который свирѣпствовалъ до шести дней. Что спаслось отъ землетрясенія, то погибло отъ необузданной ярости огня. Число людей, погибшихъ во время этой катастрофы въ одномъ только Лиссабонѣ, частью подъ развалинами, частью въ огнѣ и водѣ, полагаютъ до 40,000. Убытки оцѣнены въ 50 милліоновъ талеровъ (талеръ на наши деньги рубль),—громадная сумма, если взять во вниманіе, что это случилось только въ одномъ городѣ и въ такой небольшой странѣ, какъ Португалія.

ФРАНЦІЯ.

Бретань.—Характеристика сѣвера и юга этой страны.—Берега и ихъ отличительные признаки.—Ланды. — Дюны. — Какъ добываютъ топливо. — Сборъ водорослей и опасности, съ нимъ сопряженныя.—Финистеррскій департаментъ.—Береговое право и его безчеловѣчныя послѣдствія.—Департаментъ низовьевъ Луары.—Занятія жителей этой мѣстности.—Департаментъ Илли и Вилены.—Причины бѣдности бретонца.—Его обстановка и пища.—Характеръ народа.—Семейство и отношеніе между членами семьи.—Праздникъ «отпущенія».—Продажа женскихъ волосъ.—Женихъ и невѣста.—Свадьба.—Погребеніе и обряды, которыми оно здѣсь сопровождается.

Общій видъ Бретани *), сѣверо-западнаго полуострова Франціи, называвшагося въ древности Арморикой, хорошо обрисованъ въ стихѣ: «гранитная земля, покрытая дубами». Берега этого полуострова сильно изрѣзаны глубоковдающимися бухтами. Въ нихъ всюду видны суровыя, дикія скалы, съ глубокими ущеліями, рѣдкою растительностью, съ тощими пастбищами, на которыхъ мѣстами растетъ ивнякъ; долины въ зимнее время нерѣдко завалены снѣгомъ на полъ аршина. Населена Бретань народомъ такимъ же бѣднымъ и суровымъ, какъ и ея природа. Названіе страны и народа, а также его многіе патріархальные нравы, показываютъ, что онъ одного происхожденія съ древними обителями Англіи—бриттами. Еще недавно Бретань, во многихъ отношеніяхъ отличающаяся отъ остальной Франціи, мало была извѣстна даже самимъ французамъ. Въ этой странѣ гранита, друиды высѣкали нѣкогда свои памятники; и въ настоящее время, слѣдовательно по прошествіи 3-хъ тысячъ лѣтъ, ихъ можно видѣть еще и теперь. Мрачный и суровый видъ болѣе всего придаютъ странѣ ланды — огромныя безплодныя, песчаныя пространства, которыя занимаютъ около $^3/_4$ Бретани. На сѣверѣ пыльныя и пустынныя дороги, бурыя стада, разсѣянныя по ландамъ, цѣпи черныхъ, безлѣсныхъ холмовъ, съ волнующимся на нихъ верескомъ; небо сѣрое, то холодная сы-

*) Въ составъ древней Бретани входятъ пять департаментовъ: Нижней Луары, Илли и Вилены, Морбигана, Финистерра и Сѣверныхъ береговъ.

рость, то удушливый зной; пустыни, покрытыя терномъ и дрокомъ, и посреди всего этого мрачное и суровое населеніе. Напротивъ того на югѣ (по направленію къ городкамъ Кимперу и Кимперлэ) вы вступаете въ лабиринтъ огородовъ и зеленѣющихъ полей, весело журчащихъ ручейковъ, красивыхъ долинъ и холмовъ, жилищъ, утонувшихъ въ зелени густой листвы, веселыхъ городковъ, построенныхъ на берегу рѣкъ, однимъ словомъ предъ вашими глазами разстилаются прелестные ландшафты, нисколько не уступающіе швейцарскимъ. Но дѣло въ томъ, что эти картины не часто останавливаютъ здѣсь вашъ взоръ. Послѣ чуднаго ландшафта вы тотчасъ увидите печальную пустыню.

Всѣ обработанныя поля окружены земляными валами. Это дѣлается для того, чтобы предохранить хлѣба отъ порывовъ вѣтра. Тамъ, гдѣ можно сѣять хлѣбъ, онъ растетъ не дурно, но часто рядомъ съ колосистымъ хлѣбнымъ полемъ вы встрѣтите обширныя ланды, которымъ и конца не видно. Изъ страны самой плодоносной вы почти немедленно вступаете на обнаженную почву, гдѣ на каждомъ шагу выглядываютъ гранитные утесы. Другой характерной чертой Бретани являются *дюны*, которыя вы встрѣчаете въ очень многихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ. Эти береговыя дюны образовались изъ песку, который волны выбросили со дна моря, а вѣтры потомъ скопляли въ груды и холмы. Сильный вѣтеръ часто подымаетъ накопившійся на дюнахъ песокъ и относитъ его далеко во внутрь страны. Эти пески, уносимые вѣтромъ съ береговъ, часто причиняютъ страшный вредъ. Недалеко отъ устья Луары находилась на берегу моря деревня, которая въ половинѣ прошедшаго столѣтія погребена была подъ песками океана. Гонимый вѣтромъ песокъ достигалъ обработанныхъ полей и густо покрывалъ сплошною массою все посѣянное на нихъ. Тутъ есть не мало жилищъ, которыя покоятся подъ горами песку, какъ Геркуланумъ и Помпея подъ слоемъ лавы. Деревьевъ нѣтъ на этихъ дюнахъ, и на поверхности ихъ вѣтеръ часто поднимаетъ песчаныя волны. Недостатокъ деревьевъ заставляетъ бретонца отапливать свои жилища кизякомъ (навозомъ), который, прежде чѣмъ употреблять въ дѣло, втыкаютъ для просушки въ изгороди и жилища съ наружной стороны. Однако земля бретонцевъ непремѣнно требуетъ удобренія, но гдѣ же его взять, когда оно у нихъ идетъ на топливо! Вотъ они и удобряютъ свои поля известковымъ пескомъ, водорослями и морскими травами. Сборъ водорослей и морскихъ травъ составляетъ одно изъ главныхъ занятій жителей. Водоросли бываютъ здѣсь двухъ родовъ: одни изъ нихъ буря и приливъ вырываютъ со дна и выбрасываютъ на берегъ, — тогда они принадлежатъ всякому, кто успѣетъ ихъ подобрать; другія собираются весною на прибрежныхъ скалахъ, которыя обнажаются во время отливовъ. Сборомъ этихъ водорослей могутъ пользоваться только тѣ общины, земли которыхъ примыкаютъ къ этимъ скаламъ. Мэры такихъ общинъ назначаютъ время, когда начинать и оканчивать срѣзку водорослей, происходящую обыкновенно между большими приливами въ февралѣ и въ маѣ или іюнѣ. Тогда утесы строго раздѣляются между общинниками и каждый имѣетъ право срѣзать водоросли только съ своего утеса. Тамъ же, гдѣ нѣтъ этого порядка, морскими растеніями могутъ пользоваться всѣ, кто хочетъ; это приноситъ имъ страшный вредъ. Тогда всѣ съ жадностію бросаются къ этимъ утесамъ и какъ попало вырываютъ водяныя растенія съ корнемъ, вмѣсто того, чтобы ихъ срѣзать, а слѣдовательно пользоваться ими и въ будущемъ году. Вотъ какъ описываютъ срѣзку этихъ растеній: «Въ день, назначенный для срѣзки, прежде еще, чѣмъ море отойдетъ совершенно, и когда еще берегъ покрытъ водою на нѣсколько футовъ, толпа, горящая нетерпѣніемъ воспользоваться краткимъ отливомъ, пускается съ телѣгами въ путь къ мрачнымъ утесамъ, покрытымъ длинными, висячими водорослями, съ которыхъ течетъ морская вода, какъ съ распущенныхъ волосъ утопленника. Шумное шествіе, предводимое тѣми, которые долгимъ опытомъ пріобрѣли почетное право кормчихъ, уже рисуется

черной массою на свѣтлой влагѣ. Вскорѣ каждый принимается со всѣмъ жаромъ собирать драгоцѣнныя морскія растенія, назначенныя для оплодотворенія его полей. Ихъ тотчасъ же нагружаютъ на телѣги и отвозятъ на берегъ повыше того мѣста, котораго достигаетъ приливъ, поспѣшно сваливаютъ грузъ и скачутъ за новою добычею до тѣхъ поръ, пока первая волна не ударитъ на ребро рифа и не подастъ сигнала работникамъ къ отступленію. Тогда люди и животныя поспѣшно бѣгутъ, не оборачиваясь назадъ.

«Если скала съ водорослями доступна только для лодокъ, или если даже она слишкомъ удалена отъ берега и невозможно извлекать морскія травы съ помощію телѣгъ, то изъ водорослей устраиваютъ родъ плота, чтобы пригнать ихъ къ берегу тѣмъ же способомъ, какимъ сгоняютъ по теченію рѣкъ плоты съ лѣсомъ. Водоросли собираются въ большія, крѣпко связанныя кипы, и когда приближается море, то простые работники возвращаются прежнимъ порядкомъ, оставляя на волю Божію смѣлаго пловца, принимающаго на себя обязанность препроводить къ берегу пловучую массу, — честь, которой нерѣдко домогается влюбленный, въ надеждѣ подобнымъ подвигомъ тронуть сердце своей возлюбленной. Надобно видѣть, какъ эта странная флотилія подъѣзжаетъ къ берегу, несомая волнами прилива. Такъ какъ водоросли плывутъ, едва показываясь на поверхности моря, то вы видите только смѣлаго пловца, который то исчезаетъ, то появляется, какъ бы стоя на волнахъ и опираясь на длинный шестъ, въ позѣ римскаго тріумфатора. Грозная опасность придаетъ еще болѣе торжественности такому зрѣлищу и нерѣдко случается, что бурная волна уноситъ кормчаго вмѣстѣ съ грузомъ въ самую глубь моря».

Любопытнѣе другихъ западный берегъ Бретани, занимаемый Финистеррскимъ департаментомъ *). Нужно замѣтить, что Финистеррскій департаментъ представляетъ собою въ миніатюрѣ полную картину Бретани. Съ чудныхъ, плодородныхъ равнинъ вы можете наблюдать дикіе обнаженные утесы; чаще, чѣмъ гдѣ либо въ Бретани, вы встрѣчаете здѣсь огромные, каменные памятники древнихъ друидовъ: они стоятъ или отдѣльно, или группами изъ нѣсколькихъ камней, или просто лежатъ на землѣ; всѣ они поросли чертополохомъ. Нерѣдко встрѣчаются здѣсь и древнія кельтскія постройки, изъ большихъ, неровныхъ, необтесанныхъ камней, покрытыхъ, вмѣсто крыши, большими каменными плитами. При этомъ разнообразіи природы и древнихъ памятниковъ вы найдете здѣсь такое же разнообразіе народныхъ типовъ, обычаевъ и одеждъ. Мужчины въ синихъ блузахъ или въ синей матросской курткѣ; нѣкоторые носятъ широкіе панталоны, застегнутые у колѣнъ, и кожанныя штиблеты. Одежда бретонскихъ поселянокъ довольно схожа съ одеждою женщинъ-ремесленницъ въ городахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бретонки одѣваются въ юбку изъ полосатаго ситца, въ другихъ она коричневаго цвѣта съ золотою или серебряною каймою; на груди бѣлая рубашка, платочекъ, накрестъ завязанный назади, и передникъ, съ небольшимъ передкомъ или лификомъ, приколотымъ на груди; многія изъ нихъ носятъ на головѣ чепчикъ, обшитый кружевами.

На изрѣзанныхъ вдавшимися въ землю бухтами и заливами берегахъ этого департамента находится множество мысовъ. Во многихъ мѣстахъ выдаются изъ воды гранитныя скалы, окруженныя еще подводными скалами, объ которыя такъ часто разбиваются и еще чаще разбивались прежде корабли. Эти ужасныя мѣста нерѣдко оглашались въ мрачныя ночи криками отчаянія и раздирающими душу воплями погибающихъ.

*) Его округи слѣдующіе: Морлэ, Брестъ, Шатолинъ, Кемперъ и Кемперлэ.

Долгое время все населеніе этой прибрежной полосы существовало исключительно только тѣмъ, что выкидывало ему море послѣ кораблекрушенія. Какъ дикіе, хищные звѣри прибѣгали сюда жители и бросались хватать и вылавливать товары и разбитые остатки имущества несчастныхъ. Эти расхищенія производили жители нисколько не таясь, такъ какъ здѣсь долгое время существовало береговое право, по которому они могли совершенно свободно пользоваться всѣми выкинутыми моремъ обломками судовъ и товаровъ. Это ужасное право скоро повело къ страшнѣйшимъ злодѣяніемъ и грабительствамъ, которымъ занимались не только простолюдины, но и самые знатные люди, даже духовенство. Они гасили маяки, построенные на опасныхъ мѣстахъ, и зажигали огни тамъ, гдѣ не было опасности. Корабли, не видя огня у опасной скалы, шли увѣренно ей на встрѣчу, а тутъ уже множество народа съ топорами, молотками и ножами съ нетерпѣніемъ ожидало ихъ. Какъ хищные животные бросались они на корабль, не успѣвшій еще совсѣмъ погибнуть, прорубали его со всѣхъ сторонъ и расхищали все, что могли. Одинъ землевладѣлецъ на сѣверо-западѣ этого департамента говорилъ, показывая на утесъ, на которомъ по его приказанію зажигался фальшивый маякъ: «у меня здѣсь такой драгоцѣнный камень, какого даже нѣтъ и въ королевской коронѣ». А въ XV-мъ столѣтіи одинъ герцогъ бретанскій подавалъ папѣ оффиціальную жалобу, что епископъ Сенъ-Мало присвоилъ себѣ это право въ его городѣ. Но эти страшныя преступленія, смѣло совершаемыя передъ всѣмъ свѣтомъ, существовали и гораздо позже. Еще Людовикъ XIV грозилъ смертною казнію владѣтелямъ прибрежныхъ помѣстій, если они будутъ подкупать и принуждать лоцмановъ наводить на мели и утесы суда, а также и тѣмъ, которые будутъ зажигать фальшивые маяки на прибрежныхъ скалахъ для привлеченія и гибели судовъ. Теперь разумѣется уже не существуетъ *береговаго права*, но и въ настоящее время, на нѣкоторыхъ берегахъ Бретани, встрѣчается дикое населеніе морскихъ грабителей. Они не смѣютъ болѣе прорубать судно, но, при наступленіи бури, бросаютъ ястребиные взгляды на океанъ, такъ какъ въ случаѣ несчастія имъ предстоитъ пожива.

Департаментъ низовьевъ Луары *) не отличается особеннымъ плодородіемъ: обширныя болота, безчисленные пруды, безплодныя ланды занимаютъ значительную часть пространства. За то въ остальной части вы найдете превосходныя пастбища, расположенныя по живописнымъ островамъ Луары и по берегамъ потоковъ, которыхъ тутъ такъ много.

Жители здѣсь занимаются уходомъ за виноградниками, хотя иногда они даютъ мало дохода вслѣдствіе болѣзней винограда. Очень многіе заняты также на фабрикахъ въ Нантѣ, гдѣ болѣе 100 тысячъ жителей и который служитъ центромъ мануфактурной промышленности. Кромѣ того рыбная ловля въ Океанѣ, въ Луарѣ и ея притокахъ и наконецъ въ прудахъ, которыхъ здѣсь насчитываютъ около 800,—много поддерживаетъ жителей. Въ очень многихъ мѣстностяхъ этого департамента крестьяне занимаются въ свободное время горшечнымъ ремесломъ и, добывая себѣ этимъ небольшой заработокъ, въ то же время извлекаютъ пользу изъ земли, неудобной для земледѣлія. Мужчина добываетъ глину, дѣлаетъ горшки, женщина обжигаетъ ихъ и, когда они готовы, относитъ на рынокъ. Но эти горшки и глиняная посуда совершенно просты и не представляютъ ничего изящнаго. Дѣти начинаютъ помогать родителямъ въ этомъ дѣлѣ уже съ 12-ти лѣтъ и выдѣлываютъ небольшія чашечки и грубые кофейники. Обстановка семейства горшечника весьма незавидна: вся семья живетъ въ

*) Онъ заключаетъ въ себѣ: Нантъ, Ансени, Пенбэфъ, Шатобріанъ, Савенэ.

хижинѣ безъ окна, въ которую свѣтъ и воздухъ проходятъ только черезъ узкую дверь. Въ хижинѣ найдете кровать у печки, покрытую лохмотьями, худой ларь, столъ, испачканный глиной, и полъ, уставленный глиняной посудой. Все имущество состоитъ изъ тощей коровы и маленькой лошади для перевозки посуды.

Но еще болѣе нищеты въ департаментѣ Илли и Вилены **). Крайняя бѣдность жителей происходитъ отъ постоянныхъ неурожаевъ,—да и какъ этой землѣ давать богатую жатву, приносить хорошіе плоды, когда она представляетъ ничто иное, какъ гранитную плоскость, покрытую только легкимъ слоемъ земли. Большая часть земли этого департамента покрыта лѣсами и ландами, а эти послѣднія производятъ только верескъ и плохой терновникъ, едва годные для топлива.

Нужно замѣтить, что не только въ этомъ департаментѣ, но и во всей Бретани чрезвычайно много ландовъ, а тамъ, гдѣ онѣ есть, вы всегда встрѣтите апатію и нищенскую обстановку между жителями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти ланды воздѣлываются и, когда затратишь много труда, даютъ впослѣдствіи изрядный урожай; но, по мѣрѣ удаленія отъ верхней Бретани, онѣ увеличиваются и остаются безъ обработки, особенно тѣ изъ нихъ, которыя составляютъ собственность общинъ. Другая причина бѣдности бретонца—его крайняя неразвитость, необразованность, суевѣріе и ненависть къ какимъ бы то ни было измѣненіямъ въ его жизни: онъ ни за что не тронетъ иногда даже очень порядочнаго участка земли, ни за что не станетъ его обрабатывать даже и тогда, когда на будущій годъ можетъ ожидать отъ него очень хорошей жатвы, только потому, что отцы лучше знали, почему они не трогали эту землю. Даже на одной и той же нивѣ они часто не касаются какого нибудь угла, который такимъ образомъ вѣчно остается въ залежи. Такой участокъ, по ихъ понятіямъ, собственность дьявола, и много горя надѣлаетъ онъ тому, кто лишитъ его своей доли. Не мало нищетѣ и бѣдности бретонцевъ содѣйствуютъ ихъ раздѣлы. «По смерти отца, всѣ поля, и безъ того раздробленныя, дѣлятся на новые участки; если остается пять наслѣдниковъ, то всякій изъ нихъ потребуетъ своей части въ каждой вещи, своей пятой доли въ каждой крохѣ наслѣдства. Но не всѣ участки имѣютъ одинаковое качество, не всѣ одинаково воздѣланы: одинъ засѣянъ, другой подъ паромъ,—что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Остается раздробить каждое поле на пять частичекъ, изуродовать землю, обратить ее въ пыль, сдѣлать невозможною всякую обработку. Иногда они и на этомъ не останавливаются: случится имъ дѣлить лугъ, не вездѣ одинаковаго качества и цѣнности,—они дѣлятъ его на участки, по числу сонаслѣдниковъ, и каждый изъ нихъ по очереди собираетъ сѣно съ каждаго участка, такъ что если ихъ пятеро, то на шестой годъ та же очередь повторяется снова и тѣмъ же порядкомъ. Страсть къ дѣлежу простирается до такой степени, что даже изба подвергается раздѣлу; такой-то получаетъ въ собственность часть избы до такого-то бруска или перекладины и такъ далѣе: печь и дверь остаются общею собственностью».

Но самая главная причина бѣдности, какъ мы уже говорили, безплодная почва. Послѣ бѣдности, другая отличительная черта бретонца—неряшливость, которая впрочемъ всегда бываетъ вѣрнымъ спутникомъ нищеты. Все семейство обыкновенно помѣщается въ одной комнатѣ. Прежде всего бросается въ глаза въ такой комнатѣ нѣсколько кроватей, поставленныхъ другъ около друга, но отдѣленныхъ одна отъ другой узкимъ проходомъ; каждая кровать подъ пологомъ. Мужчины и женщины, ложась спать,

---

**) Этотъ департаментъ заключаетъ въ себѣ: Реннъ, Сенъ-Мало, Монфоръ, Редонъ, Витре, Фужеръ.

каждый садится на свою кровать, сейчасъ же задергиваетъ свой пологъ и такимъ образомъ раздѣвается и спитъ точно въ отдѣльной комнатѣ. Кромѣ нѣсколькихъ кроватей, можно еще замѣтить по угламъ одинъ, два сундука, двѣ, три скамьи, шкафъ, тамъ и сямъ деревянныя ложки, чугунный котелъ, нѣсколько глиняныхъ чашекъ,— вотъ вся мебель и хозяйственная утварь бретонца. Впрочемъ мы забыли сказать объ одномъ предметѣ, составляющемъ необходимую принадлежность въ каждомъ бретонскомъ семействѣ; мы говоримъ о *пише*. Это обыкновенно фаянсовая или жестяная кружка, которая въ каждомъ семействѣ стоитъ въ шкафу, всегда наполненная виномъ или сидромъ. Когда на порогѣ появляется гость, хозяинъ встаетъ и, прежде чѣмъ ему поклониться и заговорить съ нимъ, подходитъ къ шкафу, беретъ пише, подноситъ къ губамъ и, не произнося ни одного слова, съ глубокимъ поклономъ, подаетъ кружку гостю. Только послѣ этого онъ можетъ заговорить съ нимъ. Отказъ послѣдняго выпить хотя нѣсколько глотковъ считается величайшимъ оскорбленіемъ и стыдомъ для всего семейства.

Всѣ предметы въ жилищѣ бретонца разставлены въ крайнемъ безпорядкѣ, и все тутъ нечисто и неряшливо; на полу и на стѣнахъ грязь, печь дымитъ; ребенокъ, гдѣ-нибудь въ углу, ѣстъ свою кашку руками и при этомъ вашимъ глазамъ нерѣдко представляется такая картина: кошка, запустивъ свою морду въ кострюльку, локаетъ кашку, куда ребенокъ безпрестанно опускаетъ свои пальчики; между ними боровъ просовываетъ свою голову, поталкиваетъ то ребенка, то его ѣду, стараясь поближе пролѣзть къ кострюлѣ. Мать иногда и пуститъ въ животное камнемъ или полѣномъ; если это не дѣйствуетъ, бретонка продолжаетъ дѣлать свое дѣло, а если подчасъ крикъ ребенка и ссора трехъ существъ, дѣлящихъ между собою пищу, выведутъ ее изъ терпѣнія, она выгонитъ свинью, но не вымоетъ дѣтской кострюльки. Да и та посуда, въ которой ѣдятъ старшіе члены семьи, не отличается чистотой. Хозяйка очень рѣдко моетъ котелъ и будетъ удивлена, если вы ей скажете, что его слѣдуетъ мыть послѣ каждаго кушанья. Замѣсивъ въ немъ тѣсто, она приготовляетъ похлебку, никогда даже не сполоснувши посуды. Такъ же мало думаютъ онѣ и о чистотѣ одежды. Вслѣдствіе этой грязи, недостатка присмотра за дѣтьми и грубой пищи, множество изъ нихъ умираетъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Этому помогаетъ и грубая пища. Похлебка приправлена свинымъ саломъ и овощами, ржаной хлѣбъ, кислое молоко, каштаны, или, вмѣсто нихъ, просяная каша, и наконецъ, черныя ржаныя лепешки—самое любимое кушанье бретонца, которымъ лакомятся даже и зажиточные люди,—вотъ и все, что вы увидите у нихъ на столѣ. Всякое кушанье бретонецъ ѣстъ горячимъ. Вслѣдствіе-ли грубой пищи, или крайней неразвитости, а можетъ быть вслѣдствіе того и другаго вмѣстѣ, бретонецъ страшный пьяница и въ то же время сильно куритъ табакъ, такъ что никогда не выпускаетъ изо рта своей трубки. Не смотря однако на пьянство и грубость, бретонцы отличаются замѣчательною честностью, которая вошла даже въ пословицу. Случаи воровства между ними крайне рѣдки, и человѣкъ, покусившійся на него, не только опозоренъ на всю жизнь, но даже его поколѣніе долго будетъ нести кару за его грѣхъ: «рабочій-то онъ хорошій», говоритъ зажиточный бретонецъ семьѣ, когда желаетъ нанять батрака, «да дѣдъ-то его обокралъ сосѣда»... И какъ бы ни былъ хорошъ внукъ вора, но на него всегда будутъ смотрѣть съ презрѣніемъ.

Нужно замѣтить, что вообще всѣ французскіе крестьяне неразвиты и необыкновенно недовѣрчивы. Это можно объяснить ихъ историческимъ прошлымъ: французскіе сеньёры были и властолюбивы, и корыстолюбивы уже никакъ не менѣе русскихъ помѣщиковъ. Они выжимали изъ крестьянъ всѣ соки, чтобы имѣть возможность жить на болѣе широкую ногу. Но самыми суевѣрными, неразвитыми, грубыми, дикими и недо-

вѣрчивыми изъ французскихъ крестьянъ могутъ по истинѣ считаться бретонцы. Нравы и обычаи этого народа носятъ на себѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, печать патріархальности. Жена, слуги, служанки, дѣти,—все безпрекословно повинуется главѣ семейства. Но, отдавъ разныя приказанія, хозяинъ самъ идетъ на работу и работаетъ не только наравнѣ съ своими домочадцами, но еще и больше ихъ. Между членами семьи существуетъ полнѣйшее равенство. Родители, дѣти, служителя — всѣ одинаково работаютъ и всѣ вмѣстѣ садятся за одинъ и тотъ же столъ. Но въ отношеніяхъ между полами совсѣмъ другое. Мужчина грубо обращается къ своей женѣ и съ презрѣніемъ ко всякой женщинѣ. Это неравенство и презрѣніе къ женщинѣ доходятъ до того, что въ церквахъ только одни мужчины приближаются къ алтарю, женщины же стоятъ всегда позади. Однако мужчина не наваливаетъ на женщину тяжелаго труда, а исполняетъ его самъ. Женщины здѣсь не работаютъ ни заступомъ, ни плугомъ: онѣ полютъ, сѣютъ, жнутъ, все трудное дѣлаютъ мужчины. До чего суровы нравы и въ особенности въ отношеніи къ женщинамъ, можно судить изъ того, что здѣсь вы зачастую услышите: «чѣмъ эта дѣвушка не жена нашему сыну: и работница, и умница—всѣмъ взяла. А нельзя, за бабкой-то, сказываютъ, грѣхи водились»... И дѣйствительно, какъ бы ни была старательна и честна дѣвушка, ее всегда будутъ корить и оскорблять за дурное поведеніе не только матери, но и ея бабки. Иногда дурную молву о бабкѣ распускаетъ кто-нибудь изъ сосѣдей изъ зависти къ дѣвушкѣ или изъ злости,—тѣмъ не менѣе всѣ начинаютъ говорить объ этомъ и мало-по-малу сторонятся отъ несчастной.

Священники во многихъ мѣстностяхъ Франціи имѣютъ огромное вліяніе на народъ; здѣсь это вліяніе сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо: къ священнику весь народъ идетъ за совѣтами, обращается въ случаѣ ссоры. Большинство бретонскихъ дѣтей не получаютъ никакого образованія, да и тѣ, которыя учатся въ школахъ, если выучиваются читать по французски и первымъ правиламъ ариѳметики, все же отличаются крайнею неразвитостью. Это не мудрено, такъ какъ дѣти посѣщаютъ школу не болѣе двухъ, трехъ лѣтъ, что для нихъ очень мало, такъ какъ они понимаютъ только одно нижне-бретонское нарѣчіе. Впрочемъ число бретонцевъ, говорящихъ на французскомъ языкѣ, съ каждымъ годомъ увеличивается.

Угрюмый, сумрачный видъ бретонца даетъ себя чувствовать съ перваго взгляда: его шляпа съ огромными полями бросаетъ мрачную тѣнь на его лицо, наполовину закрытое длинными, плохо расчесанными волосами. На ваше привѣтствіе, на ваши теплыя слова онъ отвѣтитъ вамъ односложными звуками. Онъ не пустится въ разговоръ съ незнакомымъ, никогда не будетъ съ вами откровененъ. Тѣмъ не менѣе гостепріимство—характерная черта бретонца и, если онъ васъ пригласитъ къ обѣду, а вы откажетесь отъ этого, онъ считаетъ себя оскорбленнымъ. Каждому нищему онъ радушно отворяетъ двери своей хаты и разставляетъ передъ нимъ все, что у него есть, такъ какъ считаетъ его посланникомъ божіимъ. Вслѣдствіе такого взгляда нищихъ въ странѣ очень много. Они отличаются здѣсь необыкновенною словоохотливостью, разсказываютъ дѣйствительныя и выдуманныя происшествія, которыя такъ любятъ слушать угрюмые бретонцы.

Здѣсь сильно развита взаимная помощь: во время молотьбы, сѣнокоса и другихъ большихъ работъ, каждый, исправивъ свое дѣло, старается помочь сосѣду. За такую помощь, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, онъ ни за что не возьметъ денегъ; но за то каждый, къ кому пришли на помощь, считаетъ своей обязанностью угостить обѣдомъ и поставить какъ можно больше сидра. До чего взаимная помощь въ нравахъ народа, можно видѣть изъ того, что въ какой бы ссорѣ, въ какой бы враждѣ ни были сосѣди, но разъ случается бѣда, или нужно большое число рукъ: убрать сѣно, когда начинается

гроза, тушить пожаръ и т. п. —всякій бѣжитъ на помощь даже къ своему злѣйшему врагу.

Бретонцы самый невѣжественный и суевѣрный народъ: въ ихъ нравахъ и обычаяхъ замѣтны яркіе слѣды языческихъ вѣрованій. Какъ древніе обитатели Бретани зажигали огни въ честь солнца, такъ нынѣшніе бретонцы зажигаютъ множество огней въ Ивановъ день и вокругъ нихъ собираются плясать хороводы. Они особенно почитаютъ нѣкоторые источники, и къ нимъ массами стекаются больные, обливаютъ себѣ шею и руки для возстановленія здоровья. Въ нихъ погружаютъ рубашки больныхъ дѣтей и невысохшими одѣваютъ ихъ на малютокъ. Они съ необыкновеннымъ почтеніемъ относятся и къ камнямъ друидовъ; они вѣрятъ, что ихъ принесла къ нимъ въ своемъ передникѣ пресвятая Дѣва Марія; другіе же сказываютъ, что они поставлены святыми угодниками въ воспоминаніе ихъ странствованій.

Нечего и говорить, что лѣса, вода, дома—все это наполнено различными духами, лѣшими, домовыми. Домовые вмѣшиваются во всѣ ихъ дѣла: пропали сливки, спутана у лошади грива,—все это надѣлалъ домовой. Когда лошадь зѣваетъ, то, чтобы не случилось съ ней чего недобраго, ей необходимо сказать: да поможетъ тебѣ святой Илья. Въ Бретани (въ окрестностяхъ Тремье) еще до сихъ поръ существуетъ капела, куда собираются всѣ желающіе какого нибудь несчастія ближнему: здѣсь жена молитъ «Богородицу ненависти» (Notre Dame de la Haine), чтобы она скорѣе послала смерть ненавистному мужу: сынъ умоляетъ Мадонну убить отца, чтобы онъ поскорѣе получилъ наслѣдство и т. д.

Самый любимый бретонскій праздникъ—«Отпущенія» (Pardon). Этихъ праздниковъ отпущенія чрезвычайно много въ Бретани, такъ какъ они празднуются въ честь всякаго патрона церкви, колодезя, часовни. Патроновъ этихъ у нихъ множество, но праздники совершаются въ честь тѣхъ изъ нихъ, которые наиболѣе прославились чудесами; такіе имѣютъ свои капеллы, церкви, часовни, посвященные памяти. На эти праздники народъ толпами собирается изъ окрестныхъ мѣстностей. Около того мѣста, гдѣ будетъ празднество, точно изъ земли выростаетъ цѣлый городъ: тутъ балаганы канатныхъ плясуновъ, тамъ выставка четокъ, лавки съ товарами, на веревкахъ развѣшаны пѣсни на туземномъ нарѣчіи, раскрашенныя литографіи святыхъ, наиболѣе уважаемыхъ въ Бретани и т. п. Народъ на этотъ праздникъ собирается наканунѣ и еще наканунѣ все приходитъ въ движеніе. Продавцы, стоя у своихъ подвижныхъ лавочекъ, распѣваютъ пѣсни, скрипачи наигрываютъ самые любимые бретонскіе танцы, нѣсколько дальше слышны пискливые звуки биньу (bignou)—національнаго бретонскаго инструмента, напоминающаго шотландскую волынку,—все это смѣшивается съ гуломъ колоколовъ, съ веселыми криками толпы, съ жалобными пѣснями нищихъ, просящихъ о подаяніи, однимъ словомъ шумъ, говоръ, движеніе необыкновенные. Вотъ какъ это описываютъ: «Моряки, избѣжавшіе кораблекрушенія, матери, дѣти которыхъ исцѣлились чудесами, молодыя женщины, нетерпѣливо желающія сдѣлаться матерями, стекаются со всѣхъ сторонъ для развѣшиванія вокругъ часовни своихъ приношеній по обѣту, или для совершенія обрядовъ, которые должны принудить святаго къ исполненію всѣхъ желаній молящаго. Часто приходится для этого *взбираться на колѣняхъ на высокую гору*, гдѣ водруженъ крестъ, по гранитнымъ ступенямъ, обдирающимъ ноги, или обходить нѣсколько разъ вокругъ церкви босыми ногами, дѣлая три шага впередъ и два назадъ. При часовнѣ Notre Dame de Bon Secours можно пріобрѣсти индульгенцію на 50 дней; стоитъ только провести ночь на голой землѣ. Бѣдняки нанимаются для исполненія этихъ обрядовъ: они расхаживаютъ въ толпѣ съ криками: «Кому нужно провести ночь около Notre Dame de Bon Secours? Кому нужно обойти десять разъ кладбище босыми ногами?» Богачи всту-

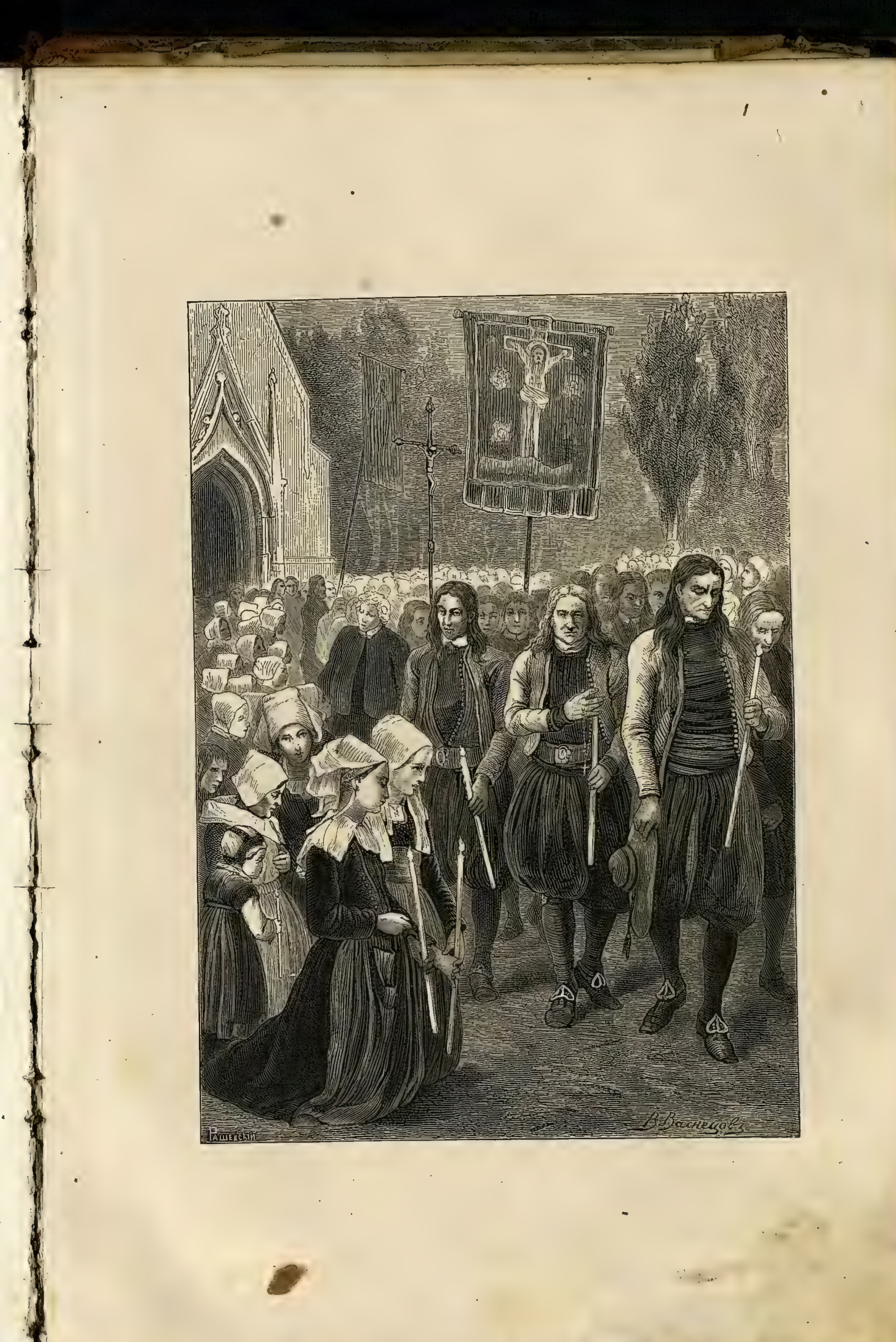
паютъ съ ними въ переговоры, долго торгуются, потомъ, условившись въ цѣнѣ, наблюдаютъ за исполненіемъ найма, и удаляются съ спокойной совѣстью, въ блаженной увѣренности, что сдѣлали угодное Богу. Есть святые, которые исцѣляютъ одну какую-нибудь болѣзнь, другіе, болѣе могущественные, исцѣляютъ всевозможныя страданія и обогащаютъ приходы, состоящіе подъ ихъ покровительствомъ. Есть также и такіе, которые занимаютъ не столь высокую степень въ небесной іерархіи и излѣчиваютъ только лошадей и коровъ; этихъ животныхъ пригоняютъ большими стадами и вводятъ въ церковь, гдѣ они присутствуютъ при богослуженіи и присоединяютъ свое мычаніе къ голосамъ пѣвчихъ.

«Колокольный звонъ оглашаетъ воздухъ, пѣніе церковнослужителей раздается подъ сводами святаго храма и со всѣхъ сторонъ несутъ драгоцѣнныя приношенія на ступени алтаря: мѣшки съ каштанами и рожью, кувшины съ медомъ и пивомъ, новорожденныхъ ягнятъ, куски холста и проч. Каждый приноситъ, что хочетъ и что можетъ, все принимается; по окончаніи божественной службы церковный староста выноситъ всѣ эти дары на продажу съ аукціона у подножія креста, водруженнаго среди площади передъ церковью. Пріобрѣтеніе этихъ священныхъ вещей тоже составляетъ предметъ соревнованія; богомольцы оспариваютъ ихъ другъ у друга, не слишкомъ однакоже набивая на нихъ цѣну. Деньги, вырученныя отъ продажи ихъ, назначаются на содержаніе церкви и передаются въ руки приходскаго священника, который расходуетъ ихъ по своему усмотрѣнію. По окончаніи религіозныхъ церемоній наступаетъ очередь забавъ, раздаются звуки *bignou*, и молодежь пускается въ пляску».

Въ праздникъ отпущенія купцы покупаютъ волосы у молодыхъ дѣвушекъ; но они никогда не уплачиваютъ имъ здѣсь за это деньгами, а даютъ, смотря по величинѣ косы, цвѣтной платокъ соотвѣтственнаго достоинства. Этотъ обычай установился здѣсь вслѣдствіе того, что бретонка не только не смотритъ на свои волосы, какъ на украшеніе, но считаетъ стыдомъ, если мужчина увидитъ, что ея косы падаютъ до земли. Замѣтимъ кстати, что эти купцы, появляющіяся на праздникъ отпущенія за покупкою волосъ, не удовлетворяются бретонками и объѣзжаютъ для этого промысла по крайней мѣрѣ четвертую часть французскихъ департаментовъ. Изъ этихъ волосъ во Франціи не только приготовляютъ шиньоны, косы, локоны, накладки, парики, но и превосходно дѣлаютъ различныя украшенія для туалета: цѣпочки, медальоны, кольца, ожерелья, браслеты.

Бретонка, наиболѣе разодѣтая въ праздникъ отпущенія и которая весело посматриваетъ на выставленный товаръ и держитъ въ рукахъ палочку орѣховаго дерева, съ разными вырѣзанными на ней фигурами,—невѣста, и эту палочку подарилъ ей и вырѣзалъ для нея ея женихъ. Она иногда прохаживается здѣсь со своимъ женихомъ, который угощаетъ ее ягодами, орѣхами и плодами.

Но какъ стали они женихомъ и невѣстой? Когда молодой бретонецъ вздумалъ жениться на той или другой дѣвушкѣ, онъ, какъ и большинство французскихъ крестьянъ, прежде всего обращается къ портному, съ просьбою помочь ему въ сватовствѣ. Портной одѣваетъ на одну ногу синій, на другую красный чулокъ и вмѣстѣ съ женихомъ и его ближайшими родственниками отправляется къ дому означенной дѣвушки. Ея родители прежде всего подаютъ имъ пище, затѣмъ всѣ садятся за общій столъ и угощаютъ гостей всѣмъ, что есть лучшаго въ домѣ. Хозяева знаютъ, зачѣмъ пришли эти люди: и нарядъ портнаго, и приходъ цѣлаго семейства съ молодымъ человѣкомъ не въ урочный часъ,—все даетъ имъ знать о сватовствѣ, и потому они, прежде чѣмъ разговаривать объ этомъ дѣлѣ, показываютъ гостямъ все свое домашнее богатство: открываютъ шкафы,


Рашевскій
В. Васнецовъ

набитые новыми одѣялами, показываютъ домашній скотъ, высыпаютъ монеты, нерѣдко занятыя у сосѣдей для торжественнаго случая, и тогда уже обѣ стороны бьютъ по рукамъ и назначаютъ день свадьбы.

Когда новобрачная выходитъ изъ церкви, ей подносятъ огромную лавровую вѣтку, украшенную плодами и лентами; къ этой вѣткѣ шнуркомъ привязана птичка; молодая обрѣзаетъ шнурокъ и возвращаетъ свободу плѣнницѣ. Возвращать на свадьбѣ свободу птичкѣ съ тѣми или другими обрядами — обыкновеніе, существующее почти во всѣхъ французскихъ деревняхъ.

Послѣ торжественнаго обѣда, остатки котораго, какъ почти и вездѣ, отдаются нищимъ, послѣ пѣсенъ, танцевъ и разныхъ небольшихъ обрядовъ, разнообразящихся, смотря по мѣстности, молодые отправляются къ себѣ. На другой день мужъ становится повелителемъ, и для жены наступаетъ тяжелая пора труда и семейныхъ заботъ.

Когда у нея родится ребенокъ, всѣ матери въ околодкѣ приходятъ кормить его грудью, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, это принесетъ имъ величайшее счастіе. Да и вообще здѣсь относятся къ женщинѣ, кормящей грудью своего ребенка, съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ. Каждый, кто встрѣтитъ ее на дорогѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, непремѣнно долженъ сказать ей: «Да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе!» Иначе, по ихъ понятіямъ, съ ней случится какое-нибудь несчастіе и тогда такого человѣка всѣ станутъ обвинять въ томъ, что онъ ее сглазилъ.

Смерть бретонецъ встрѣчаетъ необыкновенно хладнокровно и это, по всей вѣроятности, происходитъ оттого, что жизнь его была лишь рядомъ лишеній. Вся семья окружаетъ постель больнаго, разговариваетъ громко при немъ о его близкой кончинѣ и безпрестанно подноситъ къ его губамъ пише съ подогрѣтымъ виномъ. «Молись, говоритъ ему то одна, то другая родственница, и поручай Богу душу свою; — ты не долго протянешь...» Вскорѣ приходитъ и священникъ съ надлежащими принадлежностями и безъ всякой осторожности говоритъ больному о близкой кончинѣ, о мукахъ ада, которыя ожидаютъ его, если онъ не раскаялся въ своихъ грѣхахъ и не исповѣдаетъ ихъ... Трагическій голосъ католическаго священника и страхъ, который онъ внушаетъ бѣдному, неразвитому, больному бретонцу, все это сразу измѣняетъ его равнодушное отношеніе къ смерти и онъ начинаетъ горько плакать, а вмѣстѣ съ нимъ плачутъ и всѣ его домочадцы. Если предсмертныя муки продолжительны, посылаютъ въ церковь зажечь предъ алтаремъ свѣчку. Но вотъ больной испустилъ послѣдній вздохъ, всѣ присутствующіе разомъ поклонились до земли и затѣмъ начинаютъ убирать покойнаго. Надъ тѣломъ сидятъ день и ночь и плачутъ, но если покойный былъ богатъ, то въ это время болѣе всего ѣдятъ. Домашніе больше всего наблюдаютъ теперь за тѣмъ, чтобы всѣ сосуды, какіе есть въ домѣ, были наполнены водою. Это дѣлается для того, чтобы душа покойнаго, желая омыться, не вздумала, за неимѣніемъ воды, погрузиться въ кринки съ молокомъ; тогда, по здѣшнему повѣрью, свернутся тотчасъ сливки, а бережливый до скупости бретонецъ боится всякаго ущерба.

По окончаніи погребенія, родственники и друзья покойнаго садятся за похоронный обѣдъ, который, какъ и всѣ многолюдныя бретонскія собранія, оканчивается общею оргіею и пьянствомъ.

НОРМАНДІЯ.

Природа страны.—Обиліе плодовыхъ деревьевъ.—Прекрасное состояніе фермъ и ихъ чудный наружный видъ.—Обстановка жилища.—Яблони и сидръ.—Богатыя пастбища и разнообразное сельское хозяйство.—Откармливаніе тощихъ быковъ.—Перемежающіеся источники.—Земледѣліе.—Торговля и промышленность.—Кормилицы.—Нормандскій крестьянинъ: его характеръ, понятія и вѣрованія.—Одежда.

Нормандія самый счастливый и богатый уголокъ Франціи. Вся страна покрыта такимъ множествомъ разнообразныхъ деревьевъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она представляется сплошнымъ лѣсомъ. Между фермами тянутся поля, которыя окружены рвомъ съ отлогою насыпью, всегда густо обсаженною лѣсными и плодовыми деревьями. Но жители стараются столько разводить плодовыхъ деревьевъ, что они все болѣе и болѣе вытѣсняютъ лѣсныя. Каждое селеніе скорѣе походитъ на рощу, чѣмъ на собраніе жилищъ,—такими высокими и густыми деревьями окружены онѣ. Если бъ не колокольни, которыя возвышаются надъ деревьями, то путешественникъ и не подумалъ бы, что тутъ скрывается цѣлая деревня.

Посреди зелени и цвѣтовъ, васъ болѣе всего поражаютъ въ Нормандіи необыкновенное множество замѣчательно красивыхъ церквей, аббатствъ, замковъ, которые уцѣлѣли отъ среднихъ вѣковъ. Но откуда здѣсь такое множество средневѣковыхъ памятниковъ? Когда дворянство стало стремиться на востокъ, увлекаемое крестовыми походами, оставшіеся дома не хотѣли уступать въ религіозномъ рвеніи тѣмъ, которые отправились на завоеваніе гроба Господня. Вотъ и начали возводить гигантскіе памятники и церкви, которыя остались до нашего времени. Самые знатные по своему рожденію, по богатству и по положенію въ обществѣ, принимали на себя самыя тяжкія работы при постройкахъ: многіе изъ нихъ сами перевозили громадныя камни, бревна, известь и даже съѣстные припасы для рабочихъ. Ни тяжелая работа, ни зимняя стужа, ни затрудненія, сопряженныя съ доставкою матеріаловъ въ то время, когда во Франціи дорогъ нигдѣ не было, ничто не могло ослабить ревность строителей, до экстаза одушевленныхъ религіозною идеею.

Не смотря на то, что Нормандія въ близкомъ сосѣдствѣ съ Парижемъ, вы найдете здѣсь во всемъ много оригинальнаго: въ лицахъ, въ костюмахъ, въ жизни поселянъ, фермеровъ, даже помѣщиковъ. Внѣшній видъ Нормандіи напоминаетъ изящную и привлекательную сельскую жизнь въ Англіи. Прекрасныя усадьбы помѣщиковъ, разсѣянныя между фермами и сельскими домами, показываютъ съ перваго взгляда, что владѣльцы дорожатъ ими и не покидаютъ ихъ для суетной жизни столицы. Живыя изгороди, густыя и хорошо обстриженныя, тщательно содержимыя сточныя канавы, прочныя ворота, древесныя плантаціи въ видѣ аллей или рощей, выровненные луга, рѣдко встрѣчающіяся пустоши, здоровыя домашнія животныя,—все говоритъ здѣсь о благосостояніи. Правда, тутъ нѣтъ особенно восхитительныхъ мѣстностей и необыкновенныхъ ландшафтовъ; тѣмъ не менѣе множество долинъ, склоняющихся къ морю, довольно живописны.

Здѣшнія фермы тоже имѣютъ гораздо лучшій видъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Рѣдко случается, чтобы домъ фермера примыкалъ къ деревнѣ; но обыкновенію, онъ стоитъ совершенно отдѣльно, посреди широкаго двора, обсаженнаго дубами, ясенями, кленами, вязами, буками. Эти деревья нѣсколько защищаютъ отъ осеннихъ вѣтровъ плантаціи яблоней, которыя нормандецъ охраняетъ не только съ любовью, но даже съ

какимъ-то почтеніемъ, напоминающимъ поклоненіе священнымъ дубамъ у друидовъ. Благодаря роскошной природѣ и богатой почвѣ, край этотъ положительно процвѣтаетъ. Нигдѣ нѣтъ во Франціи такихъ большихъ селеній, какъ здѣсь, нигдѣ не встрѣтите вы такого зажиточнаго населенія. Во многихъ нормандскихъ общинахъ вы не найдете ни одного нищаго. Не даромъ нормандскій крестьянинъ съ гордостью говоритъ рабочему, пришедшему сюда на заработки изъ другой провинціи: «Вы будете ѣсть такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ ѣдятъ сеньёры: у насъ народъ никогда не голодаетъ».

Богатство Нормандіи зависитъ отъ ея счастливаго мѣстоположенія, отъ благопріятнаго климата, отъ возможности всегда легко и скоро сбыть произведенія своей страны и своего труда. Вдоль Атлантическаго океана, отъ Діеппа до Авранша, на цѣлой сотнѣ льё, тянется морской берегъ, на которомъ находится нѣсколько торговыхъ портовъ. Сена протекаетъ по странѣ; кромѣ того ее орошаютъ и другія, большею частію судоходныя рѣки. Почва здѣсь чрезвычайно плодородная: океанъ выбрасываетъ на берега множество водорослей, которые употребляютъ на удобреніе. Только въ департаментахъ Эры и Орны проходятъ небольшія гряды горъ съ безплодными вершинами. Климатъ влажный и теплый, что особенно хорошо вліяетъ на луговую растительность. Много содѣйствуетъ благосостоянію страны и рыбная ловля, которая даетъ здѣсь вездѣ огромный уловъ. Но, уже съ незапамятныхъ временъ, сосѣдство со столицею составляетъ здѣсь главный источникъ богатства. Парижъ потребляетъ произведенія нормандскихъ мануфактуръ, рыбу, откормленныхъ быковъ, масло, домашнихъ птицъ.

Самая важная отрасль здѣшняго сельскаго хозяйства—приготовленіе сидра; его выдѣлываютъ ежегодно не менѣе какъ на 50 милліоновъ франковъ. Вмѣсто искривленныхъ и подпертыхъ тычинками виноградниковъ, требующихъ тяжкой и продолжительной работы и самаго тщательнаго ухода за ними, вы всюду встрѣчаете здѣсь яблоню: она гордо поднимаетъ свою изящную, округленную вершину и за самый ничтожный уходъ со стороны селянина щедро награждаетъ его во всѣ времена года; весной она даетъ чудные цвѣты, которые не только украшаютъ собою окрестную мѣстность, но идутъ и въ продажу; лѣтомъ и осенью она даетъ прекрасные плоды; зимою самый небогатый здѣшній житель пользуется сидромъ, сколько можетъ принять его душа.

Отличительный характеръ Нормандіи—ея тучныя пастбища, сочныя травы, которыя даютъ возможность разводить множество лошадей, откармливать великолѣпныхъ быковъ и, что всего важнѣе, содержать множество коровъ, которыя доставляютъ Франціи самое лучшее масло и самый вкусный сыръ. Народъ никогда не коситъ густой травы пастбищъ, предоставляя ихъ въ полное распоряженіе коровъ и быковъ. Вслѣдствіе этого тутъ происходитъ оригинальное явленіе въ хозяйствѣ. Въ самое суровое время зимою, когда во всѣхъ странахъ добываютъ такъ мало масла и оно становится хуже качествомъ, въ Нормандіи его получаютъ лучшаго качества и въ громадномъ количествѣ.

Все хозяйство ведется здѣсь совершенно особымъ образомъ: дойныя коровы никогда не загоняются въ хлѣвъ, какъ бы ни была сильна стужа, такъ какъ въ стойлѣ, говорятъ нормандцы, онѣ не могутъ дать такого вкуснаго молока, какъ на свободѣ. Поэтому женщины, по нѣсколько разъ въ день, относятъ на пастбище сухой кормъ, замѣняющій имъ траву, покрытую снѣгомъ. Эти пастбища иногда находятся очень далеко отъ дому, но женщины чрезвычайно аккуратно являются къ коровамъ, не давая имъ ни минуты ждать пойла и пищи. Точно также въ извѣстные часы доятъ онѣ коровъ и содержатъ ихъ въ необыкновенной чистотѣ. Въ здѣшнихъ молочняхъ вы встрѣтите замѣчательную опрятность: полъ моется часто; чашки, съ широкими отверстіями, куда слито молоко, разставлены по полкамъ въ необыкновенномъ порядкѣ и блещутъ чистотой. Но

нормандскимъ деревнямъ постоянно разъѣзжаютъ торговцы и закупаютъ въ огромномъ количествѣ масло, которое они отправляютъ въ Парижъ.

Говоря о сельскомъ богатствѣ Нормандіи, нельзя не упомянуть о ея отличныхъ овцахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ овецъ «соленаго луга», которыя пасутся на пастбищахъ, смежныхъ съ морскимъ берегомъ. Громадныя стада свиней свободно разгуливаютъ подъ яблонями и много помогаютъ имъ своимъ удобреніемъ, а также и истребленіемъ множества насѣкомыхъ и вредныхъ животныхъ.

Нормандцы занимаются также откармливаніемъ коровъ и быковъ. Они за безцѣнокъ скупаютъ въ Бретани и въ другихъ несчастныхъ мѣстностяхъ тощій рогатый скотъ и въ полгода откармливаютъ его на своихъ пастбищахъ такъ, что продаютъ его въ четыре раза дороже. Кромѣ 500 тысячъ коровъ и до милліона овецъ, которые бродятъ по богатымъ нормандскимъ лугамъ, покрывающимъ не менѣе шестой части этой благословенной страны,—тутъ процвѣтаютъ и другія отрасли сельскаго хозяйства.

Промыслы и занятія жителей, дающіе въ другихъ странахъ лишь незначительную поддержку, тутъ являются настоящими золотыми рудниками: одно разведеніе домашней птицы доставляетъ громадныя выгоды. Сѣверо-западные берега Нормандіи отправляютъ въ Англію однихъ яицъ на сумму отъ 7 до 8 милліоновъ, да еще на такую же сумму въ Парижъ; домашней птицы на сумму отъ 10 до 12 милліоновъ, не смотря на то, что мѣстные жители сами употребляютъ все это въ пищу безъ всякаго стѣсненія.

Вслѣдствіе такого богатства страны, множество мужчинъ и женщинъ изъ Бретани, съ косами и серпами, являются въ Нормандію искать себѣ работы. Эти кочующіе работники нанимаются здѣсь помѣсячно или поденно, и тогда уже имъ приходится проводить ночь подъ открытымъ небомъ; тѣмъ не менѣе они возвращаются домой всегда поздоровѣвшими и въ одно такое путешествіе успѣваютъ болѣе наполнить карманы, чѣмъ дома во всю свою жизнь.

Въ Нормандіи, особенно въ департаментѣ Кальвадоса, существуетъ оригинальное явленіе природы,—перемѣжающіеся источники. Иногда вдругъ появляется источникъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ его менѣе всего ожидали. Вода начинаетъ просачиваться въ домахъ, является въ овинахъ, течетъ по дорогамъ; земля, слегка поднятая, брызжетъ влагою, которая, вытекая на поверхность, наполняетъ рвы, каналы и резервуары, недостаточные, не смотря на свои высокіе края, для вмѣщенія всей ея массы. Когда источникъ начинаетъ пробиваться, жители схватываютъ свои пожитки и домашній скотъ, который могъ бы утонуть отъ слишкомъ быстраго наводненія, и убѣгаютъ изъ этой мѣстности, оставляя свои жилища. Источникъ струится въ продолженіи пяти, шести мѣсяцевъ и затѣмъ вдругъ останавливается, пропадаетъ и въ теченіи шести, семи лѣтъ не показываетъ и признака жизни. Иногда онъ существуетъ дольше и пропадаетъ на менѣе короткій срокъ. Эти источники, появляющіеся и исчезающіе такъ внезапно, поддерживаютъ постоянную влажность земли и вслѣдствіе этого имѣютъ огромное вліяніе на быстрый ростъ хлѣбовъ; но хлѣбныя растенія, поднимаясь изъ земли въ это время съ необыкновенною силою, истощаются отъ излишней сырости; зерно, вслѣдствіе быстраго роста ствола, лишается своихъ питательныхъ соковъ. Годы появленія перемѣжающихся источниковъ считаются нормандцами самыми бѣдственными, тѣмъ болѣе, что противъ этого неслыханнаго бича полей до сихъ поръ безсильны были всѣ средства.

Земледѣліе съ нѣкотораго времени тоже дѣлаетъ огромные успѣхи въ нижней Нормандіи, смежной съ Бретанью и департаментомъ Майенны. Прежде на этой землѣ сѣяли только рожь, ячмень, овесъ и гречу; послѣ трехъ жатвъ землю оставляли на 5 лѣтъ безъ обработки подъ паромъ. Но такой продолжительный отдыхъ вредилъ землѣ; дурныя травы всякаго рода истощали поле гораздо больше, чѣмъ хлѣбныя растенія.

Крестьяне это поняли и теперь паровыя поля совсѣмъ почти исчезли. Теперь тутъ много сѣютъ пшеницы и полевой рѣпы. Крестьяне долго не хотѣли сѣять у себя рѣпы, полагая, что она портитъ землю, и починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ богатымъ землевладѣльцамъ. Однако народъ скоро замѣтилъ, что посѣвъ рѣпы нисколько не уменьшаетъ силу растительности. Напротивъ того, послѣ рѣпы и родится именно самая лучшая пшеница, лучше даже, чѣмъ на унавоженной землѣ. Поэтому теперь и стали много сѣять рѣпы.

Нормандія считается также одною изъ самыхъ торговыхъ и промышленныхъ областей Франціи. Половина населенія занята здѣсь мануфактурной промышленностью, что представляетъ новый источникъ благосостоянія для сельскаго населенія. Тутъ вы найдете и кружевное производство, которое, впрочемъ, теперь сильно уменьшилось, а прежде, особенно въ XVII-мъ вѣкѣ, когда кружевами украшались не только женщины, но и мужчины, эта промышленность была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Но еще и въ 1812 г. фабрикаціею алансонскихъ кружевъ было занято множество рукъ и производство это было въ такомъ ходу, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили кружевницы, устраивали разъ въ годъ большое торжество, которое продолжалось цѣлую недѣлю и гдѣ эти работницы играли главную роль. Въ этихъ празднествахъ принималъ участіе весь народъ и смотрѣть на нихъ съѣзжалась вся знать. Украшенныя вѣнками изъ розъ, между которыми были привѣшаны коклюшки—знакъ ихъ ремесла, кружевницы расхаживали толпами по улицамъ, составляли группы, пѣли, плясали и веселились. Хотя эта промышленность теперь уже не такъ процвѣтаетъ, но до сихъ поръ не совсѣмъ утратила свое значеніе.

Руанъ, древняя столица верхней Нормандіи, и многіе другіе города служатъ центрами прядильнаго и красильнаго производства, фабрикаціи бумаги и шерсти, изъ которыхъ здѣсь выдѣлываютъ разныя ткани.

У жительницъ Нормандіи еще и теперь есть совершенно особаго рода занятіе, которымъ онѣ отличаются между всѣми француженками, — множество изъ нихъ принимаютъ на себя обязанность кормилицъ. Нѣкоторыя изъ нихъ берутъ къ себѣ дѣтей изъ воспитательнаго дома, другія отъ частныхъ лицъ, нѣкоторыя же сами поступаютъ въ дома для кормленія дѣтей грудью. Французскій ребенокъ мало пользуется семейнымъ вліяніемъ въ первые годы своего воспитанія: не только французскія служанки, но даже и довольно зажиточныя женщины средняго круга не держатъ дѣтей при себѣ и послѣ первыхъ дней рожденія, за извѣстную плату, отправляютъ ихъ въ провинцію и чаще всего въ Нормандію, какъ ближайшую къ Парижу мѣстность. Ясно, что это дѣлается болѣе всего парижскими жительницами, такъ какъ жена землевладѣльца, даже средней руки, беретъ къ себѣ на домъ кормилицу, а не удаляетъ ребенка изъ родительскаго дома. Хотя теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, за кормилицами существуетъ медицинскій присмотръ, тѣмъ не менѣе трудно представить себѣ, скольким опасностямъ подвержены малютки, порученныя кормилицамъ. Эти женщины смотрятъ на ребенка, какъ на прибыльную статью дохода, и потому очень многое дѣлается ими только для вида, только на случай посѣщенія родителей или ихъ родственниковъ. Часто теплое одѣяло и хорошая одежда переходитъ къ собственнымъ дѣтямъ, даже грудь дается чаще своему, чѣмъ молочному сыну, который валяется въ лохмотьяхъ и голодный. Кормилицы, являясь къ родителямъ за ребенкомъ, обыкновенно увѣряютъ ихъ, что онѣ отняли отъ груди своего ребенка, или поручили его своей родственницѣ, но большею частью это бываетъ чистѣйшая ложь, и кормилица кормитъ двоихъ. Конечно, нерѣдко эти женщины привязываются къ молочнымъ дѣтямъ, какъ къ роднымъ, но это только исключеніе, и говорятъ, что въ случаѣ смерти пріемнаго дитяти, чтобы не лишиться подарковъ и наградъ, которыя

онѣ обыкновенно получаютъ отъ родителей, когда срокъ кормленія ребенка кончился, онѣ не задумаются подмѣнить умершаго своимъ собственнымъ. Разумѣется это возможно только тогда, когда ребенокъ отданъ въ первые дни жизни и когда мать не посѣщаетъ его.

Всѣ кормилицы имѣютъ постоянное сношеніе съ «бюро кормилицъ», которое обязывается снабжать ими всѣхъ жителей столицы, въ нихъ нуждающихся. Въ Норманди есть мѣстности, въ которыхъ число кормилицъ такъ велико, что онѣ еженедѣльно отправляются въ нѣсколькихъ повозкахъ, для того чтобы брать или возвращать грудныхъ дѣтей. Повозки, служащія для переѣзда кормилицъ, имѣютъ совершенно особую форму, приспособленную къ ихъ назначенію. Это длинныя кареты съ лавками: свѣтъ и воздухъ проходятъ въ нихъ черезъ отверстіе, сдѣланное въ верхней части. Кормилицы садятся на длинныя лавки, по стѣнамъ кареты, а къ потолку, надъ проходомъ, оставленнымъ въ серединѣ, ремнями привѣшаны дощечки, куда онѣ и кладутъ дѣтей. Эти колыбели, или проще сказать дощечки, необходимы, такъ какъ женщина, выѣхавшая изъ своей страны въ Парижъ нарочно для того, чтобы добыть ребенка, обыкновенно добываетъ ихъ нѣсколько и для своихъ родственницъ. Понятно, что кормилица не можетъ ихъ всѣхъ помѣстить на своихъ колѣнахъ и должна класть ихъ на дощечки. Иногда эти путешествія совершаются во время зимней стужи, и женщина, не имѣющая никакого понятія объ уходѣ за дѣтьми, распеленываетъ теплаго, согрѣвшагося въ колыбели малютку, до нага, чтобы перемѣнить бѣлье. Повозка останавливается, кормилицы выходятъ одна за другой что-нибудь перекусить, начинается страшный сквознякъ и раздѣтаго малютку охватываетъ и пронизываетъ до костей струя холоднаго воздуха.

Воспитательный домъ, принимающій брошенныхъ дѣтей, одѣваетъ ихъ и отправляетъ въ деревни, поручая ихъ тѣмъ же кормилицамъ съ платою по 9 франковъ за первые мѣсяцы; послѣ этого плата начинаетъ постепенно уменьшаться до 7-ми-лѣтняго возраста; съ 7 до 12 лѣтъ на малютку выдаютъ въ годъ по 48 франковъ. Въ 12 лѣтъ дѣтей отдаютъ куда-нибудь въ ученье. Дѣти воспитательнаго дома пользуются отъ кормилицъ еще гораздо худшимъ уходомъ: доходъ съ нихъ гораздо менѣе прибыленъ, чѣмъ съ частныхъ лицъ, гдѣ существуетъ обычай безпрестанно дѣлать кормилицамъ подарки и платить имъ гораздо болѣе высокую цѣну за дѣтей, чѣмъ это можетъ сдѣлать воспитательный домъ.

По своему характеру нормандецъ—холодный, разсчетливый и самый положительный изъ всѣхъ французовъ. На сколько почва и климатъ Нормандіи представляютъ сходство съ почвой и климатомъ Англіи, на столько и жители ея похожи на англичанъ. Нормандецъ пріобрѣлъ репутацію ябедника своею страстію къ процессамъ. У него происходятъ постоянныя столкновенія съ торговцами скотомъ, у которыхъ онъ перекупаетъ тощихъ быковъ и которымъ перепродаетъ откормленныхъ; съ купцомъ, покупающимъ у него хлѣбъ, сидръ, масло, овецъ и шерсть, съ покупщикомъ лошадей, съ фабрикантомъ, для котораго его жена и дочери плетутъ кружева, а онъ самъ ткетъ матеріи; при такомъ множествѣ разнообразныхъ интересовъ, онъ сталъ жаденъ къ прибыли, недовѣрчивъ, упрямъ, всегда готовъ изъ за самаго ничтожнаго интереса начать дѣло и подать жалобу въ судъ, чтобы только отстоять свою собственность. Женщины отличаются здѣсь необыкновенной дѣятельностью, живостью и гордымъ, независимымъ характеромъ. Мужъ мало входитъ въ семейные интересы и домашніе порядки, но не прочь показать, что онъ всему дѣлу голова, что все дѣло держится только имъ однимъ. Нормандка терпѣть не можетъ дрязгъ и мелочей, она не требуетъ отъ мужа признанія ея правъ на словахъ, оказываетъ даже всѣ знаки наружнаго къ нему уваженія, восклицая при его появленіи: «et voilá notre maître» (а вотъ и хозяинъ), но всѣми

дѣлами ворочаетъ сама и, дѣлая мужу уступки въ мелочахъ, въ важныхъ дѣлахъ всегда поставитъ на своемъ. Самый колкій упрекъ, который дѣлаетъ здѣсь одна сосѣдка другой, выражается въ словахъ: «Вами, кажется, моя милая, совсѣмъ помыкаетъ вашъ мужъ», или: «Я никогда не позволю командовать надъ собою мужчинѣ, какъ это можетъ случиться съ другими». Женщина здѣсь занимается дѣтьми, смотритъ за хозяйствомъ, раздаетъ дѣло батракамъ, хотя при этомъ хозяйка, чтобы не уронить авторитетъ мужа, и показываетъ видъ, что все это исходитъ отъ него.

Не смотря на то, что нормандецъ гораздо образованнѣе бретонца и не обладаетъ его простодушіемъ и легковѣріемъ, онъ не уступаетъ ему въ суевѣріи. Пропала у него какая нибудь вещь, и онъ идетъ къ ворожеямъ, убѣжденный въ томъ, что онѣ повелѣваютъ даже дьяволомъ. Вслѣдствіе суевѣрнаго настроенія жителей, въ Нормандіи есть цѣлый классъ людей, которые занимаются указываніемъ источниковъ, скрытыхъ подъ землею. Для этого они берутъ въ руки гибкій орѣховый прутъ, который называютъ жезломъ Аарона. Народъ утверждаетъ, что, когда эти люди проходятъ надъ подземною водою, прутъ начинаетъ у нихъ сильно вертѣться въ рукахъ. По движенію своего жезла они и говорятъ о глубинѣ воды, о направленіи подземныхъ потоковъ и т. п. Но болѣе всего народъ вѣритъ въ клады. Прибѣгаетъ ребенокъ вечеромъ домой и начинаетъ разсказывать цѣлыя исторіи о томъ, какъ, проходя мимо такого-то мѣста, онъ увидѣлъ пламя: въ немъ мелькали черные бараны, прыгали страшныя черныя кошки съ сверкающими глазами, бѣлые, какъ снѣгъ, голуби, красные быки... Жадные до прибыли нормандцы вѣрятъ лепету дитяти и рѣшаются идти отрывать кладъ. Но какъ рѣшиться на это? По понятіямъ нормандца, чтобы овладѣть кладомъ, необходимо къ этому приготовляться нѣсколько дней, въ совершенномъ уединеніи и постѣ, потомъ окопать рвомъ то мѣсто, гдѣ хранится сокровище, чтобы захватить его въ цѣлости, со всею окружающею его землею. Помимо жадности нормандца и стремленія его все къ большему благосостоянію, вѣра въ клады поддерживается и тѣмъ, что тутъ множество развалинъ и самыхъ оригинальныхъ построекъ прошедшихъ временъ.

Маленькая птичка королекъ пользуется у нормандца особеннымъ почетомъ, вслѣдствіе слѣдующаго поэтическаго преданія: «Давно уже, очень давно, въ первые дни по сотвореніи міра, огонь еще не былъ извѣстенъ на землѣ. Королекъ полетѣлъ на небо и попросилъ огня у Господа Бога, и Господь Богъ далъ ему огня, чтобъ онъ снесъ его на землю. Но бѣдная птичка сдѣлалась жертвой своего самоотверженія; по неосторожности она опалила себя дорогой и упала обнаженной, безъ перьевъ, посреди живыхъ тварей. Всѣ прочія птицы сложились и дали ей по перышку на одежду. Одна сова отказалась отъ участія въ добромъ дѣлѣ и навлекла на себя общую ненависть; оттого она и не смѣетъ показываться при дневномъ свѣтѣ».

Замѣчательное различія типовъ, которое вы встрѣтите въ Нормандіи, можно объяснить себѣ развѣ только множествомъ народовъ, кельтовъ, римлянъ, саксовъ, скандинавовъ, англичанъ, французовъ, которые попеременно занимали нормандскую территорію. Вѣроятно каждый изъ этихъ народовъ оставлялъ въ физіономіи нормандца свои типичныя черты. Не смотря на близость къ Парижу, нормандскія женщины еще далеко не утратили своего національнаго костюма. Трудно описать нормандскій костюмъ: такъ замѣчательно разнообразенъ онъ, смотря не только по департаменту, но даже и по деревнѣ. Но изъ какой бы мѣстности ни была нормандка, ея нарядъ бросается въ глаза своей оригинальностью и странностью. Прежде всего въ ихъ костюмѣ замѣчательны головные уборы, въ различныхъ мѣстностяхъ самой разнообразной формы, всегда огромные, часто напоминающіе гигантскую бабочку съ распростертыми крыльями, или какую-то странную птицу, махающую не только крыльями, но и ногами. Большею частію нор-

мандскій головной уборъ состоитъ изъ трехъ частей: основанія, поля и громадныхъ лопастей. Онъ прикрѣпляется къ волосамъ или завязывается лентами у подбородка; во многихъ мѣстахъ онъ убранъ цвѣтами, лентами и кружевами. Въ большинствѣ случаевъ онъ состоитъ изъ кисеи, нансука или другой въ этомъ родѣ матеріи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ основаніе часто вышиваютъ золотыми или серебряными шелками и оно оканчивается къ верху выгнутымъ рогомъ; къ нему пристегнуты лопасти въ мелкихъ складочкахъ, которыя падаютъ до таліи. Другая характерная часть костюма— корсажъ какого нибудь яркаго цвѣта, передникъ, смотря по состоянію, шелковая или шерстяная мантилья, представляющая ничто иное, какъ длинный кусокъ матеріи, обшитый оборками. Часто на груди виситъ цѣпочка и крестъ на ленточкѣ; на рукахъ надѣты длинныя перчатки и съ собой носятъ непремѣнно большой цвѣтной зонтикъ. Какого бы покроя ни было платье, юбка на столько коротка, что видны башмаки и разноцвѣтные или со стрѣлками чулки. Нормандки, если и не отличаются особенной граціей въ своихъ движеніяхъ, тѣмъ не менѣе чрезвычайно красивы, имѣютъ свѣжій, здоровый видъ, прекрасный цвѣтъ лица. Интереснѣе всѣхъ другихъ костюмовъ женскій нарядъ въ области Ко, въ департаментѣ нижней Сены. Волосы подняты на маковку, покрыты маленькимъ токомъ изъ золотой или серебряной парчи, съ длиннымъ, кисейнымъ покрываломъ, съ лопастями, спускающимися немного ниже плечъ и обшитыми алансонскимъ кружевомъ. Золотая цѣпь, въ нѣсколько рядовъ, обвиваетъ шею богатой поселянки изъ Ко; кромѣ этого, на шеѣ надѣтъ еще иногда крестикъ. Красивый корсажъ, суконный или шерстяной, сжимаетъ ея полную талію. Корсажъ этотъ надѣваютъ иногда на бѣлую рубашку, бѣлые, пышные рукава которой застегиваются у кисти руки, иногда же напротивъ эти рукава очень коротки и оканчиваются выше локтя густыми оборочками. Очень часто на рукахъ, до самаго локтя, надѣты длинныя, глянцовитыя перчатки. Коротенькая юбка, ярко-краснаго цвѣта, кисейный передникъ, вышитый или полосатый, чулки со стрѣлками, красные башмачки дополняютъ этотъ кокетливый нарядъ деревенскихъ женщинъ.

Мужской нормандскій костюмъ необыкновенно простъ; чаще всего вы встрѣчаете людей, одѣтыхъ въ блузу изъ синяго полотна, ничѣмъ не подвязанную у таліи, вышитую у нѣкоторыхъ на плечахъ бѣлыми нитками. Эта блуза одѣта прямо на рубашку; изъ подъ нея видны широкіе штаны; другіе ходятъ въ штанахъ и жилетѣ, накидывая сверху сюртукъ изъ синяго же полотна съ пуговицами и карманами. На головѣ колпакъ, съуживающійся къ верху и конецъ котораго обыкновенно свѣшивается на одну сторону. Нерѣдко этотъ колпакъ замѣняется фуражкой.

Департаменты: Сѣверный, Соммы, Па-де-Кале, Эны. (Прежнія провинціи: Фландрія, Пикардія, Артуа).—Мѣстная природа.—Блестящее состояніе земледѣлія.—Занятія жителей.—Воздѣлываніе свекловицы.—Характеръ народа и его привычки.—Игры и удовольствія.

Земли, занимаемыя этими департаментами, въ особенности земли Сѣвернаго департамента (прежняя Фландрія),—считаются лучшею земледѣльческою полосою не только во Франціи, но и въ цѣломъ мірѣ. Съ ними можно только сравнить нѣкоторыя, очень немногія земли въ Англіи и въ Бельгіи, впрочемъ многіе считаютъ ихъ даже выше по плодородію. Тутъ французское земледѣліе является во всемъ блескѣ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, не только земледѣльческое, но и фабричное населеніе здѣсь чрезвычайно

велико. Сѣверный департаментъ или Фландрію можно въ полномъ смыслѣ слова назвать благословеннымъ уголкомъ Франціи: вся земля состоитъ изъ равнинъ съ небольшими холмами, которые чрезвычайно удобны для обработки и для посѣва всевозможныхъ родовъ хлѣба. Кромѣ масличнаго дерева и виноградниковъ, которые плохо родятся на этой землѣ, на ней вообще можно заниматься всѣми отраслями земледѣлія. Вы найдете здѣсь всѣ роды хлѣба, всѣ овощи, всѣ растенія, прядильныя, маслянистыя, красильныя, всѣ роды кормовыхъ травъ, всевозможнаго табаку, превосходнаго льна. Тамъ и сямъ бродятъ тучныя, красивыя, сильныя домашнія животныя, и мѣстные жители ухаживаютъ за ними съ большою заботливостью и съ любовью. Богатая производительность страны развила здѣсь необыкновенную любовь къ труду и неутомимую дѣятельность. Жители не удовлетворяются земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, а устроили у себя множество фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ. На каждомъ шагу попадаются вамъ кузницы и мраморныя пильни, фарфоровыя, стеклянныя, зеркальныя фабрики, горшечные и канатные заводы; заводы для раффинированія сахара, для приготовленія угля, соды, сѣрной кислоты, извести, бѣлилъ, кирпичей, фабрики кружевъ, батиста, тюля, бумажныя, льняныя и шерстяныя прядильни, красильни, мануфактуры простыхъ полотенъ, столоваго бѣлья, писчей бумаги, кожевенные заводы, маслобойни, мыловарни, заведенія для выдѣлки цикорнаго кофе и проч. и проч. Жители также занимаются ловлею трески, сельдей, китовъ. Одною изъ причинъ необыкновеннаго плодородія, кромѣ прекраснаго климата, служитъ и умѣнье жителей удобрять землю, состоящую обыкновенно изъ смѣси глины съ пескомъ. Для этого они держатъ множество скота, ухитрились также употребить на улучшеніе своей земли городскую грязь, различныя выжимки съ заводовъ, кости, морской песокъ и преимущественно человѣческое удобреніе, котораго, при огромномъ скопленіи промышленнаго народа въ странѣ, чрезвычайно много. Это удобреніе, съ отвращеніемъ отвергаемое многими народами, необыкновенно увеличиваетъ здѣсь производительность земли. Главнымъ занятіемъ жителей служитъ воздѣлываніе свекловицы. Эта промышленность достигла здѣсь цвѣтущаго состоянія и даетъ огромныя богатства. Свеклосахарное производство и выгодно, и удобно тѣмъ, что, требуя фабричнаго труда, въ то же время не отрываетъ жителей отъ земледѣльческихъ занятій. Работы на свеклосахарныхъ заводахъ начинаются послѣ окончанія осенней жатвы и уборки хлѣба. Къ тому же выжимки свекловицы доставляютъ лакомый кормъ для скота, а остающеюся зеленью, выварками и другими остатками удобряютъ землю. Притомъ надо замѣтить, что свекловица, хотя и любитъ хорошо удобренную землю, но не поглощаетъ всего положеннаго удобренія и послѣ нея получаются еще отличные урожаи другихъ хозяйственныхъ растеній.

Кромѣ свекловицы, кользы, мака и другихъ растеній, составляющихъ богатство страны, жители занимаются здѣсь также разведеніемъ ивы, изъ которой они дѣлаютъ красивыя корзинки; вывозъ ихъ здѣсь достигаетъ ежегодно цифры въ нѣсколько милліоновъ. Вслѣдствіе этого вы здѣсь встрѣчаете огромныя плантаціи ивовыхъ деревьевъ.

Фламандскій земледѣлецъ необыкновенно набоженъ, трудолюбивъ, разсчетливъ, трезвъ и строго придерживается своихъ обычаевъ. По своему флегматическому характеру онъ любитъ спокойствіе и свою семью. Онъ не вмѣшивается ни въ какія политическія партіи, его не интересуютъ политическіе разговоры; но онъ совершенно измѣняется, когда услышитъ военный призывъ. Привыкнувъ къ звуку военныхъ трубъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ, онъ въ короткое время становится отличнымъ солдатомъ. Пѣсни, которыя онъ поетъ въ минуту веселья, прославляютъ подвиги героевъ Франціи. Благосостоянія здѣшняго края нельзя не замѣтить. Народъ имѣетъ здоровый, цвѣтущій

видъ, дѣти бойки и веселы, въ домахъ вездѣ опрятность. У каждаго домика небольшой садикъ съ песчаными дорожками и непремѣнно, хотя маленькій, но прелестный цвѣтникъ. Фламандцы отличаются страстью къ цвѣтамъ. Они разводятъ ихъ, и особенно гвоздику, гдѣ только найдется мѣсто, и представляютъ ихъ на конкурсъ. Общины выбираютъ изъ своей среды толковыхъ, опытныхъ и извѣстныхъ своими садами людей, которые сравниваютъ представленные цвѣты и выдаютъ премію тѣмъ, кто представилъ лучшіе. Другою страстью фламандца должно назвать его любовь къ птицамъ; здѣсь разводятъ не только домашнихъ, но и пѣвчихъ птицъ въ огромномъ количествѣ. При наступленіи мая, въ то время, когда у каждаго дома цвѣтникъ сверкаетъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и все кругомъ благоухаетъ, у каждаго окна распѣваютъ зяблики. Тогда является тоже множество любителей, изъ которыхъ каждый выставляетъ своего зяблика, выбирая, разумѣется, такого, какого онъ считаетъ лучшимъ пѣвцомъ. Какъ будто понимая намѣреніе своихъ хозяевъ, зяблики поютъ наперерывъ другъ передъ другомъ, отвѣчаютъ одинъ другому безостановочно, и побѣдителемъ остается тотъ, чей зябликъ можетъ пѣть дольше. Иногда два зяблика, выбранные для состязанія, падаютъ и умираютъ тутъ же или очень скоро отъ усталости и совершеннаго истощенія.

Сильно также развита у фламандцевъ страсть къ пѣтушинымъ боямъ,—рѣдко у кого нѣтъ боеваго пѣтуха; борьба ихъ еще серьезнѣе состязанія зябликовъ; побѣжденный уступаетъ побѣдителю, только падая подъ его ударами.

Несмотря на свою флегматическую натуру, фламандецъ страстно любитъ всѣ игры, сопряженныя съ движеніями. На полянахъ каждый вечеръ вы встрѣтите группы молодежи, которыя играютъ въ мячъ или стрѣляютъ въ цѣль изъ лука и ружья.

Кстати надо замѣтить, что на эти игры здѣсь смотрятъ не какъ на обыкновенное времяпровожденіе послѣ труда, а какъ на что-то очень важное и торжественное. То въ одной общинѣ, то въ другой открываются конкурсы или состязанія для болѣе ловкихъ игроковъ. Они даже получаютъ здѣсь преміи, которыя состоятъ изъ различныхъ серебряныхъ вещицъ, изъ платковъ яркихъ цвѣтовъ и т. п. Того, кто на конкурсѣ попадаетъ въ цѣль, громогласно и торжественно называютъ «королемъ птицы», и его соперникъ, медленно выступая, подноситъ ему серебряную птицу, повѣшенную на лентѣ; къ шляпѣ побѣдителя прикалываютъ султанъ, и народъ, при одобрительныхъ крикахъ, торжественно ведетъ его въ шинокъ, нерѣдко при звукахъ флейты и барабана. Семейство побѣдителя вечеромъ приглашаетъ къ себѣ на пиръ знакомыхъ и родныхъ, гдѣ много поютъ и еще болѣе танцуютъ и пьютъ вина. Но большею частію эти пиршества устраиваются обществомъ, къ которому принадлежитъ побѣдитель, и тогда его родителей приглашаютъ на пиръ особою депутаціей. Каждый ловкій стрѣлокъ изъ лука и ружья принадлежитъ здѣсь какому нибудь обществу и носитъ красивое знамя, сдѣланное изъ шелковой матеріи, на которой вышитъ или нарисованъ гербъ общества и большими буквами написано названіе деревни, къ которой оно принадлежитъ. Эти общества безпрестанно устраиваютъ различныя торжества и даже просто по вечерамъ приступаютъ къ играмъ съ необыкновенною важностію и съ соблюденіемъ множества формальностей. Они выступаютъ обыкновенно въ большомъ порядкѣ. Прежде всего идетъ барабанщикъ и бьетъ въ барабанъ, за нимъ знаменосецъ высоко держитъ знамя общества; за ними идетъ *императоръ* съ серебряною птицею на шеѣ, привѣшанною къ цѣпи изъ того же металла. Чтобы сдѣлаться императоромъ, необходимо отличиться ловкостью по крайней мѣрѣ три раза, а слѣдовательно по крайней мѣрѣ три раза быть избраннымъ въ короли. Императоръ идетъ, опираясь на руки маршала и сенатора или королей (всѣ эти высшія должности—знакъ отличія за ту или другую степень ловко-

сти въ стрѣльбѣ); за этими великими сановниками идутъ низшіе, менѣе ихъ отличившіеся и, наконецъ, простые стрѣлки, которые весело болтаютъ между собой; каждый изъ нихъ страстно стремится стать императоромъ. Страсть француза къ отличіямъ не покидаетъ его и въ игрѣ.

Стрѣлки, игроки въ мячъ, садоводы, птицеловы, всѣ составляютъ здѣсь различныя общества и корпораціи, и каждая изъ нихъ имѣетъ свои особенные праздники, которые, по обыкновенію, начинаются религіозною церемоніей, торжественною обѣднею или процессіей и оканчиваются обѣдомъ и веселымъ пиромъ.

ОСТРОВА И БЕРЕГА ОКЕАНА.

Характеръ, нравы и занятія жителей.—Тяжелый женскій трудъ; независимость женщинъ.—Ловля сардинокъ, устрицъ и добываніе соли.—Бѣдняки и отношеніе къ нимъ мѣстныхъ жителей.

Нравы и занятія жителей побережій океана и нѣкоторыхъ острововъ Франціи имѣютъ чрезвычайно много общаго между собой и въ то же время они до того оригинальны, что, опустивъ ихъ, мы не познакомимся съ главными промыслами французскаго народа.

Почти всюду на островахъ почва состоитъ изъ безплоднаго песку, неудобнаго для обработки, или изъ ряда обнаженныхъ утесовъ, на которыхъ едва пробиваются лишаи. Тоже и на приморскомъ берегу: куда бы вы ни обратили взоръ, вы съ одной стороны всюду встрѣтите море, съ другой дюны — настоящее песчаное море, которое гораздо пустыннѣе океана, такъ какъ оно безъ жизни, безъ движенія, безъ звуковъ. Только красивый тамарискъ, съ тонкою и изящною листвой, колеблется во время ургановъ милліонами цвѣтовъ на своихъ гибкихъ стебляхъ. На этихъ сыпучихъ пескахъ, съ которыми ничего нельзя подѣлать ни удобреніемъ, ни влагой, жители умерли бы съ голоду, еслибы море не давало имъ нѣсколькихъ промысловъ. Жители острововъ, точно также какъ береговъ океана,—рыбаки. Нравы ихъ необыкновенно оригинальны. Главныя черты ихъ характера и жизни: беззаботность, неустрашимость, чрезмѣрныя работы женщинъ, совершенное отсутствіе комфорта въ домашней жизни, доведенной до такой простоты, что граничитъ съ нищетой, независимый характеръ какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, непреодолимое отвращеніе отъ всякой подчиненности, и у мужчинъ отъ всякаго занятія, кромѣ рыболовства. При всемъ этомъ они необыкновенно усердны въ общемъ дѣлѣ, рады помогать ближнимъ; съ состраданіемъ и уваженіемъ смотрятъ на всякаго бѣднаго человѣка.

Мужчины занимаются только рыболовствомъ, все остальное дѣлаютъ женщины. Съ перваго часа пополуночи онѣ уже на ногахъ и должны бѣжать за 6, за 7 верстъ собирать папоротникъ, который онѣ приносятъ на плечахъ въ огромныхъ вязанкахъ. Онѣ продаютъ его рыбнымъ торговцамъ, а часть оставляютъ у себя на укладку рыбъ. Послѣ этого, нисколько не отдохнувши, женщина тотчасъ отправляется будить не только своего мужа, но и всѣхъ матросовъ, которые должны отправиться вмѣстѣ съ нимъ на рыбный промыселъ. Затѣмъ она начинаетъ одѣвать и кормить дѣтей, которыхъ у нея бываетъ обыкновенно чрезвычайно много. Для огромной семьи нужно много что по-

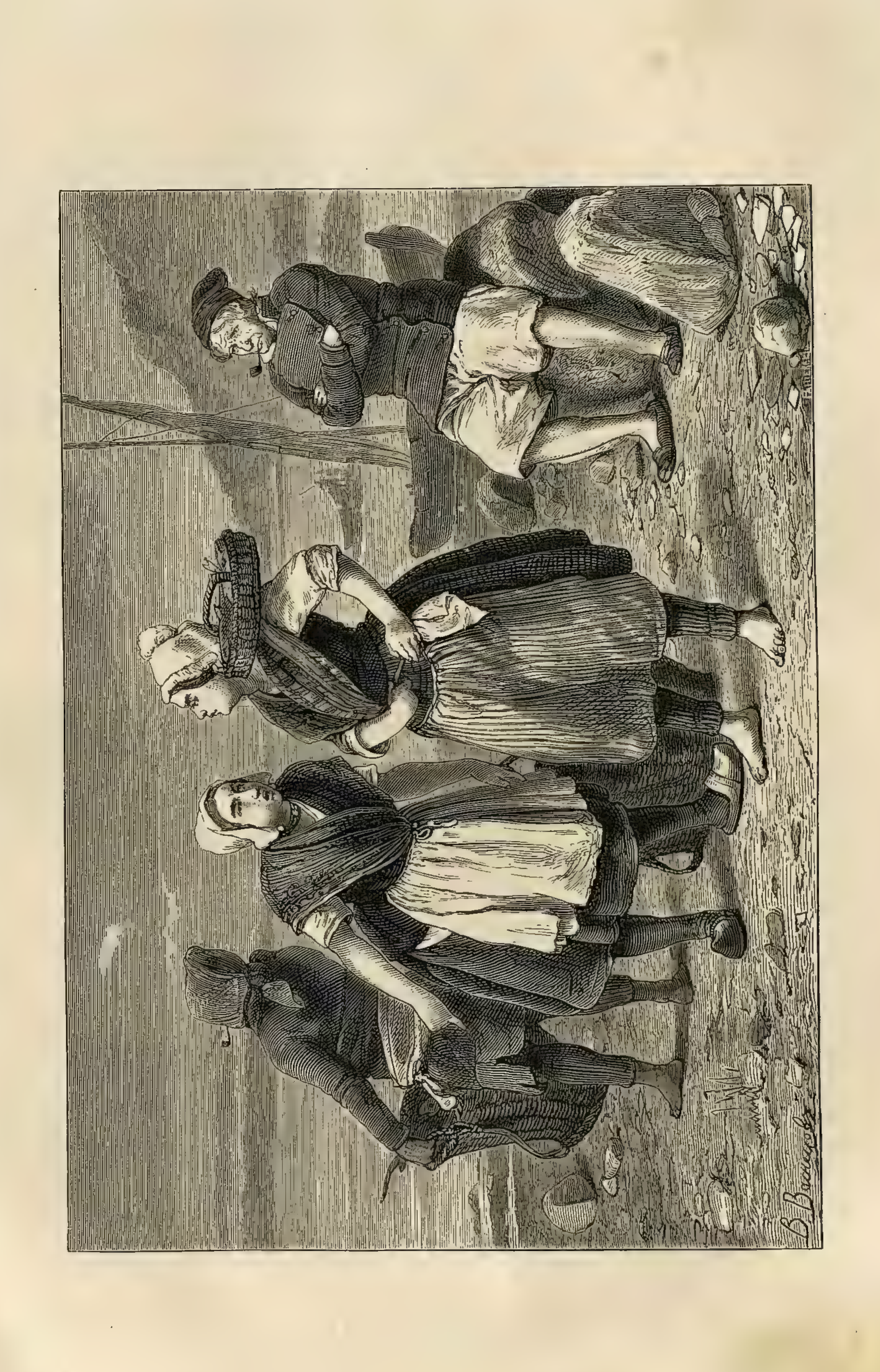
чинить, помыть, приготовить хотя скудный обѣдъ. Воду она не можетъ брать изъ моря и должна идти за прѣсной водой къ источнику, который находится обыкновенно очень далеко, и путешествовать къ нему приходится по сыпучимъ пескамъ, нерѣдко углубляясь въ нихъ по поясъ. Свои домашнія работы она должна справить къ 9-ти, 10-ти часамъ утра, такъ какъ лодки въ это время уже возвращаются съ ловли и она непремѣнно должна присутствовать при этомъ. По прибытіи лодки, ее разгружаютъ и начинается дѣлежъ рыбы. Въ ловлѣ обыкновенно участвуютъ четыре человѣка: одному изъ нихъ принадлежитъ лодка, другому сѣти, остальные помощники. Въ большинствѣ случаевъ половина улова идетъ хозяевамъ лодки, снастей и сѣтей, такъ какъ эти рыбачьи принадлежности здѣсь стоятъ очень дорого; одинъ неводъ стоитъ болѣе 150 фр., и нѣтъ дня, когда бы онъ не требовалъ починки, иногда очень большой, особенно если вмѣсто сардинки въ него сразу попадетъ большая рыба.

Послѣ того, какъ надѣлены владѣльцы невода и лодки, остальное поровну дѣлится между рыбаками и женщиной, которая каждый день вымываетъ лодку внутри и снаружи. По окончаніи дѣлежа жены подходятъ къ мужьямъ и принимаютъ отъ нихъ рыбу, чтобы нести ее на рынокъ или домой. Остальныя женщины полощатъ неводъ, бережно отчищаютъ отъ него всѣ приставшія травы и разстилаютъ его на берегу для просушки. Затѣмъ онѣ внимательно осматриваютъ всѣ его поврежденія и садятся чинить, что отнимаетъ у нихъ очень много времени. Часть сардинокъ онѣ продаютъ не на своихъ рынкахъ и потому укладываютъ ихъ очень тщательно,—работа эта въ высшей степени медленная и утомительная. Женщины, стоя на колѣнахъ по нѣскольку часовъ сряду, укладываютъ и солятъ рыбу съ большимъ умѣньемъ и затѣмъ отправляютъ ее въ таможню.

Кромѣ того онѣ занимаются ловлею омаровъ, краббовъ, морскихъ пауковъ, отыскиваютъ съѣдобныхъ улитокъ, раковины и т. п., и все это продаютъ на различныхъ рынкахъ. При отливѣ вы всегда можете увидѣть женщинъ, стоящихъ въ водѣ по самыя плечи и собирающихъ устрицъ.

Всѣ эти работы оканчиваются очень поздно, а мы уже знаемъ, что онѣ встаютъ до зари. Когда же отдыхаетъ здѣшняя женщина? Какъ можетъ выполнить она въ продолженіе дня такое множество самыхъ разнообразныхъ работъ? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть небольшія полосы земли, особенно на островахъ, женщины сами обрабатываютъ, засѣваютъ и собираютъ посѣвъ своего поля. Моряки считаютъ безчестіемъ заниматься какимъ бы-то ни было дѣломъ, кромѣ рыболовства. Послѣ ловли, которая, какъ мы знаемъ, оканчивается къ 10-ти часамъ, мужчины ровно ничего не дѣлаютъ и отправляются въ трактиры, или валяются дома на боку. Но какъ бы въ награду за тяжкій, утомительный трудъ, здѣшняя женщина пользуется большимъ почетомъ. Не только всѣ окружающіе, но и самъ мужъ смотритъ на нее, какъ на главу семейства и обращается съ нею необыкновенно ласково. Она управляетъ и распоряжается рѣшительно всѣмъ: заключаетъ договоръ съ купцами, держитъ у себя деньги, заботится пристроить мужа къ тому или другому хозяину лодки, если онъ бѣденъ, и наоборотъ, найти ему сотрудниковъ, если она скопила столько денегъ, чтобы обзавестись лодкой или неводомъ. Здѣсь вы не только никогда не увидите потасовки между супругами, но даже сказать женѣ грубое слово считаютъ преступленіемъ. Не смотря на это, помочь женщинѣ въ тяжеломъ трудѣ, облегчить ее въ то время, когда мужчина, ничего не дѣлая, лежитъ на боку,—никогда никому не приходитъ въ голову, и сами женщины объ этомъ не думаютъ.

Послѣ сардинокъ главное занятіе жителей ловля устрицъ. Почти во всѣхъ моряхъ, омывающихъ берега Франціи, и особенно въ заливахъ, водится чрезвычайно много уст-



рицъ, но нигдѣ ихъ нѣтъ въ такомъ изобиліи, какъ около Канкаля, между этимъ маленькимъ портомъ и портами Монъ-Сенъ-Мишелемъ и Гранвиллемъ. Въ продолженіи мѣсяцевъ мая, іюня, іюля и августа, когда устрицы мечутъ икру, ловля ихъ запрещена. Ловля устрицъ не требуетъ, подобно ловлѣ сардинокъ, большихъ затратъ: «для нея достаточно *черпака* — большое желѣзное орудіе, въ 6 футовъ длины и въ 2 вышины, похожее на загнутый заступъ, къ которому прицѣпляется родъ сѣти, сдѣланной изъ кожанныхъ ремешковъ или тоненькихъ веревокъ. Лодка, гонимая вѣтромъ, тащитъ черпакъ, который отрываетъ устрицъ съ морскаго дна и собираетъ въ сѣти. Устрицъ такъ много, что онѣ составляютъ здѣсь родъ длинныхъ грядъ, идущихъ иногда на нѣсколько миль, и, кажется, чѣмъ болѣе ихъ ловятъ, тѣмъ болѣе онѣ размножаются».

Прежде, когда такимъ образомъ вылавливались маленькія устрицы, ихъ выбрасывали назадъ въ море, теперь наоборотъ ихъ собираютъ и онѣ, черезъ нѣсколько времени, достигаютъ одинаковой величины съ прочими, послѣ чего ихъ и продаютъ. Устрицы Канкаля пользуются огромною извѣстностью, и эта заслуженная слава всецѣло принадлежитъ жителямъ, которые умѣли ихъ усовершенствовать. Устрица Канкальскаго залива, доставаемая со дна, обыкновенно покрыта тиной и не отличается пріятнымъ вкусомъ. Чтобы измѣнить ихъ вкусъ, устричники кладутъ ихъ въ садки, послѣ чего Канкальскія устрицы теряютъ свою остроту и дѣлаются вкусными. Такимъ садкомъ называютъ резервуаръ соленой воды, до 5-ти футовъ въ глубину, который находится въ постоянномъ сообщеніи съ моремъ. Дно его выкладываютъ мягкимъ камнемъ. Устрицы помѣщены въ глубинѣ его, что защищаетъ ихъ отъ вліянія воздуха, и въ то же время даетъ возможность не лежать имъ въ тинѣ, отъ которой портится ихъ вкусъ. Въ то время, когда устрицъ не ловятъ и слѣдовательно когда ихъ нѣтъ въ садкахъ, эти садки чистятъ и выкладываютъ новыми камешками. Много хлопотъ требуютъ устрицы, если захотятъ измѣнить ихъ вкусъ. Требуется не только большой уходъ за садкомъ, но и тщательный выборъ мѣстности для него, а еще болѣе внимательный уходъ за самыми устрицами. Въ первое время послѣ помѣщенія устрицъ въ садки, ихъ надо каждые три, четыре дня вынимать изъ воды желѣзными граблями, отбрасывать уснувшихъ и снова бережно опускать въ садокъ. Устрицы остаются въ садкѣ только мѣсяцъ или два, пока не достигнутъ той величины и вкуса, которыми онѣ такъ привлекаютъ гастрономовъ.

Многіе жители побережій занимаются также добываніемъ соли; въ однѣхъ окрестностяхъ Сабль д'Оллона насчитываютъ до 211 соляныхъ озеръ, которыя даютъ около 650 тысячъ пудовъ соли. Промыселъ состоитъ не въ вывариваніи соли, а только въ собираніи ея, потому что она кристаллизуется сама собою, подъ двойнымъ вліяніемъ сѣверныхъ вѣтровъ и солнечныхъ лучей. Впрочемъ для этого переворачиваютъ уже собранную соль каждое утро. Тутъ добываютъ 2-хъ родовъ соль: болѣе высокаго достоинства и обыкновенную. «Первую получаютъ такимъ образомъ: за нѣсколько времени до образованія соли вода принимаетъ красноватый оттѣнокъ; немного соли, въ видѣ легкой пѣны, кристаллизуется на поверхности. Эта соль, отличающаяся бѣлизной, собирается особо, издаетъ довольно пріятный, фіялковый запахъ и стоитъ вдвое дороже обыкновенной. Женщины, одѣтыя въ самыя короткія платья и съ обнаженными ногами, собираютъ по ночамъ всплывшую соль въ деревянныя чашки и на головахъ относятъ ее на болѣе широкія возвышенныя насыпи въ пустопорожнихъ мѣстахъ, предоставленныхъ солонщикамъ. Тамъ собираютъ ее большими кучами, которымъ придаютъ коническую форму. Плотно убитая и прикрытая слоемъ жирной глины, добываемой въ томъ же озерѣ, соль предохраняется отъ дождевой воды и можетъ ожидать времени уборки нѣ-

сколько мѣсяцевъ и даже нѣсколько лѣтъ; чтобъ она не растаяла, нужно часто уравнивать, особенно зимою, слой глины, прикрывающій ее».

Характеръ народа, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, независимый и гордый. Не смотря на всѣ лишенія и тяжелую трудовую жизнь, мало кто изъ нихъ уйдетъ съ мѣста родины и наймется въ работники или въ служителя. На это рѣшаются только очень слабые здоровьемъ люди. Точно также и нищенствуютъ изъ нихъ только тѣ, которые дѣйствительно больны. Вѣроятно вслѣдствіе этого народъ относится къ нимъ съ необыкновеннымъ уваженіемъ и любовью. Послѣ всякаго дѣла: печетъ-ли хозяйка хлѣбъ, или пріѣхалъ хозяинъ съ рыбной ловли, имъ раздаютъ куски хлѣба, рыбы. Нищіе стоятъ у берега, выстроившись въ рядъ, съ корзинами въ рукахъ. Всѣ рыбаки считаютъ своею обязанностью одѣлить ихъ всѣхъ по горсти рыбы или раковинъ, и эта милостыня подается, не какъ у насъ, чтобы отвязаться отъ бѣдняка, а съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Если корзина бѣдняка сильно нагружена, а онъ слабый и больной, къ нему непремѣнно подбѣгаютъ нѣсколько человѣкъ, съ предложеніемъ отнести къ нему его сборъ.

ШАМПАНЬ.

Несчастная природа Шампани прежде и ея производительность теперь.—Приготовленіе шампанскаго.—Погреба для винъ и опасности, которымъ подвергаются въ нихъ рабочіе.—Винодѣлы и ихъ положеніе.

«Природа очень мало сдѣлала для Шампани и, не смотря на всѣ разумныя и дѣятельныя усилія туземныхъ агрономовъ, Шампань осталась бы въ нищетѣ, если бы виноградники не обратили самыя дурныя ея земли, самые обнаженные холмы въ золотые рудники, которые гораздо вѣрнѣе и неистощимѣе рудниковъ Калифорніи. Страна эта служитъ превосходнымъ примѣромъ того, что въ состояніи совершить геній человѣка для возбужденія плодородія въ почвѣ. Не такъ далеко еще время, когда равнины Шампани, по справедливости, славились своей скудостію и представляли печальное зрѣлище безотрадной пустыни. Путешественникъ, проѣзжавшій по нимъ, встрѣчалъ только однѣ мѣловыя вершины, усѣянныя рѣдкими пучками тощей травы или низкорослаго можжевельника. Почва, разстилаясь длинными, волнистыми полосами, повсюду представлялась бѣдною и безплодною. На вершинахъ холмовъ и по склонамъ ихъ она исключительно состоитъ изъ мѣла; въ долинахъ мѣлъ перемѣшанъ съ известковымъ хрящомъ, который часто покрываетъ его совершенно. Земля повсюду легкая, вбирающая въ себя много воды, которой всегда недостаточно, чтобы напитать ее. Мѣстами тамъ встрѣчались бѣдныя деревушки, влачившія бѣдственное существованіе. Небольшое количество хлѣбныхъ растеній, составлявшихъ обычную пищу жителей, родилось на этой сухой и тощей почвѣ, да и то послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отдыха. Случалось, что грозовыя тучи извергали цѣлый потопъ, но воды неслись громадными массами, нисколько не оживляя обнаженной почвы, а только смывая жатву и обработанныя поля; злополучный земледѣлецъ никогда не былъ увѣренъ, что соберетъ хлѣбъ, выроставшій у него на глазахъ.

«Въ другой годъ лишенныя растительности равнины выгорали отъ солнечныхъ лучей и хлѣбныя колосья высыхали на корню, не достигая своего полнаго роста. Въ

это-то время, еще не очень отдаленное отъ насъ, поселянинъ топилъ печь соломой своей жатвы; однимъ словомъ все соединялось, чтобъ обратить эту провинцію въ пустыню. Она и была почти необитаема, а жители сосѣднихъ областей дали ей совершенно заслуженное прозвище: Champagne pouilleuse (вшивая Шампань). Старинная поговорка гласитъ, что десятина земли, когда на ней встрѣчался заяцъ, стоила тамъ два франка, т. е. ровно столько, сколько стоитъ заяцъ. Но даже зайцы попадались тамъ рѣдко: имъ негдѣ было пріютить свою семью, нечѣмъ прокормить ее».

Производительность страны совершенно измѣнилась въ какіе-нибудь 30 лѣтъ. Тамъ, гдѣ едва пробивалась тощая трава, теперь вездѣ виднѣются чудные ковры разнообразной зелени и хлѣбныхъ растеній. Такая быстрая и благопріятная перемѣна случилась вслѣдствіе того, что были разведены сосновыя плантаціи, даже на самыхъ скудныхъ земляхъ и обрывистыхъ склонахъ. Разведеніе этихъ лѣсовъ измѣнило не только климатъ страны, но даже многія условія въ жизни народа. Сосны дали жителямъ дрова, корни ихъ, связавъ землю, оградили поля отъ наводненій, предохранили поднявшійся колосъ отъ вѣтра, который прежде свободно разгуливалъ по полямъ, качалъ колосья, высыпалъ изъ нихъ зерна или обсѣкалъ ихъ. Хвои сосны, падая на землю, служили ей удобреніемъ, въ которомъ она такъ нуждалась, и лѣса стали давать прохладу и пріютъ въ знойное лѣтнее время. Прежде жители топили соломою, теперь она исключительно служитъ подстилкою скоту, а слѣдовательно возвращается въ землю удобреніемъ.

Больше всего народъ занимается въ этой странѣ разведеніемъ виноградниковъ, которыми такъ славится Шампань. Тутъ приготовляется шампанское, которое расходится по всему свѣту и доставило Шампани громкую извѣстность. Эти виноградники и возвысили цѣну на землю до громадной цифры 20 тысячъ франковъ за гектаръ, т. е. 5,500 руб. за десятину. Шипучесть шампанскаго происходитъ отъ того, что выдавленный виноградный сокъ не допускаютъ до броженія въ одномъ сосудѣ; его сначала держатъ въ засмоленныхъ бочкахъ, гдѣ онъ начинаетъ свое броженіе, но не оканчиваетъ его, и потому сохраняетъ въ себѣ значительную часть угольной кислоты. Очистивъ вино отъ гущи и придавъ ему прозрачность посредствомъ рыбьяго клея, разливаютъ его по бутылкамъ. Эти бутылки закупориваютъ крѣпко на крѣпко и ставятъ горлышкомъ внизъ, чтобы такимъ образомъ опустились слизи и всѣ осадки. Черезъ нѣсколько недѣль, каждую бутылку бережно откупориваютъ, снимаютъ осадокъ и подбавляютъ въ вино ликера, который составленъ изъ леденцовъ, распущенныхъ въ коньякѣ. Потомъ бутылки уже окончательно закупориваютъ, пробки и горлышко окружаютъ желѣзною проволокою и обертываютъ листовою жестью. Затѣмъ бутылки раскладываютъ горизонтально на деревянные подмостки, подъ которыми разставлены желоба, для того, чтобы въ нихъ стекало вино, когда лопнетъ какая-нибудь изъ бутылокъ. Такимъ образомъ пѣнятся только тѣ вина, которыя оканчиваютъ свое броженіе въ бутылкахъ. Въ ту минуту, когда бутылку откупориваютъ, внѣшній воздухъ врывается въ нее, и скопившійся отъ броженія углекислый газъ со свойственной ему силой и быстротой вырывается наружу и выталкиваетъ вмѣстѣ съ собою жидкость. Шампанскаго изъ Франціи разсылаютъ очень много по всему свѣту; несмотря на то, что его производство съ каждымъ годомъ увеличивается, его все-таки не хватаетъ на всѣхъ желающихъ, и потому не только въ другихъ странахъ, но и въ самой Франціи чрезвычайно много продаютъ, подъ видомъ шампанскаго, различныхъ винъ, иногда очень искусно поддѣланныхъ. Искуственное шампанское приготовляютъ здѣсь изъ сахара, грушевки, смородиннаго соку, подливаютъ къ этому различныя легкія вина, вводятъ углекислый газъ, который придаетъ имъ шипучесть и игру шампанскаго; въ такое искуственное шам-

панское входитъ чрезвычайно много веществъ, но обыкновенно нѣтъ ни одной капли винограднаго сока изъ шампанскихъ лозъ.

Въ окрестностяхъ Реймса и Эперне устроены огромные погреба для сохраненія винъ, такъ какъ эти города расположены въ центрѣ лучшихъ виноградниковъ и на землѣ, благопріятной для устройства лучшихъ погребовъ. Они устроены въ туфовыхъ утесахъ, очень обширны и такъ прочны, какъ будто ихъ поддерживаютъ каменные своды. Трудно составить себѣ понятіе, какъ громадны и обширны эти погреба: они обыкновенно образуютъ родъ лабиринтовъ, въ которыхъ трудно найти дорогу безъ помощи проводника. Бутылки расположены очень изящно и разсортированы по временамъ сбора. Въ извѣстное время года очень опасно ходить по этимъ погребамъ вслѣдствіе частыхъ взрывовъ бутылокъ. Путешественники, которые желаютъ осмотрѣть ихъ, одѣваютъ проволочную маску, а рабочіе, которые торопятся явиться сюда для раскладки бутылокъ и забываютъ одѣть маску, часто получаютъ тяжелыя раны отъ осколковъ стекла.

Тяжела работа винодѣловъ. Около своихъ виноградниковъ они проводятъ почти цѣлый день, согнувшись надъ землею: окапываютъ лозу, разсаживаютъ ее, подвязываютъ, собираютъ виноградъ. Всѣ винодѣлы какъ-то необыкновенно малорослы, дурно сложены, имѣютъ очень истомленный и старческій видъ. Не смотря на ихъ тяжкіе труды и возможность пользоваться хорошимъ виномъ, они ѣдятъ хуже другихъ работниковъ и вслѣдствіе этого выглядятъ чрезвычайно заморенными. Къ тяжелому труду присоединяется также неувѣренность въ успѣхѣ. До сихъ поръ не придумано средствъ избавить виноградную лозу отъ болѣзни, а это всякій разъ угрожаетъ народу годами бѣдствій, страданій и лишеній. Такое положеніе дѣлъ принуждаетъ шампанцевъ рано посылать своихъ дѣтей на тяжкія работы, которыя лишаютъ ихъ образованія и уже въ первой молодости губятъ ихъ силы.

ПАРИЖЪ.

Всесвѣтное стремленіе въ Парижъ и причины этого явленія. — Значеніе Парижа для Франціи. — Французскій языкъ и его значеніе.

«Парижъ — это вся Франція, нѣтъ, больше — это весь свѣтъ!», — говоритъ не только всякій французъ, но и иностранецъ, начиная описывать эту столицу. И это совершенно справедливо. Парижъ имѣетъ всесвѣтное значеніе, и вліяніе его, также какъ и всей Франціи, началось уже очень давно. Еще въ XI, XII и XIII вѣкѣ Франція получаетъ большую историческую извѣстность. Французскій языкъ въ это время уже былъ очень распространенъ, французскіе романы вездѣ читались, рыцари стекались во Францію на турниры. Парижъ не только въ средніе вѣка былъ средоточіемъ наукъ и искуствъ, но съ теченіемъ времени его значеніе все увеличивалось. Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго всѣ, искавшіе образованія, утонченнаго вкуса, изящныхъ манеръ и наконецъ развлеченія, — стремились въ Парижъ. Что же до насъ русскихъ, то у насъ, какъ въ среднемъ классѣ, такъ и въ высшемъ кругу общества было распространено мнѣніе, что для порядочнаго человѣка внѣ Парижа нѣтъ спасенія. Богатаго и знатнаго

манитъ къ себѣ Парижъ своими маскарадами, балами, которые устраиваютъ тамъ съ такимъ разнообразіемъ и неслыханнымъ блескомъ миловидныя парижанки, всегда умѣющія сдѣлать свое общество обворожительнымъ. Знатную барыню прежде всего влекло сюда тоже, что и мужчинъ: роскошь, развлеченія и блестящіе парижскіе магазины. Въ нихъ уже давно было сгруппировано все, что могло вскружить голову женщинѣ, всѣ мысли которой были исключительно направлены только къ тому, чтобы *казаться* красивѣе, моложе, эффектнѣе, наряднѣе другихъ. А въ Парижѣ и была устроена вся жизнь именно такъ, чтобы исправлять и полировать человѣка прежде всего съ его внѣшней стороны. Вотъ здѣсь M-eur Paul Iulie-Antoine дѣлаетъ такую классическую прическу и при этомъ такъ мило, такъ любезно говоритъ прелестныя вещи; тамъ M-me Жанета дѣлаетъ... о Боже, какія шляпы! Ленты, цвѣты, перья, тюль... все это какъ бы въ хаотическомъ безпорядкѣ размѣщено на нихъ съ такимъ вкусомъ и изяществомъ, что сразу придаютъ нашей нѣсколько тяжеловѣсной и отъѣвшейся соотечественницѣ—королевскій видъ. Башмакъ, этотъ замѣчательный парижскій башмачекъ, получившій просто историческую извѣстность, такъ ловко обхватываетъ ея ногу, что всѣ ея движенія сразу получаютъ болѣе легкости и непринужденности. А тонкая эластическая перчатка, до сихъ поръ распространенная по всему свѣту,—она еще болѣе способна скрыть недостатки рукъ и придать имъ привлекательный видъ... А эти bijouteries (драгоцѣнныя вещи), выставленныя въ окнахъ ювелировъ! Ихъ волшебный блескъ и игра цвѣтовъ такъ приковываютъ глаза и сердце прекраснаго пола, что на покупку ихъ часто разорялись здѣсь въ пухъ и прахъ. Люди, обиженные природою или утратившіе первую свѣжесть молодости, стремились сюда исправить свои недостатки. Здѣсь съ такимъ искуствомъ вставляютъ зубы, потерявшимъ волосы—дѣлаютъ накладки и парики; мѣняютъ рыжій цвѣтъ волосъ въ прекрасный пепельный, каштановый или черный; здѣсь такія прекрасныя бѣлила и румяна и такъ основательно учатъ ихъ употреблять; мази, которыя разглаживаютъ морщины; вода, придающая такую свѣжесть лицу. Материнское сердце тоже найдетъ здѣсь себѣ пищу. Что за игрушки! канарейки, на незамѣтныхъ для глаза пружинкахъ, свободно, какъ настоящія, перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку, распѣваютъ голосистыя пѣсни, заливаются, и послѣ этого такъ натурально расправляютъ свои крылышки и носикомъ перебираютъ перышки, что легко могутъ обмануть самаго зоркаго наблюдателя. Спеленатыя куклы, въ натуральный ростъ новорожденнаго ребенка, такъ жалобно плачутъ. Другія вскакиваютъ, протягиваютъ ручки, зовутъмаму и папу, говорятъ цѣлыя фразы... А вотъ и огромнаго роста кукла — щеголиха: на ней все по послѣдней картинкѣ журнала... Бархатъ, шелкъ, кружева, брилліанты, жемчугъ,—все это, хотя и поддѣльно, но тѣмъ не менѣе сдѣлано съ большимъ вкусомъ. И до настоящаго времени Парижъ законодатель модъ, тонкаго изящнаго вкуса.

До послѣдняго времени Парижъ не мало привлекалъ къ себѣ всѣхъ, кто во чтобы то ни стало стремился безъ труда и скоро разжиться. Такіе люди садились за рулетку и въ нѣсколько часовъ выходили изъ комнаты или совершенными нищими, или богачами. (Рулетка запрещена только въ самое послѣднее время). Гастрономы во всякое время года могутъ удовлетворить самымъ избалованнымъ, прихотливымъ и непостояннымъ вкусамъ. Тутъ зимою и лѣтомъ, осенью и весною всегда можно найти нѣжные южные плоды, свѣжую зелень, омары, дичь, рыбу. Все это съ необыкновеннымъ изяществомъ убрано и выставлено за окнами блестящихъ магазиновъ и подается вамъ прекрасно сервированное на фаянсѣ и серебрѣ. При этомъ служителя съ вами такъ предупредительны и внимательны, такъ почтительны, какъ съ принцемъ крови.

До сихъ поръ однако мы все говорили о людяхъ, которыхъ Парижъ очаровывалъ

своимъ мишурнымъ блескомъ и которые пріѣзжали сюда съ пустыми, эгоистическими и мелкими цѣлями, — но далеко не однихъ этихъ людей манила французская столица. Огромные библіотеки съ сотнями тысячъ книгъ и съ множествомъ цѣнныхъ, рѣдкихъ рукописей, ботаническій садъ, уже давно пользующійся заслуженной извѣстностью, болѣе нежели въ другихъ странахъ развитая политическая жизнь, борьба партій, живой, мыслящій французскій рабочій, умно и смѣло ставящій разные современные вопросы для улучшенія жизни своихъ собратій и рѣшающій ихъ въ своей средѣ, — все это привлекало въ Парижъ ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ, художниковъ всѣхъ странъ. Политическіе перевороты, при которыхъ старались добиться свободы, заставляли энтузіастовъ бросать все и ѣхать сюда, въ эту бурную столицу, пожить общею жизнію, а если нужно, — драться на баррикадахъ въ томъ убѣжденіи, что они дерутся не за свободу одной Франціи, а за освобожденіе всѣхъ угнетенныхъ. Вотъ что сказалъ о призваніи Парижа Викторъ Гюго, этотъ великій современный французскій писатель: «Распространять идеи», говоритъ онъ, «неутомимо разсѣвать истины по свѣту — призваніе Парижа, его обязанность, и онъ свято выполняетъ свое назначеніе. Парижъ — это сѣятель! Гдѣ онъ сѣетъ? Во мракѣ. Что онъ разсыпаетъ? Искры свѣта... Все, что вспыхиваетъ въ умахъ людей тамъ и сямъ — все это дѣло Парижа. Горячее пламя прогресса зажжено имъ и онъ безостановочно его поддерживаетъ. Какъ горючій матеріалъ, онъ бросаетъ туда суевѣріе, фанатизмъ, ненависть, глупость, предразсудки. Парижъ — это центръ человѣческой жизни и въ немъ сосредоточивается нервная жизнь всей земли. Если онъ вздрагиваетъ — вздрагиваетъ весь міръ»... Въ этихъ словахъ много правды. Было бы слишкомъ односторонне думать, что Парижъ даетъ міру только прелестные французскіе цвѣты, миніатюрный башмачекъ, чародѣйски мѣняетъ цвѣтъ волосъ и даже самую физіономію щеголихи. Нѣтъ, онъ дѣйствительно въ значительной степени направляетъ настроеніе умовъ, распространяетъ знаніе, идеи. Каждая перемѣна въ его жизни волновала и теперь еще сильно волнуетъ умы всей Европы, тогда какъ настроеніе Лиссабона, Мадрита, даже Рима, Берлина и Вѣны болѣе касаются только жителей этихъ городовъ. Вотъ почему мысль бомбардировать Парижъ казалась такою чудовищною, вотъ почему во время осады этой столицы такъ дрожали сердца всѣхъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ждали объ ней новостей.

Но еще большее значеніе французская столица имѣетъ для своихъ согражданъ. Это намъ будетъ совершенно понятно, когда мы вспомнимъ, что Парижъ совершенно въ иномъ смыслѣ столица Франціи, чѣмъ другія столицы; Парижъ — вся Франція! Со времени революціи 1789 года Парижъ имѣлъ рѣшающій голосъ во всѣхъ политическихъ перемѣнахъ, которыя предпринимала Франція. Произвести перемѣну существующаго правительства возможно только въ Парижѣ; Парижъ захочетъ — и Франція завтра же будетъ имѣть новое правительство. Тоже самое относительно науки, искуства, промышленности. Ни одинъ научный талантъ не можетъ развиться или получить значеніе внѣ Парижа. Только въ одномъ Парижѣ можетъ усовершенствоваться и вполнѣ изучить свое искуство французскій художникъ, только въ столицѣ ремесленникъ можетъ основательно ознакомиться съ своимъ ремесломъ; только здѣсь французъ и можетъ добиться почестей, славы, богатства. Столица влечетъ къ себѣ не только геніальнаго французскаго мыслителя, но и геніальнаго мошенника и преступника, бѣжавшаго съ галеръ, — и для нихъ она открываетъ огромное поле дѣятельности. Французскіе города въ 100 и 200 тысячъ жителей не имѣютъ никакого значенія передъ Парижемъ. Въ нихъ имѣетъ вѣсъ только то, что получило парижскій штемпель. Причина этого — централизація, сильно развитая во Франціи: въ странѣ весьма мало развито мѣстное самоуправленіе и большая часть дѣлъ, касающихся самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Франціи,

рѣшаются въ Парижѣ. Однимъ словомъ французы, еще болѣе чѣмъ иностранцы, стремятся въ Парижъ учиться, заниматься литературой и политикой, богатѣть, жить въ водоворотѣ кипучей, политической жизни, кутить, развлекаться, запасаться новыми изящными костюмами, предаваться различнымъ удовольствіямъ, видѣть блескъ, учиться обворожительнымъ манерамъ парижанъ, ихъ умѣнью жить и устраивать всевозможныя житейскія мелочи съ необыкновеннымъ вкусомъ и изяществомъ.

Вслѣдствіе всесвѣтнаго стремленія въ Парижъ, вслѣдствіе богатой французской литературы и ея громаднаго вліянія на умы, вслѣдствіе великихъ изслѣдованій по различнымъ отраслямъ наукъ,—языкъ французскій, особенно съ половины XVIII столѣтія, дѣлается общеупотребительнымъ въ Европѣ. Наше дворянство вплоть до 60 годовъ нынѣшняго столѣтія тратило на изученіе французскаго языка гораздо больше денегъ и времени, чѣмъ на свой родной. Хотя Парижъ для Европы и утратилъ за послѣднее 30-ти-лѣтіе свою обаятельную силу и она уже перестала вѣрить въ то, что внѣ Парижа нѣтъ спасенія, тѣмъ не менѣе французскій языкъ и до сихъ поръ имѣетъ огромное значеніе, и зная его можно объѣхать весь свѣтъ. Не только для каждаго образованнаго человѣка, но и для всѣхъ служащихъ при хорошихъ гостинницахъ большихъ городовъ знаніе французскаго языка обязательно.

Легкость, живость и остроуміе народа, его грація и утонченность, его разумъ, быстро схватывающій все внѣшнее, отражаются и на его языкѣ. Въ самыхъ разнообразныхъ, ясныхъ, полныхъ, округленныхъ и эффектныхъ выраженіяхъ легко и даже красиво можно выразить на этомъ языкѣ рѣшительно все видѣнное, прочувствованное и продуманное. Кромѣ того построеніе языка строго-правильно, а звуки гармоничны и мягки. Къ тому же языкъ этотъ отъ постояннаго употребленія все болѣе шлифуется. Однако, не смотря на всю легкость и благозвучность французскаго языка, не трудно замѣтить каждому, основательно его изучившему, и его главный недостатокъ, который состоитъ въ томъ, что на немъ лишь съ трудомъ можно выразить глубокую мысль. Этотъ недостатокъ прямо вытекаетъ изъ натуры живаго, увлекающагося, чрезвычайно талантливаго, но нѣсколько поверхностнаго французскаго народа. Кромѣ романскихъ нарѣчій, между которыми въ нѣкоторыхъ округахъ слышится итальянскій и испанскій, во Франціи говорятъ еще на языкахъ баскскомъ, бретонскомъ, нѣмецкомъ и фламандскомъ (близкая съ голландскимъ вѣтвь нѣмецкаго языка).

Внѣшній видъ Парижа.—Его улицы, постройки, аллеи и бульвары.—Блескъ и оживленіе столицы.—Реклама.—Балы и веселость парижанъ.—Уличная жизнь.—Ораторство уличныхъ торговцевъ.—Парижское благерство.

Самое замѣчательное и оригинальное въ Парижѣ — его улицы съ ихъ жизнью и движеніемъ. «Это огромная всемірная выставка», сказалъ одинъ писатель, «театръ и салонъ въ одно и то же время, блестящій и пестрый до того, что каждый rez de chaussée представляетъ декорацію». Роскошь и сказочное великолѣпіе болѣе всего бросаются въ глаза вечеромъ, когда зажигаютъ тысячи огней, какъ заревомъ освѣщающихъ здѣшніе магазины. Тогда еще болѣе поражаютъ дѣятельная жизнь, шумъ, пестрота и неутомимое движеніе безчисленныхъ фіакровъ и омнибусовъ. Не даромъ французы называютъ ихъ «vers rongeurs»—грызущіе черви. Не смотря на то, что за проѣздъ берется недорого, эти фіакры поглощаютъ громадныя суммы. При блескѣ огней еще чаще попа-

даются изнуренныя, блѣдныя лица женщинъ, разодѣтыхъ иногда съ замѣчательной роскошью и изяществомъ. Совершенную противуположность съ ними представляютъ уличные мальчики всегда бодрые, живые: они постоянно острятъ и обыкновенно мѣтко и колко задѣваютъ прохожихъ.

Не смотря на громадное пространство, которое занимаетъ Парижъ, онъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Особенно расширилась французская столица въ царствованіе Наполеона III: при немъ городъ увеличился болѣе чѣмъ вдвое и былъ отстроенъ совершенно заново. Чтобы составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе о постоянныхъ перестройкахъ Парижа и о числѣ возрастающихъ съ каждымъ годомъ зданій, приведемъ нѣсколько цифръ: съ 1852-го до 61-го года было разрушено 11,192 дома и построено 55,864, а съ 64-го до 65-го года разрушено 1,942 дома и вновь построено 3,351. Если бы поставить эти новыя постройки въ одну линію, то онѣ заняли бы въ длину 15 нѣмецкихъ миль (105 нашихъ верстъ). Эта громадная линія составилась бы изъ 200 новыхъ бульваровъ и улицъ, изъ 8-ми новыхъ церквей, 80-ти новыхъ школъ, 12-ти мостовъ, пассажей, 3-хъ боенъ, 22-хъ скверовъ и 3-хъ парковъ съ 50 тысячами новыхъ деревьевъ. Сколько сломано было улицъ въ Парижѣ единственно съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать ихъ прямѣе и шире! Лѣтъ десять тому назадъ сломали и выстроили вновь черезъ Сену два огромныхъ каменныхъ моста, что стоило громадныхъ затратъ, только потому, что они не довольно прямо приходились въ линію двумъ вновь открытымъ улицамъ. Эта страсть французовъ къ перестройкамъ и къ украшенію своей столицы много поглотила матеріальныхъ и жизненныхъ силъ народа. Постройки новыхъ, громадныхъ зданій, ихъ украшеніе и перестройки во время правленія Наполеона шли каждый годъ crescendo и служатъ отчасти наглядным доказательствомъ того, что наполеоновское правительство для мишурнаго блеска своей столицы и усиленія милитаризма всегда отодвигало дѣйствительную пользу народа на второй планъ. Впрочемъ, говорятъ, эти вѣчныя перестройки имѣли и другую цѣль, чисто политическую: Наполеонъ предпринималъ ихъ, чтобъ занять мысли и руки рабочаго люда и такимъ образомъ заставить его какъ можно меньше думать о бѣдности и страданіи своихъ собратій, о недовольствѣ существующимъ порядкомъ.

Но какъ бы то нибыло, Парижъ обстроился на славу, и его, по справедливости, можно считать первымъ и знаменитѣйшимъ городомъ во всемъ свѣтѣ, настоящею столицею міра. Въ Европѣ существуетъ множество городовъ, прославившихся своимъ чуднымъ мѣстоположеніемъ, напр. Константинополь, Неаполь, Лиссабонъ, но природа не надѣлила французскую столицу особенными красотами, и если она уже издавна производитъ на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, то этимъ она исключительно обязана генію человѣка, и не одного какого нибудь короля или его могущественнаго министра, а всего французскаго народа разныхъ поколѣній и временъ. Не даромъ многія улицы еще до сихъ поръ носятъ старинныя средневѣковыя имена, другія названы именами городовъ и провинцій страны, именами славныхъ побѣдъ, но новое время въ этомъ отношеніи отразилось еще сильнѣе: множество улицъ названы вслѣдствіе величайшихъ событій въ жизни французскаго народа или по именамъ знаменитыхъ людей. Здѣсь существуютъ улицы: Ньютона, Кювье, Руссо, Вольтера, Франклина, Place de la Concorde, rue du 4 septembre, rue du Contrat social. Существуютъ цѣлые кварталы, гдѣ всѣ улицы сплошь названы по именамъ великихъ европейскихъ физиковъ, естествоиспытателей, докторовъ, химиковъ, другіе носятъ имена великихъ живописцевъ и скульпторовъ; третьи—знаменитыхъ музыкантовъ; четвертые—писателей; пятые — государственныхъ людей.

Уже 200 лѣтъ тому назадъ Парижъ поломалъ свои средневѣковыя стѣны, засыпалъ рвы, снесъ бастіоны, и протянулъ на мѣсто ихъ великолѣпную линію бульваровъ.

Эти широкіе и блестящіе бульвары и аллеи прорѣзываютъ теперь городъ во всѣхъ направленіяхъ. Путешественникъ непремѣнно долженъ прогуляться по нимъ, чтобъ познакомиться съ уличною парижскою жизнію. При этомъ вамъ нечего бояться устать: на каждомъ шагу можно отдохнуть или въ кофейной, или въ кондитерской и заплатить за отдыхъ не болѣе 10 су. Впрочемъ отдыхъ можетъ стоить и еще дешевле, если сѣсть на улицѣ на желѣзномъ стулѣ, которыми промышляютъ старушки съ кожанною сумкою через плечо. Очень часто около этихъ стульевъ не видишь никого; но не успѣешь сѣсть, какъ передъ вами, точно изъ земли, выростаетъ старушка со словами: «два су, сударь!»

Парижскіе бульвары представляютъ по истинѣ величественный видъ. Непрестанно волнующаяся толпа, великолѣпіе блестящихъ магазиновъ съ зеркальными стеклами, постоянное движеніе невообразимой массы блестящихъ экипажей, зданія, похожія на дворцы—все это поражаетъ своимъ блескомъ и роскошью и очаровываетъ всякаго, въ первый разъ сюда попавшаго. Особенно вечеромъ, когда все блеститъ въ ослѣпительномъ свѣтѣ тысячи газовыхъ огней и прогуливается пестрая оживленная толпа,—эти бульвары производятъ поразительное впечатлѣніе. Тогда они болѣе всего походятъ на роскошныя, богато освѣщенныя, безконечной величины гостинныя на воздухѣ. Бульвары окаймлены широкими асфальтовыми тротуарами. Деревья, растущія по сторонамъ этихъ бульваровъ, доставляютъ много заботъ властямъ и чрезвычайно дорого стоютъ, такъ какъ онѣ отъ вреднаго вліянія газа скоро засыхаютъ. Засохнувшія деревья замѣняются съ большими издержками свѣжими, и что всего замѣчательнѣе, почти также разросшимися. Самый блестящій изъ бульваровъ — итальянскій бульваръ. Это rendez vous парижскаго «beau monde»: здѣсь прогуливаются до полуночи, или сидятъ на стульяхъ, наблюдая живыя и интересныя сцены. Куда бы здѣсь ни упалъ вашъ взоръ, онъ всюду встрѣчаетъ изящное, красивое и увлекательное. Даже газовыя канделябры, и тѣ представляютъ просто художественное произведеніе. Надписи, обозначающія названія улицъ, сдѣланы съ необыкновеннымъ вкусомъ; ящики для писемъ, и тѣ имѣютъ чрезвычайно красивую форму; каждый предметъ, всякая бездѣлица говорятъ вамъ о находчивости, о врожденномъ чувствѣ изящнаго этого народа.

А если при этомъ еще цвѣтутъ и посаженныя по обѣимъ сторонамъ деревья, тогда при безоблачномъ небѣ у васъ передъ глазами открывается такая прелестная понорама, какую трудно представить себѣ даже въ грезахъ.

Однако устроители Парижа не только думали объ изяществѣ, но и о пользѣ. Множество «пассажей» съ стеклянными кровлями и знаменитый парижскій рынокъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже, даютъ возможность народу во всякую погоду торговать безпрепятственно. А эти «колонны», разставленные по главнымъ улицамъ, эти «кабинеты за 3 су» по всѣмъ концамъ города говорятъ вамъ о людяхъ, уже давно отбросившихъ ложную стыдливость и имѣвшихъ въ виду прежде всего потребность и пользу жителей. Изящные скульптурные фонтаны утоляютъ прохожаго въ знойный день; множество кіосковъ для продажи газетъ и телеграммъ даютъ возможность прохожему каждую минуту знать, что происходитъ во всѣхъ уголкахъ міра... Столько же для пользы, какъ и для удовлетворенія любознательности служатъ громадные ботаническіе и зоологическіе сады, парки, колоссальная система водопроводовъ и т. п.

Парижскіе дома—громады въ 6, 7 этажей, да иначе и быть не можетъ, такъ какъ они должны вмѣстить болѣе чѣмъ двухмилліонное населеніе. Стѣнъ домовъ не видать: онѣ сплошь покрыты вывѣсками, часто тоже художественными. Нижній этажъ въ большинствѣ случаевъ занятъ блестящими магазинами и кофейнями, сіяющими золотомъ и зеркалами, но первѣйшіе богачи и высшая аристократія въ большинствѣ слу-

чаевъ не живутъ здѣсь: они стараются подальше отъ центра города построить себѣ отдѣльный домъ, или, какъ здѣсь называютъ, отель, гдѣ они могли бы жить только съ своей семьей, не отдавая въ наемъ ни одного этажа. Эти отели находятся обыкновенно на окраинахъ города, всегда чрезвычайно граціозны и необыкновенно изящны снаружи.

Гуляя по улицамъ, прежде всего иностранцу бросается въ глаза масса объявленій и рекламъ, которыми обклеены свободныя стѣны рѣшительно всѣхъ существующихъ построекъ. Все расхвалено въ нихъ самымъ сказочнымъ образомъ и самые ничтожные предметы представлены необходимѣйшими для жизни. Реклама преслѣдуетъ здѣсь васъ всюду, заставляя, помимо вашего желанія, обращать на себя вниманіе; она вамъ напоминаетъ о себѣ и дома при чтеніи газетъ, въ театрѣ, на пароходѣ, преслѣдуетъ васъ даже въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ и днемъ, и ночью. Большинство рекламъ съ рисунками, нерѣдко очень оригинальными, иногда смѣшными, часто глупыми до безобразія,—но все равно, тутъ цѣль одна — броситься въ глаза, обратить на себя вниманіе. Иная реклама представляетъ рисунокъ сажень въ пять вышины, размалевана самыми яркими красками; кругомъ нѣсколько сотенъ такихъ же рисунковъ, но въ уменьшенномъ видѣ. Вотъ огромная картина, изображающая молодого человѣка въ натуральную величину: онъ элегантно раскланивается и въ то же время держитъ въ рукахъ ленту, на которой написанъ адресъ магазина и обращеніе къ публикѣ: «когда вещь перестала нравиться—отдаютъ деньги». Между всѣми этими объявленіями, разрисованными необыкновенно пластично различными цвѣтами, болѣе всего афишъ, которыя возвѣщаютъ о балахъ и маскарадахъ, ежедневно происходящихъ не только въ садахъ и обширныхъ зданіяхъ на главныхъ улицахъ, но рѣшительно вездѣ, даже въ самыхъ темныхъ переулкахъ Парижа. Такихъ баловъ каждый день бываетъ болѣе ста, такъ что каждый классъ общества можетъ найти подходящую для себя публику, однимъ словомъ балы для всѣхъ: для студентовъ, для офицеровъ, для работниковъ, для солдатъ; плата за входъ чрезвычайно ничтожная: отъ пяти франковъ до десяти су. И всѣ они каждый вечеръ биткомъ набиты народомъ. Для женщинъ почти вездѣ входъ безплатный. Однако мало можно сказать хорошаго о французскихъ увеселеніяхъ этого рода. Въ нихъ живой французскій народъ доходитъ до излишества, но это излишество обнаруживается не въ увлеченіи танцами, какъ это мы видимъ у испанцевъ, а въ буйныхъ, непристойныхъ, даже грязныхъ порывахъ, выходкахъ и тѣлодвиженіяхъ. Рядомъ съ набѣленной, нарумяненной женщиной, давно потерявшей стыдъ и совѣсть, робко, боязливо входитъ сюда въ первый разъ молодая дѣвушка, едва вышедшая изъ дѣтскихъ лѣтъ. Ее заманило сюда естественное желаніе повеселиться; но здѣсь веселье пьяное и безстыдное, и участвовать въ немъ нельзя, не утративъ сердечной чистоты.

На этихъ балахъ обыкновенно присутствуютъ полицейскіе сержанты, и главная ихъ обязанность въ это время состоитъ въ томъ, чтобы останавливать безстыдныя движенія танцующихъ. «Безъ этихъ предосторожностей», говоритъ одинъ писатель, «безъ этой полицейской грозы—всѣ смѣшались бы въ такой грязной и возмутительной оргіи, что при ней краска стыда бросилась бы въ лицо самому развратному римлянину временъ имперіи». Всѣ классы парижскаго общества охвачены страстью къ этимъ шумнымъ, бѣшеннымъ вечернимъ развлеченіямъ, къ этой неистовой, дикой пляскѣ. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ бѣшенѣе дѣлаются неистовства и наконецъ все заканчивается оргіею, которую не могутъ уже остановить сержанты.

Въ уличной парижской жизни болѣе всего поражаетъ иностранца въ первые дни невообразимо-страшный шумъ и движеніе, которые начинаются отъ дневнаго разсвѣта и кончаются далеко за полночь. Каждый торговецъ старается возможно виднѣе выста-

вить произведенія своей промышленности. Блескъ магазиновъ и умѣнье съ необыкновеннымъ вкусомъ расположить свой товаръ—отличительная черта парижанъ, которой стараются подражать всѣ европейскіе торговцы.

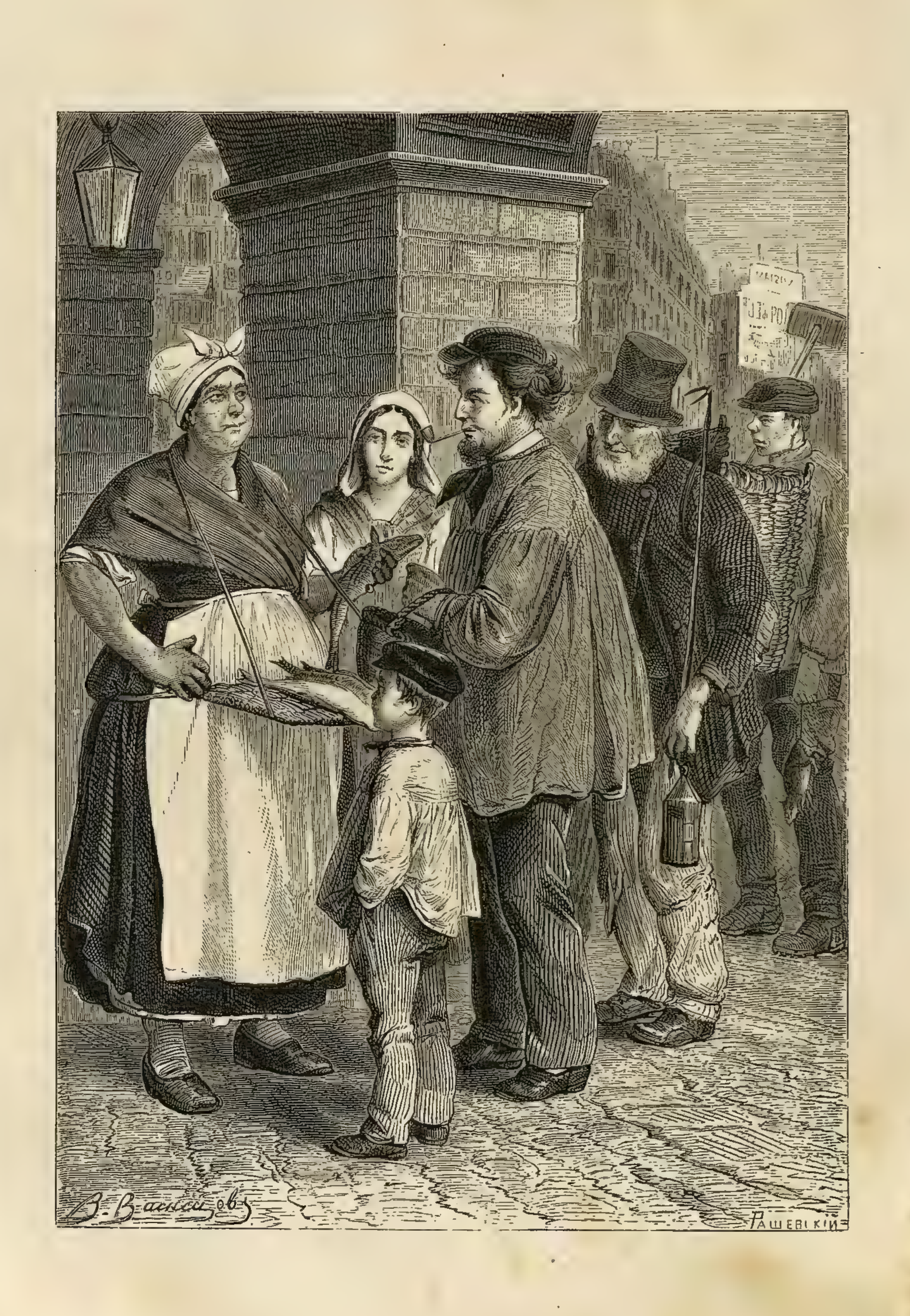
Въ старинныхъ частяхъ города можно видѣть иногда продавцевъ всевозможныхъ товаровъ, докторовъ-шарлатановъ и т. под. Они одѣты въ фантастическіе костюмы, въ каскахъ съ перьями, стоя въ высокой тележкѣ ораторствуютъ, страшно жестикулируя и поварачиваясь во всѣ стороны къ окружающей ихъ публикѣ: сзади ихъ слуга въ фантастической ливреѣ, играетъ на шарманкѣ или бьетъ въ барабанъ. Какое краснорѣчіе употребляетъ каждый изъ нихъ, чтобы восхвалить ту вещь, которую онъ продаетъ. Онъ разсказываетъ прошлую и настоящую исторію этой вещи, объясняетъ ея устройство и примѣненіе, показываетъ ее со всѣхъ сторонъ, язвительно надсмѣхается при этомъ надъ большими магазинами, которые продаютъ всякую вещь въ три дорога, тогда какъ онъ отдаетъ ее даромъ. «Даромъ!» кричитъ онъ съ такимъ ожесточеніемъ, что къ толпѣ слушателей, обступающей его, присоединяется все больше и больше народу. «Даромъ!» продолжаетъ онъ: «двадцать сантимовъ — развѣ это не даромъ? пять су — развѣ это не даромъ? Наконецъ, я не беру за вещь даже и пяти су, и отдаю ее безъ денегъ,—только докажите мнѣ, что гдѣ нибудь въ магазинѣ можно имѣть такую вещь за двадцать сантимовъ?»

Дальше, съ такимъ же пафосомъ, уличный художникъ предлагаетъ прохожимъ снять въ пять минутъ за три су сходный, какъ двѣ капли воды, портретъ. Вокругъ него еще гуще толпа. Изъ нея выдвигается рабочій въ синей блузѣ и художникъ ставитъ его въ должную позу, вооружается маленькими ножницами и клочкомъ черной бумаги, и въ пять минутъ готовъ портретъ, столько же похожій на оригиналъ, сколько и на всякаго другаго рабочаго въ блузѣ. Художникъ накладываетъ снимокъ на листокъ бѣлой бумаги, начинаетъ размахивать имъ передъ толпой, и парень, положившій уже деньги на столъ, ждетъ не дождется, когда кончитъ художникъ свою рѣчь. «Взгляните, господа и госпожи!» ораторствуетъ онъ.—«Взгляните на поразительное сходство! Вотъ подлинникъ, вотъ портретъ! Призываю всѣхъ въ свидѣтели невѣроятнаго сходства, быстроты работы и неслыханной дешевой цѣны. Три су черный портретъ, шесть бѣлый. Достаточно сравнить, чтобы убѣдиться...» и т. д. и т. д. И черезъ каждые пять словъ: «Три су портретъ поразительнаго сходства!» Въ другомъ мѣстѣ такая же толпа около человѣка, склеивающаго битую посуду и читающаго одушевленную лекцію объ этомъ предметѣ.

Эта болтовня, которую такъ мѣтко охарактеризовали французы словомъ blague, порой изящная, остроумная и всегда игривая, въ характерѣ этого народа, и вы ее встрѣтите здѣсь всюду: въ печати, на кафедрѣ, въ модныхъ магазинахъ, въ мастерскихъ художника. Никто кромѣ французовъ не имѣетъ такихъ громкихъ и пышныхъ названій для предметовъ самыхъ обыкновенныхъ. Каждая карта парижскаго ресторана, каждое объявленіе, даже уличный разговоръ, все это не болѣе какъ blague (благёрство).

Парижскій рынокъ.—Пуассардки.—Воришки.—Продажа объѣдковъ.

Размѣститься, прокормить, удовлетворить разнообразнымъ потребностямъ жителей въ такой громадной столицѣ, какъ Парижъ, съ болѣе чѣмъ 2-хъ мил. населеніемъ задача въ высшей степени трудная. Дурныя парижскія квартиры, слишкомъ высокія произвольныя цѣны и придирчивыя требованія домохозяевъ черезчуръ стѣсняютъ жителей и въ этомъ отношеніи для нихъ мало сдѣлала администрація. Что касается продовольствія столицы, то всѣ ея рынки вообще и между ними центральный парижскій рынокъ въ особенности, по своему устройству, замѣчательной распорядительности и дѣятельности администраціи, — заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Этотъ парижскій центральный рынокъ не имѣетъ ничего общаго съ нашими, совершенно первобытнымъ образомъ устроенными базарными площадями. Онъ былъ основанъ въ XVI стол.: тогда вокругъ него были проложены дороги, такъ что онъ походилъ на отдѣльный городокъ. Около этого времени былъ изданъ указъ, по которому запрещалось покупать и выгружать съѣстные припасы гдѣ-бы то ни было, кромѣ рынка. Онъ сталъ называться «Halles», или «Alles», отъ глагола «aller», идти потому что каждый шелъ туда. Уже съ XVI столѣтія, въ этомъ рынкѣ преимущественно торгуютъ женщины, и мало по малу характеръ этихъ пуассардокъ (les dames de la Halles или les poissardes, какъ ихъ называютъ) пріобрѣтаетъ необыкновенно типичныя черты. Широкая глотка, тяжелая рука, сварливый характеръ, грубыя остроты, мѣткая брань, умѣнье отстоять свои интересы, необыкновенная энергія и самостоятельность характера,—вотъ самыя главныя качества этихъ рыночныхъ торговокъ. Ихъ остроты и насмѣшки никогда не дозволяли никому появиться въ рынкѣ, покопаться въ товарѣ и затѣмъ уйти, ничего не купивъ; не дозволяли онѣ также много съ ними и торговаться, — на всякаго такого человѣка сыпался со всѣхъ сторонъ градъ насмѣшекъ и онѣ умѣли ими пронять самаго равнодушнаго человѣка. Уже въ началѣ XVIII столѣтія брали большой штрафъ съ тѣхъ изъ нихъ, которыя оскорбляли прохожихъ; но запугать пуассардокъ, какими бы то ни было мѣрами, весьма трудно. Въ волненіяхъ и переворотахъ столицы онѣ обыкновенно играютъ весьма видную роль. Центральный рынокъ нѣсколько напоминаетъ хрустальный дворецъ въ Лондонѣ. Строители этого рынка прежде всего имѣли въ виду здоровье народа и его удобства. Чистый воздухъ повсюду, вода и свѣтъ—вотъ что было ихъ первою заботою. Чугунныя колонки, держащія желѣзныя своды и цинковую крышу, прорѣзанную обширными массами стекла, служатъ подпорками и въ тоже время трубами для пропуска дождевой воды съ крышъ подъ землю. Рынокъ состоитъ изъ множества огромныхъ, стеклянныхъ павильоновъ, которые въ свою очередь ничто иное какъ громадныя зданія. 1200 газовыхъ фонарей и рожковъ освѣщаютъ вечеромъ эти колоссальные павильоны или лучше сказать залы рынка. Внизу этихъ построекъ устроены кладовые и погреба. Въ этихъ кладовыхъ хранятся непроданные за день припасы и многіе изъ нихъ такъ хорошо устроены, что въ нихъ вы найдете бассейны съ проточной водой, гдѣ плаваетъ рыба; въ другихъ кладовыхъ живутъ въ клѣткахъ кролики, утки. Между этими кладовыми проходитъ дорога съ рельсами, по которой можно везти товары до самаго вокзала желѣзной дороги. Со всѣхъ четырехъ сторонъ къ рынку ведутъ, широкія улицы, большею частію непосредственно примыкающія къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. Шесть тысячъ повозокъ, 800 вьючныхъ животныхъ, множество тачекъ и носильщиковъ доставляютъ сюда каждую ночь массу провизіи. Но всѣ эти повозки, тачки, люди не могли бы свободно двигаться, еслибы не было запрещено другимъ экипажамъ проѣзжать отъ 3-хъ часовъ ночи до 10-ти часовъ утра по улицамъ,


В. Васнецовъ
Рашевскій

ведущимъ къ рынку. Смотрѣть за порядкомъ во время перевозки товаровъ поручено бригадѣ изъ 40 городскихъ сержантовъ. Вообще здѣсь существуетъ большой порядокъ, такъ какъ надзоръ за всѣмъ чрезвычайно бдительный. Въ этомъ рынкѣ существуетъ совершенно особая постройка, въ которой постоянно находится инспекторъ рынка и его помощники. Они наблюдаютъ за свѣжестью провизіи, за порядкомъ рынка и за правильностію вѣса,—вслѣдствіе этого тутъ постоянно происходитъ провѣрка вѣсовъ, употребляемыхъ торговцами. Не легка обязанность этихъ людей. Имъ не только необходимо честно и аккуратно выполнять ее, но и умѣть ужиться съ пуассардками, которыя своими насмѣшками и остротами нерѣдко заставляютъ того или другаго изъ нихъ бросить мѣсто.

Чистота помѣщенія и посуды, въ которыхъ держатъ провизію, и замѣчательный порядокъ во всемъ доведены здѣсь до всевозможнаго совершенства. Здѣсь торговецъ не можетъ безнаказанно обмануть покупателя; онъ не можетъ подсунуть ему вредную для здоровья, плохую провизію, такъ какъ это ни подъ какимъ видомъ не ускользнетъ отъ зоркаго глаза рыночной администраціи.

Для того, чтобы создать этотъ замѣчательный рынокъ въ настоящемъ видѣ понадобились соображенія умнѣйшихъ людей многихъ царствованій и 50 милліоновъ франковъ.

Когда кончаются представленія въ театрахъ, закрываютъ кофейни, гасятъ огни въ домахъ, однимъ словомъ, когда засыпаетъ весь Парижъ,—просыпается рынокъ, хотя не весь сразу; сначала оживляются люди въ одномъ павильонѣ, потомъ въ другомъ и наконецъ съ первыми лучами солнца подымаются на ноги всѣ обитатели этого особаго мірка. Первыми являются къ рынку огородники. Идетъ ли дождь, воетъ ли осенній вѣтеръ, стоитъ ли сильный морозъ, они въ извѣстный часъ непремѣнно плетутся сюда въ своихъ тележенкахъ. Затѣмъ на телѣгахъ, по рельсамъ, везутъ къ рынку говядину. Бьетъ три часа и движеніе усиливается: главная продольная галлерея, раздѣляющая рынокъ на равныя группы павильоновъ, начинаетъ наполняться плодами, цвѣтами, мхомъ, цвѣтущими или распускающимися вѣтками деревьевъ... и уже въ эту пору вокругъ рынка расхаживаютъ старшины носильщиковъ и дѣлаютъ имъ перекличку, чтобъ узнать, каждый ли изъ нихъ стоитъ на своемъ мѣстѣ. Воришки, бродяги и нищіе ползаютъ между грудами цикоріи, моркови, петрушки, стараются спрятаться за нихъ и какъ нибудь уснуть... Но это имъ не удается, такъ какъ къ нимъ тотчасъ подходитъ полицейскій, расталкиваетъ ихъ, будитъ, поднимаетъ на ноги, гонитъ прочь. Они вскочили какъ встрепанные, но, отбѣжавъ на 15—20 шаговъ, снова прижимаются къ кучамъ различной зелени, часто проползая при этомъ на животѣ огромныя пространства; затѣмъ они стараются и тутъ опять гдѣ-нибудь прикурнуть и заснуть хотя на нѣсколько минутъ. Но къ нимъ съ другой стороны подходитъ полицейскій. Тотъ же маневръ повторяется нѣсколько разъ.

Хотя этотъ рынокъ и очень великъ, тѣмъ не менѣе недостаетъ мѣста всѣмъ желающимъ торговать въ немъ. Поэтому множество торговцевъ занимаютъ сосѣднія улицы. Въ теплое время года и они точно также завалены грудами всевозможной зелени: бобами, горохомъ, фасолью, морковью и т. п.; и за ними, какъ и въ рынкѣ, установленъ точно такой же правильный и бдительный надзоръ.

За нѣсколько минутъ до 5-ти часовъ утра начинаютъ собираться женщины съ зажженными фонарями и тогда все подымается на ноги. Только тотъ, кто бывалъ въ центральномъ рынкѣ Парижа, кто видѣлъ эти груды мяса, это безконечное множество живой рыбы, груды кресса, картофеля, моркови, только тотъ сразу пойметъ, какъ великъ этотъ городъ, какія массы людей копошатся въ этихъ шестиэтажныхъ домахъ,

необъятныхъ гостиницахъ, въ нищенскихъ мансардахъ, въ отеляхъ, напоминающихъ дворцы.

Когда расхаживаешь по павильонамъ, сейчасъ бросаются въ глаза разнообразныя потребности этого города и онѣ отчасти даютъ понятіе о нравахъ жителей. Въ одномъ павильонѣ есть особый родъ торговцевъ, которые занимаются продажею остатковъ съѣстныхъ припасовъ: предметъ ихъ торговли довольно мѣтко называется арлекинами. Какъ платье арлекина сшито изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, такъ товары этихъ торговцевъ состоятъ изъ самыхъ разнообразныхъ припасовъ. Каждое утро они посылаютъ своихъ агентовъ съ небольшими ручными, на-глухо запирающимися телѣжками въ кухни богатыхъ домовъ, посольствъ, дворцовъ, гостинницъ, отелей. Повара, лакеи, горничныя и служащіе при этихъ домахъ обыкновенно входятъ въ сношенія съ продавцами арлекиновъ и за извѣстное, обыкновенно ежемѣсячное, вознагражденіе обязываются отдавать имъ каждое утро остатки всѣхъ кушаньевъ отъ обѣдовъ, завтраковъ, ужиновъ и закусокъ. Всѣ эти объѣдки сбрасываютъ въ стоящую у задняго входа телѣжку и отвозятъ въ центральный рынокъ. Здѣсь ихъ тщательно разбираютъ и очищаютъ. То, что еще можно отдѣлить, кладется на тарелку и убирается смѣсью и другими остатками иногда также красиво, какъ и въ большихъ отеляхъ. Когда очистка кончается, торговцы стараются по возможности изящно разставить ихъ, выставляя на видъ самыя лакомыя блюда. Все, что нельзя было отдѣлить, навалено грудами на большихъ блюдахъ, стоитъ сзади и ждетъ голодныхъ и несчастныхъ бѣдняковъ, которые пріобрѣтаютъ здѣсь эту провизію за самую дешевую цѣну. Все, что уже совсѣмъ негодно для употребленія изъ этой смѣси, оставляется для продажи на прокормленіе собакъ и кошекъ. Кости отдѣляютъ совершенно особо и изъ нихъ приготовляютъ плитки бульона. Къ торговцамъ арлекинами идутъ не только бѣдняки, но и любители животныхъ. Рано утромъ тутъ нерѣдко можно видѣть, какъ какой-нибудь господинъ, приподнимая воротникъ пальто, чтобы не быть узнаннымъ, точно воръ, бросая тревожные взгляды, пробирается къ этому павильону. Это богатый скряга, иногда милліонеръ, и въ то же время человѣкъ, занимающій важный постъ. Его богатство, положеніе въ обществѣ и обычаи столицы заставляютъ его давать пиры. Но чаще всего это промотавшійся кутила, который какъ можно дольше старается слыть блестящимъ человѣкомъ съ вѣсомъ и положеніемъ. Иногда изъ остатковъ съ различныхъ столовъ торговцы арлекинами приготовляютъ ему съ виду эффектное блюдо, оригинальностью котораго онъ нерѣдко хвастаетъ въ кругу пріятелей, тонко намекая, что онъ бросилъ на него бѣшеныя деньги и что оно было приготовлено знаменитѣйшими поварами. Торговцы отлично знаютъ этихъ богатыхъ скрягъ и бѣдныхъ фатовъ: они служатъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ павильона; но они лучшіе покупатели и, когда появляются въ рынкѣ, продавцы арлекиновъ торопятся къ ихъ услугамъ и смѣются только за ихъ спинами. Трудно вообразить, какъ прибыльна эта торговля. Торгующіе арлекинами обыкновенно наживаютъ дома и десятки тысячъ франковъ годоваго дохода.

Тутъ также можно найти и торговцевъ кусками хлѣба. Корки и хлѣбные объѣдки продаютъ сюда точно также, но главное основаніе этой торговли кладутъ школьники, пансіонеры и различные ученики, которые, завтракая во дворѣ во время рекреаціи, роняютъ корки и остатки, или, наѣвшись, швыряютъ ихъ куда попало. Всѣ эти куски хлѣба, покрытые пылью, выпачканные въ грязи, черствые и заплесневѣлые, тщательно подбираются агентами этихъ торговцевъ и точно также отвозятся въ рынокъ. Тутъ ихъ раздѣляютъ на категоріи: получше, похуже и совсѣмъ негодные. Одни изъ этихъ кусковъ сушатъ въ печкахъ, толкутъ и этотъ хлѣбный порошокъ продаютъ въ рестораны, гдѣ повара обсыпаютъ ими котлеты, употребляютъ и при многихъ другихъ ку-

шаньяхъ. Другіе куски поджигаютъ на огнѣ до тѣхъ поръ, пока они почернѣютъ какъ уголь, и когда столкутъ, то продаютъ для чистки зубовъ; хлѣбный порошокъ, менѣе подожженный и отъ лучшихъ кусковъ, смѣшиваютъ съ медомъ, съ миндалемъ и дѣлаютъ изъ него пряники. Изъ множества кусковъ и ничего не дѣлаютъ, а такъ продаютъ ихъ цѣлыми грудами нищимъ и бродягамъ.

Сенъ-Жерменское предмѣстье.—Жизнь знатныхъ французскихъ фамилій, ихъ обстановка и понятія.

Сенъ-Жерменское предмѣстье — резиденція старинныхъ знатныхъ фамилій. Если вы хотите имѣть понятіе о знати временъ Людовика XVI, о ея жизни, обычаяхъ и обстановкѣ, отправляйтесь въ одинъ изъ отелей, Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Хотя съ Людовика XVI прошло уже цѣлое столѣтіе, но вы ни въ чемъ не замѣтите здѣсь никакой перемѣны, и обитатели этого предмѣстья далеки отъ всякаго современнаго движенія.

Когда вы, миновавъ площадь Согласія, перейдете черезъ мостъ того же названія на другую сторону Сены, васъ поразитъ то, что тутъ совсѣмъ иной, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Парижа, характеръ уличной жизни и даже построекъ. Вы не найдете здѣсь шумныхъ бульваровъ центра Парижа; васъ не преслѣдуютъ больше безконечные ряды блестящихъ магазиновъ; не оглушитъ грохотъ и стукъ тысячи ѣдущихъ по мостовой экипажей,—движеніе и шумъ остались по ту сторону рѣки. Здѣсь прежде всего васъ встрѣчаетъ рядъ тихихъ, опрятныхъ улицъ, по которымъ едва слышно проносится изящный экипажъ; толкотни совсѣмъ нѣтъ, пѣшеходовъ чрезвычайно мало. Дома прекрасные, но сумрачно-сѣрые, и въ ихъ нижнихъ этажахъ вы не найдете блестящихъ магазиновъ, которые придаютъ такое оживленіе улицамъ. Никакая вывѣска, никакая надпись на домѣ не привлекаютъ вниманія, но вмѣсто этого то тамъ, то здѣсь вы замѣтите надъ аркой главныхъ воротъ дома высѣченный изъ камня гербъ, украшенный герцогскою или графскою короною. Дома, въ которыхъ отдаютъ квартиры въ наемъ, составляютъ здѣсь большую рѣдкость.

Сенъ-Жерменское предмѣстье уже изстари было населено древнѣйшими и самыми знатными фамиліями и прежде было частью города, которая считалась центромъ и, такъ сказать, сердцемъ Парижа; но пришли новыя времена, устроены были блестящіе бульвары, вполнѣ опредѣлилась великолѣпно-величественная физіономія Елисейскихъ Полей и тогда у Сенъ-Жерменскаго квартала было отнято его первенство. Революціи, смѣняющія одна другую, каждый разъ вызывали и новый складъ жизни, и новыхъ людей, которые стали селиться въ новыхъ кварталахъ; знатныя фамиліи, по своимъ понятіямъ и идеямъ совсѣмъ не подходившія къ новому складу жизни, остались въ своихъ перешедшихъ къ нимъ отъ ихъ предковъ домахъ Сенъ-Жерменскаго квартала, который онѣ переименовали въ предмѣстье. Они не понимали новой жизни и ея идеаловъ и стали жить все болѣе замкнутою жизнью, воспитывая въ тѣхъ же понятіяхъ и своихъ дѣтей.

Широкій въѣздъ въ ворота дома ведетъ въ обширный дворъ, который обыкновенно вымощенъ большими квадратными плитами. Направо и налѣво расположены прекрасныя конюшни, каретные сараи и службы для людей, а прямо противъ воротъ возвышается главный фасадъ дома, къ среднему входу котораго ведутъ нѣсколько ступеней съ стеклянным навѣсомъ. Посреди двора въ большинствѣ случаевъ устроенъ не-

большой цвѣтникъ, съ раскошными цвѣтами, съ прекрасною статуею въ центрѣ, или съ фонтаномъ, выбрасывающимъ высоко свою струю. Внутренняя отдѣлка домовъ и обстановка обитателей этихъ отелей болѣе поражаютъ своимъ великолѣпіемъ, чѣмъ сравнительно скромная ихъ внѣшняя наружность. Но и въ покояхъ нѣтъ ничего броскаго. Стѣны салоновъ покрыты не обоями, а дорогимъ штофомъ; двери завѣшаны тяжелыми шелковыми портьерами, но обыкновенно темныхъ цвѣтовъ; полы сплошь покрыты бархатными коврами; мебель обита тканями, изображающими идиллическія сцены съ заткаными гербами и вензелями владѣльца дома. Каждая вещь говоритъ о томъ, что она не изъ магазина, а спеціально для этого дома была заказана на фабрикѣ; но вся обстановка—старинная, времени Людовика XVI. Бронзы, люстры, зеркала, канделябры, множество самыхъ разнообразныхъ вазъ, все массивно и перешло вмѣстѣ съ домомъ отъ прежнихъ владѣльцевъ. Въ каждомъ такомъ домѣ непремѣнно существуетъ нѣсколько предметовъ, съ виду часто даже ничтожныхъ, но подъ стеклянными колпаками и на дорогихъ пьедесталахъ. Въ этомъ углу точно алтарь устроенъ для какой-то потертой рукописи; такого же поклоненія, какъ видно, заслуживаетъ золотая табатерка съ миніатюрнымъ портретомъ: она лежитъ на прелестно сдѣланныхъ искуственныхъ цвѣтахъ, подъ колпакомъ, на мраморной тумбочкѣ, пышно украшенной бронзою; въ другой комнатѣ такую же роль играетъ фарфоровая ваза. Всѣ эти свято-сохраняемые предметы — память предковъ; они или перешли по наслѣдству, или пріобрѣтены нынѣшнимъ хозяиномъ у какого нибудь старьевщика за баснословно дорогую цѣну. Въ семейныхъ хроникахъ этихъ фамилій ходятъ обыкновенно цѣлыя легенды о тѣхъ или другихъ вещахъ, и потому-то новый хозяинъ старается ихъ отыскать и пріобрѣсти во что бы то ни стало. Также свято хранятся и вещи, принадлежавшія Людовику XVI, его несчастной женѣ, Карлу X и наконецъ графу Шамбору.

Трудно себѣ представить, до какой степени оригинальную и замкнутую жизнь ведутъ обитатели этихъ дорогихъ, комфортабельныхъ отелей. Съ 28-го іюля 1830 г., съ того самого дня, когда вспыхнула революція, изгнавшая изъ Франціи послѣдняго законнаго короля династіи Бурбоновъ, жизнь обитателей названныхъ отелей окончательно остановилась. Полстолѣтія съ тѣхъ поръ прошли для нихъ совершенно безслѣдно: они не признаютъ новой жизни и живутъ только воспоминаніями. Ихъ разговоры ограничиваются анекдотами о Людовикѣ XVI, восхваленіемъ мужества, съ какимъ онъ взошелъ на эшафотъ, разсказами о красотѣ Маріи-Антуанетты, о Карлѣ X и, что всего комичнѣе, всѣ эти событія они передаютъ такъ, какъ будто онѣ произошли только вчера. Они совсѣмъ не признаютъ новыхъ писателей и талантовъ и остановились на Шатобріанѣ и на перепискѣ мадамъ де-Севинье. Въ отношеніяхъ другъ къ другу они какъ то вычурно вѣжливы, стараясь подражать въ этомъ случаѣ модѣ, которая была при дворѣ Людовика XVI. Верхомъ неприличія считаютъ они услышать или сказать какое нибудь слово или выраженіе, которое давнымъ давно вошло въ общее употребленіе. Они называютъ другъ друга: «monsieur le gentilhomme de la Chambre», «monsieur le Maître des Cérémonies» и т. п. Между ними и ихъ дѣдами только то различіе, что тѣ были скептиками вольтеровской школы, а они бросились въ ханжество. И молодые, и старые изъ нихъ, каждый праздникъ посѣщаютъ церкви, приглашаютъ къ себѣ знаменитыхъ проповѣдниковъ, аббатовъ, монаховъ. Другаго общества они не допускаютъ въ свою среду, не выдадутъ своей дочери замужъ даже изъ за милліоновъ, къ которымъ такъ падки парижане; они ищутъ зятя знатнаго происхожденія, какого можно найти, по ихъ мнѣнію, только въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи. Богатства они не ищутъ, но не признаютъ ни титуловъ, ни наградъ, ни высокаго положенія современныхъ пред-

ставителей власти, — все это, по ихъ понятіямъ, можетъ только дать законный король.

Темныя стороны всемірной столицы.—Люди средняго класса общества, ихъ дома и обстановка.— Почему парижанинъ не любитъ сидѣть дома.—Парижскія кофейни.

Сильно ошибется тотъ, кто будетъ судить о Парижѣ по первому впечатлѣнію, по тому, что представится его взору изъ оконъ блестящаго отеля. Въ этой столицѣ изящества, блеска, богатства, дивныхъ зданій, роскошныхъ бульваровъ множество и грязныхъ притоновъ нищеты, но объ этомъ поговоримъ ниже. Въ настоящемъ очеркѣ я хочу дать понятіе о жизни людей средняго класса общества.

Позади превосходныхъ улицъ въ разныя стороны раскидываются, на пространствѣ нѣсколькихъ миль, цѣлыя сотни площадей, уже далеко не блестящихъ, а нерѣдко даже и безобразныхъ, темныхъ переулковъ и закоулковъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ блестящими бульварами. Въ такихъ кварталахъ вы не встрѣтите ни прекрасной парижской мостовой, ни широкихъ тротуаровъ, ни улицъ съ рядами деревьевъ во всю длину, а только глухіе, узкіе переулки безъ воздуха и свѣта. Вымощены они острымъ мелкимъ камнемъ, такъ что нога точно ступаетъ на гвозди или осколки стекла; всякій проѣхавшій экипажъ производитъ страшный грохотъ; вмѣсто тротуаровъ идутъ у самыхъ домовъ узенкія тропиньки, на которыхъ невозможно разойтись двумъ встрѣчнымъ. Всю осень и зиму тутъ грязно и сыро, потому что солнечные лучи не могутъ проникать въ такія узкія улицы съ очень высокими домами. Эти дома въ 6, 7 этажей уже не отличаются блескомъ построекъ, какія въ центрѣ Парижа. По стѣнамъ, выштукатуреннымъ сѣрымъ или коричневымъ цвѣтомъ, тянутся разнообразныя вывѣски; въ вышину перваго этажа устроенъ обыкновенно стеклянный навѣсъ, служащій для помѣщенія магазина или мастерской. Весь домъ биткомъ набитъ жильцами; окна верхняго жилья уже приходятся въ самой крышѣ, такъ что ихъ обитателямъ хорошо видны всѣ эти узкія улицы à vol d'oiseau и къ тому же они всегда могутъ полюбоваться небомъ и наблюдать ночью звѣзды. Лѣстницы въ такихъ домахъ, отъ верху до низу, большею частью грязныя и скользкія. Квартиры, отдаваемыя для жильцовъ отъ втораго до четвертаго и пятаго этажей—жилища людей средняго класса, въ нихъ помѣщаются семейства людей, принадлежащихъ къ интеллигенціи и буржуазіи средняго достатка. Ихъ квартиры очень тѣсны, малы и неудобны; онѣ состоятъ обыкновенно изъ четырехъ, много пяти комнатъ. Изъ темной прихожей дверь ведетъ въ комнату, которая носитъ громкое названіе salon; это очень небольшая комната, но самая большая во всей квартирѣ, въ одно или два окна на улицу; возлѣ салона—столовая, еще меньше, нерѣдко совсѣмъ темная и окна которой выходятъ на дворъ; остальныя—совсѣмъ крошечныя комнатки, въ которыхъ можно помѣстить кровать, небольшой столикъ и два—три стула; онѣ служатъ спальнями. Всѣ комнаты такъ низки, что потолокъ обыкновенно можно достать рукой; двери же такъ узки, что при переѣздѣ на новую квартиру черезъ нихъ нельзя проносить шкаповъ и другую громоздкую мебель и ее на веревкахъ подымаютъ въ окно. О двойныхъ рамахъ здѣсь нѣтъ и помину; конечно, это потому, что морозы и холода зимою никогда не доходятъ въ Парижѣ до того, чтобы Сена когда нибудь замерзла на столько, чтобы по ней можно было не толь-

ко ѣздить, но даже ходить, но тѣмъ не менѣе зимой въ этихъ помѣщеніяхъ чрезвычайно холодно. Не смотря на всѣ неудобства, это крошечное, низенькое и тѣсное помѣщеніе всегда такъ изящно убрано, точно настоящая бонбоньерка: стѣны оклеены обоями самыхъ изящныхъ рисунковъ; обивка мебели и драпировки соотвѣтствуютъ узору и цвѣту обоевъ. Въ салонѣ всегда красивый мраморный каминъ, надъ которымъ вдѣлано въ стѣну большое зеркало въ широкой золоченой рамѣ. Въ столовой, на $2\frac{1}{2}$ ф. отъ пола, вокругъ стѣнъ, идутъ деревянныя панели; въ спальнѣ кровать представляетъ родъ изящной палатки: драпировки, окружающія кровать, продѣты въ кольцо, прикрѣпленное къ потолку, спускаются на полъ широкими складками. Французская постель состоитъ обыкновенно изъ одного или двухъ матрацовъ, изъ длинной, круглой, положенной въ головахъ поперегъ кровати подушки, или, для болѣе яснаго представленія лучше сказать, массивной колбасы, называемой «traversin»; посреди traversin лежитъ крошечная, квадратная подушечка «oreiller»; сверху нѣсколько одѣялъ. Но какъ бы ни была прелестна обстановка, она не можетъ выкупить множества неудобствъ, которыя даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу; особенно плохо въ тѣхъ комнатахъ, которыя выходятъ на дворъ: отворить окно въ жаркую погоду лѣтомъ или весною нѣтъ никакой возможности отъ зловонія; зимой во всѣхъ этихъ комнатахъ, выходятъ-ли онѣ на улицу или на дворъ, всегда холодно и отовсюду продуваетъ сквознякъ. Красивый мраморный каминъ, съ зеркаломъ въ золоченой рамѣ и съ изящными часами и вазами на его карнизѣ нисколько не согрѣваетъ зимой.

Неудобства квартиры разумѣется одна изъ причинъ почему французъ бѣжитъ изъ дому, предоставляя семьѣ полную свободу дѣйствій. Каждый парижанинъ много разгуливаетъ по улицамъ и большую часть времени проводитъ въ кофейняхъ; но это далеко не единственная причина, почему онъ такъ мало сидитъ дома. Не смотря на свою общительность, на легкость, съ которою онъ сближается съ незнакомыми людьми, онъ никогда не пригласитъ къ себѣ новаго знакомаго, никогда не познакомитъ со своею женою даже такого человѣка, съ которымъ онъ на «ты», съ которымъ разъѣзжаетъ по баламъ и проводитъ много времени въ кофейняхъ. Въ его домъ входитъ очень небольшой кружекъ родныхъ и знакомыхъ, остальное знакомство начинается и кончается улицею. Причина этому отчасти та, что парижанинъ чрезвычайно быстро, легко и съ очень многими людьми сближается на короткую ногу; пригласить всѣхъ къ себѣ въ домъ—невозможно уже вслѣдствіе недостатка помѣщенія. И вотъ онъ назначаетъ знакомымъ свиданія, споритъ, болтаетъ, ведетъ, какъ дружескую, такъ и дѣловую бесѣду внѣ дома, въ одной изъ тысячи блестящихъ кофеенъ Парижа.

Парижскія кофейни нравятся не только парижанину, но и всѣмъ иностранцамъ, особенно онѣ пришлись по душѣ англичанамъ. Въ нихъ каждый, будь онъ иностранецъ или мѣстный житель, можетъ чрезвычайно пріятно провести время. Кто бы ни былъ входящій въ кофейню, онъ безъ всякой церемоніи подсаживается къ кому вздумается и дружелюбно бесѣдуетъ съ каждымъ, какъ съ старымъ пріятелемъ. Это тоже одна изъ причинъ, которая такъ притягиваетъ къ Парижу: сосредоточенный англичанинъ здѣсь дѣлается болѣе разговорчивымъ, а экспансивный русскій человѣкъ находитъ здѣсь вполнѣ свою среду. Роскошь парижскихъ кофеенъ тоже служитъ притягательной силой: вездѣ зеркала, позолота, потолки расписные, стѣны выложены мраморомъ съ бронзовыми украшеніями, самыя утонченныя питья и тонкія яства, превосходный фарфоръ и серебро. Парижанинъ принимаетъ не только здѣсь своихъ знакомыхъ и друзей, но кофейня нерѣдко служитъ ему и рабочимъ кабинетомъ: онъ пишетъ здѣсь свои письма, ведетъ счеты, заключаетъ торговыя сдѣлки: бумагу, конверты, все это онъ получаетъ здѣсь даромъ.

Многія изъ парижскихъ кофеенъ пользуются всемірною извѣстностію и занимаютъ не послѣднее мѣсто въ литературной и политической исторіи Франціи. Такъ напр. Тортони, на Итальянскомъ бульварѣ, процвѣталъ уже во времена первой имперіи: въ ней собирались маршалы и герцоги. Во время реставраціи кофейня Тортони служила сборищемъ людей большаго свѣта, и въ настоящее время господства республики, ее посѣщаютъ люди наиболѣе консервативнаго образа мыслей. Въ «Café Riche» назначаютъ другъ другу свиданіе журналисты и биржевики; другія кофейни, находящіяся подлѣ театровъ, служатъ сборнымъ пунктомъ актеровъ и авторовъ, пишущихъ для театра.

Днемъ парижанинъ сидитъ въ той или другой кофейнѣ, вечеромъ онъ отправляется въ театръ, въ концертъ, но еще чаще въ café chantan,—такимъ образомъ дома онъ проводитъ чрезвычайно мало времени.

Бэльвилль—предмѣстье пролетаріевъ.—Нищіе, бродяги и мошенники. — Тряпичники и ихъ трудъ. — Чистильщики улицъ.—Ночлежные пріюты.

Бэльвилль находится въ самомъ крайнемъ сѣверо-восточномъ углу Парижа; прежде онъ приходился даже за городскою заставою, но теперь это предмѣстье совсѣмъ соединилось съ Парижемъ. Если бы не грохотъ экипажей, проѣзжающихъ по булыжной мостовой здѣшнихъ улицъ, вы ни за что бы не повѣрили, что находитесь въ блестящемъ Парижѣ. Улицы здѣсь совсѣмъ узкія, кривыя, уже безъ всякихъ тротуаровъ, плохо вымощенныя, вѣчно покрытыя жидкою грязью, которая вытекаетъ изъ разныхъ водосточныхъ трубъ. «Онѣ тянутся, то неправильными линіями по отлогому скату, то вдругъ прямо, круто поднимаются кверху, чтобы потомъ опять совсѣмъ неожиданно спуститься въ какую нибудь глубокую котловину. Во многихъ мѣстахъ путешествіе по этимъ улицамъ было бы весьма затруднительно, если бы ваши скользящія ноги не встрѣчали подъ собою грубо-высѣченныхъ каменныхъ, сильно оббитыхъ частою ходьбою ступенекъ. Дома, стоящіе по обѣ стороны этихъ неправильныхъ, расположенныхъ безъ всякаго плана улицъ, напоминающихъ собою узенькія тропинки, по которымъ карабкаются дикія козы,—имѣютъ совершенно запущенный и ветхій видъ; грязный фасадъ ихъ совсѣмъ облупился; ворота болтаются незатворенными на своихъ ржавыхъ петляхъ; стекла въ окнахъ во многихъ мѣстахъ выбиты или заклеены масляною бумагою. Лавки торговцевъ встрѣчаются здѣсь рѣдко, и тѣ не многія, которыя попадаются вамъ на глаза, выставляютъ въ своихъ окнахъ только грубыя холщевыя блузы, деревянныя башмаки, простыя трубки и старый рыночный хламъ. Книжныхъ магазиновъ, фотографій и библіотекъ для чтенія здѣсь также очень мало; но почти въ каждомъ домѣ есть лавочка, гдѣ продаютъ водку и вино, попадаются множество харчевень самаго отвратительнаго вида; чрезъ каждые пятьдесятъ шаговъ вы видите увеселительныя заведенія, которыя носятъ пышныя названія: «Балъ», и вывѣской котораго бываетъ обыкновенно разноцвѣтный фонарь, или транспарантъ, съ изображеніемъ аттрибутовъ музыки и танцевъ.»

Эти вонючія, грязныя, кривыя улицы прерываются только запущенными площадями, на которыхъ устроены балаганы странствующихъ фокусниковъ, шарлатановъ и укротителей дикихъ звѣрей. Но если у васъ достанетъ терпѣнія пробраться по нѣсколькимъ улицамъ, вы достигаете вершины холма. Тутъ, къ вашему необычайному удивле-

нію, представляется громадный, чудный паркъ съ фонтанами, озёрами, въ которыхъ плаваютъ лебеди, извилистыя дорожки, по которымъ можно пробраться на высокій холмъ. Съ его вершины открывается великолѣпный видъ на весь городъ. Этотъ чудный паркъ даетъ возможность несчастному люду, который тутъ живетъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ, вздохнуть иногда свѣжимъ воздухомъ. Чудная зелень парка хотя нѣсколько освѣжаетъ вонючую атмосферу Бэльвилля.

Въ этомъ предмѣстьѣ живутъ рабочіе, поденьщики и самый несчастный людъ. Тутъ съ корзинами въ рукахъ расхаживаютъ грязныя, нечесанныя женщины, играютъ дѣти, одѣтыя въ какія то грязныя лохмотья; вечеромъ рабочіе возвращаются съ работы, неся свой инструментъ за плечами. Большинство изъ нихъ тотчасъ отправляется въ кабаки, которые въ этомъ предмѣстьи попадаются на каждомъ шагу, или въ увеселительныя заведенія, изъ которыхъ до самой полуночи раздаются смѣхъ, крикъ и визгъ женщинъ.

Бэльвилль уже издавна былъ гнѣздомъ разныхъ революцій: здѣсь отцы и дѣды современнаго поколѣнія дрались не разъ на баррикадахъ, а многіе изъ нынѣшнихъ обитателей предмѣстья были членами коммуны.

Нищенство и мошенничество—самыя страшныя язвы парижской жизни и въ большинствѣ случаевъ онѣ идутъ рука объ руку. Особенно печально въ этомъ явленіи то, что никакія мѣры администраціи, законодательства и благотворительныхъ комитетовъ, не могутъ уничтожить это зло, пустившее здѣсь очень глубокія корни. Оно существуетъ въ Парижѣ уже весьма давно.

Въ началѣ мѣры, которыя предпринимала администрація противъ нищихъ, были очень жестоки. Ихъ высылали изъ столицы скованныхъ по парно, приговаривали къ тѣлеснымъ наказаніямъ, ссылали въ каторжныя работы на галеры. Въ XVII столѣтіи нищихъ даже публично на площадяхъ стегали кнутомъ и затѣмъ налагали на нихъ особыя клейма. Но правительство скоро само замѣтило, что эти жестокія мѣры ни къ чему не ведутъ и что число нищихъ все увеличивается; тогда оно перемѣнило свой образъ дѣйствій. Оно начало строить огромныя богадѣльни и собирать въ нихъ нищихъ. Сначала дѣло пошло довольно сносно, но затѣмъ ихъ стало приходить туда такое количество, что въ непродолжительное время набралось до 40 тысячъ; не только существовавшія богадѣльни не могли вмѣстить эту орду, но если бы даже ихъ было построено въ 4 раза больше, то и того было бы недостаточно, тѣмъ болѣе, что приливъ нищихъ все увеличивался. Тогда, въ 1750 г., министръ д'Аржансонъ выказалъ особое рвеніе въ дѣлѣ очищенія Парижа отъ нищихъ и рѣшился всѣхъ ихъ отправить въ Америку. Онъ велѣлъ хватать ихъ на улицѣ и прямо отсылать туда, но эта мѣра вызвала страшное неудовольствіе и волненіе, тѣмъ болѣе, что люди, которымъ было поручено это дѣлать, хватали всякаго бѣдно одѣтаго человѣка. Дѣло дошло до возстанія и проектъ д'Аржансона былъ оставленъ. Опять принялись клеймить нищихъ, посылать на каторжныя работы. Только во время Людовика XVI былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы доставлять здоровымъ нищимъ работу, а больныхъ помѣщать въ богадѣльняхъ и госпиталяхъ. Но неумѣнье взяться за дѣло, недостатокъ денегъ, а главное частыя волненія не дали возможности осуществить эту мысль. Но и теперь, когда она, отчасти осуществлена когда доставляется работа здоровымъ, присылаютъ въ госпитали больныхъ, подаютъ пособіе разорившимся,—нищенство нисколько не уменьшилось и принимаетъ все болѣе разнообразныя формы. Вы останавливаетесь въ каретѣ у подъѣзда, къ вамъ подбѣгаетъ человѣкъ, отворяетъ дверцы—это нищій, такъ какъ онъ тотчасъ послѣ этой услуги протягиваетъ къ вамъ руку за подачкой. Вы гуляете по улицѣ и къ вамъ на каждомъ шагу пристаетъ или дѣвочка съ пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ, или мальчикъ съ пачкою кон-

вертовъ и бумаги, или со спичками,—все это нищіе. Толпа маленькихъ оборвышей собираетъ на улицѣ окурки сигаръ и папиросъ и затѣмъ продаетъ такимъ же бѣднякамъ, какъ и они, — тѣ и другіе нищіе. Подлѣ церкви стоитъ человѣкъ и продаетъ четки, святую воду, бальзамъ противъ зубной боли: нѣсколько поодаль слѣпой старикъ вертитъ шарманку, маленькій ребенокъ показываетъ кролика, дѣти поютъ и пляшутъ во дворѣ,—все это нищіе.

Нынче французское правительство не допускаетъ нищенства публичнаго, уличнаго; каждый, уличенный въ прошеніи милостыни на улицѣ, подвергается аресту въ тюрьмѣ. Тѣмъ не менѣе есть нищіе, которымъ дозволено это ремесло: это паяцы, шарманщики, пѣвцы, музыканты, продавцы...

Преступленія идутъ рука объ руку съ нищенствомъ, такъ что даже трудно сказать, гдѣ кончается нищій и начинается преступникъ. Даже и тѣ нищіе, которые не прибѣгаютъ ни къ какимъ ужаснымъ средствамъ для возбужденія состраданія, очень часто мѣняются ролью съ мошенниками, или еще чаще становятся то тѣми, то другими, смотря по обстоятельствамъ. Нищій, просящій милостыню въ темномъ и глухомъ переулкѣ, часто не задумываясь отрѣзываетъ часы, залѣзаетъ въ карманы. Здѣшніе мошенники и воры необыкновенно расточительны, не даромъ сложилась французская поговорка: «щедръ, какъ воръ». Совершивъ удачную кражу, воръ бросаетъ деньги направо и налѣво; ему никогда не приходитъ въ голову даже и то, что завтра можетъ быть не удастся обдѣлать такое дѣло и придется голодать. Большею частію воры и попадаются въ руки полиціи вслѣдствіе своей расточительности. Кромѣ того у здѣшныхъ мошенниковъ сильно развито тщеславіе и они всѣми силами стараются показать своимъ товарищамъ, какое крупное дѣльце удалось имъ сдѣлать. Страсть къ перемѣнѣ платья, кольцамъ, цѣпочкамъ, къ яркимъ цвѣтамъ въ сильной степени развита почти въ каждомъ изъ нихъ; въ этомъ отношеніи они совершенно похожи на первобытныхъ дикарей. Но многое множество парижскихъ мошенниковъ составило себѣ огромный капиталъ мелкимъ воровствомъ. Есть очень много и такихъ, которые окружаютъ себя такимъ блескомъ и роскошью, что никому и въ голову не приходитъ предполагать въ нихъ мелкихъ ночныхъ воришекъ, между тѣмъ это бываетъ здѣсь сплошь и рядомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ весь Парижъ былъ изумленъ арестомъ нѣкоего Турпіана, жившаго открыто: онъ посѣщалъ морскія купанья, одѣвался съ большимъ шикомъ, постоянно являлся на скачкахъ, имѣлъ множество лошадей, блестящіе экипажи: оказалось, что онъ былъ руководителемъ и наставникомъ карманныхъ воришекъ.

Для разныхъ предпріятій мошенники часто сходятся между собою, группируются, вслѣдствіе этого у нихъ существуетъ и свой особенный языкъ, заимствованный ими изъ разныхъ діалектовъ. Иногда этотъ языкъ очень выразителенъ. Поджигатели называются у нихъ suageur, т. е. людьми, заставляющими потѣть. «*Іудствовать*» значитъ предавать человѣка; махать красной тряпкой—говорить; рѣшетка тюрьмы—арфа; играть на арфѣ значитъ распилить рѣшетку и т. п.

Правительство долго боролось какъ съ нищими, такъ и съ мошенниками, и скоро убѣдилось въ томъ, что самыя строгія мѣры не могутъ ихъ уничтожить. Тогда организовали общество ловкихъ сыщиковъ; это дало возможность чаще ловить мошенниковъ, но ничуть не уменьшило ихъ числа. Въ этомъ случаѣ здѣсь, какъ и вездѣ, никакія правительственныя мѣры не только не искореняютъ зла, но даже и не уменьшаютъ его, такъ какъ причины подобныхъ явленій очень сложны, коренятся очень глубоко, отчасти кроются въ государственномъ строѣ, въ прошлой судьбѣ народа и во внезапныхъ бѣдствіяхъ. Доказательствомъ этого служитъ то, что число нищихъ и мошенниковъ всегда увеличивается съ повышеніемъ цѣнъ на главныя жизненныя потребности: на

мясо, пшеницу, соль и на квартиру. Отчасти увеличивается число ихъ и вслѣдствіе все большаго и большаго развитія потребностей къ роскоши и блеску и полнѣйшаго невѣжества нисшихъ слоевъ общества. Большая часть мошенниковъ состоитъ обыкновенно не только изъ менѣе образованнаго класса общества, но изъ людей, незнающихъ даже грамотѣ, или получившихъ крайне ничтожное образованіе и еще меньше развитія: изъ 4607 человѣкъ, явившихся на судъ присяжныхъ въ 1867 году, 1681 (т. е. 36 процентовъ) были совершенно безграмотны; 2068 (т. е. 45%), читали и писали крайне плохо; 638 человѣкъ (т. е. 14%) читали и писали порядочно, и только 200 человѣкъ (т. е. менѣе 5%) получили высшее образованіе.

Переходомъ отъ нищихъ и людей, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, можетъ служить очень типичный и большой классъ людей — «тряпичниковъ.» Трапичникомъ (chiffonnier) тутъ называютъ не того, кто торгуетъ тряпками, а того кто собираетъ ихъ. Тряпичникъ не имѣетъ обыкновенно постояннаго угла, но всегда живетъ въ кругу своихъ собратовъ и въ предмѣстьѣ Бэльвилля.

Въ Парижѣ все, что приходится выкидывать изъ квартиры: всевозможный соръ, золу, кости, пухъ, битую посуду—все это въ продолженіи дня сбрасывается въ ведро. Поздно вечеромъ эту грязь изъ ведра сваливаютъ на улицу передъ домомъ, отдѣльной кучкой. Къ раннему утру всѣ эти кучки исчезаютъ, испытавъ надъ собой всевозможныя операціи. Сперва являются тряпичники съ корзиною за спиной, съ фонаремъ въ лѣвой рукѣ, съ крюкомъ въ правой, и начинаютъ рыться въ кучѣ. У тряпичника опытная рука и зоркое зрѣніе: онъ тотчасъ замѣтитъ крошечный кусочекъ тряпочки, бумажки, веревочки, кости,—все это онъ считаетъ для себя находкою, ловко подцѣпляетъ крюкомъ и перекидываетъ черезъ плечо въ корзину. Для того, чтобы разобрать цѣлую кучу и извлечь изъ нея все, что еще не превратилось въ грязную кашу, ему достаточно одной минуты, и затѣмъ онъ уже стоитъ у другой кучи и дѣлаетъ тоже самое. Но этотъ тряпичникъ еще аристократъ: у него есть фонарь, корзина и надлежащій крюкъ; за нимъ къ каждой кучѣ подходитъ второй разрядъ тряпичниковъ, по два, по три человѣка, изъ которыхъ одинъ снабженъ только фонаремъ, другой крюкомъ и корзинкою. Эти несчастные подходятъ къ кучамъ къ четыремъ часамъ утра и роются въ нихъ, стараясь подобрать то, что могло случайно ускользнуть отъ зоркаго ока его предшественника. Послѣ шифоньеровъ втораго разряда является телѣга, на которую сваливаютъ остатки кучъ, а соръ сметаютъ въ углубленіе, которое находится по обѣимъ сторонамъ улицы у тротуара; затѣмъ на мостовую пускаютъ струю воды, и тогда послѣдніе остатки нечистотъ уносятся въ сточныя трубы. Такимъ образомъ къ пяти часамъ утра туалетъ улицъ оконченъ.

Каждый вечеръ цѣлая армія тряпичниковъ собирается у заставы, ожидая минуты, когда ее впустятъ въ городъ. Любопытно посмотрѣть тогда на эту толпу. Издали вы уже видите множество приближающихся огоньковъ, наконецъ изъ темноты выдѣляются черныя фигуры, вы различаете фонари, и, если въ ту минуту приблизитесь къ нимъ на нѣсколько шаговъ, васъ обдаетъ ужаснымъ зловоніемъ.

Но еще несчастнѣе судьба чистильщиковъ улицъ: въ зимнія ночи, задолго до разсвѣта, не смотря на страшный холодъ, по улицамъ уже слышны шаги чистильщиковъ, которые ходятъ цѣлыя ночи и чистятъ громадный городъ въ то время, когда всѣ остальные покоются глубокимъ сномъ. Эти труженики получаютъ самое скудное вознагражденіе: они живутъ обыкновенно артелью, состоящей исключительно изъ своихъ земляковъ. Соединившись шесть, десять человѣкъ, нанимаютъ на общій счетъ комнату, устилаютъ ее сначала соломой и спятъ не раздѣваясь; годъ-два тяжелаго труда

даетъ имъ возможность обзавестись соломенными тюфяками, купить теплое одѣяло и какое-то подобіе простыни,—тогда они начинаютъ раздѣваться на ночь.

Видное мѣсто среди бѣднаго люда Бэльвилля занимаютъ странствующіе музыканты. Банду самыхъ разнообразныхъ музыкантовъ всѣхъ возрастовъ и половъ, начиная отъ трехлѣтняго ребенка и кончая дряхлымъ старикомъ, обыкновенно содержитъ хозяинъ, который даетъ имъ помѣщеніе и ѣду, то и другое самаго послѣдняго качества. За это жалкое содержаніе уличные музыканты находятся въ полной крѣпостной зависимости отъ своего хозяина. Этотъ эксплуататоръ жестоко обращается съ дѣтьми и часто даже нарочно передъ прохожими бьетъ ихъ, такъ какъ сострадательные люди подаютъ имъ тогда болѣе, чтобы только избавить дѣтей отъ лишнихъ колотушекъ. Около девяти часовъ утра весь этотъ сбродъ съ арфами, съ органами и скрипками высыпаетъ на улицы въ своихъ разнообразныхъ лохмотьяхъ: маленькіе мальчики нерѣдко въ огромныхъ жандармскихъ сапогахъ и въ пальто до пятъ.

Но, какъ бы то ни было, эти музыканты имѣютъ еще хотя кое-какое пристанище, но въ Парижѣ существуетъ огромный классъ людей, который не имѣетъ собственнаго угла: днемъ такой народъ бродитъ по улицамъ, а ночью спитъ въ ночлежныхъ пріютахъ. Эти пріюты гнѣздятся, конечно, въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ и носятъ прозвища, достаточно ясно показывающія особенности этихъ убѣжищъ: «мясная», «западня», «вшивоѣдъ». Посѣтителями ихъ являются люди, вышедшіе изъ тюрьмы, а еще чаще изъ больницы, и во время болѣзни потерявшіе работу, поденьщики и рабочіе, которые недостаточно получаютъ, чтобы имѣть постоянныя жилища. За первую ночь въ ночлежныхъ пріютахъ посѣтители платятъ 20 су, но въ слѣдующія—цѣна уменьшается вдвое и втрое. Одному и тому же бѣдняку не приходится часто ночевать въ этихъ пріютахъ: пришлось человѣку бродить по «ночлежнымъ», у него съ каждымъ днемъ менѣе является аппетиту, онъ все больше тратитъ деньги на спиртные напитки и пьетъ до самой смерти, которая впрочемъ недолго заставляетъ ждать себя.

Но возвратимся къ «ночлежнымъ»: ихъ содержатъ въ Парижѣ чрезвычайно плохо. Тутъ вы не найдете ничего, кромѣ кровати, одна подлѣ другой. Кровать состоитъ изъ 4 кольевъ, 4 перекладинъ и досчатой настилки. Ложе составляетъ соломенный тюфякъ; вмѣсто простыни — дерюга, которая служитъ для сотни разныхъ лицъ, безъ стирки впродолженіи 60—80 ночей. Такую простыню отдаютъ въ стирку только одинъ разъ, затѣмъ ее употребляютъ уже безъ стирки до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ не разорвется, и тогда ее продаютъ на тряпки. Въ каждомъ такомъ пріютѣ число кроватей доходитъ до 200, и, вслѣдствіе страшной нечистоты, насѣкомыя водятся въ нихъ въ несмѣтномъ количествѣ. Наплывъ желающихъ пользоваться этими помѣщеніями такъ великъ, что, зачастую, для вновь прибывшаго не оказывается кровати, и ему приходится дѣлить ее съ кѣмъ нибудь другимъ. Хозяева ночлежныхъ пріютовъ, затрачивая самую ничтожную сумму для устройства этихъ помѣщеній, получаютъ большой барышъ; при этомъ они не брезгаютъ никакими обстоятельствами, чтобы еще болѣе его увеличить. Во время холодовъ, они возвышаютъ цѣну за ночлегъ, такъ какъ увѣрены, что бѣдняки въ такое время не могутъ оставаться на улицѣ. Здѣсь не рѣдкость, что несчастные ночлежники, доведенные до отчаянія невообразимою грязью, эксплуатаціею хозяевъ и дороговизной, даютъ себя заарестовать за бродяжничество, чтобъ ихъ отвели только въ тюрьму, гдѣ постель чище чѣмъ въ ночлежныхъ пріютахъ.

Но въ Парижѣ существуетъ еще огромный классъ людей, который и подумать не смѣетъ о ночлежныхъ пріютахъ, такъ какъ и они для нихъ еще очень дороги. Такіе несчастные уже скрываются на ночь гдѣ попало: въ каменоломняхъ, въ разныхъ темныхъ углахъ, на лѣстницахъ, подъ портиками церквей, въ ямахъ, въ ложбинахъ водо-

проводовъ, въ крѣпостныхъ рвахъ, въ строющихся или ломаемыхъ домахъ. Между этими бродягами много людей дѣйствительно несчастныхъ, погибающихъ подъ бременемъ борьбы за существованіе, но много и преступниковъ, бѣжавшихъ съ каторги или имѣющихъ необходимость скрываться отъ рукъ правосудія.

Елисейскія Поля.—Ихъ оживленіе.—Увеселенія для дѣтей и для взрослыхъ.—Cafés chantants и ихъ значеніе для парижанъ.—Пѣсни и представленія этихъ увеселительныхъ заведеній.

Занимая пространство между набережной рѣки Сены и элегантными улицами новыхъ кварталовъ, Елисейскія Поля представляютъ продолженіе площади Согласія. Ихъ перерѣзываетъ широкая проѣзжая дорога и перекрещиваетъ безчисленное число густыхъ, зеленыхъ аллей. Въ Елисейскихъ Поляхъ вы найдете и маленькія лужайки съ живою изгородью вокругъ, посреди которыхъ устроены самые разнообразные фонтаны. Въ густыхъ аллеяхъ расположены нарядныя лавочки разныхъ торговцевъ, нѣсколько театровъ полишинелей и фокусниковъ. Кромѣ того здѣсь разбросано множество красивыхъ построекъ, большой дворецъ, въ которомъ помѣщалась всемірная выставка 1855 года, циркъ и множество кафе-шантановъ и ресторановъ, имѣющихъ видъ красивыхъ швейцарскихъ шалэ.

Елисейскія Поля — самое любимое мѣсто парижанъ. Здѣсь съ утра до вечера можно видѣть толпы самого разнообразнаго люда. До обѣда аллеи оживлены кавалькадами ѣдущихъ верхомъ кавалеровъ и амазонокъ, которые отправляются въ Булонскій лѣсъ и хотятъ блеснуть здѣсь своими щегольскими экипажами, дорогими лошадьми и собственными элегантными туалетами. Въ боковыхъ, болѣе уединенныхъ аллеяхъ и на лужайкахъ, раздаются голоса рѣзвящихся дѣтей; вдоль главныхъ аллей и по обѣимъ сторонамъ средней аллеи разставлены въ два ряда стулья, занятые чистою публикою, которая встрѣчается здѣсь съ своими знакомыми и смотритъ на гуляющихъ. Поля не пустѣютъ и въ суровое время года, а весною, лѣтомъ и осенью, въ теплые вечера, они представляютъ въ высшей степени любопытное зрѣлище. Прекрасно одѣтыя дѣти катаются взадъ и впередъ въ колясочкахъ, запряженныхъ 4, 6 и 8 козлами; подлѣ бѣжитъ проводникъ. На козлѣ обыкновенно сидятъ два мальчика, изъ которыхъ у одного въ рукахъ возжи, у другаго кнутъ; одинъ управляетъ животнымъ, другой его погоняетъ.

Нѣсколько дальше столпились въ кружекъ множество солдатъ, блузниковъ, большие и малые; посреди ихъ кувыркается акробатъ или женщина поддерживаетъ стулъ, на которомъ сидитъ мужчина, держащій въ свою очередь ребенка съ кроликомъ въ рукахъ. Здѣсь ученыя собаки показываютъ фокусы, или сидитъ на стулѣ ясновидящая съ завязанными глазами и даетъ отвѣты. Тамъ мущина устраиваетъ себѣ разныя прически, застегиваетъ или растегиваетъ свой сюртукъ и дѣлаетъ изъ своей физіономіи то толстяка, то человѣка худощаваго, мигаетъ или коситъ глазами. Толпа вокругъ кричитъ ему браво и выкрикиваетъ имя той знаменитости, съ которой онъ въ данную минуту имѣетъ сходство. А вонъ тамъ работаетъ электрическій аппаратъ, и ударъ электрической искры заставляетъ женщинъ кричать, а другихъ хохотать во все горло. Передъ низенькою сценою стоитъ огромная толпа и развлекается представленіями ежечасно повторяющейся пьесы, гдѣ

главныя роли играютъ полицейскій коммисаръ и жандармъ, паяцъ и чертъ, который въ концѣ концовъ всѣхъ ихъ уноситъ. Нѣсколько дальше огромная толпа дѣтей сидитъ передъ кукольнымъ театромъ, гдѣ маленькій Давидъ убиваетъ великана Голіафа, а подъ конецъ появляется оселъ съ гусемъ на спинѣ и вскачь галопируетъ по подмосткамъ. Въ одномъ мѣстѣ народъ толпится у волшебнаго фонаря, чтобы за одинъ су посмотрѣть на картинки, другіе качаются на русскихъ качеляхъ; множество дѣтей развлекается каруселями. Тутъ смотрятъ черезъ стекло понорамы, тамъ стрѣляютъ въ цѣль; у столовъ толпятся дѣти, чтобы взять билетъ для выигрыша пряниковъ и бездѣлушекъ. Нѣсколько человѣкъ держатъ пари, кто изъ нихъ сильнѣе, и пробуютъ свою силу на силомѣрѣ; другіе доказываютъ другъ другу, кто изъ нихъ тяжелѣе. Здѣсь сидитъ слѣпой музыкантъ, играющій на флейтѣ, тамъ слѣпой скрипачъ, у обоихъ съ шеи на грудь свѣшивается жестяная чашечка, и мелкая монета нерѣдко падаетъ въ нее. Однимъ словомъ здѣсь всякій можетъ найти развлеченіе по своему вкусу.

Иногда на Елисейскихъ поляхъ происходитъ родъ ярмарки: толпа тогда увеличивается еще болѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ выростаютъ новыя лавочки и палатки. Въ такіе дни появляется множество продавцевъ съ съѣстными припасами, съ жаровнями, наполненными раскаленными углями, на которыхъ пекутъ тонкія вафли, поджариваютъ какія-то колбасы. Всюду снуетъ тогда множество продавцевъ съ плодами и печеньями; нѣтъ недостатка въ продажѣ вина, пива и дешеваго напитка «коко», состоящаго изъ настоя солодковаго корня, къ которому иногда примѣшиваютъ еще отваръ лимонной корки. Это питье въ большомъ употребленіи во время гуляній.

Съ наступленіемъ сумерокъ, газовые фонари начинаютъ вспыхивать на площади Согласія и въ Елисейскихъ Поляхъ. Какая волшебная иллюминація представляется тогда вашимъ глазамъ! «Цѣлое море свѣта, состоящее изъ тысячи огней, разлилось надъ всѣмъ этимъ громаднымъ пространствомъ; огненныя радуги изгибаются надъ всѣми входами въ Елисейскія поля, огненныя надписи всюду бросаются въ глаза; между деревьями разстилаются цѣлые огненные шатры; фасады настроеній, наружныя рѣшетки, арки и ворота, все залито огнемъ; вотъ Cafés chantants, освѣщенныя какъ бы дневнымъ свѣтомъ; въ ослѣпительномъ морѣ бѣлаго свѣта кое-гдѣ идутъ полосы краснаго и голубаго цвѣта, которыя нѣсколько смягчаютъ этотъ повсемѣстный блескъ; два ряда тянущихся по аллеямъ на безконечную даль огней, постепенно съуживаясь, собираются въ одну точку, которая кажется свѣтящимся червякомъ въ ночной тьмѣ, окутывающей тріумфальныя ворота. Листва деревьевъ блеститъ яркимъ газовымъ свѣтомъ, отливающимъ какою-то фосфорическою зеленоватостью, а надъ всею этою сценой раскинулся широкій небосклонъ, который, даже при полнѣйшей безоблачности и лунномъ свѣтѣ, вслѣдствіе отраженія безчисленнаго множества уличныхъ фонарей, покрывается какимъ-то страннымъ розовымъ отливомъ.»

Лишь только зажглись огни, музыка и пѣнія со всѣхъ сторонъ огласили воздухъ. Всѣ торопятся тогда послушать пѣніе въ Cafés chantants, которыя открыты съ восьми часовъ вечера до полуночи. Только самая сцена этихъ кафе-шантановъ находится подъ крышею, а зрители сидятъ подъ открытымъ небомъ, подъ тѣнью деревьевъ, въ огороженномъ пространствѣ, вышиною въ человѣческій ростъ, и около котораго идетъ кольцомъ газовое освѣщеніе. Но музыка и пѣніе слышны и за чертою этихъ увеселительныхъ заведеній, и та публика, которая не хочетъ платить за входъ въ Cafés chantants одинъ или два франка, садится за два су на стулъ, за загородкой.

Французскій народъ много поетъ, и во всѣхъ провинціяхъ Франціи за работой и въ часъ отдыха раздаются его пѣсни, но тамъ вы услышите народныя пѣсни, въ каждой провинціи свои мѣстныя. Въ парижскихъ же кафе шантанахъ совсѣмъ не поютъ народныхъ пѣсенъ, тутъ совсѣмъ особая поэзія. Въ этихъ увеселительныхъ заведеніяхъ поютъ особые пѣвцы и пѣвицы, и публика, стекающаяся ихъ слушать, вовсе не требуетъ отъ нихъ особенныхъ голосовыхъ средствъ, лишь-бы у нихъ была искустная фразировка, и они умѣли подчеркивать извѣстныя фразы и слова, которыя нравятся публикѣ въ данную минуту. Та пѣсня, которую вы услышите здѣсь сегодня и къ которой съ такимъ восторгомъ относится собравшаяся публика, совсѣмъ утрачиваетъ свое значеніе чрезъ мѣсяцъ. Для всякаго новаго событія является и новая пѣсня; характеръ ихъ въ большинствѣ случаевъ, и уже издавна, сатирическій. Въ нихъ осмѣиваютъ королей и лицъ, имѣющихъ вліяніе въ политикѣ, всемогущихъ министровъ. Во время революцій въ пѣснѣ господствовалъ угрожающій характеръ, дышащій мщеніемъ, какъ напр. въ Марсельезѣ, которая впрочемъ скоро сдѣлалась народною пѣснею Франціи; присочинивъ къ ней нѣкоторые куплеты, ее пѣвали и во время Іюльской революціи. Одно время были въ большомъ ходу пѣсни Беранже, но теперь ихъ скорѣе можно слышать среди народа, но не въ кафе шантанахъ. Въ послѣдніе годы второй Имперіи, созданные ею пороки вызвали массу пѣвцовъ, которые распѣвали въ увеселительныхъ заведеніяхъ самыя непристойныя пѣсни. Послѣ Франко-прусской войны эти пѣсни были совсѣмъ забыты и характеръ ихъ измѣнился. Появилось множество сатирическихъ пѣсенъ, которыя осмѣивали нѣмцевъ, другія угрожали чужестранцу, посягающему на Францію. Присоединеніе къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи тоже имѣло большое вліяніе на характеръ пѣсни того времени, и въ нихъ появилась грустная, меланхолическая нотка. Одна бѣдная женщина, говорится въ одной изъ этихъ пѣсенъ, мужъ которой умеръ геройскою смертью, защищая отечество отъ враговъ, выразила, при подачѣ голосовъ, свое желаніе о присоединеніи Эльзаса къ Франціи. Зимой, въ страшный холодъ и морозъ, она была выгнана изъ деревни пруссаками. Она взяла свое единственное дитя на руки и отправилась къ счастливымъ людямъ, которые смѣло могутъ называться французами. Гудитъ вѣтеръ, хищные звѣри слѣдятъ за нею, но она смѣло идетъ впередъ, она знаетъ, что они сжалятся надъ матерью, которая хочетъ дать отечество своему ребенку. Голодная, израненая, изнемогшая отъ долгой ходьбы, она падаетъ на землю, и когда приходятъ къ ней на помощь, она спрашиваетъ: «гдѣ я?»—«Во Франціи, ты только что перешла границу».—«Какое счастье! теперь я могу умереть покойно, мои кости будутъ покоиться во Франціи, мой ребенокъ въ своемъ отечествѣ.»

Съ тѣхъ поръ репертуаръ опять совсѣмъ измѣнился: отъ патріотической пѣсни не осталось и слѣда, и опять пошли въ ходъ легенькія, веселенькія пѣсни, переполненныя остротами, очень часто съ самымъ пошлымъ и грязнымъ пошибомъ.

Сена и ея значеніе для жителей.—Спасеніе утопленниковъ.—Моргъ.—Общество спасителей.

Сена поражаетъ и убранствомъ своихъ береговъ, и кипучею жизнію народа, который толпится и работаетъ по всему ея теченію. Парижъ дѣйствительно имѣетъ право гордиться Сеною. Обрамленная великолѣпными набережными, пересѣченная величествен-

пыми мостами, снабженная удобными пристанями, пестрѣющая множествомъ судовъ, она тѣсно связана съ жизнію народа и ежедневно оказываетъ ему неоцѣненныя услуги; за то и онъ въ свою очередь не оказался неблагодарнымъ и украсилъ ее самымъ блестящимъ образомъ. Всѣ почти главные памятники Парижа сгруппированы около Сены. Стоки нечистотъ, которые прежде заваливали ее грязью, теперь отведены далеко; ложе ея настолько углублено, что наводненія, которыя часто случались, сдѣлались теперь невозможными.

Но, рядомъ со вредомъ, отъ Сены было еще больше пользы. Вспомнимъ хоть то, что Парижъ въ теченіи многихъ столѣтій исключительно получалъ продовольствіе при помощи этой рѣки. При безпрестанно повторяющихся годахъ ужаснаго голода, при неумѣніи устроить другіе пути сообщенія—Сена была родной матерью, кормилицею парижанъ.

Только въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда торговля хлѣбомъ съ заграничными рынками сдѣлалась свободною, когда были улучшены способы обработки земли, дающей возможность разсчитывать на лучшій урожай и когда наконецъ проведены были желѣзныя дороги, Сена уже перестала въ такомъ количествѣ поставлять въ Парижъ хлѣбъ и провизію. Тѣмъ не менѣе и теперь значеніе ея велико. Она даетъ заработокъ огромному классу людей, по ней ходятъ барки и перевозныя суда. Изъ рабочаго парижскаго населенія одни, защитивъ голову веревочной плетенкой, переносятъ съ судовъ различныя тяжести, другіе носятъ ихъ на спинахъ, нѣкоторые перекатываютъ бочки. Тутъ много и такихъ рабочихъ, которые всю жизнь, проводятъ около этой рѣки: одни изъ нихъ снуютъ у береговъ съ рѣшетиною въ рукѣ и всматриваются въ воду, съ жадностью хватаютъ чурбанъ или полѣно, которое плыветъ по теченію, яблоко, упавшее съ судна, салфетку или чулки, которые унесъ отъ прачки вѣтеръ,—всему рады эти люди, все хватаютъ и прячутъ подъ свои рваныя блузы. А вотъ и *карапаты* (отъ слова Cara—черный; batte—утка). Это названіе какъ нельзя лучше подходитъ къ людямъ, которые цѣлыми днями роются и копаются въ грязи. Они подтаскиваютъ къ берегу лодки, помогаютъ разрубать ненужныя суда, вытягиваютъ затопленные дрова, однимъ словомъ берутся за всякое дѣло лишь бы заработать нѣсколько су. Во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ рѣки поставлены спасительные ящики, снабженные инструментами и брошюрками, въ которыхъ въ самой популярной формѣ объяснено, какъ пользоваться этими инструментами и какъ подать первую помощь утопленнику. Если помощь не подоспѣла и утопленникъ найденъ, его несутъ въ моргъ—зданіе, спеціально назначенное для этихъ случаевъ. Тутъ прежде всего вы находите большую, свѣтлую комнату, которая даетъ возможность дѣлать самое тщательное изслѣдованіе надъ утопленникомъ; тутъ же на нѣкоторомъ возвышеніи лежатъ тѣла утопленниковъ подъ краномъ холодной воды, которая постоянно обливаетъ ихъ и такимъ образомъ замедляетъ разложеніе. Въ моргѣ есть и еще нѣсколько комнатъ: въ одной чиновникъ записываетъ число и время, когда принесенъ утопленникъ, чрезвычайно подробно вписываетъ въ книгу всѣ внѣшніе его признаки, его платье, обувь. Въ другой комнатѣ лежатъ утопленники, которыхъ уже будутъ хоронить; наконецъ есть особая комната, гдѣ хранится одежда тѣхъ, о которыхъ ничего не могли разузнать. Когда кто-нибудь долго не возвращается домой, родители и знакомые обыкновенно бросаются въ моргъ наводить справки.

Иногда они дѣлаютъ это по прошествіи довольно долгаго времени и нерѣдко узнаютъ, что обыскиваемое ими лицо дѣйствительно было здѣсь. Убѣждаются они въ этомъ вслѣдствіе самыхъ точныхъ и подробныхъ примѣтъ наружности и одежды, которыя имъ прочитываетъ чиновникъ. «Какой образъ жизни велъ вашъ родственникъ?» слышится тогда. «Какой формы его носъ, руки?» И обыкновенно одинъ и тотъ же отвѣтъ:

«Какъ у всѣхъ», или: «а кто его знаетъ? вѣроятно, сударь, такіе же, какъ и у насъ съ вами». Но служащіе въ моргѣ обладаютъ необыкновеннымъ терпѣніемъ, вырабатываютъ себѣ замѣчательный тактъ и мало по малу они узнаютъ все, что имъ надо. Свою опытность въ этомъ дѣлѣ они въ особенности показываютъ тогда, когда тѣло доставлено въ моргъ и его начинаютъ разсматривать. Въ ихъ краткихъ, сжатыхъ опредѣленіяхъ вы иногда можете прочесть всю исторію бѣдняка: «рваная синяя блуза...» диктуетъ одинъ, разсматривая утопленника, въ то время, когда другой тутъ-же записываетъ. «Подъ мышками полотняная заплата другаго цвѣта, зашитая бѣлыми нитками; порѣзъ въ два миллиметра на лѣвомъ колѣнѣ; большой шрамъ на локтѣ отъ только что зажившей раны; грубыя, шершавыя, мозолистыя руки, какія бываютъ у земледѣльцевъ; плечи широкія, но корпусъ сутуловатый, и проч. и проч.».

Такое учрежденіе, какъ Моргъ, особенно необходимо теперь, такъ какъ число утопленниковъ въ Парижѣ съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ 1846 году было розыскано 302 трупа и 78 новорожденныхъ; въ 1856 году уже однихъ мужчинъ 362, а уже новорожденныхъ 113, въ 1867 году число утопленниковъ уже возрастаетъ до 744. Не смотря на такую огромную цифру утопленниковъ, ихъ было бы гораздо больше и моргъ скоро долженъ былъ бы отказаться ихъ всѣхъ вмѣстить, если бы въ Парижѣ не существовало совершенно особаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ «спасителей Сены». Въ члены этого общества обыкновенно вступаютъ люди всѣхъ сословій, которые въ тоже время умѣютъ хорошо плавать и имѣютъ на берегу свои ванны, суда, плоты, а также и служащіе при нихъ. Эти люди съ очень многихъ пунктовъ Сены сторожатъ и днемъ, и ночью, назначая между собою очередь, и не только при первомъ воплѣ и крикѣ, но даже при плескѣ воды многіе изъ нихъ бросаются въ рѣку. Общество избавителей имѣетъ свои торжественныя собранія въ залѣ св. Жана и считаетъ болѣе 360 человѣкъ своими почетными членами, уже награжденными медалями отъ правительства за различные случаи спасенія, и не менѣе 600 членовъ, которые за спасеніе погибающихъ или за вытаскиваніе трупа получаютъ опредѣленную плату.

Подземный Парижъ и его клоаки.—Рабочіе при стокахъ ъ.

Вода, удовлетворивъ различнымъ потребностямъ жителей, дѣлается опаснымъ элементомъ, полнымъ вредныхъ веществъ, которыя нужно удалить, какъ можно скорѣе и какъ можно дальше отъ города, чтобы не вызвать эпидемій. Эта вода, испорченная отъ соприкосновенія съ грязными улицами, съ крышами, покрытыми пылью, загрязненная и зараженная въ кухняхъ, конюшняхъ и прочихъ мѣстахъ угрожаетъ множествомъ опасностей. Вотъ поэтому въ Парижѣ и устроили такъ, что по желобамъ, стокамъ, водосточнымъ трубамъ, прикрѣпленнымъ къ стѣнамъ домовъ, эта вода впадаетъ въ устья трубъ подъ мостовою, затѣмъ течетъ по канавамъ, проводящимъ ее къ отверстію подъ тротуарами, затѣмъ она несется по крутому наклону и низвергается въ огромную и замѣчательную сѣть подземныхъ каналовъ, устроенныхъ по всѣмъ правиламъ науки. По этимъ каналамъ вода несется съ большою быстротою и наконецъ впадаетъ вдали отъ Парижа въ Сену, несущую ее въ море.

Эти сточныя трубы, или парижскія клоаки, самыя обширныя и лучшія на свѣтѣ. Клоаки древняго міра не могутъ выдержать съ ними никакого сравненія. Парижане по-

казываютъ ихъ съ гордостью иностранцамъ и посѣтители могутъ проѣхаться по нимъ не только въ лодкѣ, но даже и въ вагонѣ.

Парижскіе подземные каналы раздѣляются на два совершенно различныхъ отдѣла: *трубы для стока нечистотъ* (les égouts) и *собиратели* или *коллекторы* (les collecteures). Первые проходятъ подъ улицами, собираютъ грязную воду и проводятъ ихъ во второй родъ клоакъ, т. е. въ собиратели, а тѣ далеко относятъ эту грязную воду. Трубы для стока нечистотъ—это маленькіе ручейки, составляющіе, если можно такъ выразиться, какъ бы притоки собирателей, которые можно сравнить уже съ рѣками. Собиратели проведены въ болѣе низменныхъ частяхъ Парижа для того, чтобы туда, по естественному склону, могла стекать вода изъ болѣе возвышенныхъ частей.

Клоаки эти строились много лѣтъ и способъ ихъ постройки теперь значительно улучшился; прежде ихъ строили изъ простаго песчаника—камня очень мягкаго и легко проницаемаго влажностью, такъ что постоянно требовались поправки; потомъ его замѣнили жерновымъ камнемъ, весьма изобильнымъ въ окрестностяхъ Парижа, который можетъ сильно противостоять влагѣ. Лѣтъ 20-ть тому назадъ вся галлерея клоакъ была покрыта гидравлическимъ цементомъ, сдѣлавшимъ ихъ чрезвычайно прочными. Рѣшетки, которыя прежде закрывали отверстія посреди улицъ, выброшены вмѣстѣ съ другимъ хламомъ и замѣнены отверстіями клоакъ, скрытыми подъ краями тротуара. Отверстій этихъ насчитываютъ до 6-ти тысячъ, такъ что даже въ самыя сильныя бури ихъ довольно, чтобы поглотить воду съ 2000 улицъ, со 138 площадей, съ 55 набережныхъ и 167 парижскихъ бульваровъ.

Посѣщать и осматривать клоаки стало теперь большимъ удовольствіемъ для публики. Каждый мѣсяцъ дозволяютъ предпринимать по нимъ прогулки, и билеты берутся на расхватъ. Это путешествіе по клоакамъ непродолжительно: сначала везутъ въ вагонѣ, а потомъ въ лодкѣ. Путешествіе начинается отъ площади Шателе и кончается на площади Маделенъ. Спустившись по витой чугунной лѣстницѣ внизъ, входятъ въ обширную комнату, и тутъ передъ вами открывается подземный Парижъ, такъ что вы сразу проникаете во всѣ его секреты. Прежде всего васъ поражаетъ здѣсь огромное количество трубъ всевозможной величины, толщины и цвѣта: онѣ проходятъ въ разныхъ направленіяхъ и служатъ для различныхъ цѣлей. Раньше другихъ бросаются въ глаза огромныя, металлическія, водопроводныя трубы, блестящія и полированныя, какъ черный мраморъ; онѣ подперты крѣпкими желѣзными опорами. Отъ нихъ идутъ двѣ трубы, которыя походятъ на ноги громаднаго чернаго гиганта, лежащаго на спинѣ. Далѣе трубы менѣе широки и прикрѣплены къ бокамъ стѣнъ: отъ нихъ тамъ и сямъ идутъ болѣе мелкія развѣтвленія. На высотѣ свода виднѣются сѣроватые пучки, которые похожи на связку прутьевъ,—это нити электрическаго телеграфа. А что это за длинная трубка, которая такъ и скользитъ по стѣнѣ? Она слишкомъ узка, для того чтобы проводить воду и слишкомъ широка для телеграфной проволоки. Прислушайтесь... Чу! Быстрый и рѣзкій шумъ, похожій на свистъ дротика,—это мѣдная повозка, нагруженная депешами, которая пробѣгаетъ по трубѣ пневматическаго (воздушнаго) телеграфа. Подземный Парижъ—это цѣлый живой организмъ: его скрытые органы никогда не прекращаютъ своихъ отправленій.

Стѣны такъ толсты, что въ нихъ устроены цѣлыя комнаты; тутъ вы найдете и бюро для служащихъ, и помѣщенія для ламповщиковъ, и кладовыя для лопатъ, метелъ и для особенныхъ сапоговъ, которые служатъ для здѣшнихъ рабочихъ.

Выше русла клоаки идутъ тротуары, конечно, не такіе широкіе, какъ въ надземномъ Парижѣ. Въ нихъ вколочены желѣзные столбы, на которыхъ прикрѣплены лампы съ фарфоровыми шарами. Посѣтители приходятъ сюда обыкновенно въ кашнэ

и въ тепломъ пальто, чтобы оградить себя отъ суровой температуры, которая однако вовсе не страшна здѣсь, такъ какъ она почти неизмѣнно колеблется между 11 и 13°.

Когда публика вся собралась, чтобы осматривать клоаки, тогда привозятъ вагоны и ставятъ вдоль клоаки улицы Риволи, на двухъ тротуарахъ которой находятся металлическія полосы, замѣняющія рельсы. Во всѣхъ четырехъ углахъ вагоновъ горятъ лампы; вагоны крытые и въ нихъ, для сидѣнья, наставлены скамейки изъ плетенаго тростника. Публика усаживается; женщины немного трусятъ; въ прогулкѣ иной разъ принимаютъ участіе и карманные воры, но они рискуютъ попасться, такъ какъ тутъ же обыкновенно помѣщается агентъ сыскной полиціи, наблюдающій не столько затѣмъ, что встрѣчается во время прогулки, сколько за прогуливающимися. Свистокъ даетъ сигналъ и поѣздъ трогается. Но этотъ вагонъ движется не силою пара, а людьми. Два человѣка впереди и два позади, держась за полосы, прикрѣпленныя къ вагону, катятъ его впередъ. Вслѣдствіе быстраго движенія встрѣчная струя свѣжаго воздуха ударяетъ въ лицо. Быстро движется вагонъ подъ темнымъ сводомъ,—вотъ едвали не все, что можно замѣтить во время этой прогулки; замѣчательно, что не чувствуешь никакого дурнаго запаха. Но вотъ ходъ вагона дѣлается медленнѣе, вы подъ площадью Бастиліи, гдѣ стокъ Риволи впадаетъ въ большой собиратель. Тутъ выходишь изъ вагона и замѣчаешь нѣсколько лодокъ, разукрашенныхъ флагами и освѣщенныхъ лампою. Тотчасъ садятся въ эти лодки, двигаются съ помощію лодочниковъ, одѣтыхъ въ блузы, и достигаютъ по теченію воды комнаты подъ площадью Маделенъ и изъ нея подымаются вверхъ по лѣстницѣ и выходятъ на улицу.

Рабочихъ, служащихъ при стокахъ, болѣе 600 человѣкъ. Работать въ стокахъ очень тяжело, и рѣдко кто можетъ вынести службу здѣсь болѣе 15 лѣтъ. Обыкновенно здѣшніе работники получаютъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы изнурительную болѣзнь: страданіе въ суставахъ и анемію въ членахъ, что происходитъ отъ влажности и темноты, въ которыхъ имъ постоянно приходится работать. Въ народѣ этихъ рабочихъ называютъ подземными крысами. Каждое утро они идутъ въ стоки въ огромныхъ сапогахъ и съ метлами на плечахъ. Главная забота по отношенію къ нимъ—снабдить ихъ хорошею обувью, чтобы они могли съ сухими ногами бродить по самымъ засореннымъ стокамъ; для этого имъ даютъ на шесть мѣсяцевъ одну пару высокихъ и прочныхъ сапогъ, подбитыхъ гвоздями; къ концу этого времени сапоги портятся, грязь совершенно разъѣдаетъ ихъ и они уже плохо служатъ рабочимъ послѣдній мѣсяцъ. Но и тутъ, когда сапоги совершенно изношены, изъ нихъ стараются извлечь какую-нибудь пользу. Когда ихъ наберется нѣсколько сотенъ, ихъ раздѣляютъ на кучки и продаютъ съ аукціона, обыкновенно 100 франковъ и болѣе за кучу. Люди, купившіе эти сапоги, отрѣзаютъ нижнюю часть и отправляютъ въ департаментъ Уазы, гдѣ дѣлаютъ изъ нихъ калоши для рабочихъ на торфяникахъ этого департамента; что же касается голенищъ, то они подвергаются особой обработкѣ и превращаются въ самую тонкую, гибкую, превосходную кожу, и богатыя дамы, сами того не зная, покупаютъ изящные полусапожки изъ этого матеріала.

Теперь Сена въ Парижѣ совсѣмъ почти избавлена отъ нечистотъ; только во время сильной бури въ нее выпускаютъ нечистоты, чтобы поскорѣе очистить улицы, которыя иначе могутъ подвергнуться наводненію. Но если Сена въ Парижѣ теперь и очищена, за то ниже она загромождена огромною кучею нечистотъ, отъ которыхъ еще недавно до такой степени засорялся водяной путь, что судамъ было трудно ходить. Поэтому приходилось безпрестанно очищать русло Сены, а это стоило большихъ денегъ. Кромѣ того всѣ вещества, драгоцѣнныя для удобренія и которыя можно было бы употребить съ пользою для окрестностей Парижа, уносились Сеною въ море. Теперь

эти неудобства почти совершенно устранены и трудно повѣрить, какую громадную пользу принесли нечистоты, сколько выиграло отъ нихъ земледѣліе въ окрестностяхъ Парижа.

Огромное пространство земли у Сены отъ Нельи до Шату называется долиною Жанневилье. Еще лѣтъ десять тому назадъ трудно было встрѣтить мѣстность болѣе безплодную. Единственною растительностью тутъ была крапива, чертополохъ и молочай. Да и не мудрено: почва здѣсь была песчаная и кремнистая, едва прикрытая тоненькимъ слоемъ чернозема. Съ большими усиліями тутъ кое-какъ разводили свекловицу, да и она здѣсь росла очень тихо. Это была совершенная пустыня, какъ будто тутъ дулъ Самумъ. Только изрѣдка появлялись здѣсь охотники за жаворонками, которые одни любили эту мѣстность. Гектаръ этой земли ($^9/_{10}$ десятины), у самыхъ воротъ Парижа, отдавался въ наемъ за ничтожную арендную плату отъ 78 до 86 франковъ въ годъ. На этой безплодной долинѣ разбиты теперь огромные сады и огороды. Земли, которыя были прежде пустынными песками, изрытыми въ нѣсколькихъ мѣстахъ каменноломнями, теперь стали замѣчательно плодоносными. Тутъ точно выросъ новый городъ: настроено множество домовъ, вездѣ зелень, благоуханіе, всюду застаешь жизнь, такъ сказать, въ полномъ разгарѣ творчества. Все это промышленное богатство произошло отъ нечистотъ изъ стоковъ, распредѣленныхъ по долинѣ. Теперь земли этой долины уже отдаются въ наемъ за арендную плату 8 разъ большую, чѣмъ онѣ отдавались прежде, а именно гектаръ земли отдается теперь за 600 франковъ въ годъ. Можно было бы ожидать, что, проходя по этимъ зеленѣющимъ огородамъ, услышишь зловоніе; между тѣмъ вы чувствуете только запахъ полыни, ромашки и шалфея. Извѣстный парижскій продавецъ духовъ устроилъ здѣсь большое заведеніе: онъ взялъ на аренду большой кусокъ земли и разводитъ на немъ, въ числѣ другихъ благовонныхъ растеній, лечебную мяту, которую французы должны были прежде выписывать изъ Англіи. Земли здѣсь сдѣлались теперь уже до такой степени плодородны, что спаржа, этотъ особенно лѣнивый овощь, требующій трехъ, а иногда и пяти лѣтъ ухода, достигаетъ на нихъ въ два года полной зрѣлости. Свекловица приняла огромные размѣры: она иногда вѣситъ 8 килограммовъ ($19^1/_2$ фунтовъ). Артишоки, капуста, ревень—быстро принимаютъ колоссальные размѣры. Весною 1872 года нѣкоторые садовники развели здѣсь салатъ и каждый день около 3 тысячъ фунтовъ отправляли на парижскіе рынки. Плодовыя деревья, въ первые дни весны, буквально сгибаются подъ тяжестью цвѣточныхъ кистей. Тамъ и сямъ посѣяли зерновой хлѣбъ и на кремнистой почвѣ, гдѣ прежде жалкая крапива погибала отъ недостатка влаги, теперь получаютъ богатый урожай. Гдѣ кончается орошеніе, тамъ начинается безплодіе. Невольно вспоминаешь Египетъ и Нубію, которыхъ всюду преслѣдуетъ смерть, гдѣ только Нилъ не разливаетъ свою плодотворную тину.

Мало развитые французскіе крестьяне долго не понимали всей пользы этого изобрѣтенія въ настоящемъ, а тѣмъ болѣе въ будущемъ. Они долго не хотѣли воспользоваться удобреніемъ, проведеннымъ на ихъ земли, и которое имъ раздавали безплатно. Они долго и серьезно волновались, опасаясь зараженія. Но когда самую худую часть земли подвергли орошенію и развели на ней овощи, которыя никогда не могли рости въ долинѣ Жанневилье, тогда крестьяне сами захотѣли испытать новый способъ. Они попросили водъ изъ стоковъ; имъ дали ихъ, сколько они хотѣли, и изобиліе быстро замѣнило безплодіе. Орошеніе безплодныхъ земель, хотя уже и сдѣлано въ огромномъ размѣрѣ, тѣмъ не менѣе это еще все опыты и скоро это дѣло значительно расширятъ. До сихъ поръ только десятая часть всѣхъ нечистотъ выливается на поля,—все остальное еще и теперь идетъ въ Сену. Теперь много думаютъ о томъ, чтобы не терять и

эту часть, и такимъ образомъ все употребить производительно. Чтобы воспользоваться этою массою удобренія, нужны громадныя машины. Удобреніе проведутъ черезъ Сену въ широкихъ трубахъ, которыя уже готовы. Кромѣ того будутъ устроены два резервуара и два канала, которые будутъ распредѣлять плодородіе: густое удобреніе останется на поляхъ, а отдѣлившаяся отъ него вода убѣжитъ въ Сену. Тогда вся долина, которая содержитъ не менѣе 2-хъ тысячъ гектаровъ (болѣе 1,800 десятинъ) песчаной почвы,—въ два, три года превратится въ превосходный, сплошной огородъ у самыхъ воротъ Парижа. Результатъ отъ этого будетъ весьма значительный: оживятъ и обновятъ безплодныя земли, получатъ отъ нихъ большія выгоды; зелень и деревья будутъ очищать воздухъ столицы, и наконецъ Сена при этомъ будетъ освобождена отъ загромождающихъ ее нечистотъ; это облегчитъ судоходство, сбережетъ много средствъ, которыя тратятъ теперь на чистку. Но при этомъ можно сдѣлать только одно возраженіе: пожалуй, эта масса грязной воды станетъ притекать къ резервуарамъ въ такомъ количествѣ, что не будетъ никакой возможности ею воспользоваться; тогда все равно придется выбрасывать избытокъ въ Сену. Дѣйствительно, почти всегда будетъ этотъ избытокъ и онъ будетъ стекать въ Сену, но безъ всякой опасности, такъ какъ эта лишняя вода совершенно очистится. Теперь нашли способъ выдѣлять твердыя вещества изъ грязной воды и стокъ можно очистить такъ же легко и даже скорѣе, чѣмъ бочку вина. Для этого употребляютъ растворъ сѣрно-кислаго аллюминія. Въ бассейнъ съ нечистотами выливаютъ не болѣе литра (менѣе русскаго четверика) этого раствора, и всѣ твердыя части опускаются на дно. Вода становится совершенно чистою и безъ всякаго вкуса и дурнаго запаха; это тѣмъ болѣе удивительно, что въ ней находились зловонныя вещества, выбрасываемыя изъ фабрикъ, съ газовыхъ заводовъ, красиленъ, мыльныхъ заводовъ, клейныхъ и бѣлильныхъ фабрикъ и кожевень. Если воду эту выпустить изъ бассейна, то на днѣ окажется необыкновенно густой и сѣроватый илъ. Его выгребаютъ лопатами, складываютъ въ кучи и получаютъ превосходное удобреніе. Теперь его отдаютъ даромъ крестьянамъ, которые, воспользовавшись имъ, излишекъ продаютъ на-сторону и выручаютъ за это хорошія деньги. Но вѣроятно въ близкомъ будущемъ около Сены устроятъ огромную фабрику для приготовленія сухаго удобренія, которое будутъ разсылать по всей Франціи. Такимъ образомъ Парижъ возвратитъ провинціи часть веществъ, извлекаемыхъ изъ ея земель, и покажетъ всему міру примѣръ, достойный подражанія. Сама же долина Жанневилье, черезъ нѣсколько лѣтъ, будетъ неузнаваема. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что одинъ садовникъ поселился недалеко отъ одного изъ этихъ бассейновъ, развелъ тамъ персиковыя деревья, и благодаря богатому удобренію, онѣ разрослись удивительно быстро и легко.

Французы юга и сѣвера.—Характеръ французскаго народа.—Его хорошія и дурныя стороны.—Парижанка, ея характеръ и времяпрепровожденіе.

Въ складѣ характера и даже въ физическихъ свойствахъ французскаго народа много особенностей, смотря по мѣстности, гдѣ онъ живетъ. Въ сѣверной половинѣ Франціи много германской примѣси и потому сѣверные жители серьезнѣе, большаго роста, бѣлокуры, съ голубыми глазами, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ тяжелой походкой. Въ южныхъ французахъ преобладаетъ галло-римскій элементъ: они малень-

каго роста, смуглы, живы и граціозны. Южный французъ любитъ яркіе цвѣта въ своемъ костюмѣ, сѣверный житель предпочитаетъ для своего туалета темный цвѣтъ, менѣе бросающуюся въ глаза одежду. Южный французъ говоритъ скоро и безъ умолку; онъ обладаетъ воображеніемъ до того живымъ, что впадаетъ въ преувеличенія, любитъ, еще болѣе сѣвернаго жителя, прихвастнуть, и часто даже лжетъ, хотя и безъ злого умысла, обыкновенно, противъ собственной воли, увлекаемый своей живой фантазіею. Онъ несравненно болѣе сообщителенъ и нерѣдко даже назойливъ. Онъ легко дружится съ каждымъ и уже въ первую минуту, безъ всякой нужды, даетъ клятву въ своей безконечной дружбѣ, любви; но черезъ нѣсколько недѣль онъ не узнаетъ человѣка, съ которымъ онъ горячо обнимался, которому клялся въ вѣчной дружбѣ. Онъ всегда даетъ много обѣщаній, но рѣдко помнитъ о нихъ; онъ открываетъ первому встрѣчному свою душу, довѣрчивъ до послѣдней степени. У сѣвернаго француза, не смотря на его общительность, любезное обращеніе и предупредительность, всегда скрывается недовѣрчивая сдержанность.

Тѣмъ не менѣе въ характерѣ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ французовъ много общаго. Всѣ они съ чувствомъ собственнаго достоинства называютъ себя «великой націей» (la grande nation). И дѣйствительно, въ очень многихъ отношеніяхъ это совершенно справедливо: націи этой доступны великія и гуманныя идеи. Отечество, честь, слава имѣютъ огромное значеніе для француза. Правда, славу они прежде всего понимаютъ въ военной доблести, тѣмъ не менѣе въ послѣдней войнѣ они много разъ доказали, что у нихъ нѣтъ не только недостатка въ воинственномъ жарѣ, но и въ выдержкѣ и въ упорствѣ. Но французы велики не только воинскою доблестью: они сдѣлали громадные успѣхи во всѣхъ областяхъ знанія, и при этомъ ихъ главная, характерная черта—умѣнье проводить всѣ знанія въ популярной и необыкновенно привлекательной формѣ. Французъ общительнѣйшій человѣкъ въ мірѣ: онъ отличается замѣчательною обходительностью въ обращеніи, ловкостью, любезностью, граціею и вниманіемъ. У него есть умъ, иронія, легкость пониманія, геній по части матеріальныхъ усовершенствованій, изящество въ работахъ. Французское «savoire faire» и «savoir vivre»—чужды другимъ націямъ; свою услужливость, добрый поступокъ онъ умѣетъ облечь въ деликатную форму; самой скромной обстановкѣ придаетъ привлекательный видъ. Онъ всегда въ попадъ скажетъ остроту и умное слово и вы никогда не соскучитесь въ его обществѣ. Въ своей компаніи французы всегда веселы и просидятъ въ оживленныхъ спорахъ всю ночь до утра, даже и тогда, когда передъ ними всего одна только бутылка вина.

Нѣмецъ и съ самыми пріятными для себя собесѣдниками никогда не увлечется на столько, чтобы забыть о своемъ пивѣ, котораго онъ каждый часъ выпиваетъ по нѣскольку кружекъ. Французъ, какъ въ питьѣ, такъ и въ ѣдѣ любитъ чистоту и умѣренность и обращаетъ вниманіе не столько на количество, сколько на качество. Какъ нѣмецъ любитъ свою колбасу и пиво, такъ французъ любитъ супы, соусы изъ зелени и красное вино. Нѣмецкій народный праздникъ обыкновенно кончается дракою, между тѣмъ какъ у француза при всемъ шумѣ и крикѣ дѣло обходится безъ потасовки.

Недостатки француза замѣтить не трудно, такъ какъ они рѣзко бросаются въ глаза въ каждомъ его поступкѣ. Всѣ уже давно замѣтили его излишнюю болтливость, суетливость и прежде всего жадность къ удовольствіямъ. Самыя критическія минуты, какъ въ его частной, такъ и въ общественной жизни не могутъ убить въ немъ, даже на короткое время, страсти и погони за удовольствіями. Уже въ первый годъ послѣ капитуляціи Парижа 1871 г., когда Франція должна была заплатить Германіи пять милліардовъ денежной пени, когда громадная часть населенія этой страны поте-

ряла все свое достояніе, лишилась отцовъ, братьевъ, сыновей, къ префекту Сены было обращено множество ходатайствъ о позволеніи выстроить четыре новыхъ театра на плащади «Chateau d'Eau». Во Франціи не только толпа, которая вездѣ жадна до уличныхъ сценъ и парадовъ, но и люди весьма образованные бросаютъ всякое занятіе, бѣгутъ на улицу и, смѣшавшись съ толпой, съ любопытствомъ смотрятъ на въѣздъ шаха или какого нибудь иностраннаго принца, которому дѣлаютъ блестящій пріемъ. Если одного изъ нихъ встрѣтитъ въ такую минуту какой нибудь пріятель другой націи, который начнетъ подсмѣиваться надъ этой чертой его характера, онъ серьезно будетъ разубѣждать его въ этомъ, говоря, что онъ наблюдаетъ, изучаетъ народъ.

На всякой выставкѣ, на всякомъ парадѣ французъ тутъ какъ тутъ: онъ не пропускаетъ ни одного зрѣлища, ни одной иллюминаціи, ни одной скачки. И при этомъ онъ никогда не остается простымъ зрителемъ. Нѣтъ, онъ обо всемъ говоритъ, высказываетъ окружающимъ свое мнѣніе, горячо споритъ съ ними по поводу всего, что вокругъ него совершается. Другія же, болѣе серьезныя удовольствія, дѣйствующія прямо на умъ, не занимаютъ француза: засѣданія, публичныя чтенія, имѣющія такой блестящій успѣхъ въ Англіи и Германіи, не смотря на всѣ усилія ввести ихъ въ общее употребленіе, мало прививаются во Франціи.

Французъ внезапно, моментально увлекается какимъ нибудь чувствомъ, предметомъ, личностью, носится съ своимъ увлеченіемъ, какъ съ чѣмъ-то святымъ, но когда порывъ прошелъ, онъ также быстро забываетъ то, отъ чего еще вчера такъ сильно билось его сердце. Мало того, онъ, какъ никто другой въ мірѣ, умѣетъ заразить своимъ экстазомъ, другаго, иногда множество людей, нерѣдко даже чуть не всю страну. Вотъ какъ характеризуетъ эту болѣзнь, свойственную всѣмъ французамъ вообще, но въ особенности парижанамъ,—современный французскій писатель: «Весь Парижъ вдругъ задыхается въ аллеяхъ Jardin des Plantes, разглядывая жирафа, или тѣснится въ воротахъ Jardin turc, чтобы поглазѣть на собаку Minuto; словно какой-то вихрь безумія налетѣлъ на всѣхъ поголовно. Увлеченія французовъ мгновенны и стремительны, какъ удары грома, но они исчезаютъ также быстро, какъ и являются. Лафайетъ, Дюпонъ, Ламартинъ, каждый, въ свою очередь, служилъ предметомъ восторженнаго поклоненія; но прошла пора, схлынулъ порывъ энтузіазма и прежніе идолы сводятся ва степень простыхъ посредственностей. Подобно Діогену, французъ ищетъ человѣка не для того, чтобы изучить его, какъ рѣдкое явленіе, но для того, чтобы поклониться ему и, при случаѣ, повиноваться. Въ минуту опасносности, когда его начинаютъ пугать результаты его собственныхъ глупостей, онъ возлагаетъ всѣ свои надежды и всю свою судьбу на одного человѣка. Онъ назначаетъ его на высшій постъ, украшаетъ всевозможными, воображаемыми качествами, не мало не думая въ ту минуту о томъ, существуютъ-ли эти качества въ дѣйствительности, или нѣтъ; за тѣмъ взваливаютъ ему тяжелую ношу на плечи, и если импровизированный герой падаетъ подъ тяжестью, его обвиняютъ въ измѣнѣ». Примѣровъ этому много, какъ въ прошлой, такъ и въ настоящей исторіи Франціи.

Французы поголовно и внезапно увлекаются не только людьми, но и презабавными пустяками. Еще недавно на всѣхъ улицахъ Парижа раздавались звуки «кри-кри» — маленькой металической игрушки, которая издаетъ звукъ, когда ее нажимаютъ. И звуки кри-кри начали раздаваться рѣшительно вездѣ: на улицѣ, у подъѣзда театра, въ трактирѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вдругъ вошло въ моду подражать хриплому пѣнію плохаго комедіанта, и никто не могъ устоять противъ этой маніи. Это пѣніе раздавалось и въ элегантныхъ салонахъ, и въ самыхъ грязныхъ трактирахъ. Отъ времени до времени появляется мода и на благочестіе, и точно также сверху до низу обхватываетъ

всѣ классы общества. Въ такіе періоды скабрёзныя книги вдругъ замѣняются душеспасительными, листки съ церковными извѣстіями, въ которыхъ извѣщаютъ о предстоящихъ обѣдняхъ и проповѣдяхъ, расходятся въ громадномъ количествѣ. Кутилы, которые еще вчера при встрѣчѣ бесѣдовали о послѣднихъ кутежахъ, теперь спрашиваютъ одинъ другаго, въ какой церкви кто изъ нихъ былъ, какого слушалъ проповѣдника. По всѣмъ проселочнымъ дорогамъ тянутся тогда цѣлыя вереницы богомольцевъ, которые спѣшатъ на поклоненіе вновь появившейся святынѣ. Такое настроеніе охватываетъ до такой степени весь народъ, что компанія желѣзныхъ дорогъ заводитъ особые поѣзда, которые называются «поѣздами богомольцевъ». То въ одной мѣстности, то въ другой появляются пастухи и дѣвочки, которые съ раскраснѣвшимися щеками и съ блестящими глазами разсказываютъ собравшейся вокругъ нихъ толпѣ о словахъ Спасителя или Богородицы, явившихся имъ во снѣ или на яву. Имъ вѣрятъ, ихъ слушаютъ, приглашаютъ въ дома, осыпаютъ подарками. Въ тоже время появляется множество новыхъ цѣлительныхъ средствъ въ родѣ лурдской воды, которая помогаетъ отъ всевозможныхъ болѣзней; всѣ церкви биткомъ набиты народомъ, множество новыхъ проповѣдниковъ получаютъ громкую репутацію, и каждый добивается чести знакомства съ ними, ихъ визита. Такая мода создаетъ и особаго рода промышленность: большіе капиталы употребляютъ для устройства фабрикъ съ спеціальною цѣлью дѣлать четки и священные предметы. Здѣсь приготовляютъ шляпы съ раковинками, мхомъ, крестиками и другими религіозными аттрибутами; тамъ — стальные пояса съ молитвенниками на цѣпочкѣ, начиная отъ самыхъ дорогихъ въ бархатныхъ переплетахъ и съ золотыми застежками и кончая самыми простенькими и дешевыми; въ одномъ мѣстѣ приготовляютъ ожерелья съ крестиками, въ другомъ—большіе кресты въ видѣ медальоновъ. Живописцы и скульпторы получаютъ большіе заказы образовъ и скульптурныхъ изображеній святыхъ; столяры приготовляютъ во множествѣ стулья для молитвы, фортепіанные мастера заготовляютъ комнатные органы; издатели тратятъ большія суммы на изданіе библіи, священныхъ книгъ и легендъ. Однажды, во время такой моды, въ игрушечномъ магазинѣ появилась даже церковь-игрушка: она изображала внутренность церкви съ алтаремъ, распятіемъ, евангеліемъ, дароносицей и свѣчами. Священникъ въ полномъ облаченіи служилъ обѣдню, двое мальчиковъ ему прислуживали, а посреди храма—колѣнопреклоненная публика—мужчины и дамы—прелестныя куколки. Прошла мода, и за прилавками магазиновъ исчезаютъ модные предметы; многіе предприниматели и спекуляторы разоряются, такъ какъ заготовленный товаръ сразу перестаетъ идти.

Отъ времени до времени появляется мода на извѣстныя фразы; удачныя выраженія подхватываютъ и фраза пошла ходить въ печати, въ частныхъ разговорахъ, въ залахъ парламента; при этомъ еще нерѣдко появляется множество претендентовъ, приписывающихъ себѣ честь первоначальнаго изобрѣтенія той или другой фразы, въ сущности неимѣющей рѣшительно ничего особеннаго. Такъ напр., во время франко-прусской войны французамъ особенно понравилась фраза Жюля-Фавра; «ни единаго камня отъ нашихъ крѣпостей, ни единой пяди отъ нашей земли.....» Стремленіе блеснуть, привлечь на себя вниманіе, тщеславіе француза, его страсть къ орденамъ, всѣ эти качества не оставляютъ его и за гробомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, отправляйтесь на кладбище «Pere Lachaise». Парижанинъ даже и послѣ смерти не разстается съ своимъ любимымъ орденомъ и приказываетъ вырѣзать этотъ знакъ отличія на своемъ могильномъ камнѣ. Не было ордена при жизни, тогда хотя что нибудь... но не увѣковѣчить себя—для француза невозможно. Неизвѣстный архитекторъ заставляетъ изобразить на своей надгробной плитѣ планъ и чертежи какой нибудь будки, которую онъ выстроилъ въ сосѣдней улицѣ; на могилахъ депутатовъ воздвигаютъ ораторскія трибуны.

Французъ весь отдается первому впечатлѣнію, страстно стремится къ тому, чего не имѣетъ и легкомысленно относится къ тому, что у него въ рукахъ. Его легковѣріе не имѣетъ границъ: онъ вѣрить на слово каждому, съ удовольствіемъ выслушиваетъ розсказни о самыхъ небывалыхъ вещахъ, самъ повторяетъ ихъ пріятелямъ, если только онъ находитъ ихъ забавными и остроумными. Громкія фразы имѣютъ огромный успѣхъ у француза, и вслѣдствіе этого часто простаго краснобая онъ производитъ въ геніи и государственнаго человѣка.

Болѣе всего въ характерѣ француза поражаютъ контрасты: никто болѣе его не мечтаетъ о равенствѣ и въ тоже время никто такъ не восторгается отличіями, какъ онъ. Онъ придаетъ огромное значеніе отличіямъ, изяществу одежды, прекраснымъ манерамъ, блеску, роскоши, однимъ словомъ всему внѣшнему. Каждый французъ, торговецъ онъ или ремесленникъ, фабрикантъ или дѣлецъ, ученый или невѣжа, силится стать выше своего положенія. Каждый, если онъ только не занимаетъ особенно высокаго положенія въ обществѣ, стыдится быть тѣмъ чѣмъ онъ есть, и щедро прибавляетъ украшенія къ своей вывѣскѣ. Прежде лавка называлась лавкою, теперь—это магазинъ; купецъ обратился теперь въ негоціанта, прилавокъ въ бюро, сидѣлецъ—въ комми; всѣ аптекаря сдѣлались фармацевтами, портье — швейцарами, парикмахеры повысились до званія куаферовъ.

Даже самый умный и образованный изъ французовъ не прочь помечтать о медали, крестикѣ, лентѣ. Французъ любитъ вездѣ выказать себя, говоритъ и дѣйствуетъ точно на театральныхъ подмосткахъ. Что бы онъ ни сказалъ, что бы ни сдѣлалъ, онъ прежде всего думаетъ какое это произвело впечатлѣніе на другихъ, на сколько это даетъ ему возможность выдвинуться изъ толпы. Онъ не можетъ быть покойнымъ слушателемъ и собесѣдникомъ, вся его фигура, жесты, движенія, даже и тогда, когда онъ молчитъ, ясно говорятъ: «me voilà». При этомъ онъ самый непослѣдовательный въ мірѣ человѣкъ. Онъ много и хорошо говоритъ о великихъ преобразованіяхъ въ своемъ отечествѣ, но дѣло у него всегда расходится съ словомъ. Народъ французскій столько же робокъ и трусливъ на почвѣ великихъ экономическихъ преобразованій, сколько неустрашимъ и отваженъ на полѣ битвы. Можетъ быть вслѣдствіе того, что онъ истрачивалъ здѣсь всегда много мужества, его не хватаетъ для гражданской жизни. Безстрашный въ виду смерти, онъ равнодушно узнаетъ, что та или другая реформа, которую онъ горячо защищалъ, наконецъ осуществилась. Страстный къ перемѣнамъ въ теоріи, на практикѣ онъ сильно придерживается старины. Этой непослѣдовательности, этому разногласію теоріи съ практикой, слова съ дѣломъ и можно приписать большею частію неровный, порывистый ходъ французской общественной жизни, въ которой гибнутъ лучшія силы, пропадаютъ даромъ, или разлетаются мыльнымъ пузыремъ всѣ прекрасныя идеи, планы, полезныя начинанія. Французы держатся стараго порядка, мирятся съ какимъ нибудь страшнымъ злоупотребленіемъ до тѣхъ поръ, пока это не станетъ бросаться въ глаза каждому, пока объ этомъ не заговоритъ вся Европа. Тогда французъ вспыхиваетъ отъ стыда и негодованія... Какъ, онъ, этотъ лучшій изъ сыновъ «великой націи», подъ ярмомъ обветшалаго учрежденія? и въ неистовомъ гнѣвѣ онъ ломаетъ и опрокидываетъ все безъ разбора. Но вотъ фактъ совершился, онъ съ ужасомъ оглядывается и поворачиваетъ оглобли назадъ. Такой онъ и въ частной жизни: передъ чѣмъ сегодня преклоняется—завтра осмѣиваетъ и топчетъ въ грязь. Его тщеславіе переходитъ въ кичливость и мелкое хвастовство. Французскій народъ въ высшей степени талантливый и умный, но излишнее пристрастіе къ внѣшности не даетъ ему возможности углубиться и всесторонне, серьезно обсуждать свои слова и поступки. Въ его глазахъ огромное значеніе имѣетъ все то, что красиво, блестяще и любопытно, и онъ считаетъ высшею

похвалою сказать: joli, brillant, curieux. Вслѣдствіе такихъ природныхъ качествъ его литература, чаще, чѣмъ у кого бы то ни было, переходитъ во фразы. И французское благерство мы встрѣчаемъ не только на улицахъ, но и на кафедрѣ и еще чаще въ литературѣ.

Тщеславіемъ, страстью къ роскоши и стремленіемъ заставить весь міръ удивляться себѣ болѣе всего заражены парижанки. При этомъ, конечно, мы подразумѣваемъ женщинъ средняго и высшаго круга. И это будетъ совершенно понятно, когда мы познакомимся съ ея воспитаніемъ. Парижанку съ самаго ранняго дѣтства затягиваютъ въ корсетъ, котораго она уже никогда не снимаетъ, здорова она или больна. Лишь только ей исполнилось пять, шесть лѣтъ, ей одѣваютъ чрезвычайно узкія ботинки съ высокими каблуками, по послѣдней модѣ, и начинаютъ безпрестанно посыпать лицо пудрой, намазывать на ночь кожу, чтобъ сдѣлать ее болѣе нѣжною, и брови, чтобы онѣ были гуще. Первая наука, въ которую мать старается погрузить свою дочь,—умѣнье одѣться, пониманіе тайнъ будуаровъ, умѣнье обращаться съ самыми разнообразными въ нихъ вещицами въ родѣ пилочекъ, щеточекъ, до дюжины самаго разнообразнаго вида и формы ножницъ и ножичковъ, скляночекъ, баночекъ, мазей, порошковъ, кисточекъ и т. п.

Если въ домѣ двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, послѣдняя получаетъ всегда первенство: она тиранитъ брата, ей болѣе, чѣмъ ему, дозволяется высокомѣрное отношеніе къ прислугѣ. Когда мать, гувернантка или окружающіе замѣтятъ, что дѣвочка въ своей манерѣ держаться не поступила по всѣмъ правиламъ кодекса элегантныхъ приличій, всѣ начинаютъ твердить въ одинъ голосъ, что она не мужичка, а парижанка, которой принадлежитъ весь міръ, которую всѣ превозносятъ за элегантныя манеры, и она начинаетъ мало по малу сама сознавать свое величіе, все болѣе наблюдать за изяществомъ своихъ манеръ. Въ десять лѣтъ дѣвочку отдаютъ въ пансіонъ, гдѣ она получаетъ крайне плохое образованіе: она учитъ наизустъ басни Лафонтена, длинныя выдержки изъ рѣчей Боссюэта, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ долбитъ грамматику, а главное упражняется въ умѣньи писать элегантныя письма. Подъ руководствомъ монахини она ведетъ суровую, тяжелую жизнь и постепенно привыкаетъ душить въ себѣ всѣ законныя чувства и проявленія дѣтской живости, утѣшая себя мыслію, что и на ея улицѣ будетъ праздникъ, не даромъ же она парижанка, не даромъ весь міръ преклоняется передъ ней. Частыя молитвы и обѣдни, долгое стояніе въ церкви, частое хожденіе на исповѣдь, непитательная пища,—все это располагаетъ ее къ суевѣрію и самому невѣжественному ханжеству. Въ восемнадцать лѣтъ она оставляетъ пансіонъ. Небудучи красавицей, даже очень хорошенькой, она всегда въ высшей степени эффектна, граціозна, имѣетъ прекрасныя манеры, отличную выправку. Возвратившись домой, мать посылаетъ ее въ музеи, въ картинныя галлереи, даетъ прочитывать ей нѣсколько модныхъ романовъ, надѣлавшихъ въ послѣдній сезонъ много шуму и, оставаясь по прежнему совершенно невѣжественною, въ три, четыре мѣсяца молодая дѣвушка пріобрѣтаетъ возможность говорить рѣшительно обо всемъ, критиковать все безъ разбора, относиться ко всему презрительно, насмѣшливо. Будучи болѣзненной отъ ненормальнаго физическаго и нравственнаго воспитанія, она всегда въ нервномъ состояніи. Но привыкнувъ еще въ пансіонѣ скрывать свои мысли и чувства, она и теперь носитъ маску спокойствія, и только по временамъ выдаетъ себя вспышками необузданнаго гнѣва. Она очень наблюдательна и скоро на гуляньяхъ, въ концертныхъ залахъ, въ театрахъ, изъ романовъ подмѣчаетъ соблазнительныя стороны парижской жизни, и это пробуждаетъ въ ней цѣлый міръ дурныхъ инстинктовъ, ненасытныхъ желаній. Хотя мать обыкновенно не стѣсняетъ ее, но ей невыносима и тѣнь зависимости, и она вступаетъ въ бракъ прежде всего съ мыслью сдѣлаться вполнѣ самостоятельною и самовластной. Въ Парижѣ, во всѣхъ классахъ

общества, жена господствуетъ надъ мужемъ: въ средѣ мелкихъ буржуа она сидитъ въ конторѣ, ведетъ дѣла, покупаетъ и продаетъ, составляетъ планы, а отъ мужа она требуетъ только исполненія своихъ приказаній. Попадется такой, которому почему нибудь особенно нравится хвастать, что онъ глава въ домѣ, и жена отлично умѣетъ примѣниться и къ этой слабости: тогда она будетъ подходить къ мужу, спрашивать его приказаній, говорить съ служащими, «мужъ требуетъ этого», «онъ желаетъ, чтобъ это было такъ», и все-таки дѣлаетъ по своему.

Парижскія женщины—олицетвореніе всей утонченной испорченности современнаго поколѣнія, легкомыслія и совершенной пустоты. Страсть къ роскоши, желаніе выказать себя красивѣе, эффектнѣе, лучше одѣтою, стремленіе заставить о себѣ говорить—доводитъ ихъ до невѣроятныхъ вещей. Чтобы достигнуть сказаннаго—всѣ средства хороши, и она никогда не задумается надъ ними, какъ бы грязенъ ни былъ ихъ источникъ. Ея жизнь начинается съ полудня, съ 2-хъ, 3-хъ часовъ: каждую ночь она проводитъ въ маскарадѣ, на балу, или на какомъ нибудь пикникѣ, уѣзжаетъ за городъ съ огромной компаніей веселиться до утра; естественно, что она ложится спать, когда другіе встаютъ работать. Лишь только она успѣла проснуться и позвонить, къ ней является горничная съ фарфоровой чашкой шеколада на серебряномъ подносѣ. Послѣ этого легкій отдыхъ на постели. Затѣмъ она протягиваетъ ножки прямо въ туфли и отправляется въ другую комнату, въ душистую, ароматическую ванну. Послѣ этого опять отдыхъ на роскошной кушеткѣ, гдѣ для всякой позы особое приспособленіе: вальки, мягкія, жесткія и упругія подушки самой разнообразной формы, все сдѣлано изъ дорогой матеріи. Во время этого отдыха, нисколько не безпокоя себя и положивъ подъ локти упругія вальки, она держитъ въ рукахъ зеркальце и тщательно осматриваетъ свою физіономію, не появилась ли морщинка, сѣдой волосъ; также, какъ смерти, боится она постарѣть. Во время *приготовительныхъ занятій* передъ туалетомъ, къ ней входитъ горничная и объявляетъ, что пришла *массеза* (masseuse, отъ глагола masser—расправлять треніемъ члены), и въ ту же минуту въ комнатѣ появляются три женщины, съ ящиками въ рукахъ, изъ которыхъ онѣ вынимаютъ бутылочки, флакончики, куски замши, губку, спиртовую лампу и какой-то аппаратъ съ гуттаперчевой трубкой. Главная *массеза* наливаетъ въ аппаратъ душистаго масла и ставитъ его на зажженную спиртовую лампочку. Въ это время дама перелегла на кровать, приготовленную особеннымъ образомъ для этой операціи и покрытую тончайшею и нѣжнѣйшею клеенкою. Одна изъ массёзъ направляетъ на обнаженное тѣло дамы трубку, изъ которой бьетъ теплая струя душистаго масла, другая нагрѣваетъ замшу, третья вытираетъ ею до суха тѣло своей паціентки. Такимъ образомъ массируютъ тѣло, чтобы придать ему нѣжность и упругость мускуламъ. Эта операція сильно утомляетъ благородную даму и послѣ нея она опять отдыхаетъ нѣкоторое время. Но массированіе тѣла не каждый день, и завтра въ эти часы къ изящной дамѣ приходитъ другой субъектъ женскаго пола; пришедшая точно также съ ногъ до головы осматриваетъ ее и, если найдетъ на тѣлѣ волосокъ уничтожаетъ его посредствомъ особаго теста. Въ тотъ день, когда не умащаютъ тѣла и не уничтожаютъ на немъ волосъ, идутъ безконечные разговоры съ портнихою и примѣриваніе обновъ. Въ другой разъ дама назначаетъ смотръ собаченкамъ и къ ней опять является не менѣе любопытная личность. Нужно помнить, что настоящая парижанка никогда не пойдетъ на прогулку безъ собаченки, которая у нея всегда на цѣпочкѣ. Такихъ собаченокъ у нея обыкновенно нѣсколько: не каждая подходитъ ко всякому туалету. При элегантномъ короткомъ костюмѣ нужна и собака гладкая, тоненькая, на высокихъ ножкахъ. Къ тяжелому бархатному длинному платью и при небольшомъ ростѣ дамы нужна и собачка невысокая, съ густой, курчавой шерстью. Вотъ раза два въ не-

дѣлю къ ней и входитъ женщина, которую она нанимаетъ помѣсячно, исключительно для того, чтобы нѣсколько разъ въ недѣлю мыть и убирать ея собаченокъ. Вымывъ ихъ, она расчесываетъ имъ шерсть, чиститъ когти, иногда завиваетъ колечки и даже подкрашиваетъ. На ея обязанности также лежитъ обязанность перемыть и перегладить собачьи простыни и одѣяльца.

Послѣ пріема массёзы, портнихи или собачей надзирательницы, парижанка приступаетъ къ важнѣйшимъ и священнѣйшимъ, по ея понятіямъ, обязанностямъ, — къ своему туалету. Большая часть времени, занятаго туалетомъ, посвящена притираніямъ. Для этого парижанка садится къ туалету, и какихъ только баночекъ, скляночекъ, кисточекъ, щеточекъ, губочекъ, зеркалецъ не стоитъ на немъ! Прежде всего она натираетъ тончайшую кисточку лазурью и осторожно дѣлаетъ ею на вискахъ голубыя жилки. Пока онѣ обсохнутъ, она внимательно наблюдаетъ ихъ полулежа и держа въ одной рукѣ изящное, круглое зеркальце въ серебряной оправѣ. Одна жилка ей показалась слишкомъ слабою, она въ ту же минуту выпрямляетъ свой станъ, опускаетъ ноги на пушистый коврикъ и проводитъ жилку болѣе отчетливо. Когда она найдетъ, что все обстоитъ благополучно, она приступаетъ къ бѣлиламъ. За лотъ настоящихъ сухихъ бѣлилъ платятъ въ три раза дороже, чѣмъ за тотъ же вѣсъ золота, и крошечная баночка ихъ, въ наперстокъ величиною, стоитъ болѣе ста франковъ. Вытеревъ бѣлилами все лице, дама беретъ мягкую лебяжью щеточку и дотрогивается ею до тѣхъ мѣстъ, гдѣ должны лежать бѣлила: до бровей, губъ, рѣсницъ. Затѣмъ на щеки наводитъ румяна, то усиливая слой ихъ, то уменьшая, смотря потому освѣщенію, при которомъ ей придется показывать свои щечки. Если ей желательно произвести эффектъ на гуляньѣ, она раскрашиваетъ щеки больше, для вечерняго освѣщенія положитъ слой болѣе тонкій, на балъ еще нѣжнѣе и такимъ образомъ до безконечности.

Парижанка знаетъ эту науку во всей подробности и до совершенства. Особой краски и самаго большаго искуства требуютъ брови и рѣсницы. Ихъ окрашиваютъ необыкновенно осторожно, искусно отдѣляя одинъ волосокъ отъ другаго. Многія, чтобы удлинить глазъ, проводятъ небольшой штрихъ въ складкѣ глаза. Точно также измѣняютъ, смотря по желанію, и выгибъ бровей: все это подкрашивается, подчищается, притирается сотни разъ изъ разныхъ баночекъ и скляночекъ и при этомъ въ дѣйствіе пускаютъ до дюжины щеточекъ самой разнообразной формы. Та же процедура съ ногтями: ихъ подкрашиваютъ, подчищаютъ, удлиняютъ. Затѣмъ является куафёръ со множествомъ кардонокъ. Въ одной изъ нихъ у него букли, въ другой шиньонъ, въ третьей скляночки и баночки съ различной жидкостью для измѣненія цвѣта волосъ, который тоже перемѣняютъ, смотря по освѣщенію и по предстоящему удовольствію. Парижанки обыкновенно оказываются золотистыми блондинками. Также искуственъ и ихъ нарядъ. Все и вездѣ тутъ устроено такъ, чтобы скрыть какой нибудь физическій недостатокъ и выказать то, чего нѣтъ. Разряженная, набѣленная и нарумяненная дама за часъ до обѣда выѣзжаетъ въ коляскѣ на рысакахъ, или отправляется на гулянье въ булонскій лѣсъ, или катается на велосипедѣ. Разумѣется для всего этого у нея особый костюмъ. На гуляньѣ она встрѣчаетъ множество знакомыхъ и съ огромной компаніей отправляется обѣдать въ ресторанъ. Возвращается она домой часа на полтора, перемѣнить туалетъ, прическу, цвѣтъ щекъ, и затѣмъ летитъ на балъ или въ маскарадъ. Просидѣть цѣлый день дома безъ гостей за какой нибудь работой ей не только не нравится, но и кажется смѣшнымъ и страннымъ: это дѣлаютъ, по ея понятіямъ, педанты и уроды, желающіе прослыть добродѣтельными или оригиналами. Будуаръ, салонъ и ароматическая ванна, вотъ все, что знаетъ парижанка въ своемъ семейномъ быту. Такая жизнь, разумѣется, невозможна для матери и потому парижанка обыкновенно и не бываетъ ею.

Если у нея родится ребенокъ, что для нея всегда величайшее несчастіе, она посылаетъ его къ кормилицѣ на 2, на 3 года, затѣмъ еще многія изъ нихъ отдаютъ ребенка къ особымъ воспитателямъ, куда нибудь въ провинцію, пока нельзя отдать мальчика въ collége, а дѣвочку въ монастырь. Этими нравами такъ проникло общество, что здѣсь существуетъ даже множество квартиръ, владѣльцы которыхъ не принимаютъ къ себѣ жильцовъ съ дѣтьми. Швейцаръ, показывая квартиру, обыкновенно прибавляетъ: плата за полгода впередъ и хозяинъ не принимаетъ жильцовъ съ собаками, съ дѣтьми и птицами». Такимъ образомъ изъ опасенія за цѣлость обой и паркета наносится страшный ударъ нравственности и семейному началу. Понятно, если бы эти семейныя начала были сильнѣе у парижанъ, они не позволили бы налагать на себя такія постыдныя условія. Есть однако парижанки, которыя оставляютъ дѣтей при себѣ, но дѣтямъ отъ этого не лучше, такъ какъ матери видятъ ихъ рѣдко, воспитываются они на рукахъ у няни, въ заднихъ комнатахъ квартиры. Мать видитъ своего ребенка только тогда, когда разодѣтаго и распомаженнаго приведутъ его къ ней, чтобы ѣхать съ ней кататься. Сдѣлавъ ему генеральный осмотръ и указавъ всѣ недостатки его туалета, она садится рядомъ съ нимъ въ коляску и уже затѣмъ обращаетъ на него очень мало вниманія: ей безпрестанно попадаются знакомые, каждую минуту приходится раскланиваться въ ту и другую сторону, перекинуться прелестными пустячками, которые однако необходимо обдумать, чтобъ не ударить лицомъ въ грязь.

Проводя жизнь въ постоянныхъ развлеченіяхъ, она со страстью кидается на маскарадныя и романическія приключенія, ея нервы притупляются отъ времени до времени и требуютъ уже большихъ наслажденій,—между тѣмъ жизнь не даетъ ничего болѣе. Минутами ей все надоѣдаетъ, все дѣлается постылымъ: является сознаніе пустоты и пошлости окружающаго. Живая, дѣятельная и богато одаренная отъ природы, она ищетъ другой пищи для ума и сердца. Она запирается въ своемъ будуарѣ, никого не принимаетъ и бросается на книги. Но, не получивъ никакого образованія и развитія, она не знаетъ, на чемъ остановиться и перечитываетъ тысячу французскихъ авторовъ, которые въ блестящемъ, заманчивомъ свѣтѣ выставляютъ порокъ. Искра раскаянія, закравшаяся въ душу, угасаетъ; она со смѣхомъ разсказываетъ знакомымъ о своей хандрѣ и пуще прежняго предается удовольствіямъ. Она торопится наслаждаться жизнію, тѣмъ болѣе, что года ея бѣгутъ такъ скоро и морщины, все болѣе глубокія, того и смотри, выдадутъ ее, не смотря на бѣлила и румяна. Какъ ужасно для нея услышать намекъ на приближающуюся старость, на безобразіе! Теперь, когда она въ апогеѣ своей славы, всѣ объ ней говорятъ, всѣ стараются замѣтить ея нарядъ. Съ каждымъ годомъ она тратитъ все больше и больше, все менѣе обращаетъ вниманія на источникъ доходовъ и подъ конецъ выпиваетъ до дна всю чашу позора: все имущество продано съ молотка, всѣ друзья отвернулись и смѣются. Одни и тѣ же примѣры повторяются каждый день на глазахъ у всѣхъ и не служатъ нисколько предостереженіемъ для пускающихся въ свѣтъ женщинъ. Ни одна парижанка, пока она молода, хороша, окружена поклонниками и богата, не можетъ взвѣсить своего положенія и подумать о будущемъ. Но мы уже знаемъ, что ей не откуда было почерпнуть силы и нравственной стойкости.

РАБОЧІЕ (OUVRIERS).

Положеніе рабочихъ.—Ихъ жилища, пища, трудъ и вознагражденіе.

Вслѣдствіе быстраго развитія промышленности во Франціи, классъ рабочихъ (ouvriers) чрезвычайно увеличился. Положеніе рабочаго во Франціи — весьма незавидное; вознагражденіе за цѣлый день труда онъ получаетъ такое, что, будучи холостякомъ, еще можетъ пробиваться кое-какъ, но когда обзаведется семействомъ, то имѣетъ возможность доставлять своей семьѣ только очень скудное содержаніе и помѣщеніе. Правда, съ числомъ фабрикъ, все увеличивается и спросъ на рабочія руки, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и вознагражденіе за трудъ. Но въ эти послѣдніе 30-ть лѣть, когда возвысилась рабочая плата, жизнь рабочаго весьма мало улучшилась, потому что страшно поднялись цѣны на жизненныя потребности. Съ конца 20-хъ годовъ до настоящаго времени цѣна на главнѣйшія жизненныя потребности возрасла во Франціи на 45%, а цѣна на трудъ всего на 17, на 18%, — по крайней мѣрѣ такъ было во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя подвергались наименьшимъ измѣненіямъ, напр. строительное мастерство. Когда это сдѣлалось извѣстно обществу, наполеоновское правительство, чтобы успокоить общественное мнѣніе, стало распространять мысль, что хотя цѣны на жизненные припасы и возрастаютъ несоразмѣрно съ цѣнами на трудъ, за то нѣкоторые предметы потребленія, какъ напр. одежда и домашняя утварь, благодаря быстрому развитію фабрикъ и заводовъ, значительно подешевѣли: что слѣдовательно нынѣшній рабочій можетъ одѣваться гораздо лучше и теплѣе и пользоваться несравненно большимъ домашнимъ комфортомъ, чѣмъ рабочій 20-хъ, 30-хъ годовъ. Но такое мнѣніе совершенно ложно. Рабочій всего болѣе тратитъ на пищу и всего менѣе на одежду, слѣдовательно удешевленіе одежды и домашней утвари мало уменьшаетъ расходъ рабочаго, напротивъ, при страшномъ возвышеніи цѣны на пищу и на квартиры, заработка рабочаго не хватаетъ, чтобы удовлетворить главнымъ жизненнымъ нуждамъ. Посмотримъ же поближе на его настоящее положеніе и прежде всего поговоримъ о его жилищѣ и пищѣ. Еще въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія жилища французскаго рабочаго были до невѣроятности скверны: ихъ скорѣе можно было назвать подземельями, чѣмъ квартирами. Въ большинствѣ фабричныхъ мѣстностей, квартиры рабочихъ можно было узнать по отверстіямъ въ землѣ, которыя закрывались подземными дверцами. Въ эти жилища, или, точнѣе сказать, погреба, превращенные рабочими въ жилища, можно было войти не иначе, какъ опускаясь внизъ по дурнымъ каменнымъ ступенькамъ. Такое жилище тѣмъ болѣе походило на погребъ, что въ немъ вмѣсто потолка былъ земляной сводъ, вмѣсто пола—земля и вся эта конурка освѣщалась только черезъ входъ. Въ ней было совершенно темно, и женщины, работая дома, рисковали совершенно испортить или даже вовсе потерять зрѣніе. Полъ неровный и сырой; стѣны грязныя и также сырыя, воздухъ спертый и влажный. Рядомъ очень часто находилась сточная труба и въ такомъ случаѣ въ жилищѣ рабочаго уже совершенно невозможно было дышать, особенно лѣтомъ. Въ каждомъ такомъ подземельѣ обыкновенно жила цѣлая семья: отецъ, мать, дѣти, и всѣ они помѣщались вмѣстѣ, часто спали даже на одной кровати или просто на землѣ, бросивъ подъ себя пукъ соломы. Въ тѣхъ фабричныхъ городахъ Франціи, гдѣ не было такихъ подземелій, было не лучше. Рабочіе помѣщались на чердакахъ (мансардахъ), до того низкихъ, что нельзя было стоя

сдѣлать трехъ шаговъ. Обстановка мансардъ, разумѣется, была такая же, какъ и въ подземельяхъ, т. е. пукъ соломы на полу, два, три разбитыхъ горшка въ углу и больше ничего. Обувь, верхнее платье и часто даже бѣлье—все на себѣ.

Въ настоящее время жилища французскихъ рабочихъ измѣнились къ лучшему; но еще и теперь въ небольшихъ городахъ Франціи дома, занимаемые ими, имѣютъ видъ мазанокъ, сколоченныхъ на скорую руку, еще и теперь большая часть этихъ жилищъ плохо защищаетъ зимою отъ стужи, а лѣтомъ отъ зноя. При этомъ теперь за нихъ приходится платить несравненно дороже. Въ Шербургѣ, напримѣръ, за право провести ночь въ скверномъ углу, рабочій платитъ почти 3/4 франка, а за комнату и кухню, весьма непривлекательную, безъ всякой мебели и утвари, приходится платить до 26 и 30 рублей въ годъ на наши деньги. Въ нѣкоторыхъ городахъ сѣверо-западныхъ провинцій цѣны за подобныя помѣщенія достигаютъ баснословной цѣны въ 60, въ 65 рублей въ годъ. Не смотря однако на это, общій характеръ рабочихъ жилищъ во Франціи значительно улучшился за послѣднее тридцатилѣтіе. Въ 1850 году была учреждена особая коммисія, которая должна была заботиться о жилищахъ ремесленныхъ и фабричныхъ рабочихъ и пріискивать средства для ихъ улучшенія. Полиція стала требовать, чтобы рабочіе выносили изъ своихъ домовъ помои и нечистоты, которыя прежде долго въ нихъ оставались, и мусорщики къ утру убирали все это съ дворовъ и улицъ. Къ этому времени, какъ частныя лица, такъ и фабриканты, первые иногда изъ благотворительныхъ цѣлей, а вторые изъ коммерческихъ разсчетовъ, стали устраивать дома и цѣлые колоніи для рабочихъ. Въ Ліонѣ построены для нихъ обширныя зданія въ 5—6 этажей; при этомъ высота каждаго изъ нихъ разсчитана такъ, чтобы въ комнатахъ могли быть свободно помѣщены ткацкіе станки. Всѣ комнаты, корридоры и лѣстницы въ этихъ домахъ свѣтлы, просторны и въ нихъ хорошая вентиляція.

Обратимся теперь къ Парижу. До перестройки его Наполеономъ III, рабочіе жили всюду: правда, они жили тогда на чердакахъ, квартира была очень низка и через-чуръ мала, но за то ее всегда можно было найти по близости мѣста работы. При Наполеонѣ это измѣнилось: онъ устроилъ для рабочихъ въ окраинахъ города до 15 тысячъ новыхъ отдѣльныхъ квартиръ. Если рабочій и пользовался здѣсь лучшимъ помѣщеніемъ, то ходьба отъ квартиры на работу стала отнимать у него нѣсколько лишнихъ часовъ, слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ его заработокъ уменьшился. Сильный и здоровый человѣкъ легко совершаетъ такое путешествіе, и послѣ него тотчасъ можетъ приняться за работу; но люди послабѣе и старѣе приходятъ совершенно истомленные и должны еще отдохнуть нѣкоторое время. Правда, существуетъ желѣзная дорога, по которой отъ окраинъ до центра города можно доѣхать за нѣсколько су, но ежедневный расходъ на эти переѣзды через-чуръ обременителенъ для рабочаго. Чтобы нѣсколько успокоить рабочихъ, раздраженныхъ такими распоряженіями, во время царствованія послѣдняго императора и даже отчасти на его собственныя средства, были устроены въ Парижѣ дома съ дешевыми квартирами и даже цѣлыя, такъ называемыя, рабочія колоніи. Всѣ эти помѣщенія представляли гораздо болѣе удобствъ и были построены болѣе цѣлесообразно. Почти во всѣхъ ихъ были устроены залы, гдѣ матери могли оставлять на время работъ своихъ маленькихъ дѣтей, — но эти квартиры не полюбились рабочимъ, и они скоро поняли заднюю мысль императора. Участіе, которое оказывалъ Наполеонъ народу, обыкновенно вытекало не изъ гуманныхъ побужденій, а изъ политическаго разсчета. Такъ было и теперь. Устраивая для рабочихъ жилища, онъ больше всего думалъ, какъ бы поболѣе затруднить сходки рабочихъ по вечерамъ, чтобы такимъ образомъ лишить ихъ возможности участвовать въ уличныхъ революціонныхъ движеніяхъ. Поэтому всѣ жильцы такихъ зданій были подвергнуты самому строгому надзору и са-

мымъ стѣснительнымъ правиламъ, такъ что жизнь въ такихъ домахъ имѣла скорѣе казарменный, чѣмъ семейный характеръ. Въ 10 часовъ вечера ворота казармъ, какъ ихъ тотчасъ назвали сами рабочіе, запирались на замокъ и никто не смѣлъ изъ своей квартиры выходить на улицу позже этого часа. Рабочіе бросали эти удобныя квартиры и мѣняли ихъ на скверныя помѣщенія. «Мы, говорили они, — цѣлый день проводимъ въ мастерской или на фабрикѣ, подъ надзоромъ смотрителей и прикащиковъ, цѣлый день на работѣ подчиняемся разнаго рода стѣснительнымъ правиламъ, за малѣйшее нарушеніе которыхъ насъ штрафуютъ; усталые приходимъ вечеромъ домой, хотѣли бы отдохнуть въ семьѣ или въ кругу пріятелей, на свободѣ, но опять видимъ прибитыя къ къ дверямъ правила, окончательно стѣсняющія нашу жизнь; въ управляющихъ домами мы встрѣчаемъ тѣхъ же фабричныхъ надсмотрщиковъ, которые надоѣли намъ днемъ. И дома-то у себя мы не хозяева...» Многія частныя лица стали также устраивать помѣщенія для рабочихъ, и они имѣли тѣмъ болѣе успѣха, чѣмъ менѣе здѣсь имѣлась въ виду благотворительная цѣль, чѣмъ менѣе правительство вмѣшивалось въ эти дѣла. Изъ частныхъ заведеній этого рода лучше другихъ колонія, устроенная г-жею Жоффруа Рено, которая впрочемъ находится довольно далеко отъ центра города, и колонія графа де-Мадре, находящаяся въ весьма населенномъ мѣстѣ. Дома въ этихъ колоніяхъ имѣютъ по нѣскольку комнатъ, кухню, погребъ и непремѣнно окружены садомъ. За квартиру, необходимую для семейнаго рабочаго, платится среднимъ числомъ до 264 франковъ. Необыкновенно благодѣтельно вліяетъ на рабочаго правило, установленное въ одной изъ этихъ колоній; оно даетъ возможность рабочимъ пріобрѣтать въ собственность свои помѣщенія, въ теченіи 15 лѣтъ, если они къ условленной платѣ прибавятъ еще 117 франковъ въ годъ; послѣ этого жилище рабочаго, вмѣстѣ съ садомъ, поступаетъ въ полную его собственность. Нечего и говорить, что рабочему платить 381 франкъ въ годъ чрезвычайно тяжело, а слѣдовательно и сдѣлаться собственникомъ могутъ только счастливѣйшіе изъ нихъ, но и то хорошо, что положено основаніе такому дѣлу. Сознаніе бѣдняка, что онъ вслѣдствіе своего, хотя тяжелаго и усидчиваго труда, можетъ сдѣлаться владѣльцемъ дома, въ которомъ теперь живетъ, садика, въ которомъ рѣзвятся его дѣти, что, умирая, онъ можетъ обезпечить свою семью, — необыкновенно плодотворно дѣйствуетъ на рабочаго.

Почти тоже можно сказать и о пищѣ рабочихъ. Большинство рабочихъ употребляетъ крайне плохую, непитательную и почти исключительно мучную пищу, приправленную зеленью. Правда, за послѣднее 50-лѣтіе стали больше употреблять мяса, но и теперь еще пища рабочихъ весьма незавидна. Рабочій не можетъ употреблять каждый день мясо, такъ какъ оно для него очень дорого. Въ особенности мало мяса ѣдятъ рабочіе на югѣ Франціи. Въ Бретани городскіе рабочіе не ѣдятъ болѣе одного или двухъ разъ въ недѣлю говядину или рыбу, а сельскіе только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ готовятъ себѣ похлебку изъ свинаго сала, мясо же употребляютъ лишь нѣсколько разъ въ годъ. Утренній завтракъ фабричнаго рабочаго, какъ и чернорабочаго, обыкновенно состоитъ изъ куска хлѣба съ лукомъ; тѣ же изъ нихъ, которые получаютъ побольше, прибавляютъ къ этому еще чашку кофе, который входитъ все въ большее употребленіе во Франціи. Обѣдъ рабочаго состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ мучной холодной похлебки, въ которой иногда варятся кости, покрытыя жиромъ, картофель, а иногда вмѣсто костей въ похлебку кладутъ кусокъ свинины и приправляютъ ее какой-нибудь зеленью. За ужиномъ рабочій ѣстъ опять хлѣбъ и лукъ, а то и остатки обѣда. Не смотря однако на недостатокъ матеріала, изъ котораго сдѣланы эти блюда, онѣ приготовлены обыкновенно вкуснѣе, чѣмъ у простолюдиновъ другихъ націй даже и при хорошей провизіи. Французскія женщины отличаются необыкновен-

ною способностью къ кулинарному искуству и даже изъ самыхъ ужасныхъ матеріаловъ умѣютъ приготовить что-то съѣдобное. Вѣроятно вслѣдствіе этого искуства французскихъ женщинъ хорошо приготовлять кушанье, рабочіе рѣдко жалуются на свою пищу, хотя чрезвычайно мало на нее расходуютъ. Для того чтобы помочь рабочимъ въ этомъ отношеніи, образовалось нѣсколько обществъ, цѣль которыхъ доставлять пищу рабочимъ по болѣе удешевленной цѣнѣ. Но гораздо лучше тѣ общества, которыя сразу закупаютъ огромными массами продовольствіе для рабочихъ, вслѣдствіе чего имъ дѣлаютъ большую уступку, и затѣмъ они по тѣмъ же цѣнамъ, какъ сами купили, все продаютъ рабочимъ за наличныя деньги. Это пріучаетъ рабочаго не дѣлать долговъ и къ тому же даетъ ему возможность пріобрѣсти хорошую, свѣжую провизію по самой дешевой цѣнѣ. Принявъ во вниманіе, что множество семействъ рабочихъ не имѣетъ времени готовить кушанье, нѣкоторыя общества приняли на себя эту обязанность и стали продавать приготовленные обѣды и отдѣльныя порціи. Но какое количество часовъ въ день занятъ рабочій и сколько онъ можетъ получать за свой рабочій день?

Постоянное возвышеніе цѣнъ на жизненныя потребности вынуждаетъ его къ различнымъ мѣрамъ, чтобы только при меньшемъ количествѣ рабочихъ часовъ получить отъ фабриканта наибольшую плату за трудъ. Для этого рабочій прибѣгаетъ къ такъназываемымъ забастовкамъ или стачкамъ. Эти стачки состоятъ въ томъ, что всѣ рабочіе той или другой фабрики, а иногда даже и многихъ фабрикъ въ окружности, устраиваютъ сходку, на которой уговариваются забастовать, т. е. прекратить работу на фабрикѣ, пока хозяева этихъ фабрикъ не согласятся уменьшить количество рабочихъ часовъ или прибавить плату за то же количесвво труда. Иногда обстоятельства заставляютъ просить того и другаго вмѣстѣ, т. е. и уменьшить количество часовъ, и увеличить плату. Еще пять лѣтъ тому назадъ рабочіе были обязаны среднимъ числомъ работать по 14-ти часовъ въ день, при этомъ имъ удѣляли на отдыхъ и ѣду $1\frac{1}{2}$, много 2 часа въ день; теперь рабочіе добились того, что остаются на фабрикѣ 11, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ 10 часовъ.

Теперь посмотримъ, сколько въ такое количество рабочихъ часовъ можетъ заработать рабочій. Прежде всего обратимся опять къ Парижу—этому центру не только модъ, блеска, роскоши, образованія, но также фабрикъ и заводовъ. Мы видѣли уже, какъ увеличивается и украшается Парижъ съ каждымъ годомъ, и потому самое большое число рукъ въ этомъ городѣ, болѣе 100 тысячъ человѣкъ, занято строительными работами (каменьщики, штукатуры, плотники, маляры и проч.). Самые лучшіе рабочіе этого рода получаютъ въ день 1 р. 25 к. на наши деньги, наименѣе искусные отъ 60 до 70 к. Среднюю цифру можно принять отъ 80 до 90 к. Женщины, большинство которыхъ занимается прачешнымъ ремесломъ, швейнымъ, дѣланіемъ цвѣтовъ и другими, могутъ выработать среднимъ числомъ не болѣе 50 к. въ день, такъ какъ женскій трудъ здѣсь вездѣ цѣнится въ половину противъ мужскаго. Нужно помнить, что ни одинъ рабочій, при самомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, не можетъ работать всѣ 365 дней въ году. Онъ часто сидитъ-безъ работы, случаются праздники, болѣзни, слѣдовательно въ эти дни онъ уже ничего не зарабатываетъ, а только проживаетъ, и при такихъ обстоятельствахъ его заработокъ уменьшается на половину. Холостому человѣку еще можно жить, но когда есть семья и нѣсколько маленькихъ дѣтей, то содержать ихъ на эти деньги невозможно даже и въ томъ случаѣ, когда жена будетъ зарабатывать половину того, что зарабатываетъ мужъ. Такое жалкое положеніе рабочаго класса ведетъ къ недовольству, которое чаще всего проявляется у парижскихъ рабочихъ. Это легко себѣ объяснить тѣмъ, что, испытывая страшную нужду и недовольство своей житейской обстановкой, рабочій постоянно видитъ передъ глазами блескъ, роскошь, соблазны. Но

хотя въ немъ постоянно живетъ недовольство, онъ однако всегда ждетъ чего-то, надѣется, что не сегодня-завтра его дѣла измѣнятся къ лучшему. Можетъ быть вслѣдствіе этой надежды, французскій рабочій всегда очень оживленъ, веселъ и порою безпеченъ. Замѣчательною чертою его характера является добродушіе и необыкновенное сочувствіе къ своему товарищу. Въ горѣ онъ ему отдаетъ послѣднюю рубашку, будетъ для него работать, сколько хватитъ силъ, и въ то же время ему никогда не придетъ въ голову придать этому какое-нибудь значеніе. Онъ думаетъ, что поступить иначе—величайшая подлость, и вовсе не предполагаетъ, что поступать такъ въ его положеніи—высочайшій подвигъ.

Онъ подчиняется распоряженіямъ хозяина во время работы, но знать его не хочетъ, не оказываетъ ему ни малѣйшаго уваженія послѣ работы, внѣ его фабрики. Рабочій смотритъ на хозяина, какъ на вампира, сосущаго его кровь, и потому ненавидитъ его изо всѣхъ силъ.

Громадное большинство фабрикантовъ старается нажиться на счетъ рабочихъ, но если даже между ними встрѣчается человѣкъ гуманный, французскій рабочій и къ нему относится одинаково недовѣрчиво. Поэтому, что бы ни сдѣлалъ хорошаго порядочный хозяинъ, какія бы улучшенія онъ ни предпринялъ для рабочихъ, они всегда стараются отыскать въ этомъ заднюю мысль. Одинъ изъ эльбефскихъ суконныхъ фабрикантовъ въ неурожайный годъ, когда хлѣбъ очень поднялся въ цѣнѣ, закупилъ въ Гаврѣ большое его количество съ тѣмъ, чтобы распродать его по покупной цѣнѣ своимъ рабочимъ и тѣмъ избавить ихъ отъ необходимости платить въ три дорога, покупая у другихъ торговцевъ. Но ни одинъ изъ его рабочихъ не покупалъ хлѣба у него, подозрѣвая, что онъ этимъ путемъ желаетъ ихъ эсплуатировать. Можно себѣ представить, какъ велика должна была быть эксплуатація фабрикантовъ, чтобы подавить въ рабочихъ всякую вѣру въ нихъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сами факты говорятъ въ ихъ пользу.

Семейная жизнь французскихъ рабочихъ. — Работница и ея трудовой день. — Дѣти. — Страсть къ спиртнымъ напиткамъ—національная болѣзнь французовъ. — Фабричная дѣвушка и швея. — Ассоціаціи.

Мы уже говорили, что женатый рабочій, имѣющій трехъ, четырехъ дѣтей, не можетъ прокормить своей семьи безъ помощи жены.

Такимъ образомъ жена рабочаго, точно такъ же какъ и ея мужъ, съ утра до поздняго вечера проводитъ время на фабрикѣ, съ тою разницею, что за тѣ же 11, 10 часовъ дневной работы она обыкновенно получаетъ вдвое менѣе. Вообще ея положеніе гораздо тяжелѣе. Бѣдная женщина, вставая до свѣта, гораздо раньше, чѣмъ она должна идти на фабрику, вынуждена ложиться послѣднею въ семьѣ. Она должна всюду поспѣть, присмотрѣть въ домѣ, позаботиться о дѣтяхъ, приготовить для нихъ и для мужа пищу и одежду. Ложась спать, она никогда не знаетъ, удастся ли спокойно проспать хотя нѣсколько часовъ къ ряду. Грудной ребенокъ безпрестанно будитъ ее, остальныя дѣти, не пользуясь ни хорошей пищей, ни помѣщеніемъ, часто хвораютъ и безпрестанно заставляютъ мать вставать къ себѣ. Съ ранняго утра мужъ и жена отправляются каждый на свою работу. Такимъ образомъ они видятся только поздно вечеромъ, когда, утомленные, они возвращаются послѣ работы домой и только думаютъ, какъ бы скорѣе

поѣсть и лечь спать. Дѣти не видятъ родителей въ продолженіи цѣлаго дня. Во многихъ мѣстахъ жены рабочихъ, отправляясь на фабрику, оставляютъ грудныхъ дѣтей на какого нибудь старика-дѣда, а если никого нѣтъ въ домѣ, ихъ отдаютъ сосѣдкамъ, которыя за деньги берутъ нѣсколько дѣтей, смотрятъ за ними и кормятъ ихъ. Чтобы не слишкомъ утруждать себя ихъ плачемъ и крикомъ, эти воспитательницы даютъ имъ опіумъ. Опіумъ дѣйствительно усыпляетъ дѣтей, но въ то же время постепенно отравляетъ ихъ и развиваетъ множество болѣзней. Мать знаетъ это, но продолжаетъ поступать такимъ образомъ; ей необходимо идти на фабрику, такъ какъ иначе дѣти умрутъ съ голоду. Чтобы уменьшить зло, въ очень многихъ улицахъ Парижа и въ другихъ фабричныхъ мѣстностяхъ устроили «ясли» (les crèches). Ясли—заведеніе, куда матери приносятъ самыхъ маленькихъ дѣтей и оставляютъ ихъ тамъ въ продолженіе цѣлаго дня, пока онѣ работаютъ на фабрикѣ. Въ ясли дѣтей принимаютъ за небольшую плату; здѣсь не поятъ ихъ опіумомъ и уходъ за ними гораздо болѣе разумный. Всѣ дѣти тутъ раздѣлены по возрасту на различныя группы и каждая изъ нихъ, подъ надзоромъ особой воспитательницы, проводитъ день въ играхъ и въ занятіяхъ, свойственныхъ ихъ возрасту. Такъ какъ за помѣщеніе дѣтей въ эти ясли хотя и немного, но все-таки нужно платить, то большинство матерей предпочитаютъ оставлять ихъ дома, на рукахъ старухи или дѣда-калѣки. Наконецъ такое учрежденіе бываетъ одно на весь городъ (въ Парижѣ, конечно, больше, но все-таки ихъ очень недостаточно, и рабочимъ слишкомъ далеко водить туда своихъ дѣтей), слѣдовательно бѣдная женщина, отправляясь на работу, или возвращаясь съ нея, большею частію должна сдѣлать длинный крюкъ, чтобы отдать или взять своего ребенка. Обязанная сдѣлать очень многое въ домѣ, прежде чѣмъ идти на работу, она очень часто не имѣетъ ни минуты лишней, чтобы отвести ребенка въ ясли. Вѣдь за каждый просроченный сю часъ она платитъ штрафъ, который и вычитается въ концѣ недѣли изъ ея заработка. Но самая главная причина того, что большинство ребятъ въ отсутствіи родителей бродитъ по улицамъ и не идетъ въ ясли и пріюты, заключается въ томъ, что фабрики и мастерскія открываются въ 6 часовъ утра, а ясли и большинство пріютовъ только къ 8. Понятно, что мать не можетъ для этого каждый день являться на фабрику позже, такъ какъ ей за это тотчасъ откажутъ отъ работы. Большая часть матерей, уходя на фабрику, твердитъ своимъ дѣтямъ, чтобы онѣ черезъ два часа отправились въ пріютъ или въ ясли, но ребенокъ обыкновенно заиграется и совсѣмъ забудетъ о приказаніи матери, или умышленно не послушается ея, потому что уже успѣлъ совсѣмъ испортиться. Да и можетъ ли женщина, работающая цѣлый день на фабрикѣ, которая видитъ свое дитя только нѣсколько минутъ передъ его сномъ и послѣ пробужденія, имѣть какое нибудь на него вліяніе? И вотъ ребенокъ остается дома одинъ или подъ присмотромъ калѣки мужскаго или женскаго пола. Оставшись одни, дѣти бѣгутъ куда попало и, побуждаемые голодомъ, рано привыкаютъ таскать, что плохо лежитъ. Вѣчно грязныя, голодныя, избитыя, не видя никогда матери, не получивъ никакого понятія о томъ, что дурно и что хорошо, многія изъ этихъ бѣдняжекъ и физически, и нравственно гибнутъ еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. А если и выростетъ, какое счастіе? Хилый и болѣзненный отъ дурнаго физическаго развитія, непріученный къ труду, къ порядку въ семьѣ, получивъ самыя скверныя уличныя привычки, онъ уже съ самаго ранняго дѣтства не только имѣетъ понятіе о страшныхъ порокахъ, но часто и самъ зараженъ ими. Хотя онъ и живетъ съ родителями, но ему чужда семейная жизнь! Никогда не испытавъ тихихъ семейныхъ радостей, ни горячихъ поцѣлуевъ матери, не привыкнувъ въ домѣ къ порядку и чистотѣ и ни къ какой домашней работѣ, кромѣ той, на которую совершенно случайно броситъ его впослѣдствіи судьба, такой человѣкъ, самъ сдѣлавшись семьяниномъ, не съумѣетъ, разумѣется, установить по-

рядокъ въ домѣ и руководить семьею. Дѣвочка, родители которой съ утра до вечера были на фабрикѣ, не могла научиться отъ матери ни шить, ни стряпать, ни порядочно вести свое хозяйство. И такія женщины все чаще и чаще встрѣчаются въ семьѣ рабочихъ. Часто ею очень довольны въ мастерской, она тамъ оказывается и необыкновенно трудолюбива, очень понятлива, и таже самая женщина совсѣмъ теряется въ семейной жизни при домашнихъ занятіяхъ. Она едва умѣетъ развести огонь, не умѣетъ держать въ рукахъ иголки, не знаетъ приготовить ни одного кушанья, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, что дѣлать съ ребенкомъ, который у нея родился. Да и откуда ей было этому научиться? Она провела свое дѣтство въ грязи на улицѣ или въ ясляхъ, а какъ только она была въ состояніи держать въ рукахъ клубокъ, сейчасъ же поступила на фабрику, стала мотать, а затѣмъ наблюдать за чесальной машиной; кромѣ этого она ничего не знаетъ, — вотъ она и предоставляетъ своимъ дѣтямъ свободу шататься по грязнымъ закоулкамъ, пускаетъ ихъ на всѣ четыре стороны. Такимъ образомъ подростающее поколѣніе французскихъ рабочихъ все менѣе дѣлается способнымъ къ семейной жизни. Вслѣдствіе постояннаго отсутствія женщины въ домѣ, женатый человѣкъ только и видитъ у себя грязь, нечистоту, оборванныхъ и голодныхъ дѣтей, онъ и бѣжитъ въ кабакъ забыться, потопить свое горе въ винѣ. Пьяный, избитый, онъ возвращается къ ночи домой и еще болѣе вноситъ въ семью горе и лишенія. Жена, страдая отъ семейной неурядицы, часто сама на все махнетъ рукой и пойдетъ по слѣдамъ мужа. Въ Руанѣ и Лилѣ пьянство сильно развито между женщинами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть даже кабаки, посѣщаемые исключительно женщинами: онѣ засѣдаютъ въ нихъ всегда огромными толпами, много пьютъ кофе, но еще больше можжевельной водки. Но, разумѣется, гораздо больше преданы пьянству мужчины. Склонность къ этому пороку сильно развита между французскими фабричными рабочими. Получивъ разсчетъ за недѣлю, рабочій обыкновенно отправляется въ кабакъ. Тутъ онъ играетъ въ карты, кегли, пропиваетъ франкъ за франкомъ и при этомъ все болѣе одушевляется, распѣваетъ веселыя пѣсни. Въ тотъ день, когда фабричные получаютъ разсчетъ, во всѣхъ окрестныхъ кабакахъ раздается визгъ кларнетовъ и скрипокъ, чоканье стакановъ, шумъ, пѣсни, пляски, площадная брань и даже драки. Самое тяжелое зрѣлище при этомъ представляютъ толпы женщинъ. Это тѣ изъ нихъ, которыхъ фабричная жизнь еще не совсѣмъ загубила, которыхъ она еще не успѣла сдѣлать равнодушными къ несчастному положенію своего семейства. Онѣ собрались сюда не пить, а, если возможно, мольбой, слезами, силой увести мужей изъ этихъ мѣстъ, остановить ихъ, напомнить о дѣтяхъ, выманить, пока еще не все пропито, хоть нѣсколько су на ужинъ голоднымъ малюткамъ. Въ Сенъ-Кентенѣ винноторговцы даже построили передъ кабаками родъ сараевъ и для этихъ женщинъ поставили скамейки. Пьянство это не только совершенно разоряетъ и доводитъ до нищеты самихъ пьяницъ и ихъ семьи, но оно много вредитъ и непьющимъ фабричнымъ рабочимъ: если двое изъ нихъ работаютъ на одномъ станкѣ, или при одной машинѣ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда работа одного слѣдуетъ непосредственно за работою другаго,—тогда, если одинъ изъ нихъ кутитъ, другой остается безъ дѣла и обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что тоже начинаетъ кутить. Дѣти рабочихъ, встрѣчая вѣчно пьяныхъ взрослыхъ, подстрекаемыя любопытствомъ взглянуть на разгулъ и веселье, какое идетъ въ кабакахъ, нерѣдко заглядываютъ туда. Разъ переступивъ порогъ кабака, мальчикъ всегда найдетъ въ немъ гуляку, который любитъ подпоить новичка и потѣшиться надъ нимъ. Черезъ три, четыре раза ребенокъ отправляется въ кабакъ уже по своей охотѣ. Нерѣдко можно видѣть цѣлыя толпы дѣтей, 10-ти, 11-ти и 12-ти лѣтъ, съ трубками во рту, передъ кабачнымъ прилавкомъ. Впрочемъ пьянство—національная болѣзнь Франціи, и французы съ ужасомъ смотрятъ

на быстрое распространеніе этого порока. Между тѣмъ, если вы гуляете въ какомъ нибудь англійскомъ фабричномъ городѣ въ субботу или воскресенье, вы всегда увидите тамъ на улицахъ несравненно болѣе пьяныхъ, чѣмъ въ фабричныхъ городахъ Франціи. Англійскій рабочій въ теченіи недѣли пьетъ очень немного, но въ субботу, получивъ недѣльную плату, онъ пьетъ до тѣхъ поръ, пока въ безсознательномъ состояніи не свалится гдѣ нибудь въ канаву. Во Франціи люди напиваются рѣдко до потери сознанія, даже рабочіе въ дни получки заработка развѣ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ валяются пьяными по мостовымъ, но они ежедневно пьютъ очень много, постепенно отравляя алькоголемъ свой организмъ, и къ старости доходятъ до полнаго истощенія. Инспекторъ французскихъ тюремъ и домовъ для умалишенныхъ, два года тому назадъ, представилъ статистическія свѣдѣнія о количествѣ потребляемаго во Франціи алькоголя. За послѣднія десять лѣтъ, по его даннымъ, на каждаго жителя Франціи, среднимъ числомъ, ежегодно приходится по 120 литръ вина, по 3 литра водки, 22 литра пива и около 10 литръ сидра. При этомъ разсчетѣ онъ не выключаетъ и дѣтей, но если не принимать ихъ въ разсчетъ, а также и женщинъ, то окажется, что каждый взрослый мужчина среднимъ числомъ выпиваетъ вдвое противъ показанной цифры алькоголя. И при этомъ втеченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ употребленіе алькоголя удвоилось, между тѣмъ какъ народонаселеніе увеличилось только на $2\frac{1}{2}$ милліона. Число кабаковъ также постоянно увеличивается.

Иностранцы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ пьютъ во Франціи. Въ этой странѣ пьютъ рѣшительно всѣ безъ различія возраста, пола и состоянія: даже маленькимъ дѣтямъ въ колыбели даютъ вина, когда они долго не засыпаютъ и безпокоятся. Дѣти людей зажиточныхъ очень часто отправляются въ школу не иначе, какъ съ небольшой бутылкой краснаго вина. Парижскіе рабочіе почти всѣ безъ исключенія большіе пьяницы, хотя они никогда не напиваются до безобразія, но постоянно находятся въ возбужденномъ состояніи отъ дѣйствія алькоголя. Утромъ каждый рабочій выпиваетъ рюмку «сладкой или горькой» водки; около одиннадцати часовъ онъ завтракаетъ какимъ нибудь рагу, съѣдаетъ маленькій кусочекъ мяса, но между тѣмъ и другимъ кушаньемъ выпиваетъ по меньшей мѣрѣ полъ, а по обыкновенію и цѣлый литръ краснаго вина. Послѣ завтрака онъ пьетъ черный кофе съ рюмкою коньяку. Передъ обѣдомъ «absynthe» и «горькая», во время обѣда опять литръ краснаго вина и послѣ окончанія обѣда чашка кофе съ коньякомъ. Такъ пьютъ самые трезвые изъ рабочихъ. Благородныя дамы тоже питаютъ большую страсть къ вину. Французы вообще совсѣмъ даже не могутъ понять, какъ можно утолять жажду водой: онѣ пьетъ сидръ, красное вино, фруктовый сокъ, разбавленный водой, но чистую воду въ самыхъ рѣдкихъ исключеніяхъ.

Крайне плохой присмотръ за дѣтьми рабочихъ, бѣдность, преждевременныя трудныя и вредныя для здоровья работы, пьянство и разгулъ — обнаружили во Франціи огромное вліяніе на смертность, особенно между дѣтьми рабочихъ. Тутъ вы безпрестанно слышите отъ матерей: «изъ 12-ти дѣтей у меня выжило только четверо», или: «изъ 18-ти только одинъ живъ, да и тотъ хворый...» Замѣчено, что чѣмъ болѣе фабричная женщина имѣетъ дѣтей, тѣмъ болѣе ихъ у нея умираетъ, такъ какъ послѣ каждаго ребенка женщина становится слабѣе, менѣе обращаетъ вниманія на дѣтей, и главное, ея матеріальная обстановка становится хуже. Заработокъ не увеличивается, напротивъ при частыхъ ея болѣзняхъ еще уменьшается, а число ѣдоковъ въ семьѣ все прибываетъ, увеличивается и расходъ на ихъ одежду. Тѣ изъ дѣтей которые выживаютъ, или страшно болѣзненны, съ явными признаками и предрасположеніемъ къ какой нибудь хронической болѣзни, или къ какимъ нибудь физическимъ недостаткамъ, пріобрѣтен-

нымъ въ дѣтствѣ отъ недосмотра. «Вырожденіе фабричныхъ», говоритъ одинъ французскій писатель, серьезно изучившій жизнь фабричныхъ рабочихъ, «и страшная смертность между дѣтьми составляютъ фактъ, замѣченный во всѣхъ фабричныхъ мѣстностяхъ Франціи. Навѣрно всякій, кто видѣлъ рабочихъ при выходѣ съ фабрикъ, былъ пораженъ огромнымъ числомъ искалѣченныхъ и обезображенныхъ дѣтей. Фабричные округа даютъ наименьшее число людей, годныхъ для военной службы, не смотря на то, что теперешнія требованія уже не такъ строги. Голодъ въ первой молодости, а затѣмъ слишкомъ ранняя чрезмѣрная работа сдерживаютъ ихъ ростъ и дѣлаютъ ихъ слабыми и болѣзненными».

Много говорятъ о дурной нравственности французскихъ фабричныхъ дѣвушекъ, и это совершенно справедливо. Но откуда же имъ было научиться нравственности? Мы знаемъ годы ихъ дѣтства, посмотримъ же, какъ онѣ проводятъ свою молодость. Молодую дѣвушку или помѣщаютъ въ мастерскую вмѣстѣ съ пожилой женщиной, которая выработала себѣ самыя дурныя правила, или вслѣдствіе семейныхъ дрязгъ сдѣлалась желчной и придирчивой. Онѣ заводятъ со вновь вступившими брань изъ за всякихъ пустяковъ, даютъ разныя смѣшныя прозвища и клички молчаливой, кроткой и нравственной. Возвратившись домой, дѣвушка видитъ пьянаго отца и часто такую же мать, которые встрѣчаютъ ее бранью и упреками за то, что она до сихъ поръ ничего не приноситъ въ домъ, кромѣ скуднаго фабричнаго заработка. Эти упреки, подстреканія, брань, насмѣшки, скоро заставляютъ дѣвушку пуститься во всѣ тяжкія и добывать деньги, не разбирая средствъ. Тѣмъ не менѣе положеніе фабричной дѣвушки, у которой есть семья, гораздо лучше положенія рабочей дѣвушки-одиночки. Хотя нравственность ея одинаково страдаетъ, какъ на фабрикѣ, такъ и дома, но по крайней мѣрѣ существованіе ея въ семьѣ все-таки нѣсколько болѣе обезпечено. Напротивъ тѣ работницы, которыя не имѣютъ никакихъ родныхъ, живутъ отдѣльно и исключительно своимъ трудомъ, находятся едва-ли не въ самомъ жалкомъ положеніи, сравнительно со всѣми другими классами рабочаго населенія, а число ихъ очень велико. Сюда относятся прежде всего швеи, которыя составляютъ половину всѣхъ работницъ, занимающихся у себя дома; потомъ слѣдуютъ кружевницы, прачки, ручныя прядильщицы, ткачихи и т. п. Посмотримъ на приходъ и расходъ такихъ работницъ.

Самая искусная парижская швея, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, выработаетъ 500 франковъ въ годъ; но эту сумму она получитъ только тогда, когда получаетъ за свою работу по 2 франка въ день, за исключеніемъ праздниковъ. Изъ этихъ 500 франковъ она должна заплатить 100 франковъ въ годъ за самую жалкую квартиру; 115 франковъ стоитъ ея туалетъ: платье, бѣлье, обувь, постель,—она должна быть всегда хорошо одѣта, такъ какъ иначе она не получитъ работы; 36 франковъ стоитъ стирка бѣлья; столько же отопленіе и освѣщеніе; всего 287 франковъ. Ей остается 213 франковъ въ годъ на пищу, или около 59 сантимовъ въ день,—на наши деньги почти 15 коп. серебромъ. Эти 15 коп. ей должны хватить на цѣлый день: на завтракъ, на обѣдъ и на ужинъ. Въ Парижѣ, гдѣ все очень дорого, этого достаточно развѣ чтобы не умереть съ голоду. Но при малѣйшемъ несчастіи: если, кончая одну работу, она въ тотъ же день не получаетъ другой (мы знаемъ, что въ швейной работѣ, да почти и во всякой другой, такія несчастія очень обыкновенны), или заболѣваетъ, она впадаетъ въ нищету. Во время болѣзни швея, работающая на дому, сразу теряетъ много заказчиковъ. Однимъ словомъ болѣзнь всегда вынуждаетъ ее дѣлать долги. Но какъ она заплатитъ ихъ? На чемъ сдѣлаетъ экономію? Все это мы говорили о работницѣ, которая каждый день можетъ заработать 2 франка; а многія ли изъ нихъ дѣйствительно получаютъ столько? Огромное большинство зарабатываетъ 50-ю, или даже 70-ю сантимами меньше.

Чѣмъ же онѣ живутъ? Коммиссары правительства, которые должны были дать отчетъ о положеніи этихъ женщинъ, нашли, что многія изъ нихъ живутъ въ комнатахъ, имѣющихъ 5 шаговъ въ длину и 3 въ ширину. Въ другихъ квартирахъ нѣтъ стеколъ; въ иныхъ многія половицы провалились, а по оставшимся нужно весьма осторожно ходить, чтобъ не провалиться. Да, мало привлекательнаго въ жизни французской работницы одиночки. Но представьте себѣ ее молодою, когда жизнь предъявляетъ свои права; сидѣть вѣчно за работой невозможно,—человѣку необходимъ отдыхъ, какое-нибудь развлеченіе; но гдѣ же средства для этого, когда ей не достаетъ ихъ для того, чтобы имѣть всегда довольно хлѣба. Вечеромъ она отправляется въ домъ или въ магазинъ, чтобы отнести свою работу. Съ перваго шага, который она дѣлаетъ по улицѣ, вся роскошь столицы ослѣпляетъ ей глаза. Изъ оконъ магазиновъ блестятъ брилліанты, самыя изящныя туалеты приковываютъ къ себѣ ея взоры, а она вѣдь парижанка, она знаетъ въ этомъ толкъ. Изъ театровъ, концертовъ, публичныхъ баловъ до нея доносятся звуки музыки. Когда она встрѣчаетъ своихъ подругъ, нѣкогда такихъ же бѣдныхъ, какъ она, а теперь роскошно одѣтыхъ и утопающихъ во всѣхъ удовольствіяхъ Парижа. Кто ее удержитъ не пойти по ихъ слѣдамъ? Чувство нравственности? Да что такое для нея нравственность? Кто во всю жизнь сказалъ ей объ этомъ хотя одно слово? Чувствуя свое одиночество, горе, вѣчныя лишенія, часто имѣя въ перспективѣ голодъ,—ей трудно удержаться, трудно не желать выйти изъ своего положенія какой бы то ни было цѣной.

Много поддерживаютъ добрую нравственность между рабочими и часто оказываютъ имъ существенную помощь во время несчастія — ассоціаціи, теперь все болѣе и болѣе распространяющіяся во Франціи. Жизнь рабочаго и его семейства зависитъ исключительно отъ его поденной платы, и всякая случайность—внезапная болѣзнь, прекращеніе работы, все это можетъ ввергнуть его семейство въ совершенную нищету. Чтобы избѣжать этого, рабочіе и стали устраивать между собою общества взаимнаго вспоможенія съ цѣлью сберечь копѣйку на черный день и подать помощь собрату по ремеслу во время несчастія. Всѣ эти общества и ассоціаціи требуютъ отъ своихъ членовъ денежныхъ взносовъ, и множество французскихъ рабочихъ, не смотря на свой скудный заработокъ и плачевную матеріальную обстановку, умудряются дѣлать нѣкоторыя сбереженія. Много устраивается также ассоціацій съ цѣлью закупать оптомъ предметы первой необходимости и продавать ихъ своимъ членамъ гораздо дешевле, чѣмъ они могутъ пріобрѣсти ихъ въ лавкахъ. Но гораздо важнѣе этихъ сберегательныхъ и потребительныхъ обществъ, *производительныя* ассоціаціи, т. е. такія, когда рабочіе устраиваютъ въ складчину какую нибудь фабрику или мастерскую и сами получаютъ весь тотъ барышъ, которымъ прежде пользовался ихъ хозяинъ. Дѣло обыкновенно начинается такъ: нѣсколько товарищей по ремеслу сговариваются сберегать, во чтобы то ни стало, такую-то часть своего заработка. Затѣмъ на собранныя деньги они закупаютъ матеріалъ, инструменты, необходимые для своего ремесла, дѣлаютъ и другія затраты, нужныя для этого. Получивъ заказъ, начинаютъ работу. Все, что выручается отъ общей работы, дѣлится поровну между всѣми членами; случится убытокъ, его несутъ одинаково всѣ члены ассоціаціи. Всѣ эти ассоціаціи даютъ возможность рабочимъ увеличить свой заработокъ, сдѣлать въ своей жизни нѣкоторыя улучшенія. Результатъ обыкновенно бываетъ тотъ, что рабочіе бросаютъ пьянство и пріобрѣтаютъ въ собственность небольшой домикъ, огородъ или садикъ, а это необыкновенно благодѣтельно отражается на ихъ нравственности. Должно впрочемъ замѣтить, что такимъ образомъ увеличилось благосостояніе незначительной части рабочихъ, и измѣненія положенія всего рабочаго класса можно ожидать лишь въ томъ случаѣ, если правительство обратитъ на это вниманіе и

дастъ рабочимъ ассоціаціямъ денежныя средства, необходимыя для того, чтобы устроить дѣло въ большихъ размѣрахъ и имѣть возможность конкурировать съ фабрикантами-капиталистами.

Французскіе крестьяне.—Крестьянская изба и ея обстановка.—Воспитаніе дѣтей и годы юности.—Посидѣлки.—Суевѣрія крестьянъ.

Во Франціи въ 1848 г. распространено на всѣхъ гражданъ безъ исключенія право подавать голосъ; эта всеобщая подача голосовъ называется suffrage universel. Большинство гражданъ подало голосъ за республику—и въ странѣ будетъ республика, за монархію—монархія. Такимъ образомъ воля большинства становится источникомъ и опорою всякой государственной власти, а большинство это состоитъ изъ крестьянъ. Тогда какъ въ Англіи $^3/_4$ населенія сосредоточивается въ городахъ, во Франціи, около $^2/_3$ принадлежитъ къ жителямъ селъ. Такимъ образомъ въ рукахъ французскихъ крестьянъ находится рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые волнуютъ современное общество на западѣ. И дѣйствительно, французскіе крестьяне играли чуть ли не важнѣйшую роль почти во всѣхъ послѣднихъ политическихъ переворотахъ страны; ихъ голосъ содѣйствовалъ преимущественно къ поддержанію власти послѣдняго императора. Любопытно познакомиться съ характеромъ крестьянина, который имѣетъ такое громадное значеніе въ странѣ; любопытно узнать степень его развитія и образованія. И только тогда мы можемъ судить, на сколько его роль въ государственной жизни дѣйствительная, а не призрачная.

Однако общаго очень мало можно сказать о французскихъ крестьянахъ. Что ни департаментъ, то другая жизнь: не тѣ избы, другая обстановка, не тотъ заработокъ, иныя понятія и, въ большинствѣ случаевъ, совершенно различная степень развитія. Особенно рѣзкое различіе въ жизни этого народа встрѣчаете вы на сѣверѣ и югѣ, на востокѣ и западѣ. Это различіе главнымъ образомъ зависитъ отъ природы страны. Франція во всѣхъ отношеніяхъ заключаетъ въ себѣ, при кажущемся однообразіи, самыя рѣзкія противоположности. Начнемъ съ ея климата. Сравните климатъ въ сѣверномъ департаментѣ, заключающемъ прежнія провинціи: Фландрію, Артуа и Пикардію, который составляетъ одну изъ оконечностей этой страны, и въ департаментѣ Варскомъ, образующемъ противоположную оконечность; сравните суровую Бретань, о которую разбиваются бурныя волны Атлантическаго океана, и жаркій Руссильонъ, омываемый теплою волною Средиземнаго моря, — вы вездѣ найдете рѣзкое различіе. Будемъ ли разсматривать геологическое строеніе, мы встрѣтимся съ тѣми же контрастами. Горы восточной, центральной и южной части Франціи очень различны между собою: однѣ изъ нихъ известковыя, другія гранитныя, третьи вулканическія. Какія различныя условія для жизни представляютъ онѣ сравнительно съ долинами, простирающимися у ихъ подножій. Да и самыя долины, какъ мы увидимъ ниже, сильно различаются другъ отъ друга, какъ по своему положенію, такъ и по своей природѣ. Станемъ ли изучать экономическую и историческую жизнь народа,—и узнаемъ, что каждая французская провинція имѣетъ свою исторію, отъ которой зависѣло ея развитіе. Наконецъ, начнемъ ли мы говорить о земледѣліи крестьянина, и тутъ мы находимъ одновременно всѣ системы

хозяйства, всѣ способы обработки почвы, различную степень земледѣльческаго достатка, начиная отъ крайней бѣдности до значительнаго благосостоянія.

Мы уже говорили о жизни, нравахъ и привычкахъ бретонцевъ, нормандцевъ и жителей другихъ провинцій; теперь поговоримъ о тѣхъ немногихъ явленіяхъ крестьянской жизни, которыя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, общи всѣмъ крестьянамъ. Еще очень недавно, а во многихъ мѣстностяхъ еще и теперь, крестьянскія избы поражали и поражаютъ своею бѣдностью: онѣ были безъ пола, окна безъ стеколъ, запирались только ставнями, двери стояли открытыми вслѣдствіе духоты и дыма. Однако теперь все чаще появляются порядочно устроенные крестьянскіе домики. Они обыкновеннно въ двѣ комнаты, съ окнами съ кирпичнымъ поломъ и непремѣнно съ маленькимъ чердачкомъ наверху. Точно также мало по малу начинаетъ къ лучшему измѣняться и обстановка крестьянской избы. Прежде вы всюду бывало найдете огромную кровать съ занавѣсомъ изъ грязной, рваной тряпки; чтобы избѣжать сырости земляного пола, на этой кровати лежалъ необыкновенно высокій, почти до потолка тюфякъ, набитый куделью или сухими виноградными лозами; хотя еще и теперь вы найдете эти кровати у многихъ крестьянъ, но въ маленькихъ, новенькихъ домикахъ обыкновенно встрѣтите кровать изъ орѣховаго дерева, просто и опрятно убранную. На брусьяхъ потолка въ каждомъ домикѣ непремѣнно виситъ ружье хозяина; кромѣ стола и 2, 3 стульевъ самой незатѣйливой работы, у стѣны стоитъ шкафъ; въ немъ главное мѣсто занимаетъ высокій, женскій головной уборъ, который здѣсь обыкновенно торчитъ на бутылкѣ. Хотя матерьяльный достатокъ крестьянина очень различенъ, но воспитаніе дѣтей совершается почти вездѣ одинаково. Какое бы ни было положеніе крестьянина, поденщикъ онъ, замледѣлецъ или фермеръ,—его удѣлъ трудовая жизнь, и ребенокъ въ каждой семьѣ—помѣха для работы. Поэтому, едва онъ только начинаетъ держаться на ногахъ, его привязываютъ тесемкой къ какой нибудь тяжелой мебели, чтобы онъ далеко не уползъ и въ то же время могъ хвататься рученками за эту мебель и вставать безъ помощи матери. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дитя ставятъ въ качалку: на ней найдете скамейку съ такимъ устройствомъ, что ребенокъ можетъ совершать здѣсь различныя отправленія. Кругомъ она обнесена перилами и устроена такимъ образомъ, что, если ребенокъ сдѣлаетъ движеніе, она покачивается вверхъ и внизъ и такимъ образомъ нѣсколько передвигаетъ ребенка: эта качалка двигается такъ же, какъ игрушечная лошадка. Вотъ въ этой-то качалкѣ дитя оставляютъ иногда очень на долго; она дѣйствительно устроена такъ, что ребенокъ не можетъ изъ нея выпасть, но разумѣется и не можетъ удовлетворить различнымъ своимъ потребностямъ, хотя ему оставляютъ здѣсь пищу. Не умѣя самъ ѣсть, онъ часто заброситъ эту пищу, Богъ знаетъ куда, и потомъ все время сидитъ голодный. Но въ большинствѣ случаевъ мать беретъ съ собою на работу и ребенка. Идетъ ли она въ поле на посѣвъ, или разбиваетъ тяжелыя глыбы,—она кладетъ младенца гдѣ нибудь на окраинѣ борозды, и онъ лежитъ тамъ безъ всякаго надзора до окончанія работы, когда мать подойдетъ къ нему, чтобы его накормить. Въ деревняхъ дѣти, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, растутъ совершенно одинаково. Тѣ же игры, то же обученіе, та же школа, только на разныхъ скамьяхъ; однѣ и тѣ же занятія: вмѣстѣ пасутъ они скотъ, собираютъ плоды, щепки. Но когда эти самыя дѣти подростутъ, ихъ жизнь и отношенія уже нѣсколько мѣняются. Дѣвушка сидитъ за прялкой или помогаетъ матери въ хозяйствѣ, мальчикъ больше при отцѣ, раньше пріучается къ полевымъ работамъ. Теперь они уже не бѣгаютъ вмѣстѣ, не пасутъ скотъ, не лазаютъ по деревьямъ, а только видятся на посидѣлкахъ.

Эти вечеринки или посидѣлки самое любимое время препровожденіе молодежи. Онѣ

обыкновенно начинаются съ осени и продолжаются во всю зиму; собираются въ домѣ, гдѣ есть взрослыя дѣвушки. Еще въ сумерки соберутся двѣ, три дѣвушки къ своей подругѣ и начинаютъ болтать. Но вотъ онѣ перестали щебетать, къ чему-то прислушиваются,—на улицѣ темно, хоть глазъ выколи. Вдругъ всюду послышались голоса, крики, звуки волынки раздаются уже подъ окнами; дѣвушки бросаютъ свои прялки, вскакиваютъ и отворяютъ двери. Къ нимъ ввалила цѣлая толпа молодыхъ парней. Безъ всякихъ церемоній молодые люди побратски перецѣловались между собою; затѣмъ дѣвушки опять усѣлись за свои прялки, молодцы размѣстились, какъ попало, и пошли между ними длинные разсказы о волшебникахъ, о мертвецахъ... Между тѣмъ хозяйка-дѣвушка обноситъ всѣхъ пряниками, виноградомъ. Кто-то въ углу запѣлъ пѣсню и всѣ въ минуту подтянули ей. Тутъ всегда найдется парень, который знаетъ множество куплетовъ. Иногда въ нихъ много юмора, но, какія бы они ни были, молодежь рада всему, безпрестанно заставляетъ пѣвца повторять, остритъ, хохочетъ... На посидѣлкахъ дѣвушки мало наработаютъ, и, можно сказать, работа скорѣе служитъ предлогомъ. Послѣ пѣсенъ начинаются танцы. Французскіе танцы извѣстны всѣмъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ ихъ танцуютъ съ разными варьяціями; но обыкновенно каждый танецъ сопровождаютъ пощелкиваніемъ пальцевъ и рѣзкими вскрикиваніями. Такъ проходитъ большая часть ночи и всѣ расходятся, точно такъ же, какъ и пришли: парни толпами возвращаются домой, оглашая окрестности однообразнымъ уканьемъ. На этихъ посидѣлкахъ улаживается много свадебъ между молодыми людьми.

Многіе говорятъ, что французскій крестьянинъ необыкновенно религіозенъ, такъ какъ деревенскія церкви всегда биткомъ набиты народомъ, что онъ съ большимъ благоговѣніемъ празднуетъ множество праздниковъ. Но во всемъ этомъ главную роль играетъ вовсе не религіозность крестьянина. Церковь для него — мѣсто сборища и онъ отправляется туда, чтобы встрѣтить тамъ Жана или Жюля, съ которымъ ему нужно переговорить о дѣлѣ. Да наконецъ достаточно послушать, какъ онъ искажаетъ слова молитвъ, чтобы убѣдиться, что онъ ничего въ нихъ не понимаетъ. Святые у него въ большомъ почетѣ, но онъ смотритъ на нихъ съ практической точки зрѣнія; къ этому примѣшиваются и суевѣрія, которыми такъ сильно заражены всѣ французскіе крестьяне. Они вѣрятъ, что каждый святой непремѣнно исцѣляетъ какую-нибудь болѣзнь: одинъ можетъ избавить отъ лихорадки, другой отъ ревматизма; Святая Троица, думаютъ они, считая, что такое имя носитъ какая-нибудь святая, помогаетъ въ падучей болѣзни; къ святой Аннѣ они прибѣгаютъ, когда коровы мало даютъ молока, или когда мать не можетъ накормить своею грудью дитя. Когда въ домѣ кто-нибудь заболѣлъ и еще не извѣстно какою болѣзнію, слѣдовательно и не знаютъ, какому святому молиться, тогда женщина рѣжетъ лоскутки матеріи и, бросая ихъ одинъ за другимъ въ чашу съ водою, приговариваетъ при каждомъ названіе святаго; лоскутикъ, который прежде другихъ опустился на дно, указываетъ имя святаго покровителя, а такъ какъ каждый изъ нихъ лѣчитъ одну какую нибудь болѣзнь, то въ то же время узнаютъ, чѣмъ страдаетъ больной. Очень часто послѣ этого начинаютъ лѣчить больнаго отъ болѣзни, на которую имъ показалъ опустившійся на дно лоскутокъ. Понятно, какъ должно отзываться такое лѣченіе на больномъ.

Кто 1-го мая на разсвѣтѣ вымочитъ росою тряпицу на лугу своего сосѣда, у того сѣно уродится вдвое, а у сосѣда не остается ни клока. У кого украли горсть навоза между Ивановымъ и Петровымъ днемъ, у того не уродится хлѣбъ, а укравшій, напротивъ, сниметъ обильную жатву. Эти повѣрья до такой степени укоренились въ народѣ, что цѣлыми ночами караулятъ, чтобы предохранить себя отъ ущерба, и если бы кто, даже для шутки, позволилъ себѣ такую продѣлку, то нерѣдко поплатился бы

за это своею жизнію. Еще во многихъ мѣстностяхъ крестьяне убѣждены, что за такое убійство ихъ никогда не будетъ преслѣдовать законъ.

Наканунѣ Иванова дня, до восхожденія солнца, встаетъ хозяинъ дома, рѣжетъ зеленыя вѣтви, украшаетъ ими двери своего дома и конюшни, чтобы отвратить болѣзни и всякія чары. Женщины страшно боятся стирать на страстной недѣлѣ: онѣ увѣрены, что такимъ образомъ они приготовятъ себѣ саванъ. Всѣ онѣ вѣрятъ въ волшебницъ: то тотъ, то другой сообщаетъ на посидѣлкахъ, какъ его пріятель, или онъ самъ, видѣлъ въ прошлую свѣтлую ночь старухъ, по три вмѣстѣ, бродившихъ по полю,—волшебницы по ихъ понятіямъ всегда должны являться въ образѣ старухъ. Они убѣждены, что каждый человѣкъ, если только не боится продать свою душу дьяволу, можетъ имѣть сношенія съ нечистой силой: для этого нужно выйти изъ дому въ полночь, взять курицу подъ мышки и, не оглядываясь назадъ, идти одному на перекрестокъ, гдѣ сходятся четыре или пять дорогъ, и три раза прокричать: «Дружище, продаю черную курицу!» Дьяволъ явится въ ту же минуту, заключитъ съ человѣкомъ договоръ, послѣ котораго къ нему посыпятся несмѣтныя богатства, всѣ блага жизни, однимъ словомъ все, чего онъ только пожелаетъ.

«Вслѣдствіе этого грубаго суевѣрія», говоритъ одинъ писатель, «отъ мысли о безпрерывномъ вмѣшательствѣ сверхъестественныхъ силъ въ самыя обыкновенныя дѣла, происходитъ необычайная довѣрчивость и легкомысліе крестьянина. Однажды случилось крестьянину наткнуться нечаянно на огромнаго зайца и застрѣлить его. Бережно уложилъ онъ добычу свою въ мѣшокъ, съ намѣреніемъ поднести ее своему господину, и поспѣшилъ тотчасъ въ городъ, чтобы застать его за обѣдомъ. По дорогѣ побрился онъ въ цирюльнѣ; разумѣется, не замедлилъ разсказать при этомъ о своей добычѣ. Цирюльникъ выходитъ на минуту, развязываетъ мѣшокъ, вынимаетъ зайца и на мѣсто его кладетъ только что околѣвшую утромъ собаку. Все случилось, какъ желалъ крестьянинъ; онъ застаетъ все семейство своего господина за столомъ, и торжественно подаетъ свой подарокъ. Мѣшокъ переходитъ изъ рукъ въ руки, всѣ дивятся вѣсу зайца и хвалятъ охотника за ловкость. Наконецъ онъ открываетъ мѣшокъ, вытаскиваетъ за шею убитое животное и величественно показываетъ собранію — мертвую собаку. Раздается громкій хохотъ, который однако нисколько не смущаетъ мужика. «Нѣтъ ужъ, говоритъ онъ, обращаясь къ животному, какъ ты ни прикидывайся собакой, а все-таки останешься зайцемъ!»

Землевладѣніе.—Арендаторъ и землевладѣлецъ.—Хозяева и батраки: ихъ взаимныя отношенія.—Мелкое фермерство.

Земля во Франціи раздроблена на чрезвычайно маленькіе участки, и почти каждый крестьянинъ имѣетъ хотя небольшой, но собственный клочекъ земли. Здѣсь чрезвычайно сильно распространено между крестьянами стремленіе пріобрѣтать себѣ землю. Онъ отказываетъ себѣ во всемъ и откладываетъ франкъ за франкомъ, чтобы купить себѣ новую полосу; если разъ ему это удастся, онъ выбивается изъ силъ, чтобы сдѣлать тоже самое во второй и въ третій разъ. Это мелкое дробленіе земли, вездѣ, гдѣ оно существовало во Франціи, имѣло въ высшей степени благодѣтельное послѣдствіе. Крестьянинъ имѣетъ возможность постоянно увеличивать свою собственность и, разъ онъ пріобрѣлъ хотя небольшой клочекъ земли своимъ трудомъ, онъ начинаетъ обработывать и воздѣ-

лывать его съ большимъ стараніемъ. Такимъ образомъ мелкое дробленіе поземельной собственности во Франціи много содѣйствуетъ тщательной обработкѣ земли и удерживаетъ крестьянина въ деревнѣ. Возможность постоянно пріобрѣтать себѣ новый участокъ развила во французскомъ крестьянинѣ необыкновенную страсть къ увеличенію своихъ владѣній. Впрочемъ эта страсть ведетъ нерѣдко и къ дурнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ для увеличенія своего поземельнаго участка французскій крестьянинъ часто прибѣгаетъ къ разорительнымъ займамъ. Къ тому же поземельные участки, вслѣдствіе постояннаго дробленія, часто доходятъ до такихъ ничтожныхъ размѣровъ, что совсѣмъ не обезпечиваютъ крестьянина, и онъ въ такихъ случаяхъ принужденъ дѣлаться батракомъ.

Кромѣ крестьянъ—мелкихъ собственниковъ, которые весь свой участокъ обрабатываютъ сами, и болѣе богатыхъ изъ нихъ, которые не поспѣваютъ сами управиться съ своимъ участкомъ и нанимаютъ себѣ работниковъ, во многихъ мѣстахъ Франціи сильно распространено фермерство.

Богатые землевладѣльцы часто отдаютъ свои большіе виноградники, которые они не могутъ обработывать своими средствами, въ аренду; точно также отдаютъ здѣсь въ аренду и землю мелкими участками. Условія, которыя при этомъ заключаютъ между собою арендаторъ, или, какъ его здѣсь называютъ, фермеръ, и землевладѣлецъ, хозяинъ фермы, весьма различны, но обыкновенно они соглашаются на *половничество* (métayage). Этимъ фермерамъ-половникамъ даютъ жилище, гдѣ они могутъ пристроиться со своимъ семействомъ отводя кустарникъ для топлива и хозяйственныя постройки. Во время жатвы и молотьбы землевладѣлецъ даетъ своему арендатору помощника, который назначается не столько для помощи, сколько для того, чтобы наблюдать за интересами землевладѣльца. Фермеръ самъ воздѣлываетъ все поле, собираетъ посѣвъ и за свои труды получаетъ половину всѣхъ произведеній, а другую получаетъ землевладѣлецъ. Нѣкоторые владѣльцы отдаютъ землю изъ *четвертой* доли, т. е. сборы дѣлятся на 4 части, и 3 изъ нихъ поступаютъ владѣльцу. Хозяинъ фермы, желающій совсѣмъ избавиться отъ своихъ помѣстій, чтобы на полной свободѣ жить въ столицѣ и не утруждать себя присмотромъ за арендаторомъ, сдаетъ всю свою ферму за извѣстную плату. Уплативши опредѣленную ежегодную сумму за ферму, фермеръ уже одинъ пользуется всѣмъ излишкомъ, одинъ пріобрѣтаетъ выгоды отъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ затратъ и улучшеній. Такой фермеръ, платящій аренду деньгами, чувствуетъ себя гораздо свободнѣе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ половникъ, за которымъ наблюдаютъ. Онъ никогда не обработываетъ ферму одинъ, а нанимаетъ всегда нѣсколько работниковъ и слугъ, которые величаютъ его «notre maître» (нашъ господинъ). Если такому фермеру попалась земля плодородная, онъ всегда улучшитъ ее и скопитъ себѣ деньжонокъ, чтобы купить небольшую полоску земли, а современемъ и землю, которую онъ арендуетъ. Земля, которая такъ скудно вознаграждала затраты и хлопоты помѣщика, въ рукахъ крестьянина приноситъ большія выгоды. И не мудрено, онъ самъ работаетъ больше всѣхъ и зорко умѣетъ присмотрѣть за своими рабочими, чтобы они не лѣнились; жена его въ то же время откармливаетъ быковъ, разводитъ коровъ, сберегаетъ молочные скопы; дочери собираютъ ягоды и цвѣты, и все это отсылаютъ на рынки. Если удастся крестьянину, трудами всей семьи, купить землю, которую онъ обработываетъ, онъ еще удвоиваетъ свой трудъ, страстно привязывается къ ней: ухаживаетъ за нею, холитъ, любитъ ее всѣмъ сердцемъ, какъ предметъ одушевленный, не допиваетъ и не доѣдаетъ, рвется на работу и всѣхъ заставляетъ работать вокругъ себя.

Землевладѣлецъ нерѣдко самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатируетъ свего арендатора. Это происходитъ оттого, что число фермъ, которыя желаютъ сдать за из-

вѣстную арендную плату, гораздо меньше числа желающихъ сдѣлаться фермерами на такихъ условіяхъ. Поэтому землевладѣлецъ никогда не боится, что его ферма останется незанятою, и обращается съ арендаторомъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Несчастный крестьянинъ принимается часто за арендуемую имъ ферму самымъ основательнымъ образомъ; онъ тщательно обработываетъ землю, для улучшенія ея затрачиваетъ свой капиталъ, разводитъ деревья, разбиваетъ садъ, увеличиваетъ число виноградниковъ, садитъ маслины и въ такихъ случаяхъ онъ едва - едва можетъ просуществовать самъ и уплатить въ срокъ арендную плату. Всю свою надежду онъ возлагаетъ на землевладѣльца, который, увидѣвъ затраты арендатора, улучшенія и заботы о землѣ, пойметъ свою выгоду и отдастъ ферму на тѣхъ же условіяхъ тому же самому арендатору. Но очень часто мечты фермера не сбываются, и, когда кончается срокъ аренды, то землевладѣлецъ объявляетъ ему, что если онъ снова хочетъ взять его ферму, то долженъ теперь платить ему вдвое болѣе. Въ такихъ случаяхъ, разумѣется, арендатору не скоро придется купить себѣ страстно желаемый, небольшой участокъ земли. Крестьяне побѣднѣе, обработавъ свой участокъ, успѣваютъ наняться на поденную работу у болѣе зажиточныхъ землевладѣльцевъ. Взрослые сыновья небогатаго крестьянина идутъ въ батраки. Они собираются обыкновенно въ Ивановъ день въ сосѣднее село, на приходскій праздникъ. Въ огромной, пестрой толпѣ собравшагося на праздникъ люда тотчасъ отличишь женщину или мужчину, желающихъ наняться на работу: у каждаго изъ нихъ въ рукахъ или на шляпѣ огромная зеленая вѣтка. Между народомъ расхаживаютъ и землевладѣльцы, рѣшившіе взять къ себѣ въ домъ работника. Они зорко наблюдаютъ здѣсь за будущими работниками и не тотчасъ остановятъ того, кто первый подвернется съ зеленою вѣткою: они высматриваютъ себѣ рослаго, здороваго парня, боязливо поглядывающаго въ сторону. «Такой, думаетъ зажиточный крестьянинъ, во всемъ уважитъ хозяина. А вонъ отъ того Боже избави, больно смѣло расхаживаетъ, спуску не дастъ».

Если нанимаютъ батрака на годъ, ему даютъ 200, много 250 франковъ въ годъ; батрачкѣ поменьше отъ 100 до 150 франковъ. Нанятый батракъ бросаетъ на землю вѣтку и слѣдуетъ за своимъ новымъ хозяиномъ. Въ его домѣ для пришельца сразу начинается очень тяжелая жизнь. Французскій крестьянинъ землевладѣлецъ, если только его участокъ больше участка его сосѣда, добылъ лишній клочекъ земли необыкновенно усидчивымъ трудомъ и потому онъ страшно требователенъ къ своему батраку. Всякій сантимъ онъ долженъ будетъ выплачивать хозяину кровью и потомъ. Тѣмъ не менѣе обращеніе съ нимъ хозяина, хотя и очень суровое, но одинаково ровное, какъ съ остальными членами своей семьи. Работникъ обѣдаетъ вмѣстѣ съ нимъ и съ его семействомъ за однимъ столомъ, но это дѣлается, какъ кажется, не изъ простоты и равенства, а изъ разсчета. Хозяинъ самъ первый встаетъ изъ за стола и въ ту же минуту батракъ долженъ слѣдовать за нимъ и такимъ образомъ онъ не потеряетъ ни минуты на болтовню. Хозяинъ готовъ умереть на работѣ, а по принятому обычаю великій стыдъ батраку отставать отъ хозяина.

Образованіе и воспитаніе.—Народныя школы.—Вліяніе духовенства.—Отношеніе духовныхъ педагоговъ и «сестеръ» къ дѣтямъ.—Почему тѣмъ и другимъ такъ легко сходили съ рукъ ихъ звѣрства.—Домашнее воспитаніе.—Обученіе и казарменное воспитаніе въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. — Неумѣренная раздача наградъ и самыхъ разнообразныхъ поощреній имѣютъ пагубное вліяніе на весь складъ характера француза.—Конкурсы.—Страсть къ орденамъ.—Высшія учебныя заведенія.—Жизнь провинціальныхъ и парижскихъ студентовъ.

Народное образованіе во Франціи всегда было одним изъ ея самыхъ больныхъ мѣстъ. Трудно представить себѣ, что въ этомъ первостепенномъ государствѣ, давшемъ міру столько блестящихъ именъ по всѣмъ отраслямъ знанія, литературы и искуства, съ либеральными формами правленія, въ государствѣ, сдѣлавшемъ столько революцій, изъ которыхъ каждая выдвигала впередъ и ставила міру столько жгучихъ вопросовъ,—такая плохая организація школьнаго дѣла, такое страшное невѣжество народа, и жалкое, унизительное положеніе учителя. «Вы имѣете suffrage universel, а ваши избиратели не умѣютъ читать», сказалъ одинъ прусскій полковникъ въ послѣднюю войну французу и имѣлъ на это полное основаніе.

До 1815 года ни одно французское правительство не заботилось о народномъ образованіи. Во время Наполеона I-го число школъ было увеличено, но это было сдѣлано не изъ искренняго желанія помочь народу, а изъ политическихъ видовъ.

Во время реставраціи не болѣе заботились о судьбѣ школъ, но за то въ это время сдѣлано было множество распоряженій о еще большемъ ихъ подчиненіи. Къ прежнему подчиненію преподавателя префектамъ, подпрефектамъ и мэрамъ присоединилась еще зависимость ихъ отъ священника и многихъ другихъ личностей. Къ тому же желающій получить должность учителя долженъ былъ представить цѣлый рядъ оффиціальныхъ бумагъ, которыя бы свидѣтельствовали, что онъ имѣетъ право искать учительскаго мѣста. Мало того, ему оффиціально предписывалось очень многое искажать въ своемъ преподаваніи: учителя должны были говорить ученикамъ, что Людовикъ XVI умеръ мирно въ своемъ дворцѣ и всю исторію въ этомъ родѣ. Всѣ эти обстоятельства, наконецъ совершенный недостатокъ средствъ для школы и жалкое вознагражденіе, получаемое учителями, заставляли искать учительскихъ мѣстъ только тѣхъ людей, которые никуда больше не могли себя пристроить. Такое положеніе дѣлъ не безпокоило правительства, напротивъ оно само старалось уменьшать число свѣтскихъ учителей. Всѣ его симпатіи лежали къ учителямъ изъ духовнаго званія и оно употребляло всѣ мѣры, чтобы мало по малу все образованіе перешло въ руки духовныхъ братствъ. Къ этому побуждали его и экономическіе разсчеты. Подъ вліяніемъ іезуитовъ множество лицъ распространяло мысль, что духовенство будетъ обучать юношество не изъ корыстолюбія, а станетъ смотрѣть на это, какъ на богоугодное дѣло. Такимъ образомъ духовенство мало по малу захватило въ свои руки какъ народныя школы, такъ и средне-учебныя заведенія и имѣло въ нихъ первенствующее значеніе и огромное вліяніе до самаго послѣдняго времени, а именно до 1880 года. Вліяніе духовенства на образованіе и воспитаніе французскаго юношества было самое тлѣтворное и гибельно отозвалось не только на нравственномъ, но и на физическомъ его развитіи. Когда какимъ нибудь образомъ становилось извѣстнымъ то или другое возмутительное истязаніе, совершенное надъ ребенкомъ духовнымъ педагогомъ, судебное вѣдомство дѣлало все, чтобы спрятать концы въ воду: оно всѣми силами выгораживало духовныхъ воспитателей, когда имъ приходилось являться на скамьѣ подсудимыхъ за свое жестокое обращеніе съ дѣтьми. Съ одной стороны, старинныя традиціи французскихъ парламентовъ, съ другой—духъ наполеоновскаго кодекса,

дѣлаетъ изъ французскаго юриста крайне тупаго педанта и формалиста, пропитаннаго предразсудками и самыми нелѣпыми понятіями о достоинствѣ и обязанностяхъ своего званія. Современное республиканское правленіе Франціи не могло еще, конечно, переродить этихъ представителей судебной власти, тѣмъ болѣе, что, при несмѣняемости судей, они независимы отъ палаты и ея министровъ. Впрочемъ французская юстиція не только старалась выгородить духовенство по проступкамъ педагогическаго свойства, но и всегда во всемъ держало ихъ сторону. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ, 1878 годъ, случившійся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Въ Кастрѣ, по смерти одной богатой женщины, оставившей послѣ себя законной наслѣдницею свою племянницу, жившую у нея въ домѣ, нѣкій аббатъ Піо явился съ купчей крѣпостью въ рукахъ выгонять наслѣдницу изъ дома, утверждая, что покойница продала ему все свое имѣніе. Началась гражданская тяжба, въ которой было доказано, что продажи никогда не было и что купчая была сдѣлана мошеннически. По безграмотности вдовы, аббатъ, какъ это было доказано на судѣ, предложилъ ей написать письмо отсутствующей племянницѣ, но, вмѣсто письма, подсунулъ для подписи старухѣ готовую купчую. Гражданскій судъ рѣшилъ тяжбу въ пользу наслѣдницы, призналъ купчую недѣйствительной и вымаменной плутовствомъ и присудилъ аббата къ 5000 фр. штрафа, а о поступкѣ его рѣшилъ сообщить прокурору. Послѣдній долженъ былъ преслѣдовать его по обвиненію въ воровствѣ и мошенничествѣ, однако дѣло, ставшее уже гласнымъ и извѣстнымъ всей читающей публикѣ, было замято, и аббата больше никто не тревожилъ. Если опубликованное и всѣмъ извѣстное дѣло можно было замять и не дать ему дальнѣйшаго хода, то можно себѣ представить, сколько мошенническихъ продѣлокъ, не менѣе гласныхъ, сходило съ рукъ французскому духовенству. Если такимъ образомъ французская юстиція смотритъ сквозь пальцы на продѣлки духовныхъ лицъ въ дѣлахъ чисто уголовныхъ, то тѣмъ болѣе снисходительною является она къ нимъ въ дѣлахъ исключительныхъ, гдѣ приговоръ поразилъ бы не отдѣльную личность, а цѣлую систему.

Таковы проступки, совершаемые духовными лицами въ качествѣ воспитателей въ различныхъ школахъ. Между тѣмъ во Франціи духовенство, какъ мы упоминали выше, имѣло до 1880 года преобладающее значеніе въ школахъ, девять десятыхъ которыхъ находились прямо или косвенно подъ его руководствомъ. Мѣста учителей, директоровъ, надзирателей были заняты или духовными лицами, или свѣтскими, но назначенными по рекомендаціи мѣстнаго духовенства. Школьный учитель, имѣвшій несчастье навлечь на себя хотя тѣнь неудовольствія одного изъ духовныхъ лицъ, могъ быть вполнѣ увѣренъ, что онъ не долго удержится на своемъ мѣстѣ. Въ одной мѣстности свѣтскаго учителя смѣняютъ за то, что тотъ позволилъ ученику съ полчаса заняться урокомъ, вмѣсто того, чтобы тотчасъ послать его къ кюрэ, требовавшаго ученика для прислуживанія у него за званымъ обѣдомъ; здѣсь выгоняютъ учителя, отказавшагося примѣнить къ ученику самое варварское наказаніе назначенное духовнымъ лицомъ.

Всякій скандалъ, учиненный духовнымъ лицомъ въ школѣ, укрываютъ тѣмъ тщательнѣе, чѣмъ болѣе въ яркомъ свѣтѣ рисуетъ онъ всю систему клерикальнаго воспитанія, а слѣдовательно и даетъ сильное оружіе противникамъ его. Если духовное лицо совершитъ убійство,—это дѣло частное, которое еще не кладетъ пятна позора на все сословіе, но если онъ совершаетъ звѣрство надъ ребенкомъ, которое извѣстно всей школѣ, то тутъ уже болѣе отвѣтственной является вся педагогическая система духовныхъ лицъ во Франціи, и судебное вѣдомство употребляетъ все зависящее отъ него, чтобы замять это дѣло. Не проходитъ дня, чтобы въ нѣсколькихъ газетахъ не былъ описанъ какой нибудь безобразный поступокъ духовнаго лица въ школѣ. Вотъ факты:

Въ Нанси, одна монахиня, завѣдывавшая женскою школою и сама преподавав-

шая въ ней, за что-то разсердилась на семилѣтнюю дѣвочку, въ наказаніе посадила ее на раскаленную желѣзную печку и собственными руками держала на ней ребенка до тѣхъ поръ, пока у той не показались страшныя раны отъ обжоговъ. Мѣстныя газеты довели объ этомъ до свѣдѣнія парижскихъ, которыя подняли такой шумъ, что не было возможности замять дѣло; монахиня была привлечена къ суду. Эксперты осмотрѣли пострадавшую; нашли раны довольно легкими, и при этомъ судъ не обратилъ вниманія даже на то обстоятельство, что со времени происшествія уже прошло два мѣсяца и что не смотря на это, слѣды все-таки еще оставались. Едва смолкло это дѣло, какъ обнаружилось другое: въ женской школѣ въ Лиллѣ учительница-монахиня, увидавъ, что одна дѣвочка поцѣловала въ школѣ другую, раскалила въ печкѣ желѣзную лопатку для углей и велѣла виновной поцѣловать ее, а такъ какъ та пятилась, то она прижала ей лопатку къ лицу, такъ что сильно обожгла губы, носъ и лобъ. Когда это дѣло газеты довели до всеобщаго свѣдѣнія, то этой монахини не оказалось уже ни въ школѣ, ни въ конгрегаціи департамента Сѣвера. Она исчезла безслѣдно, конечно, переѣхавъ въ другую конгрегацію, гдѣ нибудь на югѣ, чтобы продолжать свои педагогическіе подвиги. Надо замѣтить, что монашествующія лица, называясь вымышленными именами, которыя притомъ могутъ перемѣнять, и пользуясь покровительствомъ безчисленныхъ всюду разсѣянныхъ конгрегацій, могутъ чрезвычайно легко укрываться отъ преслѣдованія. Юстиція будетъ искать въ департаментѣ Сѣвера какую нибудь сестру St. Paphnuce, а въ это время она переходитъ въ какую нибудь другую школу, совсѣмъ въ другомъ департаментѣ, подъ именемъ сестры St. Pancrace.

Въ томъ же мѣсяцѣ, въ департаментѣ Мены и Луары, родители одной восьмилѣтней дѣвочки, воспитывавшейся у монахини мѣстечка Прюнье, близь Анже, узнаютъ отъ сосѣдей монастыря о жестокомъ обращеніи сестеръ съ ихъ дочерью. Разсказывали такія ужасныя вещи, что родители, хотя люди вполнѣ преданные церкви и ея представителямъ, рѣшились отправиться въ монастырь за дочерью и взяли ее домой. Когда дома раздѣли дѣвочку, она была вся покрыта сыпью, которая, по свидѣтельству докторовъ, могла явиться не иначе, какъ отъ продолжительнаго и частаго сѣченія дѣвочки простою крапивою. Стали наводить справки: оказалось, что ребенка сѣкли въ продолженіи полутора мѣсяца почти всякій день крапивой по всему тѣлу и по лицу, заставляли проводить ночи на голомъ каменномъ полу безъ рубашки, запирали въ темную комнату, связывали по рукамъ и по ногамъ, надѣвали ей намордникъ изъ опасенія, чтобы сосѣди не услышали ея криковъ, и наконецъ (до чего доходила монашеская педагогическая изобрѣтательность!) заставляли ребенка ѣсть супъ, разбавленный его собственной мочей.

Въ Оклюзъ, въ Сентъ-Сесиль, одинъ наставникъ указалъ кюрэ въ церкви на одного мальчика, сказавъ: «вотъ республиканецъ!» Кюрэ въ туже минуту, тутъ же въ церкви сталъ колотить мальчика и трясъ его за ухо до тѣхъ поръ, пока не надорвалъ ему уха.

Мы написали бы томы, если бы имѣли цѣлью перечислить всѣ жестокости, совершаемыя духовенствомъ въ школѣ и церкви даже за какой нибудь годъ, но мы выбрали только нѣсколько фактовъ, надѣлавшихъ наиболѣе шуму въ продолженіи двухъ съ небольшимъ мѣсяцевъ за апрѣль и май 1878 года.

Прежде чѣмъ говорить о среднеучебныхъ заведеніяхъ, скажемъ нѣсколько словъ о ребенкѣ съ первыхъ дней его рожденія. Въ нашихъ очеркахъ о Нормандіи мы уже упоминали о томъ, что французская мать, кромѣ женщинъ рабочаго сословія, рѣдко кормитъ грудью свое дитя: она слишкомъ любитъ удовольствія и разсѣянную жизнь, а грудной ребенокъ сразу заставилъ бы ее измѣнить весь режимъ ея жизни. Въ семей-

ствахъ людей очень богатыхъ къ новорожденному берутъ въ домъ кормилицу; тѣ, кому не позволяетъ это квартира или другія обстоятельства, отдаютъ своихъ дѣтей въ крестьянскія семейства въ разныя провинціи Франціи. Чаще другихъ нормандскія крестьянки берутся выкармливать своею грудью парижскихъ дѣтей. Дѣти проводятъ въ крестьянскихъ семьяхъ до двухъ и до четырехъ лѣтъ. Ребенка, который прожилъ три, четыре года въ простой мужицкой средѣ, привозятъ въ Парижъ, въ домъ родителей, которые первые дни сильно забавляются надъ малюткой: онъ таращитъ глазенки на зеркала, люстры и другіе предметы роскоши, которые онъ до тѣхъ поръ никогда не видалъ. Да и какже не забавляться матери ребенкомъ. Ни страстной привязанности, ни особенной любви она не можетъ питать къ нему, такъ какъ совсѣмъ не жила съ нимъ, не привыкла къ нему. Поэтому и въ слѣдующіе за этимъ годы она не умѣетъ войти въ его жизнь, вникнуть въ потребности дѣтской натуры и начинаетъ его развлекать, наряжать, показывать ему массу предметовъ. У ребенка кружится голова отъ множества развлеченій. Одна прогулка по Парижу и по Елисейскимъ Полямъ представляетъ къ этому достаточно случаевъ. Такимъ образомъ вся жизнь ребенка идетъ скачками, изъ одной крайности въ другую. Послѣ однообразной деревенской жизни, онъ прямо попалъ въ блестящую домашнюю обстановку: половину дня онъ проводитъ въ томъ, что бѣгаетъ въ Булонскомъ лѣсу или въ Елисейскихъ Поляхъ, вечеромъ его ведутъ въ циркъ, въ театръ маріонетокъ, показываютъ фокусы. Послѣ 6-ти лѣтъ уличной парижской жизни, полной развлеченій, мальчика отдаютъ въ одно изъ среднеучебныхъ заведеній — въ закрытое заведеніе, которое напоминаетъ собою въ одно и то же время тюрьму, монастырь и казарму. Обученіе и воспитаніе въ среднеучебныхъ заведеніяхъ также печально, какъ и въ народныхъ школахъ. Среднее образованіе дается въ публичныхъ и вольныхъ или частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Публичныя заведенія: лицеи (lycées) и общинные коллежи (collèges communaux) все заведенія закрытыя. Воспитаніе въ нихъ продолжается 10 лѣтъ: годъ въ начальномъ классѣ (élémentaire), два въ приготовительномъ (classe préparatoire élémentaire или cours d'enseignement primaire), три въ грамматическомъ и четыре въ высшемъ, гдѣ изучаютъ словесность (les lettres) и науки физико-математическія (sciences). Все преподаваніе основано здѣсь на чисто-механическомъ зазубриваньи, и молодые люди выходятъ изъ этихъ заведеній крайне невѣжественными. Этому не мало способствуетъ казарменная жизнь въ этихъ закрытыхъ заведеніяхъ.

Ворота въ этихъ заведеніяхъ всегда на запорѣ и могутъ быть отперты лишь съ разрѣшенія директора. Въ нихъ вы найдете и большіе дворы, и садъ, и лужайки для игръ, но никогда не увидите бѣгающихъ, веселящихся дѣтей. Всѣ среднеучебныя заведенія—закрытыя и только очень немногія изъ нихъ допускаютъ въ свои стѣны приходящихъ учениковъ.

Воспитанники ихъ не проводятъ и часа безъ надзирателя: они спятъ, ѣдятъ, учатъ уроки, отвѣчаютъ ихъ, все въ его присутствіи. Впродолженіи недѣли мальчикъ никуда не выходитъ изъ заведенія, и только въ воскресенье, послѣ обѣда, онъ можетъ отправиться къ родителямъ или воспитателямъ, если они у него есть въ городѣ; если нѣтъ,—онъ остается въ заведеніи весь учебный сезонъ, и только на каникулярное время, которое здѣсь продолжается очень недолго, отправляется въ родительскій домъ. Питаніе мальчиковъ очень недостаточное: мясо совершенно вываренное и въ самомъ ничтожномъ количествѣ, затѣмъ хлѣбъ и красное вино. На физическія упражненія дѣтей обращаютъ очень мало вниманія, и гимнастику начали вводить только послѣ послѣдней франко-прусской войны. Вслѣдствіе этого цвѣтущее личико мальчика, послѣ вступленія въ заведеніе, уже черезъ годъ дѣлается неузнаваемымъ: онъ обыкновенно стра-

даетъ малокровіемъ, дѣлается совсѣмъ вялымъ, во всей фигурѣ сказывается какое то утомленіе. Отношеніе воспитанника къ надзирателю, «pion», какъ его здѣсь называютъ, самое неподобающее. Каждый ученикъ презираетъ его, ненавидитъ и смѣется надъ нимъ. Надзирателями этими дѣлаются чаще всего врачи, адвокаты и инженеры, неимѣющіе практики и средствъ къ жизни, неудачники, которые брались за разныя занятія, но которымъ ничего не удалось. Положеніе надзирателя самое унизительное: ему даютъ постель въ спальнѣ съ воспитанниками, мѣсто за общимъ столомъ и самое ничтожное вознагражденіе за трудъ. Онъ долженъ наблюдать, чтобы каждый воспитанникъ былъ хорошо причесанъ, присмотрѣть за его работами, однимъ словомъ быть при немъ безотлучно. Онъ не имѣетъ права ни приказывать, ни наказывать учениковъ и пользуется правомъ только доносить на нихъ высшему начальству. Вслѣдствіе этого возникаютъ самыя неправильныя отношенія между нимъ и учениками.

Возвратившись лѣтомъ на нѣсколько вакаціонныхъ недѣль домой, мальчикъ отвыкъ отъ родителей, чувствуетъ себя и здѣсь чужимъ, какъ и въ своемъ закрытомъ заведеніи. И это понятно: впродолженіи всего года онъ не только не видалъ родителей, но и не могъ переписываться такъ, какъ это подсказывало ему сердце: его письма къ родителямъ и обратно идутъ черезъ руки начальства, и онъ уже въ первый годъ свыкается съ оффиціальными отношеніями къ своимъ родителямъ, которымъ пишетъ оффиціальныя поздравленія съ праздниками и извѣщенія о своемъ здоровьи.

Но самое пагубное вліяніе на весь складъ характера и жизнь юноши имѣютъ въ этихъ заведеніяхъ награды и поощренія, которыя практикуются во Франціи въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Изъ нихъ прежде всего назовемъ «конкурсы». Каждый годъ различные парижскіе лицеи и частные пансіоны посылаютъ лучшихъ учениковъ въ Сорбонну. Тамъ они пишутъ сочиненія, и за лучшія изъ нихъ выдаютъ награды на торжественномъ актѣ, который обыкновенно начинается латинской рѣчью, сочиненною профессоромъ риторики. То учебное заведеніе, на долю котораго выпало больше наградъ на конкурсѣ, съ слѣдующаго же года пріобрѣтаетъ больше воспитанниковъ. Поэтому конкурсы развиваютъ духъ, соревнованія и честолюбія въ ученикахъ и еще гораздо больше въ начальникахъ заведеній: для однихъ изъ нихъ конкурсъ—надежда на славу, для другихъ—денежный вопросъ. Это не было бы еще особенно дурно, если бы для достиженія этихъ наградъ не пренебрегали всею массою учениковъ, занимаясь исключительно тѣми, которые подаютъ надежду быть увѣнчанными рукою самаго министра, при звукахъ музыки, въ большой залѣ Сорбонны. Въ классѣ, состоящемъ обыкновенно изъ 50 учениковъ, преподаватель внимательно занимается только съ семью или восемью, которые имѣютъ шансы одержать побѣду на торжественныхъ состязаніяхъ. «Идти на конкурсъ»,—эту фразу вы постоянно слышите изъ устъ педагоговъ средне-учебныхъ заведеній. Вся масса учениковъ, которые не подаютъ лестныхъ надеждъ, проводитъ время, какъ ей заблагоразсудится, лишь бы она строго исполняла всѣ предписанія заведенія: въ назначенный часъ и минуту была въ залѣ, въ корридорѣ, въ классѣ, въ постели. Большая часть изъ нихъ обыкновенно занята чтеніемъ самыхъ пошлыхъ романовъ.

Для начальниковъ частныхъ пансіоновъ полученіе наградъ на конкурсахъ еще важнѣе и они еще болѣе, чѣмъ въ лицеяхъ, все приносятъ этому въ жертву. Для этой цѣли они по окончаніи конкурса печатаютъ статьи въ газетахъ, въ которыхъ перечисляютъ всѣ побѣды, одержанныя ихъ воспитанниками. Мало того, многіе изъ нихъ путешествуютъ даже по провинціямъ и набираютъ тамъ воспитанниковъ, которые показались имъ способными, но родители которыхъ не на столько богаты, чтобы платить за ихъ воспитаніе. Этихъ воспитанниковъ принимаютъ, обучаютъ даромъ, а они потомъ

отплачиваютъ наградами на конкурсахъ. Трудно представить себѣ, какую тяжелую жизнь ведутъ здѣсь эти юноши, получающіе даровое воспитаніе. За каждую прогулку, за каждое развлеченіе въ свободное для всѣхъ время ихъ упрекаютъ благодѣяніемъ, которое имъ оказываетъ заведеніе. Однажды одинъ изъ этихъ несчастныхъ сталъ сильно проситься на праздникъ домой: «Какъ! конкурсъ приближается, а вы не учитесь: вы не умѣете цѣнить всѣхъ жертвъ, которыя приноситъ для васъ заведеніе». За то есть люди, которые умѣютъ пользоваться честолюбіемъ и жадностью этихъ начальниковъ. Одна небогатая, но ловкая женщина помѣстила въ такое заведеніе своего сына. Ребенокъ уже въ первые годы получилъ три награды на конкурсѣ. Тогда мать стала говорить директору, что ей необходимо перевести его въ другое заведеніе и такъ отлично разыграла свою роль, что директоръ согласился платить ей въ годъ по 1200 франковъ, лишь бы она не брала своего сына.

Столько же приноситъ вреда и неумѣренная раздача наградъ. Парадныя залы лицея и школъ дѣлаются ежегодно въ іюлѣ театромъ торжественныхъ церемоній, во время которыхъ раздаютъ награды лучшимъ ученикамъ. Днемъ, назначеннымъ для раздачи наградъ, заняты всѣ, начиная съ министра и кончая консьержами тѣхъ домовъ, въ которыхъ живетъ удостоившаяся награды учащаяся молодежь. Раздачу наградъ устраиваютъ съ необыкновеннымъ торжествомъ, эффектомъ, разглагольствованіемъ и пышностію, на что такъ падки всѣ французы. «На эстрадѣ стоитъ массивный столъ, за которымъ сидятъ всѣ профессора учебнаго заведенія, въ парадныхъ мундирахъ и форменныхъ треугольныхъ университетскихъ шляпахъ. Городскіе солдаты тоже въ парадной формѣ стоятъ по бокамъ эстрады, а въ углу залы помѣщенъ оркестръ. На стѣнѣ, позади мѣста, занимаемаго директоромъ, устроенъ изъ флаговъ національныхъ цвѣтовъ гербъ Франціи. Вся глубина залы наполнена разодѣтою публикою и учениками. Торжество открывается скучною рѣчью одного изъ профессоровъ, сказанною преимущественно на латинскомъ языкѣ; потомъ, по очереди, начинается вызовъ учениковъ, удостоившихся награды. Швейцаръ, разодѣтый какъ придворный кавалеръ временъ Людовика XV, идетъ къ мальчику, имя котораго произнесено, и подводитъ его къ эстрадѣ. Тутъ директоръ обнимаетъ ученика, цѣлуетъ его въ обѣ щеки, вручаетъ ему награду, состоящую по большей части изъ книгъ, и надѣваетъ ему на голову бумажный лавровый вѣнокъ. Въ эту самую минуту духовые инструменты играютъ тушъ, публика встаетъ съ своихъ мѣстъ и восторженно рукоплещетъ, а самъ, столь шумно чествуемый мальчикъ, посреди лестныхъ отзывовъ и сердечныхъ привѣтствій, по прежнему предшествуемый швейцаромъ, возвращается на свое мѣсто, съ пылающими щеками, нерѣдко даже со слезами на глазахъ. Подобная сцена продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ бумажные лавровые вѣнки и книжныя преміи не будутъ розданы по назначенію. Но этимъ еще не исчерпывается программа чествованія и отличій: на другой день имена награжденныхъ публикуются во всѣхъ газетахъ, а въ одинъ изъ вечеровъ министръ просвѣщенія устраиваетъ большой банкетъ, на который, какъ почетные гости, приглашаются всѣ увѣнчанные и награжденные. «Въ этихъ школьныхъ поощреніяхъ все разсчитано такъ, что мальчикъ, хотя одинъ разъ попавшій на такую церемонію, будетъ всю жизнь мечтать сдѣлаться героемъ подобнаго торжества. И французскія дѣти, вслѣдствіе этого, учатся не потому, чтобы ихъ интересовалъ предметъ, а исключительно для того, чтобы добиться награды. Къ награжденному и товарищи относятся съ уваженіемъ, а къ тому, память котораго (а тутъ добиться награды можетъ только мальчикъ, одаренный большою памятью) не дала возможности добиться ея,—съ полнѣйшимъ презрѣніемъ, какъ бы ни были очевидны его достоинства и умъ.

Система наградъ и поощреній поддерживается государствомъ и проходитъ по всей

жизни француза отъ самаго ранняго дѣтства до самой смерти. Въ школѣ ребенка награждаютъ не только по окончаніи учебнаго сезона; но если онъ исполняетъ свою обязанность, и имъ особенно доволенъ учитель, онъ получаетъ знакъ отличія—крестъ или звѣзду изъ жести на красной, голубой или фіолетовой ленточкѣ. Мальчикъ имѣетъ право носить на груди въ теченіи полугода этотъ знакъ отличія. Медика за хорошую службу въ госпиталѣ, художника—тоже ждутъ награды: золотая, серебряная или бронзовая медаль; учитель, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ исполнявшій свою обязанность, получаетъ почетный титулъ и серебряную пряжку; человѣкъ, вытаскивающій изъ воды утопленника или спасающій отъ пожара, проситъ присутствующихъ зрителей сообщить ему свои адресы, чтобы имѣть свидѣтелей, когда онъ будетъ хлопотать о выдачѣ ему назначаемой отъ государства медали за спасеніе погибающихъ. Если сынъ уплачиваетъ долги обанкрутившагося отца, государство непремѣнно опубликуетъ его поступокъ въ правительственныхъ органахъ съ подобающими похвалами. Тутъ всѣ, писатель, ученый, изобрѣтатель не только ждутъ похвалъ и поощреній отъ публики, но и отъ высшихъ властей, отъ академіи, которая ежегодно распредѣляетъ по нѣсколько премій. Самою высшею наградою здѣсь считается орденъ почетнаго легіона на красной ленточкѣ; этотъ орденъ даютъ каждому, выдѣляющемуся изъ общаго уровня.

На другой день, послѣ громкаго успѣха какой-нибудь театральной пьесы, геройскаго подвига, выдающейся картины, вся публика до такой степени прокричитъ имя прославившагося, что не найдется ни одного французскаго министра, который, по первому заявленію націи, не поспѣшилъ бы представить правительству на утвержденіе декрета о награжденіи подобной личности орденомъ почетнаго легіона. Поэтому-то во Франціи каждый офицеръ, каждый судья, фабрикантъ, профессоръ, коннозаводчикъ, однимъ словомъ всякій, успѣшно исполняющій свои обязанности, на какомъ бы то ни было поприщѣ, въ концѣ концовъ добивается полученія этого ордена. Въ настоящее время у 75,000 французовъ существуютъ эти ордена. Но возвратимся къ обученію юношества. Когда для юношей, обращавшихъ на себя мало вниманія своихъ преподавателей, наступаетъ пора покончить занятія, они выучиваютъ наизустъ руководство для экзамена на степень *баккалавра*. Подобный экзаменъ выдержать не трудно, благодаря жалкой программѣ: нѣсколько латинскихъ и греческихъ отрывковъ наизустъ, нѣсколько французскихъ авторовъ, а именно: Корнеля, Буало, Расина, Лафонтена и Мольера, нѣсколько отрывковъ изъ философіи, исторіи и географіи, кое-что изъ математики. Трудно себѣ представить, какой вздоръ говорятъ молодые люди, когда экзаменатору вздумается остановить кого нибудь изъ нихъ и испытать, имѣетъ ли какое нибудь понятіе экзаменующійся о томъ, что онъ отвѣчаетъ. Ко всему сказанному необходимо прибавить, что во всѣхъ этихъ заведеніяхъ совершенно пренебрегаютъ новыми языками и изучаютъ древніе чисто схоластически.

Университетъ имѣетъ во Франціи совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ у насъ или въ Германіи. У насъ и у нѣмцевъ университетъ есть высшее учебное и образовательное заведеніе, рѣзко отдѣленное отъ среднихъ и низшихъ и состоящее изъ нѣсколькихъ факультетовъ. Во Франціи университетъ есть совокупность всѣхъ учебныхъ заведеній, соединенныхъ въ одну систему, подвѣдомственныхъ одному управленію. Всѣ заведенія, входящія въ составъ университета, раздѣлены на три степени: на начальныя учебныя заведенія, на среднія и на высшія.

Высшія учебныя заведенія, принадлежащія къ составу французскаго университета: факультеты и высшія фармацевтическія школы. Во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе публичное. Каждый можетъ, не спрашивая ни у кого позволенія, слушать лекціи, какія хочетъ и сколько ему угодно. Честолюбіе и желаніе выказать

себя, которымъ особенно отличаются французскіе профессора, заставляетъ ихъ избирать самыя неподходящія для науки средства, чтобы занять эту разнохарактерную толпу, изъ которой часто половина является въ первый разъ. Вотъ пускаются въ ходъ анекдоты, подходящіе къ направленію и интересамъ минуты, громкія, красивыя фразы и общія мѣста. Замѣчено, что въ аудиторіи тѣмъ больше публики, чѣмъ хуже стоитъ погода,—тогда множество народа забѣгаетъ сюда укрыться отъ дождя и вѣтра.

Факультетовъ во Франціи 51: 16 физико-математическихъ (des sciences), столько же словесныхъ (des lettres), 9 юридическихъ (de droit), 7 богословскихъ (de théologie) и наконецъ 3 медицинскихъ. Французскіе факультеты не соединены вмѣстѣ, какъ у насъ, а составляютъ каждый совершенно отдѣльное отъ прочихъ учебное заведеніе. Хотя въ Сорбоннѣ и три факультета, но ихъ связь состоитъ только въ томъ, что они помѣщаются въ одномъ зданіи. Высшее образованіе идетъ не лучше средняго. Тутъ прежде всего чувствуется страшный недостатокъ въ талантливыхъ профессорахъ, въ пособіяхъ и денежныхъ средствахъ. Поговоримъ прежде о пособіяхъ. Химическая лабораторія въ знаменитой Collège de France такъ мала, что всѣ студенты рѣшительно не могутъ присутствовать при опытахъ. Для хирургическихъ инструментовъ тоже нѣтъ мѣста и поэтому большая часть ихъ спрятана въ различныхъ ящикахъ. Практическое изученіе медицины имѣетъ здѣсь еще болѣе жалкій видъ; всюду страшная тѣснота и грязь. Въ анатомическомъ театрѣ трупы распространяютъ убійственную атмосферу, отравляющую весь кварталъ и вдыхаемую больными, лежащими въ сосѣднемъ госпиталѣ. Нѣсколько профессоровъ имѣютъ тамъ свои физіологическія лабораторіи, и можно себѣ представить, каково имъ тамъ заниматься.

Теперь поговоримъ о французскихъ студентахъ и прежде о провинціальныхъ. Провинціальные студенты, кромѣ нѣсколькихъ усидчивыхъ и трудолюбивыхъ изъ нихъ, которымъ для существованія приходится заниматься уроками, проводятъ большую часть своего времени въ кофейняхъ. Въ провинціальныхъ семьяхъ мало принимаютъ гостей, и товарищи, говорящіе другъ другу «ты» съ самаго дѣтства, не видятся нигдѣ, кромѣ кофеенъ. Поэтому кофейня служитъ студенту мѣстомъ сборищъ, тѣмъ болѣе, что большая часть ихъ никогда не занимается серьезно науками и чтеніемъ; но они никогда ни въ нихъ, ни дома не предаются особеннымъ кутежамъ: студенты приходятъ въ кофейню прежде всего чтобы поболтать, поиграть на билліардѣ, въ карты. Когда стоитъ хорошая лѣтняя погода, они высыпаютъ гурьбой къ дверямъ, размѣщаются на стульяхъ и глядятъ на прохожихъ. Надоѣло сидѣть, обойдутъ городъ, пройдутся взадъ и впередъ по бульвару, и опять въ кофейню. Въ провинціи, въ особенности на югѣ, очень развита страсть къ игрѣ въ карты: они играютъ въ разныя игры, рѣшаютъ посредствомъ картъ, кто изъ нихъ заплатитъ за выпитую бутылку краснаго вина или за съѣденное. Существуютъ также и клубы, которые чаще всего помѣщаются въ той-же кофейнѣ; но тогда члены клуба имѣютъ право занимать двѣ, три отдѣльныхъ залы. Тутъ идетъ также игра въ карты; тому, кто проиграется, гарсонъ даетъ взаймы, но, конечно, только тѣмъ изъ нихъ, у кого въ городѣ богатые родители. Постоянная игра въ карты и возможность брать въ долгъ на неопредѣленное время заставляютъ многихъ дѣлать большіе долги. Умственный уровень провинціальныхъ студентовъ очень низокъ: конечно попадаются серьезно занимающіеся молодые люди, но они составляютъ положительно рѣдкое исключеніе. Между провинціальными студентами не устраивается ни литературныхъ чтеній, ни философскихъ дебатовъ, не существуетъ даже интереса къ современнымъ событіямъ. Въ политикѣ они раздѣляютъ взгляды своихъ родственниковъ и поэтому между товарищами не происходитъ никакихъ пререканій.

Совсѣмъ другое представляютъ парижскіе студенты. Хотя и въ Парижѣ студенты

любятъ посѣщать кофейни, но они не проводятъ въ нихъ цѣлые дни, какъ въ провинціи. Можетъ быть это происходитъ потому, что въ столицѣ несравненно болѣе разнообразныхъ удовольствій, чѣмъ въ провинціи; какъ бы то ни было, парижскіе студенты гораздо живѣе и интеллигентнѣе провинціальныхъ: они менѣе играютъ въ карты, болѣе читаютъ и сильно интересуются политикой. Правда, они тоже мало работаютъ: врядъ-ли одна треть студентовъ аккуратно посѣщаетъ лекціи, тѣмъ не менѣе они во всѣхъ отношеніяхъ развитѣе провинціальныхъ: они читаютъ романы, газеты, книги, ходятъ въ театры, знакомы со всѣмъ, что происходитъ вокругъ. Конечно, разсѣянная жизнь, неумѣренное чтеніе легкихъ и часто только модныхъ вещей развиваетъ фразерство, къ чему такъ наклонна французская нація, но, не смотря на это, такая жизнь скорѣе даетъ возможность выработаться таланту, чѣмъ та, которую ведутъ провинціальные студенты. Впрочемъ парижскіе студенты всѣхъ временъ были самыми прогрессивными и стояли всегда въ о позиціи. «Въ послѣдніе семь лѣтъ, при каждомъ новомъ парламентскомъ потрясеніи, латинскій кварталъ, въ которомъ преимущественно живутъ студенты, волнуется, образуются группы на бульварахъ, и газеты переходятъ изъ рукъ въ руки, споры длятся до полуночи. У нихъ есть еще спеціальный способъ заявлять о своихъ республиканскихъ мнѣніяхъ. Они освистываютъ профессоровъ, замѣшанныхъ въ какой нибудь реакціонной мѣрѣ, и абсолютно не даютъ имъ читать лекціи, производя отчаянный шумъ.» И это понятно: живые, впечатлительные юноши всегда создаютъ себѣ несбыточные идеалы, грезятъ о счастіи меньшихъ братій, о прекращеніи нищеты, о равенствѣ и свободѣ; и едва-ли вырабатываются порядочные молодые люди изъ такихъ субъектовъ, которые никогда не грезили, никогда и въ молодости не создавали даже въ воображеніи идеаловъ свободы и справедливости.

235

Клавдия.